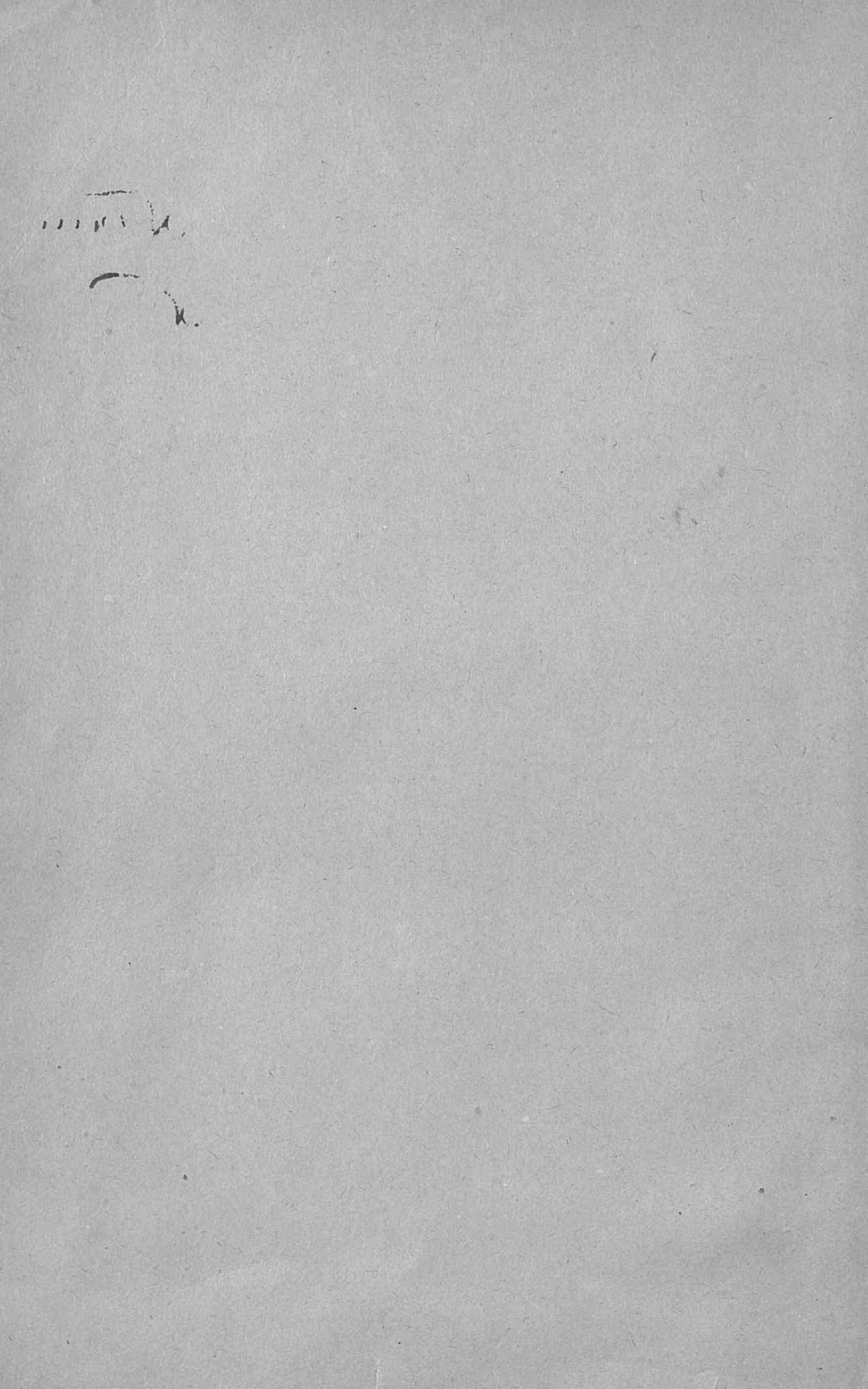

B51 —
121

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXIV.
Редактировалъ д. чл. А. Д. Рудневъ.

СБОРНИКЪ

въ честь семидесятилѣтія

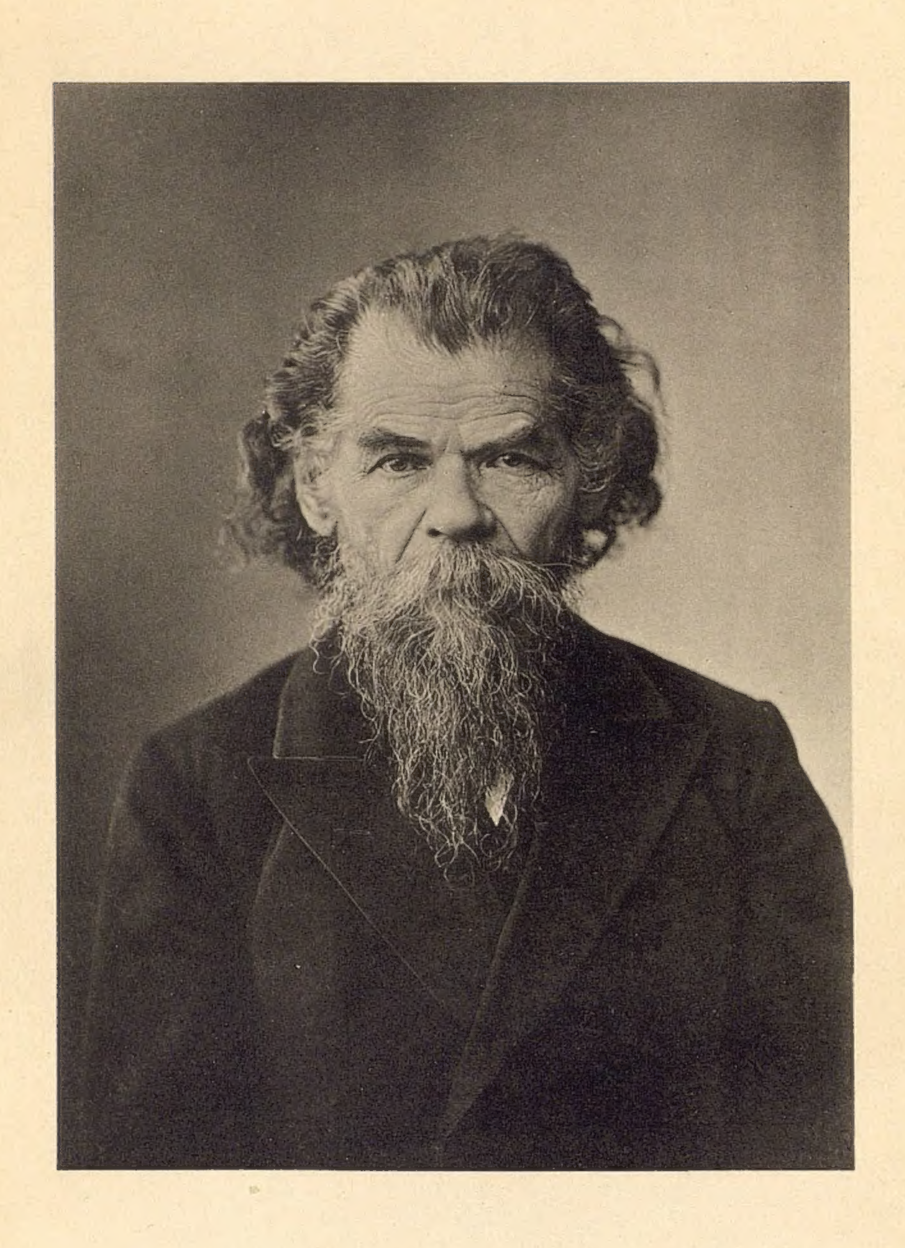
Григорія Николаевича

Потанина.

(Съ портретомъ, 7 отдѣльными таблицами, 5 рисунками въ текстѣ, нотами и картой).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1909.

Изъ Сборника въ честь 70-лѣтія
Гр. Н. Потанина.
(Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV).

Григор. Потанинъ

Отъ редактора.

День семидесятилѣтія со дня рожденія Григорія Николаевича Потанина (род. 21 янв. 1835 г.) прошолъ почти незамѣченнымъ. Помыслы всѣхъ тѣхъ культурныхъ силъ, которыя могли бы принять участіе въ этомъ праздникѣ, были въ то время отвлечены въ другую сторону и вотъ, только въ октябрѣ 1907 года, у небольшого кружка лицъ въ С.-Петербургѣ возникла мысль ознаменовать «день 70-ти-лѣтія со дня рожденія нашего маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника Григорія Николаевича Потанина, изданіемъ въ честь его сборника статей по живой старинѣ или по этнографіи».

Обращеніе было подписано В. И. Ламанскимъ (предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи), Ѳ. И. Щербатскимъ (секретаремъ отд. этн.), С. Ѳ. Ольденбургомъ, П. К. Козловымъ, Д. А. Клеменцомъ и А. Д. Рудневымъ, который и былъ утвержденъ редакторомъ Сборника, принятаго И. Р. Г. О. въ число Записокъ по отдѣленію этнографіи (томъ XXXIV).

На это обращеніе откликнулось очень много лицъ и, несмотря на ограниченіе размѣра статей (по возможности не болѣе 2 печатныхъ листовъ), Сборникъ разроссе, и многимъ пришлось отказать въ помѣщеніи ихъ статей.

Редакторъ считаетъ своимъ долгомъ поблагодарить всѣхъ авторовъ за облегченіе ему его работы многими указаніями и совѣтами, кромѣ того, В. В. Нордгейма, управляющаго типографіей Имп. Академіи Наукъ, за неоднократные совѣты и содѣйствіе въ затруднительныхъ случаяхъ, А. Н. Самойловича и С. Е. Малова за помощь по части корректуры нѣкоторыхъ статей и, наконецъ, Л. Ф. Пантелѣева, любезно предоставившаго для воспроизведенія въ Сборникѣ портретъ Григорія

Николаевича, снятый Левицкимъ (СПБ.) въ концѣ 90-хъ годовъ, по заказу Логгина Федоровича. По этому портрету г. Дуковичемъ (Флоренція, Тріестъ) сдѣланъ бюстъ, находящійся у Л. Ф.

Скончавшійся осенью 1908 г. помощникъ Предсѣдателя Географическаго Общества Александръ Васильевичъ Григорьевъ слѣдилъ за печатаніемъ настоящаго Сборника съ тѣмъ исключительнымъ интересомъ, который былъ свойственъ въ дѣлахъ Географическаго Общества одному ему—душѣ нашего Общества. Редакторъ благодаренъ Александру Васильевичу за всегдашнее теплое и искренно вдохновительное содѣйствіе во всѣхъ его дѣлахъ, касавшихся жизни Общества, и за ту нравственную дружескую поддержку, которую Александръ Васильевичъ оказывалъ ему всегда, и въ особенности при редактированіи Сборника, до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни.

Александръ Васильевичъ предполагалъ помѣстить въ Сборникѣ свою замѣтку («Грамота о сынахъ боярскихъ»), но впослѣдствіи отказался отъ этой мысли, такъ какъ нашолъ въ старыхъ изданіяхъ упоминаніе о томъ, что̀ онъ предполагалъ новымъ и неизвѣстнымъ.

Андрей Рудневъ.

С.-Петербургъ,
Май 1909 г.

Содержаніе.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
63	5 снизу	кѧколь	кѡ̆коль
94	1 »	*pämmal*	*pähmal*
159	2 »	называетъ	дѣлаетъ намекъ на
164	18 »	Гунтал	Гунтан
179	13 »	der Buddhismus	des Buddhismus
187	13 »	тр.	стр.
231	11 сверху	*туркмен чілік*	*тӳркменчilік*
309	5 »	بسجشى	بخشى
378	1 снизу	выпускъ «Памятникъ	выпускъ VII «Памят-никовъ
417	21 сверху	всхлыпиванія	всхлипыванія
»	23 »	Сплетенные	Сплетенныя
429	26 »	9-я	3-я
430	11 »	бо̄ло̇ло̇-hа̄р	бо̄-ло̇-hа̄р
01 (ноты)	4 снизу:	(въ № 5, тактъ третій, четвертая нота:) ¼	⅛
09	7 »	ше-р̀ӯ-хеп	те-р̀ӯ-хен
465	5 сверху	*Біс˘лык*	*Біһы̆лык*
468	1, 12 »	*э̄рэмчілгэ*	*э̄рэмшілгэ*
474—478		сур	hур
477	11, 12 »	*куі̆хур*	*хуі̆хур*
479	15 снизу	*һаmагашахŏ*	* һамагаша̄хŏ*
521[2]	15 »	желаніяхъ	моленіяхъ

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
523¹	5 сверху	барской	вареной
»	30 »	кичиицевъ	качиицевъ
»	36 »	жишуры	мишуры

Дополненія Редактора къ примѣчаніямъ (¹), *согласно указаніямъ*
А. Н. Самойловича.

На стр. 211. Словà кзыл-кенчь—казакъ-киргизскія (правильнѣе было-бы писать *кызыл-кенч*) и значатъ въ переводѣ: **„Золотое Сокровище“.**

На стр. 221. По-русски обыкновенно пишется *Коранъ*, чтò должно соотвѣтствовать, въ правильной транскрипціи, написанію *кор'ан*, а въ народномъ туркменскомъ произношеніи — *корҕан*.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

И. Ю. Крачковскій.

Арабская версія легенды о Талассіонѣ.

Еще въ 1895 году извѣстный изслѣдователь сравнительной исторіи литературныхъ мотивовъ Ernst Kuhn отмѣчалъ недостаточную ясность въ рѣшеніи вопроса о переходѣ восточныхъ сказочныхъ мотивовъ на западъ и писалъ, что дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи будутъ сдѣланы только тогда, когда удостоится бо̀льшаго вниманія забытая теперь область душеполезной литературы христіанскаго средневѣковья, въ частности восточнаго [1]. Если пожеланіе Kuhn'а до сихъ поръ осталось однимъ изъ многихъ научныхъ pia desideria, особенно во второй его части, то нѣкоторое оправданіе этому можно находить въ недоступности матеріала, который въ большинствѣ случаевъ еще и теперь не имѣетъ не только переводовъ, но даже и изданій, оставаясь въ рукописяхъ. За послѣдніе годы появилась надежда, что этотъ пробѣлъ будетъ со временемъ восполненъ выходящими теперь серіями «*Patrologia Orientalis*» и «*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*». Приходится говорить *со временемъ*, потому что пока обѣ серіи заняты изданіемъ еще

[1] «Zur Byzantinischen Erzählungslitteratur» въ Byzantinische Zeitschrift—IV, 241.

болѣе важныхъ памятниковъ; изъ области, на которую указывалъ Kuhn, только недавно было приступлено къ обнародованію арабскаго и эѳіопскаго синаксаря. Появленіе послѣдняго даетъ ближайшій поводъ и пишущему эти строки сдѣлать небольшое дополненіе къ предмету, затронутому Kuhn'омъ въ упомянутой статьѣ.

Подтверждая приведенную въ началѣ мысль, Kuhn обратилъ вниманіе на одну сказку, неоднократно изслѣдовавшуюся въ литературѣ [1], о юношѣ, которому по пророчеству суждено было стать зятемъ одного богача и который чудеснымъ образомъ достигъ этого, не смотря на всѣ препятствія со стороны послѣдняго. Собравъ свѣдѣнія о различныхъ версіяхъ этой сказки, Kuhn указалъ, между прочимъ, на существованіе въ рукописяхъ двухъ восточныхъ—арабской и эѳіопской, восходящихъ по всей вѣроятности къ греческому первоисточнику. Эѳіопская сокращенная версія стала теперь доступной благодаря появленію синаксаря [2]; распространенная—по прежнему остается въ рукописяхъ [3], а поэтому, можетъ быть, и не лишнимъ будетъ познакомить читателей съ ея источникомъ—арабской версіей, которая представлена въ *единственной* рукописи Codex Gothanus arabicus Pertsch 2877 [4].

---

[1] Между прочимъ и покойнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ Romania—VI, 161 сл. (Полныя библіографическія данныя собраны Kuhn'омъ въ отмѣченной статьѣ).

[2] Изданіе текста и переводъ подъ редакціей I. Guidi въ Patrologia Orientalis, tomus I. Версія занимаетъ мѣсто подъ 12 числомъ мѣсяца сане̄.

[3] Имѣется она, между прочимъ, и въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки—восточная 616, л. 51—54. См. Б. Тураевъ, Эѳіопскія рукописи въ Петербургѣ, 1906, стр. 19. Тамъ же, стр. 17, примѣч. 1 отмѣчены другія рукописи этого произведенія.

[4] Авторъ не теряетъ надежды со временемъ дать въ спеціальномъ органѣ подробное описаніе и, быть можетъ, издать даже всю рукопись, а поэтому пока что позволитъ себѣ ограничиться только общими замѣчаніями. Краткая замѣтка имѣется въ каталогѣ Pertsch'a, Die arabischen Handschriften der Hrzgl. Bibliothek zu Gotha, т. IV, 549—550.

Рукопись представляетъ сборникъ проповѣдей или чтеній, объединенныхъ общей идеей культа Архангела Михаила, иначе говоря, арабскую версію того сочиненія, которое особенно популярно въ Абиссиніи подъ названіемъ «Дерса̄на Мӣка̄'эль». По формѣ отдѣльные трактаты довольно однообразны: каждый состоитъ изъ риторическаго введенія и заключенія поучительнаго характера, пересыпаннаго цитатами изъ священнаго писанія, а въ срединѣ приводится, какъ exemplum, разсказъ о какомъ-нибудь чудѣ Архангела. Особенный интересъ для фолоклориста, какъ и всегда, представляютъ эти exempla, они важны въ частности для изслѣдователей культа Михаила, который не разъ служилъ предметомъ спеціальныхъ работъ [1].

Систематически дающееся описаніе внѣшняго вида Архангела при разныхъ его появленіяхъ, несомнѣнно, можетъ представить интересъ для историковъ иконографіи, особенно если обратить вниманіе, что къ берлинской рукописи эѳіопской версіи приложено пятьдесятъ картинъ—иллюстрацій къ тексту [2]. Не мало цѣнныхъ данныхъ заключаютъ въ себѣ и отдѣльные трактаты: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, дающій описаніе нѣсколькихъ случаевъ чудеснаго исцѣленія болѣзней [3], прибавляетъ новый матеріалъ по вопросу о христіанской инкубаціи [4]; другой содержитъ житіе родителей величайшаго абиссинскаго святого

---

[1] W. Lüken, Michael. Eine Darstellung u. Vergleichung d. jüdischen u. der morgenländ. christl. Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen 1898 Ср. еще E. Amélineau, Contes et romans de l'Egypte chrétienne, Paris 1888, № II—V и E. A. Wallis Budge, Saint Michael the Archangel, London 1894. Быть можетъ, слишкомъ далеко заходятъ ученые, ставящіе его въ связь съ культомъ вавилонскаго Мардука. См. напримѣръ, Schrader—Winkler, Die Keilinschriften und das alte Testament, Berlin 1902, стр. 376—377.

[2] См. A. Dillmann, Verzeichniss der abessinischen Handschriften der Kgl. Bibliothek zu Berlin, стр. 61—63.

[3] Листъ 16*а*—30*б*.

[4] Ср. L. Deubner, De incubatione capita quattuor, Lipsiae, 1900; С. Жебелевъ. Чудеса св. Артемія (въ Сборникѣ статей, посвященныхъ... акад. В. И. Ламанскому, Спб. 1907. I, 451—473).

Такла-Хайманота [1], арабская версія котораго пока извѣстна только въ одной рукописи парижской Національной Библіотеки [2]. Нечего и говорить, насколько весь памятникъ важенъ для арабской лингвистики, какъ и вообще всѣ произведенія арабско-христіанской литературы, о чемъ подробнѣе я имѣлъ возможность уже неоднократно говорить въ спеціальномъ органѣ [3].

Предлагаемая на этотъ разъ вниманію читателей сказка-легенда приводится въ первомъ трактатѣ сборника (листъ 3*а*—16*а*), предназначенномъ для чтенія 12 числа мѣсяца Тӯтъ, въ день памяти Архангела Михаила. Начинается и оканчивается этотъ трактатъ, какъ и прочіе, риторическими поученіями, сама же легенда занимаетъ листы 7*б*—15*б* и въ посильномъ переводѣ имѣетъ слѣдующій видъ—

«Былъ человѣкъ, жившій въ Палестинѣ, по имени Маркіанъ. Былъ онъ очень богатъ золотомъ и серебромъ, всякими сокровищами и скотомъ, посѣвами и пашнями, тканями, рабами и рабынями, виноградниками, садами и утварью. Не было никогда у него сына, а была только одна дочь. По сосѣдству съ этимъ богачемъ жила бѣдная женщина, находившаяся въ большой нуждѣ: у нея не было пропитанія ни на одинъ день. Была у нея только вѣра, надежда и любовь къ чистому Архангелу Михаилу; она полагалась на Бога и на него всѣмъ своимъ сердцемъ; со смиреніемъ преклонялась предъ нимъ каждый мигъ, говоря: «О Архангелъ Михаилъ! Помоги и пособи мнѣ! Посмотри на мою бѣдность и несчастіе! О ходатай предъ Богомъ за тварей, (просящій), чтобы Онъ даровалъ имъ пропитаніе на каждый

---

[1] Листъ 90*а*—132*б*. Объ этомъ святомъ см. Б. Тураевъ, Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи, Спб., 1902, стр. 81—100.

[2] De-Slane, Catalogue des Manuscrits arabes, Paris, 1883—1895, № 284, стр. 79.

[3] См. Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археол. Общ. т. XVII, 0207, т. XVIII, 0108.

день! Проси Его и обо мнѣ, бѣдной, пусть даруетъ Онъ мнѣ пропитаніе и пусть отойдетъ отъ меня эта великая нужда». Эта женщина || ходила въ домъ того богача, исполняла у нихъ работы и получала свою плату, которой и поддерживала существованіе. Въ нѣкое время эта бѣдная женщина забеременѣла; когда приблизилось время родить ей, наступили страданія и она сильно мучилась, разрѣшаясь отъ бремени. Богачъ зналъ объ этомъ, поспѣшно онъ всталъ, поднялся на кровлю своего дома, возвышавшагося надъ жилищемъ этой бѣдной женщины, и сталъ слушать, что она говоритъ. Та же громко кричала: «О Архангелъ Михаилъ! Помоги мнѣ въ страданіи, такъ какъ ты знаешь, что у меня нѣтъ никого, кто бы сжалился надо мной, о Господи, въ этотъ тягостный часъ, потому что я несчастна и презрѣнна. Не оставь меня, но явись ко мнѣ быстро и будь моимъ помощникомъ въ страданіи». Такъ эта женщина говорила, а богачъ слушалъ ее черезъ слуховое окно своей крыши. Богъ открылъ глаза его сердца и онъ увидалъ Господа Спасителя, Михаила и Гавріила, слѣдовавшихъ за Нимъ. Они пришли и сѣли || подъ крышей жилища женщины. Михаилъ палъ ницъ предъ Спасителемъ и просилъ Его, говоря: «Боже нашъ, кроткій, милостивый, возлюбившій родъ человѣческій, сжалься надъ этой бѣдной женщиной и освободи ее отъ тягости этихъ мукъ, потому что постигло ее великое страданіе. Помилуй ее, Господи, и освободи!» Господь Спаситель отвѣчалъ ему и сказалъ: «О чистый Михаилъ, мой надежный довѣренный! Будетъ исполнено ради тебя все, что ты просишь!» И Господь Спаситель протянулъ Свою божественную руку и благословилъ ее. Тотчасъ она разрѣшилась и родила красиваго мальчика. Ангелъ же милосердный просилъ Господа, говоря: «Ты, владыка—жизнь всѣхъ; пусть милость твоя простретея на этого родившагося ребенка и облегчитъ ему жизнь». Спаситель благословилъ ребенка и протянулъ свой палецъ, объемлющій весь міръ, къ жилищу богача, говоря: «Богатство этого человѣка, его достатокъ и блага перейдутъ къ этому родившемуся (теперь) ребенку и онъ будетъ наслѣдникомъ всего, что тотъ накопилъ». Когда богачъ || услыхалъ эти слова, сердце его опечалилось, онъ сильно ужаснулся и исполнился страха, говоря самъ съ собой: «Эта рѣчь—истина;

Листъ 8*а*. Листъ 8*б*. Листъ 9*а*.

она исходитъ отъ Бога, а это—ангелы божіи. По истинѣ, мое имущество, сокровища и все достояніе перейдетъ послѣ меня къ этому мальчику и онъ будетъ наслѣдникомъ моихъ благъ и добра». Въ печали богачъ сошелъ съ крыши своего дома и сталъ замышлять, какъ бы захватить ребенка у матери и поступить съ нимъ по коварству сердца и по своему злобному намѣренію, которое ему не удалось (выполнить). Послѣ этого исполнилось ребенку два мѣсяца жизни. Богачъ призвалъ бѣдную женщину и сказалъ ей: «О, женщина, ты знаешь, что у меня нѣтъ ребенка мужского пола, а только одна дочь. Я думаю, что больше дѣтей у меня уже никогда не родится. Дай мнѣ теперь этого мальчика; я его сдѣлаю своимъ сыномъ, потому что въ моемъ сердцѣ сильная любовь къ нему, и буду радоваться на него, а все, что накопилъ, отдамъ ему вмѣстѣ съ моей дочерью». Что богачъ рѣшилъ (теперь) своимъ разгово-
Листъ 9*б*. ромъ, то Богъ въ предвѣчномъ знаніи совершилъ || словами Своихъ праведныхъ устъ, изъ которыхъ никогда не исходила ложь. Мать ребенка, услыхавъ эту рѣчь, сказала богачу: «Какъ можетъ быть, мой господинъ, это? (какъ) я отдамъ тебѣ свое дитя, которымъ утѣшаюсь въ своей жизни?» Онъ отвѣчалъ ей: «Гораздо лучше тебѣ отдать его мнѣ, чтобы онъ могъ жить въ этомъ благосостояніи и богатствѣ, а не въ нуждѣ и бѣдности у тебя; ты и сама будешь имѣть чѣмъ воспользоваться и поддержать свое существованіе. Если бы не любовь моя къ твоему ребенку, я бы, конечно, разыскалъ тогда другого». Онъ нѣсколько разъ повторялъ эти слова въ уши бѣдной женщины; она склонилась къ его рѣчи и спросила: «Что же ты мнѣ дашь за него?» Онъ отвѣчалъ: «Двадцать динаровъ». Женщина отдала ему ребенка, а ей было вручено золото. Затѣмъ богачъ поспѣшно всталъ, привелъ изъ стада козла и закололъ его. Взявъ кожу, онъ зашилъ ребенка внутрь и бросилъ въ море, говоря: «Вотъ я его убилъ и избавился отъ него». Богачъ думалъ, что
Листъ 10*а*. морскіе звѣри || сейчасъ же съѣдятъ его, но Богъ благой, возлюбившій родъ человѣческій, милосердный, и начальникъ Его святыхъ ангеловъ Михаилъ сохранили мальчика; онъ не умеръ, не приключилось съ нимъ никакого зла и не уничтожили его животныя губительнаго моря. Онъ плылъ въ этомъ бурдюкѣ, а

ангелъ Господень направлялъ его, пока онъ не прибылъ въ далекую страну. Волны выбросили его на берегъ пустыннаго острова и не случилось съ нимъ никакого зла по волѣ Бога, всевышняго, великаго и славнаго, и помощью Архангела Михаила. Бурдюкъ лежалъ на берегу моря и ангелъ Господень охранялъ его, пока не пришелъ сюда пастухъ скота поить свое стадо. Онъ увидалъ бурдюкъ лежащимъ на берегу рѣки, и поспѣшилъ къ нему съ великою радостью, думая, что внутри него деньги. Открывъ его, онъ нашелъ внутри живого ребенка, который не умеръ. Пастухъ прославилъ могущество Бога всевышняго, творящаго все, и воскликнулъ: «Господи помилуй![1] Боже нашъ, по истинѣ чудны дѣла Твои, все Ты сотворилъ премудростью!» Потомъ онъ принесъ его своей женѣ, которая его выростила, и далъ ему имя Талассіонъ[2], что значитъ: «я нашелъ его || въ морѣ». Когда Листъ 10б. прошло нѣсколько лѣтъ, Богъ благословенный и всевышній захотѣлъ исполнить Свои истинныя слова, которыми Онъ рѣшилъ судьбу этого мальчика. Пришлось тому богачу отправиться въ путешествіе къ острову, гдѣ пастухъ нашелъ ребенка въ бурдюкѣ. Когда они, я разумѣю богача и его рабовъ, ѣхали по дорогѣ, наступилъ вечеръ и они стали искать убѣжища на этомъ островѣ. Пастухъ принялъ ихъ въ гости и помѣстилъ въ своемъ домѣ. Талассіону онъ велѣлъ позаботиться о пищѣ, такъ какъ юноша былъ управителемъ всего имущества пастуха, а самъ зналъ только кусочки, которыми и питался. Пастухъ сталъ звать юношу, говоря: «Талассіонъ, сдѣлай такъ то и такъ то! Сынъ мой Талассіонъ, приготовь (этимъ) людямъ все, какъ слѣдуетъ, потому что они вельможи». Когда богачъ услыхалъ, что пастухъ звалъ юношу такимъ именемъ, онъ очень удивился и спросилъ: «Что значитъ, братъ мой, это имя?» Пастухъ ему отвѣчалъ: || «Съ этимъ юношей случилось дивное событіе. Однажды Листъ 11а. проходя по берегу моря на этомъ островѣ, я увидилъ кожаный бурдюкъ, связанный и брошенный. Я поспѣшилъ къ нему съ радостью, думая, что (тамъ) деньги, но когда открылъ, то

[1] Въ подлинникѣ транскрипція греческаго κύριε ἐλέησον.

[2] Въ арабской транскрипціи Талāсунъ.

нашелъ въ немъ этого юношу. Я понялъ, что промыселъ Божій привелъ его сюда ко мнѣ; взялъ его къ себѣ, воспиталъ и далъ ему имя Талассіонъ, что значитъ: «я нашелъ его въ морѣ». Очевидно, что какой-то злой человѣкъ и его злая жена поступили такъ съ этимъ ребенкомъ по малому страху ихъ предъ Богомъ. Вотъ, господинъ мой, архонтъ [1], я разсказалъ тебѣ всю его исторію!» Услыхавъ эту рѣчь, богачъ пришелъ въ смятеніе съ великимъ страхомъ и говорилъ самъ съ собой: «Вотъ онъ живъ до сегодняшняго дня!» Онъ опечалился сильно, исполнился гнѣвомъ и ненавистью къ мальчику и сказалъ пастуху: «Сдѣлай мнѣ || добро и благодѣяніе, о человѣкъ благословенный!
Листъ 11б. Дай мнѣ этого юношу, такъ какъ я вижу, что онъ храбръ и силенъ. Я его очень полюбилъ и хочу сдѣлать своимъ сыномъ и даже отдать ему всѣ принадлежащія мнѣ сокровища, потому что у меня нѣтъ сыновей, а только одна дочь. Тебѣ же за него я дамъ двадцать динаровъ». Пастухъ ему отвѣчалъ: «О владыка мой архонтъ! Какъ можетъ это быть? Я вѣдь много потрудился ради него, воспиталъ его для себя, какъ сына, вручилъ ему все свое имущество, потому что полагаюсь на него. Ни одного изъ своихъ дѣтей я не люблю такъ, какъ его». Богачъ ему сказалъ: «Я вижу, что у тебя есть дѣти гораздо старше его; они и будутъ совершать твои нужды и исполнять твою волю, а этого юношу Талассіона отдай мнѣ, чтобы я могъ сдѣлать его своимъ сыномъ, такъ какъ я его очень полюбилъ». Пастухъ, услыхавъ про золото, сталъ соблазняться отдать юношу и сказалъ архонту: «Ты вотъ заставляешь меня дѣлать то, чего я не хочу, но несправедливо назначаешь за это цѣну». Богачъ || понялъ, что
Листъ 12а. пастухъ соглашается отдать ему юношу, очень обрадовался и сказалъ: «Сколько ты хочешь, чтобы я далъ тебѣ за него?» Тотъ отвѣчалъ: «Пятьдесятъ динаровъ». Богачъ сейчасъ же съ поспѣшностью досталъ золото и вручилъ его пастуху въ руки, а юношу взялъ у него. Когда пастухъ его отдалъ, богачъ написалъ письмо своей женѣ, говоря въ немъ: «Вотъ я сообщаю тебѣ, сестра, что этотъ юноша, который доставитъ тебѣ мое

[1] Въ текстѣ транскрипція греческаго ἄρχων.

посланіе—это ребенокъ, котораго мы помѣстили въ бурдюкъ и бросили въ пучину моря. И вотъ я во время своего путешествія проѣзжалъ мимо пастуха скота, который разсказалъ мнѣ, что нашелъ его въ морѣ, воспиталъ и сдѣлалъ своимъ сыномъ. Я его взялъ отъ него за пятьдесятъ динаровъ, а онъ еще думаетъ, что получилъ отъ меня прибыль. И вотъ теперь я послалъ его къ тебѣ. Тотчасъ же, какъ прочитаешь это письмо, отруби ему голову и брось его въ море. Сдѣлай съ нимъ это для того, чтобы навѣки исчезла память о немъ». Послѣ этого онъ запечаталъ письмо, отдалъ его въ руки юношѣ Талассіону, посадилъ его на ‖ хорошаго мула и описалъ путь къ своему дому. Листъ 12*б*.
Юноша вышелъ отъ богача и поѣхалъ по дорогѣ, не зная, что въ рукѣ у него посланіе (съ приказомъ) о его убіеніи и гибели. Послѣ этого (путешественники) сѣли на верховыхъ животныхъ и отправились своей дорогой: юноша же ѣхалъ, пока не прибылъ къ городу богача и находился отъ него уже на разстояніи одной мили. Внезапно появился передъ нимъ ангелъ Господень Михаилъ; ѣхалъ онъ на бѣломъ мулѣ и одѣтъ былъ въ царское одѣяніе на подобіе одного изъ царскихъ воиновъ. Онъ спросилъ у Талассіона: «Откуда ты ѣдешь, юноша, и куда направляешься? Что за письмо у тебя въ рукѣ?» Талассіонъ отвѣчалъ ему: «О, господинъ! Архонтъ начальникъ отправилъ меня въ свой домъ съ этимъ посланіемъ; содержанія же его я не знаю». Архангелъ Михаилъ, уподобившійся воину, сказалъ ему: «Покажи мнѣ его, юноша; я узнаю, что въ немъ». Талассіонъ ‖ отвѣтилъ ему: «Какъ же это можетъ быть, господинъ Листъ 1
мой?» Ангелъ великій Михаилъ, начальникъ воинствъ [1] небесныхъ сказалъ ему: «Дай мнѣ только его, а я верну тебѣ въ первоначальномъ видѣ безъ всякой перемѣны». Талассіонъ послѣ большого колебанія отдалъ посланіе Архангелу Михаилу. Тотъ, взявъ его, дунулъ и стеръ всѣ коварныя буквы, написанныя тамъ на гибель юноши, а самъ написалъ другой текстъ такъ: «Знай, сестра благословенная, что юноша, доставившій тебѣ это посланіе, происходитъ отъ византійскихъ царей. Я встрѣ-

---

[1] Въ текстѣ транскрипція греческаго τάγμα.

тился съ нимъ, онъ познакомился со мной и далъ семьсотъ динаровъ съ тѣмъ условіемъ, что женится на моей дочери. Теперь же, безъ всякихъ отсрочекъ и отговорокъ, постарайся приготовить все нужное ему для свадьбы на моей дочери, озаботься (доставить) ему всякія лучшія украшенія разнообразныхъ благъ міра сего. Когда же кончатся дни праздничнаго торжества, передай ему въ руки всѣ богатства и сокровища, принадлежащія мнѣ и тебѣ, большія и малыя, великія и ничтожныя; берегись
Листъ 13б. скрыть отъ него что-нибудь изъ богатствъ || и достатка. Даже ты сама будешь подъ его властью до моего прихода». Когда Архангелъ чистый Михаилъ написалъ эти слова внутри посланія, послѣ этого онъ отдалъ его юношѣ Талассіону, запечатаннымъ печатью богача совсѣмъ безъ всякихъ измѣненій, и сказалъ ему: «Ступай съ миромъ своей дорогой, за чѣмъ ты посланъ». Послѣ этого Архангелъ Михаилъ поднялся на небеса, а Талассіонъ поѣхалъ своей дорогой съ письмомъ въ рукѣ, пока не прибылъ къ дому того богача и передалъ его женѣ. Прочитавъ посланіе, она исполнилась радостью, и призвавъ, своихъ управителей и довѣренныхъ сказала имъ: «Ступайте поскорѣе и приготовьте все нужное для свадьбы, чтобы я могла выдать свою дочь за этого юношу, присланнаго ея отцемъ». Они по приказу своей госпожи быстро ушли и приготовили все нужное для этого (торжества). Всѣ бывшіе въ городѣ радовались этому а затѣмъ женили юношу на дѣвицѣ, дочери богача. Всѣ они
Листъ 14а. радовались, пѣли || и веселились, такъ что даже въ сосѣднихъ городахъ не осталось никого, кто бы не пришелъ радоваться съ ними. Спустя три мѣсяца прибылъ изъ своего путешествія и этотъ богачъ. Приблизившись къ городу на разстояніе одной мили, онъ сошелъ съ своего коня. Когда онъ вынималъ ногу изъ стремени, встрѣтилъ его человѣкъ изъ жителей этого города Богачъ спросилъ у него: «О такой то, видалъ ли ты мою семью въ добромъ здоровьи?» Тотъ отвѣчалъ: «Да, у нихъ еще большая радость, сегодня вѣдь прошло три мѣсяца, они очень веселятся, поютъ и играютъ радостно». Архонтъ спросилъ: «Что же за причина этого?» Тотъ ему отвѣчалъ: «Юношу, присланнаго тобой, они женили на твоей дочери согласно твоему приказанію и поэтому теперь радуются». Когда богачъ услыхалъ

эти слова и понялъ, что юноша женился на его дочери и наслѣдовалъ все его имущество и достояніе по словамъ Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа, онъ воскликнулъ: «О горе! Какая печаль постигла меня сегодня и вошла въ мое сердце!» Затѣмъ онъ поднялся, чтобы сѣсть на свою лошадь, но въ этотъ моментъ высунулся || изъ ноженъ мечъ, которымъ онъ былъ опоясанъ, и пронзилъ его животъ, такъ что богачъ сейчасъ же упалъ мертвымъ. Когда до его жены дошло это злое извѣстіе, она вскочила, посыпала прахомъ свою голову и остолбенѣла, а затѣмъ сейчасъ же упала мертвой на землю. Такъ богачъ и его жена умерли въ одинъ день и исполнились слова Господа о богачѣ, что все его богатство и достояніе перейдетъ къ сыну бѣдной женщины. Такъ и случилось. Послѣ этого, когда юноша разъ спалъ ночью, осіялъ его великій огонь, освѣтившій все мѣсто. Юноша въ страхѣ проснулся: ему явился ангелъ Господень Михаилъ, начальникъ силъ небесныхъ и сказалъ: «Проснись, юноша, и узнай, кто я и кто говоритъ съ тобой». Юноша въ страхѣ спросилъ у него: «Кто же ты, Господи, въ этой великой славѣ, окружающей || тебя?» Онъ ему отвѣчалъ: «Я—Михаилъ, начальникъ силъ небесныхъ, заступающійся предъ Богомъ каждый мигъ о родѣ человѣческомъ; Я—Михаилъ, пришедшій на службу къ Господу моему Іисусу Христу, и Гавріилъ, товарищъ мой, послѣдовалъ за нами, когда мать твоя рождала тебя. Я просилъ за тебя, пока (Богъ) не даровалъ тебѣ этого достатка и многихъ благъ. Я—Михаилъ, бывшій съ тобой, когда богачъ заключилъ тебя въ бурдюкъ и бросилъ въ море. Я отправился съ тобой и спасъ тебя. Я—Михаилъ, который явился къ тебѣ на дорогѣ и замѣнилъ посланіе богача новыми словами, потому что тамъ были злыя слова, направленныя на твою погибель. И теперь я завѣщаю тебѣ (заботиться) объ этой вдовѣ, которая (живетъ) около тебя. Берегись забыть про нее. Она—твоя мать, родила тебя изъ своей утробы. Я же пребуду съ тобой до дня твоей кончины». Сказавъ это, Архангелъ привѣтствовалъ его, ободрилъ и поднялся || отъ него на небо. Юноша же смотрѣлъ за нимъ вслѣдъ».

Листъ 14*б*. Листъ 15*а*. Листъ 15*б*

Такова арабская версія легенды о Талассіонѣ. Если читатели найдутъ, что она можетъ представить интересъ не для однихъ только арабистовъ—то этимъ самымъ будетъ оправдано ея появленіе въ сборникѣ, посвященномъ этнографу, который въ своихъ трудахъ собралъ не малый матеріалъ для сравнительной исторіи бродячихъ литературныхъ мотивовъ.

СПБ. Ноябрь 1907 г.

Г. А. Ильинскій.

Нѣсколько коньектуръ къ легендѣ о св. Вячеславѣ.

Какъ извѣстно, легенда о св. Вячеславѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ, которые вышли изъ подъ пера писателя чешскаго племени. Кромѣ содержанія «Сказанія» и множества бытовыхъ подробностей, которыя, какъ жемчугъ, разсыпаны по всей легендѣ, это доказываетъ самый языкъ ея: почти всѣ ея изслѣдователи уже давно отмѣтили въ ней порядочный запасъ такихъ словарныхъ особенностей, которыя могутъ быть объяснены только изъ чешскаго языка. Если наряду съ ними не выступаютъ также и фонетическія черты того же языка,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Кіевскихъ или Пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ,—то причиной этого является не что иное, какъ отсутствіе сколько-нибудь древнихъ списковъ легенды. Вѣдь извѣстно, что древнѣйшій ея списокъ, такъ называемый «римскій» (изданный Ягичемъ въ Archiv für Slavische Philologie XXV т. 11—18), относится только къ 1379 г. А такъ какъ сама легенда была написана несомнѣнно скоро послѣ убійства кн. Вячеслава, т. е. еще въ X в., то различіе въ возрастѣ между оригиналомъ и его древнѣйшимъ спискомъ (отнюдь, при томъ, не самымъ лучшимъ) превосходитъ четыре вѣка! А это—срокъ, вполнѣ достаточный, чтобы стереть самыя яркія черты

звукового строя чешскаго языка, которыя несомнѣнно существовали въ первоначальномъ оригиналѣ несравненнаго «Сказанія».

Поздній возрастъ дошедшихъ до насъ списковъ легенды является, слѣдовательно, причиной, серьезно затрудняющей возстановленіе (реконструкцію) первоначальнаго ея текста. Если даже ограничиться только списками древнѣйшей редакціи, которыхъ до насъ дошло шесть (изъ нихъ одинъ русскій-кирилловскій, а пять хорватскихъ-глаголическихъ) [1], то и въ такомъ случаѣ разночтенія ихъ являются настолько разнообразными, что не всегда бываетъ возможно угадать между ними древнѣйшее. Мало того, есть цѣлый рядъ такихъ мѣстъ въ легендѣ, которыя во всѣхъ спискахъ содержатъ въ себѣ нѣчто неясное, и потому допускающее довольно различныя толкованія. Это показываетъ, что текстъ памятника, при его переходѣ на русскую или хорватскую почву, подвергался искаженіямъ, затемнявшимъ смыслъ нѣкоторыхъ его фразъ. И до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты другіе, болѣе древніе списки легенды, эти спорныя мѣста не могутъ быть объяснены иначе, какъ путемъ коньектуръ,—путемъ не всегда надежнымъ, но, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ совершенно необходимымъ.

Къ этому вполнѣ законному postremum refugium текстуальной критики мы и позволяемъ себѣ обратиться для объясненія прежде всего слѣдующаго не вездѣ яснаго мѣста легенды:

Тѣмь же чтѧше матерь свою. она же радоваше сѧ вѣрѣ сына своего, и о благодати, юже творѧше оубогимь. Аще и маламощна, питаше, аще ли сирота гдѣ, то обидѣти не дадѧше его. аще ли страннымъ, да добро творѧше, ѩкоже оубо и речено

[1] Они перечислены и критически освѣщены проф. Пастрнекомъ въ его прекрасной работѣ: «Slovanská legenda o sv. Václavu podle rukopisů charvatsko-hlaholského a rumjancevského. V Praze 1903», str. 2—4.

єсть. странен вѣхъ, въведосте мене. Аще Божиѧ рабы и домашнѧѧ, и аще страннки вся, и аще гдѣ ино зимои стражоуть, то вся одѣваше и кормѧше. [1]

Въ этомъ отрывкѣ два слова возбуждаютъ недоумѣніе читателя: 1) что такое означаетъ домашнѧѧ во фразѣ аще божиѧ и домашнѧѧ? и 2) что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ ино во фразѣ: гдѣ ино зимои стражоуть? Объясненіе обоихъ словъ затрудняется кромѣ того обстоятельствомъ, что оба они выпущены въ глаголическихъ текстахъ, а изъ кирилловскихъ только первая фраза встрѣчается еще въ спискѣ Макарьевской Минеи, но, какъ справедливо замѣтилъ проф. Пастрнекъ, въ явно-искаженномъ контекстѣ: аще кто нищии или домашнѧѧ и странныя...; здѣсь нищии не согласовано съ слѣдующими винительными падежами: домашнѧѧ и странныя.

Намъ думается, что оба цитированныя мѣста легенды вполнѣ станутъ ясны, если предположить въ нихъ искаженіе текста первоначальнаго оригинала. Именно, мы полагаемъ, что первая фраза въ оригиналѣ читалась такъ: аще божиѧ рабы ино мьшьнѧѧ. Божии рабъ, какъ извѣстно, означаетъ лицо духовное, въ частности, священника (famulus Dei), а мьшьнии (дчш. mesní, mesný) того или то, что относится къ *мьшѣ*, т. е. къ богослуженію. Слѣдовательно, общій смыслъ фразы таковъ, что Вячеславъ одѣвалъ и кормилъ не только духовныхъ, въ частности священниковъ, но и (= ино—sed etiam) лицъ, причастныхъ только къ богослуженію, т. е. чтецовъ, пѣвчихъ, мальчиковъ, прислуживавшихъ при литургіи и т. д. Такъ какъ русскому писцу легенды слово мьшьнии могло показаться непонятнымъ [2], то онъ и могъ передѣлать ино мьшьнѧѧ въ домашнѧѧ, каковой коньектурѣ могла бы способствовать еще случайная описка въ словѣ ино (=sed etiam) одного изъ его предшественниковъ. Подобное искаженіе первоначальнаго текста могло бы произойти особенно легко въ томъ

[1] Pastrnek. op. cit. 60.

[2] Miklosich приводитъ въ Lexicon Palaeslovenicum только одинъ примѣръ мьшьнъ (изъ сербск. списка Пандекта Антіоха, XIV в., Вѣнск. Придв. Библ.).

случаѣ, если бы оригиналомъ (хотя бы только отдаленнымъ) румянцевской легенды служилъ хорватскій или сербскій списокъ въ которомъ слово мьшкнѧ, по законамъ сербо-хорватскаго языка, въ XIV в. должно было бы дать машнѧ. Къ сожалѣнію, доказать это въ настоящее время нельзя, но не лишено интереса, все-таки, то обстоятельство, что одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей легенды, проф. Вондракъ доказываетъ, что наша легенда была написана какимъ-то чехомъ именно въ Хорватіи... (Ср. его O původu Kijevských listů a Pražských zlomků, 92). И нельзя сказать, чтобы доводы его были совсѣмъ неубѣдительны...

Какъ бы то ни было, но предлагаемое нами чтеніе, мы надѣемся, лучше отвѣчаетъ общему смыслу фразы, чѣмъ всѣ другіе, болѣе или менѣе вольные переводы ея, сдѣланные Ганкой, Миклошичемъ и Ваттенбахомъ. Именно, первый (Časopis českého musea, 1830, IV) переводилъ: «jestli že boži sluhy jak domácí tak ciži všecky», полагая, что легенда различаетъ туземныхъ отъ иноземныхъ священниковъ; но изъ контекста ясно, что божиѧ рабы и домашнѧ представляютъ одну категорію лицъ. Миклошичъ (Slav. Bibliothek II, 277) переводилъ: «si (inveniebat) famulos Dei et domesticos (i. e. laicos)...», но общее понятіе «мірянина» едва-ли авторъ легенды могъ поставить между двумя спеціальными: «божіе рабы» и «странники». Еще болѣе грубое насиліе надъ контекстомъ представляетъ переводъ Wattenbach'a «Wenn er Diener Gottes, wenn er Einheimische oder Fremde fand...» (ср. его «Die slavische Liturgie in Böhmen und die «altrussische Legende vom heiligen Wenzel» Breslau 1857, 236).

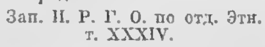
Еще съ большей свободой переводчики относятся къ фразѣ аще гдѣ ино зимои стражоуть. Миклошичъ, Ваттенбахъ и Пастрнекъ оставляютъ ино совсѣмъ безъ перевода; только Ганка постарался точнѣе передать смыслъ фразы, измѣняя ино въ ини «другіе»; но въ такомъ случаѣ отъ «страдающихъ отъ мороза» пришлось бы отдѣлить «странниковъ», что̀ невѣроятно. Поэтому мы рѣшаемся предположить, что въ первоначальномъ переводѣ стояло не ино, а иньѥ или иние; какъ видно изъ «Древнечешскаго словаря» Гебауэра, дчш. *jínie* обозначало не только «изморозь, иней», но и «бурю» (procella). Слѣдовательно, и зимои въ цити-

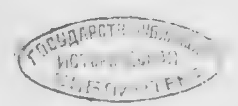
рованномъ мѣстѣ должно понимать не какъ Instrumentalis causae, а какъ Instrumentalis temporis, а всю фразу—переводить такимъ образомъ: «Или гдѣ зимой терпятъ вьюгу». Нашъ переводъ намъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ чешскомъ языкѣ извѣстно образованіе *jinovatka=jíní*, которое своей основой предполагаетъ существованіе формы **jino* или **jinъ*, такъ что въ словѣ ино мы вовсе, не обязаны предполагать непремѣнно искаженіе первоначальнаго текста.

Чтобы вполнѣ закончить нашу замѣтку, обратимъ вниманіе еще на одно не совсѣмъ понятное мѣсто легенды. На стр. 52 (по изд. Пастрнека) читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя, и нача же оумѣти книги латыньскыя, якоже добрый епископъ или попъ, да аще я възмяше я Греческия книги или словеньския, прочиташе явънѣ безъ блазна.

Здѣсь непонятно прежде всего слово явънѣ. Востоковъ читалъ: прочиташе я вънѣ, и сообразно съ этимъ Миклошичъ переводилъ: recitabat eum memoriter, а Ваттенбахъ «so recitirte er es aus der Gedächtnisse». Но, какъ справедливо замѣтилъ Пастрнекъ: «нарѣчіе вънѣ означаетъ буквально «внѣ, извнѣ», и потому не можетъ переводиться «memoriter, aus dem Gedächtnisse». Поэтому слѣдуетъ читать явънѣ т. е. явьнѣ=явно, публично, какъ указалъ уже Срезневскій въ Фил. Набл. III». Но и это толкованіе намъ не кажется удовлетворительнымъ: съ какой стати Вячеславу было читать книги публично? Напротивъ, фраза получитъ гораздо лучшій смыслъ, если предположить, что въ оригиналѣ стояло ядрьнѣ «быстро», а поэтому и слова: прочиташе ядрьнѣ безъ блазна означали бы, что Вячеславъ читалъ книги «быстро (т. е. безъ запинки) и безъ ошибки». Слово ядрьнѣ (ср. слов. *jédrn* «быстрый») было неизвѣстно русскимъ писцамъ, и потому они легко могли замѣнить его болѣе понятнымъ для нихъ явьнѣ, хотя и въ ущербъ прямому смыслу фразы. Еще болѣе безсмысленный видъ она получила въ текстѣ Макарьевской Минеи: чтяше къ нѣ собѣ соблазна ради.

Подтвердить или опровергнуть нашу послѣднюю догадку могли бы глаголическіе тексты, но, къ сожалѣнію, данное мѣсто не встрѣчается въ нихъ совсѣмъ.

Харьковъ.
15 Ноября 1907 г.

Образцы тунгусской народной литературы.

Пересказалъ В. Н. Васильевъ[1].

1. Два шамана.

Легенда.

Были два знаменитыхъ шамана и захотѣлось имъ посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ зимуетъ птица. Обратились они въ лебедей и полетѣли осенью съ лебединымъ стадомъ. Прилетѣли туда, гдѣ зимуетъ птица—оказалось, что тамъ тепло и что нужно линять. Всѣ лебеди собрались линять.

— Какъ же намъ то быть, — совѣтуются шаманы; — нужно вѣдь и намъ линять?!

— Я буду линять вмѣстѣ со стадомъ, — говоритъ одинъ.

— А я буду линять гдѣ нибудь совсѣмъ въ сторонѣ, а то, пожалуй, лебеди узнаютъ и забьютъ на смерть,—говоритъ другой.

Такъ и сдѣлали; одинъ сталъ линять со стадомъ, другой — гдѣ то въ сторонѣ, скрываясь. Перваго безъ перьевъ лебеди узнали и избили такъ, что онъ тутъ же и умеръ, а второй, скрывшись, благополучно вылинялъ и вернулся домой.

[1] См. ниже стр. 41—44.

2. Лебедь.

Разсказъ.

Когда то, въ старину жилъ старый воронъ со старухой женой. Была у нихъ молодая дочь. Хотя старики были сами и неряшливы и не чистоплотны, но дочь у нихъ была красавица. Увидѣлъ ее однажды лебедь; понравилась ему молодая вороиха. Рѣшилъ лебедь свататься за нее. Старики, родители лебедя, не соглашались на союзъ своего сына съ дочерью стараго ворона. Тѣмъ не менѣе, молодой лебедь присватался къ молодой воронихѣ и, какъ видный и знатный женихъ, разумѣется, получилъ согласіе. Оставалось только сыграть свадьбу. Позвалъ старый воронъ своего будущаго зятя къ себѣ въ домъ, на свадебный пиръ. Поставили передъ гостемъ столъ (неизвѣстно, были ли тутъ родственники лебедя); невѣста сѣла со своимъ женихомъ рядомъ. Принесли въ деревянной чашкѣ какое то кушанье и поставили на столъ. Хотѣлъ было лебедь закусить, но только что прикоснулся клювомъ къ блюду, его сейчасъ же стошнило,— такъ скверно пахло отъ поставленнаго кушанья. Противно стало лебедю; поднялся онъ изъ за стола и улетѣлъ къ себѣ, сбросивъ при полетѣ со стола блюдо. Съ тѣхъ поръ лебедь заказалъ, чтобы никто изъ лебедей не женился на дочеряхъ ворона, такъ какъ вороны очень плохо ѣдятъ, а ноги его и конецъ клюва, которыми онъ прикасался къ блюду ворона, стали черными и уже никогда не могли отмыться.

3. Сынъ старика и старухи.

Сказка.

Жилъ старикъ со старухой. Очень стары они были; быть можетъ, имъ было лѣтъ за девяносто, а можетъ и за сто. Притомъ они были крайне бѣдны; не было у нихъ ни скота, ни запасовъ. Питались старики чѣмъ и какъ придется. Наконецъ, имъ сталъ угрожать голодъ; стало трудно добывать хоть что нибудь.

— Какъ же будемъ жить теперь? У насъ нѣтъ ничего!? — говорили они другъ другу уныло.

Думалъ, думалъ старикъ, гадалъ, гадалъ и, наконецъ, рѣшилъ итти странствовать по свѣту — авось что нибудь и подвернется. Рѣшилъ такъ старикъ и говоритъ однажды старухѣ:

— Ну, старуха! Живи себѣ съ Богомъ, а я пойду искать — не найду ли гдѣ чего нибудь. Буду ходить я три года.

Старикъ ушелъ. Долго ходилъ онъ по разнымъ мѣстамъ, питаясь кое какъ тѣмъ, что найдется, но, проходивъ напрасно три года, вернулся назадъ, не найдя ничего. Возвратясь домой, старикъ засталъ свою старуху баюкающей какого-то мальчугана.

— Откуда, старуха, тебѣ Богъ послалъ такое добро? До старости дожили, а ни разу его не было?! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ ребенка.

— И сама не знаю, старикъ!—говоритъ старуха;—проснулась однажды утромъ, а онъ лежитъ у меня на постели.

Стали старики воспитывать ребенка. Тотъ росъ съ каждымъ днемъ. Прошло нѣсколько дней, можетъ быть, мѣсяцъ какой нибудь, а изъ ребенка выросъ уже здоровенный дѣтина, мужикъ цѣлый. Время шло. Парень уже совсѣмъ выросъ, возмужалъ и окрѣпъ. Прошло еще нѣсколько времени. Сынъ и говоритъ отцу:

— Отецъ, набери-ка восемь сумъ земли.

Сталъ старикъ набирать землю въ сумы; трудился, трудился онъ, усталъ, изнемогъ; ужъ очень онъ былъ старъ и слабъ, но все же набралъ, сколько нужно земли. Взялъ сынъ сумы съ землей и говоритъ отцу:

— Ну, отецъ, смотри по ту сторону балагана [1]; какъ я переброшу суму черезъ балаганъ — тамъ окажется лошадь.

Сталъ сынъ перебрасывать сумы съ землей и дѣйствительно — какъ перебросить суму — появляется лошадь, перебросить другую—вторая. Такъ онъ перебросилъ всѣ восемь сумъ и за балаганомъ очутилось восемь лошадей.

---

[1] Такъ называютъ якуты юрту.

— Это не простыя лошади, — говоритъ сынъ, перебросивъ всѣ сумы; — онѣ испражняются не простымъ каломъ, а лошадями же.

И въ самомъ дѣлѣ; какъ выложитъ какая нибудь изъ этихъ восьми лошадей калъ — сейчасъ же появляется новая лошадь.

— Ну, отецъ, теперь у тебя есть чѣмъ кормиться, голодать больше не будешь, — говоритъ сынъ.

Разбогатѣли старики; что ни день — прибываютъ да прибываютъ у нихъ лошади. Всюду разбросались табуны старика и развелось у него лошадей несмѣтное число. Долго ли, коротко ли, только сталъ сынъ скучать у стариковъ. Стала прибывать у него сила могучая; стало его тянуть съ кѣмъ нибудь подраться, потягаться, силой помѣряться, кости поразмять. Добылъ онъ себѣ подъ стать сильнаго коня, желѣзнаго, крылатаго и такъ сталъ говорить отцу:

— Ну, отецъ, питанія я тебѣ досталъ вдоволь, лошадей у тебя много. Живи себѣ съ богомъ, а я поѣду побродить по свѣту, богатырей поискать, силой потягаться. Если живъ останусь, вернусь къ вамъ когда нибудь; если-жъ убьютъ, ну, прощайте тогда и не поминайте лихомъ!

Попрощался витязь молодой съ отцомъ, съ матерью, сѣлъ на коня, свистнулъ, и только его и видѣли старикъ со старухой. Долго ѣхалъ витязь по горамъ, по лѣсамъ, по долинамъ. Сталъ онъ подъѣзжать къ тремъ богатырямъ. Испугались двое изъ этихъ богатырей отъ топота его лошади и попадали въ обморокъ. А третій, сказавъ: — «Эхъ вы, испугались сына старика со старухой!? Вотъ я усмирю его»,—пошелъ къ нему на встрѣчу. Завязался бой. Но недолго дрались они. Ударилъ стариковъ сынъ разъ своего противника пятидесятипудовымъ посохомъ, другой разъ, третій — слабѣть сталъ тотъ. Скоро онъ его и совсѣмъ убилъ и искрошилъ на мелкіе кусочки. Не тронувъ двухъ товарищей убитаго, побѣдитель сѣлъ на своего коня и уѣхалъ дальше искать приключеній. Много и долго онъ ѣздилъ по свѣту, много увидѣлъ и странъ и людей, много разъ дрался, многихъ убилъ. Нигдѣ не нашелъ себѣ равнаго. И возгордился витязь. Думалъ онъ уже, что нѣтъ ему равнаго, что онъ только одинъ и есть на свѣтѣ сильный, славный и могучій богатырь. Заспѣси-

вился онъ; сталъ гордъ и заносчивъ. Ѣдетъ онъ такъ однажды, преисполненный гордости, а конь его и говоритъ ему:

— Нужно, хозяинъ, вернуться!—пора! не сдобровать намъ, если двинемся дальше. Гибель насъ ждетъ впереди! вернемся!

Разсердился витязь на свою вѣрную лошадь, ударилъ ее своимъ пятидесятипудовымъ посохомъ и говоритъ:

— Глупое животное! Я тебя сдѣлалъ и ты же хочешь учить меня! Умнѣе меня хочешь быть!?

Еще побилъ онъ свою лошадь и поѣхалъ дальше. Вдругъ на пути его, передъ нимъ, предсталъ маленькій человѣчекъ, совсѣмъ карликъ, и говоритъ ему:

— Ты, сынъ старика и старухи, сдѣлался слишкомъ силенъ и хочешь стать сильнѣе меня. Я тебѣ не давалъ такой силы. Ты зазнался и слишкомъ возгордился, такъ что мнѣ надо смирить тебя. Я уже давно жду тебя здѣсь.

Сказавъ это, карликъ исчезъ. Богатырь былъ сначала крайне удивленъ рѣчами карлика и не могъ сообразить даже, въ чемъ дѣло, но потомъ, по исчезновеніи того, опомнившись, очень разсердился.

— «Ахъ, ты! Еще разговариваетъ! Зачѣмъ я его не убилъ? Надо было убить!» — и поѣхалъ дальше. Не проѣхалъ онъ однако, и десяти шаговъ, какъ замѣтилъ передъ собой, стоящаго, на пути богатыря гигантскаго роста, выше лѣса стоячаго. Подъѣхалъ къ нему стариковъ сынъ и говоритъ:

— Какъ: добромъ будемъ говорить, или по худому встрѣтимся?

— Вонъ мой посохъ лежитъ, — кивнулъ тотъ въ сторону; — подними его, попробуй; поднимешь, ну тогда и разговаривай со мной.

— Вотъ гдѣ нашъ конецъ! — молвилъ конь своему хозяину.

— Молчи — отвѣтилъ тотъ и, слѣзши съ коня, сталъ поднимать посохъ.

Но только онъ взялся за него и попробовалъ поднять, какъ ушелъ по колѣна въ землю; еще понатужился—увязъ по поясъ, а посохъ лежитъ какъ и раньше, словно его и не трогали, Собралъ тутъ гордый витязь всѣ свои силы, уперся руками въ посохъ, попробовалъ поднять и ушелъ въ землю по шею. Тогда

только понялъ онъ, что пришелъ тутъ его конецъ, смерть пришла и сталъ завѣщать:

— Пусть голова моя станетъ столовой горой, спинной хребетъ—горною цѣпью, а ноги и руки—горными хребтами!

Такъ сынъ старика и старухи, могучій богатырь, слишкомъ возгордившійся своей непомѣрной силой, погибъ, обратясь въ столовую гору, хребты и горную цѣпь.

4. Богатырь-карликъ.

Сказка.

Жили были десять человѣкъ, очень сильныхъ; каждый изъ нихъ могъ поднять сто пудовъ. Однажды они сидѣли за ѣдой. Въ это время къ нимъ пришелъ маленькій, худенькій парнишка и сказалъ:

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй,—отвѣтили тѣ.

Гостя не пригласили сѣсть, не дали ему никакой отдѣльной посуды, а просто каждый отрѣзалъ отъ своей доли по куску мяса и подѣлился съ нимъ. Пока парнишка ѣлъ мясо, хозяева разспрашивали его—не знаетъ ли онъ богатырей гдѣ нибудь, такъ какъ они де также богатыри, что каждый изъ нихъ поднимаетъ сто пудовъ и что они хотѣли бы сразиться съ кѣмъ нибудь. Гость отвѣтилъ, что не знаетъ богатырей. Тѣмъ временемъ одинъ изъ хозяевъ поднялся изъ за ѣды и спустился зачѣмъ то въ погребъ. Парнишка, кончивъ ѣсть, обратился къ хозяевамъ съ вопросомъ—кто изъ нихъ старшій, чтобъ онъ могъ поблагодарить его за угощеніе. Тѣ грубо отвѣтили:

— Всѣ мы хозяева, благодари всѣхъ.

— Почемъ я зналъ, кого нужно благодарить?!—сказалъ на это парнишка, но сказалъ это такимъ громовымъ голосомъ, что всѣ сидѣвшіе за ѣдой девять человѣкъ тутъ же и умерли отъ испуга. Живъ остался лишь тотъ, кто былъ въ погребѣ, но и онъ выскочилъ оттуда смертельно испуганный.

— Хочешь быть моимъ товарищемъ?—спрашиваетъ его парнишка.

— Хочу,—отвѣчаетъ хозяинъ, трясясь отъ страха.

— Ну, такъ идемъ со мной,—и съ этими словами парнишка вышелъ изъ чŷма; хозяинъ за нимъ.

Здѣсь парнишка завязалъ своему спутнику глаза, и посадивъ его на что то, поѣхалъ. Долго ли они ѣхали, коротко ли, только, пріѣхавъ въ одно мѣсто, остановились. Силачъ снялъ съ себя повязку и видитъ—передъ нимъ прекрасный чумъ. Парнишка открылъ дверной пологъ и юркнулъ во внутрь. Хотѣлъ туда же войти и богатырь нашъ; но какъ ни старался—не могъ открыть дверь; нюкъ [1] былъ такъ тяжелъ, что онъ не былъ въ силахъ даже приподнять его край. Наконецъ, спустя много времени, привезшій его хозяинъ вспомнилъ о немъ и сказалъ своимъ ребятишкамъ, что тамъ, за дверью, стоитъ, должно быть, пріѣхавшій съ нимъ худенькій мужичекъ, напрасно силясь открыть дверь. Ребятишки подняли нюкъ и силачъ вошелъ въ чумъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что привезшій его человѣкъ, котораго онъ принималъ за парнишку, былъ отцомъ множества крошечныхъ ребятъ, которые были много сильнѣе его, хотя ихъ и едва видно было съ земли. Угостили его хорошо; много было разной вкусной пищи. Прошло дней пять—шесть. Въ одно утро хозяинъ спрашиваетъ гостя:

— Хочешь ли быть моимъ спутникомъ и товарищемъ?

— Хочу,—отвѣчаетъ тотъ, не смѣя отказаться.

— Ну, такъ поѣдемъ.

Они вышли. На дворѣ стояла огромная лошадь. Опять маленькій хозяинъ завязалъ глаза своему спутнику и они поѣхали. Долго ли, коротко ли—пріѣхали къ одному прекрасному дому.

— Это мой домъ,—говоритъ хозяинъ;—я живу здѣсь, когда собираюсь сражаться съ богатырями. Теперь здѣсь, недалеко отсюда, есть три брата—богатыри, съ которыми я и пріѣхалъ биться.

[1] «Нюкъ»—полотнище, сшиваемое изъ нѣсколькихъ оленьихъ замшъ и служащее для покрытія чума. Дверной проходъ закрывается концомъ одного изъ такихъ полотнищъ.

Вошли въ домъ. Ѣды и питья здѣсь было вдоволь; ни въ чемъ недостатка нѣтъ. Поѣли и легли спать. На утро хозяинъ, выходя на дворъ, говоритъ:

— Сегодня я буду сражаться.

Скоро вслѣдъ за нимъ вышелъ и спутникъ его, но только онъ вышелъ—видитъ, что къ нему идетъ огромный человѣкъ, выше лѣса стоячаго. Товарищъ маленькаго человѣка страшно испугался и сталъ низко кланяться незнакомцу. Тотъ и говоритъ:

— Что ты кланяешся, развѣ не узналъ своего товарища? У меня тутъ есть такая вода, выпивъ которой, я становлюсь такимъ большимъ. Только ты не разсказывай никому объ этомъ. Ну, я пойду теперь драться, а ты сиди здѣсь и, если услышишь сильный шумъ и громъ—не пугайся и не бей коня, чтобы уѣхать на немъ. Если меня убьютъ, онъ самъ уйдетъ отсюда и можетъ спасти тебя. Сегодня я буду драться со старшимъ братомъ.

Съ этими словами великанъ ушелъ. Спустя немного времени оставшійся услыхалъ страшный шумъ и громъ и бряцаніе оружія. У него даже въ глазахъ потемнѣло, какъ будто отъ страха и онъ, сѣвъ на коня, сталъ понукать и бить его изо всей силы, чтобы уѣхать, но лошадь не повела даже ухомъ. Въ это время онъ увидѣлъ хозяина послѣдней, окровавленнаго и устало бредущаго обратно.

— Ну, слава Богу, съ однимъ справился и теперь могу спать. Если ты услышишь какой нибудь шумъ—буди меня, а если не сможешь добудиться, возьми молотокъ и бей имъ меня по лбу.

Говоря такъ, великанъ вошелъ въ домъ и тотчасъ же завалился спать. Три дня и три ночи проспалъ утомленный хозяинъ. На четвертый день товарищъ его услыхалъ какой то шумъ и бросился будить его. Но какъ ни кричалъ онъ, ни билъ ни толкалъ спящаго—тотъ спалъ себѣ по прежнему и ничего не чувствовалъ. Тогда силачъ вспомнилъ о молоткѣ и взявъ его, три раза ударилъ имъ богатыря по лбу изо всей силы, Тогда только проснулся спящій. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ всталъ, оправился, основательно поѣлъ и затѣмъ, сказавъ своему товарищу, что теперь онъ идетъ сразиться съ среднимъ братомъ богатыремъ, и чтобы товарищъ его остался ждать здѣсь и напрасно не билъ лошадь, такъ какъ она все равно никуда не

уйдетъ, пока онъ живъ,—онъ ушелъ изъ дому. Скоро опять донесся до оставшагося страшный шумъ, громъ и бряцаніе; на этотъ разъ ему показалось даже, что какъ будто небо потемнѣло и перетрусившій мужикъ, снова, забывъ предупрежденіе, взобрался на лошадь и сталъ бить и погонять ее, чтобы убраться изъ страшнаго мѣста; но лошадь по прежнему стояла какъ вкопанная. Черезъ нѣкоторое время вернулся хозяинъ, избитый и окровавленный еще болѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, Богъ помогъ и со вторымъ справиться. Этотъ былъ посильнѣе старшаго брата. Теперь остался самый младшій братъ, самый сильный и страшный. Усталъ я, утомился и сейчасъ лягу спать.

Сказавъ это своему товарищу, богатырь вошелъ къ себѣ и тотчасъ растянулся. Ложась, онъ сказалъ товарищу, чтобы тотъ разбудилъ его черезъ пять дней. Ровно пять сутокъ проспалъ онъ безъ просыпу. На шестыя сутки товарищъ разбудилъ его тѣмъ же порядкомъ. Поѣвши какъ слѣдуетъ, великанъ опять ушелъ сражаться. Чрезъ нѣкоторое время стали слышны такой страшный шумъ и громъ, что бѣдному мужику небо стало казаться то бѣлымъ, то краснымъ, то чернымъ. Наконецъ, спустя много времени, возвратился боецъ, избитый и израненый болѣе, чѣмъ когда либо раньше.

— Ну, слава Богу! Убилъ и послѣдняго,—сказалъ онъ подойдя и передохнувъ немного;—это были послѣдніе богатыри на землѣ; теперь ужъ не будетъ больше такихъ.

Спустя нѣкоторое время, онъ спохватился:

— Эхъ жаль! забылъ захватить золотое кольцо, надѣтое на мизинецъ убитаго сегодня богатыря; надо было взять. Ну, да все равно; лягу спать. Теперь я могу спать цѣлую недѣлю; опасаться болѣе некого!—и богатырь залегъ спать.

Долго сидѣлъ мужикъ дома и думалъ со скуки объ убитыхъ богатыряхъ. Хозяинъ все спалъ. Захотѣлось мужику посмотрѣть убитыхъ, но онъ не рѣшался на это, такъ какъ спящій товарищъ передъ тѣмъ, какъ лечь, предупреждалъ его:

— Смотри не вздумай ходить на мѣсто боя; послѣдній богатырь очень худо легъ.

Но, наконецъ, мужику невтерпежъ стало сидѣть; охота посмотрѣть на убитыхъ перемогла страхъ и онъ отправился. Недолго ему пришлось итти. Только что онъ вышелъ на другую сторону лѣса, какъ видитъ—лежатъ недалеко другъ отъ друга три человѣка, такіе огромные, какъ отдѣльные холмы. Послѣдній, недавно убитый, лежалъ какъ то свѣсившись корпусомъ, на правомъ боку, положивъ правую руку на лѣвое плечо; на мизинцѣ же этой руки блестѣло прекрасное золотое кольцо.

— Ахъ какое хорошее кольцо, надо снять его,—подумалъ мужикъ и взялся было за руку убитаго; но только что онъ коснулся руки, какъ она скатилась съ плеча и придавила его, какъ пасть. [1] Такимъ образомъ онъ оказался придавленнымъ и какъ ни пытался освободиться, не могъ. Долго такъ пролежалъ онъ тутъ. Мертвецъ уже началъ разлагаться и пахнуть, а онъ все лежалъ, едва живой, мучимый голодомъ и жаждой. Наконецъ, черезъ недѣлю проснулся уснувшій богатырь и, хватившись своего товарища, пробормоталъ про себя:

— Дуракъ этотъ навѣрное пошелъ на мѣсто боя.

Сказавъ это, онъ пошелъ туда самъ и освободилъ своего еле живого спутника. Затѣмъ богатырь снялъ съ убитаго золотое кольцо и надѣлъ его, какъ обручъ, вокругъ туловища своего извлеченнаго товарища, говоря:

— Носи, если нравится,—послѣ чего они оба вернулись домой.

Придя туда, хозяинъ сходилъ ненадолго въ лѣсъ, откуда вернулся по прежнему крошечнымъ человѣчкомъ. Покончивъ такъ со своими дѣлами и принявъ прежній обликъ, карликъ съ товарищемъ поѣхали домой, къ семьѣ хозяина.

Сколько времени по своемъ возвращеніи они прожили тамъ—неизвѣстно. Только говоритъ однажды хозяинъ своему товарищу:

— Сколько пудовъ, ты говоришь, можешь поднять?

— Сто,—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну чтожъ! это хорошо!—говоритъ хозяинъ,—и я могу поднять пудовъ съ тысченку; оно и ладно. Пойдемъ въ городъ за покупками!

[1] «Пасть»—ловушка для дикаго звѣря.

— Пойдемъ.

Пошли. Приходятъ въ городъ и ходятъ по лавкамъ; маленькій идетъ впереди, большой сзади. Всѣ смотрятъ и дивятся. Въ одной лавкѣ разговариваютъ другъ съ другомъ два старыхъ купца, обращаясь частью къ пришельцамъ, или вѣрнѣе къ спутнику карлика. А надо замѣтить, что карликъ предупреждалъ своего спутника, чтобы тотъ какъ нибудь не проболтался о богатыряхъ.

— Были здѣсь, не такъ далеко отсюда, три богатыря,— говоритъ одинъ купецъ.—Каждый годъ они писали въ наши города, а нынче что то нѣтъ письма. Что съ ними случилось? Не слыхали ли вы чего нибудь о нихъ?—обратился купецъ съ вопросомъ къ пришельцамъ.

Только что мужикъ открылъ было ротъ, чтобъ сболтнуть, что ему было извѣстно, какъ маленькій спутникъ слегка толкнулъ его, чтобы тотъ молчалъ. Но какъ ни слабо толкнулъ карликъ, толчекъ, однако, былъ такъ силенъ, что раздробилъ ноги его спутнику и тотъ со стономъ свалился на полъ. Тутъ карликъ внезапно исчезъ, словно въ воду канулъ, а товарищъ его, оставшійся одинъ, разсказалъ все, что ему было извѣстно.

5. Хулян и ковшичан [1].

Сказка.

Жили два пріятеля—хулян и ковшичан. Были они семейные, имѣли по нѣсколько дѣтей и жили на берегу рѣки, въ двухъ чумахъ, по сосѣдству другъ съ другомъ. Однажды друзья, соскучившись сидѣть дома, рѣшили поѣхать вверхъ по рѣчкѣ. Сказано сдѣлано. Приготовили двѣ вѣтки [2], взяли съ собой кой какой запасъ провизіи и въ одно утро двинулись въ путь. Ѣхали

[1] Хулян (*hyл̄ан*) — лисица; Ковшичан (*ковшӣча̄н*) — мелкая лѣсная птица.

[2] Челноки.

тихо; рѣка была спокойна, теченіе незамѣтно. Ночуя дорогой, вытаскивали свои вѣтки на берегъ и ставили ихъ носомъ туда, куда лежалъ ихъ путь, чтобы по ошибкѣ не уѣхать обратно. Долго плыли пріятели; можетъ быть, недѣля, можетъ быть двѣ прошли, какъ они разстались съ своими чумами. Ничего особеннаго за время пути имъ не попалось. Стали въ это время зарождаться у хуляна дурныя мысли. На одномъ ночлегѣ, когда ковшичан уснулъ, хулян незамѣтно для товарища повернулъ вѣтки носомъ обратно, внизъ по рѣкѣ. Наступило утро. Ковшичан проснулся и сталъ будить товарища.

— Вставай, пора уже ѣхать!

— А развѣ разсвѣло уже?

— Разсвѣло, скоро уже день.

Встали пріятели, сѣли въ свои вѣтки и двинулись въ путь. Теченія по прежнему не было. Ковшичан не замѣчалъ, что ѣдутъ обратно и плылъ спокойно. Долго плыли. Наконецъ, впереди попались олени; ихъ было не много, всего штукъ, можетъ быть, десять, пятнадцать. Въ тѣ времена вообще было не много оленей; штукъ десять—много двадцать у одного человѣка.

Подъѣзжаютъ ближе.

— Что это, какъ одинъ порозъ похожъ на моего?! удивляется ковшичан.

— Глупый! Развѣ у тебя одного есть олени? возразилъ хулян, мало ли бываетъ похожихъ другъ на друга оленей! Даже люди встрѣчаются совсѣмъ одинаковые!

— А знаешь что? сказалъ хулян немного спустя, — давай, убьемъ этого оленя и съѣдимъ.

— Чтоже, давай, отвѣтилъ ковшичан.

Порозъ ковшичана былъ убитъ и съѣденъ. Проплывъ еще немного, пріятели увидѣли два чума. Замѣтивъ ихъ, хулян остановилъ своего товарища и говоритъ:

— Ковшичан! видишь ли впереди два чума? Я раньше бывалъ здѣсь и немного знаю эти мѣста. Въ этихъ двухъ чумахъ живутъ двѣ женщины, и у каждой есть дѣти. Пойдемъ туда, перебьемъ ихъ всѣхъ съ дѣтьми и угонимъ ихъ оленей къ себѣ домой. Хочешь?

— Ладно, отвѣтилъ ковшичан.

— Только вотъ что! говоритъ хулян; когда ты будешь перебивать въ томъ чумѣ, я покончу съ этимъ чумомъ. Помни, что женщины эти очень хитры. Баба въ томъ чумѣ, когда ты станешь убивать ихъ, будетъ кричать тебѣ:—«Мужъ, мужъ! что ты дѣлаешь, зачѣмъ ты убиваешь своихъ дѣтей? Или съ ума сошелъ!?»—Дѣти, наученныя матерью, также станутъ кричать:—«Отецъ, отецъ! Зачѣмъ убиваешь насъ? Съ ума сошелъ?»— Но ты не слушай ихъ—это одна только хитрость, и убей ихъ скорѣе!

— Ладно! отвѣтилъ ковшичан—а ты также сдѣлаешь?

— Ну конечно, отвѣтилъ хулян, и заговорщики разошлись по двумъ чумамъ: хулян пошелъ въ свой чумъ, ковшичан въ свой. Войдя къ себѣ, хулян подговорилъ жену кричать: «Мужъ! Что ты дѣлаешь? Съ ума сошелъ, что ли?! зачѣмъ убиваешь своихъ дѣтей?» а ребятъ своихъ научилъ кричать: «Отецъ, отецъ! зачѣмъ убиваешь насъ? съ ума сошелъ, что ли?» Научивъ ихъ такъ, хулян началъ стрѣлять изъ лука въ чумовой шестъ, къ которому прикрѣплена была перекладина съ крюками для чайника и котла, а жена и дѣти хуляна принялись кричать и выть по его уговору. Услышавъ шумъ и крики въ сосѣднемъ чумѣ, ковшичан началъ разстрѣливать своихъ дѣтей. Какъ ни плакали и ни молили его жена и дѣти, онъ былъ неумолимъ и живо покончилъ со своей семьей. Когда, перебивъ своихъ, ковшичан явился въ сосѣдній чумъ, хулян сталъ хохотать надъ нимъ:

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха! Я ковшичана обманулъ и онъ убилъ своихъ дѣтей; я ковшичана обманулъ и онъ убилъ свою жену! Ха! ха! ха!

Горько стало ковшичану, обидно! Сталъ онъ думать—какъ бы отомстить вѣроломному другу. Время шло Наступила осень. Пошелъ первый снѣжокъ. Озерки покрылись льдомъ.

Говоритъ однажды ковшичан хуляну:

— Пойдемъ за озеро, поохотимся немного!

— Чтоже, пойдемъ пожалуй, отвѣчаетъ хулян, думая, что добродушный ковшичан позабылъ уже обиду. Нужно было перейти черезъ озеро. Легкій ковшичан пошелъ передомъ и шелъ, едва касаясь ногами льда и помогая себѣ слегка крыль-

ями (хоть и люди они тогда были, а у ковшичана имѣлись крылья).

— Ковши, ковши! ледъ что то трещитъ подъ ногами, говоритъ хулян.

— Полно, ледъ уже крѣпкій—говоритъ ковшичан; — стучатъ только объ ледъ мои слезы о моихъ дѣтяхъ.

Побѣжали дальше, но только сдѣлали нѣсколько десятковъ шаговъ—ледъ подъ хуляномъ обломился и онъ погрузился въ воду.

— Ковши, ковши! помоги — я тону, кричитъ хулян; тащи жердину.

— Сейчасъ!

— Ковшичан побѣжалъ на берегъ и притащилъ оттуда жердь; но только жердью онъ не помогалъ выбраться хуляну, а наоборотъ, давилъ тонущаго. Хулян барахтался, барахтался, но наконецъ усталъ и пошелъ ко дну. Но не такой онъ былъ парень, чтобы погибнуть. Пошелъ хулян ко дну и попалъ къ язямъ. Узнали его язи и спрашиваютъ:

— Ты, хулян, не шаманъ ли? У насъ мать сильно больна, нужно бы пошаманить немного.

— Да, я шаманъ и, если хотите, могу полѣчить вашу мать.

— Пожалуйста, хулян, пошамань, а мы ужъ тебя отблагодаримъ, если вылѣчишь.

— Хорошо,—говоритъ хулян;—сдѣлайте въ такомъ случаѣ большое туру̀ [1], продолбите ледъ на озерѣ и поставьте туру̀ такъ, что бы оно выходило за ледъ. Затѣмъ принесите нюки и закройте насъ, когда я стану вытягивать болѣзнь изъ вашей матери. Мать ваша будетъ кричать: «хулян убиваетъ меня, хулян ѣстъ мою икру; ловите хуляна, бейте его!» — такъ вы не обращайте на это вниманія, такъ какъ это болѣзнь будетъ кричать въ ней, чтобы я не выгонялъ ее.

— Хорошо, — согласились язи.

Устроили туру̀, притащили нюки, устроили занавѣсъ для матери. Началъ шаманить хулян, а потомъ, спустя немного,

---

[1] Шаманское дерево.

забрался подъ занавѣсъ, распоролъ больной животъ и началъ ѣсть ея икру.

— Ой, спасите, хулян ѣстъ мою икру, ловите хуляна, бейте его скорѣе!—закричала старуха, но наученные хуляномъ язи не тронулись съ мѣста. Кончивъ ѣсть икру, хулян вышелъ изъ подъ нюка и говоря, что нужно теперь подниматься на верхъ, выбрался по туру̀ на ледъ озера, гдѣ и хохоталъ досыта надъ простотой язей. Посмѣявшись надъ язями, хулян отправился въ лѣсъ, гдѣ встрѣтилъ старика съ двумя худыми оленями.

— Здравствуй дѣдушка, — говоритъ хулян.

— Здравствуй хулян, — отвѣчаетъ старикъ.

— Почему у тебя дѣдушка олени такіе сухіе?

— Какъ же имъ не быть сухими, когда ихъ у меня только два?!

— Э-э, я бы ихъ въ три дня откормилъ и они бы у меня разжирѣли.

— Ну, ужъ?!

— Правда, откормилъ бы! — увѣряетъ хулян.

— А ну, попробуй откормить моихъ, — говоритъ старикъ.

— Чтожъ, пожалуй,—соглашается хулян;—только, дѣдушка, оставь мнѣ молотокъ свой; я со скуки буду учиться ковать.

Оставилъ старикъ хуляну оленей своихъ и молотокъ, а самъ пошелъ домой, къ своей старухѣ. Оставшись одинъ, хулян, не долго думая, убилъ оленей и началъ ѣсть ихъ, раскалачивая молоткомъ кости, чтобы добыть мозгъ. Дня черезъ два является онъ къ старику.

— Ну что, хулян, гдѣ олени?—спрашиваетъ старикъ.

— Въ лѣсу, разжирѣли такъ, что и не справишься съ ними— отвѣчаетъ хулян.

Пошелъ старикъ въ лѣсъ, увидѣлъ обглоданныя кости и кой какіе остатки своихъ оленей и кричитъ оттуда на бѣгу своей старухѣ:

— Старуха, старуха, держи хуляна, онъ съѣлъ нашихъ послѣднихъ оленей!

Старуха была глуховата и обращается къ хуляну:

— Скажи, хулян, что кричитъ мой старикъ?

— Онъ кричитъ, бабушка — говоритъ хулян — отдай, старуха, хуляну нашъ послѣднiй жиръ, привяжи его ему на хвостъ, такъ какъ онъ хорошо поправилъ нашихъ оленей.

Привязала старуха къ хвосту хуляна послѣднiй жиръ въ пузырѣ и тотъ удралъ въ лѣсъ, гдѣ хохоталъ надъ тѣмъ, какъ надулъ старика со старухой. Пробѣжалъ хулян дальше и встрѣтилъ нѣсколько волковъ.

— Здравствуйте, волки, — говоритъ хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвѣчаютъ тѣ.

Присѣлъ хулян къ волкамъ, досталъ свой пузырь съ жиромъ, привязанный къ его хвосту и началъ есть.

— Что ты ѣшь, хулян? — спрашиваютъ волки.

— Жиръ, — отвѣчаетъ тотъ.

— Дай намъ попробовать.

Далъ имъ хулян жиру; попробовали волки.

— Вкусно, — говорятъ. — Гдѣ ты его досталъ?

— Тамъ, въ рѣкѣ!

— Какъ въ рѣкѣ?

— Да такъ; сунулъ хвостъ въ прорубь, просидѣлъ ночь, а на утро и вытащилъ пузырь съ жиромъ.

— Та-акъ; — говорятъ волки. — Научи же хулян и насъ, какъ добывать жиръ изъ рѣки.

— Что же, пойдемте пожалуй — говоритъ хулян.

Пришли къ рѣкѣ, нашли прорубь; сунули туда волки свои хвосты и сидятъ, ждутъ. Сидѣлъ съ ними и хулян, только хвостъ у него загнутъ вверхъ, вплоть къ спинѣ, такъ что его не замѣтить. Долго сидѣли охотники до жира. Былъ морозъ; вода въ проруби замерзла, а съ ней вмѣстѣ примерзли ко льду и волчьи хвосты. Какъ только замѣтилъ хулян, что волки прикованы крѣпко, захохоталъ сейчасъ же и пустился бѣжать.

— Ха, ха, ха! Вотъ дураки?! Какъ я ихъ надулъ! — слышалось одураченнымъ волкамъ. Бѣжалъ, бѣжалъ хулян, проголодался, а жиру то уже больше нѣтъ. Нашелъ онъ въ лѣсу оленьи рога и сталъ грызть, но толку отъ этого не вышло; сломалъ только себѣ одинъ зубъ и побѣжалъ дальше. Скоро добрался хулян до одного чума, гдѣ было много народу и сдѣлался у нихъ гостемъ. Сидѣлъ онъ у нихъ, ѣлъ пилъ и бесѣдовалъ.

Много ли прошло времени или мало, только прибѣгаютъ туда надутые хуляномъ волки. Богъ ихъ знаетъ, какъ они освободили свои хвосты изо льда; но только такъ, или иначе, освободились и пустились догонять хуляна. Дорогой нашли обглоданные имъ рога и его сломанный зубъ. Подбѣжали они къ чуму и совѣщаются:

— Какъ намъ узнать хуляна, онъ теперь среди людей!

— Мы можемъ узнать его только по зубамъ, одного зуба у него нѣтъ.

— Вотъ что, — говоритъ старшій волкъ, — надо ихъ всѣхъ насмѣшить; прыгайте вы одинъ за другимъ черезъ костеръ, и когда шерсть на васъ будетъ загораться отъ огня, всѣ будутъ хохотать, а вы примѣчайте — кто какъ смѣется.

Такъ волки и сдѣлали. Прибѣжали въ чумъ и давай прыгать одинъ за другимъ черезъ костеръ. Костеръ былъ порядочный, прыгали волки тяжело и то у одного, то у другого вспыхивали отъ огня то хвостъ, то брюхо.

Всѣ сидѣвшіе въ чумѣ стали смѣяться, что̀ молъ, это волки вздумали черезъ огонь скакать и какъ они прыгаютъ неловко. Смѣялся вмѣстѣ съ другими и хулян, но только все прикрывалъ ротъ, чтобы волки не замѣтили у него сломаннаго зуба. Однако хитрость не спасла его; волки замѣтили какъ онъ все прикрываетъ ротъ, набросились на него и давай его бить и кусать. Долго били хуляна волки, но все же оставили его въ живыхъ, избитаго до полусмерти и ушли. Остался хулян, похворалъ нѣкоторое время, а потомъ опять принялся за старыя продѣлки. Побѣжалъ хулян въ лѣсъ и встрѣтилъ медвѣдя.

— Здравствуй, дѣдушка — говоритъ хулян.

— Здорово, хулян — говоритъ медвѣдь.

— Ты гдѣ ночуешь, дѣдушка?

— А гдѣ придется.

— Брр! Это очень холодно — говоритъ хулян; — я такъ всегда выбираю самыя теплыя мѣста.

— Гдѣ же ты спишь? — въ свою очередь спрашиваетъ медвѣдь.

*

— А я всегда сплю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ раньше всего начинаетъ грѣть солнце, напримѣръ, на откосѣ горы, на выступѣ утеса и т. п. Хочешь, я покажу тебѣ хорошее мѣсто?

— Пойдемъ, — говоритъ медвѣдь.

Привелъ хулян медвѣдя на маленькій выступъ скалы, гдѣ едва могутъ улечься рядомъ два-три человѣка и говоритъ:

— Вотъ хорошее мѣсто, здѣсь и будемъ спать. Ты, дѣдушка, человѣкъ старый, еще свалишься ночью въ пропасть, такъ ложись къ стѣнѣ, а я лягу съ краю; только если ночью я скажу тебѣ — подвинься дѣдушка, а то ты меня столкнешь, такъ ты подвигайся къ стѣнѣ.

— Хорошо,—говоритъ медвѣдь и новые пріятели легли спать. Медвѣдь какъ легъ на бокъ, такъ скоро и захрапѣлъ. Тогда хитрецъ перелегъ съ другой стороны медвѣдя и говоритъ какъ будто съ испугомъ:

— Дѣдушка, дѣдушка, отодвинься подальше, а то тѣснишь меня и я скоро свалюсь.

Медвѣдь хотѣлъ было отодвинуться, повернулся, но тотъчасъ же сорвался и полетѣлъ внизъ, гдѣ и разбился на смерть. Хуляну только и надо было этого.

Онъ спустился внизъ, распотрошилъ медвѣдя, надѣлалъ изъ его сала колбасы, наѣлся досыта, пожилъ здѣсь немного, питаясь медвѣжатиной, а потомъ, сунувъ одну колбасу за штаны, побѣжалъ опять рыскать. Бѣжалъ, бѣжалъ онъ по лѣсу и добѣжалъ до мужика, добывавшаго тесъ.

— Здорово пріятель, — говоритъ хулян.

— Здорово, — отвѣчаетъ тотъ.

— Это ты, что ли, на двухъ женахъ женатъ?

— Я, — говоритъ тотъ.

— Съ которой же изъ нихъ ты спишь теперь?

— Съ молодой, — говоритъ тотъ.

Присѣлъ тутъ хулян, высунулъ изъ за штановъ медвѣжью колбасу, отрѣзалъ отъ нея кусокъ и сталъ ѣсть.

— Ты что это ѣшь, хулян? — спрашиваетъ мужикъ.

— А penis свой, — отвѣчаетъ тотъ.

— Ну-у?! врешь, хулян?

— Зачѣмъ врать?!

— И вкусно?

— Очень вкусно!

— А ну, дай попробовать.

Опять высунулъ хулян конецъ колбасы, отрѣзалъ отъ нея кусокъ, отдалъ ее мужичку, а остальное снова спряталъ за штаны. Попробовалъ мужикъ колбасы — вкусно, понравилась.

— Да какъ же это ты дѣлаешь? Врешь поди? — говоритъ онъ; — вѣдь это больно, должно быть?!

— Нисколько,—говоритъ хулян,—отрѣжешь конецъ penis'а, а онъ сейчасъ же отростетъ снова; вотъ попробуй у себя отрѣзать.

Боязно мужику, да и колбаса вкусна. А тутъ хулян опять рѣжетъ свою колбасу и такъ аппетитно жуетъ. Соблазнился мужикъ, извлекъ свой penis, хватилъ по нему ножемъ, да тутъ же и свалился безъ словъ и скоро отъ потери крови умеръ. Взялъ хулян приготовленный мужичкомъ тесъ и пошелъ къ его чуму. Тамъ его встрѣтили дѣти умершаго.

— Что это у насъ отецъ какъ будто не похожъ на себя немного сегодня,—говорятъ ребятишки.

— Гмъ.., какъ же не казаться другимъ, когда цѣлый день работалъ и усталъ. Тащите скорѣй яхинга [1] (*jahiңa*) и пурульба [2] (*пурулба*), добавилъ онъ.

Хотя и не правильно назвалъ онъ скобель и коловоротъ, но дѣти все же принесли ихъ. Началъ хулян скоблить. Скоблилъ, скоблилъ, но только ничего у него не выходитъ. Бросилъ онъ скобель и доски и сказалъ:—

— Усталъ, завтра додѣлаю—и ушелъ въ чумъ.

А тѣмъ временемъ сдѣлалось уже темно. Поужиналъ хулян и легъ спать съ молодой женой умершаго мужика. Ночью вдругъ баба кричитъ:

— Ой, это не мужъ мой, а хулян; у него penis костяной; бейте его топоромъ. Ой, больно, бейте скорѣй!—

---

[1] Скобель. Хулян употребилъ неправильное, искаженное слово, сдѣлавшееся благодаря этой сказкѣ юмористическимъ. Правильно по тунгусски скобель называется—*ірӓпчінӓ*.

[2] Лопарье, коловоротъ; (слово искаженное; вмѣсто—*пурупча̄на*).

Старая жена умершаго схватила топоръ и ударила имъ съ размаху, но хулян успѣлъ соскочить и убѣжать, почему ударъ топоромъ пришелся по лежавшей бабѣ и разсѣкъ ей животъ. Умерла баба, а хулян бѣжитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало по лѣсу, да посмѣивается. Долго ли, коротко ли онъ бѣжалъ, только видитъ — стоитъ амбарчикъ, а около — санка, запряженная оленями. Подбѣжалъ ближе, видитъ дѣвушки грузятъ въ винкири [1] сушеный оленій жиръ и другіе съѣдобные запасы. Подошелъ къ нимъ хулян.

— Здорово, дѣвки!—

— Здорово, хулян!—

— Что вы тутъ дѣлаете?—

— А жиръ хотимъ везти домой, да вотъ горе—не знаемъ, какъ проѣхать прямикомъ, а такъ ужъ очень далеко ѣхать; можетъ быть, ты знаешь прямую дорогу и покажешь ее намъ?

— О—о, эту дорогу я очень хорошо знаю и, коли хотите— могу показать ее вамъ,—говоритъ хулян. Только положите меня въ санку, рядомъ съ винкирями, а сверху закройте; когда доѣдете до какой нибудь рѣчки—спрашивайте, «какая это рѣчка»? и я вамъ буду называть ихъ.—

— Ладно,—говорятъ дѣвушки.

Набили онѣ свои винкири жиромъ и другими съѣдобными вещами, нагрузили ихъ на санки, посадили туда же хуляна и поѣхали въ ту сторону, куда онъ имъ показалъ. Ѣхали, ѣхали и доѣхали до одной рѣчки.

— Это какая рѣчка, хулян?—спрашиваютъ дѣвки.—

— Эта рѣчка называется—«Хуляльгы» [2] — отвѣчаетъ хулян.

Ѣдутъ дальше. Черезъ нѣкоторое время попадается другая рѣчка.

— А это какая рѣчка? спрашиваютъ хуляна—

— «Умурульса» [3]—отвѣчаетъ тотъ.

Опять ѣдутъ дальше; встрѣчается третья рѣчка.

— А это какая рѣчка, хулян?

---

[1] Сумы для оленьяго вьюка.

[2] «Начинаю развязывать» (искаженное, вмѣсто *hylālḱм*).

[3] «Верхъ винкиря» (искаженное, вмѣсто *умýрун*).

— Это рѣчка, «Дулильга» [1],—отвѣчаетъ тотъ съ воза.

Ѣдутъ дѣвки дальше и попадается имъ скоро еще рѣчка.

— Ну, а это какая рѣчка, хулян? — спрашиваютъ опять дѣвушки.

— Рѣчка «Кумкальга» [2],—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, а теперь выпустите меня, дѣвки,—говоритъ хулян;—отсюда уже близко до вашего дома, а я къ тому же и дороги дальше не знаю.

Выпустили дѣвки хуляна и тотъ побѣжалъ въ лѣсъ.

Но только онъ отбѣжалъ отъ нихъ немного, сейчасъ же захохоталъ:

— Ха! ха! ха! Я дѣвокъ надулъ. Ха! ха! ха! я у нихъ весь жиръ съѣлъ!

— А-а! хулян обманулъ насъ! надо его догнать, — сказали дѣвушки, сѣли на санку и пустились догонять его.

Побѣжалъ хулян въ лѣсъ, а тамъ былъ уже глубокій снѣгъ.

Бѣжалъ, бѣжалъ хулян и скоро сталъ уставать, а дѣвушки его нагоняютъ. Что дѣлать? Залѣзъ хулян на дерево и сидитъ, ждетъ.

Подъѣхали дѣвушки къ дереву и начали совѣтоваться, какъ достать оттуда хуляна.

— Надо срубить дерево,—говоритъ одна.

— Нѣтъ это не годится,—говоритъ другая,—дерево упадетъ, хулян соскочитъ съ него и опять убѣжитъ.—

— Давайте, подожжемъ дерево,—предложила третья.—

— Правда, давайте!—согласились всѣ хоромъ.

Живо натаскали подъ дерево цѣлыя кучи хвороста и подожгли все это. Скоро затрещалъ хворостъ, задымилъ; стали подниматься огненные языки къ верху, стали они жечь и палить хуляна. Сталъ хулян задыхаться въ дыму, сталъ горѣть и взмолился онъ тутъ огню:

— Ахъ, огонь, огонь! не сожги всего, а оставь меня въ живыхъ, хоть съ рукавъ величиной!

---

[1] «Половина» (искаженное, вмѣсто—*дуlінман*).

[2] «Чисто, кончено» (искаженное, вмѣсто—*кумка́м*).

Внялъ огонь просьбѣ хуляна и оставилъ его въ живыхъ, но только съ тѣхъ поръ онъ сталъ не больше рукава шубы.

Такъ былъ наказанъ хулян за свои продѣлки и сдѣлался маленькимъ звѣрькомъ, а отъ него пошли теперешніе хуляны, маленькіе и красноватые, какъ будто огненные.

СПБ. Ноябрь 1907 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

И. П. Толмачевъ.

Замѣтка по поводу „Образцовъ Тунгусской народной литературы“ въ пересказѣ В. Н. Васильева[1].

Сказки и преданія тунгусовъ, пересказанныя В. Н. Васильевымъ, были собраны имъ во время Хатангской экспедиціи Географическаго Общества, работавшей въ 1905 году подъ моимъ начальствомъ въ Туруханскомъ округѣ Енисейской губерніи. Когда мы въ февралѣ 1905 года двинулись изъ Туруханска, къ намъ прикомандировали въ качествѣ переводчика для тунгусскаго языка (В. Н. Васильевъ, превосходно владѣющій якутскимъ языкомъ, съ тунгусскимъ имѣлъ дѣло впервые) тунгуса Илимпійскаго рода Данилу Хирагира, который и былъ съ нами неразлучно во все время экспедиціи, а во время плаванія экспедиціи по р. Котую и Хатангѣ, т. е. около двухъ съ половиной мѣсяцевъ, онъ былъ нашимъ единственнымъ рабочимъ или, такъ какъ мы и сами были такими же рабочими, нашимъ помощникомъ и товарищемъ, ѣхавшимъ съ нами на равной ногѣ, спавшимъ въ одной палаткѣ, дѣлившимъ всѣ лишенія и удовольствія экспедиціи, радовавшимся вмѣстѣ съ нами нашимъ удачамъ, и горевавшаго надъ нашими печалями. Осенью, когда

[1] Стр. 10—39.

мы снова поѣхали на оленяхъ въ сопровожденіи большаго числа инородцевъ, Данила удержалъ свое мѣсто въ нашемъ чумѣ и былъ все время неизмѣннымъ членомъ нашего общества. Онъ быстро привыкъ къ намъ, даже привязался. Любознательный до крайности, какъ всѣ его соотечественники, онъ всѣмъ интересовался, съ живѣйшимъ участіемъ прислушивался къ нашему разговору, разспрашивалъ о томъ, о другомъ, и самъ разсказывалъ, что могъ и зналъ, и между прочимъ цѣлый рядъ преданій и сказокъ, которыя разсказываются среди тунгусовъ. Въ началѣ путешествія и лѣтомъ, когда мы были завалены работой, и времени было мало, мы могли слушать эти разсказы только урывками. Позднѣе, когда быстро приближающаяся полярная зима все более и болѣе сокращала рабочее время, и длинные вечера сдѣлались значительно свободнѣе, мы начали коротать ихъ, разсказывая и слушая сказки. Въ это то время и разсказывались обыкновенно сказки и преданія, пересказанныя здѣсь со словъ Данилы В. Н. Васильевымъ. Сказки записывались также и другими участниками экспедиціи, но В. Н. Васильевъ, въ кругъ занятій котораго входило и собираніе сказокъ и преданій, болѣе трудился надъ ними, чѣмъ это было возможно для насъ; онъ постоянно возвращался къ своимъ записямъ, не разъ заставлялъ Данилу разсказывать снова, разспрашивалъ его объ отдѣльныхъ, неясно понятыхъ мѣстахъ, вообще прилагалъ всѣ старанія къ возможно болѣе точной записи разсказовъ Данилы, почему эти сказки и преданія и печатаются имъ здѣсь только въ своей редакціи.

Данила Хирагиръ—сынъ сестры тунгуса Николая Хирагира, по прозвищу Чунго, бывшаго во время нашей экспедиціи старшиною или княземъ Илимпійскаго тунгусскаго рода. Данила выросъ и воспитывался въ семьѣ своего дяди, затѣмъ служилъ работникомъ у туруханскихъ купцовъ, гдѣ и научился съ грѣхомъ пополамъ говорить по русски, благодаря чему онъ попалъ къ намъ въ экспедицію, а еще ранѣе (въ 1896 г.) въ экспедицію Асташева. Николай Хирагиръ—дядя нашего сказочника, является типичнымъ тунгусомъ со всѣми достоинствами и слабостями своего народа, патріотомъ котораго его можно назвать вполнѣ.

Тунгусы сѣверной Сибири постепенно, но неукоснительно, уступаютъ передъ болѣе сильными якутами, теряютъ свой языкъ и, наконецъ, объякучиваются совершенно. Процессъ объякучиванія идетъ съ сѣвера и сѣверо-востока, и въ верховьяхъ р. Хатанги мы и имѣетъ какъ разъ мѣсто, гдѣ идетъ безкровная борьба двухъ народностей. Такіе патріоты-тунгусы, какъ князь Николай, инстинктивно борются за наслѣдіе своихъ родичей и прежде всего за свой языкъ. Такъ, про князя Николая, какъ и про нѣкоторыхъ другихъ видныхъ тунгусовъ, мы только въ концѣ путешествія узнали, что они довольно прилично говорятъ по якутски и во всякомъ случаѣ понимаютъ этотъ языкъ превосходно. Въ началѣ же, при нашихъ разговорахъ съ княземъ Николаемъ, съ которымъ намъ пришлось имѣть много дѣлъ, мы должны были пользоваться услугами Данилы, какъ переводчика, отказываясь отъ содѣйствія В. Н. Васильева, крайне существеннаго при всякихъ разспросахъ. Но Николай Хирагиръ борется и иначе за свою національную самобытность. Онъ любитъ разсказывать тунгусамъ, собравшимся въ длинные зимніе вечера передъ гостепріимнымъ камелькомъ его балагана, о томъ, какъ жили тунгусы прежде, какіе они были удальцы, какъ непохожи они на своихъ выродившихся слабыхъ потомковъ, однимъ словомъ является хранителемъ традицій и преданій своего племени. Онъ большой любитель разсказывать сказки, чѣмъ, по словамъ Данилы, онъ готовъ заниматься на пролетъ цѣлыя ночи, причемъ нерѣдко сердится, если его не хотятъ слушать или слушаютъ невнимательно, уходятъ, засыпаютъ, такъ что слушаніе сказокъ является въ иныхъ случаяхъ извѣстнаго рода повинностью. Всѣ тунгусскія сказки и преданія, сообщенныя намъ Данилой, онъ слышалъ отъ своего дяди, что, конечно, дѣлаетъ ихъ еще болѣе для насъ интересными. Но сообщенныя здѣсь В. Н. Васильевымъ сказки представляютъ лишь часть того, что мы слышали отъ Данилы. Цѣлый рядъ его разсказовъ напоминалъ намъ сказки Андерсена, Гримма, баллады Жуковскаго и Пушкина и др. Оказывается, что нашъ способъ коротать во время экспедиціи длинные зимніе вечера примѣняется на всемъ сѣверѣ какъ инородцами, такъ и русскими, и Данила для многихъ изъ разсказанныхъ имъ сказокъ могъ указать, отъ кого онъ

ихъ слышалъ впервые. Съ какимъ удовольствіемъ слушаютъ инородцы сказки, мы видѣли сами, и я никогда не забуду, какъ радъ былъ Данила, когда я въ награду за его сказки разсказалъ ему про подвиги Ильи Муромца, какъ не забуду того восторга, съ которымъ онъ прослушалъ знаменитую сказку „о рыбакѣ и рыбкѣ“.

По словамъ Данилы, его дядя иногда разсказываетъ заимствованныя сказки, но именно разсказываетъ, тогда какъ тѣ преданія, которыя имъ считаются какъ бы своими, тунгусскими былинами, онъ поетъ. Но этотъ признакъ не является достаточнымъ критеріемъ. При отсутствіи письменности и строгой преемственности преданій,—что вызвано, главнымъ образомъ, неимѣніемъ опредѣленныхъ мѣстожительствъ,—сказанія и преданія не восходятъ въ глубь вѣковъ и легко спутываются, и, быть можетъ. внуки нашего Данилы будутъ пѣть сказку о рыбакѣ и рыбкѣ какъ поетъ теперь, возможно, Николай Хирагиръ какую-нибудь сказку, которую его дѣдъ или прадѣдъ слышалъ отъ русскаго торговца или казака.

СПБ. Февраль 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

М. Р. Фасмеръ.

Шапка земли греческой.

Уже Срезневскій, Зап. Имп. Ак. Наукъ, I (1862), 196 сл., а за нимъ Пыпинъ, Ист. русск. лит., I[2] 367, обратилъ вниманіе на то, что слово *колоколъ* въ нѣкоторыхъ былинахъ имѣетъ значеніе, не сохранившееся въ современномъ русскомъ языкѣ. Интересуясь значеніемъ и этимологіей этого слова, я въ настоящей замѣткѣ постараюсь рѣшить эти два вопроса. Прежде всего необходимо сопоставить по возможности всѣ извѣстныя доселѣ былины съ упоминаніемъ *колокола*, къ чему я и приступаю, пользуясь, кромѣ матеріаловъ, собранныхъ Срезневскимъ l. c., собственными выписками изъ различныхъ сборниковъ былинъ:

Побѣжалъ Василій по Новуграду,
По тѣмъ по широкіимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ пилигримище,
На могучихъ плечахъ держитъ *колоколъ*,
А вѣсомъ тотъ *колоколъ* въ девяносто пудъ.
Кричитъ тутъ старецъ пилигримище:
А стой ты, Васька, не попархивай!..
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣгородѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя.
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемся.
Говорилъ Василій таково слово:
А и гой еси, старецъ пилигримище,

А и бился я о великъ закладъ
Со мужики Новогородскими.
Опричь почестнаго монастыря,
Опричь тебя, старца пилигримища;
Въ задоръ войду, и тебя убью.
Ударилъ онъ старца въ *колоколъ*,
А и той-то осью телѣжною;
Качается старецъ, не шевельнется,
Заглянулъ онъ, Василій, старца подъ *колоколъ*,
А и во лбѣ глазъ уже вѣку нѣту.

См. Калайдовичъ, Древн. р. стих. 80 сл. Кирѣевскій V 20 сл. Тихонравовъ и Миллеръ, II 236 сл.

Если мы на основаніи этого мѣста еще не можемъ рѣшительно сказать, какая часть верхней одежды здѣсь названа *колоколомъ*, то другія версіи былины о Василіи Буслаевѣ даютъ намъ возможность точнѣе опредѣлить значеніе этого слова:

Онъ дошелъ до крестоваго брателка:
Идетъ онъ—несетъ *колоколъ* на головѣ сорокъ пудъ,
Ударилъ Васька Буслаичь въ мѣдный *колоколъ*,—
И расшибъ *колоколъ* въ мелки жеребьи;
Тутъ его тяпъ о бѣлы груди осью телѣжною,—
Покатился за мертво крестовый брателко.
Идетъ Старичище Игнатьище:
Костылемъ онъ подпирается,
На головѣ несетъ *колоколъ*—девяносто пудъ.
«На что ты идешь, крестовый батюшко?»
Говоритъ Васька Буслаевичь...
Васька ударилъ *колоколъ* осью телѣжною,—
Расшибъ *колоколъ* въ мелки жеребьи.

См. Кирѣевскій, V 13.

Въ другой былинѣ:

И пошолъ старцище, пошолъ Ондронище,
И на главы-то несе *колоколъ*,
Языкомъ подпирается.

См. Гильфердингъ, Онежск. был. I 306.

Далѣе:

Какъ скоро тутъ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то онъ осью въ *колоколъ*-то былъ,
А развалился тутъ *колоколъ* на дви стороны.

См. Гильфердингъ, I 409.

Или:

Старецъ идетъ, да на головѣ *колоколъ* несетъ.
Несетъ *колоколъ* въ девяносто пудъ,
И говоритъ онъ таково слово:
— Я иду — Василью смерть несу! —
Ударитъ Василій по *колоколу*,—
Колоколъ на три-четверти разсыпался.

См. Рыбниковъ, II 206.

И идетъ старецъ Приугрюмищо,
Сто пудовъ *колоколъ* несетъ,
А языкомъ онъ да подпирается,
А самъ онъ говоритъ таково слово:
«Я иду, да *колоколъ* несу,
Не *колоколъ* несу, а Василью смерть несу».
...И ударилъ Василій сынъ Буславьевичь,
И *колоколъ* на мелки части розсыпался.

См. Тихонравовъ и Миллеръ, II 227 сл..

Еще лучше значеніе слова *колоколъ* обнаруживается въ слѣдующей версіи нашей былины:

На то старчище кида́ется,
На то старчище позыва́ется,
Сѣдлалъ онъ своего добра́ коня,
Навалилъ на голову *колоколъ* въ девяносто пудъ,
Поѣхалъ Старчище Пилигримище...
Какъ ударилъ (Василій) осью телѣжною,
Раскочилъ *колоколъ* на двѣ стороны.
Какъ въ другихъ переправилъ добрый молодецъ,
Ударилъ его въ буйную голову,
Тутъ же его въ рѣченьку спихивалъ.

См. Рыбниковъ, I 356.

Затѣмъ:

Напередъ этой силушки великія
Идетъ старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ *колоколъ* девяноста пудъ.
Говоритъ ему Васильюшка Буслаевичь:
«Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
«А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни!»
Билъ его палицей була́тней по головушкѣ,
И раскололъ ему *колоколъ* девяноста пудъ.

См. Рыбниковъ, I 360.

Если рядомъ съ *колоколомъ* упоминается и *языкъ*, то это только указываетъ на позднѣйшее происхожденіе данной версіи, и не должно смущать этимолога:

Идё старичищо—то Угрюмищо,
На головы несе *колоколъ* да стопудовые,
У *колокола* языкъ двадцати пудовъ.
...Какъ хватилъ Василій онъ черлёной вязъ.
Теснулъ Василій по буйно́й главы,
Слетѣлъ *колоколъ* да стопудовые.

См. Гильфердингъ, III 417.

Или:

Тутъ видитъ его дядька, крестный батюшка,
Что силы стало мало ставиться,
Поскочилъ его дядька крестный батюшко
Ёнъ на ту башню да й колокольнюю,
Ёнъ *сорвалъ колоколъ* до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ,
Колокольнымъ языкомъ-то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается;
Какъ бы тутъ Васильюшко востёръ собой;
Подскочилъ ёнъ плечкомъ подъ *колоколъ*,
Спихнулъ онъ дядьку, крестнаго батюшку, подъ Обуховъ мостъ.

См. Рыбниковъ II 200, Гильфердингъ, II 232 сл.

Наконецъ, болѣе позднее происхожденіе обнаруживаетъ и слѣдующая версія:

Онъ (старецъ) клалъ на свою голову *колоколъ* монастырскій,
Который *колоколъ* былъ вѣсу ровно три тысячи.
Онъ йдётъ-де, колокольнимъ язы́комъ подпирается.
...Какъ ударилъ его (Василій) осью телéжною въ голову,
Росколол *колоколъ* монастырскіи,
Который былъ вѣсу ровно въ пудовъ три тысящи,
И проломилъ онъ у старца ево буйну голову.

См. Гильфердингъ, III 339 сл.

Изъ всѣхъ, сопоставленныхъ выше, версій былины несомнѣнно можно сдѣлать выводъ, что *колоколомъ* называется *головной уборъ каликъ перехожихъ*. Это подтверждается тѣмъ, что въ одной изъ версій указанной былины слово *колоколъ* прямо замѣнено словомъ *колпакъ*:

Старчище пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается,
Ко своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на *голову* полагаетъ въ двадцать пудъ.
Клюку въ руки берётъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко Волховскому.

См. Рыбниковъ, I 349.

Такому пониманію слова *колоколъ* мѣшаетъ только одно — тотъ случай, гдѣ говорится: *на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ*. Но что мы именно здѣсь имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ измѣненіемъ былины, видно уже изъ слѣдующихъ стиховъ этой версіи, гдѣ говорится:

Заглянулъ онъ, Василій, старца подъ *колоколъ*,
А и *во лбѣ глазъ уже вѣку нѣтъ*.

Именно въ этихъ стихахъ только и можно видѣть полное подтвержденіе того, что выше сказано о значеніи слова *колоколъ*.

Приблизительно къ такому же выводу уже давно пришелъ Срезневскій l. c. 203; но нельзя не замѣтить въ его статьѣ нѣкоторое противорѣчіе, которое и оправдываетъ появленіе въ свѣтъ настоящей замѣтки: вѣдь сначала Срезневскій приписываетъ слову *колоколъ* значеніе *колпакъ* (203), а затѣмъ онъ вдругъ увлекается формальной близостью чешскаго *klakol*, *klakolca* «плащъ» и уже потомъ навязываетъ это значеніе русскому слову (204). Между тѣмъ, чешское слово самъ Срезневскій, со стороны значенія, сравниваетъ съ вульг.-лат. *cloca*, *clocca*, изъ * *cocla* < *cochlea* (къ происхожд. кот. см. Körting[3], 222, Schuchardt, Zeitschr. rom. Phil. XXIV 566, Rom. Etym. II 1 sq. Wölfflin, Archiv f. lat. Lexikogr. XI 537—540, Münch. Sitzb. 1900, I 3—10, Zeitschr. f. d. Wortf. I 65 sq., ошибочно Thurneysen, Keltorom. 98), со значеніемъ «колоколъ», затѣмъ «плащъ особой формы, напоминающій колоколъ», и скорѣе всего чешское слово слѣдуетъ считать семасіологическимъ заимствованіемъ изъ романскихъ языковъ. Какъ бы то ни было, но значеніе русскаго слова, которое мы установили выше, заставляетъ насъ отдѣлить его отъ чешскаго, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ былинахъ этотъ *колоколъ* неразрывно связанъ съ «пилигримами», а въ произведеніи чешской народной поэзіи, на которое ссылается Срезневскій (l. c. 203 сл.), слово *klakol* употреблено какъ названіе женской одежды.

Итакъ, вопросъ о *значеніи* слова *колоколъ* въ отмѣченныхъ выше случаяхъ я считаю рѣшеннымъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ указанію *этимологіи* этого слова, необходимо обратить вниманіе на то, какъ называется шапка каликъ перехожихъ въ другихъ былинахъ. Обратимся къ былинамъ южнорусскаго происхожденія; одежда калики здѣсь описывается слѣдующимъ образомъ:

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой.

См. Кирша Даниловъ, стр. 146 и 147.

То же самое описаніе мы находимъ въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ, см. Кирѣевскій II 72, и о Ѳомѣ Ивановичѣ, см. Рыбниковъ, II 87 сл. [1].

Другой варіантъ:

Да й ходили-то калѣки перехожіи,
А й лапóтики на ножкахъ-то шелкóвеньки,
Й у нихъ пóдсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да въ нихъ рукахъ-то клю́хи кости рыбьею,
На головушкахъ-то *шляпки земли греческой.*
См. Гильфердингъ, II 145.

Или:

Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою;
Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбьея,
На головушкахъ были *шляпки земли греческой.*
См. Рыбниковъ, II 236.

Въ другихъ былинахъ костюмъ каликъ описывается нѣсколько иначе:

И пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
Не простого сафьяну, заморскаго;
На головушкахъ *шляпы земли греческой.*
См. Кирѣевскій II 85, Гильфердингъ, II 197 сл.

---

[1] Привожу еще интересный варіантъ:

А какъ зáчялъ одѣвать платьё каличеськó;
У калики была *шляпа сорокъ пудъ,*
А клюка-та была ёго подорожная сорокъ пудъ.
См. Марковъ, 355 сл.

Затѣмъ:

Да калики тѣ всѣ были ученые,
Ученые калики были грамотніе;
Да шубы на каликахъ соболиные,
Подсумочки у каликъ рыта бархату,
Да *шляпы* на главахъ *земли грецкіе.*

См. Гильфердингъ, III 473.

Наконецъ,—описаніе южнорусскаго калики, особенно напоминающее калику новгородскихъ былинъ:

Идётъ тутъ калика перехожая.
Ёнъ волосомъ бѣ́лъ, а бородой сѣдатъ,
А гуня на калики сорочинская,
А трунь на калики трипетова,
И *шляпа* у калики шестьдесятъ пудовъ,
И костыль у калики девяти сажонъ,
И клюхой идё калика подпирается,
И подъ нимъ мать земля вся колубается.

См. Гильфердингъ, III 406 сл.

Изъ сопоставленныхъ здѣсь цитатъ видно, что *шляпкой земли греческой* въ южныхъ былинахъ названъ головной уборъ каликъ,—тотъ самый, который въ новгородскихъ былинахъ названъ *колоколомъ*. Изъ былинъ же мы узнаемъ, какъ эта *шляпка земли греческой* отъ каликъ переходитъ къ богатырямъ:

Возговоритъ Илья Муромецъ:
«Разболокай, Данило, платье каличье,
«Скидай съ ногъ лапото́чки-обтопточки,
«Подавай мнѣ-ка *шляпу земле-грецкую.*
«*Земле-грецкую шляпу*—сорокъ пять пудовъ».
Оболокаетъ Илейко платье кали́кино,
Обуваетъ лапотки обтопточки,
Накладаетъ *шляпу земле-грецкую,*
Походитъ Илья во дороженьку.

См. Кирѣевскій, IV 23.

Или:

И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
Не дать Ильѣ платьище, силой возьметъ,
Силой возьметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.—
...Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья *шляпу греческую.*

См. Гильфердингъ, II 428.

Иначе:

Ты отдай мнѣ-ка свое платье цвѣтное,
Ты отдай свою *шляпу земли греческой,*
Ты отдай мнѣ-ка свою клюку яра дерева,
Самъ садись на моего коня добраго.

См. Кирѣевскій, IV 19.

...Обулъ Илья лапотики шелковыя,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ *шляпку земли греческой,*
Не взялъ съ собой палицы булатныя.

См. Рыбниковъ, II 86.

Наконецъ:

Ай же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
Ты садись-ко на матушку сыру землю,
Разувай-ко, лапотки изъ семи шелковъ,
Ты снимай-ко подсумки изъ лита́ бурхата,
Вынимай-ко *шляпу земли грецкіи,*
Скидывай ты гуню сороцинскую,
Одѣвай-ко мое платье дорожное...
Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ *шляпу земли грецкія,*
Скидывалъ онъ гуню сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платьеце Ильюшино дорожное.

См. Тихонравовъ и В. Миллеръ, II 53.

По другой версіи:

И спроговорылъ дѣтинушка удаленькой:
«Добромъ не отдашь, си́лою возьму».
Какъ спроговорылъ калика перехожая:
«На ты, дѣтинушка, платьицё,
«На ты, дѣтинушка, лапотоцьки,
«Возьми ты, дѣтинушка, косты́ль крѣпка дерева,
«Возьми ты, дѣтинушка, *шляпу земли гречесьску*».

См. Григорьевъ, Арх. был. I 494.

...Снялъ какъ дѣтинушка удаленькой,
Снялъ онъ *шляпу земли гречесьску*;
Ударилъ онъ шляпой цюдища.

См. Григорьевъ 1. с. 496 и еще Ончуковъ, Печ. был. 90 сл. и 136 сл.

Не одинъ Илья Муромецъ мѣняется одеждой съ каликой перехожимъ:

Названой-отъ братъ идетъ Гу́рьюшко,
На ногахъ несётъ поршни кабанъ-звѣря,
На главы несётъ *шёлонъ земли греческой*...
Говоритъ-то Олёшинька Поповичь-отъ:
«Ты здравствуй, ты мой ты названой братъ!
«Названой ты братъ, да вѣдь ужъ Гу́рьюшко!
«Ты дай мнѣ-ка поршни кабанъ-звѣря,
«Ты дай мнѣ *шолонъ земли греческой*,
«Ты дай мнѣ шолыгу подорожную».

См. Ончуковъ, Печор. был. 336 сл.

На головушки *шляпа сарачиньская*,
Сарачиньская *шляпа, земьли гречесьской*,
Какъ вѣдь ма́ленько личё ево да съ цистымъ се́ребромъ,
Подбородокъ зъ барадой-то у ево, увито краснымъ золотомъ,
Шэпалы́га подорожная у ево въ рукахъ ишё въ тридцать пудъ,
Какъ облита у ево да *сьвинцёмъ гречесьскимъ*.

См. Марковъ, 236.

Та же сцена—въ былинахъ о Добрынѣ Никитичѣ:

Скидываетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьицо дорожное,
Налагалъ-то на голову *шляпу земли гречецкой.*

См. Гильфердингъ, I 440 сл. и 446 сл.

Уже въ одеждѣ каликъ богатыри отправляются въ подвиги: Илья Муромецъ прямо названъ *каликой перехожимъ* (см. еще Марковъ, 47 сл. 226 сл. 355 сл.):

Бралъ Одолище булатный ножь,
Кинáлъ въ *калику перехожаго.*
Разсержалось у Илейка сердце богатырское,
Разходились плечи могучія:
Захватилъ онъ *шляпу земле-грецкую,*
Земле-грецкую шляпу—сорокъ-пять пудовъ,
Металъ шляпой въ Одолища поганаго,
Попадалъ ему въ буйну голову.

См. Кирѣевскій, III 32.

Иначе:

Хваталъ Идолище булатный ножь,
Металъ онъ ножемъ въ Илью Муромца;
Снималъ Илья *шляпу земли греческой,*
Металъ ту шляпу въ Идолище:
Улетѣлъ Идолище сквозь стѣну въ чисто поле.

См. Кирѣевскій, III 21.

Или:

У Ильи разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки *шляпку земли греческой,*
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

См. Рыбниковъ, I 87.

Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую,
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойдетъ сидѣть,
Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.

См. Гильфердингъ, I 332 сл.

Затѣмъ:

Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому,
Какъ ударилъ ёму *шляпонькой пуховою*,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
См. Гильфердингъ, I 185.

Въ другой версіи:

И какъ ульнюлъ у Илья ножикъ въ червоной крестъ.
Какъ снимаетъ Илья *шляпу сорочинскую*,
Какъ махнулъ онъ въ Батыгу Батыгова,
Тутъ-то гдѣ его глава, гдѣ-ка тулово,
И возвелъ онъ тутъ князя на высо́къ престолъ.
См. Гильфердингъ, III 287 сл.

Немного иначе:

Илья Муравецъ да сынъ Ивановицъ,
Онъ сниматъ съ сибя свой *сороцинской колпацёкъ*,
Это що, братьци, за цюдо цюдное,
Это що, братьци, за диво дивное?
Онъ кидатъ свой *сороцинской колпацёкъ*
Въ Издолища въ поганово.
См. Григорьевъ, Арх. был. I 434.

Захватилъ онъ (Илья) свою *шляпу* всё *калическу*,
А стегнулъ-то *шляпой* по буйной главы.
См. Марковъ, 357.

Онъ вѣдь ту-ту скинывалъ всё *шляпу сорочиньскую*,
Онъ кина́лъ, киналъ въ Идолища все шляпою,
Онъ вѣдь кинулъ,—угодилъ въ татарьску са́му голову;
Улетѣлъ же тутъ татаринъ изъ простѣнка вонъ,
Да вѣдь вылетѣлъ тотаринъ всё на улицу.
См. Марковъ, 220.

Наконецъ:

Илья въ это время розсердился,
Со своей главы *киверъ* свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,

И съ него голову свернулъ, пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Ильи́ видалъ.

См. Гильфердингъ, II 244 [1].

Въ разсказахъ о другихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ мы также находимъ упоминаніе о *шляпкѣ земли греческой*: изъ предшествующаго ясно, какимъ образомъ головной уборъ каликъ перешелъ къ богатырямъ:

Лежитъ тутъ *колпакъ* да *земли греческой*,
А вѣсу-то *колпакъ* буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю, было, по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тѣхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножищо да кинжалищо.

См. Гильфердингъ, I 40.

Добрыня Никитичъ также сражается при помощи *шляпы земли греческой*:

Пошолъ-то Добрыня къ рѣчки быстрыи,
Ко той ли-то ко рѣчки ко свирѣпыи,
Скидыва́етъ съ се́бя платьё-то дорожное,
Розуваетъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Вынимаетъ съ буйной головы

[1] Въ другихъ былинахъ, можетъ быть болѣе поздняго происхожденія, Илья убиваетъ Идолище нѣсколько иначе:

Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,
Розбилъ его все́го въ дребезги.

См. Гильфердингъ, II 642 сл.

Или:

«Тогда Илья отсѣкъ ему (Идолищу) *саблей* голову, и она улетѣла за окошко».

См. Марковъ, Бѣломор. был. 475.

Интересенъ также разсказъ въ рукописи Забѣлина № 82: «И богатырское ср҃дце разгорѣлось и зговорилъ таковы речи: Кали бы былъ Илья Муромецъ онъ бы давно тебѣ, сабака, не спустилъ». И схватилъ съ себя *шапку* и ударилъ его в голову...

См. Тихонравовъ и Миллеръ, I 24.

Шляпу свою да *земли греческой*,
...Опустился Добрыня въ ричку быструю,
...Одна осталась только *шляпа греческа*,
Тая ли *шляпа* богатырская.
Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
Надѣвалъ ёнъ платье свое скоро тутъ,
Обувалъ ёнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Бралъ ёнъ *шляпу земли греческой.*
А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю.
См. Гильфердингъ, I 477 и 481.

То же описаніе, съ другимъ названіемъ шапки:

Да й на крутоёмъ да онъ на бéреги,
То лежитъ *колпакъ* да *земли греческой;*
Енъ берётъ-то тотъ *колпакъ* да во бѣлы́ ручки,
Онъ со тою ли досадушки великою,
Да ударилъ онъ змѣинища Горынища.
См. Гильфердингъ, II 60.

Дру́гой варіантъ:

До́брыня-то матушки не слушался,
Надѣлъ на себя *шляпу земли греческой*,
Надъ собой онъ, Добрыня, невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ, Добрыня, на Израй на рѣку...
Нагребъ онъ *шляпу пѣску* желтаго; [1]
Налетѣлъ на него змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить,
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ *шляпу земли греческой*
Со тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу.
См. Кирѣевскій, II 50 сл. и Григорьевъ, I 28 сл.

[1] Съ этого стиха въ нашемъ варіантѣ начинается позднѣйшая вставка, которая объясняется тѣмъ, что для разсказчика слова: *шляпа земли греческой* уже были непонятны. Еще яснѣе болѣе позднее происхожденіе эпизода о наполненіи шапки землей или пескомъ видно изъ слѣдующаго варіанта.

Уже съ варіантомъ несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія мы имѣемъ дѣло въ разсказѣ:

Только что лежитъ на земли пуховъ *колпакъ*,
Насыпанъ *колпакъ земли греческой*,
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда,
Онъ хватилъ *колпакъ земли греческой*,
Махнулъ во змию во проклятую,
Ошибъ змиѣ двинадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змия въ ковыль траву.

См. Кирѣевскій, II 25, Рыбниковъ, I 124, Тихонравовъ и Миллеръ, I 136 сл., Гильфердингъ, II 445 [1].

Перехожу къ другимъ богатырямъ; и у нихъ мы находимъ *шляпку*:

Тутъ Михайло Потыкъ, сынъ Ивановичь
Обулъ собѣ лапотки шелковенькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На головку *шляпку земли греческой*,
И пошелъ онъ въ эту во темну́ орду.

См. Рыбниковъ, I 210.

[1] Совершенно непонятно, на чемъ издатели Безсоновъ и Хомяковъ (см. Рыбниковъ, I 124) основываютъ свое примѣчаніе: «у Добрыни былъ колпакъ земли греческой, πέτασος, т. е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой куль; Добрыня и насыпалъ его землей, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ и то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ насыпанъ земли греческой».—Я уже замѣтилъ, почему эпизодъ о наполненіи шапки пескомъ слѣдуетъ считать позднѣйшей вставкой. Помимо того я и не вижу никакой возможности и даже надобности отожествлять *шляпу земли греческой* съ греч. πέτασος, какъ это дѣлаетъ и Кирѣевскій, IV стр. LXXXV сл. Вѣдь, прежде всего, на это мы не находимъ въ былинахъ никакихъ указаній, а затѣмъ этимологія πέτασος: πετάννυμι (см. Schrader, Reall. 455, Prellwitz, [2] 364) указываетъ намъ первоначальную форму этой шляпы, которую врядъ ли кто-нибудь осмѣлится отожествить съ *колпакомъ* нашихъ каликъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній описывается слѣдующимъ образомъ:

Надѣваетъ Чурило цвѣтно платьице,
На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
Сзади бы не видно кудеръ желтыихъ.

См. Тихонравовъ и Миллеръ, II 168 сл.

Наконецъ, еще былина о безыменномъ богатырѣ, вѣроятно, Ильѣ Муромцѣ:

Ему стрѣтилась калика перебжжая:
На ёмъ платьё калицескоё,
На ёмъ *шляпа земли греческая...*
Взялъ какъ дѣтинушка удаленькой:
И взялъ онъ платьё калическоё,
И взялъ онъ *шляпу земли греческую...*
И шыпъ какъ калика перехожая,
Шыпъ какъ калика перебжжая,
Етой же *шляпой земли греческой*
Въ цюдишша поганого, некрещеного.

См. Григорьевъ, с. 1. 401.

Изъ сопоставленнаго здѣсь матеріала, неполнота котораго оправдывается тѣмъ, что собиратель его—лингвистъ, а не историкъ литературы, выяснилось, что *шляпкой земли греческой* называется тотъ самый *колпакъ*, который въ новгородскихъ былинахъ названъ *колоколомъ*. Если же дѣло обстоитъ такъ, то именно въ названіи *шляпка земли греческой* слѣдуетъ видѣть намекъ на греческое происхожденіе колпака каликъ перехожихъ, а слѣдовательно и названія его въ новгородскихъ былинахъ — *колоколъ*. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль о томъ, что слово *колоколъ* въ соотвѣтствующія мѣста былинъ попало лишь впослѣдствіи, путемъ народнаго осмысленія (Volksetymologie) иноязычнаго слова, не понятаго пѣвцами былинъ. Это слово первоначально имѣвшее, можетъ быть, форму *коуколь со значеніемъ «шапки каликъ», я, по указаннымъ выше причинамъ, считаю себя въ правѣ выводить изъ средне-греческаго языка, и вижу его источникъ въ греч. κουκούλλι «idem», въ свою очередь восходящемъ къ лат. *cucullus* «Kapuze». Для того, чтобы лингвистически обосновать свою этимологію, я останавливаюсь на этомъ словѣ: этимологія лат. *cucullus* выяснена стараніями Walde, 154, Schrader'a, Reall. 455 sq., Kluge, 230, Gröber'a, Archiv. f. lat. Lex. I 555, VI 383, Schuchardt'a, Sitzb. Wien. Ak. CXL I25, см. также Matzenauer, Cizí slova 226 сл., А. Веселовскій, Сб. отд. русск. яз. и слов. XXXII 189, Jireček,

Romanen I 36, М. Фасмеръ, Извѣстія отд. русск. яз. и сл. XII, 2, 249. Въ вульгарной латыни рядомъ съ *cŭcŭllŭs* появляется *cŭcŭllă* (см. Körting, [3]320 и Gröber, l. c.), обозначающее шапку и нѣчто въ родѣ пелеринки, однимъ словомъ «капюшонъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ румын. *cucuiu* «гребень птицъ, напоминающій капу», откуда затѣмъ значеніе «пузырь, шишка, опухоль», — указываетъ на возможность дальнѣйшаго развитія значенія, «шаръ, кругъ», и служитъ доказательствомъ этимологическаго родства нѣмецкаго *kugel* «шаръ», съ *kugel* «Kapuze», которое напрасно отрицаетъ *Kluge* 230 [1]. Въ то же время необходимо указать, что румын. *cucă* «Fürstenhaube» не даетъ намъ права возстановлять вульгарн. лат. **cŭcă*, какъ полагаетъ Körting, [3]319, видя въ послѣднемъ прототипъ отмѣченнаго выше cŭcŭllŭs. Дѣло въ томъ, что уже болѣе точное значеніе румынскаго слова: «Mütze, welche der Sultan den rumän. Fürsten gab», заставляетъ видѣть въ немъ заимствованіе изъ османск. *kouka*, см. Pušcariu, I 37 [2].

Послѣ этого экскурса я опять перехожу къ слову cucullus > cuculla. Это слово, широко распространенное въ вульгарной латыни,—о чемъ свидѣтельствуетъ его сохраненіе во всѣхъ современныхъ романскихъ языкахъ,—перешло въ средне-греческій языкъ въ формѣ κουκοῦλλα «capa monachorum» Duc. s. v.; отсюда κουκοῦλλα «Kapuze», Somavera. s. v. (значитъ общеновогреческое). Морея, Papazafiropulos 436, Кипръ, Sakellarios II 608, Наксосъ, Μνημεῖα I 440. Для того же слова засвидѣтельствованы еще значенія: «круглая крыша вѣтреной мельницы», Θира, Petalas 83,

---

[1] Подробности о распространеніи слова *cuculla* въ германскихъ языкахъ, см. у Burckhardt'а Untersuchungen 75; изображеніе др.-верх.-нѣм. *kugula*, Art Mütze, die am Mantel befestigt wurde und sich über den Kopf ziehen liess, см. Essenwein, Kulturhistor. Bilderatlas (1883), табл. XVIII.

[2] Необъясненное тамъ рум. *cucă* sf. «холмъ, одиноко возвышающійся на равнинѣ» (см. Liuba-Jana, Măidan 49) я вывожу изъ того же источника, въ виду того, что переходъ значенія «шапка» > «холмъ» теперь уже можетъ считаться доказаннымъ, въ виду существованія напр. русск. *шеломъ* «шлѣмъ» рядомъ съ *шеломъ*, *шеломя* «холмъ» о чемъ Ягичъ, Критич. замѣтки 75, Пыпинъ, Истор. русск. лит, I[2] 205, другія параллели см. G. Meyer, Ngr. St III 23 и 33., М. Фасмеръ, Жив. Старина XVI, 3, 45.

Наксосъ, Μνημεῖα I 440; затѣмъ: «коконъ шелковичника», Критъ, Jeannarakis 342, Понтъ, Oeconomides 31, «желудокъ полипа», Levkada, Syllogos VIII 393, «голова полипа», Наксосъ, l. c., «отверстіе въ крышѣ для освѣщенія дома», Понтъ, Oeconomides 31;—отъ κουκούλλα имѣется и уменьшительное образованіе κουκούλλι «шапка», Критъ, Jeannarakis 342, затѣмъ «вымолоченный стебель кукурузы», Офисъ (Понтъ), Syllogos VIII 143. Наконецъ, для отмѣченнаго выше измѣненія значенія «шапка» > «холмъ» интересны формы: κουκούλλα «большая скала», Μνημεῖα I 45, κούκουλλο «скала, обрывъ», Нисиросъ, Syllogos XIX 183, см. G. Meyer Ngr. St. III 33 сл. — Рядомъ съ этими формами изъ того же вульгарно-латинскаго источника заимствовано слово κοῦκλα «кукла», затѣмъ «капюшонъ», откуда новобразованія: κουκουλλιάζω, v. «verhülle», Θира, Petalas 83; κουκουλλώνω, idem, Наксосъ, Μνημ. I 440, κουκλωτή sf. «сдержанная», Эпиръ, Chassiotis 231, κουκλώνω «покрываю», см. Dieterich Sporadendial. 41, κούκλωμα «вуаль», Критъ, Παρνασσός VII 839, ξεκουκουλώματα pl. «Unbedecktes», Chios, Paspatis 256.—Изъ указанныхъ случаевъ мы видимъ, какъ широко распространена въ новогреческихъ говорахъ этимологическая семья лат. *cucullus*. Если при этомъ одинаково распространены формы съ сохраненіемъ второго гласнаго—*u*—и съ исчезновеніемъ его, то необходимо имѣть въ виду, что формы типа κουκούλλα восходятъ къ лат. cŭcūlla, а формы въ родѣ κοῦκλα заимствованы изъ вульг.-лат. cŭcŭlla, о чемъ Körting [3] 320, G. Meyer, Ngr. St. III 33 сл. Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія, что отмѣченная сейчасъ этимологическая группа послужила источникомъ цѣлаго ряда славянскихъ словъ, подходящихъ сюда по звукамъ, а не наоборотъ, какъ полагалъ Дестунисъ, Матеріалы, V 252.

Къ средн.-греч. κουκούλλι < κουκούλλιον (см. Sophoclis s. v.) восходятъ др. русск. коуколь «vestis genus», Дороѳ. сл. по сп. XV в. см. Срезневскій Матеріалы I 1362. Къ греческ. κοῦκλα восходитъ русск. *кукла* «Puppe» Іо. Малал. Хрон. X 397, см. Срезневскій l. c. I 1360, откуда *кукла* «актеръ», Хожд. Котова (XVII в.) см. Извѣстія отд. русск. яз. XII. 1, 88, затѣмъ *кукла*, 1) Puppe 2) куколка бабочекъ, Малорусск., см. Żelechowski 387, «привязанная къ прялкѣ охапка льна, изъ котораго прядутъ нитку»,

Архангельскъ, Подвысоцкій 77, «четверть вина», Олонецк. губ., см. Куликовскій 45; «закрута въ хлѣбѣ, завой колосьевъ знахаремъ, на порчу и гибель того, кто сниметъ куклу»; «щеголеватая, но глупая и бездушка женщина», см. Даль II [3] 548. Древне-русская форма этого слова была *коукълл съ такимъ же появленіемъ гласнаго между согласными, какъ въ старославян. драгълл, оргáнъ etc. (о чемъ М. Фасмеръ Извѣстія XII, 2, 201); что такая форма дѣйствительно существовала, видно изъ образованій въ родѣ *кýкольникъ*, «кто дѣлаетъ куклы», *кýкольничать*, «играть», Даль l. c. и проч. Изъ послѣднихъ звукъ *о* перенесенъ въ образованія въ родѣ коукоуль, которыя, такимъ образомъ, измѣнились въ коукóль 1) колпакъ, пришитый къ вороту одежды, см. Даль II [3] 549, 2) капюшонъ изъ оленьей шкуры, мѣхомъ наружу, у Самоѣдовъ пришивной къ совику́, а у лопарей самъ по себѣ, надѣваемый поверхъ шапки, Мез. Кол., 3) полотняный капюшонъ, для храненія отъ комаровъ, Онеж. Холм. Пин. 4) *кукóль, кокýль*, одѣяло изъ оленьяго мѣха, съ мѣшкомъ на концѣ для всовыванія ногъ», Кол. Архангельскъ, Подвысоцкій 147, 5) колпакъ, надѣваемый промышленниками сверхъ шапки, чтобъ незамѣтно подползти къ расположившемуся залежкой или налéдницей морскому звѣрю, 6) полотняная охотничья рубаха, Помор., 7) рогатая скотина съ бѣлымъ пятномъ на лбу, Холм. Шенк., 8) полотняный каптуръ, служащій покровомъ покойника въ гробу, Архангельскъ, Подвысоцкій 77, 9) мѣшокъ, 10) монашескій капюшонъ на головѣ, см. Марковъ, Бѣломорскія былины 569;—*кукóль*, 1) мѣшокъ для ногъ въ мѣховомъ одѣялѣ, 2) praeputium;—*кýкель* «теплая шапка съ ушами», Олон. Куликовскій 45. Впрочемъ, едва ли не вѣроятнѣе объясненіе формы *кýколь*, въ приведенныхъ значеніяхъ, изъ *кукуль* путемъ контаминаціи съ совершенно не родственной этимологически группой коуколь 1) agrostemma Githago, 2) Lolium temulentum, Даль II [3]549, 3) lychnis vespertina, 4) Silene inflata, мрусск. Želechowski 387, что восходитъ къ кªколь, см. G. Meyer, Ngr. St. II 31, и, какъ заимствованіе, можетъ быть сопоставлено съ нѣм. *kunkel*, др.-в.-нѣм. *chunchala* (о которомъ Kluge 231, Burckhardt Unters. 10), Если принять это объясненіе перваго *кýколь*, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ объяснено и его удареніе. Наконецъ, для полноты,

укажу еще малорусск. *гу́гля*, «одежда гуцуло́въ», восходящее къ греч. κουκλί pl. κουκλιά, съ обычнымъ на почвѣ позднѣйшаго греческаго языка озвонченіемъ начальнаго *к* въ *g* въ Sandhi (о чемъ M. Vasmer B. Z. XVI 544 — 549). Сюда же относится мрусск. *гу́кля* «liederliches Weib, Hure», Želechowski 163 (ошибочно Miklošić Et. Wb. 80 Denkschr. Wien. Ak. XXXVII 66; видитъ источникъ этихъ словъ въ осм. *kokola*). Необходимо, кромѣ того, принять во вниманіе распространеніе греческаго слова въ другихъ языкахъ Балканскаго полуострова, о чемъ свидѣтельствуетъ алб. *kukúl'* «Cocon der Seidenraupe», *kukulε* «Aschenkuchen», *kurkulε* «kegelförmiger Hügel», kurkulós «hülle ein», осм. kokola, «Kapuze der Mönchskutte», *kukula*, «Kapuze, Mantel», *kukuleta* «Mönchskapuze» (см. Barbier II 568 сл.) значеніе которыхъ и этимологія мастерски объяснены G. Meyer'омъ, Alb. Wb. 211, Türk. St. I 53. О слѣдахъ греческаго слова въ другихъ славянскихъ языкахъ (кромѣ отмѣченныхъ здѣсь русскихъ), см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 249. — Остается вкратцѣ повторить выводы, къ которымъ меня привело сопоставленіе по необходимости разросшагося матеріала [1]:

1) **Колоколъ** *новгородскихъ былинъ и* **шапка земли греческой** *въ кіевскихъ былинахъ—одно и то же: куколь каликъ перехожихъ.*

2) Соединяя оба названія, мы приходимъ къ заключенію, что слово колоколъ является народно этимологическимъ измѣненіемъ болѣе древняго **кукуль** *или* **куколь**, *заимствованнаго изъ греческаго* κουκοῦλλι < κουκοῦλλιον.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого объясненія я считаю одно мѣсто изъ бѣломорскихъ былинъ, гдѣ калики перехожіе прямо названы *кукольниками.*

...А навстрѣцю-ту князю идутъ ста́рици,
Идутъ старици ему, идутъ манашины,
Цёркокнижницы идутъ, це́рны́ *куко́льници.*

См. Марковъ Бѣлом. был. 167.

СПБ. Январь, 1908 г.

[1] Сокращенія въ этой статьѣ употреблены тѣ же, что въ другихъ моихъ работахъ. Объясненіе ихъ (кромѣ общепринятыхъ) см.: Извѣст. отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, XII, 2, 287—289.

С. К. Буличъ.

Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей.

(Къ вопросу объ основныхъ чертахъ славянской народной музыки).

Едва ли найдется сколько нибудь серьезный изслѣдователь русской народной музыки или вообще славянскій музыкальный этнографъ, который не задавалъ бы себѣ вопроса, въ чемъ заключается такъ называемый славянскій національный характеръ народной музыки того или другого отдѣльнаго славянскаго племени. Неопредѣленныя фразы о «славянскомъ» характерѣ, колоритѣ или «духѣ», которымъ запечатлѣны произведенія какого нибудь Сметаны, Глинки, Дворжака, Балакирева, Чайковскаго, Шопена, Даргомыжскаго, Бородина, Монюшки, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, подчасъ даже Шуберта (напр. Andante C-dur'ной симфоніи) или Гайдна (напр. Rondo all'Ongarese въ 1-мъ фортеп. тріо и т. д.), то и дѣло встрѣчаются въ музыкально-критической литературѣ, но напрасно было бы искать за этими фразами какой нибудь конкретной, ясно формулируемой основы. Попытки установить характерныя особенности русской народной музыки, правда, дѣлались (Сѣровымъ, Одоевскимъ, Сокальскимъ, Ларошемъ, Мельгуновымъ и др.), но всѣ онѣ страдаютъ извѣстной неопредѣленностью и разнообразіемъ основныхъ принциповъ, а также недостаточной глубиной изученія. Сравнительнаго же изученія славянской народной музыки для опредѣленія ея обще-

славянскихъ основныхъ чертъ еще никто не предпринималъ. А между тѣмъ нельзя отрицать извѣстнаго фамильнаго сходства, напримѣръ, между какой нибудь моравской народной мелодіей, которой воспользовался вмѣстѣ съ другими народными темами М. А. Балакиревъ въ своей симфонической поэмѣ «Въ Чехіи»:

Za našimi humny dva duby Vrkají tam na nich holubi

и извѣстной русской пѣсню [1]).

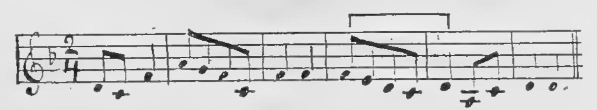

Какъ у насъ во садочкѣ, какъ у насъ во зеле-номъ люшиньки люли.

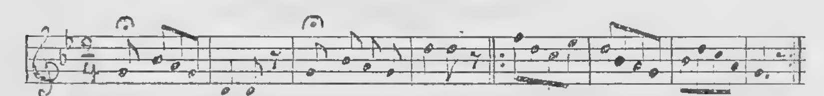
Если между этими двумя мелодіями сходство наблюдается лишь въ отношеніи мелодическаго рисунка перваго стиха (za našimi humny dva duby || Какъ у насъ во садочкѣ), то въ отношеніи модуляціонной основы строенія періода, моравская пѣсня, чтобы не ходить далеко, можетъ быть сопоставлена хотя бы съ мелодической темой изъ извѣстной пляски птицъ въ прологѣ къ «Снѣгурочкѣ» Римскаго-Корсакова, носящей опредѣленный славянскій (русскій) отпечатокъ, гдѣ во второй части періода находимъ такой же поворотъ въ миноръ (на малую

[1]) Цитируемъ мелодію въ редакціи М. А. Балакирева, сообщенной имъ въ письмѣ чешскому музыкальному писателю Болеславу Каленскому. См. брошюру послѣдняго: «V Čechách. Symfonická báseň M. A. Balákireva. Uvedení Boleslava Kalenského. Samostatný otisk z «Pokrokové Revue». R. 1906. V Praze. Nákladem vlastním. 1906. 8⁰. 32». Стр. 25. Нѣсколько иную редакцію напѣва находимъ въ извѣстномъ сборникѣ Прача «Русскія нар. пѣсни, собр. Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачъ». (Новое изд. А. С. Суворина. Спб. 1896. № 64), откуда безъ перемѣнъ она заимствована Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ въ его «Сборникъ русскихъ нар. пѣсенъ». Ор. 24 (1870). Спб. у Бесселя. Ч. I. № 31 (стр. 60). См. также 100 русск. нар. пѣсень Вильбоа и 25 р. нар. пѣсенъ А. И. Рубца. Бо̀льшія уклоненія представляетъ редакція напѣва въ сборникѣ А. Гурилева «Избранныя нар. русскія пѣсни. Москва. Въ муз. магазинѣ Ю. Грессера» № 12 (стр. 23—24).

терцію внизъ), какъ и въ моравской мелодіи (для удобства сравненія перелагаемъ эту фразу также въ F-dur):

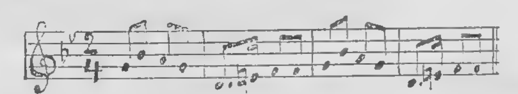

Такихъ чертъ фамильнаго сходства между мелодіями разныхъ славянскихъ народовъ можно, конечно, при желаніи, подыскать очень много, и задача изслѣдователя заключалась бы въ выясненіи наиболѣе характерныхъ мелодическихъ оборотовъ и пріемовъ, придающихъ опредѣленное «славянское» обличье напѣвамъ того или другого славянскаго народа. Расширяя область сравненія, музыкальный этнографъ, для выясненія вопроса о древности «общеславянскаго» элемента въ народной музыкѣ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, долженъ былъ бы естественно обратиться къ сравненію славянской національной музыки съ такой же музыкой балтійскихъ народовъ, ближайшихъ родичей славянъ— литовцевъ и латышей. И здѣсь онъ скоро убѣдился бы въ наличности также извѣстныхъ общихъ чертъ, роднящихъ литовско-латышскую національную музыку со славянской. Укажемъ хотя бы на сходство нѣкоторыхъ латышскихъ пѣсенъ въ сборникѣ I. Витоля («Latveeșu tautas dzeesmas. Rigas Latv. Beedr. Muzikas Kommisijas ipașumo») съ русскими. Такъ латышская пѣсня сборника Витоля № 1:

очень близка по своему «духу» къ русской или вообще славянской пѣснѣ, а первые ея четыре такта почти буквально совпадаютъ съ мелодіей русской пѣсни «Зеленая роща всю ночь прошумѣла» (Сборникъ Мельгунова, ч. I, № 4 или Прокунина № 36), которую для удобства сравненія перелагаемъ также въ G-moll:

Зеленая ро-ща во всю ночь шумѣ-ла...

Прокунинъ:

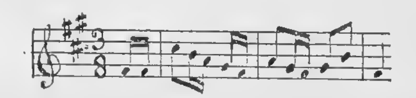
Характерный мотивъ первыхъ двухъ тактовъ найдемъ также въ одной моравской пѣснѣ (Bartoš, Narodni Písně Moravské I. Прага 1899, II, 1901, № 77 a):

Другая латышская пѣсня изъ того же сборника Витоля (№ 3)

близко напоминаетъ начало 22-й пѣсни 1-го выпуска Мельгуновскаго сборника:

Характерные обороты малорусскаго «журавля» (216 народн. украинскихъ напѣвовъ, зап. А. И. Рубцомъ, № 53):

повторяющіеся въ пѣснѣ «гей чумаче» (тамъ же, № 113):

а также и въ великорусской свадебной пѣснѣ сборника М. Стаховича (Тетр. 4, Москва 1854, № 3, такты 6—7, 1—2):

найдемъ въ рядѣ литовскихъ пѣсенъ (Melodje ludowe litewskie zebrane przez S. P. Księdza Antoniego Juszkiewicza... wydane przez L. Noskowskiego i J. Baudouin'a-de-Courtenay. Cz. I. Kraków 1900) (перелагаемъ ихъ для удобства сравненія въ G-dur):

Характерные «славянскіе» мелодическіе ходы на кварту внизъ въ тонику и на сексту передъ доминантой находимъ въ пѣснѣ 76-й, близко родственной русскимъ заунывнымъ «протяжнымъ» пѣснямъ:

Сравните 4-й тактъ этой мелодіи съ характернымъ русскимъ

а четыре послѣднихъ ея такта съ фразой изъ той же русской пѣсни

и вы легко увидите, въ чемъ заключается «русское» впечатлѣніе, производимое приведенной *литовской* мелодіей [1]).

Родственные пріемы найдемъ въ очевидно глубоко древней лужицкой свадебной пѣснѣ (сборникъ лужицкихъ пѣсенъ Смоляра и Гаупта, № 186):

При помощи подобныхъ сопоставленій нетрудно было бы установить наиболѣе характерныя мелодическія, ритмическія и архитектоническія особенности славянской національной музыки и привести ихъ также въ извѣстную генетическую связь съ таковыми же особенностями національной музыки балтійскихъ или айстійскихъ народностей—литовцевъ и латышей. Оставляя пока за собою право вернуться къ болѣе систематическому сравнительному изслѣдованію этихъ отношеній въ другомъ мѣстѣ, остановимся здѣсь лишь на выясненіи аналогичныхъ точекъ соприкосновенія между славянской, въ частности русской, народной музыкой и финской. Тысячелѣтнее сосѣдство русскихъ славянъ и балтійскихъ народовъ съ финскими племенами, какъ

[1]) Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ ритмическую сторону, ограничиваясь только анализомъ строенія мелодій. Отмѣтимъ только бо́льшую простоту ритма литовской и финской пѣсни, сравнительно съ славянской и особенно русской. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что однообразіе и постоянство ритмики финскихъ и литовскихъ пѣсенъ болѣе архаично, сравнительно съ широко развитымъ и постоянно мѣняющимся ритмомъ славянской и особенно русской пѣсни.

извѣстно, отразилось въ языкахъ этихъ народовъ-сосѣдей рядомъ многочисленныхъ лексическихъ заимствованій, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ хронологическимъ эпохамъ, начиная съ довольно глубокой древности. Многовѣковая культурная борьба русскихъ славянъ съ сосѣдними финскими племенами кончилась массовой ассимиляціей послѣднихъ и полнымъ ихъ поглощеніемъ въ собирательной массѣ русскаго народа. Естественно предположить, что указанныя историческія условія должны были отразиться не только въ языкѣ, но и въ музыкѣ названныхъ народовъ, во всякомъ случаѣ (особенно въ обрядовой пѣснѣ) не менѣе консервативной, чѣмъ языкъ. Нижеслѣдующія строки имѣютъ цѣлью указать нѣсколько совпаденій между русской (и вообще славянской) и финской народной музыкой, совпаденій, вполнѣ аналогичныхъ вышеприведеннымъ славяно-балтійскимъ. Чѣмъ эти славяно-финскія совпаденія объясняются—культурнымъ ли вліяніемъ однихъ народовъ на другіе, или какими нибудь другими болѣе глубокими причинами, было бы покуда преждевременно устанавливать. Удовольствуемся пока лишь простымъ констатированіемъ схожихъ чертъ, по меньшей мѣрѣ любопытныхъ для музыкальнаго этнографа и историка музыки.

Каждому русскому человѣку съ дѣтства знакома очень, повидимому, древняя, хороводная пѣсня «Во полѣ березанька стояла» (цитируемъ ее по сборнику Н. А. Римскаго-Корсакова. Ч. I, № 39, стр. 76):

Особенную своеобразность ея ритмическому и мелодическому строенію придаютъ четыре раза повторяющіяся въ концѣ каждаго трехтактнаго предложенія ритмическія и мелоди-

ческія остановки на второй ступени отъ тоники: Остановки эти вмѣстѣ съ четырехкратнымъ повтореніемъ предшествующаго имъ такта создаютъ то впечатлѣніе меланхолической монотонности, которое какъ бы навѣяно однообразной равниной «поля» съ одиноко на ней растущей березой. Онѣ встрѣчаются и въ другихъ извѣстныхъ варіантахъ данной мелодіи, напр. въ сборникѣ Прача (изд. Суворина, № 16. Перелагаемъ въ E-moll, для удобства сравненія), гдѣ, повидимому, издателемъ, подъ вліяніемъ ходячей искусственной европейской музыки, были внесены нѣкоторыя нарушающія чистоту добавленія (напр. Dis въ послѣднемъ тактѣ):

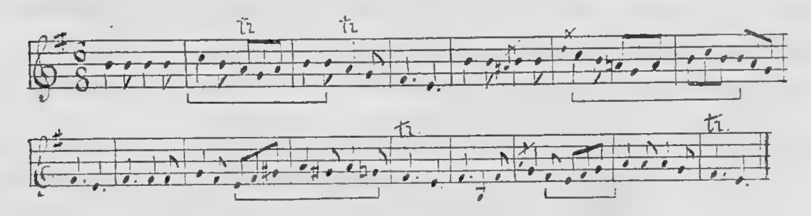

Еще больше произвольныхъ уклоненій представляетъ редакція напѣва въ сборникѣ Гурилева (№ 4) (перелагаемъ также въ e-moll):

Но и здѣсь произвольнымъ измѣненіямъ не удалось окончательно замаскировать отмѣченныя выше остановки, которыя все же легко различить и сквозь искусственныя и чуждыя національному духу первичной мелодіи украшенія и амплификаціи въ обычномъ итальяно-русскомъ вкусѣ нашихъ quasi-національныхъ дилеттантовъ-композиторовъ первой половины XIX вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что редакція Н. А. Римскаго-Корсакова является наиболѣе подлинной и наиболѣе національной изъ приведенныхъ трехъ.

Сѣровъ еще въ 1868 г. указывалъ на сходство нашей мелодіи съ одной индійской, приведенной Амбросомъ въ его Geschichte der Musik (т. I, 58), а годомъ позже Сѣрова то же сходство отмѣтилъ Фетисъ въ своей Histoire générale de la musique (I, 140—141) [1]). Вотъ эта мелодія, въ которой находимъ тѣ же типичныя остановки, но уже не въ каждомъ третьемъ тактѣ, а въ четвертомъ (цитируемъ безъ гармонизаціи Амброса и перелагая въ E-moll):

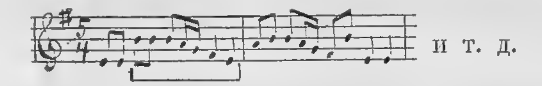

Нельзя сказать, чтобы сходство индійской мелодіи съ нашей народной было особенно велико, такъ какъ первая является значительно болѣе распространенной и расширенной, сравнительно со второй, и отдѣлы ея, отмѣченные у насъ знакомъ |____|, въ русскомъ напѣвѣ отсутствуютъ. За вычетомъ этихъ отдѣловъ, наблюдается почти полное тожество. Но мы не знаемъ въ точности происхожденія индійской мелодіи [2]), которая въ концѣ концовъ можетъ оказаться совсѣмъ не индо-европейской, а принадлежащей дравидическому или коларійскому автохтонному населенію Индіи, покоренному пришельцами съ сѣверо-запада, арійцами. Въ такомъ случаѣ отмѣченное сходство двухъ мелодій не имѣетъ особаго значенія для выясненія основныхъ особенностей индо-европейской и общеславянской народной музыки и

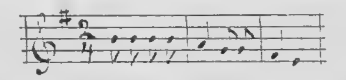
[1]) А. Сѣровъ, «Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки», «Критическія статьи», т. IV, Спб. 1895, стр. 2120.

[2]) Амбросъ не указываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ ее, ссылаясь, правда, въ другихъ мѣстахъ своей главы объ индійской музыкѣ вообще на собирателей индійскихъ мотивовъ Ouseley'a («Oriental collection». Lond. 1797), Bird'a («The oriental miscellany being a collection of the most favourite Airs of Hindostan, by W. Hamilton Bird. Calcutta, printed by J. Cooper 1789») и нѣкр. др., но не отмѣчая, изъ какого именно сборника взята та или другая мелодія. Поименованныхъ имъ сборниковъ здѣсь въ Петербургѣ намъ не удалось добыть.

можетъ быть случайнымъ. Но намъ нѣтъ особенной надобности отправляться на поиски родичей нашей мелодіи въ далекую Индію. Характерная мелодическая послѣдовательность первыхъ трехъ тактовъ русскаго напѣва повторяется и въ одной финской колыбельной пѣснѣ, которую цитируетъ изъ сборника, появившагося въ 1855 г., извѣстный музыкальный теоретикъ, бывшій профессоръ физики Дерптскаго университета А. Ф. Эттингенъ въ своей книгѣ „Harmoniesystem in dualer Entwickelung (Dorpat, 1866, стр. 99—100) [1]). Приводимъ изъ нея первые два такта, употребленные, кстати сказать, Даргомыжскимъ, въ качествѣ одной изъ темъ его „Чухонской фантазіи“ [2]) (перелагаемъ въ E-moll для удобства сличенія):

Нетрудно видѣть, что отмѣченные у насъ скобкой тоны мелодіи совершенно совпадаютъ съ послѣдованіемъ музыкальныхъ интерваловъ въ трехъ первыхъ тактахъ русской пѣсни, составляющихъ главную основу всего напѣва:

То же послѣдованіе интерваловъ встрѣчается и въ другихъ русскихъ напѣвахъ, напр. въ одной изъ пѣсенъ „Собранія русск. нар. пѣсенъ“ М. Стаховича (тетр. 1, Спб., 1851, № 5, стр. 10—11, такты 8—9, 22—23; перелагаемъ въ E-moll):

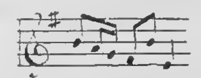
---

[1]) Сборникъ этотъ носитъ заглавіе: Valituita Suomalaisia Kansan-Lauluja. 4 Wihko ko'onnut Ioh. Filip v.-Schantz ja Rudolf Lagi. Helsingfors. 1855.

[2]) Откуда почерпнулъ покойный композиторъ эту тему, неизвѣстно. Въ біографическихъ матеріалахъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Не знаютъ этого и друзья композитора, М. А. Балакиревъ и Ц. А. Кюи, къ которымъ я обращался съ даннымъ вопросомъ.

Почти тѣ же тоны заключаетъ въ себѣ и второй тактъ финской мелодіи, гдѣ находимъ даже одинъ изъ мелодическихъ варіантовъ хода , встрѣчающійся въ Прачевой редакціи русской мелодіи (см. выше, стр. 8, тактъ 6):

При этомъ мы тутъ же можемъ отмѣтить полную тожественность мелодическаго каданса финской мелодіи

встрѣчающагося и въ эстонскихъ народныхъ пѣсняхъ [1]), съ заключеніемъ напр. русской пѣсни сборника Прача (изд. Суворина, № 104) „Ахъ ты, поле мое“:

То же заключеніе въ той же пѣснѣ находимъ и въ сборникѣ Кашина (ч. I, № 35, стр. 38). Эту или почти такую же форму мелодическаго каданса находимъ часто въ русской народной музыкѣ. Приводимъ лишь нѣсколько образчиковъ изъ сборника Кашина (перелагаемъ всѣ въ тонъ E-moll или E-dur).

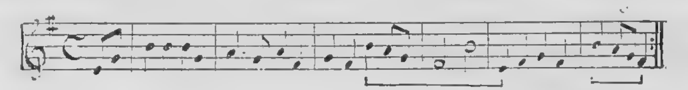
Ч. I, № 18: «Ахъ, чтожъ ты, мой сизый голубчикъ»:

Тамъ же, № 21: «Не бѣлы снѣги»:

[1]) Такъ въ сборникѣ д-ра К. А. Германа «Eesti rahwalaulud segakoorile, Esimene wihk. Tartus. 1890», подъ № 19 (стр. 32) находимъ такую мелодію (перелагаемъ ее въ E-moll):

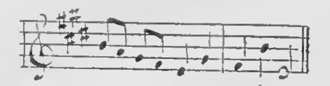
Тамъ же, № 22: «Вспомни, вспомни, мой любезный»:

Часть II, № 10: «По горамъ я ходила»:

Тамъ же, № 18: «Что пониже было города Саратова»:

Тамъ же, № 29: «Ивушка»:

Тамъ же, № 36: «Бѣлолица, круглолица»:

Тотъ же мелодическій кадансъ наблюдается въ концѣ приведенной выше латышской пѣсни изъ сборника Витоля (№ 3). Въ тонѣ E-moll онъ имѣетъ видъ совершенно одинаковый съ кадансомъ русской пѣсни: «Не бѣлы снѣги» изъ сборника Кашина, приведеннымъ выше, только въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ мажоръ вмѣсто минора:

Изъ приведенныхъ образчиковъ не трудно убѣдиться, что приведенные выше два такта финской колыбельной по своему мелодическому составу представляютъ поразительное сходство съ мелодическими пріемами русской (а вмѣстѣ съ тѣмъ и литво-славянской) пѣсни, причемъ сходство это едва ли можетъ быть случайнымъ.

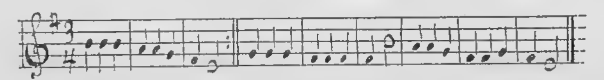
Отмѣченную выше характерную мелодическую послѣдовательность интерваловъ (см. первые три такта цитированной русской пѣсни), иногда съ небольшими уклоненіями, мы найдемъ въ цѣломъ рядѣ моравскихъ пѣсенъ, напр. въ сборникѣ Sušil'a «Moravské národní písně s nápěvy» (V Brně 1868), въ концѣ № 797 (стр. 651): ; № 387 (совсѣмъ какъ начало финской колыбельной):

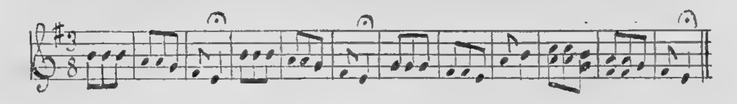
Въ сборникѣ Бартоша „Národní Písně Moravské“ (Прага, I, 1899, II, 1901), въ № 421:

№ 1295 уже довольно близокъ къ нашей русской мелодіи:

Такая же, а мѣстами и еще большая близость замѣчается въ № 423:

Здѣсь уже находимъ полную аналогію и въ ритмическомъ строеніи (такія же предложенія по три такта съ мелодическими и ритмическими остановками на ходѣ:

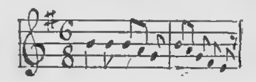
).

Очень близка по строенію и мелодія № 166:

Zabil'i Janoška v šenku, plače ho rodina venku, plače ho aj eho miłá, že jeho gal'ánkú była.

Довольно близко по мелодической структурѣ къ анализированной финско-славянской мелодіи и начало одной эстонской пѣсни (Сборникъ Германа, № 16):

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сходство русской мелодіи съ моравской не случайно и можетъ восходить къ одному общему праславянскому источнику.

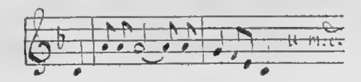
Труднѣе утверждать подобное общее происхожденіе и для приведенной выше финской и эстонской мелодій, которыя, быть можетъ, являются лишь очень древними заимствованіями изъ общеславянскаго мелодическаго запаса, тѣмъ болѣе, что финская народная музыка въ большинствѣ случаевъ стоитъ довольно далеко отъ общеславянской.

Извѣстныя схожія со славянскими черты проглядываютъ, однако, и въ другихъ финскихъ мелодіяхъ. Такъ, въ сборникѣ народныхъ финскихъ напѣвовъ «Suomen kansan Sävelmiä. Toinen jakso. Laulusävelmiä. Ensimmäinen vihko. Jyväskylässä 1904», № 163, находимъ такую мелодію:

Первые два такта совпадаютъ по послѣдовательности интерваловъ съ тактами 24—26 пѣсни о «Страшномъ судѣ», записан-

ной С. М. Ляпуновымъ въ Яранск. у. Вятской губ. (Пѣсни русск. нар. Спб. 1899, стр. 32), разница только въ ритмѣ:

Тѣ же интервалы находимъ въ началѣ пѣсни «Ясно въ теремѣ свѣчи горятъ» (тамъ же, стр. 118):

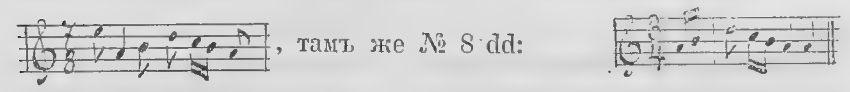
Аналогичныя послѣдованія въ польской пѣснѣ въ сборникѣ Кольберга „Lud etc. Serya VI. Cz. II, Kraków. 1873, № 284:

Въ сущности это та же послѣдовательность интерваловъ, которая отмѣчена нами выше въ русской пѣснѣ: «Во полѣ березанька стояла» и финской колыбельной. Что касается мелодическаго каданса въ третьемъ и четвертомъ тактахъ разсматриваемой финской мелодіи:

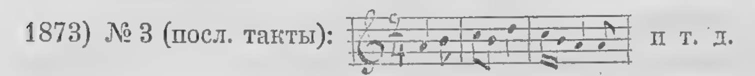

то близкія къ нему послѣдованія встрѣчаемъ въ польскихъ пѣсняхъ, напр. у Кольберга, «Pieśni ludu polskiego» (I, Warszawa, 1857, № 5 z.) или тамъ же, № 5 aa:

, тамъ же № 8 dd:

или въ сборникѣ: «Lud polski etc.» Serya VI. Cz. II (Kraków, 1873) № 3 (посл. такты):

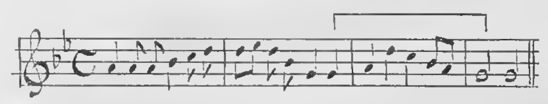

и т. д.

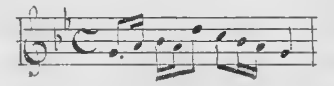
Аналогичны два начальные такта изъ одной сербской пѣсни: (Kuhač, «Južno-slovjenske narodne popjevke» Загребъ, 1878 и сл.

№ 309): и т. д.

Такой же славянскій характеръ имѣетъ мелодическій кадансъ финской мелодіи, значащейся въ цитированномъ сборникѣ финскихъ напѣвовъ «Suomen kansan sävelmiä», подъ № 20:

Почти то же послѣдованіе имѣется въ началѣ пѣсни «Саша моя, Саша», въ сборникѣ Мельгунова, вып. I, стр. 44 (перелагаемъ въ G-moll): или въ 2-мъ вып. «Ай да мнѣ не спится», № 6, стр. 18, тактъ 1-й:

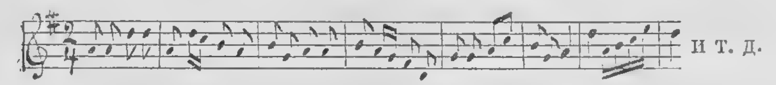
То же находимъ и въ болгарской пѣснѣ сборника южно-славянскихъ пѣсенъ Кухача, т. II, № 733:

Въ послѣднемъ случаѣ совпаденіе болгарской формулы мелодическаго каданса съ финской (и русской) можетъ восходить не только къ общему праславянскому источнику, но и къ общему угро-финскому.

Еще больше сходства съ русской народной музыкой обнаруживаетъ эстонская, въ которой это сходство можетъ быть объяснено древнимъ вліяніемъ сосѣдей латышей и русскихъ, а пожалуй восходитъ и къ еще болѣе древнимъ литво-славянскимъ воздѣйствіямъ или какимъ нибудь другимъ непосредственнымъ общимъ источникамъ. Въ мелодическомъ запасѣ эстонской пѣсни найдемъ немало оборотовъ, живо напоминающихъ тѣ или другія

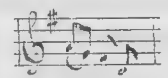
русскія мелодіи. Такъ въ цитированномъ уже выше сборникѣ Германа подъ № 1 находимъ слѣдующую мелодію:

и т. д.

Первые два такта этой мелодіи очень близки къ началу напѣва, записаннаго С. М. Ляпуновымъ въ Тотемск. у Вологодск. губ. («Пѣсни русскаго народа, собр. въ губ. Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893.» Спб. 1899, стр. 216):

;

аналогію для мотива четвертаго такта найдемъ тамъ же (стр. 185):

а для мелодической фигураціи послѣдней четверти седьмого такта—тамъ же, три раза въ цитированной уже мелодіи изъ Тотемск. у. (стр. 216, такты 3, 5, 13):

Послѣднюю фигуру находимъ также въ первомъ сборникѣ Балакирева, № 29, стр. 36:

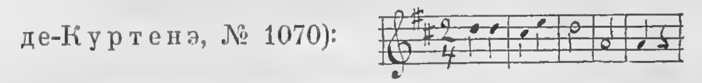

или № 7, стр. 16, тактъ 6, 20 и т. д.

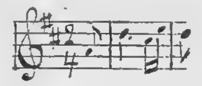
Начальные четыре такта третьей эстонской мелодіи у Германа:

почти тожественны съ началомъ напѣва «Ахъ пивна ягода по сахару плыла», записаннаго Г. О. Дютшемъ въ 1889 въ Повѣнецк. у. Олон. губ. (цитирую по второму «Сборнику» М. А. Балакирева, № 16, стр. 61): и т. д.

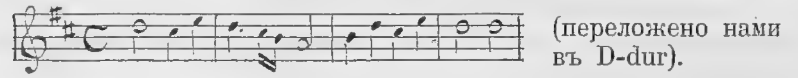
Ту же мелодическую фигуру, только еще болѣе близкую къ эстонской, находимъ въ одной литовской пѣснѣ (Сборникъ лит. пѣсенъ Юшкевича, изд. Носковскимъ и Бодуэномъ-де-Куртенэ, № 1070):

(переложено въ D-dur). Очень близкая комбинація наблюдается въ сборникѣ С. М. Ляпунова и Истомина: «Пѣсни русскаго народа» (стр. 239, перелагаемъ въ D-dur).

Аналогичную мелодическую послѣдовательность встрѣчаемъ и въ польской пѣснѣ, записанной Кольбергомъ («Mazowsze. Obraz etnograficzny», T. V. Краковъ, 1890, № 31):

(переложено нами въ D-dur).

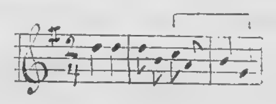
Продолженіе эстонской мелодіи, основанное на другомъ уже мотивѣ, также носитъ характеръ, близкій къ славянскому:

Почти ту же послѣдовательность интерваловъ найдемъ въ пѣснѣ гудочниковъ изъ «Князя Игоря» Бородина, имитирующей стиль русской народной мелодіи (стр. 338 полнаго клавираусцуга съ пѣніемъ, изд. Бѣляева, третья система):

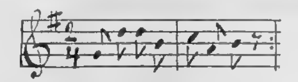

По ритму и по мелодической послѣдовательности отчасти родственны эстонскому напѣву и слѣдующіе начальные три такта изъ пѣсни «Застучи моя дубинка» (сборникъ Прокунина, Москва, у П. Юргенсона, № 7, стр. 9):

Застучи моя дубинка.

или изъ № 55 (перелагаемъ въ G-dur):

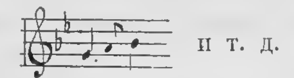

Какъ у нашихъ у воротъ.

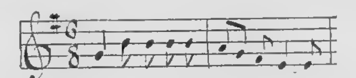
Приведемъ еще нѣсколько образчиковъ изъ того же сборника Германа, представляющихъ извѣстное сходство съ русскими или вообще славянскими напѣвами. Таково начало мелодіи № 5:

Послѣдовательность интерваловъ первыхъ двухъ тактовъ найдемъ хотя бы въ началѣ «запѣва» пѣсни № 12 сборника Т. И. Филиппова и Н. А. Римскаго-Корсакова («40 нар. пѣсенъ и т. д. Москва у. П. Юргенсона, стр. 29»):

и т. д.

Слѣдующіе два такта эстонской мелодіи находятъ себѣ соотвѣтствіе во второмъ тактѣ мелодіи «Гуси, вы гуси, лебеди», записанной С. М. Ляпуновымъ въ Вологодскомъ уѣздѣ («Пѣсни русск. народа собр. Ѳ. М. Истоминымъ и С. М. Ляпуновымъ» Спб. 1899, стр. 96):

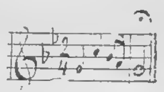

Славянскій (и русскій въ частности) отпечатокъ носитъ и начало 8 пѣсни изъ сборника Германа:

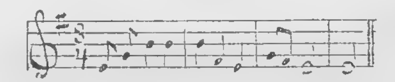

Здѣсь находимъ иную ритмическую комбинацію изъ тѣхъ же мелодическихъ мотивовъ, которые нами отмѣчены въ предшествующемъ примѣрѣ (пѣсня № 5 сборника Германа). Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ С. М. Ляпуновымъ («Пѣсни

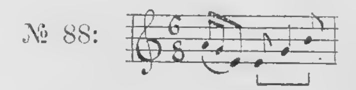
р. нар.», стр. 197) находимъ цѣликомъ заключит. мелодическій кадансъ этого эстонскаго напѣва:

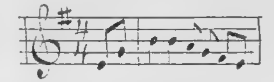
Нетрудно отыскать русско-славянскія параллели и для мелодическихъ комбинацій перваго періода 10 пѣсни сборника Германа:

Мелодическая фигурація минорнаго трезвучія, имѣющаяся здѣсь въ началѣ напѣва, правда, рѣдко встрѣчается (особенно въ началѣ) въ русской пѣснѣ, но довольно часта въ пѣснѣ другихъ славянскихъ народовъ. Въ русской пѣснѣ мы можемъ указать изъ довольно рѣдкихъ случаевъ ея употребленія на 3-й тактъ пѣсни «На морѣ утушка купалася» въ сборникѣ Римскаго-Корсакова

№ 88:

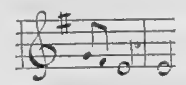
или въ собраніи напѣвовъ экспедиціи С. М. Ляпунова и Истомина (стр. 118):

Съ другимъ порядкомъ интерваловъ эту фигурацію можно встрѣтить чаще. Примѣромъ можетъ служить третій тактъ мелодіи «Гуси, вы гуси», цитированной выше (стр. 19) изъ собранія напѣвовъ, записанныхъ С. М. Ляпуновымъ (стр. 96). Четвертый тактъ этой мелодіи почти совпадаетъ со вторымъ тактомъ нашего эстонскаго примѣра:

Мелодическій кадансъ эстонскаго напѣва

встрѣчается настолько часто въ русской и вообще славянской народной музыкѣ, что не требуетъ примѣровъ для своего подтвержденія.

Въ заключеніе—любопытный образчикъ совпаденія нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей одной эстонской мелодіи изъ сборника Германа (№ 12, стр. 23) уже не съ народной русской мелодіей, а съ искусственной темой Чайковскаго, которой композиторъ очевидно сознательно стремился придать полу-національный русскій характеръ.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду тему прелестнаго Andantino четвертой симфоніи Чайковскаго, въ которой такъ характерны мелодическіе ходы на квинту вверхъ и сейчасъ же затѣмъ на кварту внизъ и немного опять далѣе на квинту внизъ (во второмъ, третьемъ и пятомъ тактахъ). Ходы эти придаютъ въ общемъ европейской мелодіи Чайковскаго полу-національный русскій характеръ и дышатъ такой задушевностью, такимъ свѣжимъ ароматомъ, точно ворвавшійся въ растворенное окно модной гостиной вѣтерокъ принесъ съ собой волну свѣжаго запаха утренняго лѣса и росистыхъ луговъ:

Эти же самые характерные ходы находимъ и въ названной выше эстонской народной мелодіи (перелагаемъ ее также въ B-moll):

Отмѣченные скобкой интервалы эстонской мелодіи имѣются цѣликомъ и у Чайковскаго. Благодаря имъ, въ общемъ довольно безцвѣтный и ординарный напѣвъ (начинающійся немного на подобіе «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ») пріобрѣтаетъ

на время особую прелесть и русскій національный колоритъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что совпаденіе мелодіи Чайковскаго съ эстонской мелодіей совершенно не преднамѣренно и объясняется отнюдь не заимствованіемъ съ той или другой стороны, а просто извѣстнымъ (хотя-бы и вторичнымъ) сродствомъ эстонской національной музыки съ русской таковой же. На этомъ примѣрѣ мы заканчиваемъ свою замѣтку, полагая, что цѣль ея будетъ достигнута, если приведенныя въ ней наблюденія заинтересуютъ нашихъ музыкальныхъ этнографовъ, пока еще къ сожалѣнію очень немногочисленныхъ, и побудятъ ихъ къ болѣе широкимъ сопоставленіямъ и разысканіямъ въ данной, совсѣмъ еще никѣмъ не затронутой, области.

СПБ. Январь 1908.

Турецкая сказка „объ угадчикѣ поневолѣ“.

Записалъ и перевелъ Н. Н. Мартиновичъ.

Въ бытность мою въ Малой Азіи въ 1906 г. мнѣ удалось записать значительное количество турецкихъ народныхъ сказокъ, легендъ, загадокъ и т. п. Предлагаемая здѣсь сказка, записанная въ г. Ески-Шехирѣ, представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ новый варіантъ весьма распространенной темы о «старикѣ-ворожеѣ», который является повсюду колдуномъ, или вѣрнѣе угадчикомъ поневолѣ. Тема эта свойственна литературамъ какъ Запада (норвежская, нѣмецкая), такъ и Востока (турецкая, арабская, персидская и др.). Она послужила предметомъ перваго ученаго труда В. Ѳ. Миллера [1]); сводъ библіографическихъ свѣдѣній объ этой сказкѣ находимъ у А. Е. Крымскаго [2]); самъ онъ лично записалъ сирійскую версію. Встрѣчается она и въ Индіи. Изъ турковъ она имѣется: у османовъ, крымскихъ татаръ и киргизовъ. Киргизскую версію записалъ

[1]) «О мужичкѣ Жучкѣ». Труды Эти. Отд. Имп. Общ. Любит. Естествознанія. Т. IV, стр. 174.

[2]) «Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера», Москва, 1900. Стр. 219 и слѣд.

А. Дпваевъ [1]; въ ней имѣется эпизодъ съ 40 разбойниками. Крымская версія записана В. В. Радловымъ; тутъ этотъ ворожей (*рäміlџі баба*) колдуетъ по настоянію падишаха; есть разсказъ о 40 разбойникахъ и сценка со стрекозой; начальнаго же эпизода съ невѣстой нѣтъ [2]. Османскій варіантъ, кромѣ нашего, есть у Куноша [3]. По его версіи ворожей этотъ (собств. астрологъ—*тӱпеžім*) колдуетъ по требованію жены, стремящейся къ почету и богатству, а помогаетъ ему другъ жены; эпизодовъ съ дѣвушкой-невѣстой и съ 40 разбойниками у Куноша нѣтъ; поговорка о стрекозѣ, встрѣчающаяся въ концѣ сказки, совпадаетъ съ нашей записью почти дословно. По мнѣнію Крымскаго, происхожденіе этой сказки въ турецкомъ языкѣ слѣдуетъ отнести къ XVI вѣку и даже ранѣе [4]. Есть еще греческая передѣлка съ турецкаго: βίος καὶ πολιτεία σοφοῦ γέροντος Μουτζοκούρου [5].

Я помѣщаю сначала текстъ сказки, а затѣмъ переводъ ея. Текстъ въ транскрипціи, такъ, какъ онъ былъ записанъ на мѣстѣ, въ Ески-Шехирѣ, по мѣстному произношенію, о нѣкоторыхъ особенностяхъ котораго я не нахожу возможнымъ упоминать до окончательной разработки и появленія остальныхъ матеріаловъ.

һікаjä.

Бір вармыш бір јокмуш бір гӱн кöilÿ бабанын бірі гаjäт фукара іміш. Бу фукаралык кäндіјсінін џанына так деміш кäн-

[1] «Кудесникъ поневолѣ». Сборн. матер. для стат. Сыръ-Дарьинской обл. Ташкентъ 1891, т. I, отд. II, стр. 101.

[2] Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. В. Радловъ. Спб. 1896. Т. VII, стр. 235.

[3] Oszman-török népköltési gyüjtemény. D-r Kúnos Ignácz. Budapest. 1889. т. II, стр. 116, № 94. Только транскрибированный турецкій текстъ. Русскій пересказъ см. «Юбил. сборн. Миллера», статья В. А. Гордлевскаго, стр. 216.

[4] Ibid., стр. 222.

[5] مشهور (?)

дўсіні інтіха ітмäјä карар верміш: ујан, деміш, варајум-дä шу чаја кäндўмў коівергäјўм-дä дунјадан гаіб олајым јідäјім! діјäрäк калкар чајын башына јідäр. Аlінä бір чомак алып допраклары äшäläр дурур-ікäн бажӷа бір ковä бір гälін-кызы гäчäрікäн гöрўр бакар-кі бір іхтіар адам отурмуш допрак äшäläр дурур. Бу кызцыӷаз: баба нä äшäläрсін? — Кызцыӷазўм ахрäтўмўј öзläдўм-дä ону дўшўнјöрўм, вар, сäн јіт ішінä, гälін-кызцыӷазўм! дер. Бу гälін: аман бабацаӷым, сäн бäнім гälін олдуӷуму нä біlірсін, демäк-кі сäн бäнім башыма нä варацаӷыны-да біlірсін, буну бана біlў-вер! Бу адам-да: нä јапсун, һаіды кызцыӷазўм, сäн јіт-мä! бäн бу ӷыцä дўшўмä јатајум-дä нä дўш гöрўрсäм сана дўнўш-тä сöіläрім! дејў бу кызцыӷаз гälін олдуӷу ковä јідäр, бу адам о чајын башында ац ацына дурур. Бу кыз о ӷыцä гäрдäјä гірäр, гірдіјі ӷыцäдäн хамilä калыр. Бір кач гўн соңра бір ӷатыра бінўп јанныз башына бу һäрўфцыӷазўм јанына варыр.—Бабацыӷазўм дўшўндä нä гöрдўн-сä бана аннатўј-вер!—Кызцыӷазўм гарнындакі оӷлан ушаӷыны чыкары вер-дä бакалым нä олацак! Карыцыӷаз: аман бабацаӷым сäн бäнім гарнымдакі ушаӷы нä біliоң? сäн демäк-кі мўнäцўммўсўн?— Јок кызцыӷазўм бäн кäндўм зујуртлыӷымы дўшўнўрўм, аклыма гäläн шäі сöіläјі-верäрім!—Јок бабам сäн хäр хаldä мўнäцўмlўк вер мадам-кі фукарасын бäш алтун верäјўм-дä бір заман јер дурурсын! діјäрäк паралары верір: аман бабам сäні бäн нä заман арарсäм ніцä булајым? Баба-да: кызцыӷазўм бäн шінді бураја одундан бір гуlібä јапацајым ölўнцäјä кадар бурдајым нä заман арарсäн бураја ӷал халлашалым! діјäрäк бу кыза сöіläр.—Äh Алла ысмаралдык бабацаӷым! гінä бу кадын ӷатырны бінўп мälмäкäтінä јідäр-јітмäс ковін ічіндäкі комшуларына цумläсінä: аман комшулар чемäннў дäрä башында бір мўнäцўм вар-кі інсанын гарнымдакіні хäпсіні біlў-верјöр, дјä іlан ідäр. Бу һäрўф-тä карыдан алмыш олдуӷу паралар-іlä дäрäнін башына бір гуlібä јапып отурур. Бір гўн карынын ковіндä бір зäнгін адамын äвіндä карысынын бармаӷында олан бір јўзўјў гаіб олур хаl-бу-кі зајылмамыш буну јанындакі хізмäтчў кары чалмыш іді. Бу ханым јўзўјў булмак ічўн чок хоца-аалары бактырды кімсä біläмäді. Бу кызцыӷазы хабäр вердіјі чемäннў дäрäдä олан мўнäцўмä јідäјім! діјäрäк хізмäтчўсіlä бäрабäр

орајa варыллар.—Бабаџаҕым бäнiм бiр гаiбым вар буну бiljÿ—вер! дедiјiндä. — Пäк-сï кызџыҕазÿм нä дыр сäнiн гаiбын хаlä сäн дышары чык-та бäн бiр дÿшÿнäјiм! Буннар хiзмäтчÿсilä дышары чыкаллар. häрÿф шiндi: аман аман Аллахум бäн бун-нара нä сöiläјiм? бäн бiр шäi бilмäм! дiјä дÿшÿнÿркäн, јÿзÿјÿ чалан кыз iчäрÿ гiрäр: аман бабаџаҕым јÿзÿјÿ бäн ханымын сандуҕундан бäн äбäрдiм закын бäнi сöilämä бäн сана јÿзÿјÿ ällätÿ верäрiм!—Öilä-iсä кызџыҕазÿм сiз äвä варын-да сiзiн бахчанiздä ҕас вармы?—Вар бабаџаҕым!—Шiндi äвiнiзä вардыҕында о ҕасларын бiрiкiн баџаҕычы ҕыры-вер о ҕаза јÿзÿјÿ јуттуру—вер сäн ћарышма hаiды сäн дышары чык! Шiндi häрÿф: јÿзÿјÿ булдум! дејÿ älänip ханымы чаҕырыр: ханым-äфäндi бäн бахтым сäнiн гаiбын äвiндä дыр бäнi äвiнä ällätÿ-вер-дä гаi-быны булу-верäјiм! Бу кадын сäвiнäрäктäн:hаiды бабаџаҕым јiдäliм! дiäрäк ћалкаллар äвiнä јiдäрlär. Аiи - маiи јеdiктäн соңра бу häрÿф пäнжäрäнiн öнÿнä отурур. Ханыма дер-кi. ҕасларыны сöслäјÿ-вер гälсÿннäр! дiјä сöilär. Ханым-да хiзмäт-чÿсiнä: кыз hаiды јiт-тä гÿмäздäн ҕаслары чыкары-вер! дејiнџä хiзмäтчÿ јÿзÿјÿ учкурундан чöзäрäк äliнä алыр ҕасларын гÿ-мäзiнä варыр чабыџак ҕазын бiрiнi тутар баџаҕыны ҕырар јÿзÿјÿ о ҕаза јуттурур соңра ҕаслары говалар пäнжäрäнiн öнÿнä ällätiр. Шiндi бу häрÿф: ханым-äфäндi сäнiн гаiб олан јÿзÿјÿн iштä бу топал ҕазын гарнында-дыр о ҕазы кäсiн гар-нындан јÿзÿк чыкар! дејiнџä ханым сäвiнäрäк хiзмäтчÿсiнä: кыз шу ҕазы туту-вер кäс бакалым! хiзмäтчÿ тутар кäсÿ—верiр гарныны бу häрÿф јарар барсакларын iчiндäн јÿзÿјÿ чы-кары-верiр јÿзÿјÿ ханыма тäслiм iдäр. Ханым сäвiнäрäктäн бу адама бäш lipa верiр. Шiндi бу мälмäкäтiн iчiндä бу häрÿф намлы мÿнäџџiм олду. häруфџыҕаз: Алла ысмаралдык! дiäрäк гуlибäсiнä јiдäр отурур. Бу кöвдä гајäт чок зäнгiн о кöвiн дä-рäбäi iмiш бiр адам. Бунун зäнгiнiндäн чок кiшilärin гöзÿ вар-мыш. Бу сабаптан о заманлары кырк танä харамilär вармыш. Буннар бу häрÿфÿн хесапсыз зäнгiн олдуҕуну iшiдilär. Бу ха-рамilär бiр ҕыџä häрÿфÿн кöвiнä варыллар äвiнi öгрäнÿllär. Бiр iкi гÿн соңрä бiр ҕыџä häрÿфÿн џумlä параларыны вä маl-lärini чалаллар јiдäрlär. Бу адам бакар-кi нä паралары вар нä-дä äшäläri вар хäпсiнi чалмышлар. Шiндi бу häрÿф о кöвiн

дäрäбäi iдi бунун адамлары вä кäндÿсi чок сäрт iдi. Бу сабаптан о кöвдä вä атраф кöвдäкiläр бу адамдан чок јыллар-ларды. Бу сабаптан бу кöвläрдäкi адамларын хäпсiнi доплајып: бäнiм маllärымi булаџаксыныз јокса сiзiн маllärынызi вä доварларынызы хäпсiнi запт iдäрiм! дiäрäк џумläсiнä сöiläр. Шiндi бу адамлар: äфäндiм бiз сäнiн маliнi кiм чалды кiм алды бiз нä бiläлiм бiзiм нä iсiанымыз вар бiзiм маliмiзi запт iдäџäксiн кiм алды-iсä бiзä бillämÿ-вер-дä бiз сäнiн iчÿн ölÿнџäјä кадар чалышырыз-да сäнiн маliнi вä ахуну алырыз! дерläр. Бу дäрäбäi —дä: уlан häрÿфläр, бäнiм маliмi чалан häрÿфÿ бäн бilсäм сiзi хiч чаѓырмам! дејiнџä, шiндi бу häрÿфläр бу чемäннÿ дäрäдä олан бабанын гаiб бiläџi дејÿ iсмi чыкмыш iдi. Буннар хäпсi бiliллäрдi.—Äфäндiм äввälä сäнiн маliнi чалан адамы булалым! чемäннÿ дäрäдä бiр гаiб бiläџi вар-дыр о адамы бураја älläмälim-дä бiр бахсун бакалым! Бу дäрäбäi чемäннÿ дäрäјä ушак гöндäрäрäк бакыџы бабајы бу зäнгiн дäрäбäiнiн јанына ällämillär. Хош-бäштäн соңра бакыџы баба: äфäндiм бäнi нä ällämiнiз? дејiнџä бу äфäндi: баба, бäнiм гаiбым вар маllärымi чалдылар буна бiр баку-вер!—Аман äфäндiм, бäн бöilä шäilär бilмäм, бäн сäнiн маllärынi нiџä булајым? дiäрäк бу äфäндiјä чок ÿзälдi-iсä-дä бу адам хiч дiннäмäдi: illä булаџаксын јокса сäнiн гälläнi кäсäр гÿбрä атарым, сана кырк гÿн мÿхläт хäр халдä булуп бäнiм маliмi мäiдана чыкараџаксын, шiндi hаiды јäрiнä јiт-mä, кыркынџы гÿн бäн сäнiн älläрiнi томруѓа вуруп бураја гälмäссäн älläтiрiм! дiäрäк, häрÿф-mä: демäк-кi äфäндiм бäнiм гäбäрмäк вактым бу кырк гÿнä кадар тамам дыр, шiндiliк хошча калын äфäндiм! дiäрäк калкар јäрiнä јiдäр. Шiндi бу häрÿф кäндÿ—кäндÿнä дÿшÿнÿр-кi: бäн буну насл iдäјÿм-дä булајым бу häрÿф бäнiм кырк гÿн соңра gällämi алаџак бäрi бäн чöмläк булајум-да кырк танä-дä таш парчасы доплајум-да хäр гÿн бiр танä чöмläјiн iчiнä атајум-да таш бiттiјi заман бäнiм-дä öмрÿм бiттi, дејÿ, бäн-дä бурада кäндÿ-кäндÿмÿ öлдÿрÿ верäрÿм-дä хiч олмаса бу häрÿфÿ äliндäн мундар öлмäм! дiјä бунны фiкрiндä дÿшÿнä дурсун; бiз гälälim бу маllärы чалан харамiläр. Бу бабанын гаiб бiläџi олуп вä дäрäбäi-дä буна хäр халдä булаџаѓыны кырк гÿн мÿхläт вердiјiнi бу харамiläр хабäр алыллар. Харамi башы јанындан бiрiсiнi бу бакыџынын

јäрінä гöндäрір: һаіды јіт-тä кäндÿнÿ біllätмäдäн анна бакалым! Điјä тäмбiһ ідар бу адамы гöндäрір. Бу һäрÿф варыр о бабанын јäрінä. Акшам олур бакыџы ташын бірінi: öмрÿм бірі јіттi! дејÿ бірінi чöмläјä атты. Бу адам чабыџак ордан kалкып харамі башына: äфäндім бäнім ораја вардыҕымы біldі. Уlамбäі-кі: јанныш аннадын бу ҕыџä ікі кіші јідін. Välхасыл буннар кыркы-да бу бакыџы бабанын јанына хäр ҕыџä јідäрläр. Бу адам-да чöмläк хесабы ідäр-кі кыркынџы гÿнÿ кäндÿнін öläџäјіні дÿшÿнÿр. Кыркынџы гÿнÿ бу харамiläр: бiзi хабäр вермäсÿн! діäрäк бакыџы бабаја ҕыџаја јідäрläр. Буннар сабаläјін äркäндäн бабанын капусыны чаларак ічäрÿјä гіrällар. Бакыџы буннары галабалык гöрÿнџä коркар: на істäрсiнiз һäрÿфläр? діäрäк тäктір ідäр. Буннарын џумläсi бакыџынын ајаҕына гапаныллар: аман хоџаџаҕым, бiзі ällä вермä бiз сана нä істäрсін верälім! Бакыџы-да аннар-кі: маlläрі бу адамлар чалмыш: улан äгäр гälмäідiнiз бäн сiзi верäн ідäџäкідім; шiндi бу ҕыџä маllärі о адамын äвінä гiзlÿџä ällätмäli бäн-да бу ҕыџä ордајым!—Пäк-еі äфäндім, бiзi ällä вермä, бiз ällätiрiз, хоіча кал! діäрäк јідäрläр. О гÿндä кырк гÿн тамам олур. Хоџа сäвiнäрäк дäрäбäјін äвінä јідäр: äфäндім бу ҕыџä сiз рахат ујукуја варын, бу ҕыџä маllärініз гälір, пäрiläр алмыш бу ҕыџä ällätäџäкläр. Сабаläјін ујукудан kалкаллар, маllар хäпсi гälміш; харамiläр-дä бажҕа мälмäкäтä јідäрläр. Бу дäрäбäі маllärіноксансыз гöрÿр: ашык олсун баба, сäн тамам бакыџы імішсін! діäрäк чок пара верір бу бабаіы јäрінä гöндäрір. О вактын заманында вактын хÿкÿмдары олан затä бу дäрäбäі бу бакыџынын махарäтіні накл ідäр. О хÿкÿмдар та'аџуп ідäрäк: бан шiндi бу адамы чаҕыртаџајым, бäн кöiнÿмдäн бір шäі сöiläџäјiм бакалым біläџäкмі? сöiläміш олдуҕум јакырды бу адам гäldiјіндä бахчаја гöзмäк ічÿн гöтÿрäџäјiм бакалым біläџäкмі? Бабаіы чаҕырыллар. Баба гälір. Бабаја сöiläрläр-кі: сäн гаіб біläџісін, бäнім калбімдä нä вар сана нä сoiläџäјiм біlірмiсiн? дејÿ су'аl ідäр. Шiндi бу адам нä білсiн: äфäндім бурасы сыкынты бахчаја чыкалым-да орада халлашырыз! дејінџä.—Āфäрiн баба, бäнім калбімдä бу кälам—јакырды іді, сäн буну біldін, шiндi бахчаја чыкалым гöзälім! Бахчаја чыкаллар гöзäрікäн бір далын ÿстÿндä бір чäкіргä дурјор. Бу хÿкÿмдар

бу баба гöрмäдäн äйінï салар-тутар, ауџуну капар.—Баба бу ауџумдакі нä дыр? біl! Шінді бу адам буну насл білсін: äфäндім, масалларда вар-дыр-кі: бір сычырарсын чäкіргä, ікі сычырарсын чäкіргä, ӱчӱндä ауџума гäчäрсін чäкіргä! дејінџä, бу адам ауџуну ачар чäкіргä коіверір.—Āфäрін баба, буну-да біlдін! сäні кäндӱмä мӱнäџӱм башы јаптым! Хаl-бу-кі бу адам чäкіргä олдуƃуну біlмäз-іді. кäндӱнä тäмсіl оларак сöіläміштi. Џäнабу Хак бу адама хäр ішінä јардым їдäјöр, Џанабу Хак бізlärä-дä јардым їтсӱн! Амӣн!

Сказка.

Было ли, не было ли на самомъ дѣлѣ, только нѣкогда жилъ одинъ очень бѣдный крестьянинъ. Наскучила ему эта бѣдность, онъ рѣшилъ покончить съ собой.—Эхъ, сказалъ онъ, пойду ка я, брошусь въ рѣку, покину этотъ міръ! Всталъ и отправился къ рѣкѣ. Взялъ онъ въ руки шестъ, остановился и землю ковыряетъ; въ это время шла какая-то дѣвушка-невѣста изъ другой деревни; смотритъ: стоитъ старикъ и ковыряетъ землю. — Дядя, что ты роешь? — Я, дѣвонька, раздумываю, на тотъ свѣтъ собираюсь! А ты ступай себѣ по своимъ дѣламъ, дѣвушка-невѣста! — Ай, дяденька, почему ты знаешь, что я невѣста? Значитъ, ты знаешь также, что со мной будетъ! Скажи-ка мнѣ!—Что подѣлать, ты ступай, а я этой ночью лягу спать, и что во снѣ увижу, то тебѣ при свиданіи и разскажу! Такъ онъ сказалъ, а дѣвушка-невѣста пошла къ себѣ въ деревню. Остался этотъ человѣкъ голодать-бѣдствовать у рѣки. Дѣвушка же въ ту ночь вступила въ бракъ и послѣ брачной ночи стала беременной. Нѣсколько дней спустя сѣла она на мула и отправилась одна къ этому человѣку.—Дяденька, что ты видѣлъ во снѣ, поясни мнѣ!—Роди-ка ты, дитятко, ребенка, что у тебя во чревѣ, тогда и посмотримъ, что будетъ! —Ай, дяденька, почему ты знаешь про ребенка у меня во чревѣ?

Значитъ, ты колдунъ! [1] — Нѣтъ, дитятко, я только о бѣдности своей думаю; что придетъ мнѣ въ голову, то и говорю! — Нѣтъ, дядя, ты при всякомъ случаѣ ворожи, а т. к. ты бѣднякъ, я тебѣ дамъ пять червонцевъ, ты на нихъ нѣкоторое время просуществуешь. И дала ему деньги. — Дядя, если я когда тебя буду искать, какъ найду? — А вотъ я сейчасъ сдѣлаю себѣ здѣсь хижину изъ дровъ и до самой смерти буду здѣсь; когда будешь меня искать, приходи сюда, мы и побесѣдуемъ. Такъ онъ сказалъ. — Ну, прощай, дяденька! Снова эта женщина сѣла на мула и къ себѣ въ деревню отправилась. Лишь только она пріѣхала домой, разсказала всѣмъ своимъ сосѣдкамъ по деревнѣ: — Ахъ, сосѣдки, въ зеленой лужайкѣ-долинѣ есть нѣкій колдунъ; онъ предсказываетъ все даже про человѣка, что у меня во чревѣ! Между тѣмъ человѣкъ, на полученныя отъ женщины деньги, устроилъ себѣ въ долинѣ хижину и поселился въ ней. Однажды въ деревнѣ этой женщины, въ домѣ одного богатаго человѣка пропалъ перстень, который жена его носила на пальцѣ. Впрочемъ, онъ не пропалъ, а его украла ея служанка. Женщина эта, чтобы найти перстень, обращалась ко многимъ ходжамъ (т. е. ученымъ, знающимъ людямъ), но никто не могъ узнать. Тогда она сказала: пойду-ка къ колдуну въ зеленой долинѣ, про котораго мнѣ разсказывала та женщина! Она отправилась туда вмѣстѣ со служанкой. — Дяденька, у меня случилась пропажа, укажи мнѣ ее! — Хорошо, дитятко, ты выйди теперь наружу, а я наединѣ подумаю, что у тебя за пропажа. Она и служанка вышли вонъ. Тогда человѣкъ этотъ призадумался и сказалъ: Господи, Боже мой! Что я имъ скажу? Вѣдь я ничего не знаю! Вдругъ входитъ дѣвушка, укравшая перстень. — Пощади, дяденька, это я украла перстень изъ барыниной шкатулки; не говори, пожалуйста, про меня, я отдамъ тебѣ перстень! — Если

[1] Въ текстѣ *„мӱнäџӱм“* т. е. منجم — астрологъ; я здѣсь и далѣе перевожу «колдунъ, ворожей», т. к. въ этой сказкѣ и рѣчи не можетъ быть объ астрологіи, а только объ угадываніи, кромѣ одного мѣста въ концѣ, гдѣ астрологъ является, какъ придворный чинъ. Собств. ворожей, гадатель по песку, колдунъ — رمال *рäммал* или رملجى *рäмилџi*.

такъ, то ступайте домой! Есть у васъ въ саду гуси?—Есть, дяденька!—Сейчасъ же, какъ придешь домой, сломай лапу одному гусю; дай этому гусю проглотить перстень; не напутай! А теперь ступай вонъ! Обрадовался человѣкъ: нашелъ я перстень! Позвалъ онъ женщину:—сударыня, я разсмотрѣлъ; твоя пропажа у тебя дома; сведи-ка меня къ себѣ домой, и я найду пропажу! Женщина эта обрадовалась:—пойдемъ, дяденька! Встали они и пошли домой. Послѣ угощенія человѣкъ этотъ усѣлся у окна и сказалъ женщинѣ:—Покличь гусей, пусть они сюда придутъ! Женщина приказала служанкѣ: ступай, дѣвушка, выведи гусей изъ птичника! Служанка, развязавъ поясъ, взяла въ руку перстень и отправилась къ гусиному птичнику. Быстро поймала она одного изъ гусей, сломала ему лапу и заставила этого гуся проглотить перстень; затѣмъ погнала гусей и привела ихъ къ окну. Тотчасъ-же человѣкъ этотъ сказалъ: сударыня, твой пропавшій перстень находится въ животѣ вотъ этого хромого гуся; зарѣжь этого гуся и вынь изъ его живота перстень! Женщина обрадовалась и приказала служанкѣ: дѣвушка, поймай и зарѣжь того гуся, посмотримъ-ка! Служанка поймала, зарѣзала, а человѣкъ животъ распоролъ, изъ кишекъ вытащилъ перстень и вручилъ его женщинѣ. Она на радостяхъ дала этому человѣку пять лиръ [1]. И вотъ сталъ этотъ человѣкъ въ той области извѣстнымъ ворожеемъ. — Прощайте, сказалъ онъ, отправился въ свою хижину и поселился. Въ той деревнѣ деребеемъ (князькомъ, владѣтелемъ) былъ одинъ очень богатый человѣкъ; за богатство много людей почитало его. Также было въ то время 40 человѣкъ воровъ. Прослышали они, что человѣкъ этотъ несмѣтно богатъ; пробрались однажды ночью въ его деревню и разузнали его домъ. Нѣсколько дней спустя, обобрали они ночью всѣ деньги и имущество этого человѣка и ушли. Человѣкъ увидѣлъ, что нѣтъ ни денегъ, ни имущества—все украли. Онъ былъ деребеемъ той деревни, и люди его и самъ онъ были очень жестоки. По этой причинѣ люди какъ той деревни, такъ и всѣхъ окрестностей его очень боялись. Вотъ собралъ онъ ихъ всѣхъ

[1] Турецкая золотая монета = 8 руб. 64 коп.

и заявилъ имъ: или вы найдете мое имущество, или же я заберу все ваше достоянiе и скотъ. Тогда люди сказали: господинъ! Какъ мы узна́емъ, кто взялъ и укралъ твое имущество? въ чемъ наша вина, что ты заберешь наше достоянiе? Укажи намъ, кто взялъ, и мы на-смерть постараемся для тебя и добудемъ и вещи твои, и скотъ! Деребей отвѣтилъ: эхъ, ребята, если бы я зналъ, кто укралъ мое имущество, такъ васъ ничуть не позвалъ бы! Тогда люди эти вдругъ припомнили про старика въ зеленой долинѣ, угадчика пропажъ. Они всѣ доложили: господинъ, мы немедленно найдемъ человѣка, укравшаго твое имущество! Въ зеленой долинѣ есть человѣкъ, угадывающiй пропажу; мы его приведемъ сюда, пусть сообразитъ, посмотримъ! Деребей послалъ въ зеленую долину слугъ, и они привели къ нему старика-колдуна. Послѣ привѣтствiй, колдунъ спросилъ: господинъ, почему вы меня потребовали?—Дядя, у меня пропажа случилась — имущество мое украли; такъ ты по этому дѣлу поворожи!—Пощади, господинъ, я такихъ вещей не знаю! Какъ я найду твое имущество? Такъ онъ упрашивалъ его, но тотъ ни на что не обращалъ вниманiя. — Или ты найдешь, или же я отрѣжу твою голову и брошу въ могилу; (даю) тебѣ 40 дней отсрочки; во что-бы-то ни стало, ты найди и доставь мое имущество! Теперь ступай къ себѣ! На сороковой день, если не придешь, я закую твои руки въ оковы и велю привести сюда! — Значитъ, господинъ, черезъ 40 дней наступитъ время моей кончины, а теперь счастливо оставаться, господинъ мой! Сказавъ такъ, всталъ онъ и пошелъ къ себѣ. И думаетъ онъ самъ про себя: какъ я это сдѣлаю? какъ я найду? Т. к. этотъ человѣкъ черезъ 40 дней возьметъ мою голову, то найду-ка я горшокъ, да соберу 40 штукъ камней и каждый день буду бросать въ горшокъ одинъ камень; какъ камни кончатся, тутъ и жизни моей конецъ; тогда убью я самъ себя, а ужъ никоимъ образомъ не умру отъ руки этого человѣка! Такъ сказалъ онъ. Пусть онъ остается при своихъ мысляхъ, мы же послѣдуемъ за ворами, укравшими это имущество! Воры эти получили извѣстiе, что старикъ этотъ — угадчикъ пропавшаго и что деребей далъ ему 40 дней сроку, чтобъ онъ непремѣнно отыскалъ. Главарь воровъ послалъ одного изъ своихъ къ ворожею и приказалъ:

ступай и разузнай, не знаетъ ли онъ? Посмотримъ! Человѣкъ отправился къ старику. При наступленіи вечера ворожей бросилъ одинъ камень въ горшокъ, промолвивъ: вотъ одинъ въ моей жизни прошелъ! Тотъ человѣкъ скорехонько поднялся, (пришелъ и сказалъ) воровскому главарю: господинъ, онъ провѣдалъ о моемъ приходѣ туда! Главарь (возразилъ): ты невѣрно понялъ, этой ночью вдвоемъ ступайте! Такимъ образомъ они всѣ сорокъ ходили къ ворожею каждую ночь. Между тѣмъ человѣкъ этотъ довелъ счетъ въ горшкѣ до 40, и на сороковой день задумалъ убить себя. А воры на сороковой день отправились просить его, чтобъ онъ ихъ не выдалъ. Рано утромъ постучали они въ дверь старика и вошли внутрь. Ворожей, увидѣвъ такую толпу, испугался и спросилъ: что вамъ угодно? Они всѣ припали къ стопамъ колдуна: пощади, не выдавай насъ, мы тебѣ, что хочешь, дадимъ! Колдунъ понялъ, что это они украли имущество: если бы не пришли вы, я бы васъ выдалъ! Сегодня же ночью все имущество должно тайкомъ доставить въ домъ того человѣка, и я тамъ буду! — Хорошо, господинъ, ты насъ не выдавай, а мы доставимъ! Счастливо оставаться!—сказали они и ушли. Въ тотъ день исполнилось 40 дней. Знахарь радостный отправился въ домъ деребея.—Господинъ! Сегодня ночью вы идите спокойно спать, имущество появится; духи его взяли и въ эту ночь вернутъ! Утромъ встали отъ сна—всѣ вещи появились. А воры удалились въ другую область. Деребей, увидѣвъ все невредимымъ, воскликнулъ: дай тебѣ Богъ здоровья, дядя; ты дѣйствительно вполнѣ ворожей! Далъ онъ ему много денегъ и отпустилъ домой. Этотъ деребей разсказалъ про таланты ворожея государю, правившему въ то время. Государь удивился.—Сейчасъ потребую этого человѣка! Я что-нибудь про себя скажу, посмотримъ, узнаетъ ли онъ? Скажу-ка я вотъ-что: какъ этотъ человѣкъ придетъ, я поведу его гулять въ садъ; посмотримъ, угадаетъ ли онъ? Позвали старика. Онъ пришелъ. — Ты угадчикъ пропавшаго; а вотъ узнаешь ли ты, что я тебѣ скажу? Что у меня на умѣ? — спросилъ тотъ его. Что онъ могъ знать? — Господинъ мой, здѣсь скучно, выйдемъ въ садъ, тамъ побесѣдуемъ! — Браво, старикъ, именно это у меня было на умѣ, ты угадалъ! Теперь пойдемъ въ садъ, по-

гуляемъ! Вышли они въ садъ, гуляютъ. Въ это время на одной вѣткѣ сидѣла стрекоза. Государь поймалъ ее такъ, что старикъ не видалъ, и спряталъ въ кулакъ. — Старикъ, что́ у меня въ кулакѣ? угадай! Какъ могъ знать этотъ человѣкъ? — Господинъ мой, есть среди пословицъ такая: разъ прыгнешь, стрекоза, два прыгнешь, стрекоза, а на третій разъ въ мой кулакъ попадешься, стрекоза! Тотъ раскрылъ кулакъ и выпустилъ стрекозу.—Браво, старикъ! И это угадалъ! Я назначаю тебя моимъ главнымъ астрологомъ! Впрочемъ, человѣкъ этотъ про стрекозу не зналъ, а привелъ примѣръ на свое собственное положеніе. Господь Богъ во всѣхъ дѣлахъ этому человѣку помогалъ! Господь Богъ и намъ да поможетъ! *Аминь!*

СПБ. Январь, 1908.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Ин. И. Тыжновъ.

Изъ Алтайскихъ этюдовъ.

Чолышманская долина.

I.

Бассейнъ р. Чолышмана съ главными притоками его, Башкаусомъ съ лѣвой и Чельчи съ правой стороны, принадлежитъ къ наименѣе обслѣдованнымъ областямъ такъ называемаго Русскаго Алтая [1].

Бассейнъ р. Чолышмана-Башкауса лежитъ къ сѣверо-востоку отъ той горной области, которая составляетъ узелъ всей горной системы. Онъ отдѣленъ отъ нея долинами рѣкъ Архыта и Чуи съ ихъ водораздѣлами, Чуйскими Альпами и хребтомъ Курайскимъ. Къ сѣверу онъ, долиною р. Біи, выходитъ въ степь, а на востокѣ граничитъ съ хребтомъ Сайлюгемскимъ. Самое теченіе Чолышмана наиболѣе изслѣдовано только отъ устья его до урочища Кату-Ярыкъ, т. е. въ той части, которая наиболѣе заселена. Вверхъ отъ Кату-Ярыка до истока изъ озера Джюлю-Кöль, Чолышманъ мало обитаемъ.

---

[1] Сводъ современныхъ данныхъ объ Алтаѣ и прилежащихъ странахъ см. въ книгѣ Ed. Suess, Das Antlitz der Erde, III Bd. 1901; 98 и слѣд.; 196 и слѣд.

Все протяженіе р. Чолышмана отъ истока его изъ озера Джюлю-кöль до впаденія въ Телецкое озеро не превышаетъ, въ общемъ, 200 верстъ.

Какъ самое озеро Джюлю-кöль, такъ верхнее и отчасти среднее теченіе рѣки мало извѣстны, и вся эта горная область, по малодоступности и пустынности ея, мало изслѣдована. Мы прослѣдимъ часть нижняго теченія рѣки, начиная отъ ея устья [1].

Чолышманъ при впаденіи своемъ въ Телецкое озеро при урочищѣ Кырсай образуетъ дельту съ нѣсколькими наносными островами, покрытыми лѣсомъ. Путнику, ѣдущему съ сѣвера, со стороны Телецкаго озера, приходится здѣсь, въ урочищѣ Кырсай, оставить лодку и пересѣсть въ сѣдло. Мѣстность около урочища Кырсай необитаема, но здѣсь стоятъ нѣсколько амбаровъ для склада товаровъ, принадлежащихъ кебезенскимъ купцамъ, ведущимъ торговлю съ инородцами; по временамъ здѣсь же бываютъ стоянки рыбаковъ, занимающихся ловлею рыбы для Чолышманскаго монастыря. Дорога [2] отъ озера къ монастырю, лежащему вверхъ по теченію Чолышмана верстахъ въ 10—12 отъ устья, идетъ по лѣвому берегу рѣки, ровною мѣстностью, по которой можно было бы устроить и колесный путь, если бы въ немъ была необходимость, чистымъ березовымъ и тополевымъ лѣсомъ, похожимъ на паркъ. Долина простирается въ этомъ мѣстѣ до двухъ верстъ въ поперечникѣ, но кажется уже, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ обступившія долину горныя громады, опускающіяся почти отвѣсною стѣною съ высоты болѣе 3,500 футовъ, скрадываютъ разстояніе. Около монастыря, Чолышманъ разбивается на нѣсколько рукавовъ и образуетъ островки. Ширина его здѣсь довольно значительна. Далѣе, за монастыремъ, долина обставлена хребтами, покрытыми лѣсомъ; по берегамъ рѣки растутъ рощи разнообразныхъ деревьевъ, преимущественно

[1] За послѣднее время верховья Чолышмана и озеро Джюлю-кöль были посѣщены экспедиціями гг. Игнатова и Верещагина. См. Алтайскій Сборникъ, Барн. 1907 г. Статья Верещагина «По Восточному Алтаю» и Игнатова «Изслѣдованія Телецкаго озера».

[2] Здѣсь и далѣе подъ «дорогою» разумѣется тропа для верховыхъ лошадей, на которыхъ производится передвиженіе людей и груза въ этой странѣ.

лиственныхъ, а полъ долины покрытъ травою и представляетъ прекрасныя пастбища и сѣнокосные луга. На этомъ разстояніи встрѣчаются и пашни, засѣянныя ячменемъ и пшеницею.

Верстахъ въ 8 отъ монастыря, слѣдовательно, верстахъ въ 20—22 отъ Телецкаго озера, въ Чолышманъ впадаетъ съ лѣвой стороны, стремительно несущій свои воды изъ мрачнаго ущелья, Башкаусъ. Долина здѣсь расширяется, и Чолышманъ снова раздробляется на нѣсколько рукавовъ. Р. Башкаусъ—самый значительный и многоводный притокъ Чолышмана, уступающій все-таки по количеству воды главной рѣкѣ; по сліяніи съ нею онъ утрачиваетъ свое названіе и нижнее теченіе слившихся рѣкъ удерживаетъ названіе Чолышмана. Долина Башкауса обитаема лишь версты на 3 отъ устья вверхъ по теченію, остальная же часть долины по нижнему теченію не только необитаема, но даже и мало доступна для проѣзда, такъ какъ представляетъ собою узкое ущелье съ отвѣсными скалами,—приблизительно до той мѣстности, которая непосредственно примыкаетъ къ Улаганскимъ высотамъ, т. е. къ нагорью, которое прорѣзано почти въ меридіональномъ направленіи двумя его притоками, р. Большимъ Улаганомъ (Янъ-Улаганъ), впадающимъ справа, и р. Кабàтуру (Куàдру)—слѣва.

Мѣсто сліянія Чолышмана и Башкауса носитъ названіе урочища Кумуртукъ. Здѣсь находится цѣлое поселеніе кочевыхъ инородцевъ; кромѣ того, въ урочищѣ находится нѣсколько домовъ алтайской миссіи, миссіонерская школа и амбары торговцевъ. Разбросанныя мѣстами купы деревьевъ и небольшія рощи, огороженныя пашни и юрты кочевниковъ, стоящія то въ одиночку, то группирующіяся въ аилы,—все это придаетъ мѣстности оживленный видъ. Кумуртукъ и прилегающая къ нему мѣстность вверхъ по долинѣ—самое населенное мѣсто во всей Чолышманской долинѣ. Переправа чрезъ Башкаусъ производится на лодкѣ, для чего ее заводятъ на нѣсколько десятковъ саженъ выше того мѣста на противоположномъ берегу, къ которому хотятъ причалить. Лошадей же переплавляютъ нѣсколько ниже мѣста лодочной переправы, тамъ, гдѣ рѣка расширяется и гдѣ теченіе тише.

Далѣе къ Іоколу, извилистой рѣчкѣ, на протяженіи около 20 верстъ отъ Кумуртука, характеръ долины постепенно мѣ-

няется: почва становится каменистой, а горы обнаженными; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва долины покрыта скудною растительностью. Около самаго Іокола, верстъ на 10—12 долина представляетъ собою родъ огромной залы, обставленной почти отвѣсными голыми стѣнами вышиною около 3,000—3,500 футовъ. Пейзажъ пріобрѣтаетъ уже суровый видъ, а на вершинахъ сосѣднихъ хребтовъ видны снѣжныя поля, кажущіяся отсюда пятнами. До рѣчки Іеландў тропа идетъ по сравнительно ровнымъ мѣстамъ, но далѣе почва становится усыпанной крупными камнями, а затѣмъ дорога вьется уже по скатамъ прибрежнаго хребта, то опускаясь до пола долины, то поднимаясь на нѣкоторую высоту. Иногда путь требуетъ особой осторожности, ибо идетъ черезъ такъ называемыя „розсыпи", т. е. по скатамъ горы, покрытой слоемъ камней, который легко можетъ сдвинуться съ мѣста и скатиться внизъ, увлекая съ собою и людей и лошадей; а въ одномъ мѣстѣ дорога проложена подъ огромнымъ нависшимъ утесомъ, съ разрушающимся основаніемъ, откуда пробиваются ручьи. Здѣсь приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ обвала; ширина тропы искусственно увеличена положеннымъ рядомъ камней, а откосы укрѣплены фашинникомъ; нависшія плиты утеса подперты кольями. Разумѣется, эти подпорки не въ состояніи остановить паденія громадной массы. Чолышманъ съуживается и, стѣсненный въ своемъ теченіи, шумно бурлитъ; долина также дѣлается тѣснѣе и загромождается оторванными отъ береговыхъ утесовъ скалами и огромными камнями. Общій видъ—суровый и дикій. Встрѣчавшіяся доселѣ тамъ и сямъ инородческія юрты исчезаютъ: здѣсь уже нѣтъ привольныхъ пастбищъ, а только камень и вода. Подъ Язлы теченіе Чолышмана спокойнѣе, но мѣстность дика и страшна; кругомъ хаотическій безпорядокъ каменныхъ глыбъ заключенныхъ въ отвѣсныя стѣны голыхъ хребтовъ; по временамъ шумъ рѣки заглушается ревомъ водопадовъ, низвергающихся въ ущелье съ громадной высоты, или падающихъ въ нѣсколько уступовъ каскадами, разлетающимися при паденіи на скалу въ мелкія брызги. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ по красотѣ водопадъ Іилу, затѣмъ Итукайя и третій, названіе котораго намъ не удалось узнать. Онъ длинною лентою падаетъ съ высоты не менѣе

280 футовъ, колеблясь отъ дуновенія вѣтра, то въ одну, то въ другую сторону и разлетаясь въ нижней своей части въ тонкую водяную пыль.

Тропа идетъ то между огромными глыбами камней, образующими лабиринтъ, то по узкимъ прилавкамъ или «приторамъ»; изъ такихъ приторовъ особенно замѣчателенъ приторъ Сепъ. Но вообще должно сказать, что дорога нынѣ не представляетъ тѣхъ трудностей, которыя пришлось преодолѣвать, напр. Бунге, при его путешествіи по этой долинѣ въ 1826 г.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ урочища Кату-Ярыкъ долина расширяется, Чолышманъ снова разбивается на нѣсколько протоковъ, образуя острова, на которыхъ растетъ лѣсъ, какъ и на берегу рѣки. Въ самомъ урочищѣ построена миссіонерская часовня и стоятъ двѣ или три юрты; въ одной изъ нихъ живетъ ямщикъ, поставляющій лошадей для земскихъ подводъ. Кату-Ярыкъ—послѣдній населенный пунктъ въ долинѣ, далѣе выше по Чолышману мѣстность малообитаема вслѣдствіе суровости климата, отсутствія пастбищъ и земель, годныхъ для обработки, а можетъ быть и вслѣдствіе малой ея доступности.

Чолышманская долина на протяженіи приблизительно 50 вер. отъ устья рѣки вверхъ по теченію принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ и лучшимъ мѣстностямъ Алтая и не уступаетъ въ этомъ отношеніи долинамъ Яломана и обоихъ Ульгеменей. Несмотря на значительную абсолютную высоту, она представляетъ всѣ удобства для кочевниковъ; здѣсь есть все, что требуется для привольной жизни: лѣсъ, плодородная земля, прекрасныя пастбища, которыя при искусственномъ орошеніи, практикуемомъ здѣсь, могли бы дать средства къ жизни и для болѣе многочисленнаго населенія, чѣмъ то, которое находится теперь, если бы этому не препятствовали чисто внѣшнія обстоятельства, о которыхъ рѣчь будетъ идти ниже.

II.

Инородцы, населяющіе Чолышманскую долину, принадлежатъ къ представителямъ той группы алтайскихъ племенъ, которые назывались прежде «двоеданцами», какъ и на р. Чуѣ. Такъ же, какъ чуйскіе, Чолышманскіе инородцы ранѣе, до 1865 года, пла-

тили подать и русскому, и китайскому правительству. Чуйскіе инородцы называютъ себя теленгетами; обитающіе въ долинѣ р. Чолышмана—по мѣсту своего жительства,—Тöлöсъ (Телесъ), а населяющіе долину Башкауса—Уланъ. Происхожденіе ихъ также не выяснено до настоящаго времени и принадлежность къ опредѣленной этнической группѣ точно не установлена. Радловъ полагаетъ, что «эти Тöлöсы суть во всякомъ случаѣ потомки старинныхъ Телесовъ, которые дали свое имя Телецкому озеру», но оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ, составляютъ ли они особое народное поколѣніе (финское или енисейско-остяцкое), или же теленгетское [1]. Онъ ставитъ ихъ въ одну группу съ алтай-кижи (алтайскіе калмыки) и телеутами. Абульгази причисляетъ теленгитовъ къ монгольскимъ племенамъ, принявшимъ тюркскій языкъ; Клапротъ считаетъ ихъ за народъ тюркскаго племени, примѣшавшій къ своему языку калмыцкія слова; древнѣйшія русскія извѣстія (начала XVII в.) причисляютъ теленгитовъ къ тюркскимъ племенамъ [2]. По свидѣтельству Радлова, они дѣлятся на 9 родовъ или сеöковъ.

Эти теленгиты (телесы), населяющіе Чолышманскую долину и плоскогоріе, по Улагану и Башкаусу, ведутъ кочевой образъ жизни. Лѣтомъ они живутъ въ долинѣ, гдѣ у нихъ есть пастбища и пашни, на зиму же уходятъ въ долины ближнихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чолышманъ, или на Улаганское плоскогоріе. Нѣкоторые поступаютъ наоборотъ, иные же остаются круглый годъ въ долинѣ, перенося свои аилы лишь на небольшое разстояніе. Масштабъ кочевокъ, такъ сказать, амплитуда кочеванія, здѣсь значительно сократилась подъ вліяніемъ разнообразныхъ

[1] Радловъ. Путешествіе чрезъ Алтай къ Телецкому озеру и р. Абаканъ, пер. Кострова. Т. 1881 г., стр. 67. Его же. Aus Sibirien. Bd. I. Leipz. 1893, s. 215. Его же. Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibiriens und d. Mongolei. Leipz. 1883, s. 13. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія о ихъ численности. «Живая Старина» 1896 г. Вып. III и IV, стр. 338 и слѣд. См. также Е. Луценко. Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ. Землевѣдѣніе 1898, кн. I—II, стр. 10, 11.

[2] Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи, т. III, Спб. 1860, стр. 377, 406 и слѣд. Ядринцевъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Горный Алтай. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1882, кн. II, стр. 21 и слѣд.

не только экономическихъ отношеній, зависящихъ отъ физико-географическихъ условій, но и подъ вліяніемъ отношеній экономически-правовыхъ, въ которыя инородцы стали по отношенію къ русскому населенію, или, правильнѣе, къ той мѣстной организаціи, которая нынѣ владѣетъ лучшей частью рѣчной долины. Что же касается численности населенія Чолышманской долины, то алтайская статистическая экспедиція 1897 года нашла въ Усть-Башкаусѣ (ур. Кумуртукъ) представителей десяти сеоковъ и на Нижнемъ Чолышманѣ членовъ пяти сеоковъ, всего же по даннымъ этой экспедиціи, въ этой мѣстности кочевало 55 аиловъ [1]. Въ концѣ іюля 1903 года въ Чолышманской долинѣ, отъ устья рѣки до урочища Кату-Ярыкъ, находилось до 145 домохозяевъ. Наиболѣе населенною мѣстностью является, какъ уже сказано выше, урочище Кумуртукъ и мѣстность около рѣчки Іокола [2].

Теленгиты (телесы)—это исконные жители Чолышманской долины, конечно, если не принимать въ соображеніе тѣ народности, которыя издревле населяли эти страны и которыя были затѣмъ вытѣснены вновь пришедшими (въ числѣ ихъ были и теленгиты), перекочевавшими сюда изъ Китая и Монголіи изъ-за волненій и сопровождавшихъ ихъ политическихъ перемѣнъ. Берега Телецкаго озера и Чолышманская долина съ давнихъ поръ, можетъ быть ранѣе XVII вѣка, составляли территорію ихъ кочевокъ. Бунге, участникъ путешествія Ледебура по Алтаю, посѣтившій эти мѣста въ 1826 году, нашелъ въ Чолышманской долинѣ инородческія юрты при устьѣ Іокола; отъ этого мѣста до Телецкаго озера Бунге считаетъ 20 верстъ, и все это пространство, по его словамъ, было довольно плотно заселено кочевьями теленгитовъ (ziemlich dicht stehende Jurten). Жители долины были въ то время подданными зайсана Монгола, который кочевалъ самъ по р. Чуѣ. Недалеко отъ Башкауса Бунге нашелъ юрту демичи; вѣроятно, это относится къ урочищу Кумуртукъ.

Ненаселеннымъ оставался во время Бунге берегъ Телецкаго озера при устьѣ Чолышмана по обѣ его стороны на нѣкоторомъ

---

[1] Швецовъ. Горный Алтай, т. I, вып. I, Прил. VI, табл. X, XXII. Прилож. стр. 30.

[2] О Кумуртукѣ ср. Адріановъ. Путешествіе на Алтай и за Саяны. Спб. 1886, стр. 73.

разстоянiи; ненаселеннымъ онъ остается и теперь, такъ какъ подступающiе къ озеру горные хребты Алтынъ-тау и Акъ-ташъ представляютъ почти отвѣсные склоны и совершенно недоступны [1]. Русскаго населенiя въ то время въ Чолышманской долинѣ не было. Гельмерсенъ, путешествовавшiй по Алтаю въ 1834 г., также нашелъ на Чолышманѣ аилы инородцевъ съ ихъ коническими, покрытыми войлокомъ, юртами и многочисленными стадами лошадей и козъ. А такъ какъ Гельмерсенъ, двигаясь со стороны Телецкаго озера, проѣхалъ только семь верстъ отъ озера вверхъ по долинѣ Чолышмана и даже не достигъ мѣста слiянiя этой рѣки съ Башкаусомъ, то приведенное свидѣтельство его можетъ относиться лишь къ нижнему теченiю Чолышмана, т. е. къ протяженiю долины между Телецкимъ озеромъ и приблизительно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь стоитъ монастырь [2]. Затѣмъ въ 1861 году эти мѣста посѣтилъ Радловъ. По мнѣнiю Радлова, единственное мѣсто, гдѣ можетъ сгруппироваться сколько-нибудь значительное населенiе вблизи Телецкаго озера,— это устье Чолышмана. Такъ же, какъ и Бунге, Радловъ называетъ Чолышманъ населеннымъ (stark bewohnt). Онъ встрѣтилъ здѣсь въ пяти или шести мѣстахъ юрты, покрытыя шкурами, а на пастбищахъ много стадъ рогатаго скота. Въ 6 или 7 верстахъ отъ устья Башкауса (къ Телецкому озеру) Радловъ также нашелъ нѣсколько юртъ [3]. Русскаго населенiя въ долинѣ Радловъ не встрѣчалъ; по крайней мѣрѣ, онъ не упоминаетъ объ этомъ. Эти свидѣтельства, не оставляющiя никакого сомнѣнiя въ томъ, что Чолышманская долина, по нижнему теченiю рѣки, была заселена теленгитами въ первую половину XIX вѣка, не говоря уже о болѣе раннемъ времени, пригодятся намъ впослѣдствiи, когда мы будемъ говорить объ одной легендѣ, относящейся къ позднѣйшему времени. Эта легенда утверждаетъ, будто мѣстность при устьѣ Чолышмана была никѣмъ не занята

---

[1] Ledebour's. Reise durch d. Altai-Gebirge, II. Berl. 1830, s. 159, 151, 160—161. Риттеръ. Землевѣд. Азiи, III, 401, 402.

[2] Helmersen. Reise nach d. Altai. Beitr. zur Kenntn. d. Rus. Reiches etc. Bd. XIV, 1848; ss. 77, 79.

[3] Radloff. Aus Sibirien, I. Leipz. 2-e Ausg. 1893, s. 97, 98.

и въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго XIX вѣка представляла собою пустыню.

Кромѣ теленгитовъ, въ Чолышманской долинѣ есть еще незначительное число сойотовъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, соéнцевъ. Всѣ кочевники Чолышманской долины занимаются преимущественно скотоводствомъ, которое и служитъ главнымъ источникомъ ихъ существованія. Немногіе занимаются также и земледѣліемъ, но земледѣліе здѣсь, какъ и вообще на Алтаѣ у кочевыхъ инородцевъ, развито слабо. Сѣютъ преимущественно ячмень, который употребляется въ пищу въ видѣ „толкана", а иногда пшеницу. Но площадь подъ посѣвами незначительна, и каждый домохозяинъ обрабатываетъ лишь одинъ, два, — рѣдко болѣе «загоновъ», т. е. полосъ; обработка земли производится при помощи первобытныхъ орудій. Пашни непремѣнно обносятся изгородью, для защиты отъ пасущагося на волѣ скота, и представляютъ собою какъ-бы оазисы среди пастбищъ. Безъ искусственнаго орошенія здѣсь нѣтъ урожая, поэтому пашни орошаются арыками, такъ называемыми сугаками, проведенными изъ притоковъ Чолышмана. Главная же площадь долины занята пастбищами, на которыхъ стада пасутся почти круглый годъ. Домашній скотъ, лошади, коровы и козы, составляютъ все богатство кочевника, количество его опредѣляетъ степень экономическаго благосостоянія инородца и находится въ зависимости отъ количества имѣющейся въ его распоряженіи земли. При той ступени, на которой находится хозяйство кочевниковъ, т. е. при его первобытности, размѣръ земельной площади, удобной къ использованію для хозяйственныхъ потребностей, является едва ли не единственнымъ факторомъ развитія хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степени экономическаго благосостоянія. Но, разсматривая экономическія отношенія, существующія среди населенія Чолышманской долины, мы неожиданно наталкиваемся на явленіе, которое отодвигаетъ вышеуказанный факторъ на второй планъ и вліяетъ на него въ такой степени, что уже не размѣръ земельной площади, какъ таковой, является рѣшающимъ моментомъ въ установленіи и регулировкѣ экономическихъ отношеній. Мы говоримъ о Чолышманскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Сосѣдство этой организаціи, совершенно чуждой мѣстному населенію,

имѣющей интересы, противоположные интересамъ кочевниковъ, и преслѣдующей также противуположныя цѣли, осложняетъ дѣло и совершенно мѣняетъ картину мѣстныхъ хозяйственныхъ отношеній, — и на первое мѣсто выступаютъ именно отношенія между монастыремъ и кочующими въ Чолышманской долинѣ инородцами. Такъ какъ Чолышманскій монастырь завоевалъ себѣ здѣсь первенствующее мѣсто, то отношенія между нимъ и туземцами-кочевниками являются ключемъ къ пониманію всѣхъ вообще мѣстныхъ отношеній.

III.

Чолышманскій Благовѣщенскій монастырь, одно изъ учрежденій алтайской духовной миссіи, находится на правомъ берегу р. Чолышмана, верстахъ въ 10—12 отъ устья рѣки. Онъ основанъ купцомъ Мальковымъ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка [1]. Чтобы проѣхать въ монастырь отъ урочища Кырсай, необходимо переправиться, нѣсколько ниже монастыря, черезъ р. Чолышманъ, такъ какъ дорога, о чемъ было уже сказано, идетъ по лѣвому берегу. Для перевоза существуетъ небольшая лодка и живетъ перевозчикъ, монастырскій работникъ, который въ то же время смотритъ за поскотиной. Отъ перевоза, прежде чѣмъ достигнуть монастыря, необходимо пройти около версты или полутора верстъ вверхъ по луговому мѣсту, частью низкому и болотистому, и перебраться черезъ небольшой потокъ. Вскорѣ открываются монастырскія постройки.

Когда вы подходите къ монастырю ближе, ничто не напоминаетъ, что передъ вами монастырь,—по внѣшнему виду его скорѣе можно принять за помѣщичью усадьбу средней руки. Посреди усадьбы, занимающей довольно большое пространство и обнесенной высокимъ заборомъ, находится небольшая деревянная, деревенскаго типа, церковь, съ колокольней, устроенной рядомъ съ церковью на столбахъ, а около нея разбросаны жилые дома: домъ завѣдующаго монастыремъ и братіи, кухня, а поодаль—различныя хозяйственныя постройки и помѣщенія для работниковъ.

[1] Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе монастыря, и о пожалованіи ему 3000 дес. земли см. Сборникъ свѣдѣній о православныхъ миссіяхъ, Кн. II, М. 1872 г., стр. 347 и слѣд.

Тутъ же помѣщается мыловарня, незатѣйливое заведеніе, представляющее собою корьевую юрту, съ подвѣшеннымъ посреди нея для варки мыла котломъ, подъ которымъ устроенъ очагъ. Въ этой же части усадьбы стоитъ и скотный дворъ. Въ усадьбѣ проведены арыки. Населеніе монастыря не многочисленно; братіи всего 5 человѣкъ, а вмѣстѣ съ послушниками, работниками изъ новокрещенныхъ инородцевъ и съ семьями сойотовъ, населеніе едва ли превышаетъ 30 душъ. Въ числѣ прислуги есть поваръ и кухарка, сестра изъ улалинской женской общины, которая завѣдуетъ также скотнымъ дворомъ.

Монастырь былъ основанъ съ цѣлью создать центръ православія среди туземныхъ жителей, откуда можно было бы распространять православную вѣру среди язычниковъ. Но такимъ центромъ миссіи онъ не сдѣлался такъ же, какъ не сдѣлалось такимъ центромъ селеніе Улала, которое лежитъ сѣвернѣе Чолышманскаго монастыря и въ которомъ нѣкоторое время было сосредоточено управленіе алтайской духовной миссіи. Теперь этотъ центръ передвинулся еще сѣвернѣе Улалы, въ гор. Бійскъ, ближе къ уѣздной администраціи.

Чолышманскій монастырь, заброшенный въ далекую суровую страну, лишенную не только благочестивыхъ поклонниковъ, отъ которыхъ онъ могъ бы получать доброхотныя даянія, но и осѣдлаго населенія, самъ долженъ заботиться о поддержаніи собственнаго существованія и извлекать изъ окрестнаго населенія себѣ кормъ. Тѣхъ доходовъ, которые составляютъ славу и гордость нѣкоторыхъ не только великороссійскихъ, но и сибирскихъ монастырей, сюда не притекаетъ. Кругомъ на сотни верстъ безлюдный край, горныя ущелья, скалы да первобытныя лѣса, гдѣ не бывала еще нога человѣка, а по долинамъ рѣчекъ бѣдное, полудикое, большую часть года полуголодное населеніе алтайскихъ кочевниковъ-инородцевъ. Русское осѣдлое населеніе, обитающее въ глубинѣ горнаго Алтая, какъ напр. въ верховьяхъ Катуни, на Уймонѣ или по Чуйскому тракту, также не можетъ содѣйствовать преуспѣянію обители, ибо это населеніе, въ зажиточной части своей, исповѣдуетъ иную вѣру, чѣмъ монастырь: они старообрядцы и, разумѣется, монастырь не имѣетъ для нихъ обаянія. Остается разсчитывать на паломниковъ изъ болѣе или

менѣе отдаленныхъ мѣстностей, но и эти разсчеты оправдаться не могутъ, если принять въ соображеніе состояніе путей, ведущихъ къ монастырю. Опишемъ вкратцѣ эти пути.

Отъ Улалы, послѣдняго наиболѣе значительнаго русскаго поселенія, дорога къ Телецкому озеру идетъ чрезъ область такъ называемыхъ черневыхъ татаръ, полуосѣдлаго полукочевого населенія, на протяженіи около 140 верстъ, по странѣ, покрытой большею частью дремучимъ лѣсомъ, изрѣзанной сѣверными предгорьями Алтайскихъ горъ, недостигающими, правда, значительной высоты, но представляющими тѣмъ не менѣе трудности особаго рода. Дорога идетъ или по долинамъ многочисленныхъ рѣчекъ и потсковъ, частою сѣтью покрывающихъ мѣстность, или по склонамъ холмовъ. Въ долинахъ почва сырая и болотистая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путь представляетъ собою сочетанія камня и болота; въ другихъ мѣстахъ дорога пролегаетъ черезъ горные перевалы. Черезъ рѣки приходится переправляться въ бродъ, что возможно только при низкомъ или среднемъ уровнѣ воды. Въ этой тайгѣ разбросаны небольшие поселки, въ которыхъ живетъ смѣшанное полу-русское, полу-инородческое населеніе, особенно выдѣляющееся своимъ типомъ; есть и русскіе. Плохой колесный путь доходитъ только до Кебезеня, но лучшимъ способомъ сообщенія отъ Карасука до озера должно признать ѣзду верхомъ. Въ общемъ, способъ передвиженія верхомъ значительно сокращаетъ путь. Онъ идетъ отъ Улалы по долинѣ р. Маймы, затѣмъ долиною ея праваго притока р. Сайдыса, до сел. Карасукъ (20 верстъ). Отъ Карасука начинается уже чернь (тайга), и дорога, представляющая собою сочетаніе болота съ камнемъ, выводитъ въ долину р. Салганды, притока р. Малой Иши, къ сел. Салганды, имѣющему около 45 дворовъ (25 верстъ). Между сел. Салганды и сел. Никольскимъ путь, на разстояніи 25 верстъ, идетъ по логамъ и топямъ черезъ перевалъ, служащій водораздѣломъ между Катунью и Біей, отчасти по долинѣ р. Сара-Копши, лѣваго притока Копши. Отъ сел. Никольскаго до Ынырги считается около 18 верстъ, по долинамъ двухъ послѣднихъ рѣкъ. Отсюда можно проѣхать на сел. Ишпанакъ, но для сокращенія пути ѣздятъ прямо на с. Кебезень, слѣдуя въ общемъ направленію долины р. Копши. Здѣсь считается 28 верстъ и до

14 бродовъ; раза четыре приходится пересѣкать Сара-Копшу, а по сліяніи ея съ Уйменемъ—переправа на лодкѣ. Такая же переправа подъ самымъ Кебезенемъ чрезъ Бію. Кебезень, такъ называемое миссіонерское селеніе,—насчитываетъ около 110 дворовъ. Отъ Кебезеня до урочища Артыбашъ, на берегу Телецкаго озера, путь идетъ чернью, по правому берегу Біи, черезъ высокій перевалъ; здѣсь считается 18—20 верстъ.

Перечисленные выше населенные пункты, размѣстившіеся въ долинахъ трехъ рѣкъ: Сайдыса, Малой Иши и Копши, образуютъ собою какъ бы цѣпь, связывающую бассейнъ р. Катуни съ бассейномъ Телецкаго озера; послѣднимъ звеномъ этой цѣпи на востокѣ служитъ Кебезень; далѣе на востокъ и на югъ осѣдлаго населенія, сгруппированнаго въ болѣе или менѣе значительные пункты постояннаго жительства, уже нѣтъ; страна либо совершенно безлюдна, либо посѣщается только туземцами-кочевниками. Эта цѣпь поселеній представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ крайнюю восточную вѣтвь того русскаго колонизаціоннаго потока, который мало по малу проникаетъ въ эту страну. Къ этой вѣтви въ Кебезени примыкаетъ другая вѣтвь, идущая съ сѣвера изъ низовьевъ р. Біи; съ этими вѣтвями не соединилась еще та, которая идетъ вверхъ по Ишѣ и которая едва ли когда нибудь сольется съ ними вслѣдствіе физико-топографическихъ условій страны. Отъ урочища Артыбашъ, находящагося на берегу Телецкаго озера (Алтынъ-кöль) у истока р. Біи, гдѣ стоятъ всего 5—6 избъ и юртъ, путникъ долженъ перемѣститься изъ сѣдла въ лодку, чтобы двигаться далѣе къ Чолышману по озеру. Верховая тропа, правда, огибаетъ озеро по его сѣверному и восточному берегамъ, но этотъ путь представляетъ такія трудности, преодолѣть которыя рѣшаются только телесы, принуждаемые къ тому крайней необходимостью. Берега озера пустынны; западный совершенно не населенъ, а на восточномъ встрѣчаются аилы лишь въ двухъ трехъ мѣстахъ; это во-первыхъ, аилъ Яйлу, самое значительное людское жительство здѣсь, въ немъ насчитывается до 10 домохозяевъ, затѣмъ въ мѣстности около устья Кокши живетъ одинъ домохозяинъ и на берегу Пелэ аилъ, съ населеніемъ до 18 душъ. Этимъ, кажется, исчерпывается все населеніе по побережью Телецкаго озера, если не считать нѣ-

которыхъ стойбищъ, которыя появляются здѣсь для уборки пашенъ, видныхъ отъ уровня озера на большой высотѣ.

Такъ какъ плаваніе по Телецкому озеру при благопріятной, т. е. тихой, погодѣ занимаетъ не болѣе сутокъ, то весь путь отъ Улалы до устья Чолышмана можно совершить въ 4—5 сутокъ. Но Телецкое озеро капризно; бывали случаи, что путешественники изъ за бури и волненія на озерѣ сидѣли по двѣ недѣли на берегу, выжидая безвѣтрія. Телесы плохіе мореходы; уже при небольшомъ вѣтрѣ они высаживаются на сушу, и ничто не заставитъ ихъ двинуться далѣе. Вѣтеръ наступаетъ и усиливается здѣсь почти мгновенно, такъ что при отдаленіи отъ берега является весьма вѣроятная возможность погибнуть, такъ какъ берега скалисты и отвѣсными утесами падаютъ въ озеро; поэтому лодки всегда держатся вблизи береговъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, причалить къ какой нибудь небольшой площадкѣ.

Таковъ путь, ведущій къ Телецкому озеру и Чолышману съ сѣвера отъ Улалы; этимъ путемъ слѣдуютъ обыкновенно тѣ, кто желаетъ проѣхать къ озеру изъ Бійска или вообще изъ сѣвернаго населеннаго района. Прежняя дорога къ Телецкому озеру вверхъ по долинѣ р. Біи, которою ѣхалъ въ 1834 году Гельмерсенъ, нынѣ оставлена.

Второй путь, соединяющій долину Чолышмана съ горными областями внутренняго Алтая, идетъ отъ урочища Кату-Ярыкъ, о которомъ было упомянуто выше, до урочища Чибитъ, въ долинѣ р. Чуи, на такъ называемомъ чуйскомъ трактѣ. Этотъ путь, конечно, также верховой, пересѣкаетъ два водораздѣла, изъ которыхъ одинъ отдѣляетъ бассейнъ Чолышмана отъ бассейна р. Башкауса, а другой служитъ водораздѣломъ между рѣками Башкаусомъ и Чуей и вмѣстѣ съ тѣмъ между системами рѣкъ Біи и Катуни. Мы опишемъ вкратцѣ и этотъ путь.

Отъ Кату-Ярыка сейчасъ же начинается весьма крутой, зигзагообразный подъемъ на прибрежный хребетъ, на высоту около одной тысячи метровъ; этотъ подъемъ занимаетъ до 3-хъ часовъ времени и выводитъ на обширное нагорье, которое можно назвать Улаганскимъ. Тропа сначала идетъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ среди мертваго обгорѣлаго лѣса, производящаго удручающее впечатлѣніе, къ этому присоединяются

еще болота и мокрые логà. Далѣе дорога выводитъ къ рѣкѣ Большому Улагàну (Янъ-Улаганъ) и идетъ вдоль по его теченію, по правому берегу. Р. Большой Улаганъ имѣетъ извилистое теченіе, берега его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ низки и болотисты, вообще это болѣе степная, чѣмъ горная рѣка. Спускъ къ Башкаусу, въ противоположность сѣверному, почти незамѣтенъ. Тропа пересѣкаетъ Башкаусъ нѣсколько выше впаденія въ него р. Большого Улагана; здѣсь черезъ рѣку построенъ деревянный мостъ, въ два пролета, для чего воспользовались, какъ устоемъ, обломкомъ скалы, образующей островокъ посреди рѣки. По переѣздѣ черезъ Башкаусъ путникъ слѣдуетъ долиною р. Кубàтуру (Куàдру), значительнаго притока Башкауса съ лѣвой стороны. Приблизительно около впаденія въ Кубàтуру р. Сарычекъ, тропа пересѣкаетъ эту рѣку. Переправа черезъ Кубàтуру вслѣдствіе сильной быстрины, сопряжена съ трудностью даже при невысокомъ уровнѣ воды. Отсюда путь раздѣляется, одна тропа ведетъ на Курай, другая же, которою мы слѣдуемъ, выводитъ по берегу р. Кубàтуру къ урочищу Карасюкъ, по открытой мѣстности.

Отъ Большого Улагана, т. е. отъ того мѣста, гдѣ тропа приближается къ нему при направленіи съ сѣвера, до урочища Карасюкъ считается приблизительно 30 верстъ.

Отъ Карасюка путь идетъ, слѣдуя направленію долины р. Сарычекъ, тайгой, топями и болотами, а иногда снова встрѣчается мертвый лѣсъ. При озерѣ Кетегелю-кöль (Кычегелю-коль) путникъ вступаетъ въ область озеръ и болотъ, дающихъ начало потокамъ и рѣкамъ, стекающимъ какъ на сѣверъ, такъ и на югъ. Здѣсь водораздѣлъ Катуни и Біи, но онъ не замѣтенъ, ровная открытая мѣстность имѣетъ незначительные уклоны. Отъ Карасюка до Кетегелю-кöль считаютъ 20 верстъ. На пространствѣ отъ этого озера до урочища Чибитъ путникъ встрѣчаетъ рядъ озеръ и болотъ, продолженіе озерной области, изъ нихъ одно даетъ начало рѣкѣ Чибитъ. Послѣ переправы въ бродъ черезъ эту рѣку слѣдуетъ подъемъ на значительную гору. Тропа то отдаляется, то приближается къ р. Чибиту, извиваясь по береговымъ уклонамъ на значительной высотѣ, а затѣмъ спускается въ долину, около сліянія Меона съ Чибитомъ, и постепенно дости-

гаетъ уровня Чуйской долины. Отъ Кетегелю-коль до урочища Чибитъ считается 30 верстъ.

Такова южная дорога, соединяющая Чолышманскую долину съ Чуйской. Вся мѣстность на этомъ протяженіи ненаселена; русскихъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, встрѣчаются лишь нѣсколько одиночныхъ юртъ телесовъ, выбирающихся къ лѣту на Улаганское нагорье. Такъ, на переѣздѣ отъ Улагана до Карасюка стоитъ изба одного алтайца, который старался сдѣлаться осѣдлымъ, но послѣ многолѣтнихъ усилій стремленіе къ кочевой жизни взяло перевѣсъ, и онъ сначала рядомъ съ избой построилъ юрту, въ которой жилъ лѣтомъ, а потомъ снова возвратился къ кочеванью. Затѣмъ на Улаганѣ стоитъ нѣсколько юртъ, да около Карасюка встрѣчаются одиночныя юрты. Этимъ и исчерпывается все населеніе этой мѣстности вплоть до Чибита. На пространствѣ отъ Карасюка до Чибита кочевокъ не встрѣчается совершенно.

Причина малой населенности Улаганскаго нагорья и озерной области истоковъ Чибита заключается въ томъ, что вслѣдствіе значительной высоты этихъ мѣстностей зима здѣсь сурова и обильна снѣгами, затѣмъ въ недостаткѣ пастбищъ. Наконецъ, здѣсь невозможно заниматься земледѣліемъ, такъ какъ хлѣбъ не родится и попытки сѣять ячмень окончились плачевно: онъ вымерзъ, прежде чѣмъ созрѣлъ.

IV.

Изъ этого краткаго обзора путей сообщенія и прилегающей къ Чолышманской долинѣ мѣстности можно видѣть, что эта долина является какъ бы отрѣзанной отъ остального крещенаго и некрещенаго міра. Она лежитъ въ сторонѣ отъ большой дороги горнаго Алтая, чуйскаго тракта, и посѣщается посторонними людьми лишь изрѣдка; заѣзжаетъ сюда либо чиновникъ, либо туристъ. Если сообщеніе съ Чолышманомъ болѣе или менѣе доступно, хотя и съ затрудненіями, въ лѣтнее время, то зимою трудности увеличиваются; Телецкое озеро, представляющее удобный путь лѣтомъ, въ южной части своей замерзаетъ рѣдкій годъ, а путешествіе черезъ Улаганъ затруднительно вслѣдствіе снѣжныхъ бурь и глубокихъ снѣговъ; вообще же, путешествіе по тайгѣ и горамъ безъ проводника и переводчика здѣсь невозможно. Вотъ

почему паломники въ Чолышманскомъ монастырѣ являются рѣдкими гостями. Предоставленный самому себѣ, Чолышманскій монастырь долженъ самъ добывать себѣ средства къ существованію и, вслѣдствіе невозможности извлекать изъ населенія на обширномъ районѣ матеріальныя средства на религіозной почвѣ, онъ обратился къ извлеченію этихъ средствъ на почвѣ чисто экономической и въ области болѣе ограниченной. Въ самомъ дѣлѣ, въ борьбѣ за существованіе монастырю, какъ извѣстной общественной организаціи, предстояло рѣшить двѣ задачи; первая изъ нихъ состояла въ томъ, чтобы пріобрѣсти средства производства и воспользоваться тѣми естественными благами, которыя предоставляетъ здѣсь природа, и затѣмъ, овладѣвши этимъ, приспособить къ себѣ мѣстное населеніе. Единственнымъ средствомъ, которое могло послужить для этой цѣли въ томъ и другомъ случаѣ, явилась здѣсь земля; на пріобрѣтеніе ея и были направлены всѣ усилія монастыря. Уже при самомъ основаніи монастырю была отведена земля по нижнему теченію Чолышмана. Этотъ отводъ произошелъ такимъ же путемъ, какъ и всѣмъ русскимъ монастырямъ. Основатели обителей указывали обыкновенно, что просимая ими земля не находится въ чьемъ либо пользованіи, „лежитъ впустѣ", и отводъ совершался безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Такъ же произошло и здѣсь. Строители монастыря объявили, что мѣста у устья р. Чолышмана никѣмъ не заняты, и этого было достаточно для того, чтобы получить землю. Но выше было уже указано, что въ низовьяхъ Чолышмана были расположены кочевья алтайцевъ, что подтверждается свидѣтельствами Бунге, Гельмерсена и Радлова, изъ которыхъ послѣдній посѣтилъ чолышманскую долину незадолго до основанія монастыря. Такимъ образомъ, основаніе монастыря сопровождалось вторженіемъ его въ инородческую территорію и захватомъ инородческой земельной собственности; это вторженіе обставлено было, разумѣется, надлежащими юридическими актами. Но слѣдуетъ замѣтить, что документы и планы, указывающіе на принадлежность монастырю земли, находящейся въ его владѣніи, нынѣ, по разсказамъ обитателей монастыря, уже не существуютъ; они сгорѣли во время пожара бійскаго архіерейскаго дома. Этотъ пожаръ и утрата документовъ имѣли то естественное слѣдствіе, что монастырская

земля получила новое качество, дотолѣ ей неизвѣстное, свойство растяжимости въ высшей степени, а граница монастырскихъ земель, съ уничтоженіемъ межевыхъ признаковъ, сдѣлалась блуждающею и получила тенденцію двигаться вверхъ по теченію рѣки, въ предѣлы инородческой территоріи. Такъ какъ границу монастырской земли возстановить теперь невозможно, то вліяніе монастыря идетъ по всей долинѣ, пока она обитаема.

Какимъ образомъ отразилось отчужденіе инородческой территоріи въ пользу монастыря и лишеніе инородцевъ части Чолышманской долины, которая прежде была занята ихъ кочевьями, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами въ одномъ изъ урочищъ долины. На Чолышманѣ до сихъ поръ можно еще найти стариковъ теленгитовъ, свидѣтелей перехода инородческой земли къ монастырю. Ихъ безхитростный, отчасти наивный разсказъ рисуетъ предъ нами картину прежняго довольства обитателей Чолышманской долины. Народа здѣсь, по ихъ словамъ, прежде было больше, чѣмъ теперь, но жилось легче. Когда монастырь объявилъ, что близъ лежащая земля принадлежитъ ему и что онъ намѣренъ вести свое собственное хозяйство, то вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ и приказъ очистить эту землю отъ стойбищъ. Вынужденные этимъ теленгиты откочевали отъ монастыря на нѣкоторое разстояніе вверхъ по долинѣ, но затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, чувствуя недостатокъ въ земельныхъ угодьяхъ, снова прикочевали на прежнее мѣсто. Возвратившихся инородцевъ монастырь сталъ облагать арендою, но не сразу; въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ ближайшіе къ монастырю инородцы жили безъ стѣсненія, но затѣмъ постепенно на нихъ была налагаема арендная плата. Мало по малу это обложеніе двигалось вверхъ по Чолышману и теперь, вѣроятно, уже перешло далеко за ту грань, которая нѣкогда отдѣляла монастырскую землю отъ земли инородцевъ. То же самое произошло и въ долинѣ р. Башкауса, съ тою лишь разницею, что здѣсь движенію аренды скоро положила предѣлъ сама природа: долина Башкауса обитаема лишь на небольшомъ пространствѣ отъ устья рѣки. Арендную плату платили безпрекословно. Въ такомъ видѣ передаютъ инородцы о переходѣ ихъ земли во владѣніе монастыря. Если этотъ разсказъ вѣренъ, — а сомнѣваться въ искренности инородцевъ

нѣтъ никакихъ основаній, — то нельзя отказать монастырю въ извѣстной послѣдовательности и своего рода „остроумной тактикѣ“, которая выразилась именно въ постепенности подчиненія своему вліянію ближайшаго туземнаго населенія.

Въ первое время по возникновеніи, Чолышманскій монастырь, повидимому, не велъ земледѣльческаго хозяйства на занятыхъ имъ земляхъ, а довольствовался взиманіемъ съ инородцевъ арендной платы и ограничивался разведеніемъ скота. На это указываетъ весьма характерный отзывъ инородцевъ о принадлежности монастырскаго скота имъ; „монастырскій скотъ — нашъ“, объясняли они, и эти слова ихъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что инородческія стада послужили источникомъ, изъ котораго составился живой инвентарь монастырскаго хозяйства. Что же относится до земледѣлія, то должно замѣтить, что монастырь началъ занятіе этою отраслью сельскаго хозяйства сравнительно въ недавнее время; по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ алтайской статистической экспедиціей отъ монастырской администраціи въ 1897 году, обитель тогда не имѣла еще собственныхъ пашенъ [1].

Нынѣ хозяйство монастыря представляется въ слѣдующемъ видѣ. Подъ земледѣльческою культурою у обители находится до 35 десятинъ, которыя засѣваются различнаго рода хлѣбами. При уборкѣ посѣвовъ пользуются машинами, жнейкой и конной молотилкою. Пашни орошаются арыками, такъ называемыми „суаками“, представляющими собою остатки оросительныхъ сооруженій, перешедшихъ къ инородцамъ отъ прежняго стариннаго населенія этой долины. При существованіи этихъ арыковъ почва даетъ обильные урожаи и, что главное, не истощается, такъ что одна и та же площадь засѣвается въ теченіе многихъ лѣтъ непрерывно. Затѣмъ съ монастырскихъ луговъ снимается болѣе 2,000 копенъ сѣна, для чего существуетъ сѣнокосилка. Въ августѣ 1903 года монастырь насчитывалъ у себя, по словамъ одного изъ лицъ администраціи, 15 лошадей, до 130 головъ рогатаго скота, въ томъ числѣ до 50 головъ дойныхъ коровъ, и

[1] Швецовъ. Горный Алтай, т. I, вып. I, стр. 163.

около 20 головъ овецъ [1]. Веденіе скотоводства облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что скотъ требуетъ прокорма сѣномъ лишь въ теченіе 4 зимнихъ мѣсяцевъ, остальное же время года онъ пасется на подножномъ корму, добывая его изъ подъ неглубокаго снѣга. Молока добывается до 7 пудовъ въ день; бóльшая часть его перерабатывается на устроенномъ заводѣ въ масло.

По сравненію съ 1897 годомъ, если взять количество скота, указанное алтайскою статистическою экспедиціей, оказывается, что скотоводство монастыря къ 1903 году пришло въ нѣкоторый упадокъ; число рогатаго скота уменьшилось на 20 головъ, а число лошадей на 35. Можетъ быть, это было дѣйствительно такъ, ибо скотоводство на Алтаѣ вообще подвержено большимъ колебаніямъ; но съ другой стороны не должно забывать, что приведенныя выше цифры получены отъ оффиціальныхъ лицъ, склонныхъ преуменьшать въ глазахъ чужихъ людей размѣры своихъ матеріальныхъ благъ. Кромѣ этихъ главныхъ промысловъ, земледѣлія и скотоводства, у монастыря есть еще нѣкоторые подсобные. Къ числу ихъ относится, напримѣръ, мукомольная мельница, взимающая за помолъ по 5 коп. съ пуда, и небольшая пасѣка. Кромѣ того, обитель занимается ловлею рыбы на Телецкомъ озерѣ, но, къ сожалѣнію, намъ не удалось получить точныхъ свѣдѣній о ея размѣрахъ.

Но не сельскохозяйственная дѣятельность въ ея чистомъ видѣ, приноситъ монастырю главные доходы и средства къ существованію. Все матеріальное благосостояніе монастыря основывается на арендной платѣ, которую онъ получаетъ съ инородцевъ; земельная рента есть основа самаго существованія монастыря. Такъ какъ граница монастырской земли сдѣлалась неопредѣленной, ибо межевые знаки, какъ сказано выше, теперь уничтожены, то въ рукахъ монастыря оказалась вся населенная часть Чолышманской долины; нынѣ уже утратилась разница между монастырской и инородческой территоріей, и земельныя отношенія между монастыремъ и инородцами сводятся лишь ко взиманію монастыремъ арендной платы безъ различія принад-

[1] По даннымъ алтайск. статист. экспед., въ 1897 году—150 головъ рогатаго скота и 50 лошадей.

лежности земли тому или другому владѣльцу. Арендная плата объединила обѣ категоріи земель, существовавшія здѣсь ранѣе. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ дѣлать различія между обѣими категоріями этой земли, и то, что относится къ землѣ, которою владѣетъ монастырь на основаніи юридическихъ актовъ, относится и къ землѣ, которую монастырь пріобрѣлъ фактически и которою владѣетъ на правѣ захвата.

Та система аренды, которая теперь наблюдается здѣсь, сложилась, разумѣется, не въ одинъ день; но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ прослѣдить ея развитіе и установить ея послѣдовательные моменты. Можно установить лишь два факта, во первыхъ, что эта система получила законченный видъ уже къ срединѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, и во вторыхъ, что съ того времени, т. е. въ теченіе почти десяти лѣтъ, она въ своихъ главныхъ основаніяхъ остается безъ измѣненія. Послѣдній фактъ обнаруживаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что размѣръ арендной платы достигъ уже высшей степени напряженности въ отношеніи къ платежнымъ силамъ населенія, далѣе которой она пока идти не можетъ безъ ущерба для земельнаго владѣльца. Въ послѣднее время замѣтны уже явленія, имѣющія отрицательное значеніе для монастыря; они показываютъ, что платежная сила населенія уже не въ состояніи выдерживать той платы которою обложена земля. Главныя условія аренды состоятъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего монастырь облагаетъ платою ту землю, которая соотвѣтствуетъ въ русскихъ селеніяхъ усадьбѣ, т. е. на которой инородецъ ставитъ свое жилище, юрту; а такъ какъ алтаецъ ведетъ кочевой образъ жизни, то эта плата относится собственно къ праву постановки юрты на землѣ владѣльца. За это право инородецъ платитъ одинъ рубль въ годъ. Затѣмъ слѣдуетъ плата за пользованіе разными угодьями. Такъ какъ здѣсь невозможно, вслѣдствіе особенностей кочевого быта, пріурочить аренду къ опредѣленной площади земли, т. е. принять какую либо площадь за единицу обложенія, то владѣлецъ выработалъ особый способъ обложенія, принимая за единицу площади пашни тотъ размѣръ ея, который по мѣстнымъ условіямъ необходимъ для посѣва одного пуда сѣмянъ; для площади пастбища—то

пространство, которое необходимо для прокормленія одной головы крупнаго скота; для сѣнокоса—площадь, съ которой собирается одна копна сѣна. Другими словами, арендная плата пріурочена къ пуду сѣмянъ, къ головѣ крупнаго скота и къ копнѣ сѣна. За право посѣять пудъ сѣмянъ инородецъ платитъ одинъ рубль, за пастьбу головы крупнаго скота—20 коп., а мелкаго—5 коп., при чемъ за пастьбу телятъ платы не взимается, но исключеніе дѣлается для такъ называемыхъ „лоншаковъ", т. е. годовалыхъ, которые приравниваются къ мелкому скоту. За копну сѣна инородецъ уплачиваетъ 10 коп., или же обрабатываетъ сѣнокосъ на правѣ половничества, отдавая владѣльцу половину сбора. Наконецъ, за право пользованія лѣсомъ для постройки и отопленія юрты инородецъ платитъ одинъ рубль въ годъ. Сверхъ этой платы инородецъ отдаетъ подъ видомъ „руги" десятую часть собраннаго хлѣба, если онъ занимается земледѣліемъ. Но эта плата вытекаетъ уже не изъ поземельныхъ, а изъ религіозныхъ отношеній, и ее нельзя считать составною частью аренды вообще. Такимъ образомъ, хозяйство, обладающее 3 лошадьми, 5-ю коровами и 10—15 овцами или козами и засѣвающее 1 пудъ ячменя, должно уплачивать арендпаго сбора въ пользу монастыря отъ 5 руб. 10 коп. до 5 руб. 35 коп., не считая платы за сѣнокосъ. За одно только право существованія инородецъ долженъ уплачивать болѣе 5 руб. въ годъ, ибо такое хозяйство можетъ обезпечить здѣсь лишь существованіе. Приведемъ два дѣйствительныхъ примѣра. Въ одномъ случаѣ инородецъ платилъ 11 рублей, которые распредѣлялись такъ: за 50 копенъ сѣна—5 руб., за пашню (3 пуда сѣмянъ)—3 руб., за пастьбу скота (5 головъ)—1 руб., за пользованіе лѣсомъ—1 руб. и за право поставить юрту—1 руб. Въ другомъ случаѣ, та же плата состояла изъ слѣдующихъ частей: за сѣно —3 руб., за пашню—2 руб., за лѣсъ—1 руб., за пастьбу скота—4 руб., за юрту—1 руб. По словамъ лица изъ монастырской администраціи, арендная плата съ инородцевъ достигаетъ 500 руб. въ годъ, но на сколько эта цифра согласна съ дѣйствительною, провѣрить мы не имѣли случая.

Эта система аренды, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ, т. е. къ кочевому быту алтайцевъ, покоится на обложеніи, такъ

сказать, предметовъ первой необходимости, т. е. матеріаловъ для жилища, его отопленія, самаго жилища, скота, безъ котораго алтаецъ существовать не можетъ; размѣръ же арендной платы стоитъ въ зависимости отъ благосостоянія инородца, при чемъ приняты въ расчетъ физико-географическія условія края. Выше было уже указано на то, что Чолышманская долина является какъ бы оазисомъ среди окружающихъ ее горныхъ областей, безплодныхъ, съ суровымъ климатомъ, не могущихъ дать средства для существованія человѣка и потому слабо населенныхъ. Долина изолирована, и природа ограничила здѣсь человѣка тѣсными предѣлами. Это обстоятельство также учтено мѣстнымъ земельнымъ владѣльцемъ, который сдѣлалъ изъ долины своего рода «уединенное государство», избавиться отъ котораго можно лишь бѣгствомъ. Дѣйствительно, за послѣднее время такое бѣгство и наблюдается. Выселяются съ Чолышмана преимущественно въ Чуйскую долину, но эта долина бѣдна удобными землями и пастбищами, при этомъ же она заселена. Вотъ почему бѣгутъ лишь единицы, главная же масса обитателей Чолышманской долины, конечно, должна мириться съ тѣми условіями, которыя диктуетъ владѣлецъ земли. Въ 1903 году около Чибита (въ долинѣ р. Чуи) кочевало около 15 выходцевъ изъ Чолышманской долины; они указывали, какъ на причину своего выселенія, на тяжелыя для нихъ условія жизни на мѣстѣ ихъ прежняго жительства.

Выселеніе является для обитателей Чолышманской долины единственнымъ средствомъ для того, чтобы избѣжать тяжелыхъ экономическихъ условій; но оно, при всей подвижности алтайца, не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ по причинѣ, указанной выше. Другіе же способы борьбы невозможны для полудикаго теленгита, такъ какъ онъ сталкивается въ данномъ случаѣ съ привилегированной организаціей, которая обладаетъ вліяніемъ и властью и члены которой отправляютъ, кромѣ своихъ прямыхъ функцій, еще функціи административно-полицейскія. Единственнымъ путемъ для улучшенія своего положенія для инородцевъ являлся и является путь прошеній и ходатайствъ, и нельзя сказать, чтобы они къ нему не прибѣгали. Они неоднократно обращались къ администраціи монастыря и къ стоящей надъ нимъ власти съ просьбами объ уменьшеніи поборовъ, но

встрѣчали отказъ. Точно также обращались къ завѣдующему монастыремъ съ просьбою указать грань монастырской земли, но на это получили отвѣтъ, что и своей земли у нихъ достаточно. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія они просили о землѣ томскаго епархіальнаго архіерея, и получили отвѣтъ, что «земли имъ не будетъ». Наконецъ, въ послѣднее время, испытавъ всѣ пути, инородцы обратились съ подобной же просьбой къ ветеринарному врачу, случайно бывшему въ Усть-Башкаусѣ, видя въ немъ, какъ и во всякомъ чиновникѣ, посѣщающемъ этотъ край, лицо облеченное властью и могущее, по ихъ мнѣнію, помочь ихъ горю. Неизвѣстно, что отвѣтилъ имъ ветеринарный врачъ. Но интересенъ тотъ фактъ, что при этихъ исканіяхъ они не обращались къ своему зайсангу, вѣроятно, потому, что по какимъ то, только имъ извѣстнымъ, соображеніямъ они не видѣли въ немъ защитника своихъ родовыхъ интересовъ.

Итакъ, основнымъ фактомъ экономической жизни населенія Чолышманской долины являются поземельныя отношенія между монастыремъ и туземцами. Эволюцію этихъ отношеній можно представить въ слѣдующей краткой схемѣ. Монастырь, закрѣпивъ за собою часть Чолышманской долины юридическимъ актомъ, объявилъ эту землю своею собственностью и приказалъ туземцамъ очистить ее отъ кочевокъ. Слѣдующій моментъ состоялъ въ томъ, что часть откочевавшихъ инородцевъ, принуждаемыхъ малоземельемъ, вновь поселилась около монастыря; но въ первое время инородцы не платили монастырю аренды. Третій моментъ—монастырь облагаетъ арендой ближнихъ алтайцевъ. Затѣмъ произошло событіе, которое повело какъ бы къ сліянію монастырскихъ земель съ инородческими, это—утрата монастыремъ документовъ на право владѣнія землею. Но это событіе должно считаться случайнымъ и несущественнымъ при начинавшемъ устанавливаться укладѣ мѣстной жизни; и безъ него развитіе земельныхъ отошеній пошло бы по тому пути, по которому оно идетъ сейчасъ. Это событіе лишь случайно совпало съ послѣднею ступенью, до которыхъ эти отношенія дошли и на которой находятся въ настоящее время, т. е. съ движеніемъ аренды вверхъ по теченію Чолышмана. Эволюція завершилась системой аренды,

которая вполнѣ подчинила населеніе Чолышманской долины экономическому господству монастыря.

Выше приведенное наблюденіе совершенно согласно съ оффиціальной оцѣнкой дѣятельности Чолышманскаго монастыря, сдѣланной за послѣднее время подлежащимъ начальствомъ. Именно, въ опубликованномъ отчетѣ томскаго комитета миссіонерскаго общества за 1905 годъ читаемъ: „монастырь потерялъ духовную связь съ инородцами и между ними теперь существуютъ экономическія отношенія. Современные намѣстники монастыря, собирая съ инородцевъ, живущихъ на его земляхъ арендную плату, со своей стороны уже не могутъ имѣть желательнаго вліянія на населеніе. Между монастыремъ и инородцами всталъ вновь открытый Усть-Башкаусскій станъ. Онъ, въ силу естественныхъ причинъ, привлекъ къ себѣ инородцевъ въ Чолышманѣ и невольно какъ бы отнялъ у монастыря паству. Желая вернуть монастырю его прежнее значеніе, преосвященный начальникъ миссіи вошелъ къ преосвященному предсѣдателю съ предложеніемъ въ интересахъ миссіи закрыть Усть-Башкаусскій станъ, а содержаніе его передать монастырю... Между монастыремъ и инородцами вмѣсто настоящихъ, чисто торговыхъ отношеній, иногда не вполнѣ дружественныхъ, установились бы любовныя, и монастырь бы получилъ свое былое значеніе“ [1].

По свѣдѣніямъ, собраннымъ алтайской статистической экспедиціей, можно составить себѣ понятіе какъ объ экономическомъ положеніи ближайшихъ къ монастырю обитателей Чолышманской долины, такъ и о размѣрахъ того вліянія, которое оказываетъ система аренды на ихъ хозяйство. Населеніе кочевниковъ въ урочищахъ, связанныхъ съ арендою, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Хозяйствъ.	Муж.	Жен.	Об. п.
Усть-Башкаусъ (Кумуртукъ) .	49	120	125	245
Нижній Чолышманъ (доУ. Башкауса)	15	28	36	64
Верхній Чолышманъ (до Чёльчи)	64	165	168	333
	128	313	329	642 [2]

[1] Отчетъ томскаго комитета миссіонерскаго правосл. общ. за 1905 г. Т. Стр. 5, 6.

[2] Швецовъ, Горн. Алтай; табл. отд. V.

Такъ какъ въ таблицахъ приведены данныя объ арендѣ одной лишь пашни, то въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ считать состоящими подъ непосредственнымъ вліяніемъ монастыря именно только тѣ урочища, относительно которыхъ эти данныя есть хотя, несомнѣнно, вліяніе монастыря въ той или иной формѣ оказывается далеко за предѣлами, указанными въ таблицахъ, ибо инородцы арендуютъ не однѣ только пашни, но и пастбища, уплачиваютъ за юрту и проч. „Въ настоящее время вся долина р. Чолышмана, отъ Телецкаго озера верстъ на 35—40, и часть долины р. Башкауса находятся въ фактическомъ завѣдываніи монастыря“ [1]. Такимъ образомъ въ эту категорію инородцевъ попадаютъ только тѣ, которые живутъ въ Усть-Башкаусѣ, на Нижнемъ и Верхнемъ Чолышманѣ. Въ этихъ урочищахъ обитаетъ 642 чел. (313 м.), организованныхъ въ 128 хозяйствъ.

Такъ какъ основнымъ признакомъ кочевого хозяйства, главнымъ образомъ скотоводческаго, служитъ количество скота, лошадей и крупнаго скота, а отчасти мелкаго, то мы при опредѣленіи зажиточности инородцевъ, примемъ эти признаки за основаніе и сначала опредѣлимъ, сколько хозяйствъ лишено каждаго изъ этихъ составныхъ элементовъ хозяйства.

Изъ наличнаго числа хозяйствъ на 100:

	1. Нижній Чолышманъ.	2. Усть-Башкаусъ.	3. Верхній Чолышманъ.	Итого.
Безъ рабочихъ лошадей	13,3	20,4	17,1	17,9
Безъ рабочихъ лошадей и безъ крупнаго рогатаго скота	—	6,1	6,2	5,4
Безъ всякаго скота . .	—	6,1	4,6	4,7
Съ одной рабочей лошадью безъ крупнаго рогатаго скота	—	2,0	1,5	1,5
Безъ крупн. рогатаго скота	—	8,1	9,2	7,8
Безъ мелкаго скота . .	86,6	55,1	48,4	55,4

Кромѣ того, въ Усть-Башкаусѣ и на Верхнемъ Чолышманѣ есть инородцы, не имѣющіе своихъ юртъ; въ первомъ они составляютъ 4,0% всѣхъ живущихъ тамъ хозяевъ, а во второмъ 1,5% (всего 2,6%).

[1] Тамъ же, т. I, вып. I, стр. 163.

Разсмотримъ сначала данныя этой таблицы безотносительно къ другимъ районамъ, оставаясь лишь въ предѣлахъ Чолышманской долины. Во-первыхъ, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе малое количество хозяйствъ съ мелкимъ скотомъ. Это вполнѣ понятно при существующей арендѣ земли, когда земля дорога и когда является необходимость использовать занимаемую площадь наиболѣе выгодно для хозяйства, т. е. разводить лошадей и крупный рогатый скотъ, составляющій главные элементы инородческаго хозяйства. Болѣе половины хозяйствъ лишены мелкаго скота; очевидно, что держатъ его только тѣ, кто имѣетъ возможность держать крупный скотъ, т. е. сравнительно зажиточные. Затѣмъ таблица обнаруживаетъ, какому изъ наиболѣе цѣнныхъ элементовъ хозяйства инородецъ отдаетъ предпочтеніе, или правильнѣе, какому изъ этихъ элементовъ обстоятельства заставляютъ отдавать предпочтеніе. Отвѣтъ на это даютъ соотвѣтствующія цифры 17,9 и 7,8: Чолышманскій теленгитъ долѣе удерживаетъ за собою рогатый скотъ, чѣмъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ заключительный итогъ, въ таблицѣ стоитъ 4,7% лишенныхъ всякаго скота.

Теперь сравнимъ положеніе Чолышманскихъ инородцевъ съ другими районами и прежде всего съ Чуйскимъ райономъ, часть котораго Чолышманская долина составляетъ, въ его цѣломъ.

Изъ наличнаго числа хозяйствъ на 100:

	1. Усть-Башкаусъ, Нижн. и Верхн. Чолышманъ.	2. Весь Чуйскій районъ.
Безъ рабочихъ лошадей	17,9	21,9
Безъ рабочихъ лошадей и безъ крупнаго скота	5,4	13,2
Безъ всякаго скота	4,7	3,8
Съ одной рабочей лошадью безъ крупнаго скота	1,5	3,8
Безъ крупнаго рогатаго скота . .	7,8	21,7
Безъ мелкаго скота	55,4	13,9

Цифры, относящіяся ко всему району показываютъ, что благосостояніе жителей Чолышманской долины, въ общемъ, значительно выше благосостоянія обитателей всего района, и первые сравнительно со вторыми находятся въ полномъ благополучіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ во всемъ районѣ на 100 хозяйствъ приходится неимѣющихъ мелкаго скота только 13,9,—на Чолышманѣ такихъ болѣе половины; но хозяйствъ безъ лошадей и крупнаго рогатаго скота въ первомъ 13,2 въ долинѣ только 5,4 и т. д. Разница огромная, свидѣтельствующая, пожалуй, о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ величинами почти несравнимыми. Повидимому эти цифры опровергаютъ все сказанное выше о бѣдственномъ положеніи Чолышманскихъ теленгитовъ. Но это только кажущееся противорѣчіе, которое разрушается при сравненіи съ другими районами кочевыхъ алтайскихъ инородцевъ. Дѣло въ томъ, что Чуйскій районъ, взятый въ цѣломъ, принадлежитъ къ самымъ бѣднымъ частямъ Алтая. Онъ обнимаетъ собою бассейны Чолышманъ-Башкауса, Чуи-Архыта съ ихъ водораздѣлами и отчасти нѣкоторые притоки Катуни, слѣдовательно, наиболѣе высокую юго-восточную часть Алтая. Весь этотъ край бѣденъ природными богатствами въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Тогда какъ рѣчныя долины центральнаго и западнаго Алтая и склоны ихъ представляютъ собою по большей части цвѣтущія пастбища и мѣстами пахатныя земли, долины Чуйскаго района суть ничто иное, какъ горныя ущелья, гдѣ можно найти только камень и воду; таковы долины Башкауса и Архыта, въ большей части ихъ протяженія необитаемыя. Къ такимъ же безплоднымъ мѣстностямъ принадлежитъ и верхнее теченіе Чолышмана и почти вся долина р. Чуи съ ея каменистой почвой. Обширныя нагорья, служащія водораздѣлами между перечисленными рѣками, также представляютъ препятствія для кочевой жизни или вслѣдствіе недостатка пастбищъ или вслѣдствіе болотистости почвы, какъ напр. Улаганское плоскогоріе, или же вслѣдствіе суровости климата, какъ напр. Чуйскія альпы, вслѣдствіе огромной абсолютной высоты. Главная рѣчная долина района, р. Чуи, является единственнымъ болѣе или менѣе удобнымъ мѣстомъ для кочеванія, сравнительно съ другими, но здѣсь къ указаннымъ природнымъ недостаткамъ присоединяется еще то, что эта долина служитъ главной дорогой, соединяющей Алтай съ Монголіей; здѣсь проходитъ торговый путь, и это обстоятельство является однимъ изъ могущественныхъ мѣстныхъ факторовъ, разлагающихъ кочевое хозяйство. Единственнымъ счаст-

ливымъ исключеніемъ изъ всего этого района, по своимъ природнымъ даннымъ, является Чолышманская долина. Послѣ этого объясненія станетъ понятнымъ, почему хозяйство Чолышманскихъ инородцевъ стоитъ выше почти во всѣхъ отношеніяхъ сравнительно съ другими частями района, бѣднаго по своей природѣ. Но уже и поверхностное обозрѣніе приведенной сейчасъ таблицы обнаруживаетъ тотъ, опять странный фактъ, что процентъ неимѣющихъ никакого скота на Чолышманѣ выше, чѣмъ въ остальномъ районѣ. Это показываетъ, что процессъ хозяйственной жизни, именно вслѣдствіе посторонняго агента, оканчивается для нѣкоторыхъ обитателей долины раззореньемъ, которое слѣдуетъ непосредственно за болѣе или менѣе обезпеченной жизнью. Вовторыхъ, предыдущее сопоставленіе подтверждаетъ приведенное выше указаніе на изолированность долины.

Послѣ этихъ замѣчаній необходимо придти къ заключенію, что положеніе Чолышманскихъ инородцевъ надлежитъ сопоставить, для выясненія степени ихъ сравнительнаго благосостоянія не съ какою либо частью Чуйскаго же района или съ нимъ, взятымъ въ цѣломъ, а съ другими районами Горнаго Алтая. Это сопоставленіе приведено ниже.

Изъ наличнаго числа хозяйствъ на 100:

	Районы:			
	1. Усть-Башкаусъ, В. и Н. Чолышманъ.	2. Правобережный.	3. Лѣвобережный.	4. Западный.
Безъ рабочихъ лошадей	17,9	5,1	9,2	9,4
Безъ рабочихъ лошадей и безъ крупнаго рогатаго скота	5,4	2,7	2,2	2,0
Безъ всякаго скота	4,7	2,7	1,9	1,7
Съ одной рабочей лошадью безъ крупнаго рогатаго скота	1,5	1,4	1,2	1,7
Безъ крупнаго рогатаго скота . . .	7,8	4,9	4,2	4,3
Безъ мелкаго скота .	55,4	74,6	40,8	27,3

Изъ этого сопоставленія исключенъ одинъ районъ, черневой, и исключеніе его обусловливается тѣмъ, что хозяйство кочевниковъ въ черни отличается значительными особенностями отъ хозяйства въ остальныхъ районахъ Алтая, вслѣдствіе особыхъ физико-географическихъ условій, а потому сравненіе съ этимъ райономъ не дастъ правильныхъ заключеній безъ болѣе или менѣе подробнаго объясненія. Впрочемъ, и сравненіе съ этимъ райономъ приведетъ къ сужденію о болѣе благопріятномъ экономическомъ положеніи черневыхъ кочевниковъ сравнительно съ Чолышманскими; здѣсь разница будетъ въ пользу Чолышманскихъ только относительно количества хозяевъ, имѣющихъ мелкій скотъ [1]. Итакъ, сравнивая хозяйственное положеніе Чолышманскихъ теленгитовъ и инородцевъ другихъ районовъ, мы наблюдаемъ у первыхъ только меньшій процентъ имѣющихъ одну лошадь (безъ крупнаго скота) сравнительно съ западнымъ и таковой же процентъ неимѣющихъ мелкаго скота сравнительно съ правобережнымъ райономъ.

Общій же выводъ должно формулировать въ томъ смыслѣ, что хозяйство Чолышманскихъ инородцевъ стоитъ значительно ниже, чѣмъ въ какой либо иной части Алтая.

Въ этомъ отношеніи Чолышманскіе теленгиты приближаются къ тѣмъ кочевникамъ Алтая, которые живутъ въ мѣстностяхъ, уже подвергающихся вліянію „русской культуры", въ районахъ такъ называемыхъ переселенческомъ и миссіонерскомъ, т. е. въ мѣстахъ по сосѣдству съ русскими переселенческими поселками или миссіонерскими селеніями. Данныя, относящіяся къ этимъ двумъ группамъ покажутъ намъ, что относительное количество кочевыхъ хозяйствъ, лишенныхъ всякаго скота, приближается къ таковому же количеству на Чолышманѣ; для перваго района эта цифра равна 3,6, а во второмъ 3,5. Это неудивительно, такъ какъ „русская культура" проявляется прежде всего и преимущественно въ эксплоатаціи инородцевъ, которая имѣетъ слѣдствіемъ разложеніе кочевого хозяйства. Одинаковыя причины про-

[1] Въ черни хозяйствъ, лишенныхъ мелкаго скота—97,2%; хозяйствъ безъ всякаго скота—2,6%. Здѣсь типъ хозяйства отличный отъ Чолышманскаго.

изводятъ и одинаковыя слѣдствія, хотя бы эти причины и облекались въ иныя формы.

По отношенію къ алтайскому кочевому хозяйству, орудіями производства должно признать землю и живой инвентарь, ибо мертвый инвентарь вслѣдствіе незначительнаго развитія земледѣлія и употребленія первобытныхъ приспособленій или даже вслѣдствіе ручной обработки земли, не имѣетъ такого значенія, какъ первые. Что касается земли, то выше уже было выяснено, что Чолышманскіе теленгиты ведутъ хозяйство на чужой землѣ или на своей, но въ томъ и другомъ случаѣ на правахъ аренды. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ первому выводу: Чолышманскіе теленгиты всѣ суть хозяева безземельные.

Въ отношеніи ко второму элементу кочевого хозяйства дѣло обстоитъ нѣсколько сложнѣе. Если остановиться на той точкѣ зрѣнія, которая принята при составленіи предыдущихъ таблицъ, т. е. посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія отсутствія скота, то всѣ Чолышманскіе инородцы распадаются на нѣсколько группъ.

Прежде всего сюда должно включить тѣхъ, которые не имѣютъ совсѣмъ никакого скота. Такихъ насчитывается 4,7% всѣхъ мѣстныхъ хозяйствъ; это пролетаріи.

За ними идетъ группа хозяйствъ безъ рабочихъ лошадей и безъ крупнаго рогатаго скота; такихъ насчитывается 5,4%; какъ необезпеченные средствами производства, они стоятъ рядомъ съ первыми; это почти пролетаріи.

Третья группа, вмѣщающая въ себѣ хозяйства съ одной рабочей лошадью, но безъ крупнаго скота, составляетъ 1,5% наличныхъ хозяйствъ. Достаточно какой либо случайности, въ родѣ безкормицы или эпизоотіи, для того, чтобы перевести эти хозяйства въ предыдущую группу. Это—недостаточно обезпеченные орудіями производства.

Эти три группы составляютъ 10,9% наличныхъ хозяйствъ, вмѣщающихъ до 70 чел. об. п.

Нельзя сказать, чтобы положеніе инородцевъ остальныхъ стойбищъ Чолышманской долины было удовлетворительно. Хотя тамъ и нѣтъ инородцевъ, лишенныхъ всякаго скота, но есть значительное количество хозяйствъ безъ крупнаго скота, правда,

въ меньшей степени, чѣмъ въ стойбищахъ нижней долины, и недостатокъ лошадей, особенно въ Кату-Ярыкѣ, гдѣ, кромѣ того, есть инородцы, не имѣющіе собственнаго очага, т. е. жилища-юрты. Это, на первый взглядъ странное явленіе, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ верховья Чолышмана перекочевываютъ инородцы изъ сферы вліянія монастыря, когда хозяйства ихъ оказываются уже болѣе или менѣе разстроенными и когда они уже не въ состояніи уплачивать арендной платы.

Всѣ приведенныя цифры и сдѣланные изъ нихъ выводы относятся не къ текущему моменту, а къ 1897 году, когда производилась перепись, слѣдовательно, и тѣ и другіе имѣютъ въ настоящее время лишь историческое значеніе и, для того чтобы судить о современномъ положеніи Чолышманскихъ инородцевъ, необходимо произвести вторичную анкету. Но вполнѣ можно допустить, что положеніе ихъ, если не измѣнилось къ худшему, то во всякомъ случаѣ, остается прежнимъ, такъ какъ всѣ факторы, созидающіе и разрушающіе благосостояніе инородца, остались безъ измѣненія. Непосредственныя же наблюденія обнаруживаютъ картину общей бѣдности теленгитовъ, населяющихъ Чолышманскую долину, а нѣкоторые случаи обнаруживаютъ полное раззореніе.

Эти инородцы влачатъ самое жалкое существованіе и если что смягчаетъ нѣсколько остроту ихъ положенія,—такъ это помощь, которую оказываютъ имъ сородичи въ силу неисчезнувшихъ здѣсь патріархальныхъ отношеній; ибо на Алтаѣ можно наблюдать еще остатки первобытнаго родового коммунизма. Эти отношенія и не даютъ погибнуть отъ голодной смерти людямъ, не имѣющимъ собственныхъ средствъ для добычи пропитанія, но они же вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживаютъ ихъ длительную агонію.

Кромѣ теленгитовъ, какъ было уже упомянуто, въ Чолышманской долинѣ живутъ еще сойоты, или соёнцы,—выходцы изъ Китая, переселившіеся на Алтай вслѣдствіе голода, лѣтъ 15—20 тому назадъ.

Еще Ядринцевъ упоминалъ о сойотахъ, переселившихся въ Чолышманскую долину съ Кемчика, также изъ-за голодовокъ

на родинѣ [1]; можетъ быть, обитающіе нынѣ въ долинѣ сойоты суть именно тѣ, о которыхъ говорилъ Ядринцевъ; впрочемъ, эти переселенія не составляютъ здѣсь чего либо необычнаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ миссіонеровъ въ Кумуртукѣ составилъ отъ имени 24—27 сойотовъ приговоръ о желаніи ихъ перейти въ русское подданство и причислиться къ одной изъ Чуйскихъ волостей; онъ заставилъ даже мѣстнаго старшину засвидѣтельствовать этотъ приговоръ, что̀ имъ и было сдѣлано. Но крестьянская администрація задержала этотъ приговоръ, и предпріятіе потерпѣло пока крушеніе. Впрочемъ, положеніе этихъ сойотовъ, выгнанныхъ съ родины голодомъ, довольно печально, и они увеличиваютъ собою количество мѣстныхъ пролетаріевъ, принужденныхъ прибѣгать къ случайнымъ средствамъ для добыванія себѣ пропитанія. Такъ, одинъ сойотъ изъ живущихъ въ монастырѣ работниковъ въ лѣтнее время работаетъ на монастырскихъ поляхъ изъ-за хлѣба, а остальное время года употребляетъ на зарабатываніе податей (волостные и мірскіе сборы) и на то, чтобы добыть пищу; занимается ловлей рыбы на озерѣ, охотой, сплавомъ купеческихъ лодокъ, словомъ, занимается тѣмъ, чѣмъ придется. И если положеніе Чолышманскихъ теленгитовъ можно сравнить съ положеніемъ временно обязанныхъ, то положеніе сойотовъ, совсѣмъ безправныхъ людей, ничѣмъ не отличается отъ положенія крѣпостныхъ, когда эти сойоты бываютъ принуждаемы голодомъ продавать свои личныя услуги какому либо хозяину.

V.

Мы разсмотрѣли поземельныя отношенія, существующія въ Чолышманской долинѣ, и сопоставили данныя объ экономическомъ положеніи мѣстнаго кочевого населенія съ таковыми же данными, относящимися къ другимъ районамъ Алтая. Но полученный путемъ этого сопоставленія результатъ является въ дѣй-

---

[1] Отчетъ, 22.

ствительности слѣдствіемъ не одного только указаннаго выше фактора, разлагающаго мѣстное хозяйство кочевниковъ, т. е. наличныхъ поземельныхъ отношеній и системы земельной аренды; этотъ факторъ является лишь главнымъ среди другихъ, точно такъ же, какъ на ряду съ нимъ и другіе факторы, разрушающіе экономическій строй кочевниковъ, производятъ не одно только разложеніе мѣстнаго хозяйства, но вліяютъ и на разложеніе общественно-родового устройства, первобытнаго міросозерцанія и вытекающихъ изъ него моральныхъ воззрѣній инородцевъ. Не задаваясь цѣлью разсмотрѣть всѣ эти сложныя взаимодѣйствія, мы укажемъ еще на два фактора, содѣйствующіе экономическому упадку Чолышманскихъ теленгитовъ,—на систему уплаты податей и повинностей и на способъ обмѣна продуктовъ.

Кромѣ аренды монастырю, теленгиты, населяющіе Чолышманскую долину, платятъ, какъ подданные россійскаго государства, разные окладные и неокладные сборы. Въ административномъ отношеніи Чолышманскіе кочевники принадлежатъ по большей части къ первой и второй Чуйской волостямъ кочевыхъ инородцевъ и уплачиваютъ казенные и мірскіе сборы по разверсткѣ между членами этихъ волостей. Но за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, трудно установить цифру всѣхъ этихъ сборовъ, поэтому мы ограничиваемся лишь нѣкоторыми свѣдѣніями этого рода. По полученнымъ нами даннымъ, инородцы первой Чуйской волости платятъ окладныхъ сборовъ отъ 3 до 9 рублей, а второй Чуйской волости — отъ 4 до 7 рублей съ души, т. е. съ годнаго работника. Въ отдѣльныхъ случаяхъ указывали на цифру 5 рублей. Вычислить же точно размѣръ мірскихъ сборовъ также нѣтъ возможности, ибо они не поддаются учету, какъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія волостной бухгалтеріи, такъ, между прочимъ и потому, что часть этихъ повинностей отбывается натурою. Сюда относится ямская гоньба (поставка обывательскихъ лошадей при недостаткѣ земскихъ), дорожная повинность, состоящая въ исправленіи дорогъ и тушеніи лѣсныхъ пожаровъ. Сюда же относятся и такъ называемые „тунные расходы“, размѣръ которыхъ составляетъ, какъ и въ русскихъ селеніяхъ, секретъ мѣстныхъ сельскихъ властей; эти деньги записываются

въ особую „тунную книгу“ и употребляются на задариванiе и подарки лицамъ администрацiи, съ которыми приходится имѣть дѣло населенiю. Если окладъ казенной подати самъ по себѣ не является значительнымъ, то этого нельзя сказать относительно другихъ сборовъ; главною тяжестью ложится на инородцевъ земская гоньба и дорожная повинность. Такъ, въ первой Чуйской волости содержанiе 3 земскихъ станцiй на Чуйскомъ трактѣ стоило инородцамъ въ 1896 году 720 рублей, а во второй—содержанiе 6 станцiй—1370 рублей [1]; при этомъ расходъ въ 100 рублей на содержанiе станцiи въ урочищѣ Кату-Ярыкъ палъ исключительно на жителей Чолышманской долины. Для жителей Чолышмана, ближайшихъ къ Телецкому озеру, существуетъ еще особый родъ ямской повинности, гребля на лодкахъ.

Натуральныя повинности состоятъ въ исправленiи дорогъ, мостовъ и въ тушенiи лѣсныхъ пожаровъ. Хотя исправленiе дорогъ не оказываетъ существеннаго влiянiя на состоянiе путей сообщенiя въ такой первобытной странѣ, какъ Горный Алтай, тѣмъ не менѣе оно требуетъ затраты извѣстнаго времени и труда. На основанiи данныхъ алтайской статистической экспедицiи можно высчитать, что въ Усть-Башкаусѣ эта повинность отнимаетъ въ годъ у каждаго годнаго къ работѣ лица 1,2 дня, на Нижнемъ Чолышманѣ—1,7, на Верхнемъ—1,6, въ урочищѣ Кату-Ярыкъ—0,9 и въ урочищѣ Чедрà—1,7 дня. Здѣсь не считается время, необходимое для проѣзда отъ мѣста жительства до мѣста работъ и обратно. Цифры эти, повидимому, незначительны, но не должно забывать, что онѣ имѣютъ значенiе для каждаго годнаго къ работѣ инородца и въ общемъ счетѣ указываютъ на значительное количество времени, въ продолженiе котораго инородцы должны отрываться отъ своего хозяйства. Для всѣхъ перечисленныхъ районовъ это составляетъ 290 дней.

Какова же, впрочемъ, общая сумма всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ и разнаго рода повинностей? Отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ уже указано, трудно за неимѣнiемъ точныхъ

---

[1] Швецовъ, тамъ же, 249, 250.

данныхъ. На Чолышманѣ сами инородцы затруднялись дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, стоимость же земской гоньбы они исчисляли въ 15 рублей на годнаго работника, и эту сумму нельзя считать преувеличенной. Такимъ образомъ только государственный оброкъ и поставка земскихъ лошадей, взятые вмѣстѣ, поглощаютъ до 20 рублей на каждаго хозяина юрты, что ложится, конечно, тяжелымъ бременемъ на бюджетъ Чолышманскаго инородца. Эта тяжесть ощутительна тѣмъ болѣе, что при господствѣ натуральнаго хозяйства деньги здѣсь рѣдки и дороги, поэтому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ углахъ Чуйскаго района уплата по найму земскихъ ямщиковъ производится не деньгами, а продуктами сельскаго хозяйства. Такъ, инородцы, обитающіе на Улаганѣ, до настоящаго времени уплачиваютъ своему земскому ямщику часть платы овчинами.

Съ точки зрѣнія натуральнаго хозяйства, въ данномъ случаѣ важенъ столько же размѣръ подати и всѣхъ вообще сборовъ, сколько необходимость уплаты ихъ именно деньгами. Съ этой точки зрѣнія всѣ сборы должно подраздѣлить на два разряда: сборы денежные и сборы такіе, при уплатѣ которыхъ взноса деньгами можно избѣжать. Къ числу первыхъ должно отнести государственный оброкъ, губернскій земскій сборъ и часть волостныхъ сборовъ. Для уплаты всѣхъ этихъ сборовъ необходимы деньги; остальные же, какъ то мірскіе сборы и часть волостныхъ сборовъ не требуютъ непремѣнно уплаты деньгами. Третью группу составляютъ натуральныя повинности. Разумѣется, было бы крайне важно опредѣлить отношеніе между сборами хотя бы первыхъ двухъ группъ, тогда можно было бы судить, какое именно вторженіе въ бюджетъ инородца дѣлаютъ деньги, т. е. опредѣлить то значеніе, которое эти сборы имѣютъ при разложеніи натуральнаго хозяйства кочевниковъ. Но сдѣлать это пока невозможно, такъ какъ для точнаго опредѣленія даже абсолютнаго размѣра всѣхъ сборовъ данныхъ нѣтъ. Приходится довольствоваться приблизительной цифрой 18—20 рублей, указанной для нѣкоторыхъ сборовъ; и эта цифра должна указывать на то, что податная тяжесть становится уже непосильной для группы мелкихъ хозяйствъ въ Чолышманской долинѣ. Во-вторыхъ, должно

замѣтить, что уплата сборовъ хозяйственными продуктами, если она допускается иногда, имѣетъ въ данномъ случаѣ тоже свою специфическую особенность, именно обезцѣненіе этихъ продуктовъ, которое является слѣдствіемъ принудительности уплаты.

Такимъ образомъ можно допустить, что податные сборы и повинности, уже независимо отъ ихъ абсолютнаго размѣра, путемъ способовъ уплаты ихъ, также содѣйствуютъ разложенію хозяйства кочевниковъ и мало-по-малу ведутъ къ пониженію ихъ экономическаго благосостоянія.

Къ числу факторовъ, дѣйствующихъ неблагопріятно на бюджетъ Чолышманскаго кочевника, необходимо отнести и способъ обмѣна продуктовъ, т. е. способъ торговли.

Ранѣе, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства, торговля у инородцевъ Чолышманской долины, какъ и въ большей части горнаго Алтая, была мѣновая. Торговля шла здѣсь въ двухъ направленіяхъ. Чолышманскіе теленгиты выѣзжали для обмѣна продуктовъ въ Монголію, въ Кобдо и Улясутай, куда вывозили главнымъ образомъ мѣха, и обмѣнивали ихъ тамъ на китайскую мануфактуру, а также на чай или табакъ. Этотъ торговый путь шелъ чрезъ Улаганъ, долиною р. Чуи, и затѣмъ выводилъ въ монгольскія степи. Или же этотъ обмѣнъ производился на періодическомъ торжищѣ Кошъ Агачъ, на границѣ между Россіей и Китаемъ. Но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сношенія съ Китаемъ сдѣлались затруднительными, и теперь на Чолышманѣ уже нѣтъ людей, которые вели бы непосредственныя торговыя сношенія съ Китаемъ, тѣмъ болѣе, что торговля эта перешла въ руки русскихъ купцовъ, для которыхъ инородцы служатъ поставщиками. Второй торговый путь идетъ по долинѣ р. Чёльчи, праваго притока р. Чолышмана, и выводитъ къ кочевьямъ китайскихъ сойотовъ. Онъ представляетъ собою верховую тропу, вьющуюся по скаламъ и бомамъ въ тайгѣ, въ дикой ненаселенной мѣстности, и, какъ передаютъ, весьма труденъ. Чолышманскіе теленгиты считаютъ себя родственными сойотамъ, поэтому между обоими племенами, хотя и принадлежащими къ различнымъ государствамъ, съиздавна установились оживленныя и прочныя не одни только

торговыя сношенія. Чолышманскіе инородцы и теперь еще вывозятъ отъ сойотовъ себѣ женъ. Торговля съ сойотами также мѣновая, теленгиты вымѣниваютъ преимущественно предметы домашняго обихода, деревянныя издѣлія, каменныя чашки и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, для пресѣченія этого безпошлиннаго и потому „незаконнаго“ обмѣна, онгудайская таможня выставила въ долинѣ Чёльчи свой пикетъ, но чрезъ нѣсколько времени этотъ пикетъ былъ снятъ.

Распространеніе русской колонизаціи и болѣе близкое сосѣдство русскихъ произвели измѣненіе въ торговыхъ сношеніяхъ инородцевъ въ томъ смыслѣ, что вся торговля перешла въ руки русскихъ торговцевъ. Нынѣ торговлею съ Чолышманскими теленгитами всецѣло завладѣли Кебезенскіе торгующіе крестьяне и мѣщане, которые и держатъ ихъ въ своихъ рукахъ: непосредственная торговля съ Китаемъ прекратилась, а сношенія съ сойотами, хотя и происходятъ, но они уже не такъ оживленны, какъ прежде. Мы не будемъ описывать здѣсь всѣхъ тѣхъ пріемовъ и способовъ торговаго обмѣна, которыми пользуются русскіе и, которые давно уже возведены въ систему наглаго хищничества, и беззастѣнчивой эксплоатаціи, представляющую собою въ сущности объектъ уголовнаго законодательства, не будемъ потому, что эта торговля уже достаточно выяснена изслѣдователями, которые имѣли возможность ее наблюдать [1]. Въ сущности торговля сводится къ системѣ кредита, основанной на выжиманіи ростовщическихъ процентовъ. Здѣсь мы можемъ наблюдать соприкосновеніе или, правильнѣе сказать, борьбу двухъ совершенно различныхъ экономическихъ категорій, хозяйства денежнаго и хозяйства натуральнаго, борьбу системы товарнаго обмѣна съ обмѣномъ продуктовъ натурою. Существеннымъ признакомъ этого столкновенія является установленіе кредита съ высокимъ процентомъ, а затѣмъ принудительное взиманіе этихъ процентовъ, но не деньгами, которыхъ у инородцевъ нѣтъ, а

---

[1] См., напр., Ядринцевъ, Сибирскіе инородцы. СПБ, 1891, стр. 104 и слѣд.

путемъ отчужденія продуктовъ мѣстнаго хозяйства. Средствомъ же для установленія кредита, т. е. для установленія возможности принудительнаго отчужденія продуктовъ являются высокія ставки на всѣ привозные товары. Такъ или иначе, но потребности инородцевъ, правда, находящихся на невысокой ступени культурнаго развитія, растутъ, и они все болѣе и болѣе вовлекаются въ сферу торговаго обмѣна. Но это вступленіе въ сферу торговаго обмѣна чрезъ нѣсколько времени приводитъ къ задолженности и къ принудительному отчужденію продуктовъ ихъ хозяйства. Съ теченіемъ времени этихъ продуктовъ становится недостаточно, тогда отчужденіе распространяется уже на орудія производства, т. е. на землю, которая отчуждается косвеннымъ путемъ, т. е. при помощи замаскированной, фиктивной аренды, и на живой инвентарь, т. е. на скотъ, который отчуждается непосредственно. Такимъ образомъ происходитъ разложеніе хозяйства, оканчивающееся низведеніемъ хозяина на ступень пролетарія. Вся задача торговца заключается здѣсь въ томъ, чтобы внести въ торговыя сношенія съ инородцами элементъ принудительности для послѣднихъ и, если это достигнуто, то для торговца обезпечено распоряженіе имуществомъ кочевника. Съ этимъ признакомъ принудительности связано, какъ было уже указано выше, обезцѣненіе продуктовъ инородческаго хозяйства, ибо цѣнность продуктовъ устанавливаетъ уже одна сторона. А бороться съ высокой цѣной товаровъ инородецъ не можетъ, ибо здѣсь нѣтъ конкурренціи; торговцы монополизировали торговлю, раздѣливъ сферу вліянія каждаго или условившись предварительно въ товарныхъ цѣнахъ для всего района.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ происходитъ не что иное, какъ вторженіе капитала въ область натуральнаго хозяйства и разложеніе послѣдняго. Наблюдаемый нами здѣсь частный случай такого вторженія имѣетъ двѣ существенныя черты: принудительность обмѣна, т. е. установленіе кредита съ высокимъ процентомъ, и отчужденіе продуктовъ хозяйства инородца или его имущества подъ видомъ взиманія этихъ процентовъ.

Приведемъ нѣсколько цифръ, относящихся къ цѣнамъ на товары, привозимые русскими торговцами. По побережью Те-

лецкаго озера (аилъ—Яйлў, берегъ Пелэ) и на Чолышманѣ 1 фунтъ табаку (махорка), составляющаго для алтайскаго инородца предметъ первой необходимости, продается за 40—50 коп., 1 ф. пороха—за 1 рубль, топоръ продается за 1 р. 20 коп., аршинъ простого чернаго сукна (для верхней одежды, азямъ) отъ 1 р. 40 коп.; простая бумажная матерія отъ 60 коп., бязь 30 коп. Почти такія же цѣны указываетъ и Ядринцевъ для своего времени [1]. Такимъ образомъ, уже при уплатѣ за товары наличными деньгами торговецъ получаетъ прибыли 100% и болѣе.

Что же касается формъ кредита и размѣра процента, то этотъ вопросъ уже достаточно выясненъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, и мы считаемъ излишнимъ касаться его здѣсь. Должно, впрочемъ, замѣтить, что установить болѣе или менѣе точно размѣръ процента едва ли возможно, такъ какъ торговыя сдѣлки заключаются торговцами словеснымъ путемъ, держатся въ тайнѣ, уплата его производится продуктами хозяйства или скотомъ, поэтому лучше всего онъ учитывается по тѣмъ результатамъ, которые выражаются въ опустошеніи инородческаго хозяйства. Какъ намъ передавали, въ настоящее время задолженность Чолышманскихъ теленгитовъ уже всеобщая, а мѣстами указывали на отдѣльныя хозяйства, долги которыхъ въ общей сложности на каждую юрту составляютъ свыше 100 рублей.

Итакъ, сводя все изложенное выше объ экономическомъ положеніи Чолышманскихъ теленгитовъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Три главныхъ фактора являются въ Чолышманской долинѣ опредѣляющими экономическій бытъ мѣстнаго населенія: отношенія между монастыремъ и населеніемъ, система податного обложенія и способъ торговаго обмѣна. Первый факторъ вы-

---

[1] Купецъ покупаетъ орѣхи по 50—60 к. за пудовку; рыночная цѣна 1 р. 20 к.—1 р. 50 к., а въ неурожай до 2 р. 40 к.; бѣлка покупается за 3 коп., рыночная цѣна 15—20 к.; драдедамъ продаютъ по 3 руб. за аршинъ, рыночная цѣна 60—70 коп.; кумачъ по 35—40 коп., рыночн. цѣна—18 коп., бязь по 30—35 к., рыночн. ц.—9 коп.; простой табакъ 50 коп. ф., на рынкѣ—15 коп., порохъ до 3 р. ф. и т. д. (Отчетъ, стр. 42).

двинутъ собственно государственной церковью; но въ силу условій, которыя въ объясненіи не нуждаются, государственно-церковная организація пріобрѣла здѣсь экономическій характеръ, и въ этомъ измѣненномъ видѣ она должна разсматриваться какъ организація хозяйственная, пользующаяся наемнымъ трудомъ и усовершенствованными орудіями. Второй факторъ, податное обложеніе, выдвинутъ государствомъ. Основной признакъ его принудительность, вслѣдствіе чего, при наличности натуральнаго хозяйства, происходитъ обезцѣненіе хозяйственныхъ продуктовъ. Третій факторъ, торговый обмѣнъ, выдвинутъ мѣстной сельской буржуазіей, которая является здѣсь представительницей торговаго капитала. Основной признакъ обмѣна также принудительность, основанная на системѣ кредита, вслѣдствіе чего, при наличности здѣсь натуральнаго хозяйства, происходитъ обезцѣненіе продуктовъ, отчужденіе ихъ въ пользу капитала и отчужденіе остающихся орудій производства въ пользу того же капитала.

Всѣ указанные факторы свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вторженіемъ капитала въ сферу мѣстнаго натуральнаго хозяйства, т. е. съ процессомъ замѣны хозяйства натуральнаго хозяйствомъ денежнымъ. Такъ какъ изъ всѣхъ трехъ факторовъ два послѣдніе не принадлежатъ къ числу мѣстныхъ, наблюдаемыхъ только въ Чолышманской долинѣ, а распространяются на всю инородческую территорію Алтая, то специфическимъ признакомъ экономическаго быта Чолышманскихъ теленгитовъ слѣдуетъ признать первый факторъ: *вліяніе монастырско-хозяйственной организаціи*. Эта организація начала дѣло съ лишенія мѣстнаго населенія одного изъ орудій производства, земли, и продолжаетъ его при помощи аренды, отчуждающей въ пользу организаціи или продукты инородческаго хозяйства или, за недостаткомъ таковыхъ, остальную часть орудій производства, т. е. скотъ.

Конечнымъ результатомъ такого взаимодѣйствія является пролетаризація населенія, которой способствуютъ другіе, указанные выше факторы. Этотъ процессъ происходитъ здѣсь бы-

стрѣе, чѣмъ въ другихъ районахъ Алтая, на что указываетъ и высшій, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ края, процентъ лишенныхъ скота хозяйствъ и выселеніе части инородцевъ изъ долины.

Томскъ.

Декабрь 1907 г.

Два разсказа о шаманахъ [1].

Записала А. А. Кузнецова-Ярилова.

I. Однажды по Тубѣ [2] жилъ шаманъ Джалбакъ, а на Абаканѣ [3] у Крутого Лога (недалеко отъ Усть-Абаканской Управы [4])—шаманка. У этой шаманки было на умѣ соперничать и бороться съ другими шаманами. Какъ то разъ она увидала Джалбака пьянымъ, прилетѣла къ нему на Тубу и, превратившись въ муху, сѣла у трубы его юрты и наблюдала за тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Джалбакъ держалъ въ рукѣ чашку вина и говорилъ, что ощущаетъ духъ этой шаманки. Взглянувъ вверхъ, онъ выпилъ вино, шаманка же успѣла превратиться въ пылинку и опуститься въ чашку и, такимъ образомъ, Джалбакъ вмѣстѣ съ виномъ проглотилъ и ее. Осушивъ чашку, онъ сразу же понялъ, что̀ случилось и ударилъ себя въ грудь: «Что я сдѣлалъ! Вѣдь я проглотилъ эту су̀ку»! Тогда Джалбакъ попросилъ подать ему бубенъ и началъ призывать своихъ духовъ. Но они не могли попасть къ нему, такъ какъ шаманка заранѣе уставила всю юрту своими. Сама же она крутила у него внутри сердце. Наконецъ одному изъ духовъ, который помогалъ ему держать бубенъ, удалось изъ подъ низа юрты пробиться сквозь цѣпь духовъ ша-

[1] Записаны со словъ Тархов-Троякова, старика качинца, лѣтъ 70-ти. Мать разсказчика была шаманка, звали ее Опросинья (Евфросинія), по отцу Чокра̀. Отецъ ея, по имени Барбай, былъ некрещеный. Т. Трояковъ называетъ свои разсказы—разсказами «изъ бытно̀сти».

[2] Притокъ р. Енисея съ правой стороны.

[3] Притокъ р. Енисея съ лѣвой стороны.

[4] Инородческое селеніе абаканскаго вѣдомства, расположенное близъ впаденія р. Абакана въ р. Енисей.

манки и вмѣстѣ съ шаманомъ ухватиться за бубенъ; вслѣдъ за нимъ ворвались и остальные. Джалбакъ ударилъ себя бубномъ по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись въ голубого горностая. Тогда Джалбакъ погналъ ее внизъ по Тубѣ. Вбѣжалъ онъ на большую гору и видитъ: на островѣ подъ горой какой то человѣкъ собирается рѣзать украденную овцу, а за ту овцу спряталась шаманка. «Отойди отъ овцы! закричалъ ему Джалбакъ. Около тебя спряталась шаманка, хочу застрѣлить ее»! Эти же слова онъ повторилъ и въ другой разъ, но тому человѣку ничего не видно, а слышится одинъ лишь голосъ. Въ третій разъ закричалъ ему Джалбакъ грознымъ голосомъ: «Отойди поскорѣй! Если не уберешься, то и тебя прострѣлю вмѣстѣ съ нею»! Тогда человѣкъ отъ испуга бросилъ и овцу, и ножъ, и спрятался въ кустахъ. Черезъ нѣкоторое время тотъ же голосъ сказалъ ему: «Теперь не бойся! она ушла отъ овцы. Я—шаманъ и гоню шаманку». Посмотрѣлъ человѣкъ вокругъ себя, никого не видно, но словно кто пронесся по воздуху. Шаманка превратилась въ щуку и нырнула въ воду, Джалбакъ же превратился въ ворона и полетѣлъ надъ водой. А шаманка держится подъ водою, боится вылѣзти, чтобы ее не поймали. Изъ Тубы она выплыла въ Енисей, изъ Енисея вошла въ Абаканъ, плыветъ домой, Джалбакъ все не отстаетъ. Дальше ей и дѣваться некуда, пришла она къ себѣ уже въ человѣческомъ видѣ и говоритъ ему: «На, бери»! Была у нея единственная дочь и вмѣсто себя она отдала Джалбаку душу этой дочери. Онъ взялъ ее и вернулся на Тубу. Дочь же шаманки умерла.

II. Въ 60 г.г., по рѣкѣ Бѣлому Іюсу [1] жилъ знаменитый Шаманъ. Звали его Суррас, по фамиліи Тачеевъ. Вздумалъ онъ однажды перекочевать въ Урянхайскую землю [2]; потому-ли,

[1] Р. Бѣлый Іюсъ при сліяніи своемъ съ р. Чернымъ Іюсомъ образуетъ притокъ Енисея р. Чулымъ.

[2] Территорія приблизительно въ 200,000 кв. верстъ, расположенная на югъ за Саянскимъ хребтомъ и находящаяся въ пользованіи народца, называемаго сойотами, а также урянхайцами, откуда и получила свое названіе.

что онъ самъ предвидѣлъ, или же по предсказаніямъ бывшихъ до него шамановъ ожидалъ, что въ ихъ страну придетъ изъ другихъ земель множество разноплеменнаго народа. Эти люди должны были носить круглыя шапки, лыковые лапти и съ ними должны были появиться разныя болѣзни. И стали говорить тогда, что для изгнанія ихъ не хватитъ шамановъ; и если даже во всѣхъ улусахъ будутъ шаманить, то и тогда шаманы будутъ безсильны прогнать ихъ обратно.

Вотъ и вздумалъ этотъ шаманъ шаманить, чтобы сперва увидать Урянхайскую землю, а потомъ перекочевать въ нее. Побывавъ во время совершенія обряда въ той землѣ, шаманъ по возвращеніи встрѣтилъ на степи за Абаканомъ исхудавшую, еле замѣтную душу (*сюнёзы*) [1] человѣческую. Ударомъ орбы́ [2] онъ

---

[1] По воззрѣніямъ инородцевъ (со словъ качинцевъ Н. И. Окунева и И. С. Доможакова), когда человѣкъ умираетъ, изъ него исчезаетъ душа, называемая *тыны́*. Когда на третій вечеръ послѣ похоронъ дѣлаются поминки по умершему, то душа его называется уже не *тыны́*, а *сюнёзы*. *Тыны́*—это просто человѣческая душа, *сюнёзы*—это уже душа умершаго, духъ, «парящій въ загробной жизни», (У Н. Ѳ. Катанова, см. его «Отчетъ по поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сент. 1896 г. въ Минусинскій округъ Енис. губ.», въ повѣрьяхъ бельтиръ и койбалъ душа человѣка, который скоро умретъ и душа уже умершаго человѣка носятъ названіе *сӳрӓнӓзі̥* и *сӳнӓзі̥*; стр. 53 и 72). Кромѣ этой души, у каждаго человѣка есть еще так. наз. *джулáзы*—нѣчто отдѣльное отъ души существующее помимо нея, такъ какъ при жизни человѣка душа находится при немъ, а *джулáзы* иногда можетъ отдѣлиться отъ тѣла; такъ напр. она теряется у больныхъ, у спящихъ, у испугавшагося ребенка. У дѣтей *джулáзы* носитъ названіе *куду́*. Въ случаѣ исчезновенія *джулáзы* или *куду́* [*куду́ джогл* (нѣтъ), *джулáзы джогл* говорятъ тогда инородцы], приглашается шаманъ и на его обязанности лежитъ отыскать, гдѣ онѣ находятся. Если заболѣетъ взрослый человѣкъ, шаманъ говоритъ, что онъ утерялъ *джулáзы*. Иногда это бываетъ не только съ больнымъ, но также и со здоровымъ во время сна. Если человѣкъ испугается во снѣ, а *джулáзы* въ это время находится въ отлучкѣ, то не можетъ уже сразу вернуться въ тѣло, и шаманъ долженъ ее отыскать. Человѣку дѣлается тогда какъ-то не по себѣ, иногда онъ заболѣваетъ. Въ такомъ случаѣ онъ обращается къ шаману, говоря: «Мнѣ что-то тяжело, я самъ не свой»! Пока человѣкъ снова не заснетъ, *джулáзы* не можетъ вернуться въ тѣло.

Въ разсказѣ Т. Троякова душа тяжело больного человѣка носитъ названіе *сюнёзы*.

[2] *Орбá* или *самнах* (ложка) — деревянная или костяная колотушка для бубна, въ видѣ лопатки овальной формы или плоской ложки, обтянутой козлиной или лосиной кожей; къ короткой ручкѣ ея привязывается

прикрѣпилъ ее къ своему бубну и началъ высматривать—откуда взялась она. Окинулъ взглядомъ все теченіе Абакана и не нашелъ, чья эта заблудившаяся душа. Тогда онъ понесъ ее дальше и, наконецъ, нашелъ, уже въ Кизыльской землѣ [1], человѣка, которому она принадлежала. Человѣкъ этотъ былъ боленъ цѣлыхъ три года и лежалъ еле живой. Шаманъ вытрясъ *сюнёзы* изъ бубна и больной выздоровѣлъ, но не зналъ причины своего выздоровленія. Шаманъ же въ своей мѣстности разсказалъ про это своимъ ближнимъ. Такимъ образомъ узнали благодаря чему тотъ человѣкъ выздоровѣлъ. И стали вѣрить шаману, что онъ дѣйствительно настоящій шаманъ.

СПБ. Февраль 1907 г.

пучокъ разноцвѣтныхъ, нарѣзанныхъ въ видѣ лентъ лоскутьевъ. Часто встрѣчается *орба́* въ видѣ простой деревянной развилки, обтянутой заячьимъ мѣхомъ. Отдѣльно отъ бубна *орба́* употребляется шаманами для гаданія; иногда шаманятъ и ею одною безъ бубна (По словамъ упомянутаго уже Н. П. Окунева, одна шаманка сперва шаманила бубномъ, потомъ, выйдя замужъ, почему то перемѣнила его на *орба́*).

[1] Территорія іюсскихъ степей (въ ачинскомъ уѣздѣ Енисейской губ.) смежная съ землями качинцевъ и заселенная родственнымъ имъ тюркскимъ народцемъ—кизыльцами.

Изъ преданій о жизни якутовъ до встрѣчи ихъ съ русскими [1].

Перевелъ Э. К. Пекарскій.

Среди бурятъ Омогой, сынъ Каяранга, отличался большимъ умомъ и тяжелымъ, упрямымъ нравомъ. У него было три жены, четверо сыновей, двѣ дочери и много невѣстокъ. Враждуя и ссорясь со своими сородовичами, онъ сталъ думать о томъ, что хорошо было бы найти подходящее мѣсто въ какой-нибудь отдаленной землѣ и поселиться тамъ. И вотъ, посовѣтовавшись съ друзьями-сородовичами и домочадцами, онъ склонилъ ихъ на

[1] Настоящая статья представляетъ собою буквальный переводъ разсказа, записаннаго въ 1893 году якутомъ Баягантайскаго улуса Пантелеймономъ Егоровичемъ Готовцевымъ.

Якутскій текстъ этого разсказа, транскрибированный мною, напечатанъ въ приложеніи къ статьѣ акад. В. В. Радлова: Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen (Mémoires de l'Académie 1908, t. VIII, № 7).

Считаю не лишнимъ указать здѣсь главнѣйшія сочиненія, въ коихъ приведены легенды о происхожденіи якутовъ и нѣкоторыя данныя о ихъ прошлой жизни.

Щукинъ, Н. Поѣздка въ Якутскъ. Изд. 2. Спб. 1844.

Миддендорфъ, А. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Часть II, Отд. VI. Спб. 1878.

Маакъ, Р. Вилюйскій округъ Якутской области. Часть III. Спб. 1887. 4°.

Приклонскій, В. Л. Три года въ Якутской области. Этнографическіе очерки («Живая Старина». 1890. Выпускъ II).

Худяковъ, И. А. Верхоянскій сборникъ. (Зап. Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи. Т. I, вып. 3). Иркутскъ, 1890.

свою сторону, и они бѣжали, не зная даже, куда именно они направляются, угоняя съ собою свой скотъ. Идя такимъ образомъ, набрели они на большую рѣку (Лену), по теченію которой пошли дальше. Во время этого путешествія потеряли свои тогдашнія ученыя письмена.

— «Довольно далеко зашли мы, это—отличное мѣсто»—сказали они и основались, назвавши находившееся тамъ небольшое озеро именемъ Сайсары.

Живя въ этомъ мѣстѣ, начальникомъ-главою своимъ имѣли одного только Омогоя-богатаго-господина.

Въ то время, когда Омогой, отдѣлившись отъ своихъ сородовичей, пришелъ сюда, на родинѣ остался его младшій братъ по имени Эллей. Этотъ послѣдній, по мѣрѣ того какъ росъ, обнаруживалъ характеръ Омогоя: также враждуя съ сородовичами, онъ пустился въ путь одинъ, безъ опредѣленной цѣли, куда глаза глядятъ.

Отошедши далеко, онъ нашелъ старое огнище—мѣсто, гдѣ когда-то разводился огонь. Подумалъ: «если этимъ путемъ направились люди прежде, то и я пойду той же дорогой». Идя такимъ образомъ, нашелъ большую рѣку (Лену), по которой пришелъ къ Омогою-богатому-господину.

Находясь тамъ, Эллей надумалъ выбрать себѣ въ жены одну изъ двухъ дочерей Омогоя; спрятавшись, сталъ наблюдать, какъ мочатся обѣ дѣвушки, и замѣтилъ. что младшая дочь мочится съ пѣною, а старшая — безъ пѣны; лицомъ младшая дурна старшая—красива. Вотъ Эллей такъ разсуждаетъ: та, у которой

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Томъ I. Спб. 1896.

(Пекарскій, Э. К. и Осмоловскій, Г. Ф.). Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ (статья безъ подписи въ «Памятной Книжкѣ Якутской области на 1896 г.» Якутскъ, 1896). По поводу этой статьи см. статью В. С. Е.: «Якутскій родъ» (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XXVI, №№ 4—5, 1895. Иркутскъ, 1896).

Овчинниковъ, М. Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ. I. Легенды, сказки, преданія. Этногр. Обозрѣніе 1897 г., № 3 (кн. XXXIV).

Кочневъ, Д. А. Очерки юридическаго быта якутовъ. Казань, 1899.

Трощанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Казань. 1902. Стр. IV+185+13+II (отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета»). *Э. П.*

моча съ пѣною, будетъ дѣтной женщиной, а старшая будетъ бездѣтной. Поэтому проситъ у Омогоя младшую дочь, которую тотъ и даетъ Эллею въ жены. Впослѣдствіи, какъ и предположилъ Эллей, одна изъ нихъ оказалась дѣтною, а другая бездѣтною.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ народившіяся дѣти не умирали, равно и воспитанный скотъ не издыхалъ, такъ что на равнинѣ Сайсары жилось чрезвычайно счастливо. Какъ Омогой, такъ и Эллей очень разбогатѣли, а потомки ихъ становились первѣйшими людьми.

На рѣкѣ, въ долинѣ озерца Сайсары, жилъ очень богато, со множествомъ дѣтей обоего пола и небольшимъ числомъ родныхъ, глава тогдашняго народа Тыгынъ, сынъ Дархана. Въ другихъ мѣстахъ народу въ то время было мало, и нынѣшнія населенныя мѣста были промысловыми землями, гдѣ промышлялись: соболь, лисица, бѣлка, олень, лось, также медвѣдь. Узнавъ отъ промышленниковъ о хорошихъ мѣстахъ, нѣкоторая часть народа жила вразбросъ; притомъ, бѣдные люди и жили въ то время ради возможности промышлять.

Такимъ образомъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ живя-множась, совершенно забыли, откуда пришли, отъ какихъ народностей отдѣлились ихъ предки. По мѣрѣ размноженія населенія измѣнялась разговорная рѣчь, такъ что забыли даже, какимъ народомъ слѣдуетъ имъ именовать себя.

Въ то время очень уважали шамановъ, а также и боялись ихъ сильно, подобно тому какъ теперь почитаютъ духовенство. Когда шаманъ напѣвалъ: «люди *сах*-духа, помогите, спасите, сдѣлайте полезное! будьте солнцемъ и луною!» и затѣмъ, пошаманивши, разсказывалъ, что *сах*-духъ бываетъ во всемъ полезенъ и спасителенъ, то тогдашній народъ всему этому вѣрилъ; оттого въ разговорной рѣчи часто употребляли поговорку: «*сах* знаетъ», — примѣрно, вмѣсто теперешняго выраженія: «Богъ знаетъ»; въ злого духа, котораго шаманы называютъ *сах*-омъ, тогда вѣровали, чтили его; говорили о себѣ: «мы *сах*-ово племя, а потому и имя нашего народа пусть будетъ *саха*», и стали такъ называться, повидимому, вслѣдствіе того, что позабыли прежнія названія своего племени.

Тѣмъ не менѣе тогдашніе якуты имѣли понятіе о богѣ, что явствуетъ изъ слѣдующаго. Назвавъ поименно: «*Ар Тојон, Ајы Тојон, Кÿн Кÿбäi Хотун, Џöсÿгäi аjы*», стоя-прося по своему разумѣнію, обратившись въ восточную сторону, молились (кланялись), нагибаясь до самой земли; соотвѣтственно этому теперь называютъ поименно: Царь Небесный, Іисусъ Христосъ, Богородица, Никола-Батюшка.

Тогдашніе якуты называли родныхъ братьевъ и сестеръ—*џуорту*; слово это теперь забыто, и потому мы говоримъ порусски: братъ [1]. Слово *џуорту* немногіе, вѣроятно, знаютъ, или, если кто и знаетъ, то, вѣроятно, даетъ иное толкованіе. Тогда эти вмѣстѣ родившіеся (родные) *џуортулар* [2] не вступали другъ съ другомъ въ супружество, говоря: «грѣхъ будетъ». Изъ дальняго рода богатый человѣкъ бралъ себѣ трехъ женъ за крупный калымъ, средняго состоянія человѣкъ—двухъ женъ, бѣдный человѣкъ—одну жену. Сильный человѣкъ—тотъ, убивши мужа красивой женщины, бралъ ее вмѣстѣ съ богатствомъ. Обычай многоженства объясняется желаніемъ, чтобы родилось много дѣтей, и если помрутъ однѣ, то чтобы можно было замѣнить ихъ другими, уцѣлѣвшими женами, и такъ безпрерывно.

Далѣе, у тогдашнихъ людей былъ такой обычай: если отецъ или мать, сильно состарившись, впадали въ дѣтство, то имъ впихивали въ ротъ толстую и жирную лошадиную кишку (*харта*), чтобъ не могли произнести слòва, и затѣмъ выполняли всѣ похоронные обряды. Самымъ первымъ кушаньемъ считалась тогда водяная крыса, а также послѣдъ [3] отелившейся коровы или ожеребившейся кобылы; надѣвъ лучшія одежды, катались

---

[1] Заимствованное отъ русскихъ слово *братъ* употребляется безразлично и для обозначенія сестры. *Э. П.*

[2] Множественное число отъ *џуорту*. *Э. П.*

[3] Здѣсь мы видимъ подтвержденіе справедливости разсказа Гмелина о томъ, что у якутовъ существовалъ обычай ѣсть послѣдъ. Между тѣмъ, г. Кочневъ (стр. 4), приведя это сообщеніе Гмелина, въ пересказѣ доктора А. К. Бѣлиловскаго, прибавляетъ отъ себя: «Здѣсь я могу только поставить рядъ???!!! Ничего подобнаго». Г. Кочневъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, *женскій* послѣдъ, тогда какъ изъ сообщенія Гмелина—по крайней мѣрѣ, въ передачѣ г. Бѣлиловскаго—этого вовсе не слѣдуетъ. *Э. П.*

по послѣду и причитали: «*Џӧсӱгӓі аjы* [1] далъ несомнѣнно! И впередъ продолжай давать намъ!» Послѣ этого, приплодъ коннаго и рогатаго скота не долженъ издыхать, — такъ полагали тогда, говорятъ.

И обыкновенные люди, не шаманы, умѣютъ произносить заклинанія: заклинаютъ-славословятъ по прибытіи новой невѣстки, по рожденіи ребенка, во время *ысыах*'овъ (кумысныхъ праздниковъ), о скотѣ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда упромыслятъ (звѣря) или когда испугаются раскатовъ грома.

Примѣнительно къ теперешнимъ порядкамъ, роль улусныхъ головъ тогда исполняли самые богатые люди, а роль наслежныхъ старостъ—самые сильные люди; если они становились по отношенію къ кому-либо во враждебныя отношенія или если подвергался обидѣ кто-либо изъ ихъ друзей, то виновныхъ, вмѣсто суда, убивали или силою отнимали у него все, что только имъ нравилось. Сильный, но бѣдный человѣкъ, ради собственной выгоды, слушался и даже исполнялъ порученія богатыхъ людей; слабосильный человѣкъ сплошь жилъ въ страхѣ и раболѣпствѣ и, лишь подъ угрозою смерти, вступалъ въ борьбу даже съ богатыми и сильными.

Тогдашніе богатые люди, взявъ подъ себя трехъ верховыхъ лошадей, надѣвши бѣлую даху [2], держа въ рукахъ бѣлый деревянный шестъ, гнали куда-нибудь далеко девять конныхъ скотинъ съ тѣмъ, чтобы и самимъ ихъ уже не брать. Это называлось: угонять скотъ въ жертву (*кыīдā*); очень богатые люди дѣлали это три раза, люди средняго достатка—два раза и малосостоятельные—одинъ разъ. Такіе люди славились, подобно тому, какъ теперь дѣлаются извѣстными люди, получившіе много наградъ. Подражая имъ, даже бѣдные люди, изъ чувства хвастовства, угоняли въ жертву свой скотъ, и бывало немало такихъ, у которыхъ скотъ кончался, и сами они шли по міру.

Вначалѣ, когда только нашли мѣстность Сайсары, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и кузнецовъ было мало, — примѣрно,

---

[1] Духъ, посылающій съ неба любимымъ людямъ конный скотъ. *Э. П.*

[2] Шуба мѣхомъ наружу. *Э. П.*

одинъ-два. Мастерство не переходило отъ одного человѣка къ другому, и число мастеровъ не увеличивалось; такимъ образомъ, у однихъ, по мѣрѣ ихъ размноженія—орудій не хватало, а у другихъ они поломались; изготовляя сами для себя топоры, косы и другія орудія изъ рога, кости и камня, едва удовлетворяли своимъ потребностямъ, благо были людьми сильными. Первый силачъ и самый ловкій человѣкъ, исходивши пѣшкомъ пятидесятиверстное разстояніе, упромысливши сорокъ зайцевъ, закинувши ихъ за плечи, а вмѣстѣ съ ними лукъ и десять самострѣловъ на зайцевъ, возвращался въ тотъ же день къ своему жилищу. Что касается работы, то главною было кошеніе сѣна, какъ ни мало его требовалось тогда; повидимому, тогдашнія лѣто и зима были равны по продолжительности, но въ иной годъ зима была дольше обыкновеннаго, запасъ сѣна истощался и скотъ погибалъ; такимъ путемъ количество скота уменьшалось, или и вовсе скотъ переводился.

Однажды очень извѣстный у нихъ шаманъ, провидя, говоритъ:

— «Обличьемъ отличные отъ насъ люди,—съ глубоко впавшими глазами, съ высокими носами, съ волосатою нижнею частью лица, въ узкой, едва достаточной для корпуса, одеждѣ,—идутъ къ намъ въ большомъ числѣ. Настаетъ безвыходное бѣдствіе, неотвратимая напасть!»

Находившіеся тамъ люди, собравшись, учинили совѣтъ; богачи молятъ-просятъ шамана, даютъ ему плату, чтобы только онъ не приводилъ тѣхъ людей:

— «Гони ихъ назадъ, шаманъ!»

Въ виду этого, шаманъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, безъ перерыва, шаманитъ, а затѣмъ—со словами: «не могъ я справиться!»—перестаетъ.

— «Тщетно пытался я заставить духовъ засыпать рѣку пескомъ, чтобы пріостановить ея теченіе; едва засыплютъ они рѣку до половины, какъ тотчасъ же является блуждающая душа (*ӱӧр*) въ образѣ страшно сильнаго и свирѣпаго человѣка, подобнаго провидѣннымъ мною людямъ, и разоряетъ сдѣланное сооруженіе. Такимъ образомъ, впослѣдствіи когда-нибудь быть бѣдѣ, не миновать ея!»

Сказавъ это, заплакавъ отъ огорченія, шаманъ прекратилъ камланье. Тогдашній народъ, позабывъ объ этомъ, продолжалъ жить попрежнему въ теченіе сколькихъ-то лѣтъ.

Среди якутовъ не было столь умнаго и столь богатаго человѣка, какъ Тыгынъ; поэтому, только у него была большая юрта. Разъ какъ-то вошли неизвѣстно откуда пришедшіе два человѣка такого вида: глаза—глубоко сидящіе, синіе, носы—высокіе, острые, лица—обросшія волосами, головы острижены, одежда—тѣсная, сжимающая подобно водоросли. Разговорной рѣчи они не понимали, а объяснялись посредствомъ движеній рукъ и путемъ догадокъ. Прожили они въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ: по собственной мысли (иниціативѣ) помогали въ работѣ и вообще оказались очень трудолюбивыми и порядочными людьми. Пришедши лѣтомъ, остались на зиму. Какъ-то разъ Тыгынова старуха говоритъ:

— «Вотъ отыскали насъ, повидимому, страшные люди; когда я отношу имъ въ кубкѣ кумысъ, то расплескиваю его, такъ какъ у меня появляется дрожь во всемъ тѣлѣ; это должно значить, что въ будущемъ потомки этихъ людей сдѣлаются главарями и господами якутскихъ родовъ (аймаковъ). А когда я всматриваюсь въ нихъ и вижу, что у нихъ предплечія и голени покрыты волосами, то я изъ этого заключаю, что они, повидимому, принадлежатъ къ очень многочисленному племени. Старикъ! Ты этихъ людей непремѣнно вели умертвить!»

На это Тыгынъ-старикъ говоритъ:

— «Полно, старуха! Пока съ ихъ стороны никакого худа не видно, то предавать ихъ смерти грѣшно будетъ, и Бѣлый Господь Создатель накажетъ насъ. Притомъ, кстати сказать, и польза, приносимая ихъ работой, много значитъ».

На этомъ основаніи Тыгынъ не соглашается послѣдовать совѣту жены.

Эти новые пришельцы, разговаривая между собою, постоянно, какъ слышалось якутамъ, говорили: «лутче—лутче» [1], почему якуты и стали называть ихъ: «*нӯтча*». А пришельцы изъ якутскихъ словъ уразумѣли: «*ҷä куот*» (ну, бѣги) или «*ҷä куотта*»

[1] Т. е. «лучше—лучше». *Э. П.*

(убѣжалъ, наконецъ), почему слово «якуты»[2] для нихъ стало названіемъ нашего племени.

Пришельцы жили въ теченіе двухъ лѣтъ, ничего не беря (за работу), и тѣмъ очень понравились. Разъ весною они попросили дать имъ двѣ бычьи шкуры. Тыгынъ далъ. Взявъ шкуры и разостлавъ на землѣ, они, видимо, просили себѣ ту землю. Предполагая, что они что-то затѣяли дѣлать, и желая увидать, что они станутъ дѣлать, Тыгынъ сказалъ:

— «Ну, возьмите!»

Обѣ бычьи шкуры русскіе разрѣзали на два ремня, тонкіе, какъ нитка, лишь бы только они не перервались, обтянули этими кожаными нитями поле и, отмѣтивъ границу вколоченными кольями, якобы сказали:

— «Пусть стоятъ!»

— «Ну, пусть!»—сказали якуты и не обратили на это никакого вниманія.

Въ то же лѣто оба русскіе изчезли.

Кое-кто изъ людей тогда же сообщили Тыгыну:

— «А вѣдь оба русскіе уплыли на югъ—чудной народъ!»

Скоро, однако, якуты объ этомъ забыли, а колья, которые вколочены были русскими, продолжали стоять: якуты не могли понять ихъ назначенія и потому не убирали.

На третій годъ, когда начала уже зеленѣть растительность, однажды утромъ обнаружились никогда невиданныя прежде зданія, построенныя изъ горизонтально положенныхъ бревенъ, высокія и низкія, которыя заполнили поле. Какъ внутри, такъ и снаружи, на томъ полѣ, на которомъ ранѣе были вколочены колья, ходило много, словно весенніе комары, людей, совершенно похожихъ на ушедшихъ русскихъ. Увидѣвъ это, якуты испугались и стали между собою совѣщаться. Порѣшили на томъ, чтобы перебить этихъ новыхъ пришельцевъ. Затѣмъ, собравшись, стали издали стрѣлять изъ якутскихъ луковъ, нисколько не при-

[2] Слово «якутъ» произносится якутами: *џокӯт*, которое только въ звуковомъ отношеніи сходно со словами *џй куот*, не имѣя съ ними никакого этимологическаго родства. *Э. П.*

ближаясь къ застроенному тѣми зданіями мѣсту и находясь подъ прикрытіемъ ближайшей сопки. Стрѣлы достигали зданія, падали, а изъ русскихъ ни одинъ не умиралъ. Якуты же, съ своей стороны, слышали громкій звукъ, словно человѣкъ п...нулъ, и отъ этого звука якуты падали мертвыми. По этому поводу высказывали другъ другу удивленіе:

— «Чудеса, чортъ возьми! Стоитъ русскому п...нуть—и каждый разъ мы обязательно падаемъ мертвыми».

У Тыгына былъ сынъ, «*Чāл-бас*» [1] по имени, человѣкъ очень сильный и съ умной головою. Онъ и говоритъ:

— «На мой взглядъ, послѣ каждаго звука, прилетаетъ что-то въ родѣ ягоды, пронизываетъ человѣка насквозь, оттого и умираютъ».

Самъ *Чāл-бас* ту ягоду отбиваетъ шапкой наотмашь, поэтому онъ не умираетъ. Не будучи въ силахъ продолжать борьбу, сидятъ въ теченіе сколькихъ-то сутокъ. А русскіе около своихъ домовъ разбрасывали разныя сладости, а также бѣлые и синіе корольки; якутскія дѣти, понасбиравши ихъ, приносили своимъ родителямъ, которые, попробовавши сладостей, нашли ихъ очень вкусными, а корольки—очень красивыми. И вотъ нашлись неосмотрительные и прямо глупые и безразсудные взрослые люди, которые, собравшись во множествѣ, также пошли подбирать, а русскіе опустили сверху на столпившійся народъ длинную лиственницу и, такимъ образомъ, передавили-перебили его.

Въ виду этого, *Чāл-бас*, сильно огорченный и обиженный, схватилъ лукъ и пошелъ къ служившей прикрытіемъ сопкѣ; увидавъ въ амбразурѣ высокаго зданія показавшееся красное лицо человѣка, выстрѣлилъ; стрѣла попала въ самый глазъ, и, такимъ образомъ, умеръ самый почетный среди русскихъ человѣкъ. Послѣ этого, *Чāл-бас* побѣжалъ и, намѣреваясь опрокинуть зданіе русскихъ, плечомъ толкалъ-напиралъ, и зданіе закачалось-задвигалось, грозя обрушиться. Тогда *Чāл-бас*'а схватили и связали желѣзной веревкой (цѣпью), но онъ разорвалъ ее. Послѣ этого, русскій начальникъ велѣлъ держать *Чāл-бас*'а, а самъ, срамною своею частью касаясь *Чāл-бас*'ова носа, заставилъ ню-

---

[1] *Чāл-бас* значитъ: 1) большеголовый и 2) осетръ. *Э. П.*

хать. *Чāл-бас*, взвизгнувши по-конски, умеръ. Это значитъ, что онъ не могъ пережить чувства брезгливости отъ такой пакости. Когда у умершаго *Чāл-бас'*а отрѣзали голову и взвѣсили ее, то оказалось въ ней вѣсу полтора пуда. Всѣ тогдашніе якуты, кто только слышалъ о смерти *Чāл-бас'*а, будучи сильно тронуты, жалѣли-оплакивали его. Неизвѣстно, родится ли еще человѣкъ, подобный *Чāл-бас'*у; на бѣду отъ него не осталось потомства, и потому якутамъ предстоитъ все уменьшаться въ ростѣ, мельчать.

Будучи не въ силахъ бороться, не смѣя ни въ чемъ противорѣчить побѣдителямъ, лишившись самостоятельности, якуты совершенно покорились русскимъ. Самые отважные изъ якутовъ, уводя за собою другихъ, изъ робости и страха передъ русскими, поселились кто далеко, а кто и ближе и продолжали множиться. Имена первыхъ, лучшихъ людей теперешнихъ Восточно- и Западно-Кангаласскихъ улусовъ были: сыновья Тыгына, затѣмъ, такъ называемые, *Хаӈалас'*ы, вмѣстѣ съ другими родовичами, отъ которыхъ и произошли оба улуса. *Болотоі Оххон* [1] съ сыномъ *Мäӈä* и большимъ числомъ людей жилъ тамъ, гдѣ теперь Мегинскій улусъ. *Хаталамаі* [2] *Бäргäн* (мѣткій), у котораго былъ сынъ *Бāтыр* (витязь) и много людей, найдя для себя подходящее мѣсто, проживали въ теперешнемъ Ботурусскомъ улусѣ. Далѣе слѣдуетъ *Хордоі Хојоҕос*, у котораго былъ сынъ *Бороҕон* и также порядочно народа,—отъ нихъ произошли Борогонскій и Дюпсюнскій улусы. *Āн Äрäсä Ојӯн* (шаманъ), у котораго былъ сынъ *Нам* и немало народа, сталъ родоначальникомъ Намскаго улуса. *Ајы Таібыр*, вмѣстѣ съ сыномъ по имени *Бāі* (богатый) и небольшимъ числомъ людей, проживалъ въ облюбованной имъ мѣстности; впослѣдствіи, когда *Бāі* состарился, а отецъ его *Ајы Таібыр* умеръ, люди ихъ дали первому имя: *Бāі-аҕа* (богатый отецъ), и отсюда произошелъ Баягантайскій улусъ. На Вилюѣ, Колымѣ, Янѣ и Олекмѣ сошлись и размножились поуходившие

---

[1] По Приклонскому (Жив. Стар. 1890, вып. II, стр. 29)—Молотой-орхонъ. *Э. П.*

[2] Ср. у Приклонскаго (тамъ же): Хатанъ-хата-малай—родоначальникъ Намскаго улуса. *Э. П.*

изъ перечисленныхъ восьми улусовъ, образовавъ теперешніе Вилюйскій, Колымскій, Верхоянскій и Олекминскій округи. Потомъ народъ, добираясь отъ улуса къ улусу и отъ округа къ округу, сдружаясь между собою, оказывался все въ большемъ числѣ по каждой новой ревизской сказкѣ. Поуходившихъ тогда въ разныя мѣста якутовъ русскіе понаходили и въ теченіе двухъ поколѣній пріобщили ихъ къ православной вѣрѣ и обложили ясакомъ. Ознакомившись и свыкшись (съ новыми порядками), якуты нашли, что все это хорошо, и потому были признательны и рады. Только, говорятъ, на протяженіи всего этого времени якуты серчали и обижались на тѣхъ русскихъ, которые были причиною смерти *Ча̄л-бас'*а. Покойнаго *Ча̄л-бас'*а долго не забывали якуты и очень сильно жалѣли...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предки якутовъ того времени, когда они находились (жили) вмѣстѣ съ киргизами и бурятами:

1. *Öксӱсӱ*; его сынъ
2. *Мäјäрäм Сӱппӱ;* отъ него родился
3. *Хорохоі;* отъ него родился
4. *Аргын;* отъ него родился
5. *Ајал;* отъ него
6. *Öрöс Кӱöl-Џулџыгын;* его сынъ
7. *Тӱöртӱгӱl;* его сынъ
8. *Хајараӊ;* онъ родилъ двухъ сыновей; ихъ имена:

9 и 10. *Омоҕоі* и *Älliäi*.

Омоҕоі имѣлъ двухъ сыновей:

1. *А̄н-Äрäсä-Ојӯн;* его сынъ *Нам.*

2. *Тоҕосор Ӯс;* его сынъ *Ајы̄ Таiбы̄р*, а сынъ послѣдняго—*Ба̄і-аҕа.*

Älliäi имѣлъ четырехъ сыновей:

1. *Дäхсі Дархан;* у него было два сына: *Хаӊалас* и *Тыгын.*
2. *Болотоі Оххон;* его сынъ—*Мäӊä.*
3. *Хаталамаі Бÿргäн;* его сынъ—*Бāтыр.*
4. *Хордоі Хојоҕос;* его сынъ—*Бороҕон.*

СПБ. Октябрь 1907 г.

Б. Б. Барàдійнъ.

Цамъ Миларайбы.

(Изъ жизни въ Лавранѣ).

День 14 августа 1905 г. былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ дней моей 8-ми мѣсячной жизни въ Лавранѣ [1].

Сегодня 8-е число 7-го луннаго мѣсяца и день любимаго здѣшними посѣтителями народнаго театра: «Миларайби цам», или какъ его иначе называютъ: «Гомбо доржи цам».

Насталъ полдень и я отправился на площадь передъ главнымъ храмомъ. Здѣсь передъ храмовыми воротами, подъ открытымъ небомъ шли приготовленія къ театру. Посыпали небольшую круглую площадку желтымъ пескомъ и обвели ее бѣлой линіей—порошкомъ извести, чтобъ оградить площадку для сцены отъ зрителей.

Отъ воротъ храма до этой площадки была положена по землѣ настилка—по пути выхода актеровъ изъ внутри храмовой ограды. На балконѣ, надъ храмовыми воротами были устроены сидѣнія для почетной публики.

Вскорѣ раздались звуки религіозной музыки: прибылъ самъ владѣтельный гэгэнъ монастыря Жамян шадба со свитой и всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ на балконѣ. Жамян шадба сѣлъ на тронъ, по обѣимъ его сторонамъ сѣли: настоятель Лаврана и правитель дѣлъ гэгэна.

[1] Буддійскій монастырь въ сѣв.-восточной окраинѣ Амдо. См. мою статью въ Изв. И. Р. Г. О., т. XLIV, вып. 5. 1908 г.

Затѣмъ сидѣли по старшинству ближайшія къ гэгэну лица. Въ числѣ почетной публики изъ мірянъ, былъ здѣсь, между прочимъ, молодой тангутскій князь Зоргэ Хомбо,—женихъ красавицы—внучки гэгэна (по матери). Сидѣлъ еще одинъ халхасецъ-богомолецъ съ женой. Внизу у воротъ сидѣли знатнѣйшіе ламы—члены монастырскаго самоуправленія, гэгэны и именитые ученые Лаврана.

Къ этому времени со всѣхъ концовъ монастыря сталъ стекаться народъ и вскорѣ вся площадь передъ храмомъ была запружена народомъ, болѣе 1000 человѣкъ.

Изъ ламъ больше всего присутствовало молодежи. Тутъ было много и китайцевъ-торговцевъ и китайцевъ-мусульманъ изъ предмѣстья Лаврана Тава. Но бо̀льшую часть прiѣзжаго народа составляли воинственные тангуты, въ огромныхъ тулупахъ и конусообразныхъ шапкахъ съ боевыми мечами за поясомъ. Между ними много женщинъ и дѣтей, такъ какъ сегодня одинъ изъ немногихъ въ году дней, когда разрѣшается присутствіе женщинъ въ чертѣ Лаврана. Всѣ одѣты по праздничному. Особенно щегольски нарядились женщины изъ Тава̀, которыя, какъ можно было замѣтить, относились нѣсколько съ высока къ своимъ сестрамъ, прiѣхавшимъ изъ степей и съ горъ одѣтымъ весьма просто; послѣднія наивно дивились нарядамъ «горожанокъ».

«Представленіе» началось съ пляски двухъ замаскированныхъ синихъ львовъ. Затѣмъ вышли на сцену какія-то дѣти и человѣкъ съ оленьей маской и самъ Миларайба со своимъ ученикомъ Райчуномъ. Львы вскорѣ покинули сцену.

Ламы, изображавшіе Миларайбу и Райчуна, по внѣшности совсѣмъ не передавали вида того знаменитаго тибетскаго отшельника Миларайбы и его ученика Райчуна, какими мы ожидали бы ихъ видѣть—въ образѣ суровыхъ горныхъ отшельниковъ. Ничего подобнаго не было. Актеры были одѣты въ костюмы божественныхъ волхвовъ, — послѣдователей буддійской системы тантры, какъ ихъ обыкновенно представляютъ ламы въ религіозныхъ сценахъ,—въ халатахъ съ узорчатыми наплечниками и съ остроконечными шапками ванзай съ черной бахромой, прикрывающей лицо. Миларайба все время сидѣлъ неподвижно, а Райчунъ

вставалъ по временамъ съ мѣста и ходилъ по площади. Вдругъ изъ сосѣдняго монашескаго дворика вышли два старика огромнаго роста, въ маскахъ, и направились къ сценѣ, громко разговаривая между собой.

Вся публика встрѣтила ихъ появленіе непринужденнымъ, восторженнымъ крикомъ: «Гомбо доржэ! Гомбо доржэ!». Всѣ разступились передъ ними и пропустили ихъ къ площадкѣ сцены, которую тотчасъ же окружили просторнымъ кольцомъ. Старики на видъ были совершенно похожи другъ на друга. Они были одѣты въ куртки изъ звѣриныхъ шкуръ. У каждаго были лукъ и колчанъ со стрѣлами, а въ рукахъ они держали по дубинкѣ. Маски у нихъ были сдѣланы довольно искусно и изображали бородатыхъ добродушныхъ стариковъ, въ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ.

Оба старика, выйдя на сцену, поклонились сперва Миларайбѣ, а затѣмъ стали расхаживать взадъ и впередъ, то разговаривая между собой, то обращаясь къ публикѣ. Они были настоящими артистами: ходили спокойно и важно и говорили громко, со старческимъ медленнымъ акцентомъ. Къ сожалѣнію, я въ то время, за два мѣсяца моего пребыванія въ Лавранѣ, еще не успѣлъ хорошенько усвоить особенности здѣшняго тангутскаго нарѣчія, но все же между ихъ разговорами я уловилъ діалоги вродѣ слѣдующаго:

— «Ну, слыхалъ ты когда нибудь, что на свѣтѣ существуетъ такъ называемое лаимбрай[1]?!»

— «Нѣтъ! А что же это такое?»

— «А вотъ, примѣрно, кто нибудь совершилъ неправду, укралъ, солгалъ или обидѣлъ другого, но случись, что онъ хитро избѣгъ наказанія. Тогда что?—ты думаешь, что онъ такъ и навсегда останется безнаказаннымъ?—нѣтъ никогда: онъ все таки будетъ въ концѣ концовъ наказанъ злой судьбой. Вотъ это то и есть лаимбрай. Отъ него то никакой хитрецъ не можетъ скрыться, ему не будетъ отъ него житья, если не въ этой жизни то въ той».

— «А-а! тогда это хорошо! теперь начинаю понимать. Стало быть, и нашъ здѣшній NN (называетъ имя одного изъ состоящихъ

[1] Буддійскій нравственный законъ справедливости.

при гэгэнѣ лицъ, котораго лавранцы не долюбливаютъ за его продѣлки. Онъ сидѣлъ въ эту минуту на балконѣ, возлѣ своего покровителя—гэгэна) будетъ все таки потомъ наказанъ?»

— «Ха! ха! ха! еще бы!»

— «Это хорошо!»

Разговоры шли въ этомъ духѣ и публика слушала ихъ чрезвычайно внимательно и, серьезно и, видимо, въ этихъ разговорахъ было много остроты, комизма и сатиры, такъ какъ по временамъ публика выражала нескрываемый восторгъ и хохотъ, оживленное обсужденіе, критику.

Представленіе продолжалось до самаго заката солнца. Изъ зрителей первымъ покинулъ сцену Жамян шадба со свитой, а вслѣдъ за этимъ и вся публика начала расходиться въ разныя стороны, по домамъ.

Сюжетъ этого народнаго театра взятъ изъ жизни знаменитаго тибетскаго поэта, философа и отшельника, пѣвца буддизма Миларайбы, жившаго въ XI в. по Р. Х.

Оба старика играли роль древне-тибетскаго горнаго охотника Гомбо доржэ, современника Миларайбы. Роль же двухъ львовъ и мальчиковъ осталась для насъ недостаточно выясненной.

Въ прекрасномъ сборникѣ гимновъ Миларайбы, между прочимъ, описывается весьма трогательная сцена встрѣчи жестокаго охотника Гомбо доржэ съ Миларайбой.

Однажды Миларайба, сидя въ своей горной кельѣ, услышалъ необычайный для него шумъ извнѣ.

Вслѣдъ за этимъ стремглавъ однѣ за другими полетѣли мимо его кельи дикія козы, которыя кѣмъ-то были преслѣдуемы. Святой отшельникъ тотчасъ же направилъ свое благоволеніе на бѣдныхъ животныхъ, которыя послѣ этого быстро обернулись мордами къ его кельѣ и, довѣрчиво приблизившись къ отшельнику, прижались къ его ногамъ. За этимъ послышались шаги человѣка, который быстрой поступью приближался къ кельѣ; чрезъ минуту передъ отшельникомъ оказался свирѣпый охотникъ, въ одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, съ лукомъ и съ колчаномъ со стрѣлами.

Охотникъ былъ пораженъ неожиданнымъ видомъ страннаго человѣка съ пріютившимися у ногъ его дикими козами, которыхъ онъ только что преслѣдовалъ, и невольно вскрикнулъ:— «кто сидитъ передо мной, чортъ или человѣкъ, который захотѣлъ укрыть отъ меня моихъ козъ!»

Съ этими словами онъ тотчасъ же направилъ свои смертоносныя стрѣлы на святого отшельника. Тогда Миларайба, какъ и всегда, невозмутимо-спокойный и охваченный во всемъ своемъ существѣ безконечнымъ состраданіемъ, спѣлъ одинъ изъ знаменитыхъ своихъ гимновъ. Гимнъ Миларайбы до того растрогалъ сердце жестокаго охотника, что онъ выронилъ изъ рукъ свой натянутый лукъ со стрѣлой на землю и съ мольбой о прощеніи припалъ къ ногамъ отшельника. Онъ съ тѣхъ поръ сталъ горячимъ поклонникомъ Миларайбы.

Описанное здѣсь театральное представленіе, по словамъ лавранцевъ, было основано въ XVIII в. знаменитымъ здѣшнимъ ученымъ Гунтал дамби донмэ. Намъ говорили, что въ собраніи его сочиненій есть спеціальная литература объ этомъ театрѣ. Мы пока не успѣли найти эту литературу, въ привезенныхъ нами изъ Лаврана для библіотеки Азіатскаго музея Академіи Наукъ, собраніяхъ сочиненій упомянутаго ламы.

Основатель этого полународнаго полурелигіознаго театра имѣлъ въ виду вести борьбу путемъ общественнаго мнѣнія со злоупотребленіями и произволомъ сильныхъ міра сего въ мѣстной средѣ—вродѣ лицъ при дворахъ знатныхъ гэгэновъ и исполнительныхъ властей монастырскаго управленія. Съ тѣхъ поръ этотъ театръ въ Лавранѣ играетъ своеобразную и, кстати сказать, успѣшную роль публицистики.

Гомбо доржэ представленъ какъ типъ честнаго, благороднаго тибетскаго міряпина, устами котораго должны разоблачаться, передъ многочисленными зрителями изъ монаховъ, мірянъ и мірянокъ, всѣ темныя дѣла, творимыя въ теченіе года знатными лицами Лаврана, посредствомъ намековъ, сатирическихъ и комическихъ выходокъ и разсказовъ.

На роль Гомбо доржэ избираются на три года монастырскимъ собраніемъ особые люди (большей частью изъ простыхъ монаховъ), обладающіе даромъ рѣчи и артистическими наклонностями. Передъ каждымъ выступленіемъ на сцену «Гомбо доржэ» обязанъ дать клятву передъ статуей генія хранителя «гьудба амни» («дѣдъ» гьудскаго дацана—богъ «дорлэг»), что онъ будетъ справедливъ въ своихъ сужденіяхъ и ни въ коемъ случаѣ не войдетъ во искушеніе возможныхъ подкупителей его чести и справедливости.

СПБ., 25 февраля 1908 г.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Бѣлокурая раса въ Средней Азіи.

Поводомъ къ составленію этой статьи послужили читанные В. И. Анучинымъ въ Географическомъ обществѣ доклады объ енисейскихъ остякахъ, матеріаломъ же—по преимуществу данныя, которыми я уже пользовался при составленіи главы VIII т. II и главъ II и III т. III «Описанія путешествія въ Западный Китай». Въ этихъ главахъ литература вопроса о бѣлокурой расѣ Внутренней Азіи оказалась почти исчерпанной, такъ что новымъ въ настоящей статьѣ является лишь нѣсколько иная распланировка матеріала, дающая болѣе полное освѣщеніе затрагиваемому въ ней предмету и рельефнѣе выдѣляющая значеніе излагаемыхъ въ ней фактовъ. Подбирая эти послѣдніе, я однако не забывалъ, что исторія должна писаться ad narrandum non ad probandum.

«Можно считать доказаннымъ существованіе въ былыя времена въ Центральной и Сѣверной Азіи расы съ зелеными глазами и рыжими волосами. Но что же сталось съ ней?»
Топинаръ.

Поставленный Топинаромъ вопросъ еще очень мало разработанъ, и даже тому, что намъ въ этомъ отношеніи извѣстно, я могу дать, въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящей статьи, лишь самый поверхностный очеркъ. Тѣмъ не менѣе я все же попытаюсь, хотя бы въ общихъ чертахъ, нарисовать картину постепеннаго поглощенія монгольскимъ моремъ территоріи, первоначально занятой этой расой.

Раскопки кургановъ и могилъ показываютъ, что уже въ эпоху доисторическую въ долинѣ р. Селенги столкнулись два этническихъ антипода — крайняя короткоголовая (головной указатель—93,6) и крайняя длинноголовая (тотъ же указатель—68,4) расы [1]. Первая отличалась большой высотой черепного свода, необыкновенной шириной затылка и грубостью формъ какъ нижней челюсти, такъ и всѣхъ частей черепа, вторая — значительной вертикальной сплющенностью черепа, сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ и длиннымъ и плоскимъ теменемъ.

Но эти первобытныя расы, изъ коихъ вторая, можетъ быть, ближе всего подходила къ австралійской, съ теченіемъ времени исчезли, и имъ на смѣну въ той же области явилась новая народность поддлинноголоваго типа съ умѣренно-высокимъ черепнымъ сводомъ, умѣреннымъ лбомъ и небольшимъ затылкомъ. Но и эта народность не удержалась на Селенгѣ и, вѣроятно, въ началѣ нашей эры уступила свое мѣсто среднеголовому племени, отличавшемуся, при среднемъ ростѣ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, очень развитою мышечною системою и непропорціонально большой головой съ высокимъ черепнымъ сводомъ. Еще позднѣе здѣсь появился новый народъ подкороткоголоваго, судя по женскимъ черепамъ, даже короткоголоваго типа, съ узкимъ лбомъ и ясно выраженной у большинства платицефаліей. Наконецъ, въ VI вѣкѣ, а можетъ быть и раньше, въ той же области произошло новое перемѣщеніе этническихъ массъ, причемъ очевидное преобладаніе получили крайніе короткоголовые, отличавшіеся низкимъ ростомъ, малыми размѣрами черепа, узкимъ лбомъ и большинство — платицефаліей.

Такимъ образомъ въ западномъ Забайкальѣ и въ порубежной Монголіи обнаружился процессъ весьма послѣдовательнаго

[1] Матеріаломъ для послѣдующихъ строкъ служили, печатавшіеся въ Протоколахъ и Трудахъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императ. Русск. Географич. Общества, отчеты Талько-Грынцевича о произведенныхъ имъ въ западномъ Забайкальѣ раскопкахъ. Сводныя данныя результатовъ этихъ раскопокъ читатель найдетъ въ вып. 1 тома VIII означенныхъ «Трудовъ» (1905), а также въ статьѣ — Talko-Hryncewicz — «Materyały do paleoetnologii mogił Azyi Wschodniej», помѣщенной въ «Materyały antrop.-archeol. i etnograf. Akad. Umiejętnosci w Krakowie», III, Dz. 1.

вытѣсненія менѣе короткоголоваго элемента болѣе короткоголовымъ, что должно было происходить частью насильственнымъ, частью естественнымъ путемъ, при скрещиваніи.

Но куда же подъ напоромъ короткоголовыхъ отступили изъ долины р. Селенги племена длинноголоваго типа?

Раскопки могилъ въ предѣлахъ Алтайско-Саянскаго нагорья указываютъ намъ на эту горную область, какъ на продолжительную стоянку длинноголовыхъ. Сюда, надо думать, и должны были, главнымъ образомъ, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то послѣдующіе длинноголовые насельники этой области, принадлежавшіе, подобно длинноголовымъ алтайцамъ, къ высшей расѣ, можетъ быть, даже европейской, что доказывается какъ конформаціей ихъ череповъ, такъ и гипсовыми масками, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются замѣчательной красотой и чертами лица вполнѣ европейскими [2].

Но что же это была за раса, и какъ велики были предѣлы ея распространенія?

Для разрѣшенія этого вопроса мы должны оставить область палеоэтнологіи и обратиться къ исторіи.

Она знакомитъ насъ съ четырьмя племенами, населявшими Среднюю Азію внѣ китайской стѣны и имѣвшими голубые (зеленые) глаза и бѣлокурые (рыжіе) волосы, а именно: усунями [3],

---

[2] Адріановъ — «Доисторическія могилы въ окрестностяхъ Минусинска» въ «Извѣстіяхъ Импер. Русск. Географическаго Общества», 1883, вып. 3, стр. 250; Клеменцъ «Древности Минусинскаго музея», стр. 28—29 (см. также табл. XX атласа). На европейскій типъ лица енисейскихъ киргизъ указываетъ и легенда, записанная ок. 1050 года Гардизи (Бартольдъ — «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью», стр. 108), о происхожденіи киргизъ отъ славянъ.

[3] Сѣверное Прinаньшанье представляетъ узкій поясъ оазисовъ, вкрапленныхъ въ пустыню. Я считалъ поэтому недопустимой гипотезу о существованіи на этой территоріи бокъ о бокъ двухъ такихъ могущественныхъ племенъ, какъ усуни и юечжи («Описаніе путешествія въ Зап. Китай», III, стр. 27). Если бы еще, какъ допускалъ это Lassen («Alterthumskunde von India», III, стр. 368), кочевья юечжей проникали внутрь Наньшаньскаго нагорья, охватывая бассейнъ верховій Желтой рѣки! Но этого не было, ибо, если вѣрить Чжанъ-цян'ю, кочевья усуней и юечжи занимали область между Дунь-хуан'омъ и хр. Ци-лянь-шань (Shiratori — «Ueber den Wu-sun Stamm in Centralasien», въ «Keleti Szemle», 1902, III, стр. 103) и граничили на югѣ съ владѣніями жо-ця-

хагясами, динлинами и бома. Всего вѣроятнѣе, что усуни были народомъ смѣшаннаго происхожденія [4], о хагясахъ китайцы также передаютъ, что они «перемѣшались съ динлинами» [5], что же касается бома, то ихъ родство съ динлинами будетъ доказано ниже. Такимъ образомъ только этотъ послѣдній народъ и долженъ считаться носителемъ тѣхъ физическихъ признаковъ, которые

новъ (въ хр. Алтынъ-тагъ) и другихъ цянскихъ поколѣній (въ горныхъ долинахъ Нань-шан'я); послѣднее видно изъ слѣдующаго мѣста Хань-шу: «Die übrigen kleinen Leute, die zusammen nicht flüchten konnten, unterwarfen sich das Volk K'iang in dem Nan-schan». (Shiratori, op. cit., стр. 106). Вотъ почему я придалъ большее значеніе, чѣмъ оно того заслуживало, тому мѣсту «Си-ши-цзи», гдѣ говорится о мѣстности къ западу отъ Кара-корума, какъ древней усуньской землѣ (Bretschneider—«Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources», I, стр. 123). Замѣчаніе же О. Іакинѳа («Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», III, стр. 6), что Лаошанъ нанесъ пораженіе юечжамъ уже въ предѣлахъ Западнаго Туркестана, и приведенная тѣмъ же авторомъ выдержка изъ Шы-цзи объ убійствѣ усуньскаго гуньмо хуннами (op. cit, III, стр. 12) внесли такой хаосъ въ китайскія извѣстія объ усуняхъ и юечжи, что для того, чтобы согласовать ихъ, мнѣ пришлось пренебречь несоотвѣтствіемъ нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ. Согласно Шы-цзи (Іакинѳъ — op. cit., III, стр. 7) и поясненій о. Іакинѳа (тамъ же), бѣгство юечжи на западъ произошло за два съ небольшимъ столѣтія до Р. Хр., въ виду чего послѣдующія столкновенія съ ними хунновъ должны были происходить уже въ Притяньшаньѣ, чему не противорѣчило и письмо Модэ къ китайскому императору (Іакинѳъ, op. cit., I, стр. 23). А такъ какъ опубликованныя Іакинѳомъ выдержки изъ китайскихъ лѣтописей не говорятъ ни о кровавыхъ распряхъ, происходившихъ между юечжами и усунями въ долинѣ Булунцзира, ни о бунтахъ усуней, которые могли бы вызвать со стороны хунновъ такую мѣру, какъ убійство гуньмо, то выводъ къ которому я пришелъ, а именно, что шанью, убившій стараго гуньмо, а затѣмъ воспитавшій его сына и поручившій послѣднему «охрану границы при западной стѣнѣ», былъ Модэ, былъ логически правильнымъ, хотя и не вполнѣ согласовавшимся съ датой смерти (105 г. до Р. Хр.) этого второго гуньмо. Но вѣдь въ темную исторію усуней, написанную Чжанъцян'емъ со словъ хунновъ, могла и вкрасться такая ошибка, какъ отождествленіе гуньмо, приведшаго свой народъ къ оз. Иссыкъ-кулю, съ гуньмо, правившимъ этимъ народомъ въ чжанъ-цянево время! Нынѣ всѣ эти противорѣчія до извѣстной степени разсѣяны Ширатори (op. cit.).

[4] Аристовъ—«Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», стр. 121, а также «Живая Старина», 1894, вып. III и IV, стр. 459 и слѣд.; Shiratori, op. cit., стр. 135—140.

[5] Іакинѳъ, op. cit., I, 2, стр. 443.

сближаютъ рыжеволосую и длинноголовую расу Средней Азіи съ европейской.

О динлинахъ, какъ таковыхъ, китайцы даютъ намъ самыя скудныя свѣдѣнія, но въ «Бэй-шы» мы находимъ указаніе, что народное названіе красныхъ ди (чи-ди) было ди-ли [6], измѣнившееся въ динлинъ [7] по переходѣ ихъ въ концѣ IV вѣка по Р. Хр. на сѣверную сторону Гобійской пустыни [8], а это даетъ намъ возможность возстановить всю многовѣковую исторію этого народа и указать на тѣ остатки его, которые и поднесь сохранились еще во многихъ глухихъ уголкахъ Внутренней Азіи.

Указаніе «Бэй-шы» подтверждается и китайской надписью на орхонскомъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Кюль-тегина въ 732 году. Эта надпись гласитъ, что песчаная страна, граничащая съ Китаемъ, т. е. южная окраина Гоби, была родиной динлиновъ [9]. Но она же, согласно китайскимъ даннымъ, была родиной и дили, иначе чи-ди.

---

[6] Въ «Вэй-лё» говорится, однако, что сами себя ди называли хо-чжэ (Chavannes—«Les pays d'Occident d'après le Wei-lio» въ «T'oung-Pao», série II, v. VI, 1905, p. 522).

[7] Д. Позднѣевъ («Историческій очеркъ Уйгуровъ», стр. 11) пишетъ: «даже самое имя динлинъ звучитъ въ позднѣйшемъ (?) дили». См. также выше, стр. 8, гдѣ говорится: по Бэй-Вэйской исторіи динлины потомки чи-ди.

[8] Имя динлинъ хотя и появляется въ исторіи позднѣе чи-ди, но не въ IV вѣкѣ по Р. Хр., а въ концѣ III вѣка до Р. Хр. См. Іакинфъ, op. cit., I, 1, стр. 17.

[9] Shiratori («Die chinesische Inschrift auf dem Gedenkstein des K'üe-t'e-k'in am Orkhon», Tokio, 1899, стр. 6, прил.) переводитъ это мѣсто въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «In der Region der sandigen Grenzlande, in der Ting-ling Heimatland, erhoben sich kriegerische Helden unter euren früheren Königen». Той части надписи, которая насъ интересуетъ, Schlegel («La stèle funéraire du Teghin Giogh» въ «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», 1892, III, стр. 54) даетъ такой переводъ: «Dans la région de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling», etc., не сопровождая его какимъ-либо указаніемъ на былое мѣстонахожденіе страны Ша-сай. Васильевъ первоначально переводилъ ее такъ: «Im sandigen Nachbarreiche, im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling» («Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», 1895, стр. 168), но затѣмъ замѣнилъ этотъ переводъ менѣе опредѣленнымъ: «Въ заграничномъ песчаномъ царствѣ, родинѣ (народа) Динъ-линъ» («Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи», 1897, III, стр. 7).

Что динлины жили нѣкогда и къ югу отъ Гобійской пустыни, явствуетъ также изъ того, что населеніе области верховій Хуанъ-хэ (такъ называемые бай-лан'скіе цяны) вело свое происхожденіе отъ динлиновъ [10].

Засимъ имѣется указаніе, что и предками бома были дисцы. О бома, какъ одномъ изъ отдѣловъ ди, упоминаетъ уже Сыма-цянь [11]. Около 118 г. до Р. Хр. дисцы бома покорены были китайцами и изъ занятыхъ ими земель [12] образованъ былъ военный округъ Ву-ду-цзюнь [14]. Бома въ Ву-ду застали уже населеніе, состоявшее изъ дисцевъ поколѣнія ба (ба-ди), которые управлялись князьями изъ фамиліи Ли. Столицей этого княжества былъ городъ Лё-янъ. При князѣ Ли-тэ «ба-ди» овладѣли Лянь-чжоу и Чэнъ-ду-фу. Преемникъ Ли-тэ — Ли-сюнъ въ 306 г. по Р. Хр. провозгласилъ себя императоромъ. Но уже сорокъ лѣтъ спустя это царство пало [13], и на смѣну ему стало возвышаться царство дисцевъ «бо-ма». Этихъ бома въ отличіе отъ сѣверныхъ китайцы называли западными бома [15]. Долженъ оговориться, что іероглифы, коими писались названія этихъ племенъ, не одинаковы: въ первомъ случаѣ они означаютъ «бѣлая» [16], во второмъ — «пѣгая» лошадь [17]. Но когда идетъ рѣчь о китайской передачѣ иностранныхъ словъ, то нельзя придавать этому факту большого значенія; такъ, укажу, напримѣръ, на народное имя

---

[10] «Есть еще Байланскіе цяны, которыхъ туфанцы называютъ динлинами» (Іакинфъ—«Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 242).

[11] Chavannes — «Les pays d'Occident d'après le Wei-lio» въ «T'oung-Pao», II série, vol. VI, 1905, p. 528.

[12] Нынѣ уѣздъ Чэнъ-сянь области Цзѣ-чжоу, въ пров. Гань-су.

[13] Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 12 стр. 100. См. также Chavannes, ibid., стр. 521.

[14] Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 15—16; d'Hervey de Saint-Denys — «Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin», II, стр. 51—53.

[15] Pfizmaier — «Die Unternehmungen der früheren Han gegen die südwestlichen Fremdgebiete» въ «Sitzungsberichte d. Kais. Akad. d. Wissenschaften». Phil.-hist. Classe, B. 45, 1864, S. 297.

[16] Chavannes, ibid.; Ивановскій ibid., стр. 100.

[17] Schott — «Ueber die ächten Kirgisen» въ «Abhandlungen der phil.-hist. Klasse d. Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin», 1864, стр. 472; Chavannes — «Documents sur les Tou-kiue occidentaux» въ «Сборникѣ трудовъ орхонской экспедиціи», VI, 1903, стр. 29.

дубо (tupo), которое также писалось различными іероглифами [18]. Какъ бы то ни было, о другомъ государствѣ бома, находившемся къ сѣверу отъ Ву-ду, исторія не упоминаетъ [19]. Но если такъ, если сибирскіе [20] и ганьсуйскіе бома составляли части одного и того же народа, то это неоспоримо доказываетъ, что «динлинъ» и «ди» представляютъ лишь варьянты одного и того же племенного прозванія.

Ди принадлежали къ числу автохтоновъ Китая. Они составили даже ядро того народа, который въ 1122 году до Р. Хр. овладѣлъ всѣмъ Китаемъ, давъ ему династію Чжоу (1122—225). Объ этихъ чжоуцахъ у de Harlez'а говорится: «Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'étaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise. Ce dernier fait est attesté et par la couleur des cheveux de ce peuple qui est uniformément signalé comme étant de couleur rousse, et par les traditions chinoises soigneusement concervées [21] et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou» [22]. Къ этому слѣдуетъ добавить,

[18] Hirth—«Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk» въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», 2-te Folge, 1899, стр. 40; см. также Васильевъ—«Сборн. труд. орхон. эксп.», 1897, III, стр. 15.

[19] Ма-дуань-линь упоминаетъ однако объ одной вѣтви племени бо-ма, жившей къ западу отъ Шу (Чэнъ-ду-фу) и къ востоку отъ Жаньмань (Мао-чжоу). См. Ивановскій, ibid., стр. 93—94; Pfizmaier, ibid. Не княжество-ли это Бомп по р. Лань-цанъ-цзяну, о которомъ пишетъ Крейтнеръ («Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien, 1877—1880», I, стр. 290)? См. также Минчжулъ-хутукта—«Географія Тибета», стр. 41.

[20] Сѣверные бома были также извѣстны подъ именами би-цэ и о-лочжэ (ngo-lo-tche; ср. съ наименованіемъ нголокъ — народа, живущаго нынѣ въ верховьяхъ Хуанъ-хэ). См. Chavannes—«Documents sur les Tou-kiue occidentaux» въ «Сборн. труд. орх. эксп.», VI, 1903, стр. 29.

[21] Legge—«The Chinese classics», IV, стр. 484. (цит. по de Harlez).

[22] «Les religions de la Chine» въ «Le Muséon», 1891, X, стр. 158; «La nationalité du peuple de Tcheou» въ «Journal Asiatique», 8 série, 1892, XX, стр. 335—336. См. также Terrien de Lacouperie—«Les langues de la Chine avant les chinois» въ «Le Muséon», 1888, VII, стр. 215.

что инородцевъ яо-мяо китайцы считаютъ потомками чжоуцевъ [23] и что за такихъ же потомковъ выдаютъ себя и инородцы вони [24].

Мнѣ кажется, что всѣхъ этихъ свидѣтельствъ совершенно достаточно, чтобы считать доказаннымъ, что динлины, дили и ди китайскихъ лѣтописей были однимъ и тѣмъ же народомъ. Этотъ фактъ объясняетъ намъ также, почему современные китайцы въ большинствѣ являются мезоцефалами, а въ IV вѣкѣ, подобно хуннамъ, даже чертами лица значительно отличались отъ монгольскаго прототипа. Заключаю это изъ слѣдующихъ строкъ китайской лѣтописи: «Ши-минь издалъ повелѣніе предать смерти до единаго хунна въ государствѣ, и при семъ убійствѣ погибло множество китайцевъ съ возвышенными носами» [25]. «Возвышенные носы» указываютъ на то, что въ жилахъ хунновъ и китайцевъ того времени текла кровь той загадочной расы, къ которой принадлежали динлины и которую я склоненъ считать родственной европейской. Основатель династіи Хань (206 годъ до Р. Хр.) былъ также человѣкомъ не монгольскаго типа: «Гао-ди имѣлъ орлиный носъ, широкій лобъ и былъ одаренъ обширнымъ соображеніемъ», читаемъ мы о немъ въ «Ганъ-му» [26].

Вытѣсненіе динлиновъ изъ долины Желтой рѣки началось, вѣроятно, съ того момента, когда въ ней осѣли китайцы, но только въ Чжоускую эпоху борьба между автохтонами и пришельцами приняла рѣшительный характеръ.

Динлины имѣли сердца тигровъ и волковъ, говорятъ намъ китайцы, удивлявшіеся ихъ мужеству и воинской доблести. Изъ нихъ они набирали отряды тѣлохранителей, изъ нихъ же составляли всегда авангардъ своихъ войскъ. Когда императоръ Гао-цзу услышалъ одну изъ ихъ воинскихъ пѣсенъ, то воскликнулъ:

---

[23] Ивановскій, op. cit., I, 2, стр. 99.

[24] T'ang Tsai-fou—«Le mariage chez une tribu aborigène du Sud-Est du Yun-nan» въ «T'oung-Pao», série II, v. VI, 1905, passim.

[25] Іакинфъ — «Статистическое описаніе Китайской имперіи», II, стр. 74—75.

[26] Іакинфъ—«Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средн. Азіи въ древнія времена», I, стр. 19.

«Съ этой именно пѣснью Ву-ванъ (1122 до Р. Хр.) одержалъ свою побѣду!» и велѣлъ обучить ей музыкантовъ [27]. Хань-чжун'скій полководецъ Шанъ-цзи держалъ однажды слѣдующую рѣчь въ защиту ба-ди: «Ба-ди семи родовъ имѣютъ заслугу въ томъ, что убили бѣлаго тигра. Эти люди — храбры, воинственны и хорошо умѣютъ сражаться. Нѣкогда цяны, вступивъ въ округа и уѣзды Хань-чуань, разрушили ихъ. Тогда намъ на помощь явились ба-ди, и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому баньшунскіе мани и были прозваны «божественнымъ войскомъ». Цяны почувствовали страхъ и передали другимъ родамъ, чтобы они не двигались на югъ. Когда же впослѣдствіи цяны вновь вторглись съ большими силами, то мы только при помощи тѣхъ же ба-ди нѣсколько разъ наносили имъ пораженія. Цзянъ-цзюнь Фынь-гунъ, отправляясь въ походъ на югъ противъ ву-ли, хотя и получилъ самыя отборныя войска, но могъ совершить свой подвигъ лишь при помощи тѣхъ же ба-ди. Наконецъ, когда недавно произошло возстаніе въ области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиковъ помогли намъ опять-таки ба-ди. Эти подвиги и т. д.» [28]. Динлины были свободолюбивымъ и подвижнымъ народомъ, они распадались на множество, повидимому, очень мелкихъ родовъ [29] и собирались для отпора врагу лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ на самое короткое время — это говоритъ намъ вся ихъ исторія. Китайцы только потому и побѣждали ихъ, что имѣли обыкновенно дѣло не съ сплоченнымъ народомъ, а съ отдѣльными его поколѣніями; къ тому же они пользовались ихъ взаимными счетами и искусно натравляли ихъ другъ противъ друга. Что динлины не были склонны къ подчиненію, выше всего ставя свою индивидуальную свободу, видно изъ того, что они безъ колебанія бросали свою порабощенную родину и расходились — одни на сѣверъ, другіе на югъ, туда, гдѣ еще былъ просторъ, куда не добирались китайцы со своимъ государственнымъ

---

[27] Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 19.

[28] Ивановскій, ibid.; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 57—58.

[29] Plath — «Fremde barbarische Stämme im alten China», стр. 464; Георгіевскій — «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 237.

строемъ, чиновниками и правилами общежитія. Такъ, они съ теченіемъ времени добрались съ одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, а съ другой до Байкала, Алтая и южной Сибири.

Къ концу V вѣка до Р. Хр. вытѣсненіе динлиновъ изъ нынѣшнихъ Чжилійской и Шаньсійской провинцій закончилось [30]. Къ этому именно времени и должно быть отнесено, согласно китайскимъ свѣдѣніямъ, первое переселеніе ихъ на сѣверъ [31]— въ Маньчжурію, къ озеру Байкалу и въ Алтайско-Саянскій горный районъ. Дѣйствительно, уже за 200 лѣтъ до Р. Хр. хунны застали тамъ нѣсколько динлинскихъ владѣній, которыя и покорили [32].

Сопоставляя эти данныя съ результатами палеоэтнологическихъ изслѣдованій Талько-Грынцевича въ западномъ Забайкальѣ, мы должны пріурочить хунновъ, отличавшихся, какъ мы уже знаемъ, выдающимися носами, къ тому среднеголовому, сильно сложенному типу, который оставилъ послѣ себя глубокія могилы съ погребеніемъ въ срубахъ, по формѣ своей напоминающихъ иногда современные гробы. Дѣйствительно, у китайцевъ мы находимъ указаніе, что хунны хоронили своихъ покойниковъ въ гробахъ [33].

Что же касается динлиновъ, то культъ погребенія отличался у нихъ особенной сложностью. Заботы объ умершемъ не прекращались у нихъ иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, при чемъ гробницы устраивались въ этихъ случаяхъ такъ, чтобы покойника возможно было время отъ времени навѣщать. Дѣлалось это съ различными цѣлями и, между прочимъ, для соскабливанія отгнившаго мяса съ костей [34]. У нѣкоторыхъ родовъ динлиновъ трупы

[30] Plath, op. cit., стр. 457—471.

[31] Георгіевскій — «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 68 и 79.

[32] Іакинфъ, op. cit., I, 1, стр. 17.

[33] Іакинфъ, ibid., стр. 16.

[34] Ивановскій, op. cit., I, 2, стр. 92. Ср. съ описаніемъ харгойской могилы, сдѣланнымъ Агапитовымъ въ «Извѣстіяхъ Вост.-Спб. Отдѣл. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XII, № 4 и 5. Обычай соскабливать мясо съ костей существовалъ и въ Европѣ (Нидерле—«Человѣчество въ доисторическія времена», стр. 81, 148, 272).

впрочемъ, сжигались. Распространенъ былъ также обычай не сразу предавать землѣ умершаго, а предварительно хоронить трупъ или кости во временной гробницѣ [35] до похоронъ, устраивавшихся всей общиной. Тогда вырывалась общая могила, въ которой и слагались иногда останки сотни людей [36]. Таково происхожденіе такъ называемыхъ «маяковъ»—кургановъ обширныхъ размѣровъ, заключавшихъ общую могилу со множествомъ труповъ [37]. О погребеніи киргизовъ (хагясовъ) говорится лишь, что кости покойниковъ собирались у нихъ по прошествіи года и тогда уже предавались землѣ [38]. Засимъ надлежитъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ динлины воздвигали на могилахъ высѣченное изъ камня или рѣзанное изъ дерева изображеніе покойнаго [39]—обычай, перенятый у нихъ впослѣдствіи тюрками [40].

Послѣднее, отмѣченное исторіей, переселеніе динлиновъ на сѣверъ относится къ концу IV вѣка по Р. Хр. Алтайско-Саянское нагорье было въ это время уже наводнено тюрками, смѣшавшись съ коими динлины и образовали народъ уйгурскій. На это указываютъ сами китайцы, писавшіе, что уйгуры именовались въ прежнее время ди-ли [41]. Это же подтверждается и рисун-

---

[35] Ивановскій, op. cit., I. 1, стр. 90.

[36] Ивановскій, op. cit., I, 2, стр. 96—97.

[37] См., напримѣръ, Адріановъ — «Путешествіе на Алтай и за Саяны» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1888, XI, стр. 388. Ср. Нидерле—«Человѣчество въ доисторическія времена», стр. 82 (пещеры погребенія), 128—129 (ossuarium въ дольменахъ).

[38] Schott, op. cit., стр. 435; Іакинфъ, op. cit., I, 2, стр. 446.

[39] Ивановскій, op. cit., I, 2, стр. 5—6, 31, 77.

[40] Думаю — перенятый тюрками, а не наоборотъ, такъ какъ иначе трудно было бы объяснить себѣ существованіе того же обычая у потомковъ динлиновъ, населяющихъ южный Китай.

[41] Іакинфъ, op. cit., I, 2, стр. 246 — 248. Также сказано: «гаогюйцы суть потомки древняго поколѣнія Чи-ди» (ibid). Этой версіи противорѣчитъ, однако, Танъ-шу, гдѣ говорится, что въ IV вѣкѣ уйгуры именовались тѣлэ (Chavannes — «Documents sur les Tou-kioue occidentaux», стр. 87). Такъ какъ уйгуры смѣнили на р. Селенгѣ хунновъ, то имъ и должны принадлежать могилы, содержащія черепа, въ среднемъ выводѣ, подкороткоголоваго типа. Выводъ этотъ сложился благодаря женскимъ черепамъ преимущественно короткоголоваго типа, что указываетъ, какъ будто, на то, что народъ поддлинноголоваго типа (динлины), побѣдивъ короткоголовое племя (тюрковъ), присвоилъ себѣ ихъ

комъ въ «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ» [42], изображающимъ уйгура человѣкомъ съ толстымъ носомъ, большими глазами и съ сильно развитою волосяною растительностью на лицѣ и всемъ тѣлѣ и, между прочимъ, съ бородой, начинающейся подъ нижней губой, съ пышными усами и густыми бровями. Характерная особенность: уйгуры, подобно древнимъ киргизамъ, носили серьги — обычай, распространенный у динлиновъ, но не у тюрковъ. Въ «Землеописаніи періода Тай-пинъ (976—984)» также говорится, что уйгуры лицомъ походили на корейцевъ [43]. Наконецъ, припомнимъ, что цѣлый отдѣлъ уйгурскаго народа носилъ нѣкогда названіе «желтоголовыхъ» уйгуровъ, уцѣлѣвшихъ, можетъ быть, даже до нашихъ дней въ лицѣ бѣлокурыхъ мачинцевъ Кэрійскихъ горъ [44].

На сколько быстро были утрачены уйгурами особенности динлинскаго типа — неизвѣстно, относительно же киргизъ имѣется слѣдующее мѣрило: въ началѣ IX вѣка высокій ростъ, бѣлый цвѣтъ кожи, румяное лицо, рыжій цвѣтъ волосъ и зеленые (голубые) глаза преобладали у нихъ настолько, что «черные волосы считались нехорошимъ признакомъ, а (люди) съ карими глазами почитались потомками (китайца) Ли-линъ» [45]; къ XVII же вѣку,

---

женщинъ. По росту субъекты этого типа могилъ также различались между собой, такъ какъ въ нихъ на ряду съ очень высокими (184 сант.) попадались индивидуумы и весьма низкаго роста (135 сант.) (Талько-Грынцевичъ — «Древніе аборигены Забайкалья въ сравненіи съ современными инородцами» въ «Трудахъ Троицкос.-Кяхт. отд. Приамурск. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1905, VIII, 1, стр. 40). Послѣднее согласуется съ указаніемъ «Танъ-шу» на малый ростъ уйгуровъ (Chavannes, ibid.).

[42] Тотъ же рисунокъ помѣщенъ и въ «Сань-цзай-ду-хуй». См. Грумъ-Гржимайло—«Описаніе путешествія въ Западн. Китай», т. III, стр. 63; Д. Позднѣевъ—«Историч. очеркъ уйгуровъ», Schlegel — «Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassun» въ «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», 1896, IX.

[43] Schott—«Zur Uigurenfrage» въ «Abhandlungen der königl. Akad. der Wissensch. zu Berlin», phil.-hist. Klasse, 1875, стр. 48; St. Julien—«Notices sur les pays et les peuples étrangers» въ «Journal Asiatique», 4 série, 1847, IX, p. 199.

[44] Пржевальскій—«Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 420 и слѣд.

[45] Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар., обит. въ Ср. Аз. въ древн. вр.», I, 2, 443.

когда съ ними впервые столкнулись русскіе, киргизы оказались уже совершенно инымъ народомъ — черноволосымъ и смуглымъ.

Столь быстрая утрата киргизами, да и другими племенами динлинской расы, своего первоначальнаго типа объясняется, впрочемъ, до извѣстной степени той политикой, которой по отношенію къ нимъ держались ихъ турецкіе и монгольскіе завоеватели; такъ, еще во времена хунновъ часть динлиновъ уведена была на югъ, въ Нань-шань, гдѣ, смѣшавшись съ цянами и да-ху (?), и образовала племя цзы-лу [46]; засимъ, въ концѣ VII вѣка ханъ Мочжо выселилъ часть киргизъ изъ долины рѣки Енисея, а ихъ земли передалъ тюркамъ [47]; такъ же позднѣе поступилъ съ ними и Хубилай [48]. Другихъ случаевъ выселенія киргизъ намъ неизвѣстно, но и этихъ двухъ въ связи съ практиковавшейся турками и уйгурами замѣной ихъ родовой администраціи тюркской, частыми войнами и возмущеніями, сопровождавшимися избіеніемъ мужчинъ [49] и уводомъ въ плѣнъ женщинъ, вполнѣ достаточно, чтобы объяснить огромную убыль киргизскаго народа, засвидѣтельствованную для XIII вѣка «Юань-ши» [50]. Абуль-гази же писалъ: «Настоящихъ киргизъ осталось нынѣ очень мало; но это имя присваиваютъ себѣ теперь монголы (тюрки?) и другіе, переселившіеся на ихъ прежнія земли» [51]. Съ этимъ-то конгломератомъ разныхъ народностей подъ общимъ именемъ киргизъ и должны были столкнуться русскіе при занятіи Енисейской долины.

Въ X вѣкѣ среди киданей жило еще бѣлокурое племя, шедшее всегда въ авангардѣ ихъ побѣдоносныхъ полчищъ [52]; засимъ даже въ концѣ XVIII вѣка среди маньчжуръ встрѣчались,

[46] Chavannes—«Les pays d'Occident d'après le Wei-lio» въ «T'oung Pao», II série, VI, 1905, p. 525—526. Ср. стр. 520.

[47] Radloff — «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei». 1895, III, стр. 425, 441—442.

[48] Schott — «Ueber die ächten Kirgisen» въ «Abhandl. d. königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin», 1864, стр. 461.

[49] Уже въ «Тапъ-шу» мы находимъ указаніе, что у киргизъ «мужчинъ было менѣе, нежели женщинъ» (Іакинфъ, op. cit., I, 2, стр. 443).

[50] Schott, ibid., стр. 453.

[51] Schott, ibid., стр. 445.

[52] Schott, ibid., стр. 444.

и притомъ, повидимому, не рѣдко, субъекты съ свѣтлоголубыми глазами, прямымъ или даже орлинымъ носомъ, темно-каштановыми волосами и густой бородой [53], нынѣ же среди тунгузскихъ народностей [54] этотъ типъ болѣе не встрѣчается [55]. Онъ удержался, однако, далѣе къ востоку, въ сѣверной Кореѣ, гдѣ и до настоящаго времени, по свидѣтельству de Rosny, Carles, Oppert'a, Лубенцова, Петровскаго и другихъ, свѣтлые глаза, рыжіе волосы, густыя бороды и кавказскія черты лица— явленіе далеко не рѣдкое.

На западѣ, гдѣ въ прежнее время динлинскій элементъ былъ, повидимому, болѣе многочисленнымъ, свѣтловолосый типъ сохранился полнѣе, хотя и здѣсь онъ вымираетъ быстро. Ядринцевъ находитъ, однако, еще возможнымъ писать, что татарско-монгольскій типъ, господствующій въ южномъ Алтаѣ, превращается на сѣверѣ, въ лѣсахъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ, въ почти европейскій. Въ частности онъ указываетъ на кумандинцевъ, въ особенности же на живущихъ вдали и безъ всякаго общенія съ русскими инородцевъ Мрасской долины, которые, будучи отдѣлены отъ телеутовъ и другихъ алтайцевъ монгольской расы кочевьями такъ называемыхъ черневыхъ татаръ, успѣли въ полной мѣрѣ сохранить свой первобытный типъ; многіе даже поражали его своими какъ ленъ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами [56]. Свидѣтельство Ядринцева не стоитъ одиноко и подтверждается показаніями Радлова, Адріанова, Клеменца и другихъ путешественниковъ, встрѣчавшихъ бѣлокурыхъ инородцевъ въ Алтайско-Саянскомъ горномъ районѣ, мнѣ же типъ этотъ не попадался, хотя я и искалъ его среди туземнаго населенія долинъ Кемчика и Чуи.

[53] J. Barrow — «Travels in China», 1804; цит. по Топпнару — «Антропологія», стр. 441.

[54] Кидане принадлежали, впрочемъ, къ числу смѣшанныхъ племенъ съ преобладаніемъ, если судить по языку, монгольскаго элемента. См. Shiratori—«Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker» въ «Извѣстіяхъ Импер. Акад. Наукъ», 1902, XVII, 2, стр. 19—29.

[55] О длинноголовыхъ среди тунгусовъ см. L. v. Schrenck — «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», III, «die Völker des Amur-Landes», I, стр. 304—310.

[56] «Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ» въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1881, XVII, 4, стр. 233.

Къ сѣверу и западу отъ Алтая свѣтловолосый элементъ удержался донынѣ среди такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ [57] и казаковъ Большой, Средней и Малой ордъ. Антропологическія изслѣдованія Зеланда показываютъ, что казаки представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ приплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой—рослый, бородатый, съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами [58].

---

[57] В. Анучинъ («Предварительный отчетъ по поѣздкѣ къ енисейскимъ остякамъ въ 1905 году» въ «Извѣстіяхъ Русск. Комитета для изученія Средн. и Вост. Азіи въ историч., археолог., лингвист. и этнограф. отношеніяхъ», 1906, № 6, стр. 43—44), между прочимъ, пишетъ: «Я видѣлъ нѣсколько остяковъ, которыхъ по внѣшнему виду всякій отнесетъ къ арійцамъ». Дѣти ихъ часто бѣлокуры, но съ годами волоса ихъ темнѣютъ; встрѣчаются и курчавые. Прорѣзъ ихъ глазъ, нерѣдко сѣрыхъ и голубыхъ,—открытый и горизонтальный. Носъ у нихъ прямой и тонкій, но попадаются субъекты и съ орлиными носами и даже курносые.

[58] Цитировано по Кржнвицкому — «Антропологія», стр. 346. Ср. Strahlenberg — «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet», etc., Stockholm, 1730, стр. 165, который утверждаетъ, что въ его время казаки были по преимуществу рыжеволосымъ народомъ.

Всего вѣроятнѣе, что эту примѣсь дали не усуни, которые оттѣснены были жеужанями изъ центральнаго Тянь-шан'я на югъ (о. Іакинфъ, op. cit., III, стр. 162), а динлины, съ которыми хунны столкнулись къ югу отъ оз. Байкала, но которые, судя по китайскимъ извѣстіямъ, позднѣе, а именно уже въ III вѣкѣ, населяли мѣстность къ сѣверу отъ Канъ-гюй'я, т. е. южную Сибирь. Объ этихъ динлинахъ въ «Сань-гочжи», т. е. въ «Исторіи періода трехъ государствъ», говорится, что они могли выставить 60 тысячъ человѣкъ отборнаго войска и занимались скотоводствомъ. Ошибка, пишется далѣе въ томъ же источникѣ, смѣшивать ихъ съ динлинами, живущими къ сѣверу отъ (прежнихъ кочевій?) хунновъ. Такъ какъ эти динлины живутъ къ югу отъ сѣвернаго моря, а сѣверные динлины къ западу (къ сѣверо-западу?) отъ усуней, то ясно, что это не одинъ и тотъ же народъ. Впрочемъ, и происхожденіе ихъ, повидимому, разное (Д. Позднѣевъ — «Историческій очеркъ Уйгуровъ», стр. 9; Chavannes — «Les pays d'Occident d'après le Wei-lio» въ «T'oung-Pao», série II, 1905, v. VI, p. 560—561). Chavannes справедливо замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ китайскій авторъ хотѣлъ согласовать новѣйшія свѣдѣнія о динлинахъ съ болѣе ранними; ничто, однако, не подтверждаетъ факта существованія этого народа къ югу отъ

Динлинскій элементъ сохранился еще кое-гдѣ и на южной окраинѣ Внутренней Азіи.

Въ то время какъ въ Чжилийской и Шаньсійской провинціяхъ динлины были истреблены уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. [59], къ западу отсюда, въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су, они сумѣли удержаться еще около тысячелѣтія. Въ 350 году по Р. Хр. имъ удалось даже объединиться и на короткое время, подъ управленіемъ династіи Фу, образовать въ западной половинѣ Китайской имперіи могущественное государство Цинь изъ областей, входящихъ нынѣ въ составъ провинцій Гань-су, Шэнь-си, Сы-чуань и Юнь-нань, при чемъ 62 владѣтеля южнаго и восточнаго Китая принуждены были признать себя ихъ вассалами. Но уже въ 394 году вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ это эфемерное царство распалось [60]. Впослѣдствіи получило нѣкоторое значеніе другое динлинское владѣніе — Ву-ду [61], но и оно пало въ 506 году въ непрерывной борьбѣ съ сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ. Засимъ динлины выступили еще разъ на историческое поприще во второй половинѣ X вѣка, когда, имѣя во главѣ князей изъ монгольскаго дома Тоба, основали въ Ордосѣ и Ала-шани царство Ся. Населеніе этого государства, по-

оз. Байкала позднѣе хуннской эпохи; наоборотъ, общій ходъ историческихъ событій и раскопки въ долинѣ р. Селенги указываютъ, что динлины были вытѣснены отсюда еще хуннами и, вѣроятно, тогда же удалились на западъ.

[59] Plath—«Die fremden barbarischen Stämme im alten China», стр. 463, 465 и слѣд.

[60] Іакинфъ—«Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 113—119.

Впрочемъ и въ болѣе раннее время динлины достигали иногда значительнаго могущества; такъ, въ эпоху Чжань-го (480—223 до Р. Хр.) одинъ изъ ихъ князей велъ борьбу съ другими претендентами на императорскій престолъ (Plath, op. cit., стр. 463).

[61] См. выше. Замѣчательно, что здѣсь до настоящаго времени удержалась княжеская династія Янъ, не забывшая былого могущества царства Ву-ду (Потанинъ — «Тангутско-тибетская окраина Китая», I, стр. 243). Такимъ образомъ такъ называемые тангуты вѣдомства Янъ ту-сы должны считаться прямыми, хотя и отибетившимися, потомками динлинскаго рода бома. О динлинахъ Ву-ду китайцы упоминаютъ и позднѣе, а именно, подъ 1074 годомъ (Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 151).

бѣдоносно вышедшаго изъ борьбы съ китайцами и киданами, сумѣвшаго поладить съ чжурчженями и покореннаго лишь монголами, было смѣшаннымъ изъ монголовъ (тугухунь) [62], китайцевъ, хунновъ, тюрковъ шато и тукіэ [63], но ядро его составляли потомки динлиновъ, сами себя называвшіе ми-хоу [64], у окрестныхъ же народовъ болѣе извѣстные подъ именами: «минакъ» или «минягъ» у тибетцевъ [65], «дансянъ» у китайцевъ и «тангутъ» у монголовъ и тюрковъ [66].

Что ми-хоу или, какъ ихъ называетъ Hodgson [67], маніаки были потомками древнихъ динлиновъ, видно изъ слѣдующаго:

Дансяны, обосновавшіеся въ Ордосѣ, выселились сюда изъ долины Тао-хэ въ 660 году подъ напоромъ тибетцевъ [68].

У китайскихъ историковъ мы находимъ указаніе, что дансяны, жившіе въ горахъ, служащихъ водораздѣломъ рѣкъ Тао-хэ

[62] См. Грумъ-Гржимайло — «Описаніе путешествія въ Зап. Китай», III, гдѣ на стр. 50—60 доказывается, что тугухунь были монголами и что прямыми ихъ потомками являются чжахоры (далды). Ср. K. Shiratori, op. cit., стр. 8 и слѣд.

[63] Devéria—«L'écriture du royaume de Si-hia ou Tangout» въ «Mémoires présentés par divers savants à l'Acad. d. inscript. et belles-lettres», I série, XI, 1, 1898, p. 170.

[64] Pfizmaier—«Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui» въ «Sitzungsberichte d. Kais. Akad. d. Wiss., philos.-hist. Classe», 1881, B. 97, S. 452.

[65] Schmidt — «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi», стр. 388; Васильевъ—«Исторія и древности восточной части Средней Азіи съ X по XIII в.» въ «Трудахъ восточн. отд. Импер. Археологическаго Общ.», 1859, IV, стр. 86. Даже царство Тангутское называли они Минягскимъ. См. Huth — «Geschichte der Buddhismus in der Mongolei», II, стр. 27. Монголамъ наименованіе «минягъ» было однако также извѣстно; такъ, у Сананъ-Сэцэна читаемъ: «Den tangutischen Tschingssang-Nojan liess er hinrichten und brachte das Volk Minak zur Ruhe und Ordnung» (Schmidt, op. cit., стр. 121; см. также стр. 103 и 287).

[66] О физическихъ особенностяхъ населенія царства Ся намъ почти ничего неизвѣстно. Только о Тоба Юань-хао говорится, что онъ имѣлъ средній ростъ и возвышенный носъ. Марко-Поло о тангуткахъ разсказываетъ: «Les femmes sont moult belles et blanches de toutes façons» (Pauthier—«Le livre de Marco Polo», I, стр. 205).

[67] «Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet» II стр. 65.

[68] Іакинфъ—«Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 241.

*

и Вэй-шуй, были потомками динлиновъ бома царства Ву-ду [69] и что сосѣдившіе съ ними на западѣ байланскіе цяны были также извѣстны тибетцамъ подъ именемъ динлиновъ [70].

Наконецъ, что племя минягъ было не тибетскаго происхожденія, подтверждаетъ съ своей стороны и Миньчжулъ-хутукта [71].

Такой племенной составъ Тангутскаго государства (Ся-го), въ особенности же преобладаніе въ немъ динлинскаго элемента объясняетъ намъ и происхожденіе современнаго типа ганьчжоускаго тангута, который ближе подходитъ къ кавказскому, чѣмъ къ монгольскому [72].

Перехожу къ той части инородческаго населенія южнаго Китая, которая извѣстна подъ именемъ маней.

«Мань» не составляетъ этническаго названія: оно означаетъ лишь жителя лѣсовъ въ отличіе отъ «тань» — жителя безлѣсныхъ горъ и плоскогорій. Подъ этимъ именемъ у китайцевъ извѣстны мелкія племена, по типу принадлежащія къ различнымъ расамъ, преимущественно же къ монгольской и той, которая близко стоитъ къ европейской, по языку же, согласно классификаціи Cust'а, къ семействамъ тибето-бирманскому [73], монъ-аннамскому и тай.

Выдѣлить изъ числа маней племена европейской расы, а тѣмъ болѣе такія, которыя представляютъ смѣшанный типъ,

---

[69] Іакинфъ, ibid, сноска вторая.

[70] Іакинфъ, ibid, стр. 242.

[71] «На востокъ, по переправѣ изъ Литана черезъ р. Нагъ-чу, находится царство Минягъ... Жители этой страны не суть настоящіе тибетцы». Они отличаются отъ послѣднихъ наружностью и языкомъ («Географія Тибета», стр. 46).

Тюрки, повидимому, также видѣли въ тангутахъ отдѣльный отъ тибетцевъ народъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на памятникѣ въ Кошо-Цайдамѣ, поставленномъ въ 734 году тюркскому кагану Могиляню (Радловъ и Меліоранскій—«Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи», 1897, IV, стр. 24 и 17).

[72] Пржевальскій («Монголія и страна тангутовъ», I, стр. 223) нашелъ у нихъ нѣкоторое сходство съ цыганами. То же утверждаетъ и Bell («The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria», стр. 68).

[73] Къ этому семейству относятся и миняги.

благодаря малому знакомству нашему съ южнымъ Китаемъ, пока невозможно; безусловно однако должны считаться потомками динлиновъ, кромѣ нынѣ уже отибетившихся поколѣній, ведущихъ свое происхожденіе, согласно китайскимъ даннымъ, отъ ба-ди, иначе—баньшуньскихъ, бацзюньскихъ и наньцзюньскихъ маней, также—цзѣ-цяны, яо-мяо, вони [74] и рыжеволосые ѣ-жень и путэ.

Рыжеволосый элементъ и до настоящаго времени удержался кое-гдѣ въ юго-западномъ Китаѣ, въ глухихъ ущельяхъ Гималаевъ и Индокитайскихъ горъ. По крайней мѣрѣ такого рода указанія мы находимъ у архим. Палладія Каѳарова [75] и Потанина [76]. Засимъ, о «тангутахъ» [77] окрестностей Лавранскаго монастыря, въ Амдо, Бадзаръ Барадійнъ говоритъ какъ о народѣ, типомъ лица, а иногда и бѣлокурымъ цвѣтомъ волосъ, въ сильной степени напоминающемъ европейцевъ [78].

---

[74] Отсылаю читателя къ прекрасному бытовому очерку «Le mariage chez une tribu aborigène (ho-ni) du sud-est du Yun-nan», помѣщенному въ «T'oung-Pao», II série, v. VI, 1905, p. 572—622, въ переводѣ съ китайскаго T'ang Tsai-fou. О физическихъ особенностяхъ этого племени Francis Garnier («Voyage d'exploration en Indo-Chine», I, стр. 437; цит. по Devéria — «La frontière sino-annamite», стр. 136—137) пишетъ слѣдующее: «Ils (Hoh-ni; вони у Ивановскаго) ressemblent comme costume aux Khas-khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental».

[75] «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1850, IV, стр. 257—258.

Вэй-юанъ, составившій планъ обороны Китая со стороны современной Индіи, говоритъ, между прочимъ, и о путяхъ, ведущихъ отъ юго-западнаго участка юнь-нань'ской границы въ эту послѣднюю. По его словамъ, эти пути идутъ въ обходъ территоріи неподвластныхъ Китаю рыжеволосыхъ дикарей. Что это за племя — неизвѣстно, но едва-ли онъ разумѣлъ при этомъ качиновъ (это свѣтловолосое племя, какъ теперь думаютъ, иранскаго происхожденія), такъ какъ послѣдніе живутъ сѣвернѣе, а именно, въ долинѣ верховій р. Иравади.

[76] «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1899, IV, стр. 390.

[77] Рокхилль замѣтилъ, что вслѣдъ за монголами мы неправильно прилагаемъ наименованіе «тангутъ» къ племенамъ, хотя и говорящимъ по тибетски, но по своему происхожденію отличнымъ отъ тангутовъ («Въ страну ламъ», стр. 53). Полагаю, что это замѣчаніе заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено самое серьезное вниманіе.

[78] «Путешествіе въ Лавранъ» въ «Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XLIV, 1908, стр. 202. Между прочимъ онъ пишетъ: «Между ними часто

Аналогичное замѣчаніе находимъ мы и у Desgodins: «On rencontre aussi un certain nombre d'individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou européen, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c'est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d'un brun pâle qui disparait peu à peu et tourne au noir brillant vers l'âge de dix à douze ans. Quelques-uns concervent la couleur châtain foncé toute leur vie. Les yeux thibétains sont bruns ou d'un jaune très foncé» [79]. Наконецъ, Legendre пишетъ: «Ce type (Lolo) est généralement de haute taille, de 1 m. 70 à 1 m. 80, d'une rectitude parfaite, au tronc conique avec épaules larges, très effacées. Les membres supérieurs et inférieurs sont de proportions harmonieuses et bien développés. Autres caractéristiques: front haut et droit avec face régulière sans saillie des apophyses zygomatiques, donnant un ensemble d'un ovale parfait; oeil non oblique plutôt clair que marron à fente horizontale; sourcils très arqués avec plis frontaux interorbitaires profonds, affectant le plus souvent la forme d'un accent circonflexe; nez fin et busqué, à l'arête médiane très marquée; bouche bien dessinée, aux levres finement ourlées; menton droit, gracieusement arrondi, chez les femmes surtout, cou long et gracile. La couleur de la peau est généralement blanche aves teint très basané. Les jeunes filles présentent souvent un teint rosé sur le fond halé par le grand air. L'oeil bleu foncé n'est point rare [80]; les cheveux sont noirs et très épais. Le type Lolo pur est un dolichocéphale» [81].

попадаются бородачи и усачи и люди съ совершенно бѣлымъ цвѣтомъ кожи лица». См. также табл. V, прилож. къ отчету Б. Барàдiйна,—фотографическій снимокъ съ перерожденца Гомапъ-цапъ, совершенно устраняющій сомнѣнія въ томъ, что въ Амдо до сихъ поръ сохранился еще европейскій типъ.

[79] «Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires, стр. 255. (2 изд.).

[80] «Вѣрнѣйшимъ указателемъ присутствія бѣлокураго типа въ крови служатъ голубые глаза» Топинаръ—«Антропологія», стр. 439.

[81] «Deux années au Setchouen», 1906, p. 476. Цит. по Cordier—«Les Lolos» 猓玀 猓玀 въ «T'oung-Pao», série II, vol. VIII, Déc. 1907, p. 682—683.

Но если свѣтлый цвѣтъ волосъ и утраченъ многими поколѣніями, ведущими свое происхожденіе отъ динлиновъ, то того же нельзя сказать о другихъ особенностяхъ динлинскаго типа: высокомъ ростѣ, могучемъ тѣлосложеніи и чертахъ лица кавказскаго типа. Этими особенностями отличаются еще многія племена южнаго Китая; ихъ подмѣтили и о нихъ, помимо китайцевъ [82], согласно показываютъ почти всѣ посѣтившіе эту страну европейскіе путешественники: Colborne Baber [83], Desgodins [84], Francis Garnier [85],

[82] См., напримѣръ, Bridgman, который подъ названіемъ «Sketches of the Miau-tsze» напечаталъ въ «Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», 1859, III, Dec., выдержки изъ одного китайскаго сочиненія объ инородцахъ Южнаго Китая. О голо (т. е. лоло) въ этомъ сочиненіи говорится: «Они высоки ростомъ, смуглы, имѣютъ впалые глаза, орлиный носъ, отпускаютъ длинные бакенбарды, но сбриваютъ усы». (Цит. по Cordier—«Les Lolos» въ «T'oung Pao», p. 599; см. мое примѣчаніе [81]). Тѣмъ же китайскимъ источникомъ пользовался и Playfair («The Miaotzu of Kweichou and Yunnan from Chinese-Descriptions» въ «China Review», V, 1876, p. 97).

[83] На стр. 58 «Travels and Researches in the interior of China» (цит. по Devéria—«La frontière sino-annamite», стр. 143) вотъ, что онъ пишетъ о хэй-лоло: «Черные лоло ростомъ значительно превосходятъ китайцевъ; возможно даже, что въ этомъ отношеніи они превосходятъ любой изъ европейскихъ народовъ. Почти безъ исключенія они превосходно сложены, очень стройны, съ сильно развитой мускулатурой. Ихъ неутомимость и та легкость, съ какой они взбираются на крутые утесы своихъ горъ служатъ издавна темой для китайскихъ пословицъ. Ихъ большіе, горизонтально расположенные глаза придаютъ особую выразительность ихъ овальному, смуглому отъ загара лицу. Ихъ скулы выдаются мало, ихъ орлиный носъ довольно широкъ, ихъ подбородокъ заостренъ и очень характеристиченъ».

[84] Op. cit. О мосѣ или моссо Desgodins пишетъ: «Quand aux traits physiques, ils sont bien altérés et ne représentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaître à certains caractères: front plus fuyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inférieurs moins écartés, menton plus fuyant que chez le thibétain. Ces différences donnent quelque chose de plus délicat à la figure des enfants et des jeunes gens», (стр. 256).

[85] На стр. 437 «Voyage d'exploration en Indo-Chine», I, (цит. по Devéria, op. cit., стр. 136) онъ пишетъ о вони (ho-nhi) слѣдующее: «Ils ressemblent comme costume aux Khas-khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental».

Kreitner[86], Rockhill[87], Bons d'Anty[88], Thorel[89],

[86] Op. cit., стр. 293 (о племени Ра-уй).

[87] «Въ страну ламъ», стр. 120 и 159.

[88] См. Cordier, op. cit., стр. 625. Имѣетъ значеніе слѣдующее его указаніе: «Le vrai Lolo, la „Chevelure brune" est un homme de très haute taille, au nez proéminent très effilé, au visage allongé avec un menton bien marqué; chez les femmes, la face a un joli ovale et la peau est duvetée. En opposition avec cet élément vraiment noble comme physique, se présentent les pygmées trapus dont je vous parlais dans ma dernière lettre, comme constituant probablement le plus ancien facteur ethnique de l'Indo-Chine».

[89] Въ «Voy. d'exploration en Indo-Chine», II, стр. 324—327, Thorel помѣстилъ подъ заглавіемъ «Sauvages à type caucasique du Sud de la Chine» антропологическую замѣтку о черныхъ лоло, изъ коей я извлекаю слѣдующія существенныя мѣста.

Черные лоло кавказскаго типа походятъ на индо-европейцевъ не только физически, но и костюмомъ, весьма отличнымъ отъ костюма окрестныхъ племенъ. Они высоки ростомъ и отличаются могучимъ мускулистымъ тѣлосложеніемъ. Ихъ плечи широки, корпусъ перехваченъ въ поясницѣ, а не представляетъ четвероугольный обрубокъ, какъ у большинства индокитайскихъ племенъ. Эта послѣдняя особенность характеризуетъ главнымъ образомъ женщинъ, обусловливая граціозность всѣхъ ихъ движеній. Ихъ конечности отличаются пропорціональностью и очень развитыми мышцами. Цвѣтъ ихъ кожи — смуглый, но свѣтлѣе, чѣмъ у индусовъ. Черты ихъ лица энергическія, выразительныя и законченныя; лицо правильное, овальное, съ довольно высокимъ и прямымъ лбомъ, покатымъ только въ верхней своей части, и явственно выраженными лобными буграми и надбровными дугами. Глаза впалые. Носъ прямой, иногда съ горбинкой. Ротъ средній, рѣже—небольшой, съ тонкими губами. Челюсти ортогнатичны. Зубы ровные, вертикально поставленные, средней величины, прочные. Подбородокъ довольно широкій, выдающійся. Борода густая, почти всегда курчавая или волнистая, переходящая на щеки, чего у монголовъ никогда не бываетъ. Брови также густыя.

Женщины силой и внѣшностью вполнѣ соотвѣтствуютъ мужчинамъ и, не смотря на свой высокій ростъ, отличаются чрезвычайно легкой походкой.

Безъ сомнѣнія, смѣшеніемъ съ этими дикарями долженъ быть объясненъ тотъ общепризнанный фактъ, что китайцы являются народомъ, въ жилахъ котораго течетъ не мало крови бѣлой расы.

Въ заключеніе Thorel ставитъ слѣдующіе вопросы:

Дѣйствительно ли лоло должны считаться аборигенами той страны, которую они теперь занимаютъ, или они выселились сюда изъ Средней Азіи, считаемой прародиной арійскихъ племенъ? (Thorel писалъ въ 1868 году). Или, можетъ быть, они иммигрировали въ южный Китай изъ Индіи?

Deblenne [90], Козловъ [91], и друг.

Вышеизложеннымъ ограничиваются тѣ данныя, которыя въ своей совокупности могутъ служить отвѣтомъ на поставленный Топинаромъ вопросъ.

Но къ какому же типу слѣдуетъ отнести это бѣлокурое племя Внутренней Азіи?

Kollmann замѣтилъ о черепахъ, взятыхъ изъ восточно-сибирскихъ кургановъ, что хотя они и долихоцефальные, но отличаются отъ череповъ европейскихъ, имѣя спеціально азіатскую форму [92].

Значитъ-ли это, что динлины принадлежали къ другой расѣ, чѣмъ бѣлокурые европейцы, или только, что подъ воздѣйствіемъ монгольскаго элемента бѣлокурая раса Средней Азіи получила такія специфическія особенности, которыя выдѣляютъ ее изъ европейской среды? Отвѣта на этотъ вопросъ мы пока не имѣемъ, но для правильной оцѣнки высказаннаго Kollmann'омъ мнѣнія надлежитъ принять во вниманіе нижеслѣдующее:

Длинноголовый типъ не можетъ считаться пришлымъ въ Среднюю Азію, такъ какъ онъ существовалъ тамъ уже въ неолитическій періодъ, по формѣ черепа напоминая низшія — Канштадтскую и Эгизгеймскую—расы Европы.

Бѣлокурые народы Средней Азіи [93] характеризуются слѣдующими признаками: ростъ средній, но часто высокій (киргизы IX вѣка, черные лоло), плотное и крѣпкое тѣлосложеніе, продолговатое лицо (усуни); цвѣтъ кожи бѣлый (ярко-бѣлый у киргизъ) [94] съ

На эти вопросы онъ не находитъ отвѣта, но выражаетъ надежду, что синологи и филологи, разрѣшивъ ихъ, дадутъ возможность доказать арійское происхожденіе лоло. (Цит. по Cordier, op. cit., стр. 648—650).

[90] «Лоло показались мнѣ среднеголовыми съ наклонностью къ длинноголовости, сильнѣе всего выраженной у „го-бу"», («La mission lyonnaise d'exploration commerciale en Chine. 1895—1897», p. 375; цит. по Cordier, op. cit., стр. 667).

[91] «Монголія и Камъ», I, 2, стр. 272.

[92] «Congrés international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie» (Moscou, 1892), II, Procés verbaux, p. 29.

[93] У китайцевъ подъ именемъ «рыжихъ» извѣстны всѣ нечерноволосыя племена, начиная съ бѣлокурыхъ и кончая темнорусыми.

[94] Schott — «Ueber die ächten Kirgisen», стр. 432.

румянцемъ на щекахъ (киргизы, черные лоло, амдосцы); бѣлокурые волоса прямые, но иногда и кудрявые (енисейскіе остяки); носъ выдающійся впередъ, прямой, часто орлиный (енисейскіе остяки, хэй-лоло, многія отибетившіяся поколѣнія Амдо и долинъ верхняго Янъ-цзы-цзян'а); свѣтлые глаза (динлины, усуни, киргизы, динлины(?) среди киданей, маньчжуры въ XVIII вѣкѣ, енисейскіе остяки, нѣкоторыя маньскія племена). Это тѣ же признаки, которые характеризуютъ и бѣлокурую расу Европы. Возможно ли, однако, допустить сосуществованіе двухъ расъ, различныхъ по происхожденію, но одаренныхъ одинаковыми физическими признаками и психическими особенностями? [95] Конечно, нѣтъ.

---

[95] Я уже имѣлъ случай говорить о томъ, что динлины отличались очень развитымъ чувствомъ индивидуальности; тою же расовою особенностью характера отличается и бѣлокурый типъ Европы. Динлины были воинами по натурѣ, по призванію. Будучи подвижными, энергичными, дѣятельными и въ то же время не отличаясь привязанностью къ родинѣ, они покидали послѣднюю, когда условія жизни въ ней измѣнялись, и расходились все дальше въ поискахъ странъ, гдѣ ихъ соціальная жизнь въ формѣ мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла имѣть еще мѣсто. Гдѣ бы, однако, динлины не жили, ихъ главными и излюбленными промыслами были охота и рыбная ловля, которыя вполнѣ удовлетворяли ихъ бродячимъ наклонностямъ, ихъ предпріимчивой натурѣ, въ высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни въ семьѣ, ни въ кругу своихъ рабовъ (Colborne Baber—«Travels and Researches in the interior of China», глава IV) и подчиненныхъ. Въ силу этихъ расовыхъ особенностей и неразвитой у нихъ чувственности динлины являются въ Азіи единственнымъ народомъ, у котораго моногамія составляла первичную и основную форму брака. Вообще на динлинахъ вполнѣ оправдывается та общая характеристика бѣлокурой расы, которую даетъ намъ Lapouge (см. Грумъ-Гржимайло — «Описаніе путешествія въ Зап. Китай», II, стр. 282—284),

Кстати замѣчу, что по мнѣнію de Harlez'a («Les religions de la Chine» въ «Le Muséon», 1891, X), древняя религія китайцевъ была искажена чжоуцами (народомъ смѣшаннаго происхожденія, въ которомъ преобладающій элементъ составляли динлины; см. выше), которые, затемнивъ представленіе о Шанъ-ди, высшемъ богѣ—міроправителѣ, внесли въ нее натурализмъ и культъ героевъ.

De Harlez также находитъ, что по своимъ этническимъ особенностямъ и нравамъ народъ чжоускій очень близокъ къ арійцамъ («La nationalité du peuple de Tcheou» въ «Journal Asiatique», 8 série, 1892, XX p. 335).

Склоняясь къ тому, что динлины составляли обособившуюся вѣтвь бѣлокурой европейской расы, я не могу обойти молчаніемъ и вопроса объ ихъ языкѣ.

Языкъ енисейцевъ и, конечно, ихъ предковъ динлиновъ [96], представляетъ, какъ выразился Ramstedt,—«eine kleine bunte oase zwischen den einförmigen, einfachen agglutinierenden sprachen aller ihrer nachbaren» [97], причемъ неизвѣстно даже въ какую семью языковъ правильнѣе было бы его отнести [98].

Но какое же значеніе можетъ имѣть этотъ фактъ при разрѣшеніи расоваго вопроса?

Языки, одни — цѣликомъ, другіе — частью, передаются отъ одной расы къ другой, отъ одного народа къ другому, причемъ утрата родного языка происходитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ онъ труднѣе для усвоенія, менѣе выработанъ и приспособленъ къ передачѣ безконечныхъ оттѣнковъ мысли. Законъ этотъ общій и распространяется въ одинаковой мѣрѣ на побѣдителей и побѣжденныхъ. Примѣромъ могутъ служить, не говоря уже о динлинахъ, маньчжуры, утратившіе свой языкъ, нейстрійскіе франки перенявшіе галло-римское нарѣчіе, ославянившіеся болгары, народы, извѣстные у насъ подъ общимъ именемъ кафровъ, говорящіе на языкѣ «банту», но отличающіеся другъ отъ друга по типу, и т. д. Остается также открытымъ вопросъ, которая изъ четырехъ расъ, одновременно населявшихъ Европу, говоря

[96] Объ языкѣ динлиновъ не имѣется свѣдѣній въ литературѣ. Китайцы называли его птичьимъ. Птичьимъ же называли они языки моссо (Ивановскій — «Матеріалы для исторіи Юго-Западнаго Китая», I, 2, тр. 45, гдѣ говорится: «въ ихъ языкѣ много птичьихъ звуковъ»), пу-женей (Ивановскій, op. cit., стр. 61) и друг. Можетъ быть къ этой характеристикѣ можетъ имѣть отношеніе замѣчаніе Desgodins (op. cit., стр. 374) о языкѣ племени мэламъ: «Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être rude, elle est extrêmement saccadée; chaque syllabe est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bégues».

[97] «Über den ursprung der sog. Jenisej-ostjaken» въ «Journal de la Société Finno-Ougrienne» XXIV, 2, s. 2, 1907.

[98] При всемъ томъ Ramstedt находитъ въ этомъ языкѣ элементы, сближающіе его съ семьей индо-китайскихъ языковъ.

на праарійскомъ языкѣ, сумѣла передать его остальнымъ тремъ. Всего вѣроятнѣе, что это не были длинноголовые блондины [99], а если такъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердится и общность происхожденія европейскихъ и азіатскихъ блондиновъ, то вопросъ о динлинскомъ языкѣ получаетъ совершенно особый интересъ и значеніе.

Лингвистическіе признаки, какъ говоритъ Брока [100], даютъ только указанія, но не рѣшеніе вопроса о различіи или общности происхожденія народовъ. Не будучи постоянными, признаки эти раскрываютъ лишь одну изъ фазъ, пройденныхъ исторіей расъ. Они столь же драгоцѣнны, какъ данныя исторіи и этническіе и археологическіе признаки, но ихъ нельзя сравнивать съ анатомическими и физіологическими признаками, сохраняющимися, не смотря на скрещиваніе и вліяніе окружающей среды, а эти послѣдніе не противорѣчатъ гипотезѣ о принадлежности динлиновъ къ бѣлокурому европейскому типу.

СПБ. Январь. 1908 г.

---

[99] Kollmann — «Les races humaines de l'Europe et la question arienne» въ «Congrés international d'archéologie préhist. et d'anthropologie à Moscou», 1892, I.

[100] Цит. по Топинару—«Антропологія», стр. 415.

I. А. Малиновскій.

Начальная страница изъ исторіи смертной казни (Кровавая месть).

Въ древности не было смертной казни въ современномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ наказанія, налагаемаго по волѣ государства. Была месть, т. е. возмездіе, совершаемое руками частнаго лица,—потерпѣвшаго. Месть выражалась въ формѣ разнообразныхъ посягательствъ на обидчика, въ частности, въ формѣ лишенія его жизни. Послѣдняя форма мести, кровавая месть, и есть прообразъ смертной казни.

Въ далекое доисторическое время, скрытое отъ историка и этнографа, месть, быть можетъ, носила характеръ дикаго животнаго инстинкта. Животныя тоже мстятъ. И человѣкъ, инстинктивно, подъ вліяніемъ чувства раздраженія, мститъ своему обидчику. По мѣрѣ повторенія отдѣльныхъ случаевъ возмездія постепенно складывалось убѣжденіе о томъ, что мстить можно и должно. Фактъ мести превращается въ право и обязанность мести. На этой стадіи своего развитія намъ извѣстна месть и изъ древнѣйшихъ памятниковъ права культурныхъ народовъ и изъ памятниковъ обычнаго права современныхъ некультурныхъ народовъ. Месть—не дикій животный инстинктъ; это—право, санкціонированное юридическими нормами, и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный долгъ, религіозная обязанность (ибо въ древности право, нравственность и религія не обособляются).

У древнихъ германцевъ кровавая месть была обязанностью, которую каждый долженъ былъ выполнить, оберегая честь своего рода. Если-бы, говоритъ знатокъ древнегерманскаго уголовнаго права Вильда, кто нибудь оставилъ неотомщенною смерть своего родственника, то можно было бы думать, что убитый былъ недостойнымъ членомъ рода, или что онъ погибъ, совершивъ постыдное дѣло [1]. А потому необходимо было какъ можно скорѣй отомстить, лишивъ жизни убійцу. Уклоненіе отъ мести или даже промедленіе въ ея исполненіи считались позорящими обстоятельствами.

У балтійскихъ славянъ «месть была священною обязанностью семьи... Кромѣ удовлетворенія естественнаго чувства возмездія за семейное безчестіе или убійство близкаго родного, кровною расправою, по понятіямъ языческой старины, удовлетворяется и другой, болѣе высокій, священный долгъ по отношенію къ нему,—умиротвореніе души его, требовавшей жертвъ» [2].

По словамъ Иванишева, въ древнѣйшихъ памятникахъ богемскаго законодательства месть является не средствомъ къ удовлетворенію за обиду и не дикимъ инстинктомъ, побуждающимъ платить зломъ за зло, но она является религіозною обязанностью, исполненіе которой необходимо для спокойствія и блаженства души убитаго.

У сербовъ, по словамъ того же ученаго, такъ же, какъ у богемцевъ и моравцевъ, месть является религіозною обязанностью, исполненіе которой необходимо для души убитаго. Вмѣсто «отмстить за убитаго», сербы говорятъ «освятить душу убитаго».

Религіозною обязанностью является месть и въ древнѣйшемъ польскомъ правѣ [3].

Религіозною обязанностью является месть также у евреевъ арабовъ, грековъ [4].

У кавказскихъ горцевъ существуетъ «воззрѣніе на месть какъ на исполненіе священнаго долга, налагаемаго самой религіей» [5].

---

[1] Wilda, 171.
[2] А. Котляревскій, т. IV, стр. 161, 165.
[3] Иванишевъ, стр. 29, 46—47, 50—51.
[4] Tobien, стр. 22 и слѣд., 41 и слѣд.; Ковалевскій, II стр. 11—14.
[5] Ковалевскій, II, стр. 8 и слѣд.

Одинъ изъ адатовъ осетинъ гласитъ: «Каждый родственникъ убитаго обязывается священнымъ долгомъ мстить смертію убійцѣ и его родственникамъ; не исполнившій этого подвергается жесточайшему безчестію, а семейство и даже весь родъ его возможнымъ обидамъ: поэтому послѣ всякаго убійства слѣдуетъ явная война между родомъ убитаго и племенемъ убійцы» [1].

У горцевъ сѣвернаго Кавказа «едва младенецъ начинаетъ понимать, какъ мать, отецъ, аталыкъ (воспитатель) и всѣ родные твердятъ ему одно и то же, что онъ долженъ ненавидѣть своего врага и мстить кровью за кровь, обиды и оскорбленія». И у другихъ горцевъ «отецъ семейства разсказываетъ дѣтямъ своимъ о мщеніи, какъ о высшей добродѣтели, которую онъ внушаетъ имъ выполнять непремѣнно, а сіи впослѣдствіи внушаютъ оное своимъ дѣтямъ, и такимъ образомъ переходитъ оное мщеніе изъ рода въ родъ, отчего получившій обиду изыскиваетъ всѣ средства, позволительныя и непозволительныя, отмстить достойно обидившему его» [2].

По воззрѣніямъ якутовъ, «кровь человѣка не могла быть пролита безнаказанно, она требовала возмездія».

В. Л. Сѣрошевскому удалось записать интересныя подробности о древней родовой мести у якутовъ:

«Нѣкогда, въ старину, если былъ кто нибудь изъ семьи убитъ, а мать въ то время была беременна и затѣмъ рожала дочь, то дитя убивали. Убивали не сейчасъ, а немного спустя, когда ребенокъ подросталъ настолько, что начиналъ сидѣть, былъ бальчыръ. Убивая, приговаривали: «Черезъ тебя твой старшій братъ (а мстили больше за братьевъ) доблестный взрослый человѣкъ погибъ... Ты намъ принесла такое счастье, джолъ». Если же новорожденный оказывался мальчикомъ, то его старательно воспитывали, кормили хорошо, присматривали бдительно. А затѣмъ, когда онъ подрасталъ, въ него стрѣляли изъ маленькихъ игрушечныхъ луковъ игрушечными стрѣлами, остріе которыхъ могло

[1] Срв. интересный случай кровавой мести за принятіе присяги у атрекскихъ іомудовъ. См. въ настоящемъ Сборникѣ ниже, статью Н. Н. Іомудскаго «Присяга у Закаспійскихъ туркменъ». *Ред.*

[2] Леонтовичъ, II, стр. 2, 258; I, стр. 140.

пробить только кожу, не больше. Ребенокъ, избѣгая ударовъ, учился наблюдать полетъ стрѣлъ и уклоняться отъ нихъ. Затѣмъ его самого учили стрѣльбѣ, учили владѣть копьемъ, подкарауливать и выслѣживать добычу и врага, пока не выходилъ изъ него воинъ, который могъ отомстить за убитаго. Тогда сообщали ему имя убійцы, и онъ уходилъ. Въ то время таковъ былъ якутскій законъ: долженъ или самъ погибнуть, или убить убійцу. Если тотъ уже умеръ или убилъ его кто нибудь другой, то месть переносилась на родственниковъ. И такъ воевали иногда до девятаго колѣна» [1].

По понятіямъ бурятъ, обиженный долженъ отомстить за обиду непремѣнно, а обидчикъ долженъ ждать мести.

Царь Баянъ-Хаза (въ сказкѣ того же названія) узнаетъ, что его жена, скотъ и рабы захвачены. Онъ въ гнѣвѣ говоритъ: «Чей сынъ, родившись бабою, долженъ сидѣть дома, лишившись жены, всѣхъ подданныхъ и разнаго скота. Чей сынъ, родившись мужчиною, долженъ безнаказанно заполонить чужую жену, чужихъ подданныхъ и угнать чужой скотъ» [2].

Такой же мотивъ слышится въ монгольскихъ и татарскихъ сказкахъ.

Богатырь Кандырка бросилъ свою беременную жену, завелъ себѣ другую бабу и сталъ съ ней жить. Приходитъ къ нему одинъ человѣкъ и говоритъ: «Твоя жена сына родила... смотри, какъ бы тебѣ не умереть отъ руки сына». То же самое говоритъ и баба, съ которой сошелся богатырь: «Смотри, какъ бы сынъ тебя не убилъ и не разбилъ бы моего дома». И, дѣйствительно, когда сына подросъ, онъ отомстилъ за обиду матери: отца убилъ, забралъ бабу, ея скотъ и рабовъ [3].

Семь Дундушей убили мать Ментыша. Ментышъ путемъ хитрости достигъ того, что убійцы убили своихъ матерей, а потомъ утонули. Сказка оканчивается словами, что Дундуши имѣли дурное сердце, а Ментышъ имѣлъ добрую душу. Очевидно, месть была похвальнымъ дѣяніемъ [4].

---

[1] Сѣрошевскій, стр. 454—455.
[2] Балаганскій сборникъ, стр. 142.
[3] Зап. Красн. под., 244—245.
[4] Потанинъ. Очерки Монголіи, IV, 235—237.

Харъ-Хурмукчинъ убилъ Койтынъ-Зеби, а жену его взялъ въ плѣнъ. Она была беременна и въ плѣну родила сына. Мстителемъ долженъ быть братъ убитаго или его сынъ. Мать говоритъ новорожденному сыну: «Ты, невинный младенецъ, не знаешь, что твоего отца убилъ Хара-Хурмукчинъ и меня взялъ въ плѣнъ. Если ты счастливъ, то твой дядя убьетъ Харъ-Хурмукчина, а не то онъ будетъ убитъ: на третьемъ году я посажу тебя на коня, и поѣзжай ты вслѣдъ за Харъ-Хурмукчиномъ» [1].

Въ заключеніе приведу характеристику австралійцевъ, сдѣланную сэромъ Джорджемъ Грэйемъ: «Самый священный долгъ изъ всѣхъ, которые туземецъ обязанъ выполнить, есть мщеніе за смерть его ближайшаго родственника, которое лежитъ исключительно только на немъ; до тѣхъ поръ, пока онъ не выполнитъ этого долга, его постоянно преслѣдуютъ укорами старыя женщины, а если онъ женатъ, то его жена скоро оставляетъ его; если же онъ не женатъ, то ни одна молодая женщина не станетъ говорить съ нимъ; его мать постоянно будетъ жаловаться и плакать о томъ, что родила такого недостойнаго сына; его отецъ будетъ относиться къ нему съ презрѣніемъ; укоризны будутъ постоянно раздаваться въ его ушахъ» [2].

Приведенные факты достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что, по воззрѣніямъ древняго человѣка, обиженный долженъ отомстить и обидчикъ долженъ понести возмездіе за свою вину, что месть—не только право, но и обязанность мстителя, что исполненіе мести есть славный доблестный подвигъ, уклоненіе отъ нея—позорный поступокъ.

Въ наше время, когда господствующей формой права является законъ, предписанія права не всегда выполняются. Случается, что законъ не соотвѣтствуетъ народному правосознанію; такой законъ не пользуется уваженіемъ и авторитетомъ въ глазахъ населенія; ему подчиняются только за страхъ, а не за совѣсть; сама власть вынуждена бываетъ мириться съ его нарушеніемъ, смотрѣть сквозь пальцы на его неисполненіе.

Нерѣдко такими законами являются законы о смертной казни.

---

[1] Тамъ же, IV, 443.

[2] Спенсеръ, стр. 111.

Эпохой наибольшаго развитія смертной казни въ Россіи является XVII вѣкъ и начало XVIII вѣка. Изслѣдователь исторіи русскаго уголовнаго права въ XVII вѣка проф. Сергѣевскій говоритъ: «Въ массѣ случаевъ въ памятникахъ свершенно опредѣленно назначается смертная казнь, а на практикѣ примѣняются другія наказанія. Изъ простого обзора тѣхъ узаконеній, въ которыхъ на извѣстныя дѣянія назначается смертная казнь, несомнѣнно явствуетъ, что въ весьма многихъ изъ указанныхъ въ законѣ случаевъ она не могла быть всегда примѣняема въ дѣйствительности по той простой причинѣ, что при строгомъ и послѣдовательномъ, по буквѣ закона, ея примѣненіи, на Руси не осталось бы ни воеводъ, ни дьяковъ, ни торговыхъ людей, ни другихъ жителей. Цифры казненныхъ были громадны; но онѣ должны были бы увеличиться въ десятки и сотни разъ, если бы всякая угроза смертью въ законѣ всегда осуществлялась въ дѣйствительности» [1].

Къ этому мнѣнію присоединяется и проф. Филипповъ, авторъ изслѣдованія о наказаніи по законодательству Петра Великаго. Онъ говоритъ: «Какъ ни мало, къ сожалѣнію, въ изданныхъ актахъ имѣется свѣдѣній для сужденія о степени примѣненія смертной казни на практикѣ, однако, кажется, нельзя не вывести, даже изъ данныхъ матеріаловъ, того заключенія, что обычно лишеніе жизни примѣняется лишь въ крайнихъ случаяхъ» [2].

Въ этомъ отношеніи обычай кровавой мести отличается отъ закона о смертной казни. Обычное право соотвѣтствуетъ народному правосознанію. Мало того: оно соотвѣтствуетъ этическимъ и религіознымъ воззрѣніямъ народа. Кровавая месть—не только право, это обязанность, которая непремѣнно должна быть исполнена. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда законы о смертной казни не исполнялись съ такой неукоснительностью, какъ обычаи кровавой мести... И несомнѣнно, что въ древности случаи убійства въ отомщеніе имѣютъ мѣсто гораздо чаще, нежели позже случаи убійства во исполненіе судебнаго приговора.

---

[1] Сергѣевскій, 27.
[2] Филипповъ, 306.

Большое распространеніе убійствъ въ отомщеніе обусловлено было также чрезвычайно широкимъ кругомъ тѣхъ, которые мстили, и тѣхъ, кому мстили.

Мстителями выступали не только оскорбленные или ихъ ближайшіе родственники, но и другія лица, находившіяся въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ съ ними. Принципъ индивидуальности отвѣтственности не сознавался. Месть падала на виновнаго, падала и на лицъ невинныхъ. Не сознавались или сознавались неясно условія вмѣненія, а потому мести подвергались всѣ, совершившіе извѣстное дѣйствіе, безотносительно къ ихъ виновности.

Въ Черногоріи «часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій. И месть почти никогда не останавливалась на одномъ, но многіе падали жертвою за обиду, причиненную однимъ» [1].

Также точно у арабовъ мстятъ не только виновному, но нерѣдко его невинному родственнику, а иногда лучшему человѣку племени. Месть переходитъ изъ рода въ родъ и оканчивается лишь съ истребленіемъ всѣхъ противниковъ [2].

Въ древней Норвегіи господствовалъ такой обычай: если кто нибудь будетъ убитъ, то за него убивали лучшаго члена изъ рода убійцы, хотя бы убійство совершилось безъ знанія, воли и одобренія послѣдняго [3].

Въ русской лѣтописи отмѣчено нѣсколько случаевъ, когда мстители убивали невинныхъ, но такъ или иначе связанныхъ съ виновнымъ.

Княгиня Ольга мститъ древлянамъ (главнымъ образомъ, «лучшимъ», или «нарочитымъ людямъ» древлянскимъ), не отличая виновныхъ отъ невинныхъ въ убійствѣ ея мужа. Она мстила четыре раза: въ первый разъ жертвами ея мести пало 20 человѣкъ; въ третій разъ—5000 человѣкъ; сколько было убито во второй и четвертый разъ, лѣтописецъ не указываетъ.

Князь Василько, мстя виновнику своего ослѣпленія, погубилъ много невинныхъ людей: «Городъ зажгоста огнемъ, и выбѣгоша

[1] Поповъ, 143—144.
[2] Tobien, 37.
[3] Wilda, 174, примѣчаніе I.

людье огня, и повелѣ Василько вся исѣщи и створи Василько мьщенье не людехъ неповиньныхъ и пролья кровь неповиньну».

Князь Олегъ въ 1284 г. убилъ князя Святослава; братъ убитаго отомстилъ убійцѣ и его невиннымъ дѣтямъ; «Послѣди же Святославль братъ Александръ уби Олега и 2 сына его мала».

Изслѣдователи обычнаго права кавказскихъ инородцевъ говорятъ:

«Еще въ недавнее время кровомщеніе существовало въ полной силѣ у черкесъ. За одного убитаго мстилъ родъ роду, аулъ аулу. Разъ совершенное преступленіе вело за собою рядъ кровомщеній, тянувшихся въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, даже нѣсколько вѣковъ» [2].

У кумыковъ «обязанность мести лежитъ на ближайшемъ родственникѣ; если же нѣтъ таковаго, то на другѣ убитаго; если же нѣтъ ни родственника, ни друга, то мстителемъ является знакомый или хозяинъ дома; принять на себя обязанность мести считается особенной честью и безчестіемъ уклониться отъ этой обязанности или исполнить ее безъ надлежащей настойчивости» [3].

У осетинъ—«всѣ лица, принадлежащія къ одной фамиліи, обязаны были, по народнымъ обычаямъ, оказывать между собою взаимную защиту, мстить оружіемъ за смерть, за оскорбленіе чести, нарушеніе права личной неприкосновенности и собственности, отчего кровомщенія не имѣли границъ, уничтожали цѣлыя фамиліи, и эта безпредѣльная месть, какъ чума, препятствовала развитію всякой гражданственности и благоустройства въ народѣ» [4].

Въ 1859 году были отмѣнены осетинами нѣкоторые «вредные обычаи». Въ силу этихъ обычаевъ, кровавой мести подвергался всякій, имѣющій какое нибудь прикосновеніе къ факту убійства. Напримѣръ, мести подлежалъ владѣлецъ животнаго, которое причинило смерть человѣку; точно также мести подлежали: владѣлецъ оружія, которымъ кто нибудь убитъ; неосторожный убійца; хозяинъ, убившій вора въ состояніи необходи-

---

[1] Ипат. 35—38, 175; Лавр. 207.
[2] Леонтовичъ, Адаты, I, 165.
[3] Тамъ же, II, 212—213.
[4] Тамъ же, II, 57.

мой обороны; малолѣтній ребенокъ, убившій кого-нибудь; женщина, убившая человѣка, пытавшагося ее изнасиловать; мальчикъ, убившій того, кто покушался на мужеложство съ нимъ... [1].

У якутовъ «родовая вражда передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе» [2].

Чукчи чрезвычайно обидчивы, они обидъ не прощаютъ и молча выжидаютъ случая отомстить обидчику, стараясь непремѣнно убить его. Если чукчѣ при его жизни не удастся отомстить, онъ завѣщаетъ месть сыну; такимъ образомъ, месть переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе [3].

Месть требуетъ силы для своего осуществленія, это право сильнаго. Мстятъ обыкновенно мужчины. Но когда нѣтъ мстителя мужчины, мстятъ и женщины.

Русская лѣтопись разсказываетъ о мести Ольги за убійство мужа и о попыткѣ Рогнѣды отомстить за смерть отца.

Въ германскихъ сагахъ сестра мститъ за смерть братьевъ.

Въ монгольскихъ лѣтописяхъ есть разсказы о мести жены за убійство мужа. Въ монгольскихъ сказкахъ убійца убѣгаетъ послѣ совершенія преступленія, опасаясь мщенія со стороны жены убитаго [4].

Въ сказкѣ черневыхъ татаръ «Алтынъ-Арыхъ» (Богатырь-дѣвка) богатырь говоритъ своему коню: «Богатыри Пустугъ-Казъ и Тюрлю-Казъ убили Бѣлаго царя». А конь отвѣчаетъ: «Если бы сынъ остался у царя, отомстилъ бы онъ имъ, а то дѣвка осталась»... Однако, эта дѣвка (дочь Бѣлаго царя Алтынъ-Арыхъ) оказалась богатыремъ: она убила убійцъ своего отца [5].

Убійство человѣка влекло за собою месть въ видѣ лишенія жизни: убійца долженъ быть убитъ и кровью своей заплатить за кровь убитаго. И въ памятникахъ древней исторіи права современныхъ культурныхъ народовъ и въ памятникахъ обыч-

[1] Леонтовичъ. Адаты, II, 45—48.
[2] Сѣрошевскій, 450.
[3] Якушкинъ, 72.
[4] Потанинъ, Очерки Монголіи, IV, 517.
[5] Зап. Красн. под., 209—212.

наго права дикарей встрѣчаемъ многочисленныя доказательства, подтверждающія это положеніе. А такъ какъ во времена первобытной дикости жизнь и вообще личность человѣческая цѣнилась слишкомъ низко, то можно предположить, что убійства были явленіемъ довольно частымъ, а, слѣдовательно, частымъ явленіемъ была и кровавая месть за убійство.

Но не однимъ убійствомъ вызывалась кровавая месть. Она вызывалась и другими преступленіями—значительными и незначительными.

Проф. Сергѣевичъ приводитъ исторію Исава и Іакова, какъ любопытный примѣръ кровавой мести, вызываемой не убійствомъ. «Исавъ, какъ старшій сынъ, имѣлъ право на первенство. Ревекка, болѣе любившая младшаго сына Іакова, устроила такъ, что старшинство досталось этому младшему, что возбудило негодованіе со стороны старшаго сына Исава, который возгорѣлся чувствомъ мести къ брату. По этому поводу Ревекка говоритъ Іакову: «Зачѣмъ я должна потерять васъ обоихъ въ одинъ день», и совѣтуетъ ему уйти. Ясно, что Исавъ могъ убить брата своего Іакова за то, что тотъ обманомъ получилъ отъ отца благословеніе, которое принадлежало Исаву, какъ старѣйшему» [1].

Подобныхъ примѣровъ можно привести много. Ограничимся нѣкоторыми:

По древнему исландскому праву, «за три срамныя слова можно мстить смертью: ragan—презрѣнный трусъ, strothin—проституированный, sorthin—содомитъ» [2].

Древнѣйшая «Русская Правда» (Правда Ярослава) постановляетъ, что холопъ, ударившій свободнаго мужа, можетъ быть убитъ [3].

По скандинавскому обычному праву, можно было убить всякаго, кто назоветъ свободнаго человѣка рабомъ [4].

У кавказскихъ горцевъ кровавая месть вызывалась оскорбленіемъ рода и разнообразными посягательствами на личныя и имущественныя права.

---

[1] Сергѣевичъ, 373.
[2] Du Boys, I, 43.
[3] Христоматія, I, Рус. пр. по Академ. списку, ст. 17.
[4] Стрингольмъ, 79.

По адатамъ осетинъ, «каждый родственникъ убитаго обязывался священнымъ долгомъ мстить смертью убійцѣ и его родственникамъ... похищеніе женщины наказывается такъ же, какъ и убійство... насиліе женщины оплачивается убійствомъ или цѣною крови... Самою жестокою обидою считается, если кто при свидѣтеляхъ убьетъ собаку и скажетъ, что онъ убиваетъ ее за принадлежащаго къ такому то роду покойника, такая обида очищается только убійствомъ» [1].

У пшавовъ кровавая месть примѣнялась въ случаяхъ убійствъ, увѣчій и прелюбодѣяній [2].

У абхазцевъ кровавая месть полагалась за отказъ невѣсты или ея родителей отъ условленнаго заранѣе брака, а также за разводъ, вызванный оскорбленіями или дурной жизнью одного изъ супруговъ [3].

Въ адатахъ горцевъ сѣвернаго Кавказа читаемъ: «Всѣ преступленія большой важности, какъ то: убійство, нанесеніе раны, насиліе женскаго пола и даже оскорбленіе, причиненное побоями, плетью или другимъ орудіемъ, рѣшаются мщеніемъ» [4].

Проф. Леонтовичъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ о кровавой мести по адатамъ различныхъ кавказскихъ инородцевъ: «Наиболѣе тяжкими по своей наказуемости дѣйствіями считаются прежде всего дѣйствія, направленныя противъ интересовъ родовыхъ (измѣна роду и сношеніе съ невѣрными, неповиновеніе людей подвластныхъ родовымъ нарядникамъ и владѣльцамъ), затѣмъ квалифицированныя личныя и имущественныя правонарушенія (убійство и пораненіе въ особенности главъ рода и семьи, изнасилованіе и безчестіе женщинъ, побои плетью или оружіемъ и явный грабежъ)—правонарушенія эти влекутъ за собою кровомщеніе рода или семьи» [5].

У киргизовъ въ старину кровавая месть, вѣроятно, примѣнялась и въ случаѣ личныхъ оскорбленій. На это указываетъ сохра-

---

[1] Леонтовичъ. Адаты, II, 2—5.
[2] Юр. Вѣстн., 1888, февр.
[3] Якушкинъ, 206.
[4] Леонтовичъ, Адаты, II, 236.
[5] Онъ же, Адаты I, 395.

нившійся до поздняго времени обрядъ примиренія. «Испрошеніе прощенія за личныя оскорбленія происходитъ публично, при большомъ стеченіи народа. Виновный подходитъ къ оскорбленному, снимаетъ свой аракчинъ и кладетъ съ плетью у ногъ его, говоря: «Мене басымъ кесенъ, мене канымъ тексенъ», т. е. рѣжь мою голову, проливай мою кровь. Въ отвѣтъ на это потерпѣвшій говоритъ: «Кештымъ», т. е. прощаю [1].

Изъ одной монгольской сказки о хитромъ ворѣ видно, что месть въ формѣ убійства практиковалась по отношенію къ обманщикамъ [2]. О томъ же свидѣтельствуетъ сказка черневыхъ татаръ объ Алтай-Богатырѣ [3].

Въ монгольской хроникѣ (Алтанъ-Тобчи) разсказывается: Тайсунъ-ханъ, заподозривъ жену свою въ невѣрности, любовника ея убилъ, а ее отправилъ къ отцу съ отмороженными ушами и носомъ. Отецъ, мстя за оскорбленіе дочери, убилъ Тайсунъ-хана и его сыновей [4].

Въ одной сказкѣ монгольской развита та же тема: Жена богатыря, увидя, что ея мужъ привелъ въ домъ другую жену, уѣхала къ отцу. Отецъ, выслушавъ жалобу дочери, пріѣхалъ къ зятю и сказалъ: «Ты что же надъ чужими дѣтьми смѣешься». Затѣмъ взялъ стрѣлу и прошибъ зятя въ самое сердце насквозь [5].

Въ «Исторіи Монголовъ» тоже разсказанъ случай убійства въ отмщеніе за оскорбленіе дочери. Чингисъ-ханъ давалъ дочь свою беку Терке-илу. Но послѣдній сказалъ: «Дочь твоя лягушка и черепаха, какимъ образомъ возьму ее». Чингисъ-ханъ разсердился и казнилъ его [6].

А вотъ еще одинъ оригинальный случай оскорбленія, вызвавшаго кровавую месть:

Бэгэрсэнъ-Тайши онигутскій приготовлялъ кушанье для пира и налилъ себѣ бульону, покрытаго пузырями жира, и, простуживая его, пилъ. Въ это время Сайнъ-Тулэгэнъ, сынъ Туншина,

---

[1] Матеріалы, 72.
[2] Потанинъ. Очерки Монголіи, IV, 247—249.
[3] Зап. Красн. под., 214.
[4] Алтанъ-Тобчи, 48.
[5] Потанинъ. Очерки Монголіи, IV, 565.
[6] Ист. монгол., 149.

изъ рода Монголчиновъ, будучи одержимъ жаждою, просилъ его налить ему этого бульона; но Бэгэрсэнъ налилъ ему не простуженнаго, а горячаго; тотъ, не зная, что бульонъ горячій, вдругъ хватилъ и ожегся. Тулэгэнъ подумалъ: если проглотить, то сердце загорится, если же выбросить, — то стыдно; такимъ образомъ, держа его во рту, понемногу вдыхая воздухъ, простудилъ, но все таки кожица нёба слѣзла. Тулэгэнъ сказалъ: «Не забуду этого и буду мстить до конца жизни; когда нибудь придетъ время мщенія» [1].

По понятіямъ монголовъ, и имущественныя правонарушенія могли повлечь за собою расплату въ видѣ убійства правонарушителя.

Мергитскій государь Тухта-бики напалъ на начальника племени Джурьятъ Джамугу-Сэцэна, ограбилъ его домъ и увезъ весь его скарбъ. Джамуга смирился и поступилъ на службу къ Тухта-бики. Однажды онъ хитростью вмѣстѣ съ 30 своими служителями проникъ рано утромъ въ палатку Тухта-бики, гдѣ не было ни души, кромѣ государя. Случай для мести былъ очень удобный. Тогда Тухта-бики пролилъ кумысъ изъ золотой чаши и поклялся: «Я даю тебѣ кибитку твою, домъ и скарбъ твой и отнынѣ не сдѣлаю тебѣ ничего, что бы заслуживало извиненія, и ничего дурного». Такъ онъ избѣжалъ смерти, говоритъ лѣтописецъ [2].

Періодъ кровавой мести есть не только время наибольшаго распространенія смертныхъ казней (убійствъ въ отомщеніе). Это вмѣстѣ съ тѣмъ время наибольшей жестокости при совершеніи этихъ казней.

По совершенно справедливому замѣчанію проф. Кистяковскаго, «не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ періодъ мести были выработаны главнѣйшія формы исполненія смертныхъ казней. Частная месть явилась первой изобрѣтательницей мучительныхъ

---

[1] Алтанъ-Тобчи, 71.
[2] Ист. Монг., 202.

смертныхъ казней, изобрѣтеніе которыхъ напрасно привыкли приписывать исключительно общегосударственной власти» [1].

По разсказу нашего начальнаго лѣтописца, княгиня Ольга мстила древлянамъ за смерть своего мужа въ четыре пріема, при этомъ каждый разъ придумывала новый видъ мести.

Двадцать лучшихъ древлянскихъ мужей, отправленныхъ послами къ ней, были живыми закопаны въ глубокую яму. Другихъ лучшихъ мужей, участниковъ второго посольства, она сожгла въ банѣ. Затѣмъ она устроила тризну по мужѣ: когда древляне напились, она «повелѣ отрокомъ сѣчи я, и исъсѣкоша и 5000». Наконецъ, городъ Искоростень подожгла, «старѣйшины же города пжьже и прочая люди овѣхъ изби, а другія работѣ преда мужемъ своимъ»... [2].

О жестокой формѣ кровавой мести свидѣтельствуетъ русская лѣтопись и подъ 1070 годомъ. Княжескій воевода призналъ волхвовъ виновными въ умерщвленіи многихъ женщинъ. Онъ выдалъ ихъ родственникамъ умерщвленныхъ, сказавъ: «мстите своихъ». «Они же», т. е. родственники, «биша ихъ и взвѣсиша на дубъ». Эта мучительная казнь является зародышемъ колесованія или четвертованія: сначала подвергаютъ истязаніямъ, а потомъ лишаютъ жизни.

Объ утонченной жестокости казней разсказывается въ пѣсняхъ Эдды.

Вёлундъ, сынъ короля Финна, былъ знаменитый кузнецъ, опытный въ чарахъ разнаго рода. Нидудъ, король шведскій, прослышавъ о его дивномъ искусствѣ, велѣлъ его схватить, посадить въ заточенье и перебить ему ноги, чтобы хитрый кузнецъ не имѣлъ возможности убѣжать изъ плѣна. Страшная злоба затаилась въ душѣ кузнеца, долго думалъ онъ о мести, наконецъ, зазвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей Нидуда, убилъ ихъ, перековалъ черепа ихъ въ кубки, глаза—въ драгоцѣнные камни, зубы—въ ожерелье и послалъ все это въ подарокъ королю, его женѣ и дочери [3].

---

[1] Кистяковскій, 245.

[2] Ипат., 35—38.

[3] Полевой, стр. 6.

Атли беретъ за себя овдовѣвшую жену Сигурда Гудруну. Гудруна мститъ Атли за смерть своихъ братьевъ Гуннара и Гогни. Она убиваетъ своихъ дѣтей, прижитыхъ съ Атли, дѣлаетъ изъ ихъ череповъ чаши, наполняетъ ихъ смѣсью изъ крови убитыхъ сыновей и вина, жаритъ сердца сыновей и этимъ угощаетъ Атли; ночью она его убиваетъ [1].

Въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ есть тоже указанія на жестокость, проявленную женщиной мстительницей. Чингисъ взялъ въ плѣнъ Шитургу-хана и сталъ жить съ его женой. Ночью жена убитаго оскопила Чингиса, и онъ умеръ [2].

У китайцевъ, по свидѣтельству «Исторіи Монголовъ», виновнаго прибивали желѣзными гвоздями къ деревянному ослу [3].

Въ монгольскихъ сказкахъ упоминается о кровавой мести въ формахъ сожженія, растерзанія лошадьми, потоптанія лошадьми, утопленія, разрѣзанія на части...

Богатырь Мекеле убилъ убійцу своего брата, — трупъ его сжегъ и пепелъ разсѣялъ по воздуху [4].

Караты-ханъ убилъ Узунъ-ачака и женился на его сестрѣ. Но Узунъ-ачакъ ожилъ, отыскалъ Караты-хана, его убилъ, а сестру привязалъ къ хвостамъ двухъ жеребцовъ, которые ее разорвали [5].

Та же тема и въ другой сказкѣ: У богатыря Ховугу была сестра, которая помогла своему любовнику убить его. Но богатырь, благодаря цѣлебнымъ средствамъ, ожилъ. Онъ отыскалъ сестру и ея любовника; послѣдняго изрѣзалъ на десять частей, а сестру привязалъ къ хвостамъ девяти кобылъ и разорвалъ на части [6].

Мать и сестра богатыря Тонджи-Мергена завели себѣ любовника. Съ ихъ помощью любовникъ убилъ богатыря. Черезъ три

---

[1] Грановскій, 298.

[2] Потанинъ, Вост. мот. 30, 827 и 831. Его же, Танг.-Тиб. окр. 268—270.

[3] Ист. Монг., 52—57.

[4] Потанинъ. Очерки Монголіи, IV, 463.

[5] Тамъ же, IV, 594.

[6] Тамъ же, II, 175—177.

года богатырь ожилъ; онъ убилъ своего убійцу, а сестру и мать заставилъ ежедневно доить 80 дикихъ кобылъ. Кобылы убили ихъ [1].

Одинъ богатырь побѣдилъ другого и его жену сдѣлалъ своею второй женой. Обѣ жены считали необходимымъ отомстить ему: первая за оскорбленіе, вторая за убійство мужа. Богатырь напился пьянымъ; его зашили въ шкуру и бросили въ море [2].

Съ чрезвычайно жестокими формами кровавой мести встрѣчаемся въ бурятскихъ сказкахъ.

Одинъ старикъ обманнымъ образомъ женился на двухъ дѣвушкахъ. Узнавши про этотъ обманъ, молодыя жены отомстили своему мужу: убили его, тѣло сожгли на кострѣ, забрали все имущество и переѣхали къ отцу [3].

Сожженіе виновнаго — обыкновенный видъ кровавой мести. Мститель убиваетъ убійцу своего родственника, собираетъ таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками, сжигаетъ тѣло убитаго, а оставшіеся кости и пепелъ разбрасываетъ лопатою [4].

Богатый царь Бадма (въ сказкѣ того же названія), узнавъ про злодѣйства своихъ двухъ старшихъ женъ, разсердился и спросилъ ихъ: «Любы ли вамъ хвосты семидесяти соловыхъ кобылъ и вершины семидесяти красныхъ лиственницъ». Послѣ этого онъ одну старшую жену привязалъ къ хвостамъ семидесяти соловыхъ кобылъ; привязавъ, кобылъ отпустилъ и крикнулъ, семьдесятъ соловыхъ кобылъ разорвали ее на семьдесятъ частей и убѣжали въ разныя стороны. Другую старшую царицу привязали къ вершинамъ семидесяти красныхъ лиственницъ и вершины отпустили; вершины семидесяти лиственницъ выпрямились и разорвали ее на семьдесятъ частей. Всѣ разорванныя части поклевали сороки и вороны [5].

Богатырь Ута-Сагатъ поѣхалъ воевать. Его завистливый дядя Хара-Сотонъ пріѣхалъ къ женѣ племянника, угрозами и побоями

[1] Тамъ же, IV, 399—401.
[2] Тамъ же, IV, 586.
[3] Бурят. сказки, 11.
[4] Бурятскія сказки, 118, 121, 130, 141, 151.
[5] Балаган. сборн., 166.

заставилъ ее выйти за него замужъ. Богатырь вернулся побѣдителемъ и, узнавъ, что произошло въ его отсутствіе, отомстилъ своему дядѣ: онъ поймалъ завистливаго дядю за сѣдые волосы и началъ бить; потомъ приколотилъ его желѣзными гвоздями къ деревянному столбу на разстани трехъ дорогъ; подъ нимъ поставилъ деревянную бочку, а на деревянномъ столбѣ написалъ, что каждый ѣдущій мимо долженъ отъ тѣла завистливаго дяди Хара-Сотона отрѣзать кусокъ мяса и положить въ бочку. Проѣзжающіе такъ и дѣлали [1].

Утонченный способъ кровавой мести введенъ въ Австраліи у нариньеріевъ: жаждущій мести втыкаетъ конецъ копья или острый конецъ кости въ мясо разлагающагося трупа и оставляетъ его тамъ на нѣсколько недѣль, затѣмъ онъ пропитываетъ пучекъ волосъ трупнымъ жиромъ, обертываетъ имъ конецъ остраго нельери и такимъ образомъ однимъ уколомъ можетъ привить трупный ядъ врагу [2].

Кровавая месть не ограничивается только лишеніемъ жизни виновнаго или близкихъ ему людей. Мститель уничтожаетъ или захватываетъ имущество обидчика, обращаетъ въ рабство близкихъ ему людей. Въ этомъ можно видѣть зародыши явленій будущаго, когда конфискація имущества была необходимымъ результатомъ преданія преступника смертной казни и когда его семья подвергалась той или иной отвѣтственности.

Гудруна, мстя Атли, убиваетъ дѣтей, потомъ его самого, а послѣ того сжигаетъ его зàмокъ со всею челядью, какая въ немъ находилась [3].

Княгиня Ольга сжигаетъ древлянскій городъ, однихъ древлянъ убиваетъ, другихъ дѣлаетъ рабами [4].

У черкесовъ кровоместникъ убиваетъ, сжигаетъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейства, поджигаетъ ночью сакли, крадетъ дѣтей [5].

---

[1] Тамъ же, 65—66.
[2] Ратцель, I, 368.
[3] Полевой, 15.
[4] См. выше.
[5] Леонтовичъ, Адаты, I, 166.

Въ монгольской сказкѣ богатырь, мстя за смерть брата, убилъ убійцу, угналъ его народъ (рабовъ) вмѣстѣ со скотомъ и собаками, захватилъ его золото и серебро, отца его заставилъ собирать аргысынъ и пасти скотъ, а мать — доить коровъ и выносить золу [1].

Въ другой монгольской сказкѣ месть заключается въ томъ, что мститель убиваетъ убійцъ и затѣмъ беретъ себѣ въ услуженіе всю ихъ семью, кого въ пастухи, кого въ стряпки [2].

Въ бурятской сказкѣ «Баянъ-Хара» богатырь Алтай-Шагай-Мöргöнъ убиваетъ своего обидчика, сжигаетъ его трупъ, затѣмъ поджигаетъ его дворецъ, захватываетъ всѣхъ подданныхъ, разный скотъ, золото, серебро, не оставивъ ни обрывка кожи ни обломка ножа [3].

Тотъ періодъ въ исторіи человѣчества, когда кровавая месть господствовала, когда она достигла апогея своего развитія, есть періодъ постоянной внутренней борьбы—bellum omnium contra omnes.

Русскіе славяне пережили этотъ періодъ въ доисторическое время. Въ начальной лѣтописи сохранились лишь краткія указанія на то, что такой періодъ былъ когда то. Такъ, разсказывая о новгородскихъ славянахъ до призванія варяжскихъ князей, лѣтописецъ говоритъ: «Не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ, и быша усобицѣ въ нихъ, и воевати сами на ся почаша». Древляне, по словамъ лѣтописца, когда то въ старину «живяху звѣрскимъ образомъ, живуще скотьськы и убиваху другъ друга» [4].

У якутовъ остались слѣдующія воспоминанія о временахъ господства у нихъ кровавой мести:

«Въ старину мы не знали ни законовъ, ни Бога... Кто былъ сильный, тотъ былъ и правый»... «Въ старину сильный и богатый, что хотѣлъ, то и дѣлалъ»... «Въ старину люди постоянно между собою воевали, отнимали другъ у друга скотъ, уводили

---

[1] Потанинъ, Очерки Монголіи, IV, 453.
[2] Тамъ же, IV, 621.
[3] Балаган. сборн. 151—152.
[4] Ипат. лѣт., 7, 11.

женщинъ. Кто что хотѣлъ и могъ, то и дѣлалъ»... «Древнимъ якутамъ убить человѣка казалось такъ же просто, какъ убить еврашку»... «Старинные якуты не работали, сѣна не косили, а только то и дѣлали, что шатались съ мѣста на мѣсто, грабя и убивая» [1].

У полинезійцевъ и меланезійцевъ кровавая месть сохранила полное господство до недавнихъ временъ. «Мнѣ кажется», говоритъ Кукъ, «что новозеландцы живутъ въ постоянномъ страхѣ взаимныхъ нападеній. Немногія племена не питаютъ увѣренности, что онѣ не потерпѣли несправедливости отъ какого-либо другого племени и не думаютъ постоянно о мести» [2].

Состояніе постояннаго страха за жизнь, здоровье, свободу и имущество, состояніе полной необезпеченности личной и имущественной безопасности, состояніе вѣчнаго самоуправства, насилія и произвола — долго существовать не могло, ибо при немъ немыслимо общежитіе. Необходимъ былъ выходъ изъ этого состоянія. Люди упорно стремятся найти такой выходъ и находятъ его. Не тотъ выходъ, который придумали представители школы естественнаго права, — не заключеніе договора объ образованіи государства на основѣ указаній разума. Этотъ способъ, самый простой и вѣрный, повидимому, съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, совершенно недоступенъ первобытному дикарю. Передъ нимъ лежалъ другой путь, единственный, по которому онъ долженъ былъ пойти и пошелъ: путь медленнаго и постепеннаго ослабленія самоуправства и водворенія началъ права.

Кровавая месть постепенно ограничивается. Начало этихъ ограниченій скрывается въ глубокой древности. Съ теченіемъ времени они увеличиваются все болѣе и болѣе, и кровавая месть вымираетъ.

Кругъ преступленій, вызывающихъ кровавую месть, съуживается. Съуживается кругъ мстителей, а также кругъ лицъ, которымъ можно мстить; въ частности освобождаются отъ мщенія лица невинныя. Появляются мѣста убѣжища, дающія защиту преслѣдуемому отъ мстителя. Установляется jus talionis. Уста-

[1] Сѣрошевскій, 455—456.
[2] Ратцель, I, 133.

новляется предѣльный срокъ, до котораго можно мстить. Начинаютъ практиковаться различные способы примиренія обидчика съ мстителемъ; въ частности начинаютъ практиковаться замѣняющіе кровавую месть денежные выкупы. Послѣдніе примѣняются чаще и чаще и пріобрѣтаютъ значеніе господствующей формы наказанія. Появляется система выкуповъ, замѣнившаяся впослѣдствіи системой личныхъ каръ, налагаемыхъ государствомъ въ интересахъ государственныхъ. Кровавая месть выходитъ изъ употребленія, ибо при государственномъ характерѣ наказанія нѣтъ мѣста произволу частнаго лица.

Процессъ ограниченія и, затѣмъ, вымиранія мести, отдѣльные этапы котораго я намѣтилъ, совершался въ исторіи медленно и постепенно. Когда выкупы сдѣлались уже обычнымъ явленіемъ долгое время рядомъ существовали и выкупы, и кровавая месть. Когда появилась система личныхъ каръ, слѣды кровавой мести сохранились въ этой системѣ: государство заступаетъ мѣсто частнаго мстителя, оно казнитъ смертью нарушителей своихъ законовъ, при чемъ въ числѣ прочихъ цѣлей этого наказанія выдвигаетъ старинную идею возмездія и въ началѣ передаетъ осужденнаго на смерть въ руки пострадавшаго, казнитъ—не только виновнаго, но и близкихъ ему лицъ, не только за важныя преступленія, но и за маловажныя правонарушенія, не только путемъ простого лишенія жизни, но и прибѣгая къ различнымъ мученіямъ и истязаніямъ, не только казнитъ смертью, но прибѣгаетъ и къ конфискаціи имущества. Когда смертная казнь достигла апогея своего развитія, казалось, что вернулись времена кровавой мести. Но подобно тому, какъ постепенно вымирала кровавая месть, постепенно вымираетъ смертная казнь.

Процессъ вымиранія смертной казни начался уже давно, и не за горами то время, когда онъ закончится. Какъ въ мірѣ физическомъ смерти предшествуетъ агонія, такъ и въ мірѣ духовномъ, когда существованіе какого либо явленія въ силу измѣнившихся условій общественной жизни представляется анахронизмомъ, замѣчаются иногда отчаянныя усилія со стороны друзей стараго отжившаго порядка удержать это явленіе на исторической сценѣ и отдалить конечный часъ его паденія. Въ такомъ состояніи агоніи находится смертная казнь въ наше время въ

Россіи. Это состояніе агоніи характеризуется массовыми убійствами по приговору суда и безъ суда, убійствами за ничтожную вину и всей той кровожадной мстительностью, которая обнаруживается въ практикѣ современныхъ смертныхъ казней и воскрешаетъ передъ нами картины давно минувшихъ временъ кровавой мести. Это переживанія глубокой старины. Прошло безвозвратно то время, когда месть соотвѣтствовала юридическимъ, нравственнымъ и религіознымъ воззрѣніямъ человѣчества. Прошло и то время, когда безграничная практика убійствъ по закону считалась нормальнымъ явленіемъ и не вызывала протестовъ.

Списокъ книгъ, на которыя сдѣланы ссылки.

Алтанъ-Тобчи. Монгольская лѣтопись. Зап. Имп. Археол. Общ., ч. XIV.

Балаганскій сборникъ М. Н. Хангалова. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Томскъ. 1903. (Труды Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. V).

Бурятскія сказки и повѣрья. Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этнографіи, т. I. в. 1. Иркутскъ, 1889.

М. Владимірскій-Будановъ. Христоматія по исторіи русскаго права. I.

Т. Грановскій. Сочиненія. Москва, 1900.

Записки Красноярскаго подъотдѣла Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этнографіи, т. I, в. II. Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

Н. Иванишевъ. Сочиненія. Кіевъ, 1876.

Ипатская лѣтопись. Изд. Археогр. Ком. СПБ., 1871.

Исторія Монголовъ. (Сборникъ лѣтописей). Записки Имп. Археол. Общ., т. XIV.

А. Кистяковскій. Изслѣдованіе о смертной казни. Кіевъ, 1867.

М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Москва, 1886.

А. Котляревскій. Сочиненія. Томъ IV. СПБ., 1895.

Лаврентьевская лѣтопись. (Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I).

Ѳ. Леонтовичъ. Адаты кавказскихъ горцевъ. I—II. Одесса, 1883.

Матеріалы для изученія обычнаго права киргизовъ. Изд. Семипалатинскаго област. статист. комитета.

Н. Полевой. Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской СПБ., 1864.

А. Поповъ. Путешествіе въ Черногорію. СПБ., 1847.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Москва, 1899.

Его же. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Выпуски II и IV. Матеріалы этнографическіе. СПБ. 1881 и 1883.

Его же. Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія, т. II, СПБ., 1893.

Ратцель. Народовѣдѣніе. Перев. Коропчевскаго. I—II. СПБ., 1900—1901.

В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, СПБ., 1903.

Н. Сергѣевскій. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. СПБ., 1888.

Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій. СПБ., 1882.

Стрингольмъ. Государственное устройство скандинавовъ. Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1860.

В. Л. Сѣрошевскій. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. I, СПБ., 1896.

А. Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра Великаго. Москва, 1891.

Юридическій Вѣстникъ, 1888, февр. (Статья М. Ковалевскаго—«Пшавы»).

Е. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Москва, 1899.

Du Boys. Histoire du droit criminel des peuples europeens, I. Paris, 1865.

Tobien. Die Blut-Rache nach altem Russischen Rechte, verglichen mit der Blut-Rache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germaner. Dorpat, 1840.

Wilda. Das Strafrecht der Germanen. Halle, 1842.

Томскъ.
25 января 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Кзыл-кенчь.

(Киргизская легенда).

Пересказалъ Л. К. Чермакъ.

Верстахъ въ 40 на югъ отъ г. Каркаралинска, въ Кентскихъ горахъ, находятся развалины каменнаго строенія. Кровля провалилась и отъ нея не осталось никакого слѣда, но стѣны настолько еще сохранились, что можно судить о размѣрахъ зданія, числѣ комнатъ и ихъ расположеніи. Говорятъ, что это былъ двухъ-этажный домъ. Кѣмъ и когда онъ былъ построенъ мѣстные старожилы не знаютъ, говорятъ только, что въ то время, когда киргизы заняли Кентскія горы, Кзыл-кенчь представлялъ собою уже развалины. Значеніе словъ Кзыл-кенчь мнѣ не могли объяснить, по мнѣнію киргизъ, это калмыцкое слово [1].

О происхожденіи развалинъ существуетъ легенда, записанная мною въ 1898 г., со словъ киргиза тöленгута [2] Мухаметче, уроженца Кентскихъ горъ, древняго старца. Когда я велъ съ

[1] Если это слово и калмыцкое, то искаженное до полной неузнаваемости. *Ред.*

[2] *Тöленгут*'ами въ старое время называли дружинниковъ султана. *Л. Ч.*

нимъ бесѣду, я старался записать по возможности полнѣе разсказъ Мухаметче, переданный мнѣ переводчикомъ, но полагаю, что это удалось мнѣ только отчасти и что многія подробности ускользнули отъ меня.

Мухаметче, высокій, дородный старикъ, съ важной осанкой, свойственной восточнымъ людямъ, медленными движеніями руки зачерпывалъ, большой рѣзной ложкой, кумысъ изъ стоявшаго передъ нимъ объемистаго таза и выливалъ его звонкой струей обратно; кумысъ пѣнился распространяя кисловатый запахъ, щекотавшій обоняніе сидѣвшихъ вокругъ, въ ожиданіи своей чашки этого любимѣйшаго напитка киргизъ. Наконецъ, чашки наполнены и Мухаметче, продолжая вспѣнивать кумысъ, заговорилъ:

Давно это было, можетъ, и дѣдовъ нашихъ на свѣтѣ не было... и земли эти, на которыхъ мы вотъ кочуемъ, тогда подъ калмыками были. Богатый народъ былъ, стадамъ его конца края не было, степи были широкія, пастьба вольная. Простой народъ жилъ богато, а ужъ про хановъ, вродѣ начальниковъ ихнихъ, и говорить нечего, — жили какъ цари. И вотъ жили въ то время два хана: одного звали Ауке, другого Контаже. Случилось какъ то хану Контаже быть въ гостяхъ у хана Ауке, — справлялъ Ауке поминки по своему родителю, — и увидалъ тамъ старый ханъ дочку Ауке, красавицу Нежде. И потерялъ спокой старый Контаже, запала ему въ голову молодая ханша, все думаетъ, какъ бы ее въ жены себѣ взять.

Кончились поминки, возвратился Контаже въ свой станъ, посмотрѣлъ на своихъ женъ и рѣшилъ послать сватовъ къ хану Ауке, сватать красавицу Нежде. Собралъ разныхъ подарковъ хану и его дочкѣ, снарядилъ караванъ и поѣхали сваты.

Контаже былъ очень богатъ, однѣхъ лошадей у него было табуновъ тридцать, а въ каждомъ табунѣ по тысячѣ головъ, овцамъ онъ и счетъ потерялъ, а сколько добра было въ сунду-

кахъ!—то и не перечесть. Обѣщалъ Контаже хорошій калымъ [1] и Ауке съ радостью породнился бы съ нимъ, да калмычка то не хотѣла итти за него, однако [2] другой кто на сердцѣ лежалъ. Только гдѣ же дочери противъ отца выстоять, и пришлось красавицѣ Нежде покинуть отчій домъ, итти за Контаже. Поплакала-поплакала, а потомъ занялась приданымъ да и утѣшилась, дѣвичьи слезы не долги... А Контаже отдалъ приказъ: какъ только дѣло будетъ сдѣлано, такъ чтобъ въ тотъ же часъ сваты съ невѣстой ѣхали обратно, приданое можно и потомъ собрать. Но Ауке не согласился.

По калмыцкому обычаю, невѣста должна была ѣхать къ жениху со всѣмъ своимъ приданымъ, въ сопровожденіи 40 дѣвушекъ и 40 джигитовъ [3] и Ауке хотѣлъ сдѣлать все по обычаю. Приданое было большое; хоть Ауке былъ и побѣднѣе Контаже, да дочка у него была одна, и не хотѣлъ онъ посрамить ее передъ женами спѣсиваго Контаже,—не простого вѣдь званія была невѣста, а ханская дочь.

Наконецъ, снарядили караванъ. Однихъ верблюдовъ съ разнымъ добромъ было, можетъ до 50 или больше, да всякаго скота сколько, да свиты 80 человѣкъ, да рабовъ и рабынь для услугъ... большой караванъ вышелъ... А еще Ауке послалъ съ дочкой двухъ батыровъ [4] одного калмыка, другого киргиза.

Пока собирались, наступила поздняя осень, а путь лежалъ дальній. Старики, которые погоду узнаютъ, говорили: «эй, ханъ Ауке, подожди до весны, зима, однако, ранняя будетъ, какъ бы не случилось чего въ дорогѣ»...

Но Контаже требовалъ невѣсту поскорѣе, Ауке обѣщалъ ему и не могъ нарушить своего слова.

Караванъ отправился.

---

[1] Выкупъ за невѣсту со стороны жениха. *Л. Ч.*

[2] Слово «однако» употребляется по всей Сибири необычайно часто и имѣетъ значеніе: «повидимому, видимо, вѣроятно, должно быть, надо думать, вѣдь, пожалуй». *Ред.*

[3] Удалый молодецъ. *Л. Ч.*

[4] Богатырь. *Л. Ч.*

Какъ старики говорили, такъ оно и вышло. Только успѣли притти вотъ на это самое мѣсто, гдѣ нашъ аулъ стоитъ, какъ вдругъ сдѣлался холодъ и поднялся буранъ. Караванъ остановился, хотѣли джигиты верблюдовъ развьючить, юрты поставить, да не смогли—буря съ ногъ валила, изъ рукъ все рвала. Собрались тогда всѣ въ кучу и люди, и скотина, и стали ждать, когда буранъ пройдетъ. Два дня бушевала буря и столько снѣга навалило, что засыпало верблюдовъ. А когда вѣтеръ стихъ, сдѣлалось тепло и дождь пошелъ, а послѣ дождя такой морозъ ударилъ, что сковалъ онъ намокшую одежду людей, верблюжьи вьюки, сбрую лошадей. Никто не могъ пошевелиться и всѣ думали, что тутъ имъ и смерть пришла. Поднялся на станѣ плачъ и разбудилъ батыровъ, которые спали себѣ подъ кошмой и не знали о бѣдѣ. Встали они, оглянулись, расправили свои могучія плечи и сказалъ киргизъ-батыръ калмыку-батыру: «давай поборемся, станетъ тепло, мы съ тобою согрѣемся и другихъ согрѣемъ». Тотъ согласился и началась борьба.

И такіе это были батыры, что пока они боролись, такъ столько отъ нихъ тепла шло, что оттаяла одежда людей, и верблюжьи вьюки и конская сбруя. И затихъ плачъ и стали всѣ радоваться и хвалить батыровъ. А тѣ все борятся да борятся... Растаялъ вокругъ снѣгъ и потекли ручьи. А батыры все борятся. Забыли они, что въ шутку схватились, и только думаютъ, какъ бы имъ сломать одинъ одного. И не могутъ. Вотъ они разошлись и съ крикомъ *аттан* [1] бросились къ лошадямъ, вскочили каждый на своего коня, разъѣхались въ разныя стороны и на всемъ скаку кинулись другъ на друга. Въ первый разъ не сшиблись они, разъѣхались. Во второй разъ схватили другъ друга за пояса, но лопнули пояса, а всадники усидѣли...

— Какъ же подпруги не лопнули, *от-агасы?* [2] не удержался и спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Ой-бой! отвѣчалъ Мухаметче, да развѣ батыры борятся на осѣдланныхъ лошадяхъ? Это только теперь джигиты даже

[1] На коней. *Л. Ч.*

[2] *От-агасы*—«старшій у огня», почтительное обращеніе. *Л. Ч.*

козла таскать [1] безъ сѣдла не могутъ... а въ то время люди были крѣпкіе...

Вотъ бросились батыры въ третій разъ и схватились грудь съ грудью... и осѣли кони на заднія ноги и сломалъ киргизъ-батыръ калмыка. Но такъ крѣпко охватилъ калмыкъ лошадь своими ногами, что сломилъ ему киргизъ хребетъ, а не сорвалъ съ коня. Какъ увидѣла это ханская дочь, разсердилась она на батыра, хотѣла было отправить его назадъ къ хану Ауке, чтобы тотъ казнилъ его, да какъ посмотрѣла на батыра, такъ и гнѣвъ свой позабыла, полюбился ей молодецъ-киргизъ. И сказала красавица Нежде: «не пойдемъ дальше, перезимуемъ здѣсь... джигитовъ много, лѣса и камня вокругъ вдоволь, построимъ домъ, проживемъ до весны, а тамъ пойдемъ къ хану Контаже»...

Ослушаться ханской дочки не посмѣли, живо взялись за дѣло, выстроили домъ и назвали его Кзыл-кенчь.

А мы, киргизы, и ключъ вотъ этотъ, что рядомъ протекаетъ тоже Кзыл-кенч'емъ прозываемъ, добавилъ Мухаметче и замолкъ.

— Ну, а что же дальше было, *от-агасы?*

— Дальше?... А дальше было то, что слюбились ханская дочка и киргизъ-батыръ, зиму прожили весело—молодежи было много—сорокъ паръ, кромѣ прислуги, припасовъ всякихъ также вдоволь было,—а какъ пришла весна оставили они Кзыл-кенчь и отправились въ станъ хана Контаже. И узнала тутъ ханская дочь, что затяжелѣла она отъ киргиза-батыра...

Вотъ пріѣхали они въ станъ хана Контаже. Тотъ было заторопился свадьбу играть, да Нежде разсказала ему, какъ все случилось, и попросила отложить свадьбу, пока она не родитъ, киргиза-батыра не казнить, а помиловать и отпустить на всѣ четыре стороны. Разсердился сначала старый Контаже, да потомъ видитъ, что дѣлать нечего, что было того, не вернешь, со-

[1] Народная игра: нѣсколько верховыхъ джигитовъ берутъ заколотаго козленка или ягненка и стараются его вырвать одинъ у другого. Побѣдителемъ считается тотъ, кто сумѣетъ удержать у себя тушку и ускакать отъ преслѣдующихъ его. *Л. Ч.*

гласился,—свадьбу отложилъ, а киргиза прогналъ. Когда Недже родила, ея сына въ тотъ же часъ отдали рабынямъ съ приказомъ, чтобы онѣ его вели не какъ ханскаго сына, а какъ простого раба.

Вскорѣ и свадьбу сыграли и зажилъ старый ханъ съ молодой женой, все любовался ею, да не очень то она любовалась имъ, видно, вспоминался ей молодой батыръ.

А мальчишка у рабынь росъ не по днямъ, а по часамъ. Былъ онъ не красивый съ лица, но зато здоровый, сильный. Прозвали его рабыни Алты-айлыг, потому что носила его ханша только шесть мѣсяцевъ.

Вотъ исполнилось ему 9 лѣтъ и отдали его пасти верблюжатъ. Такъ и росъ онъ, не зная ни отца, ни матери, не слыша добраго слова, а только одну ругань, потому что былъ *кул*—рабъ. А все таки было въ немъ что-то особенное и отличался онъ отъ прочихъ мальчишекъ и силой, и ловкостью, и удальствомъ. Особенно любилъ онъ охоту и уже 10 лѣтъ такъ стрѣлялъ изъ лука, что отъ его стрѣлы не спасались ни птица, ни сайга. И вотъ захотѣлось ему такой лукъ и стрѣлы сдѣлать себѣ, какого еще ни у кого не было. Пошелъ онъ къ кузнецу и разсказываетъ, какой лукъ нужно сковать ему. Кузнецъ былъ старъ, много видѣлъ на вѣку своемъ, но никогда ему не случалось, чтобы мальчишка заказывалъ такой лукъ, какой бываетъ только у батыровъ. Подивился онъ, однако, сковалъ лукъ, отдалъ Алты-айлыг'у, а самъ пошелъ къ хану и разсказалъ ему объ удивительномъ случаѣ. Ханъ тоже былъ удивленъ и рѣшилъ на первомъ праздникѣ испытать мальчишку. Послѣ того вскорѣ подошли поминки и ханъ Контаже рѣшилъ устроить состязаніе стрѣлковъ. И собрались къ празднику стрѣлки со всего ханства Много тамъ было ловкихъ стрѣлковъ и многіе посмѣивались надъ Алты-айлыг'омъ, которому было только двѣнадцать лѣтъ. Но вотъ подошла его очередь. Велѣлъ онъ принести семь *кетпень-чот*'овъ [1] одинъ за другими и предложилъ джигитамъ пробить ихъ. Тѣ разсердились, ой-бой! развѣ можетъ стрѣла про-

---

[1] Желѣзная мотыга. *Л. Ч.*

бить желѣзный кетпень-чот?... однако, стали стрѣлять, да напрасно, стрѣлы ихъ или отскакивали, или ломались.

Пришелъ чередъ мальчишки-пастушенка. Взялъ онъ свой лукъ, положилъ кованную стрѣлу и пробилъ всѣ семь кетпень-чот'овъ и далеко улетѣла стрѣла. Всѣ просто диву дались, а онъ поставилъ 14 кетпень-чот'овъ и также легко пробилъ и ихъ. И признали всѣ джигиты, что нѣтъ среди нихъ равнаго ему мальчишкѣ-верблюжатнику. Удивился и ханъ Контаже, отличилъ его, позвалъ въ свою ханскую юрту, одарилъ его подарками, угощалъ изъ своихъ рукъ. Но не понравилась хитрому Контаже такая сила въ мальчикѣ и приказалъ онъ своимъ приближеннымъ вырѣзать у мальчика правую ключицу, чтобы ослабить его. Тѣ такъ и сдѣлали. Усыпили мальчика во время угощенья, вырѣзали у него у соннаго ключицу и отвезли обратно къ верблюжатникамъ. Рана его зажила, но не стало въ немъ прежней силы и не могъ ужъ онъ пробивать своей стрѣлой больше семи кетпень-чот'овъ.

А ханша Нежде узнала какъ-то, что мальчишка-верблюжатникъ ея сынъ, однако, сердце материнское дало ей вѣсть. Тайкомъ отъ хана позвала она къ себѣ А л т ы-а й л ы г'а, разсказала ему чей онъ сынъ и велѣла ему бѣжать изъ ханскаго стана и найти своего отца.

У стараго Контаже былъ сынъ отъ старшей жены и у этого сына былъ аргамакъ, такой аргамакъ, что другого такого не было во всей степи. И берёгъ ханскій сынъ этого аргамака какъ свой глазъ, была для него поставлена особая юрта и сторожили его сторожа̀ день и ночь.

Какъ то разъ ѣхалъ ханскій сынъ на своемъ аргамакѣ около того мѣста, гдѣ паслись верблюды. Увидалъ мальчишку-верблюжатника и посмѣялся надъ нимъ, что не можетъ онъ теперь стрѣлять изъ лука,—зналъ, видно, отъ отца, что безъ ключицы онъ, и назвалъ его обиднымъ словомъ. Вскипѣло сердце у мальчишки, бросился онъ на ханскаго сына, хотѣлъ разорвать его, но тотъ смялъ его аргамакомъ, ударилъ по лицу нагайкой и умчался. Не помня себя, схватилъ мальчикъ свой лукъ, засвистѣла стрѣла, догнала аргамака и упалъ ханскій сынъ какъ мѣшокъ на землю съ пробитой на вылетъ грудью...

Всталъ аргамакъ какъ вкопанный около тѣла своего хозяина. Подошелъ къ нему сынъ батыра, огладилъ его, вскочилъ въ сѣдло и ускакалъ какъ вѣтеръ...

Мухаметче умолкъ.

— А что *от-агасы*, нашелъ онъ своего отца?

— Кто знаетъ... Какъ, поди, не нашелъ на такомъ-то аргамакѣ... Только давно это было, позабылъ народъ... а можетъ ничего этого и не было... можетъ выдумка одна про этотъ Кзыл-кенчь.

СПБ. Январь 1908 г.

Н. Н. Іомудскій.

Присяга у Закаспійскихъ туркменъ.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ я не имѣю въ виду исчерпать весь вопросъ о положеніи института присяги у Закаспійскихъ туркменъ [1], а хочу дать только нѣкоторый матеріалъ по этому интересному вопросу, имѣющему весьма важное значеніе въ повседневной жизни туркменъ.

Въ Европейской Россіи и вообще въ Европѣ присяга имѣетъ двоякое значеніе: какъ клятвенное обѣщаніе на будущее время—выполнить то или другое и какъ доказательство вѣрности происшедшаго; въ первомъ случаѣ присяга принимается всѣми вступающими на государственную или общественную службу, при вступленіи въ сословіе, передъ дачей свидѣтельскихъ показаній на судѣ и т. п.

Не такъ понимаютъ присягу туркмены.

---

[1] Закаспійскими туркменами мы называемъ туркменъ, живущихъ въ области отъ Каспійскаго моря до Аму-Дарьи къ сѣверу отъ Копетъ-Дага. Кромѣ того туркмены живутъ еще: въ Батумской области, на Сѣверномъ Кавказѣ, Бухарѣ и т. д.

Они, какъ и вообще мусульмане, помня твердо, что ни одинъ человѣкъ не можетъ поручиться за будущее, не рѣшаются быть такъ самоувѣренными, чтобы впередъ предрѣшать его и клясться, что поступятъ именно такъ, а не иначе; они не могутъ знать, что̀ будетъ съ ними потомъ, завтра, черезъ минуту, но туркмены твердо знаютъ, что было съ ними въ прошломъ и только относительно совершившагося прошлаго могутъ смѣло утверждать что-либо, даже подъ присягой.

Вслѣдствіе этого у нихъ совершенно отсутствуетъ первый видъ присяги — на будущее время: они не принимаютъ присягу предварительную и могутъ клясться только о прошломъ.

Однако и этотъ послѣдній видъ присяги примѣняется у нихъ весьма рѣдко, вслѣдствіе особаго отношенія туркменъ къ институту присяги.

Присяга у туркменъ называется *ант* и *кассам*; присягу туркмены не принимаютъ, а «пьютъ»; *ант-ічмек* — пить присягу, такъ какъ принять присягу—у нихъ означаетъ—перенести тяжелое испытаніе, влекущее за собой серьезныя послѣдствія и очень рѣдкій туркменъ отважится на это тяжелое испытаніе,— «выпить присягу» равнозначущее нашему выраженію — испить чашу до дна. Дѣйствительно, они присягу не принимаютъ, а какъ бы пьютъ съ сознаніемъ великой важности этого акта и съ извѣстнымъ душевнымъ страданіемъ и болью, на что указываетъ обычный порядокъ при принятіи присяги.

Туркмены унаслѣдовали этотъ институтъ, въ настоящемъ его видѣ, изъ ученія Магомета, отъ древнихъ арабовъ, вмѣстѣ съ религіей, что подтверждается и названіемъ присяги—*кассам* (что по арабски означаетъ клятва). Въ древности, принимая присягу, пили при этомъ кровь и потому возникло это выраженіе: «пить присягу»—*кассам-ічмек*; со временемъ этотъ обычай исчезъ, но выраженіе—пить присягу—сохранилось. Туркмены, сохранивъ выраженіе *кассам-ічмек* (пить присягу)—добавили къ этому свое выраженіе: *ант-ічмек* (что означаетъ тоже), придали совершенно иное значеніе слову «пить» и наложили на весь институтъ присяги своеобразный туркменскій отпечатокъ, гармонирующій со всѣмъ строемъ жизни этихъ рыцарей Закаспійскихъ степей, лихихъ номадовъ.

Какъ выше уже было указано, у туркменъ съ понятіемъ «пить присягу» связано сознаніе исполненія чрезвычайно важнаго и тяжелаго акта, порочащаго человѣка и равнозначущаго совершенію большого грѣха.

Порядокъ принятія присяги въ присутствіи муллы и надъ Кограномъ[1] указываютъ на вліяніе религіи на этотъ институтъ.

О случаяхъ ложной присяги говорить не приходится, такъ какъ по этому вопросу у туркменъ двухъ мнѣній не существуетъ и осужденіе и проклятіе тому несчастному, который бы рѣшился совершить такой тяжкій грѣхъ, будетъ произнесено единогласно всѣмъ обществомъ и безъ малѣйшаго замедленія обрушится на голову виновнаго, на его потомство и родъ. Бываютъ только случаи, и то изрѣдка, не ложной (умышленно), а ошибочной присяги, по заблужденію и невѣдѣнію; вслѣдствіе этого далѣе мы остановимся исключительно только на послѣднемъ видѣ присяги, игнорируя совершенно, такъ называемую ложную присягу, т. е. разсмотримъ присягу въ тѣхъ случаяхъ, когда она принимается въ сознаніи полной справедливости утверждаемаго.

Какъ нами было уже указано, у туркменъ не существуетъ присяги предварительной, передъ вступленіемъ на службу, передъ дачей свидѣтельскихъ показаній и т. д.

При чемъ здѣсь мы считаемъ долгомъ оговориться, что тѣ случаи предварительной присяги, которые встрѣчались со времени покоренія Россіей Туркменіи, напримѣръ, принятіе присяги всѣмъ населеніемъ при вступленіи на престолъ Императора Россіи, членами чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей передъ сессіей суда и т. д., есть явленіе русскаго происхожденія, новое для туркменъ, не имѣющее ничего общаго съ туркменскимъ институтомъ присяги.

Всѣ случаи туркменской присяги являются преимущественно средствомъ доказательства, какъ на судѣ, такъ и внѣ онаго, событій, имѣвшихъ мѣсто до момента принятія присяги. Однако

---

[1] *Коғран* священная книга у мусульманъ, гдѣ изложено ученіе Магомета.

не для всякаго смертнаго доступно это средство доказательства, такъ какъ человѣкъ съ мало-мальски сомнительной нравственностью не можетъ быть даже допущенъ къ принятію присяги и таковое допущеніе составляетъ уже самостоятельный грѣхъ для лицъ, согласившихся на подобнаго рода доказательство. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ силу того, что присяга у туркменъ есть актъ двухсторонній, какъ бы двухстороннее соглашеніе, — договоръ: никогда одно лицо не принимаетъ присяги по своему личному усмотрѣнію и желанію; всегда необходимо участіе двухъ сторонъ—стороны, дающей—разрѣшающей присягу, и стороны, принимающей присягу; только когда, при двухстороннемъ соглашеніи, будутъ подробно установлены мѣсто, время, способъ принятія присяги, лица, долженствующія принять присягу и тотъ объективный результатъ (modus), который долженъ быть достигнутъ актомъ присяги, можно говорить о состоявшемся договорѣ присяги. Согласно этому, у туркменъ существуетъ образное выраженіе — «дать присягу» — *ант - бермек* и «пить присягу» *ант - ічмек* и отсутствуетъ простая односторонняя клятва.

Если бы кѣмъ либо и была дана односторонняя клятва, то она не имѣла бы никакого значенія, была бы пустымъ звукомъ, такъ какъ она никому не нужна, никто ее не требовалъ и никто ее «не давалъ!»

И такъ, у туркменъ присяга возможна только, какъ двухсторонній договоръ, какъ доказательство происшедшаго, имѣвшаго уже мѣсто въ дѣйствительности.

Намъ могутъ возразить, что, однако, въ литературѣ часто встрѣчаются указанія на то, что мусульмане давали предварительное клятвенное обѣщаніе на Когранѣ—исполнить что-либо въ будущемъ и такой видъ присяги встрѣчался, напримѣръ, передъ выступленіемъ на войну, при возстаніяхъ и проч. Въ виду этого мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что здѣсь имѣется въ виду исключительно присяга туркменъ, что многое, касающееся востока и мусульманъ, въ европейской литературѣ, представлено фантастично, не совсѣмъ правильно и часто легендарно.

Казалось бы, что человѣкъ, принявшій присягу, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ строгой туркменской морали, не совер-

шаетъ никакого грѣха и преступленія. Однако обычай туркменъ чрезвычайно суровъ въ отношеніи института присяги и эта суровая система у нихъ выдержана до конца удивительно послѣдовательно и безъ всякихъ изъятій. Обычай считаетъ всякую присягу великимъ грѣхомъ, порочащимъ человѣка при всѣхъ обстоятельствахъ и народное міровоззрѣніе не мирится съ этимъ видомъ доказательства истины происшедшаго.

Разсматривая присягу, какъ доказательство, какъ подтвержденіе того или иного событія, имѣвшаго мѣсто въ прошломъ, или правдивости утверждаемаго, мы наблюдаемъ слѣдующія нормы или правила, установленныя обычаемъ туркменъ и неукоснительно ими выполняемыя и до настоящаго времени, не смотря на то, что почти вся Туркменія уже 27 лѣтъ находится подъ владычествомъ Россіи.

Возникаетъ между двумя сторонами, безразлично будутъ ли то отдѣльныя лица или группы лицъ, спорный вопросъ или обвиненіе кого-либо въ извѣстномъ правонарушеніи или преступленіи; по рѣшенію туземнаго суда (русскія учрежденія), третейскаго суда, или самихъ сторонъ, устанавливается необходимость разрѣшить вопросъ присягой утвердительной или очистительной; при чемъ непремѣннымъ условіемъ, безъ чего присяга не имѣетъ абсолютно никакого значенія, является согласіе сторонъ. Какъ мы уже говорили раньше, одна сторона должна дать присягу, а другая должна принять ее; отвѣтственность ложится въ равной мѣрѣ на обѣ стороны и злоупотребляющій такимъ серьезнымъ и опаснымъ средствомъ установленія истины, какъ присяга, долженъ въ полной мѣрѣ нести на себѣ всѣ послѣдствія своего легкомыслія, безнравственнаго — по воззрѣнію туркменъ, какъ бы тяжелы они ни были; таковыя послѣдствія у нѣкоторыхъ племенъ туркменскихъ доходятъ включительно до лишенія жизни виновнаго, о чемъ мы разскажемъ ниже.

Туркменскій обычай, давая право существованія института присяги, какъ средству доказательства и признавая за нимъ права гражданства, въ то же время относится къ нему весьма осторожно и почтительно. Это институтъ— чрезвычайный, такъ

сказать, экстраординарный и къ нему можно обращаться только въ случаяхъ крайней необходимости, когда всѣ остальныя средства исчерпаны. Обычай предписываетъ каждому туркмену избѣгать присяги и лучше понести извѣстный ущербъ, чѣмъ прибѣгнуть къ этому чрезвычайному средству возстановленія своей правоты или полученія нѣкоторой матеріальной пользы. Человѣкъ долженъ заботиться о душѣ и пріобрѣтеніе благъ земныхъ не должно составлять для него главной цѣли жизни; тотъ, кто ради матеріальнаго, земного блага прибѣгаетъ къ присягѣ— сильно грѣшитъ и не достоинъ уваженія согражданъ, хотя бы это и дѣлалъ онъ въ сознаніи своей правоты и на основаніи своего права. Формально всякій вправѣ прибѣгнуть къ присягѣ, когда того требуетъ жизнь реальная, но этимъ сильно затрагивается міръ духовный и нравственный; въ этомъ принятіи проявляется малодушіе, ничтожество и невысокая нравственность человѣка—такъ какъ изъ за проходящаго земного блага, изъ за временныхъ выгодъ онъ рѣшается призывать Имя Бога во свидѣтели, онъ клянется и тѣмъ ужасно грѣшитъ; для него важнѣе какое то тлѣнное благо, чѣмъ чистота духовная; онъ вступаетъ въ сдѣлку съ совѣстью; онъ не боится Бога, онъ мелочной человѣкъ и покрываетъ позоромъ свое имя, клеймитъ свой родъ, а потому онъ не достоинъ уваженія и презирается. Отсюда—обычай, снисходя къ слабостямъ человѣка, разрѣшаетъ присягу, какъ средство чрезвычайное, но не рекомендуетъ къ нему прибѣгать и относится къ принятію присяги отрицательно, а принявшаго порицаетъ.

Намъ неоднократно приходилось быть свидѣтелями того, какъ туркмены, проѣзжая мимо аула (селеніе), указывали пальцемъ на опредѣленную кибитку и—съ оттѣнкомъ не то скорби, не то сожалѣнія или презрѣнія — говорили: «тамъ живетъ скверный человѣкъ, — онъ уже два раза въ своей жизни пилъ присягу». Чувствовалось, что надъ этимъ несчастнымъ домомъ витаетъ презрѣніе и проклятіе и обитателя его чуждается не только сосѣдъ, но и всякій путникъ; не заслужить ему въ этой жизни уваженія и довѣрія согражданъ; даже самая безупречная жизнь въ дальнѣйшемъ не сниметъ съ него окончательно клейма и общественное мнѣніе всегда будетъ направлено противъ него.

Накладывая тяжелое бремя и клеймо на принимающаго присягу, народная мудрость идетъ на помощь немощному человѣку и старается оградить его отъ угрожающей ему опасности—неосторожно воспользоваться такимъ чрезвычайнымъ средствомъ, какъ присяга.

Народный обычай, зная, что люди безпринципные, молодые, порочные и т. п. скорѣе склонны къ злоупотребленію клятвой, выработалъ рядъ правилъ, затрудняющихъ такимъ неустойчивымъ элементамъ доступъ къ принятію присяги и нерѣдко совершенно недопускающихъ ихъ къ таковой. Далеко не всякій можетъ принимать присягу. Послѣ того, какъ состоялось соглашеніе сторонъ разрѣшить споръ присягой—начинается выборъ лицъ, которыя могутъ быть допущены къ принятію присяги. За весьма рѣдкими исключеніями, лица непосредственно заинтересованныя въ спорѣ (истецъ и отвѣтчикъ, или обвинитель и обвиняемый) не допускаются къ принятію присяги и стороны должны избрать изъ среды ближайшихъ родственниковъ, а иногда и изъ цѣлаго рода—лицъ, коихъ возможно допустить къ принятію присяги; избраніе это производится самимъ тщательнымъ образомъ и только то̀ лицо можетъ быть допущено къ присягѣ, которое согласна будетъ допустить противная сторона; присяга принятая лицомъ, не избраннымъ противной стороной, значенія никакого не имѣетъ, не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій и равна нулю.

Избираются обыкновенно лица извѣстныя своей солидностью, нравственностью, всѣми уважаемыя и обыкновенно въ возрастѣ весьма зрѣломъ. Никогда не допускаются къ присягѣ лица молодыя и чѣмъ либо скомпрометированныя, не говоря уже ничего о людяхъ порочныхъ и преступныхъ. Если лица, на которыхъ палъ выборъ сторонъ, откажутся принять присягу, то этимъ разрѣшается окончательно вопросъ и всѣ невыгодныя послѣдствія возлагаются на ту сторону, представитель коей отказался отъ присяги. Отказъ отъ присяги послѣ того, какъ соглашеніе между сторонами состоялось, не является, такимъ образомъ, актомъ безразличнымъ, а напротивъ того есть актъ положительный и влечетъ за собой результаты такіе же, какіе

бы дало принятіе присяги противной стороной, т. е. вопросъ рѣшается въ пользу противной стороны. Принятіе же присяги стороной, обязанной къ тому, рѣшаетъ вопросъ въ пользу ея и кромѣ того нерѣдко вызываетъ разныя невыгодныя послѣдствія для стороны противной, дававшей присягу, напримѣръ, вызываетъ возмездіе и месть со стороны принявшей присягу, о чемъ будетъ ниже.

Чтобы быть послѣдовательнымъ и систематичнымъ, обычай возлагаетъ отвѣтственность, за злоупотребленіе присягой—этимъ священнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ,—какъ мы упомянули выше, не только на принимающаго присягу, но также и на дающаго присягу. Это весьма важно и есть логическое послѣдствіе изъ стремленія сократить до минимума случаи примѣненія присяги и злоупотребленія ею. Дающій присягу беретъ на себя грѣхъ и отвѣтственность равные тѣмъ, какіе несетъ и сторона принявшая присягу. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ туркменъ быть до крайности осторожными въ дѣлѣ примѣненія института присяги и много пережить и передумать раньше, чѣмъ отважиться на тяжелое и опасное испытаніе—разрѣшеніе спорнаго вопроса путемъ присяги.

Вслѣдствіе этого, случаи принятія присяги весьма рѣдки, такъ какъ отказывается отъ разрѣшенія спора путемъ присяги не только сторона, принимающая ее, но еще чаще и сторона, дающая ее.

Бережное и осторожное отношеніе къ институту присяги у туркменъ такъ велико, что даже въ томъ случаѣ, когда достигнуто уже соглашеніе сторонъ—прибѣгнуть къ присягѣ, какъ къ крайнему средству установленія истины, фактическаго принятія присяги не происходитъ и ее вполнѣ замѣняютъ извѣстныя символическія дѣйствія. Достаточно сказать въ присутствіи противной стороны на предложеніе ея принять присягу и нѣкотораго собранія, будь то судъ, посредники или просто благородные свидѣтели, что «я согласенъ принять присягу», или «я принимаю присягу въ доказательство того-то или того-то», чтобы считать, что присяга уже принята окончательно. Послѣ этого наступаютъ для сторонъ всѣ выгодныя и невыгодныя послѣд-

ствія, какія влечетъ за собою принятіе дѣйствительной присяги и вопросъ считается исчерпаннымъ.

Туркмены питаютъ, какъ сказано выше, какой то инстинктивный страхъ къ присягѣ и отвращеніе къ принимающимъ её; намъ приходилось видѣть, какъ всѣ лица, находившіяся въ залѣ суда, моментально, съ удивительной поспѣшностью, покидали залъ и разбѣгались, чтобы не быть свидѣтелями принятія присяги, какъ только рѣшался вопросъ, что присяга будетъ дана и принята и начинались приготовленія къ этой церемоніи. За мою многолѣтнюю жизнь среди туркменъ и участіе въ разборѣ ихъ спорныхъ дѣлъ я могъ наблюдать лишь два случая фактическаго пріема присяги. Воспоминаніе и впечатлѣніе о нихъ у меня остались самыя тяжелыя; до сихъ поръ передо мною стоятъ негодующія и возмущенныя лица случайныхъ свидѣтелей и разочарованныя и смущенныя лица зарвавшихся участниковъ спора. Они убиты, удручены и успѣхъ, достигаемый нерѣдко присягой—не радуетъ ихъ; надъ ними тяготѣетъ народное презрѣніе и народная молва быстро разноситъ по степи вѣсть о великомъ грѣшникѣ.

Помню я, какъ въ 1899 году на чрезвычайномъ съѣздѣ народныхъ судей въ г. Асхабадѣ былъ слѣдующій случай. Въ съѣздѣ разбиралось дѣло по жалобѣ на молодого туркмена Мурада о кражѣ имъ 4-хъ верблюдовъ у Субханъ Верды. Въ съѣздѣ народныхъ судей, въ качествѣ члена его, присутствовалъ отецъ отвѣтчика — очень видный и всѣмъ извѣстный Э. К. сырдаръ (предводитель). Дѣло назначено было послѣднимъ номеромъ, на послѣдній день засѣданій съѣзда, чтобы почтенный старецъ Э. К. сырдаръ не только не присутствовалъ въ составѣ судей, но и чтобы онъ имѣлъ возможность выѣхать совершенно изъ города; это дѣлалось ввиду того, чтобы Э. К. сырдаръ не оказалъ вліяніе своимъ положеніемъ судьи съѣзда на исходъ дѣла и чтобы, въ случаѣ разрѣшенія спора помощью присяги, огра-

дить его отъ грозившей ему опасности быть активнымъ участникомъ принятія присяги. Старый сырдаръ съ благодарностью, принялъ это рѣшеніе съѣзда и поспѣшно собрался выѣхать изъ Асхабада.

Началось разсмотрѣніе жалобы Субханъ Верды и вдругъ неожиданно въ залъ съѣзда вошелъ Э. К. сырдаръ; всѣ были удивлены этимъ возвращеніемъ его въ судъ. Э. К. сырдаръ, безпокоясь о судьбѣ своего сына, потерялъ вдругъ, обычное ему, спокойствіе и у него, по образному выраженію туркменъ—*хуші кочіптер*, т. е. умъ его убѣжалъ (лишился здраваго разсудка) и онъ, потерявъ обладаніе собой, возвратился въ судъ и сѣлъ въ темный уголъ.

Сынъ сырдара—Мурадъ былъ еще молодой человѣкъ, очень сомнительной нравственности; всѣ улики были противъ него. Однако, Мурадъ заявилъ суду, что онъ готовъ принять присягу въ удостовѣреніе того, что верблюдовъ онъ не воровалъ; это была явная наглость и вызовъ. Это былъ тактическій пріемъ, а не искреннее желаніе; онъ надѣялся своей рѣшимостью сорвать обвиненіе и выйти чистымъ, такъ какъ онъ зналъ, что Субханъ Верды честный человѣкъ и дѣло до присяги не допуститъ.

Однако, все дѣло приняло неожиданный оборотъ и результатъ получился убійственный.

Вся аудиторія заволновалась, вниманіе всѣхъ присутствующихъ напряглось до крайности, такъ какъ Субханъ Верды заявилъ слѣдующее: «Допустить Мурада до присяги я не могу ни въ коемъ случаѣ, чего бы это мнѣ не стоило, такъ какъ это человѣкъ недостойный; если же отецъ его—Э. К. сырдаръ—только скажетъ, что онъ готовъ подтвердить подъ присягой, что сынъ его не виноватъ, то я отказываюсь отъ своего обвиненія, теряю верблюдовъ, уплачиваю всѣ убытки и готовъ подвергнуться наказанію за клевету».

Всѣ, какъ и Субханъ Верды, были увѣрены въ томъ, что почтенный старецъ никогда и ни за что не рѣшится на такой шагъ. Но вдругъ совершилось что то невѣроятное. Пасмурный, сгорбленный, съ почернѣвшимъ лицомъ, подошелъ Э. К. сырдаръ къ столу судей; глаза его горѣли какимъ то безумнымъ огнемъ, но были

полны рѣшимости и упорства; сдавленнымъ голосомъ онъ заявилъ, что принимаетъ присягу въ удостовѣреніе невиновности своего сына и желаетъ выполнить и самый обрядъ принятія присяги. Всѣхъ охватилъ ужасъ! всѣ члены съѣзда—судьи, родственники, стороны начали просить Э. К. сырдара не совершать такого ужаснаго грѣха, не губить себя на старости лѣтъ, не покрывать позоромъ весь свой родъ и т. п.; старикъ былъ упрямъ; онъ настойчиво требовалъ дать ему присягу. Всѣ присутствующіе въ нѣсколько минутъ покинули залъ и удалились изъ съѣзда, чтобы не видѣть позора, когда старый, уважаемый сырдаръ готовъ принять на свою душу тягчайшій грѣхъ, чтобы освободить отъ наказанія своего негоднаго сына, сомнительной честности. Вѣдь сырдаръ губилъ свою честь, доброе имя и все что можетъ быть дорого человѣку, кромѣ жизни.—изъ-за 4-хъ верблюдовъ.

Субханъ Верды стоялъ молча и величаво наблюдалъ сцену ужаса, смятенія и убѣжденія сырдара. Видя упорство и безуміе сырдара, онъ, со свойственнымъ всякому порядочному туркмену благородствомъ, рѣшилъ прекратить эту тяжелую сцену и цѣною извѣстной матеріальной жертвы со своей стороны спасти сырдара отъ окончательнаго позора. Субханъ Верды заявилъ, что для него совершенно достаточно одного желанія сырдара принять присягу и онъ поэтому не желаетъ допустить сырдара пить присягу, свое дѣло считаетъ проиграннымъ, теряетъ 4 верблюдовъ и т. д.

Всѣ облегченно вздохнули, такъ какъ Субханъ Верды указалъ выходъ изъ этого тяжелаго положенія, и печальная сцена паденія уважаемаго человѣка была, наконецъ, прекращена.

Вѣсть обо всемъ происшедшемъ разнеслась по степи съ быстротою молніи и, когда на другой день я поѣхалъ съ первымъ поѣздомъ изъ Асхабада, то вездѣ по дорогѣ уже знали о случившемся и только интересовались подробностями.

Немедленно общественное мнѣніе заклеймило сырдара и всѣ отъ него отвернулись, и существованіе его стало жалкимъ. Э. К. сырдаръ до того занималъ довольно видный постъ въ русско-туземной администраціи и, помимо желанія, пришлось его уволить отъ занимаемой имъ должности, такъ какъ населеніе

относилось къ нему презрительно, престижъ его палъ и никто болѣе не уважалъ его; оставить его на посту начальника не представлялось возможнымъ.

Впослѣдствіи, подъ гнетомъ общаго осужденія сырдаръ пытался установить свою невиновность, обращаясь съ этимъ къ министру и доказывая, что онъ хотѣлъ принять присягу только потому, что былъ понуждаемъ къ этому съѣздомъ. Но это не подтвердилось. И теперь еще (1908 г.) живетъ этотъ, въ былое время славный и уважаемый, сырдаръ, одиноко, забытый и заброшенный всѣми и много онъ далъ бы тому, кто сумѣлъ бы возстановить его доброе старое имя.

Это случай исключительный и можетъ быть объясненъ только какимъ то ненормальнымъ состояніемъ сырдара въ то время.

Въ послѣдніе годы туркменская молодежь, бывающая въ городѣ и на желѣзной дорогѣ, начинаетъ нѣсколько легкомысленно относиться къ институту присяги, такъ какъ старый родовой бытъ понемногу измѣняется подъ натискомъ новыхъ условій жизни, на замѣну же умирающаго родового быта не придумано ничего ни лучшаго, ни худшаго; молодежь же, предоставленная самой себѣ, подпадаетъ вліянію культуры съ задняго двора, въ видѣ водки и разныхъ притоновъ, гдѣ нѣкоторые прошли уже «полный курсъ» и пополняютъ отряды городскихъ отбросовъ.

Тамъ же, гдѣ сохранился и до сихъ поръ въ полной мѣрѣ родовой бытъ и, гдѣ старый туркменъ стоитъ на стражѣ его, охраняя многія прекрасныя свои нравственныя нормы и правила, уваженіе къ институту присяги весьма велико.

Къ сожалѣнію, русская администрація при разборѣ жалобъ и тяжбъ между туркменами, не сознавая своей ошибки и не вникая въ важность сохраненія извѣстнаго почтенія, уваженія и боязни передъ присягой насильственно вводитъ въ обиходъ присягу, какъ будничное средство доказательства, и оперируетъ съ ней,

не какъ съ чрезвычайнымъ и священнымъ институтомъ, а какъ съ простой судебной формальностью.

Нѣтъ пониманія совершаемаго, нѣтъ серьезнаго отношенія къ столь драгоцѣнному обычаю туркменъ—боязни клясться лишній разъ,—и администрація невольно толкаетъ ихъ въ область лжи и обмана, такъ какъ стòитъ лишь перейти грань и тогда человѣкъ можетъ клясться каждую минуту съ такою же легкостью, какъ туркмены пьютъ чай во время жары.

Небезъинтересно будетъ заглянуть, какое положеніе занимаетъ институтъ присяги у заатрекскихъ іомудовъ, гдѣ сохранился вполнѣ *туркмен чілік*—туркменскій порядокъ, такъ какъ іомуды туркмены за Атрекомъ живутъ на свободѣ, не подчиняясь фактически ни Россіи, ни Персіи. Достаточно будетъ для этого привести одинъ характерный случай, бывшій въ дѣйствительности на моихъ глазахъ.

Въ іюнѣ 1906 года въ аулѣ Гюмюшь-тепе (Серебряный бугоръ), расположенномъ на персидской территоріи, на берегу Каспійскаго моря, при впаденіи въ него рѣки Гюргенъ, населенномъ туркменами племени іомудовъ у жителя Анна Курбана изъ лавки, неизвѣстно кѣмъ, былъ украденъ товаръ. Анна Курбанъ подозрѣвалъ въ воровствѣ своего одноаульца Овеза и однажды рѣшился высказать свое подозрѣніе въ присутствіи постороннихъ, о чемъ скоро узналъ Овезъ; послѣдній, оскорбившись, потребовалъ отъ Анна Курбана доказательствъ его обвиненій. Послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ рѣшено было обратиться къ Османъ ахуну (извѣстный у іомудовъ ученый мулла) и подчиниться его рѣшенію; ясныхъ уликъ и доказательствъ не было, но Анна Курбанъ былъ увѣренъ, что это дѣло рукъ Овеза, и потому онъ искалъ способа заставить Овеза уплатить ему стоимость товара.

Ученый и очень хитрый ахунъ понималъ, что назвать Овеза «воромъ» безъ основательныхъ доказательствъ—рискованно и

опасно, такъ какъ за это придется, пожалуй, и самому отвѣчать, а съ другой стороны—не удовлетворить Анна Курбана—значило бы подорвать свой авторитетъ, а потому онъ прибѣгнулъ къ испытанному, но казуистическому средству, которое особенно любятъ муллы, а именно: онъ предложилъ разрѣшить споръ принятіемъ присяги. Онъ настаивалъ, чтобы старикъ—отецъ Овеза—испилъ присягу—въ удостовѣреніе того, что сынъ его въ данномъ случаѣ товара Анна Курбана не воровалъ. Стороны согласились на это и акунъ удержался на высотѣ своего положенія, найдя мудрое рѣшеніе, а въ сущности ничего не разобравъ, укрылся за всемогущей присягой, которой такъ боятся туркмены.

Затѣмъ, начался самый главный моментъ принятія присяги. Старикъ, отецъ Овеза, рѣшился на тяжелое испытаніе—испить присягу,—чтобы очистить своего сына, но въ этомъ рѣшеніи было что-то грозное и всѣ чувствовали, что для Анна Курбана не пройдетъ безнаказанно его желаніе изъ за какихъ то земныхъ матеріальныхъ интересовъ—товара, подвергать душу человѣка искушенію, подводить старика подъ грѣхъ и этимъ наносить оскорбленіе всему его роду.

Начались приготовленія къ принятію присяги; готовились обѣ стороны, такъ какъ отецъ Овеза долженъ былъ пить присягу, а Анна Курбанъ дать ее, т. е. присутствовать при этомъ и согласиться на это; отъ него зависѣло отказаться или не отказаться отъ приведенія къ присягѣ, и если матеріальная сторона для него окажется важнѣе и онъ, изъ за нѣсколькихъ десятковъ рублей, рѣшится человѣка ввести во грѣхъ, то онъ долженъ за это и нести тяжелыя послѣдствія мести оскорбленнаго человѣка.

Приготовленія длились нѣсколько дней: родственники Анна Курбана и Овеза собирались порознь и вмѣстѣ и рѣшали вопросъ о мѣстѣ, о времени и другихъ подробностяхъ принятія присяги, а родственники Анна Курбана, кромѣ того, обсуждали вопросъ—требовать ли отъ Овеза присяги, или покончить вопросъ миромъ, т. е. отказаться отъ требованія принять присягу и прекратить свой искъ о вещахъ.

Рѣшено было на пятый день утромъ отправиться на кладбище къ могилѣ одного святого и тамъ выполнить обрядъ принятія присяги; ввиду опасности предпріятія для обѣихъ сторонъ, были совершены трапезы и все обставлялось большой торжественностью.

Утромъ, послѣ молитвы, стороны, въ сопровожденіи многочисленной родни, отправились на кладбище; всѣхъ было около ста человѣкъ и всѣ были вооружены винтовками, съ большимъ количествомъ патроновъ. Винтовка также необходимый предметъ во время принятія присяги; если обвиняемый не побоится принять присягу, то онъ этимъ самымъ совершенно очищается отъ возводимаго на него обвиненія и считаетъ себя оскорбленнымъ на столько, что тутъ же стремится возстановить свое доброе имя и отмстить за нанесенное ему оскорбленіе, почему и стрѣляетъ въ обвинителя; родственники послѣдняго защищаютъ его или мстятъ за его смерть и тогда начинается перестрѣлка, которая иногда затягивается въ длительную войну на почвѣ кровавой мести. Эта война грозитъ истребленіемъ цѣлому роду и, несомнѣнно, уже давно бы былъ истребленъ не только отдѣльный родъ, но и всѣ туркмены, еслибы этому не препятствовали любовь къ жизни и благоразуміе народа, который умѣетъ во время обуздать дикіе инстинкты мести и охранить себя отъ истребленія. При такого рода войнѣ въ дѣло вмѣшивается все общество и старается примирить враждующихъ.

Въ данномъ случаѣ обѣ группы шли угрюмо и переживали наступающія тяжелыя событія. Многіе думали, что имъ уже не прійдется вернуться домой и увидѣть родной аулъ, семью и близкихъ людей; тяжело имъ будетъ разстаться съ привольной жизнью въ туркменской степи, съ ея радостями и превратностями. Угрюмѣе всѣхъ выглядѣлъ Анна Курбанъ; лицо его было блѣдно, полно тревоги и нѣмой борьбы; видимо онъ переживалъ очень тяжелыя минуты и сильно страдалъ подъ гнетомъ какого то мучительнаго вопроса. Было о чемъ подумать! вѣдь отъ него зависѣло — дать ли присягу отцу Овеза и тѣмъ самымъ вызвать цѣлый рядъ убійствъ или, не допустивъ его до присяги, спасти цѣлую группу людей отъ смерти. Чаще всего самъ обвиняемый

не находитъ въ себѣ рѣшимости довести дѣло до присяги и уплачиваетъ истцу всю сумму украденнаго или потому, что онъ дѣйствительно виноватъ, или потому, что не находитъ возможнымъ подвергать старика отца или братьевъ позору и грѣху— принятію присяги. Однако, лицо Овеза дышало рѣшимостью и гнѣвомъ и видно было, что онъ теперь уже не отступится и выпьетъ чашу до дна.

Анна Курбанъ не выдержалъ, чувство матеріализма уступило чему-то другому, болѣе высокому, и онъ, остановивъ шествіе, заявилъ, что: «Пусть мое добро пропадаетъ, но я не хочу брать на душу грѣха и отказываюсь давать присягу отцу Овеза», и этимъ Овезъ освободился отъ обвиненія; всѣ облегченно вздохнули, такъ какъ этимъ инцидентъ исчерпывался и всѣ освобождались отъ необходимости мести.

Такимъ образомъ у заатрекскихъ іомудовъ еще сложнѣе обставленъ порядокъ принятія присяги и тамъ еще бережнѣе и осторожнѣе обращаются съ институтомъ присяги, ввиду тѣхъ грозныхъ послѣдствій, какія могутъ быть вызваны разрѣшеніемъ спора путемъ присяги.

Случаи фактической присяги тамъ почти не наблюдаются.

Небезъинтересно указать на то, что у туркменъ вообще onus probandi (тяжесть доказыванія) далеко не всегда падаетъ на сторону, ссылающуюся на извѣстный фактъ, или на сторону обвиняющую. Весьма часто это ложится на отвѣтчика или обвиняемаго. Сторона, обвиняющая другого въ совершеніи проступка, или же ищущая что либо, имѣетъ право потребовать, что бы обвиняемый или отвѣтчикъ указалъ со своей стороны двухъ, а иногда трехъ лицъ, которыя согласились бы принять присягу въ томъ, что они увѣрены въ невиновности отвѣтчика. Самой присяги не требуется и достаточно только обѣщаніе принять присягу. Этотъ видъ присяги по терминологіи русской администраціи

называется «нравственной присягой». О томъ—имѣлъ ли мѣсто спорный фактъ, отъ нихъ не требуется знать; достаточно, если они скажутъ, что они увѣрены въ томъ, что отвѣтчикъ или обвиняемый не способенъ былъ совершить приписываемое ему. Это основано на большомъ уваженіи туркменъ къ присягѣ, на ихъ правдивости и на томъ, что если человѣкъ сколько нибудь скомпрометированъ чѣмъ либо или безнравствененъ, то никогда, ни въ одномъ аулѣ не найдется ни одного лица, которое бы выразило готовность принять за него присягу.

По большей части избираются близкіе родственники обвиняемаго до извѣстнаго колѣна родства и рѣдко просто одноаульцы.

Со введеніемъ въ Закаспійской области для нѣкоторыхъ дѣлъ для туземцевъ общесудебныхъ установленій, отъ туркменъ требуютъ въ русскихъ судахъ принятія предварительной присяги на общемъ основаніи, что̀ идетъ въ разрѣзъ съ религіозными и правовыми взглядами ихъ и сильно роняетъ въ ихъ глазахъ институтъ присяги и приводитъ ихъ въ недоумѣніе.

Помню я, какъ нѣкоторые изъ чиновъ русской администраціи потеряли окончательно престижъ и уваженіе въ населеніи—только потому, что имъ выпало на долю неоднократно давать свидѣтельскія показанія и каждый разъ принимать предварительную присягу. Туземцы говорили, что такой то пьетъ каждый день присягу, какъ воду, а потому — какой же это начальникъ?

Отсюда,—такъ какъ у туркменъ присяга, благодаря особенному къ ней отношенію, служитъ теперь весьма серьезнымъ, надежнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ доказательства, то что бы не умалять ея значенія, не калѣчить этотъ институтъ и не свести присягу къ простой формальности, —слѣдуетъ въ русскихъ

судахъ или совершенно не примѣнять присяги для туземцевъ, или избавить ихъ отъ предварительной присяги, согласно съ ихъ понятіями и убѣжденіями. Понуждаемый компетентной властью, туркменъ приметъ предварительную присягу, но значенія ей не придастъ и будетъ себя считать нравственно свободнымъ отъ какого либо обязательства; присяга явится для него лишь обрядомъ, формальностью, оскорбляющей его религіозное и нравственное чувство, а достовѣрность его показаній гарантировать она не сможетъ. Къ чему же такая присяга?

СПБ., 14 Марта 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Изъ источниковъ народнаго міровоззрѣнія и настроенія.

Не смотря на весь нашъ «демократизмъ», мы все таки относимся къ изслѣдуемымъ нами фактамъ психо-соціальной жизни «аристократически». Между прочимъ, въ области литературы и словесности считаемъ достойными нашего вниманія по преимуществу или произведенія «интеллигентовъ», сочиняющихъ для «интеллигентовъ» же, или же такъ называемыя произведенія «народной словесности», въ которыхъ мы доискиваемся то̀ проявленій «коллективной психики» («этнопсихологіи»), то̀ традиціонныхъ продолженій глубокой старины. Громадное количество «литературныхъ произведеній», по своему вліянію на народныя массы весьма могущественныхъ, оставляется обыкновенно безъ вниманія. Къ этой категоріи обиженныхъ изслѣдователями твореній слѣдуетъ причислить «полуграмотные» и «невѣжественные» листки и брошюры, освящающіе печатью «письма» народныя повѣрья, предразсудки и собирательныя сонныя видѣнія отдѣльныхъ группъ человѣчества. На народныя массы современ-

ныхъ намъ народовъ дѣйствуютъ несравненно меньше книги, продаваемыя въ книжныхъ магазинахъ, чѣмъ произведенія печати, разносимыя странствующими торговцами, раскладываемыя на лоткахъ, въ балаганахъ во время ярмарокъ, церковныхъ праздниковъ и т. п.

Напрасно мы относимся съ пренебреженіемъ къ этого рода произведеніямъ печати. Вѣдь они то и являются обильными источниками эпидемическихъ психо-соціальныхъ болѣзней, они сообщаютъ своеобразный отпечатокъ воображенію многочисленныхъ читателей, они воспитываютъ и поддерживаютъ извѣстныя соціальныя чувства, руководящія междучеловѣческимъ общеніемъ, — прежде всего, конечно, чувство человѣконенавистничества.

Во время моихъ неоднократныхъ экскурсій по юго-западнымъ славянскимъ землямъ, главнымъ образомъ между Словинцами, мнѣ удалось пріобрѣсти нѣсколько интересныхъ сочиненій этого рода. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для діалектолога; всѣ же они заслуживаютъ вниманія со стороны психолога, соціолога, фольклориста, историка и т. д. Между прочимъ, въ числѣ этихъ памятниковъ народной литературы, составляющихъ мою собственность, имѣются:

1) **Gvishna ino resniszhna delava nasha lvba gospveda Jesusa Cristvsa.** (Вѣрная и подлинная длина нашего милаго Господа Іисуса Христа) (печатано на длинной и узкой полосѣ бумаги, якобы изображающей настоящую длину Христа послѣ распятія). Судя по печати и бумагѣ, начала XIX в., но въ концѣ сказано: *Ta Sveta Delava Jesvsa Cristvsa je vdrvcana v'Celiranie vtam lete 1655. K. 15. K.*, т. е. «Святая длина Іисуса Христа напечатана въ Целираньѣ (?) въ 1655 году. К. (?) 15. К. (?)». — Олицетворенная «Длина Іисуса Христа» становится здѣсь новою святой, къ которой обращаются съ молитвами о заступничествѣ.

2) **Kristosov Tastement.** (Христово Завѣщаніе). 1878 г.

3) **Sanje Naše lube Divice Marije.** (Сонъ нашей милой Дѣвы Маріи). 1878 г.

4) **Cudes od 12. Kancov st. Kervi** (Чудо 12 капель св. Крови). 1878 г.

5) **Skušani Popis is Egipta** (Испытанное описаніе изъ Египта). Безъ года, вѣроятно тоже около 1878 г.

6) **Prerokovanje za te prihodnje čase kaj in kako sebo godilo do sodniga dneva.** Drugi natis. Na brane od Daniela kralja leta 1250 prestavil Franc Švara. U Trstu 1877. (Пророчество о грядущихъ временахъ, что̀ и какъ будетъ происходить вплоть до Суднаго дня. Второе изданіе. Собрано царемъ Даніиломъ 1250 г., перевелъ Францъ Швара. Въ Тріестѣ 1877).— 16^0, стр. 7.

7) **Lek. za panat vsako Sterpenino** (Лѣкарство для изгнанія всякаго яда).

Для того, чтобы дать приблизительное представленіе о характерѣ этихъ произведеній, сообщаю здѣсь цѣликомъ № 2, напечатанный на одной сторонѣ листка $20\frac{1}{2} \times 13^2/_3$ cm., въ 3 столбца, окаймленные со всѣхъ сторонъ чорными отдѣляющими и раздѣляющими чертами. Средній столбецъ $(12^1/_3 \times 5\frac{1}{5}$ cm.) ўже двухъ остальныхъ, 1-го и 3-го: 1-й—$12^1/_3 \times 6^2/_3$ cm.; 3-й—$12^1/_3 \times 6$ cm.

Главный текстъ напечатанъ на 1-омъ и 3-емъ столбцѣ. На среднемъ же, 2-омъ, столбцѣ, красуется изображеніе распятія и двухъ женщинъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ креста; внизу этого столбца его третью часть занимаютъ окончаніе текста и прибавленія къ нему.

Вотъ подлинный словинскій текстъ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія:

(1-й столбецъ): Kristosov

TASTEMENT.

Jezus je trem sestram Popisav in razodev. takole. Imete vedit lube hčere. jest sim od judov 120 žlafernc prijev. na herbet 380. na pleče 30. na vrat 120. na obras in oči 412. po rebrah 38. po persah 43. žlafernc. za brado so me zacukali 48 krat. za ušese 170 krat na glavo 58 krat. po licah 110 po rokah 40. po nogah 23. po čelu 9 krat. in po persih 27 krat.

Jest sim prijev na celim mojim telesu 5475. vdarcov, na zemljo so me vergli 13 krat. pahnjen sim bil 170 krat, kronan sim bil 4 krat gajžlenja sim prijel 6666. iz štrikami povezan 9 krat. pod križam sim

(3-й столбецъ): padu 7 krat. iz serca sim zdahnil 129 krat. pahnjen sim bil od enga kraja uta drugi. 70, krat. jest sim stočiv mojih kapelc svete rožafarbene kervi 30.330. katera je iz mojga telesa iztekla,, soldatov ker so vahtali ih je bilo 508. krivih prič 75. in beričov kateri so mene križali ih je bilo 33, razbujnikov ih je bilo 74,

Tacih in druzih svetih pisem. so ih judje v jeruzalemi veliko Bukvi po kradli. nekaj so ih sožgali, nekaj pa shranli.

Zdaj pa kir je ta novi - - - oče papeš Leon. ta trinajsti. bo dovoliv v se skrite svete pisme na jasno von razglasiti.

(2-й столбецъ, внизу подъ изображеніемъ распятія: Hvaljen bodi naš Križan zveličar Jezus Kristus in njegova žalostna mati Marija.

To pismo so nejdli v jeruzalemi per božjim grobi.

Franc švara. u Tersti. 1878.

Переводъ.

Христово Завѣщаніе.

Іисусъ тремъ сестрамъ описалъ и объявилъ вотъ что:

Вы должны знать, милыя дочери, (что) я отъ евреевъ получилъ 120 оплеухъ, на спину 380 (ударовъ), на плечи 30, въ шею 120, по лицу и по глазамъ 420, по ребрамъ 38, въ грудь 43 оплеухи. За бороду дернули меня 48 разъ, за уши 170 разъ, по головѣ (ударили меня) 58 разъ, по щекамъ 110, по рукамъ 40, по ногамъ 23, по лбу 9 разъ и по груди 27 разъ.

Я получилъ по всему моему тѣлу 5475 ударовъ, на землю меня бросили 13 разъ, толкнули меня 170 разъ, коронованъ я былъ (терновымъ вѣнкомъ) 4 раза, при сѣченіи я получилъ 6666 (ударовъ розгою или кнутомъ), веревками я былъ связанъ 9 разъ, подъ крестомъ я упалъ 7 разъ, изъ сердца я вздохнулъ 129 разъ, меня толкнули изъ одного конца въ другой 70 разъ. Я излилъ моихъ капель святой розоваго цвѣта крови 30.330, которая вытекла изъ моего тѣла.

Караулившихъ меня солдатъ было 508, ложныхъ свидѣтелей 75, а распинавшихъ меня служителей (палачей) было 33, разбойниковъ было 74.

———

Такихъ и другихъ священныхъ писаній евреи въ Іерусалимѣ много книгъ украли, кое что изъ нихъ сожгли, кое что сохранили.

Теперь же, когда (взошолъ на престолъ) этотъ новый святой отецъ папа Левъ тринадцатый, онъ дозволитъ всѣ укрытыя священныя писанія публично разгласить.

Пусть будетъ прославленъ нашъ распятый Спаситель Іисусъ Христосъ и его печальная мать Марія.

———

Это писаніе нашли въ Іерусалимѣ у Божьяго гроба.

———

Францъ Швара, въ Тріестѣ 1878 г.

Это одинъ изъ образчиковъ клерикальной агитаціи и пропаганды между «простымъ народомъ». Каждая изъ этихъ «точныхъ» цифръ (30.330 капель излитой Христомъ крови!) западаетъ глубоко въ душу и усиливаетъ въ ней чувство ненависти къ виновникамъ страданій «Спасителя», «евреямъ». Словомъ «еврей» отожествляются всѣ «евреи», «евреи» всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, «евреи» всякаго образа мыслей и всякаго нравственнаго достоинства. Всѣ они должны нести наказаніе за причиненныя Богу страданія!

И человѣконенавистничество вообще, и антисемитизмъ въ частности, и «погромное» настроеніе получаютъ обильную пищу изъ подобнаго рода источниковъ.

Кто хочетъ понимать и душевный міръ и дѣйствія «народа», тому слѣдуетъ относиться съ должнымъ вниманіемъ и ко всей этой «литературѣ».

СПБ., Май 1908 г.

Вс. Ѳ. Миллеръ.

О нѣкоторыхъ былинныхъ именахъ.

I.

Былинныя записи, сдѣланныя въ послѣдніе года въ Архангельской губерніи, принесли намъ нѣсколько новыхъ былинныхъ именъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія изслѣдователей нашего народнаго эпоса. Въ сборникѣ А. В. Маркова, — Бѣломорскія былины — нѣсколько разъ упоминается, обыкновенно въ перечняхъ богатырей, какой то Пересмета, Пересмяка, Пересмяга «со племянникомъ». Просмотримъ мѣста, въ которыхъ упоминается это новое для насъ эпическое лицо, неизвѣстное олонецкимъ былинамъ.

Въ былинѣ № 81 «Камское побоище» Добрыня, по порученію кн. Владимира, пишетъ «ёрлыки скоропищяты» русскимъ богатырямъ, сзывая ихъ на «камьское побоишшо». Во главѣ богатырей стоитъ Самсонъ сынъ Колубаёвъ, а въ числѣ ихъ «Пересмета со племянникомъ» и, вѣроятно, его дублетъ Пересмяка со племянникомъ [1]. Въ другомъ варіантѣ той же былины (№ 94) то же лицо названо въ такомъ же перечнѣ богатырей «Перемётушкой Васильевымъ» [2]. Въ былинѣ (№ 3) объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Баданѣ (Батыѣ) Илья Муромецъ поѣхалъ разыскивать для боя съ Баданомъ русскихъ богатырей въ чистомъ

[1] Бѣломорскія былины стр. 434.

[2] Тамъ же стр. 480.

полѣ и на его призывъ пріѣхалъ первымъ Самсонъ Сильнѣй, а вторымъ «Пересмяга со племянникомъ».

Послѣ паденія Ильи въ подкопы татарскіе и его освобожденія онъ, вмѣстѣ съ другими богатырями, избиваетъ татаръ въ теченіе 12-ти дней [1]. Въ былинѣ (№ 2) объ Ильѣ и Калинѣ, когда раздраженный Ильей кн. Владиміръ посадилъ его къ погребъ, отъ «великаго горя» уѣхали изъ Кіева богатыри:

«Въ перьву голову уѣхалъ Самсонъ Сильнія,
Во вторыхъ-то тутъ уѣхалъ Пересмяка со племянницькомъ»,

за ними уже слѣдуютъ другіе богатыри [2].

Въ былинѣ (№ 42) объ Ильѣ Муромцѣ разсказывается, что онъ, послѣ исцѣленія и выѣзда изъ дому, пріѣзжаетъ въ Кіевъ къ князю Владиміру и, по его порученію, отправляется въ чистое поле искать богатырей. Въ числѣ ихъ онъ находитъ и «Пересьмяку со племянницькомъ» [3]. Въ былинѣ (№ 46) о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ кн. Владиміръ, по пріѣздѣ въ Кіевъ Ильи и Добрыни, принимаетъ ихъ съ честью, устраиваетъ пиръ и созываетъ на него прочихъ богатырей, въ томъ числѣ «Перетьсмяка со племянницькомъ» [4].

Объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ Пересметы, Пересмяки и проч. ничего не извѣстно: онъ участвуетъ, какъ мы видѣли, въ избіеніи татаръ царя Бадана вмѣстѣ съ другими богатырями и только въ одной былинѣ (№ 81 о Камскомъ побоищѣ) онъ получаетъ отъ Ильи отдѣльное порученіе—пересчитать силу невѣрную.

«Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромецъ:
Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
Ужъ ты съезди-ко со своимъ да со племянникомъ,
Ужъ ты съѣзди-ко въ чисто поле, на шо̀ломя окатисто,
А возьми-тко-се трубочку подзорную,
А какъ пересчитай-пересмечи эту силу великую,
Великую силу невѣрную» [5].

---

[1] Тамъ же стр. 50 и 52.
[2] Тамъ же стр. 38.
[3] Тамъ же стр. 214.
[4] Тамъ же стр. 234.
[5] Тамъ же стр. 438.

Вѣроятно, порученіе пересчитать — пересметать татарскую силу находится въ связи съ именемъ Пересметы; сходство этого имени съ глаголомъ побудило слагателя былины дать именно ему такое порученіе, которое въ другихъ былинахъ исполняютъ другіе богатыри. Исполнивъ порученіе, Пересмета докладываетъ Ильѣ:

«— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
Всё равно какъ вёшна вода розливаитьсе,
А морська волна да колыбаитьсе, —
Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигаитьсе» [1].

Изъ былинныхъ указаній можно такимъ образомъ извлечь слѣдующія данныя о Пересметѣ.

1) Онъ упоминается въ числѣ русскихъ богатырей въ былинахъ о страшномъ побоищѣ русскихъ съ безчисленной татарской ратью.

2) Онъ, вмѣстѣ съ другими, принимаетъ участіе въ истребленіи татаръ.

3) При немъ, обыкновенно, упоминается его племянникъ, т. е., въ старинномъ значеніи этого слова, «родственникъ», не названный по имени и ничѣмъ не отличающійся.

Для объясненія имени Пересметы я рѣшаюсь сдѣлать предположеніе, что въ немъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ сохранилось имя чернеца богатыря Пересвѣта, извѣстнаго изъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ. Припомнимъ нѣкоторыя былевыя и историческія данныя, которыя могутъ, на мой взглядъ, сдѣлать допустимой эту гипотезу.

Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, судя по множеству списковъ, возбуждали въ XV, въ XVI вѣкахъ и позже значительный интересъ и пользовались значительнымъ кругомъ читателей. Но въ народный оборотъ они не вошли, а отразились только нѣкоторыми именами, получившими эпическій характеръ. Слагатели былинъ не оставили намъ былинной обработки этого книжнаго сказанія: они не выходили изъ круга богатырей кн. Владиміра и изображали только битвы его богатырей съ татарами. Однако, общій характеръ этой постоянно побѣдоносной борьбы съ та-

[1] Тамъ же стр. 439.

тарами данъ былъ не тяжелымъ періодомъ разгромовъ княжескихъ дружинъ татарами въ XIII вѣкѣ, а успѣхами въ войнахъ съ татарами въ дальнѣйшіе вѣка. Первымъ такимъ успѣхомъ была знаменитая побѣда надъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ, и, конечно, это громкое событіе не могло не оставить нѣкотораго слѣда въ эпосѣ, хотя бы въ нѣкоторыхъ именахъ. Дѣйствительно, царь Мамай [1] встрѣчается въ былинахъ въ роли другихъ татарскихъ царей, приступающихъ къ Кіеву,—напр. Батыги, Калина, а знаменитое поле Куликово стало *эпическимъ* полемъ, гдѣ происходятъ битвы и совершаются казни [2].

Можно предположить, что кое гдѣ въ народной памяти сохранилось имя одного лица, которое совершило въ этой битвѣ *эпическій* подвигъ, выдѣлявшій его среди дѣйствія массъ — именно вступило въ единоборство съ татарскимъ богатыремъ. Такой эпическій подвигъ былъ совершенъ Пересвѣтомъ, и эпическій характеръ его отразился до нѣкоторой степени въ литературныхъ «Сказаніяхъ» и въ «Повѣданіи» Софонія. По предположенію С. К. Шамбинаго, «о храбрости иноковъ Пересвѣта и Осляби, очевидно, уже давно ходило какое-то особое сказаніе, несомнѣнно, устное. Лѣтописная повѣсть не упоминаетъ о немъ, но занесеніе имени Пересвѣта въ синодикъ показываетъ, что онъ былъ чѣмъ-то отличенъ. Это устное сказаніе было извѣстно Софонію, который и воспользовался имъ для «Повѣданія» (припоминая при этомъ нѣкоторыя выраженія Слова о Полку Игоревѣ): «Пересвѣта чернца брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ великому князю Дмитрію... лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, брате, стару помолодити, а молодому

---

[1] См. Тихонравовъ — Миллеръ. Былины старой и новой записи. Указатель. Мамай носитъ эпитеты: *грозный, безумный, сильный, безбожный*.

[2] См. напр. Гильфердингъ.—Онежскія былины. II 178, 218, 349, 633, 635, III 282, 231. Марковъ стр. 51, 192, 280, 479; Ончуковъ — Печорскія былины, стр. 6, 70, 133, 371; Тихонравовъ—Миллеръ II 4, 22, 28, 273, 275.

чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича» [1]. Замѣтимъ, что хотя въ «Повѣданіи» Ослябя, названный Іаковомъ, представляется также убитымъ въ бою, но ни въ «Повѣданіи» и ни въ одной изъ редакцій Сказанія о единоборствѣ и смерти Осляби нигдѣ не говорится [2]. Въ синодикахъ также нѣтъ указанія, по словамъ Шамбинаго, о смерти Осляби въ бою. «Въ лаврскомъ обиходникѣ Ослябя называется Иродіономъ, бояриномъ любутскимъ, посланнымъ въ 1398 г. въ Царьградъ, значитъ, онъ остался живъ послѣ 1380 г. Келарь Симонъ Азарьинъ зоветъ его въ житіи Андреемъ. Въ актѣ о мѣстничествѣ Бутурлина съ Плещеевымъ Ослябя Андрей упоминается въ числѣ бояръ Кипріана въ 1390—1393 гг.» [3]. Какъ бы то ни было, преданіе объ Ослябѣ, повидимому, двоилось, но всѣ редакціи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ сосредоточиваютъ вниманіе на единоборствѣ Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ, которое предшествовало общей битвѣ. Этотъ эпизодъ носитъ вполнѣ эпическій характеръ, судя по изображеніямъ его въ Сказаніи: татарскій богатырь иногда называется *злымъ Печенѣгомъ* [4], иногда Телебеемъ [5], Челебѣемъ [6], Темиръ Мурзой [7], Тавруломъ [8]. Выйдя изъ полка татарскаго, онъ «хоробруетъ», похваляясь своимъ мужествомъ,

[1] С. Шамбинаго — Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906 стр. 176.

[2] См. соотвѣтствующія мѣста изъ текстовъ Сказанія, приложенныхъ къ изслѣдованію г. Шамбинаго: II-я редакціи стр. 12, 29; III редакція тр. 47 и 65; IV редакція стр. 91, 115; передѣлка IV редакціи стр. 144, 158, западно-русск. обработка стр. 175, 185, 189.

[3] Тамъ же стр. 177.

[4] Тамъ же стр. 29, 65, 158.

[5] Тамъ же стр. 115.

[6] Тамъ же стр. 185.

[7] Никоновск. лѣтопись изд. 1788 г. 7. IV и стр. 113.

[8] См. Шамбинаго, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, стр. 61, прим. 36.

и «Сказаніе» сравниваетъ его съ древнимъ Голіаѳомъ [1], причемъ приписываетъ ему въ (3-й редакціи) — ростъ въ пять саженъ, а ширину въ три сажени [2]. Его соперникъ Пересвѣтъ, по словамъ Сказанія, былъ въ міру славнымъ богатыремъ, имѣлъ великую силу и крѣпость, «величествомъ и широтою» превосходилъ всѣхъ и былъ «измысленъ зѣло къ воинственному дѣлу и наряду» [3]. По словамъ того же текста Сказанія въ Никоновской лѣтописи, татарскій богатырь былъ такъ страшенъ, что никто не дерзалъ выступить противъ него: только Пересвѣтъ отважился на подвигъ, просилъ великаго князя не смущаться, такъ какъ онъ надѣется на помощь Бога, Пречистой Его Матери и на молитвы преподобнаго Сергія. Затѣмъ, богатырь-чернецъ возложилъ на себя святую схиму и простился съ великимъ княземъ, всѣмъ воинствомъ и съ братомъ Ослябей, которые провожали его съ плачемъ. «И тако инокъ Пересвѣтъ — продолжаетъ Сказаніе — поиде противу татарскаго богатыря Темиръ Мурзы и ударишася крѣпко, толико громко и сильно, яко землѣ потрястися, и спадоша оба на землю мертвии, и ту конецъ пріяша оба, сице же и кони ихъ въ томъ часѣ мертви быша» [4]. Еще картиннѣе и многословнѣе изображенъ этотъ эпизодъ въ 4-й распространенной редакціи Сказанія. «Уже бо близ себя сходящеся поганиі с рускими пол(ки). І выиде печенег ис полку татарскаго богатыр пред всеми мужеством своим являшеся, именем Телебеи еллинскимъ языкомъ, подобен есть древнему Голияду. І видѣвше сего Пересвѣтъ чернецъ, любеченин, иже бѣ в полку у Володимера Всеволожа, и двигнувся ис полку вон и рече: сеи чл҃вкъ ищет подобнаго себе, и аз хощу с ним видѣтися. И пыхая яко левъ и аки жених хощет восприяти небеснаго ц҃рьствия, бѣ бо шелом на главѣ его ангелскиіго образа вооружен схимою по повелѣнию преподобнаго Сергия и рече: отцы и братия, простите мя грѣшнаго, и ты, брате Ослябя, прости и моли за мя Бг҃а. І все воиско яко

---

[1] Тамъ же стр. 29, 115. Никонов. лѣт. ч. IV, стр. 113.
[2] Тамъ же, стр. 65.
[3] Никон. лѣт. Тамъ же, стр. 113.
[4] Тамъ же, стр. 113.

единеми усты гласомъ великимъ возопиша: Гс҃дь Бг҃ъ да простит тя и св҃тыи игумен Сергиі. И напусти старецъ на печенега, яко на мя вооружившася; он же безбожныи печенег устремися противу Пересвѣта чернца и рекоша в себѣ: ох Махмет, помагаи мнѣ. Вои же християнстиі яко единеми усты возопиша: Боже нашъ, помози нам рабом своимъ. И ударишася крѣпкии два богатыря межю собою оружиемъ своимъ и мни ему, яко едва мѣсто не проломишася под ними; и спадоста оба на землю с коней своихъ мертвы и туто скончашася»[1]. Замѣтимъ, что въ иллюстрированныхъ спискахъ Сказанія обязательно одна изъ миніатюръ изображаетъ единоборство Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ, причемъ послѣдній, какъ исполинъ, представленъ значительно крупнѣе русскаго богатыря[2]. Другая миніатюра изображаетъ тотъ моментъ, когда великій князь съ трубачами и свитой наѣзжаетъ на трупы Пересвѣта и татарскаго богатыря[3].

Мы привели эти данныя изъ разныхъ редакцій Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, чтобы показать, что эпизодъ единоборства Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ книжниковъ-патріотовъ. Можно думать, что имя русскаго богатыря, отважившагося выѣхать противъ татарскаго «исполина» нахвальщика и погибшаго съ честью въ бою, вмѣстѣ съ противникомъ, доходило отъ книжныхъ людей и къ некнижнымъ. Какъ всегда бываетъ въ устной передачѣ, съ теченіемъ времени обстоятельства боя и другія подробности забывались. Переживало одно имя съ глухою памятью о томъ, что носившій его былъ богатырь и бился когда то съ татарами, какъ другіе русскіе эпическіе богатыри. Съ такими признаками имя Пересвѣта могло зайти въ архангельскій былинный районъ и быть сказателями утилизовано въ перечняхъ кіевскихъ богатырей. Искаженіе формы Пересвѣтъ въ Пересметъ нетрудно объяснить особенностями сѣвернаго говора, въ которомъ из-

---

[1] Шамбинаго—Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Прилож. стр. 115.

[2] См. Шамбинаго—Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ стр. 84 и таблицу XLIX.

[3] Тамъ же, табл. LXVIII.

вѣстны и другіе случаи чередованія *в* и *м*: мурмолка—мурванка, Мурманъ и Мурванъ, когма и когва [1] и друг. Отъ брата Пересвѣтова, не выступавшаго въ бою и только упоминаемаго въ «Сказаніи», могъ остаться слѣдъ въ томъ, что при Пересметѣ въ былинахъ обыкновенно упоминается его племянникъ, т. е. родственникъ, его сопровождающій. Тою подробностью, что въ «Сказаніи» Пересвѣтъ принадлежалъ къ полку Владиміра Всеволодовича (ошибочно вм. Владиміра *Андреевича*), а Пересмета въ былинахъ принадлежитъ къ числу богатырей кн. Владиміра, едвали можно воспользоваться для ихъ сопоставленія: быть можетъ, здѣсь простая случайность. Но для выставленія нашей гипотезы, быть можетъ, достаточно слѣдующихъ трехъ пунктовъ сближенія:

1) Сходство звуковое именъ Пересвѣта и Пересметы.

2) Оба они называются богатырями, оба бьются съ татарами на страшномъ побоищѣ.

3) У обоихъ упоминаются какіе то сопровождающіе ихъ близкіе родственники.

Въ заключеніе можно припомнить, что отголоски знаменитаго Мамаева побоища сохранились, кромѣ имени Пересвѣта, въ былинахъ въ именахъ Мамая и Куликова поля.

II.

Архангельскія былины записанныя г.г. Григорьевымъ и Ончуковымъ, принесли намъ въ нѣсколькихъ варіантахъ имя Кончака въ сюжетѣ о Василіи Пьяницѣ. Такъ, въ былинѣ № 314 (еще не изданной) у г. Григорьева читается, что

«Подымаиьсце собака Кудреванко царь
Со любимымъ со зятилкомъ со Артакомъ,
А со любимымъ со сыномъ онъ со Коньшыкомъ.
А у Коньшыка силушки было сорокъ тысицей;

[1] Образующійся весною отъ морскихъ приливовъ тонкій ледъ поверхъ толстаго зимняго. См. Словарь областного архангельскаго нарѣчія Подвысоцкаго.

А у Артака силы-то было сорокъ тысицей;
А у самого собаки дакъ цисла—смѣты нѣтъ,
Цисла—смѣты де нѣту, пересмѣтушки» [1].

Тѣ же имена въ томъ же сюжетѣ читаются въ варіантахъ №№ 319 и 337 того же сборника. Въ отрывкѣ той же былины, записанной г. Ончуковымъ (№ 87), подступающій къ Кіеву царь называется Скурлой, его зять Кыршакомъ, его сынъ Кончальничкёмъ [2]. Нетрудно догадаться, что царь Скурла носитъ имя искаженное изъ Скуратова, и что имя его зятя Кыршака, упоминаемое въ формѣ Кыршика также въ записи г. Маркова былины того же сюжета (№ 77) [3], представляетъ дублетъ имени Коншака. Дальнѣйшее искаженіе того же имени мы видимъ въ давно извѣстной былинѣ «Калинъ царь» въ сборникѣ Кирши Данилова, гдѣ говорится, что по лѣвую руку царя Калина сидитъ его сынъ Лоншекъ [4]. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти былинныя имена—Коньшакъ, Коньшикъ, Кыршикъ, Лоншекъ—представляютъ видоизмѣненія имени знаменитаго половецкаго хана Кончака, извѣстнаго изъ лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, и причинившаго не мало зла Руси во 2-й половинѣ 12-го вѣка.

Можетъ быть, когда нибудь къ имени Кончака были прикрѣплены какія нибудь эпическія сказанія, какъ къ имени Тугоркана, сохранившемуся въ эпосѣ въ Тугаринѣ Зміевичѣ. Но въ современныхъ былинахъ отъ знаменитаго половецкаго хана сохранилось одно имя и то только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Архангельской губерніи. Припомнимъ, впрочемъ, что существованіе имени Кончака въ Архангельской губерніи было уже давно отмѣчено Максимовымъ. Покойный этнографъ въ своей извѣстной книгѣ «Годъ на сѣверѣ» [5] приводитъ слышанный имъ въ губерніи разсказъ о братьяхъ великанахъ: Кончакѣ, Колгѣ и Жожгѣ, которые были такъ сильны, что, стоя далеко другъ отъ друга, перебрасывались *котломъ*, какъ легкимъ мячомъ.

---

[1] Т. III стр. 54.
[2] Печорскія былины стр. 345.
[3] Бѣломорскія былины стр. 409, 413.
[4] К. Даниловъ стр. 101.
[5] Изд. 4-е 1890 г., стр 97.

Другое, принесенное сборникомъ г. Григорьева былинное имя Артакъ представляетъ еще бо̀льшій интересъ, если окажется допустимымъ слѣдующее объясненіе его. Въ былинахъ (№№ 314, 319, 337) о Василіи Пьяницѣ любимымъ зятемъ приступающаго къ Кіеву царя Кудреванка, какъ мы видѣли, называется Артакъ. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что Артакъ упоминается рядомъ съ половецкимъ ханомъ Кончакомъ, я рѣшаюсь предположить, что его свойственникъ Артакъ соотвѣтствуетъ по имени половецкому князю Отроку или точнѣе Атраку, какъ мы сейчасъ увидимъ. Имя Отрока было вплетено въ народныя сказанія половецкаго періода, какъ видно изъ отголосковъ подобныхъ сказаній, донесенныхъ до насъ Галицко-Волынской лѣтописью въ извѣстномъ поэтическомъ отрывкѣ о галицкомъ князѣ Романѣ. По словамъ преданія, Владиміръ Мономахъ загналъ половецкаго хана Отрока на Кавказъ «во Обезы за желѣзныя врата». Когда Владиміръ, гроза половцевъ, скончался, братъ Отрока Сырьчанъ, остававшійся на Дону, послалъ къ Отроку во Обезы гудца Оря съ порученіемъ уговорить его вернуться въ родныя степи. Орь долженъ былъ пѣть ему пѣсни половецкія и, если это не подѣйствуетъ, дать ему понюхать степной травы евшана. Послѣднее будто бы подѣйствовало на Отрока, и онъ вернулся въ степи. Сыномъ Отрока былъ Кончакъ, «иже снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву», т. е. знаменитый силачъ и исполинъ, носившій цѣлый котелъ на плечахъ. Припомнимъ тутъ же, что, по архангельскому преданію, записанному Максимовымъ, Кончакъ перебрасывается съ братьями *котломъ*. Къ сожалѣнію, лѣтопись не сохранила для насъ никакихъ другихъ данныхъ объ Отро̀кѣ, кромѣ вышеприведеннаго отрывка изъ какихъ то народныхъ преданій. Но половецкій ханъ оставилъ о себѣ память на Кавказѣ, въ грузинскихъ извѣстіяхъ о царствованіи царя Давида III-го Возобновителя (1089—1125), современника Владиміра Мономаха. Въ собранныхъ изъ грузинскихъ лѣтописей и историковъ «Извѣстіяхъ о сѣверномъ Кавказѣ и Россіи» г. М. Джанашвили и изданныхъ имъ въ русскомъ переводѣ въ XXII выпускѣ «Сборника Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» [1] приводится слѣдующее извѣстіе:

[1] Тифлисъ 1897 г. Отд. I, стр. 1—196.

«Въ лѣтописи сказано: Давидъ отлично зналъ, что кипчаки (т. е. половцы русскихъ лѣтописей)—племя многочисленное, отважное, проворное, смѣлое, услужливое, умѣющее сохранять миръ нерушимымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, кипчаки жили по близости Грузіи [1], и легко было призвать ихъ на помощь. Поэтому-то царь Давидъ женился на Гурандухтѣ, прославленной многими добродѣтелями. Она была дочь главаря кипчаковъ *Атрака* Шараганидзе [2]. Давидъ отправилъ въ Кипчакетію своихъ пословъ, чтобы пригласить тестя своего противъ сельджуковъ. Предложеніе царя кипчаками было принято съ восторгомъ, но требовалось, чтобы овсы (т. е. осетины, занимавшіе въ то время Предкавказье и горы главнаго хребта) дали имъ дорогу. По этой причинѣ самъ царь Давидъ отправился въ Овсетію, взявъ съ собою своего главнаго секретаря Георгія Чкондидели, человѣка весьма опытнаго и мудраго. Когда царь прибылъ въ Овсетію, то всѣ цари овсовъ и всѣ «мтавари» ихъ предстали предъ нимъ. Овсы и кипчаки, по предложенію царя Давида, отдали другъ-другу заложниковъ, учинили обоюдное согласіе, утвердили между собой миръ и любовь. Давидъ открылъ крѣпости дарьяльскія (т. е. защищавшія проходъ въ Дарьяльскомъ ущельи) и всѣ врата Овсетіи и Кавказа [3], и по этой безопасной дорогѣ провелъ великое множество воинства, а также тестя своего (хана Атрака) и братьевъ супруги своей. Всѣхъ же кипчаковъ, приведенныхъ въ Грузію, кромѣ женъ и дѣтей, было

[1] Т. е. въ сѣверо-кавказскихъ степяхъ.

[2] Отбрасывая грузин. суф. *дзе*, соотвѣтствующій по значенію нашему—*овичъ*, не трудно въ этомъ родовомъ имени узнать имя Шаруканович
а, т. е. изъ рода Шаруканова. Припомнимъ, что два брата Шарукана (т.е. Шаруканович
и) упоминаются Владиміромъ Мономахомъ (Поученіе) въ числѣ лѣпшихъ князей половецкихъ, выпущенныхъ имъ изъ оковъ; что какой то Шаруканъ *старый* воевалъ съ русскими князьями въ 1107 году, былъ разбитъ съ другими князьями и *едва утече*; что подъ 1111 г. упоминается половецкій городъ Шаруканъ, гдѣ-то у Дона, сдавшійся русскимъ князьямъ, а въ 1116 г. Ярополкъ Владиміровичъ и Всеволодъ Давыдовичъ снова берутъ городъ (Шаруканъ) въ числѣ другихъ половецкихъ городовъ—Сугрова и Балина (Ипатов. спис.).

[3] Вспомнимъ желѣзныя врата, упоминаемыя въ русскомъ преданіи объ Отрокѣ.

40,000 воиновъ [1], которыхъ царь одѣлъ, вооружилъ и каждому изъ нихъ далъ по лошади. Кипчаковъ съ ихъ домочадцами царь поставилъ на удобныхъ мѣстахъ [2]. Въ дальнѣйшемъ разсказъ идетъ о принятіи христіанства частью кипчаковъ и о выступленіи царя Давида съ воинствомъ своимъ и союзнымъ противъ враговъ.

Не останавливаясь на исторической оцѣнкѣ этого грузинскаго лѣтописнаго свидѣтельства, замѣтимъ только, что въ немъ дѣло идетъ несомнѣнно о томъ же половецкомъ ханѣ, который извѣстенъ нашей лѣтописи подъ именемъ Отрока, отца Кончакова, и что это лицо въ грузинскихъ извѣстіяхъ называется, вѣроятно, ближе къ подлинному имени, Атракомъ.

Для объясненія лѣтописной формы имени *Отрокъ* слѣдуетъ припомнить, что древнерусскому языку свойственно передавать начальный *а* иностранныхъ именъ посредствомъ *о;* напр. Обрамъ=Абрамъ, Авраамъ, Огрофена=Агриппина, Окулина=Аквилина, Ондрей=Андрей, олтарь=алтарь и др. Можно предположить, что половецкое имя Атракъ перешло въ *О*тракъ, а затѣмъ получило видъ Отрокъ подъ воздѣйствіемъ нарицательнаго имени *отрокъ*. Что касается былиннаго искаженія имени Атрака въ имя Артакъ, то оно можетъ быть объяснено спорадической перестановкой согласныхъ, особенно плавныхъ. Вспомнимъ такіе примѣры, какъ *протомой* изъ *портомой*, *яровчатыя* (гусли) изъ *яворчатыхъ*, *тверёзый* изъ *терёзвый* (трезвый), *Селивёрстъ* = *Сильвестръ* [3] и друг.

Помимо сходства въ имени, былиннаго Артака сближаетъ съ половецкимъ ханомъ Атракомъ (Отрокомъ) еще то̀ обстоятельство, что Артакъ упоминается въ былинахъ рядомъ съ своимъ свойственникомъ Кончакомъ (Коншикомъ). Изъ галицко-волынской

---

[1] Вѣроятно цифры значительно преувеличены.

[2] Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXII. стр. 36.

[3] См. объ этомъ фонетическомъ явленіи у А. И. Соболевскаго — Лекціи по исторіи русск. яз., изд. 3-е стр. 144. Ср. въ былинахъ Челпанъ и Чембалъ, Леванидовъ и Мендалидовъ крестъ. Сынъ Батыя называется въ Никоновскомъ сводѣ Ч. III., изд. 1786 г. то̀ *Сатаркъ* (подъ 1246 г., стр. 26 и 1262 г., стр. 41), то̀ *Сартакъ* (подъ 1250 г., стр. 32).

лѣтописи мы знаемъ, что Кончакъ былъ сынъ Атрака (Отрока): въ былинахъ Григорьева (№№ 314, 319, 337) Артакъ названъ зятемъ, а Коньшикъ сыномъ царя Кудреванка, котораго имя проникло весьма поздно въ былины изъ духовнаго стиха о Егоріи. Эту путаницу родственныхъ отношеній можно, кажется, до нѣкоторой степени уяснить себѣ слѣдующимъ предположеніемъ. Оба имени Артакъ и Кончакъ—восходятъ еще къ періоду борьбы съ половцами и къ половецкимъ преданіямъ. Когда половцы и въ исторіи и въ эпосѣ были вытѣснены татарами, на первое мѣсто въ качествѣ предводителя басурманской рати долженъ былъ быть поставленъ татарскій царь, а прежніе половецкіе ханы должны были передвинуться на второе и третье мѣсто при немъ: они стали его подручными—зятемъ и сыномъ. Кудреванко, въ качествѣ царя предводителя, явился, вѣроятно, очень поздно. Думаемъ, что раньше его, какъ свидѣтельствуетъ варіантъ Кирши Данилова, во главѣ татаръ стоялъ царь Ка̀линъ. Конечно, эта догадка можетъ имѣть нѣкоторое основаніе только въ томъ случаѣ, если признано будетъ вѣроятнымъ мое объясненіе этого имени, т. е. предположеніе, что оно было создано изъ географическаго названія «Калкинское» побоище [1]. Какъ бы то ни было, въ былинѣ Кирши Данилова во главѣ басурманской безчисленной рати стоитъ царь Ка̀линъ, подъ началомъ котораго состоятъ любимый зять его Сартакъ и сынъ Лоншекъ [2] Послѣднее имя, несомнѣнно, искажено изъ Коншака, а первое легко объясняется прикрѣпленіемъ предлога *с*(ъ) къ имени Артакъ, происшедшимъ вслѣдствіе недослышки въ такомъ стихѣ, гдѣ передъ этимъ именемъ повторялся, согласно съ былиннымъ синтаксисомъ, предлогъ с(ъ) вм. предлога со: срв. въ былинѣ Григорьева [3] стихи:

«Подымаицьсе собака Кудреванко царь
Со любимымъ *со* зятюшкомъ *со* Артакомъ».

Если мы возьмемъ другую форму предлога:

«Съ любимымъ, съ зятюшкомъ съ Артакомъ»,

[1] См. мою статью «О былинномъ царѣ Калинѣ», Этногр. Обозрѣніе 1907 г., № IV.

[2] Кирша Даниловъ, стр.

[3] Т. III, стр. 54.

то легко поймемъ, что при устной передачѣ трудно различить, назывался ли зять басурманскаго царя Артакъ или Сартакъ.

На ряду съ Ка̀линомъ могъ стоять во главѣ татарской рати «Батый», какъ мы, дѣйствительно, находимъ въ одной былинѣ, изданной въ 1906 г., но записанной еще въ серединѣ прошлаго столѣтія священникомъ Малининымъ въ с. Папинѣ, Нижегородской губерніи. Былина содержитъ сюжетъ объ избавленіи Кіева Василіемъ Игнатьевичемъ (пьяницей) и разсказываетъ, какъ

«Подступилъ собака Батый Камановичъ,
Со сыномъ со Артусомъ и со зятемъ со Гончугомъ» [1].

Въ заключеніе можетъ быть поставленъ вопросъ—что̀ могло содѣйствовать сохраненію въ народной памяти этихъ двухъ половецкихъ ханскихъ именъ и притомъ обоихъ вмѣстѣ. Думаю, что отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ цитованномъ отрывкѣ народнаго преданія, сохраненнаго галицко-волынской лѣтописью. Вспомнимъ, что имена Отро̀ка, загнаннаго Владиміромъ Мономахомъ во Обезы за Желѣзныя врата, и Кончака, его сына, воевавшаго съ русскими князьями гораздо позже смерти Владиміра, въ послѣдней четверти 12-го вѣка, связаны въ преданіи съ именемъ Владиміра, въ силу эпической хронологіи и аналогіи. Прикрѣпленныя къ имени кн. Владиміра, они вошли въ эпическій циклъ кн. Владиміра. Какъ въ историческихъ преданіяхъ Отрокъ воевалъ съ Владиміромъ (Мономахомъ) и былъ имъ пораженъ, такъ въ эпическихъ сказаніяхъ, обработанныхъ въ былину, Артакъ и Кончакъ съ своими ратями басурманскими угрожаютъ кн. Владиміру «стольнокіевскому» и поражены его богатыремъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь такой же случай сліянія Владиміра Мономаха со «старымъ» Владиміромъ, какъ въ былинѣ о Ставрѣ, такъ какъ историческій Ставръ, новгородскій сотскій, былъ, какъ извѣстно, посаженъ въ тюрьму Владиміромъ Мономахомъ въ 1118 году.

[1] См. Живую Старину 1906 г. Вып. 1, отд. 2-й «Пѣсня про князя Владиміра Кіевскаго».

III.

Позволю себѣ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя новгородскія имена въ былинахъ. Къ такимъ причисляются имена Луки, Матвѣя, Моисея, Ѳомы и нѣкоторыхъ другихъ.

Лука и Моисей упоминаются, какъ дѣти боярскія, въ дружинѣ, подобранной Василіемъ Буслаевымъ (см. Кирша Даниловъ, стр. 32, 33. Гильфердингъ III, стр. 337); Лука и Матвѣй, дѣти Петровыя, упоминаются *вмѣстѣ съ новгородскимъ именемъ Самсона Колыбановича* въ перечнѣ богатырей, стоящихъ на заставѣ богатырской (см. Ончуковъ № 1), и они же попали въ былину объ Олешѣ и сестрѣ братьевъ Долгополыхъ (см. Ончуковъ, № 3) въ роли братьевъ Сбродовичей. Далѣе мы встрѣчаемъ ихъ въ былинѣ о Мамаевомъ побоищѣ (Ончуковъ, № 26) въ роли богатырей, которыхъ похвальба «пресѣчь силу небесную» вызвала появленіе воскресающей татарской силы. Лука Зиновьевъ и Ѳома Назарьевъ извѣстны изъ былины о Садкѣ, какъ новгородскіе настоятели, пирующіе на пиру у Садка (Гильфердингъ, I, стр. 547, ср. также Рыбниковъ, I, стр. 373). Лука Толсторемённикъ «съ племянникомъ», вмѣстѣ съ Матвѣемъ Петровичемъ и Самсономъ Колыбановымъ, встрѣчается въ перечнѣ богатырей, призываемыхъ Владиміромъ на Камское побоище. (См. Бѣломорск. былины № 104 отрывокъ).

Въ одномъ варіантѣ былины о Василіи Буслаевичѣ упоминаются воевода новгородскій Николай Зиновьевичъ и старшина Ѳома Родіоновичъ (Рыбниковъ, I, стр. 348), въ другомъ Ѳома благоуродливый въ дружинѣ Василія Буслаева (Рыбниковъ, I, стр. 352), въ третьемъ Ѳомушка Горбатенькій вмѣстѣ съ Потанюшкой Хроменькимъ и Костей Новоторжениномъ въ той же дружинѣ (Рыбниковъ, I, стр. 338). Можно предполагать, что эти имена попали въ новгородскія былины не только какъ *ходячія* среди новгородцевъ; быть можетъ, нѣкоторыя изъ лицъ, ихъ носившихъ, были чѣмъ нибудь популярны въ мѣстныхъ преданіяхъ, но преданія эти исчезли со временемъ и отъ нихъ остались одни имена. Такъ былинное преданіе твердо запомнило

Луку и Матвѣя (или Моисея), дѣтей боярскихъ, являющихся постоянно вмѣстѣ въ перечняхъ. Отмѣтимъ, что лица, носившія эти имена, были новгородскими представителями одновременно съ Василіемъ Казимиромъ и упоминаются, въ числѣ другихъ и вмѣстѣ съ нимъ, въ событіяхъ послѣднихъ годовъ новгородской политической независимости. Такъ, въ 1476 году, когда Иванъ III поѣхалъ въ Новгородъ, его на пути встрѣтила депутація посадниковъ и старыхъ тысяцкихъ новгородскихъ съ Василіемъ Казимиромъ во главѣ. Въ составѣ депутаціи упоминается *Лука* Ѳедоровъ и *Матвей* Селезневъ (См. Софійск. Временникъ, II, стр. 164). Въ другой депутаціи, встрѣтившей великаго князя уже ближе къ Новгороду, участвовали бояре *Лука* Аѳонасовъ, *Мосѣй* Ѳедоровъ, въ третьей — посадники: *Лука* Остафьевъ, *Матвей* Онаньинъ, *Ѳома* Андреевичъ Курятникъ и другіе. Мы, конечно, не знаемъ, которыя изъ лицъ, носившихъ имена Луки, Матвѣя, Моисея, дали свои имена былинамъ, но, во всякомъ случаѣ, можемъ предположить, что въ былинныхъ именахъ слѣдуетъ видѣть глухой отголосокъ забытыхъ народныхъ преданій.

Прочнѣе другихъ повторяется имя *Луки* въ новгородскихъ былинахъ, между тѣмъ, какъ его товарищъ называется то Матвѣемъ, то Моисеемъ. Поэтому нужно думать, что какой то историческій дѣятель, носившій имя Луки, прочнѣе другихъ осѣлъ въ народной памяти. Принимая во вниманіе типъ былиннаго Луки, какъ товарища буйнаго Василія Буслаева, скорѣе всего можно было бы вспомнить историческаго представителя новгородскихъ повольниковъ Луку Вареоломеева, жившаго въ XIV в. Въ 6850 (1342) году «Лука Варфоломеевъ, не послушавъ Новаграда и митрополица благословенія и владычня, скопивъ съ собой холоповъ збоевъ и поѣха за волокъ на Двину и постави городокъ Орлицъ». Когда вѣсть о смерти этого повольника Луки, убитаго заволочанами, дошла до Новгорода, то «черные люди» взбунтовались противъ посадниковъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они «заслаша на Луку убити», и въ городѣ произошелъ погромъ: дома и села посадниковъ были разграблены, городъ раздѣлился на враждующія стороны. Дѣло было улажено, наконецъ, владыкой Василіемъ и намѣстникомъ Борисомъ. Враждовавшія стороны

примирились [1]. Еще ранѣе, за девять лѣтъ, въ 1333 г. во время войны московскаго вел. князя Ивана Даниловича Калиты съ Новгородомъ упоминается въ лѣтописи тотъ же Лука Офромѣевъ (Вароолом еевъ), вѣроятно, лицо вліятельное, въ числѣ членовъ посольства, отправленнаго Новгородомъ къ вел. князю съ челобитьемъ о мирѣ. Поэтому представляется допустимымъ, что именно этотъ историческій Лука, популярный среди черныхъ людей новгородскихъ и предпріимчивый повольникъ, отложилъ свое имя въ былинѣ о буйномъ Василіи Буслаевѣ. Конечно, наше сопоставленіе по отсутствію достаточныхъ лѣтописныхъ и былинныхъ данныхъ останется въ области предположеній.

Но мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть вообще значительное количество *новгородскихъ* типичныхъ именъ въ былинахъ и отмѣтить, въ чемъ заключается ихъ типичность. Не знаю, обращено ли было раньше вниманіе на то, что въ Новгородѣ и въ новгородскихъ областяхъ въ извѣстный періодъ его процвѣтанія замѣчается обиліе именъ ветхо- и новозавѣтныхъ, повидимому, бо̀льшее, чѣмъ въ другихъ частяхъ, населенныхъ великоруссами. Не беру на себя объяснить это пристрастіе новгородцевъ къ такимъ именамъ и ограничиваюсь только указаніемъ на этотъ фактъ. Въ Соф. Временникѣ, далѣе котораго не шли мои наблюденія, я отмѣтилъ слѣдующія имена этого пошиба, принадлежавшія разнымъ историческимъ новгородцамъ. Таковы: *Авраамъ* тысяцкій (С. Вр. I, 318)—Ладожепинъ (II 189), *Ананій* посадникъ, (I, 419), *Варооломей* посадникъ (I, 319, 324), *Давидъ* Яруновичъ тысяцкій (I, 188), *Даніилъ* (I, 279), *Захарій* посадникъ, (I, 198, II, 165), (бояринъ, II, 166, 171), дьякъ вѣчной (II, 173), *Зиновій* посадн. псковскій (II, 173), *Исаакъ* Заволочанинъ (I, 450), *Лазарь* Моисеевичъ (I, 278), *Лука* Варооломеевичъ (I, 321), *Лука* Климентьевичъ посадн., (II, 164), *Лука* Аѳанасьевичъ бояринъ, (II, 166), *Лука* Евстаѳіевичъ бояринъ (II, 166), *Мароа* Борецкая, *Матоей* Вароодомеевичъ (I, 324), *Матоей* тысяцкій (II, 165), *Моисей* Ѳедоровичъ бояринъ (II, 166), *Іаковъ* Ѳедоровичъ посадн. (II, 164), *Іаковъ* Захарьевичъ посадн. (I, 419), *Іоакимъ* Ананьинъ

[1] Событія разсказаны въ лѣтописи по Синод. списку, стр. 233—236. См. Жданов ъ, Р. Былевой эпосъ, стр. 254.

(II, 166), *Іовъ* Аввакумовичъ (I, 380), *Іосифъ* (I, 279), *Іосифъ* Захарьевичъ посадн. (I, 419), *Іосифъ* Максимовичъ тысяцкій, (II, 165), *Стефанъ* Максимовичъ посадн. псковскій (II, 191), *Самсонъ* Ивановичъ бояринъ (I, 450), *Симеонъ* Ѳедоровичъ бояринъ (II, 165), *Симеонъ* Аѳанасьевъ бояринъ (II, 168), *Ѳома* посадн. Новоторожскій (I, 209) и нѣкоторые другіе. Кажется, такое обиліе ветхо- и новозавѣтныхъ именъ можно назвать типичнымъ для новгородцевъ.

Въ заключеніе этого экскурса отмѣтимъ еще новгородскія имена: *Ратша* (I, 279), уменьшительное отъ Ратислава (I, 279), напоминающее имя богатыря, участника въ Камскомъ побоищѣ, Рошши, съ эпитетомъ «росшиби колпакъ» (Марковъ, Бѣломорск. былины 435, 480, 523), *Костя* (II, 232), срв. *Костя* Новоторженинъ въ былинахъ о В. Буслаевѣ; *Хотъ* намѣстникъ (I, 209) и *Хотовъ* (воевода, I, 329), срв. *Хотѣнъ* Блудовичъ въ былинахъ.

Москва.
Январь 1908 г.

А. Н. Казнаковъ.

Монгольское огниво и способъ обдѣлки кремня.

Старый способъ добыванія огня посредствомъ огнива и кремня остается и понынѣ въ употребленіи во всей внутренней Азіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда спички еще не проникли или только начинаютъ проникать, оставаясь по дороговизнѣ своей лишь предметомъ роскоши или забавы; въ связи съ употребленіемъ огнива находится и способъ обдѣлки кремня руками, безъ всякихъ инструментовъ, способъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, чрезвычайно древній.

Раньше чѣмъ его изложить, не лишнимъ будетъ ознакомиться съ устройствомъ огнива и его употребленіемъ.

Рис. 1.

Монгольское огниво (г. Урга) (½).

Монгольское огниво, отличающееся отъ другихъ азіатскихъ огнивъ только формою, состоитъ изъ желѣзной или стальной пластинки прямоугольнаго сѣченія, наглухо прикрѣпленной къ кожаной сумочкѣ, служащей для храненія кремней и трута. Сумочка имѣетъ сверху кольцо и скобку для ношенія на ремешкѣ у пояса, а крышка ея украшена различной формы металлическими бляшками и барельефами. (Рис. 1 и 2).

Для добыванія огня кусочекъ трута кладутъ на кремень около его остраго края, придерживая его большимъ пальцемъ и, держа кремень горизонтально въ лѣвой рукѣ, а огниво въ правой, ударяютъ острымъ краемъ послѣдняго по кремню. При этомъ грань огнива должна быстро скользить по ребру кремня; получающіяся искры падаютъ на трутъ и зажигаютъ его [1].

Кремень при этомъ тупится, а для того, чтобы огниво хорошо дѣйствовало, необходимо, чтобы онъ имѣлъ возможно острую грань; въ видахъ экономіи хорошихъ кремней, настолько рѣд-

Рис. 2.

Монгольское огниво (Алаша-ямынъ) (½).

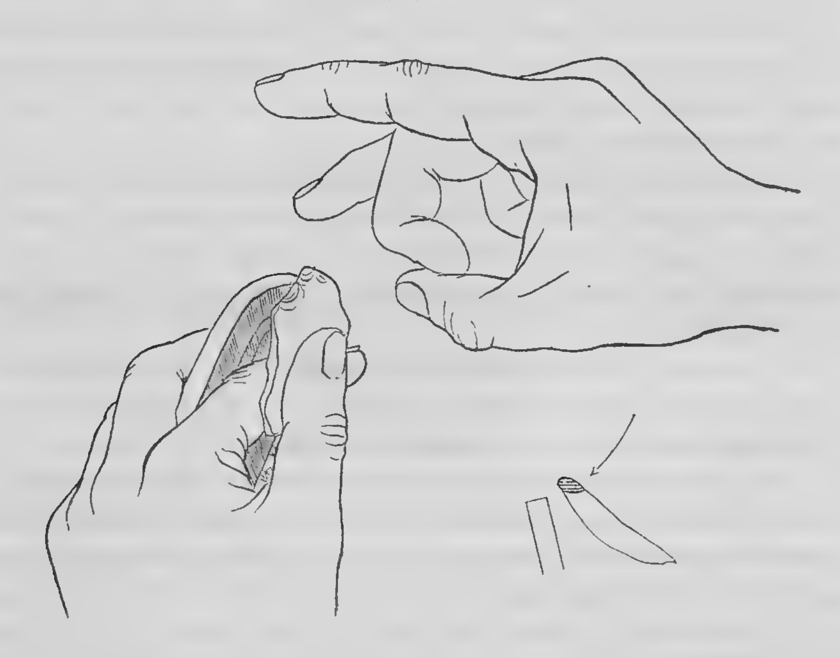
кихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что они служатъ предметомъ ввоза, монголы и пользуются тѣмъ способомъ обдѣлки ихъ, который я намѣренъ изложить.

Огниво берутъ въ лѣвую руку такъ, чтобы оно лежало на трехъ послѣднихъ пальцахъ, прижатое къ нимъ внутренней стороной слегка согнутаго указательнаго пальца; кремень держится между указательнымъ и большимъ пальцами той же руки, такъ, чтобы подлежащая обдѣлкѣ грань его немного отстояла отъ ребра огнива, какъ показано на рисункѣ и схематическомъ чертежѣ (Рис. 3). Стòитъ только дать быстрый рѣшительный щелчокъ среднимъ пальцемъ правой руки по свободному краю кремня,

[1] Трутъ бываетъ самаго различнаго происхожденія; его приготовляютъ изъ губчатой массы грибовъ, растущихъ на деревьяхъ, изъ пушистыхъ листьевъ Gnaphalium, изъ тряпокъ, натертыхъ пороховой мякотью и т. п. Въ Тибетѣ отличный трутъ получаютъ, собирая пушокъ оранжеваго цвѣта съ нижней поверхности листьевъ рододендрона.

чтобы при ударѣ его объ огниво отъ него отскочилъ *изъ подъ ногтя* болѣе или менѣе значительный осколокъ (на схематическомъ чертежѣ онъ затушованъ). Упругость пальцевъ, держащихъ кремень, тотчасъ возвращаетъ послѣднiй въ первоначальное положенiе относительно огнива, и новый щелчокъ, рядомъ съ первымъ, продолжаетъ раковистый изломъ. Дѣйствуя такимъ

Рис. 3.

Способъ обдѣлки кремня.

образомъ далѣе, вдоль по краю плоскаго кремня, можно въ нѣсколько секундъ превратить совершенно ступившiйся кремень съ острый какъ бритва.

Способъ этотъ, нѣсколько сложный въ описанiи, — въ дѣйствительности необычайно простъ и, при условiи не жалѣть ногтя

и не обращать вниманія на нѣкоторую болѣзненность процедуры—очень практиченъ [1].

Узнавъ этотъ способъ отъ монголъ, я постоянно пользовался имъ въ путешествіи для обдѣлки своихъ кремней и мнѣ пришло въ голову, не примѣнялся ли онъ и первобытнымъ человѣкомъ для полученія острыхъ кремневыхъ орудій? Онъ не требуетъ никакихъ приспособленій, молотковъ и т. п., а стальное огниво вовсе не обязательно для полученія того же результата: тутъ дѣло лишь въ томъ, чтобы кремень, получившій при щелчкѣ значительную *живую силу*, ударился о болѣе или менѣе инертную массу, которой можетъ служить любой камень съ ребромъ; огниво только облегчаетъ работу.

Примѣнялся ли этотъ способъ первобытнымъ человѣкомъ или нѣтъ,—конечно, установить невозможно; но монгольскіе кочевники въ своемъ образѣ жизни такъ недалеко ушли отъ первобытнаго человѣка, что предположеніе это получаетъ извѣстную вѣроятность.

Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ тѣмъ древнѣйшимъ техническимъ пріемамъ, которые, по мѣрѣ приближенія культуры, начинаютъ забываться и пропадать.

Съ распространеніемъ спичекъ въ Азіи исчезнетъ и огниво, какъ исчезло оно въ Европѣ, и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезнетъ и этотъ оригинальный способъ обдѣлки кремня, остроумный и вмѣстѣ съ тѣмъ простой.

Тифлисъ.
Февраль 1908 г.

---

[1] Надо замѣтить, что опытъ лучше удается, какъ это найдено монголами, если предварительно облизать ту часть кремня, которая должна удариться объ огниво; это явленіе, вѣроятно сходное съ тѣмъ, что, какъ извѣстно, какимъ либо инструментомъ, напр., напилкомъ, легче сдѣлать царапину на твердомъ стеклѣ, когда оно смочено, нежели на сухой поверхности.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Н. Ѳ. Катановъ.

Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ.

Придавая большое значеніе произведеніямъ народной словесности вообще и разсказамъ историческаго характера въ частности, я сталъ записывать во время своихъ путешествій по Присаянью въ 1889 — 1892 г.г. и то и другое; но, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось убѣдиться, что присаянскія племена имѣютъ слишкомъ смутныя понятія о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ и что они помнятъ лишь ближайшія по времени событія. Ни тюркскія племена Присаянья, ни монгольскія племена Монголіи не могутъ похвастаться памятью о прежнихъ временахъ такъ, какъ, напр., народы мусульманскаго востока, хотя-бы казакъ-киргизы, у которыхъ чуть не каждый человѣкъ можетъ разсказать о родствѣ и происхожденіи отдѣльныхъ племенъ и фамилій, хотя и у тюрковъ-мусульманъ, напр., татаръ, башкиръ или киргизъ, все же нѣтъ такой любви къ исторіи, какъ, напр., у турокъ, персовъ или арабовъ. Всѣ наши восточныя и сѣверныя тюрко-татарскія народности туманно помнятъ лишь своихъ героевъ, отстаивав-

шихъ когда-то и гдѣ-то свободу своего народа, или шамановъ, которые отличались такимъ могуществомъ, что побѣждали даже злыхъ духовъ Китая и русскихъ священниковъ. Если, напр., казанскіе татары не помнятъ даже такого крупнаго событія, какъ взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ, а тобольскіе татары не помнятъ подробностей завоеванія Сибири и даже жизни своего Кучума, то какую-же точность можно требовать отъ инородцевъ Алтая и Присаянья, у которыхъ своей грамоты не было, а русская завелась лишь недавно и то не вездѣ?! Помня отчетливо рѣчи, раздававшіяся на приснопамятныхъ четвергахъ въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ покойнаго Н. М. Ядринцева, изъ устъ самого хозяина квартиры и его гостей — Г. Н. Потанина, В. В. Радлова и Э. Ю. Петри, я тотчасъ по окончаніи университетскаго курса въ 1888 г. принялся за изслѣдованіе инородцевъ Сибири, Монголіи, Джунгаріи и др. странъ и продолжаю таковое до настоящихъ дней. Н. М. Ядринцевъ вдохновлялъ меня къ изслѣдованію быта и исторіи инородцевъ, Г. Н. Потанинъ — къ записямъ произведеній народнаго творчества по строго-опредѣленной системѣ съ цѣлью выясненія общихъ мотивовъ и чертъ и заимствованій, В. В. Радловъ наставлялъ къ точной записи произведеній словесности съ цѣлью опредѣленія такъ сказать родства и свойства разныхъ инородческихъ нарѣчій и языковъ, а Э. Ю. Петри убѣждалъ въ необходимости предварительнаго изученія европейскихъ авторовъ, писавшихъ объ инородцахъ.

По ихъ-то совѣтамъ я и дѣйствовалъ во время своихъ разъѣздовъ по мѣстамъ, населеннымъ инородцами. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ познакомить читателей съ тѣми преданіями о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ, которыя привелось мнѣ записать у Абаканскихъ инородцевъ (бельтировъ, сагайцевъ и качинцевъ) и у инородцевъ Иркутской губ. (карагасовъ) и которыя вмѣстѣ съ массою другихъ произведеній народной словесности имѣютъ войти въ издаваемые академикомъ В. В. Радловымъ «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ», часть IX (нарѣчія урянхайцевъ, абаканскихъ татаръ и карагасовъ), но не въ такой системѣ, въ какой эти произведенія представляются при семъ, а въ порядкѣ времени и мѣста записи.

I. Бельтиры.

Князь Н. А. Костровъ въ своей статьѣ «Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири», помѣщенной въ «Трудахъ III международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 г.», по изученіи всей русской и иностранной литературы о бельтирахъ, живущихъ теперь въ вѣдомствѣ Аскысской Инородной Управы Минусин. у. Енис. г., находитъ, что это племя относится къ южной группѣ самоѣдовъ; теперь-же это племя совершенно отатарилось, по крайней мѣрѣ въ отношеніи языка. Татаризація его была сильна еще въ 50-хъ годахъ XIX в., какъ то видно изъ предисловія Р. К. Маака къ LI т. «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по свѣдѣніямъ 1859 г.», и раньше того, во времена перваго енисейскаго губернатора А. С. Степанова, написавшаго соч. «Енисейская губернія» (Спб. 1835). В. В. Радловъ въ предисловіи къ I ч. своихъ «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ» (Спб. 1868) говоритъ, что бельтиры явились въ долину рѣки Абакана съ юга лишь послѣ ухода кара-киргизовъ въ предѣлы Монголіи; слѣдовательно, это событіе случилось не ранѣе конца XVII вѣка.

Въ бельтирскомъ преданіи, записанномъ 10 декабря 1889 г., говорится, что бельтиры происходятъ отъ Кàнъ-Сюлю и отъ потомка его въ 11-мъ колѣнѣ Турачака при которомъ уже появились теплыя избы по образцу русскихъ, и что со времени признанія бельтирами надъ собою власти Бѣлаго Царя, то есть Русскаго Государя, прошло 9 колѣнъ. Принятіе-же этого подданства случилось вотъ при какихъ обстоятельствахъ: пріѣхалъ при жизни Кынàчы, правнукѣ родоначальника бельтировъ Кàнъ-Сюлю, изъ Царской земли, то есть Петербурга чиновникъ, который подавалъ присягавшимъ на подданство Бѣлому Царю бельтирамъ концемъ копья калачи; ѣвши калачи, народъ говорилъ: «если я буду думать (про Царя) иначе, то да поразитъ меня конецъ этого-же копья!»

Другое бельтирское преданіе, записанное 8 декабря 1889 г., добавляетъ, что бельтиры первыхъ временъ занимались исклю-

чительно звѣроловствомъ и не имѣли ни царя, ни начальства. Когда-же они стали подданными Бѣлаго Царя, то дань въ видѣ звѣриныхъ шкуръ доставляли въ Аба-тура, то есть городъ Кузнецкъ, Томской губерніи. Тогда они бродили по горамъ и горнымъ рѣчкамъ смежныхъ мѣстъ губерній Томской и Енисейской и питались мясомъ звѣрей.

Изъ бельтирскаго преданія, записаннаго 8 іюля 1892 г., видно, что бельтиры передъ спускомъ въ долину рѣки Абакана жили главнымъ образомъ по рѣчкѣ Мàтуру и занимались звѣриною ловлею, а отчасти и разведеніемъ лошадей. У бельтирскихъ богатырей, напримѣръ, у сына Кàнъ-Сюлю Коскыра, сила была неимовѣрная; стрѣлялъ онъ изъ лука съ тетивою изъ медвѣжьихъ жилъ и пробивалъ стрѣлою насквозь толстый ледъ. Когда бельтирамъ привелось впервые увидать лошадей, то они крайне удивились ихъ копытамъ. Къ русскому подданству приводили бельтировъ чиновники, пріѣзжавшіе изъ г. Кузнецка. Кто желалъ добровольно принимать подданство, тотъ въ знакъ этого, при приближеніи непріятеля, то есть русскихъ, привязывалъ къ лоскуту выдѣланной кожи шелковую нитку и чрезъ дымникъ юрты выбрасывалъ ее вонъ на улицу. Видя это, непріятель уходилъ назадъ къ Кузнецку.

Сагайское преданіе, записанное 1 іюля 1890 г., сообщаетъ, что древніе бельтиры-звѣроловы, кромѣ звѣринаго мяса, ѣли только горныя растенія—сарану и кандыкъ, и что съ обыкновенною мясною пищею и приготовленіемъ ея, съ заправкою въ нее крупы, познакомили ихъ кàчинцы, и что эти кàчинцы пріѣзжали къ бельтирамъ съ мелочными товарами. Торговля для кàчинцевъ въ тѣ времена была весьма прибыльная, такъ какъ за наперстокъ и иголку можно было брать кобылу съ жеребенкомъ.

Изъ бельтирскаго преданія, записаннаго 10 декабря 1889 г., видно, что въ то время, когда саянскіе татары, часть нынѣшнихъ сойотовъ, жили еще въ долинѣ рѣки Енисея, эти саянцы угоняли у горныхъ инородцевъ скотъ и что эти инородцы, хотя и имѣли скотъ, занимались охотою на звѣрей, употребляя луки и стрѣлы; въ тѣ времена кольчуги готовились изъ смоченной въ водѣ и выкатанной по песку кошмы, настолько, однако, плотной,

что стрѣла не пробивала ея насквозь. Для сопротивленія саянцамъ эти инородцы, колѣна со̀ръ (шорцы) и таясъ, примкнули къ бельтирамъ, поселились по рѣчкѣ Мо̀нокъ и вмѣстѣ съ ними стали платить дань въ Кузнецкѣ. Дань эта состояла, какъ и у бельтировъ, въ мѣхахъ соболей и другихъ звѣрей и вносилась сначала начальникамъ отдѣльныхъ родовъ, а эти отвозили ее потомъ въ Кузнецкъ.

Изъ двухъ другихъ бельтирскихъ преданій, записанныхъ 8 и 9 декабря 1889 г., видно, что къ бельтирамъ, когда они усилились, стали присоединяться и другія колѣна, напримѣръ, оба колѣна какпына̀ (горный и водяной), чеды-пю̀рю и предки нынѣшнихъ Азылбаевыхъ, Асочаковыхъ и Адаевыхъ; послѣдніе выплыли со стороны Сѣверной Монголіи по рѣкѣ Абакану въ берестяной лодкѣ и поселились на рѣчкѣ Ма̀турѣ, когда еще были на свѣтѣ сыновья Ка̀нъ-Сюлю Онбыякъ и Песпыякъ. Присоединеніе эти колѣнъ произошло совершенно мирнымъ путемъ; такъ присоединилось и колѣно кара-чыстаръ, пришедшее тоже со стороны Монголіи.

У бельтировъ въ прежнія времена, какъ видно изъ ихъ преданія, записаннаго 10 декабря 1889 г., существовало двоеженство, напримѣръ у Мыя̀гыса, внука Ка̀нъ-Сюлю и сына Песпыя̀ка, было 2 жены, когда онъ жилъ вверхъ по рѣкѣ Еси. Въ его время бельтиры жили въ конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ кошмами, и были настолько искусными стрѣлками, что на разстояніи 100 са̀женъ разбивали камни.

Въ названіяхъ 12 мѣся̀цевъ года, записанныхъ 14 декабря 1889 г., у бельтировъ, вполнѣ отражается древній и нынѣшній бытъ этого племени: январь называется мѣсяцемъ вѣтра, потому что, по примѣтамъ бельтировъ, въ этомъ мѣсяцѣ вѣтеръ особенно замѣтенъ; февраль называется мѣсяцемъ провизіи, такъ какъ звѣроловы, отправляясь на охоту, запасаются ею; въ мартѣ, мѣсяцѣ хорька, нѣтъ снѣга на головѣ этого звѣрька; апрѣль называется мѣсяцемъ малаго хорька; май называется мѣсяцемъ пашни, такъ какъ въ маѣ начинаютъ пахать поля; прежніе люди послѣ мѣсяца паханія пашенъ ѣздили въ тайгу за берестой, отчего и прозванъ іюнь мѣсяцемъ этой коры, а таежные обитатели называютъ его мѣсяцемъ кандыка, то есть растенія Erythronium

dens canis, такъ какъ въ это время они копаютъ въ изобиліи кандыкъ; іюль называется мѣсяцемъ травы, такъ какъ въ концѣ его кончаютъ косить ее; тотъ мѣсяцъ, когда начинаютъ жать хлѣбъ, то есть августъ, называется мѣсяцемъ жатвы; потомъ наступаетъ сентябрь, мѣсяцъ молотьбы хлѣба, который у звѣролововъ называется также мѣсяцемъ добычи, такъ какъ въ это время усиленно охотятся за звѣрями, которые всѣ уже въ соку и цвѣту; въ октябрѣ послѣ уборки хлѣба пускаютъ въ бѣгъ коней, почему этотъ мѣсяцъ и называется мѣсяцемъ бѣговъ; наконецъ, ноябрь называется мѣсяцемъ малыхъ морозовъ, а декабрь—большихъ. По сообщенію М. А. Кастрèна, на страницѣ 313 т. III «Mélanges russes tirés du Bulletin Historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg» за 1857 г., мѣсяцемъ бѣговъ у минусинскихъ татаръ (конечно, у койбаловъ) называется сентябрь, а мѣсяцами морозовъ—октябрь и ноябрь, что̀ едва-ли вѣрно, такъ какъ декабрьскіе морозы гораздо замѣтнѣе ноябрьскихъ, а между тѣмъ они не отмѣчены; что-же касается другихъ мѣсяцевъ, напримѣръ, бересты, травы и жатвы, то они показаны безъ соотвѣтствія и луннымъ, и солнечнымъ мѣсяцамъ.

Относительно вѣрованій своихъ предковъ бельтиры не помнятъ; въ болѣе новое время, какъ видно изъ записаннаго 9 іюня 1890 г. разсказа, они представляются знающими горныхъ духовъ, которые являлись людямъ то въ образѣ желтыхъ собакъ, то свистящихъ людей. И теперь бельтиры запрещаютъ дѣтямъ свистѣть, чтобы не привлечь вниманія горныхъ духовъ и не причинить этимъ кому-либо болѣзни или смерти, чему-де въ прежнее время уже бывали примѣры.

II. Сагайцы.

Въ вѣдомствѣ той-же Инородной Управы, въ которой состоятъ бельтиры, находятся и сагайцы. По словамъ В. В. Радлова, высказаннымъ въ предисловіи ко 2-й части его «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ», сагайцы представляютъ изъ себя поколѣніе кара-киргизовъ, покинувшихъ долины Аба-

кана и Енисея 2 столѣтія тому назадъ, то есть въ XVII вѣкѣ. Р. К. Маакъ въ предисловіи къ LI т. «Списковъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г.» вѣрнѣе, чѣмъ писавшій послѣ него В. В. Радловъ, говоритъ, что сагайскіе татары состоятъ изъ такихъ, которые считаются старожилами Минусинскаго округа, и изъ такихъ, которые перекочевали сюда изъ Кузнецкаго округа Томской губерніи, и что прежде они занимали степи вплоть до рѣки Іюса. И. Н. Березинъ въ примѣчаніяхъ къ изданію сборника лѣтописей Рашидъ-эд-дина, вышедшему 1858 г. въ С.-Петербургѣ, думаетъ, что нынѣшнее сагайское племя есть не что иное, какъ древнее племя сагаитъ, которое нѣкогда воевало противъ монголовъ. Изъ сагайскаго преданія, записаннаго В. В. Радловымъ и помѣщеннаго на страницѣ 375 — 379 части I-й его «Образцовъ», видно, что, послѣ угона киргизскаго народа во владѣнія хунтайчжія монгольскаго Алтая, въ южной части нынѣшней Енисейской губерніи остались поколѣнія: Киргизъ, Сагай и Чода, которыя и понынѣ кочуютъ въ составѣ сагайскихъ татаръ.

Одинъ бельтиръ-старикъ 9 декабря 1889 г. разсказывалъ, что до прихода русскихъ на Енисей тутъ жили киргизы, а съ приходомъ русскихъ, то есть въ XVII вѣкѣ, они принуждены были переселиться въ другую землю, по преданію, записанному В. В. Радловымъ, въ землю хунтайчжія, и угнать туда также колѣно сарыгларъ, которое имѣется и въ настоящее время, какъ въ составѣ урянхайцевъ (сойотовъ), такъ и въ составѣ сагайскихъ татаръ. Небольшіе остатки колѣна сарыгларъ примкнули къ болѣе сильному колѣну Кàнъ-Сюлю, именно къ сыновьямъ его Песпыяку и Онбыяку.

По сагайскому преданію, записанному 10 октября 1892 г., у сагайцевъ есть колѣно пчегè, живущее теперь по рѣчкѣ Бай. Оно прежде жило по рѣкѣ Іюсу, а потомъ перекочевало на рѣчку Есь къ хребту Сакчакъ и стало тутъ заниматься звѣроловствомъ; отсюда оно ходило на охоту даже въ предѣлы урянхайцевъ.

Изъ преданія, записаннаго тогда-же, когда и предыдущее, видно, что колѣна горныхъ и водяныхъ каргинцевъ пришли къ сагайцамъ съ горъ и рѣчекъ, то есть нынѣшней Кузнецкой тайги.

Въ другомъ сагайскомъ преданіи, записанномъ 11 октября 1892 г., о происхожденіи колѣнъ карга говорится яснѣе: они жили

прежде по рѣчкѣ Мрасъ и занимались охотой, впослѣдствіи-же, лѣтъ 70 тому назадъ, то есть въ 1822 г., когда произошло дѣленіе Сибири на восточную и западную, одна часть каргинцевъ стала подчиняться Кузнецку Томской губерніи, а другая Минусинску.

Когда утвердились здѣсь, то есть въ долинѣ рѣки Абакана, каргинцы, къ нимъ присоединились и саинцы, то есть колѣно сайнъ, существующее въ составѣ сагайскаго племени и понынѣ. Сагайское преданіе, записанное 13 декабря 1889 г., передаетъ объ этомъ присоединеніи такимъ образомъ: желавшіе присоединиться должны были доказать свое искусство въ стрѣльбѣ изъ лука, попавши стрѣлою въ кнутъ, висѣвшій на мизинцѣ летящаго на лошади вскачь всадника-каргинца.

Въ сагайскомъ преданіи, записанномъ 12 января 1890 г., говорится, что изъ нынѣшняго Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи пришли не только каргинцы, таясы и сбры, но и нѣкоторыя другія колѣна сагайцевъ, напримѣръ: кый пришли съ рѣчки Мрасъ, лѣваго притока Томи, кобый—съ рѣчки Кабыръ, праваго притока Мраса, томнàръ—съ рѣки Томи, праваго притока Оби, и что остатки этихъ колѣнъ и по настоящее время, подъ именемъ кузнецкихъ татаръ, платятъ подать въ г. Аба-тура, то есть Кузнецкъ.

Въ другомъ сагайскомъ преданіи, записанномъ 11 октября 1892 г., говорится, какъ колѣно ичеге, живущее теперь по рѣчкѣ Бай, раньше жило у хребта Сакчакъ, водяные карга, живущіе нынѣ по рѣчкѣ Тёя и Есь, прежде жили у хребта Кёлимъ на берегу рѣчкѣ Мрасъ, а горные карга, живущіе теперь по рѣчкамъ Буръ, Таштыпъ и Есь, жили раньше у хребта Кара-тагъ на берегу рѣчки Мрасъ, между рѣчкой Мрасъ и Таштыпъ прежде жило сибиджинъ, колѣно сагайцевъ, именно у хребта Падынъ, теперь сибиджинъ живетъ по рѣчкѣ Аскысъ, колѣно кобый живетъ на рѣчкѣ Тёя, Анжулъ и Таштыпъ, а колѣно кобый живетъ по рѣчкѣ Таштыпъ. Всѣ эти горы и рѣчки, мѣста обитанія инородцевъ, поминаются въ шаманскихъ молитвахъ; на нихъ-же совершаются и моленія, но женщинамъ запрещается произносить имена горъ, у которыхъ живали предки ихъ мужей.

Одно бельтирское преданіе, записанное 9 декабря 1889 г., гласитъ, что въ древнее время, когда бельтиры еще не знали

Бѣлаго Царя, на этой землѣ жили киргизы, а рядомъ съ ними племя сарыгларъ. Киргизы воевали съ сарыгларъ и прогнали ихъ на югъ, т. е. въ Монголію. Отъ сарыгларъ остались только одинъ старикъ и одна женщина, отъ которыхъ и произошло нынѣшнее колѣно сарыгларъ въ составѣ сагайцевъ.

У сагайцевъ особенно много распространено преданій о прежнихъ богатыряхъ, хотя и неизвѣстно, когда и гдѣ они жили. Самымъ извѣстнымъ героемъ у инородцевъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. и Кузнец. у. Томской губ. считается Кангза, который вмѣстѣ съ своими братьями отстаивалъ противъ русскихъ самостоятельность своихъ инородцевъ. В. В. Радловъ слышалъ сказаніе про богатыря Кангзу отъ телеутовъ и помѣстилъ его на стр. 198—200 ч. I своихъ «Образцовъ народ. литературы тюрк. племенъ», СПБ. 1866; ему удалось услышать про Кангзу и отъ кызыльскихъ татаръ Ачинск. у. Енис. г. Кызыльцы, по мнѣнію В. В. Радлова, произошли отъ смѣси телеутовъ съ тобольскими татарами и енисейскими остяками; поэтому весьма возможно, что сказаніе про Кангзу попало къ нимъ съ юга Томской губ. По кызыльскому преданію Кангзу русскіе поддѣли за ребро на желѣзный крюкъ и такъ повѣсили, воспользовавшись отсутствіемъ двухъ его братьевъ. У протоіерея В. І. Вербицкаго на стр. 168—173 изд. «Алтайскіе инородцы» (Москва, 1893) имѣется пѣсня Кангзы, которую онъ пѣлъ въ русской тюрьмѣ, разлучившись со своими братьями. Посмотримъ, что говорятъ про него сагайцы.

Въ сагайскомъ преданіи, записанномъ 3 янв. 1890 г., говорится, что у Кангзы былъ свой отрядъ, который безпрекословно слушался его и содержалъ его. Выдалъ Кангзу русскимъ одинъ русскій, въ домъ котораго Кангза былъ вхожъ. Увезли его, подцѣпивъ крюками и воспользовавшись отсутствіемъ 2 его братьевъ. Преданіе представляетъ Кангзу умѣющимъ стрѣлять изъ многограннаго ружья. Въ другомъ сагайскомъ преданіи, записанномъ 7 янв. 1890 г., разсказывается, что Кангзу связали верёвками на его-же квартирѣ, выпоивъ ему 40 ведеръ вина. Раньше того, 31 октября 1889 г., одинъ сагаецъ разсказывалъ, что Кангза призналъ надъ собою власть Бѣлаго Царя лишь тогда, когда, будучи поддѣтъ желѣзными крючками за бока,

былъ положенъ на перекладину внизъ головою, но было уже поздно: пока шелъ отъ Царя отвѣтъ, Кангза уже умеръ. Другой разсказчикъ 7 янв. 1890 года хвалился тѣмъ, что у одного знакомаго (эрèса Мойнагашева) видѣлъ портретъ Кангзы: Кангза связанъ кругомъ; къ сапогамъ его приставлена лѣстница; лежитъ онъ на спинѣ; онъ въ 10 разъ больше людей, связавшихъ его; часы его везутъ на парѣ коней. Про портретъ Кангзы доводилось слышать нѣсколько разъ; но по провѣркѣ оказалось, что довѣрчивые сагайцы совершенно ошибочно приняли Гулливера среди лиллипутовъ за богатыря Кангзу среди русскихъ.

Противъ русскихъ воевалъ также богатырь Катанъ, крѣпость котораго была на вершинѣ горы Таптанъ у рѣчки Средній Сыръ и про котораго разсказывали сагайцы 4 янв. 1890 г. При сильной жаждѣ передъ сраженіемъ онъ напился крови своей жены.

О богатырѣ Эръ-Токсынѣ 30 октяб. 1889 г. сагайцы разсказывали, что онъ жилъ у хребта Ызыкъ на прав. берегу р. Абакана, ѣздилъ во время охоты до хребта Алтайскаго и рѣки Кантегира, лѣв. прит. Енисея. Преслѣдуя звѣрей на такомъ огромномъ пространствѣ, онъ надавалъ имена всѣмъ рѣчкамъ лѣв. стороны Енисея; однако 29 и 30 ноября того-же года говорили, что нѣкоторыя рѣки получили названія по другой причинѣ: Абаканъ отъ множества медвѣдей (аба), Есь—отъ богатства (ес), Тёя—отъ сходства (тёй) съ Есью, а Таштыпъ—изъ-за массы камней (тас).

Въ одномъ сагайскомъ преданіи, записанномъ 24 декабря 1889 г. и происходящемъ очевидно съ юга Томской губерніи, говорится, что имена рѣкамъ Енисею (Кемъ) и Абакану далъ богатырь Акъ-Кёбекъ, ѣздившій на бѣло-голубомъ конѣ и перепрыгивавшій на немъ даже широкія рѣки. Сказаніе про Акъ-Кёбека, какъ видно изъ стр. 204—212 ч. I «Образцовъ народной литературы тюрк. племенъ». В. В. Радлова, извѣстно и телеутамъ; телеуты приписываютъ ему необыкновенную силу.

Въ другомъ сагайскомъ преданіи, записанномъ 12 января 1890 г., говорится что имя р. Абакану далъ богатырь Öдзенъ-пегъ, который впервые перескочилъ черезъ него противъ хребта Ō (Уй) и прежнее названіе рѣки, Ала-Öртъ, перемѣнилъ на нынѣшнее—

Абаканъ (Агбанъ). Нѣсколько иначе передается это сказаніе у В. Титова въ его статьѣ «Богатыр. поэмы минусин. татаръ», помѣщенной сначала на стр. 115—148 и 187—226 ч. XV «Вѣстн. Имп. Рус. Геогр. Общ.» за 1855 г. и въ 1858 г. перепечатанный на стр. 83—154 вып. IV «Этнографич. Сборника». Титовъ со словъ старика Сюрея говоритъ, что Абаканъ въ древности назывался Алаиртъ, что на берегу его жилъ сильный, могучій богатырь Аба-канъ (Медвѣдь-ханъ), который на своемъ богатырскомъ конѣ перескакивалъ рѣку съ берега на берегъ, не замочивъ копытъ коня и не спрашивая перевозовъ; что только однажды въ водополье, при широкомъ разливѣ рѣки, конь богатыря Абакана не могъ перепрыгнуть ее, сѣлъ задними ногами въ воду: и богатырь свалился, въ память чего Алаиртъ и получилъ названіе Абакана.

По одному сагайскому преданію, записанному 31 мая 1890 г., имена всѣмъ рѣчкамъ далъ богатырь Пуга-Мёке, жившій по р. Уйбату и имѣвшій роговой лукъ. У племянника его лукъ былъ изъ лиственницы. Во время охоты на звѣрей племянникъ прострѣлилъ ему грудь. Передъ смертью Пуга-Мёке предсказалъ, что появятся въ странѣ его берёзы, и далъ рѣчкамъ названія. Впослѣдствіи появились берёзы, а вмѣстѣ съ ними, какъ разсказывали въ другой разъ, въ степи явились и русскіе, надъ могилою-же богатыря и его лукомъ до сихъ поръ стоятъ двѣ скалы, изъ которыхъ одна называется Чà-тасъ (лукъ-камень).

Затѣмъ сагайцы съ особеннымъ одушевленіемъ вспоминаютъ своихъ шамановъ и приписываютъ имъ невѣроятныя дѣйствія. Одно сагайское преданіе, записанное 31 октября 1889 г., разсказываетъ о двухъ могучихъ шаманахъ: Топчàнѣ и Кечòкѣ, изъ которыхъ первый помогъ второму, когда этотъ въ образѣ чёрнаго быка дрался, бодаясь, съ синимъ быкомъ—урянхайскимъ (сойотскимъ) шаманомъ. Пущенная въ синяго быка стрѣла съ крючковатымъ изъ красной мѣди наконечникомъ вонзилась въ тѣло урянхайскаго шамана столь крѣпко, что вынуть ее изъ тѣла не могли и 20 урянхайскихъ шамановъ и для извлеченія ея былъ приглашенъ самъ Топчàнъ, сопровождаемый 3-мя своими помощниками—духами: горнымъ, ворономъ и медвѣдемъ. Оказывается, мать Топчàна была урянхайка; поэтому, когда онъ

возвращался домой, урянхайскіе шаманы показывали ему въ одной горѣ за 8-ью дверями бубенъ его бабушки по матери, сдѣланный изъ жёлтой мѣди. Къ разсказу о Топча̀нѣ добавлено, что Топча́нъ былъ сагаецъ изъ кости (т. е. колѣно) пю̀рлеръ, существующей и по-нынѣ.

Про вышеупомянутаго шамана Кечо̀ка, родомъ сагайца изъ колѣна томна̀ръ и жившаго на рѣчкѣ Базѣ, гдѣ внуки его есть и теперь, 7 января 1890 г. разсказывали слѣдующее: Кечо̀къ былъ слѣпой. Разъ одинъ человѣкъ, тоже искусный въ шаманствѣ, повезъ Кечо̀ка и спустилъ его въ полынью, чтобы погубить его, но Кечо̀къ черезъ версту выплылъ и, придя домой, сталъ шаманить, чтобы съѣсть своего врага, т. е. погубить его. Во образѣ во̀рона Кечо̀къ сталъ каркать у юрты этого человѣка, но этотъ человѣкъ, услышавъ карканье, выбросилъ черезъ дымникъ юрты горящую черёмуховую головню, которая и погналась за Кечо̀комъ—во̀рономъ. Во̀ронъ погрузился въ воду, а за нимъ погрузилась въ воду и головня—и потухла. Врагъ Кечо̀ка сталъ заниматься звѣроловствомъ; зная это, Кечо̀къ отводилъ собакъ съ истиннаго слѣда звѣря. Когда охотникъ однажды вечеромъ варилъ себѣ щи, огонь вдругъ засвистѣлъ; это значило, что съ недобрыми цѣлями приближается шаманъ. Тогда охотникъ всыпалъ въ огонь горсть толокна, и брюхо у Кечо̀ка вспухло, послѣ чего охота опять наладилась, и наладилась такъ, что охотникъ сильно разбогатѣлъ. Когда однажды, въ праздникъ Троицы, онъ пилъ вино, въ чашку къ нему упала искра, въ видѣ которой былъ самъ Кечо̀къ,—и человѣкъ умеръ.

Въ другомъ сагайскомъ преданіи, записанномъ того-же числа, говорится, что Кечо̀къ утопилъ однажды священника, который сталъ купаться безъ креста, за то именно, что священникъ отнялъ у Кечо̀ка бубенъ.

Относительно того, почему инородческое управленіе (сагайская дума) названо именно сагайскимъ, а не бельтирскимъ, 7 января 1890 г. сагайцы разсказывали такъ: Когда вступилъ на престолъ Царь, очевидно Александръ I, при которомъ произошло учрежденіе Енисейской губ. и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе и сагайской думы, къ Царю отправились представители сагайскихъ инородцевъ: бельтиръ, томна́ръ и сагай, изъ кото-

рыхъ первыми прибыли сагайцы, за что̀ и дана была имъ дума; вторымъ прибылъ Мойнакъ кости томна̀ръ и подъ конецъ пришли бельтиры. Сагайцы поднесли въ даръ Царю 6 соболей, а Мойнакъ удивилъ Царя искусною стрѣльбою, попавши на разстояніи 100 саженъ въ яйцо на головѣ человѣка. Царь подарилъ сагайцамъ мечъ съ золотою рукояткою, а Мойнаку стеклянную трость, отъ этого Мойнака и произошли нынѣшніе Мойнагашевы.

Въ заключеніе можно привести названія мѣсяцевъ года, записанныя 10 октября 1892 г. и 20 марта 1897 г.: первый—мѣсяцъ вѣтровъ (январь), второй—мѣсяцъ медвѣдей, т. е. охоты на нихъ (февраль), третій и четвертый—мѣсяца охоты на хорьковъ (мартъ и апрѣль), пятый—мѣсяцъ пашни (май), шестой—мѣсяцъ сбора кандыка и сдиранія берёсты для юртъ и посуды (іюнь), седьмой—мѣсяцъ травы (іюль), восьмой—мѣсяцъ жатвы (августъ), девятый—мѣсяцъ убыли воды (сентябрь), десятый—мѣсяцъ бѣговъ (октябрь), одиннадцатый—мѣсяцъ малыхъ морозовъ и двѣнадцатый—мѣсяцъ большихъ морозовъ. Хотя хорьковая и медвѣжья охоты, кажется, уже вывелись изъ употребленія, однако названія мѣсяцевъ все еще продолжаютъ держаться. Лѣтъ 50 тому назадъ сагайцы и другія племена время считали по новолуніямъ, насчитывая въ годъ по 13 мѣсяцевъ, теперь всѣ усвоили русскій счетъ въ 12 солнечныхъ мѣсяцевъ, но удержавъ прежнія названія.

III. Койбалы.

Койбалы о своемъ происхожденіи и о своихъ предкахъ ничего не помнятъ. Словарь койбальскаго языка, помѣщенный Ю. Клапротомъ на стр. 61—67 тома V «Fundgruben des Orients» (Wien, 1816), доказываетъ, что койбалы въ самомъ началѣ XIX в. еще много имѣли въ своемъ языкѣ словъ не татарскихъ, а самоѣдскихъ; татаризація, однако, уже началась и шла столь успѣшно, что при первомъ енисейскомъ губернаторѣ Степановѣ, какъ то видно изъ стр. 45—52 ч. II его «Енисейской губерніи» (СПБ. 1835), койбалы говорили уже по-тюркски.

А. А. Шифнеръ въ предисловіи къ «Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre» А. Кастрѐна (СПБ. 1857) говоритъ, что койбалы распадаются на 8 колѣнъ, изъ которыхъ 5, кажется,—самоѣдскаго и 3—енисейско-остяцкаго происхожденія, и что часть ихъ зоветъ себя туба, т. е. такъ, какъ зовутъ себя теперь, въ 1899 году, тубинскій родъ ка̀чинцевъ, карага́сы и сѣверные урянхайцы. Въ 1847 г. Кастре́нъ встрѣтилъ послѣдняго старика, помнившаго нѣсколько словъ прежняго языка койбаловъ. Литература про самоѣдское происхожденіе койбаловъ подробно приведена у князя Н. А. Кострова въ его «Обзорѣ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири», помѣщенномъ въ I т. «Трудовъ III международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1876 г.». Р. К. Маакъ въ предисловіи къ LI т. «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по свѣдѣніямъ 1859 г.» замѣчаетъ, что койбалы, представляющіе изъ себя народность самоѣдскаго корня, считаются старожилами койбальской степи, между Абаканомъ и Енисеемъ, и что при переселеніи киргизовъ въ Сѣверную Монголію нѣкоторые изъ койбаловъ ушли съ киргизами, а большая часть ихъ осталась на правомъ берегу Абакана. Тутъ они осѣдло живутъ по-нынѣ. Прежде у нихъ въ д. Утинской была своя койбальская дума, но она впослѣдствіи была уничтожена и койбалы были причислены: одна часть къ ка̀чинской думѣ въ с. Усть-Абаканскомъ, а другая къ сагайской въ с. Аскысскомъ. Благодаря такому присоединенію койбалы и вовсе уже отатарились. О самоѣдскомъ происхожденіи койбаловъ и части урянхайцевъ и карагасовъ говорятъ нынѣ лишь родовыя названія, да слабыя воспоминанія о прежнемъ житьѣ на р. Тубѣ, правомъ притокѣ Енисея. Надо полагать, что такъ называемый тубинскій народъ, вмѣстѣ съ другими самоѣдскими племенами долго отстаивавшій противъ русскихъ свою самостоятельность и упоминаемый у Г. Ф. Миллера въ V гл. I книги «Описанія Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ» (СПБ. 1750), и есть именно тотъ народъ, отъ котораго произошла часть койбаловъ, урянхайцевъ и карагасовъ. Г. Ф. Миллеръ въ названной сейчасъ книгѣ и І. Э. Фишеръ въ «Сибирской Исторіи»

(СПБ. 1774) довольно подробно говорятъ о томъ, какъ тубинцы, платившіе дань алтынъ-ханамъ монгольскимъ, воевали противъ русскихъ, какъ сходились для общей защиты съ другими народцами и какъ наконецъ сдались.

Въ одномъ ка̀чинскомъ преданіи, записанномъ 1 іюля 1890 г., о тубинцахъ разсказывается слѣдующее: На рѣкѣ Тубѣ русскій чиновникъ срубилъ избу на подобіе мельницы и казнилъ въ ней непослушныхъ въ такомъ количествѣ, что кровь текла рѣкою. Испугавшись этого, многіе тубинцы бѣжали и стали бродягами; это и есть предки койбаловъ и ка̀чинцевъ. Рѣка Туба поминается въ шаманскихъ молитвахъ, такъ какъ вышедшій съ нея вмѣстѣ съ бѣглецами духъ-покровитель очень часто причиняетъ людямъ глазныя болѣзни; бывало, что онъ заходилъ и къ урянхайцамъ Сѣверной Монголіи.

IV. Ка̀чинцы.

По словамъ Р. К. Маака, высказаннымъ въ предисловіи къ LI т. «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по свѣдѣніямъ 1859 г.», видно, что ка̀чинскіе татары до прихода русскихъ жили у Красноярска, на рѣчкѣ Ка̀чѣ, лѣвомъ притокѣ Енисея. Въ началѣ XVIII в. они перебрались въ Минусинскій край, гдѣ съ помощью русскихъ вытѣснили киргизовъ и заняли ихъ мѣста: отъ Ачинскаго уѣзда до рѣчки Камышты, лѣваго притока Абакана, гдѣ живутъ до сихъ поръ, подчиняясь Усть-Абаканской Инородной Управѣ (Ка̀чинской думѣ). Часть ка̀чинцевъ, оставшихся у Красноярска, обрусѣла, но нѣкоторые изъ нихъ всё еще помнятъ свое происхожденіе; обрусѣніе ихъ завершилось еще во времена Кастрѐна, т. е. въ 40-хъ годахъ XIX в. Какъ относились ка̀чинцы къ русскимъ и къ инородцамъ въ XVII и XVIII вв., видно изъ статьи князя Н. А. Кострова «Ка̀чинскіе татары», помѣщенной въ №№ 32—37, 39 и 40 «Казан. Губерн. Вѣдом.» за 1852 г.. Изъ словъ Степанова на стр. 49 ч. II его «Енис. губ.» видно, что часть ка̀чинцевъ ушла въ нынѣшній Канскій у. и, смѣшавшись тамъ съ калмажепилами, т. е. камасинцами, отатарила ихъ. Во времена Ка-

стрѐпа и Радлова камасинцы говорили уже по-татарски. В. В. Радловъ въ предисловіи ко II ч. своихъ «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ» точно такъ-же, какъ и Р. К. Маакъ, считаетъ ка̀чинцевъ переселившимися въ такъ называемую Качинскую степь съ рѣчки Ка̀чи, а на Ка̀чу они, по словамъ В. В. Радлова, пришли съ р. Тобола, гдѣ не захотѣли послѣ пораженія Кучума долѣе оставаться.

Посмотримъ, что разсказываютъ о себѣ сами ка̀чинцы (племя ка̀шъ).

Преданіе, записанное 8 іюня 1890 г., гласитъ, что ка̀чинскій народъ пришелъ съ р. Тобола, гдѣ былъ народомъ царя Кучума. Ермакъ, воюя съ этимъ царемъ и преслѣдуя его, подчинилъ ка̀чинцевъ Бѣлому Царю. Пришедши съ Тобола, половина народа стала жить на рѣчкѣ Ка̀чѣ у г. Красноярска, а другая тамъ, гдѣ теперь г. Ачинскъ. Когда въ Красноярскѣ сталъ умножаться русскій народъ, ка̀чинцы лѣтомъ пришли сюда, т. е. въ Ка̀чинскую степь, жить, такъ какъ (съ уходомъ монголовъ, киргизовъ, тубинцевъ, сарыгларъ, мады и др. народцевъ) земля здѣсь оказалась свободною.

Одинъ ка̀чинецъ 31 мая 1890 г. разсказывалъ, что, когда ка̀чинцы жили на Песчаномъ Холмѣ возлѣ Красноярска, по рѣчкѣ Ка̀чѣ, тогда они стали родниться съ другими племенами и что съ тѣхъ-то поръ и существуетъ почитаніе зайца, какъ покровителя рода, у колѣнъ ка̀чинскаго народа пюрютъ и каска (пюрютъ то-же, что и бурутъ, каракиргизы).

Изъ сагайскаго преданія, записаннаго 1 іюля 1890 г., видно, что прежде у горы Ӳ̄ (Уй-тагъ) жили бельтиры и что тогда у устья рѣчки Камышты рыбы было видимо—невидимо. Съ приходомъ сюда ка̀чинцевъ бельтиры откочевали южнѣе верстъ на 40—45, гдѣ нынѣ живутъ Асочаковы, потомки Азычака. Ка̀чинцы первые стали торговать мелкими вещами и первые-же научили бельтировъ готовить пищу съ ячменемъ и крупою. Въ тѣ времена за наперстокъ и иглу можно было получить кобылу и жеребенка. До прихода ка̀чинцевъ бельтиры питались мясомъ безъ приправы и таёжными растеніями, напр. сараной (Lilium Martagon).

Въ ка̀чинскомъ преданіи, записанномъ 8 іюня 1890 г., колѣно туба пришло къ ка̀чинцамъ съ р. Тубы; вышло-же оно оттуда послѣ прихода русскихъ, и стало селиться по рѣчкѣ Уйбату, лѣвому притоку Абакана. Часть колѣна кыргызъ, входящая въ составъ ка̀чинскаго народа, пришла изъ Сѣверной Монголіи; напр., вышелъ оттуда Алгаякъ, предокъ извѣстныхъ богачей Ка̀ртиныхъ.

Въ другомъ ка̀чинскомъ преданіи, записанномъ того-же числа, разсказывается, что кость сагайскаго народа томна̀ръ прежде занималась только угономъ чужихъ лошадей. Но это-же самое разсказываютъ и про койбаловъ, и про бельтировъ всѣ скотоводы: сагайцы и ка̀чинцы.

Въ третьемъ качинскомъ преданіи, записанномъ того-же числа, разсказывается о мунгъ-ара (1000 ара), остаткѣ нѣкогда многочисленнаго народа. Одинъ человѣкъ кости ара перерубилъ одну змѣю по-поламъ. Передняя часть змѣи поползла и нажаловалась своему змѣиному царю. Змѣи всѣ приползли къ Абакану, и черезъ него переправилъ ихъ одинъ аринецъ. Змѣи истребили всѣхъ аринцевъ, кромѣ этого. Онъ посыпалъ вокругъ своей юрты золой, и этимъ спасся. Аринцы жили тогда въ берестяныхъ юртахъ, и змѣи прострѣливали ихъ насквозь. Отъ человѣка, переправившаго змѣй черезъ Абаканъ въ 3—4 лодкахъ, произошла нынѣшняя малочисленная кость (колѣно) ка̀чинцевъ, именуемая ара и живущая на правомъ берегу Абакана, на Бѣломъ Яру, противъ Ка̀ртиныхъ. Сказаніе про истребленіе аринцевъ змѣями доводилось слышать и другимъ, напр. І. Ф. Страленбергу, см. введеніе къ его «Das nord-und oestliche Theil von Asien» (Stockholm, 1730), стр. 86, и Г. Ф. Миллеру, см. его «Описаніе Сибирскаго Царства» (СПБ. 1750), стр. 30—32. Страленбергу говорили, что головы у змѣй были человѣчьи и сіяли, какъ солнце, а Миллеру разсказывали, что истребленіе аринцевъ змѣями произошло еще тогда, когда этотъ народъ жилъ около Красноярска, ниже села Подъёмнаго. Г. Ф. Миллеръ въ г. Красноярскѣ засталъ одного старика, говорившаго еще по-арински. Въ началѣ XVII в. аринцы и ка̀чинцы воевали противъ русскихъ и были покорены атаманомъ Кольцовымъ въ 1628 г. Князь Н. А. Костровъ въ своей статьѣ «Ка̀чинскіе

татары» видитъ имя аринцевъ въ названіи села Арей, верстахъ въ 20 на западъ отъ Красноярска. И. Н. Березинъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту заявляетъ, что часть аринъ выселилась въ Казанскую губ. и дала имя Арской землѣ, Арскому полю и городу Арску, и что обыкновенно ихъ признаютъ вотяками. Р. К. Маакъ въ предисловіи къ LI т. «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по свѣдѣніямъ 1859 г.» говоритъ, что арины или аринцы составляли нѣкогда весьма многочисленное племя, и часть ихъ отдѣлилась отъ своихъ соплеменниковъ уже во время большого монгольскаго передвиженія и, дошедши до Европейской Россіи, построила г. Арскъ. Другая часть ушла съ ка̀чинцами на югъ, въ Минусинскій край, и тамъ окончательно слилась съ ними.

Змѣи не разъ появляются въ ка̀чинскихъ сказаніяхъ. Въ одномъ ка̀чинскомъ преданіи, записанномъ 1 іюля 1890 г., одинъ охотникъ убилъ лягушечьяго царя, который сражался со змѣинымъ царемъ, и за это взялъ замужъ дочь змѣинаго царя. Змѣиный царь жилъ въ юртѣ, наполненной золотомъ и серебромъ, были тутъ и ружья. Однажды дочь змѣинаго царя легла на 7 ночей спать и предупредила мужа не будить ее раньше этого срока. Но, когда мужъ разбудилъ ее на 6-ой день, жена разсердилась и, взявъ 3 своихъ мальчиковъ, разбросала ихъ по разнымъ сторонамъ. 3 мальчика упали въ 3 мѣстахъ; и она сказала, что рѣчки, которыя будутъ течь отъ пуповъ мальчиковъ, должны называться: отъ средняго Ӱпсю (Туба̀), отъ старшаго—Казыръ, впадающій въ нее, и отъ младшаго—Кезиръ, впадающій въ нее-же.

У ка̀чинцевъ 23 декабря 1889 г. удалось записать 3 сказанія, которыя тоже заслуживаютъ вниманія: одно—о происхожденіи современныхъ нагорныхъ жертвоприношеній, другое—о богатырѣ Кангзѣ, и третье—о льготѣ по воинской повинности.

Ка̀чинцы и сагайцы въ іюнѣ мѣсяцѣ на высокой горѣ между грудой камней вставляютъ вѣтвистую березу, подлѣ которой изъ ея-же вѣтвей устраиваютъ столикъ о 4 ножкахъ, вбитыхъ въ землю. Затѣмъ 3-жды обходятъ березу, ведя съ собою бѣлаго холощенаго барана, съ согнутою правою переднею ногою, и кропя молокомъ. Потомъ распарываютъ брюхо барану и, раз-

рѣзавъ мясо на куски, но не ломая костей, варятъ въ котлѣ; сваривши мясо, складываютъ его на столикъ и вмѣстѣ со столикомъ ходятъ вокругъ березы 3-жды, привязавши къ ея вѣткамъ и къ шапкамъ присутствующихъ по бѣлому и синему лоскуточкамъ. Въ хожденіи вокругъ березы участвуетъ и шаманъ, но безъ бубна, и, благословляя жертву и призывая покровителей всѣхъ горъ и рѣчекъ, молится духу неба. Разсказчикъ говорилъ, что этотъ обычай горнаго жертвоприношенія былъ установленъ въ одной небесной грамотѣ, которая была послана Богомъ Аврааму, когда онъ, доказавши, что изъ любви къ Богу, не пожалѣетъ и родного своего сына, приготовился распороть ему брюхо, положивъ его на спину, на вершинѣ горы, у бѣлой березы. Ножъ у Авраама былъ складной. Одновременно съ бумагой Авраамъ увидалъ и бѣлаго холощенаго барашка, котораго и принесъ по обычаю нынѣшнихъ сагайцевъ и ка̀чинцевъ, въ жертву Богу, духу неба.

Тотъ-же ка̀чинецъ сообщилъ и про сильнаго народнаго героя Кангзу, который со своими людьми отказался платить дань Бѣлому Царю. Царь, никакъ не могши изловить и полонить его, велѣлъ выпоить ему 1 бочку вина. Напоивши его до безчувствія, связали и повѣсили на желѣзныхъ крюкахъ. Вися на нихъ, онъ очувствовался и пропѣлъ пѣсню, въ которой жалѣлъ объ утраченной свободѣ и волѣ. Взяли его русскіе казаки, которые жили тутъ уже въ избахъ.

Тотъ-же разсказчикъ, который сообщилъ о богатырѣ Кангзѣ, вспомнилъ, по какому поводу современные инородцы системы р. Абакана избавились отъ рекрутчины навсегда. Подъ покровительствомъ Бога и духовъ горъ и водъ предки инородцевъ счастливо добывали черныхъ соболей и иной дичи. Услышавъ объ этомъ, Бѣлый Царь потребовалъ съ нихъ подати, и ее стали платить добровольно мѣхами соболей. Получивъ дань, Царь сказалъ, что за городами онъ будетъ наблюдать самъ и что наблюденіе за тайгою и тѣмъ, чтобы въ тайгѣ не случилось какой воровской войны, поручаетъ инородцамъ, избавляя за это отъ солдатчины. Съ тѣхъ-то поръ, добавилъ разсказчикъ, наши предки и имѣютъ ружья, не покидаютъ своей тайги и не идутъ въ солдаты. Порученіе инородцамъ охраны таёж-

ныхъ мѣстностей подтверждается и историческими данными: 21 ноября 1727 г., въ силу размѣннаго письма между коммиссарами россійскимъ и китайскимъ отъ 27 октября 1727 г., пограничный знакъ Шабинъ-дабага повелѣно было охранять кузнецкаго вѣдомства ясачнымъ инородцамъ родовъ бельтирскаго и сагайскаго, перечисленнымъ на стр. 362 изд. В. М. Флоринскаго «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ Государствами съ 1619 по 1792 годъ, составленное Н. Бантышъ-Каменскимъ» (Казань, 1882). Въ «сказкѣ бывшихъ при разграниченіи» отъ 18 февраля 1728 г. говорится, что россійскіе люди кузнецкаго вѣдомства и ясачные люди ходили на пограничныя мѣста для звѣриныхъ промысловъ и что эти мѣста—для промысловъ самыя угодныя: въ нихъ много было соболей, лисицъ, бѣлокъ, россомахъ, выдръ и бобровъ. Урянхайцы называютъ всѣхъ абаканскихъ татаръ «пельдыръ» (бельтиръ); это объясняется тѣмъ, что наиболѣе частыми посѣтителями Урянхайской земли были прежде бельтиры, а не другія племена.

V. Карагасы.

Всѣ ученые, занимавшіеся изученіемъ исторіи и быта карагасовъ, начиная съ П. С. Палласа въ 1772 г. и кончая княземъ Н. А. Костровымъ въ 1876 г., стоятъ за самоѣдское происхожденіе этого племени. Но, судя по труду Кастрѐна «Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre», изданному въ С.-Петербургѣ 1857 г. А. А. Шифнеромъ, въ отношеніи языка карагасы совершенно отатарились, изъ самоѣдскаго языка сохранивши лишь самую незначительную долю; съ самоѣдами сближаютъ ихъ также оленеводство, которое татарскимъ племенамъ чуждо, и звѣроловство. Въ настоящее время карагасы бродятъ по лѣсамъ Бѣлогорья, т. е. на границахъ губ. Енисейской и Иркутской и Сѣверной Монголіи; управленіе-же ихъ находится въ г. Нижнеудинскѣ. Князь Н. А. Костровъ въ своемъ «Обзорѣ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири» замѣчаетъ: «Какъ теперь они (кара-

гасы) говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ, которое ближе всего подходитъ къ кȧчинскому, то, вѣроятно, кȧчинцы и уничтожили національность этого племени». Было-ли это на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, неизвѣстно, но несомнѣнно то, что въ 1890 году они говорили совершенно почти одинаково съ урянхайцами (сойотами) Сѣверной Монголіи и звали себя такъ-же, какъ и они, т. е. туба. Быть можетъ, и часть карагасовъ есть остатокъ нѣкогда безпокойнаго для русскихъ тубинскаго народа. Въ настоящее время ихъ наберется едва 3—4 сотни, считая и женщинъ. Сходство съ кȧчинцами выражается лишь въ названіяхъ колѣнъ кȧшъ и сарыгъ-кȧшъ.

Посмотримъ, что̀ говорятъ про себя сами карагасы.

Одѝнъ карагасъ 17 февраля 1890 г. говорѝлъ, что кости (т. е. колѣна) чогду и̇ кара-чогду спустились къ Нижнеудинску съ верховьевъ рѣки Уды, лѣваго притока Ангары; кость кȧшъ пришла изъ Урянхайской земли, съ верховьевъ рѣки Енисея; кость сарыгъ-кȧшъ произошла отъ одного мальчика, котораго нашли играющимъ на рѣчкѣ Оденгѣ, притокѣ Большой Бирюсѣ; кость-же чептей произошла отъ 2 худыхъ людей, пришедшихъ сюда отъ озера Косогола.

Въ другомъ преданіи, записанномъ 19 марта 1890 г., разсказывается о томъ, что предки кости чогду спустились съ верховьевъ рѣки Уды. Тамъ нѣкогда жили 3 брата, которые нѣкоторое время мирно занимались рыбною ловлею; но̇ однажды старшій изъ нихъ разсердился и, бросивъ свою сѣть на дерево, ушелъ въ лѣсъ и превратился тамъ въ медвѣдя. Отъ 2 другихъ братьевъ произошли люди костей чогду и кара-чогду. Кость чептей пришла сюда изъ земли народа адай, т. е. монголовъ, разсорившись съ нимъ, а кость кȧшъ пришла съ мѣстности на югъ отъ верховьевъ рѣки Уды.

Преданіе, записанное 20 марта 1890 г., повѣствуетъ, что карагасы въ былое время платили дань бурятамъ, когда эти жили на рѣкѣ Удѣ. Первыми перестали платить дань бурятамъ люди кости чептей, которые заявили, что не будутъ платить подати народу, не заслуживающему похвалы, а будутъ платить русскому народу. Съ тѣхъ поръ люди Ермака стали владѣть карагасами и построили здѣсь казарму и городъ, а по пути,

указанному однимъ жеребенкомъ, провели трактъ и построили деревни.

Въ одномъ преданіи, записанномъ 23 февраля 1890 г., говорится о могуществѣ древнихъ шамановъ, которые, ѣвъ мясо дикихъ оленей и шаманя, легко узнавали о приближеніи непріятеля и во время защищали отъ него свой народъ. Такой шаманъ былъ, напр. у кости чогду. Другой шаманъ умѣлъ низводить съ неба градъ и перебивать имъ непріятеля.

Какъ и у абаканскихъ татаръ, у карагасовъ существуютъ собственныя названія 12 мѣсяцевъ года, весьма ярко характеризующія прежній и нынѣшній бытъ этого племени. 14 и 18 февраля 1890 г. говорили, что ноябрь называется мѣсяцемъ длиною съ дѣвичью косу, ибо дни его очень коротки; декабрь называется холоднымъ мѣсяцемъ, а январь — мѣсяцемъ сухихъ юртъ; февраль называется мѣсяцемъ чурбановъ и пней, такъ какъ въ это время карагасы запасаются дровами; мартъ называется мѣсяцемъ охоты съ собаками, а апрѣль—мѣсяцемъ зелени; май называется мѣсяцемъ сдиранія бересты для покрыванія юртъ; іюнь—мѣсяцемъ поспѣванія сараны (Lilium Martagon) и травы, а іюль—мѣсяцемъ окончанія лѣта въ тайгѣ или мѣсяцемъ сбора сараны; августъ называется мѣсяцемъ сбиванія орѣховъ палками; сентябрь—мѣсяцемъ оплодотворенія оленей, изюбрей и лосей, а октябрь — мѣсяцемъ охоты на оленей. Карагасы говорятъ, что эти названія существуютъ у нихъ съ незапамятныхъ временъ.

VI. Урянхайцы.

Урянхайцы, обитающіе въ Сѣверной Монголіи по системѣ рѣки Енисея и его лѣваго притока Кемчика, составились изъ элементовъ монгольскихъ, тюркскихъ и самоѣдскихъ и извѣстны были Китаю подъ именами дубо въ древнее время, а теперь— подъ именемъ улянха. Какіе элементы ихъ пришли съ юга Енисейской губ., о томъ говорено было выше; но теперь обитатели долинъ Енисея и Кемчика говорятъ исключительно по-тюркски, сходно съ карагасами, и зовутъ себя туба.

Въ одномъ разсказѣ, записанномъ у урянхайцевъ на рѣкѣ Улугъ-хемѣ 22 іюня 1889 г., говорится, что были 2 брата

Эдзенъ и Эрликъ и 1 сестра Орусъ и что всѣ они жили въ одномъ мѣстѣ. Однажды Эрликъ посадилъ къ себѣ въ чашку цвѣтокъ, но Эдзенъ пересадилъ его къ себѣ. Узнавши объ этомъ, старшій братъ Эрликъ предсказалъ, что подданные Эдзена, то есть Богдохана, будутъ ворами и мошенниками; это и случилось послѣ. Самъ Эрликъ сдѣлался властелиномъ подземнаго царства, Эдзенъ—Китая и Монголіи, а Орусъ—Россіи. Если-бы не проклятіе Эрлика, всѣ жили-бы до-нынѣ вмѣстѣ.

Никакихъ другихъ преданій урянхайцы не помнятъ, только нѣкоторые, грамотные по-монгольски, съ удовольствіемъ вспоминали калмыцкаго вождя Амурсану, котораго помнятъ, впрочемъ, и другіе инородцы. Изъ вышеназваннаго «Дипломатическаго собранія дѣлъ» Н. Н. Бантышъ-Каменскаго видно, что Амурзанъ, то есть Амуръ-Сана, дзунгарскій князь, былъ преслѣдуемъ въ 1756 г. китайцами, укрывался въ Россіи и 21 сентября 1757 г. умеръ въ городѣ Тобольскѣ отъ оспы, и что китайцы очень долго домогались выдачи имъ хотя костей его. Объ Амурсанѣ помнятъ алтайскіе инородцы (калмыки-тюрки и телеуты), которые считаютъ его главнымъ начальникомъ ойратовъ и защитникомъ ихъ. Смотри объ немъ у В. І. Вербицкаго на стр. 122 и 123 сборника «Алтайскіе инородцы» и у В. В. Радлова на стр. 184—186 ч. I «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ». В. В. Радлову удалось записать преданіе объ этомъ героѣ и у сагайцевъ кости кыргысъ. См. стр. 375—379 ч. II его «Образцовъ», гдѣ онъ названъ Амыръ-Саранъ. Одинъ урянхайскій ухерида на рѣкѣ Кемчикѣ въ 1889 г. мнѣ разсказывалъ, что Амурсана первый научилъ людей гражданственности и умѣнію хорошо воевать. Про другихъ героевъ урянхайскаго народа Чадака и Тубшина, о которыхъ, на стр. 11 соч. «Mémoires relatifs à l'Asie. Paris, 1824», т. I, говоритъ Ю. Клапротъ, и про владѣтеля урянхайской земли Хурулмая, о которомъ повѣствуется на стр. 279, 280 и 321 изд. А. М. Позднѣева «Монгольская лѣтопись Эрдэніійнъ Эрихэ» (С.-Петербургъ 1883), мнѣ не удалось записать ни одного преданія, хотя всѣ эти 3 героя ушли въ вѣчность не далѣе, какъ въ XVIII вѣкѣ.

Вотъ тѣ немногія преданія, которыя удалось мнѣ записать у присаянскихъ инородцевъ во время поѣздокъ къ нимъ въ 1889—1892 годахъ и которыми я счелъ долгомъ подѣлиться съ уважаемыми читателями.

Казань.
26 марта 1908 г.

Агванъ Доржіевъ.

Ло-гун-гьэ-бо.

(Одинъ изъ религіозныхъ обычаевъ въ Лхасѣ) [1].

Въ Лхасѣ ежегодно совершается одинъ изъ видовъ религіознаго обычая «ку-рим'а». Этотъ видъ ку-рим'а выражается тѣмъ, что обычные жертвенные предметы, какъ то «балп»,—комки изъ тѣста и т. п., замѣняются живымъ человѣкомъ.

Онъ называется «Ло-гун-гьэ-бо» и служитъ искупительной жертвой въ огражденіе особы Далай-ламы и тибетскихъ регентовъ отъ несчастій (только послѣ смерти до появленія новаго перерожденія изъ частныхъ лицъ).

Въ «Ло-гун-гьэ-бо» обрекаются тибетскимъ правительствомъ «Де-ва-шун'омъ» обыкновенно міряне одного поселенія (Шьол), находящагося у подножья горы «Потала». Обреченный долженъ приготовиться къ предстоящей своей роли, перечитывая извѣстныя дарани [2] и предаваясь религіозному размышленію о серьезности своей роли.

Для исполненія этого обряда приглашаются ламы старой секты изъ монастыря «Жан-чуб-лин'а», находящагося въ 30—40

---

[1] Настоящая статья написана старшимъ Цанит-хамбо-ламою Агваномъ Доржіевымъ по монгольски, любезно переведена на русскій языкъ и. д. лектора Спб. Университета Б. Б. Барàдійнымъ и снабжена примѣчаніями академика С. Ф. Ольденбурга.

[2] Формулы заклинаній.

верстахъ на западѣ отъ Лхасы. Они приходятъ въ Лхасу 21-го числа 2-го весенняго мѣсяца и начинаютъ читать молитвы обряда «курим'а»; чтенія продолжаются до 29 числа того же мѣсяца.

Въ этотъ день въ Лхаса'скій соборный храмъ «Раса Прулнан» приходитъ лама-членъ дворцоваго храма Далай-ламы «Намгьа-ра дацан'а» въ качествѣ кандидата въ «Ло-гун-гьэ-бо». Онъ бываетъ одѣтъ по далай-ламски, тогда какъ другой кандидатъ-мірянинъ приходитъ въ соборъ не иначе, какъ одѣвшись въ козью доху,—шерстью вверхъ, вычернивъ сажей половину лица и важно держа въ рукѣ опахало изъ хвоста яка. Они оба передъ дверью соборнаго храма мечутъ жребій посредствомъ кубиковъ «шьо» (съ опредѣленнымъ числомъ глазковъ) — для разрѣшенія вопроса,—кому быть искупительной жертвой.

Но кубикъ ламы и кубикъ міряпина имѣютъ неравное число глазковъ; такъ что міряпинъ всегда оказывается Ло-гун-гьэ-бо, а лама—никогда.

Самый выходъ курим'а, т. е. Ло-гун-гьэ-бо совершается изъ собора Раса Прул-нан'а. Обреченный, отправляя себя на жертву, нѣсколько разъ оборачивается назадъ къ публикѣ и выражаетъ свою неохоту и даже отказъ отъ своей роли, говоря, что роль его тяжела и что онъ долженъ быть щедро вознагражденъ; и каждый разъ онъ добивается того, что ему подбрасываютъ деньги, прося его не отказаться отъ выпавшей ему роли. Ему выдаютъ отъ далай-ламскаго двора въ видѣ особаго надѣла деньги, пищу, одежду и пр.

Кромѣ того, къ нему поступаюъ разные дары отъ посторонней публики. Затѣмъ его спускаютъ внизъ по рѣкѣ Уй въ кожаной лодкѣ. Онъ достигаетъ монастыря (старой секты) «Дорджэ-враг», гдѣ онъ обязанъ устроить, на собранныя имъ средства, чаепитіе духовенству,

Онъ долженъ вернуться въ Лхасу только по истеченіи одного мѣсяца со дня своего выхода изъ собора. Это правило соблюдается изъ того убѣжденія, что если онъ вернется раньше мѣсяца,—то злыя напасти, которыя онъ принялъ на себя, могутъ вернуться вмѣстѣ съ нимъ.

Ло-гун-гьэ-бо пользуется нѣкоторой привилегіей въ народѣ, но въ общемъ народъ смотритъ на него, какъ на несчастнаго

человѣка, обреченнаго на недолговѣчность и т. д. Обыкновенно случается такъ, что одно и то же лицо нѣсколько разъ сряду дѣлается «Ло-гун-гьэ-бо».

Въ заключеніе нужно замѣтить, что день 29-го числа 2-го весенняго мѣсяца считается днемъ смерти Великаго V-го Далай-ламы и въ этотъ день въ Лхасѣ собираются монахи отъ всѣхъ трехъ большихъ монастырей и исполняютъ обрядъ—«пожеланія и почитанія». Подобный обычай, какъ говорятъ, установился со времени V-го Далай-ламы, но точныхъ указаній на какіе либо литературные источники я, къ сожалѣнію, дать не могу.

СПБ., Февраль 1908 г.

Примѣчанія С. Ф. Ольденбурга.

Фотографія съ Ло-гун-гьэ-бо помѣщена Рокхиллемъ въ его изданіи путешествія Сарат-Чандра-Даса (Sarat Chandra Das. Journey to Lhasa and Central Tibet. New edition. London 1904. Рисунокъ къ стр. 252).

См. также: W. W. Rockhill. Tibet etc. Journ. R. Asiat. Soc. n. s. XXIII. 211—212. Здѣсь сообщается по китайскимъ источникамъ о празднествѣ, которое носитъ названіе Lu-gon-jya-po dungdri. Лу-гон-джал-бо (по лхасскому произношенію Ло-гун-гьэ-бо) убѣгаетъ за Ки-чу и скрывается, по однимъ источникамъ въ Niu-mo shan (Чортовъ холмъ), по другимъ въ горахъ къ югу отъ рѣки. Г. Н. Потанинъ: Тангутско-тибетская окраина Китая и т. д. II. 249—250. Здѣсь переданы легенды объ убійцѣ царя Лан-дармы. Трудно пока сказать, какая именно связь между этими легендами и связанными съ ними плясками «черношапочниковъ» съ разбираемымъ нами обычаемъ.

Report on the Explorations etc. in Sikkim, Bhutan and Tibet etc. Dehra Dun 1889. P. 32. Здѣсь довольно подробно разсказывается о нашемъ обычаѣ со словъ пандитовъ Найн-синха и U. G. (т. е. Уджен-джямцо). Мы находимъ здѣсь упоминаніе, что Лу-гон-джал-бо получаетъ отъ правительства бѣлаго коня, бѣлую собаку, бѣлую птицу, сѣдло, немного денегъ, соленую рыбу, чай и т. д. Когда онъ переходитъ Ки-чу, онъ отправляется затѣмъ на семь дней въ Самьэ, откуда тоже на недѣлю

въ Дзэ-танъ и наконецъ на пять-шесть мѣсяцевъ въ Лхо-ка. Онъ живетъ отверженнымъ, грабя и даже убивая.

Лицо, съ которымъ Лу-гон-джал-бо играетъ въ кости, по указанію Найн-синха—шално, по указанію Уджэн-джямцо—лама изъ монастыря Жанчуб-лин. Кубикъ противника Лу-гон-джал-бо съ шестью очками на каждой сторонѣ. Ср. также С. Ѳ. Ольденбургъ. Новыя книги о Тибетѣ, III. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908. № 1. Примѣч. на стр. 223—224.

Любопытно отмѣтить, что нашъ обычай соблюдается не въ одной Лхасѣ. Рокхилль встрѣтилъ его у Хорба, къ ю. в. отъ Дэргэ. См. W. W. Rockhill. The Land of the Lamas. London 1891, p. 247 Срв. также В. Рокхиль. Въ странѣ Ламъ. Перев. подъ редакціей Г. Е. Грумъ-Гржимайло. (Прилож. къ журн. «Міръ Божій», 1901 г.), стр. 101.

СПБ., Октябрь 1908 г.

В. В. Бартольдъ.

Церемоніалъ при дворѣ узбецкихъ хановъ въ XVII вѣкѣ.

Исторія Средней Азіи въ бо̀льшей степени, чѣмъ исторія другихъ странъ, даетъ матеріалъ для изученія одного изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ этнографіи и культурной исторіи — вопроса о постепенномъ подчиненіи кочевыхъ завоевателей вліянію населенія покоренныхъ ими культурныхъ областей, постепенной утратѣ родовыхъ дѣленій и замѣнѣ родового строя жизнью территоріальныхъ общинъ. Если исторія кочевыхъ народовъ, покорявшихъ Среднюю Азію, въ томъ числѣ и послѣднихъ завоевателей, узбековъ, въ этомъ отношеніи еще мало изслѣдована, то это объясняется общимъ состояніемъ исторіи Востока, какъ науки. Число изданныхъ и общедоступныхъ, хотя бы для оріенталистовъ, историческихъ источниковъ остается крайне незначительнымъ по сравненію съ числомъ рукописныхъ памятниковъ, хранящихся въ большихъ европейскихъ библіотекахъ и еще ждущихъ своихъ изслѣдователей, причемъ нерѣдко среди такихъ памятниковъ оказываются именно тѣ источники, въ которыхъ изслѣдователи могли бы найти наиболѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о прошломъ страны.

Къ числу такихъ источниковъ принадлежитъ и тотъ историческій трудъ [1], изъ котораго заимствованъ помѣщаемый ниже

[1] О немъ см. H. Ethé, Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office, Oxford 1903, col. 229—230 (№ 575). Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, S. 362. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XV, стр. 232 и слѣд.

отрывокъ. Имя автора — Махмудъ, сынъ эмира Вели; его трудъ (на персидскомъ языкѣ), носящій заглавіе «Бахру-л-асрар фи менакиби-л-ахьйр» («море тайнъ относительно доблестей благородныхъ»), былъ начатъ въ 1044 г. хиджры (1634 г. по Р. Х.) по порученію узбецкаго владѣтеля Надыръ-Мухаммедъ-хана (правившаго сначала въ Балхѣ, потомъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ) и оконченъ послѣ 1050 (1640—1) г.[1]. Весь трудъ раздѣленъ на четыре части: въ первой излагается исторія Чингизъ-хана и его потомковъ, правившихъ въ Китаѣ и Персіи, во второй — исторія потомковъ Джагатая (второго сына Чингизъ-хана), правившихъ въ Средней Азіи, въ третьей — исторія потомковъ Джучи (старшаго изъ сыновей Чингизъ-хана, предка такъ называемыхъ золотоордынскихъ хановъ), кромѣ той вѣтви (происходившей отъ сына Джучи Туга-Тимура), изъ которой вышла такъ называемая Астраханская династія (Аштарханиды или Джаниды), правившая въ Бухарѣ въ XVII в., и которой посвящена послѣдняя, четвертая часть. До настоящаго времени извѣстны только двѣ рукописи этого труда; въ одной, принадлежащей семьѣ Джурабековыхъ въ Ташкентѣ, сохранились только первыя три части, въ другой, находящейся въ библіотекѣ India Office въ Лондонѣ, только четвертая часть.

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, послѣдняя часть, сохранившаяся въ лондонской рукописи, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ своего времени. Изложивъ исторію хановъ Астраханской династіи до 1050 (1640—1) г., авторъ въ послѣднихъ главахъ даетъ подробное описаніе своего родного города Балха, приводитъ біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ военачальникахъ того времени и въ особенности о происходившихъ изъ Балха шейхахъ, улемахъ и казіяхъ, какъ жившихъ въ прежніе вѣка, такъ и современныхъ ему; наконецъ онъ подробно описываетъ церемоніалъ при дворѣ Надыръ-Мухаммеда. Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ дается такое полное и картинное описаніе двора мѣстныхъ владѣтелей, какого мы не находимъ ни у одного изъ

[1] Въ рукописи India Office (л. 235a) говорится, что разсказъ о событіяхъ 1047—1050 г. былъ прибавленъ потомъ, такъ какъ книга была окончена до этого времени; но и въ третьей части книги упоминается 1049 г. (рукоп. Джурабековыхъ, л. 268a, ср. Зап. Вост. Отд. XV, 256).

другихъ извѣстныхъ мнѣ историковъ и ни у одного изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Бухару, Хиву и другіе большіе города Средней Азіи. Подробности разсказа наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько узбецкіе ханы, утвердившіе свою власть въ культурныхъ областяхъ нынѣшняго Русскаго Туркестана въ началѣ XVI в., еще въ половинѣ XVII в. должны были считаться съ традиціями кочевой жизни и родового строя и насколько ихъ дворъ въ этомъ отношеніи отличался отъ двора современныхъ хивинскихъ и бухарскихъ хановъ, особенно послѣднихъ.

Къ сожалѣнію, доступный мнѣ въ настоящее время историческій матеріалъ не заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ ни для провѣрки разсказа нашего автора, ни даже для объясненія каждаго отдѣльнаго мѣста въ этомъ разсказѣ. Нѣкоторыхъ изъ употребляемыхъ имъ терминовъ мнѣ не приходилось встрѣчать въ соотвѣтствующемъ значеніи ни въ литературныхъ памятникахъ, ни въ словаряхъ; въ виду этого я далеко не во всѣхъ случаяхъ могу быть увѣренъ въ правильности моего чтенія, перевода и толкованія. Въ примѣчаніяхъ къ переводу я постарался отмѣтить всѣ такія сомнительныя мѣста; остается выразить надежду, что приложенный текстъ дастъ возможность читателямъ-оріенталистамъ[1] исправить нѣкоторыя изъ допущенныхъ мною ошибокъ.

f. 387 b تبیان بعضی از اسالیب تورهٔ همایون وتعداد مراسم ولوازم آن در یاسا ویوسون

— هر جند کلام بلاغت‌نظام قدّموا ایمانکم مقتضئ تقدیم آداب وشرایط یمین است بر یسار امّا از آنجا که اصطلاح این طایفه

[1] Для читателей, которымъ доступенъ только переводъ, необходимо замѣтить, что прилагательныя и эпитеты, обильно встрѣчающіеся въ текстѣ, не имѣютъ цѣлью точнѣе опредѣлить сущность тѣхъ или другихъ должностей, званій и т. п., но подобраны въ риѳму исключительно въ цѣляхъ удовлетворенія требованіямъ литературнаго вкуса. Эту особенность разсказа необходимо имѣть въ виду тѣмъ, кто пожелалъ бы воспользоваться этими прилагательными и эпитетами для какихъ-либо выводовъ историческаго характера.

بحکم القلب فی الیسار مبتنی بر اعتبار جهت میسره است بر میمنه نخست بتعیین f. 388 a اورونات صوب مذکور که در عرف مغول معتبر است بجوانقار وسول مبادرت میرود بر ضمیر مهرتنویر ارباب رای وتدبیر خفی وستیر نماند که اعظم اورونات در جوانقار خواقین کامکار اورون نقباء عالی‌مقدارست واکرام واحترام این صنف از اخیار بحدّی است که تمامت شاهزادکان وقعلقهٔ[1] خانی که وصی وجانشین بادشاه است زیردست همکنان نشینند وبس ازان اورون قارت دورمان وبعد ازان اورون[2] قارت قشجی وازان بس اورون قارت نایمان آنکاه مقام قنغرات ومتعاقب این جایکاه اتالیق بزرك وزیردست آن محلّ اوغلان ومتّصل بآن اورون ننکنهٔ دورمان و بر اثر آن ننکنهٔ قوشجی وازان بس ننکنهٔ نایمان وبی واسطهٔ آن مستقر قارلق وملاحق آن مکان بویراك بس ازان جایکاه سایر ارباب استعداد واصحاب استحقاق از هر اولوس واوماق امّا مرتبجات در میمنهٔ انجمنات انبساطسمات که موسوم است باونك وبراونغار نخستین مقام احترام‌انتظام اورون همایون شیخ الاسلام است واکر همانا فرمان‌روایی التجا بدرکاه ممالك‌بیرای برده آید هرکاه بمجلس همایون بشرف دخول مشرّف کردد طریق آنست که بر جانب میمنه مقدّم بر شیخ الاسلام اورونش تعیّن بذیرد واکر بساطش علیحده بود هم شاید وبعد از شیخ الاسلام اورونی است مقرّر جهت قاضئی بزرك امّا سادات میر حیدریه‌را در آن مجال منازعت هست وبس ازان مقام خواجکان نقشبندیه وجایکاه صدر متّصل بآن وبر اثر آن محلّ قاضئی عسکر وبس ازو اعلم وملاحق بآن رئیس آنکاه

---

[1] Cf. cod. Mus. As. 574age (عبد الله نامه) f. 33 b قاالغه (ولی عهد=)

[2] Cod. hic. et saepe infra آورون

اورون قره قیات اکر جند این اورون در اصل مخصوص قیات بوده امّا حقّ درین مقام آنست که زمام این عطیّه مفوّض برای ممالك‌بیرای بادشاه کامروای باشد جنانجه بعضی خوانین این اورون‌را بکینکس دادند بس ازان اورون ارای دورمان وبعد ازو ارای قوشجی وارای نیمان آنکاه مقام ارباب قابلیت وارشاد وجایکاه اصحاب شجاعت واستعداد امّا رتب متعلّیه[1] در مقابل سریر اعظم ومسند محترم اوّل اورون مانکغت است که محلّ آن نزدیك بمیمنه است متحاذئ اورون قره قیات دیکر اورون جهار یار است مختصّ بدورمان مقارن میسره بحذاءِ اوغلان بر رای عقده‌کشای ارباب الباب مخفی نماند که مراتب مذکوره واورونات مزبوره نسبت با برخی از امراء عالیقدر وامناء منشرح الصدرست که در عرف این طایفهٔ علیّه همکنانرا بی کویند امّا صفوف ثانوی (sic) که در خارج بارکاه آسمان‌اشتباه بر میمنه و میسره انتظام می‌بذیرد بدین آیین مرتّب میکردد که اورون اوّل از جانب جوانقار مقام یساول خانی است که مخصوص اوغلانست وعمل مشار الیه آنست که بیشکش وسورین سلاطین وشاهزادکانرا او از نظر اقدس میکذراند ومعروضاتشان‌را بمسامع علیّه او میرساند وبس ازو جایکاه ایشك اقا باشی است وضابطهٔ قدیم آن بوده که عمل مذکور باهالئی اولوسات ثلثه که دورمان وقوشجی ونیمان است مخصوص بوده واکر ازین جمع مستعدّی قدم در عرصهٔ قابلیّت نداشته باشد بقنغرات وبویراك وقیات وخطای میرسد وبعد ازو اورون میر آخورست اکر اوماقش از اولوسات میسره باشد f. 388 b وبس ازو شغاول ومرزا (sic) باشی وخزانجی آنکاه سایر عملدار علی قدر مراتبهم واورون دیوان بیکی بقرب سهبایه مقرّرست امّا در میمنه اوّل ایشك اغا باشئ

[1] Cod. متغیه،

اونك بعد ازو میر آخر وبس ازو مرزا باشی علی هذا القیاس امّا قفای سریر اعلی ومسند معلّا مخصوص است بقورجیان خاصّ وایجکیان انجمن اختصاص اورون اوّل مقام قورجی باشی است بسی ازو قوش بیکی وبعد ازو جهرهٔ اقاسی ودر قدیم سرافرازان بدین منصب جهار نفر می بوده اند آنکاه جیرجی وغیر ذلك امّا حجّاب درکاه ویساولان باانتباه سردار این طایفه یساول اویداجی وسرافرازان بدین عمل دو نفرند وبرات توقسان‌بای (sic) و دادخاه (sic) وتمامت جوبداران بنام مشار الیهما نکارش می‌یابد دیکر از جملهٔ اموری که رعایت آداب واسالیب آن در یوسون همایون از مهمّات مستحسنه است آشامیدن قمیز است اکرجه شرایط آن موفور وضوابط آن نامحصور امّا بهمه حال نبذی از آنها که ناکریز نشاة[1] سباهی‌کری است مسطور میکردد وظیفه آنکه جون کورنش عامّ انتظام بذیرفته خوان افضال وانعام بر خواصّ وعوامّ کسترده آید بس از احتظاظ والتذاذ شاه وسباه بانواع آلاء ونعم الدآکاه سوجیان وصابداران باحضار صابه وایاغ وسایر اسباب عشرت وفراغ مبادرت نموده انجمن نشاطرا بآلتهای[2] انبساطمناط کرم کردانند آنکاه یکی از اویدجیان باانتباه باشارهٔ بادشاه مملکت‌بناه ایاغ خاصّ‌را ازان مشروب استیناس‌اساس لبالب ساخته بادب هرجه تمامتر بعرض اقدس رساند وفرمان‌روای فرّخ‌فال بی شایبهٔ اهمال آن قدح لبریز از فرح‌را بر کرفته نبذی ازان ضمیرمایهٔ تمیز که بقمیز معتبر است تجرّع نماید وبقایای آن غمزدای‌را بیکی از امرای صایب‌رای موهبت فرماید ودرین هنکام بر امیر مخصوص بانعام اتمام دو ادب از لوازم است یکی تبدیل ایاغ خاصّه دیکر تجرّع تمامت موهوبه آنکاه اویداجی مذکور بر سر صابه آمده هم باشارهٔ عالی یك قدح

[1] Cod. نشأة

[2] Cod. بالیتهای

تجرّع نماید وایاغ دیکر هم بدستور مزبور نزد بادشاه برده باز کذارد
وبر کردد بس ازان اویداجیان بمیمنه ومیسره شتافته ازان انعام
عامّ جار رسانند لاجرم تمامت حضّار بیکبار بر خواسته (sic) بتعظیم
مبادرت نمایند تا هنکامهٔ کرایش وبیمایش کرمی بذیرفته نخست اویداجیان
اقداح مالامال نزد امرای بیهمال برده در تجرّع مبالغه بتقدیم رسانند
ودرین هنکام تعظیم وبر خواستن نبود جون دایرهٔ امرا بمنتها رسیده
آید اویداجیان نزدیك بصابه نشسته با ارباب مناصب وایشك اقایان
وقورجی وقرق جهره وکوب جهره وسایر سباه به بیمایش قدح وایاغ
شغل نمایند بدین دستور که از براونقار دو نفر واز جوانقار نیز
همجنین بیش آمده بر جنب اویداجیان نشینند جون قدح بمقارن
خویش دهد طریق آنست که او بر کرفته بصاحب خود ایثار نماید
واو ایاغ بر کرفته همجنان میدارد تا رفیقش نیز قدح بر کیرد آنکاه
هر جهار نفر باتفاق تجرّع نموده بیکبار بر خیزند وزانو زده بمقام
خویش باز کردند وهمین دستور تا آخر مجلس مرعی بوده از
هر جه رایحهٔ سبك سری وکم حوصلکی بمشامّ کرام رسیده آید احتراز
واجتناب واجب ولازم میدارند واکر ترك ادبی بی وسیلهٔ سببی از
یکی سمت اصدار بذیرد مرتکب آنرا در صفّ نعال باز داشته
بس f. 389a از آنکه دوازده ایاغ بزرك از دست ساقی تجرّع نماید
وقدح معذرت نیز بساقی داده آید مشار الیهرا در معرض عتاب
وخطاب آورده زمام یرغو وبازخواست آن بساقی مفوّض کردد وغیر
از قتل تمامت یاساجات بر مجرم مذکور مجری وممضی است امّا
آداب واسالیب ایلجیان ورسولان وسایر التجامندان از رؤسای تومانات
وباشلیغان اقوام واولوسات طریقهٔ کورنش ایلجی ورسول آنست که
نخست شغاول بیش رفته معروضات وادّعاجات صاحب اورا مصحوب
بیشکش یا سوغا بعرض اقدس رساند بعد ازان قدمی جند باز بسر

نهاده بسلام وکورنش وتحف وهدایای مشار الیه مبادرت نماید آنکاه اکر از امراء عظام [باشد][1] از ارباب مناصب مثل بروانجی وتوقسابی (sic) بای وغیرهما دو نفر از طرفینش تنك در آمده مشار الیهرا ببایهٔ سریر اعلی رسانند جون دوش مسعودش دستسود حضرت ظلّ اللهی کردد همکنان مشار الیهرا همجنان در میان داشته تا بمقام نجستین باز برند آنکاه اشارهٔ علیّه نافذ کردد تا در میمنه یا میسرهٔ مجلس همایون جلوس نموده بی سبقت سوال زبان بمقال نکشاید وایضا ینکی نوکر باید که تا هنکام تقرر مداخلتش در کدام صنف از اصناف از دور بحذای سریر اعلا نشسته وقت نهاد خوان نوال بر خیزد ونیز خانسالار باید که صفرهرا در خارج بارکاه مبسوط دارد تا اولوش شاهی بر کردد امّا شرایط وضوابط رزم ونبرد که بیشهٔ این طایفه بر آن محصور واندیشهٔ همکنان بر قیام واقدام بر آن مقصورست واز لوازم نشاة[2] مردی ومواجب جاشنئ مردانکی است از دایرهٔ احصا وتعداد خارج است[3].

---

[1] Verbum interiit quia codex hic lacer est.

[2] Cod. نشأة

[3] Quae sequuntur in codice postea deleta sunt:

اما بهمه حال بحکم القلیل تدل (sic) علی الکثیر تذکیر برخی ازان ناکریز است ترتیب یساجات یسال وتنظیم مناظم جدال وقتال که کزیدهٔ ارباب کمال وبسندیدهٔ اصحاب اقبال تواند بود در رسایل ونسخ این طایفه بدین دستور مسطورست که جون کار بکارزار ومعامله بمجادله

Caput hic abrupte desinit. Sequitur titulus تعداد کذارش deinde lacuna et alius titulus: برخی از بدایع صنایع وغرایب وقایع که راقم این سطور مخطوررا در اثنای اسفار ومطاوی بیمایش اقطار مشاهده ومحسوس کشته.

«Объясненіе нѣкоторыхъ изъ обычаевъ Высочайшаго церемоніала и перечисленіе порядковъ и правилъ его по ясѣ и юсуну [1].

. . . . [2] Хотя согласно краснорѣчивому слову: «Протяните впередъ ваши правыя руки [3]» слѣдовало бы изложить правила и условія правой стороны раньше, чѣмъ лѣвой, но такъ какъ обыкновеніе этого народа (узбековъ), согласно изреченію: «сердце на лѣвой сторонѣ», основано на предпочтеніи лѣвой стороны передъ правой, то мы начинаемъ съ опредѣленія мѣстъ упомянутой стороны (лѣвой), которая въ монгольскомъ обычномъ правѣ [4] обозначается словами „джюнгар“ и „сол [5]“.

Отъ свѣтлаго, какъ солнце, сознанія разсудительныхъ и благоразумныхъ людей не остается скрытымъ, что важнѣйшее мѣсто на лѣвой сторонѣ отъ счастливыхъ хакановъ есть мѣсто высокопочтенныхъ *накибовъ* [6] (представителей потомковъ Алія). Уваженіе къ этому классу благородныхъ людей доходитъ до такой степени, что всѣ царевичи, даже ханскій *каалка*, т. е. наслѣдникъ и замѣститель царя, сидятъ ниже всѣхъ (пхъ).Затѣмъ идутъ послѣдовательно мѣста *карта* (старѣйшины) дурменовъ, карта кушчіевъ и карта наймановъ; послѣ этого мѣсто *кунгратовъ*, за нимъ мѣсто великаго *аталыка* [7]; ниже его—мѣсто *оглановъ* [1];

---

[1] *Яса* и *юсун* — термины приблизительно одинаковаго значенія, употребляющіеся для обозначенія обычнаго права (у монголовъ).

[2] Пропущены нѣкоторыя фразы общаго характера, не имѣющія прямого отношенія къ предмету разказа.

[3] Для клятвеннаго обѣщанія.

[4] Слово عرف (*'урф*), по арабской терминологіи, обозначаетъ нормы обычнаго права, не основанныя на религіозномъ законѣ (въ противоположность термину «*шарі'ат*»).

[5] *Джюн-гар* — «лѣвая рука» (по-монгольски); *сол* — «лѣвый» (по-турецки).

[6] О характерѣ должности накиба въ XIX в. см. у Н. Ханыкова, Описаніе Бухарскаго ханства, Спб. 1843, стр. 190: «должность эта по существу своему есть весьма важная, онъ въ отсутствіи эмира рѣшаетъ тяжбы, касающіяся сипаевъ (воиновъ) и превышающія права казыаскяря; но нынѣшній эмиръ (Насрулла, правилъ съ 1827 г.) лишилъ ее всякаго значенія».

[7] Одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ.

къ нему примыкаютъ послѣдовательно мѣста *нӓнӓ* (собств. матушки [2]) дӯрменовъ, нӓнӓ кушчіевъ и нӓнӓ наймановъ. Дальше безъ промежутка слѣдуетъ мѣсто *карлуковъ*, рядомъ съ нимъ мѣсто *буйраковъ*; за ними расположены мѣста другихъ выдающихся по своимъ способностямъ и заслугамъ лицъ изъ каждаго улуса и аймака [3].

Что же касается степеней мѣстъ на правой сторонѣ созываемыхъ для веселія собраній, которая обозначается словами «онг» и «барунгар» [4], то первое почетное мѣсто есть мѣсто *шейху-ль-ислама* [5]; только если какой-нибудь (иностранный) государь будетъ искать убѣжища во дворцѣ, являющемся украшеніемъ царствъ, то правило таково, что ему каждый разъ, какъ онъ будетъ удостоенъ пріема въ Высочайшемъ собраніи, отводится мѣсто на правой сторонѣ впереди шейху-ль-ислама; допускается также, чтобы для него клали коверъ отдѣльно. За шейху-ль-исламомъ находится мѣсто, назначенное для главнаго *казія*; но это мѣсто могутъ оспаривать у него *сейиды*, по-

[1] Этимъ терминомъ обозначались царевичи, впослѣдствіи также пажи.

[2] Трудно иначе объяснить слово «*нӓнӓ*», особенно въ связи съ употребленнымъ раньше словомъ «*карт*». Присутствіе женщинъ въ торжественныхъ собраніяхъ находится, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ мусульманскими обычаями, соблюдающимися теперь даже у кочевниковъ (напр., у киргизовъ).

[3] Изъ дальнѣйшаго можно заключить, что авторъ употребляетъ термины «*улус*» и «*аймак*» (собств. «*уймак*») приблизительно въ одномъ и томъ же значеніи и обозначаетъ ими главныя подраздѣленія кочевыхъ народовъ (среди народа узбековъ такихъ единицъ, какъ извѣстно, было 92; къ числу ихъ принадлежали и дӯрмены, кушчіи, найманы, кунграты и друг.). Въ русскихъ сочиненіяхъ часто употребляется въ этомъ значеніи слово «родъ», хотя тѣмъ же словомъ обозначаются и гораздо болѣе мелкія единицы. По турецкому словарю Вефикъ-паши (цитуется въ словарѣ В. В. Радлова при словѣ *улус*) *улус* дѣлился на *или, иль* — на уймаки, *уймак* — на бои, *бой* — на уруки (роды).

[4] «*Онг*» по-турецки «правый»; «*барун-гар*» по монгольски «правая рука».

[5] Еще въ половинѣ XVIII в., при Мухаммедъ-Рахимъ-ханѣ, первое мѣсто на лѣвой сторонѣ принадлежало накибамъ, первое мѣсто на правой сторонѣ — шейху-ль-исламу (تحفة الخانى, рук. Аз. Муз. c 581b, л. 170a-b).

томки эмира Хайдера[1]. За нимъ находится мѣсто ходжей ордена *Накшбенди*[2]; къ нему примыкаетъ мѣсто *садра*[3] (министра?); за нимъ — мѣсто *кази-эскера* (военнаго судьи), дальше — мѣсто *а'ляма* (старшаго муфтія) и рядомъ съ нимъ мѣсто *реиса*[4]. Дальше идетъ мѣсто *кара-кыятовъ*. Хотя это мѣсто принадлежало кыятамъ съ самаго начала, но относительно его есть такое правило, что благополучно царствующій государь по своему усмотрѣнію, украшающему царства, можетъ оказывать эту милость кому хочетъ; такъ, нѣкоторые ханы предоставляли это мѣсто *кенегесамъ*. Слѣдующія мѣста занимаютъ послѣдовательно «*ара*»[5] дўрменовъ, «ара» кушчіевъ и «ара» наймановъ; дальше расположены мѣста людей, отличающихся дарованіями, благочестіемъ, храбростью и способностями.

Что же касается высокихъ степеней (мѣстъ) напротивъ Высочайшаго престола, то первое мѣсто принадлежитъ *мангытамъ*; оно расположено близъ правой стороны, напротивъ мѣста кара-кыятовъ. Второе мѣсто есть мѣсто «четырехъ друзей[6]»

---

[1] Вѣроятно, имѣются въ виду потомки Алія; *хайдер* — (левъ) прозваніе Алія. О различныхъ классахъ сеййдовъ въ Бухарѣ см. Ханыковъ, Описаніе Бух. ханства, стр. 182.

[2] Главный изъ среднеазіатскихъ религіозныхъ орденовъ (основанъ въ XIV в.).

[3] Терминъ «*садр*» (букв. «грудь, средоточіе») встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ; часто имъ обозначаются судьи и министры. Здѣсь; судя по контексту, имѣется въ виду лицо духовнаго званія, по точнѣе опредѣлить характеръ этого званія не представляется возможности. Въ XIX в. съ этимъ званіемъ не соединялось особой должности (Ханыковъ, Опис. Бух. ханства, стр. 189).

[4] Терминъ «*реис*», очевидно, употребленъ въ томъ же значеніи, которое онъ имѣетъ теперь, т. е. для обозначенія полицейской должности, соотвѣтствующей средневѣковому «*мухтасибу*» (ср. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 240 сл.; о реисахъ тамъ-же, стр. 244).

[5] Слово *ара* букв. значитъ «середина». Вѣроятно, этимъ терминомъ обозначаются люди средняго положенія и возраста, въ противоположность упомянутымъ раньше «картамъ», т. е. старѣйшинамъ.

[6] «*Чехар-яр*» (четыре друга); такъ назывались четыре преемника Мухаммеда (Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ и Алій). Мѣсто «чехар-яр», можетъ быть, должно было соотвѣтствовать тому мѣсту, которое, по представленію среднеазіатскихъ мусульманъ того времени, занимали будущіе халифы въ дни пріемовъ у пророка.

(*чехар-яр*), принадлежащее *дӯрменамъ*; оно находится напротивъ (мѣста) оглановъ, примыкая къ лѣвой сторонѣ.

Отъ взгляда умныхъ людей, разрѣшающаго (всѣ) затрудненія, не остается скрытымъ, что всѣ упомянутыя степени и мѣста относятся къ разряду высокостепенныхъ эмировъ и людей, пользующихся довѣріемъ и свободныхъ отъ безпокойства; обычное право этого высокаго племени (узбековъ) называетъ всѣхъ ихъ *біями*. Что же касается (людей) второстепенныхъ классовъ, выстраивающихся внѣ подобнаго небу дворца по правую и по лѣвую сторону, то они располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. Первое мѣсто съ лѣвой стороны есть мѣсто ханскаго *есаула*, которое всегда занимаетъ одинъ изъ огланов. Должность его заключается въ томъ, что онъ проноситъ передъ августѣйшими взорами дары и приношенія султановъ [1] и царевичей и доводитъ до слуха государя ихъ доклады. За нимъ мѣсто *ишик-ага-баши* (главы привратниковъ) [2]; древнее правило было таково, что право на занятіе этой должности принадлежало тремъ улусамъ, именно дӯрменамъ, кушчіямъ и найманамъ если же между ними не оказывалось способнаго лица, то право переходило къ кунгратамъ, буйракамъ, кыятамъ и хытаямъ. Послѣ этого идутъ послѣдовательно мѣста *мир-ахура* (главнаго конюшаго), если его аймакъ принадлежитъ къ улусамъ лѣвой стороны, *шыгаула* (церемонійместера), *мирза-баши* (главы писцовъ), *казначея* и другихъ должностныхъ лицъ по порядку ихъ степеней. *Диван-беги* [3] (начальникъ канцеляріи, министръ) занимаетъ мѣсто около треножника (?). На правой сторонѣ на первомъ мѣстѣ (сидитъ) ишикъ-ага-баши правой стороны, за нимъ послѣдовательно миръ-ахуръ, мирзабаши и т. д. по порядку.

---

[1] Со времени узбековъ въ Средней Азіи султанами, въ противоположность ханамъ, называются не владѣтельные государи, а всѣ члены ханскаго рода.

[2] При Мухаммедъ-Рахимѣ эта должность причисляется къ низшимъ عملهای خورد, какъ и должности шыгаула и одачіевъ (تحفة الخانی рук. Аз. Муз. c 581b, л. 169a).

[3] Современный автору диванъ-беги Надыръ былъ строителемъ мечети въ Бухарѣ и медресе Ходжи-Ахрара около Самарканда (Collections scientifiques de l'institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères, III, 136).

Что же касается (мѣстъ) позади высочайшаго престола, то это мѣсто отведено собственнымъ *курчіямъ* (тѣлохранителямъ) и ичгіямъ (комнатнымъ слугамъ); послѣдняя должность существуетъ для собраній. Первое мѣсто есть мѣсто *курчи-баши* (главы тѣлохранителей); за нимъ послѣдовательно (сидятъ) *кош-беги*[1] *чӧхре-агаси* (начальникъ пажей) — въ древности этой (послѣдней) должности удостоивались четыре человѣка —, *чирчи* (придворный пѣвецъ?[2]) и другіе. Что же касается *хаджибовъ* (служителей) дворца и проворныхъ *есауловъ*, то начальникъ этого класса (людей) — *есаул-одачи*[3]. Этой должности удостоиваются два человѣка; ихъ именами украшаются дипломы на (чины) *туксабая* и *дадхаха*[4] и (дипломы) всѣхъ *чобдаровъ*[5] (придворныхъ служителей).

Къ числу дѣлъ, гдѣ по царскому юсуну признается необходимымъ соблюденіе правилъ и обычаевъ, принадлежитъ питье *кумыса*. Хотя условій этого много и правила неисчислимы, все-таки (здѣсь) излагается небольшая часть тѣхъ (правилъ), насколько они неразрывно связаны съ развитіемъ военнаго дѣла. Дѣло въ томъ, что при устройствѣ общаго пріема, когда передъ знатными и простыми накрывается скатерть милости и

[1] Изъ такого сопоставленія видно, что *кош-беги*, собств. «князь (ханской) ставки (лагеря)», тогда еще не былъ первымъ министромъ. При Мухаммедъ-Рахимѣ кош-беги уже былъ «везиромъ всего царства» (Рук. Аз. Муз. с. 581b, л. 168b).

[2] Въ такомъ значеніи это слово употребляется въ разсказѣ о томъ, какъ Чингизъ-хану сообщили о смерти Джучи (ср. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. I, стр. 163).

[3] Т. е. начальникъ одачіевъ (комнатныхъ служителей, камердинеровъ).

[4] *Туксабай* и *дадхах* — высокіе военные чины, существующіе въ Бухарѣ и теперь, причемъ званіе дадхаха считается болѣе высокимъ (Н. Ханыковъ, Описаніе Бухарскаго ханства, стр. 185).

[5] Собств. «держащихъ палки»; этимъ терминомъ въ средніе вѣка обозначались служители, находившіеся въ распоряженіи придворнаго палача (ср. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 237).

щедрости, послѣ того, какъ царь и войско насладятся разнаго рода благами и божественными звуками[1], тогда *сучіи*[2] (кравчіи) и *сабадары*[3] (завѣдующіе бурдюкомъ) приносятъ бурдюки, чарки и другія принадлежности беззаботнаго веселія и (этими) предметами, связанными съ веселіемъ, воодушевляютъ радостное собраніе. Тогда одинъ изъ проворныхъ *одачіевъ*, по знаку царя, прибѣжища царства, наполняетъ собственную чарку (царя) до краевъ тѣмъ напиткомъ, кладущимъ основу общенію людей, и, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, подноситъ государю. Царствующій при благопріятныхъ знаменіяхъ повелитель безъ всякаго промедленія поднимаетъ тотъ кубокъ, полный радости, и немного отпиваетъ отъ того чистаго вещества, которое называется кумысомъ, а остальную часть того прогоняющаго печаль (напитка) жалуетъ одному изъ надежныхъ совѣтниковъ-эмировъ. Эмиръ, отличенный (такой) милостью, долженъ тогда выполнить два требованія приличія: во-первыхъ, обмѣнять царскую чарку[4], во-вторыхъ, выпить все пожалованное ему.[5] Тогда упомянутый одачи, ставъ у отверстія бурдюка, по высочайшему знаку выпиваетъ одинъ кубокъ, а вторую (царскую) чарку прежнимъ порядкомъ подноситъ царю и возвращается (на свое мѣсто). Послѣ этого одачіи поспѣшно приносятъ на правую и на лѣвую сторону вѣсть о той общей милости; конечно, всѣ присутствующіе разомъ встаютъ и выражаютъ почтеніе; (такъ продолжается до тѣхъ поръ), пока отвѣшиваніе и отмѣриваніе (чарокъ) не достигнетъ полнаго разгара. Сначала одачіи подносятъ наполненные до краевъ кубки безподобнымъ *эмирамъ* и упрашиваютъ ихъ выпить; въ это время выражать почтеніе и вставать не полагается. Когда кругъ эмировъ обойденъ до конца, одачіи садятся около бурдюка и приступаютъ къ отмѣриванію кубковъ и чарокъ должностнымъ лицамъ, *ишик-*

---

[1] Текстъ въ этомъ мѣстѣ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія.

[2] Отъ слова *су* (вода).

[3] Отъ слова *саба* (бурдюкъ).

[4] Т. е., очевидно, подать виночерпію другую чарку изъ собственныхъ чарокъ царя, взамѣнъ поданной ему.

[5] Т. е. осушить до дна чарку.

агамъ, курчіямъ, кырк-чӧхре, кӧп-чӧхре [1] и остальному войску, въ слѣдующемъ порядкѣ. Выступаютъ впередъ два человѣка отъ праваго крыла и столько же отъ лѣваго и садятся около одачіевъ. Когда (одачи) даетъ кубокъ своему сосѣду, то обычай требуетъ, чтобы тотъ, поднявъ кубокъ, сдѣлалъ знакъ своему товарищу; тотъ поднимаетъ чарку и также держитъ ее, пока (другой) товарищъ его не подниметъ также своего кубка; тогда всѣ четверо вмѣстѣ выпиваютъ (свои кубки), разомъ встаютъ, преклоняютъ колѣни и возвращаются на свои мѣста. Такой порядокъ соблюдается до конца собранія; они считаютъ долгомъ избѣгать всего того, что въ глазахъ благородныхъ людей походитъ на легкомысліе и невыдержанность. Если кѣмъ-нибудь безъ уважительной причины будетъ нарушено правило приличія, то виновнаго отводятъ къ мѣсту у дверей, гдѣ гости оставляютъ верхнюю обувь; онъ выпиваетъ двѣнадцать большихъ чарокъ изъ рукъ виночерпія и самъ подаетъ виночерпію «кубокъ извиненія»; послѣ этого его подвергаютъ упрекамъ и выговорамъ; право суда и расправы надъ нимъ принадлежитъ виночерпію, и виновный можетъ быть подвергнутъ всякимъ наказаніямъ, кромѣ смертной казни.

Что касается правилъ и обычаевъ (пріема) *пословъ* и другихъ прибѣгающихъ (къ государю) изъ начальниковъ туменей и главарей племенъ и улусовъ, то порядокъ аудіенціи пословъ слѣдующій. Прежде всего шыгаулъ выступаетъ впередъ и представляетъ государю доклады и просьбы лица, отправившаго посольства, вмѣстѣ съ дарами; потомъ онъ отступаетъ на нѣсколько шаговъ и начинаетъ (передавать) привѣтствіе посла, его (просьбу объ) аудіенціи и его приношенія. Тогда, если посолъ принадлежитъ къ числу знатныхъ эмировъ, двое изъ должностыхъ лицъ, напр., *парваначи, токсабай* или другіе, вплотную подходятъ къ нему съ обѣихъ

[1] Букв. «сорокъ пажей» и «много пажей». Подъ первымъ терминомъ, очевидно, слѣдуетъ понимать пажей, наиболѣе приближенныхъ къ государю, подъ вторымъ — остальныхъ. О значеніи числа «сорокъ» въ этомъ отношеніи у турокъ см. Зап. Вост. Отд. VIII, 214, прим. 2.

сторонъ и приводятъ его къ подножію высочайшаго престола [1]. Когда рука государя, тѣни Божьей, прикоснется къ его осчастливленному плечу, всѣ такимъ же образомъ окружаютъ посла и приводятъ его обратно на прежнее мѣсто. Послѣ этого отъ государя исходитъ указаніе, сѣсть ли ему на правой или на лѣвой сторонѣ собранія; сѣвъ тамъ, онъ не начинаетъ говорить, пока его не спросятъ. Такимъ же образомъ новобранецъ, пока еще не опредѣлено, къ какому классу онъ будетъ причисленъ, сидитъ вдали напротивъ высочайшаго престола; когда накрывается столъ щедрости, онъ встаетъ; завѣдующій столомъ долженъ приготовить для него приборъ внѣ дворца, до окончанія царскаго угощенія.

Что же касается условій и правилъ *битвы* и *сраженія*, составляющихъ единственное занятіе этого племени (узбековъ) и единственную заботу всѣхъ (его представителей), правилъ, необходимыхъ для развитія мужества и для наслажденія чувствомъ храбрости, то таковыхъ слишкомъ много, чтобы ихъ перечислить [2]».

СПБ., Февраль 1908 г.

---

[1] Сходный обычай былъ въ Средней Азіи издавна; ср. напр. разсказъ Клавихо о пріемѣ пословъ при дворѣ Тимура (Сборн. отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 247 и слѣд.).

[2] Дальше въ подлинникѣ вычеркнуто нѣсколько строкъ, изъ которыхъ видно, что авторъ хотѣлъ изложить «небольшую часть» этихъ правилъ, на основаніи изреченія, что «по малому можно судить о многомъ». Рукопись India Office представляетъ копію, сдѣланную съ автографа для библіотеки Надыръ-Мухаммеда; возможно, что этотъ отрывокъ былъ выпущенъ переписчикомъ по желанію хана.

Примѣчаніе Редактора. За отсутствіемъ изъ Петербурга, во время чтенія первой корректуры, автора этой статьи, первую корректуру персидскаго текста любезно продержалъ Н. Н. Мартиновичъ.

Приключенія царевича Санаубара [1].

Перевелъ Н. П. Остроумовъ.

Вмѣсто предисловія.

Сказаніе о царевичѣ Санаубарѣ, переводъ котораго здѣсь предлагается, пользуется среди простого грамотнаго туземнаго населенія Туркестанскаго края большою популярностью: среди сартовъ «*Царевича Санаубара*» декламируютъ такъ называемые *бахши* (بخشى), то есть особаго душевнаго склада люди, въ родѣ сибирскихъ шамановъ, подъ аккомпаниментъ двухструннаго инструмента (*дютар*), а среди киргизъ такъ называемые *джирчи* (جيرچى), т. е. пѣсенники. Тѣ и другіе распѣваютъ *стихи* «Сказанія» обыкновенно на базарахъ, передъ толпой, съ которой получаютъ деньги за свою декламацію. Кромѣ этихъ лицъ, «*Санаубара*» любятъ читать молодые подростки и грамотныя женщины. Тѣмъ и другимъ фантастическая фабула сказанія и романическій характеръ его очень нравятся.

Я впервые ознакомился съ содержаніемъ этого сказанія въ устномъ разсказѣ одного малограмотнаго туземца и потомъ уже досталъ списокъ этого сказанія, съ котораго былъ начатъ *почти* дословный переводъ [2]. Но пока я приготовлялъ текстъ и переводъ

---

[1] Ташкентскіе сарты произносятъ это имя съ краткимъ *у*.

[2] Въ переводѣ принималъ большое участіе хорошій знатокъ сартовскаго языка А. Н. Вышнегорскій.

«Санаубара» къ печати, въ Ташкентѣ, въ 1903 году былъ изданъ литографированный текстъ подлинника. Однако это литографированное изданіе «Санаубара» не представляетъ ничего достойнаго замѣчанія, и вообще уступаетъ нашему списку въ правильности языка. Не считая нужнымъ указывать на произвольныя измѣненія въ литографированномъ изданіи, мы предлагаемъ переводъ болѣе правильнаго текста нашего списка.

Ташкентъ.
10 августа 1908 года.

Н. Остроумовъ.

Переводъ съ сартовскаго языка.

Разсказываютъ, что въ городѣ Чинѣ [1] жилъ царь, по имени Хуршидъ [2]. У него былъ солнцевидный сынъ, по имени Царевичъ Санаубаръ, [3] который обладалъ необыкновенною красотой: отблескъ его красоты освѣщалъ самое солнце. Царь-отецъ нѣжно любилъ сына, и если не видѣлъ его нѣкоторое время, то уже скучалъ. Когда царевичу исполнилось семь лѣтъ, его отвели въ школу (мактабъ), гдѣ онъ до двѣнадцати лѣтъ училъ наизустъ Коранъ.

Однажды царь сказалъ своему сыну: «Дитя мое! съ семи лѣтъ и до сихъ поръ ты изучалъ науку; теперь поучись военному искусству». Съ этими словами онъ далъ своему сыну сорокъ пажей [4] и послалъ ихъ гулять въ большой садъ. Гуляя съ своими 40 сверстниками, Санаубаръ вошелъ на золотой тронъ и прилегъ.

Въ городѣ Шабистанѣ [5] у царя Фаррухъ-пяри [6] была дочь, по имени Гуль-пяри-затъ [7]. Она, въ сопровожденіи своихъ 40 слу-

[1] Чинъ=Пекинъ. Страннымъ является указанія на Пекинъ, какъ на мѣсто жительство царя Хуршида. Подробности разсказа и фантастическіе образы разсказа — чисто персидскіе.

[2] Хуршидъ, съ персидскаго—солнце.

[3] Санаубаръ—сосна, отличающаяся высокимъ стройнымъ стволомъ.

[4] Въ подлин. «*махрам-бача*» — молодые люди, юноши, служащіе въ ханскомъ дворцѣ.

[5] Шабистанъ—страна ночи, сѣверная страна; аллегорически—спальня.

[6] Фаррухъ-пяри—радость пяри.

[7] Пяри, подобная розѣ, по своей природѣ, то есть красавица среди другихъ пяри. Собственно пяри относится, по мусульманскому представленію, къ роду духовъ (джинновъ), среди которыхъ есть добрые и злые духи, существа мужскаго и женскаго пола.

жанокъ, путешествовала по бѣлу-свѣту, и случайно взоръ ея палъ на этотъ садъ. Гуляя и любуясь садомъ, Гуль-пяри-затъ набрала душистыхъ цвѣтовъ и, омывъ ихъ въ водоемѣ съ берега, взошла на золотой тронъ—и увидѣла, что на тронѣ лежалъ стройный, красивый юноша. Увидѣвъ его, она остановилась отъ удивленія, а Санаубаръ заговорилъ во снѣ: «какого сада ты цвѣтокъ? какого луга ты соловей»?

На вопросы Санаубара давала отвѣты Гуль-пяри-затъ.

Санаубаръ. Ты, обладающая взглядомъ сокола и крыльями Гавріила, [1]
Чистая красавица моя, откуда ты?
О, солнцеликая, о, луноликая (красавица) съ ароматическими прядями волосъ!
Ты обладающая пріятно потупленными глазками, откуда ты?
Гуль-пяри-затъ. Коли спрашиваешь обо мнѣ, я—царица всѣхъ пяри.
Я изъ страны и города Шабистана.
Пойми, я—царица «племени любви».
Изъ сада безъ листопада я.
Санаубаръ. На головѣ у тебя надѣта драгоцѣнная корона.
Увидѣвшій тебя увлекается твоею красотой.
Въ пошлину любви они даютъ сокровища своей души.
О ты, кокетливые взгляды которой точно стрѣлы, откуда ты?
Гуль-пяри-затъ. Бѣдные влюбленные служатъ спутниками клеветы;
Ливнемъ льются изъ глазъ ихъ слезы.
Мое жилище—цвѣтникъ, и я—глава всѣхъ пяри.
Коли ты спрашиваешь,—вотъ изъ какого мѣста я.
Санаубаръ. Руки свои, руки китаянки ты обагрила кровью [2].
Золотистыя косы свои ты расчесала гребнемъ.
Ты заставила меня страдать, какъ страдалъ Іосифъ.
Обладающая качествами Зюлейхи [3], откуда ты?

---

[1] Ангелъ Гавріилъ самый приближенный къ Аллаху. Крылья его простираются на 500 лѣтъ пути. Онъ быстро доставлялъ на землю повелѣнія Аллаха.

[2] Восточныя женщины красятъ ногти своихъ рукъ бирючиной (*хна*).

[3] Зюлейха—жена египетскаго вельможи, соблазнявшая цѣломудреннаго Іосифа (Коранъ, гл. 12, ст. 23—35). Есть у мусульманъ цѣлый романъ подъ заглавіемъ «Іосуфъ и Зюлейха».

Гуль-пяри-затъ. Я, какъ Іаковъ [1], пришла, отыскивая тебя,
Я пришла, предвидя осуществленіе своей мечты.
Я—попугай, я—изъ рудника сладости [2].
Санаубаръ. Замахнувшись кинжаломъ, ты залила кровью мое сердце;
Красное лицо мое ты заставила пожелтѣть подобно шафрану;
Своимъ кокетствомъ ты убила меня, ты, нѣжная красавица...
Милостивая царевна! откуда ты?
Гуль-пяри-затъ. Твое лицо довѣряетъ свои секреты только рыбѣ въ водѣ;
Вздохъ твоей любви сжигаетъ весь міръ.
Коли спрашиваешь мой родъ, то я—царица всѣхъ пяри.
Я—изъ рудника брилліантовъ и яхонтовъ.
Санаубаръ. Твои глаза—нарцисы; твой ростъ—ростъ дерева Туби [3].
Кокетливая красавица, ты любима всѣмъ свѣтомъ.
Насколько лѣтъ пути отстоитъ твое жилище?
Сознайся же, изъ какого ты рудника?
Гуль-пяри-затъ. Мой родъ изъ рода пяри,—я не осязаема.
Если же открыть сокровенную тайну,
То триста лѣтъ до моего жилища.
Знай, я—изъ города Шабистана.
Санаубаръ. А мое имя Санаубаръ, я—сынъ царя Хуршида.
Отъ тоски по тебѣ опечалена душа моя.
Красавица съ таліею ангела и лицомъ цвѣтка!
Скажи правду, изъ какой страны ты?
Гуль-пяри-затъ. Я дочь царя Фарруха, имя мое «Гуль» [4].
Отъ тоски по мнѣ всѣ пяри словно горюющіе соловьи.
Это признаніе мое словно предсмертное (по правдивости)
Коли ты хочешь *узнать*, я—изъ того мѣста.

После этихъ словъ она дала въ руку Санаубару цвѣтокъ и сказала:

Всякій разъ, когда ты увидишь этотъ цвѣтокъ,
Тебѣ покажется, какъ-будто ты меня увидѣлъ.

---

[1] Іаковъ—отецъ Іосифа (Коранъ, гл. 12, ст. 83—101).

[2] Попугаи любятъ сахаръ; сравненіе намекаетъ на это.

[3] Райское дерево, подъ тѣнью котораго праведники наслаждаются блаженствомъ.

[4] гуль — т. е. роза.

Затѣмъ съ сорока служанками своими она отправилась въ свой городъ. Санаубаръ понюхалъ цвѣтокъ (и лишился чувствъ). Черезъ часъ онъ проснулся и, поднявшись съ мѣста, произнесъ слѣдующіе стихи въ воспоминаніе о красавицѣ:

Санаубаръ. Посредствомъ кокетства овладѣвшая моей душой, пяри-затъ!
Одѣнься въ расцвѣченную одежду и вернись, вернись теперь!
Солнцеликая, луноликая, стройная какъ шамшадъ [1].
Услышь мой стонъ, приди теперь!
Въ разлукѣ съ Билкисъ [2] блуждалъ Соломонъ.
У Іакова изъ-за сына глаза были въ слезахъ.
И я, бѣдный влюбленный, заблудился на пути къ тебѣ.
Замахнись кинжаломъ на мой зовъ, приди теперь!
Изъ-за Ширинъ [3] много горя испыталъ Ферхадъ.
Бѣдный влюбленный на пути къ тебѣ не радъ.
Темноокая моя, съ ростомъ шамшада!
Услышь мой вопль, иди теперь!
Маджнунъ [4], влюбившись, странствовалъ по пустынѣ.
Смилуйся надъ моимъ положеніемъ, царица красавицъ!
Источая потъ каплями, иди теперь (т. е. спѣши),
Иди изъ твоего жилища, чтобъ узнать мое положеніе.
Привязавъ къ косамъ золотой амулетъ,
Обвѣшавъ шею драгоцѣнными кораллами,
Шагая горделиво, къ этому гнѣзду иди теперь!
Махмудъ [5] сгоралъ страстью къ слугѣ съ лицомъ, подобнымъ лунѣ.
По Хамдаму млѣлъ Мевлеви-Джали [6]
Свѣтъ моихъ очей, покой моей души!

---

[1] Шамшадъ, также Шимшадъ, хвойное дерево, кипарисъ, ввозимый въ Ташкентъ для выдѣлки гребенокъ.

[2] Царица Савская Билкисъ, въ которую былъ влюбленъ Соломонъ.

[3] Царевна Ширинъ—предметъ любви Ферхада (Особая поэма).

[4] Маджнунъ—арабъ, влюбленный до безумія въ Ляйлу (Особая поэма).

[5] Султанъ Газны Махмудъ былъ влюбленъ въ своего визиря Аяза.

[6] Извѣстный писатель изъ Джамъ, Самаркандской области, влюбленный въ Мирзу-Хамдама.

Вздрагивая по временамъ, обратно иди теперь!
Съ волосами, надушенными мускусомъ Татаріи, и ростомъ прутика,
Кокетствомъ полонившая мою душу, чарующая глазами,
Подруга Санаубара, вѣрная моя возлюбленная,
Смилуйся надъ *изнемогшимъ*, иди теперь!...

Тогда сорокъ товарищей Санаубара замѣтили, что Санаубаръ лежалъ грудью на сырой землѣ. Одинъ за другимъ они подходили и заговаривали съ нимъ; но Санаубаръ ни одному изъ нихъ не отвѣчалъ.

Между ними былъ визирь по имени Зиваръ.

Зиваръ. Богатствомъ подобный Соломону, а владѣніями Александру [1],
Говори, какая причина твоему разстроенному виду?
Съ царственнымъ взглядомъ и золотистыми косами,
Объясни, какая причина твоей тоски?
Станъ твой, подобный алифу [2], согнулся какъ лукъ (оружіе).
Красота лица твоего блекнетъ какъ цвѣтокъ.
Вздохи и стоны твои доходятъ до небеснаго престола.
Скажи правду этому воплю какая причина?
Отецъ, Іосифа Ханаанскаго, Іаковъ нѣсколько лѣтъ плакалъ по любимомъ красавцѣ.
Плача въ разлукѣ, онъ лишился зрѣнія.
Говори, какая причина крови, текущей изъ глазъ?
Глазъ своихъ не наполняй кровавыми слезами,
Свѣжаго лица своего не дѣлай желтымъ, какъ янтарь.
Не заставляй друзей своихъ плакать, а враговъ смѣяться.
Какая причина твоей безконечной душевной печали?
Цвѣтникъ мой обуревается осеннимъ вѣтромъ.
Одно слово имѣю сказать царю моего сердца:
Выслушай челобитную раба Зивара.
Говори разорванному воротнику твоему, [3] какая причина?
Но Зивару онъ тоже не отвѣчалъ.

[1] То есть Александръ Македонскій.

[2] Алифъ—первая буква арабскаго алфавита, имѣющая видъ прямой, вертикальной черты, утонченной книзу.

[3] Т. е. очень опечаленному, который съ горя разорвалъ воротъ своей одежды.

Тогда сорокъ приближенныхъ его съ плачемъ пошли къ царю и разсказали подробно, что произошло. Царь пошелъ къ сыну и увидѣлъ, что Санаубаръ лежитъ какъ мертвый. И при видѣ этого, самъ лишился чувствъ. Очнувшись, царь Хуршидъ задавалъ вопросы Санаубару, но Санаубаръ не отвѣчалъ.

Тогда царь Хуршидъ собралъ всѣхъ астрологовъ. Астрологи открыли книгу и сказали, что пяри зачаровала его, но что веселье исцѣлитъ его.

Однако, сколько не веселили (Санаубара), онъ не поправлялся.

Наконецъ, царь провозгласилъ, что если кто вернетъ его сыну даръ слова, тому онъ дастъ мула, навьюченнаго золотомъ.

Была у него служанка, которая пришла и сказала Санаубару:

Царевичъ! скажи мнѣ все, что у тебя на душѣ, и я исполню твое желаніе.

Тогда Санаубаръ пошелъ къ отцу и разсказалъ ему все, что видѣлъ во снѣ.

Санаубаръ. Одно слово имѣю сказать вамъ, старшіе братья и беки.
Во снѣ мнѣ привидѣлась съ золотистымъ цвѣтомъ клевера [1],
Съ ростомъ, какъ алифъ, съ лицомъ, какъ роза, красавица.
Ея любовь зачаровала меня.
Рѣсницы ея стоятъ рядами на темныхъ глазахъ.
Она пролила мою кровь и выкрасила руки бирючиною [2].
При видѣ ея, мое сердце ушло по ея стройномъ ростѣ.
Смотрящая вкось, родомъ изъ высшаго міра,
Показалась пяри со сладкою ужимкою.
Какъ только я ее увидѣлъ, она притупила мой умъ.
Отъ тоски по ней мнѣ жизнь тяжела.
Съ драгоцѣннымъ поясомъ и перлами въ косахъ,
Она иногда обернется и кокетливо взглянетъ,

---

[1] Т. е. волосами.

[2] Бирючиною (*хна*), женщины красятъ ногти въ красный цвѣтъ, здѣсь уподобляемый крови.

И каждый взглядъ ея затрагиваетъ мою влюбленную душу.
Моя душа можетъ вылетѣть изъ моего тѣла,
Но обладательница мускуса и амбры, съ таліей муравья,
Дала мнѣ одинъ цвѣтокъ и отуманила меня.
Тотъ рѣдкостный жемчугъ (т. е. цвѣтокъ) мнѣ нуженъ.
Давши мнѣ обѣщаніе (на триста лѣтъ), она дала мнѣ знакъ на память.
Похожая на медъ и сахаръ, а устами на бутонъ,
Она исчезла, когда я проснулся.
Внѣдривъ сѣмя любви въ Санаубара,
Она оборачивалась и разрывала на подобіе мотка нитокъ свою вуаль,
Обладательница осчастливляющаго взгляда и золотыхъ кудрей.

После этихъ словъ, царь Хуршидъ сказалъ наконецъ:

Аталыки [1] и беки! мой сынъ влюбился въ пяри. Что дѣлать?

Аталыки и беки отвѣтили:

Царь! видѣнное во снѣ не имѣетъ реальнаго бытія...
Но, (добавили они:) ты можешь послать людей во всѣ четыре стороны, чтобы привести самыхъ красивыхъ дѣвицъ,
Гдѣ только онѣ найдутся.

Царь спросилъ объ этомъ мнѣніе Санаубара, но Санаубаръ не согласился на это предложеніе; онъ горько заплакалъ и такими словами сталъ проситься у отца въ путь:

Дайте разъ позволеніе отправиться въ путь, справедливый царь!
Пусть снова возрадуется разстроенная моя душа.
Если вы въ сердцѣ своемъ любите всемогущаго Бога,
Пусть не будетъ наказана за любовь свободная моя душа.
Отъ моихъ глазъ не уходитъ ни на моментъ владычица сердца.
Душою моею овладѣла та кокетливая иновѣрка. [2]
Трясется, какъ соколъ, машетъ крыльями какъ орелъ,
Клокочетъ растерзанная моя душа...
Не удерживай меня долѣе отъ этого пути,
Не отвращай моего лица отъ той каабы. [3]

---

[1] Аталыкъ—воспитатель дѣтей хановъ, (отъ *ата*—отецъ).

[2] Кяфиръ, и. ч. она сгубила его, отнявъ его покой.

[3] Т. е. отъ той цѣли. Во время молитвы мусульмане обращаются лицомъ къ Каабѣ.

Прошу всемогущаго Бога о приближеніи къ ней.
Иначе не успокоится на свѣтѣ моя растерзанная душа.
Пока я не повѣшусь на выстроенной висѣлицѣ, какъ Мансуръ [1]
Пока я не брошусь въ огонь, какъ другъ Божій Авраамъ, [2]
Пока я не продамъ себя на базарѣ, подобно Іосифу,
Никакого покоя не найдетъ разорванная на сто частей душа моя.
На кого бы ни нашла страсть любви,
Хотя бы онъ былъ царь, дѣлается ея рабомъ.
Отъ любви мнѣ досталась въ удѣлъ тысяча мученій.
Горитъ теперь, разрывается на тысячу частей душа моя.
Уѣду я въ городъ Шабистанъ въ тоскѣ по ней.
И кто будетъ жалѣть обо мнѣ-странникѣ?
Когда я вспоминаю двойную родинку на бѣломъ ея лицѣ,
Сейчасъ же радуется разорванная на сто частей душа моя.
Господство надъ міромъ мнѣ кажется жизнью въ подземельѣ.
Ибо съ горя по тебѣ горитъ больная душа моя...
Не приставайте ко мнѣ красавицы, съ лицами точно цвѣтки:
Санаубаръ уходитъ, и его растерзанная душа (исчезаетъ).

Наконецъ, царь Хуршидъ,—хотя сильно плакалъ, такими словами далъ сыну позволеніе отправиться въ путь:

Что же дѣлать, душенька-сынъ! Зачѣмъ я сначала увидѣлъ тебя!
Въ моей душѣ ты былъ душею, въ своей груди я сохранилъ тебя.
Воспитывая нѣжно, я вскормилъ тебя...
Ступай, душенька-сынъ! Богу поручилъ я тебя.
Въ цвѣтникѣ моей жизни ты былъ весеннимъ листочкомъ!
Ты былъ моимъ рѣдкостнымъ жемчугомъ, моимъ сахарнымъ пескомъ, моимъ сахаромъ.
Ты былъ моимъ разумомъ, моею памятью, покоемъ моей души, моимъ наслажденіемъ.
Ступай, душенька-сынъ, Богу поручилъ я тебя.
Какъ я могу перенести разлуку съ тобою, душенька-сынъ?

---

[1] Мансуръ былъ повѣшенъ за ересь, или, по другимъ, побитъ камнями.

[2] По мусульманскому преданію, невѣрные бросили Авраама въ огонь, но онъ вышелъ невредимымъ (Коранъ, гл. 21, ст. 68 и др. м.).

Богъ услышитъ мою молитву, произнесенную сквозь слезы.
Пророкъ да будетъ твоимъ всегдашнимъ хранителемъ!
Ступай, душенька-сынъ,—Богу поручилъ я тебя.
Ты уѣдешь, взявши свою голову, [1] а я останусь смотрѣть на путь.
Мое сердце окровавлено твоимъ горемъ и внутренности мои опалены.
Разлуки съ тобою ни вытерпѣть, ни вынести не могу.
Ступай, душенька-сынъ,—Богу поручилъ я тебя.
Хотя я—Хуршидъ, но не удивительно, если я вопію,
Если я ежеминутно, вспоминая о тебѣ, рву свой воротъ.
Никакого внушенія ты не послушался, хотя я истекалъ кровью.
Ступай душенька-сынъ,—Богу поручилъ я тебя.

После этого Санаубаръ, прощаясь со своими друзьями, сказалъ слѣдующее:

Со схожими (по красотѣ) бровями,
Прощайте теперь, всѣ мои друзья,
Поранившіе и посыпавшіе солью свои сердца!
Прощайте теперь пришедшіе друзья,
Жившіе съ нами по-товарищески!
Прощайте теперь, посвященные въ секреты,
Съ рѣсницами красивыми, какъ у Рустама, [2]
Проливающіе кровь, [3] прощайте теперь!
Пала на мою голову страсть любви.
Вѣрность къ ней не покинетъ моего сердца.
Домохозяева страны китайской,
Хорошіе пшаны, прощайте теперь!
Испившіе вина правды,
Разсыпавшіе жемчугъ [4] въ собраніяхъ,
Открывавшіе рынокъ знанія,
Разсыпатели жемчуга, прощайте теперь!

[1] Т. е. безъ слѣда.
[2] Герой Шахнамэ, соч. Фирдоуси.
[3] Слезы.
[4] Краснорѣчіе.

Я, Санаубаръ, говорю: о, вѣрные друзья!
Выслушайте вздохи мои и стоны.
Всѣ вы, пришедшіе друзья и знакомые
И благожелатели, прощайте теперь...

Наконецъ, царь Хуршидъ далъ сыну въ спутники 500 джигитовъ и самъ проводилъ ихъ до Оманскаго моря [1] и вернулся назадъ. Санаубаръ же съ 500 джигитами поплылъ по морю. Вдругъ водоворотъ Оманскаго моря увлекъ ихъ. Въ этомъ опасномъ водоворотѣ они возились шесть мѣсяцевъ.

Тогда Санаубаръ слѣдующимъ образомъ взмолился къ морю:

Неустанно кипящее и клокочущее Оманское море!
Сжалься этотъ разъ надъ унылымъ и бѣднымъ!
Страсть любви охватила мою головушку.
Не оставь меня въ столь великомъ горѣ и несчастіи!
Я принадлежу къ числу принцевъ; я брожу вдали отъ дома;
Я ищу, но не нахожу исцѣленія моему недугу.
Въ разлукѣ съ возлюбленной терзается мое сердце.
Пожалѣй, не оставь меня въ мукахъ и печали!
Ангелъ Гавріилъ приносилъ откровенія пророку,
А въ день свѣтопреставленія будетъ трубить въ трубу свою Исрафилъ [2].
Возьми душу мою, святой Азраилъ! [3]
Бери скорѣе, дабы я достигъ до своей пяри (красавицы).
Санаубаръ съ плачемъ молится.
Отъ вопля моего содрагаются земля и небо.
Всѣхъ сотворилъ Судья нуждъ. [4]
Избавь меня скорѣе, дабы я достигъ до своей пяри!

Тогда подулъ противный вѣтеръ, ударилъ корабли другъ о друга и раздробилъ ихъ одновременно, такъ что 500 джигитовъ Санаубара утонули въ морѣ. Санаубаръ и визирь Зиваръ спаслись на отломившейся доскѣ.

[1] Персидскій заливъ.
[2] Ангелъ Исрафилъ.
[3] Ангелъ смерти.
[4] Богъ.

Санаубаръ со слезами произнесъ (тогда) слѣдующія слова:
Кому я принесу жалобу на свое положеніе?
Сегодня для меня кончина міра.
Выслушай мой вопль сотворившій меня Владыко величія!
Сегодня для меня кончина міра!
Отсюда нельзя спастись и выйти цѣлымъ;
Сегодня на меня напалъ страхъ послѣдняго суда.
Сегодня для меня кончина міра!
Разорвавъ воротъ свой, буду я стонать.
Пусть упадетъ и разрушится постылый небесный шаръ.
Жаль тѣхъ юныхъ лицъ, ростомъ съ шимшадъ (кипарисъ).
Сегодня для меня кончина міра!
Что мнѣ дѣлать теперь съ этой больной душой?
Я, какъ Іосифъ, разлучился съ Ханаанскою моей землею.
Съ одной стороны бѣдствіе, а съ другой разлука.
Сегодня для меня кончина міра!
Спутникомъ Санаубара служитъ только Всемогущій, Всемилостивый.
Не оставь меня въ (моемъ) горѣ безъ помощи!
Дай мнѣ благополучіе въ началѣ и въ концѣ.
Сегодня для меня кончина міра!

Наконецъ, черезъ три дня послѣ этого Санаубаръ и Зиваръ выплыли съ Божіею помощью изъ моря къ берегу. Тамъ Зиваръ заболѣлъ и Санаубаръ, обращаясь къ Зивару, спросилъ его о его положеніи слѣдующими словами:

Санаубаръ. Спутникъ мой въ нуждѣ, вѣрный другъ мой,
Безпорочный мой отрокъ! каково тебѣ?
Спутникъ мой, собесѣдникъ мой, веселье мое, помощь моя,
Свѣтъ очей моихъ, душа моя! каково тебѣ?

Зиваръ. Выслушай мою челобитную, возлюбленный царь. Я разскажу, а ты послушай теперь. Я подпалъ неизлѣчимому недугу; я умру, а тебѣ счастливо оставаться!

Санаубаръ. Твое лице пылаетъ, твои глаза воспламенены.
Твое нѣжное тѣло, подобно ртути, неустойчиво.
Вѣрный другъ мой,

Темноглазый мой! объясни, каково тебѣ?
Зиваръ. Вспыхнула болѣзнь во мнѣ. Безъ ухода
Я томлюсь на чужбинѣ, да еще въ огнѣ.
Наконецъ, я испиваю напитокъ смерти.
Если тебѣ жалко меня, освободи меня отъ этой темницы.
Санаубаръ. Я за тебя готовъ положить свою душу [1],
Не видя тебя одну минуту, я испускаю вопль.
Ты вѣнецъ моей головы, ты живая моя душа.
Любящій другъ мой, каково тебѣ?
Зиваръ. Мое положеніе становится хуже и хуже.
Я плачу день и ночь, и такъ мое время проходитъ.
Ланцетъ горечи пронзаетъ мою душу,
А жизнь такъ мила; знай теперь это.
Санаубаръ. Чтобы я не былъ рожденъ матерью!
Чтобы я не видѣлъ тебя въ этомъ положеніи!
Чтобы я не былъ оставленъ на улицѣ странствованія!
Мой путеводитель [2] въ опасности,—каково тебѣ?
Зиваръ. Я сначала былъ свободенъ отъ заботъ;
Но на улицѣ странствованія [3] я остался пѣшимъ.
Мой безпрерывный шагъ увеличиваетъ мое страданіе.
Возьми платокъ и оботри слезы теперь.
Санаубаръ. Санаубаръ говоритъ: что дѣлать? Раздавлена моя грудь.
Богомъ написанъ тебѣ такой рокъ.
Нить жизни теперь обрывается.
Іосифъ Ханаанскій, [4] каково тебѣ?
Зиваръ: Зиваръ говоритъ: моя душа вся вспыхнула.
Красная моя рубаха окрасилась кровью.
Сила истощилась, и время приблизилось:
Я уйду, а ты оставайся въ этой опасности.

После этого, со словомъ «Хаккъ!»[5] Зиваръ испустилъ духъ, а Санаубаръ оплакалъ смерть Зивара на чужбинѣ въ слѣдующихъ словахъ:

[1] Душу, любезную мнѣ. Этотъ эпитетъ къ душѣ прилагается и Гомеромъ (А. Вышнегорскій).
[2] Буквально: *караванбаш* [3] Т. е. въ земной жизни.
[4] Т. е. красавецъ. [5] Истина, какъ Имя Божіе. Т. е. Боже!

По улицѣ чужбины прошли чужестранцы.
О, умершій ради меня на чужбинѣ, мой Зиваръ!
Его розовое лицо пожелтѣло, какъ шафранъ.
О, умершій ради меня на чужбинѣ мой Зиваръ!
Ради меня оставившій отца-мать,
Подставившій грудь подъ стрѣлу судьбы,
И, наконецъ, выпившій напитокъ смерти...
О, умершій ради меня на чужбинѣ, мой Зиваръ!
Подобно бутону цвѣтка, распахнувшій рубаху,
Подобно соловью, источившій изъ глазъ слезы,
Отдавшій мнѣ свою дружбу и напослѣдокъ умершій!..
О, умершій ради меня на чужбинѣ мой Зиваръ!
Располагавшій къ себѣ сладкою рѣчью,
На воспріимчивую душу бросившій сѣмена дружбы,
И вотъ какъ простившійся съ Санаубаромъ!..
О, умершій ради меня на чужбинѣ мой Зиваръ!

Санаубаръ прочиталъ джаназа [1] надъ Зиваромъ и продолжалъ такъ:

Охъ! огорченіе смерти окровавило слезы моихъ глазъ.
Отъ разлуки мое веселье днемъ и ночью обратилось въ тоску.
Такая участь дана намъ отъ роду, чтобы разставаться съ родными,
Съ наперсниками и товарищами. Моя торговля идетъ мнѣ въ убытокъ [2].
Не смиловался Единый Сущій: не дошелъ мой стонъ и вопль.
Мои дни потемнѣли и опять обратились въ страданіе.
У раба Санаубара текутъ изъ глазъ слезы по его спутникѣ.
Онъ выпустилъ птицу изъ рукъ, и его сердце наполнилось кровью.

Затѣмъ Санаубаръ продолжалъ путь. Онъ вошелъ въ лѣсъ, гдѣ было много птицъ. Тогда онъ обратился къ горлицамъ со слѣдующими словами:

Горлицы, воркующія въ садахъ!
Повѣдайте, видали ли вы мою возлюбленную?

---

[1] Т. е. похоронную молитву.
[2] Т. е. я пріобрѣтаю пэри, но лишаюсь друзей.

Поющіе на лугахъ влюбленные соловьи!
Повѣдайте, видали ли вы мою возлюбленную?
Ее, со взглядомъ сокола и съ царственнымъ станомъ,
Съ руками, окрашенными бирючиною, съ золотыми косами.
Съ неукоризненною красотою, съ характеромъ ангела....
Скажите, видѣли вы мою вѣрную возлюбленную?
Она въ розовой рубашкѣ и красной накидкѣ.
Слаще сахара каждое ея слово.
Ея имя Гуль. Она дочь царя Фарруха.
Такую вѣрную возлюбленную видали ли вы?
Поющіе на лугахъ влюбчивые соловьи!
Чистые аргаваны [1] и красные цвѣты,
Кречеты и ловчіе соколы,
Разсыпанные по полю тюльпаны! видали ли ее вы?
Санаубаръ остался здѣсь встревоженный,
Разстроенный изъ-за одной красивой возлюбленной.
Павлины въ садахъ, гуси на поляхъ!
Такую вѣрную возлюбленную видали ли вы?

После этого солнце зашло. Санаубаръ еще шелъ по острову, какъ вдругъ увидѣлъ быка съ жемчужиною *шабчираг* [2] во рту. Быкъ принесъ эту жемчужину и положилъ на возвышеніе. Этотъ быкъ днемъ не пасся, а ночью пасся при свѣтѣ своей жемчужины. Санаубаръ обрадовался встрѣчѣ съ быкомъ и сказалъ:

Я словно нырялъ, подобно водолазу, рискуя жизнью,
И, слава Богу, я дошелъ до рудника рубиновъ.
Прими вино изъ рукъ виночерпія и пей [3].
Я получилъ обратно свою душу, вышедшую было изъ тѣла.
Послѣ долгаго гореванія въ пустыняхъ ради возлюбленной,
Послѣ перенесенія лишеній и истощенія силъ,

---

[1] Дерево съ тонкими вѣтвями. Весною оно покрывается красными цвѣтами, а листья появляются послѣ.

[2] Свѣтящаяся ночью. Это повѣріе, можетъ быть, происходитъ отъ морскихъ животныхъ — Radiata и др., свѣтящихся ночью при соприкосновеніи съ кораблемъ.

[3] То есть: мнѣ можно теперь вполнѣ успокоиться.

Я въ землѣ сталъ искать круглой жемчужины
И дошелъ до рудника яхонтовъ и жемчуга.
Звѣзда моего счастія возсіяла и возросла;
Бутонъ моей надежды раскрылся цвѣткомъ;
Напитокъ страданія уже выпитъ.
До какого цвѣтущаго сада я дошелъ?
Вращаясь вокругъ горя, какъ полоумный,
Искрошивъ сердце оружіемъ разлуки, [1]
Переправившись черезъ море и вышедши на берегъ,
Я дошелъ до рудника яхонтовъ и жемчуга.
Санаубаръ! не выпускай изъ рукъ этотъ свѣтъ,
Не выпускай изъ рукъ тайное сокровище.
Богъ далъ тебѣ возможность найти катящуюся жемчужину.
Сегодня я нашелъ блестящую жемчужину.

Затѣмъ Санаубаръ набралъ въ подолъ тюльпановъ и другихъ цвѣтовъ и осыпалъ ими жемчужину. Какъ только она покрылась цвѣтами, весь свѣтъ помрачился и быкъ не зналъ, гдѣ ступить. Всѣ животные лѣса встревожились. По восходѣ солнца, быкъ нырнулъ въ море, а Санаубаръ сказалъ:

Я видѣлъ быка. Во рту у него была ночная жемчужина,
Отъ страха предъ нею дрожитъ Оманское море.
Опять это животное пришло пастись
И опустило на землю катящійся жемчугъ.
По премудрости Творца этотъ удивительный быкъ
Имѣетъ ростъ съ гору, а голову съ куполъ,
Рога съ дерево чинаръ, пасть съ пещеру.
Ежеминутно подбрасывая землю копытами,
Онъ отправляется поспѣшно на пастбище.
Я порадовался было, но онъ махнулъ хвостомъ,
И я былъ отброшенъ на это цвѣтистое мѣсто.
Я нарвалъ себѣ въ подолъ лилій и тюльпановъ
Надъ тѣмъ катящимся перломъ
Я ихъ высыпалъ такъ, что жемчужина не видѣла быка.

[1] Род. пад. здѣсь есть *изафаибаяни*, а именно означаетъ: орудіе, которое есть разлука.

Тогда замычалъ быкъ,—и міръ повернулся низомъ вверхъ. Вотъ-вотъ перевернется.
Загорѣлся веселый лѣсъ отъ его рева,
Такъ что тотчасъ всѣ встревожились въ горахъ,
И тигры въ страхѣ пустились бѣжать...
Послушай еще нѣсколько пустыхъ словъ Санаубара.
Я хочу подробнѣе описать то дикое животное.
Не найдя обратнаго пути, то дикое животное
Не раньше, чѣмъ солнце взошло и озарило свѣтъ,
Нырнуло въ Оманское море отъ испуга.

Тогда Санаубаръ подумалъ, что невозможно оставаться на томъ мѣстѣ, и сказалъ:

Иди, мое сердце; возлюбленный слѣдъ вѣрной
Я отыщу, когда исхожу весь свѣтъ
Между тѣми, кудри которыхъ какъ фіалки въ началѣ весны.
Я соловьемъ пойду искать улыбающійся цвѣтокъ.
Не умреть, отказавшись отъ сладкой жизни, влюбленный,
Воспылавшій, согрѣтый и унесенный огнемъ любви.
Напившись досыта напитка разлуки,
Я, какъ мотылекъ, пойду искать жгущей свѣчи [1].
Налившись, разлившись и бурля, подобно Оманскому морю,
Подобно мотыльку, кидаясь по направленію свѣта,
Ударяя себя въ грудь камнями, подобно Маджнуну,
Я буду искать страданій и лишеній, сопряженныхъ съ разлукой.
А теперь я отправляюсь въ путь къ опасному мѣсту,
И развѣдаю дурное и хорошее про него...
Санаубаръ говоритъ: среди существъ человѣческихъ
Я поищу царицы съ разукрашеннымъ поясомъ.

Послѣ этого Санаубаръ былъ въ пути нѣсколько дней. Разъ онъ увидѣлъ на небѣ стаю селезней и поручилъ передать поклонъ своей возлюбленной:

Крякающіе подъ небомъ селезни! Передайте
Милой возлюбленной челобитную о моемъ состояніи.
Если мнѣ положить голову за ея станъ и ростъ,

[1] То есть пойду искать возлюбленную, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть около нея, какъ мотыльку около свѣчи.

За ротикъ ея, похожій на фисташку, и за сладкія рѣчи ея,
За лицо, подобное лунѣ, съ бровями, подобными перу, [1]
То я погружусь въ стоны и плачъ. Передайте,
Пусть она окажетъ милость тоскующему почитателю.
Я хочу отдать жизнь за ростъ и станъ моей возлюбленной.
Изъ среды пяри, ея собственной особѣ
О моемъ разбереженномъ сердцѣ непремѣнно передайте.
Я остался здѣсь въ тоскѣ и туженіи,
А моя возлюбленная расхаживаетъ тамъ въ весельѣ и удовольствіяхъ.
Если вы пойдете туда, то непремѣнно передайте о моемъ разстройствѣ
И моей рабской преданности возлюбленной моей, окрашенной бирючиною.
Санаубаръ говоритъ: я лишился возлюбленной.
Его крылья подъ тяжестью горя изломались.
Онъ лежитъ на землѣ съ томящимися глазами.
Доложите о моемъ состояніи обладательницѣ змѣевидныхъ кудрей.

После этого Санаубаръ продолжалъ путь. Черезъ нѣсколько дней, разъ, во время появленія зари, подулъ тихій утренній вѣтерокъ, которому онъ и поручилъ передать привѣтъ возлюбленной. Затѣмъ онъ пошелъ дальше и, наконецъ, встрѣтилъ садъ со стѣнами изъ шафрана [2]. Санаубаръ подумалъ, что это садъ его возлюбленной и сказалъ:

Ея садъ заставилъ засверкать мои глаза.
Слава Богу, найдено мѣстонахожденіе возлюбленной!
Соловьи здѣсь перелетаютъ и садятся по временамъ.
Слава Богу, найдено мѣстонахожденіе возлюбленной!
Я до-сюда добрался путемъ разспросовъ о возлюбленной,
Испятнавъ сердце въ огнѣ разлуки.
Птица моего горя теперь стонетъ и плачетъ.
Слава Богу, найдено мѣстонахожденіе возлюбленной!

---

[1] *Каламкам* — отъ *калям* перо тростниковое, и какъ брови, то есть брови, сросшіеся въ одну прямую линію; эпитетъ красавицъ.

[2] Шафранъ бываетъ весьма дорогъ.

Я сюда пришелъ доложить о своихъ обидахъ.
Я поискалъ и нашелъ безмятежіе для сердца.
Богъ осуществилъ эту мою мечту.
Объ обладательницѣ фіалковидныхъ кудрей и гіацинтовой родинки
Я распрашивалъ у влюбленныхъ соловьевъ.
Слава Богу, найдено мѣстонахожденіе возлюбленной!
Въ поискахъ за своей наперсницей я пришелъ изъ Китайской страны,
Слезы глазъ моихъ стали росою на тюльпанахъ.
Не плачь и не жалуйся уже больше, Санаубаръ:
Слава Богу, найдено мѣстонахожденіе возлюбленной!

Затѣмъ онъ приблизился къ саду и вошелъ осторожно. Тамъ онъ увидѣлъ посрединѣ одну прислужницу, которая посреди свѣтлаго дня помрачала солнце [1]. Санаубаръ подошелъ ближе и замѣтилъ, что въ томъ саду до него ни одна человѣческая нога еще не ступала. Это мѣсто принадлежало колдуну. Послѣдній зачуялъ тотчасъ же человѣческій запахъ, нашелъ Санаубара и закричалъ громко на него: берегись! Санаубаръ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ, что чародѣй прочиталъ надъ тремя глыбами земли волшебные заговоры и кинулъ ихъ. Мгновенно Санаубаръ превратился въ серну и побѣжалъ въ степь. Много дней онъ тамъ провелъ въ молитвахъ и гореваніи. Его слова:

Всемогущій Боже! Ты—моя защита.
Никого не превращай въ животное, какъ меня.
Я одинъ изъ безпутныхъ рабовъ твоихъ; у меня много грѣховъ.
Никого не обращай въ животное, какъ меня!
Со дня на день мое страданіе увеличивается;
На улицѣ чужбины я остался пѣшимъ [2].
Никого, въ семъ бренномъ мірѣ,
Не заставляй, какъ меня, плакать по возлюбленной.
Я пришелъ сюда, потому что судьба привела меня.

---

[1] Подразумѣвается—своею красотою.

[2] Киргизы и узбеки почитаютъ себя несчастными, когда имъ приходится странствовать пѣшкомъ.

Кинжалъ разлуки разсѣкъ мое сердце.
Не дѣлай желтымъ никого такъ, какъ меня;
Ничью жизнь не превращай до расцвѣта въ осень.
Куда мнѣ направить теперь свою головушку?
Кому мнѣ жаловаться, обнаживъ грудь?
Никого не подвергай столькимъ испытаніямъ,
Не унижай такъ, какъ Санаубара!

Затѣмъ Санаубаръ пошелъ дальше. Черезъ нѣсколько дней онъ дошелъ до зданія съ куполомъ. У дверей была повѣшена занавѣска. Когда Санаубаръ вошелъ, то увидѣлъ на тронѣ царевну, по имени «*Михръ-Ангезъ*» [1]. Этотъ дворецъ принадлежалъ ей. Царевна замѣтила серну [2] и подумала, что она убѣжала отъ охотниковъ, и предложила ей воду съ кишмишемъ. Санаубаръ и не посмотрѣлъ даже на это угощеніе, а между тѣмъ, изъ глазъ его текли слезы. Тогда Михръ-Ангезъ сказала: «бѣдное животное! Я не знаю твоего горя; ты разскажи мнѣ». Тогда Санаубаръ знаками передалъ слѣдующее:

Пяри-затъ, у которой лицо какъ луна, а рѣчь какъ сахаръ!
Мой воротъ распахнутъ [3] на чужбинѣ.
Одѣтая въ красное, имѣющая станъ шаммада!
Мое положеніе печально на чужбинѣ:
Пусть никто не лишится подруги.
Да не будетъ никому такого чернаго счастія, какъ мнѣ.
Со дня на день мнѣ хуже и хуже
Моя жизнь проходитъ въ безпрерывномъ гореваніи.
Санаубаръ говоритъ: «Я—сынъ царя Хуршида,
Я тотъ, у котораго грудь болитъ по возлюбленной;
Я заколдованъ силою чародѣя,
Я человѣкъ съ закружившеюся головою на чужбинѣ»...

Тогда царевна прочитала заговоръ надъ тремя глыбами земли и Санаубаръ тотчасъ принялъ свой прежній видъ. Царевна спросила его: «О, человѣческое чадо! Отчего

[1] Въ переводѣ—возбудительница любви.
[2] Въ серну былъ обращенъ Санаубаръ.
[3] Подразумѣвается—съ отчаянія.

ты подвергся такому несчастію? Тогда Санаубаръ со слезами разсказалъ ей свои приключенія и сказалъ:

Слава Богу! снова я на свѣтѣ.
Я сталъ пьянымъ и влюбчивымъ соловьемъ цвѣтника.
Въ цвѣтникѣ я вдругъ увидѣлъ замѣчательную рѣзвушку,
Она въ мое больное сердце вонзила свои рыжія вѣки,
И мнѣ на рынкѣ любви пришлось бить въ военный барабанъ.
Другой разъ мнѣ, какъ Маджнуну, бросаютъ на голову камни и кирпичи.
Я сталъ диваною [1], и меня презираютъ на свѣтѣ.

После этого Санаубаръ и царевна Михръ-Ангезъ пошли и убили колдуна. Тогда Санаубаръ отозвался о бренности сего міра въ слѣдующихъ словахъ:

Но, сердце мое, не радуйся этому міру!
Этотъ міръ кому былъ вѣренъ?
Возложивъ на одного вѣнецъ Хисрава [2]
Другого онъ сдѣлалъ нищимъ въ народѣ.
Ни въ какомъ случаѣ не гордись богатствомъ міра.
Не полагайся на его мѣсяцы и годы.
Одного онъ допускаетъ до соединенія съ возлюбленной,
Другому онъ дѣлаетъ тысячу притѣсненій.
Всякій, кто зазнается въ семъ мірѣ,
На голову того, въ концѣ, обрушится небо.
Много влюбленныхъ достигло своихъ желаній
Много другихъ онъ разлучитъ съ возлюбленными.
Сей міръ прошелъ чрезъ много вѣковъ.
Аллеи и сады не устоятъ противъ осени,
Бачи [3] и султаны въ рукахъ смерти
Подъ конецъ жалко испустили духъ...
Влюбленнымъ на что жизнь безъ любовницъ?
Въ ихъ глазахъ бѣлый свѣтъ представляется темницею.

---

[1] Юродивый. Въ Туркестанскомъ краѣ нѣкоторые юродивые пользуются широкою извѣстностью, какъ напримѣръ Машрабъ.

[2] Персидскій царь Хозрой.

[3] Бача—красивый мальчикъ, служащій предметомъ любви мужчинъ на мусульманскомъ востокѣ.

Санаубаръ говоритъ: «боль разлуки съ возлюбленной
Согнула мой станъ, бывшій прямымъ, какъ алифъ».

Затѣмъ они предались удовольствію и веселью. Черезъ нѣкоторое время Санаубаръ простился. Михръ-Ангезъ сильно опечалилась и сказала:

Коли ты уходишь отсюда, милый мой,
То не забывай и насъ:
Ты другъ и хозяинъ моего сердца,
Не превращай слезы моихъ глазъ въ кровь.
Ты уходишь съ наружностью луны [1],
А я остаюсь поблекшею, какъ цвѣтокъ.
Когда ты остановишь свое расположеніе на другой,
То не давай ей обѣщаній и условій.
Ты—броня моей души.
Твое розовое лицо есть уголокъ рая.
Не выпускай меня изъ своей памяти,
Не дѣлай моего положенія тяжелымъ...
Ты—желаніе моей души;
Ты на меня излилъ разлуку.
Взлетѣвъ, подобно соловью,
Не покрывай мой садъ осеннею листвою.
Ты, какъ луна, закатишься,
Разорвавъ пелену моей красоты.
Заставивъ Михръ-Ангезъ источать кровь,
Не дожаривай мое сердце.

Тогда Санаубаръ сталъ утѣшать Михръ-Ангезъ слѣдующею рѣчью:

Подобно гіацинту, наклонившая голову и заплакавшая
Сероглазая милая моя, прощай теперь!
Сжигавшая сердце мое въ огнѣ отдаленія
Сладкоголосная моя, прощай теперь!
Не тревожься моимъ уходомъ,

[1] Т. е. сіяющимъ, радостнымъ.

Напрасно не стонай и не вопи!
Моя раненая душа да будетъ жертвою твоего стона.
Черноглазая, вѣрная моя, прощай теперь!
Отчего твои черные глаза потуплены
И яркое, какъ шафранъ, лицо твое измѣнилось?
Не плачь, хозяйка моего сердца,—я расчувствовался слишкомъ.
Возлюбленная, обладающая нѣжнымъ обращенiемъ, прощай теперь!
Не выходи на дорогу, потому что я ушелъ.
Не поварачивай взоры свои вправо и влѣво.
Я положу душу за твою тонкую талiю.
Нѣженка моя, черноокая моя, прощай теперь!
Ты, вѣрная возлюбленная Санаубара!
За тебя я отдалъ свою печальную душу.
Свѣточъ моихъ очей, покой моей души,
Вѣрная возлюбленная моя, средняго роста! иди теперь!

Затѣмъ Санаубаръ пошелъ странствовать. Разъ онъ, при наступленiи вечера, не могъ найти ночлегъ, ночевалъ на кладбищѣ и увидѣлъ сонъ. Во снѣ какой-то голосъ говорилъ ему, что тамъ есть садъ, въ которомъ онъ встрѣтитъ счастье. Утромъ Санаубаръ посмотрѣлъ и увидѣлъ садъ. Онъ вышелъ и увидѣлъ на берегу сорокъ нищихъ, распивавшихъ вино [1]. Они увидѣли, подозвали Санаубара и дали ему въ руки чашу вина. Онъ выпилъ вино и, когда взглянулъ затѣмъ на небо, то увидѣлъ всѣ семь ярусовъ неба [2], а когда посмотрѣлъ внизъ, то увидѣлъ быка на спинѣ рыбы [3]. Нищiе спросили его: что ты видѣлъ на небѣ и на землѣ? Санаубаръ разсказалъ имъ свои приключенiя въ слѣдующихъ словахъ:

[1] Дервиши секты «календарь». Среди нихъ многiе курятъ анашу и пьютъ кукнаръ, чтобы приводить себя въ экстазъ.

[2] По Корану, небо и земля представляется раздѣленными на семь слоевъ, сводовъ.

[3] Земля наткнута на рога быка, который стоитъ на рыбѣ; рыба плаваетъ въ водѣ, а вода находится надъ мракомъ. Когда быкъ устанетъ держать землю на одномъ рогѣ, то перекидываетъ ее на другой рогъ,—и тогда ощущается землетрясенiе.

Выслушайте мою просьбу, дорогіе ишаны [1]
Сначала я видѣлъ всѣхъ Чильтановъ [2].
У нихъ въ рукахъ чашки, подъ бокомъ вино.
Тамъ я видѣлъ всѣхъ Чильтановъ.
Наливъ одну чашу вина, они предложили мнѣ.
Когда я выпилъ ее, то опьянѣлъ.
Я устремилъ на небо свои взоры
И увидѣлъ всѣ семь сводовъ неба,
Каждый сводъ полонъ ангеловъ.
Ихъ не видѣть никому изъ человѣческаго рода [3].
Я узрѣлъ дерево Туба въ раю.
Тамъ и тосковавшихъ соловьевъ я видѣлъ.
Пророка тамъ-же, пекущагося о своихъ послѣдователяхъ,
Передъ прудомъ Кеусеръ, [4] въ кругу друзей,
Изъ которыхъ каждый держитъ въ рукахъ чашу,
И четырехъ любимыхъ имъ Халифовъ [5] я видѣлъ.
На четвертомъ небѣ—Св. Іисуса,
На шестомъ небѣ—Сіонскій храмъ,
Гдѣ всѣ пророки обитаютъ.
И не иное крыло, а крыло Гавріила я видѣлъ [6].
Одни ангелы со славословіемъ
Поднимаютъ солнце посредствомъ веревокъ.
Другіе были выстроены въ ряды, съ цѣлью поклоненія.
Поющихъ ангеловъ я видѣлъ тамъ....
Этотъ свѣтъ не остается вѣрнымъ;
Поэтому нужно дорожить минутами удовольствія.
У св. Моисея я видѣлъ въ рукахъ посохъ.

---

[1] Мистики, иначе суфіи.

[2] Такъ называются 40 невидимыхъ святыхъ, странствующихъ по землѣ.

[3] Здѣсь авторъ ошибается, такъ какъ Мухаммедъ, пророкъ мусульманъ, видѣлъ всѣхъ ангеловъ на разныхъ небесахъ, когда ночью путешествовалъ изъ Мекки въ Іерусалимъ (Миградтъ).

[4] Коранъ, гл. 108.

[5] Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ и Алій.

[6] Крылья ангела Гавріила прославляются въ поэзіи за ихъ необыкновенную величину: между ними разстояніе пяти сотъ лѣтъ пути.

И гору [1], на которой онъ взывалъ къ Богу, я видѣлъ.
Когда я выпилъ вина, мысли мои перемѣнились...
Въ это время покрывало спало съ моихъ глазъ.
Огонь, разведенный Нимродомъ
Для сожжѣнія Авраама, [2] друга Божія я видѣлъ.
Насилу вспороли животъ ему (Нимроду),
Набили соломой и повѣсили его надъ воротами.
Отрѣзавъ голову, повѣсили ее надъ воротами.
Висѣлицу, на которой вѣшали Мансура [3] я видѣлъ.
Всѣ святые имѣли откровенія отъ Бога.
Раба, который возлюбилъ Бога,
Святого Алія, въ залѣ его мечети,
Съ его сыновьями я видѣлъ.
Санаубаръ говоритъ: «если смѣю плакать и стонать,
Открыть свою сокровенную тайну
И разсказать все, что со мною случилось,
То скажу: я видѣлъ все преддверіе Бога».

После этого Санаубаръ простился съ Чильтанами и пошелъ далѣе. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтилъ прудъ, и ему непремѣнно захотѣлось отдохнуть въ тѣни передъ прудомъ. Но въ томъ мѣстѣ жили негры. Дочь царя негровъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвицъ, пошла прогуливаться по саду, и когда онѣ сидѣли да пили вино, одна дѣвица подошла къ пруду. Увидавъ Санаубара, она предупредила другихъ. Тогда всѣ дѣвицы пришли, окружили его и стали шутить и играть съ нимъ. Санаубаръ же, подобно весенней тучѣ, горько заплакалъ и заговорилъ:

Я горѣлъ въ огнѣ любви, и мое розовое лицо поблекло,
Я горѣлъ этою страстью и чаша [4] моя переполнилась. Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

[1] Гора Синай. Коранъ, гл. 23, ст. 20.

[2] О столкновеніи Авраама съ Нимродомъ упоминается въ Коранѣ (гл. 37, ст. 95) и подробно разсказывается въ Священной Исторіи мусульманъ (*Кысасульанбія*).

[3] За то, что онъ сказалъ: я—богъ.

[4] Чаша страданій.

Счастье оставило меня; мой садъ наполнился опалью [1],
Для чего мнѣ было странствовать по этимъ степямъ,
По странамъ, по горамъ и по солончакамъ.
Злое небо неодолимыя препятствія
Ниспослало на мою голову. Что мнѣ дѣлать?
Я умеръ въ мукахъ разлуки,
Я остался въ странѣ бѣдности.
Оба глаза свои, полные любви,
Я вперилъ на дорогу къ моей возлюбленной. Что мнѣ дѣлать?
Во снѣ я видѣлъ одну пяри,—
На мою голову она обрушила свѣтопреставленіе.
Вонзивъ кинжалъ любви,
Она распластала мое сердце. Что мнѣ дѣлать?
Мѣсяцы, смѣнившіеся надо мною!
Вы причинили мнѣ (восклицанія) ахъ и увы.
Фениксы [2] съ золотыми колпачками [3]
Отчуждались отъ меня. Что мнѣ дѣлать?
Санаубаръ, плачь еще теперь,
И ожидай отъ своей пяри помощи!
Эта участь, доставшаяся намъ,
Дана Богомъ. Что мнѣ дѣлать?

Негритянка влюбилась въ Санаубара и потребовала его мнѣнія о ней. Санаубаръ сказалъ:

Я опишу тебя, понятливая кокетка.
Чернѣе котла щеки твои,
Твои брови—мечи, твои уши—щиты,
На тазы походятъ глаза твои.
Косы твои—змѣи, станъ твой—башня.
Твои руки походятъ на вѣтви чинара
Не гляди много на меня и не болтай, черная!
Горче яда ужимки твои.
На тѣло ты одѣла черную одежду [4];

[1] Сухими листьями.

[2] Здѣсь разумѣются прислужники и прислужницы.

[3] *Тумага*—кожаный колпачекъ, которымъ закрываются глаза охотничьихъ птицъ.

[4] Намекъ на черную кожу.

Не знаю, по комъ ты носишь трауръ.
Не протягивай рукъ,—онѣ противны.
Сильнѣе палки любезности твои.
Въ услуженіи у тебя сорокъ дѣвицъ.
Не разжигай Санаубара и не томи его: [1]
Поразительно некрасива ты съ головы до ногъ.
Подобно степи Кербала [2] твой садъ и цвѣтникъ [3],
Подобно зимѣ лѣто твое.

Дѣвица обидѣлась и приказала убить Санаубара. Ему связали руки и ноги и готовились убить его. Тогда Санаубаръ, отчаявшись найти свою возлюбленную, взмолился къ Богу въ слѣдующихъ словахъ:

Какъ быть? Мои нѣжныя руки связаны.
Я не надѣюсь уже видѣть красу возлюбленной. Какъ быть?
Эти негры вознамѣрились убить меня.
Я не надѣюсь больше видѣть красу возлюбленной. Какъ быть?
Злое небо примѣшало ядъ къ моей пищѣ
И повергло мою головушку въ нескончаемое бѣдствіе.
Никто не сжалится надъ текущими у меня слезами.
Я не надѣюсь видѣть возлюбленную. Какъ быть?
Теперь,—я узналъ,—душа моя отдѣлится отъ тѣла.
Въ мукѣ разлуки мое сердце растерзано.
На моемъ лбу была написана такая судьбина.
Я не увижу больше красы возлюбленной. Какъ быть?
Я сгорѣлъ въ огнѣ разлуки и обратился въ пепелъ.
Отъ кручины и маяты мой станъ согнулся.
Источивъ кровь въ рукахъ Горя, я жалко умеръ,
Я не увижу больше красы возлюбленной. Какъ быть?
Наставникъ Санаубара Шахимарданъ [4],
Я попалъ безвыходно въ руки негритянокъ.
Смилуйся, подержи за руку! Не оставь въ опасности.
Я не увижу больше красы возлюбленной. Какъ быть?

---

[1] Иронія.
[2] Городъ въ Персіи, извѣстный изъ исторіи Алія.
[3] Твоя грудь.
[4] Такъ прозывался Алій, четвертый халифъ.

Тогда пять негритянокъ выпросили себѣ Санаубара и посадили его въ клѣтку. Тамъ онъ и сидѣлъ. Разъ негритянки напились вина и, опьянѣвъ, попадали. Санаубаръ сломалъ клѣтку и убѣжалъ. Въ своемъ странствованіи онъ попалъ въ лѣсную чащу, гдѣ гнѣздились птицы. Въ это время въ воздухѣ пѣли жаворонки, и Санаубаръ вспомнилъ по этому случаю свою возлюбленную и сказалъ:

Парящія на небѣ птицы и жаворонки!
Видѣли ли вы мою возлюбленную? видѣли ли?
Обитающія въ цвѣтникахъ и садахъ,
Видѣли ли вы мою возлюбленную? видѣли ли?
Проводящія все время въ пѣніи
На раскрывшихся цвѣтникахъ,
Попугаи и горлицы, распѣвающіе газели [1]!
Видѣли ли вы мою возлюбленную? видѣли ли?..
Перенося печаль, какъ соловей,
Я ищу вѣрную возлюбленную.
Голубятники, соколы лѣса!
Видѣли ли вы мою возлюбленную? видѣли ли?
Высокія горы покрываются снѣгомъ,
Задумчивые люди думаютъ думы,
Соловьи и галки бываютъ въ садахъ...
Видѣли ли вы мою возлюбленную? видѣли ли?
Я посмотрѣлъ на небо и увидѣлъ луну.
На землѣ я вездѣ тужилъ
По причинѣ разлуки раба Санаубара.
Мою возлюбленную видѣли ли? видѣли ли?

Потомъ Санаубаръ погулялъ по этому лѣсу. Вдругъ онъ увидѣлъ людей, сидящихъ подъ деревомъ. Это были рудапаи [2]. Санаубаръ пошелъ къ нимъ. Всѣ онѣ (они?) заплакали, просили его поднять ихъ на плечи и

[1] По арабски *газели* означаютъ оды.

[2] Чудовища. См. у Вамбери въ его «Čagataische Sprachstudien». Лейпцигъ 1868, стр. 133. По устнымъ разсказамъ туземцевъ, рудапаи—существа безъ ногъ и безъ рукъ, по подобныя спрутамъ, опутывающія всякаго, кто сдается на ихъ жалкія вопли.

поднять на дерево, такъ какъ онѣ хотѣли-де поѣсть плодовъ дерева. Санаубаръ изъ жалости поднялъ ихъ и хотѣлъ положить ихъ на дерево, какъ замѣтилъ, что онѣ опутали его руки и ноги. Сколько ни рвался Санаубаръ, выпутаться ему не удалось. Рудапаи хотѣли съѣсть его еще до наступленія ночи. Санаубаръ горько заплакалъ и обратился съ слѣдующей молитвою къ Судьѣ Нуждъ:

Я убѣжалъ отъ одной бѣды, чтобы впасть въ сто тысячъ другихъ бѣдъ;
Часто я вижу несмѣтное горе и ужасъ.
Я глотаю кровь и ежеминутно переношу недугъ неисцѣлимый.
Не находя покоя, чтобы перевести духъ, я встрѣчаю сто приключеній.
Что дѣлать, друзья, я достался рудапаямъ.
Какой я бѣдняга, пропащій, горемычный!
Моя судьба нескладная, жизнь печальная, а счастье злополучное.
Сердце мое въ горѣ обожжено, раскроено и обагрено.
Изъ ста цвѣтовъ [1] моихъ даже ни одинъ не раскрылся раньше, чѣмъ поблекъ.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
Круговращеніе неба еще никогда не порадовало меня,
Не освободило моего унылаго сердца отъ тревогъ.
Друзья, мужи, народъ не вспомнили обо мнѣ.
Никого этотъ сводъ не сдѣлалъ столь невеселымъ, какъ меня.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
При видѣ моихъ вздоховъ и стоновъ, царь и нищій имѣютъ состраданіе,
При видѣ моей жизни, всякій бездольный даже имѣетъ состраданіе.
Не только друзья, но и чужіе стонутъ изъ состраданія ко мнѣ.
При видѣ моего горькаго плача, всѣ бездольные даже имѣютъ состраданіе.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!

[1] Надеждъ.

Да не будетъ никто, о друзья, такимъ неутѣшнымъ, какъ я.
Да не будетъ никто такимъ плаксою отъ разлуки съ возлюбленной!
Да не разгорится никто такимъ огнемъ любви и не опалится, какъ я, стократъ.
Да не потеряетъ никто дома и не потерпитъ черную судьбину, какъ я.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
Я подпалъ тревогѣ, которая усиливается ежеминутно.
Друзья и сверстники не знаютъ о моей разгоряченной душѣ.
Ибо Всемогущій Богъ вовсе не хочетъ узрѣть меня.
Съ утра до вечера я охваченъ тысячей невзгодъ.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
Я чужеземецъ, на мнѣ лица нѣтъ, я немощенъ, я слабъ.
Въ скорби, огорченіи, болѣзни упеклось мое сердечко въ конецъ.
Подобно раненому, я влачусь, съ глазами, полными страсти и слезъ.
Унылымъ вздохамъ моимъ нѣтъ числа, моимъ стонамъ нѣтъ конца.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
Кругомъ весна, а для меня никогда не начинается она.
Хотя бы одинъ разъ показался бутонъ розы, садикъ моей надежды.
Хотя бы одинъ разъ эта мука разсталась съ моею головою.
Даже моя молитва къ трону Бога не была услышана.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!
Боже Милосердый! Освободи Санаубара отъ горя!
Да не опутается ни одинъ мусульманинъ подобнымъ зломъ.
Пророкъ-Хызръ! будь благосклоненъ и милостивъ ко мнѣ!
Я остался въ мірѣ небытія, оплетенный злоумышленіемъ.
Что дѣлать, друзья: я достался рудапаямъ!

Наконецъ, Санаубаръ защемилъ между древесными вѣтвями голову чудовищъ и выпутался. Тогда онъ взялъ въ руки мечъ и, замахиваясь надъ ихъ головами, сказалъ:

Заплачьте, рудапаи!
Насталъ вашъ послѣдній моментъ:

Безполезно выть и кричать.
Сегодня совершится надъ вами рѣзня.
Я вашу голову отрѣжу сейчасъ,
И душѣ вашей задамъ Страшный Судъ.
Не зачѣмъ любезничать теперь!
Теперь я не дамъ вамъ пощады:
Я отрублю всѣмъ вамъ по одиночкѣ головы.
Дорогую вамъ душу я такъ разрублю.
Теперь я вамъ учиню наказаніе,—
Въ томъ вы будьте совершенно увѣрены.
Всѣхъ васъ теперь повѣшу я на висѣлицѣ.
Но передъ этимъ я всѣмъ вамъ вымажу лицо сажей.
Не сомнѣвайтесь, я устрою пирамиду череповъ.
Я вамъ покажу манеры:
Разсаживайтесь-ка всѣ рядкомъ,
Чтобы понять, какъ сидятъ (грѣшники) на томъ свѣтѣ.
Всѣ вы научитесь (символу) вѣры,
Ибо сегодня надъ вами будетъ устроена рѣзня.
Порвись-ка! Куда убѣжишь?
Со сладкою душею проститесь вы теперь.
Напитокъ смерти надо выпить.
Міръ вамъ чернымъ показался.
Да не помрутъ друзья Санаубара,
А недруги его пусть нигдѣ не останутся!
Да уготовитъ вамъ мой Богъ
Мѣстечко въ адскомъ огнѣ!

Затѣмъ Санаубаръ подумалъ, что, покончивъ съ ними, нужно поскорѣе уходить, и по этому поводу продолжалъ такъ:

Но мое сердце не хочетъ остаться здѣсь.
Нельзя не поразмыслитъ это теперь же;
Мое дѣло теперь только стонать и выть.
Нельзя мнѣ отправиться, куда я хочу.
Подобно Маджнуну, вздыхая посреди пустыни,
Подобно недужному, устремляю взоръ во всѣ стороны,—
Въ горести. Нельзя же мнѣ остаться здѣсь.

Я влюбленный въ царевну пяри,
Одно стремленіе мое не приведетъ меня ближе къ ней.
Подобно водолазу, опускающемуся въ мѣсторожденіе жемчуга,
Нельзя мнѣ броситься въ Оманское море [1],
Подобно птицѣ Кокнусъ [2], сожигаемой въ огнѣ любви,
Теряя сознаніе и обагряясь собственной кровью,
Подобно Оманскому морю, волнуясь и разливаясь,
Мнѣ нельзя не волноваться, не кипѣть и не разливаться черезъ край.
Санаубаръ говоритъ: небо уничтожило мою славу,
Разнесло мѣсто зарожденія моего жемчуга.
Но безъ того, чтобы не отдать душу за возлюбленную,
Мнѣ нельзя прожить въ этотъ бренномъ мірѣ.

После этого Санаубаръ поѣлъ разныхъ вкусныхъ кушаній, сдѣлалъ паромъ и поплылъ по морю. Паромъ сталъ течь, и никакъ Санаубаръ не могъ выкачать изъ него воду. Тогда онъ помолился Богу и воззвалъ къ морю въ слѣдующихъ словахъ:

Внезапно я очутился на тебѣ, Оманское море: аманъ-аманъ! [3]
Мое счастье потемнѣло, сегодня слезы глазъ стали розовыми.
Ради Мустафы [4], Оманское море: аманъ-аманъ!
Я мечусь во всѣ стороны и борюсь съ моремъ.
Теперь мое спасеніе подвержено сомнѣнію, Оманское море, аманъ-аманъ!
Не пожилъ я на ясномъ свѣтѣ; моя сладкая душа выходитъ изъ тѣла.
Милости я прошу у тебя, Оманское море: аманъ-аманъ!

[1] Сравненіе. Оманское море, около Аравіи, славится добычею жемчуга.

[2] Кокнусъ (фениксъ)—греческое слово. Пѣніе этой птицы подало поводъ къ изобрѣтенію музыки. Она живетъ тысячу лѣтъ, не имѣетъ пары, а когда старѣетъ, собираетъ потомство и сжигаетъ себя на кострѣ, подъ золою котораго и появляется яйцо будущей птицы. («Бурханъ» и другіе словари).

[3] Пощади, пощади!

[4] Одно изъ именъ Мухаммеда.

Нѣтъ человѣка, кому повѣдать бы тайны. Что дѣлать, надо плакать.
Ты спутникъ влюбленнаго, Оманское море, аманъ-аманъ!
Сколько я испыталъ горя! Открылся базаръ моей кручины:
Санаубаръ ищетъ возлюбленную. Оманское море, аманъ-аманъ!

После этихъ словъ Санаубаръ бросился въ море. Въ морѣ находилось большое бревно. На это бревно онъ взобрался и сталъ жаловаться на небо въ слѣдующихъ словахъ:

Жестокостью своею ты окровавило мое черное [1] сердце.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты!
Ежедневно ты было причиной несчастій и безчисленныхъ опасностей.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты!
Я, горюя, провелъ жизнь въ бренномъ мірѣ.
Никогда я не былъ огражденъ отъ притѣсненія и обиды.
Должно быть, такая доля назначена мнѣ Богомъ.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты!
Мое румяное лицо ты заставило блекнуть и вянуть.
То и дѣло ты заставляло меня плакать кровью и горѣть;
Ежедневно ты убивало меня стами тысячъ опасностей.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты!
И я сгорѣлъ до тла въ горькой разлукѣ.
Во дни любви я поблекъ, подобно цвѣтку,
Проливая кровь, я изнемогъ въ рукахъ Горя.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты.

Санаубаръ спрашиваетъ, кому повѣдать кручину и кому приносить жалобу и прошеніе:

Горе и мука разсыпали мой прахъ по воздуху.
Небо! ты не дало мнѣ ни одной веселой минуты.

Затѣмъ Санаубаръ, уповая на Бога, сѣлъ на бревнѣ. Вдругъ появилась большая птица. Санаубаръ укрылся отъ нея въ дуплѣ дерева. Птица прилетѣла и сѣла на бревно.

---

[1] *Кара багрымъ*—моя черная печень.

Санаубаръ подумалъ: если я ухвачусь за ноги этой птицы, то она, можетъ быть, перевезетъ меня черезъ море, подкрался къ ней и разомъ схватилъ ее за ноги, и птица полетѣла съ нимъ. Они летѣли такъ высоко, что голоса славословій ангеловъ достигали до ихъ ушей. Тогда Санаубаръ помолился сокрушенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Всемилостивый, создавшій міръ Своимъ творчествомъ!
Не омрачай счастія твоего грѣшнаго раба.
Своимъ могуществомъ не подавляй меня,
Милостиво потяни меня за руку и высуши мои слезы.
Отъ слезъ потекла кровь изъ моихъ глазъ
Мое черное сердце размокло и растеклось...
Ханаанскаго Іосифа Іаковъ лишился.
Никого не слушай такъ, какъ меня.
Къ Аврааму, другу Бога, Онъ заговорилъ.
Авраамъ принесъ въ жертву своего сына (красиваго), какъ луна.
Сердце Исмаила [1] отъ Его наказанія болѣло.
Не сожигай моего сердца, какъ его.
Ханаанскій Іосифъ испыталъ такое же горе.
Онъ неустанно плакалъ по Зюлейхѣ.
Сотворившій міръ, Могущественный и Милостивый!
Не дѣлай никого влюбленнаго такимъ горемычнымъ, какъ я!
Не нуждающійся въ подпоркахъ разрывалъ горы Ферхадъ,
Но отъ рукъ неба (судьбы) онъ померъ безотрадно.
Сотворившій все Судья нуждъ (человѣческихъ),
Не дѣлай никого такимъ обомлѣлымъ, какъ я!
Мое положеніе хуже, чѣмъ худшее.
Денно и нощно я плачу, и такъ проходитъ,
Такъ точно провелъ жизнь пророкъ Шуайбъ (Іовъ).
Но не дѣлай слезы глазъ его равными моимъ.
Изступленные мужи влюбленные, томящіеся влюбленные
Прошли чрезъ этотъ бренный свѣтъ съ плачемъ.
Никакого сына человѣческаго (т. е. изъ всего рода) о, Могущественный и Милостивый,
Не дѣлай такимъ томящимся, какъ Санаубаръ.

[1] Согласно «Исторіи Пророковъ» въ мусульманской редакціи.

Потомъ птица сѣла на гнѣздо, и Санаубаръ вошелъ въ гнѣздо. Эта птица называлась Симургъ [1]. Она, когда сѣла, спросила Санаубара: О, человѣческое чадо! Зачѣмъ ты пришелъ въ эти мѣста? Санаубаръ разсказалъ все случившееся:

Однажды ночью я лежалъ на тронѣ своемъ,
И во снѣ привидѣлась мнѣ необыкновенная красавица.
Описывать ее я стану теперь:
Показалось сіяніе красоты ея, какъ ясной луны.
Брови ея—полумѣсяцы, глаза ея томны.
Зрители не наглядятся на ея красоту.
Она наложила на меня муку разлуки.
Мнѣ она привидѣлась, какъ могущественная владычица.
Имя ея Гуль; она дочь царя Фарруха.
Слаще сахара каждое ея слово.
Глаза ея убили меня, причинивъ мнѣ десять милліоновъ мученій.
Мнѣ привидѣлась красавица съ устами, какъ бутонъ.
Удивительная красавица, уподобляемая только райской.
Руки ея окрашены бирючиною, рѣсницы—кинжалы.
Сладкая возлюбленная, у которой губы изъ сахара.
Вотъ какая кокетливая красавица привидѣлась.

Санаубаръ жалуется на свое несчастное положеніе.

День и ночь это составляетъ мою думу и занимаетъ воображеніе.
Съ моихъ глазъ не сходитъ ея луновидный образъ.
Такая обольстительница вѣка мнѣ привидилась.

На это Симургъ-птица отвѣчала: «О, человѣческое чадо! Я окажу тебѣ хорошую услугу: городъ Шабистанъ отсюда отстоитъ на сорокъ лѣтъ пути, а на дорогѣ протекаетъ много рѣкъ. Поэтому ты не можешь пройти туда».

Санаубаръ: Симургъ Соломона [2]! Царица красавицъ!
Да будетъ всегда твердымъ твое царство.

---

[1] Симургъ—сказочная, волшебная птица персидской миѳологіи. Другое имя ея—Анка. См. «Сарты» Н. Остроумова, вып. 2-й, стр. 171—175.

[2] По Корану, всѣ животныя и птицы, насѣкомыя и геніи повиновались Соломону.

На многія лѣта да продлится твоя жизнь!
Да будетъ твоимъ покровителемъ въ мірѣ Единый Вѣчный Богъ.
Да будетъ твоимъ жилищемъ Сіонскій храмъ [1]!
На четвертомъ небѣ находится Св. Іисусъ,
Въ числѣ влюбленныхъ считаются Іосифъ и Зюлейха;
Пусть прійдутъ они къ тебѣ и будутъ покровителями!
Хызръ и Илья пусть покажутъ тебѣ дорогу
И будутъ помогать они тебѣ непрерывно.
Абубекръ, Омаръ, Османъ и Хайдаръ [2],—
Всѣ четыре халифа пусть будутъ твоими защитниками:
Другъ Бога, Славнѣйшій Избранникъ [3].
Жестокій, Сотворившій свѣтъ премудростью
Да защититъ тебя Милостивый, прощающій грѣхи!
Да сокрушатся твои враги!
Санаубаръ говоритъ: «О душа! одинъ я бѣдняжка.
Много лѣтъ уже я плѣнникъ въ рукахъ несчастія...
Что случилось, о томъ говорю тебѣ,
И мои слова пусть будутъ достойны довѣрія твоего».

Потомъ птица подняла Санаубара на спину и полетѣла. Она летѣла сорокъ дней и сорокъ ночей и, наконецъ долетѣла до города Шабистана. Тамъ встрѣтилась рѣка, на берегу которой они и отдохнули. Въ это время птица Симургъ сказала: «О, человѣческое чадо! ты теперь дойдешь до сада, предъ воротами котораго лежатъ дивы [4]; но не бойся ихъ, а войди внутрь и ты найдешь царевну, лежащую на тронѣ. Въ головахъ у нея въ клѣткѣ виситъ птица Заринъ-балъ (златокрылая). Увидя тебя, она закричитъ: Но если ты исполнишь мой наказъ, то она замолчитъ». Затѣмъ птица Симургъ стала прощаться, и Санаубаръ обратился къ ней со слѣдующей рѣчью:

---

[1] Построенный Давидомъ.
[2] Такъ иначе назывался Алій.
[3] Подразумѣвается Мухаммедъ.
[4] Страшныя чудовища мужского пола (въ сказкахъ).

Иди, иди же теперь, птица Симургъ,
Къ тому видѣнному мѣсту обратись лицомъ.
Прежде чѣмъ кто-либо узнаетъ,
Отправляйся въ путь, обратись лицомъ.
Ты пролетишь надъ горами,
А я останусь пылающимъ и разливающимся чрезъ край, [1]
Подобно приливу Оманскаго моря;
Поднимись со степи и къ пустому пространству обратись лицомъ.
Я многимъ обязанъ тебѣ.
Теперь будь довольна мною;
Вспорхни съ этого необитаемаго мѣста
И обратись лицомъ къ тому жилищу,—домой.
Хотя твоему попутчику и жалко,
Хотя его глаза и наполняются слезами,
Взлети кругами на небесный сводъ
И обратись лицомъ къ гнѣзду, видѣнному разъ.
Санаубаръ говоритъ: «Моя любовь сильна;
Она овладѣла мною, какъ болѣзнь.
Прежде чѣмъ одинъ человѣкъ узнаетъ,
Обратись лицомъ къ хижинѣ печали (т. е. къ моей родинѣ)».

Затѣмъ птица Симургъ простилась и улетѣла, а Санаубаръ медленно пошелъ по дорогѣ, пока не увидѣлъ дворца, раскрашеннаго шафраномъ, съ воротами изъ чернаго дерева, передъ которыми лежали дивы. Изъ страха передъ ними, Санаубаръ пролѣзъ чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, оставленное для протока воды, пошелъ впередъ и вскорѣ увидѣлъ дворецъ, весь сдѣланный изъ золота, а на верху дворца—пяри, вокругъ которой всѣ пяри, какъ пьяныя, лежали. Изумленный Санаубаръ заговорилъ такъ:

Подобно Маджнуну, я обратилъ странствованіе въ привычку,
И по собственной волѣ предался одной страсти.
У меня зимнее время стало весною;
Цвѣтникъ моей весны разросся.

---

[1] Двѣ метафоры, взятыя отъ огня и кипящей воды моря.

Все я теперь опишу на бумагѣ:
Я дошелъ до такого веселаго собранія,
Гдѣ каждая изъ нихъ подобна гуріи изъ рая.
Слаще сахара алый цвѣтъ ея устъ.
Глаза газели у нея парализовали мой умъ.
До сладкой ханши съ глазами серны я дошелъ.
Въ Китаѣ лежатъ рядами красавицы,
Чистыя молодицы, розоликія дѣвицы
Изъ рода пяри, изъ города Шабистана.
До сладкой ханши съ очаровательными глазами я дошелъ.
Одна изъ нихъ—ангелъ, другая—райскій садъ.
Онѣ точно гуріи и гильманы въ раю [1]
Ворота его [2] съ сѣнями, садъ его съ цвѣтникомъ.
До необыкновеннаго мѣста я дошелъ.
На тронѣ лежитъ удивительная кокетка.
Въ ея косу вплетены драгоцѣнные перлы.
Я сынъ царя Хуршида, имя мое Санаубаръ.
До удивительнаго веселья я дошелъ.

Затѣмъ Санаубаръ отправился впередъ и приблизился къ трону. Птица Зеримъ-Балъ закричала: «Ха ха, человѣчье отродье! Тотчасъ всѣ дивы и пяри поднялись со своихъ мѣстъ и Санаубаръ, при видѣ ихъ, бросился подъ тронъ. Дивы и пяри долго искали его; но не могли найти. Санаубаръ такимъ образомъ высказалъ про себя свой страхъ:

Горемычная голова моя, не освободившаяся отъ горя,
Ежедневно встрѣчаетъ сто препятствій. Что дѣлать?
Злое, непостоянное коловращеніе неба (судьбы)
Повергло меня въ нескончаемую тревогу. Что дѣлать?
Соловьемъ я не могъ пробраться въ ея цвѣтникъ,
Садовникомъ я не могъ собрать ея яблоки [3].
Я не могъ пососать сладкихъ устъ и подбородка подруги;
Въ моей душѣ осталось это желаніе неисполненнымъ. Что дѣлать?

---

[1] Извѣстные изъ Корана прислужницы и прислужники въ раю.
[2] Дворца.
[3] Груди.

Я искалъ добраго расположенія понапрасну:
Вмѣсто выгоды я получилъ убытокъ.
Смотрящая вкось, рѣдкій перлъ
Отуманила мой умъ. Что дѣлать?
На мою голову то-и-дѣло обрушиваются несчастія
И причиняютъ мнѣ безчисленныя страданія.
Стекающія изъ моихъ глазъ кровавыя рѣки
Набѣжали половодьемъ на мою душу и унесли ее. Что дѣлать?
Меня зовутъ царемъ Санаубаромъ,
Но на крикъ мой никто не обращаетъ вниманія.
Отъ бога я прошу спокойствія души.
Добрые дни обратились въ дурные. Что дѣлать?

Затѣмъ возлюбленная Санаубара, Гуль-пяри-зать [1] пошла искать между цвѣтами. Санаубаръ, увидѣвъ ея станъ, сказалъ:

Я вижу одну пяри стройно ходящею.
Зубы ея тонки, брови дугообразны, глаза томны—томны,
На головѣ ея золотой вѣнецъ. Она получаетъ пошлину со всѣхъ красавицъ.
Заговори ты, которая слаще даже души и похожа на движущійся кипарисъ.
На лицѣ у нея родинки.
Слаще шеккера [2] ея языкъ;
Ея губы кандъ и набатъ [3]
Онѣ красны, какъ бадахшанскіе рубины.
Брови ея, какъ луки, глаза ея томны.
Я въ нѣмомъ удивленіи предъ ея станомъ,
Я свою душу хочу принести въ жертву
Для этого попугая, пріятно поющаго [4].

[1] Упомянутая въ самомъ началѣ сказки.

[2] *Шеккер*—сахарный песокъ.

[3] *Канд*—сахаръ въ головкахъ, разбиваемый на куски, *набат*—леденецъ, красный или бѣлый въ кристаллахъ, осѣвшихъ въ сахарномъ растворѣ.

[4] Эпитетъ соловья.

Съ ужимками, жмуря глаза,
Она показываетъ всѣ позы.
Такъ что глаза (этой) подруги походятъ
На только что расцвѣтшій садъ.
Наклонивъ голову, подобно нарциссу,
И нахмуривъ брови, подобныя каляму [1],
Она представляетъ изъ себя сверстницу
Гіацинту разсыпающему золото.
Руки ея краснѣе бирючины...
Въ тоскѣ мое сердце опалилось.
Пуговицы на ея груди
Не походятъ ли на ея подбородокъ? [2]
Красота ея, красота райской розы.
А я—влюбленный въ эту розу соловей [3]
Ея талія тонкая, какъ у бутончика,
И (по стройности) она представляетъ живой кипарисъ.
Имѣя въ сердцѣ ея свѣтлый образъ,
Имѣя на языкѣ хвалу ей,
Санаубаръ мечтаетъ о ея ростѣ,
Достойномъ Соломонова трона.

Въ это время Гуль осердилась на своихъ прислужницъ и сказала: «Если вы не найдете его, я казню васъ всѣхъ». Наконецъ, одна пяри нашла Санаубара, уткнувшагося въ уголокъ, и повела его къ Гуль-пяри-затъ, которая тотчасъ же встала, посадила его на тронъ и привѣтствовала слѣдующими словами:

Добро пожаловать, любимый другъ!
Да будетъ это мѣсто счастливымъ для тебя!
О, возлюбленный, котораго я видѣла во снѣ!
Да будетъ эта душа принесена въ жертву тебѣ.
Сколько плакала я въ твое отсутствіе,

---

[1] Тростниковое перо. Подразумѣваются брови, сросшіяся въ одну линію.
[2] По своей малой величинѣ.
[3] О соловьѣ постоянно такъ говорятъ восточные поэты.

Терзала и опаляла свое сердце!
Я пошла искать твоей родины,
Но никакого слѣда твоего не могла найти.
Совѣты всего міра я слышала,
Разспрашивая о тебѣ.
Сними теперь съ моей души оковы.
Ты—лекарство для моего недуга,
И моему сердцу больше нечего желать.
Тебѣ эту настрадавшуюся душу,
Тебѣ я въ жертву принесу.
Данный мной цвѣтокъ у тебя въ рукахъ.
Завистникъ не посягнетъ на тебя,
Если цвѣтокъ до смерти будетъ въ твоихъ рукахъ.
Престолъ души моей да будетъ принадлежать тебѣ.

Санаубаръ, когда слышалъ эти слова, восхищался, благодарилъ Бога за то, что нашелъ свою возлюбленную, и чтобы обрадовать ее, сказалъ слѣдующее:

На бѣломъ лицѣ твоемъ есть двойная родинка.
Я попробовалъ и узналъ, что на твоихъ устахъ медъ.
Въ твоихъ глазахъ тысяча милліоновъ нѣжныхъ взглядовъ.
Вспотѣла молодая моя красавица.
На ней красная одежда, талія ея прекрасна,
На свѣчу въ спальнѣ похожа моя красавица.
Пярп сдѣлалась моей подругой,
Съ ея устъ течетъ сладкая вода *Замзамъ* [1]
Меня къ услуженію при своей особѣ допустила,
Изъ жалости къ моимъ слезамъ, моя красавица,
Подруга Санаубара, розощекая возлюбленная!
Пусть будутъ преданы тебѣ безчисленныя пярп!
Убивъ влюбленнаго своими китайскими ручками,
Обмазалась красною кровью, моя возлюбленная.

[1] Источникъ въ Меккѣ, появившійся подъ ногами Измаила еще во время странствованія Агари, по удаленіи ея Авраамомъ. Вода этого источника считается священной и приносится хаджіями на родину.

Затѣмъ влюбленный (Санаубаръ) и влюбленная (пяри) предложили другъ-другу чашку (вина) и предались наслажденію. Санаубаръ попросилъ у своей возлюбленной поцѣлуя въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Ты, моя душа! Твои черныя косы
Пусть послужатъ привязью для небеснаго свода.
Если ты исполнишь желаніе влюбленнаго,
Пусть онъ будетъ преданнымъ тебѣ слугою.
Украшенныя сурьмою [1] твои брови, какъ калямъ прямыя,
Зубы твои подобны жемчугу,
Губы твои, которыя слаще сахара,
Пусть ужъ прямо превратятся въ сахаръ, и будутъ какъ гулькандъ [2]
Пусть соберутся солнца и луны (красавицы),
Зулейха съ глазами газели,
Да царицы, и постоятъ въ услуженіи тебѣ.
Небесный шаръ пусть будетъ твоимъ конемъ,
А я буду твоимъ интимнымъ другомъ...
Съ моего сердца свалилось сто тревогъ.
По твоему свѣжему лицу потекла роса (потъ),
Пусть будетъ она для тебя зернами Сипанда [3]
Если ты хочешь узнать чувство Санаубара,
То онъ денно и нощно мечтаетъ о тебѣ.
Твои безстыжіе завистники
Пусть ослѣпнутъ и будутъ плѣнниками твоими!

Потомъ они занимались нѣсколько дней только удовлетвореніемъ любви. Въ одну ночь, когда они сидѣли и пили вино, друзья и подруги Санаубара вдругъ припомнились ему, и онъ вздохнулъ. «О, человѣческое чадо! спросила пяри: развѣ есть у тебя еще другія подруги, кромѣ меня,

[1] Женщины сурьмою проводятъ черную линію подъ глазами, для красоты.

[2] *Гулканд*—цвѣточные листья розы, растертые съ сахаромъ.

[3] Степная трава *Сипанд* (персидское), *Иссирыг* (тюркское). Диваны сжигаютъ ее въ кадильницахъ и окуриваютъ ея дымомъ желающихъ противъ дурного глаза. Это окуриваніе можно видѣть на базарахъ.

что ты вздыхаешь?» Санаубаръ объяснилъ, по комъ онъ вздохнулъ, въ слѣдующихъ словахъ:

Когда я лежалъ пьяный—распьяный,
Вдругъ я вспомнилъ ихъ очаровательные глаза.
Какъ во время расцвѣта вдругъ дуетъ вѣтеръ,
Такъ ихъ золотистыя кудри я вспомнилъ.
Китайскіе пальцы, окрашенныя бирючиною руки
Берутъ кинжалъ и распарываютъ мнѣ внутренности.
Поющихъ по утрамъ влюбленныхъ соловьевъ
И сладкія рѣчи ихъ я вспомнилъ.
Когда я бывало прогуливался по саду,
Я на лугу разсматривалъ гордые кипарисы.
Нѣжныя руки ихъ бывали сложены на груди [1]
Я вспомнилъ таліи ихъ тонкія, какъ прутики...
Я тебѣ признавался въ любви
И тосковалъ много лѣтъ въ разлукѣ съ тобою;
Теперь я увидѣлъ свѣтъ твоей красоты, подобной лунѣ.
И индійскія родинки ихъ я вспомнилъ,
Я сынъ царя Хуршида, имя мое Санаубаръ.
Объ нихъ скорбитъ мое сердце.
Съ моей памяти не уйдутъ прекрасныя подруги,
Сверстниковъ и друзей я вспомнилъ.

Тогда Гуль сказала: «О, вѣрный другъ. Это очень хорошо, что ты вспомнилъ о своихъ родителяхъ и друзьяхъ». И она приказала дивамъ перенести ее съ нимъ на тронѣ въ Китай. Дивы немедленно понесли золотой тронъ со всѣми принадлежностями, на которомъ сидѣли Санаубаръ и Гуль. Они наливали другъ другу вино и повертывали чашу [2]. На пути пришлось имъ проходить мимо жилища чародѣйки Михръ-Ангезъ. Санаубаръ вспомнилъ Михръ-Ангезъ и сказалъ:

---

[1] Знакъ повиновенія.

[2] При подачѣ чаши вина или чая между равными, часто сообщаютъ чашѣ и ея содержимому такое круговое движеніе, какъ знакъ расположенія, а также съ цѣлью обратить вниманіе на чашу.

Гордая возлюбленная! я скажу одно слово—
Посмотри, сколько горя шаръ неба надѣлалъ.
Одному онъ далъ вѣнецъ царя Хисрава,
А другого сдѣлалъ нищимъ въ народѣ.
Кому Богъ даетъ могущество,
А кому Онъ даетъ горе и работу.
Я тебѣ разскажу случившееся со мною несчастіе.
Онъ жизнь иному сдѣлалъ черной,
Младшаго брата Онъ разлучаетъ со старшимъ,
И тотъ горемычно проводитъ жизнь,
Дочерей Онъ разлучаетъ съ нѣжною матерью,
Сыновей безъ отцовъ одинокими Онъ сдѣлалъ,
Одному Онъ даетъ пить вино цвѣта тюльпана.
Другого сердце опаляетъ,
У иного домъ разрушаетъ,
Каждому особую судьбу Богъ далъ,
Вамыкъ и Узра, Ширинъ и Ферхадъ
Провели жизнь въ постоянномъ горѣ.
Увы! бѣда отъ рукъ твоихъ, шаръ неба!
Каждому особаго рода горе онъ сдѣлалъ.
Ляйла и Маджнунъ были влюблены страстно.
На ихъ головы обрушилось горе.
Бренный міръ видѣлъ ихъ всѣхъ,
И въ концѣ всѣхъ ихъ несуществующими сдѣлалъ.
Сынъ св. Давида Соломонъ
Плакалъ долго по Билкысъ.
Глаза Іакова изъ-за его сына были мокры.
Іосифа Богъ отдалилъ отъ Ханаана.
Пророкъ Авраамъ постоянно восхищался
Красотою своего любимаго сына,
Но Богъ приказалъ убить сына
И его лишилъ любимаго дитяти.
Одного Онъ сдѣлалъ бѣднымъ и сирымъ,
Нѣкоторымъ Богъ далъ тронъ и вѣнецъ.
Отъ рукъ Его народъ въ мірѣ обѣднѣлъ.
Отъ работы Онъ ихъ станъ согбеннымъ сдѣлалъ.
Кому Онъ даетъ болѣзнь, а кому лѣкарство,

А другіе никакого лѣкарства своей болѣзни не могутъ найти,
Кому Онъ даетъ въ руки посохъ,
А у кого глаза слѣпыми сдѣлалъ.
Нѣкоторыхъ окружилъ могуществомъ,
А многимъ послалъ горе и тоску;
Нѣкоторымъ далъ удовольствіе и веселье,
А другихъ разлучилъ отъ ихъ друзей
Ляйла и Маджнунъ, говорятъ нѣкоторые разсказчики,
Не могли отдѣлаться отъ горя міра.
Жеманная красавица, послушай, что сдѣлалъ этотъ невеселый шаръ
Сей бѣдствующей душѣ моей:
Разъ я въ опьяненіи лежалъ.
Увидѣвъ тебя, измѣнился міръ для меня,
Восторгъ, вызванный тобою, сдѣлалъ меня Маджнуномъ,
Или, лучше, влюбленнымъ соловьемъ.
Любовь къ тебѣ сдѣлала меня юродивымъ (дивана).
Я и тоска были товарищами по жилищу.
Въ разлукѣ съ тобою я горѣлъ, какъ мотылекъ [1].
(Отецъ) далъ мнѣ въ спутники пятьсотъ джигитовъ.
Плавая по морю, эти друзья и товарищи
Сначала много дней проѣхали весело и смѣючись.
Да упадетъ и разобьется этотъ движущійся шаръ:
Посмотри, намъ-то сколько горя онъ надѣлалъ!
Внезапно ненасытный водоворотъ притянулъ насъ,
И шесть мѣсяцевъ въ томъ мѣстѣ я возился...
Мы много плакали и взывали къ Богу.
Но Онъ со дня на день ухудшалъ наше положеніе...
Однажды взволновалось Оманское море
И облило насъ такъ, что всѣ исчезли,
Друзьямъ и товарищамъ, сверстникамъ и спутникамъ
Богъ послалъ погибель.
На доскѣ только спасся я, бѣдняга.
Да не случится ни съ кѣмъ такое злосчастіе!
Давъ мнѣ такую участь, Творецъ Жестокій
Лишилъ меня добрыхъ товарищей.

[1] Мотылекъ, какъ извѣстно, кружится около свѣчи и падаетъ на нее.

Проплакавъ безъ перерыва три дня и три ночи,
Я, наконецъ, вышелъ изъ моря невредимымъ.
Всемогущій Творецъ помиловалъ
И снова живымъ сдѣлалъ меня.
Я былъ на нѣсколько дней свободенъ отъ несчастія,
Но что дѣлать? моя душа недовольна,
О, помогите мнѣ отъ рукъ небеснаго шара!
Опять на много дней несчастнымъ сдѣлалъ онъ меня:
Вдругъ я попалъ въ руки къ волшебнику
И одичалымъ жилъ въ пустынѣ и разлукѣ
Что дѣлать противъ горечи лба? [1]
Наполнивъ глаза кровавыми слезами,
Жилъ я между дикими звѣрями и тосковалъ,
Но, походивъ, я встрѣтилъ дѣвицъ.
Боясь за слабую свою душу, онѣ остановились.
Между дѣвицами я замѣтилъ рѣдкую красавицу.
Заглядываясь на ея лицо, я сильно пристрастился къ ней
И, положивъ голову на землю, я зарыдалъ.
Она смиловалась и тотчасъ прочитала молитву,
Слова молитвы произвели дѣйствіе—
Я получилъ обратно человѣческій образъ.
Обласкавъ меня, та добрая красавица
Освободила меня отъ того горя,
Она дала мнѣ знакъ взойти на тронъ,
И разрушенное зданіе моего сердца возсоздалось.
Нѣсколько дней мы провели въ любви и беззаботности.
Она доставила мнѣ лучшее наслажденіе.
Дочь волшебника, Михръ-Ангезъ,
Спасла меня и послала къ тебѣ.
Если повѣдать тебѣ и эту тайну,
То (знай, что) мы давали другъ другу обѣты вѣрности.
Но когда я ушелъ оттуда, то попалъ въ опасное мѣсто.
Къ рудапаямъ я попалъ и умъ мой помѣшался.
День и ночь мнѣ пришлось вздыхать и стонать.
Моей головѣ онѣ (рудапаи) причинили злое несчастіе.
Я пошелъ и перерѣзалъ всѣхъ рудапаевъ,

[1] Т. е. участи, начертанной у каждаго на лбу.

Отрѣзалъ имъ головы и послалъ ихъ въ адъ.
Я видѣлъ тамъ невиданныя чудовища.
Богъ и этотъ подвигъ для меня посильнымъ сдѣлалъ.
Послѣ того я опоясался поясомъ мужества [1]
Каждое изъ нихъ (чудовищъ) особый вредъ мнѣ причинило,
Но съ вѣрой я посвятилъ себя руководству
Шахи-Мардана [2], который меня и выручилъ.
Также помогли мнѣ Хызръ и Илья:
Боль и горе они устранили отъ меня.
Убѣжавъ передъ негритянками, я бросился въ море
И опять вышелъ благополучно.
День и ночь я взывалъ къ Всемогущему Богу.
Посмотри, какую Богъ мнѣ далъ судьбу.
Посреди моря я увидѣлъ одно бревно
И съ усиліями взобрался на него.
О, Господи! Когда я сѣлъ на это бревно,
Сколько мое бѣдное сердце благодарило Бога.
И снова я нашелъ спасеніе:
Съ плачемъ я взмолился къ Богу,
Три дня и три ночи я плакалъ безмѣрно.
А Онъ мнѣ то бревно жилищемъ сдѣлалъ.
Вдругъ птица спустилась изъ воздуха
И сдѣлала покушеніе на мою жизнь...
Но я крѣпко стиснулъ шею той птицы,
Пока она не взлетѣла со мной на воздухъ.
Ради меня предстали предъ Всемогущимъ Богомъ
Ангелы и произнесли славословія Ему.
Меня та птица понесла на своей спинѣ,
Летѣла, летѣла и донесла до гнѣзда,
Обласкала и разспросила о моемъ положеніи.
Такъ она освободила меня отъ опасности.
Ту птицу люди на землѣ
Называютъ *Симургъ*, о Царь міра.
Она гнѣздится на горахъ.
Она со мною дружбу заключила.
Растерзавъ свою грудь, я истекалъ кровью,—
Я словно рѣзалъ свое черное сердце и солилъ его...

[1] принялъ рѣшеніе. [2] Т. е. Халифа Алія.

Теперь я подробно разсказалъ свои приключенія,
Она сжалилась надо мною и дала мнѣ убѣжище.
Наконецъ, она не бросила меня, а снова понесла меня.
Много потрудилась она и перевезла меня черезъ моря.
Въ сорокъ три дня она досюда донесла меня.
Для меня она пожертвовала своей душой.
(И вотъ) послѣ долгихъ трудовъ я вошелъ въ твой садъ.
Я словно сталъ садовникомъ, собирающимъ яблоки и гранаты [1].
Слава Богу, я опять увидалъ твою красу.
Мой Богъ тебя подаркомъ сдѣлалъ мнѣ.
Избѣжавъ опасностей, я вошелъ въ этотъ садъ.
Постоянно я встрѣчалъ разныя несчастія.
Послушай, дорогая, эти приключенія,
Которыя Богъ сдѣлалъ моею участью.
Ты вѣрная подруга Санаубара.
Его душа будетъ принадлежать тебѣ.
Сокративъ свой разсказъ (я скажу):
—Кому не дѣлалъ измѣны этотъ измѣннический міръ!

Тогда царевна сказала: «Если у тебя есть такая подруга, оказавшая тебѣ благодѣянія, то позови ее сюда». Санаубаръ обрадовался и благодарилъ пэри въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Луноликая и сладкорѣчивая красавица моя!
Кромѣ тебя, нѣтъ у меня подруги, которую бы я любилъ.
Одѣтая въ красную одежду, имѣющая ростъ кипариса,
Въ любви къ тебѣ я терпѣнія не имѣю никакого...

Они достигли, наконецъ, до одного мѣста, гдѣ Санаубаръ и нашелъ Михръ-Ангезъ. Онъ посадилъ обѣихъ очаровательницъ—Гуль и Михръ-Ангезъ, на тронѣ, а самъ, обезумѣвъ отъ счастія, сказалъ слѣдующее:

Двѣ очаровательницы сидятъ на тронѣ;
Ихъ красота—(все равно, что) могущественный сосѣдъ.
Господь сдѣлалъ доступными для меня двѣ луны [2]:
Одна изъ нихъ—солнце, другая—полная луна;

[1] Намекъ на груди.
[2] Обычное въ восточной поэзіи сравненіе красавицъ.

На головѣ одной изъ нихъ корона, украшенная драгоцѣнными камнями,
А другая—настоящая красота. Кто ихъ увидитъ, платитъ имъ дань восхищенія [1].
И я къ нимъ обѣимъ тяготѣю...
Разговоръ (одной изъ нихъ со мной) показалъ ея неблагосклонность,
Но у Санаубара есть подруга Гуль-пяри-затъ,
И я уподобился соловью, обезумѣвшему отъ любви [2].

После того Санаубаръ, въ радостномъ настроеніи отправился съ обѣими прелестницами въ Китай. Когда они черезъ нѣсколько дней достигли того опаснаго и гибельнаго моря, Санаубаръ вспомнилъ о своихъ погибшихъ спутникахъ, вздохнулъ и сказалъ:

Печаль наполнила мою душу и опалила сердце.
Съ моихъ глазъ течетъ роса
И источникъ ихъ наполнился водой.
Кому Онъ (Богъ) трудъ и заботы даетъ,
Кому Онъ вѣнецъ могущества дастъ
И въ напитокъ вино ему даетъ.
Куда итти мнѣ жаловаться?
Сердце мое преисполнено боли,
Больная душа моя обожжена.
Санаубаръ говоритъ слѣдующее: Богъ
На мою голову ниспослалъ страсть.
Мужи! скажите, кому этотъ міръ остался вѣрнымъ?

Затѣмъ Санаубаръ вошелъ въ лѣсъ и сказалъ: «О пяри! я не могу войти въ Китай, такъ какъ я выѣхалъ оттуда съ пятью стами юношами, а они утонули въ этомъ погибельномъ морѣ. Когда мои родители спросятъ о нихъ, что я отвѣчу»? Санаубаръ написалъ письмо своему отцу, о томъ, что отсутствовавшій столько лѣтъ сынъ его Санаубаръ возвратился, и вручилъ его одной пяри со словами:

Если ты пойдешь къ царю Хуршиду,

[1] Въ текстѣ *хараждъ*. Такъ въ мусульманскихъ государствахъ называется *подать* (1/10 часть урожая), налагаемая на покоренныхъ народовъ.

[2] Въ восточной поэзіи влюбленные мужчины сравниваются съ соловьемъ, теряющимъ свой умъ и своимъ пѣніемъ выражающимъ сердечную тоску.

Скажи: Тотъ любимый сынъ твой вернулся.
Пылавшій въ огнѣ отдаленности,
Печальнымъ онъ вернулся.
Іосифа бросили въ колодецъ братья,
И Іаковъ истекалъ кровью ради сына.
Но Богъ привелъ отсутствовавшаго назадъ:
Прошедшій черезъ опасности твой караванъ вернулся.

Съ этимъ письмомъ пяри пошла къ царю Хуршиду. Царь, прочтя его, упалъ въ обморокъ; но когда очнулся, приказалъ находившимся на его службѣ начальникамъ и эмирамъ выйти на встрѣчу Санаубару. Когда они увидали издали Санаубара, то всѣ спѣшились и поклонились ему. Санаубаръ также слѣзъ съ коня и съ каждымъ поздоровался. Они окружили затѣмъ Санаубара и повели его въ городъ. Царь Хуршидъ обрадовался, поздоровался съ сыномъ, посадилъ его на самое почетное мѣсто и сказалъ:

Желаніе моего сердца исполнено,
Звѣзда моего счастія возсіяла.
Послушайте мое ликованіе!
Друзья и помощники, возрадуйтесь!
Жалкіе завистники мои
Сокрушены горемъ и отчаяніемъ.
Хозяинъ славы свершилъ это дѣло.
Возрадуйтесь, мои родственники!
Сдѣлавшись соловьемъ, птица моего сердца
Опустилась на свой цвѣтникъ.
Хуршидъ говоритъ, что у него на душѣ:
«—Расцвѣлъ мой садъ и цвѣтникъ...
Слава Богу, глаза мои
Узрѣли розовое лицо его (Санаубара)».

Затѣмъ царь Хуршидъ подробно разспросилъ сына о всѣхъ приключеніяхъ его, а Санаубаръ въ пріятной и оживленной рѣчи разсказалъ ему все. Затѣмъ царь Хуршидъ разукрасилъ городъ, велѣлъ играть музыкантамъ, устроивъ свадебный пиръ, угостилъ народъ и приказалъ имъ веселиться. Друзья Санаубара обрадовались, а враги опечалились.

Ташкентъ.
Августъ 1908 года.

Б. А. Тураевъ.

Свитокъ оправданія.

Среди многочисленныхъ произведеній эѳіопской отреченной литературы большимъ распространеніемъ пользуется текстъ, называемый Lefāfa-Ṣedeq, т. е. «Свитокъ оправданія». Содержаніе его—магическо-апокалиптическое, и онъ имѣетъ назначеніемъ избавлять усопшихъ отъ вѣчнаго огня, «вводить въ тѣсныя врата и путеводить въ царствіе небесное». Такимъ образомъ онъ можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ абиссинской Книгой Мертвыхъ, и дѣйствительно, и по назначенію, и по содержанію и изложенію имѣетъ не мало точекъ соприкосновенія съ знаменитымъ древне-египетскимъ заупокойнымъ сборникомъ. Путешественники неоднократно говорятъ о большомъ суевѣрномъ почитаніи, которымъ пользуется эта книга, и объ обычаѣ класть ее съ собою въ гробъ [1]. Рукописи погребальныхъ требниковъ также иногда помѣщаютъ ее наряду съ заупокойными службами [2]. Все это доказываетъ силу языческихъ переживаній въ эѳіопской церкви и глубокій ея упадокъ, но въ то же время даетъ матеріалъ для изслѣдователей фольклора, и намъ представляется нелишнимъ въ ихъ интересахъ дать переводъ и посильныя объясненія этого страннаго текста.

Въ Европѣ въ настоящее время извѣстно по крайней мѣрѣ 12 рукописей «Свитка оправданія». Къ зарегистрованнымъ у

[1] Напр. Isenberg and Krapf, Journals, p. 148: «Tseddoo brought to me a book, called Lefafa Zedek, which is full of nonsense. The Abyssinians like it so much, that they have it put into their graves with them». Ср. d'Abbadie, Catalogue de mss. Éthiop. p. 60.

[2] Двѣ рукописи изъ коллекціи d'Abbadie (50 и 219).

Conti Rossini [3] четыремъ парижскимъ рукописямъ (изъ нихъ 3—d'Abbadie и 1 въ Bibl. Nat.), двумъ лондонскимъ (Brit. Museum), одной тюбингенской и одной вѣнской, въ настоящее время слѣдуетъ присоединить три петербургскихъ: одну въ Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ и двѣ въ частной коллекціи А. С. Леонтьева. Кромѣ того одна рукопись находится въ Римѣ во владѣніи В. В. Гринейзена.

Такимъ образомъ, поставившій себѣ задачей дать критическое изданіе текста книги имѣлъ бы подъ руками обширный матеріалъ для установленія текста, переданнаго рукописями до крайности различно и большей частью неисправно до степени полной безграмотности. Различія касаются и состава, и полноты текста, и отдѣльныхъ выраженій; искаженія, происходящія отъ недобросовѣстности и невѣжества духовенства и дабтара, сбывающихъ списки за большія деньги, уродуютъ и отдѣльныя слова и цѣлыя фразы. При всемъ томъ смыслъ текста въ общемъ ясенъ и намъ представляется вполнѣ возможнымъ дать его переводъ, ограничившись тремя петербургскими рукописями, наиболѣе цѣнной и древней изъ заграничныхъ—106 Парижской Bibliothèque Nationale и наконецъ, съ любезнаго разрѣшенія владѣльца, рукописью В. В. Гринейзена. Приводимъ краткія свѣдѣнія объ этихъ рукописяхъ.

1. Рукопись 51 Азіатскаго Музея Императорской Академіи Наукъ (у насъ будетъ обозначаться А) [4]. Имѣетъ видъ обычнаго пергаментнаго свитка съ магическими текстами, но едва ли оправдываетъ слова d'Abbadie [5] о томъ, что свитки этой книги дѣлались по мѣрѣ роста усопшаго: длина свитка 198 см. слишкомъ велика для этого. Кромѣ того, имя покойника не вставлено, и это доказываетъ, что свитокъ приготовленъ не по заказу, а для продажи, подобно другимъ магическимъ свиткамъ. Текстъ чрезвычайно неисправенъ; почеркъ—весьма поздній и небрежный, конца XIX вѣка. Рукопись происходитъ изъ собранія, пожертвованнаго докторомъ Коріандеромъ.

[3] Note per la storia letteraria Abissina, p. 26 и 66.

[4] См. мой каталогъ «Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербургѣ», стр. 91.

[5] Catalogue p. 60.

2. Рукопись изъ коллекціи А. С. Леонтьева. Въ видѣ книжки въ деревянномъ переплетѣ. ff. 34 (первый—чистый), 8,4×5,8 см. Письмо въ одинъ столбецъ, по 12—15 строкъ; почеркъ тщательный; на ff. 4 ч. и v. 9, 33 v. и 34—грубыя изображенія или заставки. У насъ будетъ обозначаться Л.

3. Пергаментная книжка въ деревянномъ переплетѣ, 22 листа; письмо въ 1 столбецъ въ 17 строкъ; 12×7,2 см. У насъ будетъ обозначаться ЛБ [6].

4. Рукопись 106 парижской Національной Библіотеки. Описаніе дано въ каталогѣ Зотанбера (p. 98), впрочемъ не вполнѣ точное; Lefāfa-Ṣedeq начинается не съ 7 л., а съ перваго, причемъ начало текста не сохранилось. Бо̀льшая древность (почеркъ XVI вѣка) и сравнительная исправность текста дѣлаютъ эту рукопись (у насъ будетъ обозначаться П) основной. Редакція текста въ ней ближе всего къ ЛБ, отчасти Л. Пользоваться текстомъ этой рукописи я могъ благодаря любезности уважаемыхъ о. Chabot, приславшаго мнѣ прекрасныя фотографіи его, начиная съ f. 7, и Conti Rossini, сдѣлавшаго для меня копію предшествующихъ листовъ рукописи. Считаю своимъ долгомъ выразить этимъ ученымъ мою глубокую признательность.

5. Пергаментный свитокъ принадлежащій В. В. Гринейзену. Попалъ въ Римъ съ абиссино-итальянской войны, слѣдовательно можетъ быть происходитъ изъ сѣверной Абиссиніи. Отличается тщательностью и грамотностью письма, и сравнительной исправностью текста. Послѣдній ближе всего къ редакціи А, также представленной свиткомъ, что̀ можетъ указывать на особенность свитковъ сравнительно съ книжками. Предъ текстомъ помѣщенъ контурный рисунокъ Богоматери въ видѣ оранты, что является вполнѣ подходящей иллюстраціей къ содержанію. Мы будемъ обозначать его варіанты подъ литерой Г.

На основаніи этого матеріала даемъ слѣдующій переводъ

[6] Съ этими двумя рукописями я имѣлъ случай познакомиться на абиссинской выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ зимой 1907—8 года. Благодаря любезности организатора выставки д-ра С. Э. Сасона, я могъ изучать ихъ на дому, за что выражаю ему свою глубокую признательность.

трактата, считая необходимымъ предупредить, что въ нашу задачу не входило установленіе первоначальнаго вида текста, да для этой задачи нашъ матеріалъ едва-ли достаточенъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго Бога.

Сія Книга Спасенія и Книга Жизни «Свитокъ Оправданія» [7]. Ее написалъ [8] Отецъ своею рукою златою [9] тростію [9] изначала [10] до рожденія Христа * отъ Маріи, святыя Дѣвы [11]. Она проводитъ въ тѣсныя врата и вводитъ въ царствіе небесное *, какъ путеводительница оправданія [12].

Сіе глаголалъ Христосъ 29-го магабита [13] Владычицѣ нашей Маріи по рождествѣ Своемъ отъ нея и открылъ ей, гдѣ пребываютъ праведные въ раю и грѣшные въ осужденіи. И увидавъ, Марія ужаснулась [9], и вострепетала, и убоялась великимъ страхомъ. И сказалъ ей Христосъ: «не бойся, Мати Моя, носившая Меня во чревѣ своемъ и родившая Меня отъ Духа Свята». * Сказала она Сыну своему: [14] «повѣдай мнѣ, чѣмъ спасется родъ мой отъ сего огня поядающаго? * Страшится душа моя и смутился духъ мой [15] за Іоакима, отца моего, и за Анну, мать мою, * за Самуила и Іосифа, братьевъ моихъ, [16] и за Елисавету, сестру мою, и за Давида праотца [17] моего. И нынѣ, послушай [18] меня, [18] Сыне, точно скажи мнѣ, чѣмъ могутъ спастись сродники [18] мои [18] отъ сего пламени поядающаго?» * И отвѣчалъ Онъ ей: «не скажу тебѣ, ибо что сказано одному, переходитъ къ другому, и отъ другого къ третьему,

---

[7] Молитва спасенія души и тѣла, С. О., спасеніе жизни А. Сія молитва книга спасенія и книга жизни, именуемая С. О. Л. Сія книга жизни Г.

[8] далъ А. [9] нѣтъ въ А. Г. [10] нѣтъ А. Г. приб. Владычицѣ нашей Маріи. *—[11] нѣтъ А. во плоти. Онъ далъ ее Владычицѣ нашей Маріи Г. *—[12] нѣтъ. А. Г. вмѣсто «оправданія» — праведныхъ Л. [13] 25 марта—день Благовѣщенія. Въ Л.—16-го якатита=10 февраля. день посвящ. Богородицѣ и Елисаветѣ. *—[14] и паки вопросила она и сказала А. Г. И сказала она: «ради чего я носила Тебя? Л. *—[15] я боюсь за себя саму и за Л. ЛБ. *—[16] нѣтъ ЛБ. и за Самуила, брата моего А. и Самуила, сродника моего, и Іосифа, возлюбленнаго моего Г. [17] корня рода ЛБ. нѣтъ Л. Г. [18] нѣтъ Л. ЛБ. * слѣд. фраза испорчена въ Л. ЛБ.

и потомъ распространится среди всѣхъ людей, и они будутъ грѣшить и скажутъ: «есть у насъ, чѣмъ мы можемъ спастись». И паки спросила она [19] и сказала: «ради чего носила я Тебя во чревѣ 9 мѣсяцевъ и 5 дней»? И такъ [20] сказавъ, [20] заплакала [21] горькими слезами [22]. И сказалъ Онъ ей: «не плачь, Мати Моя, ибо * Я пойду ко Отцу Моему небесному и скажу Ему [23], и если Онъ разрѣшитъ [24] Мнѣ, скажу Тебѣ». * И пошелъ Онъ ко Отцу Своему и сказалъ Ему [25]: «Мать Моя Марія плачетъ. Дай мнѣ Книгу Жизни [26], которую Ты написалъ рукою Твоею святою * прежде, чѣмъ Я родился отъ Маріи [27], и которая пребываетъ на колесницѣ Херувимской, * на престолѣ Твоемъ» [28]. Сказалъ Отецъ Сыну Своему: «возьми [29], Я даю Тебѣ даръ [20] Мой. [20] Иди [30], скажи Маріи, * Матери Твоей. Я ничего не сокрылъ для Тебя отъ нея, но открылъ ей все». И написалъ Іисусъ Христосъ златою тростію [31], и явилось свѣтлое облако, и осѣнило ихъ. И сдѣлали Они 7 пламенныхъ завѣсъ [32], и никто изъ ангеловъ [33] не видѣлъ и не слышалъ, пока говорилъ сію рѣчь * Маріи Христосъ и сказалъ ей: «пріими, что далъ тебѣ Отецъ Мой небесный, и не открывай никому, кто не можетъ принять и хранить сего, но (открывай) только премудрымъ, вѣрующимъ въ Меня и ходящимъ по заповѣдямъ Моимъ [34]. Кто пріобрѣтетъ [35] сію книгу, не сойдетъ въ осужденіе * и во адъ [36]. Кто будетъ [37] носить ее и обернетъ ею шею, * очистится отъ нечистоты [38] грѣховъ. Кто будетъ повторять ее по словамъ во время литургіи, * тому оставятся грѣхи [39]. Если сдѣлаютъ при

[19] Марія Л. [20] нѣтъ Л. ЛБ. [21] прпб. Владычица наша Марія Л. Марія ЛБ. [22] прпб. и Христосъ плакалъ съ нею Л. ЛБ. Г. *—[23] вотъ Я скажу Отцу М. н. Л. ЛБ. небесному проч. А. [24] дастъ Л. *—[25] и сказалъ Сынъ Отцу Своему А. Г. [26] Свитокъ Оправданія А. Г. *—[27] до дня и часа А. Г. *—[27] Ты сидишь на колесницѣ Херувимской Л. ЛБ. *—[28] нѣтъ А. [29] вотъ Л. ЛБ. [30] нѣтъ А. *—[31] и сказалъ Онъ Ей: «не плачь: Онъ далъ и ничего не сокрылъ отъ Меня. И всѣ дары Мои (sic!) ей (sic!) открылъ Я—книгу Господа Іисуса, написанную златою тростію. А.

[32] ангеловъ А [33] прпб. и архангеловъ Л. ЛБ. *—[34] которую никто не можетъ воспріять и хранить, кромѣ премудрыхъ и разумныхъ вѣрующихъ въ Меня и надѣющихся на имя Мое. А. Г.

[35] покажетъ А. Л. *—[36] проп. А. ЛБ. Г. [37] прпб. «кто будетъ вѣровать въ не и А. Г. *—[38] получитъ отпущеніе А. Г. *—[39] очистится отъ грѣховъ А.

погребеніи его трижды сею книгою Печать Соломона, [40] ангелы проведутъ его въ тѣсныя врата [41] и введутъ предъ Бога * во царствіе небесное.

Молю Тебя, Господи, введи и меня, раба Твоего (имя рекъ) въ жизнь и спасеніе.

[42] И такъ окончивъ, сказалъ ей имена [43] Свои [44], необходимыя для жизни и спасенія: [45] «къ Берханаилу, имени Твоему, прибѣгаю, да помилуешь и ущедришь меня и простишь грѣхи и беззаконія мнѣ, рабу Твоему (имя рекъ) *. Къ имени Твоему Іисусъ и къ имени Твоему Киросъ (Κύριος) прибѣгаю я, рабъ Твой [46]. И сказалъ ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: «совершенна милость Отца Моего небеснаго, и вѣрующимъ въ * сіи имена Мои она будетъ въ жизнь и спасеніе [47]».

---

[39]—[40] если будетъ погребенъ съ нею А. [41] приб. жизни ЛБ. въ свѣтъ (вм. въ тѣсн. ср.) Г. *—[42] и путеводятъ. Молю Тебя и глаголю: «прости грѣхи мнѣ, рабѣ Твоей». Г. [42] Во имя. . . Свѣтъ жизни и спасеніе вѣчное. И такъ . . . Л. [43] славу ЛБ. [44] свою ЛБ.

[45] приб.: и паки сказалъ Маріи: «они будуть восклицать и говорить А. Л. Г. Далѣе въ Л слѣдуетъ до [46] къ Afrejou, къ Afnātā, къ Lāhin, къ Uri'ēl, къ Afār, къ Masdējos, къ Lāhi, къ Afkir, къ Iāw, къ Kēdā, къ Hētā, къ Mārjon, къ Afraraw, къ Aftaw, къ O'a, къ Эмануилу, къ Anānēl, къ Aqbasēr, къ Demāhēl, да помилуешь и ущедришь меня, раба твоего . . . Къ Kiros и къ Batros, къ Sabēn, къ Tātin къ Patin, къ Derfāqāwi'ēl, къ Kemzeljos, къ Tenberānom, къ Keradjon, къ Awrāgā'ēl, къ Akopājā, къ Sēd'êl, къ Jākēr, къ Afkā'ēl, къ Saqelqeljānojas, къ Tarkijos, къ Kubā'ēl, къ Arjos, къ Arnā'ēl, Debā'ōl. Êros, Hanāsa, Alfû, Kijā'ējā'ijā, Hedā, Iodā, Uda, Dāblā, Hara, Harā, Dinni, Waladı Kāba, Alfā, Nijodihara, Ledledā Ka'uhadidalda, Nedalaken, Hehdudi, Awjāu, Teran, Betās, Māsjos, Bā'el, Ahāzjos, Attjos, Awbudel, Dān, Alnatin, да помилуешь и ущедришь меня, раба Твоего.

*—[46] нѣтъ ЛБ. *—[47] сію книгу она . . . спасеніе, и мученіе смерти не постигнетъ его. А. Г. Въ Л слѣдуетъ дальше: Во имя . . . и написалъ руками своими св. къ Sironos. Pelnāk, Pipiparos (?), Fases, Nos, вѣдущему Jawsif, Refsejos, Elhijos, Samagejos, Elusnā, Ilouo, Jerkejos, Dimo, Dimos, Radjonā, Qiqurofa, Josēf, Medfen, Alfo, Moqdejo, 'Efra, Alēf, Alefabēt, Gamēl, Dālet, Hē, Wāw, Zāj, Hit, Tet, Jod, Kāf, Lāmēd, Mēm, Non, Samākēt'ē, Fē, Ṣadi, Qof, Ṣadē, Qof, Rēs, San, Tāw. И да приблизится молитва моя предъ Тя, Г., силою сихъ именъ Твоихъ не покажи дымомъ меня, раба Твоего (имя рекъ). Имена Божія велики во вѣкъ, сказанныя Господомъ нашимъ Петру небесному: Efoli, Felakijār, Lihu, Medjās, Selās'ēl, Hiliwon, Dēnafes. Къ силѣ сихъ именъ Твоихъ прибѣгаю я, рабъ Твой . . . Sādor, Alādor, Danāt, Adirā, Rodās. Къ 5 гвоздямъ креста Его.

И мнѣ, рабу твоему (имя рекъ), да будетъ подобно имъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

* *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Молитва противъ мученія смерти* [48].

Batron, Meguajajon, Kewās, Deqās, Qereljos да не прикоснутся * къ сей душѣ и къ [49] мертвенному тѣлу того, кто будетъ носить и читать сію книгу въ послѣдній день, въ день суда [49] и воздания и осужденія [49] Гога [50] и Магога [50], которые извратятъ законъ Божій и научатъ слову неправедному и скажутъ [50]. «Я Христосъ, Сынъ Божій» [51]. Увѣруютъ въ нихъ грѣшники, мы же, люди христіанскіе, вѣруемъ во имя Іисуса Христа, Сына Божія, Отца и Сына и Святаго Духа [52]. Кто будетъ вѣровать въ сатану, будетъ осужденъ, а кто вѣруетъ во Христа, не впадетъ во осужденіе и будетъ ходить въ Духѣ Святомъ.

Въ день онъ речетъ Богъ: «Азъ есмь Богъ небесе и земли [53], кладезь славы [54] и жизни [55], возсѣдый на коней жизни огненныхъ [56] въ день судный». * Въ день сей [57] солнце померкнетъ [58] и луна обратится въ кровь [58]. Тогда [59] помилуй и ущедри насъ и пощади раба Твоего (имя рекъ).

* Слава Отцу, Богу на небесѣхъ, и миръ на земли, сотворившему свѣтъ! Помози намъ, Боже Спасе нашъ (Пс. 78, 9), имя Твое призывающимъ, и на Крестъ Твой опирающимся, вѣрующимъ въ сокровенное имя Твое! Восхваляю Тебя среди юныхъ и старыхъ, ибо Ты помиловалъ и ущедрилъ меня, раба Твоего (имя рекъ) [60].

---

*—[48] нѣтъ А. Г. [49] нѣтъ А. Л. Г. [50] нѣтъ ЛБ. [51] дальше въ А: «до вѣки вѣковъ Аминь. Во имя . . . Проповѣдывалъ Илія всѣмъ людямъ: «кто вѣруетъ въ сатану». Въ Г.: «тогда проповѣдывалъ Илія: «кто вѣруетъ» . . . [52] приб. въ Л: «Илія проповѣдывалъ всѣмъ людямъ Христа, и они увѣровали въ Христа, Сына Божія . . .

[53] Приб.: и ходилъ Наѳанаилъ, проповѣдуя, Kastanāwi, Kalāmdewos А. Г. Л. (испорчено). [54] нѣтъ ЛБ. [55] нѣтъ А. ЛБ. [55]—[56] нѣтъ Г. [56] нѣтъ А. Л. *—[57] нѣтъ А. [58] приб. днемъ А. [59] Молюсь Тебѣ А. *—[60] только въ Л. Въ Г. читается такъ: «Молитва прохожденія неба. Сохрани меня, Христе, да не будутъ душѣ моей преткновеніемъ аггелы мрака. Слава. . . раздѣлившему свѣтъ. Помози. . . имя Твое поминающимъ, въ Крестъ Твой вѣрующимъ, имя Твое сокровенное умоляющимъ. И гласомъ Архангеловъ Твоихъ (? . .), да помилуешь меня...»

И сказала Владычица наша Марія [61] Богу: * «какой шумъ я слышу, и что я вижу?» [62] Отвѣчалъ ей [63] Богъ: «это судъ (въ) мѣстопребываніи грѣшныхъ, которые * не творили воли Моей и воли Отца Моего [64] и воли Духа Моего [65], которые презрѣли слово, сказанное Мною отцамъ нашимъ въ день воzданія и суда [66]. Посему погибла душа ихъ. Блаженъ вѣрующій слову книги сей, [67] блаженъ пищущій ее [68] и обвязывающійся ею [69]: не коснется его * нечистота [70] грѣховъ [71] и огнь геенскій» [72]. * И въ день онъ будетъ [73] солнце незаходимое, и свѣтильникъ неугасимый, и гласъ возданія грѣшниковъ [73] неумолкаемый, слава царствія Его неразрушимая, престолъ Его, окруженный огнемъ, непоколебимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

[74] И сказали Ему всѣ [75] * ангелы Его: [76] «мы возвѣстимъ имя Твое, * скажи намъ имя Твое, [77] и восхвалимъ Тебя и воспоемъ Тебѣ»: и сказалъ Онъ имъ: «первое имя Мое—Ijā'ēl, [78] второе—Kēnjā, третье—Эмануилъ, четвертое—Іисусъ, [79] пятое—Христосъ, [80] шестое—Богъ (Эгзіабхеръ), [81] седьмое—Саваоѳъ [82]. Кто будетъ вѣровать въ сіи имена Мои [83], спасется [84] отъ сего огня горящаго [85], и отъ червя неусыпающаго, и * дыма непрестающаго» [86].

И сказалъ Господь Маріи: [87] «даю я тебѣ власть Мою. Кто будетъ творить память Мою и вѣровать въ Меня [88] и въ слово [89] книги сей [90], носить ее и помѣщать въ домѣ своемъ, * и обвязывать ее вокругъ шеи своей, погружаться въ воду

---

[61] Ангелъ Л. ЛБ. *—[62] почему я слышу шумъ грома? П.Л. ЛБ. Отсюда начинается парижская рукопись.

[63] Михаилу ЛБ. Л.П. *—[64] творили волю свою А. [64]—[65] нѣтъ А. Л. *—[65] не тв. волю Отца Моего П. [66] нѣтъ П. [67] нѣтъ Л. ЛБ. П. [67]—[68] нѣтъ А. П. [69] приб. и вѣрующій П. *—[70] нѣтъ Л. дни А. [71] лукавые А. нѣтъ Л. дальше въ А: солнца зашедшаго и свѣтильниковъ угасшихъ, гласа воздаянія тѣхъ, которые заглушили (?) славу царствія Его.

*—[72] геенна. П. *—[73] нѣтъ П. и день (солнца) Г. [73] ихъ Л. П.

[74] Во имя. . . (и сказали) А. [75] только П. *—[76] нѣтъ А. [76]—* нѣтъ Г. *—[77] нѣтъ П. [78] Ijavâdi А. Jjâ'od П. Jjā'ēd Г. [79] Христосъ ЛБ. [80] Богъ (Эгзіабхêръ) ЛБ. [81] Ijâ'êd Л. Jjahêd П. [82] Богъ Л. П. [83] приб. и творитъ память Мою Л. П. Г. [84] Я спасу того П. Я выведу того Г. [85] геенскаго, осужденія и суда. ЛБ *—[86] и червя неутомимаго П. приб.: по слову воздаянія ихъ А. [87] Михаилу А. [88] нѣтъ А. ЛВ. [89] нѣтъ А. Л. [90] книгу сію А. Л. Г.

молитвы ея [91] и пить съ вѣрою [92] (эту воду), * къ тому не приблизится осужденіе» [93].

Тогда просила [94] Марія [95] Господа нашего[96] и сказала Ему: * «благодари явившаго [97] мнѣ чудо сіе, которое совершится въ послѣдній день». И собрались [98] всѣ ангелы Его [99], чтобы прочесть книгу * тѣмъ, которые вѣруютъ [100] въ Іисуса Христа, Сына Божія [101], и взяли ее [102] четыре евангелиста. И запечатана она * великою печатью [103], и никто не можетъ открыть ее, кромѣ 24 старцевъ небесныхъ * и четырехъ евангелистовъ [104]. Они открыли печати ея, осмотрѣли ее и прочитали ее вслухъ. Тотчасъ 7 ангеловъ взяли 7 трубъ и трубили и 7 чашъ и пролили на лицо всей земли, чтобы освятились [105] сыны Благаго [106] и чтобы раздѣлились небеса и земля, 7 вратъ и 7 свѣтилъ и 7 покрововъ престола [107] Божія, гдѣ извѣстно имя Его [108] ужасное, гдѣ пребываютъ пророки и апостолы на горѣ высокой и на мѣстѣ благоугодномъ.

17-го маскарама (14 сентября—Воздвиженіе) освятите [109] плоть вашу [110] праведно; ради Креста Христова честнаго и [111] гроба Христова, явилась [112] милость Его на насъ * по слову Его святому [113]. И рекъ Онъ [114] святымъ Своимъ гласъ Божій: * Agforā, Zamrā'ēl, Admenā'ēl, Kedu, Adnā'ēl, Zebdejos, Miltārā, Tārāborētā, Kamājāter, Nefjānos, Aforā, Nefdeja, Tātā, Qatāwir, Berjā'ēl, Eldān. Имя Его Atāwjos—«свяжи его», таковъ переводъ его на геезъ [115]. *Ради вознесенія Маріи, вознеси меня, раба Твоего.*

---

*—[91] если будетъ повторять Г. *—[92] нѣтъ. А. *—[93] того не постигнетъ зло А. Г. Далѣе въ Г.: «такъ да не приблизится къ рабу»...
[94] просила и молила А просилъ Его П. просили Л. Дальше: Михаила (ангелы), и онъ сказалъ имъ.

[95] Михаилъ П. Л. ЛБ. [96] Господа ЛБ. просилъ ЛБ. *—[79] Ты, который показалъ А. ЛБ. [98] когда соберутся А. ЛБ. Г. [99] Сына Б. Г. приб. къ Богу П. [99]—[101] нѣтъ Г. *—[100] нѣтъ П. [101] нѣтъ А. Л. [102] чтобы взять А. сію книгу Г. *—[103] только П. печатію Отца Г. *—[104] только П. [105] отдѣлить Л. П. ЛБ. [106] благихъ А. людей Л. ЛБ.

[107] [1] нѣтъ А. Г. слѣд. Божіихъ. [108] этимъ вы узнаете П. [109] освящая Г. освященіе А. [110] ея А. Л. Г. [111] проп. ЛБ. слѣд.: и во гробѣ Христовомъ явилась. Въ А испорчено. [112] явилъ Онъ Л *—[113] по слову Твоему святому П. ЛБ. Крестомъ Его св. А.

[114] Ты П. *—[115] въ А: Abātor, Exolel, Zemurā'ēl, Dumā'ēl, Aloku, Sena'êl, Sebdejos, Amēnēwos, Wa'iqārā, Tarbotā, Kamajātēr, Nefanos, Arod-

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Единаго Бога. Одно имя Его * Sefjos. Одно имя Его Qohoqē. Одно имя Его Гавріилъ. Одно имя Его Берхананлъ. Одно имя Его Zemreda'ēl и одно имя Его Dedjā [116]. Сіи имена не находятся въ сердцѣ людей смертныхъ. Сіе—вышедшее изъ устенъ Отца и Сына и Св. Духа. Одно имя Его * Agjos. и одно имя Его Deqās, и одно имя Его Rehnon и одно имя Его Batron. и одно имя Его Asarāfon, и одно имя Его Tenwe, [117] и одно имя Его Mekjār, и одно имя Его Medjos, и одно имя Его Maftalhim, и одно имя Его Elmakenu, и одно имя Его Ejā, и одно имя Его Menjār, и одно имя Его Gānon, и одно имя Его Edāhil, и одно имя Его Gem'adjos, и одно имя Его Agatjor, и одно имя Его Kēdjaros, [118] хранитель души и вратъ ея. Кто сіи имена будетъ носить въ кротости сердца, и безмолвіи, и терпѣніи, и въ страхѣ Божіемъ, спасется. Слушая сіе ушами своими, человѣкъ, пусть купитъ за много [119] золота и серебра и дорогія одежды, а если у кого сего нѣтъ, да будетъ рабомъ 7 лѣтъ и служитъ человѣку, у котораго есть сія [120] книга [120]. Delseqjam —имя Мое, которымъ крестилъ меня [121] Іоаннъ [122]. Симъ именемъ отверзутся

jad, Qatnāwi, Eldan, Berhana'ēl, Amaawtevos. По П.: Akgerforā, Terakā'ē Zemrā'ēl, Demnā'ēl, Nēwos, Kijado, Ajunā'ēl, Hirut, Zabdēwos, Amanēwos, Mēlterā, Tārjatā, Neflawos, Kamajater, Eforā, Mefjād, Berja'ēl, Aldan. *—[115] Awsētēwos; значитъ Sāsar. Г.

*—[116] Имена по А: Qoqē, Sefnejos, Гав. Берх. Zemur ā'ēl, Fersajāl, Dedjā Agios. По ЛБ.: Afios, Qohohoke, Гавр. Берх. Adnā'ēl, Qotrā'ēl. Все дальнѣйшее, до конца формулы пропущено въ ЛБ.; имѣется только обычное заключеніе: «да помилуешь и ущедришь меня, раба Твоего (имя рекъ). Имена по П: Sefjos, Qohoqe, Гавр., Берх., Zemrejā'ēl, Zemredā'ēl, Dedjāl.

[117] только П.

*—[118] По А: Anhānon, Batron, Asararon, Terā, Masjār, Asraron, Agios, Matlahēm, Anāgēl, Agatēwon, Kerāhon, Kedros. По П: Agjos, Deqās, Arherhonā, Batron, Asrāron, Teni, Māsrejāl, Serial Maftālhēm, Mādjor, Agjajos, Aja, Mka'ar Ganomn. Спаситель души моей. Domedjā Agātjor. Христосъ, Kardero. [119] проп. А. ЛБ. П. [120] нѣтъ П.

[121] приб. авва Л. [122] приб. въ сей день и въ сей часъ Л. П..

[122]—* по Л: Отверзутся всѣ врата правды, и не видитъ онъ суда, и на судѣ красотою дѣлъ его да помилуетъ его Богъ. И ради вознесенія Маріи и сими именами Твоими прибѣгаю я къ Тебѣ, рабъ Твой, помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ, раба Твоего (имя рекъ), Sādor, Alādor, Dānēt, Adirā, Rodas, 5 гвоздями Креста Господа нашего Іисуса Христа. По Г.: къ красотѣ дѣяній вѣрующихъ слову книги сея прибѣгаю я...

врата правды, и не увидитъ осужденія вѣрующій въ сію книгу. Ради красоты дѣяній его да помилуетъ его Богъ. Къ симъ именамъ Твоимъ прибѣгаю, да помилуешь меня, раба Твоего (имя рекъ) *.

[123] Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога. Повѣдаемъ [124], вамъ, братія наша [125], вѣрующіе [126], въ сей «Свитокъ Оправданія», данный Богомъ Маріи [127] въ послѣдній день, и сіи имена. * И кто будетъ носить сію книгу [128], подобно шлему, на лицѣ своемъ, и кто будетъ носить ее подобно Маріи, и будетъ оборачивать ее вокругъ шеи, не увидитъ осужденія, но улучитъ жизнь вѣчную.

И [129] вопросила Марія Господа нашего и сказала Ему: * «скажи мнѣ превысшее всего [130] имя Твое». * Отвѣтилъ Господь Іисусъ Маріи: «Я скажу тебѣ сіи [131] имена Мои, трудныя для слышанія и сокровенныя [132] и прекрасныя для носящаго и хранящаго ихъ» *. И снова сказала Марія Іисусу: [133] «прошу Тебя, Сыне, (скажи мнѣ) точно имя Твое» [134]. И сказалъ Онъ ей: «не открывай сихъ именъ и сего слова Моего тѣмъ, которые не вѣруютъ твердымъ сердцемъ слову сему» [135]. И паки сказала Марія Сыну своему: «я не скажу безумнымъ людямъ, неразумнымъ въ сердцахъ своихъ, которые не ищутъ небесной обители и не отверглись славы земной». Тогда отвѣчалъ Іисусъ Маріи и сказалъ ей: «не произноси ясно сего имени Моего, да не узнаютъ люди» [136].

[123] Въ Г. заглавіе: «Молитва прохожденія неба»...

[124] повѣдаю А. Л. ЛБ. Г. [125] моя А. Г.

[126] если вѣруете Л.; дальше: «слову Свитка оправданія» Л. ЛБ. «сему Свитку Опр.» А. уповающіе на сію книгу жизни «Свитокъ Оправданія».

[127] приб. «въ завѣтъ» Л. «для спасенія души и тѣла» А. да будетъ для жизни и спасенія.

*—[128] она носила во чревѣ своемъ Л. сіи имена Г. [129] приб. «паки» ЛБ. Г.

*—[130] молю Тебя, Сыне, да повѣдаешь мнѣ слово точное (имени...) Г

[130] проп. А. [131] приб. сокровенное (сіе — имя — Мое) Л.

[132] неудобоносимое Л. проп. Л.

[132]—* проп. А. «Кто будетъ вѣровать съ готовностью, мудръ; тому, кто не будетъ носить сего слова Моего, не подобаетъ открывать Моихъ именъ, Л. [133] проп. ЛБ. *—[134] проп. 5. [133]—[135] проп. Л. П.

[136] Эта фраза въ Л испорчена; въ А и Г. читается: «и посемъ Господь Іисусъ (сказалъ) Маріи: «не открывай сего имени Моего не вѣрующимъ твердымъ сердцемъ». Далѣе слѣдуетъ (въ А.): «Во имя Отца . . .», какъ бы начало новой главы.

И окончивъ, Іисусъ сталъ среди столпа облачнаго и принялъ видъ пламени огненнаго, пока говорилъ ей сокровенныя [137] имена сіи. И сказалъ; «Elohē [138] Elohē, Elohē, Ērān [139], Rāfon и сіе означаетъ [140] «Вседержитель»; Solāfi [141], означаетъ «Милосердый». Beron [142] «непобѣдимый врагами», Sofrono [143] означаетъ «помилуй мя» [144] Bjon означаетъ «Благой», Berschāhēl означаетъ * «все боится Его [145], Спаситель всѣхъ» *. Имя Отца—Murā'ēl, имя Сына Menatir, имя Святаго Духа—Abjatēr. Къ симъ именамъ Твоимъ прибѣгаю я, рабъ Твой (имя рекъ).

[146] Михаилъ и Гавріилъ, Серафимъ и Херувимъ *, Уріилъ и Рафаилъ, Ija'ēl и Sāru'ēl [147], семь Архангеловъ [148] и Ангелы [149], молитесь о насъ, умолите о насъ. Sutu'ēl [150], Sadukā'ēl, Berhanā'ēl, Atnā'ēl [151], Amlaton [152], молитесь о насъ молитвами вашими, да спасемся [153]. Къ симъ именамъ Твоимъ прибѣгаю, да ущедришь меня и помилуешь меня отъ огня пожирающаго. И къ именамъ Іисуса прибѣгаю я, рабъ Твой (имя рекъ) [154].

Egra [155], Mētra [156], Surutjon [157], Marmera [158], Maliton [159], четыре животныхъ, прибѣгаю я къ именамъ ихъ [160] да помилуешь и ущедришь меня.

Къ Eldān мѣсту [161] Твоему, Lemāser [162] граду Твоему *, и къ тверди—совершенному жилищу Твоему, къ Маріи, Матери Твоей, къ 15 пророкамъ, къ 12 апостоламъ, къ 24 старцамъ небеснымъ. къ 40 воинамъ небеснымъ мученикамъ [163], къ 72 ученикамъ и

[137] Только ЛБ. [138] однажды А. [139] трижды Л. ЛБ. Въ А. прибав. еще Rākon. въ Г. приб. E'ē, Rāken. [140] приб. Morjon Л. [141] нѣтъ АЛ. Sofali ЛБ. Sāsort.

[142]—* А. Вседержитель, милосердый, непобѣдимый врагами. Safon—(Sofani Г.) означаетъ «помилуй мя», Berju—означаетъ «Спаситель всѣхъ боящихся Его».

[142] Bjon П. Berjos Г. [143] Kida (?) rjon ЛБ. [144] насъ ЛБ. *—[145] проп. ЛБ. [146] Въ Г. заглавіе: Во имя... Молитва прохожденія неба...

*—[147] проп. П. [148] проп. А. Г. [149] проп. П. *—[150] проп. Л. ЛБ.П.

[151] Aqna'ēl' ЛБ. проп. Л. ЛБ. [152] проп. Л. ЛБ. П. Далѣе до формулы проп. А.

[153] далѣе до Egrā проп. Л. Г. [154] послѣдняя фраза только въ ЛБ.

[155] Bēra А. [156] Mātā Л. ЛБ. нѣтъ А. [157] Surfjon Л. нѣтъ А,

[158] Māra А. [159] приб. «къ симъ» (четыремъ...) ЛБ. [160] вашимъ А. Л. Конецъ формулы только П.; въ ЛБ.: «да спасешь меня, раба Твоего (и р.) въ предѣлахъ Mehga, града Твоего» (испорчено). [161] имени А. Г. [162] Mahasā Л. проп. А. [162]—* проп. [163] только Л. ЛБ.

500 ближнимъ ихъ, къ 318 православнымъ и 7 архангеламъ, * тьмамъ тысячъ святыхъ ангеловъ по именамъ ихъ [164] прибѣгаю я [165], да спасешь и помилуешь меня, и оставишь грѣхи и беззаконія мои, и потребишь рукописаніе мое [165], раба Твоего [166] (имя рекъ).

[167] Къ Demāhēl, имени силы [168] Твоей, къ Qobi [169], имени Твоему, къ Delqe'ēl *, имени крещенія [170] Твоего [170], которымъ авва Іоаннъ крестилъ Тебя, къ Gahā'ēl [171], имени силы [172] Твоей [173], которыми Ты сокрушилъ узы желѣзныя * ада, къ Qatanāwi, къ Satanāwi къ Tarkalāwi [174]; именамъ Твоимъ прибѣгаю я, да помилуешь и ущедришь меня, раба Твоего * и простишь грѣхи мнѣ, рабу Твоему (имя рекъ) [175].

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго Бога. Молитва прохожденія неба.

Сохрани меня, Христе, да не будутъ преткновеніемъ душѣ моей ангелы мрака въ тѣсныхъ вратахъ, говорящему [176]: помилуй мя [177] и ущедри мя [178], въ день онь, [179] прости всѣ грѣхи мои въ новомъ небѣ и новой землѣ, когда воцарится Христосъ надъ праведными [180] и грѣшными [181]. Въ день онь * не забудь меня милостью Твоею [182], раба Твоего (имя рекъ).

Михаилъ и Гавріилъ, Серафимы и Херувимы да потщатся скоро и вознесутъ душу мою на крыльяхъ своихъ, да не узнаютъ [183] ее ангелы мрака лукавые и не воззрятъ на нее очами [184] своими [184]

---

[164] Къ тмамъ тысячамъ и тысячъ и къ именамъ всѣхъ св. ангеловъ Л. ЛБ. прибѣгаю къ 1000-амъ 1000-и и къ Кресту Твоему, да помилуешь рабу Твою (дальнѣйшаго нѣтъ) А.

[165] проп. Л. [166] раб. Твой Л.

[167] Этой формулы нѣтъ въ А. Въ Л она начинается такъ: Sador, Alador, Danat, Odira, Rodas, — къ гвоздямъ Креста Господа нашего Іисуса Христа, къ Demahel. . .

[168] приб. Твоему святому ЛБ. [169] Tobel Л. Г. Qasēl ЛБ

[169]—* проп. Л. имени Твоему св. прибѣгаю; къ Delseqleja ЛБ. Del segjmām Г. [170] проп. ЛБ.

[171] Gahēl ЛБ. Guhuna'ēl Л. Gemhēl Г. [172] проп. А. ЛБ. Г.

[173] проп. Л. Твоему ЛБ. Г. [173]—* которымъ отверсты врата адовы Л. ЛБ. вм. сокрушилъ — разрѣшилъ Г. [174] нѣтъ ЛБ. Qarnalāwi Л. Berhanāwi. [175] нѣтъ Л. П. Г. [176] тѣмъ, что мы говоримъ П. [177] душу мою, Христе ЛБ. *—[178] нѣтъ П. [178]—[179] нѣтъ А. далѣе въ Л.: Христе царь нашъ. [180] мучениками П. [181] нѣтъ П. [182] спаси меня ЛБ. [183] коснутся (ея) ЛБ. [184] нѣтъ П.

во гнѣвѣ *. Храни сіе слово, да сохранитъ тебя Богъ [185] въ послѣдній день во вѣки вѣковъ Аминь *. Аминь. Да будетъ. Да будетъ [186].

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Единаго Бога. Молитва прохожденія неба [187].

Сохрани меня, Христе, да не будутъ преткновеніемъ душѣ моей * въ сей землѣ [188] ангелы мрака лукавые [189]. Пошли [190] мнѣ [191] ангеловъ свѣта *. Михаила и Гавріила страшныхъ и * Параклита, Духа Правды[192], утѣшителя печальныхъ *, да не прикоснутся [193] къ [194] ней [195] во вѣкъ *, да не преткнутъ ее [196] ангелы мрака [197], да не поставитъ ее Господь въ день онь въ тмѣ кромѣшной, идѣже плачь и скрежетъ зубовъ. Къ имени Твоему Genpāw; [198] прибѣгаю [199], и къ имени [200] Маріи святой [201] Tebrādja и къ поклоненію [202] неба небесъ и престолу славы Бога, основавшаго [203] чертогъ свой *, котораго никто не знаетъ [204], кромѣ одного Отца, и кромѣ Христа, Сына Его, и Святаго Духа. О милосердый, помилуй меня, раба Твоего [205] (имя рекъ).

---

[185] нѣтъ ЛБ. *—[186] нѣтъ ЛБ. Конецъ молитвы (отъ «когда воцарится) въ А. испорченъ. Читается: «не отлучай насъ отъ милости (Твоей) Херувимы и Серафимы. . . Да не восхитятъ ангелы мрака рабу Твою. Въ Г. вся молитва читается такъ: Во имя. . . въ тѣсныхъ вратахъ. Молюсь тебѣ, говоря: «прости грѣхи мнѣ, рабѣ Твоей». М о л и т в а п р о х о ж д е н і я н е б а. (сохрани. . . мрака. Въ новомъ небѣ и землѣ, когда воцарится надъ ними царь славный. Въ сей день не забудь меня милостію Г. Серафимы и Херувимы да возьмутъ душу мою, да не увидятъ ее во гнѣвѣ лукавые демоны. Храни сіе, да сохранитъ тебя Богъ въ послѣдній день. Такъ сохрани и рабу Твою. . .

[187] Эта молитва въ А редактирована въ крайне испорченномъ видѣ; причемъ раздѣлена на три части съ самостоятельными заглавіями: «молитва прохожденія неба»; измѣненъ и порядокъ отдѣльныхъ частей.

*—[188] нѣтъ ЛБ; въ Л послѣ заглавія: «(въ) сей день земли»: въ ЛБ послѣ душѣ моей: «и тѣлу моему».

[189] нѣтъ Л. Г. [190] да пошлешь Л. ЛБ. [191] нѣтъ Л. [191]—* архангеловъ Л. проп. П. *—[192] нѣтъ А. П. [192]—* нѣтъ Л.

[193] станутъ Л. [194] противъ Л. [195] меня Л. *—[196] нѣтъ Л.

*—[197] и Параклитъ, утѣшитель всего міра, да не удалится отъ меня. Въ сей день да не поставитъ меня Господь во тьмѣ кромѣшной. . . Г. [198] Segnāwi ЛБ. [199] приб. «я рабъ Твой» (н. р.) Л. [200] приб. «Владычицы нашея» А. Л. [201] нѣтъ Л. ЛБ. [202] приб. «небесныхъ и» Л. ЛБ.

[203] и основанію (чертога) ЛБ. чертогъ котораго основанъ Г.

[204] я не знаю никого Л. [205] милосердаго. Скажи мнѣ: «помиловалъ Я тебя» и прости мнѣ грѣхи мои, рабу Твоему Л.

Въ послѣдній день [206]. И тогда возьмутъ семь ангеловъ семь кадильницъ [207] и вознесуть молитву о милости къ людямъ [208] и скажутъ [209]: «Господи, кто есть изъ людей, который бы не согрѣшилъ, и какое изъ деревьевъ не дымитъ *' и кто есть изъ сыновъ человѣческихъ, кто бы не сотворилъ грѣха на [210] землѣ [210]? Нѣтъ никого, Господи, кромѣ Тебя [211]».

Тогда возглаголалъ [112] Господь нашъ 12-ти апостоламъ Своимъ и 72 ученикамъ, да напишутъ книгу сію * и сказалъ имъ: «даю вамъ власть, возвѣщайте всѣмъ вѣрующимъ въ Меня [213], во имя Іисуса Христа Сына Божія [214]: «блаженъ, кто будетъ вѣровать слову [215] книги сей, кто будетъ носить ее, и обвязывать ее вокругъ шеи, и омываться водою молитвы ея *, и помѣщать ее въ домѣ своемъ *, писать или заказывать ее [216]. Если онъ будетъ лежать въ смерти [217], не умретъ, оживетъ въ послѣдній день, въ день суда * и осужденія будетъ помилованъ, и [218] Я помилую его отъ * огня геенскаго [219], когда будутъ отдѣлены грѣшники и беззаконники [220]. Ночью ли, днемъ ли носящій сію книгу и обвязывающійся ею, блаженъ, ибо * велика сія книга [221], изгоняющая [222] бѣсовъ и мученіе смерти [223]. Прогони отъ раба Твоего (имя рекъ) во вѣки вѣковъ Аминь. Аминь. Да будетъ. Да будетъ.

---

[206] Во имя . . . Молитва прох. неба А. Г. въ день онъ ЛБ. И въ конецъ П. Въ послѣдній день, когда . . . Г.

[207] занавѣсъ Г. приб. «и матабовъ» А. [208] сынамъ человѣческимъ А. Л. ЛБ. проп. Г. [209] Когда говорили Ему и ангелы Его. П.

[210] нѣтъ А. П. *—[210] нѣтъ Г.

[211] приб. иного Благого Л. Г. Никтоже чистъ предъ Тобою, А. Г. прости мнѣ грѣхи. А. Далѣе въ А. снова заглавіе: «Во имя... молитва прох. неба. Сохрани... [212] отвѣчалъ ЛБ.

[213] имя Мое ЛБ. во имя Іисуса Христа Г. *—[214] и возвѣстили всѣмъ людямъ, вѣрующимъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога Живаго.

[215] въ Меня по слову Л. [215]—[216] и слову Г. *—[216] нѣтъ П.

[216] нѣтъ Г. [216]—[217] нѣтъ А. Л. ЛБ. во вѣкъ Г. [218] нѣтъ Г.

[219] геены огненной Л. пещи огненной Г. [220] отъ среды праведныхъ Г. далѣе пропущ. до «ибо».

*—[221] великъ день сей Г. А. Книгою сею. Л. Блаженъ носящій сію книгу, (прогоняющую...) Г. [222] прогоняются... Л.

[223] конецъ по Л: «отъ души и тѣла раба (н. р.) и будутъ прогнаны отъ престола славы Божіей во вѣки вѣковъ. Аминь» ЛБ вм. престола, славы — «лица». Въ А послѣ: «заказывать ее» слѣдуетъ конецъ: «онъ

Далѣе въ ЛБ. слѣдуетъ списокъ названій буквъ еврейскаго алфавита. Затѣмъ: «это имена Отца и Сына и Св. Духа, трехъ именъ и Единаго Бога. Блаженъ носящій сію книгу. Прости грѣхи рабу Твоему (имя рекъ). Сія книга прогоняетъ демоновъ отъ души и тѣла, и они прогнаны отъ престола Божія во вѣки вѣковъ. Аминь».

Слѣдующія формулы заканчиваютъ книгу тоже въ ЛБ:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Единаго Бога. Заклинаю, чтобы проклясть васъ, мученіе смерти и ангелъ смерти. Заклинаю [224] тебя Богомъ Отцомъ, Христомъ Сыномъ и третьимъ, Святымъ Духомъ. Заклинаю * и проклинаю тебя 24 старцами небесными, 4 животными, Михаиломъ, Гавріиломъ, Серафимами, Херувимами, семью архангелами, 15 пророками, 12 апостолами, 72 учениками, 318 православными, собравшимися въ Никеѣ..., іереями и діаконами, праведными и мучениками, во вѣки вѣковъ Аминь. Услыши, Боже, молитву мою, услышавый моленіе Иліи пророка. Серафимы и Херувимы да потщатся на срѣтеніе души моей, да не преткнутъ ее ангелы мрака при успеніи моемъ, раба Твоего (имя рекъ). И тебя, ангелъ смерти, заклинаю и проклинаю.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Единаго Бога. Силою сихъ именъ, гвоздьми креста Іисуса Христа Sādor, Alādor, Danāt Odirā, Rodas, сими именами пяти гвоздей креста Его да будетъ управленъ путь въ небеса. Къ сему всему прибѣгаю и поручаю душу и тѣло мое, да помилуетъ и ущедритъ меня, раба своего (имя рекъ).

Кто сію книгу закажетъ написать или перепишетъ, того имя будетъ вписано въ книгу живота въ царствіи небесномъ, какъ рекъ Своими устами Духъ Святый. И на землѣ благъ будетъ конецъ его, и благословенъ будетъ день смерти его; со іереемъ великимъ (и) монахомъ (?) будетъ веселиться душа его въ царствіи небесномъ.

спасется отъ всякаго грѣха. И сею книгою жизни и спасенія спаси рабу Твою..., ибо все возможно Богу, Слову воплощенному и Матери Его Дѣвѣ». Въ Г. послѣ «мученіе смерти»: «Deqās покажется ему, и введетъ его предъ Бога, престолъ славы Его во вѣки Господи, симъ гласомъ Твоимъ спаси меня рабу Твою».

[224] рук. «заклинаетъ».

Сію книгу пишущаго и заказывающаго написать запишется имя въ книгу живота тростію оправданія на столпѣ златомъ, и онъ вкуситъ хлѣба манны теплаго на горѣ Сіонѣ. Да дастся ему время трапезы непреходящее ради чтенія «Свитка оправданія» во вѣки вѣковъ Аминь.

Въ обзорахъ эѳіопской литературы и въ описаніяхъ рукописей нерѣдко утверждается, что «Свитокъ оправданія» состоитъ изъ восьми магическихъ молитвъ. Приведенный нами полный переводъ текста даетъ возможность видоизмѣнить это утвержденіе и вообще получить представленіе о его составѣ. Прежде всего ясно, что онъ представляетъ не собраніе отреченныхъ молитвъ, а чисто внѣшнее соединеніе формулъ и повѣствовательно-апокалиптическихъ трактатовъ, причемъ количество, объемъ и даже порядокъ формулъ не вездѣ одинаковы. И въ этомъ отношеніи наше произведеніе удивительно напоминаетъ египетскую Книгу Мертвыхъ, также представляющую соединеніе «главъ» самаго разнообразнаго содержанія и разнообразнаго въ различныхъ спискахъ количества. Начинается нашъ текстъ апокалиптическимъ трактатомъ столь обычнаго въ коптоэѳіопской литературѣ типа. Въ этотъ трактатъ включенъ другой трактатъ, въ которомъ вмѣсто Богородицы въ нѣкоторыхъ изводахъ выступаютъ Ангелы, включено также нѣсколько формулъ, и одна изъ нихъ даже въ видѣ самостоятельной «молитвы ради мученія смерти»; формулы вставлены и послѣ окончанія трактата. Далѣе слѣдуетъ новое вступленіе и новое апокалиптическое, совершенно аналогичное первому, начало ряда формулъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Затѣмъ идутъ формулы, названныя «молитвами о прохожденіи неба» и, наконецъ, также аналогичное концу первой части апокалиптическое заключеніе, имѣющее назначеніемъ подчеркнуть чудодѣйственное значеніе свитка. Кромѣ того, одна изъ имѣвшихся у насъ рукописей присоединяетъ сюда еще двѣ заклинательныя формулы и два послѣсловія, указывающихъ на силу книги. Такимъ образомъ въ данномъ произведеніи соединено по крайней мѣрѣ четыре отдѣльныхъ текста, не считая присоединенныхъ мелкихъ формулъ:

а) первая половина до «Во имя... Повѣдаемъ»...; б) вторая бесѣда Спасителя съ Богородицей о величайшемъ имени; в) молитвы «прохожденія неба»; г) заключеніе. Объединяющимъ элементомъ является назначеніе книги—облегчать покойнику загробное странствіе, борьбу съ демонами и проникновеніе на небо и средства для достиженія этихъ цѣлей—магическія имена Божіи. Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь то, что было сказано нами [225] и многими другими [226] объ общей едва ли не всѣмъ суевѣріямъ вѣрѣ въ силу слова и таинственныхъ именъ и о гностическомъ происхожденіи большей части запаса этихъ именъ у эѳіоповъ; равнымъ образомъ мы не будемъ останавливаться на попыткахъ разобрать безчисленное количество этихъ именъ, даваемыхъ нашимъ текстомъ. Замѣтимъ только, что многія изъ нихъ тожественны съ упоминаемыми въ аналогичныхъ произведеніяхъ, напр. въ параллельныхъ по содержанію апокалиптико-магическихъ заупокойныхъ трактатахъ, также помѣщаемыхъ въ рукописяхъ погребальныхъ требниковъ [227], въ магическомъ трактатѣ «Ученики» (Arde'et) [228] въ изданной нами молитвѣ «Скажи мнѣ имя Твое» [229] и т. д. Замѣтимъ только, что нашъ текстъ даетъ имена 4 животныхъ (не замѣчая, что именъ пять) и прямо говоритъ, что еврейскій алфавитъ—имена Св. Троицы (ЛБ). Интересно неоднократное (въ Л и ЛБ) упоминаніе извѣстныхъ «Sator Areto Tenet Otera Rotas» въ эѳіопскомъ искаженіи, «Sādor Alādor Dānāt Odirā Rodās», какъ именъ гвоздей Христовыхъ (пяти!). По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что и въ изданномъ и переведенномъ Краллемъ [230] копт-

---

[225] Эѳіопскія orationes falsae и exorcismi въ Recueil de travaux pour M. Daniel Chwolson.

[226] Wessely, Ephesia Grammata, Wien 1886. Chabas, Le papyrus magique Harris. Chal. s. S. 1860. Conti Rossini, La red. Etiop. d. preghiera d. Vergine fra i Parti Rendiconti Accad. Lincei 1896 (V) 457—460 и др.

[227] Basset, Les apocryphes Éthiopiens, VIII, 1—15.

[228] Изд., переводъ и изслѣдованіе Littmann, Journ. of American Oriental Society XXV, 1—48. Объ именахъ см. pp. 4—5. Его-же Gesch. d. äthiopischen Litteratur (Die Litter. d. Ostens VII, 2), p. 238 (имя Bersābeheljos). [229] Эѳіопскія orationes falsae... стр. 20—22.

[230] Mittheilungen a. d. Sammlung d. Papyrus Erzh. Rainer 1892, V, p. 6—7.

скомъ заклинаніи райнеровскаго собранія за этими и другими аналогичными магическими словами слѣдуетъ: «я прошу и молю васъ и заклинаю васъ предъ Распятымъ на крестѣ»... И здѣсь можетъ быть не случайная связь, а если такъ, то еще увеличивается увѣренность въ близости эѳіопскаго суевѣрія къ египетскому. И здѣсь, какъ у коптовъ, магическое значеніе имѣютъ 318 отцовъ и 40 мучениковъ.

Египетскій гностическій источникъ богатой абиссинской отреченной литературы едва ли подлежитъ сомнѣнію. Какимъ путемъ и когда онъ воздѣйствовалъ на эѳіопскую письменность, а также въ какой мѣрѣ эѳіопскія произведенія являются переводами, въ какой передѣлками и подражаніями, сказать не легко по понятнымъ для всякаго эѳіописта причинамъ. Больше вѣроятія предположить арабское посредство, нежели непосредственный переводъ съ греческаго или коптскаго. Что касается нашего текста, то онъ могъ возникнуть на абиссинской почвѣ, какъ подражаніе многочисленнымъ аналогичнымъ апокалиптико-магическимъ произведеніямъ, возможно, что въ своемъ окончательномъ видѣ онъ появился не сразу, и что отдѣльныя формулы, входящія въ его составъ болѣе древняго (можетъ быть, даже египетскаго) происхожденія, чѣмъ цѣльный «свитокъ» въ искусственной формѣ. Время происхожденія его, конечно, не опредѣляется тѣмъ, что древнѣйшая рукопись восходитъ къ XVI вѣку, но интересно, что эта рукопись даетъ сравнительно правильный, стройный и болѣе краткій текстъ, тогда какъ остальныя изъ имѣвшихся у насъ подъ руками обнаруживаютъ прибавки, вставки, иногда искажающія смыслъ, дѣлятъ на части то, что должно быть вмѣстѣ, и т. п. Въ этомъ отношеніи особенно далеко ушелъ свитокъ Азіатскаго музея, который любитъ совершенно некстати превращать отдѣльныя части формулъ въ самостоятельныя «молитвы о прохожденіи неба» и даже помѣщать это заглавіе передъ повѣствовательными частями. Очевидно, для него текстъ окончательно превратился въ сборникъ безсвязныхъ и безсмысленныхъ магическихъ формулъ.

Мы уже неоднократно и раньше, и по поводу даннаго текста указывали на аналогіи съ древне-египетской магіей. Объ этомъ говорили и Литтманнъ и Конти Россини. Читая продукты абис-

сийской магіи, дѣйствительно, можно забыть, что имѣешь дѣло съ христіанской литературой, а не съ разсказами объ Исидѣ, магическими папирусами и заупокойными текстами. И Исида добивалась у Ра знанія его сокровеннаго имени... И египтянинъ шелъ въ загробный міръ, не столько полагаясь на свою праведность, сколько на свитокъ оправданія предъ Осирисомъ и побѣды надъ чудовищами мрака—тексты пирамидъ и Книгу Мертвыхъ, причемъ не упускалъ случая сойти за бога, перечислить его имена и увѣрить опасныя для него существа, что онъ «знаетъ ихъ, знаетъ и имена ихъ»... Невольно напрашивается мысль о духовномъ родствѣ двухъ нильскихъ народовъ, этнографическій составъ которыхъ весьма близокъ; хамитская основа, растворенная семитической колонизаціей.

Считаемъ не лишеннымъ интереса указать еще на одну параллель, встрѣчающуюся въ одномъ чинѣ погребенія іереевъ, найденномъ покойнымъ проф. Красносельцевымъ [231] въ рукописи соловецкой библіотеки и вѣроятно переведенномъ съ греческаго. Въ немъ предъ послѣдними чтеніями изъ Св. Писанія указано: «Напиши имена аггельскаа и дай (покойному) священнику въ десную руку». Слѣдуетъ краткая молитва: Аггели Архангели. Михаиле и Гавріиле. Уриле и Рафаиле. Рагаиле. Варфонаиле Парфоноиле. Сарсаиле. Салатеиле. Ехиоть. Вся небесныя силы помозите рабу Божію (имя рекъ»). Эта молитва обусловила изгнаніе чина изъ русскихъ требниковъ и объявленіе его произведеніемъ «еретика Еремѣя, попа болгарскаго».

СПБ., Мартъ 1908 г.

[231] Къ исторіи православнаго богослуженія. Православн. Собесѣдникъ 1887—9. Отд. оттискъ стр. 203 и 233.

Настоящая статья въ отдѣльныхъ оттискахъ представляетъ собою выпускъ «Памятникъ Эфіопской Письменности».

Ц. Ж. Жамцарано.

Онгоны агинскихъ бурятъ.

Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, подъ руководствомъ Д. А. Клеменца, собраны и собираются богатѣйшія коллекціи по шаманству среди сибирскихъ инородцевъ-бурятъ, тунгусовъ, минусинскихъ инородцевъ, алтайцевъ, остяковъ, якутовъ и пр. Когда откроется этнографическій музей, эти коллекціи помогутъ ученымъ понять и изучить шаманство. Мы же пока дадимъ описаніе нѣсколькихъ *онгон'овъ*, собраныхъ нами по порученію Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III—въ 1905 г. среди агинскихъ бурятъ (Забайкальской области, Читинскаго уѣзда)—въ раіонѣ падей Адгаликъ, Шандали, Хужертай, населенныхъ бурятами бодонгутскаго рода. Нами была собрана довольно богатая и очень цѣнная коллекція. За неимѣніемъ мѣста и времени намъ здѣсь пришлось ограничиться лишь описаніемъ онгоновъ (изображеній духовъ) въ связи съ тѣми, кто на нихъ изображенъ, оставивъ въ высшей степени интересныя шаманскія принадлежности, какъ головные уборы, бубны, бичи, трости, зеркала, амулеты и прочее.

Онгоны наши интересны еще тѣмъ, что они собраны среди буддійскаго населенія, гдѣ имѣются дацаны, школы по буддійской философіи, тибетской медицинѣ, символикѣ и сотни ламъ. Шаманство въ годъ нашей поѣздки даже пыталось возродиться на счетъ господствующаго буддизма. Подъ предлогомъ отчаянія отъ ужасной засухи и неурожая, были возстановлены въ широкомъ масштабѣ кровавыя шаманскія жертвоприношенія тэнгріямъ (небеснымъ богамъ), усиленъ былъ исчезающій культъ онгоновъ, который существовалъ въ видѣ слѣдовъ прежняго шаманства, нѣсколько лицъ были посвящены въ шаманы и т. д.

Въ одномъ только небольшомъ раіонѣ Шандали было принесено въ жертву до 200 овецъ въ теченіе почти одной недѣли. Въ другихъ раіонахъ Агинской степи также держалось шаманство, но особенной попытки возрожденія не проявляло.

Отзывчивость шандалинцевъ къ шаманству объясняется тѣмъ, что бодонгутцы являются выходцами изъ долинъ рѣки Хилокъ, гдѣ до сихъ поръ шаманство не исчезло, а во время переселенія бодонгутцевъ, лѣтъ 50 тому назадъ, шаманство было еще въ силѣ. И происхожденіе нижеописанныхъ онгоновъ объясняется бурятами тѣмъ, что онгоны (духи) прибыли съ р. Хилокъ вмѣстѣ съ переселенцами, спрятавшись въ переметныхъ сумахъ, въ сундукахъ, мѣшкахъ и т. п.

Описываемые онгоны зарегистрированы нами въ коллекціяхъ Музея подъ № 83. Въ скобкахъ поставленъ № регистраціи. Приложенные снимки сдѣланы фотографомъ этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III—г. А. Н. Павловичемъ, за что выражаемъ ему глубочайшую благодарность. За неимѣніемъ мѣста—пришлось ограничиться немногими снимками

I (59) *дабаї̆* (дабай)—представляетъ собой куклу бурятской дѣвицы (рис. 1). Одежда изъ синей дабы, черезъ лѣвое плечо надѣта красная лента—«орхимжи» (знакъ обѣта воздержанія у буддистовъ). Шапка и отвороты рукавовъ черные барашковые; поясъ красный; на шею подвѣшены раковина *Cyprea moneta* и двѣ цвѣтныя бусы. Къ затылку куклы пришитъ ремешокъ для при-

крѣпленія онгона къ стѣнѣ юрты. Ростъ онгона—18,5 cm. Онгонъ изображаетъ дѣвицу Дабай, прозванную за свою образованность учительницей—*бакші*. Но буряты не могли мнѣ выяснить подробно, кто такая «Дабай» и почему, будучи буддисткой, она сдѣлалась онгономъ.

Онгонъ Дабай покровительствуетъ скотоводству, въ частности разведенію рогатаго скота.

Онгонъ хранится на хозяйкиной, то есть восточной половинѣ юрты.

II (60) *хэстэ*—«имѣющій бубенъ». Онгонъ (Рис. 2 и 3) сдѣланъ такъ: Въ обичайку миніатюрнаго шаманскаго бубна вставлена продольная деревянная перекладина, вырѣзанная въ видѣ фигуры мужчины. Къ шеѣ его прикрѣплена красная ленточка съ *Cyprea moneta*. Размѣръ изображенія бубна, по осямъ обичайки, 13 и 8,5 cm.

Съ лицевой стороны бубна подвѣшена кожица съ тремя фигурками человѣчковъ,—изъ коихъ двое мужчинъ вырѣзаны изъ желѣзной пластинки, а одна—женщина сдѣлана изъ желтой мѣди. Кожа подъ фигурками разрѣзана. «Человѣчки» называются *ілтаһаң* и символизируютъ душу онгона. Надъ головами онгона, къ углу кожи прикрѣпленъ птичій пухъ—*ўрбелге*.

Для подвѣшиванья онгона къ верхней половинѣ бубна сдѣлана ременная петля.

Кого изображаютъ фигурки—сами владѣльцы не могли объяснить. Главная фигурка—деревянная—должна изображать великаго шамана, жившаго на горѣ Барханъ (въ Баргузинѣ). Имя забыто. На кожѣ изображены, по однимъ толкованіямъ, самъ Хэстэ, его дядя и дочь или жена Хэстэ; по другимъ толкованіямъ—изображена жена Хэстэ съ двумя слугами.

Онгонъ хэстэ дѣлается и почитается противъ болѣзней, сопровождаемыхъ воспаленіями и язвами, противъ дифтерита, сибирской язвы, сифилиса и пр.

Кормятъ онгона жирной пищей. Онгонъ хэстэ помѣщается внутри юрты, въ югозападномъ углу. Хэстэ держится вмѣстѣ съ онгономъ «һолонгото».

III (61) *һолоңгото* (холонгото) — «имѣющій һолонго» (видъ хорька). Къ шкуркѣ һолонго прикрѣплена женская фигурка изъ желтой мѣди; къ шеѣ и животу шкурки подвѣшены цвѣтныя

ленточки бумажной матеріи. Онгонъ подвѣшенъ къ колышку, который втыкается въ щель юрты.

Онгонъ һолонгото изображаетъ великую шаманку. Но кого именно и за что—забыто. У шаманистовъ Иркутской губерніи һолонгото является мужчиной, великимъ шаманомъ *эргіл буга нојон туӈхеĭ*. Значеніе онгона һолонгото то же, что и хэстэ.

Оба онгона хэстэ и һолонгото весьма распространены среди всѣхъ шаманствующихъ бурятъ. Среди настоящихъ шаманистовъ бурятъ Иркутской губерніи, біографія онгоновъ извѣстна, но мы не имѣемъ права переносить эти данныя въ Агу, ибо каждое племя, каждый родъ понимаетъ и толкуетъ ихъ по своему. Мы должны довольствоваться тѣми матеріалами, какіе получены на мѣстѣ собиранія.

IV (66) *хошбӈгод.*—Онгонъ (Рис. 4) состоитъ изъ полоски кожи длин. 18, шир. 5 cm., на которую прикрѣплены 8 желѣзныхъ и одно мѣдное изображеніе «человѣчковъ» и одна желѣзная собачка. «Человѣчковъ» должно быть 11 или 12. Подъ каждымъ человѣчкомъ кожа разрѣзана. Надъ головой каждаго человѣчка торчитъ по птичьему перышку и треугольному кусочку краснаго сукна. Вдоль верхняго края кожи, подъ головами «человѣчковъ» протянута прядь конскихъ волосъ. Онгонъ отъ частаго кормленія страшно засаленъ. Слѣдующій хошонгод сдѣланъ иначе.

V (67). *хошбӈгод*—состоитъ изъ 13 отдѣльныхъ «человѣчковъ» и 2 собачекъ. Причемъ, изъ «человѣчковъ» 7 мужчинъ сдѣланы изъ желѣза, а 6 женщинъ изъ желтой мѣди. Одна собачка сдѣлана изъ желѣза, другая изъ кошмы. Всѣ фигуры, въ отличіе отъ предыдущаго (IV) хошонгод, не прикрѣплены къ кожѣ, а положены въ войлочную (изъ кошмы) конвертовидную сумочку—дворецъ (*ордо*) (см. рис. 7). Часть «человѣчковъ» сдѣлана совсѣмъ маленькими и обвернута овечьей шерстью. Очевидно, эти маленькіе изображаютъ дѣтей.

Хошонгод является однимъ изъ популярнѣйшихъ онгоновъ у племени хори-бурятъ. У другихъ племенъ, напр.. хонгодоровъ, эхиридовъ, булгадовъ (бурятъ Иркутской губерніи) мы не встрѣчаемъ хошонгод.

О происхожденіи хошонгод нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. Пока намъ извѣстно лишь слѣдующее:

Въ «Исторіи хори-бурятскаго народа» Ванданъ Юмцунова въ главѣ о шаманскомъ вѣрованіи [1], подъ § 48 говорится, что хошонгод дѣлается въ видѣ 9 мужскихъ, 1 женской и 1 собачьей фигуръ, а фигуры означаютъ охотниковъ и переводчиковъ тринадцати ноёновъ, обоготворяемыхъ хори-бурятами. Эти 13 ноёновъ обитаютъ кругомъ озера Байкала. По словамъ же современнаго агинскаго шамана Тухуренъ, Чингис-ханъ оставилъ на островѣ Ольхонѣ на одной скалѣ 13 рисунковъ: 1 свой и 12 своихъ сподвижниковъ—на память потомству. Хори-буряты первые установили обрядъ почитанія этихъ господъ (ноён'овъ). Впослѣдствіи культъ 13 ноёновъ распространился широко.

По одному преданію, хошонгод изображаетъ 7 охотниковъ Чингиса, потонувшихъ въ Байкалѣ, ихъ собаку и женъ, оставшихся живыми.

Онгонъ хошонгод покровительствуетъ скотоводству; онъ хранится на восточной половинѣ юрты.

VI (69) *шандагато̆*—«имѣющій шкуру зайца (ушкана)» (Рис. 5). Къ шкуркѣ бѣлаго зайца въ серединѣ прикрѣплено рисованное на шелковомъ лоскуткѣ изображеніе женщины; голова на парчѣ, лобъ и носъ изъ олова, глаза изъ бисеринокъ; волосы—изъ нитокъ. На ушахъ сережки, на шеѣ ожерелье изъ коралла, на груди—нагрудникъ (*гоу*) въ видѣ опрокинутой дуги. Къ рисунку приложенъ «женскій», т. е. мѣдный, iлтаhан. На головѣ птичье перышко. Къ рисунку и къ ушамъ зайца привязаны ленточки. Заяцъ мордочкой подвѣшенъ къ березовой палочкѣ съ кошелькомъ для втыканія въ щель сарая. Къ онгону, въ качествѣ жертвоприношенія, приложенъ клѣтчатый платокъ—«шаль». Происхожденіе онгона шандагато въ раіонѣ изслѣдованія забыто Онгонъ съ зайцемъ очень распространенъ среди шаманствующихъ бурятъ; встрѣчается среди турковъ (минусинскихъ инородцевъ). Въ каждомъ раіонѣ—свое пониманіе онгона шандагато.

[1] Въ монгольской хрестоматіи А. М. Позднѣева (СПБ. 1900 г. Изд. факульт. Восточн. яз. № 7), эта глава напечатана подъ заглавіемъ «Шаманскіе тексты» (стр. 293), а въ предисловіи къ книгѣ (стр. XIV), говорится, что тексты взяты изъ шаманской рукописи.

Шандагато почитается въ видахъ хозяйственнаго благополучія. Хранится въ амбарѣ, сараѣ, на дворѣ, а иногда и въ юртѣ.

VII (65, 68, 71 72) *хоǐмороǐхǐ* (хойморойхи)—«находящійся на сѣверной, т. е. супружеской половинѣ юрты» (Рис. 6). Опишемъ наиболѣе типичный экземпляръ (65): На лоскуткѣ зеленоватаго атласа нарисована фигура женщины, но лицо помѣщено на красной парчѣ. Лобъ, носъ, глаза, сережки и нагрудное украшеніе сдѣланы изъ олова. Ожерелье изъ коралла и ляписъ-лазурика. Волосы обозначены овечьей шерстью. Подъ ногами онгона столъ—*ширэ̄*, надъ головой птичье перо. Къ рисунку приложенъ мѣдный *ілтаhаŋ*. Къ шеѣ онгона прикрѣплены ленточки бѣлаго хадака и желтаго сырцоваго шелка. Шапка онгона бобровая, отвороты рукавовъ изъ лисьяго мѣха. Съ задней стороны къ рисунку, въ видѣ подкладки пришитъ лоскутокъ красной шелковой матеріи. Длина онгона 13 cm.

Онгонъ «хойморойхи» изображаетъ молодую бурятку, дѣлается нарядныМъ и даже называется *гоjо оŋгон*—нарядный онгонъ.

Экземпляры 68, 71 и 72 очень мало разнятся отъ только что описаннаго.

Онгоны хойморойхи хранятся въ кожаныхъ сумочкахъ. Въ сумочкахъ находятся остатки пищи, какъ то хлѣба, чая, сушеной пѣнки и пр.

О происхожденіи онгона хойморойхи мы имѣемъ такія свѣдѣнія (къ 68): Молодая бурятка Бугалин, дочь Унагана, жена Худай-Хоредоя, невѣстка Улукшона сошла съ ума и утопилась. Съ тѣхъ поръ и сдѣлалась онгономъ.

Другое преданіе гласитъ: онгонъ хойморойхи изображаетъ дѣвушку Бальжид, дочь шамана Бурту, рода Харнӯд (не хори-бурятскій, а булгад-бурятскій родъ); она обитаетъ въ мѣстности Эрги-бургэ, гуляетъ по Элhэтэ-ундур; гдѣ находятся эти мѣста не извѣстно.

Онгонъ хойморойхи является супружескимъ онгономъ и дѣлается новобрачными ради семейнаго счастія и чадовитости. Дѣлаютъ и тогда, когда дѣти «не стоятъ», т. е. постоянно умираютъ.

VIII (64, 77 и 85) *хӯге оӈгон*—«ребенокъ или дѣвушка онгонъ» (Рис. 8 и 9). Всѣ три №№ отличаются другъ отъ друга по своему исполненію. Экземпляръ первый (64) нарисованъ на лоскуткѣ синяго атласа, снабженъ мѣднымъ ілтаһан. Глаза изъ олова; подъ ногами—ширэ, надъ головой птичье перо—*ӯрбелге*. Шапка и отвороты рукавовъ мѣховые. Къ шеѣ прикрѣплена ленточка бѣлаго хадак'а. Ни сережекъ, ни ожерелья нѣтъ. Экземпляръ второй (77)—миніатюрной величины, также нарисованъ на лоскуткѣ синяго атласа, подъ ногами ширэ, на головѣ ясно виденъ вѣтвистый рогъ *јодор* (ёдор), напоминающій дерево [1]. Къ груди и пупку прикрѣплены ленточки хадака. Къ рисунку приложенъ мѣдный ілтаһан. Надъ головой онгона—птичье перышко. Третій № (85) состоитъ изъ двухъ экземпляровъ, одинаково выполненныхъ. На лоскуткахъ синяго атласа нарисованы, очевидно, дѣтскія фигурки, съ пухлыми ногами и руками, на головѣ ёдор, подъ ногами ширэ. Нѣтъ ни ілтаһан ни перышка, ни ленточекъ. Эти два экземпляра ближе къ смыслу ребенка-онгона.

Хуге онгоны хранятся въ кошемныхъ сумочкахъ. Относительно перваго (64) говорится, что онгонъ держится на сѣверной половинѣ юрты, а относительно второго (77)—на западной крышѣ юрты.

О происхожденіи хуге онгона мы имѣемъ такія свѣдѣнія. Онгонъ (77) изображаетъ дѣвочку Хулер, дочь Бороя, умершую отъ сумасшествія. Культъ дочерей Бороя, подъ видомъ культа «заян'овъ», сильно распространенъ среди бурятъ Иркутской губерніи и тамъ имѣются подробныя свѣдѣнія. По другому преданію, хуге онгонъ (85) изображаетъ бурятку Бишхан, дочь Амишхана, изъ мѣстности Хӯсȯто, умершую отъ сумасшествія. Гдѣ находится эта мѣстность не извѣстно. Извѣстно лишь одно, что родина хуге онгона—Хоринское вѣдомство, Верхнеудинскаго уѣзда.

---

[1] Всѣ рисованные онгоны должны имѣть *јодор*, но не на всѣхъ экземплярахъ онъ виденъ.

Хуге онгон держатъ противъ сумасшествія, язвъ, ранъ, отъ дѣтской смертности и пр. Хозяйка онгона № 77, ламаитка— дала намъ очень характерный отвѣтъ. Она сказала:

— «Когда поумерли всѣ наши дѣти, когда болѣзни и горе одолѣли нашу семью, были возстановлены обычаи предковъ и сдѣланы соотвѣтствующіе онгоны мы обратились къ шаманамъ исчерпавъ всѣ средства у ламъ».

Хуге онгон вкушаетъ барановъ и козъ, обыкновенно въ степи. Уже послѣ кормленія въ степи приносятъ его домой и держатъ и кормятъ обычнымъ для всѣхъ почти онгоновъ образомъ, т. е. дѣлятся съ нимъ чаемъ, масломъ, сметаной, хлѣбомъ и пр. пищей, которою питается семья.

IX (83, 87). *хӱлбӱрiн ӱзӯреiхi* (хулбурійн узурэйхи)—«находящійся у ногъ постели (супруговъ)». На лоскуткѣ краснаго шелка нарисована фигура женщины, но голова—на парчѣ. Возлѣ женщины—фигура падающаго ребенка. Подъ ногами матери— ширэ. Къ фигурѣ матери приложенъ мѣдный iлтаhан. Къ поясу прикрѣпленъ пучекъ ленточекъ. Отвороты рукавовъ и шапка мѣховые. Надъ головой пушокъ степного орла (*тарбажi*). Украшеній нѣтъ.

Экземпляръ № 87 отличается тѣмъ, что ребенокъ стоитъ рядомъ съ матерью и подъ его ногами такое же ширэ, какъ и у матери.

Онгоны хранятся въ кошемныхъ *ордо* (рис. 7). О происхожденіи онгона хулбурійн-узурэйхи имѣемъ такія свѣдѣнія: Онгонъ № 83 изображаетъ молодую бурятку Тāhай, дочь шамана Тарбажи, рода Харгана, имени Хори. Таhай умерла отъ несчастныхъ родовъ и сдѣлалась онгономъ.

По другому показанію, онгонъ (87) изображаетъ молодую бурятку Архан, дочь (или невѣстку) шамана Арбай, рода Хуасай, племени Хори. Архан, будучи еще дѣвушкой, имѣла любовника и забеременѣла, «обезчестила себя». Ее выдали замужъ въ послѣднемъ періодѣ беременности. Когда ее привезли къ жениху, молодые люди съ жениховой стороны стали смѣяться, говоря: «сегодня справимъ свадьбу, а завтра отпразднуемъ *мiлангуд* новорожденнаго». Молодая не вынесла позора и укрывшись а одѣяло, которое вмѣсто занавѣси было растянуто передъ

кроватью молодыхъ супруговъ,—повѣсилась у ногъ постели. Ребенокъ выпалъ. Послѣ смерти Архан сдѣлалась онгономъ.

Онгонъ Хулбурійн-узурэйхи помогаетъ при трудныхъ родахъ не только у женщинъ, но и у овецъ, козъ и пр., а также содѣйствуетъ чадовитости.

Кормятъ онгона бараномъ, молочной пищей и пр.

X (76) *мэнгэлен басаган*—«дѣвица Мэнгэлен». Тѣло онгона изображено на красномъ шелку, голова на парчѣ. Носъ, лобъ, глаза, сережки и ожерелье изъ олова; шапка и отвороты рукавовъ изъ пушнины; къ шеѣ пришитъ пучокъ шелковыхъ ленточекъ. Онгонъ хранится въ кошемномъ ордо.

Относительно происхожденія онгона говорятъ: Мэнгэлен басаган есть пріемная дочь монгола Зандан Годой и родная дочь Зайлаг Тэнгрія (богача). Почему она стала онгономъ—неизвѣстно.

Держится онгонъ Мэнгэлен басаган ради рожденія и сохраненія дѣтей, а также противъ болѣзней съ язвами; кормятъ его бараномъ. Посвящаютъ онгону сивую козу, а шаману, совершившему обрядъ кормленія онгона, даютъ черную козу.

XI (88) *хўхў торгон дэгэлтў* — «онгонъ, имѣющій синюю шелковую одежду». На лоскуткѣ синяго атласа нарисована фигура женщины; къ рисунку приложенъ мѣдный ілтаһан и прикрѣплены бѣлыя ленточки. Подъ ногами ширэ. Онгонъ хранится въ обычномъ кошемномъ ордо.

О происхожденіи и значеніи этого онгона ничего неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, онгонъ подъ псевдонимомъ «имѣющій синюю шелковую одежду» продолжаетъ пользоваться почетомъ.

XII (73, 74, 75). *улāн дэгэлтў*—онгонъ «имѣющій красный костюмъ». Въ большомъ кошемномъ ордо находятся: 1) кукла дѣвицы въ красной шелковой одеждѣ; 2) кукла мальчика въ бѣлой барашковой одеждѣ и 3) кукла верблюда, сдѣланная изъ кошмы.

У дѣвицы глаза, носъ, сережки и ожерелье сдѣланы изъ свинца. Черезъ лѣвое плечо надѣта красная лента *орхимжи* (знакъ обѣта воздержанія у буддистовъ). Этотъ онгонъ представляетъ дочь Атан тэнгрія, спустившуюся съ неба и почтительно прозванную *Убасанса-баабай* (*бāбай*) (монахиня дядюшка).

*

Атан тэнгри въ хори-бурятскомъ шаманствѣ является покровителемъ богатства скотомъ, въ частности лошадьми. Длина онгона 26 cm.

Вторая кукла—мальчикъ, со шнуркомъ на поясѣ у пупка, напоминаетъ бурятскаго мальчика, и изображаетъ сына Убасанса баабая. Почему то мальчика зовутъ бакши (*бакшӥ*)—учитель. По другому показанію, эта маленькая кукла и въ самомъ дѣлѣ изображаетъ дядьку или учителя убасанса баабая.

Верблюдъ (*тэмэн*) изображаетъ того самаго верблюда, на которомъ оба онгона при жизни ѣздили и перевозили свой багажъ.

Онгона Улан дэгэльту держатъ ради дѣтей

Кормятъ черезъ каждые три года бѣлымъ бараномъ. Ѣдокомъ является только бакши.

Хранятъ этотъ онгонъ на западной стѣнѣ юрты, снаружи.

XIII (78, 79). *абанхан ӱбӱнхӱн хојор*—«онгоны Абанхан и Убунхун». На синей полоскѣ матеріи, длиною 37,5 cm., нарисованъ Абанхан мужъ, но голова—на бѣлой матеріи. Ілтаһан желѣзный. Длина рисунка 8 cm.—На темнокрасной полоскѣ такого же размѣра нарисована жена—Ӱбӱнхӱн; ілтаһан мѣдный. Онгоны хранятся въ кошемномъ ордо, страшно засаленномъ. О значеніи нѣтъ свѣдѣній; кормятъ онгоновъ двумя баранами. Держатъ на западной стѣнѣ юрты.

XIV (80) *һамга іжі* (хамга ижи) или *шара торгон дэгэлту*—онгонъ «баба-матушка» или «имѣющій желтую шелковую одежду». На лоскуткѣ желтаго сырцоваго шелка нарисованы 4 человѣческія фигуры: 3 мужчины и 1 женщина. Фигуры снабжены соотвѣтствующими ілтаһан. Трое мужчинъ, говорятъ, изображаютъ сыновей бабушки. Онгонъ хранится въ кошемномъ ордо. Держатъ его на крышѣ и въ юртѣ.

Данный экземпляръ онгона былъ сдѣланъ ради спасенія дѣтей отъ эпидеміи.

При освященіи онгона, въ юртѣ былъ заколотъ жертвенный баранъ, на дворѣ совершено молебствіе, затѣмъ въ степи было еще жертвоприношеніе изъ барана и козла.

О происхожденіи онгона һамга-ижи свѣдѣній не имѣется.

XV (82) *ӱндӱр эзен* (ундур эзэн)—«Высокій господинъ». На лоскуткѣ темносиней шелковой матеріи нарисованы четыре человѣческія фигуры, но головы—на бѣлой матеріи. Трое изъ нихъ изображаютъ мужчинъ и имѣютъ желѣзный ілтаhан, а одна фигура представляетъ женщину и имѣетъ мѣдный ілтаhан. Онгонъ хранится въ кошемномъ ордо.

Первая мужская фигура изображаетъ самого Ундур эзэн, великаго шамана Билик, сына Ширэльжена. Ундур эзэн считается не только шаманомъ, но и славнымъ ноёномъ (по одному показанію титулуются—Бишик ноён, дарга Бāбай). Часто Ӱндур эзэна зовутъ просто сѣдовласымъ папашей—*бӯрал бāбаĭ*. Слѣдующая фигура изображаетъ жену шамана, великую шаманку Бишик удаган (по другому показанію—билик удаган). Остальныя двѣ фигуры—сыновья Ӱндӱр эзэна.

Ӱндӱр эзэн считается очень солиднымъ и добрымъ духомъ и пользуется большимъ авторитетомъ среди хори-бурятъ. Мѣстопребываніе его находится на горѣ Шалсāна, въ долинѣ р. Кежинга, хоринскаго вѣдомства, Верхнеудинскаго уѣзда.

Онгонъ Ундур эзэн предохраняетъ отъ дѣтскихъ болѣзней и другихъ несчастій.

При освященіи онгона его кормятъ въ юртѣ бараномъ, а при молебствіи на дворѣ рѣжутъ барана и козла. Кромѣ того, онгону, для его ѣзды, посвящаютъ сиваго коня.

XVI (84) *награĭ бō* (Награй бо) *нагалжін хатан*—«шаманъ Награй и супруга его Нагалжин». Шаманъ изображенъ на синей, жена на красной полоскѣ, а головы—на бѣлой полоскѣ, къ которой пришиты двѣ указанныя полоски. Ілтаhан отсутствуетъ; надъ головой каждаго торчитъ птичье перышко.

Точныхъ свѣдѣній о происхожденіи онгона нѣтъ. Извѣстно, что Награй былъ великимъ шаманомъ и обиталъ на Баргузинѣ. Этого Награя почитаютъ не только хори-буряты, но и эхирид и булгад-буряты.

Экземпляръ былъ найденъ брошеннымъ и о его значеніи свѣдѣній не получено.

XVII (81) *моӊгол*—онгонъ «Монголъ». На лоскуткѣ бѣлой бязи нарисованы 4 человѣческія фигуры—1 мужчины и 3 жен-

щипъ. Къ каждой фигурѣ приложенъ соотвѣтствующій полуілтаhан. Онгонъ хранится въ кошемномъ ордо.

Дѣлаютъ этотъ онгонъ ради сохраненія здоровыхъ и для исцѣленія больныхъ дѣтей. Кормятъ онгона бараномъ. Держатъ внѣ юрты.

О происхожденіи онгона монгол свѣдѣній не получено.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ онгонахъ вообще.

Онгонами называютъ какъ самое изображеніе, такъ и того духа, который изображенъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ мы видимъ, онгонами становятся, главнымъ образомъ, умершіе шаманы, шаманки, поёны или простые люди, кончившіе свою жизнь неестественною смертью, какъ-то повѣсившіеся, сумасшедшіе, погибшіе отъ трудныхъ родовъ и т. д. Могутъ быть предметомъ культа какъ единичныя лица, такъ и семьи и группы лицъ, и вообще всѣ тѣ, души которыхъ обѣщаютъ быть полезными или вселяютъ суевѣрный страхъ, если ихъ не почитать.

По своимъ внутреннимъ качествамъ онгоны могутъ быть раздѣляемы на двѣ категоріи. Великіе шаманы, шаманки, поёны и т. п. почтенныя лица становятся духами покровителями вѣрующихъ, защитниками отъ разныхъ несчастій. Эти духи являются эдзенами (господами) горъ, долинъ, озеръ и пр. Жертвоприношенія имъ носятъ характеръ торжественнаго подчиванія, угощенія, какъ существъ высшихъ и сильныхъ.

Другое дѣло духи низшаго разряда, т. е. умершихъ преждевременно, повѣсившихся, сумасшедшихъ и т. п. Они являются мелочными, придирчивыми, безсильными, но вредными. Они могутъ облюбовать какую нибудь семью и причинять вредъ, посылать болѣзни, сѣять раздоръ, поѣдать дѣтей и т. д. Сюда не относятся тѣ сумасшедшіе, которые обоготворены и имѣютъ небесное происхожденіе, напр., дочери Бороя—*заяны*. Жертвоприношеніе низшимъ онгонамъ носитъ характеръ выкупа и совершенно осмысленно называется «кормленіемъ».

По своей популярности—онгоны могутъ быть весьма различны. Начиная съ племенныхъ и родовыхъ онгоновъ и кончая

улусными и семейными. Бываютъ онгоны чисто географическаго значенія, духи опредѣленныхъ мѣстностей. Они могутъ быть предметомъ культа всѣхъ мѣстныхъ жителей, независимо отъ того, какого рода и племени эти жители и эти онгоны.

Съ точки зрѣнія родового быта—онгоны могутъ быть «свои» (*халӯн*—теплые) и «чужіе» (*харі*).

Каждому онгону пріурочиваются особые обряды и традиціи.

По своему значенію онгоны могутъ быть весьма разнообразны. Выше въ текстѣ мы видѣли, что культъ того или иного онгона ставится въ связь съ хозяйственнымъ благополучіемъ, съ семейнымъ счастьемъ и съ болѣзнями. Но могутъ быть онгоны чисто спеціальнаго характера, напр., охотничьи, кузнечные и пр.

Земныхъ духовъ не надо смѣшивать съ богами—тэнгріями, обитающими на небесахъ, и полубогами, т. е. происходящими отъ тэнгріевъ съ одной стороны, или обоготворенныхъ за свои великія дѣла.

Боги-тэнгріи и полубоги (напр., 13 ноёновъ у хори бурятъ) почитаются обществомъ, или имъ «приносятъ жертву» всѣмъ обществомъ.

Чѣмъ выше по рангу духи и боги, тѣмъ рѣже воспроизводятъ ихъ изображенія. Тэнгріи, напр., не изображаются.

Однако солнце и луну принято изображать, въ видѣ лучезарныхъ круговъ. А у бурятъ Иркутской губерніи мы даже можемъ прослѣдить цѣлую эволюцію въ пониманіи солнца и луны, въ смыслѣ «очеловѣченія», начиная съ круговъ, изображающихъ непосредственно солнце и луну и кончая «эдзэн'ами»—хозяевами ихъ.

Мы подошли къ онгонамъ—изображеніямъ. Здѣсь скажемъ, что мы можемъ прослѣдить исторію развитія, такъ сказать, «онгонскаго искусства»—начиная съ грубыхъ статуй, деревянныхъ, глиняныхъ и кончая металлическими пластинками и рисунками на матеріи. Изображенія всегда грубы, но если сравнить технику изображеній онгоновъ у Агинскихъ бурятъ и Иркутскихъ бурятъ, то мы предпочтеніе отдадимъ первымъ. Кстати—напомнимъ, что у Агинскихъ бурятъ принято рисовать внѣшній контуръ тѣла онгона, а у Иркутскихъ—остовъ.

Матерія, на которой нарисованъ онгонъ, указываетъ на одежду. Если, напр., онгонъ нарисованъ на синемъ шелку, то

значитъ при жизни онъ ходилъ въ синей шелковой одеждѣ. Необходимо остановиться на шаманскихъ иконахъ (рисованныхъ онгонахъ). Мы видѣли металлическихъ человѣчковъ ілтаһан, птичье перо—урбэлгэ, рога на головѣ онгона—јодор и столъ подъ ногами—ширэ.

Ілтаһан, какъ мы уже говорили въ описаніи, символируетъ душу, духовную мощь онгона (*һӳнӳһе-һӳlде*). У бурятъ Иркутской губерніи намъ не приходилось различать мужской и женскій ілтаһан. Тамъ ілтаһан главнымъ образомъ дѣлается изъ жести какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ фигуръ. Встрѣчаются и желѣзные ілтаһан. У Агинскихъ бурятъ—желѣзо считается мужскимъ, а желтая мѣдь—женскимъ металлами.

Ӳрбэлгэ.—Относительно птичьихъ перьевъ надъ головой намъ приходилось слышать, что перья показываютъ на способность онгоновъ летать по воздуху. Мы напомнимъ только, что шаманская шапка у бурятъ и турковъ (соётовъ, найти) часто дѣлается изъ птичьихъ перьевъ, и тогда сильно напоминаетъ шапки краснокожихъ индѣйцевъ. Потомъ желѣзная корона шамана—*маǐхабшi* (майхабши) украшается птичьимъ перомъ; точно также часто и кисть шаманской шапки *малгай*.

Јодор—то, что торчитъ, рога на головѣ онгона. Говорятъ, что јодор свидѣтельствуетъ о силѣ, божественности онгона. Но мы и здѣсь напомнимъ также, что шаманская желѣзная корона—майхабши, напоминающая, кстати, боевой шлемъ безъ пластинокъ, дѣлается съ двумя рогами, а каждый рогъ имѣетъ вѣтви—отъ трехъ до двѣнадцати. Въ нашихъ онгонахъ јодор напоминаетъ кустикъ, выросшій на макушкѣ онгона, а у Иркутскихъ бурятъ јодор дѣлается въ видѣ трехъ торчащихъ вверхъ прямыхъ роговъ.

Шiрэ̄—жертвенный столъ. У нашихъ онгоновъ рисунокъ мало напоминаетъ столъ, но у Иркутскихъ бурятъ столъ дѣлается съ ножками и напоминаетъ русскіе столы. О ширэ подъ ногами онгона говорятъ, что ширэ показываетъ, на чинъ онгона, именно, что онъ «былъ возведенъ» въ тò почетное положеніе, какое занимаетъ теперь. И здѣсь мы напомнимъ, что возведеніе шамана въ высшую степень сопровождается ширэ,—это съ одной стороны, и существуетъ особый обрядъ жертвоприношенія умершимъ шаманамъ—ставить столъ: *шiрэ̄ табiхō*.

Мы не осмѣливаемся, конечно, утверждать категорически, но на основаніи сказаннаго можно предполагать, что урбэлгэ, јодор и ширэ находятъ свое отраженіе въ шапкѣ, коронѣ и столѣ шамана, или вѣрнѣе наоборотъ, шаманъ, послѣ смерти—сохранилъ на рисункѣ слѣды своей шапки, короны и стола. Но распространеніе этихъ трехъ признаковъ на онгоновъ «не шамановъ» не позволяетъ намъ настаивать на указанномъ предположеніи.

Мы прекрасно сознаемъ, что онгоны наши во многихъ отношеніяхъ не освѣщены вовсе, или очень недостаточно освѣщены. Мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ достаточными фактическими матеріалами, ни временемъ, ни мѣстомъ, чтобы много распространяться.

Изъ описанія онгоновъ мы видѣли, что ихъ держатъ ради полученія совершенно конкретной выгоды хозяйственнаго или семейнаго благополучія или ради исцѣленія больныхъ, ради спасенія дѣтей отъ эпидеміи, отъ трудныхъ родовъ и т. д. Медицинское значеніе онгоновъ преобладаетъ. Темное населеніе, вмѣсто раціональной медицинской помощи, принуждено сперва обращаться къ ламамъ, а отчаявшись въ нихъ, обращается къ шаманамъ и онгонамъ. При другихъ условіяхъ такое явленіе было бы невозможно. Не будь народъ такъ невѣжественъ, будь у него близкая и доступная хорошая врачебная помощь—реальная цѣнность большинства онгоновъ изчезла бы. Будь хорошія акушерки—не дѣлали бы онгоны *Хўлбурī̄н-ўзӯреӣхі* (IX). А будь на мѣстѣ хорошій медицинскій пунктъ, съ отдѣленіямъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, будь хорошо организована борьба съ эпидеміями—дифтеритомъ, оспой и пр., были бы совершенно лишними онгоны II, VII, VIII, X, XII, XIV, XV и XVII; будь хорошая экономическая обезпеченность и устойчивое хозяйство, раціональное скотоводство—не было бы онгоновъ I, IV, V, VI и т. д.

Тьма царитъ въ степи. И эта тьма, это невѣжество, эта безпомощность въ степи поддерживается неблагопріятными условіями. До сихъ поръ у бурятъ нѣтъ ни одной общеобразовательной школы, доступной массѣ, школы, гдѣ бы знанія передавались на родномъ языкѣ, нѣтъ у бурятъ учителей, способныхъ создать и вести чисто бурятскую школу. И, быть можетъ,

еще долго буряты будутъ лечить своихъ больныхъ посредствомъ кровавыхъ жертвоприношеній, культа онгоновъ, шаманскихъ камланій, ламскихъ, дорого стоющихъ гурумовъ, отчитываній священныхъ книгъ, подаяній въ дацаны и ламамъ и проч.

СПБ., 15 апрѣля 1908 г.

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. Ж. Жамцарано.

Рис. 2. Онгонъ хэстэ (II).

Рис. 1. Онгонъ дабай (I).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. Ж. Жамцарано.

Рис. 3. Онгонъ хэстэ (II).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. Ж. Жамцарано.

Рис. 4. Онгонъ хошонгод. (IV).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. М. Жамцарано.

Рис. 5. Онгонъ шандагато (VI).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. Ж. Жамцарано.

Рис. 6. Онгонъ хоймоpойхи (VII).

Рис. 7. Ордо (Сумка для храненія онгоновъ).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Ц. Ж. Жамцарано.

Рис. 9. Хуте-онгонъ (VIII).

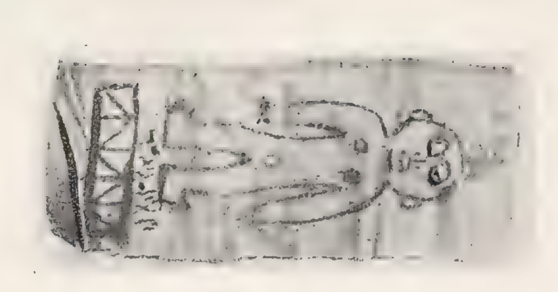

Рис. 8. Хуте-онгонъ (VIII).

А. Д. Рудневъ.

Мелодіи монгольскихъ племенъ.

I.

Музыка должна быть изучаема, какъ отрасль знанія, въ связи съ другими искусствами и науками.
Ю. Н. Мельгуновъ.

Задачей настоящей замѣтки является собрать воедино весь тотъ матеріалъ по музыкѣ монгольскихъ народностей, который имѣется въ различныхъ описаніяхъ путешествій, письмахъ миссіонеровъ, въ музыкальныхъ журналахъ, и пополнить его мелодіями, собранными моими знакомыми, а также мною самимъ, во время восьми моихъ экскурсій къ различнымъ монгольскимъ племенамъ.

Привожу списокъ доступной мнѣ литературы по этому вопросу, дополняя его указаніями на матеріалъ еще не опубликованный и мнѣ пока недоступный, вмѣстѣ съ перечнемъ сокращеній и условныхъ обозначеній, принятыхъ мною въ этой статьѣ.

Литература, ссылки и сокращенія.

Δ—указываетъ, что данная мелодія уже была напечатана однажды
* —указываетъ, что данная мелодія записана мною [1].

[1] Въ началѣ моихъ записей я заучивалъ наизусть мелодію и только тогда записывалъ. Потомъ сталъ записывать прямо съ голоса (въ c-dur или a-moll), въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ удавалось пользоваться при записи инструментами

Зап. = «Записана» или «записалъ» (и дальше обыкновенно слѣдуетъ мѣсто и дата записи).

Анохинъ.—Григорій Николаевичъ Потанинъ писалъ мнѣ 31/III 08, что онъ незадолго до того въ Томскѣ «хлопоталъ о томъ, чтобы состоялся докладъ г. Анохина въ собраніи музыкальнаго общества о вокальныхъ мотивахъ у алтайцевъ и у монголовъ, при чемъ г. Шадринъ, говорящій по алтайски и по монгольски, пропѣлъ нѣсколько номеровъ. Это послѣднее событіе должно быть Вамъ интересно. О немъ были даны отчеты въ здѣшнихъ газетахъ, въ «Сиб. Жизни» и въ «Голосѣ Томска».... Г. Анохинъ вмѣстѣ съ Ш. ѣдутъ на лѣто въ Монголію, А., спеціально записывать мотивы».

С. Б. — Санджи Баяновичъ Баяновъ (калмыкъ), Студ. Юрид. ф. Имп. СПБ. Унив., окончилъ курсъ Астраханской гимназіи въ 1906 г. Мелодіи зап. мною отъ него СПБ. XI 1908., причомъ онъ нерѣдко ихъ самъ наигрывалъ на роялѣ; многое припоминалъ онъ совмѣстно съ *Н. О.* часть мелодій зап. мною отъ него же, Сарепта, VII 1904, гдѣ онъ пѣлъ ихъ вмѣстѣ, съ *Э. Д.*

Бар.—Бадзаръ Барадіевичъ Барàдійнъ. Хори-бурятъ изъ мѣстности Ага, рода Саган (бѣлый). Род. въ 1878. Былъ въ Читинскомъ городскомъ училищѣ, потомъ 2 года въ гимназіи П. А. Бадмаева въ СПБ; позже—вольнослушателемъ СПБ. Унив. по санскритскому отд. фак. Вост. яз. Нынѣ и. д. лектора монг. языка. 2 года былъ въ путешествіи въ Амдо. Сообщалъ исключительно такія пѣсни, которыя ему хорошо извѣстны.

Вангур.—Тумутъ, изъ окрестностей г. Дзин-джоу (Гурбан-субурга), по имени Вангурджиб долго служилъ въ качествѣ прислужника (*taxilči*) въ одномъ изъ буддійскихъ храмовъ Пекина и въ 1901 г. былъ привезенъ

(піанино, рояломъ, гармоніумомъ, скрипкой или мѣстными: скрипками, флейтами). Почти всѣ мелодіи провѣрены неоднократно въ пѣніи разныхъ лицъ. При исполненіи ихъ на роялѣ узнаны монголами и признаны правильно записанными.

Нѣкоторыя изъ моихъ записей были посланы мною покойному Н. А. Римскому-Корсакову, который въ своемъ письмѣ на мое имя (25/II 1901) писалъ между прочимъ: «пѣсни, присланныя Вами, я просмотрѣлъ; онѣ во всякомъ случаѣ очень интересны. Мнѣ, быть можетъ, онѣ могли бы пригодиться. но только, какъ элементы для собственныхъ моихъ сочиненій... Что же касается до дѣла собиранія пѣсенъ и до обнародованія ихъ при какомъ либо научномъ трактатѣ или статьѣ, то въ этомъ случаѣ я не могу Вамъ быть полезнымъ какимъ либо совѣтомъ. Я совершенно отсталъ отъ этого дѣла и оно при всемъ сочувствіи къ нему все таки меня мало интересуетъ (думаю, однако, что ихъ собирать слѣдуетъ непремѣнно)»...

За любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ при подготовкѣ къ печати этой статьи, я выражаю мою искреннюю признательность проф. С. К. Буличу, проф. І. И. Витоль, Л. А. Саккетти и І. И. Юргенсону, а также всѣмъ исполнителямъ мелодій и собирателямъ, предоставившимъ мнѣ свои записи.

Рисунокъ, приложенный къ этой статьѣ сдѣланъ съ моего снимка; клише С. М. Прокудина-Горскаго. Ноты исполнены въ нотопечатнѣ Г. Шмидта.

въ Гусино-озерскій дацанъ (Забайкалье) Бандида-хамбо-ламой ламайскаго духовенства Восточной Сибири Ч. Иролтуевымъ. Отъ *Вангур.* я тамъ же зап. его родныя мелодіи.

Б. В.—Баярто Вандановичъ Вампиловъ, бурятъ Аларскаго вѣдомства, Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., Хонгодорскаго рода, поколѣнія (кости) Бурутхан. Род. 1888 г. Окончилъ въ 1906 г. Иркутск. учительскую семинарію. 1 годъ былъ учителемъ въ бурятской начальной школѣ. Слушатель Общеобразовательныхъ курсовъ въ СПБ.. Шаманскими напѣвами интересуется вся бурятская молодежь и съ увлеченіемъ поетъ ихъ во время работъ. Еще недавно старѣйшіе смотрѣли неодобрительно на такую «профанацію» религіи, но теперь съ постепеннымъ упадкомъ шаманства такого строгаго отношенія уже не замѣчается.

Вас.—Записи Ю. М. Васильева, въ Пекинѣ въ началѣ 1908 г. отъ учениковъ «Ургинской школы толмачей и переводчиковъ», находившихся въ Китаѣ для занятій китайскимъ языкомъ, пѣвшихъ монгольскія пѣсни на монгольскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, безъ обозначенія ритма, темпа, содержанія, текста или хотя-бы названія.

Грж.—Δ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. Описаніе путешествія въ Зап. Китай. СПБ., 1896. Т. I, стр. 58—59 имѣются 2 пѣсни, зап. 1889 г. М. Е. Гр.-Грж. у торгоутовъ, на N склонахъ хребта Боро-хоро и слышаны потомъ неоднократно въ другихъ мѣстахъ Монголіи. М. Е. Гр.-Грж. игралъ ихъ на корнетѣ, а текстъ ихъ записалъ отъ алтайскихъ монголовъ (въ хамійскомъ произношеніи). Къ первой пѣснѣ приведена одна строфа текста, ко второй—текстъ (стиховъ) и переводъ, между прочимъ въ редакціи проф. А. М. Позднѣева.

Э. Д.—Эренджень Даваевичъ Даваевъ (калмыкъ). Студ. Военно-Медиц. Академіи. Окончилъ курсъ въ Астраханской гимназіи въ 1906 г. Мелодіи записаны отчасти имъ самимъ при І. Г. Рамстедтѣ и при мнѣ, а отчасти мною по его игрѣ на скрипкѣ въ Сарептѣ лѣтомъ 1904 г.

Добр.—Δ Азіатскій музыкальный журналъ, издаваемый Иваномъ Добровольскимъ. 1816—1818. № 1. Калмыцкія мелодіи, даны съ аккомпаниментомъ. Въ № 1 басъ данъ просто въ октаву. (См. *Неф.* и *Рыб.*).

Донск.—Пѣсенная экспедиція 1902—3 гг. «...въ одной изъ ближайшихъ калмыцкихъ станицъ—Денисовской записала 17 калмыцкихъ пѣсенъ. Тексты ихъ тамъ же были переведены при помощи учителя-переводчика мѣстнаго приходскаго училища Даланты Шалвуровича Гечинова и другихъ интеллигентныхъ калмыковъ». (Мат. и изслѣд. по изученію народн. пѣсни и музыки. Труды Музыкально-Этнографической Коммиссіи, т. I,. Изв. И. Общ. Любит. Естествознанія..., сост. при Имп. Моск. Унив. т. CXIII. Труды Этногр. Отдѣла т. XV. Москва 1906 г., стр. 164; см. также стр. 181. Ibid. см. Протоколы... стр. 35).

Жамц.—Коллекція Ц. Жамцаранова. Рукописи. Записи Ц. Ж. Жамцарано(ва) (бывш. и. д. лектора СПБ. Унив.) во время его ежегодныхъ лѣтнихъ поѣздокъ къ монголамъ и бурятамъ, начиная съ 1903 г. Хранятся въ Азіатскомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ подъ литерами Mus. As. Not. VII, n° 6. Я указываю томъ и страницу, или годъ записи.

Кльк.—Алексѣй Николаевичъ Кульковъ (русскій). Студ. фак. Вост. яз. СПБ. Унив. Лѣтомъ 1908 г. совершилъ поѣздку съ учебною цѣлью въ степи калмыковъ Астраханской губ. и записалъ тамъ нѣсколько мелодій.

Д. М.—Дорджи Манджіевичъ Манджіевъ (калмыкъ). Ученикъ СПБ. Консерваторіи, студ. Юрид. фак. И. СПБ. Унив. (окончившій Астраханскую гимназію въ 1906 г.).

Неф.—Δ «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ». СПБ. 1834. VIII+286 стр. съ прилож. карты, 2 таблицъ рисунковъ и *4 мелодіи*; цитую ихъ по номерамъ; эти мелодіи всѣ перепечатаны отъ *Добр.* съ незначительными отступленіями, которыя мною отмѣчены. У *Неф.* сохраненъ и аккомпаниментъ.

Н. О.—Ноха Очировичъ Очировъ (калмыкъ). Студ. фак. Вост. яз. СПБ. Унив., окончилъ курсъ Астраханскаго реальн. учил. въ 1905 г. Помогалъ своими свѣдѣніями, когда я XI 1908 г. въ СПБ. записывалъ мелодіи отъ *С. Б.*

Обр.—Δ Образцы монгольской народной литературы. Вып. I. Халхаское нарѣчіе (тексты въ транскрипціи); редактировали Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневъ. (Изданія фак. Восточн. яз. И. СПБ. Унив. № 26. Вып. 1. СПБ. 1908 г.).

Пл.—Зап. XI 1899 въ Калганѣ мною съ голоса и со словъ умершаго затѣмъ въ Иркутскѣ г. Плотникова. *Пл.* игралъ ихъ мнѣ на гармоніумѣ. Записи провѣрены впослѣдствіи при пѣніи монголами. Тексты пѣсенъ, переданные г. Пл. мнѣ, не поддаются дешифровкѣ.

Рыб.—Δ С. Г. Рыбаковъ. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. СПБ. 1897. Приложенія. (Зап. Имп. Акад. Наукъ. VIII серія по Ист.-фил. отд., т. II, № 2). Перепечатка *Добр.*, но безъ аккомпанимента.

Тунд.—Записи княгини Эльзэтэ Оикоровны Тундутовой, вдовы, бывшаго до 1892 г. владѣтельнымъ, нойона Мало-дэрбэт'скаго улуса калмыковъ Астраханской губ. Лѣтомъ 1897 г. любезно переданы ею въ мое распоряженіе въ имѣніи Солянка (близь нынѣшней ст. Червленой, Тихорѣцко-Царицынской ж. д.).

Тян.—Тян-ши-гуанъ китаецъ переводчикъ *Эксп.* отъ города Ганджур'а до Калгана (IX—XI 1899). Хорошо владѣлъ монгольскимъ языкомъ. Постоянно бывалъ въ Монголіи. Въ 1903 г. осенью я встрѣтилъ его снова, въ Ургѣ.

Фам.—Δ Ал. С. Фаминцынъ. Древняя Индо-Китайская гамма въ Азіи и Европѣ..., стр. 65 и 66 пѣсни «д, п, і, к». (Отчасти исправл. и дополн. отт. изъ журнала «Баянъ» 1888 и 1889 г.). СПБ. 1889 г.

Шнитн.—Зап. прис. повѣрен. Н. Н. Шнитникова на пути его изъ Иркутска черезъ Нилову Пустынь, Мунку-Сардыкъ, Вост. берегъ Косогола, по р. Тэсъ, г. Улангомъ, оз. Убса, Кошъ-агачъ, Бійскъ (съ 23 VIII до 7 X 1895 г.). Мелодіи записаны имъ отъ мѣстныхъ западныхъ монголовъ въ Улангомѣ и любезно предоставлены въ мое распоряженіе со словами и переводомъ. Полный и чрезвычайно обстоятельный дневникъ его находится у меня.

Эксп.—Мои записи VII—IX 1899 г. во время экспедиціи отъ Урги, вдоль р. Хэрлюн, до оз. Далай-нур и дальше отъ г. Ганджур на югъ къ Вэйчан'у и въ Калганъ[1]. Пѣсни эти, кромѣ отмѣченныхъ еще какъ-нибудь иначе, постоянно пѣли буряты-казаки Ж а д а м б а е в ъ и Ц о н г о л о в ъ. Изъ нихъ первый втеченіе 14 лѣтъ ходилъ съ почтой между Кяхтой Ургой-Калганомъ и Пекиномъ и за это время вполнѣ усвоилъ пѣсни. Кромѣ того, всѣ эти записи провѣрены и исправлены по монгольскому пѣнію.

A. Cl.—Δ Aperçu sur le vicariat de la Mongolie Sud-Ouest par—.(Missions en Chine et au Congo. Scheut-lez-Bruxelles. 1889—91, pp. 562—563.

Fét.—Δ F. J. F é t i s. Histoire générale de la musique depuis les temps les plus anciens jusqu'a nos jours (1869—1876) I, p. 85. Paris. 1869.

G.—Δ J. G. G m e l i n. Reise durch Sibirien. (Göttingen. 1752). B. III. Beil. zu S. 370.

Ramst.—Мелодіи, возстановленныя по памяти совмѣстно Г. I. Р а м с т е д т о м ъ и мной.

Ramst. въ своихъ экскурсіяхъ въ Монголію (въ Халху) и къ калмыкамъ Астраханской губ. зап. нѣсколько мелодій отчасти фонографомъ, а отчасти запомнилъ ихъ на скрипкѣ и передалъ записать проф. И. К р у н у (Ilmari K r o h n, Гельсингфорсъ), но онѣ до сихъ поръ не опубликованы.

Rudn.—Δ A. D. R u d n e v. Ein mongolisches liebeslied. Niedergeschrieben, transkribiert, übersetzt und erklärt von—.(Сборникъ въ честь 70-лѣтія О. Д о н н е р а: Journal de la société Finno-Ougrienne XXIII, 18, s. 1—8).

St.—Δ J. S. S t a l y b r a s s. Сынъ извѣстнаго англійскаго миссіонера, жившаго около Селенгинска-(въ Забайкальи). J. S. St. провелъ все дѣтство въ Забайкальи и прекрасно запомнилъ бурятскій языкъ и мелодіи (род. въ 1826 г.). Въ 1850 году онъ пропѣлъ эти пѣсни проф. C. S t u m p f'у, который ихъ записалъ, въ присутствіи и съ провѣркой брата и сестры J. S. S t. (указанные ими варіанты приводятся въ нотахъ), и издалъ подъ заглавіемъ: Prof. C. S t u m p f. Mongolische Gesänge. (Vierteljahrsschrift für Musikwissenschaft. Leipzig, 1887. Band. III, s. 297—304). Я транскрибировалъ тексты русскими буквами, сохраняя произношеніе, переданное въ подлинникѣ англійскими буквами. Переводъ мѣстами немного исправленъ при любезномъ содѣйствіи моихъ знакомыхъ бурятъ, которые, въ остальномъ, были вполнѣ удовлетворены записями S t.

Въ транскрипціи монгольскихъ звуковъ я пользовался русской лингвистической азбукой. Изъ знаковъ, имѣющихъ особое значеніе, отмѣчу для незнакомыхъ съ этой азбукой слѣдующіе:

¯ — долгота;

˘ — краткость;

' — палатализація («смягченіе» согласнаго);

[1] Подробности объ этой экспедиціи см.: 1) Изв. И. Р. Г. О., т. XXXVI стр. 131—134, 2) Id. т. XXXVII, в. I стр. 1—57 и 3) въ печатающемся т. XLIV Зап. общ. геогр. И. Р. Г. О.

' — удареніе (въ русскихъ словахъ удареніе обозначено ˋ);
₀ — слогообразующій согласный;
ä — финскій звукъ *ä* (въ словѣ *täällä*—здѣсь);
ö, *ÿ* — нѣмецкіе *ö* (*wölfe*—волки), *ü* (*tür*—дверь);
j — согласный среднеязычный (=*й*, или нѣмецкому *j* въ словѣ *ja*);
џ — дж (чж);
ʒ — (въ нотахъ ʒ) дз (цз);
l — средній *л* (между русскими *лъ* и *ль*);
ŋ — заднеязычный *н* (безграмотно наз. «носовой»);
h — нѣмецкій *h* (въ словѣ *haar*—волосы);
т — (въ нотахъ т)—т;
ƃ — проточный (спирантъ) г (въ словахъ *благо, господь*);
w,*в* — губно-губной спирантъ, средній между русскими *в* и *у*.
·/. — (въ нотахъ) указываетъ на многократное повтореніе всей мелодіи, а не только послѣдняго такта.

Опредѣленный заранѣе размѣръ статей настоящаго тома лишаетъ меня возможности привести здѣсь указатель упоминаній или характерныхъ замѣчаній о музыкѣ монгольскихъ племенъ, встрѣчающихся почти у всѣхъ путешественниковъ и авторовъ писавшихъ о жизни и бытѣ калмыковъ [1], бурятъ или монголовъ вообще.

По той же причинѣ я ограничиваюсь приведеніемъ въ нотахъ полнаго, какъ напечатаннаго ранѣе, такъ и доступнаго мнѣ ненапечатаннаго матеріала по части мелодій, сопровождая ихъ, когда у меня для этого были данныя, словами текста для одной или двухъ строфъ и, передавая остальное содержаніе пѣсни лишь вкратцѣ; такъ, что моя замѣтка предназначается преимущественно для лицъ интересующихся *музыкой* монгольскихъ племенъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тексты пѣсенъ уже напечатаны въ другихъ изданіяхъ, я отсылаю къ нимъ интересующихся.

---

[1] См., напримѣръ, превосходную характеристику калмыцкой пѣсни у *Неф.* 216—219.

Насколько мнѣ извѣстно ни одно изъ монгольскихъ племенъ не имѣетъ хорового—многоголоснаго пѣнія. Бельгійскіе миссіонеры, бывавшіе въ Ордосѣ говорили мнѣ, что тамъ они слышали хоровое пѣніе (не въ унисонъ). Записи *А. Cl.* не даютъ намъ на это указаній. *Бар.* слышалъ въ Ала-шани также многоголосное пѣніе—не въ унисонъ, съ аккомпаниментомъ флейты, но *Бар.* усмотрѣлъ въ этомъ китайское вліяніе; впрочемъ онъ же слышалъ хоровое пѣніе еще въ ставкѣ Хандо-ван'а (250 верстъ къ W. отъ Кяхты). Оставляю эти свѣдѣнія на отвѣтственности сообщившихъ ихъ мнѣ.

Въ исполненіи мелодій на роялѣ, или голосомъ европейскими пѣвцами, привыкшими пѣть «подъ рояль», въ темперированномъ строѣ, и незнакомыми съ пріемами монгольскихъ пѣвцовъ мы никогда не достигнемъ точнаго исполненія очень многихъ мелодій. Сами монголы исполняютъ ихъ въ натуральномъ строѣ, а не въ темперированномъ. Постоянное portando (сліяніе звуковъ въ переходахъ) особенно въ протяжномъ пѣніи и неопредѣленное tremolando («горловыя трели») очень затрудняетъ запись и воспроизведеніе мелодій.

Какъ во всякой народной музыкѣ, такъ же и въ монгольскихъ мелодіяхъ можно было бы собрать безчисленное множество варіантовъ, и, вѣроятно, многіе будутъ оспаривать правильность приводимыхъ записей, если имъ данныя мелодіи хорошо извѣстны отъ другихъ исполнителей. Каждый исполнитель вноситъ свой индивидуальный оттѣнокъ въ исполняемую мелодію. Кромѣ того нерѣдко мелодія измѣняется подъ вліяніемъ текста также, какъ и текстъ подъ вліяніемъ мелодіи (срв. № 56).

Большинство мелодій извѣстны по начальнымъ словамъ текста; но не всегда порядокъ строфъ одинъ и тотъ-же, поэтому иногда нельзя узнать пѣсню по названію, если въ данной мѣстности она поется съ другими словами.

Кончая эти нѣсколько словъ введенія, я хочу особенно оттѣнить мое отношеніе къ печатаемымъ здѣсь матеріаламъ:

Я считалъ необходимымъ обратить вниманіе музыкантовъ и этнографовъ на это почти нетронутое богатство.

Первоначально я самъ не предполагалъ, что въ моемъ распо-

ряженіи окажется свыше 100 монгольскихъ мелодій. Собраній, заключавшихъ въ себѣ больше 11—12 мелодій у насъ до сихъ поръ не было. Желательно, чтобы печатаемое собраніе помогло намѣтить планъ будущихъ работъ въ этомъ направленіи и предостерегло будущихъ собирателей отъ тѣхъ многихъ промаховъ, которыми, несомнѣнно, окажется полна моя работа. Я сдѣлалъ, что могъ и знаю, что сдѣлалъ очень не совершенно; но ни я самъ, ни тѣ, съ кѣмъ я совѣтовался, не могли мнѣ указать лучшихъ способовъ записи. Фонографъ могъ бы передать особенности монгольскаго пѣнія, но вѣдь записать мелодіи нотами все же придется. Передать «горловыя трели», четверти тоновъ, ритмъ и многое другое нотами все же будетъ, вѣроятно, еще долго очень затруднительно.

Пожалуй было бы желательно въ будущихъ собраніяхъ продолжать нумерацію, начатую въ настоящемъ собраніи и отмѣчать варіанты уже бывшими номерами съ присоединеніемъ лишь буквъ.

Въ настоящее время наиболѣе удобнымъ мнѣ представляется дѣленіе нашего матеріала по географо-этнографическимъ признакамъ; а именно на:

I. *Мелодіи монголовъ* [№№ 1—39]: (a) Халха'сцевъ [№№ 1—16]; b) Другихъ восточныхъ [№№ 17—25]: α) тумут'овъ [17?, 20], β) чахар'овъ [18—19], γ) дурбут-бэйсэ [21—22], δ) ару-хорчин'цевъ [23]. ε) уджумцин'цевъ [24?], ζ) баргу-бурятъ [25?]; c) Западныхъ [1] [№№ 26—30]; d) Ордос [№№ 31—35] и въ видѣ приложенія e) Монгольскія мелодіи, записанныя отъ китайцевъ [№№ 36—38], и китайская мелодія, любимая и исполняемая часто монголами [№ 39].

II. *Мелодіи бурятъ* [№№ 40—56] забайкальскихъ и добайкальскихъ (единственная баргу-бурятская [25] отнесена къ отд. I, какъ записанная среди Вост. монголовъ).

III. *Мелодіи калмыковъ* [1] [№№ 57—112], Астраханскихъ, Ставропольскихъ и Донскихъ.

[1]) Калмыки и Западн. монголы принадлежатъ къ однимъ и тѣмъ же племенамъ и говорятъ на тѣхъ же нарѣчіяхъ, но, вѣроятно вслѣдствіе давняго разселенія ихъ мелодіи сильно различаются между собой. Извѣстныя намъ сейчасъ мелодіи Западн. монголовъ ближе, а часто

IV. *Приложеніе.* Случайныя записи: I Пѣсня алтайскаго калмыка, II тибетская мелодія и III русская поддѣлка (или передѣлка?) калмыцкой (?) пѣсни—изъ оперы Февей.

По характеру и содержанію мелодій, я намѣчаю слѣдующее ихъ дѣленіе:

I. **Свѣтскія:** A. *Пѣсни.*

Лирическія: №№ 1—11, 18—19, 21, 26—28, 31—32; 41—42; 70, 72, 74—75, 77—79, 88, 91.

Бытовыя: №№ 39—40; 44—50; 59, 63—64, 66, 69, 73, 78a, 80—83, 86.

Эпическія: №№ 15?; 57—58, 60—61, 84?.

Религіозно-нравственныя: №№ 16—17, 20, 35; 43.

Неопредѣленныя: №№ 12—14, 22—25, 29, 33—34, 36—38; 40, 62, 65, 67—68, 71, 76, 85—87, 89—90, 92; I, III.

B. *Плясовыя:* №№ 93—105.

II. **Духовныя:** A. Буддійскія богослужебныя: №№ 51—53; 106—112; II.

B. Шаманскія: №№ 30; 54—56.

Примѣчанія: 1) Дѣленіе на протяжныя и быстрыя не всегда можно выдержать. Завзятые пѣвцы часто поютъ протяжно съ фіоритурами и трелями пѣсни, извѣстныя большинству за скорыя.

2) Пѣсни и танцы совпадаютъ, т. е. многіе танцы поются на опредѣленныя слова.

Замѣчанія объ исполненіи: 1) Всѣ группетто и форшлаги должны быть исполняемы на сильную часть такта, т. е. идти за счотъ *слѣдующей* ноты, а не предыдущей.

2) Появленіе четверти тона отмѣчено постановкой діеза и бемоля (діеза нисшей ноты и бемоля высшей — при переходѣ сверху внизъ), напр. въ № 41, тактъ 3: *fis-ges*. Въ темперированномъ строѣ, для соблюденія акустическаго впечатлѣнія, получаемаго при подлинномъ исполненіи (энгармоничномъ) слѣдуетъ брать *gis-fis* (NB!) и ни въ какомъ случаѣ не *g-fis* (NB).

даже и тѣ же, что у другихъ монголовъ (Халха'сцевъ и др.). Калмыцкія нерѣдко носятъ слѣды русскаго вліянія.

*

I. Мелодіи монголовъ.

а) Мелодіи халха'сцевъ.

№ 1. *Δ. *Обр. CXX.; Эксп.;* «Дурима» (женское имя). Пѣсня, любимая во всей Халхѣ. Первая строфа: «на скалистой горѣ Сумэру,—ай, Дурима! — собрались ласточки; при весеннихъ и осеннихъ вѣтрахъ—ай Дурима!—волнуетъ мысль о возвращеніи». Въ дальнѣйшихъ строфахъ первые два стиха говорятъ о животныхъ, собирающихся на г. Сумэру, а два послѣдніе говорятъ, что все думается объ ней (о Дуримѣ). (Текстъ см. *Обр.*).

Варіантъ *Жамц. II. 253.* говоритъ, что разные звѣри собираются у горы Сумэру, а у юрты Дуримы собираются молодые люди и въ ироническомъ духѣ описывается, какъ они тамъ забыли о своихъ дѣлахъ.

№ 2. *ΔΔ. *Обр. C.; Rudn.* (тамъ полный текстъ и всѣ данныя). Первая строфа: «Признакомъ счастья въ городѣ Пекинѣ является пестрая птичка бэй-линъ; для нѣжничающихъ другъ съ другомъ (влюбленныхъ) наслажденіемъ является середина ночи». Дальше говорится въ поэтичной формѣ, что разлучить влюбленныхъ не сможетъ ничто.

№ 3. *Δ. *Обр. CCLXXX; Эксп.* У меня записано 4 строфы. Слова: «У восточной коновязи привязанный длинноногій гнѣдко—чей? Лежащая (или лежащій?) на восточной сторонѣ отъ тебя съ нѣжнымъ тѣломъ—чья (чей?)?» и т. д. Содержаніе мѣняется, согласно требованію аллитераціи, по названіямъ странъ свѣта.

№ 3а. *. *Пл.* Варіантъ предыдущей пѣсни слышанъ мною также неоднократно. (Срв. 3?).

№ 4. *Вас.* (Срв. № 3, 3а?).

№ 5. *Δ. *Обр. LXIV.* Любовная: «Бываетъ ли тополь выше горы, есть ли дружокъ лучше моей милой?» (текстъ см. *Обр. LXIV. В.* Срв. мелодіи № 6 и 7).

№ 6. Δ. *Грж.* Срв. *Вас.* (№ 7) и *Обр. LXIV* (№ 5?). Изъ очень любимыхъ мелодій, извѣстна въ Ургѣ, въ Западной Мон-

голіи, Забайкальи. Слова нѣсколько мѣняются. Обычно называется *ганділа модонду*—«на деревѣ гандила...». Смыслъ приблизительно такой: на *п.* деревѣ, щебечутъ птицы *пп.*, а я мучаюсь отъ любви къ моей возлюбленной...» (или въ другомъ варіантѣ: «сынъ нашъ одинокъ на чужбинѣ»; текстъ зап. мною 23/10 XII 1901, въ Гусино-озерскомъ дацан'ѣ отъ монгола изъ хошун'а Намсрай-дзасак'а, граничащаго съ Кяхтой). Хотя *Грж.* записалъ ее въ Западн. Монголіи, я ее помѣщаю здѣсь рядомъ съ близкими къ ней мелодіями.

№ 7. *Вас.* Очевидно варіантъ любимой халха'ской пѣсни № 6; а также, повидимому, № 5.

№ 8. *Δ. *Обр. CCLXXXVIII.* VII 1889 г. Пѣлъ мальчикъ-лама монголъ на р. Хэрлюн въ Хара-усу. VIII 1899 г. пѣлъ тайджи изъ хошун'а Сан-бэйсэ, также на р. Хэрлюн. «Какъ могло случиться, чтобы цвѣты горы Гандан засохли? Какъ могли опечалиться чувства двухъ влюбленныхъ?».

№ 9. *Δ. *Обр. CLXXXV*; *Эксп.* «Есть столъ изъ сандала; его трутъ до того, что цвѣтъ появляется. Есть ароматное прекрасное шампанское, оно находится на (привлекаетъ къ) серединѣ стола». Дальше описанія другихъ яствъ съ китайской терминологіей.

Варіантъ моего текста имѣется у *Жамц. II, 251v.* съ помѣткой, что эта пѣсня направлена противъ чиновниковъ-взяточниковъ.

№ 10. *Δ. *Обр. XXXIV*; *Эксп.* «Содержаніе: На шелестящемъ деревѣ (или «на тальникѣ») стрекочутъ сороки. Какъ быть съ благодарностью матери холившей и воспитавшей меня!?»

№ 11. *Вас.* (Срв. № 10?).

№ 12. *Вас.*

№ 13. *Δ. *Обр. CCLXXXIII.* Зап. въ Гусино-озерскомъ дацанѣ въ 1901 г. отъ мальчика-ламы монгола, пріѣзжавшаго изъ Урги на нѣсколько дней. Значеніе первыхъ словъ: «Не можетъ быть и мысли, чтобы оборвалось ушко у пуговицы европейскаго издѣлія». Дальнѣйшаго текста записать не удалось.

№ 14. *Шнитн.* Зап. около р. Эгин-гол, близъ Косогола 4 IX 1895 г. *Шнитн.* слышалъ ее издали. Мелодія повторялась много разъ безъ измѣненій.

№ 15. *Δ. *Обр. CCLXXVI.* Обычный напѣвъ *хӯрчі* [1] въ Ургѣ (на площади). Въ зависимости отъ числа слоговъ измѣняется ритмъ мелодіи.

№ 16. *. *Обр. CLV.* Зап. Калганъ XI 1899, отъ ламы-халха'сца. Авторъ пѣсни — V-й перерожденецъ Ноин-гегенʼа. Онъ появился 7-ми-лѣтнимъ мальчикомъ въ хошунʼѣ (княжествѣ) Мэрген ванʼа [2] (въ Тушету-ханʼскомъ аймакʼѣ Халхи) еще на 30-мъ году жизни IV-го перерожденца и, совершивъ необычайныя чудеса, былъ, послѣ нѣкотораго неудовольствія части ламъ, признанъ истиннымъ перерожденцемъ. Для упроченія среди духовенства знаній въ священномъ ученіи онъ сочинялъ пѣсни на религіозныя темы и заставлялъ ламъ пѣть ихъ. (Въ 1899 г. былъ живъ VIII-й перерожденецъ, ведшій, по разсказамъ, очень скверный образъ жизни). Первая строфа нашей мелодіи говоритъ: «на вершинѣ высокой горы какъ сможетъ утвердиться вода; въ груди гордаго человѣка какъ можетъ утвердиться мудрость?! Для пернатыхъ развѣ могутъ горы быть слишкомъ высоки, а если о себѣ подумать, то развѣ искушеніе далеко?». У меня есть полная запись этой пѣсни (монгольскими буквами).

в) Мелодіи восточныхъ монголовъ.

№ 17. *. *Вангур.* (срв. № 16). Начинается словами: «на вершинѣ Будалаʼскаго дзу (монастыря), въ пещерѣ Наставника-Будды, если посмотрѣть назадъ, туманомъ стелется дымъ отъ воскуреній». Протяжная, съ «горловыми трелями». Сообщавшій мнѣ слова монголъ жилъ долго съ восточными монголами и въ его языкѣ это отразилось.

№ 18. *Δ. *Обр. XXXIV; Пл.* Любовная. Очень любимая въ Халхѣ пѣсня: *гоџо-ӡаӊгі* («дзангин», офицеръ Годжо). Текстъ

[1] Народные скрипачи (*хӯр*=скрипка) импровизаторы, восхваляютъ обыкновенно въ шутливомъ тонѣ въ стихахъ всякаго подходящаго къ нимъ и выпрашиваютъ такимъ образомъ подаяніе.

[2] Резиденція Ноин-гегенʼа (срв. Очерки быта будд. монастырей... А. Позднѣева. Спб. 1887, стр. 247, № 27?) находится въ Хамарыйн-хитʼѣ упомянутаго хошунʼа. Одинъ изъ слѣдующихъ гегенʼовъ поссорился съ Мэрген-ванʼомъ и жилъ до конца жизни въ другомъ хошунʼѣ, въ Галба-шанхай хитʼѣ. Слѣдующимъ перерожденцемъ оказался сынъ Мэрген-ванʼа, который, конечно, водворился снова въ Хамарыйн-хитʼѣ.

остался непонятнымъ (Записи *Пл.* имѣются у меня). (Срв. № 29).

№ 19. *. *Пл.* Пѣсня *дуџін-хўар* (цвѣтокъ Дуджин). Любовная: чахар'ская (?) по происхожденію извѣстна и любима по всей Халхѣ. По записямъ текста (*Пл.*) точнаго содержанія возстановить не удалось.

№ 20. *. *Вангур.* Зап. 29/16 VI 1901 г. Слова этой пѣсни я слышалъ снова въ NO Монголіи (1903 г.) въ нѣсколько дополненномъ видѣ [1]. Мелодія записана по камертону. *Var.*, представляющій собою повтореніе мелодіи первой строфы, вѣроятно объясняется временной забывчивостью пѣвца. Содержаніе: «цвѣтокъ Бондорва, выросшій на горѣ Будала поблекнетъ, хотя бы пошолъ дождь. Хотя бы іогудзари былъ подобенъ Буддѣ, но, если онъ отступитъ отъ идеала—то омрачится» и т. д.

№ 21. *. Зап. 14/1 VII 1903 г. въ ставкѣ (Бэй-дзы фу) кн. Дурбутъ-бэйсэ (100 верстъ къ S. отъ г. Цицикаръ, около 15 в. къ О. отъ р. Нонни). Пѣта мальчиками Дурбут-бэйсэ хошун'а. Первая строфа гласитъ: «Съ горделивой поступью, съ павлиньимъ перомъ [2] во всю лопатку Іондинго—сановникъ князя Да-бэйсэ—дѣйствительно прекрасный человѣкъ», дальше еще поется о его внѣшности и говорится, что онъ думаетъ все объ «ней», одарившей его разными принадлежностями его туалета. Но, если онъ будетъ на казенныхъ или военныхъ лошадяхъ гарцовать по селеніямъ, то ему попадетъ за это.

№ 22. *. Фрагменты мелодій изъ ставки Бэй-дзы фу (см. № 21). Зап. 17/4 VIII 1903 г. Старикъ-монголъ хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, игралъ часть ихъ (b, d, e) на китайской флейтѣ. Часть записана мною съ голоса. Къ сожалѣнію не удалось записать за недостаткомъ времени этихъ мелодій цѣликомъ. Въ скобки заключены фрагменты, намѣчающіе только послѣдовательность нотъ совершенно безъ ритма.

№ 23. *. Зап. 16/3 VII 1903 г. въ ставкѣ Бэй-дзы фу отъ арухорчин'скаго ламы Ванчинджаб'а [1]. Первая часть мелодіи пѣлась тò съ *as*, то съ *a*. Вторая часть—вся съ *a*, кромѣ предпослѣдней

[1] Будутъ напечатаны въ Изд. Фак. Вост. яз. И. Спб. Унив. № 30.

[2] Знакъ сановнаго достоинства... Полный текстъ и переводъ будетъ помѣщенъ въ Изд. Фак. Вост. яз. № 30.

ноты всей мелодіи, гдѣ опять замѣчалось колебаніе то *as*, то *a*. Ванчинджаб пѣлъ ее, сопровождая игрой на четырехструнномъ ху-цин 胡琴 (монг. *хӯр*). По его словамъ эта пѣсня шуточнаго, фривольнаго содержанія (*шalik до*).

Ванчинджаб—пѣвецъ-лама изъ Восточной Монголіи.

№ 24. *. *Эксп.; Тян.* Зап. IX 1899 г. По словамъ *Тян.* происходитъ изъ хошун'а Уджумцин-ван'а. Слова перепутаны съ китайскими и смыслъ не особенно ясенъ. Приблизительное значеніе: «у пекинскаго купца, по прозванію Сэнгэ, матеріи даба и далянь дешевы и серебро хорошее и онъ охотникъ до поѣздокъ въ Пекинъ».

№ 25. *. *Эксп.; Тян.* Зап. IX 1899 г. Пѣсня Баргу-бурятская. Слова перепутаны съ китайскими и смыслъ не ясенъ. Содержаніе приблизительно: «Посреди хурул'а (монастыря), 8 строе-

ній съ бѣлой [1] черепицей—пусть придутъ дѣвицы [во (2) и (4) строфахъ: *ноїт*—господа] подходящаго возраста, 4 пары бумажныхъ [во (2) строфѣ *хуңху*?] фонарей (будетъ довольно?)».

c) Мелодіи западныхъ монголовъ.

№ 26. Δ. *Грж.* Въ переводѣ: «Собака моя злая (кусачая?), Бонборъ мой! Позови ее: Ванкыръ, Ванкыръ! Дверь моя скрипуча, нужно подлить масла» и т. д. (Всего 8 стиховъ).

№ 26а. *Шнитн.* Зап. г. Улангом, 22—23 IX 1895 г. Варіантъ № 26. Содержаніе пѣсни почти то̀ же, но записано 18 стиховъ. Собака называется Лохуръ, а не Ванкыръ. Стихъ *моно дюнгор хирсю бишу*, непонятый А. М. Позднѣевымъ, видимо соотвѣтствуетъ у *Шнитн.*: *мана дюнер кецульте* т. е. наши младшіе братья сердиты (одари ихъ....).

№ 27. *Шнитн.* Зап. г. Улангом, 22—23 IX 1895 г. Текстъ (18 стиховъ) и переводъ переданы мнѣ. Содержаніе: «Пока былъ Торей-банди (лама)—ходила въ шелку; не стало Т.-б. не смогла достать хотя бы дабы (матеріи)». Дальше описаніе наряда и принадлежностей, имѣвшихся у Т.-б. (нѣкоторые стихи очень похожи на стихи изъ № 21). Упоминается хошун Джанджин-ван'а, тяндзинская плетка, такъ что восточное происхожденіе возможно.

№ 28. *Шнитн.* Зап. г. Улангом, 22—23 IX 1895 г. (Всего 24 стиха). «Траву пяти сопокъ будутъ пять козловъ дѣлить; прекрасную дѣвицу (маленькую) Сотмана(ге?) будутъ два манджура (китайца?) дѣлить». Дальше двѣ строфы варьируютъ эту же тему, а остальныя гласятъ (также съ небольшими измѣненіями:) «около желтой сопки бараны не стали стоять (выживать), когда вспомню о тебѣ, милой, пища (работа и пр.) на умъ не идетъ».

№ 29. *Шнитн.* Зап. г. Улангом, 22—23 IX 1895 г. Слова не записаны. Думаю, что это несомнѣнно варіантъ № 18.

№ 30. *Шнитн.* Шаманское камланіе. По описанію *Шнитн.* «дѣйствіе происходило въ гор. Улангом 22—23 IX 1895 г., въ бѣдной юртѣ. Сначала старуха-учительница призывала діавола,

[1] Во второй строфѣ *хўху* (синей), въ 3-й—*ногōн* (зеленой), въ 4-й—*улан* (красной). Въ остальномъ строфы безъ перемѣнъ.

(*a*), повторяя мелодію очень много разъ. Отчасти во время этого, а отчасти послѣ пѣнія старуха надѣла на дѣвочку, лѣтъ 8—9 (главную заклинательницу) одежды съ лентами и побрякушками. Затѣмъ, когда дѣвочка поклонилась до земли трижды передъ бурхан'ами, старуха надѣла ей головной уборъ и стала бить въ бубенъ съ одной стороны дѣвочки, потомъ съ другой и передала бубенъ съ колотушкой и посадила ее. Дѣвочка начала не громко и не скоро пѣть на мотивъ *b*, который вскорѣ смѣнился *c*. Поетъ она лицомъ къ бурханамъ, ударяя въ бубенъ (Timpani), все ускоряя, и постоянно приближается къ огню (среди юрты); ее отстраняютъ, а старуха все время подсвистываетъ и брызгаетъ изъ ведра на нее водой и посыпаетъ ячменемъ. Входя въ экстазъ она поднимается, прыгаетъ, ломается, выходитъ на улицу;»...

Послѣ перерыва, когда *Шнитн.* спросили, что̀ онъ загадалъ и ему отвѣтили, «дѣвочка снова стала пѣть, бить въ бубенъ и приходить все въ бо̀льшій экстазъ, такъ что ее сдерживали; съ ней сдѣлалась икота («сталъ выходить злой духъ»). Ей дали губную гармонику, изъ которой вызвалось нѣсколько звуковъ. Наконецъ ее привели въ чувство, окуривъ верескомъ и побрызгавъ водой».

d) Мелодіи изъ Ордоса.

№ 31. Δ. *A. Cl. 2* «Le retour des troupes» (8 стиховъ съ переводомъ). «Слетѣвшіяся весной птицы возвращаются при наступленіи холодовъ и тьмы, такъ же войска возвращаются въ страну, гдѣ протекли ихъ молодые годы...».

№ 32. Δ. *A. Cl. 3.* «L'oiseau argenté». (Только 4 стиха и переводъ): «Серебряная птичка чи̇рикаетъ надъ моимъ лбомъ, навѣрное это ты—моя вѣчно любимая Нингаръ (?)».

№ 33. Δ. *A. Cl. 4.* Слова приведены съ мелодіей, безъ перевода.

№ 34. Δ. *A. Cl. 5.* Слова приведены съ мелодіей, безъ перевода.

№ 35. Δ. *A. Cl. 1.* «Hymne à Bouddha» (12 стиховъ съ переводомъ). «Мы никогда не забудемъ благодарности за то, что насъ, заблудшихся въ суетномъ мірѣ, соизволилъ направить на правый путь; будемъ стремиться къ совершенствамъ Будды» и т. д.

е) Монгольскія мелодіи въ китайскомъ исполненіи.

№ 36. *. Зап. въ 1898 г. лѣтомъ въ Ургѣ, отъ китайца, учителя *(сян-шэнъ)* Ургинской школы толмачей и переводчиковъ, который постоянно игралъ ее на *ху-цин* 胡琴 [1] (двухструнный китайскій инструментъ, у котораго волосы смычка продѣты между струнами) и пѣлъ, называя каждую играемую ноту по китайски. Онъ называлъ эту мелодію восточно-монгольской пѣснью. Въ юго-восточной Монголіи *(Эксп.)* я не разъ слышалъ варіанты этой пѣсни и всегда китайцы съ особой любовью играли эту и подобныя ей «монгольскія пѣсни». Значокъ /\ указываетъ на удареніе.

Китайскія названія нотъ, по словамъ и согласно его напѣву, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) 合 хэ—произвольно принимаемъ за *G*.
2) 四 сы— соотвѣтственно *A*.
3) 上 шанъ— » *C*.
4) 尺 чі (чэ)— » *D*.
5) 工 гунъ — » *E*.
6) 六 лю — » *G*.
7) 五 w(у) — » *A*.
8) 仕 шанъ — » *C*.

Напѣвъ въ произношеніи китайца имѣлъ видъ: *гу́нъ-гунъ-сы-чэ-шанъ* (первые три такта).

Въ другихъ мѣстахъ (въ Вэй-чан'ѣ и въ Калганѣ) названіе нотъ китайцы мнѣ давали другія. Правильность каждой, сообщаемой мнѣ системы, я всякій разъ провѣрялъ; для провѣрки я писалъ, согласно сообщоннымъ мнѣ названіямъ нотъ китайскими іероглифами какую нибудь европейскую мелодію и просилъ ее сыграть. Мелодія оказывалась точно воспроизведенной (конечно внѣ ритма). Но эта «нотопись» дѣлалась негодной въ другомъ

[1] На рисункѣ изображонъ такой же инструментъ, но четырехструнный.

мѣстѣ. Разнообразіе въ названіи нотъ въ разныхъ мѣстностяхъ меня всегда удивляло [1].

Мелодіи извѣстны по названіямъ ихъ начальныхъ нотъ.

Мѣстами онѣ дѣйствительно напоминаютъ монгольскія мелодіи.

Литература по китайской музыкѣ громадна [2]. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью дать факты, въ которыхъ предоставляю разобраться спеціалистамъ «синомузыкантамъ».

№ 37. *. *Эксп.* Зап. XI 1899 г. Миссіонерская бельгійская станція въ деревнѣ У-хо (на пути изъ г. Долон-нур въ Калганъ). Играна китайцемъ на ху-цин (см. №№ 23 и 36).

№ 38. *. Зап. 1898 г. Урга отъ сян-шэн'а (см. объясненіе къ № 36). Къ сожалѣнію фрагментъ сохранился у меня безъ отмѣтокъ и поясненій.

№ 39. *. *Эксп.* Мелодія китайскаго происхожденія. Зап. на р. Хэрлюн VII 1899, отъ мальчика-ламы. Кромѣ того слышана позднѣе отъ китайцевъ въ городахъ Застѣннаго Китая. Это какая то китайская игра, съ высовываніемъ пальцевъ. Китайскія слова въ произношеніи монгола искажены до полной неузнаваемости.

II. Мелодіи бурятъ.

№ 40. ΔΔ. *G.; Фам.* д. (у послѣдняго съ опечатками, изъ которыхъ одна исправлена). Зап. *G.* въ 1740 г. (Красноярскъ); озаглавлена «Kemniche borgosine-nacholchadsi baineze» и переведена:

[1] И. д. лектора Спб. Унив. г. Чэнг любезно разъяснилъ мнѣ, что названія нотъ различаются для *ху-цин* и для флейты. Мои свѣдѣнія вѣрны и мелодія № 36 ему знакома, согласно съ приведенными у меня данными о названіяхъ нотъ. Кромѣ того по свѣдѣніямъ пр.-доц. А. И. Иванова способы игры и строй инструментовъ различны на сѣверѣ и югѣ Китая, причомъ, на сѣверѣ предполагается вліяніе инородческой музыки (въ томъ числѣ и монгольской), а на югѣ близкая связь съ сіамской и др.

[2] См. напримѣръ прекрасную статью A. Dechevrens. Etude sur le Système musical chinois (Sammelbände der internationalen Musik-gesellschaft. Zweiter Jahrgang, 1900—1901. Leipzig. Ss. 485—551). Много данныхъ по литературѣ см. въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по изученію народной пѣсни и музыки» (Труды Музык.-Этногр. Коммиссіи, т. I. Полное заглавіе этого изданія см. въ «Сокращеніяхъ» подъ *Донск.*, стр. 536—544).

«Вѣтви на рѣкѣ покачиваются взадъ и впередъ, я молодой человѣкъ злоупотребилъ виномъ; изъ табуна въ 70—80 (очевидно не 150, какъ перевелъ *G.*) головъ, отецъ поймай жолтаго коня, сынъ на немъ поѣдетъ въ путь». Дальше обращеніе къ матери, чтобы и она снарядила сына. Мелодія въ началѣ напоминаетъ № 41.

№ 41. *. *Бар.* Зап. СПБ. XI 1908. Хори-бурятская пѣсня изъ мѣстности Тугну-галтай (близь Петровскаго завода, Забайк. обл.). Поетъ молодой человѣкъ въ честь своей возлюбленной. Въ каждой строфѣ измѣняется аллитерація, въ каждомъ стихѣ мѣняется только первое слово (цифры въ скобкахъ указываютъ № строфы по порядку). Строфъ всего три; мелодія и остальныя слова не мѣняются). Текстъ гласитъ: «то̀, что заставляетъ дрожать моего (1) *унагаӊ*—«молодого» [(2) *шiбшiгер*—«граціознаго» (3) *хаза̄ртал*—«зануздапнаго»] бѣлаго съ розовымъ оттѣнкомъ коня—это верховикъ [1] съ (1) *ӯла*—«горы» [(2) *шiлe*—«хребта» (3) *хада*—«скалы»] «Зангин». То̀, что заставляетъ трепетать мой (1) *уха̄ӊхаӊ*—«разумъ» и [(2) *се̄жiхеӊ*—«грудь» и (3) *харахӣӊ*—«чорное»] сердце—это Бадансо, дочь (1) *урак* «свата» [2] [(2) *сесеӊ*—«краснорѣчиваго» (3) *харi*—«чужеродца»] Буда.

№ 42. Δ. *St. II.* («Liebesbotschaft»). Діалогъ [3] мужчины и женщины. Онъ поетъ: «дочери Себега (Цыбика)—милой [4] Мандал, передай привѣтъ». Она отвѣчаетъ: «сыну Сергѣя, писцу Сейену скажи: приди!».

№ 43. Δ. *St. VII.* («Winke für die Schwester»). Извѣстна и теперь. Въ переводѣ означаетъ: «Каково было бы «schweifen» [5] на смирномъ сѣркѣ по зеленому пастбищу? Каково было бы свѣтлымъ добрымъ разумомъ [6] положиться на священное ученіе?»

---

[1] Сибирское выраженіе для холоднаго утренняго восточнаго вѣтра.

[2] Пѣвцу хотѣлось бы, чтобы завязалось это сватовство; въ дѣйствительности онъ еще не сватъ.

[3] Срв. діалогъ № 75.

[4] Вѣроятно надо: дѣвушкѣ—*хӯхенду*, а не *kūgendu* (*St.*).

[5] *St.* забылъ бурятское слово.

[6] Очевидно *sê-yê rê* опечатка вмѣсто *sê-jê-rē*.

№ 44. Δ. *St. VIII.* («Der Schwester zur Hochzeit»). Приведенный текстъ гласитъ: «При возвращеніи домой овецъ и скота, сестрица моя выходи съ подойникомъ. При пріѣздѣ свекра и свекрови, сестрица моя, выходи съ (чугуннымъ) пріемникомъ (употребляемый при перегонкѣ водки изъ кумыса)». *St.* отмѣчаетъ ее какъ шуточную.

№ 45. Δ. *St. I.* Прощаніе воина съ родителями (у *St.* «Abschied von den Eltern»). Содержитъ слова: «подаренное моимъ батюшкой—это золотисто-жолтый лукъ, а матушкой моей подаренное—это драгоцѣнный бѣлый камень». У *St.* счотъ помѣченъ $^9/_{12}$.

Варіантъ текста этой пѣсни зап. *Жамц. I, 99.* [1]

№ 46. Δ. *St. VI.* «Sterbender Krieger»). Содержаніе: «Чорная коса моя длиною въ сажень будетъ вѣроятно лежать свитая; пѣго-пестрые глаза мои будутъ вѣроятно лежать съ застывшимъ взоромъ (собств. «миганіемъ»); это дорогое тѣло мое вѣроятно будетъ лежать по ту сторону горы; дорогой жолтый конь мой вѣроятно добѣжитъ въ здравьи до дома. (Дальше безъ текста:) Скажи же отцу моему, что онъ палъ, пораженный въ спину; сообщи матери моей, что онъ получилъ цѣлыхъ 15 (по *Бар.* 13) ранъ». По словамъ *St.* эта пѣсня очень старинная и восходитъ къ временамъ Чингисхана. [2]

№ 47. Δ. *St. V.* («Wahl der Freuden»). Содержаніе: «Для (лѣсной?, степной?) бѣлки наслажденіе, говорятъ, лѣсъ (степь?), для стариковъ наслажденіе, говорятъ, то̀ что мелькаетъ въ бутылкѣ».

№ 48. Δ. *St. IV.* («Trinklied»). По словамъ *Бар.* она поется Moderato. Очень любима по настоящее время. Слова мѣняются, значеніе непонятно. Догадка *St.* что *набо=аба* (папа) не невозможна. Во второй разъ слогъ *на* вездѣ замѣняется слогомъ *за*; въ третій—*баі*. Слова̀ *набо міні гӧі* остаются во всѣхъ строфахъ безъ измѣненія. Теперь вмѣсто *набо* поютъ чаще—*jого*, вмѣсто *гӧі*—*гō*.

---

[1] Срв. варіантъ текста съ переводомъ, у А. Позднѣева (Образцы Народной Литературы монгольскихъ племенъ, вып. I, стр. 126—127). СПБ. 1880.

[2] См. А. Позднѣевъ, op. cit., стр. 200—201; а также *Жамц.*

№ 49. Δ. *St. III.* («Lob Dorji's, des Sohnes von Dengbil»). Текстъ: «На сѣверной сторонѣ Тростниковаго озера собираются свѣтло-жолтые гуси; главой двадцати тысячамъ подданныхъ— является хоринскій батюшка». *St.* указываетъ, что пѣсня сочинена въ 1836 г. по случаю побѣды Доржи надъ его соперниками по достиженію поста тайши (Häuptling) Хори-бурятъ.

№ 50. Δ *St. IX.* («Lob eines Pferdes»). Повидимому происходитъ отъ Добайкальскихъ бурятъ. (*St.* допускаетъ въ ней даже русское вліяніе). «Когда (конь) съ пестрыми санями хрустѣлъ (полозьями по снѣгу) по Иркутску, то иркутскій господинъ-купецъ (*торгобäi*) изумлялся. Когда онъ звенѣлъ поводьями во дворѣ своего хана, то онъ поражалъ хана и ханшу своимъ (: *бумбургēт*) плавнымъ бѣгомъ. 40 бѣлыхъ зубовъ его «klirren wieder das Gebiss [1]». Вскидывается 4 чорныя копыта съ подковами».

№ 51. Δ *St. X.* («Religiöser Gesang. Buddhistisch»). *St.* отмѣчаетъ, что при словахъ *пат-пат* ударяютъ въ ладоши, а при *соха* щолкаютъ пальцами. *St.* считаетъ эту мелодію за индійскую или тибетскую.

Это мистическая формула, такъ называемая тарни (Санскр. дарани).

№ 52. а,b. Δ *St. 304.* По мнѣнію *St.* мѣстнаго происхожденія. Речитативъ («Anrufungen der Buddh. Liturgie» въ видѣ «inflexions of the voice»). Мелодія повторяется конечно многократно. Формулу а) покойный проф. Пишель перевелъ для г. Stumpf'a какъ «O du kleinod im Lotos! Amen» (см. № 109а).

№ 53. *. Религіозный напѣвъ. Зап. ночью 25 на 26 (12—13) VI 1901 г., въ канунъ празднованія извѣстной мистеріи «цам» въ Гусино-Озерскомъ дацанѣ въ Забайк. обл. По мнѣнію *Бар.* религіозные напѣвы селенгинскихъ бурятъ заимствованы отъ халха'скихъ монголовъ и отличаются отъ тибетскихъ и другихъ бурятскихъ.

№ 54. Δ. *St. 304.* Шаманскій речитативъ. Слова значатъ: «много собакъ воютъ (?)».

№ 55. *. *Б. В.* Зап. XI 1908 г. Шаманскій напѣвъ бурятъ добайкальскихъ. *Заян* (= монгольское письменное «*ȝаjаган*»—

---

[1] Хрустятъ объ то, что онъ ѣстъ (бурятскія слова пропущены).

означаетъ судьба, предопредѣленіе); въ шаманствѣ *заян'*ами называются особые духи. Извѣстный изслѣдователь шаманства М. Н. Хангаловъ переводитъ терминъ *заян* словомъ «великомученица» (по устному сообщенію *Б. В.*), а по мнѣнію *Бар.* это есть особый родъ музъ въ шаманствѣ.

При какомъ нибудь несчастіи, болѣзни и пр. приглашается шаманъ; онъ гадаетъ и опредѣляетъ, къ которому изъ заян'овъ или онгон'овъ [1] и т. п. нужно обратиться для избавленія отъ данной напасти, и начинаетъ пѣть заян [2]. До недавняго времени (лѣтъ 10 назадъ) пѣніе заян'овъ имѣло «эпидемическій» характеръ. Напримѣръ: заболѣвалъ кто нибудь (чаще всего при оспѣ и др. болѣзняхъ сопровождаемыхъ бредомъ) и начиналъ въ бреду пѣть заян; сейчасъ же къ нему присоединялся кто нибудь изъ бывшихъ около него, затѣмъ всѣ поющіе брали больного съ собой и отправлялись изъ юрты въ юрту «заянчить» (*зајалхъ̆*), заражая своимъ экстазомъ и привлекая къ своей толпѣ все бо̀льшее число лицъ. Больной часто вскорѣ отставалъ, но остальные шли дальше, и такое экзальтированное шествіе могло продолжаться 10—20 сутокъ.

Въ сильномъ возбужденіи они часто до крови били другъ друга бичами, но боли не чувствовали. Иногда такое массовое возбужденіе охватывало цѣлую губернію.

Заян, къ которому обращаются, вселяется въ данное лицо и въ его уста влагаетъ передачу исторіи своей жизни.

Предлагаемый напѣвъ поется на слова заян'а *хорі̄н хоір хӱхед* (2 дѣвушки изъ племени Хори-бурятъ). Мелодіи чередуются по строфамъ (иногда нѣсколько строфъ поются на одну и ту же мелодію). Переходъ отъ одной мелодіи къ другой совершается безъ перерыва. Иногда вставляютъ новые отрывки мелодіи и въ зависимости отъ степени экстаза варіируютъ мелодіи, ускоряютъ темпъ и поютъ громче. Поютъ, конечно, всѣ въ унисонъ.

Въ приведенныхъ мелодіяхъ говорится:

a) «шаманствующіе пусть шаманятъ»,

b) «поющіе пусть поютъ»,

---

[1] См. настоящій Сборникъ стр. 383—394.

[2] «Пѣть заянъ» такъ же, какъ по-русски «читать Богородицу».

c) «отчего-жъ бы намъ не пѣть» (*ӱle* = письм. «*ӱлӱ*»—«не»).

d) «слѣпая чорная шаманка и весь то день камлаетъ и всю то ночь поетъ».

Текстъ этого и многихъ другихъ заян'овъ зап. *Жамц*. (записи 1903 г. т. I и въ его новѣйшихъ матеріалахъ за 1908 г.).

№ 56. *. *Б. В.* Зап. XI 1908. Шаманскій напѣвъ, бурятъ добайкальскихъ. Поетъ женщина. Когда кто нибудь заболѣетъ, приглашаютъ шаманку, она бросаетъ кости и гадаетъ, кто причинилъ болѣзнь; опредѣливъ, что виновникъ онгон, шаманка объявляетъ, что надо его умилостивить. Ставятъ столъ съ яствами для угощенія онгона. Шаманка достаетъ изъ особаго продолговатаго ящика, открывающагося сбоку, платокъ, на которомъ нарисованы онгоны *байга̄шiӊ* («постоянно присутствующіе, пенаты, покровители семейнаго очага». Этотъ онгон — непремѣнная принадлежность молодого хозяйства). Шаманка держа платокъ за два угла (одной стороны) становится, наклонивъ немного голову и покачиваясь (*найгалзахŏ*) слегка всѣмъ корпусомъ, поетъ *найгӯр* (букв. «качающееся»). Мотивъ повторяется 4 раза, послѣ чего она 2 раза громко «вздыхаетъ» или «всхлипываетъ» и затѣмъ поетъ слѣдующую строфу на тотъ же мотивъ. Всего имѣется три четверостишія (слѣдовательно 3 всхлыпиванія). (NB. тройное видоизмѣненіе одного слова найгур I-ой строки!). Шаманка поетъ обращеніе:

«О, качающаяся (въ стороны)! Сплетенные въ 8 разъ привѣски! (въ женскомъ нарядѣ, или косы?). О, качающаяся (*гуӊхӯр*)—взадъ и впередъ! Сплетенныя (*гурва̄р*) трижды привѣски!».

Придя въ экстазъ она поетъ отъ имени онгон'а: «голова моя разбаливается, нуженъ мнѣ шолковый платокъ. Лобъ мой разбаливается—(нуженъ) русскій шолкъ. Пищеводъ простудился—нужно подбѣленнаго молокомъ напитка; дыхательное горло простудилось—нужно (выпить) подбѣленнаго».

III. Мелодіи калмыковъ.

а) Пѣсни.

№ 57. ΔΔΔΔ. *Добр. 1*; *Рыб. 1*; *Неф. 1*; *Фам.* i. У *Добр.* называется «*Маштыкъ боодо́*»; (или малая лошадь); сочинена въ 1812 г. послѣ сраженія калмыковъ съ французами. Записана тогда же.

Протяжная. Слова начинаются «сёмъ хамартай французъ». Содержаніе геройское, увѣренность въ легкой побѣдѣ надъ врагомъ. Къ этимъ словамъ въ Мало-дэрбэт'скомъ улусѣ существуетъ теперь другая мелодія см. № 58. У *Неф.* въ послѣднемъ тактѣ не *d*, а *e*; мелодія у *Добр.* и *Неф.* дана съ сопровожденіемъ въ октаву.

№ 58. *. *С. Б.* Современная мелодія къ словамъ «сём хамартай паранцуз» (см. № 57). Зап. мною 22/9 XI 1908 г. въ СПБ. Пѣсня протяжная, сильно варіируется, группетто и форшлаги появляются постоянно въ новыхъ мѣстахъ. Счота установить я положительно не смогъ.

№ 58a. *Д. М.* По моему мнѣнію діэзы показываютъ на русское вліяніе. Слова *Д. М.* забылъ.

№ 59. *. *С Б.*, *Н. О.*, *Д. М.* Зап. XI 1908 г. въ СПБ. Протяжная. Пѣсня о маленькомъ, граціозномъ гнѣдкѣ. Слишкомъ рѣзвиться и гордиться не слѣдуетъ, такъ какъ братья его очень молоды. Дальше выражается пожеланіе долголѣтія отцу, уѣхавшему въ дальнія края (грабить?) и матери, которую бурханы должны помиловать.

Смыслъ самимъ калмыкамъ не особенно ясенъ. Срв. № 59a.

№ 59a. *. Зап. VII 1897 г. близь лѣтника Дунду-хурул'а отъ молодого калмыка Джирга Шалаева. Онъ ее, очевидно, для облегченія записи пѣлъ въ упрощенномъ видѣ и потому получилась значительная разница съ общераспространеннымъ въ томъ же улусѣ (Мало-дэрбэт'скомъ) напѣвомъ (срв. № 59).

№ 60. ΔΔΔ. *Добр. 2*; *Рыб. 2*; *Неф. 2.* Называется у *Добр.* «*Мазанъ Богатырь*, о древнихъ богатыряхъ калмыцкихъ». Подъ этимъ заглавіемъ у нынѣшнихъ калмыковъ извѣстна мелодія № 61. У *Неф.* опущенъ счотъ (2/4). У *Неф.* въ 19-мъ тактѣ вмѣсто *a* имѣется *h*; въ 22-мъ опущенъ *tr*, въ 8-мъ—нѣтъ форшлага.

№ 61. * *С. Б.*, *Н. О.* Зап. XI, 1908 г. въ СПБ. Содержитъ въ себѣ восхваленія извѣстнаго героя войнъ калмыковъ съ черкесами, побѣдителя черкесовъ Мазан-бāтыр'а (Срв. № 60). Слово *зāӊ* (слонъ) въ началѣ текста непонятно.

№ 61a. *Д. М.* Варіантъ № 61-го (руссифицированный?).

№ 62. ΔΔ. *Добр. 3*; *Рыб. 3.* «*Далма Богатырь* (изъ древнихъ преданій)». Моимъ знакомымъ калмыкамъ показалась совершенно чуждой.

№ 63. *. *Э. Д., С. Б. Н. О.* Пѣсня *боро мöрiнi тохāтä.* (Срв. №№ 64 и 65). Пѣсня про Муша-зайсан'а. Въ первой строфѣ говорится, что онъ неисправимый пьяница, но дальше идетъ характеристика его какъ могущественнаго зайсана.

№ 64. *Тунд.* Подъ заглавіемъ «*Базар-зурхайчи*» (Астрологъ изъ Калмыцкаго Базара — селенія близъ Астрахани). Зурхайчи (астрологъ), безбрачный монахъ, влюбился въ учительницу того же Базара—по имени Кōку. Онъ позабылъ свои обѣты и сбросилъ свое званіе. Этой пѣсnью, сочиненной лѣтъ 20—30 тому назадъ, выражается отрицательное (съ оттѣнкомъ жалости) отношеніе калмыковъ къ такому поступку духовнаго лица (*Н. О.*).

№ 65. *Тунд.* Подъ заглавіемъ «*шикирта нурин кэбэ*» (на берегу сахарнаго озера).

№ 66. *. *С. Б., Н. О.* Зап. XI 1908 г. въ СПБ. Воспѣвается нѣкій (владѣтель?) *Бембӯн-шара.* Восхваляются его владѣнія. Въ первой строфѣ говорится, что вино, которое хранится въ серебряномъ сосудѣ (*бōршӱ*) всегда является первой почотной порціей угощенія; цвѣтущій Бэмбин-шара всегда хвалитъ свои владѣнія.

№ 67. *Э. Д.* Зап. VII 1904 г. въ Сарептѣ. Знàкомъ ∧ отмѣчено удареніе.

№ 68. *Д. М.* Видимо варіантъ № 67.

№ 69. *Д. М.* Пѣсня «*таб болоксан галзан мiнi*». (Вытренированная до нужной степени лошадь моя съ бѣлымъ пятномъ на мордѣ).

№ 70. *. *С. Б., Э. Д.* Зап. VII 1904 г. въ Сарептѣ и провѣрена въ 1908 г. въ СПБ. Описывается красота дѣвушки по имени Кōку. Въ первой строфѣ говорится, что она была краснвѣе и величественнѣе, чѣмъ вешнія воды и болѣе стройна и гибка, чѣмъ вѣтвистая ива.

№ 70а. *Тунд.* Очевидно варіантъ (руссифицированный?) № 70.

№ 71. *Тунд.* Подъ заглавіемъ «*Кизлар гедек балгасунда*» (въ городѣ Кизлярѣ...). По мнѣнію *С. Б.* — пѣсня ставропольскихъ калмыковъ.

№ 72. *. *Э. Д., С. Б.* Зап. VII 1904 г. Сарепта, провѣрена XI 1908 г. СПБ. Воспѣвается дѣвушка *Халга* съ кистью на шляпѣ. Въ первой строфѣ говорится, что она сидитъ въ крайнихъ трехъ юртахъ (кибиткахъ) и отъ нея пахнетъ духами (мускатнымъ орѣхомъ).

№ 72а. Очевидно руссифицированный варіантъ № 72. Послѣдній тактъ сомнителенъ.

№ 73. *Кльк.* Зап. 5 VI 1908 г. *зурга̄н арслыңга орос госн...* («шестирублевые русскіе сапоги скрипятъ въ каблукахъ...»). По свѣдѣніямъ *С. Б.*, *Н. О.*, *Д. М.* пѣсня совсѣмъ новая.

№ 74. *Кльк.* Зап. въ Калмыцкомъ Базарѣ около Астрахани. VII 1908 г.; называется *харагаш манӓртӓ (?)*. По свѣдѣніямъ *С. Б.* и *Н. О.* эта пѣсня Хошоут'скаго улуса, романтическая, сочинена недавно про Петрушку, бывшаго прикащика князя Т ю м е н я.

№ 75. *Кльк.* Пѣсня *Дэвдэ* (*деюдӓ*). Зап. 2 VI 1908 въ Дундухурул'ѣ. Представляетъ собою діалогъ дѣвушки *Дэвдэ* и гелюн'а (священника). По мнѣнію *С. Б.* — пѣсня Хошоут'ская, а не дэрбэт'ская. (Срв. діалогъ № 42).

№ 76. *. *С. Б.*, *Н. О.* Пѣсня Калмыцкаго Базара. Зап. въ Сарептѣ въ 1904 г. и исправлена въ СПБ. 1908 г. Слова не удалось узнать.

№ 77. *. *Э. Д.*, *С. Б.* Пѣсня невѣсты дочери владѣтельнаго поёна передъ выходомъ ея замужъ. Выражается ея грусть по поводу прощанья съ родителями и домомъ. Въ первой строфѣ сказано, что вокругъ оз. Тэгэрэк цаган нӯр (круглаго бѣлаго озера) расположились подданные (*таңгачі*) и вотъ настало ей время разстаться съ (родными) владѣніями.

№ 77а. (Срв. 77) *с* или *сіs* на концѣ безусловно сомнительно.

№ 78. *. *С. Б.*, *Э. Д.* Зап. Сарепта VII 1904 г. и провѣрена СПБ. 1908 г. «Въ волны Каспійскаго моря уронилъ я *тамушан* (шапку) моей милой». Дальнѣйшія слова не удалось узнать.

№ 78а. *Д. М.* По мелодіи — варіантъ № 78. Содержаніе (*Н. О.*, *С. Б.*): Пастухъ поетъ, что онъ пасъ телятъ въ чащѣ тростника и подвергалъ ихъ такимъ образомъ нападенію мошкары, отъ которой имъ приходилось защищаться, обмахиваясь хвостомъ и ногами. Дальнѣйшія строфы передаютъ лирическія изліянія влюбленнаго пастуха.

№ 79. *. *С. Б.*, *Н. О.* Сочинена въ 1903 г. нѣсколькими молодыми людьми (табунщиками и др.), въ поселкѣ близъ ст. Червленой (Тихорѣцко-Царицынской ж. д.), въ честь красавицы-вдовы Кӧку, которая затѣмъ вышла замужъ за героя этой пѣсни. Жена этого послѣдняго, узнавъ объ ухаживаніи мужа за краса-

вицей Кӧку заболѣла съ горя чахоткой и умерла. Красота Кӧку всесторонне описывается въ пѣснѣ.

По мнѣнію калмыковъ эта мелодія крайне выразительна. Форшлагъ [1] при словѣ Кӧку (имени красавицы) придаетъ этому особую «чувствительность». Слова и напѣвъ *ганаган-ганаган* въ концѣ выражаютъ стройную, гибкую и гармоничную походку красавицы.

Правъ былъ *Неф.* (стр. 216—217), когда онъ говорилъ: «Калмыки не оставляютъ ни одного замѣчательнаго для нихъ случая безъ того, чтобы не воспѣть онаго».

№ 80. *. *С. Б., Н. О.* Эта пѣсня сочинена около 1900 г. при ставкѣ Мало-дэрбэт'скаго улуса про старую, косую старуху, извѣстную интриганку съ злымъ языкомъ. Она смутила молодую жену, мужъ которой былъ помѣщонъ въ больницу и устроила тѣмъ временемъ ея свадьбу съ другимъ. Первый мужъ, по выходѣ изъ больницы сочинилъ эту пѣсню. Въ ней есть и ядовитая сатира и глубокая грусть, которая особенно выражается, по мнѣнію калмыковъ, въ форшлагахъ въ словахъ *keleтен* и особенно въ *болхоlче*, или во второй строфѣ на мѣстѣ этого послѣдняго *чамӓгӗ*—«я́ тебя!!»)

Мужъ-авторъ перечисляетъ дурныя качества старухи и говоритъ, что она несомнѣнно по смерти сдѣлается вѣдьмой (*домāмо*).

№ 81. *Д. М.* Провѣрена мною XI 1908 г. отъ *С. Б.* Слова, сколько могъ вспомнить, сообщилъ *С. Б.* Русская пѣсня рыбопромышленниковъ съ Волги. Воспринята и по своему переработана калмыками. Называется *хатӯ хара аргамџі* (жосткая чорная бечева), и содержитъ въ себѣ описаніе всего процесса вытягиванія невода, начиная съ того, что съ криками тянутъ жосткую чорную бечеву.

№ 81a. *Кльк.* Зап. 21 VI 1905 въ Ставкѣ Мало-дэрбэт'скаго улуса. Озаглавлена *земlанка д͞ере гархуні.* (Срв. 81). «Когда взойду на землянку—вижу заборъ».

№ 82. *Д. М.* Пѣсня *хоjор шарга мӧрін* (два соловыхъ коня).

№ 83. *Д. М.* Записана въ Талтанкиновомъ родѣ. Называется: *тӧlӧк* [2] *нoктоні шӓргінӓ.* (Звенятъ ко́лечки подъ уздой)[3].

---

[1] Форшлагъ поется на сильную часть такта. [2] Колечки прикрѣпляемыя къ недоуздку. [3] Вся эта пѣсня съ текстомъ и другимъ варіантомъ мелодіи записана мною 22/9 VII 1904 (въ Сарептѣ), по случайно пропущена въ этомъ собраніи.

№ 84. *Д. М.* (Слова сообщили *Н. О.* и *С. Б.*). Привѣтствіе по поводу пріѣзда въ Астрахань Императора Александра II (*alĭксандр аптарої*). Варіантъ (нижній—въ 3 тактѣ)—*С. Б.*

№ 85. *Д. М.* Пѣсня подъ названіемъ *Донкашка.* Содержаніе забыто. (Срв. послѣдніе такты №№ 66 и 85).

№ 86. *Д. М.* Называется *Пӧдрӓ-Музра.* Содержаніе (*С. Б.*, *Н. О.*, *Д. М.*) таково: воспѣвается добрый молодецъ, который не только въ темную ночь отваживается «дѣйствовать» (воровать), какъ другіе, но даже и въ лунную (свѣтлую) ночь рѣшается на свои подвиги».

№ 86а. *. *Ramst.* По мнѣнію *Д. М.*, *С. Б.*, *Н. О.* европеизированный варіантъ № 86. *Ramst.* помнилъ начальныя слова, которыхъ они не могли мнѣ сообщить, зная только содержаніе.

№ 87. ΔΔ. *Fét.*; *Фам. 65,* и. Зап. *Fét.* во Франціи въ 1814 г. Калмыкамъ (*С. Б.*, *Н. О. Д. М.*), которые ее отъ меня слышали, показалась неизвѣстною и чуждою.

По мнѣнію *Fét.*; *Фам.* и—*gis* въ предпослѣднемъ тактѣ явленіе позднѣйшее. Нынѣшніе калмыки въ подобныхъ случаяхъ не соглашались со мной и съ цитованными авторами, считая, что это теперь вполнѣ соотвѣтствуетъ духу калмыцкихъ мелодій.

№ 88. *Д. М.* Пѣсня подъ названіемъ «*Цаҕāнка*» (имя дѣвушки). Составитель былъ просватанъ за Ц., она измѣнила и тутъ выражается его сожалѣніе. Въ одной строфѣ говорится *амтаї бургустаїн(чін) холīгі jāхоw* въ другой—*дунду хурлīн...* «Какъ быть съ отдаленностью А.-Б.?», или «Д.-Х.?».

№ 89. *Д. М.* Донскихъ калмыковъ, подъ заглавіемъ *хоwха модн̥ гертӣ геҷаl͞у.* «Говорили, что у него былъ плохенькій домикъ».

№ 90. *Д. М.* Донскихъ калмыковъ, *Черкаскін мӧргін-дер* (около города [Ново]черкасска).

№ 91. *. *С. Б.* Донскихъ калмыковъ, подъ названіемъ *полтавīн ад͞ун* (табунъ Полтаевскій [2]). Пѣсня казака, которому приходится ѣхать на конѣ изъ табуна П. служить и покинуть возлюбленную (въ 1 строфѣ—дочь Бакулина), которая остается дома на хуторѣ («Павлога») и т. п.

---

[2] Фамилія крестьянина конозаводчика. Происхожденіе коня ручается въ данномъ случаѣ за его превосходныя качества.

№ 91a. *Д. М.* Донскихъ калмыковъ. Варіантъ № 91. По мнѣнію *Д. М.* названіе пѣсни *полдовой адӯн* («плодовой») т. е. общественный табунъ, составляемый изъ приплода, изъ котораго потомъ берутся лошади при ремонтѣ въ казачьи и кавалерійскія части.

№ 92. *Д. М.* Донскихъ калмыковъ. Слова неизвѣстны.

b) Мелодіи плясовыя (танцы).

Общее замѣчаніе. Многіе танцы могутъ пѣться и къ нимъ есть слова. Но, при исполненіи ихъ на инструментѣ (балалайкѣ или скрипкѣ), мелодія повторяется и въ небольшихъ предѣлахъ варіируется на всѣ лады, получаются поэтому различныя комбинаціи въ счотѣ (срв. напр. № 96).

№ 93. *Кльк.* Зап. VI 1908. Хотонъ при ставкѣ Мало-дэрбэт'скаго улуса. По мнѣнію *С. Б.*, *Н. О.* и *Д. М.* эта мелодія Хошоут'ская или Торгоут'ская, а не Дэрбэт'ская (срв. № 97?).

№ 94. *Кльк.* Зап. 2 VII 1908 г. на свадьбѣ въ Бага-бухус'ахъ Мало-дэрбэт'скаго улуса. По словамъ *С. Б.*, *Н. О.*, *Д. М.* мелодія эта имъ извѣстна въ другомъ видѣ, какъ медленный плавный танецъ «для стариковъ».

№ 95. ΔΔΔ. *Добр. 7*; *Рыб. 7*; *Неф. 4*; (см. № 100). Называется у *Добр.* «*Хабъ Хара Моринду*». Приведены слова (2 строфы) и неполный переводъ. Мои знакомые калмыки нашли, что, пожалуй, въ какомъ нибудь изъ нынѣшнихъ плясовыхъ мотивовъ можно было бы найти нѣчто слегка напоминающее эту мелодію. Въ изд. *Рыб. 7* не вездѣ поставлены дуги legato и staccato, гдѣ онѣ есть у *Неф. 4.* и *Добр. 7.* Мои №№ 95 и 99 помѣчены у *Добр.*, *Рыб.* и *Неф.* заглавіемъ: *Пѣсни плясовыя.*

№ 96. *Э. Д.*, *С. Б.* Танецъ *хара лаӊка бішмуд* (бешметъ изъ чорной нанки).

№ 96a. *Д. М.* (названа *хара-наӊка*).

№ 96b. *Кльк.* Зап. 12 V 1908 г. въ Уӊгун-теричин'ахъ Мало-дэрбэт'скаго улуса. По мнѣнію *С. Б.*, *Н. О.*, *Д. М.* записаны отъ неопытнаго музыканта.

№ 96c. *Тунд.* Подъ заглавіемъ «*Андагарин-бакши*» (присяжный бакши).

№ 97. *Э. Д.* Танецъ *шара чікітē хӧн.* *С. Б.*, *Н. О.* Празднуется сватовство Шарку и Барку, говорится, что овца съ жол-

тыми ушами зарѣзана на пиръ по этому случаю. Шарку и Барку заставили молиться жолтому солнцу, предкамъ и пр. Только при первомъ куплетѣ поются слова, а затѣмъ мѣняется фигура танца и безъ сопровожденія словъ, такъ что вторая часть мелодіи является ритурнелью.

Варіанты помѣчены по записи *Д. М.*

№ 98. *. Зап. VII 1897 г. въ Дунду хурул'ѣ (на лѣтникѣ). Калмыкъ игралъ его на европейской скрипкѣ, повторяя безконечное число разъ; кончалъ, беря аккордъ на чистыхъ струнахъ.

№ 99. ΔΔΔ. *Добр. 6*; *Рыб. 6*; *Неф. 3.* Называется «*Хавчихсынъ хондó галонъ*». Мелодія моимъ знакомымъ калмыкамъ показалась чуждой (*d* на вторую ¼ перваго такта—по *Неф. 3*; въ 16 тактѣ у *Неф. 3* форшлага нѣтъ, а въ первомъ тактѣ имѣется знакъ forte).

№ 100. *Д. М.*

№ 101. *Д. М.*

№ 102. *Д. М.* (Хошоут'скаго улуса).

№ 103. *Д. М.* (не варіантъ ли № 98).

№ 104. *Д. М.* (срв. 95?).

№ 105. *Д. М.* Балалаечный мотивъ. Очень часто калмыки играютъ танцы на балалайкахъ и много мелодій создается прямо на этомъ инструментѣ.

c) Духовныя мелодіи.

№ 106. *. *С. Б.* Тибетская молитва о дарованіи дѣтей бездѣтнымъ родителямъ. Поется въ унисонъ; сначала медленно, потомъ все ускоряя и все громче очень много разъ, причомъ рѣзко слышатся дисканты маленькимъ хувараковъ (духовныхъ). Въ просторѣчіи носитъ названіе «Дарьки».

№ 107. *. Самый обычный напѣвъ; я слышалъ его ежедневно. Зап. лѣтомъ 1897 г. въ Дунду-хурул'ѣ. Многія тибетскія богослужебныя книги поются на этотъ мотивъ, причомъ въ зависимости отъ числа слоговъ стиха мѣняется ритмъ; здѣсь приведены образцы различныхъ тактовъ. Начинаютъ пѣть медленно, какъ можно ниже (басомъ; только малыши вторятъ октавой выше) и затѣмъ постепенно по ¼ и по ½ ноты поднимаютъ и кончаютъ

строфу portando на самую нижнюю ноту (обычно около кварты). Поднимая все выше и выше поютъ все громче и скорѣе, причомъ полагается пѣть въ унисонъ; часто пѣніе сопровождается ударами въ барабанъ.

№ 108. *. a) Духовный напѣвъ (*гурім*). Зап. лѣтомъ 1897 г. во время празднованія Шутен гегӗн (зунай дунду сар) въ Дунду-хурул'ѣ, на лѣтникѣ.

b) *С. Б.* Тоже.

№ 109. *. *Д. М.* Молитва къ Арія-бало [1]. Первая строфа: «Двѣнадцатиликій, такъ называемый Арія-бала, съ глазами на каждой ладони, покровитель одушевленныхъ существъ!».

№ 109a. *. *Ramst.* Буддійская мистическая формула *ом-мани-падмэ-хом* (№ 52!) не имѣетъ какого-либо своего постояннаго напѣва. Она поется на мотивъ, присвоенный молитвѣ, за которой она слѣдуетъ. Настоящая мелодія поется со словами молитвы извѣстной подъ именемъ Арія-бало (срв. 109).

№ 110. ΔΔΔ. *Добр. 5*; *Рыб. 5*; *Фам.* к. Моими знакомыми калмыками не узнана,

№ 111. ΔΔ. *Добр. 4*; *Рыб. 4*. «*Батыръ Тара*». («Молитва вечерняя, когда заставляютъ бурхана или верховнаго ихъ идола спать») [2]. Правильно было бы Б а д з а р ъ - д а р а (санскр. в а д ж р а-д'а р а). Эта мелодія моимъ знакомымъ калмыкамъ неизвѣстна; нынѣшній напѣвъ ея они не могли вспомнить.

№ 112. *Д. М.* Религіозный напѣвъ молитвы съ калмыцкими словами, которую поютъ простолюдины (чаще всего старухи и старики) въ постные дни.

IV. Приложеніе.

№ I. *Шнитн.* Пѣсня калмыка-алтайца. Зап. IX 1895 г.

№ II. *. *Бар.* Тибетскій мотивъ. Лхас'ское чтеніе цанитской учебной книги «по философіи средины»; по санскр.: Мадьямака-аватара. Мелодія a) на слова заглавія этой книги по тибетски: *у-ма-ла џук-ба*; b) начало текста (мелодія повторяется много-

[1] По санскритски: Avalokiteçvara.

[2] *Добр. 4*; *У Рыб. 4*—есть опечатка: «бархана» вм. «бурхана».

кратно). Это сочиненіе печатается теперь въ Bibliotheca Buddhica [1] на тибетскомъ языкѣ.

№ III. ΔΔ. Проф. С. К. Буличъ указалъ мнѣ, что въ оперѣ «Февей» есть калмыцкая пѣсня съ хоромъ. Благодаря любезности I. И. Юргенсона, разрѣшившаго мнѣ ознакомиться у него съ этой оперой [2] и списать интересующій меня номеръ, я представляю здѣсь мелодію и текстъ, обработанные тамъ [3].

Къ сожалѣнію въ музыкѣ, да и въ словахъ, повидимому, калмыцкаго элемента нѣтъ.

СПБ., 15/2 декабря 1908 г.

P. S. Когда большая часть этой моей статьи уже была напечатана, я получилъ новый матеріалъ, который помѣщаю въ видѣ дополненій, на стр. 427—430 (мелодіи—на стр. 025—028).

---

[1] Вып. IX.

[2] «Опера комическая Февей» соч. В. Пасксвича, для Клавиръ съ голосами переложенная М. Прачемъ». (СПБ. 1789 г.); переиздана вновь у П. И. Юргенсона, Москва, 1895 г.; 94 стр. Цѣна 2 р.

[3] Послѣ того какъ калмыцкимъ посламъ вручено письмо для передачи «Монгальскому князю Агрѣю», начинается послѣдній номеръ третьяго дѣйствія: «Калмыцкій хоръ», спабжонный ремаркой: «здѣсь начинается Калмыцкій балетъ и поютъ слѣдующую пѣсню»:

1. Въ народѣ во Калмыцкомъ
   Кушаютъ каймакъ,
   Сульякъ и турмакъ,
   Табакъ курятъ,
   Кумысъ варятъ.

2. При рѣкѣ лежалъ камень,
   Тутъ ѣли каймакъ,
   Сульякъ и турмакъ,
   Табакъ курили,
   Кумысъ варили.

Дальше мѣняются только первые 2 стиха каждой строфы и форма глаголовъ «курить» и «варить»; а именно:

3. На томъ камнѣ Калмычка
   Глотала каймакъ,...
   ..... Курила..... варила.
4. Приходилъ къ ней Калмычокъ,
   Попросилъ каймакъ,...
   ..... Покурить.... поварить.
5. Ты что чинишь дѣвочка,
   Ты ѣла каймакъ,...
   ..... Покурила.... поварила.
6. Цвѣточки рву, вѣночки вью,
   Я ѣмъ каймакъ,...
   ..... Покурю..... поварю.
7. Дай мнѣ хоть единъ цвѣтокъ,
   Ты ѣшь каймакъ,...
   ..... Покуришь..... поваришь.
8. Не токмо единъ, хоть всѣ возьми,
   Бери каймакъ,
   Сульякъ, турмакъ,
   Табакъ покуримъ,
   Кумысъ поваримъ.

(*Конецъ 3 дѣйствія*). (Op. cit., стр. 12, 79 слѣд.).

Слова: *каймакъ* (въ турецкихъ нарѣчіяхъ по словарю В. Радлова значитъ «сметана, сливки, бульонъ»), *сульякъ* и *турмакъ* мнѣ въ калмыцкомъ язѣ не извѣстны.

Дополненія къ стр. 399.

Oost.—Δ. Въ бытность мою въ Парижѣ, въ январѣ 1909 г., я узналъ отъ О. Е. Д е н и к е р а, что въ журналѣ Anthropos (Revue Internationale d'Ethnologie et de Linguistique. B. III, H. 2, ss. 219—233; 1908. Mödling bei Wien) имѣются мелодіи монголовъ подъ заглавіемъ «Recueil de chansons mongoles, recueillies par le P. v a n O o s t, missionaire de la Congrég. de Scheut. Avec traduction littérale». Тамъ даны мелодіи, всѣ съ текстами, въ транскрипціи, принятой въ этомъ журналѣ и предложенной его редакторомъ W. S c h m i d t (срв. Anthropos, B. II) и съ переводами на французскій языкъ. Къ сожалѣнію не помѣчено отъ кого и гдѣ онѣ записаны.

Въ транскрипціи ордос'скихъ текстовъ (№№ 31—35) я былъ введенъ въ заблужденіе непослѣдовательностью *А. Cl.*, который двумя буквами обозначалъ одинъ звукъ. Это было мною замѣчено уже послѣ напечатанія его мелодій. Записи *Oost.* не оставляютъ, въ этомъ отношеніи, сомнѣній.

Итакъ вездѣ въ №№ 31—35 надо читать *ое, оў, ео=ȯ*, вѣрнѣе *ў*. *(сероён=серȯн, Oost. серўн; кечео=кечȯ; оекей, оікег=ȯкей: коенціт=кȯнціт; кеоген=кȯген; тоёте=тȯте).*

Въ передачѣ русскими буквами транскрипціи *Oost.*, какъ и *А. Cl.*, я сохранилъ ихъ обозначеніе сильныхъ (съ аспираціей) и слабыхъ (безъ аспираціи) согласныхъ, не вводя принятой нами системы изображать ихъ соотвѣтственно русскими знаками для глухихъ и звонкихъ [1].

Въ нотахъ знакъ г,—соотвѣтствуетъ нашему ƃ (стр. 400).

Дополненіе къ стр. 402.

Нижеприводимыя мелодіи *(Oost. I—XI)* должны быть при географо-этнографической классификаціи помѣщены подъ:

I, d) Ордос [№№ 31—35, 113—121].

Дополненіе къ стр. 403.

По характеру и содержанію мелодіи *Oost.* распредѣляются по вышеуказаннымъ подъотдѣламъ слѣдующимъ образомъ:

I. Свѣтскія: А. *Пѣсни.* Бытовыя: №№ 115—117, 119. Эпическія: № 118?. Религіозно-нравственныя: № 121. Неопредѣленныя: №№ 113 (описаніе природы), 114, 120.

---

[1] Срв. Г. І. Р а м с т е д т ъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско ургинскаго говора. СПБ. 1908, стр. 6, 7 и пр.

Дополненіе къ стр. 410, отд. I, d (Мелодіи изъ Ордоса).

№ 31а. Δ. *Oost. X.* (Le Printemps). Одна первая строфа [1]. Вмѣсто *онахо-то* напечатано *онашо-то* (см. № 31).

№ 35а. Δ. *Oost. VII.* (Une méditation bouddhique). 6 строфъ. Изъ нихъ первая вполнѣ тождественна съ третьей строфой № 35. Вторыя строфы—очень близки. Эта мелодія, являющаяся варіантомъ № 35, переложена мною изъ f-moll (?) въ gis-moll.

№ 113. Δ. *Oost. I.* (La Nature). 4 строфы. Первая: «на вершинѣ высокой и великой горы и съ юга и съ сѣвера растутъ сплошь деревья и всякихъ сортовъ листья и цвѣты, въ свое время они прекрасны на взглядъ...».

№ 114. Δ. *Oost. II.* (L'oie sauvage). 8 строфъ. Текстъ и переводъ этой пѣсни имѣется у А. М. Позднѣева [2] въ двухъ редакціяхъ ӧлӧтской и халхаской, которыя почти не отличаются отъ *Oost.*, особенно первая. Пересказъ пѣсни имѣется у П. А. Ровинскаго [3]. Надо думать, что эта пѣсня очень популярна. Жаль, что до сихъ поръ не были записаны ея напѣвы. «Въ засушливые мѣсяцы радостнаго, обильнаго лѣта, крылатыя птицы съ звенящими звуками, зачѣмъ вы прилетѣли съ дикими криками, съ береговъ внѣшняго моря?».

№ 115. Δ. *Oost. III.* (Salut lointain à la famille). 4 строфы. «Въ то время, когда вѣтеръ въ три весенніе мѣсяца наиболѣе силенъ, изъ какой бы ни было дальней страны, мои дорогіе родные! я всегда (мысленно) спрашивалъ о вашемъ здоровіи».

№ 116. Δ. *Oost. IX.* (Mon cheval brun). Безъ перевода. Содержаніе единственной напечатанной строфы приближается къ № 117. «Гнѣдко мой, родившійся позади Орантан'а (?); пышно показавшій [4] себя въ хошунѣ Орат-бэйсэ—темный гнѣдко мой!».

---

[1] Всѣ пѣсни съ полнымъ переводомъ. При №№ 31а и 120 даны только первыя строфы и приблизительное ихъ содержаніе (примѣч. на стр. 231). № 116—безъ перевода. Полный текстъ и переводъ этихъ пѣсенъ будетъ мною помѣщонъ въ Изд. Факульт. Вост. яз. И. СПБ. Унив. № 30.

[2] Op. cit. (Примѣч. 1 къ № 45) стр. 97—103.

[3] Вѣстникъ Европы. Т. IV. 1874 г. іюль, стр. 299.

[4] По указанію Б. Б. Барадійна *ǝelmelɣyl-* —значитъ: «показать широту, пышность; гарцовать».

№№ 117, 117а 117b. Δ. *Oost. IV.* (Mon cheval). 9 строфъ [1]. Сожалѣнія о потерѣ коня. «Конь мой, родившійся позади горы Баян-хангай; конь мой, которымъ восхищались солдаты Бадарагулту (императора?)». Срв. № 116.

№ 118. Δ. *Oost. V.* (Vive Bayan tjirgal). 4 строфы. Праздничная пѣсня Джасак-хошун'а, князь котораго сдѣлался главой семи ордос'скихъ хошун'овъ. «Когда берутся (или тотъ, кто берется) строить прочно и крѣпко, это значитъ, что будутъ жить богато; когда берутъ сильное правленіе то это признакъ, что будешь господиномъ. (Припѣвъ:) Богатство и счастье—благо». Вторая строфа полна опечатокъ: *арата* вм. *араца*, *соңхо* очевидно вм. *лоңхо*: *суңтан*—вм. *луңтан; сомта*—вм. *томта.*

№№ 119 и 119а. Δ. *Oost. VI.* (Les merveilles de mon pays). 4 строфы. «Изъ числа переваловъ Баян-маннай слегка виднѣется западный перевалъ, если изгибами кружа перейти, то тамъ наша родина».

По мелодіи, на мой взглядъ, это одна изъ наиболѣе типичныхъ монгольскихъ пѣсенъ. *Oost.* издалъ уже раньше нѣсколько *китайскихъ* мелодій [2]. Одна изъ нихъ (Pa-pan) очень напоминаетъ мой № 36. По моему мнѣнію многія изъ записанныхъ мною восточныхъ мелодій (напр. №№ 20, 24, 25) носятъ на себѣ сильный китайскій отпечатокъ. Надѣюсь, что уже при слѣдующемъ собраніи мелодій можно будетъ болѣе категорично высказаться по вопросу о типичности мелодій и о чужихъ вліяніяхъ.

№ 120. Δ. *Oost. XI.* (La Rivière étroite). Съ пересказомъ. 9-я строфа совсѣмъ не понята нашимъ талантливымъ изслѣдователемъ. «У истоковъ Тонкой рѣки (Нарин-гол), накрапываетъ (?) тонкій дождь; во время 8 луны расцвѣтаютъ листья и цвѣты. Восходящее солнце затмѣваютъ многія тучи, а свѣтлый умъ подавляет(ся) глупостью гнѣва. Говорятъ, что бѣлоцвѣтная Венера является провозвѣстникомъ разсвѣта, а облачно-бѣлые волосы являются провозвѣстникомъ старости» [3].

---

[1] Впрочемъ 9-я строфа—дословное повтореніе второй.

[2] Missions en Chine et au Congo. 1904. p.p. 280—285 (съ рисунками). 1905. p.p. 14—24 (съ нотными примѣрами).

[3] Сомнительны могутъ быть только слова *чолмоңен* (=*чолмон ген?*) и *öleн(=ylен?)*, а не тѣ, которыя *Oost.* принялъ за имена собственныя.

№ 121. Δ. *Oost. VIII.* (Hymne à la triade bouddhique). 3 строфы. «Пожалуй насъ въ совершенствѣ благомъ и счастьемъ преисполненнымъ истиннаго благословенія трехъ чтимыхъ драгоцѣнностей [1]; соизволь утвердить стопы господствующихъ владыкъ и князей и укрѣпить благоденственное и мирное правленіе».

Поправки къ нотамъ:

Въ мелодіи № 27 послѣдній слогъ первой строки долженъ читаться: тор-.

Исправленіе къ №№ 31—35 см. стр. 427.

Въ мелодіи № 55. вм. *чі-нің* и *чі-ні* надо *ші-ні̄ң* и *шіні;* вм. *бо̆̄-ло-ха̄р* и *дў̄-ла-ха̄р* надо *бо̆̄-ло̇-һа̄р* и *дў̄-ла-һа̄р.*

Въ мелодіи № 78 послѣдній тактъ долженъ быть раздѣленъ на два и ноты имѣть слѣдующую длительность:

; 1/8 1/16 1/16 1/8 1/8; 1/4.
лав. ал-ду-лав.

Въ мелодіи № II (стр. 024) должно быть: *attacca al* b).

СПБ., Февраль 1909 г.

Добавленіе къ страницѣ 396.

(Къ абзацу объ *Анохинѣ*):

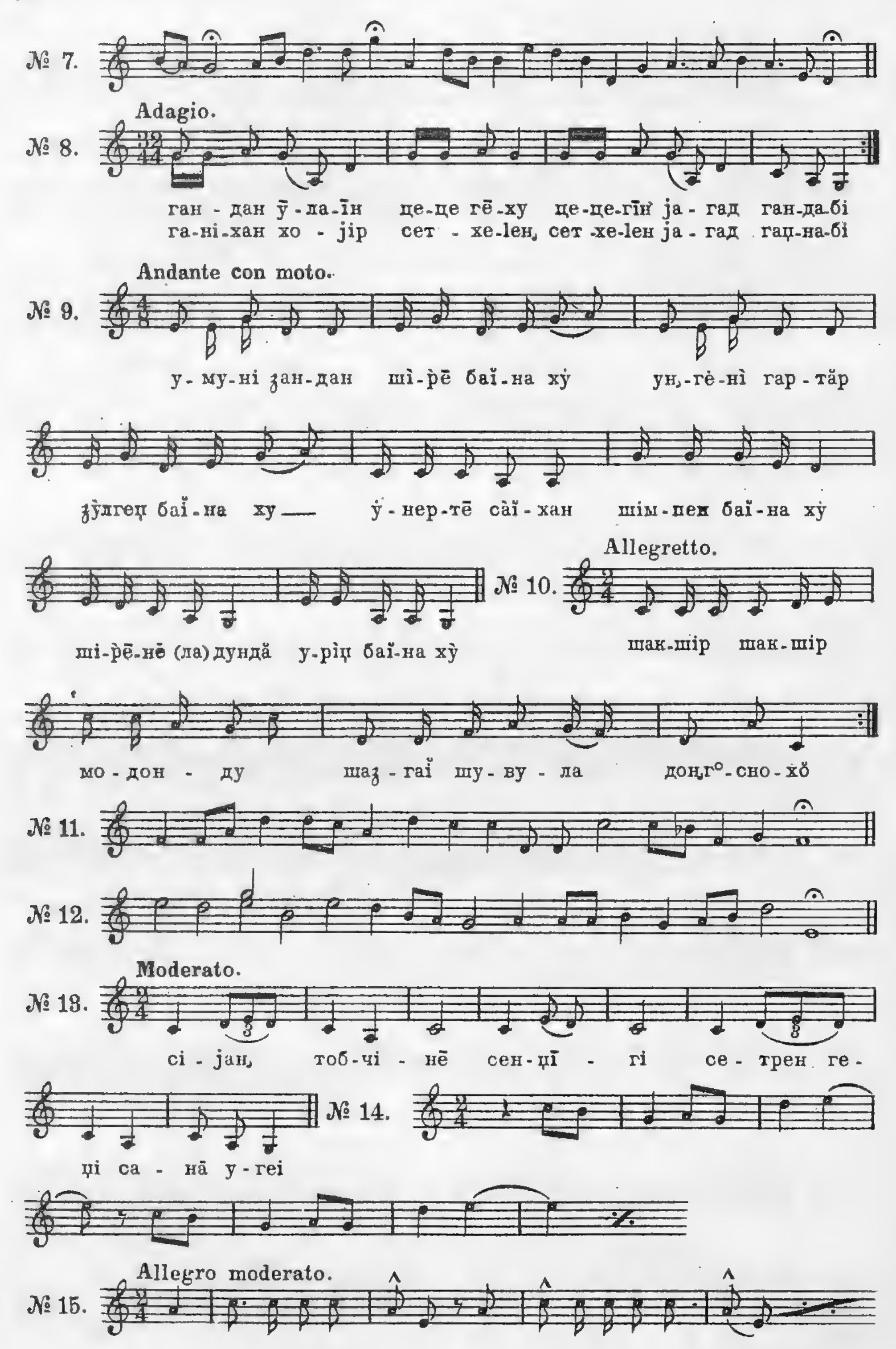
30/17 марта 1909 г. въ СПБ. получено письменное извѣщеніе Гр. Н. Потанина о томъ, что А. В. Анохинымъ (въ Томскѣ) собрано теперь въ нотахъ 200 западно-монгольскихъ и другихъ алтайскихъ мелодій (кромѣ того записано 40 валиковъ фонографа), которые, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ обстоятельнымъ очеркомъ, посланы въ Москву Ю. Д. Энгелю для напечатанія въ трудахъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. А. В. Анохинъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, предполагаетъ продолжать собираніе мелодій.

СПБ., 30/17 Марта 1909 г.

---

[1] 3 буддійскія драгоцѣнности: Будда, законъ и община.

Andante (con moto).
№ 1.
хад-дā-теї сем-бер ӯ-лāн-дā-нї ху хаї ду-рі-
ма ху! ха-ра-цаї шу-вӯ цуг-лāд-баї-нā ху
Moderato.
№ 2.
бе - - цін,-хāн, хо тӧ(т) бēl-гї-гі
rit.
бā-рӯл-сāн, бі-jjён, ал-лāк баї-lін,-зā jā хӯ!
Moderato.
№ 3.
ӡӯн шан-дунд у-jē - тā ӡӯӡ-гер хēр-ла хе-неї
хӯ? ӡӯ-гер чам-тā хеб-те-сен, ӡōл-хен біī-тē хе-неї хӯ?
№ 3a.
№ 4.
Andante con moto.
№ 5.
ӯ-ла-нāс ӯн-дӯ-ра у-lāс баї-ну хӯ —,
у-чір-снасм і-lӯ-хен, а-мӧ-рак баї-ну хӯ
Медленно. Протяжно. (Largo ?).
cresc.
№ 6.
то-ри-ла мо-тон-дор ши-дун-ча шу-бу тор-га-ла
poco a poco rit.
гор-ган-аксын ча-муер хо би-чи би-чи тор-га-на

№ 7.
Adagio.
№ 8.
ган - дан ӯ - ла-ӣн це-це гē-ху це-це-гӣн ја - гад ган-да-бі
га-ні-хан хо - јір сет - хе-лен, сет -хе-лен ја - гад гаџ-на-бі
Andante con moto.
№ 9.
у - му-ні ӡан-дан ші-р̄ē баї-на хӯ ун,-гė-ні гар - тӓр
ӡӯлгеџ баї-на ху ӯ - нер-тē саї - хан шім-пен баї-на хӯ
шi-р̄ē-нē (ла) дундӓ у-ріџ баї-на хӯ
№ 10.
Allegretto.
шак-шір шак-шір
мо - дон - ду шаӡ - гаї шу - ву - ла дон,г°- сно - хŏ
№ 11.
№ 12.
Moderato.
№ 13.
сі - јан, тоб-чі - нē сен-џї - гі се - трен ге-
џі са - нā у - геі
№ 14.
Allegro moderato.
№ 15.

Largo.
№ 16.
Largo.
№ 17.
буд - ла џӯ - гін о - рої - ду бур-
хан бак - шін а - гуі - ду бу - да - да хої - шо
ха - ра - ха-дан сан, - гін у - тā ма - нір - на
Adagio.
№ 18.
Andante.
№ 19.
Moderato.
№ 20.
бо-да-ло-до га-ра-ху бон-дор-wa чі - чік
бо-ро-неї-га ӯ-ʒі-ба-ла бо-дон-гуї-рен да-хуі бо-рохандур е-деl
Var.
jo-гу-са-рі бол-ба(ч) бодолгі-jан алдабол бодонгуї рен- да

Andante con moto.
№ 21.
тан - хас тан - хас ал - хадл - тē да - ла дӯ -
рӯн о - - тог - тē да беiс ноï - нē туш - меl jон-дiн -
о да - wӯ хӯ - нē ӯ - нē - ре
№ 22.
a)
b)
c)
d)
e)
Moderato.
№ 23.
Molto sostenuto.
№ 24.
да-бу да-lан хо-i-ра бе-lін хен jін-ӡа у-ла у-ла ху
бē-цін сен-ге мон - гу - саïн бē - цін jаб-дал ду-ра-таï - ху

Moderato.
№ 25.
ца-ган ва-ра баї - шін, ці ху-рул дē - ре наї - ма
Var. № 1.
Var. № 2.
ʒа ці - jа - ху, хӯ - хе де ір-е-ге на - су дуї ца-су
Var. № 3.
Живо, весело. (Allegro?)
ден-лу дӯр - бен дуї
№ 26.
mf
мо-но но-ко зуу-тык бишу
бон-бор минь ван-кыр ван-кыр ту-то-ра бон-бор-минь
rit.
№ 26ª
ма на но-хоі зу - туl - те бом-бре - мі
ло-хур ло хур ду - да - ре бом-бре - мі
№ 27.
то - реї бан - ді ба-ху - да то
го-нен саі-ре öм-cle
№ 28.
та-бан то-ло-
гої на у-бі-сі - ге та-ба-jа - мā булалд - на там-ціг біч-
кін сот - ма-на - ге хоj-jор ман-ӡу бу-ла - лдна

№ 29.
a)
№ 30.
Fine.
b)
Timpani
Timp.
Timp.
Timp.
c)
sempre piu animato
№ 31.
ха-бор чак-тор чок-ла-рак-сан ха-мок сі-бо-гаї
ха-ра се-роён о-на гwi-тор ха-рі-хо баї-нам
№ 32.
мун̧-кон мун̧-кон біl-чо-гаї ман̧-наін̧
тё ре џір-гі-џо ма-гат мі-ну нін̧-гар-
ні нін̧-гар-ні мун̧-ке хаї-ра-лак-сан чі

№ 33.
ар-гас ке-чео ха-рак - так - чі ом-баї о-бо - кін
ал-тасᶜ оі-кеї са-нак - так - чі коён-џіт кео-ген - кін
№ 34.
о - лāн бо-лак-он
о-сон-ні ең-чіт - хон
ō - џім ман-то-гат о - рос а-гwі-кун - тоі
Moderato.
№ 35.
1. ор-чі-ланс-тор тӧ-ге-рік - сен бі - та-ні
2. о-чір хуl-геін тоё-те ʒам - тор хӧ - теl-џо
3. о-то рі-тон со-јор-гак - сан а - чі - јі
4. о-го-га - та мар-тасᶜ ое-кеї хаї - ра-хан
Allegretto.
№ 36.
гунс гунс сы чӧ шанс
rall.
Sostenuto.
№ 37.

portando
№ 38.
Allegretto.
№ 39.
№ 40.
Andante con moto.
№ 41.
у-на-гаӊ у-ла-нім ше-ші-рӯл сен ӯ-ла ганӊ-гі-неӥ
жа-бар да у-хāн хāӊ зурхе-ім ше-ші-рӯл-сеӊ
ӯ-рак бу-дінӊ ба-дан-со
№ 42.
Мужской голосъ.
се-бегēӥ мандал хӯгенду
Женскій голосъ.
мен-дул гē-рēі сер-геје се-јēн бі-ше-ші-ду: јі-реl гē-рēі
№ 43.
но-мо-ган номоган бо-рō-рā но-го bel-шір (....?......)
се-р̀ӯ-хен саі-хан сē-жē-рē ном со-дор ші-ту-ху-ду
ја-мар-бе
ја-мар-бе
№ 44.
хо-ні ма-лäі-гā ха-рі-хо-доӊ, а-ба-
хо-да-на-рäі гā јі-ре-ху-дуӊ, а-ба-
гäі мі-ні тот-хор ба-рін га-ра-рäі
гäі мі-ні тан-хан ба-рін га-ра-рäі

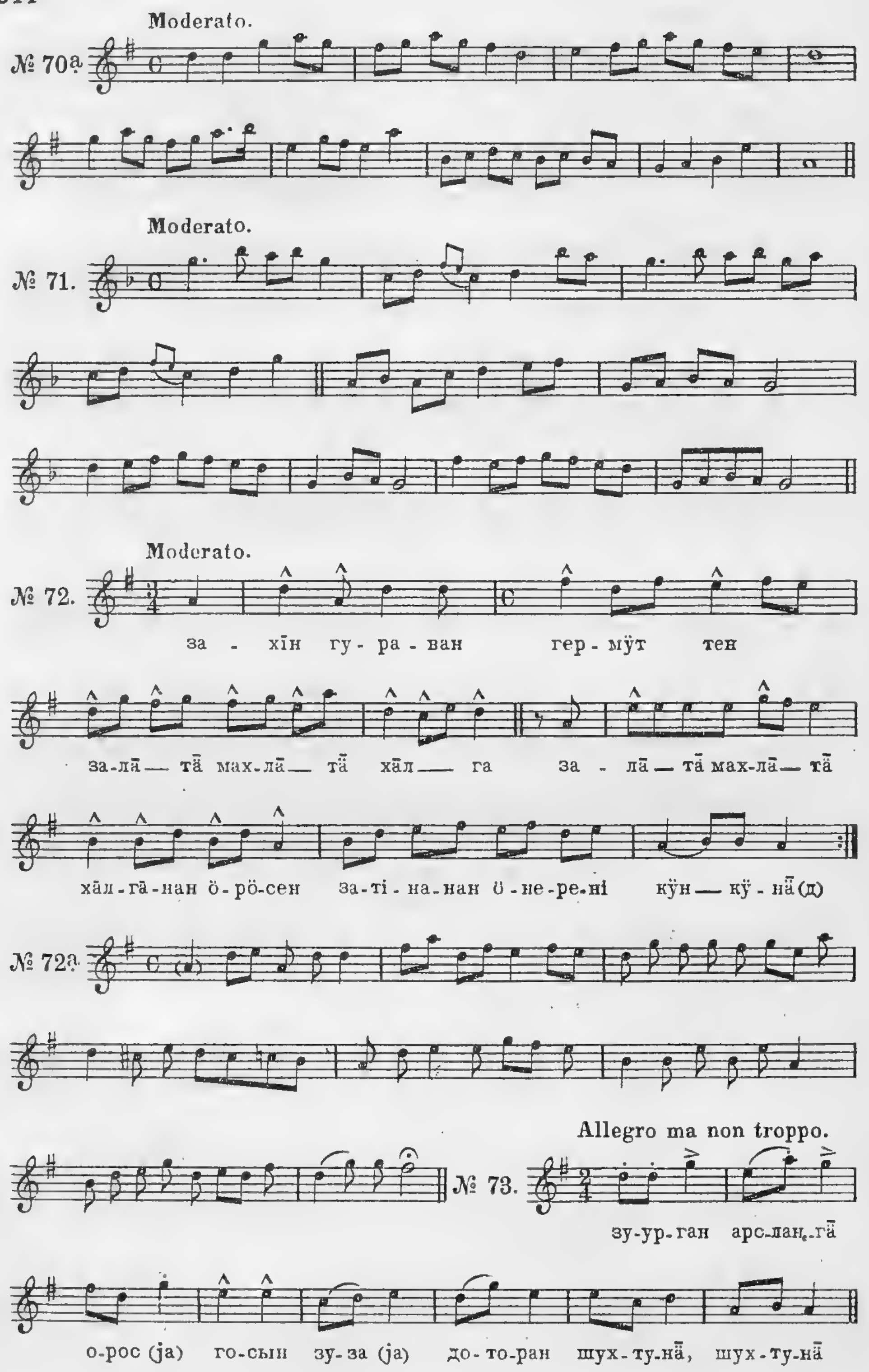

№ 45.
а-бо-ı̅н мі-ні хаір-лак-сан ал-тан-ша
е-жі-ı̅н мі-ні хаір-лак-сан ер-де-ні ца-
ра но-мо-ла
га̅н шо-ло̅н-ла
№ 46.
ал-да ха-ра ге-зе
а-лак ер-јен ӥу-
е-не хаі-рак бе-
хаі-рак хо-wа̅ ха-тар-
ге мі-ні̅ гу-ру се̅-теі-је
ду̅ мі-ні̅ цап-ші ла̅-таі-ја хеп-те-неl бе-зе
је мі-ні̅, ха-да-до гар-ші
ші мі-ні̅, ге-ре-те мен-ду ху-ру-неl бе-зе
№ 47.
хёр хер-меін зо-га-ла-со хе̅-ре мо-дон ге-le-
хёр хер-меін зо-гал-со
le е-бу-гед-еі зо-га-ла-со жан-хан цо̅-хі меl-мер-хен
ні зо-гал
(Moderato).
№ 48.
на-ја на-ја на-ја-ла на-ја на-бо мі-ні гӧі
№ 49.
хо-ло-со-то но̅р-аі хоі-мар-то, хон-гор га-ло̅н со-гла на
хо-рін манган ал-ба то-до, хо-рı̅н ба̅-баі те-ру̅-хен
№ 50.
ер-жін ер-жін шар-га-ра, ер-ху̅ де̅-гу̅р ша̅г-ју̅-ла̅т
ха̅-наі-га хар-ші-до, ха-за̅р-таі ја хан-кіс-гет,
ду-шін ца-га̅н ші-дун-ін
ер хун но-јан тор-го-бӓі гаі-хан таг-нан баі-баl-да
хан ха-тон хо-јо̅-лӓік гаі-хо-лап бум-бур-гет
дур-бен ха-ра то-рон-ı̅н та-ха-тӓі-ја тар-бас-гет

№ 51.
о(м) мā-ні да-рі ба-зар не, ма-ха-бра-рā-ді ша-рі хом хом пат пат,
cō-xā
№ 52.
a)
b)
о(м) мā-ні бад-мі хом
дак-сак ма-жік дāм жі жі
№ 53.
a)
b)
№ 54.
о - лан но-хоі да - гōн-jат
№ 55.
Andante e poi più mosso,
a)
бō - ло
sempre animato e più cresc.
molte volte da capo e poi attacca al b.
b)
чі - ніп, бō - лōк - да
дӯ - ла
чі-ні дӯ - лак - да
m. v. d. c. e p. a. al c.
c) più mosso
m. v. d. c. e p. a. al d.
d)
ӯ - le бō — лōн jа-ха ма - наіб
һо-хор ха-ра о-д̄о-ган
m. v. d. c. e p. a. al a.
ö - дöр ші - гі
бō-лō-хāр
һӯ-ні ші - гі
дӯ-ла-хāр
№ 56.
Moderato.
più mosso
наï-гу - у - ур —; ны -' і-гу-у(р) —; ны уг̧урдаï
quasi portando
наï-ма-ар
гӯ - ре - һен, һан - жӯр-ган
4 volte
№ 57.
Largo.
p
№ 58.
Largo.
сöм ха - мар - таï ла па-ран-цуз ла —
сöр-гöl-де - н бä - ц̄ä чаб - чап - дад.

Очень медленно. (Largo).
№ 58а
Largo.
№ 59.
бі-чі-кен кē(р) ———. мö——— рäн бі - lе-ксен
——. дӱ - lен - сен јоб-дун-тä lе - і - е јоб - дун - тä
Largo.
№ 59а
бі-чі-кен ке - і - е - ер мöрн - lа - - а-ні
poco più mosso
бі-lік-сен ла дӱ-лен-са-і - ан јо - бу дун - тä
Andante.
№ 60.
Andantino.
№ 61.
зäн ноі-дут ма-наі но-ін ма-зан бā - тур

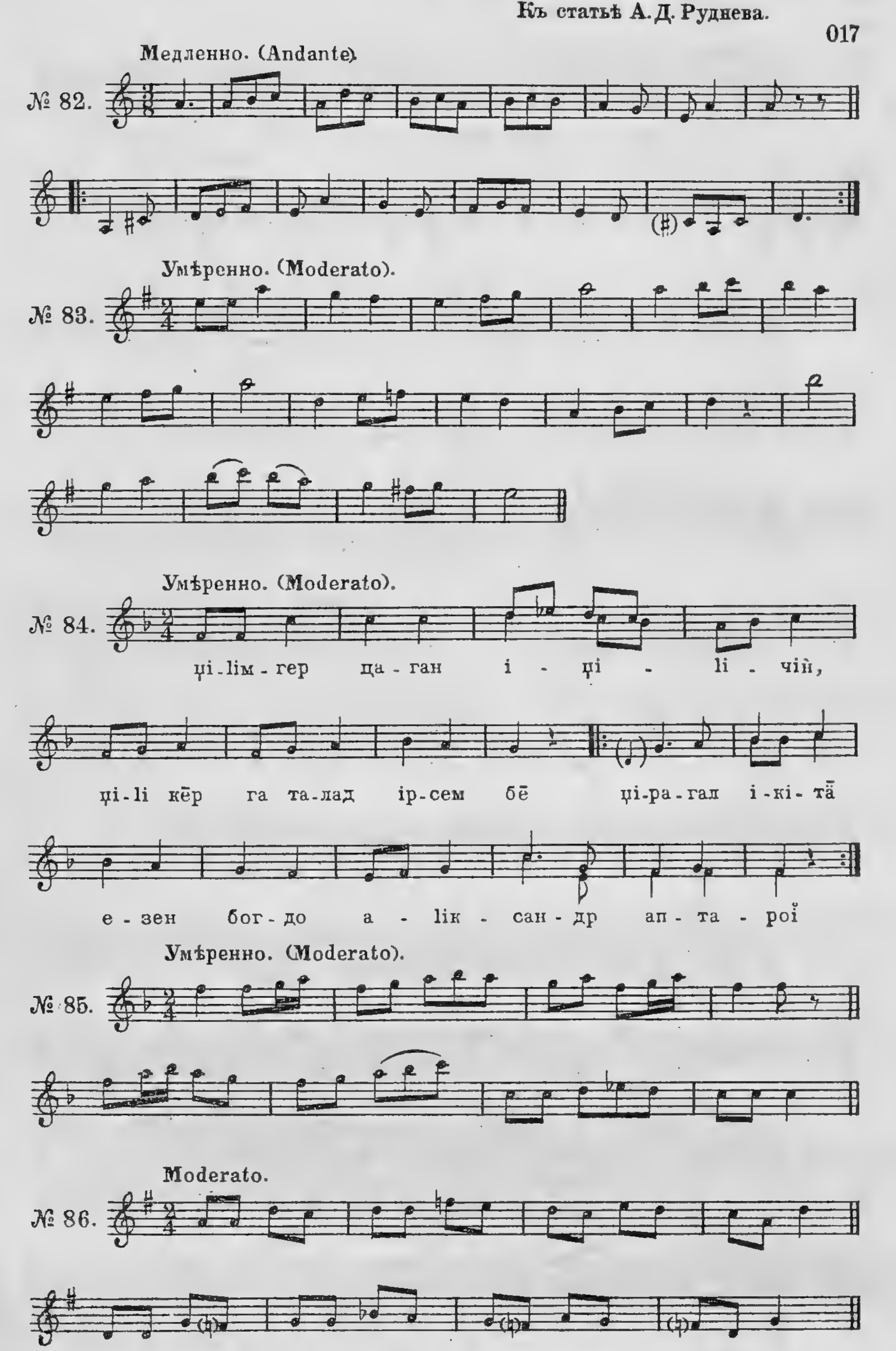

заі ноі̆-дут мар-лі̅н-чі-кін а-ду-тā гі-цӓ-лӱ заі̆ наі̆ ду
Andantino.
№ 61ª
Andante.
№ 62.
f
tr
Allegro scherzoso.
№ 63.
бо-ро ја мӧ-рӧ-ні то-ха-тā бор-тох-тā ӓ-рӓ-кін
ган-зга-ла-та бӧ-чін ман-цін му-шан заі̆-сан бӧ-док у-га
ӓр-кін-чі
Andante.
№ 64.

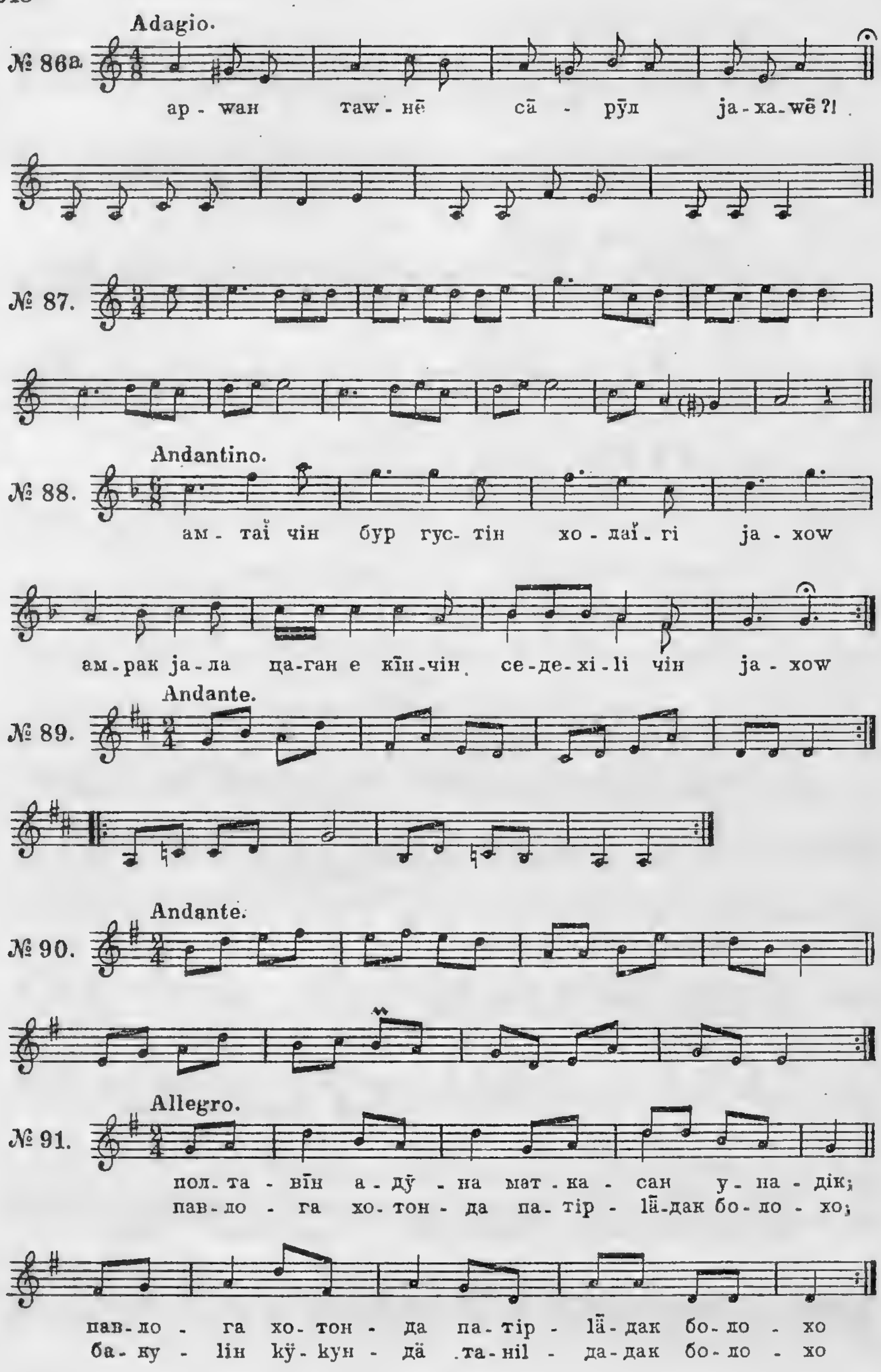

Moderato.
№ 65.
Allegretto.
№ 66.
мöн̧-гÿн бöрwÿ- тä ä - рä - кі-ні мöн̧-кöн-дäн дē-џі бол-дак бі
мöр-сен бо-лок-сан бем - бің ша - ра мöн̧-кöн-дäн ā̄ - мä-гäн мак- та-нä
Moderato.
№ 67.
Медленно. (Andante).
№ 68.
Не особенно скоро. (Allegretto).
№ 69.
Adagio.
molto rit.
№ 70.
хав-рі - нан у - сун - ā - са де-le - кö бі - lē
a tempo
rit.
ē ! хам - ту- гас - тā̈ борогос-на са у - ja - хан бі - lē

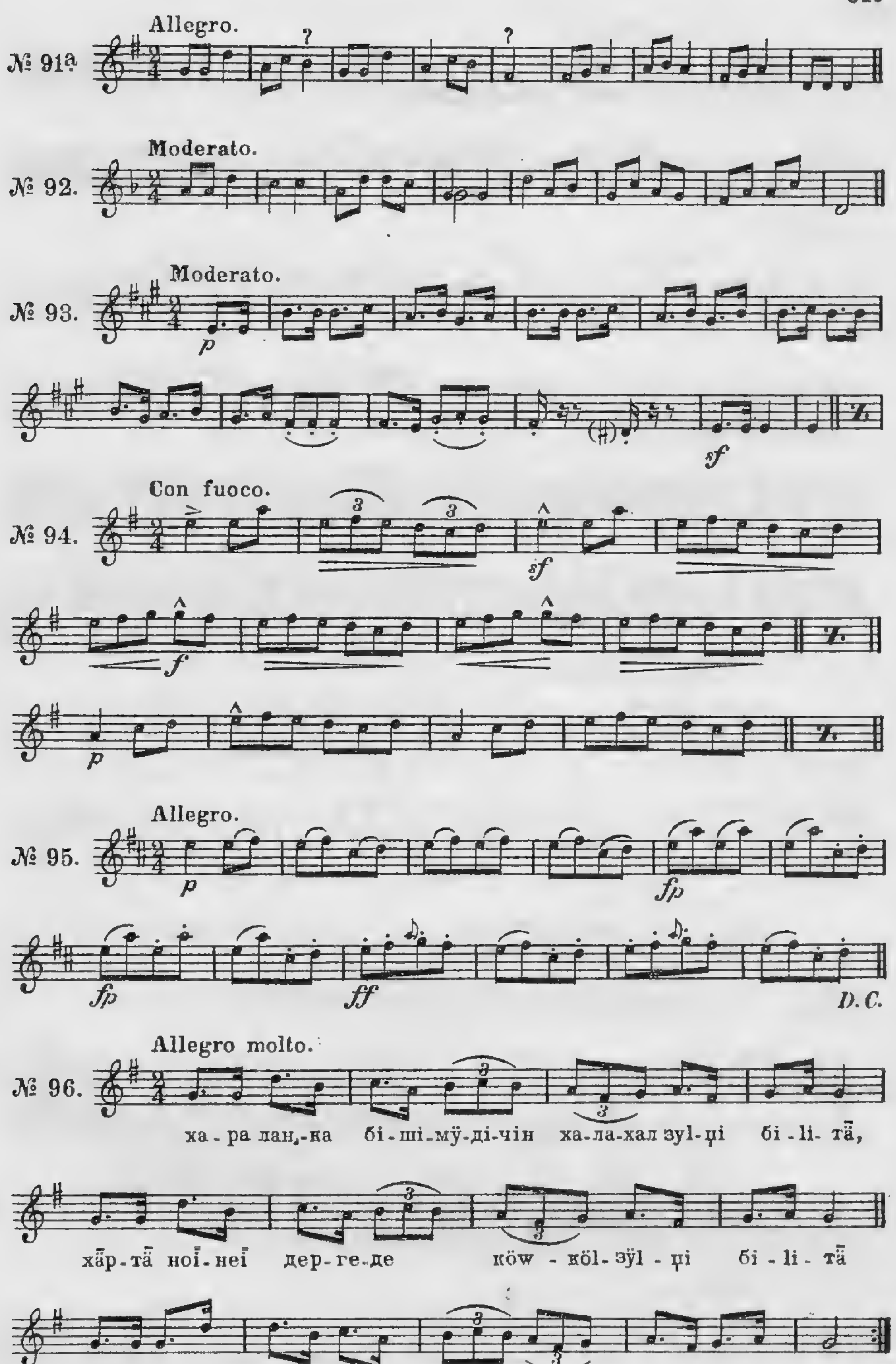

Moderato.
№ 70a.
Moderato.
№ 71.
Moderato.
№ 72.
за - хін гу - ра - ван гер - мӱт тен
за-лā — тā мах-лā — тā хāл — га за - лā — тā мах-лā — тā
хāл-гā-нан ӧ-рӧ-сен за-ті-на-нан ӧ-не-ре-ні кӱн — кӱ-нā(д)
№ 72a.
Allegro ma non troppo.
№ 73.
зу-ур-ган арс-лан-гā
о-рос (ja) го-сын зу-за (ja) до-то-ран шух-ту-нā, шух-ту-нā

Moderato.
№ 74.
Allegretto.
№ 75.
ха - ра гуї - рін ам - тӯ - тā, ха - ра
гуї - рін ам - тӯ - тā деw - дä мі - ні деw - дä мі - ні деw - дä!
№ 76.
Adagio.
№ 77.
тö - гö - рöк ца - ган нӯ - рē чі - ні
тö - гö - lōт бӯ - ксан - тан, - га - чі
№ 77a.
Allegretto scherzoso.
№ 78.
кӯ - ке ја тен,-ге - сін доl - ган -
ја дан доl-ган - дан кӯ-рöк - кӯн-ні то-муш - шан ал-ду - лав ал ду-лав
Медленно. (Andante.)
№ 78a.
та-вар ја ту-вур ја хол-сун-дан ја зек-сен-дäн
та-вын ја - ла туг-лы - гāн ха - р̈у - lāд ті - р̈у - lāд

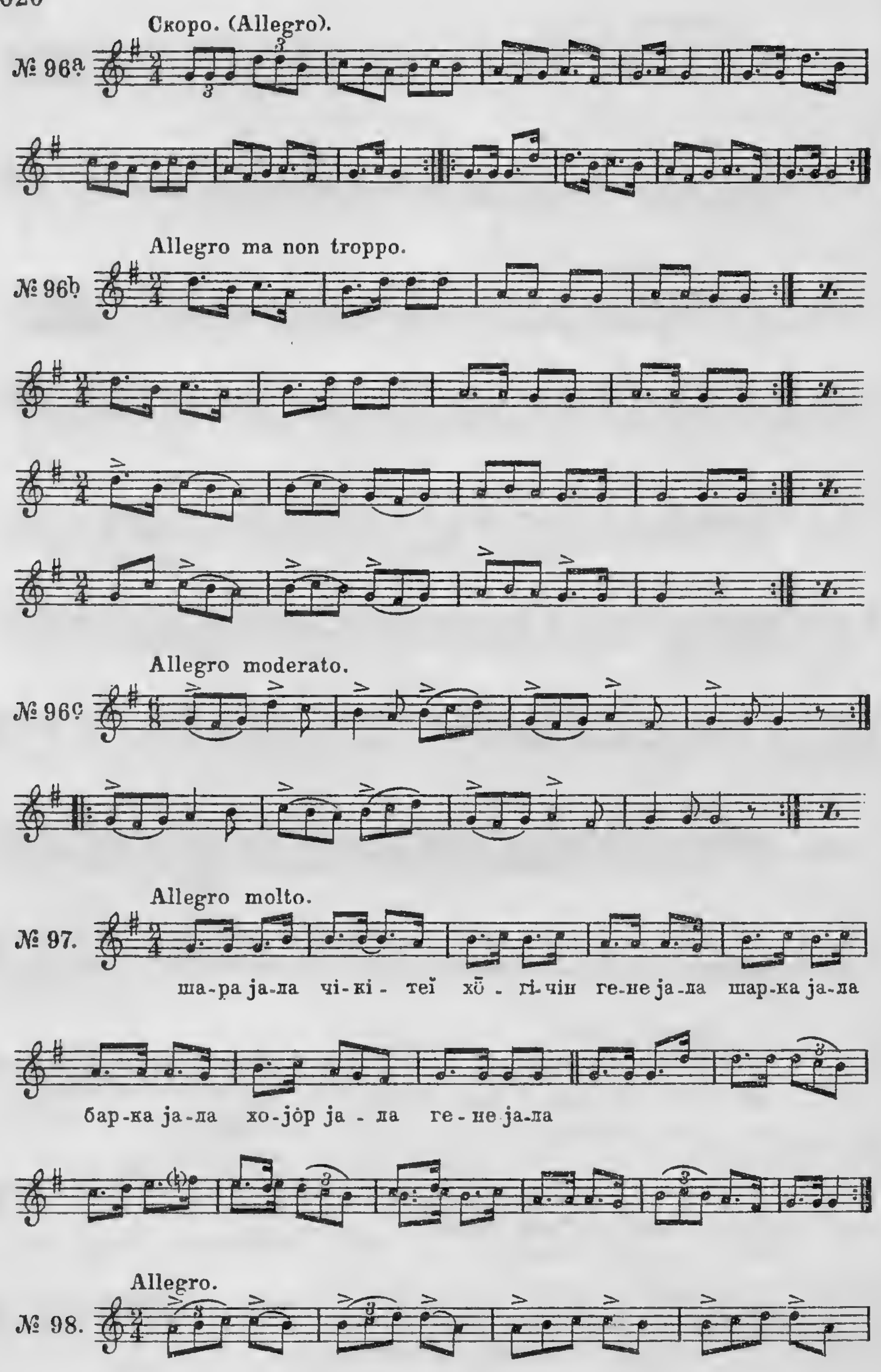

Andantino.
№ 79.
а-џір-га-да хад-га-лак-сан ал-тан ја ла дö-нäн
ар-гамџа-ла кö-це-ме lö хур-ду-та ла ге-не лаї
а-li-мін ја ла чі-ра̄-тä la кō— ку чіӊгене la
а-рат-ка ла хо-тон-ду-ні га-на-ган га-на-ган ге-нē лаї
Allegretto.
molto rit
a tempo
№ 80.
хо-рон ја ке-lе-тēн—!
оӊ-крен е-ме-ген хо-ро-
rit
a tempo
тен до-ма̄-мо бол-хоl-че
Медленно. (Andante.)
№ 81.
ха-тӯ ја ха-ра ја
ар гам-џі-і-гі ха-кі-рен ба̄-џі-та-ты-чі
Andante.
№ 81a.
p
sf
p
зем-lаӊ-ка-ја дē-рен ја гар-ху-ні
ritenuto
f
mf
p
зек-сен (ја) за-бор-ні ӯ— зӯк-дна̄ зек-сен ја за-бор-ні
recitativo
mf
ӯ-зӯк-дху-ні зе-ја наг-цнер-ні са-нак-дна̄

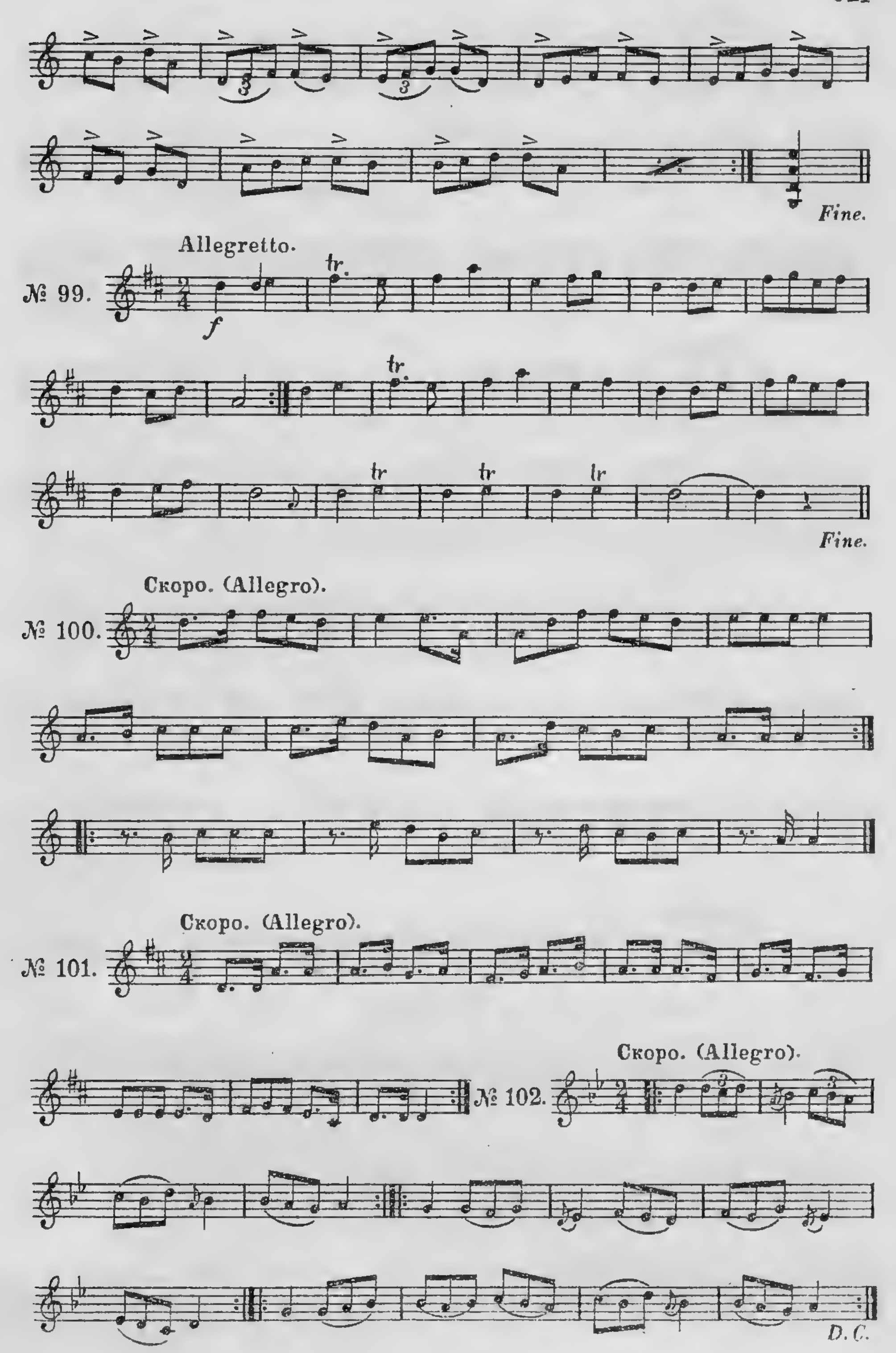

Медленно. (Andante).
№ 82.
Умѣренно. (Moderato).
№ 83.
Умѣренно. (Moderato).
№ 84.
ці-lім-гер ца-ган і-ці-li-чій,
ці-li кēр га та-лад ір-сем бē ці-ра-гал і-кі-тā
е-зен бог-до а-lік-сан-др ап-та-роі̊
Умѣренно. (Moderato).
№ 85.
Moderato.
№ 86.

Adagio.
№ 86a.
ар - wан таw - нē сā - рӯл ja - ха - wē ?!
№ 87.
Andantino.
№ 88.
ам - таї чін бур гус - тін хо - лаї - гі ja - хоw
ам - рак ja - ла ца - ган е кїн - чін, се - де - хі - lі чін ja - хоw
Andante.
№ 89.
Andante.
№ 90.
Allegro.
№ 91.
пол - та - вїн а - дӯ - на мат - ка - сан у - на - дік;
пав - ло - га хо - тон - да па - тір - lā - дак бо - ло - хо;
пав - ло - га хо - тон - да па - тір - lā - дак бо - ло - хо
ба - ку - lін кӯ - кун - дä та - ніl - да - дак бо - ло - хо

№ 91a. Allegro.
№ 92. Moderato.
№ 93. Moderato.
№ 94. Con fuoco.
№ 95. Allegro.
D. C.
№ 96. Allegro molto.
ха - ра лан,-ка бі - ші-мӯ-ді-чін ха-ла-хал зуl-ц̦і бі - li- тā̈,
хāр-тā̈ ноі-неі дер-ге-де köw - köl- зӯl - ц̦і бі - li - тā̈

Скоро. (Allegro).
№ 96a.
Allegro ma non troppo.
№ 96b.
Allegro moderato.
№ 96c.
Allegro molto.
№ 97.
ша-ра ja-ла чі-кі - теї хӧ - гі-чін ге-не ja-ла шар-ка ja-ла
бар-ка ja-ла хо-jöр ja - ла ге - не ja-ла
Allegro.
№ 98.

Fine.
Allegretto.
№ 99.
tr.
f
tr
Fine.
Скоро. (Allegro).
№ 100.
Скоро. (Allegro).
№ 101.
Скоро. (Allegro).
№ 102.
D. C.

Allegro.

№ 103.

sempre D. C.

Allegro.

№ 104.

D. C.

Allegro.

№ 105.

D. C.

Andante.

№ 106.

ом-ці за-ма паг-ма ра-ма-ла ці-ні га-цік lör-ден-сом-ла

D. C. sempre piu mosso.

№ 107.

a)

b)

c)

Fine.

portando

Allegro.

№ 108. a) b)

Largo.

№ 109.

а - рја ба-ла не-ре-тā ар-бан хо-ір ні-гур-тā al-ган бӳ-рä

ӈӳ-дӳ тä äм тäн-і ӳ-зек-чі

rallentand

Largo

№ 109a.

ом-ма-ні пад-ме-хом

ом-ма-ні пад-ме-хом ом-ма-ні пад-ме-хом ом - ма-ні пад-ме-хом

Adagio.

№ 110.

p

p

Adagio.

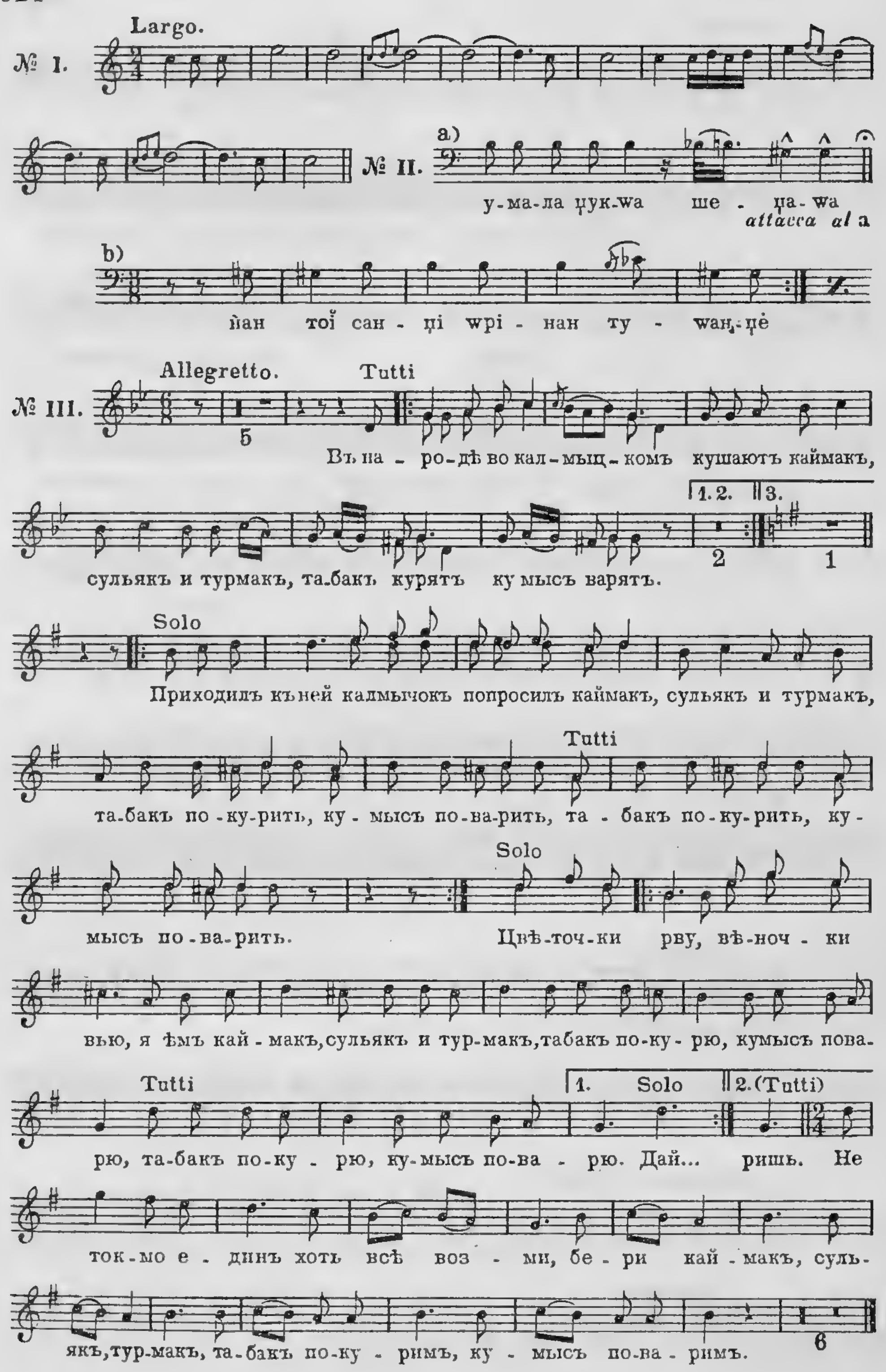
№ 111.

p tr

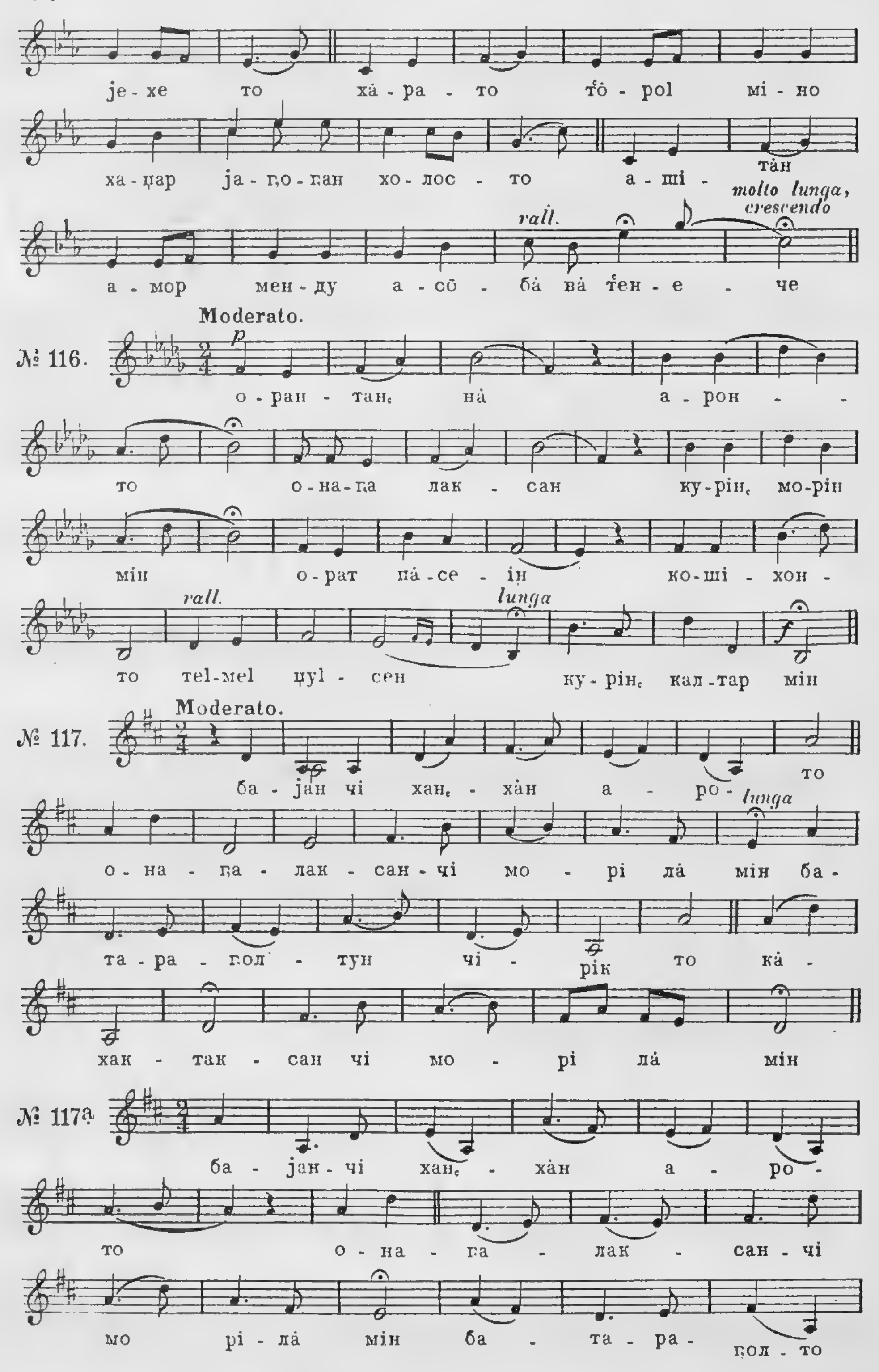
tr

Медленно. (Largo).

№ 112.

Largo.
№ I.
№ II.
a)
у-ма-ла цук-wа ше - ца-wа
attacca al a
b)
йан тої сан - ці wрі - нан ту - wан-це
Allegretto.
Tutti
№ III.
5
Въ на - ро-дѣ во кал-мыц-комъ кушаютъ каймакъ,
1.2.
3.
2
1
сульякъ и турмакъ, та-бакъ курятъ ку мысъ варятъ.
Solo
Приходилъ къ ней калмычокъ попросилъ каймакъ, сульякъ и турмакъ,
Tutti
та-бакъ по-ку-рить, ку - мысъ по-ва-рить, та - бакъ по-ку-рить, ку-
Solo
мысъ по-ва-рить.
Цвѣ-точ-ки рву, вѣ-ноч - ки
вью, я ѣмъ кай - макъ, сульякъ и тур-макъ, табакъ по-ку - рю, кумысъ пова-
Tutti
1. Solo
2. (Tutti)
рю, та-бакъ по-ку - рю, ку-мысъ по-ва - рю. Дай... ришь. Не
ток-мо е - динъ хоть всѣ воз - ми, бе - ри кай - макъ, суль-
якъ, тур-макъ, та-бакъ по-ку - римъ, ку - мысъ по-ва - римъ.
6

Moderato.
№ 31а.
(Стр. 06)
ха-бор чак-то чо-кла-рак-сан га-мок ші-бо - ха̇
ха - ра се-ру̇н о-на-хо-то ха-рі-хо ба̇ - на
Allegro non troppo.
rall.
№ 35а.
(Стр. 07)
1. е-ҵен ла-ма̇н ні-ҕу- lес-хwіен ку - чон-бер
2. ер-хім са̇-ні ol-ҵо а-мор ҵір - ҕа-ба
3. el-теб са-мо̄ ал-ҕа - сал-а̄р ја - бо - ҵо
rall. al fine
4. ер-хім са̇-ні ал-та - хо-че кі - чеl - ті
Allegretto.
№ 113.
ун-тор ба је-хе о̄-лан ор-ҕіl - то о̇-бор ба-
а-ро ту-рен, мо-тос ні у̇н-ҕе пу-рін наб-чі че-чек
rall. molto
tel-ҕе-рен у-ҵе - хо је са̇-хан ба̇-хо чак-та-ҕан
Andantino.
№ 114.
ҵір-ҕал - та̇ tel - ҕер ҵон-о кан, са-рас - то
ҵі-ҕур - тен ші-бо̄ - ха̇ хан,-хі - нан чін,-ҕі - пан
ха-та - ҕа-то та - ла̇н ҵа - ха е - че
кан,-ҕо - ҵо тар-бі - ҵо ја-ҕон - то̄н і-ре - беі?
Allegro.
№ 115.
ха-бор - он кор-бан са-ра̇н саl-кін - о

je - xe то ха - ра - то тӧ - pol мі - но
ха - џар ја - ҕо - ҕан хо - лос - то а - ші - тан
molto lunga, crescendo
rall.
а - мор мен - ду а - сӧ - ба ва тен - е - че
Moderato.
№ 116.
p
о - ран - тан, на а - рон - -
то о - на - ҕа лак - сан ку - рін, мо - рін
мін о - рат па - се - ін ко - ші - хон -
rall.
lunga
то tel - mel џyl - сен ку - рін, кал - тар мін
Moderato.
№ 117.
ба - јан чі хан, - хан а - ро - то
lunga
о - на - ҕа - лак - сан - чі мо - рі ла мін ба -
та - ра - ҕол - тун чі - рік то ка -
хак - так - сан чі мо - рі ла мін
№ 117a.
ба - јан - чі хан, - хан а - ро -
то о - на - ҕа - лак - сан - чі
мо рі - ла мін ба - та - ра - ҕол - то

тӯн чі - рік то ка -
rall a tempo
хак - так - сан чі мо - рі ла - мін
№ 117b
ба - јан - чі хан - хан а - ро то
о - на - га - лак - сан - чі мо - рі - ла мін,
ба - та - ра - гол - тӯн чі - рік то
ка - хак - так - сан чі мо - рі ла - мін
№ 118.
ба - то чін - га - ні па - рі - ма ба - јан саго - хо
шін - ші - теі ба - то то - ро - гі па - рі - ма но - јан со - хо
Припѣвъ. (Refrain.)
шін - ці - теі ба - јан ціргал сан ба - јан ціргал сан
Largo.
№ 119.
ба - јан ман - на ші - lіс - ні па - рōн
ші - lі па - рā - тā ер - гі - цо ор - ба -
molto lunga
цо ка - ра - хwі то ма - но но - ток тен - те бу
№ 119a
ба - јан ман - на ші - lіс - ні
па - рōн ші - lі па - рā тā

ер-гі - цо ор-ба - цо ка-ра-хwі то
ма-но но - ток тен - те бу
Allegretto.
№ 120.
rall.
1. на - - рін пол - ін е - ге-ін то
2. ор - хо-чі ка-ра-хо на - ра - ні
mf a tempo
rall. molto
lunga
на-рін хо-ра нар мі - ла чін на - мон
о - лан у - le бу - ро гон - то о - јон
rall. al fine
са - ран о - јес - то наб - чі че - чік
бе - lік о - ха-ха - ні бр ін мон-ха -
tel - ге - рін - то. 3. ур ча - хо ні тем - тек -
кар та - рон - то.
ні он-хон ча-хан чол - мо - цен
о - tel - га - ні тем - тек - ні
f rall.
rall. e decresc.
о - lен ча - хан у - со ген - то
Adagio.
№ 121.
ер-хім кор-бан ер - те -
е - це - - lек-сен е - цет
ff
mf lento
ніс-он у нен а-тіс - - -
но - јат оl-мі ба-тот - - -
та, е - не ху-то цір - га - лан, і
цо ен-хе а - мор то - ро - јі - ган
ff
pp
те - гус ха - ра - ла.
тет - хун со - јор - га.

Н. Н. Пантусовъ.

Мусульманскіе мазары въ г. Учь-Турфанѣ и окрестностяхъ его (въ китайскихъ предѣлахъ).

Въ окрестностяхъ Учь-Турфана и въ самомъ городѣ существуетъ очень много мазаровъ, о которыхъ приводимъ слѣдующую легенду, переданную намъ словесно многими жителями этого города.

Легенда повѣствуетъ, что, по мусульманскому лѣтосчисленію въ 32 году, въ окрестностяхъ Учь-Турфана и Аксу, царствовалъ Барбаръ [1], по китайски Дзунъ-Ванъ. У этого хана былъ сынъ Акъ-Ата, впослѣдствіи прозванный Акылъ-Ата. Въ одно прекрасное время Акъ-Ата видѣлъ во снѣ Мохаммеда, который приказалъ ему принять исламъ. Не задумываясь долго, Акъ-Ата принялъ исламъ и, явившись къ Барбару, заявилъ ему о случившемся. Барбаръ отъ сообщенія сына пришелъ въ ярость и въ раздраженіи отрѣзалъ Акъ-Атѣ языкъ. Изуродованный Акъ-Ата, уповая на святость Мохаммеда, отправился къ нему въ Мекку. Повѣсивъ себѣ на шею конецъ, отрѣзанный отъ языка, Акъ-Ата явился къ Мохаммеду и знаками объяснилъ ему о случившемся [2].

[1] Или, по болѣе мягкому выговору, Берберъ.

[2] Разсказчики отмѣчали мнѣ, что это произошло въ 32 году Гиджры. Казалось бы страннымъ, что мусульмане могутъ не знать, что пророкъ ихъ умеръ еще въ 11 году Гиджры. Тѣмъ не менѣе, у неграмотныхъ невѣжественныхъ сартовъ и у киргизовъ это незнаніе вполнѣ мыслимо.

Мохаммедъ взялъ конецъ языка, приложилъ его къ мѣсту отрѣза и дунулъ въ ротъ Акъ-Атѣ; языкъ силою святости Мохаммеда приросъ и Акъ-Ата получилъ исцѣленіе и способность говорить. Тогда Мохаммедъ назвалъ его Акъ-Ботамъ (бѣлый, чистый сынъ мой).

Акъ-Ата разсказалъ Мохаммеду о видѣнномъ имъ снѣ и о случившемся послѣ этого съ нимъ. Отъ разсказаннаго Акъ-Атой Мохаммедъ пришелъ въ уныніе, и подумавъ, рѣшилъ покорить Барбара, для чего приказалъ султану Кырмышъ-Атѣ снарядить войско и, взявъ въ проводники Акъ-Ату, идти войной на Барбара.

Кырмышъ отправился во главѣ 11 военачальниковъ: султана Юнусъ-Ата, Коканиша-Бузургвара, султана Хорасанъ-Ата, Акъ-Ата-бузургвара, Баба-Камбаръ-Ата, Полванъ-Ахметъ-Замчи, Акъ-бурраханъ, султанъ Сагабей-джанбасъ, Полванъ-Ата, Имамъ-Маликъ-Аждаръ-Чилькесъ-ата, Карасакалъ-ата съ войскомъ въ количествѣ 32,000. Въ 32 году по мусульманскому лѣтосчисленію явились они въ окрестности Акъ-Су и Учь-Турфана. Каракиргизы городъ, въ коемъ жилъ Барбаръ, называютъ Гуль-Кака. Но Кырмышъ былъ побѣжденъ и изъ всего войска и военачальниковъ Кырмыша спасся только одинъ Акъ-Ата, остальные же всѣ были убиты войсками Барбара. Первымъ изъ военачальниковъ Кырмыша былъ убитъ Коканиша.

Такъ какъ войска Кырмыша были разбиты войсками Барбара и всѣ военачальники, за исключеніемъ Акъ-Ата, погибли, то Акъ-Ата вернулся къ Мохаммеду и сообщилъ ему о постигшей ихъ неудачѣ и о гибели военачальниковъ. Тогда Мохаммедъ повелѣлъ Али ѣхать вмѣстѣ съ Акъ-Атой. Али пріѣхалъ въ Учь-Турфанъ, остановился верстахъ въ 3-хъ отъ нынѣшняго города въ невысокихъ горахъ, на ключѣ довольно чистомъ, вода коего походитъ на минеральные ключи и довольно холодная. У этого ключа росла ветла; Али привязалъ свою лошадь къ ветлѣ и подошелъ къ ключу. Ключъ былъ переполненъ змѣями; тогда Али приказалъ змѣямъ удалиться и, взявъ воды, выполоскалъ ротъ, напился воды и повелѣлъ, дабы ключъ этотъ былъ цѣлебнымъ для всѣхъ. Въ память того, что Али далъ на этомъ мѣстѣ

выстойку своей лошади, мѣсто это высоко чтится мусульманами и тутъ устроенъ мазаръ подъ названіемъ Суутканъ [1] (рис. 5).

Простоявъ нѣсколько дней, Али пошелъ на Барбара и побѣдилъ его. Барбаръ во время стычки палъ; городъ его и по нынѣ находится, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ Юго-Западныхъ горахъ отъ города. Про городъ этотъ передаютъ жители Учь-Турфана, что крѣпостныя стѣны и ворота хорошо видны изъ Учь-Турфана, но по приближеніи скрываются. Всѣ драгоцѣнности Барбара остались въ этомъ городѣ не тронутыми. Али даже не разрушилъ въ городѣ Барбара ни одного зданія, такъ какъ мать Какагаи-джады-гуль, узнавъ о смерти своего сына Барбара, заперла всѣ ворота города и заколдовала его, сдѣлавъ тѣмъ городъ виднымъ для всѣхъ изъ дали и не доступнымъ ни для кого и невидимымъ вблизи.

Побѣдивъ Барбара и обративъ его подданныхъ въ магометанство, Али поставилъ Акъ-Ату ханомъ надъ этой провинціей; самъ же на нѣкоторое время остановился на небольшой горѣ западнѣе города, находящейся въ 1—2 верстахъ. У Али была лошадь, которая могла летать и называлась Дульдуль. Для этого то коня Али устроилъ ясли изъ кирпича на упомянутой горѣ [2].

На горѣ этой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы нашли слѣды какой-то постройки и на вершинѣ какое-то круглое зданіе, имѣющее сажени 3 въ діаметрѣ и сажени 2—3 въ вышину. Зданіе это не имѣетъ ни оконъ, ни дверей, а по наружному его виду трудно судить—чѣмъ оно служило; это-то зданіе и называется *Ахуръ* (ясли, сложенныя Аліемъ).

Мѣсто это также чтится мусульманами, хотя оно не имѣетъ шейха. Ниже этой горы есть небольшой мазаръ, называемый Дульдуль (рис. 1) устроенный въ память коня Али; на этомъ мѣстѣ, по преданію, Дульдуль стоялъ и кормился.

По возвращеніи Али въ Мекку, Акъ-Ата остался въ Учь-Турфанѣ ханомъ и по смерти былъ похороненъ немного запад-

[1] *Суутмак*—прохлаждать, выстаивать (коня).

[2] Нечего, конечно, и говорить о неисторичности всей этой легенды: Алій никогда къ Турфану не ѣздилъ, да и вообще завоеваній не совершалъ.

нѣе Дульдуль-мазара въ долинѣ, гдѣ имѣется его мазаръ, названный *Акъ-Ата-мазаръ;* на этомъ мазарѣ есть 7 человѣкъ шейховъ и мѣсто это служитъ кладбищемъ (рис. 2).

Мазары сподвижниковъ султана Кырмышъ-Ата находятся въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

1. Первымъ, какъ мы сказали выше, изъ военачальниковъ Кырмыша былъ убитъ Коканша. Мазаръ его находится западнѣе Учь-Турфана въ горахъ въ четырехъ ташахъ отъ города.

2. Мазаръ Камбаръ-ата лежитъ въ западной части города.

3. Мазаръ султана Кадыръ-Хорасанъ-ата (рис. 3) находится на юго-востокъ отъ города въ двухъ-трехъ верстахъ; при мазарѣ этомъ расположено мусульманское кладбище, называемое «Култукъ-бузургваръ» (рис. 4).

Кадыръ убитъ вмѣстѣ съ братьями своими Мачмуръ-Хорасаномъ и Закиръ-Хорасаномъ. Всѣ трое похоронены въ одномъ мѣстѣ. Шейховъ при ихъ мазарѣ три.

По разсказамъ шейховъ, эти три брата приходили въ 32 году гиджры изъ Мекки воевать съ государемъ Барбара во главѣ 25,000 войска.

Описаніе ихъ жизни находится въ книгѣ «Тезкереи Шерифъ», которая находится на рукахъ у шейховъ.

Я видѣлъ эту книгу. Эта «Тезкереи Шерифъ» списана собственно съ книги, находящейся на мазарѣ султана Кырмыша. Въ этой книгѣ повѣствуется главнымъ образомъ о султанѣ Кырмышѣ, одномъ изъ одиннадцати главныхъ начальниковъ, пришедшихъ сюда съ 3-мя хорасанами. Кырмышъ былъ среди нихъ самымъ главнымъ.

При мазарѣ есть школа для дѣвочекъ и мальчиковъ—на 15 дѣтей.

Сюда къ мечети на кладбищѣ приходитъ много народа молиться и приносятъ съ собой назыръ.

Собственно мазаръ хорасановъ находится за кладбищемъ, за горкой; и его видать только тогда, когда зайдешь на эту горку.

Нами снятъ фотографическій видъ мазара и особо видъ кладбища (рисун. 3 и 4).

4. Въ полднѣ пути на югъ отъ сего мазара въ той же сторонѣ въ горахъ расположенъ мазаръ Султанъ Юнусъ-ата. Онъ

тоже былъ въ числѣ одиннадцати военачальниковъ, пришедшихъ сюда съ Кырмышемъ. Мазаръ этотъ отъ города въ разстояніи двухъ ташей.

5. Мазаръ Полванъ-Ахмеда-Замчи находится на востокъ отъ города въ кишлакѣ Бешъ-Терекъ, тоже въ разстояніи двухъ ташей отъ города.

6. Мазаръ Акъ-Буррахана-ата. Похороненъ въ одномъ мазарѣ вмѣстѣ съ Полванъ-Ахмедъ-ата.

7. Мазаръ Кокъ-аля бузургвара находится на берегу Таушканъ-дарьи, въ разстояніи 6 ташей отъ города.

8. Мазаръ Полванъ-ата и султана Кырмыша или Кармыша, главнокомандующаго; оба эти мазара находятся въ разстояніи четырехъ ташей отъ г. Аксу въ сѣверныхъ горахъ, въ сторонѣ отъ дороги.

Мазаръ Кырмыша считается самымъ большимъ изъ всѣхъ остальныхъ мазаровъ и на немъ живетъ сорокъ семействъ сартовъ.

Главы этихъ семействъ считаются шейхами мазара Кырмыша. Этому мазару есть нарѣзанная земля, которую и обрабатываютъ упомянутые шейхи.

10. Мазаръ Имама Маликъ-Аждара-Чилькесъ-Ата находится въ разстояніи одного таша пути отъ г. Аксу, по дорогѣ къ мазару Кырмыша. На этомъ мазарѣ также есть десять семействъ шейховъ и прирѣзанная земля.

11. Мазаръ Карасакалъ-ата находится въ г. Аксу въ новомъ городѣ; при этомъ мазарѣ также есть пять-шесть шейховъ.

Шейхи, въ большемъ или меньшемъ числѣ, живутъ на всѣхъ описанныхъ выше мазарахъ и имѣется ихъ на каждомъ не менѣе 4—5 семействъ. Большинство ихъ ничѣмъ не занимаются и питаются приносимымъ въ изобиліи назыромъ; богатые поклонники приводятъ много верблюдовъ, лошадей, быковъ, барановъ и козловъ. Кромѣ этого, ежедневно мазары эти посѣщаютъ массами мусульмане-паломники, изъ коихъ бѣдные приносятъ рисъ, хлѣбъ и муку, а болѣе состоятельные скотъ.

Все приносимое на мазаръ идетъ въ пользу шейховъ.

Кромѣ описанныхъ выше мазаровъ мусульманскихъ военачальниковъ, замѣчательны мазары: Суутка-мазаръ или Сууткан-мазаръ, Акъ-ата-мазаръ (рис. 2) и Дульдуль-мазаръ (рис. 1).

Сууткань-мазаръ [1] особенно чтится мусульманами (рис. 5). Много народу собирается сюда въ базарные дни (два раза въ недѣлю) и по пятницамъ и приносятъ шейхамъ обильные подарки. Въ день нашего посѣщенія этого мазара, мы застали тамъ толпу человѣкъ въ двѣсти паломниковъ-мусульманъ; даже китайцы и тѣ нерѣдко посѣщаютъ этотъ мазаръ.

На мазарѣ этомъ останавливался Алій съ Хасаномъ и Хусейномъ и уничтожилъ здѣсь змѣй, находившихся здѣсь массами.

Въ книгѣ «Дженг-намэ», писанной муллой Абдрахманомъ, которую мнѣ приносили шейхи, говорится о змѣяхъ въ краткихъ словахъ слѣдующее:

«Змѣи находились подъ деревьями. Ихъ много было. Ни верблюды, ни лошади Алія, Хасана, Хусейна и спутниковъ ихъ не могли идти впередъ отъ запаха змѣй. Однако, Хасанъ и Хусейнъ прогнали змѣй и онѣ ушли.

Когда пришли на ключъ, то увидѣли, что рыбы въ водѣ умираютъ отъ того, что въ водѣ были ядовитыя змѣи. Хасанъ и Хусейнъ помолились, чтобы вода была хорошая, и плюнули въ воду. Вода стала хорошая и ядъ въ ней уничтожился».

Налѣво отъ зданія мазара, находится ключъ съ очень чистой водой. Въ ключѣ этомъ есть рыбы, которыя, по словамъ шейховъ, показываются только людямъ благочестивымъ и чистымъ.

Вся окрестная мѣстность сазистая и густо поросла разной растительностью и камышемъ.

Интересны здѣсь деревья: стволы ихъ не растутъ прямо, а стелятся по землѣ, протяженіемъ сажени на двѣ, на три.

Кромѣ помѣщенія для шейховъ, построено нѣсколько большихъ комнатъ для паломниковъ съ навѣсомъ предъ ними.

Когда мы подъѣзжаемъ къ городу Учь-Турфану, издалека виднѣются предъ нами скалистыя горы, на одной изъ коихъ замѣтна китайская крѣпость, служащая частію пороховымъ заводомъ и погребкомъ, а частію мѣстомъ нахожденія орудій.

---

[1] *Сууткань-мазаръ* значитъ: Мазаръ, гдѣ Алій *выстаивалъ ,прохлаждалъ* своего коня Дульдуля.

Ближе этой горы расположена одна изъ горокъ, называемая *Дульдуль-ахуръ* [1] (рис. 1) и около нея мазаръ, называемый *Шора-Мазаръ*.

Кому принадлежитъ *Шора-Мазаръ*, преданіе никакихъ данныхъ не сохранило, хотя и гора и мазаръ чтутся мусульманами какъ святыни.

Горки эти находятся влѣво отъ дороги.

Для съемки фотографіей вида съ этого мазара Дульдуль-ахура мы ѣздили утромъ 3 іюля 1901 года; затѣмъ сняли видъ съ Акъ-ата мазара (рис. 2), гдѣ погребенъ Акъ-ата бузургваръ. Разстояніе между ними съ полверсты.

Подъѣзжая къ Учь-Турфану со стороны Атбаши-кургана, какъ называется сартами китайскій импань, построенный еще во времена Бадаулета, мы видимъ, что по дорогѣ расположено нѣсколько мазаровъ и кладбищъ,—такъ, по лѣвую сторону отъ дороги за Атбаши-курганомъ находится Атбаши-мазаръ съ прекрасными гумбазами; затѣмъ ближе къ городу по ту же сторону *Акъ-ата-бузургваръ*. По правую сторону дороги расположены *Каля-мазаръ*, *Тетеръ-Ташъ*, *Суутка-бузургваръ*, мазаръ Еты-кызларъ и другіе, уже описанные выше.

Около всѣхъ этихъ мазаровъ на большое протяженіе тянутся кладбища; нѣкоторые изъ нихъ съ большими довольно красивыми гумбазами.

Мазаръ «Джеты-кызъ» (рис. 6 и 7) находится на пригоркѣ, при въѣздѣ въ гор. Учь-Турфанъ со стороны Бедельскаго перевала, на правой сторонѣ. Тутъ же у дороги помѣщеніе шейха сего мазара.

Шейхъ Учь-Турфанскаго мазара — «семи дѣвицъ», Тохта-хаджи сынъ Садыкъ-шейха изложилъ свое показаніе объ означенномъ «мазарѣ-семи дѣвицъ» въ слѣдующихъ словахъ: «Я отъ предковъ своихъ слышалъ, что помянутыя 7 дѣвицъ суть дочери пророка Хазрета Сулеймана. Онѣ въ прежнія времена похоронены на вершинѣ горы. Я, Тохта-Шейхъ, самъ видѣлъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, останки ихъ. Правитель Учь-Турфана Ахмедъ-дуванъ-беги пожелалъ возобновить мазаръ

[1] Мѣстные сарты говорятъ *дурдур*.

«семи дѣвицъ». Я, Тохта-хаджи-шейхъ разрывалъ могилу «семи дѣвицъ», при чемъ нашелъ, что изъ нихъ дѣвицъ пять, мужскаго пола 1 и 1 женщина (Бибимазлума).

Всѣ эти семь человѣкъ похоронены были въ одномъ помѣщеніи. Узнавши, что похоронено 7 труповъ, надъ ними устроили 7 гробницъ, а по краямъ ихъ возвышенія (*сефо*), а надъ возвышеніями устроили ограду и затѣмъ поставили флаги и значки.

Наши предки передавали, что означенный мазаръ «семи дѣвицъ»—потомки Хазрета Сулеймана пророка, вотъ посему со всей душой по сіе время несу обязанности Шейха и съ утра до вечера безотлучно нахожусь при этомъ мазарѣ со всею искренностью своею; но только у сего мазара «тезкере», на подобіе другихъ мазаровъ, не существуетъ».

Легенда о завоеваніи Бербера по книгѣ «Дженг-намэ», найденной мною въ сел. Зайцевскомъ Вѣрненскаго уѣзда, гласитъ въ переводѣ съ тюркскаго на русскій слѣдующее:

Мухаммедъ сидѣлъ въ мечети, у порога послышался шумъ. Джигитъ Мухаммеда Салманъ вышелъ и посмотрѣлъ.

Онъ увидѣлъ, что собрались люди. Когда спросилъ—что такое, то оказалось, что у одного человѣка языкъ отрѣзанъ и виситъ на шеѣ. Джигитъ привелъ его къ Мухаммеду. Мухаммедъ спросилъ его и приказалъ, чтобы онъ говорилъ. Человѣкъ этотъ указалъ, что онъ не можетъ говорить.

Тутъ отъ Бога явился Архангелъ Гавріилъ (Джебраиль) и сказалъ: «Богъ велѣлъ взять языкъ и приставить его ко рту». Послѣ того Мухаммедъ приставилъ языкъ и человѣкъ этотъ исцѣлился. Его спросили: Чей ты сынъ? Онъ сказалъ: Я сынъ Бербера государя. Затѣмъ его спросили: «Зачѣмъ тебѣ отрѣзали языкъ?» Онъ сказалъ: «Я спалъ и видѣлъ васъ во снѣ; увидя васъ, я сталъ мусульманиномъ. Отецъ спросилъ меня, почему я не являюсь къ нему. Дурные люди сказали, что я сталъ мусульманиномъ. Меня отецъ позвалъ. Я пошелъ и онъ сказалъ: «Ты мусульманинъ?» Я сказалъ: «Мусульманиномъ сталъ».

Отецъ сказалъ, чтобы я не былъ мусульманиномъ.

Я отвѣтилъ, что сталъ мусульманиномъ и не буду кафиромъ.

Послѣ того онъ отрѣзалъ у меня языкъ, повѣсилъ на шею и сказалъ—«ступай къ Мухаммеду».

Я и пришелъ къ вамъ.

Мухаммедъ сказалъ собравшемуся народу: «Есть ли среди васъ хорошій человѣкъ, который пошелъ бы сражаться? Меликъ-Аждеръ вышелъ впередъ, а за нимъ Умаръ-Магди-Кереповъ. Имъ Мухаммедъ далъ 4000 войска.

Сына Бербера государя, Замура или Зумра, звали Беширъ. Онъ повелъ войско на Бербера. Шли 80 дней. Подошли къ Берберу. Войско хотѣло расположиться на ровномъ мѣстѣ. Беширъ сказалъ: «Есть ровное мѣсто, но тамъ змѣи; есть высокое мѣсто, но тамъ также змѣи; они остались со времени Соломона. Туда къ змѣямъ нельзя идти».

Войско пошло затѣмъ въ горы. Тамъ оно и расположилось.

Меликъ-Аждеръ сказалъ: «Нужно оберегать войско».

Умаръ-Мегди-Кереповъ отвѣтилъ, что самъ будетъ оберегать его съ 500 человѣками.

Караульщики Бербера государя дали знать ему, что пришло много войска. Государь Зумра (или Зумуръ), огнепоклонникъ, испугался, и былъ въ недоумѣніи—что дѣлать. Въ то время онъ далъ знать о семъ своей матери. Мать пришла и спросила у него. Государь разсказалъ все.

Мать сказала: «Ты не бойся; мнѣ дай 10000 войска».

Государь сказалъ: «Хорошо, дадимъ 10000 войска» и самъ намѣрился съ ними пойти. Ночью вышли 10000 человѣкъ съ Зумрой. Пошла и мать. Мать была колдунья. Она взяла золы и посыпала въ воду, при чемъ что-то прочитала. Прочитавши, она расплескала воду. Послѣ того пошелъ дождь, снѣгъ и градъ. Стало очень холодно. Мусульмане не выходили изъ палатокъ. 10000 человѣкъ напали на нихъ и 300 человѣкъ мусульманъ умертвили. Остальные мусульмане бѣжали. Зумра схватилъ Умаръ-Мегди-Керепова и связалъ. Остальное войско Меликъ-Аждера бѣжало. Всѣ бѣжавшіе ушли къ Мухаммеду и съ ними Меликъ-Аждеръ.

Мухаммедъ распросилъ—что сталось съ ними. Меликъ-Аждеръ все разсказалъ. Мухаммедъ огорчился.

Послѣ того отъ Бога явился Архангелъ Гавріилъ и сказалъ, что «Богъ и ангелы прислали привѣтъ. Богъ приказалъ: ключъ отъ Бербера я передалъ Алію. Али пусть идетъ туда».

Джебрагиль возвратился, а Мухаммедъ сказалъ Алію:

«Богъ васъ посылаетъ на Берберъ». Алій отвѣтилъ: «Очень хорошо». Алій сказалъ: «Мнѣ нужно дать 10 сыновъ Асхабовъ, я стану купцомъ и поѣду туда». Имамы Хусейнъ и Хасанъ тоже пожелали отправиться туда.

Алій ихъ взялъ. Беширъ, который тоже ходилъ къ Мухаммеду, опять повелъ Алія на Бербера.

Али сѣлъ на Дульдуля, взялъ Зульфукаръ (мечъ) и отправился. У Бешира онъ спросилъ, — во сколько дней достигнетъ Бербера.

Беширъ сказалъ, что въ 80 дней. Али сказалъ, что если Богу угодно, то въ одну ночь туда достигнемъ.

Беширъ засмѣялся. У Алія былъ джигитъ конскій Камберъ; онъ сказалъ Беширу: «Не смѣйтесь, если Господь доставитъ, то достигнемъ туда».

Въ ночь поѣхали и къ намази-бомдотъ прибыли въ Берберъ. Алій спросилъ: «Гдѣ остановимся? Есть ли хорошее мѣсто?»

Беширъ сказалъ: «Есть ровное мѣсто, но нельзя туда ѣхать, есть деревья, есть возвышенность и на ней змѣи, оставшіеся отъ пророка Сулеймана. Подъ деревомъ есть ключъ, тамъ пьютъ воду змѣи, вода ядовитая. Если часть воды попадетъ въ рѣку, то рыбы умираютъ». Алій пошелъ туда, а впередъ послалъ своихъ дѣтей. «Вы скажите государю змѣй, что мы пришли сюда по волѣ Божіей, пусть змѣи отсюда переселятся», сказалъ Алій.

У змѣй былъ Государь.

Онъ сидѣлъ на большой черной змѣѣ. Самъ государь маленькій. У него съ головы до спины бѣлое тѣло.

«Пусть перекочуютъ и мы палатку Мухаммеда поставимъ тамъ» сказалъ Алій.

Хасанъ и Хусейнъ пошли туда и прежде направились къ ключу. Они сказали: «пойдемъ на ключъ; если Богу угодно, мы

сдѣлаемъ сей ключъ хорошимъ, помолившись». Они туда пошли, Богъ сказалъ имъ: «Вы плюньте въ воду». Они плюнули. Вода стала сладкой — слаще меда. Потомъ они пошли къ змѣямъ. Змѣиный государь сказалъ: «Мы не должны шевелиться, должны лежать спокойно. Идутъ внуки Мухаммеда».

Внуки сказали: «Нашъ отецъ сказалъ, чтобы вы отсюда откочевали. Мы здѣсь разставимъ палатку нашего дѣдушки Мухаммеда». Змѣи сказали: «Хорошо, мы перекочуемъ».

Змѣиный государь приказалъ перекочевать. Всѣ змѣи ушли оттуда.

Алій разставилъ тамъ палатку и расположился.

Джигиты Бербера государя смотрѣли на это; и все это видѣли. Они пошли и разсказали своему государю, что пришло туда 13 купцовъ; что они перегнали змѣй, очистили ключъ и проч.. Государь сказалъ, что если пришли купцы, то хорошо.

Государь приказалъ позвать купцовъ къ себѣ. У государя Бербера былъ Керемъ, бывшій рабомъ у отца Абуталиба, отца Аліева. Онъ сказалъ: «Я пойду туда: это не купцы должны быть».

Его послали. Еще послали перваго визиря. Тотъ визирь былъ мусульманиномъ, но онъ государю не открывалъ своего исповѣданія.

Керемъ пришелъ къ Алію и поздоровался. Алій его узналъ и спросилъ—какъ попалъ онъ сюда. Тотъ сказалъ: «Я мусульманинъ, здѣсь скрываюсь». Алій сказалъ: «введите насъ въ городъ, мы возьмемъ городъ и тебя сдѣлаемъ государемъ». Тотъ согласился.

Послѣ того визирь государя пришелъ. Увидался съ Аліемъ; они переговорили. Визирь сказалъ: «Государь зоветъ тебя, желаетъ торговать».

Алій ушелъ въ городъ. Въ палаткѣ остался Беширъ съ однимъ человѣкомъ.

Алій вошелъ въ городъ. Дульдуля своего привязалъ въ степи.

Алій вошелъ во дворецъ съ людьми. Государь увидѣлъ ихъ и испугался — что это за люди — и сперва ничего не говорилъ имъ.

«Откуда вы пришли»?

«Мы купцы, пришли»...

Онъ спросилъ про Хасана и Хусейна—кто они».

Алій сказалъ: «это мои рабы».

Государь спросилъ: «Продашь ли ихъ».

Алій сказалъ: «Если даже дашь всѣ деньги міра, не продамъ».

Государь спросилъ: «Что же это значитъ».

Алій сказалъ: «У нихъ много искусства».

Государь сказалъ: «Пусть покажутъ свое искусство».

Алій сказалъ: «Нѣтъ принадлежностей: мечей, ружей, стрѣлъ».....

Государь приказалъ дать принадлежности.

Всѣ они показали свое искусство съ ружьями, мечами и проч.

Государь подарилъ имъ по лошади.

На лошадяхъ они прекрасно показали свое искусство.

Государь потомъ спросилъ: «За сколько продадите»?

Алій сказалъ: «Кто поборетъ моихъ людей, тому отдамъ».

Государь обрадовался.

У государя былъ негръ-богатырь; государь приказалъ ему состязаться.

Негръ сѣлъ на лошадь и отправился.

Негръ сказалъ: «Не сражайся, передайся мнѣ, я отведу тебя къ царю и подарю, ты былъ и раньше рабомъ, а теперь будешь царскимъ сыномъ».

Хасанъ сказалъ: «Ты не говори такъ, молодецъ не долженъ такъ говорить, а долженъ состязаться».

Негръ разсердившись ударилъ мечемъ Хасана.

У Хасана была нагайка—онъ отстранилъ ударъ. Мечъ негра сломался и онъ ударилъ ручкой меча Хасана.

Хасанъ отстранилъ нагайкой этотъ ударъ.

Хасанъ взялъ тогда свой мечъ и сказалъ: «О невѣрный, ты долженъ быть мусульманиномъ; ты долженъ признать, что Богъ одинъ, и пророкъ его Мухаммедъ».

Негръ спросилъ: «Ты кто»?

Хасанъ сказалъ: «Я имамъ Хасанъ, а вонъ тамъ святой Али».

Негръ узналъ и сказалъ: «Я не стану мусульманиномъ, я позову государя и скажу, что это не купцы».

Имамъ Хасанъ его убилъ при этомъ.

Государь видѣлъ, что убили его человѣка.

Визирь сказалъ: «Вашъ человѣкъ ударилъ его мечомъ, а за тѣмъ онъ ударилъ вашего человѣка».

Государь спросилъ у Алія: «У вашего второго раба какое искусство»?

Алій сказалъ: «У этого тоже много искусства»!

Государь сказалъ: «Пусть и этотъ покажетъ свое искусство».

Алій сказалъ, «что нѣтъ у него принадлежностей: лошади, меча и проч.

Государь приказалъ дать ему все.

Они состязались.

Хорошо состязались.

Имамъ Хусейнъ сошелъ съ коня на землю; на его лошадь сѣлъ одинъ сынъ Асхаба; имамъ Хусейнъ приказалъ погнать лошадь. Тотъ погналъ лошадь и Хусейнъ, — стоявшій близко, ударилъ по ногамъ лошадь.

Гвозди у подковъ лошади всѣ выскочили.

Государь спросилъ у Алія: «Такому искусству гдѣ научился»?

Алій сказалъ: «Всему я научилъ».

Государь сказалъ: «Тогда и ты долженъ состязаться».

Алій сказалъ: «Хорошо, буду состязаться».

Алій сѣлъ на Дульдуля, а всѣ остальные сѣли на своихъ лошадей и поѣхали на ровное мѣсто.

Издалека шла пыль.

Посмотрѣли, кто-то ѣдетъ. Узнали, что это колдунья ѣдетъ, держа въ рукѣ змѣю, а одежда ея вся была огненная.

Это была мать государя Зумура.

Мать сказала государю: «Ты знай, что это Алій, зачѣмъ пускаешь его въ городъ; онъ тебя обманываетъ. Али, я тебя убью». Она дунула и огонь бросила на Алія. Алій прочиталъ «Исмы-азамъ». Дунулъ и огня не стало.

Старуха сказала: «Второй разъ я тебя убью».

У старухи былъ щитъ и она бросила его на землю. Сдѣлался огромный огонь. Алій взмолился Богу. Богъ сказалъ: «Ты долженъ употребить свой мечъ Зульфукаръ».

Алій ударилъ по огню, изъ его меча вышелъ огонь и сжегъ мать Государя. Затѣмъ огня не стало; мать умерла.

Государь прискакалъ къ нимъ съ мечемъ.

Алій сказалъ: «Кафиръ, я вѣдь Алій, эти ребята мои дѣти-имамы Хасанъ и Хусейнъ. Ты долженъ стать мусульманиномъ».

Государь сказалъ: «Мы поклоняемся огню и идоламъ».

Алій ударилъ его мечемъ по поясницѣ, и тотъ умеръ, на двое разсѣченный.

Остальные немного подрались. Послѣ того всѣ сказали, что нужно прекратить распрю.

Алій прекратилъ.

Послѣ того всѣ стали мусульманами.

Когда всѣ стали мусульманами, Алій вошелъ въ городъ, сдѣлалъ Керема государемъ, а мусульманина визиря сдѣлалъ визиремъ. Послѣ того, собравши съ жителей города золота и серебра и похоронивъ 300 человѣкъ, ранѣе умершихъ, возвратился въ Медину и доложилъ Мухаммеду обо всемъ происшедшемъ.

Всѣ мединцы вышли къ нему на встрѣчу, всѣ мусульмане возрадовались, кафиры огорчились.

Вѣрный.
Январь 1908 г.

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 1. Дульдуль-ахуръ, близъ крѣпости. (Г. Учъ-Турфанъ)

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 2. Акъ-ата-мазаръ и кладбище близъ крѣпости (Г. Учь-Турфанъ).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Эти. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова

Рис. 3. Мазаръ султана Кадыръ-Хорасанъ-ата и его братьевъ (Г. Учъ-Турфанъ).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 4. Мусульманское кладбище Култукъ-бузургваръ при мазарѣ султана Кадыръ-Хорасанъ-ата (Г.-Учъ-Турфанъ).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 5. Суутканъ мазаръ (Г. Учъ-Турфанъ).

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 6. Мазаръ Джети-кызъ, у въѣзда въ г. Учъ-Турфанъ.

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ Н. Н. Пантусова.

Рис. 7. Мазаръ Джети-кызъ, у въѣзда въ г. Учь-Турфанъ.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Д. А. Клеменцъ.

Замѣтки къ маршруту Чанъ-чуня.

Изъ извѣстныхъ намъ средневѣковыхъ путешественниковъ китайцевъ на западъ всего болѣе свѣдѣній даетъ даосскій отшельникъ Чанъ-чунь[1]. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы въ качествѣ географа онъ представлялъ что нибудь выдающееся. Онъ стоитъ выше другихъ китайскихъ путешественниковъ монгольскаго періода; но его нельзя сравнивать съ Джань-цян'емъ временъ династіи старшихъ Ханей, открывшаго для Китая западный край, то есть Восточный и Западный Туркестанъ и Персію. Джань-цяня называютъ иногда китайскимъ Колумбомъ; но ближе его можно сравнить, съ другимъ изслѣдователемъ—Марко-Поло, который хотя не открылъ новаго континента, но вывелъ изъ мрака старый. Не будь Марко-Поло, немного узнали бы мы отъ тѣхъ наивныхъ монаховъ, которые странствовали по востоку съ цѣлью обращать монгольскихъ императоровъ въ католическую вѣру, на что̀ императоры неизмѣнно отвѣчали, что подъ ихъ державой живутъ люди разныхъ религій и они не стѣсняютъ ихъ культа. Не зная ни языка, ни обычаевъ страны, ничего, кромѣ смутныхъ слуховъ о томъ, что монгольскіе ханы благосклонно относятся къ христіанской вѣрѣ, они и не могли, да и не стремились ознакомиться поближе со странами, по которымъ проходили, гдѣ жили, ни съ ея обитателями. Миссіонеровъ интересовала только возможность создать свою паству среди

[1] Описаніе помѣщено въ Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 258—436. Въ цитатахъ—Тр.

монголовъ, но въ этомъ отношеніи они не имѣли значительныхъ успѣховъ и, разочарованные, возвращались въ Европу.

Китайскіе путешественники, конечно, могли бы узнать много больше о странѣ; но къ несчастью это были люди или не отъ міра сего, какъ Чанъ-чунь, который въ стихахъ излагалъ свои дорожныя впечатлѣнія,—или-же посланцы, которые торопились поскорѣе исполнить возложенное на нихъ порученіе и вернуться домой. Среди путешественниковъ этой категоріи первое мѣсто безспорно принадлежитъ Чанъ-чуню. Не безъ основанія изслѣдователи Монголіи Потанинъ, Бретшнейдеръ, Позднѣевъ, Падеринъ, которые въ значительной степени, при выясненіи другихъ вопросовъ, способствовали установленію тѣхъ путей, по которымъ по преимуществу шли сношенія между востокомъ и западомъ, такъ много занимались Чанъ-чунемъ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о самомъ Чанъ-чунѣ. Это былъ даосскій отшельникъ, пользовавшійся громадною популярностью не только среди послѣдователей ученія дао, но и среди буддистовъ и конфуціанцевъ. По словамъ самого Чанъ-чуня, онъ былъ отшельникомъ и называлъ себя «горнымъ дикаремъ». Слава о его святости дошла до Чингис-хана, когда тотъ совершалъ свой гигантскій походъ въ Туркестанъ и подвигался къ предѣламъ Индіи. Завоевателю захотѣлось познакомиться съ великимъ мудрецомъ. По мнѣнію покойнаго Палладія, Чингису главнымъ образомъ хотѣлось узнать отъ великаго подвижника секретъ пріобрѣтенія безсмертія, которымъ владѣли, по народной молвѣ, даосы сѣвернаго толка, къ которому принадлежалъ и Чанъ-чунь. Между всеміргымъ завоевателемъ и анахоретомъ произошелъ обмѣнъ письмами. Мы не будемъ приводить ихъ здѣсь, такъ какъ задача наша чисто историко-географическая; но нельзя не пожалѣть, что эта переписка почти неизвѣстна большому кругу читателей. «Труды» пекинской миссіи составляютъ библіографическую рѣдкость, труды Бретшнейдера «Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources» (London, 1888) доступны только знающимъ англійскій языкъ. Чингисъ пишетъ о себѣ, что онъ живетъ просто, одѣвается какъ простой конюхъ, въ сраженіяхъ не остается позади другихъ и сражается въ первыхъ рядахъ, на подданныхъ смотритъ какъ на своихъ дѣ-

тей [1] и зоветъ мудреца къ себѣ, чтобы тотъ помогъ ему своими совѣтами. Чанъ-чунь отговаривается отъ этой чести, ссылаясь на то, что онъ отшельникъ, удалившійся отъ свѣта, мало понимаетъ въ политикѣ и уже достигъ преклоннаго возраста; но Чингисъ настаиваетъ на своемъ желаніи видѣть мудреца и тотъ волей неволей рѣшился исполнить желаніе побѣдителя Азіи. Несомнѣнно, арх. Палладій правъ, полагая, что Чингисъ питалъ нѣкоторую надежду достать отъ мудреца талисманъ безсмертія; но врядъ ли онъ твердо вѣрилъ въ возможность получить желанный даръ. Чингисъ при первомъ свиданіи съ Чанъ-чунемъ спросилъ, есть-ли средство избавиться отъ смерти? Мудрецъ отвѣтилъ, что есть средство для поддержанія жизни; но для пріобрѣтенія безсмертія средствъ нѣтъ. Чингису понравился этотъ отвѣтъ, и онъ оцѣнилъ искренность своего собесѣдника. Очевидно, Чингисъ, кромѣ надежды на безсмертіе, вызвалъ къ себѣ ученаго мудреца съ той-же цѣлью, съ которой онъ собиралъ около себя выдающихся людей различныхъ націй.—Познакомившись другъ съ другомъ, очевидно, оба пришли къ тому убѣжденію, что они представители двухъ разныхъ міровъ. Чингисъ мечталъ о всемірной монархіи, о новыхъ завоеваніяхъ, а даосъ постоянно говорилъ о всеобщемъ мирѣ и о прекращеніи распрей, стремился къ созерцательной жизни. Разстались они оба полные взаимнымъ уваженіемъ и оба померли въ одинъ и тотъ-же годъ.

Путешествіе Чанъ-чуня началось въ 1221 г. и закончилось въ 1224 году. Путь даоса по Китаю, до границы Монголіи мы считаемъ возможнымъ пропустить, такъ какъ онъ не представляетъ недоразумѣній. Наша задача пріурочить дорогу *въ предѣлахъ Монголіи*, главнымъ образомъ *въ Хангаѣ и Алтаѣ*. Старый даосъ страшился длиннаго пути на западъ, но ему пришлось сдѣлать болѣе длинную дорогу, чѣмъ онъ думалъ.

Въ началѣ зимы 1220 г. прибылъ посланецъ отъ брата Чингис-хана—Уцухена, жившаго на рѣкѣ Хэрлюн (Керулен, Лу-гюй),

[1] Замѣчательна эта, если такъ можно выразиться, гордая скромность и пренебреженіе къ внѣшнему блеску у великихъ азіатскихъ завоевателей: Атилла также одѣвался и питался какъ каждый рядовой изъ его воиновъ, тогда какъ приближенные его носили роскошныя одежды, сбруя ихъ коней блистала золотомъ и разными драгоцѣнностями.

съ приглашеніемъ посѣтить его, благодаря чему, вмѣсто того, чтобы двинуться прямо на западъ, Чанъ-чуню пришлось идти кружнымъ путемъ на сѣверъ въ восточный уголъ Монголіи.

Этотъ путь уже достаточно освѣщенъ предшествовавшими изслѣдователями; я лично въ этихъ мѣстахъ не бывалъ и новаго чего либо для разъясненія этой части маршрута прибавить не могу, а потому пропускаю весь путь до Буир-нора, гдѣ была ставка Уцухена. Путники прибыли туда 23 апрѣля 1221 года. Въ ставкѣ была свадьба и былъ большой съѣздъ народа. Путники видѣли кругомъ ставки черныя телѣги и бѣлыя юрты монголовъ. Тронулись путники изъ ставки брата Чингисова 9-го мая. Уцухенъ нарядилъ для путешествія сотню лошадей и воловъ. Путь шелъ на SW и черезъ 5 дней 14-го мая караванъ дошелъ до рѣки Хэрлюн у впаденія ея въ Кулун-нор (тожъ Далай-нор). По дорогѣ виднѣлись снѣжныя горы и могильные холмы. Во время бури озеро выбрасываетъ на берегъ крупныхъ рыбъ, которыхъ монголы берутъ руками [1]. Отсюда путники шли по южному берегу и дошли до поворота его съ SW на SO 23-го мая. Въ этотъ день было затменіе солнца [2], — значитъ до поворота рѣки Хэрлюн путники дошли въ 9 дней.

Дальше, очевидно, покинувъ рѣку Хэрлюн, путь шелъ къ юго-западу и вывелъ путниковъ на почтовый трактъ къ Юй-эрр-ли черезъ 5 дней. Оттуда шли потомъ въ теченіе 10 дней и во время лѣтняго солнцестоянія опредѣлили по гномону длину тѣни въ 3 фута 7 дюймовъ. Уилли (Willie) по этимъ даннымъ опредѣлилъ приблизительно положеніе каравана въ этотъ день въ 47° 21′ с. широты и гдѣ нибудь около 107° долготы. Принявъ это опредѣленіе, путники окажутся почти на меридіанѣ Урги, немного западнѣе и верстахъ въ ста къ югу. Уилли полагаетъ, что это мѣсто находилось къ югу отъ южнаго изгиба

[1] Тр. 287. Въ настоящее время ловить рыбу монголы считаютъ великимъ грѣхомъ. Откуда вышелъ этотъ предразсудокъ, трудно объяснить. Религія тутъ должно быть не при чемъ, такъ какъ тибетцы, строгіе ламаиты не брезгаютъ рыбой.

[2] Это затменіе дѣйствительно имѣло мѣсто въ 1221 г. около 3 ч. 45 м. гражданскаго времени. (См. Notes on Chinese Mediaeval Travellers to the West by Bretschneider. Shanghai. 1875, p. 22).

рѣки Толы; но чтобы согласить эти показанія, нужно взять какой-то невѣдомый меридіанъ, такъ какъ бо̀льшая часть дуги Толы находится между 106° и 104° вост. долг. отъ Гринвича. Надобно, впрочемъ, принять во вниманіе, что опредѣленіе по падающей тѣни, особенно въ дорогѣ, сопряжено съ большими неточностями. что же касается долготы, то и при хорошихъ инструментахъ погрѣшность въ долготѣ при равныхъ обстоятельствахъ всегда значительнѣе, чѣмъ при опредѣленіи широты. Въ дневникѣ не видно никакихъ указаній о томъ, чтобы были видны горы на сѣверѣ, и если караванъ стоялъ подъ 47°21′, то онъ и не могъ видѣть никакихъ горъ болѣе или менѣе значительныхъ, хотя дорога шла по холмистой мѣстности. Зато отмѣчено, что видны были горные пики и, что по пути къ западу дорога шла между холмами и горами. Гдѣ могли быть видны эти горы? Вѣрнѣе всего съ какого нибудь перевала показались изъ-за ближайшихъ холмовъ болѣе высокія вершины Хангая въ вершинахъ большого Орхо̀на. Вмѣстѣ съ этимъ отмѣчается, что, послѣ стоянки, на которой было сдѣлано наблюденіе, путь пошелъ на NW. Если признать точнымъ опредѣленіе Уилли—47°21′ и 107° в. долготы, то караванъ черезъ 4 дня непремѣнно долженъ былъ наткнуться на Толу въ направленіи ея теченія на юго-западъ, гораздо сѣвернѣе ея южнаго изгиба.

Уже раньше была отмѣчена комментаторами невозможность такого толкованія маршрута Чанъ-чуня. Гдѣ же путешественникъ перешелъ вторично на Толу? Вѣдь ее обойти нельзя. Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить, что затѣмъ пришлось бы, кромѣ р. Харухи, пройти еще къ Угей-нору, какъ шелъ Чанъ-да-хе, и переправиться черезъ Орхон въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ нимъ сливается Тамир. Орхон здѣсь быстръ и глубокъ и переправа не легка; но объ этомъ нѣтъ ни слова въ дневникѣ. Придя къ берегу рѣки, о которой упоминается въ дневникѣ, спутники увидѣли широкую цвѣтущую равнину, богатую водой и растительностью и окруженную живописными горами. Ни на берегахъ Толы, ни на Харухѣ мы ничего не видимъ подобнаго. Тола, вырвавшись изъ лѣсистыхъ ущелій Хэнтэя, ниже Урги, течетъ въ чисто степной мѣстности. Кромѣ тальника и тополя, на ея берегахъ нѣтъ другой древесной растительности. Ничего

заманчиваго берега ея не представляютъ. Дальше мы читаемъ, что за рѣкой, которую мы пробуемъ пріурочить то къ Толѣ, то къ Харухѣ, должны находиться развалины большого города, слѣды улицъ котораго легко было можно распознать [1]. Постройку его приписывали киданямъ и утверждали, что тамъ оказались киданьскія письмена. Беремъ на себя смѣлость утверждать, что ни на Толѣ, ни на Харухѣ такихъ развалинъ не имѣется. Толу отъ Урги вплоть до сліянія ея съ Харухой я тщательно обслѣдовалъ по обоимъ берегамъ. Тамъ встрѣчаются памятники старины, но совершенно иного характера.

Первый памятникъ старины на рѣкѣ Толѣ, видѣнный нами, была каменная баба, валяющаяся на площади въ Ургѣ, затѣмъ около урочища Сонгин-булук, въ 20 верстахъ отъ Урги, есть въ горахъ маленькій субурган, а на противоположномъ берегу фундаментъ отъ небольшой стѣны и обломки черепицы. Городомъ это никакъ не могло быть. Это могъ быть небольшой хурень или лучше—дугунъ, который, вѣроятно, былъ заброшенъ послѣ того, какъ Урга (Да-хурень), переселился на нынѣшнее свое мѣсто, о чемъ весьма обстоятельно разсказано въ изслѣдованіи А. М. Позднѣева «Города сѣверной Монголіи» [2]. Во всякомъ случаѣ, это остатки постройки временъ полнаго господства ламаизма.

Двигаясь внизъ по Толѣ, по ея правому берегу, мы встрѣчали въ долинахъ, выходящихъ на рѣку, могилы, обозначенныя каменными плитами сѣраго песчаника, на которыхъ высѣчены были звѣздообразные цвѣты и изогнутыя волнообразно вѣтви съ листьями. Ниже встрѣчались могилы съ необдѣланными каменными плитами и грубыя изображенія людей съ патрой (чашей) въ рукахъ.

Самый обширный могильникъ находится на половинѣ пути между Сонгин-булук и поворотомъ рѣки на NW. На этомъ пути встрѣчаются развалины небольшой постройки; никакихъ слѣдовъ города или поселенія на лѣвомъ берегу Толы также нѣтъ, даже каменныя могильныя плиты встрѣчаются рѣдко. Верстъ 30 къ SW отъ Толы въ горахъ Далан-хара есть утесъ, исписанный какими то значками, и около него двѣ камен-

[1] Тр. 289.

[2] Стр. 5; см. такъ же «Монголія и Монголы» того-же автора, т. I.

ныхъ могилы. Къ сѣверу отъ Толы есть два заброшенныхъ и разрушенныхъ хуреня, недавней постройки. Вотъ все, что имѣется по части археологическихъ остатковъ въ этой мѣстности.

Прежде всего очевидно, что Чанъ-чунь и его спутники не касались Толы, а шли все время южнѣе ея. Трудно предположить, чтобы, несмотря на всю неаккуратность веденія записокъ, Лиджи-чанъ не отмѣтилъ такой значительной рѣки, какъ Тола. Очевидно, караванъ шелъ отъ рѣки Хэрлюн прямикомъ черезъ степь и діаристъ не всегда вѣрно отмѣчалъ даты. Бретшнейдеръ почему то полагаетъ, что рѣка, которую въ этой части своего маршрута пересѣкъ Чанъ-чунь, «was doubtless Karuha an affluent of the Tola» [1].

Полагаю, однако, что Харуха Бретшнейдера не выведетъ насъ изъ лабиринта Чанъ-чуневскаго маршрута, хотя она на картѣ представляетъ довольно внушительную рѣку. Я не буду разочаровывать читателя тѣмъ, что это не рѣка, а рѣченка, заросшая кочками. Она могла и обмелѣть за 700 лѣтъ; но гдѣ же развалины большого города, да еще съ киданскими надписями? Эту мѣстность объѣздила академическая экспедиція Ядринцева и Радлова, послѣ нихъ я пытался найдти на Харухѣ что нибудь интересное въ археологическомъ отношеніи; но не нашелъ. Взглянувъ на карту, гдѣ отмѣчены развалины Хара-балгасун, мы убѣдимся, что Чанъ-чуню нужно было, кромѣ Харухи, перейти къ западу еще двѣ рѣки Хукшин-Орхон и Большой Орхон. Очевидно, что на переправу черезъ Харуху и Хукшин-Орхон секретарь экспедиціи не обратилъ вниманія и остановился только на Большомъ Орхонѣ. Попавъ на лѣвый берегъ Орхона, мы здѣсь встрѣчаемъ и широкую луговую равнину и первые отроги Хангая съ его глубокими живописными долинами. О развалинахъ города на Орхонѣ я считаю себя въ правѣ не распространяться, такъ какъ о нихъ уже достаточно было писано въ изданіяхъ Академіи наукъ и обращаюсь къ дальнѣйшему путеслѣдованію Чанъ-чуня.

Для прохода съ Орхона на западъ черезъ Хангай, и въ обходъ его съ юга и сѣвера, есть очень много дорогъ. Не мало также

[1] Mediaeval Researches... Vol. I, p. 52.

*

путей, ведущихъ черезъ верховье рѣкъ, текущихъ съ Хангая на сѣверъ и на югъ. Все это сильно затрудняетъ прокладку маршрута, благодаря тому, что путевой дневникъ, какъ мы видѣли уже, скупъ на подробности и не отличается точностью въ опредѣленіи разстоянія отъ одной стоянки до другой. Съ Орхона партія тронулась черезъ гору, заросшую лѣсомъ, по-китайски называемую Чанъ-сунъ-линъ (гора высокихъ сосенъ)[1]. Врядъ ли только на этой горѣ росли сосны,—въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ лиственница. Путешественники замѣтили, что лѣсъ растетъ главнымъ образомъ на сѣверныхъ склонахъ; какъ кажется, это древнѣйшее, записанное наблюденіе о распредѣленіи лѣсной растительности въ Монголіи, которое наблюдалось потомъ и въ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Монголіи, а также на Алтаѣ, въ Саянахъ, въ Тянь-шанѣ и вообще во всей сѣверо-восточной Азіи.

Вернемся къ маршруту Чанъ-чуня:

Сосновую гору путники перешли 13 дня 6-го мѣсяца (іюль, 3 дня), а затѣмъ перешли черезъ какую то гору 14 д. 6 м. (4 іюля) и рѣчку, и заночевали на какомъ-то ровномъ мѣстѣ. Было такъ холодно, что на водѣ показался ледъ. Ниже дневникъ упоминаетъ, что караванъ шелъ на разстояніи 100 ли къ SW. Я полагаю, что съ самаго Орхона при переходѣ черезъ двѣ горы и рѣчку маршрутъ круто поворотилъ къ SW. Страшный холодъ, на который жаловались мѣстные жители, ледяная пленка, конечно, не на рѣкѣ, а на какомъ нибудь крошечномъ озеркѣ, ясно указываютъ, что путники высоко поднялись по Хангаю. По моему мнѣнію, караванъ пересѣкъ довольно высоко Урду Тамир и перешелъ черезъ ключи, впадающіе въ Хойту Тамир, обошелъ вершины Ханын-гола и вышелъ на рѣку Чулуту, впадающую въ Эдэр. Дневникъ упоминаетъ, что дорога шла кружнымъ извилистымъ путемъ. Эта рѣка течетъ въ глубокихъ ущельяхъ, прорытыхъ въ покровахъ базальта. Надобно замѣтить, что базальтовое плато Хангая одно изъ значительнѣйшихъ въ старомъ континентѣ. Оно достигаетъ на югѣ побережья Орок-нора подъ 45°, а на сѣверѣ 49° с. ш., на востокѣ мы встрѣчаемся съ базальтомъ за Харухой на западѣ около озера Тэрхил-цаган-нора, т. е. около 4½° долготы по 48° параллели. При такомъ

[1] Тр. 290.

широкомъ развитіи базальтоваго покрова въ Хангаѣ весьма естественно встрѣтить крутые, почти вертикальные берега рѣкъ; но типичные каньоны—корридоры встрѣчаются не очень часто, потому что покровъ имѣетъ неодинаковую мощность. Весьма нерѣдко, какъ, напримѣръ, въ вершинахъ Хойту-тамира, покровъ этотъ относительно не толстъ и подстилается гранитомъ, что безусловно облегчало потоку расширить свою долину. Типичные базальтовые корридоры весьма распространены въ вершинахъ Орхона и по рѣчкѣ Чулуту. Мѣстами такіе рвы заставляютъ путника дѣлать громадные обходы въ сторону. Эти обходы должно быть такъ сильно надоѣли секретарю каравана Ли-ши-чану, что онъ нашелъ нужнымъ упомянуть объ извилистости пути. Намъ самимъ въ вершинахъ Большого Орхона и Чулуту приходилось дѣлать дальніе обходы, чтобы найти мѣстечко, гдѣ можно свести верблюда по откосу, чтобы перебраться на другой берегъ рѣки.

Кромѣ базальтовыхъ дайкъ въ этой мѣстности имѣются настоящіе слоистые вулканы. Двигаясь по Чулутую, Чанъ-чунь, очевидно, попалъ въ ту мѣстность, по которой потомъ проходилъ покойный М. В. Пѣвцовъ, впервые указавшій на вулканическій характеръ этой части Хангая[1]. Въ 1895 году и мнѣ пришлось ознакомиться съ этой мѣстностью. Нѣкоторыя изъ горъ подверглись размыванію настолько, что по нимъ можно видѣть разноцвѣтные слои вулканическихъ напластованій. Въ дневникѣ Чанъ-чуня сказано, что караванъ поднялся «на высокій хребетъ, имѣвшій видъ длинной радуги»[2]. Такая характеристика казалась мнѣ всегда крайне нелѣпой.

Взявшись за маршрутъ Чанъ-чуня, я просилъ профессора А. И. Иванова заглянуть въ китайскій подлинникъ и посмотрѣть, нельзя ли вмѣсто радуги перевести какъ нибудь иначе этотъ эпитетъ.

Невольно приходило на мысль, не встрѣтилъ ли караванъ хоть одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ обнаженій разрѣзовъ потухшихъ вулкановъ. А. И. Ивановъ сообщилъ мнѣ, что вмѣсто горы ввидѣ (т. е. «какъ изгибъ») радуги это мѣсто текста можно перевести проще: «гора пяти цвѣтовъ». Это совершенно понятно и,

[1] Очеркъ путешествія по Монголіи... (Омскъ. 1883 г.).
[2] Тр. 291.

кромѣ того, даетъ надежную опорную точку въ длинномъ и запутанномъ маршрутѣ, такъ какъ слопстыхъ вулкановъ, кромѣ этой мѣстности, больше нигдѣ въ Хангаѣ нѣтъ. Озеро, которое спутники Чанъ-чуня видѣли съ горы несомнѣнно Цаган-тэрхил-(тэрхэйн)-нор и гора, черезъ которую проходилъ даосскій патріархъ, была та самая, съ которой черезъ шесть сотъ лѣтъ спускался къ тому же озеру М. В. Пѣвцовъ[1].

Что касается посѣщенія «орды» одной изъ женъ Чингис-хана, то я всецѣло присоединяюсь къ мнѣнію Г. Н. Потанина[2], что она была за рѣкой Эдэромъ, недалеко отъ устья Чулуту («Чилоту») и отъ того мѣста, гдѣ сливаются рѣки Эдэр, Буксуй и Дельгир-мурен, образующія собою рѣку Селенгу.

9-го дня 7-го мѣсяца (29 іюля) Чанъ-чунь отбылъ изъ ставки ханши и направился на SW и шелъ пять или шесть дней ввиду снѣжныхъ вершинъ Хангая[3]. Вѣроятно, идя на SW, они пересѣкли хребетъ Дулан-Хара и на перевалѣ въ рѣчку Бомботу увидали величественный Отхон-Хайрхан-Тэнгри. Немудрено, что на одной горѣ въ этой мѣстности путники встрѣтили могильныя насыпи и слѣды жертвоприношенія духамъ, такъ какъ здѣсь много переваловъ большихъ и малыхъ, а на перевалахъ всегда обоны. Эти перевалы—истинная мука для комментатора.

Спустившись съ перевала по рѣчкѣ Бомботу, впадающую въ Буянту, караванъ достигъ вершинъ р. Дзапхын. Здѣсь возможны три пути на западъ,—первый крайне трудный, проходитъ сѣвернѣе Отхон-Хайрхан-тэнгри—доступенъ только для верховыхъ лошадей и то не всегда, другой—по рѣчкѣ Нарин на перевалъ Мусты, третій также черезъ Мусты, также вверхъ по Нарину, но болѣе кружнымъ и менѣе затруднительнымъ путемъ. Я думаю, что путь, избранный караваномъ, былъ третій, какъ болѣе удобный. Перевалъ довольно высокъ,—на вершинѣ его растетъ можжевельникъ; съ перевала идетъ пологій спускъ и со спуска начинается обширное дефиле къ югу; путь здѣсь довольно извилистъ, приходится пересѣкать рѣчки Черную Чулуту и Бѣлую Чулуту и здѣсь я не помню поворота ущелья къ югу. При

[1] Op. cit. стр. 201.
[2] Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. (СПБ. 1881 г.). Вып. I, стр. 234.
[3] Тр. 292. Notes 24.

такомъ направленіи пути нельзя попасть на рѣчку Богдын-гол (Улясутай), а скорѣе на Шурмакъ. Она течетъ въ общемъ на западъ и нижнее теченіе ея теряется въ пескахъ; но развалинъ на ней нѣтъ, ихъ нѣтъ теперь и на Улясутаѣ: тамъ имѣется только нѣсколько древнихъ каменныхъ могилъ, такъ что здѣсь, пожалуй, оба пути одинаково возможны и вѣроятны. Шурмак всетаки лучше, т. к. здѣсь нѣтъ нелѣпаго направленія на югъ вмѣсто сѣвера, гдѣ течетъ Улясутай. Принявъ направленіе на рѣку Шурмак, поворотъ къ югу будетъ вполнѣ понятенъ и цѣлесообразенъ. Здѣсь путешественники встрѣтили въ первый разъ народъ Хой-хэ (Уй-дзы?), который занимается земледѣліемъ, орошая поля арыками.

Дальше путешественникъ говоритъ, что черезъ пять дней они перешли черезъ гору на южную ея сторону и остановились въ монгольскомъ лагерѣ, гдѣ провели ночь въ палаткѣ. На разсвѣтѣ караванъ тронулся и пошелъ вдоль южныхъ горъ, на которыхъ былъ видѣнъ снѣгъ. На стоянкѣ путешественникамъ говорили, что на сѣверной сторонѣ этихъ снѣжныхъ горъ есть городъ, въ которомъ есть хлѣбные магазины, и китайцы-ремесленники, жившіе въ этомъ городѣ, вышли толпой встрѣчать Чанъ-чуня.

Однако, пора уже вывести изъ недоумѣнія читателя, который ждетъ указанія, гдѣ же была перейдена рѣка Дзапхын, или ея не переходилъ совсѣмъ караванъ даосскаго святителя? Въ дневникѣ нѣтъ указаній на переправу черезъ рѣку въ этой мѣстности; но на это можно отвѣтить, что если основываться на умолчаніи завѣдывавшаго дневникомъ о рѣкахъ, которыя встрѣчались ему на пути, то окажется, что отъ рѣки Хэрлюн до снѣжныхъ горъ Алтая, гдѣ стоялъ лагерь монголовъ и городъ съ запасами, наши путники перешли всего три рѣки, если не считать заѣзда на Эдэръ на поклонъ къ ханшѣ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что во время пути по Хангаю они каждый день останавливались на рѣчкахъ въ полдень и для почлега, иначе они поморили бы весь свой скотъ и сами погибли бы отъ жажды. Кромѣ того, далѣе на пути къ юго-западу, въ теченіе пяти дней не упомянуто ни одной мѣстности, гдѣ были остановки, а онѣ

[1] «Балгасунъ Тянь-чжень-хая». Тр. 293.

несомнѣнно были. О томъ, что изъ трехъ рѣкъ—Харухи, Хукшин-Орхона и Большого Орхона упомянута только одна рѣка, мы уже говорили. Почему же не пропустить и Дзапхын? Примемъ однакоже, что Дзапхына не переходили, а шли вдоль его праваго берега; но, сдѣлавъ такое предположеніе, мы лишимъ дорожныя записки Чанъ-чуня всякаго значенія и онѣ превратятся въ какой-то бредъ. Въ дневникѣ сказано, что маршрутъ шелъ на юго-западъ, тогда какъ Дзапхын идетъ здѣсь прямо на сѣверъ, а потомъ идетъ на западо-сѣверо-западъ, но и на этомъ пути все таки караванъ не миновалъ бы переправы черезъ Дзапхын. По птичьему полету этимъ путемъ пришлось бы употребить не менѣе восьми сутокъ, чтобы добраться съ устьевъ рѣки Шурмака до первыхъ степныхъ предгорій Алтая, откуда не видно ни снѣжныхъ бѣлковъ коренного Алтая, ни даже массива коренного хребта.

Въ дневникѣ Чанъ-чуня много пропусковъ, есть даже ошибки, но нельзя же допустить, чтобы люди, умѣвшіе обращаться съ гномономъ, шли преспокойно на сѣверо-западъ, воображая, что они идутъ на юго-западъ. Гораздо вѣроятнѣе, что караванъ шелъ въ дѣйствительности на юго-западъ по степи Кисын-тала и добрался къ хребту Цасату-богдо—единственной горной вершинѣ въ этой мѣстности, на которой, кромѣ снѣга, есть и ледники. Могъ, конечно, Чанъ-чунь съ Дзапхына пройти прямо на западъ черезъ Шаргын-гоби, какъ прошелъ впослѣдствіи М. В. Пѣвцовъ[1], только въ обратномъ направленіи; но я не вижу необходимости въ этомъ случаѣ заподозривать вѣрность опредѣленія направленія пути, обозначеннаго у китайскаго путешественника, тѣмъ болѣе, что, идя по степи, караванъ всегда имѣлъ передъ собою неизмѣнный маякъ на юго-западѣ—высокій пикъ Цасату-богдо.

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на счетъ дальнѣйшаго путеслѣдованія Чанъ-чуня. Есть мнѣнія о томъ, что Чанъ-чунь перешелъ черезъ большой Улан-дабан и спустился по Булугуну и лагерь Чингис-хана пріурочиваютъ гдѣ то на сѣверѣ отъ хребта. Это мнѣніе уже вызвало справедливыя сомнѣнія Г. Н. Потанина и онъ указывалъ на другіе перевалы, которые болѣе доступны, чѣмъ Улан-дабан въ вершинахъ

[1] Op. cit. стр. 51 (?).

Булугуна. Есть свѣдѣнія, что Оготай разработалъ дорогу, по которой должна была проходить главная масса арміи Чингиса; но на Улан-дабанѣ до сихъ поръ нѣтъ того, что можно бы называть дорогой. Тамъ имѣется только протоптанная тропа между блоками гранита. На телѣгахъ и теперь нѣтъ возможности переходить черезъ этотъ перевалъ. Долина Булугуна вообще очень узка въ верхнемъ теченіи и расширяется только ниже впаденія рѣки Тэмирты. Затѣмъ надобно замѣтить, что около этого перевала нѣтъ удобныхъ мѣстъ для устройства постояннаго лагеря. Кромѣ того, является вопросъ, какимъ образомъ попали-бы въ эту трущобу войска монгольской арміи, а потомъ и Чанъ-чунь.

Путь по Дзапхыну или по нынѣшнему почтовому тракту между Кобдо и Улясутаемъ, если онъ только существовалъ тогда, что тоже не вѣроятно, заставилъ бы идти армію по мѣстности крайне безплодной на протяженіи трехъ сотъ верстъ слишкомъ. Очевидно, великій полководецъ не могъ сдѣлать такой ошибки да и Чанъ-чуню тѣмъ болѣе не зачѣмъ было лѣзть на сѣверо-западъ, чтобы потомъ снова сдѣлать громадный крюкъ къ югу. Отмѣчу еще то, что на Улан-дабанѣ зимой и осенью бываютъ снѣжныя бури, среди которыхъ гибнутъ путники. Избрать такой путь для военныхъ сношеній, когда есть другіе, было бы крайне неразумно.

Бретшнейдеръ въ своихъ примѣчаніяхъ къ дневнику Чанъ-чуня[1] возвращается къ гипотезѣ перехода арміи черезъ Большой Улан-дабан, ссылаясь на то, что для большой арміи, состоявшей главнымъ образомъ изъ кавалеріи, необходимы были обширныя пастбища. Это, конечно, несомнѣнно; но развѣ Булугун такъ уже богатъ пастбищами? До устьевъ рѣчки Тэмирты онъ идетъ по большей части въ тѣснинахъ, на немъ много сквернѣйшихъ бродовъ, крайне трудно переходимыхъ. Какое удобство представлялъ этотъ путь для телѣгъ обоза? Вблизи поворота на западъ на Булугунѣ есть хорошіе луга; но и на Булугун-то можно было гораздо легче попасть съ запада черезъ другіе перевалы, чѣмъ черезъ большой Улан-дабан.

[1] Mediaeval Researches I, 62.

Какъ мы уже видѣли изъ дневника, на южной сторонѣ снѣжнаго хребта былъ лагерь монголовъ, нѣчто вродѣ римскаго castra aestiva, а за хребтомъ городъ съ разными запасами, съ ремесленниками. Это былъ castra stativa. Очевидно, между ними было небольшое разстояніе и сношенія были часты. Китайцы изъ castra stativa гурьбой на другой же день вышли на встрѣчу даосскому святителю [1].

Гдѣ-же были эти два лагеря? Одинъ по сѣверную, другой по южную сторону Улан-дабана? Это, по нашему, немыслимо.

У подножія Улан-дабана съ сѣвера можно найти мѣсто для лагеря, но на довольно значительномъ разстояніи, а на склонѣ съ юга есть широкая котловина; но она слишкомъ высока, прямо подъ переваломъ, гдѣ часто даже лѣтомъ падаетъ снѣгъ. Какой смыслъ былъ между двумя лагерями оставить такой трудно проходимый перевалъ? Сама по себѣ эта котловина довольно широка; но не для резервнаго лагеря большой арміи. Ниже же по рѣкѣ Булугун входимъ въ тѣснину. Зачѣмъ было монгольской арміи ломать горы, когда, слѣдуя предполагаемому нами маршруту, Чингис-ханъ могъ бы спокойно вести свои полчища по мѣстности, населенной, изобилующей подножнымъ кормомъ и всѣмъ необходимымъ для большой арміи. Хотя я говорилъ о двухъ путяхъ отъ Дзапхына — западномъ и юго-западномъ, я всетаки считаю вѣроятнымъ юго-западный, потому что онъ находится въ согласіи съ показаніями Ли-ши-чана, который утверждаетъ, что вплоть до снѣжныхъ горъ путь шелъ къ юго-западу. Нельзя не сознаться, что такое согласіе данныхъ дневника съ тѣмъ, что даетъ сама мѣстность, представляетъ довольно рѣдкій случай въ маршрутѣ Чанъ-чуня.

Мы въ этомъ случаѣ повторяемъ только предположеніе Г. Н. Потанина и беремъ на себя смѣлость придать ему значеніе полной достовѣрности, такъ какъ намъ пришлось четыре раза пересѣкать эту мѣстность и по маршруту Потанина и по Булугуну, а также черезъ Кисын-Тала и черезъ Тамчин-дабан къ границамъ Гоби и вдоль хребта, окаймляющаго восточный берегъ Булугуна. Вообще эта мѣстность мнѣ близко знакома и она богата могильными памятниками, что

[1] Тр. 293.

указываетъ на то, что она издавна была признана удобнымъ мѣстомъ для поселенія людей. Кромѣ описанныхъ преимуществъ, въ этихъ мѣстахъ много проходовъ черезъ горы, ведущихъ на западъ, юго-западъ и юго-востокъ. Это было очень важно Чингис-хану для того, чтобы имѣть возможность пропустить армію разными путями, а не тянуться по дикой тропѣ въ тѣснинахъ, что̀ неизбѣжно случилось бы, если бы армія шла чрезъ вершины Булугуна. Что касается до подножныхъ кормовъ, то ихъ около этихъ мѣстъ достаточно. Чингисъ, конечно, не держалъ свои табуны и стада въ одномъ мѣстѣ; несомнѣнно, табуны его ходили по всѣмъ окрестнымъ долинамъ. Можетъ быть, что часть ихъ кормилась и за Булугуномъ. Уже Г. Н. Потанинъ указалъ здѣсь на два хорошихъ перевала нѣсколько къ NW отъ Цасату-богдо—Дабасу-дабан и малый Улан-дабан; уклоненіе къ сѣверу здѣсь небольшое; затѣмъ они могли пересѣчь Нарын-дабан [1]. Это будетъ согласно съ заявленіемъ автора дневника, что они въ четыре дня перешли три перевала, но здѣсь журналистъ почему-то особенно тщательно отмѣчаетъ румбы, чего за нимъ не водится. Сначала путь идетъ на западъ, потомъ на юго-западъ, потомъ на юго-востокъ.

Дневникъ упоминаетъ, что, повернувъ на NO, они переѣхали черезъ высокую гору, шли потомъ длиннымъ ущельемъ и вышли къ сѣверо-восточному подножію Алтая [2]. Переходъ на NO очень загадоченъ,—онъ не менѣе страненъ, чѣмъ переходъ къ югу на рѣчку Улясутай, когда Улясутай былъ отъ путниковъ на сѣверѣ. Онъ имѣлъ бы смыслъ, если бы путники имѣли намѣреніе идти черезъ Гоби въ Баркуль, но тогда отъ Цасату-богдо весь путь шелъ бы вплоть до Гоби на SSO. Во всякомъ случаѣ, можно сказать одно, что, принявъ гипотезу перехода чрезъ сѣверный Улан-дабан, нѣтъ возможности даже приблизительно уложить маршрутъ Чанъ-чуня. Здѣсь вся дорога, до южнаго поворота Булугуна идетъ на SO и разстояніе здѣсь не менѣе полутораста верстъ, а затѣмъ весь путь идетъ на западо-сѣверо-западъ

[1] Въ 1898 году я встрѣтилъ на Наринскомъ перевалѣ казенные китайскіе табуны, которые шли съ запада. Они объяснили мнѣ, что это казенный, старинный, самый удобный путь для доставки казенныхъ табуновъ и грузовъ.

[2] Тр. 296.

и потомъ прямо на сѣверо-западъ къ Черному Иртышу, гдѣ Чингис-ханъ лѣтомъ поправлялъ своихъ коней, чтобы осенью, какъ онъ всегда это дѣлалъ, начать походъ, имѣя въ распоряженіи исправную кавалерію [1].

Останавливаясь на Наринскомъ перевалѣ, мы полагаемъ, что направленіе на SO можно считать или чистой опиской или, можетъ быть, это былъ небольшой обходъ къ востоку. Далѣе весь путь идетъ къ юго-западу и югу. Отмѣтимъ, что здѣсь маршрутъ монгольской арміи и Чанъ-чуня несомнѣнно расходится. Армія Чингиса пошла къ Черному Иртышу, при чемъ, вѣроятно, была переправа черезъ Булугун, такъ что булугунскихъ луговъ армія не миновала, Чанъ-чуню же не было надобности переходить черезъ Булугунъ, такъ какъ дальнѣйшій маршрутъ его шелъ къ югу черезъ Гоби. Было бы нелѣпо перейти рѣку затѣмъ, чтобы снова пересѣчь ее и въ другомъ мѣстѣ, и рѣку не маленькую, представляющую значительныя трудности для переправы въ бродъ.

На этомъ пути, бродя среди хребтовъ, Чанъ-чунь вышелъ на рѣку, переправился черезъ нее, простоялъ нѣсколько дней, ожидая лошадей, и далъ роздыхъ каравану, такъ какъ отсюда шла самая трудная дорога черезъ Гоби. Какая это была рѣка—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, не Булугун. Вѣроятно, перешелъ черезъ рѣчку Уюнчи и отъ нея повернулъ къ Гоби. Это былъ пунктъ расхожденія маршрутовъ арміи. Послѣ переправы путники перешли черезъ небольшой горный кряжъ изъ разноцвѣтныхъ камней [2]. Это довольно важное указаніе, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ тянутся на громадное разстояніе полосы сланцевыхъ хребтовъ, идущихъ почти въ широтномъ направленіи и имѣющихъ то сѣрую, то красную, то желтоватую, то синеватую окраску. Здѣсь уже путники не встрѣтили травы, затѣмъ далѣе, на растояніи 70 ли, имъ попались на дорогѣ двѣ красныя горы (вѣроятно, гранитныя). Эта уединенная горка опять указываетъ на поворотъ къ Гоби. Черезъ 30 ли нашли колодезь, гдѣ и дневали.

---

[1] Ходя зимой въ степи, лошади кочевниковъ сильно истощаются. Вѣроятно, это также имѣлъ ввиду и Владиміръ Мономахъ, настаивая на весеннемъ походѣ противъ половцевъ.

[2] Тр. 297.

Дальше путники вступили въ настоящую Гоби, представляющую волнистую равнину, покрытую черными камнями. Провожатый, присланный на встрѣчу Чанъ-чуню Чингисханомъ, Сянъ-гунъ, который встрѣтилъ Чанъ-чуня на стоянкѣ около Цасату-богдо, заявилъ, что теперь предстоитъ пройти самый трудный участокъ пути. На протяженіи 200 ли придется идти по чернымъ камнямъ, пока дойдутъ до сѣвернаго края песчаной полосы, гдѣ найдутъ и подножный кормъ и воду. Этими песками придется ѣхать съ сѣвера на югъ, гдѣ, наконецъ, они встрѣтятъ городъ народа Хой-хэ (Уйгуровъ).

При выступленіи въ черную Гоби, по словамъ Сянъ-гуна, встрѣтится путникамъ поле, усыпанное бѣлыми костями. Здѣсь нѣкогда было побоище, въ которомъ погибли всѣ воины отъ истощенія послѣ перехода черезъ пустыню, а въ недавнее время тамъ же погибло войско Наймановъ, разбитое Чингисомъ[1]. Черная Гоби состоитъ изъ галекъ разныхъ горныхъ породъ; но всѣ онѣ покрыты сверху черной блестящей коркой (schwarze Schutz-Korke нѣмецкихъ геологовъ), такъ что настоящій цвѣтъ и составъ этихъ галекъ можно узнать только разбивая ихъ молоткомъ. Переходятъ обыкновенно эти каменистыя полосы послѣ полудня, когда спадетъ жара, идутъ цѣлую ночь и къ полудню доходятъ до сѣверной границы песчаной полосы. Мы имѣемъ теперь цѣлый рядъ пересѣченій западной (Джунгарской) Гоби; но пріурочить къ какому нибудь изъ этихъ маршрутовъ путь Чанъ-чуня довольно трудно.

Если переходы во время дня описаны настолько смутно, что при достаточномъ знаніи мѣстности можно отмѣтить только отдѣльные пункты, то̀ искать какихъ нибудь указаній о ночныхъ переходахъ было бы напрасно. Судя по дальнѣйшему маршруту, всего ближе можно предположить, что Чанъ-чунь вышелъ къ Гученю, а не къ Баркулю.

Путь свой описываетъ секретарь Чанъ-чуня такъ[2]: «нѣсколько отдохнувши (на колодцѣ?), послѣ полудня, мы отправились въ путь. Мы проѣхали болѣе ста песчаныхъ холмовъ, какъ будто плыли въ ладьѣ по огромнымъ волнамъ. На другой день

[1] Tp. 298. Notes 29.
[2] Ibid.

между 8-ю и 10-ю часами утра достигли того города». Значитъ, на переходъ отъ колодца до Гученя употреблено было maximum 24 часа,—я еще набавляю по крайней мѣрѣ три часа. Путники, конечно, вышли не въ жаркій полдень, а часовъ въ 5. Такой переходъ черезъ Гоби безусловно не возможенъ, особенно принявъ во вниманіе, что въ караванѣ были быки.

Въ 1898 году я съ легкимъ караваномъ, на отличныхъ лошадяхъ и съ цѣлымъ табуномъ верблюдовъ, которыхъ со мной отправилъ въ Гучень торгоутскій ванъ, для закупки муки (верблюды несли ничтожный грузъ), отъ хребта Байтык-богдо, выйдя утромъ, добрались до ключа Чуйдже, гдѣ и заночевалъ. Вставши до разсвѣта, мы пришли около полудня къ каменноугольнымъ копямъ и заночевали въ пескахъ. Это было уже полтора сутокъ. Затѣмъ, съ утра до полудня мы добрались до первыхъ поселеній на краю песковъ. Здѣсь мы сдѣлали дневку, а съ этой стоянки уже добрались до Гученя. Надобно принять во вниманіе и то, что, несмотря на конецъ іюля, большихъ жаровъ не было и мы двигались очень быстро. Итакъ, мы прошли отъ Байтык-богдо до Гученя, включая остановки двое сутокъ съ половиной. По счастью, секретарь Чанъ-чуня, разсказавъ о переходѣ черезъ Гоби до города у подножья Тянь-шаня вспоминаетъ, что когда они были еще на сѣверѣ отъ песчаной полосы пустыни, они замѣтили какъ бы серебристую зарю на горизонтѣ и спросили учителя «что это такое?» «Это должно быть Инь-шань» отвѣтилъ Чанъ-чунь. Перейдя песчаную полосу, спутники Чанъ-чуня встрѣтили дровосѣковъ и спросили о томъ, что они видѣли вчера, и встрѣчные подтвердили догадку даоса[1].

Если принять во вниманіе, что съ южнаго подножія Алтая въ этомъ мѣстѣ не видно Тянь-шаня, закрытаго невысокими горами и хребтомъ Байтык-богдо, который въ самомъ высокомъ мѣстѣ достигаетъ 5300 ф., то вѣроято, что Тянь-шань или Инь-шань въ первый разъ замѣтили путешественники съ горъ Немейчу, около ключа Чуйдже. Горы эти достигаютъ 3,500 футовъ и отсюда дѣйствительно открывается превосходный видъ на цѣпь тянь-шаньскихъ бѣлковъ съ г. Богдо-ула, которая представляетъ собою громадный сложный шатеръ, раскинутый на гребнѣ хребта. Если

[1] Тр. 299; Notes 29; Med. Res. I, 67.

принять, что спутники Чанъ-чуня считали сѣверной границей Гоби ключь Чуйдже, то тогда еще возможно допустить такой форсированный переходъ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, караванъ шелъ болѣе прямой дорогой, приблизительно по маршруту М. В. Пѣвцова.[1]

Мой маршрутъ былъ длиннѣе, такъ какъ я забралъ нѣсколько къ востоку, чтобы осмотрѣть угольныя копи среди Гоби и знаменитый, длящійся вѣка каменноугольный пожаръ, который нѣкогда навелъ на мысль ученыхъ о существованіи среди Гоби вулкановъ.

На этомъ я оканчиваю свои поясненія къ маршруту Чанъ-чуня. Какъ видно изъ изложенія, памятникъ этотъ весьма трудно поддается дешифровкѣ. Я взялся за него только потому, что мнѣ болѣе, чѣмъ другимъ путешественникамъ, удалось ознакомиться съ Хангаемъ и той частью Монгольскаго Алтая, которая служитъ его юго-восточнымъ продолженіемъ и восточнѣе переходитъ въ парный хребетъ Гобійскаго Алтая. Читатель увидитъ, что, несмотря на знакомство съ мѣстностью, мнѣ немного удалось прибавить къ прежнимъ комментаторамъ. Не имѣя такихъ свѣдѣній о сѣверномъ Тянь-шанѣ, я отказываюсь дальше слѣдить за Чанъчунемъ, тѣмъ болѣе, что эта часть его пути разъяснена гораздо лучше, чѣмъ путь даосскаго монаха по Монголіи..

Останавливаясь главнымъ образомъ только на географическихъ данныхъ, я долженъ упомянуть, что среди нихъ разсѣяно не мало и этнографическихъ данныхъ. Мы узнаемъ отъ Чанъчуня, что въ ту пору было много китайцевъ въ Монголіи. Узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нынѣшней Монголіи было сильно развито хлѣбопашество, особенно у Хой-хэ. Узнаемъ, что и за предѣлами собственнаго Китая существовали монастыри и осѣдлыя поселенія. Видимъ указанія на устройство жилищъ и одежду. Все это подтверждается другими путешественниками. Принимая во вниманіе, что путешественникъ былъ аскетомъ, монахомъ, ко-

---

[1] Op. cit.

тораго не интересовали мірскія дѣла, мы не можемъ требовать отъ китайскаго мудреца больше того, что̀ онъ намъ далъ.

Поѣздка Чанъ-чуня на западъ давно бы послужила хорошей темой для изображенія двухъ противоположныхъ типовъ выдающихся людей средневѣковаго дальняго Востока. Передъ нами великій полководецъ, администраторъ, завоевавшій полміра, обязанный этимъ подвигомъ только своему генію и необыкновенному знанію людей. Суровый воинъ, человѣкъ безпощадный къ своимъ врагамъ, онъ былъ строгимъ, но и благожелательнымъ отцомъ для своихъ соотечественниковъ. Этотъ примитивный кочевникъ, попавъ къ культурнымъ народамъ Востока, сразу оцѣнилъ значеніе культуры. Это былъ умъ практическій. Чанъ-чунь полный контрастъ, живая антитеза Чингиса. Лишенный всякаго честолюбія, подвижникъ-созерцатель, ученый, человѣкъ кроткаго, миролюбиваго, но твердаго характера, онъ среди бурь гигантской войны утѣшаетъ себя тѣмъ, что миръ и тишина все таки рано или поздно восторжествуютъ. Съ Чингисомъ онъ держитъ себя, какъ равный, даетъ ему совѣты, которые всегда выслушиваются. Мудрецъ и завоеватель Востока понимаютъ другъ друга и цѣнятъ. Какъ мы говорили, эти два человѣка не могли сойтись надолго другъ съ другомъ; но между ними было своеобразное влеченіе другъ къ другу, которое иногда проявляется между двумя сильными личностями противоположнаго характера.

Clarens.
Апрѣль 1908 г.

С.-Д. Шагдаронъ и Б.-Д. Очировъ.

Игры и увеселенія агинскихъ бурятъ [1].

(I—XVI).

У Агинцевъ, какъ вообще у бурятъ, мало самобытныхъ игръ. Въ настоящей статьѣ мы приводимъ описаніе игръ и нѣкоторыхъ увеселеній Агинскихъ бурятъ, причемъ наши данныя мы пополняемъ ссылками на литературу по этому вопросу.

I. *Бісӹлык-ӈӯху* (быслык-нюху)—прятаніе колечекъ. Играющіе избираютъ сначала изъ своей среды одного прятальщика, а потомъ раздѣляются на 2 партіи, равныя по количеству. Прятальщикъ долженъ незамѣтно для другихъ положить въ ротъ одному изъ играющихъ какой-нибудь партіи кольцо. Другая партія должна отгадать, у кого спрятано кольцо. Если же она не отгадаетъ, то обязана спѣть какую-нибудь пѣсню изъ числа тѣхъ, которыя поются при этой игрѣ. Второй разъ кольцо прячется въ той партіи, которая отгадала или спѣла пѣсню. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока какая нибудь партія не истощитъ запаса пѣсенъ [2].

---

[1] Настоящая статья составлена С.-Д. Шагдарономъ по предварительнымъ наброскамъ Б.-Д. Очирова и по его собственнымъ даннымъ и наконецъ въ корректурѣ любезно просмотрѣна п. д. лектора Имп. Спб. Университета Б. Б. Барадійнымъ. *Ред.*

[2] Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при каждомъ проигрышѣ неугадавшая партія выдаетъ одного изъ своихъ сочленовъ въ партію, у которой было спрятано кольцо. Тогда въ убыли одной стороны и заключается проигрышъ.

II. *Ботогошо̄хо̆* или *бӯраша̄хо̆* [1] (игра въ кошки и мышки). Обыкновенно играютъ дѣти, которыя, берясь за руки, образуютъ кругъ и впускаютъ въ него одного изъ играющихъ, мальчика или дѣвочку *ботого* — (верблюжонка). Внѣ круга находится *бӯра*— верблюдъ-самецъ. Игра состоитъ въ томъ, что *бӯра* старается поймать *ботого*, который, спасаясь, то̀ выбѣгаетъ изъ круга, то̀ забѣгаетъ въ него. Бӯра (верблюду) во всемъ мѣшаютъ: ему не даютъ прорвать или перескочить кругъ. Бӯра все время гонится за ботогон'омъ, пока не поймаетъ. На этомъ кончаются роли бӯра и ботого. На смѣну первой пары выступаетъ другая пара, чаще всего по своему желанію, и игра начинается снова.

III. *Горшо̄кшо̄хо̆* — игра въ горшки. Дѣти раздѣляются на пары. Въ каждой парѣ одинъ называется *горшок*. Всѣ «горшки» усаживаются въ кругъ и сзади каждаго изъ нихъ стоитъ его товарищъ. Въ игрѣ активно участвуютъ только стоящіе — «хозяева». Кто нибудь изъ «хозяевъ» начинаетъ игру. Онъ беретъ шапку и, обходя кругъ, вдругъ ударяетъ шапкой одного изъ стоящихъ, бросаетъ шапку тутъ же и со всѣхъ ногъ убѣгаетъ по кругу. Тотъ, кого онъ ударилъ, бросается за нимъ въ догонку, чтобы не дать въ руки противника свой горшокъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е., когда онъ не догналъ ударившаго и, слѣдовательно, лишился своего горшка, онъ долженъ, въ свою очередь, отнять у кого нибудь «горшокъ». [2]

IV. *Малагайшахо̆* (игра въ шапки—у русскихъ игра въ жгуты). Игра исключительно дѣтская. Собравшіеся усаживаются кольцомъ лицами внутрь. Одинъ беретъ шапку, обходитъ раза

[1] Эта игра упомянута у Г. Н. Потанина въ Очеркахъ Сѣверо-Западной Монголіи, 1881 г., в. II, стр. 119, 8 и въ статьѣ К. Д. Логиновскаго подъ названіемъ: «Игры бурятъ Восточнаго Забайкалья» (3 таблицы). Записки Читинскаго Отдѣленія Приамурск. отд. И. Р. Г. О., 1897 г., в. II (стр. 45—56).

У агинцевъ бӯраша̄хо̆ или ботогошо̄хо̆ нѣсколько отличается отъ описаній какъ Г. Н. Потанина, такъ и К. Д. Логиновскаго. Такъ, напримѣръ, у Г. Н. Потанина 2 вора отнимаютъ верблюда, а у Логиновскаго дѣйствуетъ одно лицо, которое старается лишь ударить кого нибудь по рукамъ.

[2] Горшо̄кшо̄хо̆ кратко описано Логиновскимъ (op. cit., стр. 56), который игру горшо̄кшо̄хо̆ сравнилъ съ русской игрой въ жгуты, на которую, по нашему мнѣнію, болѣе похожа другая игра *малагайшахо̆* (IV).

три кругъ, причемъ въ послѣдній разъ незамѣтно оставляетъ у кого нибудь назади шапку. Тотъ, у кого за спиной окажется шапка, долженъ догнать и ударить бросившаго шапку. Если онъ не успѣетъ сдѣлать это, лишается не только мѣста, но и обязанъ продолжить игру, т. е. повторить то, что продѣлали надъ нимъ. Но когда онъ вовсе не замѣтитъ за спиной шапку и дастъ возможность своему противнику, обѣжавъ кругъ, подойти къ нему,—онъ наказывается легкими ударами шапки. Игра, какъ сказано, дѣтская, но часто въ ней принимаютъ участіе и взрослые.

V. *Надан* — вечеринка, созывается обыкновенно родителями или родственниками дѣвушки, выходящей въ замужъ. Надан затѣвается также и въ домѣ новобрачныхъ или у какого нибудь молодого бурята по его собственному желанію или по просьбѣ молодежи. Надан сопровождается угощеніемъ: чаемъ, сластями, иногда аракой (молочной водкой). Въ болѣе торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при выходѣ дѣвушки замужъ, хозяева дома, не исключая и родителей, закалываютъ барана, приглашаютъ въ гости окрестныхъ жителей. Собирается въ большинствѣ молодежь, которая, кстати сказать, не любитъ пропускать такія вечеринки. Гости съѣзжаются обыкновенно къ вечеру. Но иные торопятся посмотрѣть на гостью, если она дальняя, и потому пріѣзжаютъ пораньше. Пріѣхавшихъ угощаютъ чаемъ, и они заводятъ оживленные разговоры, шутки.

Наступаетъ ночь—время повеселиться гостьѣ. Вотъ встаетъ молодой парень и приглашаетъ всѣхъ пожаловать къ мѣсту веселья — на дворъ. Всѣ выходятъ изъ юрты и идутъ туда. Мѣсто, гдѣ должна быть игра, открытое, ровное и недалеко отъ юрты. На немъ стоитъ только какая нибудь старая телѣга. Придя на мѣсто игры, толпа раздѣляется по полу и возрасту на группы по нѣсколько человѣкъ и начинаетъ ходить вокругъ телѣги. Сначала всѣ идутъ въ молчаніи, но вотъ кто нибудь поудалѣе затягиваетъ бурятскую пѣсню. Вслѣдъ за нимъ поетъ другой, третій, пятый, а тамъ и всѣ группы, каждая на свой ладъ. Получается не то хоровое пѣніе, не то шумъ, такъ, что издалека трудно бываетъ узнать, кто и какъ поетъ. Черезъ нѣсколько времени круговая безпрерывная ходьба замѣняется

пляской *э̄рэмчілгэ*, состоящей въ довольно однообразной прискочкѣ вокругъ той же телѣги.

Иногда на̄дан сопровождается игрою въ родѣ русскаго хоровода *нырхэлгэ* (*ныргэлгэ*). Присутствующіе раздѣляются на двѣ партіи. Партіи строятся въ шеренгу другъ противъ друга, образуя двѣ сплошныя стѣны.

Игру начинаетъ одна изъ партій, запѣвая пѣсню, покачиваясь въ тактъ съ боку на бокъ. Ей отвѣчаетъ другая партія своей пѣсней и тоже покачиваніемъ. Затѣмъ первая заводитъ другую пѣсню, вторая отвѣчаетъ также особой пѣсней. Такимъ образомъ обѣ партіи обмѣниваются пѣснями. Круговое гулянье, *э̄рэмчілгэ, нырхэлгэ* продолжаются иногда до поздней ночи, а то и до разсвѣта; тогда на̄дан прекращается. Присутствующіе разъѣзжаются, остается только гостья со своими спутниками.

Въ зимнее время, когда стужа сгоняетъ людей въ юрты, на дворѣ, конечно, не бываетъ ни гулянья, ни э̄рэмчилгэ, ни нырхэлгэ. Приходится играть въ прятаніе колечекъ (бислык ню̄ху, I) и въ *шагай* [1] и тѣмъ коротать длинныя зимнія ночи.

VI. *Наі̆р* — пиръ на хурал'ахъ [2] и обон'ахъ [3].

У Агинцевъ точно также, какъ и у другихъ бурятъ, найр устраивается обыкновенно въ лѣтнее время, послѣ *обо тахілга* (жертвоприношеніе при обо) и религіозныхъ празднествъ въ дацан'ахъ. Опишемъ сначала то́, что совершается на «обо», а затѣмъ и самый *найр*.

Обо можно въ большомъ количествѣ встрѣтить на территоріи всѣхъ бурятъ Забайкальской области и въ Монголіи. Этимъ именемъ называютъ, какъ уже сказано въ примѣчаніи, кучу хворосту или камней, сложенную на вершинѣ какой нибудь вы-

---

[1] См. ниже XI.

[2] *Хурал* въ буквальномъ смыслѣ «сборище», происходитъ отъ монгольскаго слова *хурахӑ* — собираться. Въ обыденной жизни подъ словомъ «хурал» подразумѣваютъ a) собраніе ламъ въ дацан'ахъ и дуган'ахъ (молитв. домахъ), b) памятные въ буддійскомъ мірѣ церковные праздники, какъ, напр., 15-ыя число 1-й и 6-й луны.

[3] «Обон», правильнѣе *обо* монгольское слово, въ переводѣ — *куча*. Такъ раньше называлась куча хворосту или камней, сложенная на мѣстѣ жертвоприношеній шамана. Нынѣ буряты-буддисты по традиціи предковъ продолжаютъ совершать этотъ жертвенный обрядъ на обо.

сокой горы. Обо иногда бываетъ украшенъ лоскутьями коленкора, хадак'ами [1], даржик'ами [2] на длинныхъ шестахъ.

Жертвоприношенія на такихъ обо совершаются не однимъ лицомъ, а извѣстнымъ кругомъ почитателей—ближайшими жителями, которые, чрезъ посредство ламы-астролога, опредѣляютъ день обряда, приглашаютъ избраннаго ламу и, наконецъ, обезпечиваютъ найр въ матеріальномъ отношеніи. Въ назначенный день приглашенный лама, вмѣстѣ со своими помощниками, пріѣзжаетъ на обо. Начинаются приготовленія. Подвѣшиваютъ при обо образъ добраго генія *Далһа* (*Далха*), ставятъ жертвенныя чаши, привезенныя съ собою, разливаютъ въ нихъ молоко и араку, ставятъ также и мясо [3].

Ламамъ прислуживаютъ и простые міряне: собственно міряне все приготовляютъ и производятъ всѣ необходимыя затраты, привозятъ нужныя вещи и принадлежности обряда, приготовляютъ сидѣнья, ходятъ за лошадьми и т. п. Затѣмъ, главный лама, вмѣстѣ съ помощниками и ламами, прибывшими безъ приглашеній, приступаетъ къ исполненію обряда—чтенію хвалебныхъ гимновъ Буддѣ и добрымъ геніямъ. Простолюдины, увидѣвъ на *обо* ламъ, съѣзжаются со всѣхъ сторонъ, оставляютъ своихъ лошадей у подножія горы и спѣшатъ на самое «*обо*». Подойдя къ *обо* они падаютъ ницъ, молятся, принимаютъ благословеніе ламы, прикладывается къ образу Далһа и начинаетъ ходить кругомъ обо, нашептывая «ом мани бадмэ хом» и др. молитвы. Нѣкоторыя лица привозятъ съ собою ленточки, *хадак*'и, *даржік*'и и ими завѣшиваютъ *обо*, а затѣмъ начинаютъ молиться.

---

[1] *Хадак*'и продолговатые шелковые платки, которыми дарятъ гостей. Цѣнность отъ 5 к. до 2—10—15 руб., смотря по величинѣ.

[2] *Даржік* — кусокъ продолговатой бумажной матеріи съ напечатанными на немъ молитвами и изображеніями. Они приготовляются ламами и сбываются мірянамъ по 20—30 и болѣе копѣекъ за штуку.

[3] Для *обо* состоятельные прихожане обыкновенно колятъ барана *тӯлэ̆* (т. е. жертва съ головой), но изъ экономическихъ видовъ теперь чаще закалываютъ *тубо*. Тубо отъ другихъ барановъ отличаются бѣлымъ цвѣтомъ шерсти и синей мордой, а главное тѣмъ, что они вслѣдствіе ненормальнаго развитія организма не доживаютъ до осени. Самые рьяные вмѣсто тубо закалываютъ большого барана. На большихъ *обо* въ жертву приносится нѣсколько десятковъ животныхъ.

Обошедши нѣсколько разъ *обо*, народъ группируется по полу и возрасту и усаживается въ сторонѣ лицомъ къ обо. Тогда начинаются обыкновенно оживленныя бесѣды между встрѣтившимися знакомыми, разсматриваніе женщинами нарядовъ другъ у друга, такъ какъ на обо всѣ вообще являются въ лучшихъ своихъ одеждахъ [1], игра между дѣтьми, которымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ является возможность собраться въ большомъ количествѣ. Иногда молодежь все время ходитъ вокругъ обо, но больше бесѣдуетъ, чѣмъ молится. Старики и почетные буряты, которые на обо большею частью проводятъ время сидя съ бутылкою араки и ведутъ разговоры по общественнымъ вопросамъ. Уполномоченные по дѣламъ *обо* тутъ же собираютъ взносы съ прихожанъ на покрытіе расходовъ обо и издержекъ на найр, а также иногда и на пріобрѣтеніе необходимыхъ вещей для обо [2].

Во время жертвоприношеній на обо, совершаются нѣсколько религіозныхъ обрядовъ. Такъ, при поклоненіи генію Далһа девять человѣкъ (молодые буряты) одѣваютъ кольчуги, вооружаются съ ногъ до головы ружьями, пиками, саблями, луками и стрѣлами и на бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадяхъ объѣзжаютъ три раза обо. Въ то же время они совершаютъ обрядъ борьбы съ злыми духами: стрѣляютъ изъ ружей, стрѣляютъ изъ луковъ, вступаютъ какъ бы въ рукопашный бой и т. п. Наконецъ, они побѣждаютъ, перебариваютъ злыхъ духовъ — и церемонія кончается.

---

[1] На обо, какъ на хурал и другіе праздники, буряты одѣваются въ лучшіе костюмы: шелковые или чечунчовые халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, подпоясываются ткаными шелковыми кушаками, а къ нимъ на серебряныхъ цѣпочкахъ подвѣшиваютъ ножи и огнива—оправленныя серебромъ. Женщины надѣваютъ особый головной уборъ *дарӯлга*, состоящій изъ кораллов и камней, носятъ перстни, кольца, серьги, браслеты и проч.

Дѣти тоже не отстаютъ отъ взрослыхъ, но, разумѣется, весь этотъ блескъ можно найти только у состоятельныхъ бурятъ.

[2] Взносы колеблются отъ 10—20 коп. до 1—3 руб. съ каждой семьи и могутъ быть внесены не только деньгами, но и вещами: платками, хадак'ами, мерлушками, которыя тутъ же покупаются желающими.

По окончаніи молитвъ и всѣхъ обрядовъ, попросивъ благословеніе Трехъ Драгоцѣнностей [1] на всё живущее, ламы вмѣстѣ съ міряпами троекратно обходятъ обо и спускаются съ горы. Этимъ и кончается «обо тахилга». Прислужники убираютъ и увозятъ все, что было разставлено, причемъ не оставляютъ и мясо, принесенное въ жертву. Ламы и часть народа направляются къ мѣсту пиршества. Молодежь, опередивъ другихъ, разъѣзжается по юртамъ, чтобы утолить жажду. Ламы, прислужники и прочіе прибываютъ на мѣсто пиршества. Тѣмъ временемъ подоспѣваетъ и молодежь. Всѣ сходятъ съ лошадей и направляются къ подостланнымъ въ видѣ полукруга потникамъ. Начинается разсаживаніе. Ламы занимаютъ центръ. Отъ главнаго ламы влѣво усаживаются остальные ламы, а вправо—міряне. Почетные буряты занимаютъ первыя мѣста. Молодежь, кромѣ прислуживающихъ, женщины и дѣти располагаются сзади. Такъ начинается собственно *найр*—пиръ. Приносятся въ чайникахъ кирпичный бѣленый чай изъ ближнихъ юртъ, или изъ мѣста, гдѣ устроено нѣчто вродѣ временной кухни. Чай разливается въ деревянныя чашки и подносятся сначала ламамъ, а потомъ мірянамъ, причемъ строго соблюдается старшинство. Ставятся блюда съ хлѣбомъ и молочными продуктами бурятскаго хозяйства. Но обыкновенно этого удостоивается только *духурік* [2]. Задніе ряды дарятъ конфектами и сластями. Точно также и мясо, привезенное съ обо, разставляется на блюдахъ передъ ламами и мірянами составляющими *духурік*; заднимъ же подается лишь небольшая доля на длинныхъ дощечкахъ, такъ какъ на обо обыкновенно не хватаетъ тарелокъ. Къ числу угощеній относятся кумысъ и арака. Кумысъ подается ламамъ; впрочемъ этого теперь не дѣлаютъ. Аракой или молочной водкой угощаютъ стариковъ и почетныхъ

---

[1] Гурбан эрдэни—три драгоцѣнности: Будда, законъ и община.

[2] *Духурик*—цѣпь сидящихъ въ первомъ ряду. Располагаются полукругомъ. Внутри (по радіусу) усаживаются всѣ тѣ лица, которыя являются распорядителями торжества или которыя принимаютъ то или другое участіе въ устройствѣ *найр*'а.

лицъ, да и то не вездѣ на такихъ пирахъ. Къ концу угощенія почти всегда подается всѣмъ присутствующимъ *тарак* [1].

Найр не исчерпывается однимъ только угощеніемъ. На немъ происходятъ всегда любимыя бурятами конскія скачки и состязаніе молодежи въ борьбѣ. На скачкахъ участвуетъ неограниченное количество лошадей. Всякій по желанію можетъ пустить лошадь, но въ большинствѣ случаевъ бѣгутъ выхоленныя и выдержанныя для скаковыхъ цѣлей лошади. Такихъ лошадей иногда набирается штукъ 10—15 [2].

Какъ только начинается угощеніе, всѣхъ бѣгунцовъ водятъ вокругъ *духурік*'а и такимъ образомъ сосчитываютъ ихъ, а потомъ, набравъ сѣдоковъ—мальчиковъ лѣтъ 10—15, уводятъ лошадей на то мѣсто, откуда онѣ должны бѣжать. Обыкновенно этимъ дѣломъ руководитъ кто нибудь изъ распорядителей, иначе могутъ возникнуть недоразумѣнія и споры. На межу, т. е. на то мѣсто, гдѣ должны остановиться бѣгунцы, отправляется столько молодыхъ людей, сколько должно было бѣжать лошадей. Каждый изъ нихъ въ духурик'ѣ оставляетъ шапку въ знакъ того, которую лошадь онъ долженъ поймать. Тѣмъ временемъ пускаются бѣгунцы. Пирующіе на время умолкаютъ и съ жадностью слѣдятъ за лошадьми. Крики сѣдоковъ, топотъ нѣсколькихъ паръ ногъ, удары бичей приковываютъ ихъ вниманіе. Лошади съ каждой секундой приближаются къ пирующимъ и, наконецъ, одна изъ нихъ при радостныхъ крикахъ толпы первая перебѣгаетъ межу, за ней другая, третья...

Ихъ ловятъ поджидавшіе люди и уводятъ къ духурик'у три раза объѣзжаютъ сидящихъ, какъ бы желая показать отличившихся лошадей, а потомъ останавливаются передъ ламой внутри духурик'а. Затѣмъ какой-нибудь бурятъ, хорошо поющій

---

[1] *Тарак*—молочный продуктъ, приготовляемый слѣдующимъ образомъ: только что удоенное молоко немного подогрѣваютъ съ небольшимъ количествомъ закваски изъ стараго тарак'а, а затѣмъ сливаютъ въ сосудъ, плотно укутываютъ шубой или войлокомъ и ставятъ на спокойное мѣсто. Черезъ нѣсколько часовъ тарак готовъ. Свѣжій тарак густъ и на вкусъ кисловатъ.

[2] Буряты очень любятъ этотъ спортъ, а потому они иногда приводятъ скакуновъ за 50—100 верстъ.

сула [1], садится на лошадь и держа повода выбѣжавшей (побѣдившей) лошади и съ хадак'омъ въ рукахъ, поетъ сула главному ламѣ. Поетъ онъ громко и долго. Всѣ присутствующіе слушаютъ съ большимъ вниманіемъ, а молодежь даже увлекается и жадно поглощаетъ каждое слово. Со слѣдующей лошадью повторяется то же, но на этотъ разъ хвала воздается міранину, какому-нибудь почетному буряту, притомъ другимъ пѣвцомъ. Послѣ окончанія гимновъ хадак'и, которые держали пѣвцы, подаются тѣмъ, кому воздавалась хвала. Лошадямъ даютъ призы съ той лишь разницею, что «выбѣжавшей» въ бо̀льшемъ размѣрѣ, слѣдующей въ нѣсколько меньшемъ и т. д. При раздачѣ призовъ объявляются имена хозяевъ. Этимъ кончаются конскія скачки. Начинается состязаніе молодежи въ борьбѣ. Выступаютъ по 5—10 паръ борцовъ отъ жителей, проживающихъ на восточной и западной сторонѣ обо. Борцы снимаютъ съ себя всю одежду, исключая только брюкъ. Брюки они засучиваютъ и туго подтягиваютъ кушаками, чтобы быть свободными въ движеніяхъ. Выступаютъ сначала главные борцы—*эрхім бухунӯд*. Но прежде всего ихъ подводятъ подъ благословеніе ламы [2], а затѣмъ уже сводятъ на срединѣ духурик'а.

Предоставленные самимъ себѣ борцы стараются перехитрить другъ друга и уронить противника на землю различными пріемами и уловками. Примѣнять исключительно физическую силу имъ не приходится, такъ какъ исходъ дѣла отъ этого почти не зависитъ. Побѣжденнымъ считается тотъ, кто первый упалъ на землю или коснулся земли даже колѣномъ или рукой. Тогда побѣдителю даютъ въ видѣ приза хадак или деньги (отъ 50 копѣекъ до 2 рублей).

Но случается часто, что борцы сговариваются окончить состязаніе въ ничью; въ такомъ случаѣ борьба затягивается очень

[1] *сула*—хвалебный гимнъ. Каждая «выбѣжавшая» (побѣдившая) лошадь посвящается одному изъ наиболѣе почетныхъ лицъ изъ числа присутствующихъ ламъ и свѣтскихъ. Лошадь подводятъ къ лицу, которому она посвящена и тутъ поютъ *сула*, восхваляя данное лицо и лошадь, *сула* соотвѣтствуетъ письменному монгольскому *цула*.

[2] Благословеніе состоитъ въ томъ, что лама кончикомъ священной книги дотрогивается до головы борца, подошедшаго къ нему послѣ троекратнаго земного поклона.

долго; зрѣлище теряетъ интересъ и обѣ партіи, которыя отпускали борцовъ, останавливаютъ борющихся. Въ такомъ случаѣ призъ дѣлится поровну между борцами. Послѣ «главныхъ борцовъ» по очереди выводятся и всѣ остальные, причемъ въ концѣ происходитъ заключительная борьба главнаго борца-побѣдителя съ кѣмъ нибудь со стороны. Конскія скачки и состязанія молодежи въ борьбѣ заканчиваютъ найр.

Распорядители преподносятъ ламамъ оставшіяся (скорѣе оставленныя) деньги, причемъ главный лама получаетъ нѣсколько больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ.

Вознагражденіе бываетъ не особенно велико: главному ламѣ достается не больше 2—10 р., а остальнымъ 10—50 коп. Послѣ этого присутствовавшіе разъѣзжаются во всѣ стороны. Ламы направляются въ дацан или въ ближайшія юрты, если время позднее; старики и старухи, дѣти и всѣ тѣ лица, которыя заняты дома какой-нибудь работой, уѣзжаютъ прямо домой. Остальные же группируются по полу и возрасту и объѣзжаютъ окрестныя юрты и пьютъ араку. Попойка продолжается до самаго разсвѣта, такъ что участники веселой компаніи опьяненные алкоголемъ, уѣзжаютъ на 10—20 верстъ, и, конечно, вся прелесть подобныхъ лихихъ поѣздокъ заключается не въ томъ, чтобы только напиться, а больше въ томъ, чтобы повеселиться пѣніемъ, что̀ дѣйствительно продолжается во всю ночь. Для бурятской молодежи обо является настоящимъ праздникомъ; она въ день обо свободна отъ работъ. Только пастухамъ не приходится праздновать его, но и тѣ въ этотъ день возвращаются домой ранѣе обыкновеннаго.

Періодъ празднованій обо является самымъ счастливымъ моментомъ въ мирной однообразной жизни степняковъ-номадовъ.

VII. *Сур-харбахă* [1] или стрѣльба изъ лука является для взрослаго мужского населенія не больше, чѣмъ игрою. Необходимыми принадлежностями для участниковъ игры считаются: луки,

[1] Сур-харбаха — (стрѣльба въ *сур* — кожаныя подушечки), описано г. Логиновскимъ op. cit. стр. 45—46, но въ сжатой формѣ. Въ виду того, что пріемы этой игры у агинцевъ нѣсколько иные, чѣмъ описанные у г. Логиновскаго, мы считаемъ не лишнимъ болѣе подробно остановиться на этой игрѣ.

стрѣлы безъ наконечниковъ, кожаныя подушечки (*сур*) или другіе предметы, въ которые стрѣляютъ. Лукъ, выбрасывающій стрѣлу на далекое разстояніе, обладаетъ, конечно, чрезвычайной упругостью и, чтобы придать ему эту упругость, къ деревянной части его съ внутренней сторонѣ приклепваются роговыя полосы, а съ наружной—сухожиліе довольно толстымъ слоемъ.

Такой лукъ бываетъ очень тугъ, и непривычному человѣку трудно натянуть, особенно безъ стрѣлы, съ которой, однако, дѣло нѣсколько облегчается. Стрѣла дѣлается изъ сухого и средней плотности дерева (березы), выпрямляется очень искусно и оканчивается головкою безъ наконечниковъ. Другой конецъ стрѣлы бываетъ гораздо тоньше и имѣетъ выемку, которая обхватываетъ тетиву лука. Этотъ же конецъ для болѣе правильнаго полета стрѣлы оперяется [1]. Подушечки *сур*, предназначенные для стрѣльбы, бываютъ цилиндрической формы, дѣлаются изъ кожи, въ 3—4 дюйма длиною, туго на туго набиваются шерстью, войлокомъ и т. п. Приступая къ игрѣ, участники выбираютъ ровное твердое мѣсто и складываютъ сур по одной прямой линіи въ такомъ числѣ, чтобы на каждаго человѣка приходилось ихъ по 5 штукъ. Сложенные такимъ образомъ сур издали кажутся какою-то разноцвѣтною палкою, такъ какъ они еще обшиваются яркаго цвѣта матеріями. По обѣ стороны линіи сур на разстояніи, примѣрно, $3^3/_8$ арш. вырываются двѣ поперечныя ямы — борозды и наружные края ихъ срѣзываются наискось, отчего и самыя борозды бываютъ видны съ мѣста стрѣльбы. Отмѣриваются по 2 дистанціи на каждую сторону; одна въ 20, а вторая въ 30 тетивъ [2]. Послѣ этихъ приготовленій всѣ участники игры раздѣляются на двѣ партіи [3], но для равновѣсія стараются распредѣлить искусныхъ стрѣлковъ поровну, иначе. одна партія будетъ всегда обыгрывать другую. Каждая партія разбиваетъ своихъ членовъ тоже на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ стрѣлять въ одну, другая въ другую сторону. Стрѣ-

---

[1] Берутъ жесткія перья птицъ, преимущественно хищныхъ: ястребовъ, соколовъ, орловъ и др., осторожно снимаютъ опахало отъ стержня и полосками приклеиваютъ къ стрѣлѣ съ трехъ сторонъ.

[2] Длина тетивы—около $2^1/_4$ арш.

[3] Когда игра происходитъ между собой, иначе—пробная игра.

ляютъ попарно, и каждый стрѣлокъ пускаетъ въ свою очередь 8 стрѣлъ. Игру всегда начинаютъ самые искусные стрѣлки съ дальней дистанціи.

То мѣсто, гдѣ разставлены сур, называется *зура̄хэ*. За попаданіемъ стрѣлъ слѣдятъ всѣ тѣ члены обѣихъ партій, которые должны стрѣлять съ противоположной стороны. Если стрѣлы упадутъ внутри бороздъ, не задѣвъ задними концами наружнаго края ближней борозды, выбьютъ сур за противоположную борозду, то онѣ считаются всѣ выигранными. По числу ихъ отбираютъ сур съ края. Если же стрѣла не вышибитъ за борозду сур или упадетъ на пути, не достигнувъ зура̄хэ, то она проигрывается [1]. Все умѣнье заключается въ томъ, чтобы пущенная стрѣла упала внутри граней, а именно между передней бороздой и линіею сур.

Малѣйшее ослабленіе или усиленіе при спускѣ тетивы лука, едва замѣтный наклонъ головы или туловища, чуть болѣе высокій прицѣлъ и много другихъ на первый взглядъ маловажныхъ причинъ заставляетъ стрѣлу упасть на пути или перелетѣть линію сур. Для того, чтобы хорошо владѣть лукомъ и стрѣлами, необходима многолѣтняя практика. И только тѣ, кто долго и упорно добивались мѣткости въ стрѣльбѣ, не промахиваются всѣми 8-ю стрѣлами, выигрывая заразъ 3 чужихъ. Но такихъ лицъ обыкновенно встрѣчается очень мало. За первою парою стрѣлковъ выступаетъ вторая, затѣмъ третья, четвертая и т. д. до тѣхъ поръ, пока не переберется вся смѣна. Наступаетъ очередь и за остальными членами обѣихъ партій слѣдившими за паденіемъ стрѣлъ при зура̄хэ. Они отправляются стрѣлять на другую сторону и придерживаются тѣхъ же правилъ, какъ первая смѣна. Сур (мишени) постепенно убываютъ. Число ихъ превышаетъ число людей только въ полтора раза. Цѣпь дѣлается все короче. Попадать въ нее приходится все рѣже и рѣже. Тогда мѣняютъ мѣсто: стрѣляютъ съ ближняго разстоянія. На это мѣсто оставляются мѣткіе да и каждая партія располагается такъ, чтобы не поддаться на всѣхъ пози-

[1] Иногда условіе бываетъ другое: считаютъ, что выиграла та стрѣла, которая опереннымъ концомъ даетъ слѣдъ на покатомъ наружномъ краѣ передней борозды.

ціяхъ. Сур замѣтно убываютъ. Остаются, наконецъ 2—3 штуки. Но и тѣ скоро вышибаются стрѣлками. Теперь конецъ игры. Приступаютъ къ счету ремней. Если же у одной изъ партій окажутся лишніе, то она считается побѣдительницей и получаетъ въ качествѣ приза по 1, 2, 3, 4, 5 коп. или болѣе, смотря по уговору, съ каждой выигранной стрѣлы. Когда же обѣ партіи останутся при своихъ, то ни та, ни другая не получаетъ и не уплачиваетъ ничего. Раскладываютъ опять сур, и начинается второй разъ игра. При игрѣ попавшему въ цѣль его партія дружнымъ однообразнымъ голосомъ воздаетъ честь:

Бар͞у! бар͞у! мэргэн куі̆хур.

Э! манаі̆ мэргэн куі̆хур!

(Ура! ура! мѣткій молодецъ. Ай, нашъ мѣткій молодецъ!) Эти восклицанія далеко разноситъ вѣтеръ или эхо и возвѣщаютъ посторонняго о томъ, что дѣлается среди кучки народу. Игра продолжается до вечера. Иногда собравшіеся бываютъ настолько увлечены, что стрѣляютъ ночью при свѣтѣ костровъ.

Состязаніе, заранѣе условленное и происходящее между жителями двухъ отдѣльныхъ территорій или родовъ (случается, что родъ идетъ на родъ) совершается подъ наблюденіемъ опытныхъ стрѣлковъ и на извѣстныхъ условіяхъ [1].

Мѣстомъ игры является домъ одного изъ участниковъ или какого нибудь состоятельнаго бурята, у котораго, однако, не спрашиваютъ разрѣшенія, а лишь сообщаютъ время игры. Каждая партія пріѣзжаетъ въ назначенный день на мѣсто со всѣмъ, что нужно для стола, т. е. съ хлѣбомъ, мясомъ, чаемъ и даже съ поваромъ. Начинается настоящая борьба и продолжается дня два или даже три. Въ стрѣльбѣ всѣ стараются отличиться, и никто не имѣетъ права уѣхать ранѣе срока, такъ какъ этимъ нарушилъ бы условіе. Въ виду этого каждая партія напрягаетъ всѣ силы, чтобы одолѣть врага и остаться побѣдительницей. Но когда борьба ей оказывается не подъ силу, она, признавая себя побѣжденной, проситъ прекратить стрѣльбу. Партія-побѣдительница, конечно, великодушно соглашается и торжественно возвращается въ родной улусъ. Побѣжденная же

[1] Указывается: a) сколько разъ будутъ повторять игру, b) число участниковъ, c) стоимость проигранной стрѣлы, d) мѣсто игры и т. п.

втихомолку отправляется домой. Послѣдняя бываетъ побѣжденной въ искусствѣ стрѣльбы, но не матеріально, такъ какъ расходъ той или другой партіи почти одинаковъ.

Стрѣльба изъ лука—забава и развлеченіе не только взрослыхъ, но и молодежи, даже дѣтей. Чуть только освободятся поля изъ-подъ зимняго покрова, какъ начинается веселая игра. Сначала происходитъ проба у одноулусниковъ, а потомъ уже вышеописанное состязаніе.

И такъ до конца лѣта. Что̀ было въ старину? Прежде, говорятъ, запрещалась стрѣльба, какъ только показывалась молодая зелень; считали грѣховнымъ сбивать всходы травы и тѣхъ насѣкомыхъ, которыя наполняли ее. Но это объясненіе, очевидно, болѣе поздняго происхожденія (подъ вліяніемъ буддизма) и главной причиной того, почему весною не происходили состязанія въ стрѣльбѣ, являлись нѣкоторыя жизненныя условія.

Въ старину буряты не косили сѣна, и скотъ круглый годъ находился на подножномъ корму. Послѣдній весною истощался и требовалъ много ухода, такъ что ни у кого не было свободнаго времени. Состязанія, напротивъ, происходили осенью въ болѣе свободное время [1]. Раньше стрѣльба имѣла, какъ извѣстно, серьезное значеніе: она связывалась съ вопросомъ пропитанія и защиты. Поэтому каждому буряту приходилось имѣть дѣло съ луками и стрѣлами. Самая же стрѣльба приспособлялась къ тѣмъ цѣлямъ: вмѣсто колесныхъ цилиндрическихъ мѣшковъ были *тунка* и *бaǐ*. Тункой называли кожаный круглый мѣшокъ набитый шерстью. Онъ имѣлъ 5 дыръ: одну большую посрединѣ и 4 маленькихъ по бокамъ.

Тунку ставили на разстояніи 20 или 25 тетивъ и старались попасть въ среднюю дыру. Бай представлялъ собою войлочную квадратную стѣну, одна сторона которой равнялась длинѣ тетивы лука. Стрѣлять приходилось въ бай съ бо̀льшаго разстоянія, чѣмъ въ тунку. Теперь же и тунка и бай вывелись изъ обихода и ихъ мѣсто заняла кожаная подушечка цилиндрической формы: *сур*, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ «ремень». Игры въ лодыжки или *шагай* происходятъ преимущественно въ

[1] Въ настоящее время осенью стрѣльба не происходитъ.

зимнее и осеннее время. Затѣиваются молодежью, но въ ея средѣ дѣти составляютъ отдѣльную партію или группу играющихъ.

VIII. *Та̄лсахо̆* (по-русски отгадывать) состоитъ въ томъ, что играющіе берутъ по равному количеству лодыжекъ и каждый, не показывая другимъ, прячетъ себѣ въ руку нѣсколько лодыжекъ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ отгадываетъ сумму спрятанныхъ лодыжекъ. За нимъ отгадываетъ другой, третій и такъ всѣ. Затѣмъ игра начинается снова. Кто-нибудь спускаетъ всѣ свои лодыжки и ждетъ того момента, когда всѣ лодыжки будутъ въ рукахъ одного лица. Тогда ему, какъ и всѣмъ проигравшимъ, представляется возможность опять принять участіе въ игрѣ.

IX. *Хонгордо̄хо̆*[1]—(другой видъ игры въ лодыжки) происходитъ такимъ образомъ. Одинъ изъ играющихъ беретъ полную горсть лодыжекъ и подбрасываетъ ихъ и ловитъ тыльною стороною правой кисти; но у него на рукѣ не остаются всѣ лодыжки, а значительная часть падаетъ на полъ. Скатившіяся подбираются другимъ способомъ. Подбрасывается одна лодыжка (*шӯрэкшін*), затѣмъ до ея паденія играющій схватываетъ съ земли столько лодыжекъ, сколько было поймано въ первый разъ на одной рукѣ, а потомъ ловитъ падающій шурекшин. Если ему удается поймать шурекшин, то онъ выигрываетъ; въ противномъ же случаѣ играетъ слѣдующій по очереди. Въ концѣ концовъ тотъ считается побѣдителемъ, у кого больше окажется шагаевъ.

X. *һохоршо̄хо̆* или *һохор-һатагашахо̆* то же, что̀ русская игра въ жмурки. Того, которому завязываютъ глаза и который долженъ поймать кого-нибудь, называютъ слѣпой бабой (*һохор һамаган*) и всячески передразниваютъ.

XI. *Шагаї.*—Игръ шагай[2] очень много; см. VIII, XII—XIV.

---

[1] У Логиновскаго op. cit. стр. 52 описаны двѣ игры *«хитрицах»* и *«шагыльцзохо»*, которыя по существу нѣсколько схожи съ *«хонгордо̄хо̆»*.

[2] *Шагай*—по-русски лодыжка (таранная кость). Существуетъ нѣсколько игръ при помощи этихъ косточекъ. Шагай — незамѣнимыя игрушки для бурятскихъ дѣтей, а потому ихъ можно найти во множествѣ у каждаго семейнаго бурята. Шагай упоминается: а) у Я. Смолева. Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія И. Р. Г. О. т. I, в. III, 1898 г., стр. 103, б) у Г. Н. Потанина, О. С.-З. Монг. 1881 г. в. II, стр. 117—119, и в) у Логиновскаго (op. cit., стр. 50—55).

XII. *Шагаӣ ніһалха* [1] (сбиваніе лодыжекъ) есть особый видъ игры въ шагай (срв. XI — XIV). Она состоитъ въ томъ, что каждый игрокъ запасается опредѣленнымъ количествомъ шагаевъ и по очереди всѣ подбрасываютъ свои лодыжки и смотрятъ какъ онѣ упадутъ: бугоркомъ (*бухӧ*), ямкой (*хомхо*) или еще иначе. У кого окажется больше бухо, тотъ начинаетъ игру.

Онъ собираетъ всѣ лодыжки и сбрасываетъ ихъ съ высоты на полъ; потомъ щелчкомъ средняго пальца старается попасть однимъ шагаемъ въ другой, одинаково съ нимъ лежащій. При этомъ, если онъ не попадетъ въ намѣченный шагай или задѣнетъ другіе, если въ оставшихся шагаяхъ не будетъ больше одинаково лежащихъ,—то наступаетъ очередь слѣдующему, послѣ третьему и т. д. При каждомъ удачномъ щелчкѣ играющій откладываетъ въ сторону одинъ изъ битыхъ шагаевъ.

Самому послѣднему приходится наименьшее количество лодыжекъ. Случается и такъ, что первый обыгрываетъ за разъ всѣхъ остальныхъ; это очень рѣдко. Бóльшею частью игра продолжается довольно долго. Послѣ того, какъ всѣ шагаи будутъ выбиты, опредѣляютъ у кого самое меньшее количество лодыжекъ и, принявъ это за норму, каждый выставляетъ шагай. Игра повторяется: опять устанавливаютъ очередь по количеству бухо, бросаютъ шагай съ высоты, начинаютъ щелкать одинаково лежащіе шагаи и т. д. до тѣхъ поръ, пока всѣ шагаи не окажутся въ рукахъ одного человѣка. Только тогда игра считается оконченною.

XIII. *Шагай шӯрэху* [2]—игра при помощи шагаевъ. Играющіе садятся въ кругъ, въ центрѣ котораго сваливается цѣлая куча лодыжекъ. Каждый до игры выбираетъ изъ кучи *шӯрекшін*—лодыжку, которую онъ долженъ подбрасывать вверхъ. Игру начинаетъ всегда тотъ, кто сидитъ на востокѣ (*нара гарахо̄ зугто*). Онъ подбрасываетъ шурекшин и почти въ то же время отдѣляетъ отъ кучи столько шагаевъ, сколько онъ можетъ схватить и поднять; потомъ ловитъ на лету подброшенную лодыжку, опять подбрасываетъ, схватываетъ отдѣленныя ранѣе шагаи и

---

[1] У Логиновскаго op. cit. стр. 55 описана та же игра, но подъ названіемъ «*шагай харбоху*» и съ нѣкоторою разницею въ пріемахъ. Названіе это относится къ другой игрѣ, см. XIV.

[2] У Г. Н. Потанина въ О. С.-З. Монг. (l. c.) игра, описанная подъ названіемъ «*шяга абна*» подобна «шагай шуреху».

подставляетъ руку подъ падающій шурекшин. Если играющій проронитъ хоть одинъ шагай, или у него отскочитъ шурекшин— онъ ничего не выигрываетъ. Наступаетъ очередь сосѣду, сидящему влѣво отъ него, потомъ слѣдующему и т. д. Всѣ они продѣлываютъ то же, что и первый. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ кучи. Послѣ чего каждый играющій и каждая партія, если раздѣлились на партіи, ставятъ извѣстное количество шагаевъ. Эти шагаи скучиваются и снова начинаютъ хватать ихъ. Между тѣмъ, количество шагаевъ у однихъ уменьшается, у другихъ, напротивъ, увеличивается, а третьи спускаютъ всѣ свои лодыжки и ждутъ, пока всѣ шагаи не соберутся у одного лица или одной партіи, такъ какъ тогда только имъ представляется возможность вновь принять участіе въ игрѣ. Иногда лодыжки не скучиваются, а разбрасываются. При такой игрѣ требуется умѣніе сразу схватить сколько-нибудь шагаевъ, ничуть не задѣвая другіе, и въ то же время подхватить падающій шурекшин. Хорошій игрокъ схватываетъ штукъ 15—20, а дѣти едва едва 2—3—4 шт.

XIV. *Шагай харбахй* (см. XII, примѣч. [1])—сбиваніе лодыжекъ съ доски костяными линеечками съ опредѣленнаго разстоянія при помощи пальца.

XV. *Шубугушōхў* или розыскъ шила. Играющіе сидятъ на корточкахъ вплотную другъ за другомъ. Въ сторонѣ, какъ бы у себя въ юртѣ, находится «слѣпая баба» съ дочерью. Игра начинается съ того, что одинъ изъ сидящихъ отправляется къ слѣпой бабѣ на домъ просить шило и иглу, чтобы снять занозу у чернаго верблюда. Приблизившись къ дому слѣпой, онъ спрашиваетъ: «гдѣ бродъ?»

Ему указываютъ. Онъ не довольствуется этимъ:

— «А каковъ бродъ»? Слѣпая старуха отвѣчаетъ:

— «Черной собакѣ до колѣнъ, а желтой до голени».

Путникъ дѣлаетъ видъ, что переходитъ рѣку въ бродъ. У юрты онъ справляется, зла ли собака. Баба посылаетъ дочь унять собаку. Передъ порогомъ останавливается посланный:

— «Какова высота порога?» Баба отвѣчаетъ ему:

— «Невинному по поясъ, виноватому по темя».

Входитъ, наконецъ, пришедшій; его принимаютъ, какъ гостя,

и угощаютъ. Между тѣмъ, онъ объявляетъ цѣль своего прихода. Слѣпая старуха не прочь дать шило и иглу, но прежде проситъ освободить ея голову отъ паразитовъ. Тотъ соглашается и, коснувшись до ея волосъ, заявляетъ, что голова у нея вся въ язвахъ, и убѣгаетъ съ шиломъ и иглою. Слѣпая старуха идетъ за вещами. Она выпрашиваетъ сначала у передняго, но тотъ указываетъ на слѣдующаго, который, въ свою очередь, проситъ справиться у задняго и т. д. Шило и иголка нигдѣ не находятся. Старуха отправляется домой ни съ чѣмъ и съ горя ложится спать. Тѣмъ временемъ кто нибудь изъ сидящихъ является въ ея домъ и уводитъ тайкомъ ея дочь. Просыпается старуха и, не находя дочь, отправляется на поиски. Дочь свою она находитъ у сидящихъ и пытается отнять. Но тѣ обхватываютъ другъ друга и передній вожакъ или главарь преграждаетъ ей дорогу, тогда какъ остальные съ крикомъ и визгомъ лавируютъ за нимъ. Происходитъ общая свалка. Старуха никакъ не можетъ отнять дочь и, наконецъ, оставляетъ всякія попытки къ освобожденію, чѣмъ и заканчивается игра.

XVI. *Шур-шідэхӯ* [1] происходитъ въ ясную лунную ночь. Собравшіеся раздѣляются на двѣ группы, при чемъ тутъ ничто не принимается во вниманіе, кромѣ физической силы. Партіи идутъ на ровное и чистое мѣсто, куда приносятъ длинную жердь, и строятся въ рядъ. Одинъ изъ присутствующихъ бросаетъ вдаль короткую (приблизительно въ 2 вершка) палочку, приготовленную заранѣе. Всѣ напрягаютъ вниманіе, гдѣ и на какомъ, примѣрно, разстояніи упадетъ брошенная палочка. Паденіе послѣдней является сигналомъ къ тому, что всѣ бросаются искать ее. Нашедшій обыкновенно прячетъ ее у себя или передаетъ болѣе сильному изъ своей партіи, но дѣлаетъ это такъ, чтобы никто изъ противниковъ не замѣтилъ. Если же палочка будетъ обнаружена, то у нашедшаго его противники стараются отнять. Товарищи, конечно, защищаютъ. Такъ всѣ барахтаются, задерживаютъ другъ друга или скучиваются до того, что представляютъ собою какъ бы одну сплошную движущуюся массу. Наконецъ, палочкой, побывавшей въ нѣсколькихъ рукахъ, стукаютъ о жердь. Тогда прекращается борьба. Всѣ собираются около жерди и снова начинаютъ игру.

Ага (Забайкальск. обл.).
Февраль 1908 г.

[1] Игра эта упоминается у Г. Н. Потанина (op. cit., стр. 119) подъ названіемъ «*цаган модо*» (бѣлое дерево).

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Примѣты киргизовъ во время путешествія[1].

Перевелъ А. А. Диваевъ.

Если кто, сѣвъ на лошадь верхомъ, соберется куда-либо ѣхать, и въ это время испражнится его лошадь, то такой человѣкъ радуется, предвкушая, что достигнетъ цѣли. Если та-же лошадь будетъ позёвывать—это тоже хорошее предзнаменованіе. Это издревле оставшаяся примѣта. Потому что бывали случаи, когда лошадь предъ выѣздомъ испражнялась или позёвывала, то ѣдущій человѣкъ достигалъ цѣли и получалъ пользу, о чемъ онъ передавалъ (знакомымъ) людямъ. Когда лошадь позёвываетъ, сидящій на ней человѣкъ долженъ прикоснуться руками до ея гривы, а затѣмъ этими же руками долженъ провести по своему лицу.

Случается, что на пути лошадь споткнётся. Это—тоже считается хорошо. Тогда (обыкновенно) говорятъ: «наступила на добычу». Но лошадь за это не бьютъ.

---

[1] Переведено съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акъ-Джарской волости, Мулла-Кубея Токфулатова. *А. Д.*

Если ѣдущій на пути гдѣ-либо встрѣтитъ готовую трапезу, онъ немедленно долженъ слѣзть съ лошади, потому что будетъ добрый путь. И ему (обыкновенно) говорятъ: «вы подъѣхали къ готовой трапезѣ». Поэтому ѣдущій покушаетъ пищу, а потомъ уже продолжаетъ путь.

Если кто-либо заночевалъ въ гостяхъ и на другой день утромъ собирается домой, а хозяинъ ему скажетъ: «Отъ ранней трапезы не отказывайся, а вечерней пищи не ожидай» [1], то такой гость (прежде) долженъ покушать, а потомъ уже ѣхать.

Случается, что, когда ѣдутъ нѣсколько человѣкъ въ пути и когда у одного изъ нихъ лошадь остановится помочиться, то остальные спутники, натянувъ свои поводья, ждутъ, пока эта лошадь помочится [2]. А если кто-либо изъ ѣдущихъ будетъ продолжать ѣхать, то такого человѣка называютъ ненадежнымъ спутникомъ. Потому что, если бы на дорогѣ, паче чаянія, встрѣтились злоумышленники, то онъ и тогда бросилъ-бы своихъ спутниковъ.

Если лошадь стоитъ во дворѣ или на привязи къ колу и въ это время выпрямляетъ и распускаетъ свой хвостъ, то говорятъ: «этой лошади предстоитъ совершить путь».

Когда ѣдутъ въ дорогѣ и въ это время встрѣчается вода (рѣчка), то лошадь поятъ, не снимая уздечки. А это дѣлаютъ вотъ почему: ѣдете вы, напримѣръ, по спѣшному дѣлу; тутъ некогда снимать уздечки, а если лошадь ваша пріучена, то она пьетъ и неразнузданная; если-же она была пріучена пить безъ уздечки, то она не будетъ пить взнузданная, а снимать уздечку, время не терпитъ.

Когда кто-либо ѣдетъ и видитъ на близкомъ или на болѣе дальнемъ разстояніи женщину, то онъ (обыкновенно) тревожится,

---

[1] Взятые здѣсь въ ковычки слова вошли въ поговорку киргизовъ и произносятся такъ: *ертенгі асты тастама, кечкі аска карама. А. Д.*

[2] Надо полагать, что киргизы серьезно смотрятъ на эту примѣту. За 30-ти лѣтнее мое пребываніе въ краѣ, мнѣ много разъ приходилось наблюдать это. Но мнѣ тогда и въ голову не приходило, что это связано съ извѣстною примѣтою. *А. Д.*

какъ-бы она не перешла ему дорогу. Но женщина эта и сама даетъ возможность проѣхать ѣдущему мужчинѣ и пересѣкаетъ дорогу лишь тогда, когда уже путникъ проѣдетъ. Если-бы эта женщина торопилась перейти ему дорогу, то ѣдущій окликнулъ-бы ее словами: «О, женщина, подожди, дай намъ проѣхать».

Если женщина перейдетъ дорогу ѣдущему, то добра въ его пути не будетъ и, въ особенности, если перешедшая дорогу женщина въ это время находилась въ періодѣ менструаціи. Киргизская женщина никогда не позволитъ себѣ перейти дорогу мужчинѣ, какъ-бы она далеко ни была отъ него. Сартянки-же не придерживаются этой примѣты, а пересѣкаютъ дорогу ѣдущему. Но зато у киргизовъ оказывается женщинѣ полное вниманіе и услуги тогда, когда она ѣдетъ спутникомъ мужчинѣ. Потому что каждый смотритъ на нее, какъ на немощное и слабое созданіе.

Если нѣсколько лошадей, стоящихъ на привязи (слегка) кусая почесываютъ другъ другу гривы, то говорятъ, обыкновенно, что путь будетъ не далекій.

Когда кто-либо верхомъ выѣзжаетъ изъ дому, то встрѣчный человѣкъ произноситъ: «добраго пути».

«—Да будетъ такъ», отвѣчаетъ выѣхавшій. Но если встрѣчный человѣкъ спроситъ: «Куда вы ѣдете?», то ѣдущій въ гнѣвѣ съ раздраженіемъ произноситъ: «А тебѣ какое дѣло?».

Если кто-либо съ цѣлью совершить путешествіе сядетъ на лошадь, то онъ проситъ благословеніе (*пата*) у отца и матери, или-же у стариковъ, которые, давъ «пату», произносятъ: «добраго пути!».

Ташкентъ.
14 Ноября 1898 г.

حول جورکانداکی ایریمدار

قاندای آدم آطقه مینب دالاغه جورارده مینکان آطی تیشچه قوانادور جول بولدی دیب جنه ده سول آط ایسناسه یعنی آوزین آچادور مونی هم جقسی کورادور بو سوز بوروندین قالغان نقل دور الیکی آط تیشغانده ایسناکانده سول آدم‌دنک جولی بولوب فایده کورکان آنینک سونکینده آدم‌دارغه آیتوب بیلکی بولوب قالغاندور آلیلی ایسناکانده مینب تورغان آدم جالینان اوستاب قولی مینان بیتینه سورتتادور یعنی طواف قیلدوق دیر جنه‌ده جولده بارا توروب آط سورونادور مونی هم جقسی کورادور اولجه باستی دیب نیلا سوروندینلدیب آطدی اورمایدور الیلی آدم جولده بارا جاتقانده برجایده تماق طیّار بولسه دیراو آطدین توسونلیز جولینلز بولادور طیّار تماققه توشار بولدینلز دیدی سول تماقدی ایچیب آطقه مینادور جنه‌ده بر جایده مهمان بولوب جاتسه ایرته‌لاب جورامین دیسه اوی ایلاسی توقتای سین ایرتنلی آسدی تاستامه کیچکی آسقه قراه دیدور سول آسدی ایچیب آطقه مینادور جنه‌ده جولده قانجه آدمدار مینان جوروب بارا جاتقانده براوی نینک آطی سیسه باسقه‌سی آطین باسین تارتیب قراب تورادور اکرده آط سیکانده قرامای کیتابرکان آدمدی جولداسدیقغه جرامایدی دیدر آطی سیلانده قراب تورغان آدم بلکه جولداسی جاوغه توسلاندای بولسه تاستاب کیتباس ایلان آط سیلانده قراماغان آدم جوالداسی جاوغه تیسر بولسه قرامای کیتابیرار ایکان جنه ده آط اویده توروب یا حولی‌ده قازیقده توروب عویروغینی جزادور توام‌توام قیلادور ایکاسی یا باسقه آدم کوروب

ایتادور میناو اط جولغه مینیلادور دیب ایتادور جنه ده جولده
کتیب بارا جاتقانده جولده سو اوچرایدور آطدی سولیغین آلمای
سوغارادور معناسی سوندای بولار ایکان قیسی وقیتده ساسیلیب
قالار ایس بولسه سول آطدی سولیغین آلمای سوغارسه ایچادور
ایلکاریده سولیغین الیب سوغارسه ساسیلیب وقتیده ایچماس ایکان
جنده جول جورکان ادم جولده کیتوب بارا جاتقانده جقینده یا اوزاقراقده
بر خاتون جولدان کولدانان اوتار بولسه سول خاتون الدمدین
کیسیب اوتباسه دیب اویلایدی سول خاتون اوزیده ایرکال
جولدان اوتوب کیتکانچه قراب تورادور آلیکی جولدان ایرکاکدینک
آلدینان کیسیب اوتبایدور مبادا خاتون ساسیب آلدینان
اوتامین دیب جورسه ای خاتون توقته بز اوتکاندین کیین
اوتاسن توقتاتوب قویادور بزدینک قزاق رسمینده خاتوندار
قاندای جول بولسون اکر جولده بولمای ایرکاکدینک الدینان کیسیب
اوتبایدی آلیکی براو بولسون یا کوب بولسون ولیکین
سرت خاتوندار بول ایسدی فرق قیلمایدور ایرکاکدینک آلدینان
قاندای آدم بولسده اوتوب کیتا بیرادور بزدینک قزاقداردینک
ایریمی آلیکی آدم بعضی وقتده ناپاک جورادور دیب آیتادور
جنه ده جولده خاتون جولداس بولسه سول خاتوندی کوب عزت
فروا قیلادور خاتون آدم عاجز دور دیب یعنی ایرکاکدای
هر ایشکا قوتی کیلمایدور دیر جنه ده بر جایده اطاردی
بایلاب قویغانده آلیکی آطدار بر برین بوی نینی تیشلاب
قاچینادور مونی کوروب آیتادور سفر قیسقه بولور ایکان
دیب آیتادور قاندای آدم اوتی اویدین آطقه منیب چیقانده
کورکان آدم جول بولسون دیب ایتادور سول آدم علای بولسون
دیدور بغناغی آدم قایده باراسین دیسه جمان کورادور قایده

براریمدی سوراب قایتاسین دیب قتیغ سوز آیتادور جندده
قاندای آدم سفر قیلسه اتا اناسی بولسه و یا قرط آدم بولسه
آلیکی آدمداردین آطقه مینب توروب فاتحه آلادور سول ادمدار
جولینک بولسون دیب فاتحه بیرادور [1] البته آقجر بولوسی ده
جارفولاد آولینی قزاغی ملا کوبای توقفولات اوغلی جازدی
۱۸۹۸ نجی‌یلده ۱٤ نجی قوسده ترکیستان ولایاتینی قزاغی دور آنیق
سوزدور.

☆☆☆

[1] Послѣдующія строки въ переводѣ опущены; въ нихъ сообщается имя и мѣстожительство автора записи и дата записи (14 ноября 1898 г.). *Ред.*

А. В. Адріановъ.

Айранъ въ жизни минусинскаго инородца.

I.

Наслажденіе, вызываемое возбуждающими веществами и опьяняющими напитками, было знакомо народамъ всѣхъ частей свѣта съ глубочайшей древности. По вѣрному замѣчанію Форстера, эти вещества повышаютъ сознаніе силы и благодаря этому способность къ работѣ и самую работу, что имѣетъ тѣмъ большее для человѣка значеніе, чѣмъ ниже ступень, на которой онъ стоитъ въ культурномъ отношеніи, чѣмъ хуже онъ обезпеченъ въ борьбѣ за свое матеріальное существованіе. Не играя положительной роли въ организмѣ человѣка, въ смыслѣ питанія, эти вещества приводятъ нервную систему въ состояніе пріятнаго раздраженія, — только этимъ объясняется широкое распространеніе возбуждающихъ веществъ среди всѣхъ народностей міра, ихъ извѣстность въ самую раннюю пору развитія человѣчества.

Праведный Ной, единственный уцѣлѣвшій послѣ всемірнаго потопа человѣкъ, отъ котораго, по библейскому разсказу, населилась вся земля, первый насадилъ виноградникъ и научился дѣлать вино изъ лозы; нѣтъ надобности передавать здѣсь памятный библейскій разсказъ о томъ, какъ онъ опьянѣлъ отъ выпитаго вина и какія послѣдствія это имѣло.

Наслажденіе опьяняющими напитками древніе люди почитали ниспосланнымъ свыше и потому пили вино во время рели-

гіозныхъ празднествъ и дѣлали возліянія въ честь боговъ. Любимымъ напиткомъ индусскаго бога неба Индры является *сома*—выжатый сокъ растеній, вызывающій опьяненіе. Это вообще напитокъ боговъ, дающій безсмертіе, та амброзія, которая обладаетъ цѣлебной и чудодѣйственной силой. И въ гимнахъ ведъ въ честь популярнѣйшаго бога Индры онъ изображается шатающимся, пьяненькимъ, отъ возліяній напитка, принесеннаго ему въ даръ его поклонниками. Позднѣе и греки, особенно съ распространеніемъ въ Греціи винодѣлія, установили культъ бога Вакха (Діониса); большая часть народныхъ празднествъ, посвященныхъ ему, связана съ занятіями по винодѣлію,—на этихъ праздникахъ греки воспѣвали и восхваляли Діониса, который осчастливилъ міръ изобрѣтеніемъ прогоняющаго заботу винограднаго сока.

Но не только эти напитки глубокой древности, вызывавшіе легкое опьяненіе, окружались въ народномъ сознаніи такимъ почитаніемъ, что имъ приписывалось божественное происхожденіе; даже болѣе крѣпкій напитокъ—спиртъ, вошедшій во всеобщее употребленіе у народовъ западной Европы въ средніе вѣка и явившійся однимъ изъ величайшихъ золъ, повсемѣстно почитался благодѣтельнымъ средствомъ, какъ на то указываютъ присвоенныя ему названія—латинское aqua vitae, французское eau de vie, англійское (whisky) виски. Но мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса объ употребленіи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, связаннаго съ распространеніемъ пьянства, а остановимся лишь на приготовленіи и употребленіи легкихъ опьяняющихъ напитковъ, ставшихъ извѣстными различнымъ народамъ въ глубокой древности. Въ большинствѣ странъ, гдѣ разводились хлѣбныя растенія и фруктовыя деревья, и породы, изобилующія сокомъ, люди, стоявшіе еще на самой низкой ступени развитія, познакомились съ процессами броженія и научились изготовлять возбуждающіе напитки: полинезійцы добывали сокъ изъ листьевъ одного перечника; мексиканцы пользовались сокомъ агавы; народности, обитавшія по берегамъ Индійскаго океана, получали сокъ саговой пальмы; моисы французскаго Индокитая приготовляли пиво изъ бамбуковаго сока, а негры въ Африкѣ приготовляли пиво изъ сорго и добывали сокъ изъ надрѣзовъ

на пальмовыхъ деревьяхъ. Добываніе винограднаго и яблочнаго сока тамъ, гдѣ только растутъ въ дикомъ состояніи виноградъ и яблоня, было общераспространеннымъ; къ этимъ напиткамъ можетъ быть отнесено приготовленіе меда и пива изъ сотоваго меда и кваса. Изъ всѣхъ этихъ жидкостей, подвергшихся броженію, получается, путемъ перегонки, вино—болѣе крѣпкій, чѣмъ бродящій сокъ, напитокъ, который умѣли приготовлять народы въ древности. Древніе египтяне умѣли варить изъ ячменя пиво; китайцы получали вино изъ риса, проса, ячменя и особенно изъ гаоляна, который и теперь разводится главнымъ образомъ для полученія изъ него ханшина; американскіе туземцы изъ кукурузы и т. д. и т. д. Человѣческая изобрѣтательность шла дальше, восполняя то, чѣмъ обдѣлила природа. Заселенныя турко-монголами азіатскія степи и солончаки, лишенные фруктовыхъ деревьевъ и хлѣбныхъ растеній, кормились лишь скотомъ, составлявшимъ все достояніе кочевника; и послѣдній использовалъ главный продуктъ его скотоводческаго хозяйства—молоко, чтобы изъ него приготовить возбуждающій напитокъ—таковъ кумысъ изъ кобыльяго молока и кефиръ, айранъ—изъ коровьяго, чалъ (туркменск.)—изъ верблюжьяго,—напитки, за коими лишь во 2 половинѣ XIX вѣка установлено медицинскими авторитетами ихъ огромное терапевтическое значеніе. Но у кочевниковъ Средней Азіи эти напитки были во всеобщемъ употребленіи въ очень давнія времена, по крайней мѣрѣ первую историческую справку объ этомъ намъ даетъ Геродотъ, который почти за пять вѣковъ до нашей эры, путешествуя по Скиѳіи, югу Россіи, познакомился съ кумысомъ.

Присутствіе микроорганизмовъ въ молокѣ, вызывающихъ броженіе, и та легкость, съ какою эти процессы броженія совершались въ особенности въ кобыльемъ молокѣ, богатомъ сахаромъ и бѣдномъ жирами, сами по себѣ могли дать древнему скотоводу, при наличности условій его жизни, весьма благопріятныхъ для процессовъ броженія (подходящая температура и недостатокъ свѣта при жизни въ юртѣ), тотъ напитокъ, въ которомъ вслѣдъ за молочнокислымъ броженіемъ начиналось спиртовое. Кефиръ и айранъ являются аналогами кумыса; по предположенію одного врача (Дмитріева), ихъ грибокъ пред-

ставляетъ видоизмѣненіе кумысной закваски, которая, попавъ въ новую среду — коровье молоко, — постепенно претерпѣвала измѣненія и, наконецъ, превратилась въ законченный типъ. Полагаютъ, что эти специфическіе грибки получили свое начало въ томъ кожаномъ мѣшкѣ, какой обычно въ прежнее время служилъ посудой для кочевника-скотовода. При разнообразіи низшихъ организмовъ, встрѣчающихся въ такихъ хранилищахъ молока, каковы кожаные мѣшки, путемъ многолѣтняго подбора, совмѣстнаго сожительства микроорганизмовъ и могло выработаться то бродило, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ кефиръ. Родиной послѣдняго считаютъ сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, гдѣ кефиръ во всеобщемъ употребленіи горцевъ, а грибокъ, «пшено пророка», составляетъ предметъ почитанія. По одной легендѣ о происхожденіи кефира, Аллахъ, въ знакъ особаго благоволенія къ своему народу, послалъ ему въ пищу кефиръ и тѣмъ навсегда застраховалъ его отъ голодной смерти, запретивъ, однако, передавать «пшено пророка» гяурамъ подъ страхомъ вырожденія и гибели напитка, обладающаго цѣлебными свойствами.

Но на Кавказѣ, на ряду съ кефиромъ, знаютъ и другой напитокъ—*айранъ*, заквашиваніе котораго производится въ деревянныхъ кадяхъ посредствомъ куска бараньяго желудка, и этотъ именно напитокъ служилъ матеріаломъ для приготовленія вина.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что обитателямъ Средней Азіи, скотоводамъ, было извѣстно въ очень глубокой древности приготовленіе изъ молока возбуждающаго и опьяняющаго напитка, и что въ послѣдствіи, разселяясь по азіатскому материку до крайняго сѣвера, по нынѣшней Сибири, они уносили съ собою и тайну приготовленія напитка, являющагося общераспространеннымъ и любимымъ напиткомъ среди всѣхъ населяющихъ Сибирь инородцевъ-скотоводовъ и въ настоящее время. Таковы *кумысъ* киргизовъ Акмолинской и Семипалатинской областей, *чигéнъ* у алтайцевъ въ Томской губ., *айранъ* у татаръ Енисейской губ., *куренгá* у бурятъ Иркутской губ. и Забайкальской области, *камысъ* у якутовъ въ Якутской обл. и т. д. Всюду этотъ напитокъ, въ стадіи молочно-кислаго броженія, представляетъ повседневное питье, какъ нашъ квасъ, пищевое средство,

обладающее и признанными терапевтическими свойствами. Въ дальнѣйшей стадіи созрѣванія, когда заканчивается молочнокислое броженіе и начинается алкогольное, этотъ напитокъ подвергается перегонкѣ, съ цѣлью выдѣленія алкоголь содержащей жидкости, съ цѣлью полученія опьяняющаго напитка. Пріемы полученія этого напитка и его значеніе въ жизни всѣхъ инородцевъ, какъ ни далеко они обитаютъ другъ отъ друга, какъ ни отличаются рѣзко своими племенными и бытовыми особенностями, въ общихъ чертахъ одинаковы.

Разсмотримъ ближе способы приготовленія этого молочнаго напитка и его роль въ жизни минусинскихъ инородцевъ, говорящихъ турецкимъ языкомъ, но въ расовомъ отношеніи представляющихъ конгломератъ алтайскихъ народностей.

II.

Приготовленіе айрана находится въ зависимости отъ количества молока, получаемаго въ хозяйствѣ скотовода. А такъ какъ инородческое молочное хозяйство ведется примитивными способами, которые совсѣмъ не предусматриваютъ полученіе наибольшей доходности, полученіе наибольшаго количества продукта, то, не взирая на обиліе дойнаго скота въ каждомъ хозяйствѣ, количество молока относительно весьма не велико и срокъ полученія молока въ теченіе года не превышаетъ пяти мѣсяцевъ. Такая пониженная продуктивность инородческаго молочнаго хозяйства зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ. Крупный рогатый скотъ держится на пастбищахъ круглый годъ на подножномъ корму и уже съ поздней осени и особенно за зиму сильно истощается, добывая изъ подъ снѣга тощій кормъ. Подбора скота, съ цѣлью выработки молочной породы, не существуетъ и потому инородческій дойный скотъ характеризуется слабыми удоями. Значительная часть молока расходуется на выкармливаніе телятъ, которые хотя и отлучаются и пасутся отдѣльно отъ коровъ въ теченіе дня, но утромъ и вечеромъ, передъ доеніемъ, они подпускаются къ матерямъ, которыя такъ пріучены, что безъ этого подпуска не спустятъ молока. Выпустивъ на общій дворъ коровъ и телятъ, инородка во время

доенія ведетъ непрерывную войну съ телятами, оттаскивая ихъ за волосяные ошейники и привязывая гдѣ нибудь по-близости около изгороди и начинаетъ выдаивать остатки молока; а тѣмъ временемъ вырвавшійся теленокъ подбѣгаетъ къ другой коровѣ и начинаетъ ее сосать; весьма часто можно наблюдать, какъ одну корову сосутъ разомъ два и три теленка, пристроившись съ боковъ и сзади между ногъ, пока доятъ ихъ матерей. Бываетъ и такъ, что телята съ пастбища убѣгутъ въ стадо и тамъ подоятъ своихъ матерей, а бываетъ, что и хозяйка, увлекшись веселымъ времяпровожденіемъ въ сосѣдней юртѣ за бутылкой молочнаго вина, засидится до потемокъ и позабудетъ подоить коровъ, и всѣмъ удоемъ воспользуются телята. Надо и то сказать, что инородческое молочное хозяйство обычно ведется только членами своей семьи, безъ наемныхъ работниковъ, и если взрослыхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ одинъ—два человѣка, то подоить десятокъ коровъ представляетъ большой и продолжительный трудъ, раздѣлять который инородки предоставляютъ безъ большой неохоты телятамъ, воспитаніе и выращиваніе которыхъ составляетъ главную задачу скотовода, главную статью его благосостоянія.

Только съ мая мѣсяца, когда коровы перетелятся и нѣсколько заправятся, а телята подрастутъ и окрѣпнутъ, въ хозяйствѣ появляется избытокъ молока, который можно употребить на приготовленіе айрана —кислаго напитка, подвергшагося броженію подъ вліяніемъ особыхъ бактерій. Но безъ бродила, безъ особой закваски—*айран-кордэй*—нельзя приготовить айрана. Айранная закваска держится лишь въ очень немногихъ хозяйствахъ инородцевъ, гдѣ въ теченіе зимы доится хотя бы одна корова. Въ этихъ случаяхъ, съ прекращеніемъ удоевъ поздней осенью, берутъ кринку или ведро готоваго айрана и держа его въ теплой избѣ—зимникѣ, куда всѣ члены семьи, съ наступленіемъ холодовъ, переселяются изъ юрты, ежедневно или черезъ день подмолаживаютъ, приливая къ айрану свѣжаго молока или простокваши; чтобы айрана не накапливалось, ежедневно выпиваютъ его нѣкоторое количество, примѣрно, половину, и заполняютъ свѣжимъ молокомъ. Такъ эта айранная закваска и живетъ въ теченіе зимы, стоя на лавкѣ, прикрытая кускомъ вой-

лока, тряпкой, рубахой, чѣмъ придется. Съ наступленіемъ удоевъ, около Пасхи, айранъ начинаютъ размножать, приливая свѣжія порціи молока или простокваши, но не отпивая ничего. Размноженіе ведется бережно и постепенно, но отнюдь не сразу, иначе бродило погибнетъ, какъ утверждаютъ инородцы; напр., если закваски сохранилось ведро, то въ теченіе первыхъ сутокъ нельзя прилить болѣе полуведра молока или простокваши; еще черезъ сутки можно прилить ведро молока и т. д. Выше упомянуто, что айранная закваска сохраняется въ теченіе зимы лишь въ очень немногихъ хозяйствахъ, у богатыхъ инородцевъ. Къ нимъ являются за этой закваской не только сосѣди изъ своего улуса, но и изъ другихъ улусовъ, если тамъ ни у кого не сохранилось закваски, и начинаютъ постепенно размножать айранъ. Къ концу мая на всей огромной площади рѣчной системы Абакана уже нѣтъ юрты, гдѣ бы не было айрана; его нѣтъ только у такихъ бѣдняковъ, которые не имѣютъ коровы. Ежедневный удой молока разливается въ кринки глиняныя, или всего чаще—деревянныя; послѣднія предпочитаютъ потому, что ихъ емкость больше, хотя въ нихъ меньше бываетъ отстоя—сливокъ, масла; такъ какъ погребовъ инородцы не имѣютъ, то разлитое въ кринки молоко держатъ въ юртахъ, гдѣ оно въ теченіе сутокъ скисаетъ, и на другой день уже съ него снимаютъ сметану, а простоквашу—*чорт*—сливаютъ въ высокую и нѣсколько узкую, емкостью ведеръ въ 10—15 кадь—*сабан*—куда влита предварительно закваска; кадь всегда держится закрытой какой нибудь тряпкой, одеждой, шалью. Въ кади всегда находится мѣшалка—*пыскы̆*—продыравленный кружокъ, укрѣпленный на длинной палкѣ; частое вымѣшиваніе этой массы необходимо для полученія хорошаго айрана—тогда броженіе идетъ равномѣрно, вся масса пѣнится и шипитъ отъ выдѣляющейся угольной кислоты. Хорошій айранъ представляетъ на видъ однородную пѣнящуюся массу густого молока, а на вкусъ—кисловатый, пріятный, освѣжающій напитокъ, вызывающій отрыжку. Плохо вымѣшиваемый, грязно содержимый и долго бродившій айранъ представляетъ жидкую массу съ творожистыми свертками, рѣзко кислый, непріятнаго вкуса, напитокъ.

Айранъ у инородцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ квасъ у нашихъ крестьянъ,—его пòходя пьютъ члены семьи, какъ только захотятъ пить, пьютъ и зашедшіе въ юрту сосѣди, откинувъ покрышку съ кадки и вымѣшавъ предварительно айранъ; деревянной чашкой, взятой съ полки, они прямо зачерпываютъ изъ кади, выливая обратно недопитое. При появленіи въ юртѣ рѣдкаго или почетнаго гостя, пріѣхавшаго издалека родственника, хозяйка прежде всего наливаетъ фарфоровую полоскательную чашку айрана и подаетъ гостю, а если ихъ нѣсколько, то обноситъ ихъ всѣхъ, принимая чашку отъ каждаго и доливая ее свѣжимъ айраномъ, или просто выливая остатки въ кадь и зачерпывая новую порцію. Никогда остатки айрана изъ недопитой чашки никуда не выплескиваются, а сливаются обратно въ кадь, если ихъ не допьетъ сама хозяйка или не выпоитъ маленькимъ дѣтямъ. Хорошій айранъ обычно вызываетъ похвалы гостя и угощеніе новой его порціей, причемъ разговоръ пересыпается громкимъ рыганьемъ, ласкающимъ слухъ инородки. Угощая русскаго айраномъ, хозяинъ юрты или кто нибудь изъ его сородичей не преминетъ пояснить, что употребленіе этого напитка полезно для здоровья, что онъ обладаетъ цѣлебной силой, что они тѣмъ только и живы бываютъ. Такъ какъ въ привычкахъ инородцевъ употребленіе молока въ сыромъ или вареномъ видѣ чрезвычайно ограничено,—его употребляютъ лишь дѣти,—то оно почти полностью сквашивается и идетъ, въ видѣ простокваши, на приготовленіе айрана, тогда какъ сметана, если не превращается въ масло, всюду употребляется въ чай вмѣсто молока, въ особое блюдо съ накрошеннымъ хлѣбомъ въ бѣдной семьѣ, для варки лакомаго *саламата* и т. д. Кадь съ айраномъ занимаетъ на женской половинѣ юрты обыкновенно самое видное мѣсто, такъ сказать, передній женскій уголъ, соотвѣтствующій переднему мужскому углу, гдѣ находится божница; и сюда всѣ члены семьи, всѣ посторонніе то и дѣло подходятъ, черпаютъ и пьютъ.

Когда кадь будетъ наполнена ежедневно подливаемой простоквашей, остатками молока и проч. и свободнаго мѣста въ ней остается уже мало, настраиваютъ перегонный аппаратъ для перегонки айрана на вино—*айраның арагá*. Обычно айранъ для

перегонки считается готовымъ черезъ сутки послѣ влитой въ кадь въ послѣдній разъ порціи простоквашп и не бѣда, если алкогольное броженіе не сполна закончилось въ айранѣ. За то перегонка айрана на вино можетъ быть произведена по желанію почти въ любой моментъ, разница будетъ лишь въ количествѣ полученной *араки*. Айрана нѣтъ какой нибудь день—два, когда онъ весь перегнанъ и когда выпито и полученное изъ него вино, но и въ этомъ большой бѣды нѣтъ,—при желаніи выпить можно пойти къ сосѣду, у сосѣда нѣтъ,—можно сѣсть на коня и отправиться по улусамъ, пока не будетъ утолена жажда.

Аппаратъ для перегонки айрана въ вино чрезвычайно простъ и цѣлесообразенъ; устройство его всюду одинаково. Онъ состоитъ изъ обыкновенной чугунной чаши—*кизан*,—емкостью въ два ведра—рѣдко большихъ размѣровъ, въ богатыхъ семьяхъ; этой чашей обычно пользуются для кипяченія воды, для варки щей и проч. Чаша накрывается сверху деревянной чашей—*кахпак*—такой же формы и размѣровъ, какъ и чугунная, выдолбленной изъ тополя, осины, лиственницы или березовой губы и играющей роль шлема въ перегонномъ кубѣ. Въ стѣнкѣ кахпака выпиливается или вырѣзается сегментъ на $^2/_3$ его высоты и сантиметровъ на 30 по длинѣ края,—черезъ это отверстіе, когда шлемъ установленъ на чашѣ, вычерпывается молочная барда и наливается свѣжая порція айрана; отверстіе запирается плотно пригнанной дверкой, снабженной въ désormais срединѣ ея желѣзной скобкой или деревяннымъ шконтомъ, при помощи котораго дверка вынимается и вставляется. Сантиметровъ на 10 вправо отъ дверки, въ стѣнкѣ шлема, ближе къ нижнему краю, вырѣзаются два круглыхъ отверстія, по 8 сантиметровъ діаметромъ и въ разстояніи около 6 сантиметровъ одно отъ другого; иногда, впрочемъ, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, дѣлаютъ только одно отверстіе,—сюда вставляются концы двухъ или одной перегонной деревянной трубы, отводящей спиртовые пары. Вверху, въ днѣ шлема, вырѣзается еще одно небольшое, круглое или четыреугольное отверстіе, плотно задѣлываемое комкомъ глины и служащее для выпуска избытка паровъ при бурной перегонкѣ. Тамъ же въ дно шлема загоняется шпонка или стержень, служащій

рукояткой. Перегонная труба—*сорга́*—представляетъ восьмигранный деревянный (обыкновенно лиственичный) брусокъ около 20 вершк. длиною и вершка два въ поперечникѣ; брусокъ такъ обтесывается, что представляетъ дугу большого діаметра; концы бруска пригоняются одинъ для вставленія въ отверстіе въ шлемѣ, другой—въ сборникъ спиртовой жидкости. Жигаломъ продѣлывается въ брускѣ сквозное продольное отверстіе въ $^{3}/_{4}$ вершка діаметромъ; такъ какъ жигало прямое (нетолстый желѣзный прутъ, насаженный на деревянную рукоятку), а сорга дугообразна, то сверху, въ серединѣ горба, выдалбливается выемка, въ которую и выпускается жигало съ обоихъ концовъ бруска; по окончаніи работы эту выемку задѣлываютъ сверху дощечкой наглухо. Наконецъ, послѣднею составною частью перегоннаго аппарата является *сборникъ* готоваго продукта—*рага́*; это—чугунный узкогорлый кувшинъ грушевидной формы, съ носкомъ и ручкой, вершковъ въ 7 высотой и емкостью около четверти ведра; кувшины для этой цѣли изготовляются на Абаканскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Такъ какъ эти кувшины одновременно играютъ роль сборниковъ и холодильниковъ, то ихъ устанавливаютъ или въ спеціально выдолбленную изъ обрубка короткую колоду или въ какую нибудь имѣющуюся въ хозяйствѣ невысокую кадку, въ которую наливается холодная вода, смѣняемая по мѣрѣ ея согрѣванія.

Весь этотъ перегонный аппаратъ легко каждымъ оборудуется и стоитъ около 8 руб.,—двухведерный котелъ и кувшины покупаются въ городскихъ лавкахъ, первый за 3 руб., вторые по 1 руб., кахпак и сорга изготовляются своими мастерами инородцами—первый по 1 р., а вторыя по 70 коп. за штуку. Если принять во вниманіе, что котелъ и кувшины составляютъ необходимыя принадлежности въ хозяйственномъ инвентарѣ и употребляются и для другихъ цѣлей, то на спеціальныя части перегоннаго аппарата, деревянныя, падаетъ небольшой расходъ въ 2 р. 50 к., доступный и бѣдняку, къ тому же эти части служатъ не менѣе 5 лѣтъ.

Обычнымъ мѣстомъ для установки аппарата и перегонки айрана остается жилая юрта, гдѣ въ теченіе всего лѣта живетъ семья инородца. Около очага, который занимаетъ центральную

часть юрты и представляетъ не что иное, какъ круглую выемку въ земляномъ полу, вершковъ въ 20 діаметромъ, сбивается изъ глины, со стороны женской половины юрты, высокій таганъ въ видѣ куба, полаго внутри; въ двухъ ближайшихъ къ очагу стѣнкахъ тагана сдѣланы выемки для помѣщенія подъ таганъ дровъ, а въ верхней плоскости тагана сдѣлано большое круглое отверстіе для установки чугунной чаши. Богатые и большесемейные инородцы иногда имѣютъ особую юрту для веденія молочнаго хозяйства и приготовленія кушаній и въ такомъ случаѣ перегонка айрана производится здѣсь. Иногда для перегонки айрана устраивается специальный шалашъ или балаганъ на берегу ручья, неподалеку отъ улуса и тогда этимъ помѣщеніемъ пользуются всѣ жители улуса. Изрѣдка перегонка айрана производится внѣ юрты, на дворѣ усальбы, подъ открытымъ небомъ.

Аппаратъ приводится въ дѣйствіе весьма быстро; также скоро ведутся и сгонки и обыкновенно къ полудню весь запасъ айрана оказывается перегнаннымъ. Первое, съ чего начинается работа по подготовкѣ аппарата къ дѣйствію, это—приготовленіе особой замазки—*свиргé*, при помощи которой всѣ отверстія и щели герметически закупориваются. Замазка приготовляется изъ глины и свѣжаго коровьяго помета, которые поливаются водой и хорошо вымѣшиваются, пока не получится однородное тѣсто. Когда замазка готова, въ котелъ, установленный на таганъ, вливаютъ порцію айрана, накрываютъ кахпакомъ, вставляютъ въ него трубы, горбами вверхъ, а противоположные концы ихъ направляютъ въ горла кувшиновъ, установленныхъ въ колоду съ налитой холодной водой. Всѣ отверстія и швы между краями кахпака и чаши, между краями дверки и кахпака, мѣста соединенія трубъ, щели, образовавшіяся на деревянныхъ частяхъ аппарата отъ долговременнаго употребленія, тщательно обмазываются замазкой, а вся поверхность кахпака и трубъ сплошь обмазывается глиной. Чтобы замазка, содержащая пометъ, не попала внутрь котла и не сообщила напитку специфическаго запаха, мѣста соединенія шлема съ котломъ и трубами предварительно прокладываются хорошо промытыми тряпками; тряпками же, но безъ замазки, закупоривается и мѣсто соединенія трубы съ кувши-

номъ. Предохранительное отверстіе въ верхушкѣ шлема закрывается мокрой тряпкой и комками замазки сверху, какъ пробкой. Закончивъ эту подготовку, разводятъ подъ котломъ огонь, сначала небольшой, чтобы не вызвать бурнаго кипѣнія жидкости въ котлѣ и убѣдиться, не парятъ ли гдѣ нибудь части перегоннаго аппарата, и потомъ его усиливаютъ. Перегонка айрана требуетъ непрерывнаго наблюденія и работы — для равномѣрнаго поддерживанія огня подъ котломъ, для замазки парящихъ мѣстъ, для опробованія качества и количества осаждающагося въ сборникахъ отгона и, наконецъ, для опорожненія котла отъ барды и приливанія новой порціи айрана и послѣдующаго замазыванія дверокъ кахпака и для опорожненія кувшиновъ отъ полученной араки. Срочность работъ при перегонкѣ такова, что хозяйка обыкновенно не поспѣваетъ и ей помогаютъ члены семьи то смѣнять воду въ колодѣ, то носить дрова и подготовлять ихъ (распространенное топливо въ Абаканской степи—тальникъ, сложенный кучами около юртъ, въ видѣ цѣлыхъ деревьевъ и прутьевъ), то убирать продукты перегонки. Черезчуръ сильный огонь подъ котломъ, при герметически закупоренныхъ частяхъ аппарата, вызываетъ шумъ, клокотаніе и вздрагиваніе аппарата, и тогда быстро открываютъ предохранительное отверстіе въ шлемѣ и дуютъ въ него. Во время кипяченія айрана прежде всего выдѣляются крѣпкіе спиртовые пары, единственнымъ выходомъ для которыхъ являются трубы; наполняя кувшины, охлаждаемые водой, пары тотчасъ осаждаются въ видѣ опаловидной, не вполнѣ прозрачной, теплой жидкости, содержащей алкоголь.

Прежде чѣмъ остановиться на описаніи получаемаго молочнаго вина и другихъ продуктовъ перегонки айрана, опишу получающій распространеніе среди минусинскихъ инородцевъ перегонный аппаратъ для той же цѣли другого устройства,—*ульгер*, какъ называютъ его сойотскимъ словомъ качинцы, или *сапчáк*, какъ его зовутъ сагаи по наиболѣе характерной для этого аппарата части—кадкѣ. Ульгеръ, по словамъ инородцевъ, заимствованъ отъ ихъ засаянскихъ сосѣдей, сойотовъ, и сталъ употребляться качинцами лѣтъ 10 тому назадъ. Но едва ли не больше онъ распространенъ у сагаевъ, гдѣ, какъ напримѣръ, по Уйбату Аскысу и въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ вытѣснилъ прежній

аппаратъ—кахпак. У качинцевъ онъ встрѣчается кое-гдѣ, далеко не въ каждомъ улусѣ, и если встрѣчается, то одновременно съ прежнимъ аппаратомъ; есть семьи, гдѣ имѣется и употребляется тотъ и другой аппаратъ. Вѣроятно, лишь привычка къ своему, къ старому аппарату заставляетъ имъ пользоваться, такъ какъ ульгер еще проще, еще цѣлесообразнѣе устроенъ, быстрѣе снаряжается и дастъ болѣе чистый, болѣе крѣпкій отгонъ.—Вмѣсто кахпака съ трубами, въ этомъ аппаратѣ существенную часть составляетъ деревянный усѣченный конусъ, выдолбленный изъ древеснаго ствола или сдѣланный изъ узкой и высокой кадки, у которой вынуто дно. На половинѣ высоты этого конуса вырѣзано небольшое отверстіе, чрезъ которое проходитъ книзу черенъ плоской лопаты, помѣщающейся внутри конуса наклонно къ отверстію. На поверхности лопаты вдоль оси ея вырѣзанъ желобокъ, продолжающійся и по черенку до его конца, находящагося наружу; наклонно къ этой осевой бороздѣ, въ видѣ елки, вырѣзаны на лопатѣ боковые бороздки-желобки. Вотъ и все устройство ульге́ра. Для того, чтобы пустить его въ дѣйствіе, нужно налить айрана въ чашу и прямо въ айранъ погрузить расширенную часть деревяннаго конуса, а на съуженную верхнюю часть поставить другую чугунную чашу, меньшихъ размѣровъ, наливъ въ нее холодную воду, если теперь подъ желобчатый конецъ черенка лопаты подставить кувшинъ или какой либо другой сосудъ для собранія жидкости, то аппаратъ будетъ сполна подготовленъ къ дѣйствію. Роль холодильника въ этомъ аппаратѣ исполняетъ верхняя чаша, на днѣ которой снизу спиртовые пары конденсируются и, сбѣгая внизъ по дну ея, падаютъ на лопатообразное расширеніе и по бороздамъ его собираются въ общій каналъ, по которому вытекаютъ наружу, къ сборнику. Замазки здѣсь совсѣмъ не нужно, такъ какъ мѣсто соединенія кадки съ котломъ герметически закупорено погруженіемъ въ перегоняемый айранъ, закупорка же мѣста соединенія верхней чаши съ краемъ кадки осуществляется прокладкой мокрой тряпки.

Итакъ, на какомъ бы аппаратѣ ни производилась перегонка айрана, первымъ продуктомъ ея является *арага́*—молочное вино, слабоградусный, кисловатый на вкусъ, опьяняющій напитокъ, съ характернымъ запахомъ кислаго молока. Хорошо приготовлен-

ная арага представляетъ довольно пріятный напитокъ, крѣпость котораго колеблется въ предѣлахъ 3—20°. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно полныхъ и надежныхъ анализовъ этого напитка, чтобъ было возможно оцѣнить его санитарное значеніе, какъ не имѣемъ анализовъ и самого айрана, санитарное и терапевтическое значеніе котораго еще болѣе важно. [1] Крѣпость молочнаго вина, которое въ просторѣчіи не иначе называется инородцами, какъ *айранчикъ*, колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ и зависитъ вполнѣ отъ желанія и усмотрѣнія инородки, которая гонитъ айранъ. По опыту они знаютъ, что только первыя порціи отгона изъ каждаго перегоняемаго котла отличаются наибольшимъ содержаніемъ алкоголя, всѣ же послѣдующія порціи даютъ все болѣе и болѣе слабый напитокъ. Въ тѣсной зависимости отъ крѣпости напитка находится и его количество,—чѣмъ вино крѣпче, тѣмъ его меньше, и наоборотъ, чѣмъ оно слабѣе, тѣмъ его больше. Инородка, поэтому, во время сгонки соображаетъ, что ей необходимо прежде всего, количе-

---

[1] Изъ поѣздки въ 1907 г. къ Минусинскимъ инородцамъ я доставилъ Завѣдующему Томскимъ бактеріологическимъ Институтомъ П. В. Бутягину бутылку айрана для микроскопическаго изслѣдованія и, кромѣ того, далъ одному изъ своихъ знакомыхъ часть закваски и указалъ пріемы разводки. Въ Институтѣ айранъ ежедневно подмолаживается и живетъ и въ теченіе 1908 г. будетъ подвергнутъ изслѣдованію. Точно также мой знакомый пользуется уже 4 мѣсяца айраномъ и хвалитъ напитокъ. Изъ извѣстныхъ мнѣ анализовъ молочнаго вина два принадлежатъ г. Людвигу въ Красноярскѣ и относятся къ вину, полученному отъ Минусинскихъ инородцевъ окрестностей озера Шира, и два анализа араки инородцевъ Бійскаго уѣзда принадлежатъ П. В. Бутягину.— По анализамъ Людвига, содержаніе алкоголя по объему опредѣляется въ 7,32%—11,0%, сивушнаго масла въ 0,164%—0,272%, уксусной кислоты 0,5—08,%, молочной кислоты—около 0,3%. По анализамъ П. В. Бутягина, объемное содержаніе алкоголя опредѣлилось въ 5,86—11,61%, сивушнаго масла въ 0,01—0,02%, уксусной кислоты—0,05—0,07% и молочной 0,02%. Чрезмѣрно большое содержаніе въ айранѣ такихъ вредныхъ примѣсей, какъ сивушное масло, по анализу г. Людвига, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ имѣлъ дѣло съ аракой не изъ чистаго айрана, а изъ смѣси его съ хлѣбной бражкой, что практикуется инородцами, особенно когда они соприкасаются съ русскими, какъ на озерѣ Шира.—Работа г. Людвига напечатана въ Трудахъ Общества врачей Енисейской губ. за 1899—1900 г., а работа г. Бутягина въ книгѣ IX «Вѣстника общ. гигіены, судеб. и практич. медицины» за 1901 г. *А. А.*

ство ли напитка, предназначеннаго для угощенія многочисленныхъ сосѣдей, или его крѣпость, когда нужно угостить рѣдкаго и дорогого гостя, родственника, заѣзжаго подрядчика по постройкѣ новаго дома и т. п. При сгонкѣ изъ двухъ-ведернаго котла айрана одной бутылки (1/20 ведра) вина получается крѣпкій напитокъ около 15°, отъ котораго чувствуется опьяненіе уже послѣ перваго стакана. Но по бутылкѣ съ котла отбираютъ рѣдко; обыкновенно берутъ 2—3 и даже 4 бутылки. Въ иныхъ, также рѣдкихъ, случаяхъ, любители выпить подвергаютъ полученную араку вторичной перегонкѣ; знакомы инородцы и съ такимъ молочнымъ виномъ, которое получено путемъ перегонки дестиллята въ третій разъ, — въ этомъ случаѣ получается вино выше 40 градусовъ, очень пьяное, но и очень не вкусное. Считая такую операцію хлопотливой и невыгодной, инородцы предпочитаютъ добыть «кабашнаго», т. е. монопольки, продажей которой, при условіи близкаго сосѣдства съ русскими, всегда занимаются въ улусѣ нѣсколько человѣкъ.

Для опредѣленія качества и количества получаемаго вина и вмѣстѣ для опредѣленія окончанія сгонки изъ заряженнаго айраномъ котла служитъ чрезвычайно простой приборъ—*амзор*. Это—тонкая палочка въ 8—10 вершк. длиной, въ крестообразно расщепленный конецъ которой ущемляются крестъ на крестъ два небольшихъ пучка кудели; опустивъ конецъ этой палочки въ носокъ кувшина до дна, инородка обсасываетъ куделю и убѣждается въ качествѣ крѣпости полученной арага. Противоположнымъ концомъ амзора пользуются, какъ наметкой, для опредѣленія количества жидкости; съ этой цѣлью, сунувъ амзоръ въ золу на очагѣ и ударомъ обо что нибудь стряхнувъ избытокъ золы, опускаютъ палочку тѣмъ же способомъ до дна кувшина—на покрытой пылью золы палочкѣ отчетливо отмѣчается уровень жидкости; если толщина слоя жидкости достигаетъ ширины двухъ пальцевъ, значитъ, вина накопилась бутылка, если 4 пальца—двѣ бутылки и т. д. Если по какому либо случаю оставляютъ наблюдать за сгонкой кого либо изъ дѣтей, на палочкѣ наносятъ зарубки, соотвѣтствующія емкости бутылокъ.

Получивъ съ котла айрана намѣченное количество вина, инородка быстро откупориваетъ дверку въ шлемѣ и убавляетъ огонь.

Набѣжавшее въ кувшины вино сливается въ четвертную бутыль или разливается по бутылкамъ въ 1/20 в., которыя десятками, въ симметричномъ порядкѣ, разставлены на верхнихъ полкахъ женской половины юрты. Остающаяся на днѣ котла молочная барда—*поджá*—вычерпывается большимъ деревяннымъ ковшомъ съ длинной ручкой — *кáмыс* (агас камыс) въ деревянное ведро, кадку или какую нибудь посуду. Тотчасъ же въ котелъ наливается новая порція айрана, дверка вставляется въ кахпак и замазывается, концы трубъ въ горлахъ кувшиновъ затыкаются тряпками, огонь подъ котломъ увеличивается и сгонка возобновляется. Такъ сгоняется 4—5 и больше котловъ, смотря по емкости кади съ айраномъ, котораго оставляется лишь сколько необходимо для дальнѣйшей его разводки.

Такимъ образомъ получается второй продуктъ перегонки айрана—*поджа*, имѣющая важнѣйшее значеніе въ жизни инородца, въ его пищевомъ режимѣ. Поджа въ ея натуральномъ видѣ вливается въ щи, какъ приправа; «это наша соль», говорятъ качинцы, вообще мало употребляющіе въ пищу соли, а въ прежнее время и совсѣмъ обходившіеся безъ нея. Главная же масса поджи подвергается дальнѣйшей обработкѣ—ее сливаютъ въ холщевый мѣшокъ—*сюмéк*, подвѣшенный подъ крышей юрты около двери, гдѣ поджà фильтруется и раздѣляется на двѣ части—стекающую въ посуду желтоватую жидкость—*сарыг суг* и остающуюся въ мѣшкѣ творожистую бѣлую массу—*арчы*. Кислая сарыг суг употребляется какъ пойло для телятъ, собакъ, свиней; набросавъ въ нее кусковъ желѣза—старыхъ гвоздей, обломки подковъ и проч., ею пользуются для окраски, черненія кожъ, изъ которыхъ инородцы шьютъ для себя обувь. Что касается арчы, то она повсемѣстно у инородцевъ составляетъ одно изъ самыхъ основныхъ пищевыхъ средствъ, и не только у минусинскихъ инородцевъ, а и на Алтаѣ, и въ особенности у бурятъ. Послѣдніе говорятъ про арчы, что это «нашъ хлѣбъ» и въ бѣдныхъ семьяхъ питаются исключительно ею и чаемъ, а въ сосостоятельныхъ хозяйствахъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, бурятская арчы составляетъ исключительную пищу работниковъ. Минусинскіе инородцы ѣдятъ арчы и непосредственно, какъ хлѣбъ, ѣдятъ съ молокомъ, варятъ съ масломъ, всыпаютъ въ щи

и заготовляютъ на зиму, наполняя ею кади и сохраняя ихъ въ амбарѣ. Въ поджѣ арчы составляетъ двѣ трети; вообще же въ молочномъ хозяйствѣ, при переработкѣ молока въ айранъ, арчы составляетъ по объему шестую часть молока. Значительная часть арчы повсемѣстно идетъ на приготовленіе «сырцевъ»—*пичрё*. Въ ясный лѣтній день, наполнивъ арчей тазъ, инородка забирается на пологую крышу навѣса или на спеціально устроенный для этой цѣли станокъ (*пичрé сыхчен ̄пзыр*) и разостлавъ спеціальную для сыра рѣшетку—*сы*, связанную, примѣрно, изъ 200 лучинокъ или пластинокъ, аршина по полтора длиною, она начинаетъ прожимать межъ пальцевъ забираемую въ горсть арчу; на рѣшетку падаютъ тонкія ленты, ремешки съ зазубренными краями, изогнутыя закрученныя пластинки арчы, которыя сушатся и вялятся на солнцѣ и бурѣютъ. Сушка на солнцѣ производится въ теченіе 2—3 дней, послѣ чего сырцы становятся чрезвычайно твердыми и въ такомъ видѣ, уложенные въ мѣшки или ящики, могутъ сохраняться неопредѣленно долго. Пичрё имѣетъ пріятный, вяжущій, кислый вкусъ. Инородцы ѣдятъ его непосредственно, съ чаемъ, какъ сухари, засыпаютъ въ щи для приправы, поджариваютъ въ маслѣ и т. п.

Прежде изъ арчы приготовляли еще одинъ видъ сыра—*курут*; арчу мяли руками до полученія плотнаго однороднаго тѣста и дѣлали изъ нея колобки или небольшія лепешки, въ видѣ пряниковъ, слегка подвяливали, нанизывали на бичевку или нитку и въ такомъ видѣ высушивали и вялили на солнцѣ. Прежде, когда инородцы не употребляли хлѣба, курут его замѣнялъ, а теперь, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ въ пищевомъ режимѣ хлѣба и съ расширеніемъ земледѣлія по Абаканскимъ степямъ, курут можно встрѣтить лишь въ подтаежныхъ улусахъ, жители которыхъ ежегодно уходятъ въ тайгу за промысломъ звѣря. Компактность курута, его питательность, неподвергаемость порчѣ, удобство обращенія дѣлаютъ его незамѣнимымъ для таежника, который можетъ исключительно имъ питаться. Въ улусахъ степняковъ курут не встрѣчается и его стали уже забывать. Можно упомянуть еще объ одномъ продуктѣ перегонки айрана, но онъ не имѣетъ особаго значенія; это—прикипѣвшія во время перегонки къ стѣнкамъ котла и шлема твер-

дыя части айрана, пѣна—*эрмéк*, которыя соскабливаются и употребляютъ какъ свѣжими, такъ и высушенными въ прокъ.

III.

Насколько велико значеніе въ пищевомъ режимѣ инородца айрана и употребляемыхъ въ пищу продуктовъ его перегонки, настолько же огромно значеніе «айранчика», *айраньн арагй* въ его духовной жизни. Мнѣ не пришлось слышать легендъ о происхожденіи араки, о томъ первомъ человѣкѣ, который ее изобрѣлъ, о тѣхъ завѣтахъ, которые онъ далъ облагодѣтельствованному народу; я не встрѣчалъ разсказовъ объ этомъ и у другихъ авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ быта минусинскихъ инородцевъ, но, несомнѣнно, они были и только позабыты и растеряны. Уцѣлѣвшіе и до сего времени обычаи на это указываютъ.

Араку пьютъ, и въ большихъ количествахъ, всѣ безъ исключенія, но только съ извѣстнаго возраста,—мужчины послѣ женитьбы, женщины по выходѣ замужъ т. е. съ 18—20 лѣтъ, не раньше. Дѣтямъ и подросткамъ разрѣшается пить араку только разъ въ году, въ первый день Пасхи, но около этого времени только-только появляется первый айранъ, да и то не у всѣхъ. Въ этотъ день дѣти гурьбой ходятъ по юртамъ своего улуса въ гости и вездѣ ихъ обязательно угощаютъ аракой. Посѣтивъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своего улуса, они садятся верхомъ на коней и ѣдутъ въ сосѣдніе улусы и тѣмъ же порядкомъ «собираютъ айранчикъ» отъ одной юрты до другой, и уже позднимъ вечеромъ, веселые, возвращаются къ роднымъ пенатамъ, съ наложеніемъ запрета до будущей Пасхи. И запретъ этотъ свято соблюдается, насколько я могу заключить по моимъ наблюденіямъ и разспросамъ, и попыткамъ угостить аракой кого либо изъ молодежи обоего пола.

Когда коровы начнутъ давать хорошіе удои, обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, каждая инородческая семья устраиваетъ особый праздникъ, первый айранъ—*тун.* Хозяйка юрты разводитъ возможно больше айрана, перегоняетъ его въ араку и когда накопитъ послѣдней 5—10 ведеръ, оповѣщаетъ соулусниковъ о предстоящемъ торжествѣ и приглашаетъ ихъ къ себѣ «тункать»,

пріурочивая это приглашеніе къ праздничному дню, воскресенью, когда всѣ свободны отъ работъ. Въ назначенный день, подъ вечеръ, юрта наполняется гостями, собираются изъ всѣхъ юртъ улуса не только старшіе члены семей, а и пріѣхавшіе къ нимъ издалека ихъ гости. Каждый пришедшій, собственно каждая женщина—хозяйка юрты, обязанъ принести съ собой на т у и бутылку араки, а иногда и хлѣбнаго вина; принесенная арака сливается въ общую посудину, будетъ ли то чаша, глиняная квашня, кадушка, или большой горшокъ. Мужчины и дѣти никогда не приносятъ вина. Гости заполняютъ юрту, разсаживаясь въ строгомъ порядкѣ въ кругъ, женщины на женской половинѣ (правой отъ входа), мужчины на мужской, причемъ близкіе родственники, старшіе возрастомъ и особо почетные гости—впереди, ближе или рядомъ съ хозяевами; мѣсто мужа и жены, хозяевъ юрты, обычное—противъ двери, за очагомъ, близь кровати. Передъ ними, сидящими на подстилкѣ изъ шкуръ или войлокѣ на земляномъ полу, съ подобранными ногами, ставится столикъ съ низкими ножками, а на немъ какая-либо посудина съ аракой—деревянная чаша, большой мѣдный чайникъ, глиняная стопка и т. п. Въ старину употреблялась спеціальная посуда—*сара́*—винная деревянная чаша съ носкомъ и ручкой, круглая или овальная, емкостью около четверти ведра; къ ней подавалась также спеціальная винная, маленькая деревянная чашечка—*чирчё*, въ которую наливалось вино изъ сара́ и въ ней подавалось гостямъ поочередно. Эта посуда была самодѣльная, не покупная. Теперь она вывелась изъ употребленія и если встрѣчается гдѣ изрѣдка, то не употребляется по первоначальному назначенію.

Хозяинъ, зачерпнувъ или наливъ араки небольшой деревянной или фарфоровой чашкой и испросивъ благополучія для скота, брызгаетъ вино вверхъ и по сторонамъ юрты, отливаетъ немного въ огонь и выпиваетъ, стряхнувъ остатки изъ чашки также въ огонь. Возліяніе огню—*отын эзі*—дѣлается, впрочемъ, всегда и во всѣхъ случаяхъ, также какъ и при приготовленіи любого кушанья, кусочекъ мяса, жиру, масла, саламата сбрасывается въ огонь. Слѣдующая чашка араки подается по очереди каждому изъ гостей хозяиномъ на своей половинѣ, хозяй-

кой на женской. Одновременно на столикахъ появляется приготовленное заблаговременно угощеніе, состоящее изъ *быштака* (прѣсный, мягкій и сладкій сыръ), сметаны, саламата и чая съ печеньемъ. Пока одни пьютъ араку, другіе сидятъ за ѣдой, чередуясь у стола, а такъ какъ инородцы чрезвычайно быстро ѣдятъ и пьютъ чай, то не нашедшимъ мѣста у стола долго ждать не приходится. А круговая чашка все ходитъ и ходитъ, ходитъ и возвращается, бесѣда становится все оживленнѣе, въ ней принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, наконецъ, она распадается на отдѣльные ручейки между группой изъ нѣсколькихъ или двухъ собесѣдниковъ и журчаніе этихъ веселыхъ и мирныхъ ручейковъ слышится до поздней ночи, пока не будетъ выпитъ весь наготовленный хозяйкой айранъ, пока не остается капли изъ того, что принесли ея гости. И расходящіеся поздно ночью по домамъ гости, пошатываясь, уносятъ лишь хорошее воспоминаніе о первомъ айранѣ.

Ни одно событіе въ жизни инородца, какъ личной, такъ и общественной, какъ бы незначительно оно ни было, не обходится безъ обязательнаго и широкаго возліянія айраныи арагà и оно тѣмъ шире, чѣмъ значительнѣе событіе. Крупнѣйшимъ событіемъ въ личной, семейной жизни каждаго инородца является его женитьба. Правда, самъ женихъ въ самой церемоніи никакой роли не играетъ, въ торжествѣ не участвуетъ; онъ не наряжается и на людяхъ не показывается, занятый въ это самое время какой нибудь домашней работой или пастьбой скота; его никто не поздравляетъ и не угощаетъ; но за то самую выдающуюся роль играетъ при этомъ весь народъ—всѣ жители улуса, всѣ съѣхавшіеся изъ ближнихъ и дальнихъ улусовъ многочисленные родственники и гости, а среди нихъ свахи и поѣзжане и центральная фигура церемоніи—невѣста. Къ назначенному дню торжества—*той*—цѣлыми недѣлями готовится айранъ и гонится изъ него арака, такъ какъ народу съѣдется много и той продлится нѣсколько дней. Различные отдѣлы, на которые распадается свадебная церемонія—сватанье, торгъ на счетъ калыма, путешествіе за невѣстой, ея приводъ изъ другого улуса и проч., сопровождаются обильнымъ угощеніемъ аракой присутствующихъ, по рукамъ которыхъ ходятъ одна за

другой круговыя чаши, подносимыя то однимъ, то другимъ и третьимъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха, имѣющихъ юрту и самостоятельное хозяйство. По окончаніи же всѣхъ обрядовъ, когда свахи совершенно освободятся отъ исполненія своихъ тяжелыхъ и сложныхъ обязанностей, т о й развертывается во всю ширину, когда весь собравшійся народъ разсаживается на обширномъ дворѣ внутри юрточной ограды, разбившись на два большихъ круга, мужской и женскій—*учá*. Туши скотскаго и лошадинаго мяса свѣжаго убоя разсѣкаются и непрерывно варятся въ котлахъ тутъ же въ оградѣ, и мясо, по мѣрѣ его готовности, подается на столы внутрь того и другого круга. Съ утра и до поздней ночи ходятъ круговыя чаши внутри каждаго круга, все болѣе и болѣе подогрѣвая оживленную бесѣду близкихъ и далекихъ родственниковъ, часто давно не видавшихся, и долго виситъ надъ цѣлымъ улусомъ далеко слышный по степи этотъ неумолчный гомонъ людскихъ голосовъ. Всѣ заботы на это время позабыты, всѣ тревоги испарились. Иные, насытившись и захмелѣвъ отъ выпитой араки, тутъ же распластываются и спятъ, другіе, утомившись бесѣдой, достаютъ *комз* или *чатыгáн*, [1] безъ которыхъ ни одинъ улусъ не живетъ, и, бренча по струнамъ, тихимъ горловымъ голосомъ ведутъ речитативный разсказъ о похожденіяхъ какого нибудь богатыря. Тотчасъ около пѣвца собирается свой кружокъ жадно вслушивающихся въ разсказъ и сопровождающихъ его громкими восклицаніями страха, сожалѣнія или радости, или замѣчаніями, смотря по тому, въ какое трудное положеніе попалъ сказочный герой и какъ изъ него вышелъ... А веселая бесѣда въ кругахъ все не прекращается, изрѣдка омрачаясь лишь неприличнымъ поведеніемъ какого нибудь разбушевавшагося гостя, который ни съ того ни съ сего лѣзетъ въ драку съ сосѣдомъ; но его быстро усмиряютъ—пинкомъ или кулакомъ его сшибутъ съ нетвердыхъ ногъ и онъ, уже безсильный подняться, кончаетъ тѣмъ, что тутъ же засыпаетъ. Проспавшіеся гости, раз-

[1] Музыкальные инструменты; *комз*—балалайка о двухъ струнахъ изъ прядей конскаго волоса; *чатыган*—длинное и узкое опрокинутое корытце съ натянутыми по дну его 5—6 мѣдными струнами.

бужденные шумомъ голосовъ, снова занимаютъ свое мѣсто въ кругу, снова встрѣчаются съ круговой чашей, снова тянутся къ дымящемуся на столѣ мясу, снова вступаютъ въ бесѣду, пока утомленіе и прохлада наступившей ночи не разгонятъ ихъ всѣхъ по юртамъ до слѣдующаго дня, чтобы снова продолжать веселый той еще день, еще два..... Такъ отмѣчается въ инородческой средѣ появленіе новой семьи, новой юрты. И съ этихъ поръ на эту семью, въ лицѣ жены, налагается новая обязанность, на всю жизнь, всякій разъ при поѣздкѣ въ свою родную семью, на побывку въ свой родной улусъ, привозить съ собою и запасъ араки, для угощенія не только своихъ старыхъ родителей, а и родственниковъ, обитающихъ въ томъ улусѣ.

Старый родовой бытъ, черты котораго до сихъ поръ живы, требуетъ признанія родства въ самыхъ дальнихъ развѣтвленіяхъ семейнаго инородческаго древа и соотвѣтствующаго почтенія. Поэтому не только жители одного улуса обыкновенно связаны между собою той или другой степенью родства, а признаютъ множество родственниковъ по матери и женѣ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ улусамъ. Сплошь и рядомъ бываетъ, что два незнакомыхъ другъ другу инородца, при встрѣчѣ, разбираясь въ своей роднѣ, устанавливаютъ свое родство и тутъ же закрѣпляютъ его разнообразными знаками родственнаго вниманія, угощеніемъ аракой, обмѣномъ трубками, уступкой другъ другу какихъ либо необходимыхъ предметовъ за незначительную цѣну, взаимными услугами. Эти родственныя связи поддерживаются преимущественно женщинами, которыя періодически ѣздятъ погостить къ тому или другому родственнику и всегда при такой поѣздкѣ онѣ везутъ съ собою двѣ—три фляги насиженной ими араки, не говоря уже о томъ, что гостья во все время своего пребыванія въ гостяхъ становится дѣятельной работницей и помощницей хозяйки, особенно если она моложе ея—она доитъ коровъ и сгоняетъ телятъ на пастьбу, убираетъ молочные скопы, носитъ воду и дрова, ставитъ самовары, готовитъ кушанье, моетъ посуду, нянчится съ дѣтьми и т. п. и даетъ возможность своей старшей родственницѣ—хозяйкѣ предаваться ничего недѣланію, принявъ на свои плечи главную массу ея работы. Въ этомъ заключается, такъ сказать, отплата за хлѣбъ-соль, привезенная

же арака есть угощеніе, оно знаменуетъ собою почтеніе, родственную симпатію и дружеское чувство пріѣхавшей гостьи.

Всѣ событія семейной или общественной жизни, сопровождающіяся обрядами по древнѣйшей шаманской вѣрѣ отцовъ, требуютъ непремѣннаго возліянія айраныи арага; какъ добрыхъ духовъ и покровителей семейнаго благополучія необходимо угостить аракой, такъ и злыхъ духовъ нельзя раздражать, нельзя не умилостивить подношеніемъ араки, безъ чего просьба къ нимъ о милости и снисхожденіи можетъ остаться безъ исполненія. Когда въ инородческую семью приглашается къ больному шаманъ, этотъ посредникъ между человѣкомъ и овладѣвшимъ имъ злымъ духомъ, пославшимъ болѣзнь, могущественнѣйшимъ средствомъ воздѣйствія на злого духа является арака въ рукахъ шамана; шаманъ постоянно прерываетъ камланіе, чтобы принять изъ рукъ своего помощника ч и р ч ё съ аракой, брызгаетъ ею въ дымовое отверстіе юрты, по сторонамъ, на огонь, въ дверь, онъ вноситъ чашку съ аракой внутрь бубна, произнося слова заклинанія, отпиваетъ самъ и, давъ выпить остатки помощнику или первому подвернувшемуся, кидаетъ чирчё на землю и ждетъ отъ присутствующихъ отвѣта—какъ упала чашка, дномъ или устьемъ кверху, *ойгó* или *тӧрэк*; многократно кидая опорожненную чашку, при непрерывно произносимыхъ словахъ заклинаній, *кам* не успокаивается, пока не услышитъ возгласовъ тӧрэк, тӧрэк, свидѣтельствующихъ о томъ, что духъ благосклонно принялъ угощеніе, а, стало быть, онъ освободитъ больного. Кончится камланіе, разоблачится шаманъ и начинается общее угощеніе; опять круговая чаша съ аракой пошла по рукамъ присутствующихъ, только въ этомъ случаѣ самое почетное мѣсто принадлежитъ шаману. Чаша ходитъ и возвращается, а на столѣ выставляется угощеніе—жареная баранина, рыба, бышлакъ, чай съ неизмѣнной сметаной, съ сахаромъ и калачами.

Появленіе на свѣтъ новаго члена семьи, ребенка, составляетъ событіе въ улусѣ и тотчасъ же собираетъ въ юрту роженицы не только всѣхъ сосѣдей, а и ихъ гостей и случайно заѣхавшихъ изъ другого улуса съ поздравленіями. Идетъ оживленная бесѣда о благополучномъ разрѣшеніи, сообща придумывается имя новорожденному, которое можетъ дать ребенку не только

исполняющая обязанность повитуха, не только мать и отецъ, а и каждый изъ присутствующихъ, каждый случайный заѣзжій человѣкъ, будь то инородецъ или русскій. И это имя ребенку принимается и крѣпко пристаетъ на всю жизнь; хотя священникъ и даетъ при крещеніи каждому христіанское имя, но въ большинствѣ случаевъ оно мало употребительно среди своихъ и больше всего сообщается русскимъ. И опять круговая чаша съ аракой, заблаговременно припасенной, ходитъ по рукамъ сидящихъ въ юртѣ, ходитъ и возвращается, опять совершается т о й.

Весною и осенью ежегодно совершается чествованіе домашнихъ пенатовъ, находящихся на мужской и женской половинѣ почти въ каждой юртѣ; эти символическія изображенія добрыхъ и злыхъ духовъ—*тöсь*—заводились и ставились на присвоенныхъ имъ мѣстахъ въ юртѣ по указаніямъ кама, по случаю того или иного заболѣванія у мужчины или женщины, наслѣдовались отъ родителей мужа или жены, держались Богъ знаетъ съ какихъ временъ въ этомъ родѣ въ честь *зыка*, которому посвящался соотвѣтствующей масти конь. При участіи приглашеннаго шамана или безъ него, тöсей извлекаютъ изъ укромныхъ уголковъ, «кормятъ» положеннымъ каждому кушаньемъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, которымъ это полагалось, брызгаютъ и «поятъ» аракой,—таковы особенно чтимые у качинцевъ—*чалбáк-тöсь*, *чагá* и *ак-тöсь* и у сагаевъ—*кинэн*, *тумá* и *шáлыг*. Обрядъ совершается чинно, съ почтеніемъ, тихо, возліяніе дѣлается только божкамъ, безъ участія человѣка въ распитіи араки. Покормивъ каждаго спеціально приготовленнымъ кушаньемъ и побрызгавъ аракой, тöсей водворяютъ на прежнее мѣсто, поставивъ передъ иными чашку, наполненную аракой. «На другой день посмотришь, въ чашкѣ пусто,—все за ночь выпьетъ», разсказываетъ инородецъ про тöся, довольный принятымъ отъ него угощеніемъ.

Почти каждый годъ, весною или лѣтомъ, на ближайшей къ улусу горѣ, на высшей ея точкѣ устраивается общественное моленіе—*тáиг*, въ честь неба, сопровождающееся всенародной молитвой о ниспосланіи благополучія на стада и табуны, о благополучной жизни и счастіи всего народа. Тутъ же совершается очищеніе *зыка*—посвященнаго богу коня и принадле-

жащаго тому или другому владѣльцу, который обязанъ совершать эту церемонію черезъ каждые три года. Владѣлецъ зык'а становится и распорядителемъ праздника, онъ назначаетъ для него день, онъ обязанъ оповѣстить о торжествѣ жителей всѣхъ окрестныхъ улусовъ. Сложная церемонія занимаетъ бо̀льшую часть дня. Всѣ, особенно женщины, одѣваются въ лучшія праздничныя одежды и ѣдутъ съ утра къ назначенному мѣсту, и верхами, и на телѣгахъ; сюда везутъ воду и дрова, котлы и посуду, жертвенныхъ барановъ, молоко и бышлак, кому это полагается, по условію съ распорядителемъ, а всѣ везутъ обязательно фляги съ аракой; сюда же приводятъ и з ы к а — посвященнаго коня, на которомъ никто, кромѣ хозяина, не можетъ ѣздить. Коня привязываютъ къ свѣже срубленной и воткнутой въ землю березѣ, если тамъ нѣтъ естественно растущаго дерева. Наконецъ, народъ собрался и расположился бивакомъ. Женщины стоятъ въ отдаленіи, имъ нельзя подходить къ священному мѣсту, чтобы не осквернить его. Начинаются суетливыя приготовленія. Одни колютъ жертвенныхъ барановъ (черезъ прорѣзъ на брюхѣ просовываютъ руку и сжимаютъ сердце), разбирая части по суставамъ, другіе налаживаютъ котлы, наливаютъ воду, моютъ кишки, расчленяютъ мясо, третьи устраиваютъ жертвенникъ подъ березой—*сре*—полотно изъ палокъ и прутьевъ, установленное на четыре колышка по угламъ, четвертые сносятъ подъ жертвенникъ привезенные араку, молоко и сыръ, а на жертвенникъ кладутъ кусочки лучшихъ частей бараньей туши—сальника, почекъ, реберъ, курдюка, грудинки, сердце и проч. Когда всѣ приготовленія закончены, мясо варится, всѣ мужчины, толпой, снявъ шапки, становятся предъ жертвенникомъ и зыкомъ съ приглашеннымъ *чильбегчи* или *алгакчи* во главѣ (въ этихъ случаяхъ шаманъ не участвуетъ, а особое лицо, вооруженное березовой вѣтвью съ подвѣшенными къ ней двумя лоскутками изъ бѣлаго холста и синей дабы—*са́быт*) и кланяются, во время произносимой чильбегчи молитвы, при постоянномъ помахиваніи са́бытомъ. Женщины, выстроившись въ отдаленіи въ линію и обратившись лицомъ къ сре, также усердно кланяются. Въ извѣстные моменты, послѣ произнесенія чильбегчи опредѣленныхъ словъ, вся толпа хоромъ вскрикиваетъ

«шёк, шёк, шёк» и опять молча кланяется. Затѣмъ четверо принимаютъ на руки сре и, предводимые чильбегчи, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ мужчинъ, трижды обходятъ вокругъ березы и коня и ставятъ сре на мѣсто. Женщины въ это время усердно кланяются, становятся на колѣни и отвѣшиваютъ поклонъ за поклономъ. Призывы чильбегчи и помахиванія сабытомъ все продолжаются. Наконецъ, онъ подходитъ къ зыку, окуриваетъ его богородской травой—*ирбэн*, беретъ чашку съ молокомъ и моетъ его пучкомъ ирбена, обмоченнаго молокомъ, ставитъ ему на крестецъ чашку съ остатками молока, снимаетъ узду и отпускаетъ на волю. Выдержанный предварительно и проголодавшійся конь, не спѣшитъ убѣжать, онъ тутъ же принимается щипать траву, шагъ за шагомъ подаваясь впередъ, пока покойно стоящая на крестцѣ чашка не свалится. Всѣ бѣгутъ смотрѣть, какъ упала чашка, и надо видѣть всеобщее удовольствіе, когда она упала т ö р э к. Такъ совершается описанный т а̀ и г на горѣ Самохвалъ койбалами и качинцами, верстахъ въ 12 отъ Минусинска. Въ другихъ мѣстахъ это торжество представляетъ безчисленныя варьяціи въ подробностяхъ. По окончаніи церемоніи всѣ усаживаются кругами, мужчины и женщины отдѣльно, и опять повторяется т о й, какой мы видѣли на свадьбѣ. Опять пошли кругомъ чашки съ аракой, опять загорѣлась оживленная бесѣда. Быстро подбирается жирное мясо молодыхъ жертвенныхъ *кураганов*ъ, быстро истребляются проголодавшимися привезенные припасы и до наступленія сумерекъ распивается вся привезенная арака. Вдали отъ человѣческаго жилья, на вершинѣ голой горы ждать больше нечего. Быстро, въ нѣсколько минутъ весь бивакъ свертывается и снимается съ мѣста и всѣ веселые, смѣющіеся, довольные, не прерывая громкихъ разговоровъ, разъѣзжаются по домамъ, оставляя зыка пастись на полной волѣ.

Всѣ описанные случаи потребленія айраныи арагà—исключительные, сравнительно рѣдкіе, какъ рѣдки самыя торжества, на которыхъ отводится такая роль аракѣ. А между тѣмъ, удои коровъ увеличиваются, айранъ копится ежедневно и непрерывно, увеличеніе запасовъ арчы на зиму настоятельно необходимо и постоянное полученіе араки столь же постоянно и неизбѣжно.

И вотъ скапливаніе араки и перегонка айрана пригоняются ко всякому празднику, ко всякому воскресному дню, въ который каждый инородецъ, по обычаю, считаетъ себя свободнымъ отъ какой бы то ни было работы. Въ праздникъ, въ каждой юртѣ, въ самой бѣдной, образованъ запасъ араки, какъ угощеніе для гостей, которые непремѣнно соберутся, приготовлены и кушанья, самыя лакомыя, смотря по достатку каждаго.

Женщины къ празднику усердно готовятся, мужчины его ждутъ, предвкушаютъ. Утромъ, не рано, когда уже хозяйки управятся, мужчины поднимаются, одѣваются по праздничному, прихорашиваются и садятся за чай. Но первое, что появляется на столѣ предъ чаемъ, это бутылка араки. Наливъ чашку и отливъ изъ нея немного на огонь очага, хозяинъ медленно, по глотку, пьетъ араку, тонкой струйкой выбрасывая изо рта непроглоченную часть послѣ ка́ждыхъ 2—3 глотковъ и начинаетъ разговоръ. И всегда, во всѣхъ случаяхъ питье араки инородцемъ—священнодѣйствіе. Ее пьютъ медленно, съ остановками, пересыпаемыми рѣчью, небольшими глотками со сплевываніемъ этой аракой на огонь или на полъ предъ собой, почти послѣ каждаго глотка. Наливается слѣдующая чашка и подносится хозяиномъ своему работнику, родственнику, всякому мужчинѣ, заходящему въ юрту. И каждый изъ болѣе или менѣе видныхъ гостей, кому хозяинъ подаетъ чашку съ аракой, отводитъ ее отъ себя, настаивая, чтобы прежде выпилъ самъ хозяинъ. Отнѣкиванія съ одной стороны, отталкиваніе съ другой тянутся долго, пересыпаясь оживленнымъ споромъ и въ большинствѣ случаевъ кончаются тѣмъ, что отказывавшійся, какъ бы нехотя, истощивъ всѣ доводы, принимаетъ чашку и глотокъ по глотку выпиваетъ. Но отъ почетнаго гостя, отъ настойчиваго требованія, хозяинъ отказаться не можетъ, и, будто, очень недовольный, выпиваетъ самъ. Распивъ бутылку, много—двѣ, пьютъ чай, курятъ, разговариваютъ и скоро направляются къ наиболѣе богатому сосѣду, родственнику, въ гости; идетъ хозяинъ и всѣ зашедшіе къ нему изъ другого улуса его гости—мужчины; такъ начинается воскресное «собираніе айрана», какъ называютъ это инородцы русскимъ словомъ. А ужъ по улусу, невѣдомо какъ разносится вѣсть о томъ, что такіе-то пошли въ гости туда-то.

*

Громкая рѣчь вьется слѣдомъ за идущими, заносится въ юрту, сопровождаемая лаемъ улусныхъ собакъ. Распахивается низкая дверь и вереница людей входитъ одинъ за другимъ, крестятся на иконы и раскланиваются. «Езен, торбо», здороваются вошедшіе, съ которыми хозяинъ заводитъ разговоръ. Хозяйка подаетъ мужу бутыль съ аракой и тотчасъ же принимается ставить самоваръ, жарить мясо на очагѣ, а хозяинъ, наливъ чашку, подноситъ ближайшему къ нему гостю, но тотъ ни за что не принимаетъ чашки и требуетъ, чтобы первымъ выпилъ самъ хозяинъ. Въ этомъ случаѣ этикетъ требуетъ бо̀льшей уступчивости и хозяинъ медленно, съ разстановкой, пьетъ налитую араку, пьетъ и не умолкая разговариваетъ. Чашка съ аракой начинаетъ ходить по рукамъ, появляются новые гости, они получаютъ свою очередную порцію, на смѣну опустѣвшей четвертной бутыли, которую хозяинъ молча подаетъ женѣ, появляется другая, а тѣмъ временемъ подается на столикъ готовое мясо и калачи и присутствующіе приглашаются хозяйкой закусить: передъ каждымъ, занявшимъ у стола мѣсто, хозяйка кладетъ вилку и насыпаетъ на столъ кучку соли, куда помакиваютъ кусочки мяса. Тутъ же подается уже готовый чай, заправленный сметаной, въ чашкахъ и стаканахъ, причемъ хозяинъ передъ каждымъ гостемъ кладетъ по кусочку сахару. Каждый ѣстъ и пьетъ понемногу, быстро оканчивая эту операцію и вставая изъ за стола, чтобы освободить мѣсто и другимъ, попозже подошедшимъ гостямъ. Въ числѣ гостей появляются и пожилыя женщины, а вскорѣ и молодыя. Онѣ разсаживаются на женской половинѣ и тѣмъ-же порядкомъ угощаются самой хозяйкой—аракой прежде всего, съ той же процедурой отнѣкиваній и настояній, затѣмъ мясомъ, чаемъ. «Ну, теперь ко мнѣ пойдемте», раздается приглашеніе одного изъ гостей, и всѣ мужчины, вмѣстѣ съ хозяиномъ юрты, выходятъ за пригласившимъ, оставляя хозяйку съ ея гостьями заканчивать ихъ бесѣду и чаепитіе. Въ третьей юртѣ гостей уже ждали, тамъ варится уха или саламатъ, чайникъ грѣется на самоварѣ. Гости, чуть на веселѣ, располагаются по домашнему, выражаютъ желаніе покурить и хозяинъ подаетъ имъ дощечку—*тамы̀г жартызы*, на которой положенъ листъ махорки, ножъ и березовая сухая палка; быстро кро-

шится сначала табакъ, потомъ дерево, все это смѣшивается вмѣстѣ и набивается въ трубку, а дощечка съ оставшимся крошевомъ поступаетъ въ распоряженіе слѣдующаго. Въ рукахъ хозяина появляется бутыль съ аракой, опять наливается чашка за чашкой и подается круговая всѣмъ по очереди. Народу скопляется уже столько, что въ юртѣ становится тѣсненько, а тутъ подоспѣваетъ еще группа раскраснѣвшихся, повеселѣвшихъ женщинъ въ яркоцвѣтныхъ платьяхъ, звонко, безъ умолку болтающихъ. Разговоры, ѣда и питье здѣсь идутъ болѣе быстрымъ темпомъ и не успѣваютъ закончиться, какъ новое приглашеніе требуетъ переселенія всѣхъ гостей къ одному изъ присутствующихъ. Такъ совершается это путешествіе изъ юрты въ юрту, пока не обойдутъ всѣхъ въ улусѣ, кто въ состояніи хоть немного угостить, послѣ чего всѣ гости вновь приглашаются болѣе состоятельными хозяевами, у которыхъ они уже угощались. И снова распивается недопитый запасъ араки, снова варится или жарится мясо или рыба, ставится самоваръ и проч., только всѣмъ распоряжаются уже младшіе члены семьи, дѣвушки, такъ какъ сильно захмелѣвшія хозяйки знать ничего больше не хотятъ,—онѣ поютъ теперь пѣсни, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, или о чемъ то споря, въ чемъ то убѣждая одна другую. Далеко за полночь вся компанія, пошатываясь и бурля несвязными рѣчами, расходится по юртамъ и сладко засыпаетъ.

На слѣдующій день начинается, по инородчески, уже обычная жизнь,—поѣздка на мельницу съ мѣшкомъ хлѣба, городьба дворовъ или мочага, осмотръ покоса, поправка мочажной канавы, сѣнокошеніе и т. д. и т. д. Но среди старшихъ членовъ семьи, у которыхъ есть взрослые сыновья и дочери, есть невѣстки и проч., часто встрѣчаются неугомонные люди, которые и на другой день праздника скучаютъ объ айранчикѣ и, не долго думая, они сѣдлаютъ коня, какъ пожилые мужчины, такъ и женщины, и ѣдутъ «собирать айранъ» въ другой улусъ, а изъ этого въ третій и четвертый, гдѣ у нихъ непремѣнно есть или родня, или старые пріятели. А ужъ разъ пріѣхалъ гость, да еще дорогой, то можно ли не угостить его аракой? А то и просто такой любитель араки найдетъ «задѣлье»—поѣхать въ городъ, или въ свою инородческую управу, или совершить сдѣлку по покупкѣ

скота, и по всему пути онъ заѣзжаетъ въ улусы повидать знакомыхъ, обмѣняться степными новостями. Гдѣ же его отпустятъ безъ угощенія аракой? И ѣздитъ онъ такъ день и два, а придется, такъ и цѣлую недѣлю. Вездѣ онъ будетъ разсказывать съ дѣловитымъ видомъ о важной цѣли своей поѣздки, но торопиться не будетъ, охотно задержится и побудетъ, было бы только угощеніе, былъ бы радушный пріемъ и готовность угощать.

Передвигаясь по степи, нерѣдко можно встрѣтить сломя голову скачущаго инородца или инородку, растрепанныхъ, раскачивающихся изъ стороны въ сторону въ сѣдлѣ, не опасаясь никакихъ дорожныхъ препятствій; вотъ-вотъ, кажется, сорвется онъ или она и свалится съ сѣдла. Но нѣтъ, крѣпко обхватываютъ коня кривыя ноги, точно приросъ къ сѣдлу природный наѣздникъ, и мчится онъ черезъ рытвины, ручьи и рѣчки, по крутому склону горы, черезъ утесы. Да и не такъ ужъ онъ пьянъ, какъ кажется, или хочетъ казаться. Если нѣтъ на степи, на дорогѣ, въ виду человѣка, всадникъ ѣдетъ ровной рысью, слегка покачиваясь, а какъ завидитъ онъ встрѣчнаго, какъ станетъ подъѣзжать къ улусу, такъ и замотается въ сѣдлѣ, и запоетъ свою несложную, на двухъ—трехъ нотахъ, безконечную пѣсню, содержаніе которой составляетъ рѣшительно все, что онъ только видитъ передъ собой,—пусть всѣ видятъ и знаютъ, какъ хорошо угостили его добрые люди аракой.

Когда настанетъ время инородческаго покоса—самой важной сельскохозяйственной работы у инородцевъ—сѣнокошеніе и уборка сѣна въ значительной части выполняются помочами. На помочь идутъ охотно, такъ какъ работа заканчивается обильнымъ угощеніемъ, среди котораго важнѣйшее мѣсто занимаетъ арака и «кабашное». Во время ѣды помочане—мужчины, располагаясь въ кругъ на мѣстѣ покоса или передъ юртой хозяина, непрерывно угощаются аракой и пьютъ ее досыта, до поздней ночи, пока сами одинъ за другимъ не начнутъ разбредаться по юртамъ. Въ гостяхъ пьютъ араку, пока ее подаютъ, на помочахъ—ее подаютъ, пока пьютъ, пока сами помочане отъ нея не уйдутъ.

Такъ все лѣто, пока доятся коровы, съ мая по октябрь, инородецъ черпаетъ въ аракѣ величайшее наслажденіе и утѣху,

не зная ни похмѣлья, ни тяжелаго опьяненія. Этотъ благодатный напитокъ веселитъ его при удачѣ, ободряетъ въ горѣ, закрѣпляетъ узы дружбы и родства, облегчаетъ всю его жизнь, смягчая ея тягости, унося заботы.....

Томскъ.

Январь 1908 г.

Словарь туземныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ статьѣ А. В. Адріанова „Айранъ въ жизни минусинскаго инородца".

Примѣчаніе редактора. Слова выбраны студ. Фак. Вост. яз. СПБ. Университета Е. С. Смирновымъ и объяснены авторомъ.

агáс-кáмыс

—см. *кáмыс.* 504.

айрáн

кислое, перебродившее подъ вліяніемъ закваски (особаго грибка) коровье молоко; возбуждающій напитокъ 1-й стадіи молочнокислаго броженія; на Кавказѣ заквашивается въ дерев. кадяхъ посредствомъ куска бараньяго желудка. Повседневное питье инородцевъ Сибири; матеріалъ для полученія вина путемъ перегонки. 492 и пр.

айрáнчик

—молочное вино; это слово употребляется только въ просторѣчіи, при угощеніи русскихъ. 502.

айраны́н арагá

—вино изъ айрáна; получается посредствомъ перегонки; крѣпость 3°—20°. 496, 506, 514.

айрáн кордэ́й

—закваска, бродило для приготовленія айрана; сохраняется въ теченіе зимы въ немногихъ хозяйствахъ инородцевъ, наиболѣе богатыхъ. 494.

ак-тöсь—(см. *тöсь*)

—это тöсь солового *зыка* (см. это слово) т. е. посвященнаго духу коня соловой масти. Ему ввѣряется благополучіе табуновъ, охрана ихъ отъ болѣзней и урона.—Ак-тöсь представляетъ таловую палку около 2 арш., съ развилиной, къ которой подвѣшена передняя часть заячьей шкурки накрытой берестянымъ футляромъ. Его ставятъ въ кустахъ, въ степи, или укрѣпляютъ у изгороди поодаль отъ жилья. Дважды въ годъ, весной и осенью, ак-тöся приносятъ въ юрту и «кормятъ» вареной бараниной и угощаютъ арахой; для этой цѣли колятъ бѣлаго барашка и берутъ у него правую плюску, правыя нижнія ребра, правую половину курдюка и правую почку, варятъ ихъ и мажутъ вареньмъ мясомъ шкурку зайца и брызгаютъ аракой, послѣ чего мясо отдаютъ съѣсть дѣтямъ. Въ это время

передъ ак-тöсемъ приглашенный шаманъ совершаетъ са́быт (см. это слово)—особое моленіе.

Ак-тöся ставятъ не только въ огражденіе табуновъ отъ напасти, а и въ случаяхъ болѣзни ногъ и поясницы. 512.

алгакчи́

—руководитель общественныхъ и семейныхъ моленій и жертвоприношеній о ниспосланіи благополучія, знающій соотвѣтствующія молитвы.

Онъ совершаетъ *са́быт* (см. это слово), пользуясь березовой вѣтвью съ прикрѣпленною къ ней парой лоскутковъ бѣлаго и синяго или бѣлаго и краснаго, но ни бубна, ни спеціальнаго костюма, присвоеннаго шаману, не употребляетъ. 513.

амзор

—приборъ, опредѣляющій количество перегнанной араки. 503.

арага́—слабоградусное вино. 501.

ара́кы — вино. 497.

арчы́

—творогъ, какъ продуктъ перегонки айрана въ вино. Самая распространенная пища сибирскихъ инородцевъ скотоводовъ. 504.

бышлак, пышлак,

— прѣсный, мягкій и сладкій сыръ. Приготовляютъ его такъ: къ кипящему ключемъ свѣжему молоку вливаютъ немного простокваши (примѣрно, кринку на ведро) и не вымѣшивая, а лишь водя черпакомъ по поверхности кипящей жидкости, даютъ молоку свернуться; затѣмъ творожистую массу откидываютъ на рѣшетку (изъ стеблей ковыля или чія), завертываютъ въ нее и кладутъ подъ прессъ на нѣсколько часовъ.

Бышлакъ ѣдятъ какъ лакомство, съ чаемъ, иногда вмѣсто сахара, нарѣзаннымъ на небольшіе кусочки. 508.

зы́к

—конь, посвященный богу—покровителю лошадей. 512. (см. ак-тöсь).

ирбэ́н

—богородская трава; ее употребляютъ для окуриванія юрты и шаманской одежды во время камланія шамана, для окуриванія посвященнаго божеству коня, для воскуриванія предъ тöсями (см. это слово), ею моютъ зыка и проч. 514.

каза́н

—чугунный котелъ, чаша, емкостью отъ 2 до 5 ведеръ; служитъ для приготовленія пищи и для перегонки айрана въ вино. 497.

кам — шаманъ. 511.

камы́с — айра́нъ у якутовъ. 492.

ка́мыс (ага́с ка́мыс)

—большой деревянный ковшъ съ длинной ручкой для вычерпыванія молочной барды послѣ перегонки айрана, для черпанія щей и проч. 504.

кахпа́к

—крышка перегоннаго аппарата, деревянный шлемъ. 497.

кефи́р

—напитокъ, приготовленный изъ коровьяго молока, подвергшагося броженію при посредствѣ кефирныхъ зеренъ. 491.

кинэ́н

—сагайскій тöсь (см. это слово). Это — таловая палочка около 10 вершк., съ развилкой, къ каждому концу которой прикрѣплены полоски изъ бѣлой козлины, краснаго сукна или кумача и по пучку жилъ (изъ спины дикой козы).—Этого тöся держатъ на мужской половинѣ юрты. Кормятъ бараниной и козлиной, брызгаютъ молокомъ и виномъ, угощаютъ табакомъ.—Кинэн—одинъ изъ самыхъ боль-

шихъ тёсей у сагаевъ,—онъ покровитель охотниковъ, онъ предотвращаетъ головныя боли и помогаетъ при заболѣваніи сосковъ у коровъ. 512.

хомз

—балалайка, музыкальный инструментъ о двухъ струнахъ (изъ прядей конскаго волоса); подъ его аккомпаниментъ разсказываютъ сказки и былины. 509.

кумыс

—повседневный напитокъ, приготовляемый киргизами изъ кобыльяго молока, подвергшагося броженію подъ вліяніемъ особыхъ микроорганизмовъ. 491.

хураган

—молодой баранъ; обычно употребляется какъ жертвенное животное. 514.

хуренгá (куренгá)

—напитокъ, приготовляемый бурятами изъ коровьяго молока, подвергшагося броженію; соотвѣтствуетъ айрану минусинскихъ инородцевъ. 492.

курýт

—одинъ изъ видовъ сыра, приготовляемаго въ прокъ изъ арчы. 505.

ойгó

— этимъ словомъ обозначается неблагопріятное положеніе чашки, ложки или колотушки бубна, которыя кидаетъ на землю шаманъ при гаданіи, именно когда онѣ ложатся горбомъ вверхъ. 511.

отын эзі

—духъ огня—самое большое, наиболѣе чтимое божество. По какому бы случаю шаманъ не начиналъ своего священнодѣйствія, онъ обращается прежде всего съ молитвой (*алгачи*) къ «хозяину огня». Сколько бы разъ ни принимался за ѣду и питье хозяинъ юрты, онъ бросаетъ въ огонь первый кусокъ, первый глотокъ. 507.

пичрё

—вялый и высушеный сыръ, приготовленный изъ арчы (см. это слово); самое распространенное пищевое средство у инородцевъ Минусин. у. 505.

пичрё сыхчен азыр

—станокъ для приготовленія сыра въ прокъ. 505.

поджá

—молочная барда; у Качинцевъ замѣняетъ соль. 504.

пыскы

—мѣшалка, употреб. въ молочн. хозяйствѣ; состоитъ изъ продырявл. кружка, укрѣпл. на длинной палкѣ. 495.

рагá

—чугунный кувшинъ съ носкомъ и ручкой, емкостью въ ¼ ведра, употребляется, какъ сборникъ спиртовой жидкости при перегонкѣ айрана. 498.

сабáн

—высокая, суженная кадь, емкостью 10—15 ведеръ. 495.

сáбыт, шáбыт

—тёсь (см. это слово), состоящій изъ лоскутковъ (по полуаршину) бѣлаго и синяго, схваченныхъ жилами на уголкѣ. Это — «хозяинъ» соловаго зыка, т. е. посвященнаго духу коня. При общественныхъ желаніяхъ и жертвоприношеніяхъ на горахъ (см. тáнг), при ежегодномъ очищеніи зыка эти лоскутки подвязываютъ къ березовой вѣтви, которою помахиваетъ руководитель моленія (чильбегчи). Сабыт составляетъ также принадлежность шаманской шубы, къ которой она пришивается на спинѣ, на правомъ плечѣ. 513.

саламáт, поткы,

—каша; въ кипящую на голомъ огнѣ сметану постепенно подсыпаютъ муку, при постоянномъ

помѣшиваніи, до консистенціи жидкаго тѣста. Лакомое и почетное блюдо. 496.

сапчáк (саг)

—кадка; часть перегоннаго аппарата сойотскаго образца, по которой и весь аппаратъ такъ называется. 500.

сарá

—винная дер. чаша съ носкомъ и ручкой; теперь уже вышла изъ употребленія. 507.

сáрыг суг

—букв. желтая вода; сыворотка изъ молочной барды, какъ одинъ изъ продуктовъ перегонки айрана въ вино; употребляется, какъ пойло для телятъ, свиней, собакъ; въ соединеніи съ желѣзомъ даетъ жидкость для черненія кожи (для обуви). 504.

свиргé

—замазка изъ глины и коровьяго помета для обмазки частей перегоннаго аппарата, чтобы не парили. 499.

соргá

—дугообразная труба, соединяющая 2 части перегоннаго аппарата: кахпáк и рагá. 498.

срс

—жертвенникъ; устраивается при годовыхъ общественныхъ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ на горахъ (на тáнг'ѣ). 513.

сы́

—рѣшетка для приготовленія сыра; для пичрё—рѣшетка дѣлается изъ лучинокъ, для бышлака—изъ стеблей ковыля или чія. 505.

сюмéк

—холщевый мѣшокъ для процѣживанія молочной барды (поджó), которая дѣлится на твердую часть—арчы и жидкую—сарыг суг (см. эти слова). 504.

тáнг

—общественное моленіе о благополучіи скота и людей; устраивается въ каждомъ районѣ ежегодно, около Петрова дня, на какой-нибудь ближайшей горѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ. 512, 514.

тамы́г жартызы́

—особая дощечка, на которой крошатъ табакъ и дерево для куренія; дерево всегда примѣшивается для смягченія вкуса махорки. 516.

той

—свадебное торжество, пиръ; всякій праздникъ по случаю какого-нибудь событія въ жизни. 508.

тӧ́рэк

—этимъ словомъ обозначается благопріятное положеніе чашки, ложки, колотушки бубна, которыя кидаетъ на землю шаманъ при гаданіи, именно когда онѣ ложатся горбомъ внизъ. 511, 514.

тӧсь

—символическое изображеніе добрыхъ и злыхъ духовъ у минусинскихъ инородцевъ — качинцевъ, сагаевъ, бельтиръ, каргинцевъ, кобыйцевъ и друг.

Тӧси—домашніе божки, которыхъ держатъ почти въ каждой юртѣ, какъ внутри, такъ и снаружи, какъ на мужской, такъ и на женской половинѣ, какъ при жильѣ, такъ и внѣ его.—Обзаведеніе тѣмъ или другимъ тӧсемъ вызывается какой-нибудь спеціальной причиной (наприм., болѣзнью) и дѣлается по указанію шамана. Чествованіе каждаго тӧся сопровождается особо установленнымъ для него ритуаломъ.

Хотя всѣ минусинскіе инородцы—православные, но въ тоже время всѣ они—шаманисты, всѣ прибѣгаютъ къ помощи шамановъ, держатъ тӧсей, участвуютъ въ общественныхъ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ. 512.

тумá

—сагайскій тӧсь (см. это слово); представляетъ бичевку съ нанизанными по очередно 7 глухариными перьями и 9 угольками. Ставятъ на мужской половинѣ юрты, близь второго угла отъ две-

рей, въ случаѣ заболѣванія горячкой и страданія головной болью. Ему посвящаютъ въ качествѣ *зыка* каряго коня (карат). Кормятъ барской бараниной, рыбой, кандыкомъ, картофелемъ, брызгаютъ аракой. 512.

тӳн

—праздникъ по случаю перваго айрáна, въ Маѣ мѣсяцѣ. 506.

ульгéр

—перегонный аппаратъ сойотскаго типа (см сапчáк). 500.

учá

—народное пиршество на свадьбѣ, длящееся 2—3 дня. Во дворѣ около юрты образуются два круга изъ мужчинъ и женщинъ отдѣльно; хозяинъ и хозяйка угощаютъ всѣхъ виномъ, а на столы, вокругъ которыхъ гости сидятъ на землѣ, ставятся щи, вареное мясо, скотское и лошадиное и проч. Во дворѣ, въ котлахъ, установленныхъ на т—образно вырытыхъ канавкахъ, варится непрерывно мясо. 509.

чагá, карá чагá

—послѣ *отын эзі* второе большое божество, чтимое у кичинцевъ. Это—покровитель стадъ и домашняго очага. Внѣшнее изображеніе чага таково: къ рубахѣ изъ черной матеріи и верхнему суконному халату (сикпéн) прихватываютъ мотокъ жишуры (алтын), носъ и хвостъ выдры, одну раковинку Cypraea moneta и одну мѣдную пуговицу (у иныхъ колечко); въ такомъ видѣ чага вѣшается на спицу слѣва отъ дверей юрты и въ рукахъ шамана служитъ орудіемъ для камланья надъ больнымъ. — Чагѣ брызгаютъ («кормятъ») молокомъ и виномъ, а черезъ каждые 3 года дѣлаютъ таиг и колятъ бѣлаго барана. Для чага зыком служитъ бурый конь (*курең*). 512.

чалбáк

—качинскій тöсь въ честь духа огня (оты́н эзи). Это отрѣзокъ бѣлаго холста въ 6—7 вершковъ, съ нарисованными красной краской каймой и тремя человѣч. фигурами (мужчина, женщина и ребенокъ); справа отъ фигуръ нарисована береза корнями внизъ, слѣва — пихта корнями вверхъ; надъ человѣч. фигурами пришиты по кусочку собольей лапки и красной парчи (шапки), къ лѣвому углу прикрѣплено символич. изображеніе бубна и колотушки и пучекъ жилъ. Къ верхнимъ лоскутамъ пришиты завязки, коими тöсь прикрѣпляется къ стропиламъ юрты на мужской половинѣ, близъ иконъ. Каждый мѣсяцъ на новолуніе чалбак-тöся «кормятъ» молокомъ отъ бѣлой коровы и аракой, курятъ богород. травой (ирбéн) и кланяются.—Изъ всѣхъ тöсей—чалбак самый чтимый и распространенный — въ рѣдкой юртѣ качинца его нѣтъ. Въ качествѣ зыка ему посвящается рыжая кобыла (бóзрак). 512.

чал

—напитокъ (у туркменъ) изъ верблюжьяго молока, подвергшагося броженію. 491.

чатыгáн

—музыкальный инструментъ въ видѣ длиннаго и узкаго опрокинутаго корытца съ натянутыми по дну его 5—6 мѣдными струнами, лежащими на передвигаемыхъ лодыжкахъ. 509.

чигéн

—аналогичный айрану напитокъ изъ коровьяго молока, подвергшагося броженію, у инородцевъ Алтая въ Томской губ. 492.

чильбэгчи

—см. алгакчи. 513.

чирчé

—винная деревянная чашка, въ которой гостю подносится угощеніе молочнымъ виномъ; теперь дерев. чашка замѣняется фарфоровой чашкой или стаканомъ. 507.

чорт

—простокваша. 495.

шáлыг

—тöсь въ честь духа—покровителя охотниковъ. Его изображеніе состоитъ изъ березовой въ ¼ арш. палочки съ развилиной, обтянутой полоской сѣраго сукна, къ которой подвѣшены нитки изъ жилъ и серьги (красные корольки); по преданію, это была дѣвица, богатырь. Мѣсто этого тöся—подъ крышей юрты, между божницей и изголовьемъ кровати. Его кормятъ мясомъ дикой козы (правая половина грудины), молокомъ и виномъ. При болѣзняхъ живота, особенно печени, какъ у человѣка, такъ и скота, обращаются за помощью къ шалыг. 512.

шёк!

—восклицаніе присутствующихъ при общественныхъ и семейныхъ моленіяхъ и вообще въ разныхъ случаяхъ во время кропленія виномъ или молокомъ въ честь духа, тöся и т. д. 514.

эрмэ́к

—пѣна, накипь на стѣнахъ котла и кахпака при перегонкѣ вина изъ айрана; употребляется какъ въ свѣжемъ, такъ и въ высушенномъ состояніи въ пищу. 506.

Осень 1908 г.

Н. И. Веселовскій.

Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству [1].

Пересмотръ отъ времени до времени прежнихъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ Востоковѣдѣнія можетъ, съ одной стороны, способствовать дальнѣйшему уясненію предмета, съ другой—свидѣтельствовать о томъ, на сколько развивается у насъ эта наука и къ какимъ результатамъ она приводитъ. Для поясненія этой мысли, укажу на одинъ крупный примѣръ изъ затронутой области, на записку Ибн-Фадлана. Когда академикъ Френъ переводилъ этого автора въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, тогда изданіе текстовъ еще не стояло на надлежащей высотѣ, историческія свѣдѣнія, а главнымъ образомъ археологическія были на столько слабы, что Френъ и не могъ снабдить разсказъ Ибн-Фадлана сколько нибудь обстоятельнымъ комментаріемъ [2]. Прошло почти 60 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ труда Френа, и явилась уже серьезная попытка дать объясненіе разсказу Ибн-Фадлана. Она принадлежитъ В. В. Стасову, разобравшему одинъ частный вопросъ этого автора о Русахъ [3]. Но если бы кто теперь взялся за пересмотръ сказаній Ибн-Фадлана, тотъ навѣрное представилъ бы намъ дѣло иначе, чѣмъ

[1] Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Восточнаго отд. И. Р. А. О. 20 марта 1908 г.

[2] Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Von C. M. Frähn. St. Petersb. 1823.

[3] «Замѣтка о „Русахъ" Ибн-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей». Ж. М. Н. Пр. 1881, № 8.

сдѣлалъ это знаменитый Френъ. Подобную работу и предпринялъ баронъ В. Р. Розенъ, но успѣлъ опубликовать только «Пролегомена къ новому изданію Ибн-Фадлана»[1]. Относительно этой работы нашъ, преждевременно скончавшійся, академикъ-арабистъ говорилъ, что ему для исполненія ея нужно не менѣе какъ десять лѣтъ; но судьба не дала ему этого срока.

Исходя изъ такого соображенія, я предпринялъ заняться пересмотромъ нѣкоторыхъ старыхъ работъ въ области востоковѣдѣнія, близкихъ мнѣ по роду моихъ занятій.

Здѣсь я буду говорить по поводу диссертаціи проф. В. В. Григорьева «О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству». Она появилась въ 1842 году, произвела въ ученомъ мірѣ очень выгодное впечатлѣніе и доставила автору степень магистра русской исторіи. Григорьевъ убѣдительно рѣшилъ спорный вопросъ о достовѣрности ярлыковъ, разъяснилъ много темныхъ мѣстъ въ этихъ документахъ; но кое-что изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій осталось все-таки темнымъ и загадочнымъ. Послѣ того документами этими никто, кромѣ Дорджи Банзарова, объяснившаго въ 6-мъ ярлыкѣ слово «вайсу»[2], не интересовался, съ цѣлію подвинуть начатое дѣло дальше. Между тѣмъ, это до нѣкоторой степени возможно и во всякомъ случаѣ не безполезно, такъ какъ ярлыки эти принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ нашей исторіи татарскаго періода.

Начну съ отдѣльныхъ словъ, которыя не получили еще надлежащаго разъясненія[3].

Дарыкъ.

«Дали есмя овечья лѣта, дарыка въ семь сотъ осьмое (*должно быть*: осьмидесятое) лѣто, солгата мѣсяца, 10 день нова» (2-й ярлыкъ, стр. 251—2).

---

[1] Записки Вост. отд. И. Р. А. О., т. XV.

[2] «Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ». Записки И. Р. Арх. Общества, т. II (Спб., 1850), стр. 72—97.

[3] Цитаты сдѣланы по позднѣйшему изданію диссертаціи Григорьева въ его сборникѣ «Россія и Азія», Спб. 1876. Стр. 170—258.

По поводу этой даты В. В. Григорьевъ замѣтилъ: «Что-же бы такое было слово «дарыкъ», встрѣчаемое послѣ «овечья лѣта», не могу догадаться. Не могъ объяснить его себѣ и извѣстный монгололога академикъ Шмидтъ (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. w., S. 26—27)». Стр. 230.

Въ то время, когда печаталась диссертація проф. Григорьева, другой изслѣдователь и въ другомъ мѣстѣ, именно епископъ саратовскій и царицынскій Іаковъ, опубликовалъ свою статью «Изслѣдованіе о мѣстѣ Сарая, столицы кипчакской орды» и тамъ коснулся этого же слова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*Овечія лѣта дарыка*. Слово овечія лѣта есть, кажется, переводъ слова *дарыка*, которое отзывается словомъ *сарыкъ*, что въ Оренбург. татар. нарѣчіи значитъ *стадо овецъ* и *овца*» (Ученыя Зап. Казанскаго Унив. 1842, кн. II, стр. 60, примѣчаніе). Оба названные автора не знали о работахъ одинъ другого и подходили къ рѣшенію вопроса самостоятельно. Теперь, пожалуй, покажется страннымъ, что это слово затрудняло нашихъ оріенталистовъ (монголистъ Шмидтъ несомнѣнно пользовался указаніями арабиста Френа). «Дарыкъ» есть самое обыкновенное въ документахъ арабское слово *тарих*, употребляемое мусульманами при годѣ въ смыслѣ хронологіи, и въ такомъ случаѣ оно значитъ «лѣтосчисленіе». Оно и находится неукоснительно въ оригиналахъ ханскихъ ярлыковъ. Напримѣръ, въ ярлыкѣ Тохтамыша къ Ягайлѣ читаемъ: *тарых еди юз токсан бешта* [1], т. е. по лѣтосчисленію въ году 795 (1393).

Слѣдовательно, смыслъ вышеприведеннаго выраженія въ ярлыкѣ Атюляка будетъ такой: Овечья лѣта по лѣтосчисленію семьсотъ осьмое (осьмидесятое).

Ентя.

«Ентя году, Арама мѣсяца, во 2 ветха» (7-й ярлыкъ, стр. 257). Вмѣсто Ентя въ Суздальской лѣтописи стоитъ «Сита».

В. В. Григорьевъ далъ относительно этого слова очень пространное разсужденіе, которое и самъ призналъ не удовле-

---

[1] В. В. Радловъ, «Ярлыки Токтамыша и Темиръ-Кутлуга» (Записки Вост. отд. И. Р. А. О., III, стр. 16).

творительнымъ. Вотъ его слова: «Надлежало бы думать, что «Ентя» или «Сита» есть названіе одного изъ двѣнадцати годовъ монгольскаго цикла, такъ же, какъ «Тегигуя» или «Тетигуя» въ ярлыкѣ Бердибека; но не только такого, а даже сколько нибудь похожаго на это названіе не находимъ между монгольскими именами двѣнадцати лѣтъ цикла. Что жъ бы такое было это «Ентя» или «Сита»? Утвердительно разрѣшить не беремся, но вотъ предположеніе»... Далѣе Григорьевъ слово «Ситя» переводитъ на цифры и получаетъ 1355, число «очень близкое къ 1356, году дачи ярлыка, какъ выходитъ изъ другихъ соображеній; значило бы, что въ этомъ ярлыкѣ употреблено лѣтосчисленіе христіанское—дѣло весьма возможное въ монгольскомъ государствѣ» (стр. 231). Не привожу слѣдующихъ за симъ еще другихъ соображеній Григорьева, которыя онъ самъ охарактеризовалъ такъ: «все это предположенія на предположеніяхъ и болѣе ничего». Отсюда видно, однако, что это загадочное слово очень интересовало Григорьева и ему сильно хотѣлось разъяснить его; въ этихъ видахъ онъ допустилъ даже совсѣмъ невѣроятное предположеніе, будто бы въ Золотой Ордѣ могло примѣняться христіанское лѣтосчисленіе!

Не обошелъ слово Ентя и преосвященный Іаковъ. Въ вышеназванной статьѣ онъ выразился о словѣ Ентя кратко и рѣшительно: «Ентя году—въ одиннадцатомъ году лѣтосчислительнаго цикла, который звался годомъ Пса (*Итъ*)», стр. 59.

До нѣкоторой степени производство Ентя отъ Итъ соблазнительно и, если оно не вошло въ соображенія Григорьева, искавшаго разгадки на основаніи созвучія, то надо думать, только потому, что онъ циклическіе года принималъ въ монгольскомъ наименованіи; а у монголовъ собака называется *нохай*. Мнѣ кажется, что вопросъ разрѣшается иначе. Но прежде, чѣмъ предложить свое толкованіе, я остановлюсь на хронологіи и коснусь поѣздокъ митрополита Алексѣя, за предѣлами Россіи, по Никоновской лѣтописи.

Въ мартѣ 6861 (1353 г.), скончался митрополитъ Ѳеогностъ и въ томъ же году митрополитъ Алексѣй получилъ отъ патріарха Ѳилофея повелѣніе идти въ Царьградъ ставиться на митрополію. О времени выѣзда лѣтопись не говоритъ, но подъ

6862 (1354) г. сообщаетъ, что того года м. Алексѣй вернулся изъ Константинополя въ Москву. Въ 6864 (1356) г. м. Алексѣй вторично посѣтилъ Царьградъ и въ томъ же году вернулся. Исцѣленіе митрополитомъ Алексѣемъ ханской жены Тайдулы произошло въ 6865 (1357) году. Изъ Орды м. Алексѣй «вборзѣ» былъ отпущенъ «понеже въ то время возсташе вражда и замятня веліа въ Ордѣ». Во время этой замятни ханъ Джанибекъ былъ лишенъ жизни сыномъ своимъ Бердибекомъ въ томъ же 1357 году.

Е. Е. Голубинскій въ своемъ капитальномъ трудѣ «Исторія русской церкви» подробно разбираетъ время и обстоятельства пребыванія м. Алексѣя въ Константинополѣ и приходитъ къ заключенію, что лѣтописи Воскресенская и Типографская ошибаются касательно года возвращенія митрополита въ Россію, указывая на 1354-й годъ; а что Троицкая и Новгородская, болѣе авторитетныя, относятъ это событіе на осень 1355 года [1]. Признавая значеніе доводовъ проф. Голубинскаго, я, тѣмъ не менѣе, не могу считать вопросъ о хронологіи рѣшеннымъ и признаю года 1354 и 1355 спорными. Возведеніе м. Алексѣя въ этотъ санъ состоялось въ іюнѣ 1354 г.; а дальнѣйшія событія въ Константинополѣ изложены не вполнѣ ясно.

Къ какому же изъ этихъ годовъ надо отнести ярлыкъ ханши Тайдулы?

Казалось бы всего ближе предположить 1357 годъ, когда исцѣленная Тайдула и выдала ярлыкъ митрополиту Алексѣю въ благодарность за оказанную ей помощь. Такъ и заключалъ Григорьевъ; но заключалъ вопреки хронологіи Никоновской лѣтописи. Вотъ что писалъ Григорьевъ: «Алексѣй, поставленный въ 1353 году, поѣхалъ туда (въ орду) не ранѣе 1356 года, и то по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вслѣдствіе исцѣленія которой и получилъ отъ нея, вѣроятно, тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ Тайдулы на имя сего митрополита» (стр. 226). Но лѣтопись прямо указываетъ на 1357-й годъ, а не на 1356-й. Послѣдній (1356) годъ есть тотъ, въ который м. Алексѣй ѣздилъ во второй разъ въ Константинополь.

[1] Т. II, стр. 182—3, примѣчаніе.

Зачѣмъ же Тайдула въ 1357 г. (т. е. вслѣдъ за исцѣленіемъ) снабдила м. Алексѣя ярлыкомъ на поѣздку въ Константинополь, когда онъ только что вернулся оттуда и ни изъ чего не видно, чтобы собирался туда въ третій разъ. На всякій случай, такъ сказать, въ запасъ? Если допустимъ, что дѣло происходило точно такимъ образомъ, то прежде всего надо отказаться отъ сближенія слова Ентя съ *Итъ*, такъ какъ годъ собаки приходится на 1358-й годъ, когда Джанибека уже не было въ живыхъ.

Я вовсе не вижу необходимости выдачи Тайдулою ярлыка м. Алексѣю ставить въ связь съ ея исцѣленіемъ. Дѣло въ томъ, что Тайдула имѣла обыкновеніе давать ярлыки и другимъ митрополитамъ: одинъ написанъ на имя м. Іоны, свиного года (1347 г.), другой выданъ м. Ѳеогносту, заячьяго лѣта (1352 г.). Отсюда явствуетъ, что Тайдула могла пожаловать ярлыкъ м. Алексѣю и независимо отъ его поѣздки ради исцѣленія и въ другое время. Въ такомъ случаѣ, въ какое же? Такъ какъ ярлыкъ данъ Тайдулою на случай поѣздки м. Алексѣя въ Константинополь, а патріархъ обязалъ святителя являться къ нему черезъ каждые два года [1], то никакими соображеніями мы точную хронологію ярлыка не рѣшимъ. Но этотъ документъ имѣетъ дату: «Ентя году».

Григорьевъ сперва вѣрно предположилъ, что Ентя должно означать названіе одного изъ двѣнадцати годовъ монгольскаго цикла, но только онъ, слѣдуя за статьей О. М. Ковалевскаго «О китайскомъ календарѣ» (Казань, 1835 г.), не отыскалъ тамъ сколько-нибудь похожаго на это названіе и отказался отъ этой мысли. А между тѣмъ, въ животномъ циклѣ мы найдемъ это слово, только не въ монгольскомъ счисленіи, а въ уйгурскомъ, что Григорьевъ упустилъ изъ виду.

Улугъ-бекъ въ своихъ таблицахъ, перечисляя года этого цикла, называетъ годъ лошади не *ат*, какъ было бы по тюркски и по татарски, не *мурен* (*морин*), какъ было бы по монгольски, а *юнд*—

[1] М. Алексѣй это требованіе исполнилъ только одинъ разъ въ 1356 г. и то по вызову патріарха по случаю домогательствъ м. Романа на Кіевъ. Е. Е. Голубинскій, Исторія Р. церкви, II, стр. 190.

по уйгурски [1], что можетъ быть произносилось *йонда*, какъ въ османскомъ [2]. Если отожествленіеентя съ юнда допустимо, то время выдачи ярлыка Тайдулою надо отнести къ 1354 г., такъ какъ за все время ханствованія Джанибека годъ лошади былъ дважды: въ 1342 г. и въ 1354 г.; но ввиду того, что назначеніе митрополита Алексѣя состоялось только въ 1353 г., то ярлыкъ ему могъ быть составленъ не ранѣе этого года. Этимъ обстоятельствомъ можетъ быть, разрѣшилось разногласіе лѣтописей относительно 1354 и 1355 годовъ. Замѣтимъ, что нашъ годъ начинался тогда съ 1 марта и вполнѣ совпадалъ съ цикличе-скимъ.

Кстати, по поводу ярлыковъ Тайдулы: что̀ значитъ, что она снабжаетъ м. Алексѣя ярлыкомъ на проѣздъ въ Константинополь, когда это, повидимому, дѣло хана? Въ самомъ началѣ стоятъ слова: «По Зенебекову ярлыку Тайдулино слово». Отвѣтить на этотъ вопросъ, кажется, не трудно. Тайдула имѣла обширный земельный удѣлъ, и даже названіе города Тулы производятъ отъ ея имени, поэтому она и давала тарханные ярлыки русскому духовенству только касательно *своихъ* владѣній, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру хановъ [3]. Такой же характеръ долженъ имѣть

---

[1] Epochae celebriores, astronomis, historicis etc. usitatae: ex traditione Ulug Beigi, Indiae citra extráque Gangem Principis: eas primus publicavit, recensuit et commentariis illustravit Iohannes Gravius. Londoni, 1650, p. 5—6.

[2] Словарь Будагова, II, стр. 386.

[3] Григорьевъ смотрѣлъ на дѣло иначе и, полагая, что ханши принимали дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, могли давать ярлыки, обязательные для всей орды (стр. 214—219). Это очень сомнительно, и самъ Григорьевъ увеличилъ сомнѣніе слѣдующимъ аргументомъ: «Мѣра вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія и степень вліянія вообще, разумѣется, зависѣли много отъ личныхъ достоинствъ ханшъ, ихъ ума, красоты, оставляя въ сторонѣ права на это. Одна ханша могла дѣлать то, для чего у другой недоставало бы характера, силы воли, хитрости» (стр. 219). Не въ томъ вѣдь дѣло, что ханша издаетъ распространенный на все государство ярлыкъ, а въ томъ, какое онъ будетъ имѣть примѣненіе. Если такой ярлыкъ появился не по обычаю, а вопреки ему, то результатомъ можетъ быть или неудовольствіе народа, или, что еще хуже, возмущеніе и, во всякомъ случаѣ, останется безъ исполненія. Для вліятельной ханши, всего удобнѣе въ видахъ достиженія своей цѣли, просто упросить хана дать ярлыкъ.

*

ярлыкъ ея м. Алексѣю на проѣздъ его въ Константинополь. Разрѣшеніе на такую поѣздку слѣдовало бы ожидать отъ самого хана, что вѣроятно и было дано, Тайдула же облегчила путь митрополиту только въ своемъ юртѣ. Кромѣ того, она могла давать ярлыки и на всю Россію, но въ дѣлѣ личномъ. Извѣстно, что ханшамъ полагалась нѣкоторая подать съ покоренныхъ народовъ—царицына пошлина; для полученія ея пріѣзжали послы ханшъ или баскаки, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока существовалъ такой порядокъ. Ханши освобождали русское духовенство отъ слѣдовавшей имъ дани, а для этого требовалось удостовѣрить такую льготу ярлыкомъ.

Арамъ.

Слово это, означающее названіе мѣсяца—«Арама мѣсяца»—встрѣчается дважды: въ четвертомъ ярлыкѣ (стр. 253) и въ седьмомъ (стр. 257). Григорьевъ затруднился объяснить это слово: «Такого мѣсяца—писалъ онъ, мы не находимъ ни въ календарѣ мусульманскомъ, ни въ календарѣ Сирійцевъ, ни у Евреевъ, ни у Персовъ, и только благодаря Эрбло (Bibl. Orient. статья Aram) можемъ сказать вслѣдъ за нимъ, что мѣсяцъ такого имени есть у Хатайцевъ, познакомиться ближе съ времясчисленіемъ которыхъ не позволяетъ намъ отсутствіе нужныхъ для сего источниковъ» (стр. 232). И далѣе: «никакъ ужъ не можемъ согласиться съ первымъ изъ нихъ (т. е. съ академикомъ Шмидтомъ), чтобы «Арамъ мѣсяцъ», когда писанъ этотъ ярлыкъ, также какъ и Тайдулинъ Алексѣю, былъ мусульманскій Мухарремъ» (Phil. Krit Zugabe u. s. w., S. 26).

Итакъ, академикъ Шмидтъ призналъ въ наименованіи арамъ мусульманскій мѣсяцъ мухарремъ, по всей вѣроятности слѣдуя указаніямъ Френа, который въ одной рукописной запискѣ о Гюлистанѣ такъ и объяснилъ слово арамъ. Преосвященный Іаковъ пошелъ по той же дорогѣ и безъ всякихъ колебаній заявилъ: «Арама, вѣрнѣе, *мухаррема*, перваго мѣсяца луннаго года» (стр. 59).

Для вполнѣ точнаго опредѣленія этого названія даже и въ то время, когда писались названныя работы, въ дѣйствительности не было никакихъ затрудненій. О мѣсяцѣ арамѣ, съ кото-

раго начинался годъ у уйгуровъ, сообщилъ еще Улугъ-бекъ [1]. Такимъ образомъ и здѣсь намъ приходится имѣть дѣло съ уйгурскимъ вліяніемъ въ Золотой ордѣ, длившимся въ календарномъ счетѣ очень продолжительное время. Интересно и то, что это уйгурское наименованіе мѣсяца передано русскимъ переводчикомъ ярлыковъ совершенно точно.

Телевъ.

Во второмъ ярлыкѣ читаемъ (стр. 251): «а кого нашихъ пословъ или посланниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ». Въ Собраніи Государственныхъ грамотъ сказано: «телева нѣтъ». Григорьевъ въ своемъ изслѣдованіи совершенно обошелъ это непонятное, какъ ему, такъ и другимъ, слово. Мы не видимъ, пытался ли онъ разгадать его; а между тѣмъ, своевременное разъясненіе этого слова могло бы какъ нельзя лучше послужить на пользу основного положенія Григорьева, что русскій текстъ ярлыковъ является подстрочнымъ переводомъ ордынскаго (т. е. уйгурскаго) оригинала. По смыслу рѣчи можно догадываться, что подъ этимъ непонятнымъ словомъ «телеватнѣ» скрывается какой то юридическій терминъ, говорящій объ освобожденіи отъ наказанія. И дѣйствительно, если мы возьмемъ варіантъ «телева нѣтъ» [2], то найдемъ и его значеніе. Слово *тӧлеу* находится въ употребленіи у татаръ и казакъ-киргизовъ и теперь въ смыслѣ взысканія, уплаты [3], слѣдовательно, оно сохранилось въ русской передачѣ ярлыка безъ малѣйшаго искаженія. Такимъ образомъ вышеприведенная фраза можетъ быть изложена такъ: «а кого изъ нашихъ пословъ или посланниковъ убьютъ церковные люди, защищая свое имущество, тому взысканія нѣтъ».

---

[1] Epochae celebriores, etc. p. 63—66.

[2] Какъ изъ «телева нѣтъ» получилось «телеватнѣ» объяснить очень легко. Буква *т*, едва ли не чаще другихъ выносилась вверхъ строки и,
Т
если она попала немного влѣво, ТЕЛЕВАНѢ, то у переписчика, не знавшаго значенія слова *телева*, могло получиться *тнѣ* вмѣсто *нѣт*.

[3] Киргизско-русскій словарь, составленный Н. И. Ильминскимъ. Оренбургъ, 1897, стр. 204.

Голка.

«Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки». Объясненіе этого слова находимъ у Даля въ его словарѣ; оно значитъ: шумъ, крикъ, волненіе въ народѣ, мятежъ, ссора.

Календарная система въ Золотой ордѣ для оффиціальныхъ документовъ была очень сложная. Тамъ примѣнялся во 1-хъ циклическій счетъ годовъ по названіямъ животныхъ, вообще очень устойчивый у кочевыхъ народовъ, татарами же усвоенный въ уйгурскомъ наименованіи (*юнда*); во 2-хъ — мусульманское лѣтосчисленіе, обязательное у послѣдователей ислама. Названія мѣсяцевъ тоже двоякія: уйгурскія (*арам*) и мусульманскія; кромѣ того, примѣнялось и обще-тюркское дѣленіе мѣсяцевъ по временамъ года (осенняго перваго мѣсяца—въ 1-мъ и 5-мъ ярлыкахъ).

Григорьевъ совсѣмъ упустилъ изъ виду уйгурскій календарь, по которому происходилъ въ ордѣ счетъ какъ годовъ, такъ и мѣсяцевъ. О томъ, что вышло изъ такого упущенія относительно годовъ (*ента*) и мѣсяцевъ (*арам*), мы уже видѣли; остается сказать еще нѣсколько словъ о переводѣ этихъ мѣсяцевъ на календарь мусульманскій. Такъ какъ онъ полагалъ, что мѣсяцы въ ярлыкахъ соотвѣтствуютъ монгольскому календарю, то и заявилъ: «мѣсяцы года Монголы считаютъ по порядку, не давая имъ особенныхъ названій» (стр. 230).

Григорьевъ поступалъ такимъ образомъ, считая мѣсяцы по монгольски, т. е. шелъ неправильнымъ путемъ.

Что же касается преосвященнаго Іакова, затронувшаго хронологію ярлыковъ, то тутъ онъ очутился прямо въ безвыходномъ положеніи и думалъ выдти изъ затрудненія тѣмъ, что вмѣсто «десятаго мѣсяца» готовъ былъ читать «десятаго года» (стр. 59), что не имѣетъ уже никакого смысла.

Григорьевъ вполнѣ справедливо осудилъ разстановку знаковъ препинанія Новикова и издателей «Сборника Государственныхъ грамотъ», такъ какъ незнакомые ни съ монгольскимъ, ни съ татарскими языками, они не могли понять, гдѣ начало, гдѣ конецъ періода, оттого нерѣдко перепутывали періоды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затмили даже смыслъ (стр. 237). На этомъ основаніи Григорьевъ не счелъ возможнымъ сохранить пунк-

туацію своихъ предшественниковъ, а ввелъ свою. Такъ какъ въ древности никакой пунктуаціи не существовало, то теперь она является дѣломъ личнаго произвола и едва ли можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ. Есть недостатки и у Григорьева. Напримѣръ, какъ разобраться въ слѣдующемъ изложеніи въ 4-мъ ярлыкѣ. «Въ Сараѣ орда кочевала. Написано. А жалобу положилъ Тайбога; Айхоча, Мухтаръ, Учагуи, Карапчіи, писали» (стр. 253).

Во 1-хъ, зачѣмъ слово «написано» отдѣлено точкою отъ предыдущей фразы [1]? Вѣдь рѣчь идетъ о томъ, что ярлыкъ написанъ тогда, когда орда кочевала въ Сараѣ; мѣсто составленія ярлыка всегда обозначается опредѣленно, и въ данномъ случаѣ говорится, что ярлыкъ написанъ, когда орда кочевала въ Сараѣ. Во 2-хъ, сколько лицъ писали ярлыкъ? По Григорьеву, ихъ выходитъ или трое или четверо, въ зависимости отъ того, какъ онъ понималъ Карапчіи, что̀ остается неизвѣстнымъ. Если у него это собственное имя (написано съ большой буквы), тогда четверо; если титулъ, то трое. Карапчіи, ихъ всегда четыре—почетная должность у кочевыхъ народовъ, извѣстная намъ съ глубокой древности.

У народа Хунну были четыре знатные рода, которые поставляли ханамъ женъ; у монголовъ представители этой степной аристократіи воздымали избраннаго хана на войлокѣ, держа послѣдній за четыре угла. Они являлись такою необходимою принадлежностью ханскаго двора, что безъ нихъ не обошлось даже ничтожное Касимовское ханство; а въ Крыму они пережили и хановъ и самое ханство. Можетъ быть, такъ и понималъ Григорьевъ слово карапчіи и относилъ его къ тремъ предшествующимъ именамъ; но я думаю, что карапчіи надо читать не во множественномъ числѣ, а въ единственномъ—карапчій и пріурочивать только къ имени Учагуй на томъ основаніи, что Мухтаръ не собственное имя, а тоже титулъ, означающій старшину. Слѣдовательно, ярлыкъ писали только два лица: Айхоча-мухтаръ и Учагуй-карапчій.

Въ 6-мъ ярлыкѣ сказано: «Сеунчъ, Темиръ, Мюрбакшеи писали» (стр. 256). Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же во-

[1] То же сдѣлано Григорьевымъ и въ другихъ ярлыкахъ.

просомъ: какъ понималъ Григорьевъ слово Мюрбакшеи, какъ собственное имя, или какъ титулъ? Слово это, думаю, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ части: *мюр* должно означать *мир* (= эмиръ) въ данномъ случаѣ начальникъ, и *бакшей* или *бакши*—писецъ, т. е. все вмѣстѣ—начальникъ писцовъ. Такъ какъ въ татарскомъ языкѣ титулы всегда ставятся послѣ собственнаго имени, то и данный титулъ относится къ Темиру; по мнѣ кажется, что и Сеунчъ принадлежитъ тому же лицу, и вмѣсто трехъ лицъ является только одно. Что же касается глагола «писали» во множественномъ числѣ, то возможно, что это произошло по какому нибудь недоразумѣнію.

Относительно мѣстностей, въ которыхъ составлялись ярлыки, я считаю возможнымъ обратить вниманіе на упоминаемое въ 3-мъ ярлыкѣ урочище: «На Желтой Трости орда кочевала» (стр. 252). По татарски это будетъ Сары-Камышъ.

О немъ Григорьевъ замѣтилъ, что не знаетъ, гдѣ оно находилось, и предоставилъ сдѣлать опредѣленіе другимъ, имѣвшимъ возможность познакомиться съ топографіею Кипчакской степи болѣе его (стр. 235). Мнѣ кажется, что Желтую Трость слѣдуетъ искать около нынѣшняго Камышина, очевидно, не случайно получившаго это названіе.

Быть можетъ, безъ большаго риска можно Каонгу (въ 6-мъ ярлыкѣ)—«Орда кочевала на Каонгѣ»—отожествить съ мѣстностью Канга въ Астраханскомъ уѣздѣ, гдѣ находится ерикъ Канга. Впрочемъ, для незнакомаго съ мѣстной топографіей всегда трудно разобраться въ названіи урочищъ, иногда утратившихъ древнія наименованія [1], и разъясненіе ихъ надо предоставить мѣстнымъ дѣятелямъ.

---

[1] На сколько возможны въ этомъ случаѣ недоразумѣнія, приведу примѣръ изъ той же области татарскихъ ярлыковъ. Проф. И. Н. Березинъ въ статьѣ своей «Ярлыки крымскихъ хановъ Менгли-Гирея и Мухаммедъ-Гирея» (Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древ., т. VIII) далъ переводъ мѣстности одинъ разъ въ такомъ видѣ: Камышъ, Бурунджукъ (стр. 13), а въ другой разъ: «изъ внутренностей Керчи—Камыша и Бурунджука» (ibid). Между тѣмъ, это одно урочище, которое и нынѣ называется Камышъ-Бурунъ. Въ текстѣ такъ и сказано: *камыш бурунджук* и *камыш бурунджукда*.

СПБ., Ноябрь 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Ѳ. Е. Коршъ.

О нѣкоторыхъ бытовыхъ словахъ, заиметвованныхъ Древними Славянами изъ такъ называемыхъ урало-алтайскихъ языковъ.

Въ 1905 г., сначала въ видѣ статей, появившихся въ III томѣ журнала Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, потомъ отдѣльно, вышла замѣчательная книга I. Пейскера, профессора Градецкаго (Грацскаго) университета, Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Авторъ путемъ остроумнаго сопоставленія многочисленныхъ данныхъ историческихъ, экономическихъ, бытовыхъ и лингвистическихъ пришелъ къ заключенію, что политическая несостоятельность бо̀льшей части Славянъ, окончившаяся для многихъ изъ нихъ подчиненіемъ иноплеменнымъ владыкамъ и вымираніемъ, происходитъ отъ ихъ разоренія съ востока турецкими кочевниками, обрушившимися на нихъ впервые очень давно и повторявшими свои набѣги неоднократно и въ болѣе позднія времена, а съ запада — Германцами, господство которыхъ было менѣе безпорядочно и кровопролитно, но въ другихъ отношеніяхъ не менѣе тяжко. Изъ разнообразныхъ фактовъ, приведенныхъ авторомъ въ доказательство этого главнаго положенія, остановимся здѣсь на указаніяхъ, извлеченныхъ изъ области языковѣдѣнія, и при томъ именно на словахъ турецкихъ и вообще т. наз. урало-алтайскихъ, такъ какъ относящійся сюда матеріалъ изъ языковъ германскихъ представленъ у него довольно полно [1] благодаря работамъ предшественниковъ и помощи тѣхъ

[1] Хотя едва-ли исчерпанъ. Такъ *холопъ*, црк.-сл. *хлапъ*, чеш. chlap, пол. chłop предполагаетъ, по видимому, герм. *halpaz помощникъ — ср. гот. hilpan, др.-сканд. hjalpa, др.-сакс. и англо-с. hëlpan и т. д. = н.-в.-нѣм. helfen. За то едва-ли умѣстно въ данной обстановкѣ слово *хватъ* (стр. 94), которое, по всей вѣроятности, есть то-же, что *фатъ*=франц. fat.

нѣмецкихъ и славянскихъ ученыхъ, которые откликнулись на его призывъ.

Владычество кочевыхъ пастуховъ — Турокъ и еще не совсѣмъ осѣвшихъ скотоводовъ — Германцевъ повлекло за собою почти полное уничтоженіе скотоводства у Славянъ, которые, по свидѣтельству чисто славянскихъ названій нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, нѣкогда занимались имъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Заимствованіемъ изъ турецкихъ языковъ Пейскеръ считаетъ общеславянское (русское, болгарское, чешское, польское) *творогъ*—чагат. *турак*, як. *тур*. «Урало-алтайское» происхожденіе этого слова весьма вѣроятно, но 1) едва-ли слѣдовало, по примѣру Вамбери, считать турецкимъ словомъ осм. и азерб. *тӱрш*—«кислый», которое такъ слабо распространено въ турецкихъ языкахъ и такъ сильно — въ иранскихъ, что, не смотря на неясность таящагося въ немъ индо-европейскаго корня, это слово съ гораздо бо́льшимъ правомъ можетъ быть признано иранскимъ, и 2) упомянутое тамъ-же (стр. 122), также въ качествѣ заимствованнаго изъ какого-то турецкаго языка, др.-греч. τῡρός «сыръ» можетъ, правда, восходить къ «урало-алтайскому» источнику, однако менѣе всего именно къ турецкому, такъ какъ τῡρός употреблялось Греками еще тогда, когда они не имѣли никакихъ сношеній съ турецкими племенами,—мало того: еще тогда, когда Турокъ (Тюрковъ) въ нынѣшнемъ значеніи этого названія, можетъ быть, не было, потому что они еще только выдѣлялись изъ общей массы Алтайцевъ (конечно, также не въ современномъ смыслѣ этого слова). Греческое ῡ слова τῡρός можетъ находиться въ прямой связи съ *-ва-* славянскаго *творогъ* и съ *-ыбы-* чувашскаго *тыбырч* (черем *тубурш*).

Къ исконнымъ славянскимъ словамъ Пейскеръ причисляетъ *быкъ*, *волъ* и *коза* (стр. 101). И таково господствующее мнѣніе. Но такъ-ли ужь оно неоспоримо? *Быкъ* приводится въ связь со словами *бучати* «ревѣть, гудѣть» и *бъчела* = пчела, что со звуковой стороны безукоризненно, но съ семасіологической — довольно сомнительно. Такъ какъ Славяне — Индо-европейцы и, кромѣ того, сохранили производныя *говѧдо* «быкъ» (и, по видимому, «корова», нѣкогда — «стадо быковъ и коровъ») и *говьно*, т. е., первоначально, «бычачій или коровій пометъ» (ср. ново-греч. καβαλλίνα «конскій пометъ» отъ καβάλλα или καβάλλης «вер-

ховая или вьючная лошадь»), то почти несомнѣнно, что быка, да, можетъ быть, и корову, они называли когда-то словомъ, близкимъ къ др.-инд. *гāу-ш*, латыш. gů̊w-s, др.-в.-нѣм. kuo и т. д., т. е. къ индо-европ. **гоу-* или **гōу-*. Это слово они со временемъ утратили, что̀ могло произойти по причинамъ чисто грамматическимъ, безъ иноплеменнаго вмѣшательства. Чѣмъ-же имъ было замѣнить его? Совершенно-ли новымъ словомъ, созданнымъ такъ-же самостоятельно и независимо ни отъ какихъ преданій и образцовъ, какъ во времена возникновенія языка, какимъ оказалось-бы *быкъ*, если оно происходитъ отъ глагольнаго корня **бък-*, существовавшаго, вдобавокъ, у тогдашнихъ Славянъ уже чуть-ли не только въ видѣ *бъч-*, или названіемъ болѣе или менѣе готовымъ, будь оно перенесено на данное животное вообще съ какой-либо его разновидности или съ другого, близкаго къ нему животнаго, или заимствовано у какихъ-нибудь иноязычныхъ сосѣдей? Послѣднія три возможности, очевидно, гораздо вѣроятнѣе первой (если только ее можно назвать возможностью), и одну изъ нихъ — хотя трудно опредѣлить, которую — мы, по видимому, должны принять относительно слова *коро́ва* (црк.-слав. *крава*, серб. *кра̏ва*, чеш. kráva, пол. krowa, в.-луж. krówa). Родственны съ нимъ лит. karvė, прус. kurwis «быкъ» (откуда пол. karw «тощій, ободранный волъ») и, вѣроятно, греч. καρβατίνη (если б изъ в) «башмакъ (постолъ?) изъ сыромятной бычачьей кожи» (слово, вѣроятно, замствованное) и κρῑ(F)ός баранъ (изъ **кервóс*, какъ ῥῖζα [1] «корень» отъ *верд-* «рости», ῥῑνός «кожа» ср. др.-инд. *варна-с*, κρῑθή «ячмень» ср. нѣм. Gerste, лат. hordeum [2] и т. п.), также лат. cervus и герм. *hërwut или herut (анг.-с. heorot, др.-ск. hjortr и т. д.) «олень» (которыя въ такомъ случаѣ должны быть отдѣлены отъ сближаемаго съ ними по примѣру Бенфея греч. κεραός «рогатый» изъ **ке́рнвóс* [3],—отдѣлены впрочемъ лишь постольку, поскольку можно отдѣлять слав. *ка́мы*, *ка́мень* отъ лит. aszmů̊, др.-инд. *а́сман-*, авест. *асман-*

---

[1] А не ῥίζα, какъ пишутъ обыкновенно: ср. эпиграфическое PEIZA.

[2] Клуге (Etym. Wört. подъ Gerste) сомнѣвается въ принадлежности греческаго слова къ этой группѣ; но что-же могло произойти изъ индоевроп. **герз'дā*, если не (дор.-эол.) κρῑθά?

[3] Куда примыкаетъ слав. **сърна* или **сьрна* (црк.-слав. *срьна*, русск. *се́рна*, серб. *срна*, чеш. srna, пол. sarna, луж. sorna).

и т. п.). И такъ **корва* есть исконное индо-европейское, хотя, можетъ быть, лишь западное, слово; но исконно-ли его нынѣшнее значеніе у Славянъ, или оно, если не самое слово, перешло къ нимъ отъ Балтовъ,—это еще вопросъ. Что̀ же касается слова *быкъ*, то оно, по указаннымъ выше причинамъ фонетическимъ и семасіологическимъ, изъ трехъ упомянутыхъ возможностей едва-ли допускаетъ иную, кромѣ заимствованія. Но здѣсь мы напрасно искали-бы индо-европейскаго источника, такъ какъ и тѣ индо-европейскія названія быка или коровы, которыхъ начальные звуки позволяли-бы думать о родствѣ этихъ словъ со словомъ *быкъ* (греч. βοῦς, лат. bōs съ род. п. bŏvis, заимствованное впрочемъ, вѣроятно, у Сабелловъ или Умбровъ), восходятъ къ тому-же **гоу* или **гōу* съ закономѣрнымъ измѣненіемъ *г* въ *б*, чуждымъ фонетикѣ славянской. Зато алтайское, именно турецко-монгольское обозначеніе быка—*бука́ (буҕа́, буха́)*—представляетъ достаточное сходство со славянскимъ для предположенія заимствованія его изъ этого источника, особенно при томъ условіи, если окажется возможнымъ какъ-нибудь доказать, что *у* слова *бука́* было долго, такъ какъ иначе не совсѣмъ понятна причина перехода *у* въ *ы*. То̀-же алтайское слово попало къ намъ позже отъ Турокъ въ видѣ *буга́й*, и потому можетъ возникнуть вопросъ, что-же заставило древнѣйшихъ Славянъ откинуть при заимствованіи конечное *-а́*, для сохраненія котораго ихъ потомки прибавили къ нему лишній звукъ, *-й*, чтобы ввести это чужое слово въ систему склоненія своихъ *гай, край, лай, урожа́й* и т. п. и при томъ дать ему примѣту подобающаго грамматическаго рода. Причина этого различія въ обращеніи съ однимъ и тѣмъ-же словомъ въ разныя эпохи существованія Славянъ сводится, вѣроятно, прежде всего къ тому, что во время образованія формы *быкъ* за конечнымъ согласнымъ звукомъ слѣдовалъ еще гласный звукъ, который могъ даже быть носителемъ ударенія, а впослѣдствіи этотъ обязательный въ концѣ спутникъ согласнаго звука отпалъ, почему *быкъ* стало односложнымъ и не могло болѣе передавать двусложное *бука́*. Пока ъ сохраняло свою гласность и слоговую длительность, *быкъ* было словомъ двусложнымъ и при томъ, какъ можно заключить изъ ударенія косвенныхъ падежей *быка́, быку́* и т. д., имѣло удареніе на ъ. Такъ какъ звукъ, изображаемый въ кириллицѣ этой буквой, былъ приблизительно

тотъ-же, какой присвоивается ей въ современномъ болгарскомъ языкѣ, т. е. болѣе или менѣе открытое *ъ* или нѣчто въ родѣ великорусскаго (только не сѣвернаго) *о* въ словахъ *подава́ть, колыбе́ль, говору́ны* и т. п., гдѣ оно не приходится непосредственно передъ удареніемъ, такой звукъ, даже подъ удареніемъ, едва-ли соотвѣтствовалъ конечному звуку слова *бука́*, хотя-бы онъ и не былъ чистымъ *а*; но такая разница должна была казаться несущественной сравнительно съ выгодой морфологической въ смыслѣ соблюденія того грамматическаго рода, который въ понятіяхъ индо-европейца необходимо связывался съ обозначеніемъ самца. Полную параллель къ этому слову представляетъ собою слово *попъ* съ косвенными падежами *попа́, попу́* и т. д., заимствованное позже, чѣмъ *быкъ*, и раньше, чѣмъ *бугай*, изъ новогреч. παπᾶς.

Волъ (црк.-слав. *волъ*, малор. *віл*, серб. *во̂*, чеш. vůl, пол. wół) также нелегко поддается объясненію изъ индо-европейскихъ языковъ. До нѣкоторой степени созвучно славянскому сѣверно-германское слово *bulja (? др.-сканд. bole, нижне-нѣм. bulle, голл. bul, bol, англ. bull, англо-сакс. bulluc—англ. bullock «бычекъ») съ лит. bullus «быкъ», при которомъ можно думать о заимствованіи съ той или съ другой стороны. Въ родствѣ съ нимъ могутъ быть греч. βούβαλος, βούβαλις, βουβαλίς, «буйволъ» и лат. būbulus «бычачій» и bubulcus «пастухъ быковъ, коровъ и телятъ», по крайней мѣрѣ, въ своей второй части, если первая есть βοῦ-ς, bōs (изъ bou-s). Въ числѣ этихъ западно-европейскихъ словъ могутъ быть кое-какія заимствованія одного западнаго народа у другого, но въ общемъ они какъ будто предполагаютъ западно-европейское *bl̥jo-или *bl̥vo, по происхожденію, можетъ быть, иллирское или ѳракійское, родственное латинскому названію крупнаго и страшнаго звѣря вообще—belua. Какъ-бы то ни было, оно звучало-бы у Славянъ приблизительно **бълъ*, но никакъ не *волъ*. Зато при изслѣдованіи славянскаго слова нельзя не обратить вниманія на чувашское *вылiх*, черемисское *волiк*, вогульское *волова, волов, вулу* «скотъ», состоящія, по видимому, въ связи съ тур. *улаҕ* «вьючное или ѣздовое животное», монг. *улаҕа* «подвода», какъ и у приволжскихъ Татаръ *улау, ылау* (ср. каз. *улаk* «корыто—чув. и чер., *волак*, тур. *упkун* «пучина, омутъ»—чув. *во́пкын*, чер. *вопман*, также чув. *выллá* изъ русскаго *у́лей* и т. п.). Если

турецко-угорская наставка *-ix*, *-ik* была принята Славянами за уменьшительное *-икъ*, ясно, почему чувашское (болгарское?) или подобное ему слово лишилось у нихъ этого окончанія, не соотвѣтствовавшаго въ ихъ языкѣ данному понятію. Возможно, что и предположенное выше западно-европейское слово должно быть возведено къ тому-же «урало-алтайскому» первообразу, но прошедшему черезъ одинъ изъ языковъ, не имѣющихъ звука *в* и замѣняющихъ его звукомъ *б* (ср. греч. βίσων—др.-нѣм. wisent «зубръ, bos urus» или скорѣе «bos primigenius»). Если этотъ первообразъ проникъ въ западную Европу съ той-же наставкой, укороченіе слова съ конца могло произойти и тамъ, потому что и у западныхъ Индо-европейцевъ есть окончанія, созвучныя славянскому *-икъ*.

Едва-ли менѣе сомнительно индо-европейское происхожденіе словъ *коза́*, *козёлъ* (др. *козьлъ*), хотя они существовали еще до раздѣленія Славянъ на племена. Родство этихъ словъ съ герм. *hōkīn (англо-сакс. hōcin, hēcen, средне-нижне-нѣм. hōken, старо-нидерл. hoekijn) допустимо лишь подъ тѣмъ условіемъ, если будетъ доказано, что *h* въ этомъ словѣ произошло изъ индо-европейскаго *k* (задняго), а *k*—изъ *ǵ* (передняго); мало этого: др.-инд. *č̂āга-с* «козелъ» даетъ основаніе къ тому, чтобы предполагать до-германскую и, быть можетъ, индо-европейскую форму съ обратнымъ расположеніемъ переднихъ и заднихъ «гортанныхъ» звуковъ — *(с)*ḱōго-с*, которая въ обще-славянскомъ языкѣ дала-бы **сāгъ*. Къ этой формѣ близко по звукамъ тур. *сайғак* «сайга (Antilope saiga)», и это сходство, въ виду довольно многочисленныхъ признаковъ доисторическаго общенія Славянъ съ Алтайцами (въ широкомъ смыслѣ этого названія), можетъ оказаться не случайнымъ, при чемъ слѣдуетъ принять въ расчетъ и то, что у древнихъ Иранцевъ, сношенія которыхъ съ Алтайцами не подлежатъ сомнѣнію, др.-инд. *č̂āга-с* должно было звучать **сāға-h*. О различныхъ названіяхъ этого животнаго можно написать цѣлое особое изслѣдованіе, но въ немъ пришлось-бы забраться въ области, чуждыя ближайшему предмету этой статьи; здѣсь остановимся лишь на одномъ алтайскомъ или, по видимому, лишь турецкомъ словѣ, несомнѣнно родственномъ славянскому *коза*. Козу южные Турки называютъ *кäчі*, изъ сѣверныхъ волжскіе и иртышскіе—*кäџä*, *кäзä* (послѣднее, по словарю акад. В. В. Радлова, у

Казанцевъ=*кыр кäцäсi* «косуля»), Чуваши—*качагá*, но, можетъ быть, прежде — также *казе*, судя по *казе тагí* (отъ *тагá* «баранъ») или *кáс-тагí* «козелъ», что̀ и по-казански *кäцä* (*кäзä*) *тäкäсi*. Здѣсь можетъ, правда, возникнуть вопросъ, не Турки-ли заимствовали это слово у Славянъ, а не наоборотъ. Но 1) слово *коза*, какъ было только-что показано, едва-ли допускаетъ объясненіе изъ родственныхъ языковъ; 2) если сѣверное турецкое *кäцä* можетъ казаться заимствованіемъ изъ славянскаго, то такое предположеніе неправдоподобно относительно южнаго *кäчi*. Впрочемъ это слово вызываетъ оговорку со звуковой стороны: въ южныхъ турецкихъ языкахъ *ц* не только не измѣняется въ *ч*, а иногда и замѣняетъ собою *ч* послѣ гласныхъ, какъ *гец* «поздно», *гецä* «ночь» изъ *кеч*, *кечä*. Исключеніе представляютъ многіе односложные корни, какъ *гäч* «проходи»—*гäчiр* «проходитъ, пройдетъ», *кач* «сколько»?—*качан* «когда»?, *бiч* (чаг. *быч*, як. *быс*), «рѣжь»—*бычак* «ножъ», и, повидимому, передъ *k* или *к*, прежнюю наличность котораго можно впрочемъ усмотрѣть лишь изъ сѣверныхъ и восточныхъ турецкихъ языковъ, такъ какъ въ южныхъ этотъ звукъ послѣ согласныхъ пропадаетъ. Такъ и въ словѣ *кäчi* стойкость звука *ч* между гласными можно приписать вліянію нѣкогда слѣдовавшаго за нимъ *к*, которое и сохранилось въ восточномъ *кäчкi*, приводимомъ изъ кашгарскаго говора. А если такъ, *ч* могло возникнуть въ этомъ словѣ путемъ уподобленія изъ *ц* или близкаго къ нему звонкаго согласнаго звука. Противъ его первоначальной звонкости не могутъ свидѣтельствовать ни вогульское *кöч* «коза», ни вотское *кечĭс* «козелъ», хотя-бы они оказались прямыми заимствованіями отъ Турокъ. Еще одна оговорка, менѣе важная. Въ азербайджанскомъ языкѣ, сохранившемъ разницу между *ä* и *е*, слово *кäчi* звучитъ *гечi*. Но можно думать, что такая огласовка явилась послѣдствіемъ звуковой аналогіи слова *геч* «поздно» или какихъ-либо иныхъ особыхъ, мѣстныхъ условій, такъ какъ 1) въ туркменскомъ языкѣ, въ которомъ *е* переходитъ въ *i*, азербайджанскимъ *гец*, *гецä* соотвѣтствуютъ *гiц*, *гiцä*, но *гечi*—*гäчi*; 2) въ османскомъ, гдѣ первоначальное различіе между *ä* и *е*, теперь утраченное, засвидѣтельствовано отдѣльными, по говорамъ, примѣрами суженія *е* въ *i*, какъ *гiт* «уходи» изъ *кет* (кирг. *кет*, азерб. *гет*, туркм. *гiт*), древнее *ä* слова *кäчi* подтверждается

албанскимъ его отраженіемъ *кац* «козочка» и ново-греческимъ *κατσίκα* «коза», (если оно не изъ албанскаго, что̀ вѣроятно въ виду правильно образованнаго уменьшительнаго *κατσίκι* «козленокъ», при которомъ *κατσίκα* сильно смахиваетъ на творообразованіе изъ разряда увеличительныхъ, какъ *ποδάρα* «ножища» отъ *ποδάρι* «ножка»). Косвеннымъ доказательствомъ въ пользу позднѣйшаго появленія слова *коза* у Славянъ можетъ, кажется, служить его мужескій родъ *козьлъ*, произведенный необычнымъ образомъ и какъ будто отъ женскаго, что̀ особенно бросается въ глаза при сравненіи съ парами *осьлъ—осьлица*, *орьлъ—орьлица*. Въ наставкѣ *-ьло—-ьла* (др.-инд. *-ала*, греч. *-ιλο,—-ίλᾱ*) нѣтъ ничего, указывающаго на родъ или полъ, кромѣ конечныхъ *о* и *а*, какъ *свѣтьлъ* (изъ **свoíтьло-с̆*) м. р., *свѣтьло* ср., *свѣтьла* ж. Потому *козьлъ* относится къ м. р. лишь по своему *ъ* (изъ *ос*), а ж. р. при немъ могъ-бы быть **козьла*. Въ древне-индійскомъ языкѣ при словахъ *ч̒ага-с* «козелъ» и *ч̒аг̄а̄* или *ч̒аг̄ӣ* «коза» есть прилагательное *ч̒а̄гала-с*, *ч̒а̄гала̄*, *ч̒а̄гала-м* «козлиный» или «козій» безразлично, какъ безразлична, въ этомъ отношеніи, сама наставка; есть и существительное *ч̒агала-с* «козелъ» съ ж. р. *ч̒агалӣ* «коза». При переводѣ на славянскіе звуки эти слова имѣли-бы видъ **сажьлъ* и **сожьлъ*. Если Славяне называли нѣкогда козу и козла словами этого корня, вполнѣ вѣроятно, что, такъ какъ коза гораздо важнѣе въ хозяйствѣ, чѣмъ козелъ, ей было присвоено ими названіе болѣе первоначальное—**са̄га̄*, а козлу дано произведенное отъ него—**са̄жьлъ* или **сожьлъ*, и это грамматическое различіе перешло впослѣдствіи на названія отъ корня *коз*.—Если-бы кто на предположеніе исконности слова *кäџä* у Турокъ и на производство *кäчі* изъ **кäџ-кі* возразилъ указаніемъ на сравнительную рѣдкость звука *џ* во многихъ турецкихъ языкахъ, какъ на признакъ позднѣйшаго его развитія изъ древнѣйшихъ *ч* и *ј*, то, хотя это указаніе можетъ быть вѣрно, древность—не первоначальность—этого звука напр. въ *баџа* «свояк» или въ наставкѣ причастія будущаго времени—*-џак*,*-џäк* не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ здѣсь *џ* свойственно не только южнымъ, но и сѣвернымъ и восточнымъ языкамъ: *баџа* или *ба́за* по Волгѣ, его синонимъ *баџа-нак* въ Туркестанѣ (и у Османцевъ), *болаџак* «будущій», *гöреџек* «готовящійся увидѣть» и т. п. у Кумыковъ. Что это *џ* произошло изъ *ј* (т. е. *ђ*, а не *й*)

или звука, подобнаго сербскому ђ (которое приближается то къ *д*, то къ *џ*, то къ *дз*), это почти неоспоримо, какъ можно заключить изъ алт. *падá*, изъ як. *барыах* (=**барајак*, **барађак*=кум. *бараџак*) «готовящійся идти», *біäріäх* (=**берäјäк*, **берäђäк*=кум. *береџек*) и т. п.; но едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что звукъ *ј* между гласными началъ принимать у Турокъ свистящіе или шипящіе призвуки еще въ глубокой древности, какъ и у Монголовъ, по крайней мѣрѣ, послѣ *а* и *ä*. Монголы называютъ козу и козла *јамаҕан (јама̄н)* или *јімаҕан (јіма̄н)*, куда примыкаютъ мандж. *німан*, тунг. *імаган* и *јанкан* (коза), енис.-тур. *т́іңмä*, *т́іңбä* (ср. алт. *таңба* «печать, клеймо» изъ *тамҕа*) «дикая коза», туркм. *умҕа* «каменный (горный) козелъ». Отсюда можно, кажется, вывести обще-алтайское **(ј)ъмъҕан* или сходное съ этимъ слово, которое, какъ-бы оно ни звучало, способно однимъ своимъ существованіемъ поднять вопросъ объ исконности словъ *кäџä* и *кäчі* въ турецкихъ языкахъ, т. е., говоря точнѣе, возбудить мысль о заимствованіи основы этихъ словъ у сосѣдей, напр. у Индо-европейцевъ. Но это подозрѣніе оправдалось-бы лишь подъ тѣмъ условіемъ, если при **(с)ќага* было и **(с)каѓа* съ обратнымъ распредѣленіемъ заднихъ и переднихъ «гортанныхъ». Впрочемъ тогда для этимологическаго объясненія славянскаго *коза* не было-бы нужно прибѣгать къ предположенію заимствованія отъ иноплеменниковъ. Бѣда только въ томъ, что 1) формы *(с)каѓа* нѣтъ нигдѣ, если она не скрывается въ словѣ *коза;* 2) сѣверно-турецкое *кäџä* трудно отдѣлить отъ южно-турецкаго *кäчі*, а послѣднее по условіямъ историческимъ, географическимъ и даже словообразовательнымъ не могло быть заимствовано ни у Славянъ, ни у сѣверныхъ Турокъ, а должно было возникнуть еще въ пра-турецкую или въ обще-турецкую эпоху, вѣроятно, изъ **кäџ(ä)кі*. Какъ-бы то ни было, индо-европейское происхожденіе слова *коза* при доступныхъ намъ данныхъ не можетъ считаться доказаннымъ. О старинныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ Славянъ съ «Урало-алтайцами» и, можетъ быть, съ ихъ разноплеменными сосѣдями свидѣтельствуетъ между прочимъ переходъ древняго славянскаго названія свиньи, **порсъ* и **порсь*, далеко на сѣверо-востокъ: зыр. *порć*, вот. *парыć*, вог. *борос* (но мад. disznó, чѣмъ до нѣкоторой степени опредѣляется эпоха заимствованія), самоѣд. *порыć*, *парс*, *парес*, при чемъ любопытно, что это заим-

ствованіе миновало Чувашей (гдѣ *сысна́*), Черемисовъ *(сасна, сосна)* и Мордву *(тува)*. Что у Славянъ свинья называлась нѣкогда **порсъ*, **порсь*, можно заключить изъ отсутствія у нихъ другого корня для названія этого животнаго, кромѣ того, который содержится въ словѣ *свинии*, а оно есть лишь производное отъ германскаго swīn, которое въ свою очередь произведено на германской почвѣ отъ sū=нѣм. Sau (лат. sus, греч. σῦς, ὗς и т. д.). Что у Славянъ было не только **порсъ* «супоросль», отразившееся въ заимствованіяхъ, а и **порсъ* «боровъ», вѣроятно уже въ виду лит. pàrszas, др.-в.-нѣм. farh, лат. porcus. Правда, они, какъ и заимствованное западными Финнами porsas, значатъ именно поросенка, а не взрослую свинью; но ср. напр. ит. pòrco «свинья». Менѣе важно въ этомъ случаѣ то, что маленькая свинья называется уменьшительнымъ **порсѧ* (црк.-сл. *прасѧ*, р. *порося* и т. д.), такъ какъ это употребленіе могло быть вызвано аналогіей.

И такъ Славяне удержали **порсѧ* при заимствованномъ *свинии* и также *телѧ* при иноязычномъ *быкъ*, *ѩгнѧ* при *овьца* и *овьнъ*, вытѣсненномъ чужимъ *баранъ*, **жербѧ* при загадочномъ *конь* (а *жеребецъ*, серб. *ждриjѐбац* только для самца, и то позже, такъ какъ корень указываетъ лишь на маленькое млекопитающее вообще). Что̀ это значитъ? По видимому, то, что Славяне могли пользоваться болѣе или менѣе свободно одними овцами, другими же домашними животными—лишь до полной ихъ зрѣлости, а за тѣмъ слѣдовало нѣчто, подобное тому, на что Владиміръ Мономахъ указывалъ въ 1103 г. Святополку, когда дружина послѣдняго отклоняла походъ на Половцевъ возраженіемъ, что нельзя отвлекать народъ отъ пахоты: «Но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту». Приблизительно то-же происходило у Славянъ и тамъ, гдѣ они сосѣдили съ Германцами. Не даромъ древнѣйшее слово для скота, *пьсъ* (др.-инд. *па́су*, авест. *пасу*, *фшу-*, лат. *pecu*, гот. faihu и т. д.) приняло у нашихъ предковъ значеніе лишь сторожа при скотѣ—собаки, а самый скотъ сталъ называться словомъ, заимствованнымъ, повидимому, у Германцевъ (гот. skatts «деньги», др.-сканд. skattr «дань, подать» и т. п.—нѣм. Schatz), а кое-гдѣ—турецкимъ *товаръ*.

Москва.
Мартъ 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Г. I. Рамстедтъ.

Этимологія имени Ойратъ.

Имя Ойратъ, какъ названіе отдѣльнаго народа или племени встрѣчается уже рано въ монгольской исторіи. Когда и гдѣ собственно оно въ первый разъ упоминается, пишущему эти строки, за неимѣніемъ подъ руками необходимыхъ для этого историческихъ источниковъ, въ точности неизвѣстно. Но, по имѣющимся свѣдѣніямъ, оно уже въ первыя времена Чингисовой эпохи было въ употребленіи среди монголовъ, и тогдашніе носители этого имени жили въ сосѣдствѣ съ найман'ами, киргиз'ами и меркит'ами, въ теперешней сѣверо-западной Монголіи и къ сѣверу отъ Саянскихъ горъ, по рѣкамъ впадающимъ въ Ангару. Недалеко отъ ойрат'овъ жили и карлуки, если достовѣренъ разсказъ о томъ, что карлук'скій Арслан-ханъ и ойратскій князь Кутука беги совмѣстно встрѣтили Чингис-хан'а въ долинѣ Иртыша и изъявили покорность ему, когда онъ (въ 1210 г.) преслѣдовалъ найман'скаго Кӱчлӱк'а и меркит'скаго Токтабегі'я и со своими людьми служили ему путеводителями (Desmaisons, Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdur Khan, т. II, стр. 93, D'Ohsson, Histoire des Mongols т. I, стр. 86). Абуль-гази разсказываетъ помимо этого,

что эти два князя чувствовали себя слишкомъ слабыми для того, чтобы сопротивляться Чингис-хан'скимъ войскамъ, и что у Кутука беги было два сына: Иналджинъ и Дуралджинъ. Монгольскій историкъ Са нанъ-Сеценъ упоминаетъ между тѣми воеводами, съ которыми Чингис-ханъ пошелъ противъ кераит'скаго Онг-хана, также ойрат'скаго князя Тӧрӧлджин-тайши. Хотя эти свѣдѣнія немного противорѣчатъ другъ другу, все таки остается яснымъ, что ойрат'ы, какъ племя или народъ со своими князьями были извѣстны въ то время, и съ другой стороны нужно замѣтить, что среди предковъ Чингис-хан'а мы не находимъ никого, отъ потомковъ котораго ойрат'ы происходили бы или получили бы свое племянное имя. Это все указываетъ на то, что ойрат'ы не принадлежали къ собственнымъ монголамъ Чингис-хан'а.

Со временъ ослабленія монгольской власти, и особенно послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китая, имя Ойратъ дѣлается все болѣе и болѣе извѣстнымъ; *ойрат*'ы или *дӧрбӧн-ойрат*'ы, «четыре ойрата» выступаютъ въ видѣ враговъ восточныхъ монголовъ, и стремленія ихъ направлены на добываніе самостоятельности и независимости отъ «сорока» монголовъ. При этомъ ойрат'ы сами все же народъ, говорящій чисто монгольскимъ языкомъ и соединяющій себя съ монголами подъ общимъ именемъ *дӧчін дӧрбӧн*—«сорокъ и четыре, сорокъ—четыре». Эти монгольскіе «четверо ойратовъ» являются самыми западными монгольскими племенами между хр. Тянь-шань и Урянхайскимъ краемъ и распространяются на югѣ до оз. Куку-норъ и до Тибета. Потомки этихъ «четырехъ ойрат'овъ» живутъ въ наши дни разбросанно на большой территоріи отъ Кукунора до Дона, но всѣ они, помимо своихъ особыхъ племенныхъ названій, еще употребляютъ выраженіе *ӧ̄рӧ̆д* или *дӧрвн ӧ̄рӧ̆д*, какъ общее собирательное для обозначенія своей національности.

Кромѣ этихъ монгольскихъ ойрат'овъ, которые, судя по фонетическому развитію и лексическому составу своего языка, раньше составляли одну, ясно ограниченную этнологическую группу, это имя присваиваютъ себѣ также тѣ турецкія племена у Алтая, которыя говорятъ на такъ называемомъ алтайскомъ нарѣчіи. Они и сами себя называютъ и у своихъ сосѣдей слывутъ подъ именемъ Ойрот, или алтайскіе калмыки («Алтайск. грамматика» стр. I).

Для имени Ойратъ существуютъ два различныхъ этимологическихъ толкованія. Сочетаніе Дöрбöн-ойратъ по обычному объясненію,—автора котораго я не знаю,—переводится черезъ «четыре союзныхъ или близкихъ (племенъ)» или «четыре союзника». Слово Ойратъ понимается по этому толкованію какъ множественное число отъ монгольскаго слова *ойра* (*ојіра*) «близко, близкій». Ненадежность этой этимологіи очевидна. Во первыхъ, *ојіра* оканчивается на гласный, и ни въ одномъ монгольскомъ нарѣчіи не извѣстенъ варіантъ *ојіран*, отъ котораго получилось бы множественное *ојірад*. Оканчивающіяся на гласные имена въ прежнія времена образовывали множественное число не черезъ *-т* (**-д*), а черезъ *-с*; поэтому слово *ојіра*—«близко» дало-бы во множественномъ числѣ *ојірас*. Во вторыхъ слово *ојіра* по всей вѣроятности не есть прилагательное «близкій», а первоначально дательный падежъ на *-а* отъ неупотребительной основы **ојір*, и собственное значеніе его такимъ образомъ было «вблизи», какъ и *дотора*—«внутри», *дегере*—«вверху, вверхъ», *доора*—«внизу, внизъ» и др. На ряду съ основой на *-р* существовали и другія образованія какъ *дотона*—«внутри»; калм. *дотāӻӯр*—«по внутренней сторонѣ», *дēгӯр*—«поверху, вверху», и такимъ-же образомъ существуетъ у калмыковъ слово *ȫӻӯр*—«по близости, вблизи» (*ȫ*- изъ **ојі-*)

Другая этимологія имени Ойратъ принадлежитъ ученому буряту Дорджи Банзарову. Онъ, отмѣчая, что *ойра* во множественномъ числѣ даетъ *ойрас*, а не *ойрат*, въ своей статьѣ «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ» (Библіот. Восточн. Истор. т. I, приложеніе V; перепечат. въ книгѣ «Черная вѣра и другія статьи Дорджи Банзарова», подъ ред. Г. Н. Потанина, СПБ. 1891, стр. 84) толковалъ слово Ойратъ какъ сокращеніе изъ словъ *ой* «лѣсъ» и *арат* «народъ» т. е. Ойратъ = «лѣсной народъ» или «лѣсные народы», какъ и старинное турецкое Агачери (*аӻач ері*) = «лѣсные люди (мужчины)». Нельзя отрицать, что ойрат'ы дѣйствительно были «лѣснымъ народомъ», такъ какъ страна, гдѣ они обитали, обильна лѣсомъ, но этимъ еще не доказано, что ихъ имя имѣетъ это значеніе и происхожденіе. Насколько мы знаемъ монгольскій языкъ, выраженіе *ой арат* немного странно; мы бы ожидали *ојјін-арат*—«народъ лѣса»

о людяхъ, живущихъ въ лѣсахъ, и понимали бы *ой-арат* какъ и *модон-кӱмӱн* въ значеніи «люди (созданные, сдѣланные, состоящіе) изъ лѣса». Но если даже *ой-арат* «лѣсъ-народъ» есть выраженіе правильное или возможное, то едва ли удастся найти другіе примѣры подобнаго сокращенія какъ *ой-арат* > *ойрат* въ монгольскомъ языкѣ столь давняго періода. Правда, имя племени *џадарад* (джадаратъ) въ Юань-чао-ми-ши (литограф. изданіе Позднѣева стр. 15) объясняется какъ *џад (-арад)* «чужой (народъ)», но этотъ примѣръ во всякомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ извѣстной группѣ простонародныхъ этимологій. Мы бы ожидали доказательства тому, что слово *Ойрат* гдѣ нибудь раньше имѣло форму *ой-арад* или указанія, что звуковыя измѣненія какъ *ой-арад* > *оjірад* дѣйствительно произошли и въ другихъ словахъ.

Не намѣреваясь пытаться объяснить значенія имени Ойратъ— можетъ быть оно никакого переводимаго значенія вовсе не имѣло,— я хочу лишь на почвѣ лингвистическихъ фактовъ доказать, что Ойратъ или собственно *Оjірад* точь въ точь то же самое что древнее турецкое наименованіе *Оҕуз*. Для этого бросимъ сначала бѣглый взглядъ на фонетическую сторону этого сопоставленія.

Разсматриваемъ здѣсь такія монгольскія и турецкія слова, которыя несомнѣнно происходятъ отъ однихъ и тѣхъ-же прототиповъ въ монгольско-турецкомъ праязыкѣ, и въ которыхъ монгольское *-jі-* во второмъ слогѣ соотвѣтствуетъ древнетурецкому спиранту *ҕ* или переднему *г*. Первоначально въ таковыхъ словахъ было, скажемъ, *гі* (или можетъ быть *ҕі*, *ҕы*). На монгольской почвѣ это *-гі-* развилось въ *-jі-* и потомъ въ *-і-*, которое позже образовало дифтонгъ съ предыдущимъ краткимъ гласнымъ и наконецъ въ большинствѣ случаевъ дало долгій гласный. Такимъ образомъ можемъ прослѣдить въ ойрат'скихъ нарѣчіяхъ слѣдующее развитіе: **агі* > *аjі* > *аі* > *аі̊* > *ā̈*; **огі* > *оjі* > *оі* > *оі̊* > *ō̈* и др. На турецкой почвѣ первоначальный гласный *і*, по законамъ турецкаго сингармонизма сталъ: въ заднеязычныхъ словахъ *ы*, послѣ губныхъ *о* и *у* губнымъ *у*, послѣ *ö* и *ӱ*—*ӱ*, или же въ другихъ словахъ совсѣмъ исчезъ. Беремъ теперь нѣсколько примѣровъ:

**сагін*
- монг. *сајін* (хорошій, здоровый) > калм. *са̄н.*
- тур. *саҕ* (здоровый) > киргизск. *сау*, осм. *са̄* (здоровый, правый).

**agil*
- монг. *ајіл* (аулъ, сосѣдъ) > калм. *а̄l.*
- тур. осм. *аҕыл*, кирг. *аул*, таранчинск. *еҕil.*

**δагін* [1]
- монг. *дајін* (война, врагъ) > калм. *да̄н.*
- тур. (древн.) *јаҕы* (врагъ) > кирг. *ɥау*, осм. *јаҕ*, *ја̄*, таранч. *jeki.*

**согі-*
- монг. *соjі*-(привязывать лошадь послѣ ѣзды, чтобы остыла отъ пота) > калм. *сȫ*-.
- тур. *соҕу*- > койбальск. *со̄*-(охлаждать), *со̄k* (холодный), кирг. *сӯk* (холодный, джагат. *сауk*, *савуk* (холодный), *сау*-(стать холоднымъ).

**согі-*
**согірка-*
- монг. **сојірkа*-, *сојорха*-(соблаговолить, пожаловать, оказать милость).
- тур. джаг. *саурҕа*-, *савурҕа*-(пожаловать, подарить), *сауҕат* (подарокъ), кирг. *сауҕа* (подарокъ), казанск. *саум* (свадебный гостинецъ).

**угіла-*
- монг. *ујіла*-(плакать) > калм. *ӯli̊*-.
- тур. лебединск. *уҕла*-(плакать), уйг. *јыҕла*-, кирг. *ɥыла*-, тел. *ыіла*-.

**гугі-*
- монг. *гујі*-, *гују*-(просить, домогаться) > калм. *гӯ*-, *гӯ*-.
- тур. древн. *kоҕ*-, осм. *kо̄*, *kов*-, кирг. *kӯ*-(преслѣдовать), джагатайск. *kавін*- (гнаться, спѣшить, нападать).

---

[1] δ = звонкій англійскій th.

***δaгiз**	монг. *дajip* (олень самецъ). тур. (древнее) *jaҕыз* (темнобурый конь).
***сыгiд**	монг. *сӳjiд* (*суjiд?*) (вопль, плачь), > халха'ск. *сӳjт*. тур. древн. *сыҕыт* (вопль, плачь), кар. *сыjыт* (вопль, плачь).
***бегi** (изъ китайск. языка[1])	монг. *беji-le*, *беji-ce* (княжескіе титулы). тур. древн. *бегi*, осм. *беj*, *бег*, кирг. *бī̄*.
***δегi-** (и *δеге-)	монг. *деjiл-* (побѣдить, одолѣть), *дегер-е* (надъ, выше, лучше). тур. древн. *jег* (лучше), *jеӊ-* (побѣдить, одолѣть).
***ӳгiз** *ӳгi	монг. **ӳjip*, *ӳjӳр* (быстрое теченіе воды), *ӳji-ме-* (суетиться, толкаться). тур. уйгурское *ӳгӳз* (рѣка, рѣчка), *ӳгӳ* (вода).
***ӳгi-** *ӳгӳ-	монг. *ӳjipe-*, *ӳгӳре-* (разбиться, раскрошиться), *ӳjiл-* (*? ӳгӳл-*) разбить, разломать), *ӳjiремег*, *ӳгӳремег* (что либо мелко истолченное) > калм. *ӳрмӳк* (мелкій, дребезги). тур. койбальск. *ӳк-* (*ӳг-*) (гибнуть), кирг. *ӳк-* (*ӳг-*) (разломать, размолоть, растереть), телеутск. *ӳi-* (погибнуть, стереться), осм. *öjӳт-* (сломать, раскрошить), саг. *ӳ̄-* (*ӳг-*) (растереть).

Къ этимъ примѣрамъ, число которыхъ можно значительно увеличить, прибавляемъ теперь интересующія насъ слова:

---

[1]) Срв. P. Schmidt. Der Lautwandel im Mandschu und Mongolischen (Peking. 1898 Peking Oriental Society Journal. Vol. IV), S. 41.

*огізан { монг. **ојіран*, множ. ч. *ојірад* > калм. *ӧ̄рӧ̆т* (*ӧ̄рӧ̆д*), тур. древн. *оҕуз*.

Съ фонетической точки зрѣнія въ этой параллели нѣтъ ничего затруднительнаго. Переходъ **з* > монг. *р* едва-ли нужно здѣсь защищать, такъ какъ этотъ фактъ уже достаточно извѣстенъ знатокамъ этихъ языковъ. Привожу только нѣсколько примѣровъ; монг. *арага* (коренной зубъ) = каз. *азӯ*, монг. *бірагу* (теленокъ во второмъ году) = каз. *бызау* (теленокъ), монг. *џіру-* (рисовать) = тур. *јаз-*(писать), монг. *ӧрӱ* (внутренность) = осм. *ӧз*, монг. *ӱкер* (рогатый скотъ) = тур. *ӧгӱз*, калм. *кімр* (кумысъ съ водою) = кирг. *кымыз* (кумысъ), монг. *мӧгерсӱн* (хрящъ) = кирг. *мӱјӱз* (рогъ), монг. *џуураг* (замо̀къ) = каз. *јӯзак*, монг. *угур* (ступа) = джагат. *уҕуз* (ступа), монг. *уураг* (молозиво), = тел. *оуз*, монг. *ҟуур* (музыкальный инструментъ) = кирг. *ҟобуз*, и пр.

Такимъ-же образомъ исчезновеніе на турецкой почвѣ звуковъ *-ан* изъ **огізан* обычное явленіе, которое не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ. Гласныя второго и третьяго слога, преимущественно въ зависимости отъ ударенія въ праязыкѣ, то отпадали, то оставались, и здѣсь не мѣсто входить подробнѣе въ этотъ черезчуръ сложный вопросъ. Но примѣры такого отпаденія мы имѣемъ въ словахъ *азӯ*, *бызау* и др. Къ вопросу объ *н* въ концѣ двухъ и трехсложныхъ словъ матеріалъ даютъ вышеприведенныя *сајін* = *саҕ*, *дајін* = *јаҕы*, *јаҕ*, и напр. монг. *бајан* (богатый) = тур. *баі* (богатый); монг. *уран* (способный, мастеръ) = джагатайск. *уз* (способный); монг. *темеген* (верблюдъ) = = осм. *дӓвӓ*, кирг. *тӱӧ* (верблюдъ) и др. Этотъ конечный *-н* можетъ скрываться въ родительномъ падежѣ, окончаніе котораго въ большинствѣ турецкихъ діалектовъ есть *-ныӊ*, и только въ южныхъ нарѣчіяхъ послѣ согласныхъ *-ыӊ*, въ которомъ надо видѣть первичное окончаніе этого падежа, соотвѣтствующее монгольскимъ *-јін* и *-ун*. Формы какъ *баі-ныӊ*, *сау-ныӊ*, *тӱӧ-нӱӊ*, такимъ образомъ получились изъ первоначальныхъ **баін-ыӊ*, **саҕн-ыӊ*, **тевен-іӊ*. Но впрочемъ возможно и то, что первоначальный видъ слова *оҕуз* былъ только **огіз*, и что это **огіз* въ монгольскомъ языкѣ получило «мертвое» окончаніе *-ан*, значеніе и роль котораго неизвѣстны. Но, какъ бы то ни было, слово

*огіз > *оҕуз* едва ли и въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ монг. *ојіра* (вблизи), которое, пожалуй, можно сопоставить съ турецкимъ *оҕур* (случай), осм. *бір оҕурдан* (въ одинъ разъ), и звукъ *р* котораго былъ первоначальнымъ *р*.

Если фонетическая сторона сравненія *ойрат* или *ојірад* = *оҕуз* не можетъ быть оспариваема, такъ какъ первое представляетъ собою развитіе на почвѣ монгольскаго языка, а второе—турецкаго, то возникаетъ еще вопросъ: возможно ли исторически, что бы ойрат'ы, которые говорятъ чисто монгольскимъ языкомъ, дѣйствительно носили старое славное имя *оҕуз*'овъ, и можно ли вѣроятность этого доказать историческими данными?

Что касается до такого перенесенія этнологическихъ наименованій съ одного народа на другой, то извѣстно, какъ старыя имена одного народа послѣ столѣтій могутъ оказаться принадлежащими народамъ, говорящимъ совсѣмъ другимъ языкомъ. Въ Европѣ у насъ довольно много примѣровъ этого явленія: пруссы были литовское племя, теперь ихъ имя носитъ часть нѣмцевъ, франки были германцами, а теперь уже цѣлый народъ, унаслѣдовавшій ихъ имя, говоритъ романскимъ языкомъ, болгары — первоначально турки—въ наши дни уже должны быть признаны по языку славянами и т. д. Такимъ же образомъ алтайскіе «калмыки», которые когда-то находились подъ властью ойрат'овъ или калмыковъ, сохранили для себя имя «ойратъ» и «калмыки».

Извѣстна тоже странная исторія именъ «Татаръ» и «Монголъ». Теперешніе монголы раньше назывались татарами и предкомъ татаръ нашихъ дней былъ, по мусульманскимъ легендамъ, какой то герой съ именемъ *Монгол*. Исторія востока, какъ ни мало она извѣстна, знаетъ много примѣровъ тому, какъ имена народовъ и племенъ переходятъ, по извѣстнымъ политическимъ причинамъ, съ одного народа на другой.

Но если теперь подробнѣе прослѣдить за именемъ Ойратъ, то очевидно, что тотъ ойрат'скій народъ, о которомъ упоминается въ исторіи Чингис-хана, и который жилъ къ сѣверу отъ найман'овъ и меркит'овъ, не былъ причисленъ къ татарамъ, хотя можетъ быть языкъ, на которомъ онъ говорилъ не былъ турецкій. Можетъ быть только владѣтельные князья его были *оҕуз*'скаго происхожденія.

Имя Ойратъ, какъ и его турецкій варіантъ *оӷуз*, употребляется въ видѣ какого-то общаго собирательнаго наименованія, и подъ нимъ соединяютъ нѣсколько племенъ, изъ которыхъ одно, конечно, могло говорить однимъ языкомъ, другое другимъ. Такъ теперешніе ойрат'ы себя называютъ «четырьмя ойрат'ами» и такъ *оӷуз*-скія племена были или «*девять оӷуз*'овъ» (орхонск.) или «*24 оӷуза*» (мусульманск. памятники). Относительно четырехъ ойратъ не совсѣмъ ясно, какія именно четыре племени называются ойрат'ами. По Санан-Сецен'у (J. J. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen стр. 50, S.-Pburg. 1829), четыре ойрат'а суть слѣдующіе: 1) *öгелед (ӧ̄лӧт)*, 2) *баӷатут*, 3) *хойт*, 4) *кергут*, по другимъ источникамъ—другія племена[1]. Теперь калмыки сами обыкновенно считаютъ ойрат'скими племена: 1) *зӳн-гар*, 2) *дöрбöт*, 3) *хошут* и 4) *торгут*, но и *ӧ̄лӧт* и *хойт* входятъ въ этотъ союзъ.

Это очень сложный вопросъ, и пока мы не можемъ опредѣленно сказать, какія именно девять или 24 племени входили въ союзъ «24 *оӷуз*'овъ», «девяти (восточныхъ) *оӷуз*'овъ» [2]. Сколько мы знаемъ объ тѣхъ *оӷуз*'ахъ, о которыхъ упоминается на старыхъ каменныхъ памятникахъ Монголіи, жили они къ сѣверу отъ турк'овъ и были то̀ ихъ подданными, то̀ союзниками, то̀ врагами. Во всякомъ случаѣ это былъ особый народъ, или особыя племена, о языкѣ которыхъ не имѣется никакихъ данныхъ.

Нельзя ли предположить, что между *оӷуз*'ами были племена, говорившія на монгольскомъ языкѣ, о близости котораго все же свидѣтельствуетъ въ надписяхъ напр. слово *таркат*—«дворяне» (монгольское множеств. число отъ *таркан*—«дворянинъ»)?

Я хочу только еще указать на то, что множество одинаковыхъ легендъ и преданій связываетъ ойрат'овъ съ огуз'ами. Ойрат'скія преданія ничего не знаютъ о «сивомъ волкѣ» и «кра-

---

[1] Срв. Г. І. Рамстедтъ. Сравн. фонетика монг. письм. яз. и халха'ско-ургинскаго говора. Стр. V и VI (Спб. 1908).

[2] Впрочемъ есть по этому вопросу статья: Houtsma, Die Ogusen-Stämme. (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. B. II).

сивомъ маралѣ», которые фигурируютъ въ легендахъ восточныхъ монголовъ и отъ которыхъ выводятъ предковъ и народъ Чингис-хан'а. Первое начало ойрат'овъ—это какой-то человѣкъ, родившійся или найденный въ дуплѣ дерева. Во многихъ варіантахъ встрѣчаются легенды объ этомъ праотцѣ, которому дерево—мать, и птица—отецъ (*ур модн екӗтā, ӯлі шовӯн ецӗктā* въ «Сказаніи о Дӧрбӧнъ Ойратахъ» Батур-Убаши-Тюменя—см. Калм. Хрест. А. Позднѣева, Спб. 1892 и 1907 г., стр. 28; *удн модн екӗтā ӯлі шовӯн ецектā* у дзунгарскихъ ӧлӧт'овъ; *ō модн екетā орāн бӯргӯт ецектā* у хара-усунскихъ (Старыхъ) торгут'овъ, по моимъ записямъ).

По объясненіямъ калмыковъ, прямые потомки этого героя—поколѣніе чорос, получили свое имя отъ слова *чорга (цорго)* «деревянная труба», вслѣдствіе этого событія (чорос есть множ. ч. слова **чора*=кирг. *шора*—«сынъ богатыря, богатырь»; смотри H. Paasonen, Die türkischen lehnwörter im mordwinischen, Гельсингфорсъ, 1897, стр. 48—49). Въ легендахъ объ оғуз'ѣ пустое дерево играетъ такую же роль, но здѣсь опять имя Кипчакъ объясняется, какъ значущее «дупло дерева» или «пустое дерево». Здѣсь не мѣсто подробно разбирать эти древнія басни, но уже изъ вышеприведеннаго видно, что онѣ относятся въ одной и той же родословной легендѣ.

Въ связи съ этимъ я попутно коснусь другого вопроса: у торгут'овъ имѣется аналогичное преданіе, будто бы предкомъ ихъ княжеской семьи былъ знаменитый Онг-ханъ, владыка кераит'овъ. Среди торгут'овъ, по мѣстнымъ преданіямъ въ Китайск. Туркестанѣ, есть и меркит'ы и кераит'ы, и торгут'ы сами будто бы нѣсколько разъ перемѣняли имя. Хара-усунскіе торгут'ы [1] объясняли мнѣ, что ихъ имя происходитъ отъ словъ *туруг-уту* «тощіе и длинные», но въ дѣйствительности оно, конечно, множ. число имени **торгаг*, которое соотвѣтствуетъ имени *туркак* у мусульманскихъ писателей. Абуль-гази считаетъ Туркак турецкимъ племенемъ и объясняетъ ихъ имя изъ турецкаго языка (*тур-как* «встань, бей»! см. Desmaisons, II, стр. 51).

---

[1] Около Шихо, на N сторонѣ хр. Тянь-Шань.

Торгут'ы суть монгольское племя, но есть еще и турецкіе тургуты въ Анатоліи (Радловъ, Опытъ словаря Тюркскихъ нарѣчій. Томъ I, стр. 803).

Монгольское **ојірад* дало теперешнее *ӧрӧт*. Съ этимъ нѣкоторые изслѣдователи сопоставляютъ имя *ӧлӧт*, предполагая, что *ӧлӧт* есть только исковерканное китайцами *ӧрӧт* и что китайскія Вала, Ола, Валатэ, Элютэ передаютъ и ойратъ и *ӧлӧт* (такъ напр. А. Позднѣевъ, Образцы народной литерат. монг. племенъ I, стр. 135). Мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы (< **ӧгелед*) и *ӧрӧт* (< **ојірад*) уже въ концѣ четырнадцатаго столѣтія произносились такъ одинаково (*ојі-* тогда еще не было *ӧ-*), что бы подобное смѣшеніе могло имѣть мѣсто; я поэтому думаю, что *ӧлӧт*, которое пишется *ӧгелед*, есть особое этнологическое имя, множ. число отъ **ӧгелен*. Въ Чингисовой исторіи встрѣчаются *Ӧгелен* (Ӧгеленъ и Ӧгелен-чербп) и женск. *Ӧгелӱн* какъ собственное имя. Племя *ӧгелед*—упоминается у Абуль-гази въ видѣ Оклан اوكلان (Desmaisons II, стр. 60). Впрочемъ, *ӧгелен* можетъ быть то же слово, что монг. *ӧгелеі* «большой, огромный, здоровый». Съ словомъ *ојірад* племенное названіе *ӧгелед* могло совпадать лишь въ очень позднее время, а *ӧгелен* и *ӧгелед* не могутъ быть столь поздняго происхожденія. Это конечно, не противорѣчитъ тому, что эти два имени *ӧрӧт* и *ӧлӧт* теперь часто смѣшиваются, тѣмъ болѣе что *ӧлӧт* принадлежатъ именно къ *ӧрӧт*.

Народъ *оғуз*'овъ сравнительно недавно сдѣлался опять извѣстнымъ, благодаря изслѣдователямъ и истолкователямъ древностей Монголіи. Впрочемъ, имя оғуз живетъ по сейчасъ въ памяти туркменъ [1].

Этими строками я хотѣлъ обратить вниманіе на то, что калмыки, подъ какими бы особыми названіями они теперь ни были извѣстны, всѣ, какъ общій этнологическій терминъ еще

---

[1] См. А. Н. Самойловичъ. По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама». Тамъ указаны рукописи и переводъ обработки Огуз-намэ (родословное древо туркменовъ—Шеджере-и-теракимэ). Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. Т. XVIII.

сохраняютъ за собой, повидимому, имя *оӄуз*'овъ, въ теперешнемъ ихъ произношенiи *ō̆рö̆т*. Настоящiе ли они сыны *оӄуз*'овъ, или только «усыновленные» ихъ подданные, или бывшiе сосѣди, это вопросъ, на который языковѣдѣнiе не можетъ дать отвѣта.

Lahti.
Февраль 1908 г.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

А. Н. Самойловичъ.

Изъ туркменской старины.

Сказаніе о приходѣ текинцевъ въ Ахалъ, *сокращенно* появлявшееся въ печати и ранѣе, сообщается мною *съ нѣкоторыми подробностями* по устной передачѣ Ходжели-моллы въ дословномъ русскомъ переводѣ. Въ памяти этого моллы, живущаго теперь въ Бахарденѣ, но принадлежащаго къ текинцамъ Кызыл-Арват'а, хранится многое, что онъ слышалъ отъ своего любознательнаго отца, Молла-Мрад-берди Аннà-Мрад-уста-оглы, умершаго на 55—56-омъ году отъ роду; Ходжели-Моллѣ въ 1906 году было 46 лѣтъ [1].

Сказаніе о приходѣ текинцевъ въ Ахалъ.

Изъ Туркестана *теке* пришли въ Хиву, а изъ Хивы на Уз-бой [2] и поселились около Балхан'скихъ горъ. Здѣсь поселились только *чарва*—скотоводы, а *чомур*, т. е. не имѣвшіе стадъ и промышлявшіе земледѣліемъ прошли на р. Тедженъ. На Уз-боѣ у теке были ханами *аксакал*'ы: Пир-Назар-

---

[1] См. о немъ въ моей замѣткѣ «По поводу «Свѣточъ Ислама», Зап. Вост. О. И. Р. Арх. Общ., т. XVIII, стр. 0159, сноска 4.

[2] Ходжели-Молла произнесъ: *öнг-ÿз-бoi;* не значитъ-ли это *берегъ прежней (бывшей) рѣки?* До 1573—1575 г. Аму-дарья, какъ извѣстно, текла къ Каспійскому морю (съ XIII в.), и на *Уз-боѣ*, значитъ, могли жить и земледѣльцы; ср. послѣдующія слова разсказа.

Аталыкъ [3] и Заман-бегъ. Одинъ юноша, по имени Кеймир-Кёръ, когда зашла рѣчь о томъ, куда дальше двигаться съ Уз-боя, убѣждалъ хановъ вести народъ въ степи Этек'а [4], но его словамъ не внимали, и вотъ онъ предсказалъ:

— Ужо̀ мы закочуемъ. Придемъ въ Парава̀ [5]. Вы оба умрете. Тогда слово будетъ за нами!

И теперь есть въ Парава̀ камни съ надписями на могилахъ этихъ старцевъ.

Кеймир-Кёръ сталъ ханомъ. Теке еще кочевали у Балхан'овъ. Тогда въ Иранѣ царствовалъ Надиръ [6]. Въ Кызыл-Арват'ѣ жили *кызылбаш*'и (персы), *курд*'ы; а въ Гёк-тепе—туркмены-*емрели*. Управлялъ *емрели*'нцами Огурлы-ханъ. Теперь *емрели* есть въ Хивѣ [7].

---

[3] Изъ ханскаго рода *Аталык*'овъ происходятъ: нынѣшній старшина аула Гёк-тепе I, *Аман-Аталыкъ*, въ кибиткѣ котораго мнѣ привелось гостить лѣтомъ 1902 года, и жительствующій въ городѣ Хива, 82-лѣтній *Деулет-Мурад-Аталыкъ*, родственникъ Аман-Аталыка и извѣстнаго *Тыкма-Сердар*'а. Деулет-Мурад-Аталыкъ сообщилъ мнѣ весной 1908 года, что онъ былъ взятъ изъ Гёк-тепе *Медемин-ханомъ* (1845—55) на 20-мъ году жизни; отца его звали *Сейид-Мамед-Аталыкъ*, а отца Аман-Аталыка *Хал-Мамед-Аталыкъ*, и они были братьями. На мой вопросъ, чѣмъ онъ занимается въ Хивѣ, почтеннѣйшій старецъ отвѣтствовалъ: «я хожу на поклонъ къ его свѣтлости—хану!».

[4] *Этек* и *Аркач* — турецкія названія степи вдоль сѣверныхъ склоновъ Копет-даг'а.

[5] *Парава̀*—туркм. произношеніе вмѣсто *Фарава̀*, о которомъ см. В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, часть II (Спб. 1900), стр. 154; его же: Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ и низовьяхъ Аму-дарьи (Ташкентъ, 1902), стр. 54. Такъ туркмены называютъ мѣстность вокругъ *Кызыл-Арват'а*.

[6] *Надир-шахъ* царствовалъ съ 1736 до 1747 года. Эпохой Надир'а датируется приходъ текинцевъ въ Ахалъ и авторомъ «Книги разсказовъ о битвахъ текинцевъ», см. мою замѣтку въ Зап. Вост. Отд., т. XVI, стр. 0204. См. также Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г., стр. 11—14. По *Шеджере-и-тюрк* Абульгази *теке* платили подать при Суфьян-ханѣ (начало XVI в.) вмѣстѣ съ *сарыками* и *іомудами* и жили въ XVI—XVII в.в. у Балханъ у Кюрен-даг'а (см. указат. соб. именъ въ изданіи Демезона).

[7] Весной 1908 г. я имѣлъ случай бесѣдовать съ емрелинскими старикамп въ хивинскомъ городкѣ Ил ялы. Среди нихъ оказался потомокъ емрелинскихъ хановъ, главный старшина (*баш-кетхуда*) хивин-

Кетхуды, т. е. старшины Сюйюн-хан'овыхъ племенъ [8]: *іомуд*'овъ, *гёкленг*'овъ, *емрели* и *текинцевъ* ежегодно ходили на поклонъ къ Надиру. За это время Кеймир-Кӧръ завоевалъ *аламан*'омъ (набѣгъ, отрядъ для набѣга) Кызыл-Арватъ, гдѣ и поселились выходцы изъ текинскаго племени, родовъ: *бегъ*, *векиль*, *бахшы* или *дашаякъ*, *сычмазъ*. Кеймир-Кӧръ былъ слѣпъ, но отличался большимъ умомъ. Однажды онъ позднѣе другихъ отправился въ Иранъ къ шаху. Когда всѣ уже были въ сборѣ, Кеймир-Кӧръ вошелъ и сѣлъ выше всѣхъ. Остальные ханы пришли въ гнѣвъ, а Кеймир-Кӧръ сказалъ имъ:

— Развѣ вы не слыхали старой поговорки: «*Бед-асыл асыл далашыр, кӧр—jукоры далашыр*», т. е. «Незнатный изъ-за родовитости споритъ, слѣпой изъ-за почетнаго мѣста споритъ»?

Вышелъ Надир-шахъ и сталъ бесѣдовать. Онъ спросилъ у Огурлы-хана:

— *Іомуд*'ы что за народъ?

— Хорошій, храбрый, хозяйственный.

— А *гёкленг*'и каковъ народъ?

— И *гёкленг*'и хорошій народъ, благоустроенный [9].

— *Теке* каковъ народъ?

скихъ емрели, *Шири-ханъ*, рода *кара-кумлы*. По его показаніямъ упомянутый въ разсказѣ Ходжели *Огурлы-ханъ* былъ не ханомъ, а только бегомъ (изъ рода *даглы*, колѣна *кара-тайлы*), ханомъ-же былъ сначала *Менгли-Аман-ханъ* (рода *кумлы*), затѣмъ его сынъ *Гельди-ханъ*. Ширихинъ является внукомъ *Сейид-Ніяз-хана*, сына (или брата?) *Ата-Ніяз-хана*, сына Гельди-хана. Абульгази ходилъ походомъ на *ермели* въ мѣстность *Фодж* (текстъ, стр. 325) *Foudj* (перев., стр. 348, исправлено по указателю, 367); не есть-ли это *Коджъ* (горный ручей и станц. Закасп. ж. д. подъ *Кызыл-Арватомъ*)? Вѣдь колодецъ *Динаръ*, упоминаемый тамъ же, тоже близокъ къ *Кызыл-арвату*. Въ концѣ XVI в. родъ *имр* жилъ по Абульгази у *Астрабада*. Казанск. изд. даетъ тоже *Фоджъ* (стр. 177).

[8] По туркменскимъ преданіямъ всѣ туркменскія племена восходятъ къ двумъ братьямъ: *Сюйюн-хану* и *Эсен-хану* (по другой версіи *Эсен-хан* сынъ *Сюйюн-хана*). Подробнѣе объ этомъ собираюсь сказать въ отдѣльной работѣ.

[9] *Гӧгленг*'и по Абульгази жили въ XVI в. въ Астрабадской провинціи, т. е. гдѣ они и теперь продолжаютъ жить; только небольшая часть ихъ переселилась въ Хиву и Каракалинское прист. Зак. обл.

— Опоясавъ животъ лукомъ и колчаномъ, мы на текинскихъ дѣвокъ верхомъ садимся!

Осерчалъ Кеймиръ, услыхавъ таковы слова; ничего не сказалъ, а снялъ только съ головы папаху и положилъ ее себѣ подъ задъ.

Надиръ спросилъ Огурлы-хана:

— Понялъ-ли ты, что хочетъ этимъ сказать Кеймиръ?

— Нѣтъ, не понялъ.

— А я понялъ.

Надиръ-шахъ сказалъ:

— Я понялъ Кеймиръ-хан'ово слово. Оно значитъ: «Эй, Огурлы-ханъ! ты меня больно оскорбилъ. Если я не разсчитаюсь съ тобой за эти слова, пусть моя шапка будетъ въ заду собаки [10]! Текинцы не спустятъ тебѣ за твое оскорбленіе!»

Всѣ вернулись къ своимъ племенамъ. Кеймиръ послалъ въ Гöк-тепе лазутчика, который донесъ, что въ такой-то день Огурлы-ханъ будетъ выдавать свою дочь замужъ. А у *емрели* былъ такой порядокъ, что когда выдавали дѣвушку замужъ, то для жениха и невѣсты ставили отдѣльную кибитку. Лазутчикъ узналъ и мѣсто, гдѣ будетъ приготовлена кибитка. Невѣсту звали Чыльпаръ.

Кеймир-ханъ снаряжаетъ *аламан*, жениха убиваетъ, дѣвушку увозитъ. Было лѣто. Огурлы-ханъ погнался за Кеймиромъ, а тотъ, миновавъ два колодца, засыпалъ ихъ, у третьяго-же, Дӱнгöлöнъ, устроилъ привалъ. Здѣсь между дружинами обоихъ хановъ произошелъ бой. Емрелинцы ослабѣли отъ жажды, и текинцы ихъ перерѣзали. Чыльпаръ досталась нѣкоему Чопан'у.

Чрезъ пять дней Кеймиръ снова пришелъ аламаномъ къ Гöк-тепе и прогналъ емрелинцевъ, которые ушли послѣ этого въ Хиву. Текинцы перекочевали изъ Кызыл-Арват'а къ Гöк-тепе. Въ Бами и Беурма оставались еще емрели, а въ Гöзсиз'ѣ, въ горахъ предъ Бами, *карадашли*'нцы. Іомуды

[10] Другой примѣръ *языка жестовъ* см. Образцы народной литературы сѣв. тюркскихъ племенъ, ак. В. Радлова, т. III, текстъ, стр. 78, переводъ, стр. 100.

осадили въ Кызыл-Арватѣ оставшихся тамъ текинцевъ. Изъ Гѳк-тепе пришла подмога, и іомуды были отбиты. Затѣмъ текинцы прогнали емрелинцевъ и изъ Бами, и изъ Беурма, и карадашлинцевъ также вытѣснили съ ихъ мѣстъ. Нѣкоторые карадашлинцы остались среди текинцевъ [11].

Когда *русскіе* взяли Гѳк-тепе, была 162-я годовщина взятія этой твердыни текинцами у емрели [12].

---

[11] Въ упомянутомъ выше хивинскомъ городкѣ Иляллы я бесѣдовалъ съ представителями *карадашли*'нцевъ, живущихъ нынѣ въ хивинскомъ ханствѣ. По ихъ разсказамъ они покинули Ахалъ подъ натискомъ *теке*, *іомуд*'овъ и *кызылбаш*'ей 85 лѣтъ тому назадъ и перекочевали въ Хиву, гдѣ тогда царствовалъ *Медреим-ханъ* (Мухаммедъ-Рахимъ, 1806—25); это было въ году *барана*, а двумя годами ранѣе, въ году *змѣи*, пришли въ Хиву *емрели*. По показаніямъ емрели, іомуды имъ помогали.—Въ *Шеджерэ-и-тюрк* карадашли не упоминаются, но въ другомъ своемъ сочиненіи, *Шеджерэ-и-тэракимэ* (переведено А. Туманскимъ, Асхабадъ, 1897, стр. 58; о рукописяхъ см. въ моей замѣткѣ: По поводу «Свѣточъ Ислама») Абульгази объясняетъ, что *карадашли*'нцами называется часть *огузскаго* племени *Языр*, поселившагося въ горахъ близъ Дурун'а, около котораго, но въ степи, поселилось и все это племя, отчего, будто бы, Дурунъ и назывался *Языровымъ Юртомъ*. См. еще Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. IX, стр. 302, гдѣ А. Г. Туманскій приводитъ соотвѣтствующее мѣсто изъ *Шеджерэ-и-тэракимэ* въ текстѣ и переводѣ по двумъ рукописямъ. Въ «Книгѣ разсказовъ о битвахъ текинцевъ» (готова къ печати) дважды упоминается племя *Язырханъ* (стихи 452 и 1010); такъ, про одного героя говорится: «Былъ тамъ человѣкъ изъ племени *Языр-ханъ*, его родина это — *Гӧзсизъ*». Современные туркмены отожествляютъ племя *языр-ханъ* съ *карадашли*, а *Гӧзсиз'омъ* называютъ котловину въ горахъ передъ Бами. Ср. *Язеръ*, «область въ западной части нынѣшней Закаспійской области» (проф. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 464; событія XIII вѣка) и *Iâzir*, fort (Абульгази, перев. Демезона, 131, 132). Туркмены произносятъ: *jазыр*.

[12] 162—цифра слишкомъ большая, разъ взятіе Гѳк-тепе произошло при *Надир-шахѣ*. Если текинцы вторглись въ Ахалъ въ первой половинѣ или около средины XVIII вѣка, то вполнѣ овладѣть этимъ оазисомъ имъ удалось, повидимому, только къ началу XIX вѣка. Кромѣ показаній *карадашли*'нцевъ объ этомъ говорятъ данныя, собранныя около 25 лѣтъ тому назадъ П. М. Лессаромъ (Извѣст. И. Р. Геогр. Общ. за 1884 г. Замѣтки о Закаспійскомъ краѣ и сопредѣльныхъ странахъ, стр. 4). Въ вышеназванномъ Обзорѣ Закаспійской области на стр. 14 сообщается со словъ ахалтекинцевъ, что они заняли оазисъ «125 лѣтъ тому назадъ», но окончательно отняли его у персовъ и емрелинцевъ только черезъ 25 лѣтъ. Петрусевичъ (Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., кн. XI, вып. I, 1880 г.) со словъ правителей Буджнурда и Кучана передаетъ, что текинцы

*

Емрелинскій поэтъ Ма'руфи [13], современникъ Огурлы-хана, отозвался пѣсней на потерю его сородичами «Зеленаго бугра».

Записано въ поѣздѣ Закаспійской ж. д. между станціями Бахарденъ и Асхабадъ 7 декабря 1906 г.

СПБ., 25 марта 1909 г.

заняли Ахалъ «163 года тому назадъ, во время шаха Техмаспа» (вѣроятно, Второго, 1722—31).

[13] О немъ см. въ моей печатающейся статьѣ «Матеріалы по средне-азіатско-турецкой литературѣ. I. Краткая опись средпеазіатскихъ рукописей собранія А. Самойловича» (Зап. Вост. Отд., т. XIX). Изъ его пѣсни на паденіе Гöк-тепе у меня имѣется только два четверостишія; въ Хивѣ я записалъ русской транскрипціей его стихи въ честь коня, на которомъ ѣздилъ *Сöюн-бегъ*, сынъ *Ніяза*.

С. Ѳ. Ольденбургъ.

Отзвукъ мотива изъ „Валтасара" въ олонецкой сказкѣ.

Покойный И. Н. Ждановъ не успѣлъ кончить своей прекрасной работы о «Валтасарѣ» [1], въ которой онъ указывалъ, что повѣсть «интересна особенно по нѣкоторой близости ея къ произведеніямъ нашего народнаго творчества», причемъ онъ отмѣтилъ очень близкую къ повѣсти сказку, записанную въ Смоленской губерніи [2].

Вопросъ о происхожденіи и распространеніи «Валтасара» приходится еще считать открытымъ и, если, повидимому, И. Н. Ждановъ совершенно правъ, говоря что книжная повѣсть о Валтасарѣ попала въ Россію съ запада, то нельзя все же быть увѣреннымъ и въ томъ, что мы не можемъ найти ее и въ версіяхъ, восточное происхожденіе которыхъ вѣроятно. Намъ пока не удалось найти подобную версію и теперь мы можемъ только указать на весьма отдаленный отзвукъ повѣсти въ олонецкой сказкѣ, записанной А. А. Шахматовымъ въ 1884 году.

Сказка помѣщена въ интересномъ сборникѣ Н. Е. Ончукова (№ 124) съ заглавіемъ «Смѣлъ не удалъ» [3]. Начало сказки—составной—не имѣетъ отношенія къ нашей темѣ, которой касается только одинъ эпизодъ.—«Смѣлъ не удалъ» прибылъ въ домъ богатыря и получилъ позволеніе ходить всюду по

[1] И. Н. Ждановъ. Сочиненія I. СПБ. 1904 стр. 842—86. «Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и былины о Самсонѣ-Святогорѣ». Первоначально Ж. М. Н. Пр. 1901. Май. [2] Ib. стр. 865—867.

[3] Н. Е. Ончуковъ. Сѣверныя сказки (Олонецкая и Архангельская г.г.). СПБ. 1908. Зап. И. Р. Г. О. по О. Э. XXXIII.

дому, кромѣ одного чулана, гдѣ мелятъ, и другого, который порожній. «Смѣлъ не удалъ» все-таки зашелъ въ чуланы и въ томъ, гдѣ мелятъ нашелъ женщину *съ большой сумкой* за плечами, моловшую сырую рожь. Женщина попросила его спросить у богатыря, будетъ ли прощеніе тому человѣку, что мелетъ? На вопросъ, поставленный богатырю, тотъ отвѣтилъ разсказомъ. Ѣдетъ богатырь по чистому полю и видитъ какъ человѣкъ каткомъ катается, *по локти рукъ нѣтъ, по колѣна ногъ нѣтъ*, кричитъ: «предайте смерти». Стало богатырю жалко калѣку, привезъ онъ его домой, велѣлъ женѣ поить его и кормить, и долго держалъ его. Однажды, вернувшись съ чистаго поля домой, застаетъ богатырь калѣку съ женою на кровати. Скинулъ его богатырь съ кровати, хочетъ зарѣзать, а тотъ ползаетъ на своихъ обрубкахъ. Измаялся богатырь въ борьбѣ и кричитъ женѣ, чтобы она подала ему мечъ, а жена отвѣчаетъ: «кто дюжъ, тотъ и мужъ». Второй разъ кликнулъ ее богатырь и получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда онъ кликнулъ собаку и она стала грызть калѣку. Когда богатырь осилилъ его, то зарѣзалъ калѣку, разрѣзалъ на куски и положилъ въ котомку, повѣсилъ ее на жену и опредѣлилъ женѣ вѣкъ сырую рожь молоть. Благодаря запросу, который сдѣлалъ «Смѣлъ не удалъ», богатырь освободилъ жену отъ наказанія.

Въ олонецкой сказкѣ разсказъ скомканъ и, думается намъ, неумѣло переиначенъ: котомка, очевидно, та, которую носитъ богатырь, помѣщая въ нее жену и помимо воли и ея любовника. Съ этою поправкою мы имѣемъ полный варіантъ эпизода о томъ «какъ жена платитъ за любовь», эпизода несомнѣнно имѣющаго отношеніе къ «Валтасару». Весьма, конечно, возможно, что въ олонецкую сказку эпизодъ попалъ и не изъ какой либо близкой къ «Валтасару» версіи, потому что мотивъ этотъ передавался и самостоятельно; но мы все же считали желательнымъ отмѣтить сказку, которая быть, можетъ, является отзвукомъ «Валтасара», чтобы такимъ образомъ принести крупицу для возстановленія исторіи этой любопытной повѣсти въ Россіи. Желательно было бы съ этою цѣлью обслѣдовать и всѣ другіе сборники русскихъ сказокъ.

СПБ., 31 марта 1909 г.

П. А. Ровинскій.

Изъ Нерчинска въ Китай съ караваномъ въ 1871—72 гг.

ВВЕДЕНІЕ.

О возникновеніи экспедиціи и снаряженіи каравана.

Наши торговыя сношенія съ Китаемъ начались еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ Великій, не оставившій ни одного, хотя-бы самаго отдаленнаго уголка Россіи, куда-бы онъ не заглянулъ своимъ дальновиднымъ окомъ, слишкомъ занятый во внѣшней политикѣ Западомъ, только подъ конецъ своей жизни обратилъ вниманіе на наше положеніе въ Сибири. Прежде всего онъ позаботился установить границы съ Китайской Имперіей, для чего послалъ Савву Владиславлевича, впослѣдствіи графа Рагузинскаго. Но на это потребовалось нѣсколько лѣтъ, и, когда граница посланнымъ была установлена, Петра Великаго уже не было въ живыхъ. Тогда же Саввою Владиславлевичемъ основанъ былъ городокъ, собственно военный пограничный постъ, Троицкосавскъ[1]. Рядомъ съ нимъ возникаетъ у самой китайской границы торговое мѣстечко Кяхта и такое же китайское поселенье Маймачэнъ.

Кяхта такимъ образомъ сдѣлалась пунктомъ отправленій въ Китай и прибытія изъ него каравановъ, слѣдовавшихъ по Монголіи черезъ ея главный городъ Ургу, до перваго, ближайшаго къ монгольской границѣ города Калгана. Путь этотъ утвержденъ былъ по соглашенію правительствъ обоихъ смежныхъ государствъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ переходъ границы не допускался, что, конечно, было стѣснительно для пограничныхъ жителей, въ особенности для русскихъ, болѣе въ томъ

---

[1] Въ этомъ названіи соединены—названіе праздника св. Троицы, во имя котораго построена была церковь, и имя его основателя, родомъ серба изъ Бокки Которской, а сербы почитаютъ своимъ покровителемъ св. Савву, архіепископа Сербскаго.

нуждавшихся, чѣмъ монголы; хотя, вопреки такому постановленію, русскіе пограничные казаки постоянно отправлялись въ Монголію, и задобривши предварительно какого нибудь ближайшаго знатнаго *вана* (князя) или *ноина* (чиновника), производили тамъ торговлю съ монголами. Такимъ образомъ въ ихъ рукахъ находилась даже рыбная ловля въ озерѣ Косоголъ, изобилующемъ рыбой, которой монголы не ловятъ и не ѣдятъ, считая ее водянымъ червякомъ.

Этотъ путь для Россіи вообще былъ самый удобный, такъ какъ бо́льшая часть его проходила черезъ Сибирь, по русской территоріи, и въ этомъ случаѣ не только могъ считаться наиболѣе безопаснымъ, но давалъ еще заработокъ русскимъ возчикамъ товаровъ.

Въ какомъ либо новомъ пути не было никакой потребности, потому что далѣе на востокъ наша территорія шла не далеко за Нерчинскъ до Срѣтенска на Шилкѣ, основаннаго въ 1689 г. русскими, покинувшими Албазинъ на Амурѣ, гдѣ они основались было, но не могли выдержать напора многочисленныхъ и воинственныхъ манджуровъ.

Въ 1854 г. съ занятіемъ Амура наши границы подвинулись еще на значительное разстояніе впередъ къ востоку и явился цѣлый новый край, объ удовлетвореніи потребностей котораго также нужно было позаботиться. Въ виду интересовъ этого новаго края и заключенъ былъ новый трактатъ съ Китаемъ въ 1860 г. въ Пекинѣ, по одной статьѣ котораго, чтобы усилить торговыя связи Россіи съ Китаемъ, одинаково выгодны для того и другого государства, открыта была вся китайская граница. Этимъ тотчасъ-же воспользовались русскіе пограничные жители и, давно уже освоившись съ монголами, чувствуя себя между ними какъ между своими, они стали проникать черезъ Монголію до границъ собственно Китая. Забайкальскіе казаки при этомъ открыли неизвѣстный имъ до того времени городъ Долон-норъ, о многолюдствѣ и богатствѣ котораго стали распространять слухи, отчасти, конечно, преувеличенные. На это, однако, обратили серьезное вниманіе нерчинскіе торговые люди братья Бутины, въ особенности младшій братъ Михаилъ Дмитріевичъ, выдвигавшійся между всѣми торговцами Восточной Сибири недюжиннымъ, развитымъ умомъ, торговою смѣтливостью и предпріимчивостью.

Соображая, что край ихъ, увеличившійся занятіемъ Амура, можетъ заявить свои потребности въ такихъ размѣрахъ, для удовлетворенія которыхъ сто́итъ и должно позаботиться о новомъ, болѣе удобномъ сообщеніи съ Китаемъ, они рѣшились отыскать для того дорогу, болѣе короткую, чѣмъ черезъ Кяхту—Ургу на Калганъ, и именно отъ одного изъ пограничныхъ карауловъ Нерчинскаго округа черезъ г. Хэрлюнъ въ Монголію до Долон-нора на границѣ Китая, откуда можно прямо пойти до Пекина, оставивъ далеко въ сторонѣ Калганъ.

Но они не могли, конечно, положиться на разсказы казаковъ въ рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ направленіе торговли цѣлаго края по новому пути, оставивши прежній, по которому она направлялась въ продолженіе почти двухъ столѣтій, не представляя никакихъ затрудненій и не вызывая ни съ чьей стороны никакихъ претензій.

Поэтому для изслѣдованія этого новаго пути ими снаряжена была специальная экспедиція, которая, отправившись съ русской границы 26 мая 1870 г. воротилась на ту же границу 15 октября, выполнивъ возложенную на нее миссію: прошла весь тотъ путь до г. Тянь-дзина и собрала всѣ относящіяся къ нему свѣдѣнія, по которымъ оказывалось, что путь этотъ не только возможенъ, но для ихъ края имѣетъ всѣ преимущества передъ Кяхтинско-Ургинскимъ, а нѣкоторыя преимущества имѣетъ вообще и для Россіи.

Результатомъ этого, какъ слѣдствіе привезенныхъ экспедиціей благопріятныхъ для задуманнаго дѣла свѣдѣній, и рѣшено было въ слѣдующій же 1871 г. отправить караванъ, описаніе пути котораго мы и предлагаемъ людямъ, интересующимся какъ этимъ дѣломъ, такъ и географіей пройденныхъ имъ мѣстностей.

Отчетъ экспедиціи напечатанъ былъ въ Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества и потомъ вышелъ отдѣльною книжечкою [1]. Въ немъ довольно обстоятельно изложена исторія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ и, кромѣ описанія пути и характеристики пройденной мѣстности, описаны бытъ монголовъ и ихъ занятія и торговля; говорится такъ же объ экономическомъ значеніи Долон-нора для Монголіи и о видахъ будущей торговли русскихъ съ монголами (стр. 75—81). Это освобождаетъ насъ отъ необходимости, какъ излагать исторію больше того, что мы уже привели для уясненія, откуда явилась мысль о новомъ пути, такъ и останавливаться на бытовой сторонѣ монголовъ, объ чемъ есть и другія сочиненія. А потому мы можемъ ограничиться нашимъ дневникомъ, въ которомъ, описывая день за днемъ проходимыя нами мѣстности, мы собрали матеріалъ для географіи той части Монголіи. Но считаемъ необходимымъ сообщить также о самомъ караванѣ, его снаряженіи, составѣ и способѣ путешествія.

Караванъ отправился въ октябрѣ 1871 г. Время года было избрано зимнее, такъ какъ къ этому времени верблюды, отгулявшись и откормившись за лѣто, обладаютъ наибольшею силою и зимой не подвергаются страданію отъ жара и отъ массы жалящихъ мухъ, которыми обычно сопровождается лѣто, меньше тогда можно разсчитывать и на недостатокъ воды, которую можно получать изо льда и снѣга, что впрочемъ болѣе важно для людей.

Братья Бутины дали капиталъ, какъ на содержаніе каравана, такъ и для покупки товара въ Китаѣ, главнымъ образомъ чая, байховаго и кирпичнаго, а частью китайскаго сахара, въ леденцахъ, очень распространеннаго между инородцами и русскими Забайкалья, и небольшого количества другихъ предметовъ; а нерчинскій же торговецъ Петръ Ивановичъ Першинъ со своими родственниками взяли на себя дать верблюдовъ для перевозки.

[1] Историческій очеркъ сношеній Русскихъ съ Китаемъ и описаніе пути съ границы Нерчинскаго округа въ Тянь-дзинъ. Статья братьевъ Бутиныхъ. Иркутскъ. 1871, in 8°, стр. 99+39; съ маршрутною картою.

Собрано было 116 верблюдовъ и при нихъ въ качествѣ вожаковъ и для ухода было 12 человѣкъ бурятъ. Остальной личный составъ былъ слѣдующій: во главѣ, какъ хозяинъ каравана, П. И. Першинъ, съ нимъ родственникъ его Василій Димитріевичъ Першинъ, участвовавшій раньше въ экспедиціи и потому, слѣдовательно, знающій дорогу; еще молодой человѣкъ Афанасій Першинъ, который спеціально завѣдывалъ верблюдами и вожаками ихъ бурятами; отъ Бутиныхъ были два торговыхъ приказчика, молодые люди Василій Ивановичъ Плятскинъ и Иванъ Ивановичъ Бутинъ; въ качествѣ переводчика и вообще для сношеній съ монголами былъ Иванъ Васильевичъ Пушкаревъ, казачій урядникъ Кулусутаевскаго караула. Завершался этотъ личный составъ Гаврилой, поваромъ или кашеваромъ, и случайно попалъ въ него я. Кромѣ верблюдовъ, съ караваномъ вели еще 16 лошадей, чтобы продать въ Долон-норѣ, гдѣ казаки уже раньше продавали лошадей и довольно выгодно.

Завьюченныхъ верблюдовъ была только половина, частью мануфактурнымъ товаромъ, а то все серебряными рублями для покупки китайскихъ товаровъ и съѣстными припасами, главнымъ образомъ сухарями; мясо же, конечно, мы находили вездѣ по пути у монголовъ.

Мы, восемь человѣкъ, перечисленныхъ выше по именамъ, имѣли каждый свою двухколесную телѣжку съ кибиткой, запряженную верблюдомъ, котораго велъ въ поводу бурятъ, ѣдущій на верблюдѣ же рядомъ. Только у П. И. Першина телѣжка была четырехколесная.

Для ночлега у насъ было двѣ войлочныхъ юрты, которыя въ сложенномъ видѣ тоже навьючены были на верблюдовъ, а какъ только приходили на станъ, ихъ разбивали и внутри разводили огонь, употребляя для этого вмѣсто дровъ—*аргал* (скотскій пометъ), который тутъ же собирали.

На пути въ продолженіи цѣлаго дня дѣлалась одна лишь остановка для смазки телѣжекъ не больше, какъ на 10 минутъ, чтобы не держать долго верблюдовъ подъ вьюками. Въ то же время мы выпивали по рюмкѣ водки и съѣдали сухарь съ положеннымъ на него кусочкомъ свиного сала; а когда запасъ послѣдняго истощился, его замѣнялъ намъ сваренный бараній курдюкъ, сало котораго на морозѣ не имѣло никакого противнаго вкуса. Пробовали сначала брать съ собой вареное мясо, но оно дѣлалось на пути твердо, какъ кость.

Полный обѣдъ былъ вечеромъ, когда приходили на станъ. Прежде всего пили кирпичный чай; а потомъ готовили кушанье—какой нибудь супъ съ мясомъ и рисомъ, пекли мясо на жару и потомъ пили обыкновенный чай. Пища была простая, но здоровая и обильная, а потому, несмотря на однообразіе, всегда ѣли со вкусомъ, благодаря волчьему аппетиту, который пріобрѣтался за день, и воздавали вполнѣ заслуженную честь повару и его кушаньямъ. Иногда дѣлали пирожки съ мясомъ, жаренные на салѣ; они служили намъ вмѣсто булки къ чаю. Само собою разумѣется, были у насъ консервы, колбасы и т. п.

Когда всѣ были въ сборѣ, то происходилъ обмѣнъ впечатлѣній, полученныхъ каждымъ въ дорогѣ. Всегда почти мы имѣли гостей—сосѣд-

нихъ монголовъ, которые помогали намъ оріентироваться, сообщали названія мѣстностей, какъ пройденныхъ, такъ и предстоящихъ впереди, и другія свѣдѣнія. Я послѣ обѣда перебѣливалъ въ свою записную книжечку то, что кое-какъ успѣлъ записать на ходу, или просто удержалъ въ памяти, и все это пополнялъ наблюденіями своихъ товарищей и свѣдѣніями полученными отъ монголовъ.

Такъ заканчивался нашъ день и затѣмъ мы предавались сну. Сонъ былъ спокойный, здоровый, крѣпкій, и, пробудившись утромъ, мы чувствовали себя такъ, какъ будто наканунѣ не испытывали никакого утомленія.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, весь жаръ съ огнища сгребали въ яму, выкопанную возлѣ него, и сверху насыпали золу, подъ которой процессъ перегоранія совершается медленно и зола сохраняетъ теплоту очень долго. Это по монгольски называется *мангал* [1]. Въ то же время покрывается войлокомъ отверстіе поверху юрты, служащей для выхода дыма. И въ юртѣ становится такъ тепло, что можно сидѣть безъ верхней одежды, какъ въ теплой комнатѣ. Къ утру она, конечно, выстываетъ, но жаръ сохраняется и отъ него разводится новый огонь.

Обратный путь мы совершили безъ сухарей, которые мы оставили на переднемъ пути, не расчитывая, что мы на него не вернемся, слѣдовательно, были безъ хлѣба, имѣя только немного муки, чтобы коекогда сдѣлать пирожки, и привыкли питаться преимущественно мясомъ до того, что и послѣ, придя домой, нѣкоторое время мало употребляли хлѣба. Вообще весь нашъ режимъ былъ такой здоровый, что за все время нашего пребыванія за-границей изъ насъ никто не захворалъ, не почувствовалъ даже ни малѣйшей головной боли.

О веденіи дневника и моемъ участіи въ экспедиціи.

Наконецъ, считаю не лишнимъ разсказать, какимъ образомъ я попалъ въ караванъ и очутился въ роли, къ выполненію которой не только не имѣлъ никакой предварительной подготовки, но и, будучи по спеціальному образованію филологомъ-славистомъ, попалъ въ совершенно чуждую мнѣ область натуралиста и оріенталиста [2].

Въ тотъ же годъ я провелъ все лѣто въ Забайкальи, главнымъ образомъ между старообрядцами, такъ называемыми «семейскими» и прибылъ въ Читу, намѣреваясь провести зиму тамъ же между казаками, а весною отправиться на Амуръ. Вообще въ тѣхъ краяхъ меня занимала роль русскаго человѣка, какъ колонизатора.

---

[1] Названіе это, какъ мнѣ толковали, происходитъ отъ глагола *мануху*—сохранять, *гал*—огонь; тоже названіе у турокъ дается сосуду (родъ жаровни), служащему для той же цѣли.

[2] Авторъ умалчиваетъ здѣсь, что онъ уже раньше былъ въ Монголіи, въ началѣ 1871 г. и результатомъ этой поѣздки явилась цѣнная и часто цитуемая монголистами работа: «Мои странствованія по Монголіи». (Вѣстникъ Европы, 1874 г., іюль; стр. 212—304). *Ред.*

Въ Читѣ въ то время губернаторомъ былъ Николай Петровичъ Дитмаръ, о которомъ я слышалъ, какъ о человѣкѣ очень гуманномъ и съ любовью относившемся къ управляемымъ имъ. Явившись къ нему, я засталъ его приготовившимся сдѣлать объѣздъ ввѣренной ему области. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ, что я принялъ съ большою радостью, такъ какъ это совершенно отвѣчало моей задачѣ. Мы съ нимъ объѣхали сначала заводы: Петровскій, Нерчинскій, Александровскій, гдѣ тогда находился Чернышевскій и др.; а потомъ отправились по казачьимъ станицамъ и пограничнымъ карауламъ. Онъ со своимъ адъютантомъ Бартеневымъ ревизовалъ волостныя, заводскія и станичныя правленія, а мнѣ предоставлены были школы. Внѣ этихъ, до нѣкоторой степени оффиціальныхъ занятій, особенно по вечерамъ собиралось къ намъ много народу, что и представляло мнѣ возможность дѣлать свои наблюденія и собирать различныя свѣдѣнія, въ чемъ много помогали простыя, такъ сказать, патріархальныя, даже дружественныя отношенія между народомъ и губернаторомъ.

Мы почти окончили нашъ объѣздъ и ѣхали обратно въ Читу, какъ встрѣтили экипажъ, который остановился, и изъ него вышли люди, видимо, желающіе повидаться съ губернаторомъ. Нашъ экипажъ остановился, губернаторъ вышелъ изъ него и направился къ этимъ людямъ, а я остался возлѣ экипажа. Черезъ нѣсколько времени губернаторъ зоветъ меня и обращается со словами: «А эти господа прибыли по вашему адресу». Оказалось, что это были П. И. Першинъ и еще двое съ нимъ, отправлявшіеся съ караваномъ и выѣхавшіе, чтобы передъ тѣмъ повидаться съ начальникомъ своего края, а въ тоже время пригласить меня ѣхать съ ними.

Послѣ недолгихъ переговоровъ я изъ одного экипажа пересѣлъ въ другой и черезъ часъ съ небольшимъ былъ въ Кулусутаѣ, въ домѣ Ивана Васильевича Пушкарева, отправлявшагося также съ караваномъ въ качествѣ переводчика, и гдѣ шли приготовленія къ выступленію въ путь.

Изъ одежды у меня былъ полушубокъ, который всегда нуженъ въ Сибири, даже и лѣтомъ, особенно въ горахъ: тутъ мнѣ купили козлакъ, это—шуба изъ козьихъ шкуръ, надѣвающаяся сверху въ родѣ дохи; для ногъ нашлись *камасы*, мѣховая обувь, надѣваемая сверхъ сапоговъ; на голову дали мнѣ малахай, и я готовъ.

Что же я буду дѣлять въ караванѣ?

Пригласившіе знали обо мнѣ, что я уже годъ нахожусь въ Сибири и путешествую, побывалъ и въ Ургѣ въ Монголіи [1], а прежде совершалъ и заграничныя путешествія. Извѣстно было имъ такъ же, что я кое что писалъ о Сибири.

Такимъ образомъ они отчасти знали, кого приглашаютъ; но не могли точно формулировать мнѣ мою задачу. Изъ весьма короткаго объясненія съ приглашавшими я могъ заключить, что ими въ этомъ случаѣ руководило великодушное желаніе путешественнику, не имѣвшему

[1] См. на сноску [2] на стр. 571.

собственныхъ средствъ, дать возможность видѣть новую страну и тѣмъ расширить поле своихъ наблюденій; а въ то же время пріобрѣсти въ немъ новаго члена для своего маленькаго общества, который въ него можетъ внести долю оживленія, какъ человѣкъ бывалый, видѣвшій свѣтъ. Въ видѣ компенсаціи за такое предложеніе я съ своей стороны могъ потомъ сдѣлать для нихъ описаніе путешествія каравана, какъ описано путешествіе экспедиціи, а кромѣ того, написать о немъ одну—другую корреспонденцію.

Все это конечно было по моимъ силамъ, и я отправляюсь въ качествѣ компаньона и корреспондента.

Лично для меня интересъ представлялъ самый караванъ, съ жизнью котораго я соединялъ и мои переживанія.—А въ то же время могъ наблюдать и жизнь монголовъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны.

Справокъ съ литературой въ то время я не могъ сдѣлать никакихъ. Единственнымъ указателемъ и руководителемъ былъ отчетъ экспедиціи 1870 г., который мнѣ вручили вмѣстѣ съ тетрадкой въ родѣ атласа, въ которомъ, стоявшимъ во главѣ экспедиціи А. П. Лосевымъ, были нанесены карточки пройденныхъ мѣстностей съ бо́льшими подробностями, чѣмъ какія было можно было найти на маршрутной карточкѣ, приложенной къ отчету.

Главную задачу мою составляло наблюдать дорогу, чѣмъ я и занялся, не выпуская изъ рукъ упомянутое руководство.

Но вскорѣ я замѣтилъ, что наша дорога иногда не совпадала съ дорогою экспедиціи и иногда мы шли совершенно другою дорогой. Тогда я рѣшился, и видѣлъ въ томъ необходимость, вести наблюденія постоянно, а не урывками, сидя въ телѣжкѣ; такъ какъ она спереди была закрыта. Поэтому, не видя ничего впереди, я не могъ знать даже, когда мнѣ нужно изъ нея выйти. Единственно, что мнѣ оставалось сдѣлать, это бросить телѣжку и идти съ караваномъ пѣшкомъ, что я и сдѣлалъ; а въ нее сталъ складывать свои коллекціи.

Тогда только я почувствовалъ себя свободнымъ: я могъ остановиться, гдѣ мнѣ нужно, чтобы прикинуть по компасу наше направленіе; начертить кое-что, неподдающееся описанію; подняться на какой нибудь холмъ, если онъ встрѣтится невдалекѣ отъ дороги; потомъ догнать караванъ и идти съ нимъ рядомъ, заранѣе, далеко впереди намѣчая себѣ предметы для наблюденія.

Это имѣло большую выгоду для меня лично. Въ нравственномъ отношеніи я получалъ увѣренность, по крайней мѣрѣ, въ приблизительной точности своихъ наблюденій; а въ матеріальномъ—я не испытывалъ холода, который испытывали мои товарищи, сидя неподвижно въ телѣжкахъ, хотя и прикрываясь различнаго рода одеждой. Потомъ мнѣ не приводилось и скучать, какъ имъ, не говоря уже о томъ, что, благодаря усиленному движенію, у меня развивался аппетитъ, при которомъ наша однообразная пища не только не надоѣдала, но казалась все вкуснѣе и вкуснѣе, и сонъ былъ богатырскій.

Одно было неудобство, это то, что протирались подошвы у моей обуви, не смотря на ея прочность. Тѣмъ же страдали и наши верблюды,

стирая подошвы своихъ невооруженныхъ копытами лапъ, непривычные при томъ, какъ монгольскіе, къ мелкой дресвѣ, которою покрыты всѣ дороги въ Монголіи. Противъ этого однако нашлось средство, это—смола, которую для того и везли съ собою. Придя на станъ, разводили на какомъ-нибудь мѣстѣ огонь и, когда по расчету земля въ этомъ мѣстѣ должна была достаточно накалиться, жаръ сгребали прочь и на его мѣсто клали кусокъ смолы, которая тутъ же растапливалась, а впереди насыпали золу съ пескомъ и тогда вели верблюда такъ, чтобы онъ ступалъ ногами сначала на эту растопленную смолу, а потомъ на песокъ съ золой, которые тотчасъ же приставали и образовали новую подошву. Къ тому же способу прибѣгалъ и я. Созданная такимъ образомъ подошва служила мнѣ на много переходовъ и была несравненно прочнѣе тѣхъ кожанныхъ, которыя мнѣ дѣлали, когда были въ Китаѣ, и китайскихъ башмаковъ на очень толстой картонной подошвѣ. Лучше только китайскіе шерстяные чулки безъ пятокъ: ихъ, по мѣрѣ протиранія, можно было перевертывать на всѣ стороны.

При такихъ условіяхъ я велъ дневникъ въ продолженіе всего пути и пребываніи въ Монголіи, не пропустивши ни одного дня и занося въ него—описаніе мѣстности, отмѣчая направленіе и сколько времени въ какомъ направленіи шли, температуру, погоду и собирая растенія и образчики каменныхъ породъ и почвы.

Возвратившись благополучно въ Нерчинскъ въ концѣ февраля, я тотчасъ занялся своимъ дневникомъ и въ продолженіе полутора мѣсяца привелъ его въ порядокъ, переписалъ, сдѣлалъ вычисленія разстояній, и на основаніи всего составилъ маршрутную карту. Цѣль наша была напечатать его; но для этого нужно было написать еще кое-что. А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ только тронулся ледъ на Шилкѣ, я съ Прокопіемъ Ивановичемъ Пахолковымъ, на его собственномъ торговомъ пароходѣ отправился на Амуръ. Дневникъ былъ оставленъ; а карту я далъ начальнику межевыхъ топографовъ Усольцеву, въ то время дѣлопроизводителю въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества, и что съ нею сталось, не знаю. Коллекціи также были переданы въ Отдѣлъ, гдѣ онѣ, конечно, погибли, во время пожара, случившагося послѣ того и уничтожившаго музей Отдѣла съ библіотекой и со всѣми коллекціями.

Послѣ того мнѣ привелось много странствовать или находиться въ такомъ положеніи, что я не могъ заняться вновь Монголіей. И только спустя лѣтъ 20, я улучилъ время, когда чувствовалъ себя свободнымъ отъ всякихъ другихъ дѣлъ, и тогда я возобновилъ карту по сохранившимся еще отъ того времени даннымъ. Но на первой картѣ я нѣкоторыя детали, характеризующія мѣстность, воспроизводилъ по памяти, чего не могъ сдѣлать послѣ, по прошествіи періода, когда мнѣ и не приводилось больше вспоминать объ томъ. Поэтому на прилагаемой теперь къ дневнику картѣ я означилъ только нашъ маршрутъ, одни названія мѣстностей, не выражая ихъ характера. Намѣреніе мое было весь этотъ сухой матеріалъ передать Географическому Обществу, гдѣ изъ него могли сдѣлать какое нибудь употребленіе.

А нѣсколько лѣтъ назадъ пожелалъ видѣть мой дневникъ Григорій Николаевичъ Потанинъ и, просмотрѣвши его, возвратилъ при запискѣ, въ которой выразился, что хорошо было бы его напечатать. Это еще болѣе укрѣпило меня въ принятомъ уже мною намѣреніи.

Въ настоящее же время, когда для увѣковѣченія дня 70-ти лѣтъ рожденія Г. Н. Потанина издается сборникъ статей, я буду радъ, если мой дневникъ напомнитъ юбиляру мѣста, имъ пройденныя и изученныя, а также наше съ нимъ знакомство, начиная съ шестидесятыхъ годовъ.

Относительно дневника мнѣ остается сказать о его редактированіи нѣсколько словъ.

Онъ остается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я его велъ во время пути и потомъ переписалъ тотчасъ послѣ путешествія, находясь въ Нерчинскѣ. Только разстоянія и наблюденія погоды находившіяся въ самомъ дневникѣ, я извлекъ изъ него и помѣстилъ отдѣльно въ приложеніяхъ, чтобы не отвлекать читающаго отъ главнаго, отъ описанія мѣстности, а въ тоже время дать ему возможность и эти наблюденія имѣть собранными въ одно цѣлое. Точно такъ, обращая особенное вниманіе на горы съ плоскими вершинами (Столовыя) и на присутствіе во многихъ мѣстахъ лавы, я даю много мѣста исключительно ихъ описанію, чѣмъ также загромождается дневникъ и нарушается связь въ общемъ описаніи; поэтому и ихъ я помѣстилъ въ приложеніяхъ, что дало мнѣ возможность дать и ихъ полную характеристику. Кромѣ того, я позволилъ себѣ сдѣлать краткую оцѣнку экспедиціи и каравана по тѣмъ результатамъ, какіе они могутъ дать въ практическомъ смыслѣ для торговли и въ научномъ, для расширенія нашихъ географическихъ свѣдѣній.

При концѣ Введенія я даю объясненія, какимъ образомъ составлена маршрутная карта, а также особенныхъ знаковъ и сокращеній, а здѣсь считаемъ нужнымъ объяснить нѣкоторыя спеціальныя топографическія названія, встрѣчающіяся въ текстѣ дневника.

Во всѣхъ почти сочиненіяхъ о Монголіи подъ именемъ *гоби* разумѣютъ громадную пустыню, занимающую значительную часть ея сплошь, какъ нѣчто одно цѣлое, притомъ совершенно безводную, а иногда называя ее песчаною, при чемъ прибавляютъ «или *шамо*». Въ дѣйствительности же въ той части Монголіи, которую мы прошли насквозь отъ русской границы до Китая, намъ нигдѣ не встрѣтилось такой пустыни, а вездѣ находится для питья вода, если не озерная или ключевая, то въ колодцахъ, не исключая пояса песковъ, и всюду почти хорошая травяная растительность. А названіе *гоби* или *гови* присвоивается многимъ мѣстностямъ совершенно отдѣльнымъ и несвязаннымъ одна съ другою. Это равнина, имѣющая свои опредѣленныя границы, большею частью стелющаяся у подножія какого нибудь хребта. Она можетъ быть очень богатая пастбищами и неоскудѣвающая водой, какъ Ирхэтэн-гоби или какъ Христин-гоби, часть которой состоитъ изъ солончаковъ, покрытыхъ однако дэресуномъ и другими травами, которыя очень любятъ верблюды.

Есть Шабартэй-гоби—глинистая степь, какъ показываетъ ея названіе. Почти тоже значитъ и *тала*, тоже степь, покрытая травой, но какъ будто неимѣющая опредѣленныхъ границъ и при этомъ можетъ быть безводная. Такая, по разсказамъ монголъ, *Мынын-тала*, гдѣ то далеко на востокъ отъ нашего пути: она огромная, покрыта хорошею травой, безводна и копать колодцы нужно слишкомъ глубоко; поэтому на нее прикочевываютъ только зимой, такъ какъ снѣгъ тамъ выпадаетъ большой, и изъ него можно добывать воду.

Возвышенія означаютъ словами: *даба(н)* — вообще гора; *ула* — гора, выдающаяся надъ всѣмъ хребтомъ и дающая ему названіе; *хада*—какъ бы цѣпь горъ или увановъ; *чулу* или *чоло*—каменистое возвышеніе и скала. Впрочемъ это могутъ объяснить только люди, знающіе языкъ. *Булак* означаетъ ключъ, *гол*—рѣку, *нор* или *нур*—озеро; *худук*—колодецъ. Эти слова часто присоединяются къ собственному имени и мы иногда ставимъ только ихъ начальныя буквы: б., г., н., х. *Обо*—жертвенникъ, большею частью на возвышеніи, а иногда на ровномъ; они служатъ какъ бы путеводными маяками по дорогѣ. Мы употребляемъ его по сибирскому говору *обон* и подвергаемъ склоненію. *Дугун*—молельня, въ которую собираются въ извѣстное время, а безъ того она остается иногда совершенно порожнею, и постройка ея такая, что вмѣсто стѣнъ дѣлается одинъ остовъ изъ столбовъ и перегородокъ между ними, который на время обтягивается дабой или войлокомъ. *Сумэ*—молельня постоянная, въ которой находятся одинъ или нѣсколько ламъ.

Дацан — ламское общежитіе, монастырь; иногда называются *хуре*, особенно если въ томъ же мѣстѣ находится какое-нибудь правительственное лицо, чиновникъ высшаго ранга.

Направленія по странамъ свѣта означаю начальными буквами В., З., С., Ю. и сложными ЮВ., ЮЮВ., и т. п., такъ же обозначаю и вѣтра; *ч.*—часъ; *м.*—минута; *поп.*—пополуди: *в.*—верста.

Растеніямъ я даю сибирскія названія, которымъ къ сожалѣнію научныя, латинскія названія позабылъ: *дэресун бѣлый* и *черный* или *красный*—кормовыя травы верблюда; *ерник*—кустарникъ черной березы; *золотарник*—citicus, а другой видъ *харгана*; *тараношка*—дерево съ плодомъ въ родѣ рябины или боярышника.

Поясненія къ маршрутной съемкѣ.

При этомъ я считаю необходимымъ объяснить, какимъ образомъ составлена предлагаемая маршрутная съемка и что она собою представляетъ.

Въ нашемъ распоряженіи были—*компасъ*, по которому мы опредѣляли направленіе, и часы для опредѣленія времени, сколько были въ ходу.

О способѣ, какимъ велись наблюденія, я уже говорилъ. Къ этому остается добавить, что, идя пѣшкомъ, я не пропускалъ ни одного поворота, чтобы не прикинуть его по компасу и не отмѣтить часъ и минуту, когда произошло какое-нибудь измѣненіе направленія. Если была какая-

нибудь остановка, хотя-бы на пять минутъ, и то отмѣчалось въ записной книжечкѣ. Такимъ образомъ данныя для опредѣленія направленія получались довольно точныя. Прійдя на станъ, я прикидывалъ по компасу пройденную уже нами дорогу; а если оказывалось вблизи какое-либо возвышеніе, то я оріентировался съ него въ цѣлой окрестности.

Нѣкоторыя высоты, находившіяся въ сторонѣ, далеко отъ нашей дороги, намъ приводилось иногда наблюдать нѣсколько дней, и, отмѣчая ихъ тоже по компасу съ различныхъ мѣстъ, можно было засѣчкой опредѣлить ихъ положеніе, не приближаясь къ нимъ.

Чтобы перевести время на разстояніе, мы прибѣгли къ такому способу: измѣривъ по ободу окружность колеса своей телѣжки, мы одну спицу въ немъ вымазали въ черное и потомъ во время хода сосчитывали число оборотовъ въ продолженіе пяти и болѣе минутъ, и это повторяли много разъ въ мѣстностяхъ различнаго характера. Такимъ образомъ у насъ получалась различная скорость отъ 4 до 5 верстъ въ часъ. Самая обычная и постоянная была 4¾ в. Замѣтимъ при этомъ, что при спускахъ, если они были круче,—а обыкновенно спуски, какъ и подъемы, были едва замѣтные—верблюдъ въ телѣжкѣ не только не прибавлялъ ходу, а скорѣе задерживался. Поэтому скорость 4¾ в. мы приняли для всего пути отъ Кулусутая до Долон-нора. Хребты, которыхъ мы прошли нѣсколько, не оказывали никакого вліянія, потому что, усмотрѣвши какой-нибудь хребетъ дня за два и даже за три, подойдя къ нему, мы его не замѣчали и переходили черезъ него совершенно по ровному, попадая иногда въ распадокъ въ немъ.

Задержка скорости была только въ пескахъ но въ передній путь, извѣстный уже нѣкототорымъ изъ нашихъ спутниковъ, мы отлично лавировали между песчаными холмами и имѣли дорогу совершенно ровную, по твердому грунту, и если, сбившись иногда съ настоящаго пути, врѣзывались въ песокъ, то дѣлали остановки, которыя мы всегда отмѣчали, и то было очень рѣдко. Совсѣмъ другое было на обратномъ пути. Тутъ мы за неимѣніемъ хорошихъ вожаковъ не попадали на настоящую дорогу, а часто шли совершенно безъ дороги, держась только по компасу направленія, которое не отвело-бы насъ слишкомъ далеко на западъ, что окончательно удлинило-бы нашъ путь, и не приблизило много къ нашему переднему пути, гдѣ китайцы намѣревались остановить нашъ караванъ. Такое положеніе особенно чувствительно въ пескахъ, гдѣ, не попавъ на обратный путь, мы врѣзывались въ сыпучій песокъ и бились иногда нѣсколько часовъ, выручая изъ него телѣжки съ грузомъ, или шли по песчаной отсыпи. Здѣсь мы приняли скорость 4 в. въ часъ, выбрасывая, конечно, всѣ простои. Утомленные въ особенно трудныхъ мѣстахъ, верблюды потомъ и по ровной дорогѣ, по твердому грунту не могли идти настоящимъ своимъ ходомъ. И кромѣ песковъ на всемъ этомъ пути мы встрѣчали гораздо больше горъ, болѣе или менѣе чувствительныхъ подъемовъ и спусковъ; при томъ верблюду въ телѣжкѣ везти 20 пудовъ хотя и легче, чѣмъ 12 пудовъ на спинѣ, скорость хода его въ упряжкѣ меньше. Поэтому мы и приняли для этого пути общую скорость 4½ в. въ часъ. И дѣйствительно, разстояніе между Кулусутаевскимъ карауломъ и р. Хэрлюнъ въ передній путь мы совер-

шли въ $64\frac{1}{2}$ ч., а на обратный путь потребовалось $68\frac{1}{2}$ ч. Но рядомъ съ этимъ такая несообразность: пространство отъ Кулусут. кар. до стана на р. Ульдза въ передній путь мы прошли немного даже больше, чѣмъ за 8 ч., и потому означили разстояніе около 40 в.; а обратно только 8 ч. и, разсчитывая общую скорость въ $4\frac{1}{2}$ ч., получаемъ 36 в. Это объясняется тѣмъ, что на послѣднемъ переходѣ мы форсировали нашъ ходъ, да и сами верблюды шли веселѣе, чувствуя близость родныхъ мѣстъ. Въ цѣломъ же разстояніи отъ Кулусутаевскаго караула до р. Хэрлюнъ въ 300 в. разсчеты не сходятся только на 1 версту.

Если-бы мы возвращались прежнею дорогой, то могли-бы произвести провѣрку всего прежняго, пройденнаго нами пути; но намъ привелось возвращаться совсѣмъ иною дорогой, объ чемъ впрочемъ можно не сожалѣть, такъ какъ теперь мы получили свѣдѣнія еще о новой, до сихъ поръ неизвѣстной мѣстности; а въ то-же время и упомянутой выше, сдѣланной нами-же провѣрки достаточно, чтобы установить, насколько можно положиться на данныя разстояній, опредѣляемыя ходомъ верблюда,—этого корабля пустыни, который и въ этомъ отношеніи своимъ большимъ постоянствомъ имѣетъ преимущество передъ лошадью.

Въ отчетѣ экспедиціи говорится, что и при опредѣленіи числа верстъ ходомъ лошади легко можетъ быть сдѣлана ошибка на 5 в. въ каждый переходъ (стр. 24). По нашему мнѣнію, такая ошибка слишкомъ громадна, потому что на разстояніи, которое мы прошли туда и обратно (болѣе 2000 в.), достигла-бы болѣе 300 в. Но, судя по опыту экспедиціи и нашему, нѣтъ основанія допускать подобную громадную ошибку. На болѣе приблизительную вѣрность указываетъ сравненіе цифръ экспедиціи съ нашими, хотя мы и руководились ходомъ различныхъ животныхъ.

По даннымъ экспедиціи разстояніе между Кулусут. кар. и Долон-норомъ 1061 в. (Маршр. стр. 25), а по нашимъ 1070, слѣдовательно, разница всего на 9 в. Такому совпаденію можно удивляться и оно свидѣтельствуетъ въ пользу приблизительной вѣрности нашихъ измѣреній; хотя въ деталяхъ разница гораздо больше. Такъ, разстояніе между Кулусутаемъ и станомъ на р. Ульдза мы считаемъ приблизительно 40 в. (немного больше или меньше), такъ считаютъ и пограничные жители; а у экспедиціи значится 48 в. Въ разстояніи между Кулусутаемъ и Бандида-даценомъ у экспедиціи показано почти на 70 в. меньше нашего; а между послѣднимъ и Долон-норомъ почти на 34 в. больше. Не намъ, конечно, судить, чьи данныя вѣрнѣе; но не можемъ не замѣтить, что ошибка можетъ быть не въ самомъ опредѣленіи разстоянія, а только въ цифрахъ при ихъ подсчетѣ. Такъ по нашему разстояніе, между Калганомъ и Долон-норомъ 277 в., а у экспедиціи оно показано «около 110 в.» (Описаніе стр. 99). Насъ поразила возможность такой разницы и дѣйствительно, когда мы сосчитали цифры, въ ихъ-же отчетѣ проставленныя противъ отдѣльныхъ переходовъ, то получили 243 в. (Маршрутъ стр. 34—39). Точно такъ при подобномъ подсчетѣ, вмѣсто приведенныхъ выше 1061 в.— мы получили 1036 в.

Отъ Долон-нора въ Калганъ пятеро изъ насъ, оставивши караванъ, отправились налегкахъ, на верблюдахъ-же верхомъ, причемъ вели за

собой еще три верблюда, завьюченныхъ только нашимъ небольшимъ багажомъ. Въ этотъ переходъ мы считаемъ, что шли по 6 в. въ часъ, на слѣдующемъ основаніи: верблюдъ порожній или, что все равно, подъ однимъ сѣдокомъ идетъ обычнымъ шагомъ 5 в.; а мы шли усиленнымъ ходомъ, стремясь скорѣе попасть въ Калганъ и не желая много задерживаться на этомъ пути безъ каравана; при томъ верблюды успѣли за четыре дня отдохнуть на прекрасномъ кормѣ въ долинѣ р. Шанду-гол подъ Долон-норомъ и выбраны были для насъ лучшіе ходоки. Въ этомъ мы фактически убѣдились тѣмъ, что на послѣднемъ переходѣ къ Шабартэй-хото, выйдя изъ Улан-байшин въ 12 ч. (полдень), мы пришли къ нему въ 4¾ пополудни; а здѣсь китайцы считаютъ 60 ли или 30 в., изъ чего слѣдуетъ, что скорость нашего хода была даже больше шести верстъ. Вообще въ разстояніяхъ большой ошибки не могло быть, потому что для этого требовалось только наблюденіе времени, что мы и выполняли съ точностью.

Другое дѣло съ направленіемъ, которое мы опредѣляли по компасу. Эти наблюденія производилось на ходу. Нужно было время, чтобы установить компасъ и дать успокоиться стрѣлкѣ; а караванъ не ждалъ, шелъ впередъ и его нужно было догонять: иногда впереди все было такъ ровно и плоско, что, направляя караванъ съ мѣста, не было на что оріентироваться, и приходилось намѣчать, какой-нибудь выдающійся кустъ травы или что-то темное, чернѣющее. Случалось, что и оріентируясь на сопки, мы иногда смѣшивали ихъ, принимая одну за другую. При этомъ являлась, конечно, ошибка, которую мы потомъ замѣчали и исправляли на дальнѣйшемъ пути; въ промежуткахъ однако оставалась неточность и неправильность. Совокупность всѣхъ этихъ уклоненій отъ правильности, какъ-бы они ни были ничтожны, не могла не отразиться на цѣлой линіи, имѣющей въ длину болѣе 1600 в., и не произвести въ цѣломъ нѣкотораго уклоненія отъ истиннаго направленія, что и обнаружилось при нанесеніи его на карту.

Принявъ для обоихъ путей, восточнаго и западнаго, Хэрлюнъ исходнымъ пунктомъ и слѣдуя полученнымъ разстояніямъ и направленію, мы получили слишкомъ большое разстояніе между Долон-норомъ и Шабартэй-хото, именно 297 в. вмѣсто 242 или ошибку въ 55 в., которая была-бы ничтожна, если-бы мы её разложили на все разстояніе; но на это у насъ не хватило умѣнья, и для насъ важнѣе было сохранить тѣ двѣ линіи во всей неприкосновенности, какъ онѣ у насъ вышли по имѣвшимся болѣе или менѣе точнымъ измѣреніямъ; тогда какъ между Долон-норомъ и Шабартэй-хото мы шли слишкомъ быстро и я не шелъ пѣшкомъ, и потому не могъ вести точныхъ наблюденій, а въ то-же время этотъ путь не одинъ разъ пройденъ и измѣренъ экспедиціей и другими.

Кромѣ неправильностей, происшедшихъ отъ спѣшнаго и потому неточнаго опредѣленія направленія по компасу, есть впослѣдствіи усмотрѣнная нами ошибка въ вычисленіи разстояній. На возвратномъ пути, измѣривъ скорость хода тотчасъ, какъ только тронулись отъ Шабартэй-хото, когда верблюды наши послѣ двухмѣсячнаго отдыха на хорошемъ корму были совершенно свѣжи и бодры, мы нашли её такою-же, какъ

*

на переднемъ пути, т. е. 4¾ в. и приняли её на весь путь, исключивши пески и еще нѣкоторыя болѣе трудныя мѣстности; тогда какъ вскорѣ затѣмъ она уменьшилась и была только 4½ в. Это мы приняли въ соображеніе послѣ, при составленіи таблички разстояній (приложеніе № 2); но сдѣлать поправку на картѣ я былъ не въ силахъ.

Вслѣдствіе этой ошибки вся западная линія удлинена, а потому противъ восточной линіи спустилась слишкомъ много къ югу, да и самое разстояніе между ними въ концѣ увеличилось. Поэтому, когда мы на обратномъ пути для провѣрки разспрашивали мѣстныхъ монголовъ о нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ мѣстахъ на восточномъ пути, какъ Долон-норъ, Бандида-дацанъ и др., то отмѣтивши въ нашемъ дневникѣ ихъ показанія и теперь прикинувши ихъ къ нашей картѣ, мы видимъ, что послѣдніе въ натурѣ должны находиться южнѣе и разстояніе до нихъ отъ западной линіи должно быть нѣсколько меньше, что можно видѣть въ нашемъ дневникѣ. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы получить болѣе правильное представленіе о взаимномъ соотношеніи различныхъ мѣстностей на двухъ линіяхъ, причемъ мѣстности на восточной линіи нужно представлять себѣ нѣсколько южнѣе.

Остается объяснить знаки сокращенія, принятые нами на картѣ: звѣздочкой мы означаемъ наши ночлеги, крестиками кочевья, квадратиками китайскія мазанки, трехугольникомъ со шпицемъ обоны, такими-же четвероугольниками дацаны; маленькими кружочками колодцы; остальное выражено надписями, иногда сокращенно: хр.—хребетъ; х.—худук (колодезь); н.—нор [1] или нур [2] (озеро).

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ.

I. Отъ Кулусутаевскаго караула до г. Хэрлюнъ.

1871-й годъ. Октябрь.

19. Изъ Кулусутаевскаго караула отправляемся въ полдень. Дорога идетъ въ юго-восточномъ направленіи между двумя большими озерами Барун-торэй (западный) и Зун-торэй (восточный), изъ которыхъ постоянно съ водой бываетъ только первое, тогда какъ второе наполняется водой только въ мокрое время года изъ перваго, остальное же время сухое и покрыто гуджиромъ и дэресуномъ, бѣлымъ или краснымъ, на которомъ такъ отъѣдаются верблюды.

Мы идемъ по перешейку, самая узкая часть котораго назы-

[1] Произношеніе южныхъ и западныхъ монголовъ. (См. стр. 668).
[2] Произношеніе халхасцевъ (сѣверной Монголіи).

вается Уктыч, и тутъ происходитъ переливаніе воды изъ оз. Барун-торэй въ Зун-торэй (по монг. Дзун-торэй).

При выходѣ на открытую равнину, мы минуемъ обончикъ, стоящій по лѣвую руку, а далѣе двѣ скалы Ухэр-чулу и тамъ-же выложенный изъ камней четвероугольникъ.

Въ отдаленіи, на той-же сторонѣ идутъ параллельно нашему пути горы. Потомъ мы переходимъ р. Ульдза, идущую отсюда на сѣверо-западъ и впадающую неподалеку въ Барун-торэй, и тотчасъ останавливаемся въ 8½ ч. в. у нашего пограничнаго казака, крещенаго тунгуса (по языку монгола) Луки Михайловича.

20. Цѣлый день оставались мы здѣсь, занятые дальнѣйшими приготовленіями.

Вся мѣстность представляетъ низменность, по которой разбросано много мелкихъ озеръ. На западѣ находится возвышенье, въ которомъ выдаются сопки Баин-хан и далѣе, верстахъ въ тридцати, Боро-ундур, откуда вытекаютъ небольшія рѣчушки на сѣверъ къ оз. Барун-торэй; а другія на востокъ къ р. Ульдза, гдѣ онѣ называются Бурду и между ними рѣчушка Дэлгэр-булак, которая берется изъ-подъ сопки Баин-хан.

21. Выходимъ въ 8½ ч. у. въ юго-западномъ направленіи, склоняясь потомъ больше къ западу, по высокой окраинѣ равнины, въ которой течетъ р. Ульдза; переходимъ границу верстахъ въ 12-ти отъ стана и останавливаемся въ ожиданіи пограничнаго осмотра. Около получаса прождали, пока прибылъ *дзангин* (чиновникъ) верхомъ на быкѣ, съ группою монголовъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и нѣкотораго угощенія съ нашей стороны, чиновникъ пересмотрѣлъ наши паспорты, въ которыхъ, конечно, ничего не понялъ; записалъ себѣ на особой бумажкѣ наши имена, передѣлавъ Афанасія въ Ухунаши, Петра въ Пидра, а также число погонщиковъ, лошадей и верблюдовъ и количество тюковъ; тѣмъ осмотръ и окончился.

Отсюда скоро попадаемъ на дорогу по природному валу, который такъ ровенъ, какъ будто сдѣланъ искусственно; идемъ такъ цѣлый часъ въ западномъ направленіи, потомъ дѣлаемъ легкій подъемъ и спускъ въ котловину, въ которой много юртъ и скота. Оріентируясь по находящейся тотчасъ при краѣ

сопочкѣ, мы видимъ нашу дорогу впередъ на 50° ЗЮЗ.; и назади едва замѣтная сопка Баин-хан 40° СВ. Пройдя эту котловину, мы поднимаемся въ продолженіе 2 ч. 40 м., а черезъ 1 ч. 20 м. спускаемся къ озеру Галутэй-нур [1] (гусиное). Оно имѣетъ извилистые берега, протягиваясь узкими заливами въ подходящихъ къ нему долинахъ; говорятъ, оно довольно глубоко въ сѣверной части, а въ южномъ концѣ заросло тальникомъ и камышомъ; вода прѣсная. Есть текущіе въ него ключи; вокругъ по низкимъ берегамъ болотныя кочки и осока. Кругомъ до 20 юртъ. Остановились въ 9 ч. в.

22. Выходимъ 5¼ у. въ направленіи ЮЗ.; около 4-хъ часовъ идемъ до р. Ульдза, переходимъ ее, дѣлая послѣ того загибъ прямо на З., а затѣмъ опять впадаемъ въ прежнее направленіе. Здѣсь мы видимъ на СВ. хребетъ Оргойту съ сопкой Ула-хана и оттуда изъ долины, имѣющей направленіе 60° ЗСЗ., вытекаетъ р. Ульдза [2]. Параллельно идетъ другой небольшой хребетъ Ильтуру.

Когда мы, перейдя р. Ульдза и поднявшись изъ ея русла, шли по возвышенію надъ нею, то влѣво находилась куча камней, означающая монгольскую таможенную границу, а на другой сторонѣ рѣки—юрты, въ которыхъ живутъ надсмотрщики, и это называется *цагдан* (стража), бурятск. *сагдан*.

Въ то время какъ на той сторонѣ отличная трава и виднѣется много юртъ и пахота, здѣсь, только мы поднялись, пошла мѣстность, сожженая паломъ (степнымъ пожаромъ), который нѣсколько дней назадъ мы видѣли съ нашей границы. Трава осталась только по ложбинамъ. Огонь шелъ такъ быстро, что сгорѣла одна юрта съ жителями, не успѣвшими уйти.

Далѣе мы проходимъ мимо сопки Дзагал, которая видна издалека, и мы на нее оріентировались. Часа черезъ полтора мы доходимъ до озера Гурбунэй-булак и останавливаемся въ 6¾ вечера.

[1] На моей съемкѣ—Голотэй-нур.

[2] На картѣ Главнаго Штаба (изд. 1888 г.) тутъ показана р. Ималка, впадающая въ р. Ульдза, которая подходитъ съ ЮЮЗ. И это, можетъ быть, вѣрнѣе; мы же сообщаемъ, держась указанія, даннаго намъ на мѣстѣ; причемъ говорили, что Имялка берется изъ подъ Дурулгуевскаго караула и впадаетъ прямо въ Барун-торей.

Озеро это лежитъ между увалами; къ нему съ З. подходитъ падь; а изъ подъ восточнаго увала текутъ въ него ключи; по тремъ главнымъ дано мѣсту и названіе (Гурбун—три; булак—ключъ). Съ юго-восточной стороны этого увала есть обнаженіе, по которому видно, что онъ состоитъ изъ песчанаго плитняка, на которомъ находятся фигуры чернаго цвѣта въ родѣ дендритовъ въ кристаллахъ. Тутъ умеръ бывшій въ экспедиціи есаулъ Апрѣлковъ (3 іюня 1870 г.) и въ память его наложена была кучка камней съ плиткой, на которой было написано его имя и дата смерти. Мы нашли эти камни разбросанными, но сложили опять кучку, вложивши и плитку съ надписью.

23. Здѣсь дневка вслѣдствіе непогоды.

Утромъ мы думали еще выступать, но верблюды наши не хотѣли подниматься. Когда же ихъ поднимали насильно, то они тотчасъ опять ложились—знакъ, что будетъ буря.

И дѣйствительно, передъ разсвѣтомъ подулъ С., а съ утра пошелъ снѣгъ и продолжался до 10 ч. Потомъ вѣтеръ перемѣнился на З., стало холоднѣе и понесла поземка хуже мятели.

24. Вышли въ 8 ч. у.; часа 2 шли въ прежнемъ направленіи, потомъ сильно поворачиваемъ на ЮВ. и тутъ, съ лѣвой стороны имѣемъ озеро Хапчиранга въ котловинѣ. Послѣ того идемъ почти на ЮЮЗ. и здѣсь тоже влѣво озерцо Чисагату безъ воды, покрытое осадкомъ соли въ палецъ толщины.

Далѣе къ В. хребтики Хонгор и Цаган-чулу; послѣдній получилъ названіе отъ бѣлаго камня, изъ котораго состоятъ его три сопки. Далеко на СВ. виднѣются горы, бѣлѣющія снѣгомъ.

Пришли въ Сумэ-булак въ 3 ч. пополудни.

Въ ходу были 7 часовъ.

Относительно Цаган-чулу замѣтимъ, что сначала мы видѣли три сопки, потомъ, по мѣрѣ того какъ мы его проходили и миновали, видѣлись двѣ, а послѣ только одна.

Названіе-же ключа Сумэ-булак происходитъ отъ того, что когда-то верстахъ въ трехъ отъ него былъ храмъ, слѣды котораго и теперь видны.

25. Выходимъ въ 8 ч. у., поднимаясь изъ низменности, и часа черезъ 3½ дѣлаемъ незначительный спускъ, гдѣ съ лѣвой

стороны озеро Ухыртуй-нур подъ уваломъ впереди. Названіе его означаетъ: лежащее внизу, между крутыми берегами(?). Оно покрыто льдомъ, а по заплескамъ на берегахъ видно, что когда-то въ немъ вода стояла высоко. Въ полдень мы пришли на ключъ Тала-булак, цѣлую зиму не замерзающій. Онъ берется тутъ же изъ подъ небольшого возвышенія и направляется къ озеру Ухыртуй-нур, но, кажется, не достигаетъ его, исчезая въ рыхлой, солонцеватой почвѣ.

Всего ихъ три ключа: одинъ идетъ отъ Запада, другой отъ Востока, а третій отъ Юга; послѣдній слабый, чуть сочится. Передъ ними образуется цѣлый бассейнъ, замерзающій и, отъ постояннаго притока воды, ледъ чисто голубого цвѣта все растетъ и имѣетъ форму опрокинутой тарелки.

Вода имѣетъ сѣрый видъ, а на камняхъ красный осадокъ.

Къ Востоку раскинулась съ прекрасной травяной растительностью Ирхэтэн-гоби. (Въ моихъ записяхъ Иркытын-гоби).

Здѣсь мы сдѣлали остановку на 25 м.: закусили и перемѣнили верблюдовъ, какъ запряженныхъ, такъ и вьючныхъ.

Отъ Тала-б. идетъ небольшой подъемъ и черезъ полчаса встрѣчаемъ Чингис-хановъ валъ, идущій съ сѣверо-востока на юго-западъ. Мы шли надъ нимъ и по нему часъ, а свернувши съ него отклонились къ югу.

Отсюда мы спускаемся на равнину Бага-тала; впереди немного вправо въ отдаленіи довольно большое озеро Мэлэхэйтын-нур (лягушечье). Оно лежитъ подъ хребтомъ, который къ нему спускается круто, но безъ обрывовъ, и состоитъ изъ множества сопочекъ, раздѣленныхъ также короткими крутыми падушками, и на каждой почти сопочкѣ обонъ. Къ востоку немного въ сторонѣ отъ дороги, прекрасный колодезь Дундубаин, у котораго мы и остаемся ночевать около 5 ч. в. Эта равнина, на которой уцѣлѣла отъ пала трава, очень хорошая; далѣе немного впередъ такая же равнина Барун-баин, и тамъ много юртъ и скота. Съ юго-востока къ упомянутому озеру въ дождливое время идетъ много воды.

Передъ нами Баиндунскій хребетъ тянется съ юго-запада къ сѣверу-востоку, а потому, смотря впередъ къ востоку, кажется, будто онъ огибаетъ насъ.

Когда мы отошли отъ Сумэ-б. верстъ на 9, Дзагал былъ у насъ назади на СВ.

26. Вышли въ 7 ч. у. Идемъ на югъ сначала по равнинѣ, мѣстами перерѣзываемъ овражки, промытые водой, текущей во время дождей слѣва съ горъ.

Тутъ разбросано нѣсколько юртъ, но скота видно очень мало. Красивый видъ: восходящее солнце обвило лилово-розовымъ цвѣтомъ сопки вправо, темными силуэтами выступаетъ высокій Баиндунскій хребетъ передъ нами, а внизу равнина съ волнующеюся травою.

Скоро поднимаемся на высокую равнину, имѣющую склонъ къ подошвѣ Баиндунской сопки, стоящей на З., отдѣлившись отъ хребта, и она состоитъ изъ нѣсколькихъ сопокъ. На вершинѣ самой высокой обонъ, сложенный изъ камня, въ видѣ высокаго бѣлаго жертвенника, а по бокамъ рядъ маленькихъ обончиковъ.

Мы ее оставляемъ вправо, переваливаемъ идущую поперекъ намъ гривку и вступаемъ въ продолговатую плоскую котловину. На З. за уваломъ стелется равнина къ СВ. отъ подножія Баиндунской сопки; на ней сухое соленое озеро Цаган-нур, а въ него съ восточной стороны течетъ ключъ Хундулун-булак. Мы поравнялись съ нимъ около полудня и посылали на него взять льду. Возлѣ—нѣсколько юртъ бѣдняковъ.

Съ СЗ. подходитъ дорога изъ нашего Дурулгуевскаго караула, а за широкою равниной хребетъ Баин-ула, въ долинахъ котораго кочуютъ богатые монголы.

Миновавъ Баиндунскую сопку, мы находимся уже въ распадкѣ хребта и все поднимаемся по ровному и наконецъ спускаемся. Спускъ не такой пологій, но не длинный. Мы стали спускаться съ 2 ч. поп., слѣдовательно пройдя отъ ночлега 7 часовъ.

Тотчасъ идетъ высокая отлогость Цаган-дэресун (такъ названа по сплошь растущей на ней травѣ) и тутъ у подошвы горъ при дорогѣ колодезь съ корытомъ. Вода чистая, только чуть солоновата. Тутъ 12 юртъ бѣдняковъ. Вправо пошла равнина или низменность, тянущаяся далеко на З. подъ хребетъ Баин-ула, и на ней озеро Іехэ (большое), почему и цѣлое пространство назвалось Іехэ-гоби. (Сначало я записалъ: «Яки»).

Изъ г. Бани-ула выходятъ нѣсколько падей и изъ одной изъ нихъ течетъ р. Галэй-гол, по которой, говорятъ, живутъ очень богатые монголы.

Послѣ незначительныхъ подъемовъ и спусковъ приходимъ въ 4½ ч. поп. къ озеру Цаган-нур, гдѣ воды нѣтъ, а только на сухомъ днѣ его соляной налетъ; есть колодезь, указанный экспедиціей, но его мы не могли и не было времени отыскать.

Позади озера находятся два маленькихъ храма (дугуны), въ которые въ извѣстные праздники собирается множество ламъ для богослуженія.

27. Вышли въ 7 ч. 20 м. Черезъ 2 часа, оріентируясь назадъ на дорогу черезъ Баиндунскій хребетъ, мы шли въ ЮЮЗ. направленіи. Поднимаемся по равнинѣ очень постепенно и въ 11½ ч. находимся на высшей точкѣ, откуда увидѣли Баиндунскую сопку на 2° ССВ. Въ общемъ же, оріентируясь еще раньше съ сѣверной и южной сторонъ Баиндунскаго хребта на главную сопку и распадокъ, направленіе наше почти прямо на Ю.

Отсюда такой же постепенный склонъ къ Шара-бурду, куда прибыли въ 1 ч. 30 м. поп.

Это озеро, мѣстами покрытое льдомъ, а мѣстами сухое, съ бѣлымъ налетомъ соли и формою длинною, въ родѣ рѣки. Изъ подъ южнаго, незначительно приподнятаго берега вытекаютъ ключи, отъ чего и его названіе (*бурду*—ключъ, поросшій камышомъ и другими болотными травами): одинъ желтоватаго цвѣта, довольно прозрачный, солоноватый; другой такой же и въ добавокъ съ вонью, отъ того, кажется, что здѣсь поятъ скотину, судя по множеству скотскаго помета; въ третьемъ ключѣ вода чистая, но тоже не совсѣмъ прѣсная.

Мы здѣсь закусывали и варили чай; тронулись въ путь въ 2 ч. 25 м., слѣдовательно простоя было 55 м.

Отъ Шара-бурду идетъ небольшой подъемъ, потомъ высокая равнина, очень гладкая; отсюда еще подъемъ, тоже очень пологій, и потомъ спускъ къ озеру, которое находится вправо отъ дороги, довольно далеко. У экспедиціи оно названо Цайдам, а намъ монголы назвали его Гурбунэй-нур (по тремъ текущимъ въ него ключамъ); а Цайдам впереди, дальше.

Тутъ мы остановились въ 5 ч. 20 м. в.

28. Выступили въ 8 ч. 10 м. Идемъ по равнинѣ съ едва замѣтнымъ склономъ къ Ю., а потомъ идетъ подъемъ къ хребту и на него. Наверху на немъ обоны и съ него уже спускъ къ городу Хэрлюнъ, который подъ нимъ расположенъ на возвышеніи надъ р. Хэрлюнъ (прежніе Кэрэлюнъ, Кырлунъ, Керуленъ).

Съ хребта на З. видно верстахъ въ трехъ отъ дороги внизу озеро Цайдам или по бурятски Сайдам.

Въ городѣ прежде всего обращаетъ вниманіе дворецъ правителя области, построенный въ тибетскомъ стилѣ, и при немъ принадлежащій ему храмъ; затѣмъ есть еще нѣсколько храмовъ, а около нихъ ламскія юрты и при нихъ иногда китайскія мазанки, въ которыхъ, однако, живутъ тѣ же ламы. При въѣздѣ вправо отъ дороги домъ-мазанка, больше другихъ, это — *ямунь* (управленіе города).

Въ 12 ч. мы перешли рѣку по льду и пройдя еще полчаса, остановились на другой ея сторонѣ.

Мы оставались здѣсь этотъ день и другого дня до 4 ч. пополудни отчасти для того, чтобы привести въ порядокъ наши телѣги, довольно таки пострадавшія, и кстати всю сбрую, а отчасти, чтобы познакомиться, хотя бы бѣгло, съ городомъ.

Но знакомство съ городомъ ограничилось, однако, только прогулкою по нему, потому что мы остановились довольно далеко (версты за три). Мнѣ, видавшему прежде Ургу, Хэрлюнъ въ общемъ и не представлялъ ничего новаго; а въ деталяхъ, конечно, нашлось бы многое; но для этого нужно было больше времени. Управляетъ городомъ и цѣлымъ хошуномъ *Цэ*-бэйсэ (первое—сокращеніе собств. имени [1], второе—княжескій титулъ).

Сынъ у него Далай-джонон, лѣтъ 25-ти.

Насъ посѣтила супруга этого послѣдняго, а потомъ и онъ самъ, оба въ сопровожденіи ламъ; намъ показалось, что они оба находятся подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ.

На той же сторонѣ, гдѣ и мы остановились, въ долинѣ рѣки, по обѣ стороны дороги находятся до 12 или больше китайскихъ дворовъ (они огорожены), съ порядочно устроенными мазанками,

---

[1] Срв. Зап. по Общ. Геогр. И. Р. Г. О. т. XLIV, стр. 99. Полное имя князя—Цэрэндорджи.

а при всѣхъ ихъ стояли и монгольскія юрты. Аргалъ, сложенный въ пирамидки, составляетъ непремѣнную принадлежность каждой юрты и китайской мазанки.

Такими же пирамидками обставлены храмы и губернаторскій дворецъ. Это указываетъ на отсутствіе дровъ. И дѣйствительно, на всемъ пройденномъ пространствѣ мы не встрѣтили ни одного дерева; только по р. Хэрлюнъ кое-гдѣ растетъ тальникъ.

Два-три торговца китайца ведутъ въ гор. Хэрлюнъ значительную торговлю; при насъ пришло къ нимъ и отправилось отъ нихъ нѣсколько каравановъ. Когда мы были тамъ второй разъ на возвратномъ пути, то видѣли кругомъ около китайскихъ домиковъ кучи товару и множество покрытыхъ китайскими рогожами телѣгъ, только что прибывшихъ съ товаромъ.

Больше же всего торговцевъ мелочныхъ. Такого торговаго китайскаго поселенія, какъ Маймачэнъ въ Ургѣ или Кяхтѣ, — здѣсь нѣтъ.

Въ отдаленіи въ боковыхъ долинахъ бродитъ множество разнаго скота.

Въ заключеніе о торговомъ значеніи этихъ мѣстъ для насъ, русскихъ, приведемъ мнѣніе главнаго распорядителя каравана, П. И. Першина, выраженное имъ въ его дневникѣ и записанное на томъ же мѣстѣ, т. е. въ гор. Хэрлюнъ: «Здѣсь, говоритъ онъ, съ полдюжины китайскихъ юртъ съ весьма небольшимъ запасомъ товаровъ, состоящихъ изъ шелковыхъ матерій, дабы, чаю кирпичнаго, огнивъ, ножей, кувшиновъ, буды и крупчатки. Китайцы ведутъ торговлю мѣновую или, вѣрнѣе сказать, принимаютъ за денежную единицу кирпичный чай, количествомъ кирпичей оцѣниваютъ свой товаръ и вымѣниваемый у монголовъ скотъ, который и составляетъ главную статью вымѣна.

Вымѣнянный скотъ отправляется въ Долон-норъ и Калганъ.

Сегодня въ лавку [1] Фо-ху-куй пришелъ обозъ съ крупчаткой, будой и частью съ чаемъ. Въ обозѣ пришло болѣе ста одноколокъ, запряженныхъ быками. Въ каждой телѣгѣ тяжести по три мѣста кирпичнаго чаю, а крупчатки и буды по 3 куля, всего примѣрно, отъ 10 до 12 пудовъ.

---

[1] Обыкновенно монголы называютъ лавки китайскимъ словомъ *пудза*, произнося его иногда *фудза*.

Провозъ отъ Долон-нора до гор. Хэрлюнъ по 3 лана за возъ или телѣгу; срокъ 32 сутокъ.

Телѣги не окованы, но весьма прочны, не смотря на плохой ихъ наружный видъ.

На водвореніе здѣсь (въ гор. Хэрлюнъ) русской торговли разсчитывать пока нѣтъ никакихъ видовъ. Монголы крайне бѣдны и совершенно подпали подъ китайскую эксплоатацію. Къ тому же жизнь монголовъ по отсутствію даже признаковъ комфорта не нуждается въ предметахъ, составляющихъ русскую торговлю. Поэтому ихъ потребности легко удовлетворяются кускомъ дабы и кирпичнымъ чаемъ, болѣе имъ почти ничего ненужно. Буда причисляется къ пищѣ не вседневной и многіе монголы обходятся безъ нея.

Скотоводство здѣсь, насколько это замѣтно, весьма незначительно, и предметовъ, получаемыхъ отъ него (кожъ, овчинъ, шерсти), въ продажѣ почти нѣтъ, такъ что сами монголы спрашивали у насъ, не имѣемъ ли мы въ продажѣ овчинъ, которыя они цѣнятъ на наши деньги до 60 коп. серебромъ за штуку невыдѣланную!

II. Отъ г. Хэрлюнъ до Долон-нора.

29. Вышли въ 4 ч. поп. по равнинѣ въ юго-восточномъ направленіи, потомъ поворачиваемъ къ Ю., на перевалъ черезъ идущій поперекъ намъ увалъ; перейдя его, впадаемъ въ прежнее направленіе; въ 5¾ ч. останавливаемся на ночлегъ на хорошемъ корму, только безъ воды и безъ снѣга, имѣя въ запасѣ ледъ, взятый съ р. Хэрлюнъ.

Почти прямо на З. сопка Хан-обо верстахъ въ пяти отъ насъ.

30. Выходимъ въ 7½ ч. у., идемъ въ томъ же направленіи. Въ продолженіе часа мы прошли два озерца въ родѣ натековъ воды въ котловинахъ, покрытыхъ льдомъ, одно справа, другое слѣва. Къ 10 ч. незамѣтно поднялись на высоту, откуда видимъ Хан-обо подъ 45° СЗ., и за р. Хэрлюнъ высится Баиндунскій хребетъ. Въ 11 ч. колодезь влѣво, гдѣ мы остановились на 10 минутъ для смазки телѣгъ, а въ 12 ч. еще колодезь на лѣвой сторонѣ Шара-худук. Здѣсь мы закусывали и простояли

болѣе часа, а въ 5 ч. в. ночлегъ у кол. Ара-худук, съ хорошею водой.

Отъ перваго озерца пошла какая-то дорога влѣво, а также и отъ Шара-худук: послѣдняя, можетъ быть, ведетъ къ озеру Цаган-тологой, которое упоминается экспедиціей.

Нашъ колодезь находится въ долинѣ Хая-тором, окруженной горами съ СВ. и З., а устьемъ обращенной къ Ю., и къ ней подходитъ еще долина съ ЮЗ.

Кругомъ—кочевья монголъ, повидимому зажиточныхъ, а къ СЗ. въ изгибѣ долины видны склады китайскихъ товаровъ.

По словамъ посѣтившаго насъ монгола Улум-Баира во всей этой мѣстности находится до 2,000 монгольскихъ юртъ. Онъ же сообщалъ, что на ЮВ. отъ того мѣста, гдѣ мы переходили Баиндунскія горы, верстъ 25 или 35, за сопкой Ямату находится углубленіе около версты въ окружности и въ немъ изъ нѣсколькихъ отверстій выходитъ дымъ. Около, на возвышеніи стоятъ юрты, а скотина ходитъ по самой впадинѣ по тропкамъ. Монголы говорятъ, что это Чингис-ханъ нагребъ тамъ и покрылъ землею столько жару, что онъ до сихъ поръ даетъ дымъ и согрѣваетъ въ томъ мѣстѣ землю, такъ что трава растетъ и зимой.

31. Выступаемъ въ 8 ч. въ томъ же направленіи. Черезъ 1¼ ч. влѣво высохшее озеро и начинается подъемъ; черезъ часъ мы на высотѣ и спускаемся на равнину; поодаль отъ дороги влѣво колодезь Чулун-худук съ прекрасною водой, бьющею ключемъ.

Возлѣ него 5 юртъ богатыхъ монголовъ и кругомъ много разнаго скота.

Отсюда дѣлаемъ небольшой подъемъ, откуда мы видимъ впереди Батуханскій хребетъ, находящійся отъ насъ верстахъ въ ста. Спустя около часу, мы на гладкой равнинѣ, и на ней вправо отъ дороги до десятка торчащихъ отдѣльныхъ скалъ. Это Ухэр-чулун.

Въ 2 ч. 40 м. минуемъ справа колодезь съ хорошею водой Уюту-х., и отсюда пошла низменная равнина, тянущаяся цѣлый часъ, съ глинистою почвой. Кромѣ обычныхъ растеній, здѣсь мы встрѣтили верескъ съ узкими листьями въ родѣ хвои, мягкой,

розоваго цвѣта; мелкій кустарникъ съ красными ягодами въ родѣ брусники, крупную полынь и мелкую метличку.

Означенный у экспедиціи «Арсин-цаган-худукъ» мы не нашли.

Остановились въ 5 ч. 40 м. у *озера* вправо отъ дороги.

Передъ кол. Чулун-х. слѣва подошла дорога, идущая изъ какого-то монгольскаго города на нижнемъ теченьи р. Хэрлюнъ.

Ноябрь.

1. Выходимъ въ 8 ч. у. въ направленіи болѣе южномъ. Мѣстность ровная, черезъ 2 часа вправо озеро, отъ него идемъ подъ увалъ, переходимъ его и влѣво саженъ 200 отъ дороги два колодезя и сухое озеро (тором); земля мягкая, рыхлая, солонецъ. (Это, вѣроятно, у экспедиціи «Боро-торомъ»).

Въ 4¼ ч. поп. пересѣкли дорогу, идущую съ ССВ. на ЮЮЗ. въ хуре Іогудзар-ламы (объ немъ послѣ).

Въ 5 ч. остановились въ ложбинѣ безъ воды; но верстахъ въ трехъ влѣво есть колодезь и тамъ юрты со скотоводствомъ. Оттуда привозили воду въ кадушкѣ, занятой у монголовъ.

Означенный у экспедиціи колодезь Тосун-х. далеко въ сторонѣ отъ дороги; наши ѣздили и нашли его; но онъ обвалился и вода въ немъ грязная.

2. Выходимъ въ 7¾; идемъ по широкимъ, плоскимъ уваламъ и въ одной изъ лощинъ изъ подъ сопки на западной сторонѣ вытекаетъ ключъ Арэин-худугэй-булак; потомъ подходимъ къ хребту и по широкому распадку проходимъ почти по ровному, а въ полдень на другой сторонѣ его приходимъ на Дзун-булак, незамерзающій ключъ (талецъ), вытекающій близъ дороги съ правой стороны и не очень далеко къ В. исчезающій на равнинѣ Оботу. Вскорѣ поднимаемся, дѣлаемъ перевалъ черезъ Батуханскій хребетъ и около 6 ч. становимся на ночлегъ въ горахъ Арату-ула: онѣ скалисты и направленіе ихъ съ З. на В.

Отъ ключа Дзун-булак, перейдя одинъ увалъ, передъ Батуханскимъ хребтомъ, влѣво озеро Улан-тором, а направо камни по ровному и на сопкѣ то въ видѣ толпы людей, то въ видѣ прыщей, и тамъ же вытекаетъ ключъ Барун-булак.

Одна сопка въ хр. Батухан называется Богдо-ула, а другая, какъ-бы отдѣльно отъ него, Алтан-ула; тамъ же небольшая сопка, на которой торчатъ камни бѣлаго, молочнаго кварца.

На кол. Дзун-булак сдѣлали большую остановку, чтобы напоить и накормить верблюдовъ и лошадей, а кстати и сами пообѣдали.

По пути видѣли большое стадо сайгаковъ.

3. Тронулись въ путь въ 7 ч. 10 м. у. Скоро вышли изъ горъ и вступили на равнину обширную, какой до сихъ поръ не встрѣчали; она покрыта хорошею кормовою травой. По лѣвую сторону у подножія хребта виднѣются озера невдалекѣ, то же самое и по другую сторону, только дальше.

Тотчасъ при выходѣ изъ горъ, вправо, вдалекѣ, увидѣли какія-то постройки въ родѣ деревянныхъ жилыхъ домовъ и мазанки; это—храмъ Ганджур-сумэ.

На востокъ отъ главнаго хребта выдвинулись мысами увалы съ отдѣльными сопками, протянувшіеся въ юго-восточномъ направленіи.

Вскорѣ легкій и короткій подъемъ, и степь принимаетъ другой характеръ: почва черная, бѣлѣющая нѣсколько солью, рыхлая, безъ травы, только на кочкахъ и курганчикахъ верескъ двухъ видовъ, какой-то стелющійся колючій кустарникъ въ родѣ lycium'a; дальше попадаются бѣлый дэресунъ и харгана (родъ золотарника).

Въ 11-мъ ч. мы, находясь на нѣкоторой высотѣ, видѣли миражъ: передъ нами открылась безграничная равнина и по ней широкою полосой неслась рѣка съ З. на В. въ разливѣ; вправо горы также окружены были водою въ видѣ островковъ; тамъ-сямъ торчали деревья, потопленныя водой до вершинъ, а за рѣкой двигались какія-то толпы, передъ которыми разъѣзжали всадники. Обманъ былъ такой, что и верблюды, не пившіе наканунѣ и увидѣвшіе воду, насторожили уши и прибавили ходу. Но, когда спустились, то увидѣли, что никакой рѣки нѣтъ: деревьями намъ представлялись кусты высокой травы, а войскомъ показались стада овецъ и передъ ними всадники—пастухи монголы.

Вскорѣ, однако, мы подошли къ озеру, довольно большому, покрытому синимъ льдомъ. Оно издавало какіе-то стонущіе

звуки. На немъ мы сдѣлали привалъ и напоили своихъ животныхъ.

Вся эта мѣстность носитъ названіе Шабартэй-гоби (глинистая степь); на картѣ ошибочно *Шабартай*.

Отъ озера идетъ незначительный подъемъ; снова хорошая трава, и въ 6 ч. мы останавливаемся подъ бугоркомъ, изъ котораго вытекаетъ ключъ Хаджу-булак.

4. Продолжается одинаково ровная мѣстность съ легкимъ подъемомъ впередъ.

Выйдя со стана въ 7 ч. у., мы въ полдень пришли на р. Шоноин-гол, гдѣ и остановились. Она приходитъ съ СЗ., въ вершинахъ принимаетъ справа рѣчушку Дыліин-гол и течетъ на В., а послѣ склоняется къ югу. Общее названіе мѣстности, гдѣ мы остановились—Ацету-улан-хошун. Кругомъ кочевья.

Долина рѣки плоская и широкая; по берегамъ много водомоинъ, указывающихъ на большіе разливы, и всюду солонецъ; преобладающее растеніе бѣлый дэресунъ, который растетъ пучками, и отъ того мѣстность имѣетъ кочковатую поверхность.

Рѣчка покрыта льдомъ, а мѣстами вода выступаетъ на поверхности, чѣмъ мы и пользуемся, чтобы не дѣлать проруби.

За рѣчкой невысокія горы въ видѣ отдѣльныхъ плоскихъ сопокъ. Между ними одна, стоящая одиноко, вся изъ бѣлаго молочнаго кварца; огромныя бѣлыя скалы имѣютъ видъ какихъ-то построекъ, кругомъ будто стѣны и бастіоны.

Одинъ изъ посѣтившихъ насъ монголовъ говорилъ, что къ З. живутъ уряихи и что прежде ими управлялъ Да-ван, а теперь Удзумчин-бэйле, который живетъ, однако, далеко отъ нихъ на востокѣ.

На обратномъ пути по другой дорогѣ мы шли по Уряихамъ къ ЮЗ. отсюда и управителемъ ихъ считался Абага-дзасак.

5. Изъ русла рѣки идемъ въ широкую долину, изъ которой попадаемъ въ другую меньшую и поднимаемся черезъ увалъ. Когда достигли высшей точки, то увидѣли позади Батуханскую сопку на 18° ССЗ. Черезъ 2½ ч. со стана перешли р. Цаган-дэресун-гол, текущую на В. и тамъ теряющуюся. Потомъ переходимъ Бургут-хундуй (орлиная падь), узкую и скалистую долину, поднявшись изъ которой, идемъ по неширокому плато,

имѣя влѣво отъ себя глубокую долину, загроможденную скалами, а надъ нею также гряды камней образуютъ курганы и небольшія сопочки. Эта долина назыв. Шандын (мѣсто, гдѣ находятся разныя жертвенныя вещи—табицà).

Въ ней внизу ледъ изъ натековъ дождевой воды въ углубленіяхъ и десятка два старыхъ корявыхъ ильмовыхъ деревьевъ.

Въ полдень мы спустились въ долину р. Нухэту-гол. Рѣка течетъ у подножія хребта Нухэту-дабан на В., гдѣ, какъ говорятъ, впадаетъ въ р. Цаган-дэресун-г., но не ту, которую мы прошли, а въ другую, и вмѣстѣ впадаютъ въ какое-то озеро [1].

Изъ этой долины мы поднимаемся и идемъ на перевалъ черезъ хребетъ.

Перевалъ невысокій, по бокамъ также невысокія скалы и отдѣлившіяся отъ главнаго кряжа плоскія сопочки, такъ называемыя въ Сибири, *ковриги*. Въ то-же время мы пересѣкаемъ идущіе намъ поперекъ сухое русло и неглубокія долины, въ которыхъ находится мелкій ильмовникъ и различный кустарникъ.

Черезъ 3 часа (болѣе 14 в.) мы выходимъ изъ горъ и спускаемся въ водомоину, гдѣ по лѣвую сторону отъ дороги саженяхъ во ста незамерзающій ключъ, и тутъ останавливаемся на ночлегъ. Мѣстность эта называется Баин-хайласун, что значитъ богатая ильмовникомъ.

6. Тотчасъ вступаемъ на равнину съ роскошною травяною растительностью. Съ В. поперекъ нашему пути выбѣгаютъ мысами небольшіе увалы и заставляютъ насъ дѣлать извилины, но остается главное направленіе ЮЮВ.

Часа черезъ 3 начинается Христин-гоби; къ В. открытая мѣстность вдаль, сколько можно глазомъ видѣть, а на З. вдали виднѣются горы. Черезъ 2½ ч. (около 12 в.) вступаемъ въ русло р. Элесун-гол (песчаная), безъ воды; по берегамъ кочками бѣлый дэресунъ и земля покрыта налетомъ соли. Черезъ полчаса по правую сторону немного въ сторонѣ Христин-эхин-худук съ прекрасною водой, а выше него версты на 2 Дзамаин-х. (*Дзангин-х.?*), который мы прошли, не замѣтивши въ высокомъ

[1] На картѣ Главнаго штаба она показана по другую сторону хребта, основываясь, конечно, на маршрутной карточкѣ экспедиціи, что, по нашему мнѣнію, неправильно.

дэресунѣ. Отсюда начинается незначительный подъемъ и котловина Ара-хубу, а влѣво отъ насъ въ отдаленіи юрты и тамъ ключъ, и здѣсь начинается перевалъ черезъ хребетъ Холбо-галга, что, кажется, означаетъ ворота въ горахъ (видимо *халга*).

Около трехъ часовъ шли до высшаго пункта, гдѣ поставленъ *обонъ* изъ кучи камней, а посреди него шестъ въ пучкѣ хворосту, и все это обвѣшано цвѣтными и бѣлыми лоскутками. Подъемъ нетрудный, но нѣтъ корму, трава вся выбита скотомъ, и потому мы остановились, не спустившись совсѣмъ до низу, какъ только попалось мѣсто съ хорошею травой.

Къ западу отъ Христин-гоби находится дацанъ Іогудзар-ламы, въ которомъ живутъ до 1000 ламъ.

7. Продолжаемъ спускъ черезъ увалы и на одномъ изъ нихъ часа черезъ 2 обонъ, а еще черезъ полчаса долина, по которой течетъ р. Дзульга къ ЮВ.; немного дальше еще долина и въ ней ледъ, должно быть, ключъ, упоминаемый экспедиціей Хулбуру-булакъ.

Далѣе мы все пересѣкаемъ небольшіе увалы, но, если смотрѣть на эту мѣстность съ возвышенія, она представляется довольно ровною плоскостью. Въ долинахъ и оврагахъ видится ильмовникъ и кустарникъ дикаго персика.

Наконецъ мы спускаемся въ долину р. Шедур-гол, текущей на В.; но въ это время она представляла сухое русло. Черезъ полчаса отъ нея впередъ колодезь съ хорошею водой Ареин-усу; на немъ и подальше до 15 юртъ.

Когда подходили къ р. Шедур-гол, то съ высокаго его края на В. на мысахъ видѣли какія-то постройки въ родѣ дугуновъ или китайскихъ мазанокъ.

Отъ Ареин-усу мѣстность представляетъ распадокъ, по которому мы переваливаемъ горы и вступаемъ на равнину, и тутъ колодезь Баин-далай.

Грунтъ мягкій, песчаный, но кормъ плохой; поэтому мы отходимъ еще съ версту и останавливаемся въ логотинкѣ съ хорошею травой.

Отъ прошлаго ночлега одна дорога пошла на В. къ кол. Уланхудук, гдѣ много кочевьевъ.

8. Послѣ виляніія около часа направляемся прямо на Ю. и черезъ 2 ч. переходимъ котловину, на окраинѣ которой двѣ ламскихъ мазанки, а влѣво видится ледъ, должно быть, ключъ, такъ какъ видно, что тамъ поятъ скотину. Еще почти черезъ часъ влѣво ключъ изъ подъ увальчика Хаджу-хобури [1], а вправо юрты. Черезъ три четверти ч. спускаемся къ впадинѣ, въ которой два колодезя при самой дорогѣ: одинъ выложенъ внутри камнемъ, но засоренъ и видимо заброшенъ, а другой съ деревяннымъ срубомъ и полонъ отличной воды—это Сайн-усу (хорошая вода).

Тутъ мы становимся на ночлегъ. Мѣстность эта внизу представляетъ собою *булдурун*, т. е. покрытую большими кочками; а по краямъ отличная трава.

На СЗ., верстахъ въ двухъ отъ нашего стана, находятся развалины какихъ-то построекъ, отъ которыхъ сохранились еще стѣны, хотя до половины уже разрушенныя. Одно зданіе имѣло въ длину до 9 саж., а въ ширину менѣе двухъ; стѣны сложены изъ нежженаго кирпича, стоякомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на пластъ; въ одномъ углѣ видно, что была печь. У экспедиціи это показано, какъ дворецъ Шедур-вана, а по словамъ мѣстныхъ монголовъ, это зданіе и другія при немъ принадлежали одному начальнику хошуна *бэйлэ*, который откочевалъ на В. Вокругъ навозъ и сорныя травы, слѣды стоявшихъ юртъ, и множество костей разныхъ домашнихъ животныхъ. Поодаль двѣ мазанки и еще одно четвероугольное зданіе, по 1 сажени каждая сторона, изъ плоскаго камня плитняка, связаннаго глиною, смѣшанною съ травой; по угламъ нѣчто въ родѣ фальшивыхъ пилястровъ, дверей нѣтъ, а только на южной сторонѣ заложено какое-то отверстіе.

Невдалекѣ-же еще постройка изъ жженаго кирпича, четвероугольная, по 1½ арш. каждая сторона и въ вышину ¾ арш., будто надгробный памятникъ.

На дорогѣ мы встрѣтили караванъ изъ верблюдовъ съ товарами изъ Долон-нора, принадлежащій Іогудзар-хутухтѣ.

9. Со стана идемъ въ ЮЮВ. направленіи по мѣстности,

---

[1] На картѣ ошибочно *Хаксу-хобур*.

которая, какъ упомянутая выше, сверху кажется ровною, а въ дѣйствительности состоитъ изъ невысокихъ, очень пологихъ гривъ и лощинъ между ними. Черезъ 7 часовъ пришли къ р. Уюту-гол. Она безъ воды, но въ ея руслѣ у самой дороги хорошій колодезь. Поднявшись изъ ея долины, вошли въ котловину, по которой шли около двухъ часовъ, и въ ней подъ горой стали на ночлегъ.

Не доходя до р. Уюту-гол, я поднялъ кусокъ окаменѣлаго дерева и далѣе зеленый камушекъ, кажется, малахитъ, да и самое названіе рѣки значитъ—малахитовая.

А пройдя Уюту-г., съ одного увала видѣли вдали на В. тонкій столбъ дыма или пара, который, какъ намъ послѣ объясняли монголы, выходитъ изнутри земли.

По дорогѣ попадались стада сайгаковъ.

10. Выходимъ изъ котловины и идемъ между увалами около трехъ часовъ въ направленіи ЮЮВ., а потомъ начинается Бобиндэй-шили (пряничный хребетъ) [1]. Онъ идетъ сначала тоже въ видѣ уваловъ и отдѣльныхъ сопокъ, между которыми и пролегаетъ дорога, избѣгая крутыхъ подъемовъ; а потомъ идетъ лавовый кряжъ въ видѣ залавка; мы идемъ по нему болѣе получаса, и тогда начинается спускъ, при этомъ тотчасъ внизу находится, влѣво отъ дороги, колодезь, который скрывается въ крупномъ дэресунѣ; а по правую сторону—юрты. Затѣмъ еще два колодца—одинъ по правую, другой по лѣвую сторону—Табунэй-худук, т. е. находящіеся у пяти сопокъ. Наконецъ, часа черезъ полтора, вступаемъ на равнину, на которой стоитъ обо Джаргаланту, что означаетъ мѣсто, гдѣ вы чувствуете себя въ полномъ удовольствіи; это самый замѣчательный по постройкѣ изъ всѣхъ видѣнныхъ нами обоновъ. Основаніе его сложено изъ крупныхъ камней въ четыре яруса, въ вышину болѣе сажени, а кругомъ 26 саженъ и наверху 6 шестовъ, вставленныхъ тоже въ камни и съ металлическими позолоченными головками и между ними протянуты веревки, сплошь увѣшанныя лоскутками; а около середняго натыканъ хворостъ [2].

[1] Такъ названъ потому, что когда-то тутъ ограбили китайскаго торговца пряниками (бобо). Тотъ-же хр., что *Хобитэй* на картѣ?

[2] Срв. Зап. по Общ. Геогр. И. Р. Г. О. т. XLIV стр. 92—93.

За нимъ подошли двѣ дороги: одна съ СЗ. изъ Урги, а другая съ СВ. изъ г. Бируты (Биру-хото?), откуда привозятъ въ Долон-норъ крупчатку и будў (просо); а еще раньше была дорога тоже съ СВ. отъ соленаго озера Синхора (?), но мы ея не видѣли.

Когда мы спустились на равнину, то увидѣли сайгаковъ, которые покрывали все видимое ровное пространство не отдѣльными стадами, а сплошь; все пестрѣло ими; куда ни посмотришь, бѣлѣютъ задними своими частями самки, а между ними носятся самцы съ большими, крутыми рогами. Они спокойно паслись и невдалекѣ переходили намъ дорогу.

Остановились мы въ долинѣ р. Ара-гол, не дойдя до самаго русла. На востокѣ, версты 2 отъ насъ, видно возвышеніе и тамъ проходитъ сухая рѣка Хóлэй-усу, текущая въ Ара-гол, и тамъ-же хорошій колодезь Ирыбга-х. (бабочка?—эрибехэй?) или Дзангин-х., вырытый проживавшимъ тамъ дзангиномъ.

Здѣсь мы познакомились съ ламой Амсор-гэбши, человѣкомъ любезнымъ и очень разговорчивымъ. Онъ снабдилъ насъ аргаломъ, а чтобы привезти воды, далъ намъ телѣгу съ кадушкой. Съ его помощью мы пополнили наши свѣдѣнія относительно пройденной уже мѣстности и окружающей насъ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что здѣсь 49 хошуновъ (округовъ), которые не принадлежатъ четыремъ халхаскимъ аймакамъ; что далеко на СВ. находится Мынын-тала (огромная, страшная степь), которая богата кормами, но совершенно безводна и колодези нужно копать слишкомъ глубоко; поэтому на неё прикочевываютъ только зимой, когда тамъ снѣгъ, и выпадаетъ его много, впрочемъ, не каждый годъ; живутъ тамъ Баргуты.

11. Со стана идемъ по широкой долинѣ р. Ара-гол и черезъ ¾ часа достигаемъ его русла, переходимъ рѣку по льду и, пройдя немного по равнинѣ, начинаемъ подниматься: подъемъ невысокій, но крутой, и послѣ опять идетъ равнина съ легкимъ склономъ впередъ въ южномъ направленіи, котораго мы держимся все время. Такимъ образомъ, черезъ 2½ часа, мы достигаемъ спуска къ р. Ханга-олом (бродъ); это тотъ-же Ара-гол, только подъ другимъ именемъ. Мы идемъ сначала по руслу этой рѣки, которая потомъ уходитъ отъ насъ влѣво, т. е. на востокъ, гдѣ принимаетъ опять другое названіе—Шиліин-гол. Вдали отъ насъ по-

обѣ стороны виднѣются горы и на западѣ болѣе высокія; а передъ нами равнина, покрытая дэресуномъ, который мѣстами такъ высокъ, что, когда ѣдетъ по нему всадникъ, то виднѣется только его голова. Тамъ-сямъ попадаются юрты; но скота не видите, такъ какъ это все бѣдняки и живутъ заработкомъ около Бандида-дацана. Мелкіе сѣрые зайцы, такъ называемые *толуи* [1] свободно бѣгаютъ между юртами.

Впереди, посреди равнины, стоитъ одиноко холмъ съ обономъ на немъ. Приблизившись къ нему, мы переѣзжаемъ какой-то ручей или рѣчушку, которая уходитъ на востокъ, гдѣ соединяется съ Шиліин-г.; обогнувъ этотъ холмъ, мы увидѣли подъ нимъ съ южной стороны храмы и ламскія мазанки, а передъ ними земляной валъ въ родѣ стѣны. Это—Бандида-дацан или—хуре. Мы проходимъ его и останавливаемся верстахъ въ трехъ отъ него, гдѣ меньше сбита трава.

12. Здѣсь мы дѣлаемъ дневку вслѣдствіе непогоды.

Кромѣ *дацана* (ламскаго монастыря), здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ построекъ, только на З. и ЮЗ. отъ него разбито до 14 китайскихъ шатровъ *майхан* изъ синей дабы, въ которыхъ торгуютъ китайцы.

Самый дацанъ представляетъ группу построекъ, обнесенныхъ стѣною нежженаго кирпича, имѣющаго въ одномъ направленіи (по фасаду) 52 саж., а въ другомъ 62. По фасаду онъ дѣлится на два двора, въ свою очередь раздѣленные стѣною, изъ которыхъ въ одномъ находится три храма, расположенные отдѣльно одинъ за другимъ по направленію въ глубь двора, и въ промежуткахъ между ними посажены деревья. Самый главный храмъ позади всѣхъ, а по боковымъ стѣнамъ по три помѣщенія и еще одно впереди, между храмомъ и главными воротами; а въ другомъ дворѣ исключительно жилыя помѣщенія съ особымъ дворомъ и тамъ-же колодезь. Кромѣ того, сзади конюшня, а еще дальше отдѣленіе во все протяженіе общей стѣны, задній дворъ для склада дровъ и сѣна и для верблюдовъ. Въ жиломъ дворѣ вмѣстѣ съ домиками стоятъ также юрты.

---

[1] Слово *тулаі* (по восточному *толэ*)—значитъ заяцъ.

Храмы мы осмотрѣли только снаружи, потому что два изъ нихъ были въ то время заперты, а въ одномъ тогда-же происходило ученье мальчиковъ, приготовляющихся въ ламы, всего до 160 человѣкъ. А всѣхъ ламъ, въ дацанѣ, кажется, 500, хотя нѣкоторые считаютъ до 1.000.

Въ этомъ дацанѣ, весьма чтимомъ даже дальними монголами, обыкновенно находится *хутухта*, или *гэгэн*, одно изъ временныхъ, земныхъ воплощеній высшаго существа. На этотъ разъ таковаго не было, потому что онъ пока не былъ найденъ высшимъ духовнымъ управленіемъ въ Тибетѣ. Но, когда мы тамъ были, особеннымъ почетомъ пользовался молодой лама лѣтъ 18, или не болѣе 20, котораго мѣстные ламы чуть-ли не признаютъ за гэгэна, хотя онъ, видимо, не признанъ еще ни въ Тибетѣ, ни въ Пекинѣ.

Онъ былъ у насъ въ гостяхъ, а послѣ и мы были у него. Юрта у него обыкновенная и небольшая, но очень хорошо хотя и просто устроена: войлокъ, которымъ она обтянута, двойной и внутри подбитъ синею дабой; очагъ съ трубою, выводящею дымъ наружу; поэтому все чисто, незамѣтно даже обычной и неизбѣжной копоти. Съ нашимъ переводчикомъ И. В. Пушкаревымъ у него отношенія, показывающія, что они еще прежде были знакомы и есть что-то, тѣсно ихъ связывающее. Кажется, онъ бурятъ изъ Забайкалья, гдѣ ламы задумали создать изъ него гэгэна и для того отправить его въ Бандиду; а И. В. Пушкаревъ помогъ ему уѣхать изъ Россіи. Имя его, кажется, Церенъ Дашеевъ. Говорятъ, что отъ Бандиды до Урги на быкахъ ѣздятъ 2 мѣсяца, а до Долон-нора 7 или 8 дней.

Собираясь въ путь, мы для облегченія себя, пользуясь дружественными связями съ дацаномъ, оставляемъ здѣсь бо̀льшую часть сухарей, чтобы принять ихъ потомъ на обратномъ пути. Этого, однако, не случилось, такъ какъ обратно мы пошли другою дорогой.

13. Трогаемся въ путь въ 7 часовъ утра; идемъ по ровному; переходимъ р. Шиліин-г., потомъ поднимаемся, сначала довольно круто, а послѣ положе и въ 10 часовъ спускаемся въ логотину, окруженную горами, и за нею поднимается сопка съ тремя вершинами, изъ которыхъ на средней, самой высокой, стоитъ обонъ. Это Тахилгэтэ (мѣсто молебствій и жертвоприношеній) и здѣсь

дорога раздѣляется: одна пошла, огибая сопку, съ лѣвой стороны, другая съ правой; мы идемъ по послѣдней: она идетъ прямо въ гору, крутая и каменистая, но болѣе прямая; уклоняемся немного влѣво, огибая идущій съ востока поперекъ намъ высокій мысъ, и тутъ сходимся съ другою дорогой; затѣмъ идемъ черезъ увалъ прямо на югъ, гдѣ встрѣчаемъ и третью дорогу, на которой догоняемъ нашего пріятеля изъ Бандиды—Церена Дашеева для того, кажется, и выѣхавшаго, чтобы еще разъ повидаться и проститься съ нами. Тутъ мы вступаемъ въ хребетъ Эмель-шили, который переходимъ незамѣтно между отдѣльными сопками и увалами, и въ 12 часовъ были на спускѣ къ равнинѣ, откуда увидѣли впереди рядъ сопокъ съ плоскими вершинами; это Дзэргиле: равнина обширная, грунтъ глинистый, только сверху песокъ, но дорога тверда. (О горахъ Дзэргиле см. стр. 643—651).

Всюду хорошая растительность; трава не высокая, но густая и по засохшимъ колеямъ видно, что тамъ застаивается вода. Вмѣсто дэресуна здѣсь всюду выступаютъ пырей и другіе злаки.

Мы идемъ почти параллельно хребту Дзэргиле и въ 3 часа значительно къ нему приблизились, но подойти къ нему вплотную цѣлымъ караваномъ не захотѣли; а для этого устроена была особая маленькая экскурсія.

Всего по выходѣ изъ хребта Эмель-шили по равнинѣ шли 4 часа и остановились у подошвы невысокихъ песчаныхъ холмовъ у колодца Бальгихэ-худук съ прекрасною водой, и тутъ ключъ, который «кипитъ», т. е. вода постоянно пробивается наружу и замерзаетъ, изъ чего образуется масса постепенно растущаго льда, такъ называемыхъ накипней.

Это уже начало Малыхъ песковъ—Бага-элесун.

Изъ кустарниковъ мы нашли здѣсь: тальникъ, харгану, ерникъ, а на горахъ дикій персикъ и таволгу.

Отдалившись отъ Бандиды и вступивъ въ горы, мы вездѣ нашли снѣгъ, небольшой, впрочемъ, и недавно выпавшій, отъ котораго дорога, хотя и каменистая, становилась мягче, что такъ благопріятно отзывалось на нашихъ верблюдахъ, непривычныхъ къ твердой почвѣ и отъ того страдающихъ (у нихъ стирается подошва).

14. Со стана тотчасъ подъемъ, пологій, но сильно песчаный, безъ перерыва въ продолженіе 1 часа 20 мин. Справа и слѣва

песчаные холмы; между ними углубленія въ родѣ котловинъ съ черною землей и отличною травой. Иныя углубленія воронкообразныя, видимо, недавно образованныя вѣтромъ и неуспѣвшія зарости травой, тогда какъ вообще здѣсь заростаетъ быстро, если только по нему не проторены дороги. Высшія сопки состоятъ изъ лавы, которая мѣстами попадается подъ пескомъ; и на сдувахъ такая сопка представляетъ ровную плоскость, какъ будто застывшій широкій потокъ. Далѣе идетъ твердый грунтъ; сопки слѣва и справа становятся ниже. Мы идемъ черезъ пологіе увалы и спускаемся къ лощинѣ у подошвы хребта, относительно окружающей мѣстности весьма низкаго, но высока должна быть вся та мѣстность, судя по тому, что, по указанію монголовъ, р. Шилін-гол берется у его юго-восточной оконечности [1]. Мы переходимъ его незамѣтно, имѣя по обѣ стороны дороги отдѣльныя сопки; между ними особенно значительны двѣ съ правой стороны, одна изъ которыхъ Амоголон съ обономъ.

Сопки эти, повидимому, состоятъ изъ лавы, которая разсыпана у ихъ подошвы; а въ углубленіяхъ между ними черная земля, состоящая также изъ размельченной лавы. У экспедиціи этотъ хребетъ названъ Хуйтун-шили.

Миновавъ Амоголон, мы вступили на равнину, совершенно открытую къ западу, а на востокѣ виднѣются отдѣльныя сопки. Почва черная, мягкая, будто глинисто-песчаная, по ней трава густая—пырей и ковыль; мѣстами, гдѣ болѣе песчана, хвощъ мелкій, а въ низкихъ мѣстахъ тростникъ и тальникъ; на холмахъ ильмовникъ, таволга, харгана и еще какой-то кустарникъ.

Видимъ необозримыя стада сайгаковъ не только по равнинѣ, но и по склонамъ горъ.

По всей равнинѣ кое-гдѣ виднѣются лавовые бугорки. Въ концѣ равнина склоняется къ югу и мы подходимъ къ озеру, къ которому съ запада изъ другого меньшаго озера течетъ рѣчушка Хуйтун или Сэрюхэн-гол (холодная или прохладная), а озеро Хуйтун-нор. Рѣка растеклась широко, образуя заливы

---

[1] Пржевальскій въ своей экскурсіи на озеро Тал-норъ, къ СВ. отъ Долон-нора, нашелъ тамъ истокъ р. Шилін-гол въ мѣстности, которая приходится между Малыми и Большими песками.

и озерца; мѣстами промерзла до дна, а мѣстами, прорубивши ледъ, можно найти и воду, но она стоячая, мутная и отзывается иломъ. Здѣсь мы останавливаемся. Подъ прикрытіемъ холмовъ пріютилось нѣсколько юртъ. Оріентируясь съ возвышенья во время пути и со стана на Амоголон, мы шли въ направленіи 20° ЮЮВ.

Снѣгу здѣсь еще больше.

Передъ нами Большіе пески—Іехэ-элесун въ видѣ увала.

15. Тотчасъ со стана идетъ подъемъ, хотя незначительный, но по голому песку и потому очень трудный. Мы не попали на настоящую дорогу и подались къ востоку, но потомъ выправились и все время шли въ южномъ направленіи, иногда виляя для обхода трудныхъ мѣстъ.

Только одинъ часъ продолжалась дорога въ пескѣ безъ перерыва, а послѣ стали чаще попадаться промежутки съ твердою почвой или съ неглубокимъ пескомъ. Около половины дороги пошли широкія равнины, и на всѣхъ ихъ видны слѣды кочевій: «огорожи» въ родѣ дворовъ и небольшія круглыя плетневыя «огорожи», должно быть для мелкаго скота, запасы аргалу.

Песокъ здѣсь лежитъ вообще увалами, имѣющими протяженіе съ ЗСЗ. къ ВЮВ. идутъ равнины находящіяся между ними въ томъ же направленія. Вездѣ песокъ нанесенъ со стороны. На это указываетъ твердый, песчано-глинистый грунтъ, находящійся подъ ними и обнаруживающійся на сдувахъ, иногда съ бѣлымъ налетомъ соли, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ размывахъ мы видѣли песокъ подъ этою твердою почвой. На этой твердой почвѣ не растутъ ни деревья, ни кустарникъ, растущія возлѣ на пескахъ, а только трава и то лучше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ также сверху песокъ. Всѣ кустарники и деревья держатся исключительно на песчаныхъ холмахъ. У подножія ихъ обычно тальникъ, а на верху ильмовникъ, ерникъ, тараношка, мелкій березникъ, боярышникъ, изрѣдка яблоня, шиповникъ и др.

Ильмы мѣстами значительной толщины, но корявые, вслѣдствіе того, что ихъ объѣдаетъ скотина и обезображиваютъ люди. Въ песчаныхъ впадинахъ—прекрасныя травы, преимущественно пырей, а выше на холмахъ много узколистаго щавелю, и огромные корни его видны внизу обсыпавшихся холмовъ. Въ одномъ мѣстѣ я нашелъ настоящую сибирскую акацію, а въ другомъ барбарисъ, который

также растетъ въ Сибири на высокихъ горахъ. Тальникъ растетъ здѣсь, какъ лѣсъ, и въ немъ хорошо укрываются кочевники со своими юртами; но истребляютъ его на «огорожу» и на дрова.

Въ такомъ тальникѣ мы и остановились послѣ семичасового перехода, недалеко отъ озера Гашун-нор (горькое озеро) на западной сторонѣ, а на востокѣ есть еще большое озеро Цаган-нор, которое, однако, осталось далеко въ сторонѣ отъ нашей дороги (сомнѣваюсь, что упоминаемое экспедиціей озеро то самое).

Все время шли на юго-востокъ, и только при концѣ подошли къ стану въ южномъ направленіи.

Здѣшніе монголы говорили намъ, что на востокъ эти пески кончаются, а на западъ они еще больше. Въ послѣднемъ мы убѣдились на обратномъ пути.

Рѣку Урту-гол, упоминаемую экспедиціей, мы не встрѣтили на пути, потому что шли восточнѣе, но, по словамъ монголовъ, она осталась позади насъ.

Какъ на этой равнинѣ, такъ и на предыдущей кочуютъ монголы племени Барга [1]; языкъ ихъ нашимъ бурятамъ понятенъ больше, чѣмъ другихъ, въ особенности чахаръ, которыхъ мы стали встрѣчать дальше.

16. Держась юго-вост. направленія, черезъ 4¼ часа приходимъ къ озеру, которое протокомъ соединяется съ другимъ озерцомъ, лежащимъ къ западу отъ него; на немъ ледъ до дна. Это, должно быть, Шаргантуй экспедиціи, но упоминаемаго ею колодезя не видать. Отсюда мы идемъ, сначала сильно забираемъ къ западу, но вскорѣ поворачиваемъ прямо на югъ, тогда какъ другая дорога пошла восточнѣе. Немного отойдя отъ озера, мы видимъ впереди хребетъ и въ немъ сопку съ обономъ, держась на которую, черезъ 2¼ часа вышли изъ песковъ на твердую почву, а вправо у насъ высокій, коническій песочный холмъ, на которомъ стоитъ обонъ изъ груды камней и крестообразно связанныхъ пучковъ хвороста. Послѣ этого ¾ часа идемъ опять пескомъ, вступаемъ еще на твердую равнину и опять песокъ, а затѣмъ замкнутая холмами площадь, не совсѣмъ твердая и неровная, но покрытая хорошею травой. Въ восточной части ея видны юрты и тамъ-же колодезь.

---

[1] Баргу-буряты (?).

Это—Хулусутай; но мы идемъ еще часъ—то по твердому грунту, то по песку, и достигаемъ равнины, пройдя по которой полчаса, остановились въ кустарникѣ. На восточномъ краю этой равнины длинное, глубокое озеро съ текущими въ него ключами Шабартэй-нор и подлѣ него въ верстѣ отъ дороги дацанъ, въ которомъ однако, постоянно живутъ только два ламы.

У кол. Хулусутай мы замѣтили въ пескѣ подмѣсь глины, желтой, какъ охра, и попадается песокъ совсѣмъ бѣлый, какой мы видѣли въ размывахъ подъ верхнею твердою почвой. Тамъ, гдѣ былъ нанесенъ песокъ и послѣ его сдуло до твердой земли, въ оставшемся болѣе крупномъ гравелѣ попадаются обломки раковинокъ и цѣльныя маленькія рѣчныя улитки.

Тамъ-же на холмахъ, кромѣ харганы, попадается настоящій золотарникъ, акація выше человѣческаго роста, множество шиповника, а изъ травянистыхъ—горлянка (Edelweiss) и какое-то колосовое растеніе вродѣ семиколѣна.

Здѣсь кочевья монголовъ имѣютъ особенный характеръ: скотъ они держатъ въ плетневой «огорожѣ», совершенно какъ у насъ базы; внутри перегородка для раздѣленія разнаго скота; со стороны холма, т. е. сѣверо-западной, огорожа обставлена хворостомъ, а юрта поставлена за этимъ базомъ на СЗ. сторонѣ другого холма. Бѣдняки стоятъ въ яминахъ въ тальникѣ. Въ одномъ мѣстѣ стоятъ 9 юртъ рядомъ съ плетневыми перегородками между ними въ пади между холмами, устье которой также загорожено всѣми сообща. Есть запасы сѣна. Это—чахары.

У кол. Хулусутай-же мы встрѣтили чахара, который пришелъ изъ Долон-нора, чтобы прогоняемый здѣсь для продажи скотъ направлять къ своему хозяину, купцу китайцу.

Здѣсь жаловались, что много дохнетъ овецъ отъ хатэра, болѣзни распространенной и у нашихъ пограничныхъ казаковъ, гдѣ сырыя мѣста.

Мы оставили здѣсь захромавшаго верблюда и одну приставшую лошадь у ламы Убугун-тыкдуп-гылун-ламы, а другой его товарищъ Ирыншы-лама (Эринчин-лама?).

17. Держимся постоянно южнаго направленія, причемъ намъ помогаетъ оріентироваться сопка съ обономъ на хребтѣ впереди. Почти черезъ два часа переходимъ къ двумъ озерцамъ, вправо отъ

дороги, лежащимъ въ продолговатой котловинѣ Хэрэмту-нор. Отсюда съ значительными извилинами, но не уклоняясь отъ главнаго направленія, черезъ $1^1/_4$ ч. по тяжелому песку доходимъ до небольшого подъема, гдѣ вправо отъ дороги на деревѣ виситъ баранья лопатка съ тибетскими записями, знакъ, что для одной стороны трудный путь уже конченъ, а для другой начинается. Слѣва сопка, на вершинѣ которой каменныя глыбы и съ боковъ такія-же каменныя обнаженія; а до этого мѣста мы два дня не встрѣчали нигдѣ ни камушка, такъ какъ и каменныя возвышенія тамъ погребены подъ пескомъ.

Приподнявшись уже немного, все еще поднимаемся очень постепенно и почти черезъ часъ приходимъ къ озеру Саиту-нор, лежащему вправо отъ насъ въ долинѣ между увалами, еще дальше за нимъ видно другое озеро, а при самой дорогѣ натекъ воды въ углубленіи.

Передъ этимъ, за небольшимъ естественнымъ валомъ къ З. нѣсколько юртъ въ логотинѣ, и по горѣ пасется скотъ.

Вправо и влѣво увалы, на которыхъ выдаются сопки. Это перевалъ черезъ хребетъ, который мы видѣли издали, и теперь мы идемъ между сопками въ распадокъ и черезъ часъ выходимъ изъ песчаныхъ холмовъ, но дорога все еще песчаная, хоть и не очень тяжелая. Минутъ черезъ 40 дошли до р. Вада, текущей съ З. изъ долинъ въ находящемся тамъ хребтѣ; отсюда она направляется на ЮВ. Прорубивши ледъ, мы увидѣли, что рѣка течетъ быстро, вода чистая, а при выбрасываніи льда изъ проруби попалось нѣсколько мелкихъ налимчиковъ.

Сопка, на которую мы шли съ С., оказывается теперь чуть вправо отъ дороги.

Еще черезъ 40 м. мы пришли на р. Халютай, такую же, какъ и Вада. Здѣсь совершенно ровная и низкая мѣстность, отчасти съ болотною кочкой.

На З. она разбивается идущими отъ хребта отрогами на долины, а къ В. расширяется, и только далеко тамъ виднѣются песчаные холмы, а за ними хребетъ выше, который какъ будто удерживаетъ пески отъ распространенія дальше, и они у подножія его разстилаются пологими косами и отсыпями къ Ю. По-

этому и рѣчки Вада и Халютэй, текущія на В., далѣе поворачиваются нѣсколько къ Ю., гдѣ, неизвѣстно куда дѣваются.

Отъ послѣдней рѣки немного поднимаемся и черезъ часъ останавливаемся на пригоркѣ. На В. возвышеніе, отъ котораго спускаются къ намъ нѣсколько короткихъ долинъ съ тальникомъ и ерникомъ; далѣе уже не попадается ни деревьевъ, ни кустовъ вплоть до Долон-нора.

18. Около 6 ч. у. вышли со стана и черезъ 2¼ ч. прибыли на р. Шандын-гол. На всемъ пути мѣстность представляетъ собою широкую низменную равнину; съ В. отъ упомянутаго выше хребта выступили на нее нѣсколько сопокъ, а далѣе съ восточной стороны параллельно тянется отдѣльный кряжъ съ выступающими на немъ сопками и у крутого южнаго склона протекаетъ р. Шандын-г. (тоже Шанду-г.) къ З., гдѣ мы ее и встрѣчаемъ.

Близъ рѣки всюду видны кочевья и бродитъ скотъ.

Перейдя рѣку, мы вскорѣ поднимаемся и направляемся въ распадокъ идущаго намъ поперекъ невысокаго хребта и черезъ 2¾ ч. дошли до двухъ храмовъ—Хуху и Шара-сумэ, за которыми верстахъ въ двухъ и городъ Долон-норъ.

Мы прибыли въ полдень и остановились въ Хуху-сумэ въ принадлежащемъ храму постояломъ дворѣ, состоящемъ изъ двухъ домиковъ, для помѣщенія людей и помѣщенія для лошадей; а верблюды, конечно, остались въ полѣ, и на другой же день мы отправили ихъ подальше отъ города, гдѣ былъ хорошій кормъ.

Здѣсь мы простояли отъ 18 до 23 ноября.

Завѣдывалъ дворомъ нирвэ (управитель) донир, который постоянное жительство имѣлъ на р. Шанду-гол, гдѣ у него были дѣла по торговлѣ скотомъ, а въ отсутствіе его мы имѣли дѣло съ другимъ, молодымъ ламой Дзамьяномъ.

Неотложнымъ дѣломъ для насъ было развязаться съ лошадьми, которыхъ мы вели для продажи, и продали ихъ по хорошей цѣнѣ, принявъ во вниманіе, что онѣ за дорогу страшно истощились, и тутъ опытъ показалъ, что лошади, совсѣмъ свободныя, едва дотащились за верблюдами, навьюченными или запряженными въ телѣги; а главное, онѣ не могутъ довольствоваться тѣмъ под-

ножнымъ кормомъ, какимъ вполнѣ довольствуется верблюдъ, и выносить недостатокъ хорошаго пойла.

Затѣмъ мы хотѣли узнать, нельзя ли въ этомъ городѣ закупать чай и многое другое, для чего обычно отправляются въ Калганъ; но это оказалось невозможнымъ, потому что здѣсь торговля главнымъ образомъ товарами, обслуживающими монголовъ, и притомъ нѣтъ крупныхъ оптовыхъ торговцевъ и нѣтъ гарантій для вѣрнаго выполненія большихъ подрядовъ.

Съ этой цѣлью и вообще изъ любопытства мы почти каждый день отправлялись въ городъ, осматривали его и заводили знакомства. Между прочимъ, по рекомендаціи нашихъ ламъ, мы познакомились съ торговцами: Унчугэ—Каймэ, иначе Сыхачинъ Дотор-Нанджин и Ясынгэй [1]. Но прежде всего мы должны были явиться въ *ямунь* (управленіе города и вмѣстѣ судъ) и предъявить наши документы, что̀ мы и исполнили въ первое же наше посѣщеніе города 19-го ноября.

Мы стояли нѣсколько выше города и оттуда онъ представлялся какою-то сѣрою масссой, приплюснутой къ землѣ, среди которой возвышалась только одна башенка.

Почти со всѣхъ сторонъ его обтекаетъ вода: съ сѣвера идетъ рѣчушка, которая разливается, разбивается на рукава, а мѣстами образуетъ озерца (оттуда и названіе его: семь озеръ) и, обогнувъ его съ востока, соединяется съ рѣкой Нарин-гол, текущей на южной сторонѣ, но не разберешь, куда какая рѣка течетъ. На нашей сторонѣ по рѣкѣ идутъ мазанки, огороды и кое-гдѣ деревья.

За городомъ на восточной и южной сторонѣ виднѣются песчаные бугры, а въ отдаленіи горы.

Городъ обнесенъ стѣной изъ нежженаго кирпича и въ видѣ четвероугольника въ длину занимаетъ 4 версты вдоль рѣки, а въ ширину версты полторы. Внутри онъ разбитъ на квадраты, хотя и неправильные; улицы узкія, мѣстами вымощены камнемъ, но вообще грязны. Площадей нѣтъ, а только небольшія расши-

[1] Все монгольскія названія, очевидно данныя по обыкновенію монголами китайцамъ, или китайскія названія, переиначенныя на монгольскій ладъ.

ренія на перекресткахъ; одинъ большой храмъ, башенку котораго мы видѣли издали; нѣсколько выдающееся зданіе—ямунь; остальное все лавки, которыя въ то же время служатъ жильемъ и мастерскими, гдѣ работаютъ: сѣдельники (знаменитый тамъ Чо-н-ху), шорники, столяры, кузнецы, портные, сапожники или башмачники, скорняки и др. По улицамъ ходятъ кузнецы или слесаря съ ручными кузницами, цирульники со своими аппаратами: столикомъ, скамеечкой, тазомъ, сосудомъ съ водой и другими принадлежностями.

Множество продавцовъ разнаго мелочнаго товара, и все это кричитъ и движется.

Тутъ же мясныя лавки и бойни. Нѣсколько гостинницъ.

Но здѣсь же караванъ нашъ запасся всѣмъ для пути въ Калганъ и обратно по пути въ Россію, для чего заказаны были двухколесныя телѣжки и необходимая для упряжи сбруя и много другихъ вещей. Для этого караванъ нашъ остался здѣсь, а насъ пятеро отправились на-легкахъ, верхомъ на верблюдахъ въ Калганъ.

Вслѣдствіе незнанія китайскаго языка мы не могли войти въ болѣе тѣсное общеніе съ людьми и потому ограничились только наружнымъ осмотромъ города и отчасти осмотрѣли главныя лавки, при чемъ разузнавали о цѣнахъ на различные товары. При этомъ помогалъ намъ монгольскій языкъ, который знали мои спутники и торговцы китайцы.

Мы пробыли въ Долон-норѣ всего 4 дня, и послѣдній день, 22-го ноября, провели въ приготовленіи къ выступленію завтра въ дальнѣйшій путь.

III. Отъ Долон-нора до Калгана.

23. Настоящая дорога идетъ на Ю., склоняясь немного къ З., но мы пошли на ЗСЗ. къ Шанду-голу, чтобы тамъ оставить караванъ. Пройдя немного и замѣтивъ, что недостаетъ одного верблюда, мы остановились. Верблюдъ нашелся, но пока происходили розыски, мы имѣли время отойти немного и осмотрѣть какую-то постройку сзади Шара-сумэ. Это были остатки стѣны. Часть ея изъ настоящаго кирпича, оштукатурена и окрашена

красною краской, какъ всѣ монгольскіе дацаны, а часть изъ дикаго камня, сложенная на извести. Стѣна идетъ по валу, вслѣдствіе чего по обѣ стороны ложбина въ родѣ канавы, и направленіе ея съ С. на Ю. на протяженіи 70 саженъ; при началѣ видна частица черепичной крыши надъ воротами или надъ башенкой. Продолжается она еще на 130 саж. изъ нежженаго кирпича, а есть слѣды ея существованія и еще дальше саженъ на 100, такъ что все протяженіе ея было саженъ на 300. Назначеніе ея было, вѣроятно, ограждать дацанъ въ видѣ щита, но отъ кого или отъ чего, для насъ осталось загадкой.

Послѣ этого отправляемся въ путь. Миновавъ Шара-сумэ, мы вскорѣ стали подниматься; влѣво и вправо небольшія горы и съ лѣвой стороны изъ одной долины идетъ ручей къ Долон-нору. По дорогѣ попадаются куски лавы, но не чернаго цвѣта, а какого-то сѣро-буроватаго. Вдали виднѣются сопки и въ обрывахъ бѣлая глина; видно, что ее берутъ для чего-то. Спустившись, снова поднимаемся довольно круто на хребтикъ, съ котораго вступаемъ на равнину р. Шанду-гол, но до рѣки остается еще версты 2 или 3. Тутъ мы и остановились. Кормъ отличный, хотя немного выбитый. Кругомъ кочевья и скотъ, тутъ же и скотъ, принадлежащій дацану.

24. Караванъ здѣсь оставляемъ и отправляемся впятеромъ; съ нами ѣдутъ также на верблюдахъ два нашихъ бурята и одинъ монголъ-вожакъ, и за собою ведемъ трехъ верблюдовъ съ багажомъ.

Выходимъ въ $9^{3}/_{4}$ ч. у. въ прежнемъ направленіи долиною р. Шанду-гол; вскорѣ поворачиваемъ прямо на З. и въ этомъ направленіи идемъ 4 ч., а послѣ склоняемся къ ЮЗ. и такимъ образомъ идемъ около 3 ч. и, перейдя по льду р. Шанду-гол, останавливаемся передъ сопочкою съ обономъ.

Не доходя рѣки, за холмикомъ пріютилось нѣсколько юртъ, и, проходя по дорогѣ въ двухъ мѣстахъ, мы также видѣли кочевья. Это пастухи, пасущіе табуны лошадей и верблюдовъ, а также стадо овецъ и крупнаго рогатаго скота, принадлежащіе дацанамъ.

25. Идемъ сначала тою-же равниною въ долинѣ рѣки, потомъ поднимаемся, оставивши ее влѣво и идемъ навстрѣчу

видпѣющемуся вдали хребту; но прежде, черезъ 5¼ ч. ходу, дѣлаемъ перевалъ черезъ пологій, широкій увалъ и при этомъ влѣво видимъ храмъ Малартэй—или Малагай-сумэ.

Здѣсь дѣлаемъ отдыхъ 35 м. и тронулись въ путь прямо на З. противъ хребта. Перевалъ незначительный, и тотчасъ встрѣчаемъ ручей, текущій съ С. на Ю.

Далѣе идетъ широкая и высокая равнина, съ боковъ довольно высокіе увалы, которыми она суживается. Отсюда мы идемъ на сопку въ направленіи ЮЗ.; тамъ же еще сопка, выше и острѣе, и вообще горы, пройдя которыя, мы вступаемъ на равнину и останавливаемся. Мѣстность называется Дама̀.

Здѣсь живутъ чахары, пасущіе императорскія стада; но теперь скота нѣтъ, потому что весь выдохъ отъ падежа. Корма великолѣпные, сайгаки пасутся тысячами.

Когда мы, поднявшись изъ равнины р. Шанду-гол, вступили въ горы, то вскорѣ увидѣли влѣво двѣ мазанки и амбарчики; здѣсь живутъ караульщики соли, которая привозится сюда лѣтомъ съ озера, находящагося далеко на СВ. (Синхоръ?). Далѣе еще до 5 мазанокъ пустыхъ, только въ одной живетъ монгольское семейство.

Не доходя до стана, влѣво мы видѣли озеро; окружающая его мѣстность нѣсколько болотистая.

Насъ пустили на ночлегъ въ юрту, въ которой видимо никто не живетъ, но въ ней оставлена вся утварь, обычная въ юртѣ, и платье. Сами хозяева, цѣлая семья, помѣщаются въ мазанкѣ въ одной комнаткѣ, которая сильно дымитъ, но въ ней легче сохранять теплоту, и спятъ они на канѣ (родъ нары), согрѣваемомъ снизу.

Типъ мѣстныхъ жителей довольно красивый: глаза не такіе узкіе, какъ у другихъ монголовъ, скулы не такъ выдаются; у женщинъ цвѣтъ лица не такой смуглый, въ манерѣ и обращеніи съ людьми замѣтна нѣкоторая изысканность. Это, вѣроятно, вліяніе смѣшенія съ китайцами. Но въ то же время между этими пограничными жителями сильно развитъ сифилисъ; заражены имъ и хозяева нашей юрты, а у грудного ребенка совершенно провалился носъ.

26. Вышли въ 8 ч. утра; шли по равнинѣ до 11 ч.; тутъ насъ встрѣчаетъ небольшой хребетъ и мы его переходимъ черезъ сѣдло, забираемъ немного влѣво, т. е. къ Ю., и вскорѣ переходимъ ручей, текущій на Ю. Влѣво вдали озеро Тал(тын)-нор и изъ долины съ Ю. вытекаетъ ручей. Тутъ видимъ юрты и мазанки. Попадаемъ на высокую равнину, гдѣ тоже юрты, мазанки и кругомъ много скота. Горы отодвинулись отъ насъ, но обступаютъ кругомъ, а въ 12 ч. мы дѣлаемъ еще перевалъ и опять вступаемъ на равнину, которая выше предыдущей, такъ что вся эта мѣстность становится все выше пройденной уже нами.

Влѣво до 30 юртъ въ кучкѣ и у одной изъ нихъ развѣвается на шестѣ красный флагъ, знакъ, что тамъ живетъ какой-то важный чиновникъ. По правую сторону тоже разбросано много юртъ, а впереди пасется табунъ лошадей, штукъ 300 или больше, преимущественно бѣлыхъ и другихъ свѣтлыхъ мастей. Это, говорятъ, казенныя лошади, собираемыя у монголовъ въ видѣ дани и употребляемыя для разъѣзда чиновниковъ и для наградъ имъ же.

Часа черезъ 2½ еще перевалъ и опять равнина, на которую мы спускаемся, тогда какъ на первыя мы вступали почти безъ спуска. И характеръ ея другой: она кочковата и болотиста. Тутъ же протекаетъ ключъ. Съ нея, не поднимаясь и не спускаясь, мы вступаемъ въ широкую долину и вскорѣ останавливаемся. Мѣстность называется Лусун-хаирхан. Тутъ нѣсколько юртъ и намъ дали пустую юрту, но пустили съ трудомъ.

27. Вышли въ 7¼ и черезъ часъ вступаемъ на новую равнину. Здѣсь мы попали на главную дорогу, по которой шла и экспедиція. Черезъ нѣсколько времени переходимъ р. Дзун-гол, текущую на Ю. За нею дальше нѣсколько юртъ и при нихъ одна мазанка; около нихъ пасется табунъ лошадей, принадлежащихъ здѣшней почтовой станціи. Проходимъ за часъ равнину и столько же черезъ увалъ, немного песчаный, и еще черезъ полъ часа до китайскаго поселенья Байшинту или Улан-байшин (красный домъ). Здѣсь живутъ нѣсколько китайцевъ торговцевъ и постоялый дворъ съ гостиницей. Подлѣ—храмъ, окрашенный въ красный цвѣтъ, отъ чего произошло и названіе мѣстности.

Переѣзжаемъ еще нѣсколько уваловъ и постоянно встрѣчаемъ юрты и мазанки, ютящіяся въ боковыхъ долинахъ, а въ одномъ мѣстѣ по обѣ стороны дороги пашня. Съ послѣднимъ переваломъ вступаемъ на равнину, покатую къ Ю. и ЮЗ., въ концѣ которой подъ уваломъ пріютился китайскій городокъ Шабартэй-хото. Идя по этой равнинѣ, мы перешли сначала нѣсколько ручьевъ, а потомъ р. Шабартэй-гол.

Тутъ мы въ $4^3/_4$ ч. останавливаемся на постояломъ дворѣ, въ которомъ есть комнаты и для пріѣзжихъ.

28. Въ 8 ч. у. отправляемся въ Калганъ въ южномъ направленіи.

Тотчасъ идетъ подъемъ, переходимъ рѣчушку Шабартэй-гол, которая течетъ на С.; опять поднимаемся и идемъ почти по ровному со склономъ на Ю., а вдали виднѣются горы. Черезъ полтора часа поднимаемся къ разрушенному каменному валу.

Это собственно стѣна, которая старше существующей до сихъ поръ, изъ кирпича съ зубцами и башнями. Форма ея оригинальная: толщина ея въ основаніи 2 сажени и вышина наверху тоже 2 сажени, а внизу въ глубокой долинѣ гораздо выше; она кверху суживается, какъ пирамида. Внутри она сухой кладки изъ камней различной формы, только правильно уложенныхъ, а снаружи обложена камнями, обтесанными и сложенными на извести, такъ что поверхность ея была гладкая. Но отъ нея остались только куски. Мы проходимъ въ проломъ ея; а вправо отъ насъ также развалины какого-то строенія квадратной формы, въ родѣ большой караулки.

Тотчасъ за стѣной передъ нами открывается глубокая пропасть. До дна вы не можете видѣть, потому что внизу все застилаетъ туманъ, а только видите ея края изъ голыхъ торчащихъ скалъ и нагроможденіе камней самыхъ причудливыхъ формъ. Смотря черезъ пропасть на ту сторону, вдали вы видите также гребни горъ. Изъ подъ насъ радіусами спускаются со всѣхъ сторонъ внизъ узкія долины или, вѣрнѣе, трещины, и по одной изъ такихъ зигзагами идетъ наша дорога. Всюду голый камень, и наши верблюды очень неохотно ступаютъ своими мягкими лапами по усыпанной то круглыми, то острыми камнями дорогѣ. Спускъ мѣстами очень крутой, между идущими по бокамъ каменными глыбами, а съ лѣвой стороны идетъ будто

природный брустверъ, въ устройствѣ котораго отчасти, вѣроятно, принимала участіе и рука человѣка.

Спускаясь ниже, вы начинаете различать глубоко внизу на пологихъ выступахъ мазанки и при нихъ маленькіе огороды, деревья. Со всѣхъ сторонъ стекающіе ручьи блестятъ своею застывшею, ледяною поверхностью. Далѣе мы идемъ по отлогости и рядомъ съ нами сюда же сбѣжала рѣчушка, не замершая, и къ ней съ разныхъ сторонъ стекаютъ ручейки. То и дѣло встрѣчаемся съ караванами, нагруженными и порожними.

Дальше мѣстность становится отложе и даже встрѣчаются жилища и обработанные клочки земли. Къ нашей рѣчушкѣ присоединяется сильный потокъ справа и еще одинъ слѣва, и она сама превращается въ бурный потокъ и ставитъ намъ затрудненія, когда приводится перебродить. Наконецъ мы видимъ цѣлое селенье съ лавками и постоялыми дворами, гдѣ копошатся люди, а черезъ низенькія стѣны дворовъ видно, какъ исхудалые верблюды, пережевывая какую-то сорную траву, безучастно глядятъ и на движущихся вблизи ихъ людей, и на проходящіе мимо караваны.

Мѣстность все болѣе оживляется: чаще попадаются жилья и больше растительности; во многихъ мѣстахъ видите группами или въ рядъ посаженныя вербы; въ одномъ мѣстѣ садикъ съ деревцами яблонь.

Наконецъ мы на днѣ долины, которая суживается, а надъ нею съ обѣихъ сторонъ по гребню горъ громоздится знаменитая китайская стѣна, неизвѣстно для чего взобравшаяся на такую высоту, гдѣ еще прочнѣе и неприступнѣе самая мѣстность, на которой ее строили, безжалостно относясь къ мучительному физическому труду и безъ всякой потребности, тратя средства и силы народа.

Скоро подходимъ и къ Калгану, этимъ воротамъ, соединяющимъ культурный промышленно-земледѣльческій Китай съ пастушеско-кочевою Монголіей [1].

---

[1] *Халга* значитъ ворота, а китайцы по монгольски называютъ его *Джанджакду*.

Считая своей задачей представить описаніе пути только по Монголіи, мы совершенно исключаемъ нашу экскурсію внутрь Китая до Пекина и Тяньдзина, совершенную въ паланкинахъ на лошакахъ и на двухколесныхъ телѣжкахъ на нихъ же, а по городу Тяньдзину и на людяхъ, мы снова возвращаемся къ Монголіи.

Скажемъ предварительно о снаряженіи каравана и другихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ наше обратное путешествіе.

Пока караванъ нашъ снаряжался въ Долон-норѣ, мы должны были заготовить товары, которые предстояло принять каравану. Это былъ главнымъ образомъ чай байховый и кирпичный и отчасти китайскій сахаръ, некристаллизованный, въ видѣ леденца, и другіе товары. Все это было устроено черезъ посредство нашихъ агентовъ, проживающихъ въ Калганѣ, хотя были немалыя затрудненія.

Китайскій большой торговецъ, у котораго былъ сторгованъ чай, отказывается на томъ основаніи, что не выговоренъ какой-то особый, непредвидѣнный налогъ; мы соглашаемся принять этотъ налогъ на себя. Тогда онъ отказывается намъ сдать его въ Шабартэй-хото, какъ было уговорено. Соглашаемся мы принять на себя и этотъ расходъ. Наконецъ онъ заявляетъ, что по уговоренной цѣнѣ онъ не можетъ доставить намъ.

Это обычно у китайцевъ, вслѣдствіе чего всѣ иностранцы ведутъ торговыя дѣла съ ними черезъ такъ называемыхъ *компрадоровъ* изъ китайцевъ же, а у насъ для этого есть свои агенты русскіе.

Но во всякомъ случаѣ при этомъ тратится слишкомъ много времени, что для насъ было крайне невыгодно, потому что нужно было содержать караванъ изъ ста верблюдовъ и весь персоналъ находящихся при немъ людей. Поэтому намъ предстояло еще долго ждать или уйти безъ груза, если бы не выручилъ одинъ кяхтинскій торговецъ (кажется, Токмаковъ), уступившій намъ свой товаръ.

Между тѣмъ караванъ нашъ снарядился и прибылъ подъ Шабартэй-хото съ двухколесными телѣжками, что давало намъ

возможность брать на одного верблюда товару почти вдвое больше. Вьючать на верблюда въ дальній путь не больше 12 пудовъ, а тутъ на телѣжку можно было положить до 20 и 25 пудовъ. При томъ запречь верблюда въ телѣжку легче, чѣмъ обовьючить.

Итакъ съ этой стороны все было готово, какъ вдругъ получаемъ изъ нашего посольства въ Пекинѣ извѣщеніе, что китайскія власти собираются не дать намъ пройти прежнимъ путемъ и задержать караванъ.

Конечно, препятствія эти при содѣйствіи нашего посольства были бы устранены, но на это опять потребовалось бы много времени: мѣсяцы, даже годъ, въ продолженіи котораго лежалъ бы затраченный капиталъ безъ оборота, а въ то-же время были бы новыя издержки, и намъ совѣтовали пойти кяхтинскимъ путемъ черезъ г. Ургу.

Поэтому мы вдвоемъ опять ѣздили въ Пекинъ, чтобы выяснить это дѣло и договориться съ посольствомъ, какъ бы намъ выйти изъ затрудненія, потому что черезъ Ургу разстояніе увеличивалось болѣе, чѣмъ на 500 в. И договорились мы такъ: на прежнюю дорогу мы уже не пойдемъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ безъ сомнѣнія сдѣлано уже распоряженіе о нашемъ задержаніи, а покажемъ видъ, будто идемъ на Ургу и пойдемъ другимъ путемъ, держась такого направленія, чтобы опять выйти на р. Хэрлюнъ, что и удалось осуществить довольно успѣшно.

Съ мѣста мы вожака не взяли, чтобы не выдать наше намѣреніе, и нашимъ руководителемъ являлся только компасъ. Идя на С., мы должны были остерегаться, чтобы не податься много къ В. и не попасть на нашу прежнюю дорогу, а въ то же время не уйти далеко на З., чтобы слишкомъ много не удлиннить нашу дорогу. На второмъ переходѣ мы нашли уже монгола, который взялся насъ вести, но онъ оказался и самъ мало знающимъ тѣ мѣста; разспросы у мѣстныхъ жителей, не всегда относящихся съ довѣріемъ и благожелательствомъ, также мало помогали; поэтому компаса мы держались до конца. Передъ отправленіемъ мы обыкновенно намѣчали себѣ точку, куда идти, прикинувши направленіе по компасу, и шли часто безъ дороги, а если попадалось нѣсколько дорогъ, то выбирали болѣе подходящую къ

нашему главному направленію. Это, конечно, возможно только въ Монголіи, гдѣ преобладаютъ ровныя мѣстности, невысокіе увалы, незамѣтно поднимающіе всю мѣстность до высоты хребтовъ, которые поэтому переходите почти по ровному, безъ большихъ подъемовъ и спусковъ. Затрудненіе является только въ пескахъ, представляющихъ лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, между которыми нужно отыскивать мѣста болѣе удобопроходимыя. Для этого мы взбирались на болѣе высокіе изъ нихъ, чтобы съ нихъ высмотрѣть эти мѣста или же, сѣвши на порожнихъ верблюдовъ, отправлялись для изслѣдованія на болѣе далекое разстояніе. Къ послѣднему, впрочемъ, привелось прибѣгнуть только одинъ разъ. И неудобно это въ томъ отношеніи, что верблюдъ, вслѣдствіе своего табуннаго чувства и упрямости нрава, не хочетъ отдѣляться отъ каравана, кричитъ и ложится подъ вами, какъ бы его ни побуждали встать.

И такъ мы рѣшаемся отправиться въ путь, полагаясь на самихъ себя, причемъ на мою долю выпало указывать направленіе; а затѣмъ я продолжалъ изо дня въ день вести свой дневникъ, причемъ по порученію нашего астронома наблюдателя въ Пекинѣ г. Фритше принялъ на себя наблюденіе температуры, кипѣнія воды въ различныхъ мѣстахъ, для чего онъ снабдилъ меня и маленькимъ аппаратомъ, изготовленнымъ домашними средствами.

IV. Отъ Калгана до г. Хэрлюнъ, не заходя въ Долон-норъ.

1872-й годъ. Январь.

Изъ личнаго состава каравана убылъ глава его П. И. Першинъ, который раньше отправился черезъ Ургу и Кяхту, чтобы присутствовать на Верхнеудинской ярмаркѣ.

19-го января мы изъ Калгана переѣхали въ станъ нашего каравана подъ Шабартэй-хото, и провели тамъ еще день 20-е въ сборахъ.

При этомъ, оставивши весь запасъ сухарей въ Бандида-дацанѣ, мы отправлялись безъ хлѣба, запасшись только небольшимъ количествомъ пшеничной муки, чтобы приготовлять какіе-нибудь лепешки или пирожки къ чаю, и достаточнымъ количествомъ

риса; а мясо мы могли пріобрѣтать на пути всюду, притомъ очень хорошаго качества, т. е. свѣжаго, сытой, молодой скотины, главнымъ образомъ бараньяго и козьяго, не имѣющаго притомъ того непріятнаго специфическаго запаха, которымъ оно отличается у насъ. Причина заключается въ томъ, что у монголовъ скотина никогда не держится въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, а все время пасется на открытомъ полѣ.

21-го мы выступили. Идемъ съ мѣста безъ дороги прямо на С. и вскорѣ попадаемъ на ургинскую дорогу, совпадающую съ направленіемъ, и такъ идемъ въ продолженіе часа; потомъ поворачиваемъ градусовъ 10 къ СВ. и черезъ полчаса равняемся съ находящеюся вдали сопкой съ обончикомъ, которая со стана была у насъ на СЗ. Отъ нея спускаемся въ пологую лощину, въ которой вдоль ея лежитъ озерцо въ родѣ широкаго протока къ В. и тутъ же поперечная дорога. Затѣмъ еще лощина со льдомъ внизу. Послѣ этого мы поворачиваемъ немного къ З.; а черезъ 2½ ч. переходимъ лощину, по которой протекаетъ рѣчушка Ацэйн-толгой-булак. Она течетъ къ З., гдѣ соединяется съ р. Шабартэй-гол и вмѣстѣ направляются къ какому-то большому городу Лунь-шэнь-джоу.

Кругомъ насъ мѣстность низкая по ней сопки или пологіе, широкіе бугры, и между ними вездѣ виднѣется ледъ, покрывающій озерца, ключи или просто каналы воды отъ дождей. Мы подошли къ увалу и остановились въ распадкѣ при самомъ перевалѣ.

Впереди насъ немного влѣво отъ дороги колодезь и на увалѣ сопочка съ обономъ. Влѣво же за мыскомъ небольшая долина и въ ней слѣды какихъ-то построекъ. Оріентируясь назадъ, мы противъ прежняго стана подались немного къ З.

Поперекъ намъ Ургинская дорога, по всѣмъ вѣроятіямъ, отдѣляющаяся отъ долоннорской и минующая Калганъ и Шабартэй.

22. Вышли въ 7 ч. у. Съ мѣста легкій подъемъ и по небольшимъ уваламъ доходимъ до незначительнаго хребтика, переваливаемъ и видимъ впереди хребетъ больше и въ немъ распадокъ, который обозначается двумя сопками съ обѣихъ сторонъ съ обонами; но прежде имѣемъ влѣво долину, по которой течетъ рѣчушка Дэптэр, направляясь къ СЗ.; въ долинѣ ея до

десятка юртъ. Въ 1 ч. пополудни мы проходимъ упомянутый хребетъ и, спустившись, видимъ влѣво юрты и колодезь. Послѣ опять увалы и въ 3 ч. спускаемся въ широкую ложбину и по ней поперекъ намъ насыпанный валъ, идущій съ ЮЗ. на СВ. Валъ этотъ монголы называютъ Боро-хэрмэ, что значитъ сивый или сѣрый валъ или стѣна, и говорятъ, что онъ проходитъ и черезъ пески и дальше Долон-нора. Въ вышину онъ имѣетъ 2 аршина и за нимъ канава шириною въ 3 саж., но почти совсѣмъ засыпанная; изъ нея безъ сомнѣнія выбирали землю для вала. Дорога идетъ черезъ проломъ въ немъ и черезъ 83 саж. по ровному встрѣчается еще небольшая насыпь въ родѣ вала [1].

Пройдя его, мы имѣемъ съ правой стороны дороги полосу саженъ въ 20 земли мягкой, навозной и поросшей крупными сорными травами, какъ будто когда-то тутъ была пашня; тянется она около часа. Отсюда вступаемъ въ узкое мѣсто между сопками, переваливаемъ въ другую долину и въ 4¼ ч. останавливаемся подъ уваломъ. Съ В. подходитъ еще долина и потому здѣсь образуется расширеніе. Влѣво юрты. Мѣстность называется Арэйн-усу.

Немного впереди вправо находится довольно высокая сопка съ обономъ, съ которой я оріентируюсь: кругомъ мѣстность въ увалахъ и холмахъ, которые то примыкаютъ къ хребту, то стоятъ отдѣльно и между ними долины или котловины; на З. верстахъ въ 5 виднѣется полоса льда; то, должно быть, рѣчка или длинное озеро; впереди далеко виднѣется хребетъ; на ЮВ. виднѣются довольно высокія горы, покрытыя снѣгомъ; онѣ идутъ на СВ.

23. Вышли въ 7 ч. у.; идемъ сквозь увалы то между ними, то переваливая ихъ; въ 3 ч. остановка на 15 м. и на В. виднѣется ледъ полосами; это, говорятъ, р. Ахайн-толгой, текущая къ Долон-нору. Въ 9 ч. влѣво 3 колодца и юрты; это—

[1] Повидимому это тотъ же «валъ Чингис-хана», о которомъ упомянуто на стр. 584. Онъ теперь уже прослѣженъ въ предѣлахъ физической Манджуріи и видимо прежде имѣлъ видъ гигантскаго кольца. Объ этомъ валѣ подробнѣе будетъ напечатано въ Зап. Общ. Геогр. И. Р. Г. О. т. XLIV.

Дурбун-худук; далѣе идетъ степь, ровная и широкая, а вскорѣ черезъ увалъ слѣва гуджирное озеро Шутэй-нор. Около часу идемъ почти по ровному, имѣя съ боковъ сопки и увалы, а въ 1 ч. 35 м. попадаемъ въ узкое мѣсто между сопками. Это предгоріе хребта Ихэ-ула, и тотчасъ вступаемъ въ него; черезъ полчаса въ тѣснинѣ; влѣво довольно высокая сопка, вправо скалистый обрывъ и внизу глубокая долина, вначалѣ, гдѣ ея устье, очень узкая, а далѣе она расширяется, становится глубже и въ ней отличная трава, мѣстами скошенная; есть слѣды проѣзда телѣгами. Тамъ-же выложенный изъ камня кругъ въ діаметрѣ 6½ с., а въ вышину аршина 1½; около—признаки стоявшихъ юртъ, а кругомъ видно, что горѣло. Въ 2 ч. выходимъ изъ горъ, идемъ долиной, которая расширяется и далѣе идетъ равнина. Съ ЮЗ. подходитъ другая долина и въ ней сухое русло р. Мунгчин — или Мунгучин-гол, а далѣе такая же съ ЮВ. Здѣсь въ 2¾ ч. становимся на станъ. Простою было 45 м. Съ сопки задній нашъ путь не виденъ за увалами; а впереди хребетъ, въ которомъ на З. и СЗ. высокія бѣлѣющія снѣгомъ горы.

Покуда шли черезъ хребетъ, былъ снѣгъ; а по выходѣ онъ исчезъ, и оставался только въ долинахъ.

По словамъ монголовъ, мы здѣсь находимся противъ Долоннора и ближе къ нему, чѣмъ къ Калгану.

Отъ самаго Калгана до сихъ мѣстъ и нѣсколько дальше идетъ чахарскій хошунъ Хубо-шара́ [1]).

Смотря назадъ съ сопки въ хребтѣ, мы отъ сѣдла въ хребтѣ, который проходили вчера, чуть подались къ В, а въ общемъ, сдѣлавши болѣе ста верстъ, держимъ прямо на С.

24. Вышли въ 7 ч.; около 8 перешли р. Мунгчин-гол; влѣво въ сторонѣ сопка Улан-хада (двѣ остановки 10+5 м.); въ 10¾ вправо колодецъ и юрты, въ 11 ч. вправо невысокія горы и подъ ними ложбина, въ которой водомоины и скопы льда будто на озерахъ, а въ одномъ озерѣ незамерзшая вода. Въ 12¾ р. Бургутэйн-гол; течетъ на Ю., потомъ, соединившись съ р. Мунгчин-гол, обѣ рѣки пошли на В. къ Долон-нору; водомоины и кочки; вправо близко къ намъ горы, слѣва ровный

---

[1]) Т. е. имѣющихъ знамя желтое съ каймой.

увалъ, за которымъ скрылись горы, и только на СЗ. онѣ показываются. Въ 1½ мы поднялись на высокую равнину, съ которой можно-бы было видѣть и сѣдло въ хребтѣ близь р. Дэптэр, если-бъ не туманно; потому что всѣ горы, пройденныя нами вчера, ниже насъ. Въ 3½ ч. сразу спускаемся, идемъ по низкой мѣстности и въ 4¼ останавливаемся противъ Сайрэтэй (или Цэртэй сумэ), въ которомъ 8 или 9 ламъ. Одинъ дворъ, въ которомъ живутъ до 30 китайцевъ, торгующихъ китайскими товарами; у нихъ много скота, который тутъ скупаютъ. Здѣсь послѣдніе чахары, а отсюда идутъ баргуты, объ которыхъ первые говорятъ, что они лѣнивы, не запасаютъ даже аргала, тогда какъ чахары изъ овечьяго аргала дѣлаютъ кирпичи въ родѣ нашихъ кизяковъ.

Не доходя до ночлега, мы пересѣкли дорогу, идущую въ Долон-нор, до котораго отсюда ѣзды на лошадяхъ три ночи. По словамъ тѣхъ же монголовъ, отсюда до р. Хэрлюнъ ходятъ 20 дней.

25. Остались на дневку, чтобы передъ песками дать верблюдамъ отдохнуть и разспросить лучше объ дорогѣ.

26. Вышли въ 6¼. Прежнюю дорогу оставляемъ, потому что на ней много рытвинъ, вслѣдствіе промывовъ водой и отъ вѣтра. Идемъ безъ дороги близь китайскаго двора; уклоняясь къ З., направляемся къ увалу и подъ нимъ нападаемъ на торную дорогу, по которой и поднимаемся черезъ увалъ въ направленіи 35°ССЗ. въ 7 ч. 45 м., и отсюда опять впадаемъ въ направленіе на С., чуть уклоняясь къ З.; еще переходимъ два невысокихъ увала, тянущихся сюда отъ хребтовъ съ В. и З. и составляющихъ какъ-бы приниженіе между ними, и это называется Хэрэ-хада (связанные хребты).

Почва здѣсь глинисто-песчаная, красноватая, смѣшанная съ дресвой; трава отличная.

Черезъ 2½ ч. отъ ночлега доходимъ до озера Сабыин-нор, вправо отъ насъ; оно покрыто льдомъ и, говорятъ, не соленое, версты 2 въ длину и 1½ въ ширину, и сопка Сабту; а влѣво отъ насъ гора Адун-хада; это—невысокая сопка, наверху которой громоздятся гранитныя скалы. Къ В. отъ озера на значительномъ отдаленіи нѣсколько такихъ сопокъ и тоже покрытыхъ

камнями, издали черными и всѣмъ казались юртами съ кучами аргала около нихъ.

Почва, какъ и выше, глина съ пескомъ, иногда совершенно черная; на попадающихся камняхъ известковый налетъ, а далѣе и самые камни известняки. Идемъ по пологимъ уваламъ и черезъ 3 часа начинаются пески.

Покуда идемъ по твердому грунту; а по сторонамъ песчаныя возвышенія, очень низкія и неправильной формы; на В. виднѣются больше песчаные холмы.

Въ пескѣ, особенно по дорогѣ много крупной дресвы, а мѣстами довольно крупные камни какой-то твердой породы съ острыми изломами и краями, въ родѣ шифера.

Вправѣ одиноко стоитъ ильмовое дерево, непремѣнная принадлежность песковъ.

Шли песками 4 часа и стали у какого-то озера.

Войдя въ пески, нерѣдко встрѣчали маленькія озерца или натеки воды. Интересна сопка Адун-хада: на ней каменныя глыбы высятся какъ какія-нибудь зданія; нагроможденія каменьевъ въ родѣ стѣнъ до 5 саж. въ вышину, а между ними пространство въ родѣ корридоровъ; на нѣкоторыхъ камняхъ правильныя борозды; а на одномъ нагроможденіи нѣчто, похожее на искусственно сдѣланныя ступеньки, хотя сильно вывѣтрившіяся. Смотря назадъ, гора, бывшая вчера 45°, теперь 12° ЮЮВ., и еще плоская гора 35° ЮЮЗ.; впередъ смотря, все плоско.

Въ этотъ переходъ мы сильно уклонились къ З.

На всемъ переходѣ ни одного кочевья; трава, видимо, была хорошая, но выбита, вѣроятно, караванами и прогоняемымъ скотомъ.

Отъ Хэрэ-хада начались Баргуты хошуна Гули-цага [1].

27. Выходимъ въ 6¾ ч. Идемъ между небольшими неровностями: склонъ къ З; а на В. виднѣются песчанные холмы. Черезъ часъ на равнинѣ; кругомъ ровно, только сзади, особенно на ЮЗ., близко къ намъ выступаютъ горы; мы уклоняемся отъ С. къ В. град. на 5. Еще часъ идемъ по такой же мѣстности; грунтъ твердый изъ бѣловатой глины; попадаются озерца и на-

[1] Т. е. съ сплошнымъ бѣлымъ знаменемъ.

теки воды; видны слѣды песчаныхъ бугровъ, но самые бугры измыты вѣтромъ и водой и остались только окраины; трава по низкимъ мѣстамъ густая, но съѣдена скотомъ до земли. Потомъ черезъ часъ начинаются песчанные бугры, невысокіе, но крутые; дорога идетъ въ узкихъ проходахъ между ихъ обрывами и становится тяжела. Наконецъ, поперекъ намъ песчаный увалъ, мысомъ протянувшійся отъ стоящаго на восточной сторонѣ холма къ западному, соединяя ихъ. Передъ нимъ влѣво котловина съ тальникомъ и тутъ пріютилась юрта бѣдняка. На перевалѣ пробыли около получаса; а потомъ пошла дорога, хотя и по песку, но внизъ, и далѣе идетъ между песчаными увалами по ровному и твердому грунту, мѣстами только пересыпаннаго пескомъ, затрудняющимъ ходъ, и такого мѣста было на часъ. Затѣмъ пошла мѣстность, совершенно чистая отъ песковъ. Минуемъ стоящее вправо возвышеніе съ обономъ Эбэр-тэг, а впереди на очень низкой и плоской сопкѣ—Ара-тэг, тоже съ обономъ. Мы незамѣтно переходимъ увалъ, оставивъ послѣдній обонъ вправо, и вступаемъ на равнину, кочковатую, съ глинистой почвой, бѣлѣющею отъ солонца; замѣтно, что застаивается вода; кругомъ бѣлый дэресунъ, а вправо въ сторонѣ небольшое круглое озерцо и подлѣ него холмикъ, на которомъ 5 большихъ стройныхъ ильмовыхъ деревьевъ съ сорочьими гнѣздами.

Мы останавливаемся въ 3¾ ч. близъ колодца, у котораго стоятъ нѣсколько бѣдныхъ юртъ; въ одной изъ нихъ старуха съ дѣтьми; скота почти нѣтъ; кормъ порядочный.

Вся мѣстность представляетъ равнину, окруженную увалами, у подошвы которыхъ размѣстились песчанные бугры; на З. подъ уваломъ озерцо и въ него изподъ увала течетъ ключъ. Лама изъ гор. Алаша [1] побирается здѣсь уже три года и говоритъ, что тамъ прежде были очень богатые монголы и самый бѣдный имѣлъ 5 верблюдовъ, а другіе и по тысячѣ; а теперь ихъ раззорили инсургенты и китайскіе солдаты.

28. Вышли въ 6¾ ч. у. Сначала незначительный подъемъ на увалъ и черезъ часъ очутились въ песчаныхъ холмахъ, на которыхъ только хохолками попадается скудный тальникъ; они

---

[1] Очевидно изъ Алашани.

насъ покуда не тѣснятъ и дорога довольно тверда. Около 8 ч. влѣво плоскоконическая сопка съ обономъ изъ бѣлаго известняка; дорога только мѣстами пересыпана пескомъ; между холмами то и дѣло озерца и ледъ. Мѣстность такая, что не выдается ничего ни впереди на С., ни на З.; а на В. виднѣются сплошные песчаные холмы въ родѣ тѣхъ, между которыми проходимъ. На СВ. надо всею мѣстностью высится одинъ плоскій увалъ. Мы идемъ немного къ ССЗ., встрѣчаемъ песчаный увалъ, на переходѣ, черезъ который бились болѣе получаса; за нимъ другой такъ же, но перешли легче, хотя все-таки трудно; а съ него легко, потому что подъ гору. Черезъ часъ вступили на ровную твердую площадь и тотчасъ (12½ ч.) стали у гуджирнаго озера Матал, находящагося у насъ слѣва.

Оно вытянулось съ З. на В., въ окружности около версты; въ дальнемъ концѣ камышъ; ледъ совсѣмъ несоленый. Передъ нами песчаный холмъ, длинный, съ гребнемъ; съ него оріентируюсь: направленіе его, какъ и другихъ, съ З. на В., дорога впередъ идетъ на СЗ.; на В. за небольшою песчаною насыпью съ версту отъ нашего стана виднѣются два озера—одно съ наше, другое меньше; бугры песчаные на В. выше, чѣмъ на З.; остроконечныхъ, какъ на долоннорскомъ пути, здѣсь нѣтъ.

Снѣгу, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше; видно, однако, что его было немного, но стаялъ.

Трава довольно скудная и та съѣдена; зато множество аргалу. Тальникъ попадается только кое-гдѣ.

29. Выходимъ въ 7 ч. у. Идемъ сначала на СЗ.; черезъ часъ попали на дорогу, которая круто повернула прямо на З., оставивъ другую дорогу вправо; а это и была настоящая дорога. Понявъ потомъ свою ошибку, мы безъ дороги поворачиваемъ вправо и находимъ свою прежнюю дорогу. Вскорѣ попадаемъ въ пески; съ большимъ трудомъ перебираемся черезъ песчаные холмы и вступаемъ на равнину, на которой довольно большое озеро Сулійн-гол съ нѣсколькими стекающими въ него изъ подъ уваловъ ключами. Берега и окраины усыпаны камнемъ и почва кругомъ твердая, мѣстами каменистая и вездѣ налетъ соли.

Пройдя его, опять встрѣчаемъ пески въ видѣ уваловъ, которые мы и переходимъ съ большимъ трудомъ. Влѣво нѣсколько

сопочекъ изъ какого-то бѣлаго камня, съ которыми поравнялись черезъ 1¾ ч. ходу отъ озера; черезъ ½ ч. трудный перевалъ, потомъ спускаемся въ углубленіе, гдѣ отличный колодецъ съ корытцемъ изъ досокъ, обитымъ желѣзомъ; отсюда тотчасъ подъемъ еще труднѣе, и мы здѣсь промучались около двухъ часовъ; а между тѣмъ его можно было бы обойти, какъ мы увидѣли послѣ. Послѣ этого тотчасъ остановились подъ бѣлою сопкой въ 2¾ ч. и неподалеку къ З. озерцо или скопъ воды, откуда она течетъ къ В., гдѣ образуется большое озеро подъ хребтомъ Табун-ула-дзэргиле (пять сопокъ дзэргиле) и песчаными увалами. Наша сопка одна изъ пяти, находящихся въ хребтѣ. А озеро и вся мѣстность называлась Дунда-Матал (середній Матал). Дальше на В. тоже выдается рядъ сопокъ дзэргиле; но онѣ состоятъ изъ легкаго разрушающагося камня и потому являются болѣе округленными. Стоящая на З. большая бѣлая сопка Хаирхан, иначе Дзульга (Дулга?).

30. Вышли въ 7 ч. Сразу подъемъ и потомъ съ увала на увалъ все по песку. Черезъ часъ спускаемся въ широкую лощину, посрединѣ которой вдоль идетъ низкій пологій увалъ и по обѣ стороны дороги кочевья. Черезъ 50 м. выходимъ изъ этой долины и вступаемъ на плоскогорье, съ котораго далеко видно: задняя дорога наша 15° ЮЮВ., а сопка Дзульга почти на Ю. Спускаемся на широкую низкую равнину, по ту сторону которой дацанъ Гэнтэй-сумэ.

Почва твердая, глинистая, чуть сверху покрытая пескомъ; по низменности кочки, покрытыя верескомъ и кое-гдѣ чернымъ дэресуномъ. Видъ напоминаетъ Шабартэй-гоби. Посрединѣ равнины проходитъ небольшой песчаный увалъ, на которомъ другая растительность и бѣлые известковые камушки; а за нимъ то-же, что и передъ нимъ, и небольшой подъемъ; а влѣво упомянутый дацанъ. Построекъ немного; но чистенькія и новенькія; ламъ съ хувараками (учениками) до ста.

За нимъ тотчасъ поперечная дорога изъ Урги въ Долонноръ. Мы идемъ на ССВ., немного поднимаемся, потомъ спускаемся; проходимъ вправо колодезь съ хорошею водой и останавливаемся вблизи подъ увальчикомъ въ ложбинѣ. Мѣстность эта называется Хуа-толгой. Далѣе еще ложбина, въ которой

по обѣ стороны дороги кочевья. Самыя высокія горы виднѣлись на 10° ЮЮВ. и 15° ЮЮЗ. Впередъ идетъ подъемъ террасами, а за нимъ дальше спускъ и лощина со склономъ къ СВ. Въ одномъ увальчикѣ въ обнаженіи видно, что онъ состоитъ изъ песчаниковъ; подъ увальчикомъ песокъ не совсѣмъ бѣлый, нѣсколько дикаго цвѣта, и въ немъ попадается кремень.

31. Вышли въ 6½ ч. у.; идемъ безъ дороги прямо на С., полого поднимаясь, и черезъ часъ начался спускъ. Тутъ мы встрѣчаемъ двѣ дорожки; идемъ по лѣвой, отвѣчающей больше нашему направленію; далѣе и другая дорожка идетъ намъ параллельно; но обѣ онѣ уклоняются къ В., и потому мы бросаемъ ихъ, благо кругомъ гладь, почва твердая, глинистая, желто-красноватая, сверху чуть покрыта пескомъ. Впереди кругомъ низкіе увалы. Часа черезъ 2½ отъ стана проѣзжаемъ мимо юртъ и при нихъ много скота. Еще черезъ 1¾ ч. спускаемся въ лощину, въ которой водомоины, а на З. обрывъ въ небольшомъ возвышеніи изъ глины краснаго цвѣта. Это Уланхада. Кругомъ камни, все известковые, окрашенные тоже въ красный цвѣтъ, а попадается и кремень. Тутъ-же поперечная дорога, кажется, въ Бандиду.

Здѣсь дорога становится песчаная; мы пугаемся, но напрасно, потому что скоро же начинается и спускъ.

Растительность бѣдна; со вчера только попадается ковыль, а то все харгана и другой кустарникъ въ томъ-же родѣ съ золотистою кожей. Вправѣ колодезь; а дальше, говорятъ, нѣтъ ни воды, ни снѣгу (потомъ это оказалось ложью); поэтому мы, миновавъ колодезь, тотчасъ остановились на болѣе травянистой мѣстности, хотя было только 12 ч.

Мѣстность эта называлась Боргёту по растущему кучками кустарнику.

На всемъ этомъ переходѣ суниты.

Февраль.

1. Вышли въ 6 ч. 40 м. у. Пройдя около часа, влѣво впадина и въ ней покопано; вѣроятно, рыли колодезь и, не найдя воды, бросили, и тутъ видно, что подъ песчанымъ верхнимъ слоемъ находится красная глина; идемъ 20° ССВ.; вдали виденъ хребетъ; но передъ нимъ еще рядъ уваловъ, которые не даютъ

хорошо его видѣть; черезъ часъ видимъ сопку въ томъ хребтѣ, а ближе къ намъ подъ уваломъ бѣлѣетъ снѣгъ и видны стойбища. Почти черезъ 3½ ч. отъ стана идемъ на 10° ССВ. и тутъ встрѣчаемъ поперечную большую дорогу, идущую прямо на СВ. Мѣстность представляетъ равнину; влѣво кочевья и около нихъ много скота; два стада верблюдовъ. Это—Будзыйн-гоби. Черезъ 2½ ч. идемъ черезъ увалъ; влѣво почти на ровномъ, безъ сопки обонъ, и далѣе опять увалъ. Черезъ полчаса направленіе 15° ССВ.; идемъ все черезъ увалы и тутъ увидѣли сопку, которую видѣли утромъ, а послѣ она скрылась. Почти черезъ часъ спускаемся въ логотину, въ которой влѣво юрты; мы идемъ черезъ неё, а внизу въ другой, подходящей къ ней лощинѣ храмъ Баин-нур, и при ней хорошій колодезь: аршина полтора до воды, и воды на сажень. По мѣстности видно, что тутъ когда-то было большое озеро, впослѣдствіи высохшее.

Храмъ новенькій; постройки немного и ламъ мало. Въ храмъ посылали за водой и получили; а затѣмъ пошли дальше. Спустились на низкую равнину, съ глинистой почвой, кочковатой, покрытой бѣлымъ дэресуномъ, мелкою солонцовою лебедой, верескомъ и какимъ-то кустарникомъ съ узенькими красными листочками. Отсюда поднялись и по длинному спуску приблизились къ давно усмотрѣнной нами горѣ Хуху-ула; но не подошли къ ней совсѣмъ, а, увидѣвши хорошій кормъ, стали въ 4 ч. поп.

2. Вышли въ 7 ч. 25 м. и направляемся вправо отъ сопки Хуху-ула. Къ ней съ В. подходитъ увалъ, принижаясь, и мы идемъ въ это приниженіе. Вдали на В. виднѣются Дзэргиле. Встрѣчаемъ стадо верблюдовъ и вправо 7 юртъ. Въ 9 ч. мы подходимъ къ этому приниженію; черезъ 20 м. поравнялись съ Хуху-ула и идемъ пораллельно хребтику, или, лучше, высокому залавку, на которомъ она стоитъ.

Подъ нею стадо рогатаго скота и овцы; 6 юртъ, обтянутыхъ свѣжимъ войлокомъ; лама богатый, въ черной бархатной курмѣ. Мѣстность называется Хуху-гэдзэгэ.

Тутъ мы остановились для покупки барана и простояли 1¼ ч.; тронулись въ путь около 11 ч. черезъ увалъ. Когда поднялись, то передъ нами открылась широкая равнина и да-

леко на В. группа высокихъ сопокъ. Самая выдающаяся Богдо-ула 70° ВСВ. отъ насъ; а затѣмъ три сопки Гурбун-тал-ула (три сопки на равнинѣ) въ другой плоскости отъ первой.

Черезъ полчаса послѣ этой остановки начинаетъ попадаться лава, сначала глыбами и кучами, а потомъ идетъ сплошь; изъ нея состоитъ вся равнина, загроможденная всюду торчащей и образующей разныя фигуры лавой. Вслѣдствіе неровности поверхности мы шли, виляя и выбирая промежутки между ними, и въ 2½ ч. пополудни достигли высшей точки. Спускаемся по краю лощины, идущей по лѣвую сторону, и видимъ въ ней кочевья, куда посылали за водой. Мѣстность эта называется Бородэресу. Вышли на увалъ и въ 2 ч. 50 м. встрѣтили дорогу, идущую подъ 30° съ ССЗ. изъ Урги въ Долон-норъ, не заходя въ Бандиду, которая, по словамъ монголовъ, отсюда должна быть на СВ. (?). Идемъ болѣе на С. Впереди виднѣется окраина, вся чернѣющая сопками и грядами, а за нею высокая равнина почти безъ камней. Мы подходимъ къ этой окраинѣ, у подошвы которой приниженіе, и въ немъ останавливаемся въ 3¼ ч.

Мѣстность назыв. Хундулун (локоть, загибъ).

Вокругъ много разнаго скота.

Вчера окончились Суниты; а тутъ идетъ хошунъ Абага-дзасака; съ З.-же подходятъ владѣнія Мэргэн-вана.

3. Вышли ок. 7 ч. у. Поднялись на окраину по неглубокой подушкѣ и продолжаемъ подниматься постепенно на высокую равнину, а достигнувши высшей точки, увидѣли впереди группу горъ, которая вчера была у насъ 10° ССЗ., и между ними выдаются двѣ, одна вправѣ Бага-гадзар, другая влѣвѣ Цэл-гурбу-обо, между ними мы и проходимъ. Въ 8½ ч. мы на спускѣ крутомъ, но короткомъ; такъ что черезъ ¼ ч. были уже внизу, на низкой равнинѣ. Вправѣ сопочка съ обономъ и за нею 5 юртъ. Идя между горъ, вступаемъ потомъ въ котловину, имѣющую здѣсь ширину до 5 в.; по ней всюду виднѣются обломки лавы, а далѣе кварцы и песчаники. Хорошая трава вездѣ. Поэтому много юртъ и разнаго скота крупнаго рогатаго, овецъ, верблюдовъ и нѣсколько сотъ лошадей. Мѣстность называется Гурбун-цэл-ула.

Въ 10 ч. 40 м. у послѣднихъ юртъ останавливались на 40 м.

Идемъ на сопку впереди Могой-ула (змѣиная гора); она плоская и стоитъ какъ бы на залавкѣ. Въ 1 ч. дѣлаемъ незамѣтный перевалъ и забираемъ влѣво, огибая подошедшій справа мысъ, подъ которымъ 6 юртъ. Черезъ 25 м. поперечная дорога 30° ССЗ., еще черезъ 25 м. еще дорога 20° СЗЗ., а Богдо-ула ЮЮВ. Достигли перевала въ кряжѣ подъ г. Могой-ула въ 3 ч., откуда задняя дорога наша идетъ 10° ЮЮЗ., а Бага-гадзар 20° ЮЮЗ. Въ 4 ч. остановились у ключа Хобури-булак.

Ключъ этотъ лежитъ въ пологомъ неширокомъ углубленіи, гдѣ и собирается вода, какъ въ бассейнѣ, а вытекаетъ сразу сильною струей тутъ-же изъ подъ обрыва, состоящаго изъ глины, и, наполнивъ углубленіе, идетъ потокомъ далѣе сначала Ю., а послѣ поворачиваетъ къ В., гдѣ скоро и теряется. Вытекая, онъ замерзаетъ и образуетъ ледъ чистый прозрачный, прекраснаго синяго цвѣта. Дѣлаемъ прорубь, и вода оказывается такою-же прозрачною; но эта вода горькая, обладающая особыми свойствами, какъ извѣстная вода Гуніади-Яношъ, вслѣдствіе чего монголы и стоятъ далеко отъ этого ключа и оберегаютъ отъ него свою скотину. У насъ одинъ бурятъ попилъ этой воды и у него ночью открылся такой поносъ съ рѣзью въ животѣ, что мы изъ-за него на другой день простояли до полдня. Такимъ образомъ, мы остались безъ чая; а для приготовленія кушанья и чая кирпичнаго собирали снѣгъ ковшичкомъ съ травы, такъ какъ слоемъ на землѣ онъ не лежалъ. Мы простояли здѣсь главнымъ образомъ ради нашего расхворавшагося бурята Цэрена, которому однако помогли средства нашей походной аптечки; а въ то-же время мы поисправили кое-какую сбрую для упряжи, нажарили лепешекъ на салѣ и тронулись въ путь только въ 2 ч. поп.

4. Идемъ на СВ.; равнина, покрытая травой, немного снѣгу; при закатѣ солнца лучи его падали такъ, что вся мѣстность казалась зеленою, точно лѣтомъ.

Остановились въ 6 ч., пройдя падушку, въ которой вправо двѣ-три юрты, и приподнявшись немного на гору, состоящую изъ лавы. Вправѣ кое-гдѣ юрты и колодезь.

Отсюда Богдо-ула стоитъ почти на Ю., съ весьма незначительнымъ уклоненьемъ къ З.; Бага-гадзар 23° ЮЮЗ., Цэл-гурбун на 45°; со вчера подвинулись къ В. ок. 25°.

5. Вышли въ 7 ч. у. Переваливаемъ черезъ низкій лавовый кряжъ, идущій съ ЮВ. и какъ будто отдѣляющійся отъ главнаго, находящагося далеко на В. столоваго хребта. Держимся чуть влѣво отъ ряда столовыхъ сопокъ не совсѣмъ опредѣленной формы. Съ этого кряжа спускаемся на широкую равнину со склономъ къ СВ. и впереди виднѣется залавокъ; ок. 8 ч. встрѣтили дорогу, идущую 20° ССЗ.; дѣлаемъ остановку на 10 м. для смазки телѣгъ, а въ 9 ч. 22 м. на лавовомъ уступѣ, съ котораго спускаемся въ большую подь, идущую на ЮЮВ.

Здѣсь оканчивается, хошунъ Абага-дзасака и пошли Урянхи подъ управленіемъ Абага-вана (см. путь впередъ отъ 4 ноября).

Влѣво пріютилась одна юрта, по долинѣ шли одноколки съ аргаломъ и видно нѣсколько тропинокъ и слѣдовъ колесной дороги, что указываетъ на существованіе болѣе значительнаго поселенія; но мы выходимъ изъ долины на равнину, при чемъ измѣняемъ направленіе на 15° ССВ.; Богдо-ула еще подвинулась къ З., а впереди на 40° ССЗ. виднѣется бѣлая, покрытая снѣгомъ сопка и отъ нея къ В. поперекъ намъ тянется хребетъ, въ которомъ мы намѣчаемъ два распадка, оба по 10°, одинъ къ В., другой къ З. Здѣсь мы остановились на 2 ч. 40 м. (причину не помню, а въ дневникѣ не записано); тронулись въ 12¾ ч.; въ 2 ч. 40 м. идемъ черезъ увалъ, а въ 3½ ч. справа видимъ валъ неопредѣленной формы (не естественный-ли?) и наконецъ попали въ распадокъ, который намѣтили съ утра 10° ССВ.; въ немъ и остановились въ 6 ч. Воду добываемъ изъ снѣга.

Вся мѣстность ровная, только кое-гдѣ курганчики; почва суглинистая, красноватая; съ отличною травой; видны кучи аргала, далеко бродитъ скотъ; но юрты мало гдѣ видны; поэтому пустынно.

Въ одномъ мѣстѣ валяется человѣческій черепъ, а въ другомъ мертвый человѣкъ. Онъ не былъ зарытъ глубоко, только засыпанъ землей, которая осѣлась и осыпалась; а тогда ноги, согнутыя, колѣнками къ верху, обнаружились; все тѣло обернуто въ синюю дабу; положеніе головой къ З. Повидимому трупъ здѣсь лежитъ давно и не нашлось ни собаки, ни одного звѣря—волка, лисицы или др., чтобы его по крайней мѣрѣ обгрызли. Люди-же, очевидно, не приближаются къ нему и не ставятъ по близости своихъ юртъ. Черепъ подобралъ.

6. Вышли въ 6½ ч. у. ок. 8 ч., виляя, но главнымъ образомъ держали направленія 30° ССВ., переваливаемъ мысъ состоящій изъ лавы (внизу есть и другія породы), и вступаемъ на равнину, по которой идутъ водомоины въ родѣ рѣчныхъ руслъ, направляющихся къ ЮВ. Тутъ влѣво въ падушкѣ 5 юртъ и деревянная будочка; много скота; въ самомъ низу небольшой храмъ, сложенный изъ дикаго камня, съ крышей изъ черепицы, выгнутой, какъ вообще это бываетъ въ храмахъ, и одна мазанка для жилья; впереди на мыскѣ обонъ, внизу колодезь. Приблизившись къ храму, увидѣли высохшее озеро Байнур (Баин-нур), а храмъ, собственно дугунъ, назыв. Ганджур-шутэн, потому что въ немъ хранится священная книга *ганджур*, для чтенія которой сюда съѣзжаются ламы въ извѣстное время.

Здѣсь мы простояли 23 м. и пошли безъ дороги, оставивъ влѣво храмъ и обонъ, въ направленіи 20° ССВ. Идемъ по равнинѣ и въ 9¾ ч. на лавовомъ кряжѣ, съ котораго скоро спускаемся и встрѣчаемъ безводныя озера. Въ 10 ч. 50 м. встрѣчаемъ дорогу и идемъ по ней 10° ССЗ.; но бросаемъ, видя, что она насъ отводитъ отъ главнаго направленія, и въ 12¼ идемъ по дорогѣ въ прежнемъ нашемъ направленіи; сдѣлавъ перевалъ между сопками, въ 12 ч. 40 м. спускаемся, имѣя влѣво колодезь, а вправо озеро со льдомъ; эта мѣстность назыв. Норту. Простояли тутъ 13 м. и идемъ по ровному; въ 2 ч. поп. спустились ниже на равнину, открытую къ В., а на З. отъ него гора съ обономъ Халдзангэй-обо, по которой и степь назыв. Х.-г.-обо-тала. Тутъ кочевья и много скота. Мы идемъ далѣе между горъ, огораживающихъ эту равнину съ С., и тутъ влѣво Шергин-ула, а вправо большая сопка Буин-дэлгэр. Пройдя еще немного между сопками, въ 3½ ч. останавливаемся на другой равнинѣ подъ сопкой.

Всѣ сопки и увалы, черезъ которые и между которыми мы проходили, составляютъ отроги большого хребта, находящагося на З., и состоятъ сверху изъ твердой, зернистой породы чернаго цвѣта или бѣловатой, на половинѣ высоты песчаники; попадаются сопочки чисто лавовыя.

На всемъ переходѣ встрѣчалось много дорогъ, которыя насъ и путали.

7. Вышли въ 7 ч. Влѣво, немного впередъ на мыскѣ стоятъ дугуны и юрты; мы оставляемъ ихъ влѣво и направляемся противъ идущаго намъ поперекъ хребта въ распадокъ 25° ССВ. Сначала идетъ мѣстность совершенно ровная, потомъ легкій подъемъ, на идущій намъ поперекъ лавовый кряжъ, откуда опять слегка поднимаемся и видимъ впереди обрывы, какъ стѣны; это оказались песчаные холмы и увалы, расположившіеся у подошвы хребта, гдѣ ихъ разносятъ господствующіе здѣсь западные и сѣверо-западные вѣтры.

Между ними твердая, глинистая почва съ хорошею травой; по обѣ стороны виднѣются юрты и скотъ.

Въ 9 ч. вступаемъ въ устье долины, по которой идетъ распадокъ въ хребтѣ. Идемъ почти ровно, по обѣ стороны пологоконическія каменныя сопки, а дорога песчаная. Вскорѣ подходимъ къ юртамъ (четыре), при которыхъ много скота, и тутъ намъ сказали, что это Тахэч-обо-ула. Отсюда некрутой подъемъ до 10 ч., а спускъ крутой и довольно длинный (11 м.). Тутъ внизу колодезь съ деревяннымъ корытцемъ возлѣ него, но забитый снѣгомъ, брошенный, и поперечная дорога; кормъ кругомъ выбитъ. Тотчасъ опять подъемъ на крутой гребень; поднимались 20 м., спускались 6 м., и по другую сторону, въ полугорьѣ около 20 юртъ; изъ нихъ одна больше и чище другихъ, совсѣмъ бѣлая, это—Цаган-обо-дугун. Видны большіе запасы аргала и на многихъ мѣстахъ замѣтны слѣды стоявшихъ тутъ юртъ, отъ времени, когда былъ большой съѣздъ на моленіе. Въ самомъ низу коническая сопка и на ней большой обонъ изъ камня, но не бѣлый, какъ указывало-бы его названіе *цаган*. Другой обонъ за юртами на хребтѣ. Теперь насъ вела сюда свѣжая дорога, недавно проложенная и много слѣдовъ ѣзды на колесахъ. Много здѣсь и дорогъ, мы избираемъ идущую на перевалъ черезъ хребетъ. Дорога эта идетъ въ полугорьѣ, не спускаясь внизъ, и потому пологая; но намъ, спустившимся до низа, подниматься было тяжело, и добрые верблюды усиленнымъ ходомъ вышли за 1/4 ч., а покуда собрались всѣ верблюды, привелось ждать 25 м. Съ подъема мы увидѣли, что долина эта широкимъ устьемъ выходитъ въ юго-запад. направленіи на ту самую равнину, съ которой мы пошли прямо на перевалъ хребта, чего могли избѣжать.

На В. отъ насъ Хадатэ-обо.

Идемъ, спускаясь, по уваламъ, виляемъ, вслѣдствіе пересѣкающихъ намъ путь падушекъ; но главное направленіе 30° ССВ. Послѣ 12 ч. спустились въ логотину, гдѣ 2 юрты собираются перекочевывать, а другія уже перекочевали. Одна дорога пошла вдоль пади на С.; мы идемъ другою, правѣе и въ 12 ч. 20 м. переходимъ лавовый увалъ, въ которомъ есть и другія породы—гранитъ, глинистые сланцы, а сверху песчаный наносъ.

При спускѣ наверху 2 кургана, очевидно, насыпанные людьми, а внизу 4 юрты, недавно прикочевавшія, и множество скота. Нѣсколько разъ, то спускаясь, то поднимаясь, переходя увалы и равнины, встрѣчая то и дѣло попутныя или поперечныя дороги, мы выходимъ, наконецъ, на равнину, на которую изъ одной пади вытекаютъ два хорошіе ключа и, соединившись здѣсь, идутъ куда-то на ЮВ.

Тутъ мы останавливаемся въ 4 ч. 10 м.

На самомъ высокомъ гребнѣ, послѣ подъема отъ Цаган-обо граница двухъ горныхъ породъ: на южной сторонѣ гранитъ и на самомъ верху нагроможденія его; а на сѣверной глинистые сланцы; и почва на южной сторонѣ песчаная, на сѣверной глинистая. Но далѣе всѣ породы являются смѣшанными.

8. Вышли въ 6½ ч. у., идемъ по пади, переваливаемъ въ другую, потомъ еще, мѣняя направленіе то С., то В., но больше держась перваго; въ 7½ ч. остановка на 12 м. для смазки телѣгъ и тутъ влѣво 4 юрты, при которыхъ 33 штуки коровъ съ телятами и быковъ, но плохенькихъ. Отсюда мы вступаемъ въ падь, которая расширяется тѣмъ, что въ неё впадаютъ нѣсколько другихъ побочныхъ долинъ, и она направляется на З., а дальше заворачиваетъ на СЗ.. Мы перерѣзываемъ её въ сѣверномъ направленіи и поднимаемся на стоящій за нею гребнемъ хребетъ. Наверху его мы встрѣчаемъ гранитныя нагроможденія—то въ видѣ развалинъ замка, то въ видѣ какого-то чудовища, иногда въ видѣ колонны, а около кружками расположены мелкіе камни будто стадо овецъ. Кругомъ такія-же гранитныя коническія невысокія сопки. За этимъ идетъ опять долина широкимъ устьемъ къ В., и её мы переходимъ, направляясь на С., и влѣво при спускѣ встрѣчаемъ мысъ бѣлаго

кварца, мѣстами окрашеннаго въ голубой цвѣтъ. Далѣе и съ правой стороны идутъ кварцевыя сопки.

Вступаемъ въ новую долину съ расширеніемъ къ В. и тутъ слѣва подъ мыскомъ колодезь Шанда-худук; глубина его сажени 2, но его забило снѣгомъ; при немъ деревянное корытце и сдѣланный изъ глины круглый бассейнъ для наливанія воды.

По этой пади, которая подошла сюда съ С., полого поднимаемся и въ 9 ч. 22 м. находимся на крутомъ спускѣ, откуда видимъ внизу Цаган-чулутэй-дугун; черезъ ¾ ч. мы у самаго дугуна.

Мѣстность представляетъ широкую котловину, куда со всѣхъ сторонъ радіусами сходятся пади; а посрединѣ возвышеніе, на которомъ находится дугунъ.

Въ то время онъ представлялъ собою только остовъ, состоящій изъ столбовъ и крыши изъ досокъ; а въ свое время онъ обтягивается дабой; при немъ еще амбарчикъ, покрытый китайскою рогожей и войлокомъ, вѣроятно, жилое помѣщеніе; влѣво небольшая сопочка съ обономъ. Тутъ же до 16 юртъ; но народу почти не видать.

Далѣе идемъ все также легкими перевалами изъ пади въ падь, держимся направленія С. и только при перевалахъ дѣлаемъ короткія уклоненія къ В. Въ 12 ч. на перевалѣ обонъ на сопкѣ влѣво; спускаемся въ обширную падь съ болотными кочками; по ней длинныя промоины, сухія озера, но нигдѣ ни воды, ни льду не видать; мелкая болотная трава. Падь эта пошла къ СЗ., а мы идемъ вправо и, когда стали изъ нея подниматься въ 1 ч. 10 м., увидѣли идущій намъ по пути въ гору, прямо на С. валъ.

Но дальше направленіе его не совпадало съ нашимъ; поэтому, чтобы прослѣдить его, мы, предоставивъ каравану идти своею дорогой, отдѣлили отъ него 6 телѣжекъ, ненагруженныхъ товаромъ, а съ одними сѣдоками, и съ ними пошли сначала по самому валу, а потомъ рядомъ съ нимъ, по лѣвую его сторону. Конечно, намъ привелось попадать въ узкія мѣста, гдѣ не было никакой дороги и встрѣчать большія затрудненія; но, тѣмъ не менѣе, намъ удалось прослѣдить валъ на протяженіи около 8 в. (почти 1¾ ч.).

Онъ начинается незамѣтно съ «нѣтъ», а далѣе все больше обозначается. Слѣва рядомъ съ нимъ замѣтно нѣчто въ родѣ канавы, можетъ быть, выемка земли для его же насыпи, и онъ возвышается надъ нею почти на сажень при ширинѣ въ двѣ сажени. Но вообще онъ присѣлъ, осыпался и мѣстами совсѣмъ мало замѣтенъ. Немного отойдя отъ его начала, влѣво мы встрѣтили другую идущую рядомъ съ нимъ насыпь, довольно высокую, но плоскую; это было въ углубленіи. Идя сначала на С., онъ на перевалѣ склоняется къ В. и въ первой-же пади внизу его совсѣмъ не видать; но на подъемѣ изъ пади валъ показался снова; и тутъ подъ снѣгомъ оказалась дорожка, по которой мы и шли въ направленіи 25° ССВ. Потомъ мы переходимъ ключъ и тутъ влѣво отъ насъ и отъ вала окруженная насыпью квадратная площадь, каждая сторона которой саженъ по 20. Въ послѣдней котловинѣ, выйдя изъ которой, въ 2 ч. 5 м. мы соединились съ караваномъ, валъ исчезъ, и дорожка наша пошла прямо на В. Въ 2½ ч. слѣва, съ ЮЗ. подошла къ намъ падь, въ которой мы увидѣли валъ въ направленіи 25° ССВ. и пошли опять вмѣстѣ; черезъ 7 м. около вала оказалась канава саженъ 40 длины и 3 ширины; мы идемъ по правую сторону и вмѣстѣ съ нимъ виляемъ по пади. Онъ становится все болѣе плоскимъ; и наконецъ, совсѣмъ сглаживается, и мы переходимъ черезъ него на лѣвую сторону; а онъ, можетъ быть, возстановляется гдѣ нибудь дальше къ В.

Сдѣлаемъ теперь маленькое дополненіе къ описанію мѣстности.

Отправившись за валомъ, мы сдѣлали легкій перевалъ въ падь, замкнутую съ В. и тутъ надъ нею высилась съ нагроможденіями камней коническая сопка Миту-ула[1], у подножія которой было нѣсколько меньшихъ сопокъ и выступали мыски внутри пади; а въ самомъ низу виднѣлся круглый бассейнъ воды въ родѣ озера съ истокомъ къ З., который дальше поворачиваетъ къ Ю. Это—Митыин-нур и булак. Вода въ нихъ видимо пробивается наверхъ, и ледъ, очень чистый, при истокѣ

---

[1] Или Мыту-ула.

поднять на аршинъ, что указываетъ на бьющіе снизу, изнутри ключи.

Въ 2 ч. 15 м. мы поровнялись съ сопкой, стоящей въ сторонѣ на В., Цаган-обо, самою высокой между окружающими другими сопками, и отъ нея начинается уже хошунъ Цэ-дзасака [1]. Отъ него идетъ къ З. водомоина, какъ сухое ложе рѣки, и дальше это оказывается дѣйствительно р. Хадаин-гол, на которой мы и стали въ 4 ч. Съ правой стороны подходитъ широкая падь, по которой и изъ нея поперекъ намъ идетъ большая дорога; а еще раньше отъ Чулутэй-дугуна пошла дорога въ направленіи 70° ВСВ., какъ говорятъ, на Хан-нур—Джаргаланту.

Трава вездѣ отличная. Снѣгъ начался, какъ только прошли Хуа-тологой; а въ послѣднемъ хребтѣ, гдѣ Миту-ула, очень глубокій и сплошной; по выходѣ изъ горъ опять становится меньше.

9. Выходимъ около 7 ч. и впервые вступаемъ на большую проѣзжую дорогу, идущую на С. Увалы съ лѣвой стороны все понижаются; вправо идетъ рѣчка, а за нею сопки изъ остроконечныхъ дѣлаются плоскими, высокія горы становятся увалами. Часа черезъ полтора отъ стана подошла справа долина и по ней отдѣлилась отъ насъ дорога въ дацанъ Іогудзар-ламы. Затѣмъ выходимъ на высокую равнину: къ З. мѣстность совсѣмъ открытая и въ отдаленіи виднѣются 4 сопки, какъ будто поставленныя на совершенно гладкой, низкой равнинѣ; а на В. продолжаются увалы съ низкими сопками и рѣка шла прочь отъ насъ къ СВ. Спускаемся: передъ нами широкая долина, на соединеніе съ которой другая подходитъ съ З. и у этой послѣдней въ вершинѣ видны еще три маленькихъ падушки, откуда выпадаетъ р. Хада-могой-гол, сначала сухая, и направляется на ССВ. Мы переѣзжаемъ сухое русло, поросшее бѣлымъ дэресуномъ, и идемъ вдоль ея долины подъ увалами съ лѣвой стороны; и она уходитъ далеко отъ насъ подъ увалы на В. Черезъ 1¼ отъ спуска увалы слѣва отодвигаются; мы достигли какъ будто устья долины, и еще черезъ ¼ ч. съ З. идетъ поперекъ намъ низкій кряжъ изъ лавы, которая попадалась намъ по дорогѣ тотчасъ-же, какъ только отошли отъ ночлега. Въ сто-

ронѣ виднѣются маленькія сопочки, состоящія, кажется, тоже изъ лавы. Кряжъ этотъ отодвигаетъ рѣку далеко къ В. и заставляетъ её сдѣлать здѣсь крутой поворотъ. Мы идемъ черезъ кряжъ на СЗ., а черезъ 1 ч. 23 м. рѣка воротилась къ намъ и ударилась на ЗСЗ. подъ высокій утесистый берегъ и, сдѣлавши тамъ колѣно, гдѣ въ неё впадаетъ еще ручей съ З., уходитъ на С. Противъ насъ на другомъ берегу рѣки внизу лежатъ гранитныя глыбы; а далѣе по обоимъ ея берегамъ лава, составляющая какъ бы основаніе подъ гранитными сопками. Мы переѣзжаемъ рѣку; она здѣсь саженъ 6 или 7 въ ширину и называется Хана-хада-гол. Отсюда мы тотчасъ слегка поднимаемся и идемъ на 23° ССЗ. Справа мысомъ подходитъ къ намъ пологій увалъ, до сихъ поръ отодвигавшій насъ къ З. Противъ насъ одиноко стоитъ пологая сопка съ обономъ Хонгор-обо и за нею еще двѣ сопочки рядомъ. Рѣка, пройдя по лѣвую сторону Хонгор-обо, поворачиваетъ къ СЗ., гдѣ открывается безконечная равнина; и мы забираемъ къ В., чтобы только обогнуть подошедшій съ З. мысъ, послѣ чего опять поворачиваемъ къ З. и тутъ встрѣчаемъ широкое русло той-же рѣки, текущей на В. и называющейся здѣсь Хана-хонгор-гол; переходимъ её по льду и, пройдя немного вдоль ея русла, заросшаго дэресуномъ, поднимаемся на пологій, но высокій увалъ. Поднявшись, мы видимъ, что это плоская, неширокая гора; влѣво поодаль сопочка съ обономъ, а ближе къ намъ другая такая-же. Передъ нами равнина съ едва замѣтною посрединѣ ея выпуклостью; съ В. ея увалы, а за нею невысокій хребетъ. Далеко на З. видимъ сопку Богдохан-ула въ видѣ очень правильнаго конуса. Спускаемся и идемъ по равнинѣ; гладкая, чуть волнообразная поверхность; трава густая, но съѣдена; почва мягкая и вдругъ попадаются сначала куски лавы, а потомъ и лавовый кряжъ, идущій тамъ поперекъ; посрединѣ его обонъ; потомъ крутенькій спускъ, какъ съ залавка, и опять гладь, лавовый кряжъ идетъ здѣсь длинною дугой: сначала къ В., потомъ загибаетъ на СВ., С. и къ З., гдѣ дѣлаетъ еще загибъ къ Ю.; но далеко ли идетъ, не видать.

Пройдя еще съ полчаса, въ $4^1/_4$ ч. мы останавливаемся въ мѣстѣ, называемомъ Булун-тохой [изгибъ локтя (?)]. На всемъ пути,

мѣстахъ въ трехъ попадались кочевья, но скота почти не видать; есть кочевья и здѣсь, все бѣдняки и уже приходили къ намъ просить.

Мѣстность дѣйствительно представляетъ пзгибъ: на В. виднѣется высокій, стѣной поднимающійся берегъ рѣки, называющейся Толай [прежняя (?)], съ Ю. лавовый кряжъ, на З. тоже возвышенія, и только къ С. открыто, идетъ равнина.

Богдохан-ула отъ насъ на 60° ЗЮЗ., отсюда до Ацету-улан-хошуна [1] (на переднемъ пути), говорятъ, можно доѣхать за два дня.

Отдѣлившаяся отъ насъ дорога къ Іогудзар-ламѣ пошла вправо по распадку въ хребтѣ и очень торная. Дацанъ этотъ пользуется извѣстностью немного меньше Бандида-дацана. Въ немъ, какъ мы говорили, считаютъ до 1000 ламъ и три хубилгана (пророка, святого): Биширэлту померъ, а новый на его мѣсто пока не найденъ; остаются Іогудзар-лама—теперь трехъ лѣтъ и Халдзан-ширету—старикъ.

10. Выходимъ въ 6½ у. и продолжаемъ идти по равнинѣ въ прежнемъ направленіи 23° ССЗ. Меньше, чѣмъ черезъ полчаса, переходимъ водомоину съ кочками и дэресуномъ, идущую съ З., откуда поднялись на незначительную выпуклость съ легкимъ склономъ на С. Это—родъ естественнаго вала, идущаго на З. и тамъ загибающагося къ С. Черезъ 20 м. мы спустились съ небольшого уступа, и тутъ попадаются куски лавы. Вправо отъ дороги выложенъ изъ камней четвероугольникъ сажени 3 длины и 1½ арш. ширины; а далѣе круглая кучка камней, тоже, должно быть, сдѣланная. Справа въ сторонѣ виднѣется крутой увальчикъ изъ лавы и подъ нимъ течетъ рѣка, загибаясь къ намъ. Лава на нашей сторонѣ выступаетъ отдѣльными кучками, а по ту сторону рѣки идетъ кряжемъ.

Около получаса идемъ до русла рѣки Толай, и слѣва подошла долина устьемъ въ рѣку, которая отсюда поворачиваетъ на С.; но тамъ, ударяется въ высокій крутой берегъ и опять поворачиваетъ къ В.

Мы отъ русла рѣки поднимаемся, и съ высоты видно, что лавовый залавокъ за рѣкой опускается въ долину, за которой идетъ увалъ выше. Мы продолжаемъ подниматься и идемъ

[1] Или Ацату-улан-хошун.

почти прямо на С.; при спускѣ опять видимъ тотъ берегъ рѣки. Отсюда Богдохан-ула—50° ЗЮЗ.

Болѣе двухъ часовъ мы идемъ, то поднимаясь, то спускаясь, а относительно пройденной мѣстности становимся выше и вступаемъ на высокую равнину съ легкимъ склономъ къ С. За нею виднѣется невысокій, но крутой увалъ. Рѣка ушла далеко на ВСВ., и тамъ, говорятъ, теряется въ равнинѣ.

Вскорѣ встрѣчаемъ лавовый кряжъ, переходимъ его за 15 м.; идемъ въ долинѣ по мягкой почвѣ и опять лава. Черезъ ¾ ч. спускаемся съ лавы; идемъ по волнообразной мѣстности и еще черезъ ¾ ч. спустились въ кочковатую лощину съ дэресуномъ, вправѣ озерцо гуджирное, а черезъ 1¾ еще такое же; мы поворачиваемъ немного на СВ. и опять подъ 30° ССЗ. останавливаемся въ долинѣ Цаган-дэрсун въ 4½ ч.

Богдохан-ула 40° ЗЮЗ.

11. Выходимъ въ 8 ч. у. въ направленіи 30° ССЗ. и забираемъ до 60°, куда подвигаетъ насъ увалъ, идущій съ В.; Богдохан-ула прямо на Ю. Переходимъ увалъ, который выше оставленныхъ нами сзади, и вступаемъ въ устье долины, изъ которой идетъ сухая водомоина, поворачиваемъ вправо и поднимаемся въ направленіи 20° ССЗ.

Черезъ часъ вправо ключъ; переходимъ нѣсколько увальчиковъ, постепенно поднимаясь, и черезъ 50 м. идемъ по высокой равнинѣ, которая впередъ также поднимается, и черезъ часъ достигаемъ высшей точки, откуда позади все кажется ниже. Съ ЮВ. идетъ хребетъ наперерѣзъ намъ, а другой идетъ съ З. Первый къ намъ ближе; но прежде передъ нами широкая и глубокая долина. При спускѣ обонъ; спускаемся цѣлый часъ въ направленіи 25° ССЗ. Выходимъ изъ долины, круто поворотивъ влѣво, т. е. на З. и, оставивъ главную дорогу, направившуюся вверхъ по долинѣ къ З., мы идемъ маленькой дорожкой черезъ мысъ; переваливаемъ его, идемъ широкою лощиной и попадаемъ въ распадокъ въ хребтѣ; проходимъ по нему почти по ровному между горами справа и слѣва; направленіе 40° ССЗ., такъ шли болѣе двухъ часовъ и, еще встрѣчая на пути отдѣльныя сопки, обходя ихъ и перерѣзывая небольшія долины, останавливаемся въ 5 ч. 10 м. въ долинѣ Бултай.

Когда перешли хребетъ, то встрѣтили сначала одну бѣдную юрту, а послѣ 4 юрты; между ними одна больше другихъ и въ ней живетъ *тусалакчи* (чиновникъ), который при томъ *ба тур*—богатый [1].

12. Вышли въ 6¼ у. Поднявшись изъ долины, болѣе двухъ часовъ идемъ до р. Баин-гола и переходимъ его посуху; а въ верхнемъ теченіи, говорятъ, есть вода. Сначала мы пошли на С., но тотчасъ сильно поворотили на З., иногда на 45° СЗ.; а послѣ идемъ подъ 20° ССЗ. Переходимъ черезъ пологіе увалы и въ общемъ понижаемся. Черезъ 2½ ч. поворотили на 10° ССВ.; проходимъ озерцо справа; а далѣе черезъ увальчикъ низменность, черезъ 50 м. колодезь и тотчасъ подъемъ; вправо на мыскѣ обонъ. Черезъ 20 м. спустились въ низменность и идемъ на 20° ССЗ.

Въ 2 ч. пополудни остановились.

Мѣстность представляетъ собою обширную равнину, которую мы переходили 1 ч. 50 м. (шли особенно тихо). Съ западной стороны ее обогнули горы Унугуту-гурбун-ула, состоящія изъ нѣсколькихъ сопокъ, и за ними видится хребетъ очень причудливыхъ формъ. Въ длину эта равнина имѣетъ, вѣроятно, до 10 в., при этомъ на З., приближаясь къ горамъ, она поднимается увалами. На В. озеро; оно гуджирное и протянулось подъ сопочкой; на немъ виденъ ледъ. Озеро со всею мѣстностью называется Гурбул-шара-бурду.

Возлѣ до 10 юртъ.

Здѣсь и въ Булун-тохой насъ предупреждали, чтобы не распускали верблюдовъ; а то угонятъ.

13. Вышли въ 5 ч. 40 м. Идемъ въ прежнемъ направленіи: поднимаемся; черезъ часъ мы наверху подъема, и тутъ слѣва у дороги обончикъ; отсюда идемъ 30° ССЗ. и такъ идемъ 35 м. Въ 8 ч. спустились; внизу водомоина, идущая съ З. на В., а справа колодезь Сайхан-худук; тутъ-же и юрты. Идемъ на С. по равнинѣ, которая впередъ поднимается до 9¼ ч., потомъ спускаемся 30 м.; тутъ влѣво круглое ложе высохшаго озера, а подальше колодезь Улан-худук; какъ въ этомъ, такъ и въ

[1] Богатый, по монгольски—*баин*; *батур*—богатырь, герой.

первомъ колодезяхъ, говорятъ, хорошая вода. Отсюда до конца идемъ на 12° ССВ.

Подъемы становятся все короче спусковъ, такъ что мы еле понижаемся. Почти черезъ 2 ч. два озерца влѣво и вправо, и мѣстность называется Дзамату. Далѣе одинаковая мѣстность: легкіе подъемы и короткіе спуски, круглыя озерца или ихъ высохшія ложа. Встрѣчаются—одна юрта, табунокъ лошадей, два стада овецъ, на двухъ телѣгахъ на быкахъ везутъ аргалъ; далѣе еще 4 юрты.

На В., какъ и на предшествовавшемъ переходѣ въ отдаленіи виднѣется хребетъ, идущій съ ЮВ. и загибающій потомъ на СВ.; а впереди передъ нами безконечная равнина и только очень далеко виднѣется хребетъ, ровный, безъ выдающихся сопокъ и разрывовъ.

При концѣ перехода встрѣчаемъ дорогу, идущую на 5° ЗЮЗ., болѣе торную, чѣмъ наша.

Останавливаемся въ 3 ч. 20 м. на низменной равнинѣ Хадату; колодезь и юрты по обѣ стороны; а къ В. подъ низкимъ увапомъ озеро Мурин-нур, и къ нему съ З. идетъ водомоина; а на С. лощинка, въ которой также лежитъ длинное озерцо, соединяющееся съ этимъ посредствомъ протока; въ первомъ ледъ несоленый, а во второмъ даже горькосоленый.

Въ сторонѣ на З. живутъ долон-норскіе китайцы, занимающіеся здѣсь торговлей; намъ попалось 7 телѣгъ, повидимому, съ домашней утварью, будто переселяются, и маленькое стадо овецъ; или они въ Долон-норъ. По словамъ монголовъ, къ ЮВ. отсюда идетъ хошунъ Уйдзан-гуна.

14. Вышли въ 5 ч. 20 м. Идемъ на С.; черезъ 40 м. вправо колодезь Мо-худук; черезъ часъ спускаемся въ кочковатую съ дэресуномъ долину Болдогой-холой (кочковатое устье); посрединѣ водомоина; вершины ея далеко на З.; мы переходимъ её 25 м. Черезъ 2 ч. еще низменность, по которой шли цѣлый часъ; она покрыта густою травой, и видно, что на ней бываетъ сильная грязь; съ В. она замкнута увалами, подъ которыми протянулось сухое ложе озера, покрытое бѣлымъ гуджиромъ; и на краю его подъ уваломъ видится ледъ. Названіе этой низменности Хотогор. Мы переходили её въ сѣверномъ напра-

вленіи. При концѣ ея дорога пошла почти прямо на З. по лощинкѣ; мы поднялись въ направленіи почти С., чуть къ З. безъ дороги и только послѣ напали на торную дорожку.

Шли такъ болѣе двухъ часовъ и опять вышли на низменность, покрытую густою травой; черезъ 25 м. молельня и вскорѣ поднимаемся на невысокій и пологій хребетъ, подошедшій сюда съ ЮЗ. и направляющійся къ СВ. Отсюда начинается хошунъ Цэ-бэйсэ Хэрлюнскаго.

За ¾ ч. поднялись и увидѣли на ЮВ. вдали хребетъ весь покрытый снѣгомъ. Пройдя еще немного, увидѣли вправо озеро со льдомъ горькосоленымъ. Еще далѣе опять спускаемся въ низменность: это широкая долина, идущая съ З. на В., гдѣ подъ увалами озеро Ульдзэйту-нур, ледъ въ немъ негодный; но нашли влѣво брошенный колодезь со льдомъ хорошимъ.

Тутъ мы и стали въ 4 ч.

15. Вышли въ 4¹/₄ ч. у. въ сѣверномъ направленіи, пройденная дорога прямо Ю.. Спускаемся въ долину, идущую съ З.; черезъ ¹/₄ ч. колодезь Улан-нур-шанда-худук; тутъ же сухія водомоины, будто ложа озеръ; всюду гуджиръ и дэресунъ. Черезъ ¹/₄ ч. мы поднимаемся и снова спускаемся на широкую равнину, идемъ 10⁰ ССВ. Вправо отъ насъ увалы и сопочки, какъ бы составляющіе окраину этой равнины. Отсюда впереди виднѣются: сопочка съ обономъ 12⁰ ССВ., другая 8⁰ ССВ., еще сопка 30⁰ ССЗ. (собственно двѣ вмѣстѣ и между ними образуется сѣдло, черезъ которое виднѣется дальше еще сопочка); на 30⁰ ССВ. тоже виднѣется довольно высокая сопка.

Мы идемъ въ прежнемъ направленіи; черезъ 6 ч. переходимъ увалъ, съ котораго видится уже Хэрлюнъ, и равняемся съ тою сопочкой, на которую шли, и она у насъ была 12⁰ ССВ.; она отъ насъ съ версту; на ней нагроможденіе камней и изъ нихъ-же сдѣланъ обонъ; впереди, за городомъ, виднѣется обонъ 14⁰ ССВ.

Идемъ по равнинѣ, понемногу все понижаясь, 2½ ч. и имѣемъ еще сопку съ обономъ съ правой стороны прямо на В. верстахъ въ пяти; черезъ часъ спустились въ русло р. Хэрлюнъ и еще черезъ ½ ч. стали у самой рѣки, нѣсколько выше нашего прежняго стана.

Путь отъ р. Хэрлюнъ обратно къ нашей границѣ я не описываю, потому что онъ уже описанъ, причемъ въ мое описаніе уже вошли и наблюденія, которыя мы дѣлали на возвратномъ пути.

При семъ прилагается карта или собственно нашъ маршрутъ, чтобы наглядно представить то, что заключается въ дневникѣ, и дать читателю нѣкоторую возможность оріентироваться въ пройденныхъ караваномъ мѣстахъ [1].

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Горы съ плоскими вершинами (Столовыя, Дзэргиле) и лавовый поясъ.

Прежде чѣмъ мы увидѣли эти оригинальной формы горы, мы стали встрѣчать на пути лаву.

Когда мы перевалили черезъ Баиндунскій хребетъ [2], имѣя съ боковъ отдѣльныя сопки, то, поднимаясь на эти сопки, я на самомъ верху ихъ находилъ лаву буро-краснаго цвѣта. А такъ называемая Баиндунская сопка вся состоитъ изъ лавы.

Затѣмъ за полтора перехода до Бандида-дацана, спускаясь съ хребта Бобиндэй-шили [3], мы встрѣтили идущій поперекъ намъ лавовый кряжъ въ видѣ залавка и шли по нему болѣе получаса.

А наконецъ на первомъ переходѣ отъ Бандида-дацана, спустившись съ хребта Эмель-шили [4], мы также стали сначала встрѣчать куски лавы, а потомъ, пересѣкли лавовую гряду, вступили на равнину, которая посрединѣ была выпуклая и съ лавовыми

---

[1] Карта перечерчена по моей съемкѣ моимъ сыномъ А. И. Ровинскимъ въ 40-верстномъ масштабѣ (подлинникъ мой и моего сына переданы въ библіотеку И. Р. Г. О.). Клише, съ уменьшеніемъ въ 2 раза сдѣлано въ фотоцинкографіи Э. Э. Новицкаго.

[2] Стр. 585.

[3] Стр. 597.

[4] Стр. 601

окраинами. Тутъ же нѣкоторыя возвышенія состояли изъ какого-то плитняка; а подъ ними въ основаніи залегала также лава. Спускаясь съ Эмэль-шили на равнину, мы увидѣли въ отдаленіи за нею рядъ горъ съ плоскими вершинами. Это и были *Дзэргиле* что значитъ по монгольски «выравненныя подъ одну линію». Мы шли сначала почти параллельно съ ними, нѣсколько сближаясь, изъ чего заключаемъ, что онѣ должны были пересѣчь намъ путь, а такъ какъ мы шли прямо на Ю., то, значитъ, ихъ направленіе было ЮВ.; но далѣе мы ихъ не встрѣтили, вступивши тотчасъ въ пески и остановившись подъ первымъ песчанымъ уваломъ у колодезя Бальгихэ-худук.

Отъ дороги, по которой шелъ караванъ, до этихъ горъ, было еще значительное разстояніе, поэтому мы, нѣсколько человѣкъ, оставили караванъ и совершили къ нимъ особую экскурсію верхами на свободныхъ верблюдахъ.

Подойдя къ нимъ, у ихъ подошвы мы нашли всюду разсыпанные куски лавы и прекрасную травяную растительность. На одну изъ сопокъ мы поднимались. Подъемъ очень крутой, потому что сопка спускалась обрывомъ, и приводилось карабкаться. Наверху она была совершенно плоская, и на ней, кромѣ травы, мы нашли кустарникъ дикаго персика и таволги. Лава на самомъ верху оказалась съ довольно крупными порами; ниже эти поры сжимались, дѣлались узкими и продолговатыми, а въ самомъ низу пористость почти исчезаетъ. Въ одномъ кускѣ, разбивши его, мы нашли кристалликъ зеленоватаго цвѣта въ видѣ шестиграннаго столбика; находились кристаллики и въ другихъ кускахъ, только изломанные въ мелкіе кусочки. Обозрѣвая съ вершины этой сопки идущія цѣпью другія, мы могли видѣть, что однѣ изъ нихъ имѣютъ болѣе широкую поверхность, другія меньше; а есть и коническія, причемъ послѣднія всегда ниже первыхъ. Это даетъ намъ основаніе предполагать, что коническія сопки произошли изъ плоскихъ, которыя разрушались и принижались.

На подъемъ и спускъ, не считая времени, проведеннаго на верху, мы употребили 20 м. или по 10 м., что даетъ приблизительную высоту 30 до 40 саженъ.

Предлагаемъ общій видъ этихъ горъ [1] (см. рисунокъ [2]).

Далѣе мы не встрѣчаемъ горъ этой формы, и вступаемъ въ лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, въ высшихъ изъ нихъ однако обнаруживается ихъ лавовый составъ. Внизу между ними, гдѣ песокъ снесло, также оказывается лава, какъ застывшій широкій потокъ. Песчаныя сопки становятся все ниже; а потомъ опять поднимаются, и оказывается хребетъ, названный экспедиціей Хуйтун-шили, который мы переходимъ незамѣтно, имѣя по

Горы Дзэргиле (столовыя).

обѣ стороны отдѣльныя сопки: двѣ съ правой стороны болѣе высокія и одна изъ нихъ съ обономъ наверху называется Амоголон. Послѣдняя не плоская, а закругленная и на самомъ верху имѣетъ поверхность нѣсколько ввалившуюся; но по бокамъ ея мѣстами торчатъ лавовыя глыбы и лава-же кусками разсыпана у ея подошвы; черная земля во впадинахъ также состоитъ изъ размельченной лавы.

[1] Въ королевствѣ Сербіи, помнится въ Карановацкомъ срѣзѣ Чачанскаго округа, есть горы *Столови* подобной же формы, хотя не настолько рѣзко выраженной. На нихъ я не всходилъ, но внизу около нихъ разсыпаны куски лавы. Не знаю, какой составъ извѣстной Столовой горы на мысѣ Доброй Надежды, но форма ея, судя по рисункамъ, совершенно такая-же, а около нея остроконечныя.

[2] Набросокъ сдѣланъ мною и любезно перерисованъ Х. Ф. Миллеръ, которой выражаю мою искреннюю признательность. Клише изготовлено С. М. Прокудинымъ-Горскимъ.

Миновавъ Амоголон, мы вступили на равнину, на которой кое-гдѣ виднѣются лавовые бугорки до 1½ саж. въ діаметрѣ и 1 арш. въ вышину; а при концѣ ея, саженяхъ во ста отъ нашей дороги, двѣ черныя скалы, торчащія совершенно на ровномъ. Къ одной изъ нихъ я подходилъ и увидѣлъ, что она состоитъ изъ лавы и около нея совершенно нѣтъ мелкихъ камней, и, чтобы испытать составъ, привелось съ большимъ трудомъ отбить кусокъ отъ скалы, причемъ внутри оказался кристалликъ.

Въ Большихъ пескахъ мы не встрѣчаемъ болѣе ни лавовыхъ сопокъ, ни отдѣльныхъ скалъ или розсыпи.

На западномъ пути, въ послѣднемъ переходѣ, въ пескахъ, въ мѣстности, гдѣ лежитъ озеро Дунда-матал, въ сторонѣ къ В. мы видимъ хребтикъ Табун-ула-дзэргиле вмѣстѣ съ песчаными холмами, и подъ нимъ большое озеро. Такія-же сопки виднѣются и дальше, составляя какъ бы цѣлую цѣпь, уходящую на В.; но какъ будто онѣ состоятъ изъ другого, легче разрушающагося камня и потому не имѣютъ того рѣзкаго обруба краевъ и съ вершинами болѣе округленными. На первомъ отсюда ночлегѣ Хуа-толгой я ходилъ версты за четыре, откуда, поднявшись на нѣкоторое возвышеніе, увидѣлъ опять *дзэргиле* въ видѣ хребта, въ которомъ посрединѣ одна сопка, рѣзко обозначавшаяся своею плоскою вершиной, находилась въ направленіи 10° ЮЮВ.; а крайняя сопка была конической формы.

Самыя высокія горы виднѣлись по обѣ стороны дороги на 10° ЮЮВ. и 15° ЮЮЗ.

Очень издалека мы увидѣли обыкновенную сопку Хуху-ула, приблизились къ ней и стали на ночлегъ, немного не доходя, только въ концѣ другого перехода; проходили-же мимо нея только на другой день. Издали она представлялась намъ съ одною вершиной, потомъ обозначились двѣ и наконецъ три въ родѣ *дзэргиле*, только съ больше округленными краями. Она состоитъ изъ лавы и, будучи очень невысока, виднѣлась издали, находясь на плоскомъ лавовомъ хребтикѣ или залавкѣ, и вся эта мѣстность приподнятая надъ пройденною нами. Вдали на В. виднѣлись настоящія *дзэргиле*.

Отойдя немного отъ Хуху-ула и поднявшись, мы яснѣе видимъ на В. группу высокихъ сопокъ, между которыми самая выдающаяся по высотѣ и фигурѣ Богдо-ула, находящаяся на 70° ВСВ.

Она высится надъ цѣлымъ кряжемъ дзэргиле, который весь прорѣзанъ неширокими падушками и представляетъ рядъ сопокъ съ плоскими вершинами. На г. Богдо-ула, кромѣ того, на заднемъ краю будто стѣна, вся бѣлая, какъ снѣгъ, а по ней темнѣютъ два или три очень тонкихъ конуса; все это частью покрывали облака, и потому трудно было разглядѣть; но послѣ, видѣвши её ближе, мы могли разглядѣть, что задній ея край дѣйствительно высится стѣной, а конусы исчезли и казались ими, можетъ быть, зубцы ея края, выдѣлявшіеся на бѣломъ фонѣ задней стѣны.

Далѣе идетъ цѣлый лавовый кряжъ, причемъ лава попадается по дорогѣ то глыбами, кучками и кучами изъ нихъ, то городками, представляя иногда четвероугольникъ или кругъ, имѣющій до 100 саженъ въ діаметрѣ. Направленіе этого кряжа на ЮВ. Потомъ мы спускаемся съ него; равняемся съ горой Богдо-ула, минуемъ её и встрѣчаемъ новый лавовый кряжъ.

Далѣе на ночлегѣ нашемъ у ключа Хобури-булак въ двухъ верстахъ отъ стана мы имѣли сопку Могой-ула, что значитъ змѣиная гора, названная такъ потому, что, по разсказамъ монголовъ, лѣтомъ въ трещинахъ ея бываетъ очень много змѣй. Я ходилъ къ ней и поднимался на неё. На подъемъ потребовалось 8 минутъ, такъ что, по моему ходу, при большой крутизнѣ, должно дать высоту до 40 саженъ. Она вся состоитъ изъ лавы, плоская и покрытая очень разнообразною травяною растительностью; а на краю ея, обращенномъ къ В., поставленъ обонъ въ родѣ того, какой мы видѣли на переднемъ пути, Джаргаланту: круглый, сложенъ изъ камней въ два яруса; а на самомъ верху, какъ на всѣхъ нихъ, пукъ хворосту, въ который вставленъ шестъ, украшенный разноцвѣтными лоскутками. По четыремъ сторонамъ кругомъ его на-крестъ расположено по 13 кучекъ мелкаго камня, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ середины высовывались камни не положенные, а нашедшіеся на мѣстѣ, составляющіе одно цѣлое съ поверхностью.

Отъ г. Могой-ула идетъ рядъ подобныхъ ей плоскихъ сопокъ, а передъ нею отъ подошвы стелется равнина съ прекрасною кормовою травой, и только въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ застаивается вода, бѣлый дэресунъ.

У самой подошвы горъ розсыпь лавы, а далѣе попадается песчаникъ плитками и кварцы.

Отъ ключа Хобури-булак съ половины другого перехода мы идемъ все по лавѣ и еще разъ видимъ хребетъ со столовыми горами, идущій съ ЮВ. и какъ бы составляющій продолженіе того, который мы видѣли отъ Хуху-ула; но форма сопокъ не столь опредѣленна, можетъ быть, вслѣдствіе особеннаго положенія ихъ по отношенію къ мѣсту, откуда я ихъ наблюдалъ, а также и отдаленности. Еще разъ видимъ г. Богдо-ула, которая находится отъ насъ прямо на Ю.; а лава продолжается, то прерываясь, то опять выступая.

Значительный перерывъ дѣлается отъ Цаган-обо-дугуна къ С., гдѣ проходитъ хребетъ, въ которомъ рядомъ находятся, граничатъ двѣ горныя породы: на южной сторонѣ граниты и нагроможденія ихъ на самомъ верху; а на сѣверной—глинистые сланцы; и почва внизу на южной сторонѣ песчаная, на сѣверной глинистая.

Далѣе мы еще переходимъ одинъ хребетъ, названіе котораго намъ неизвѣстно. Онъ весь состоитъ изъ гранита, притомъ наверху скалы и отдѣльные камни самыхъ причудливыхъ формъ и кругомъ такія-же коническія сопки; а есть выступы съ боковъ бѣлаго кварца, иногда окрашеннаго въ голубой цвѣтъ. Потомъ идетъ хребетъ Миту-ула, въ которомъ также встрѣчаемъ граниты и бѣлый кварцъ.

Но за этимъ хребтомъ опять пошла сплошь лава, мѣшаясь иногда съ гранитомъ. Берега извивающейся по этимъ мѣстамъ рѣчки Хадаин-гол, послѣ нѣсколько разъ мѣняющей свое имя, состоятъ то изъ лавы, то изъ гранита; въ одномъ мѣстѣ стоятъ гранитныя сопки, а подъ ними основаніе составляетъ лава. Лава прекращается близь мѣстности Цаган-дэресун.

Отсюда измѣняется характеръ и самой мѣстности: равнины становятся обширнѣе, хребты шире, положе и форма ихъ проще, и сказалъ-бы, что отсюда къ сѣверу въ общемъ идетъ очень

постепенное, но замѣтное для глаза приниженіе вплоть до р. Хэрлюнъ.

Все это достаточно ясно передается въ дневникѣ, а также можно видѣть и на картѣ; по этому мы на всемъ пространствѣ послѣ г. Могой-ула, занимающемъ болѣе шести переходовъ, оставляемъ лавовыя партіи безъ подробнаго описанія, довольствуясь только указаніемъ, гдѣ онѣ находятся. А теперь можемъ сдѣлать нѣсколько вытекающихъ изъ всего обозрѣнія выводовъ.

Изъ этого видно, что вулканическая дѣятельность когда-то сильно проявляла себя въ области, занимаемой теперь Монголіей, гдѣ когда-то лежало громадное внутреннее море, о которомъ свидѣтельствуютъ до сихъ поръ существующія соленыя озера и всюду почти солончаковая (гуджир) почва. Что море существовало до не очень давняго времени, свидѣтельствуетъ очень тонкій верхній слой растительнаго перегноя и отсутствіе слѣдовъ древесной растительности, которая встрѣчается только кое-гдѣ въ горныхъ хребтахъ и въ пескахъ, причемъ въ послѣднихъ древесная растительность откуда-то занесена съ тѣми же песками. Откуда именно доносятся пески, мы не можемъ сказать; но образовались они, гдѣ-бы то ни было, вслѣдствіе разрушенія того тонкаго верхняго болѣе плотнаго слоя, подъ которымъ залегаетъ песокъ. Замѣтимъ кстати, что въ пройденной области песковъ песчаные холмы имѣютъ продолговатую форму и направленіе съ СЗ. на ЮВ., сообразно, конечно, съ преобладающими тамъ вѣтрами; и то-же самое замѣчаютъ въ распространеніи песковъ и въ Туркестанѣ, между р.р. Аму—и Сыръ-Дарьей, въ такъ называемой «Голодной Степи» [1].

Является вопросъ, почему нѣтъ такихъ песковъ на пути отъ Урги къ Калгану? Мы не знаемъ этого пути, но не слышно никогда жалобъ на пески со стороны проѣзжавшихъ по нему. Сколько помнится мнѣ, не жалуются на то и прежніе путешественники, какъ Тимковскій и другіе. Общая причина можетъ заключаться въ томъ, что на В. эта часть Монголіи гораздо выше: сопка Амоголон, насколько вѣрны данныя на картѣ гла-

---

[1] П. П. Шубинскій, Воспоминанія о «Голодной Степи» (Историч. Вѣстн. 1897 г., кн. XI, стр. 376).

внаго штаба, переходитъ 7.000 ф., тогда какъ на З. высота только кое-гдѣ чуть переходитъ 4.000 ф., то все 3.000 и ниже; вслѣдствіе чего вѣтеръ, встрѣчая на В. болѣе значительныя высоты, у ихъ подножія и слагаетъ свою ношу. Но и въ этой части пески почти исключительно совпадаютъ со столовыми горами и между ними находятся самыя большія скопленія песчаныхъ холмовъ, которыми большею частью покрываются разрушенныя лавовыя горы и ихъ приниженія, такъ что осажденіе песковъ въ этихъ мѣстахъ состоитъ въ какой-то связи со столовыми и вообще лавовыми горами.

Наконецъ, остается вопросомъ, откуда являются у этихъ горъ плоскія вершины.

Экспедиція склонна появленіе отдѣльныхъ сопокъ, какъ Амоголон, объяснять вулканическимъ поднятіемъ ихъ, какъ то наблюдается вообще на горахъ вулканическаго происхожденія, и тотчасъ отыскиваетъ непремѣнно присущіе имъ кратеры (стр. 51). Мы должны признаться нигдѣ такихъ кратеровъ не нашли; а всѣ углубленія, которыя принимаютъ различныя формы, приписываемъ атмосфернымъ вліяніямъ. Эти вліянія способны придавать подобныя кратерамъ воронкообразныя углубленія безъ всякаго участія вулканическихъ силъ, что мы видимъ въ широкихъ размѣрахъ въ известковыхъ формаціяхъ въ карстѣ.

Допускаемъ, однако, что есть въ той части Монголіи сопки, выдвинутыя вулканическою силой, только не въ пескахъ, гдѣ преобладаютъ лавовыя горы *дзэргиле*, которыя имѣютъ свои вершины на одинаковой высотѣ, подходятъ высотою подъ одну линію, при томъ всегда плоскія, и изъ которыхъ произошли другія формы—коническія или овальныя. Это такъ ясно видно, гдѣ передъ вами тянется цѣлая цѣпь такихъ горъ.

На эту особенную формовку горъ мы и желали-бы обратить вниманіе людей науки, которые, конечно, найдутъ, а можетъ быть, и имѣютъ уже научное объясненіе. Мнѣ-же, когда я смотрѣлъ на эти горы и наблюдалъ ихъ одинаковость, а главное *приблизительно одинаковую высоту* на громадномъ, сплошь покрываемомъ ими пространствѣ, только изрѣдка прерываемомъ вторженіемъ другихъ хребтовъ, представляется, что когда-то эти горы также сплошь представляли одну, общую горизонтальную

поверхность, находясь еще въ жидкомъ состоянiи; что все это когда-то залито было лавой; вытекала она изъ жерлъ отдѣльныхъ вулкановъ или просто изъ трещинъ земной коры, и въ такомъ состоянiи лава эта застыла. Но вулканическiя силы и послѣ того не переставали дѣйствовать на поверхность и производили пертурбацiи, заставляя ее въ одномъ мѣстѣ подниматься выше, въ другомъ опускаться, образуя въ ней трещины и т. д.; а потомъ атмосферныя силы продолжили дальнѣйшее разрушенiе и изъ сплошной массы создали отдѣльныя сопки, у которыхъ однако сохранились отъ той общей горизонтальной поверхности ихъ настоящiя плоскiя вершины.

Прорѣзывающiе этотъ лавовый поясъ хребты, состоящiе изъ другихъ горныхъ породъ, могли выдвинуться послѣ изъ этого застывшаго лавоваго моря, или же лава выступила и разлилась между ними, когда они уже существовали.

II.

Разстоянiя.

А. Переднiй путь.

I. Кулусутаевскiй караулъ—Хэрлюнъ (скорость 4¾ версты въ часъ).

1871-й годъ. Октябрь.		часы	версты.
19.	Ульдза	8	ок. 40
20.	Дневка тамъ-же.		
21.	Голотэй-нур (Галутэй-нур)	ок. 7½	35½
22.	Гурбунэй-булак	ок. 11½	54
23.	Дневка тамъ-же.		
24.	Сумэ-булак	7	33¼
25.	Мэлэхэйтын-нур	7¾	37
26.	Цаган-нур	9¼	44
27.	Гурбунэй-нур	9+	42¾
28.	Хэрлюнъ	4½	21½
		64½	308½

II. Р. Хэрлюнъ—Бандида-дацанъ (скорость та-же).

29.	Названiе неизвѣстно	ок. 9	42¾
30.	Ара-худук	8	38
31.	Озерцо	9¾	46+

Ноябрь.

1.	Колодезь	8½	30¼
2.	Арату-ула	8	38
3.	Хаджу-булак	9¾	46¼
4.	Шононн-гол	ок. 5	23½
5.	Банн-хайласун	ок. 8½	40¼
6.	Холбо-галга	ок. 11	52
7.	Банн-далай	8½	40¼
8.	Сапн-усу	5	23½
9.	Котловина	9+	ок. 43
10.	Ара-гол	8½	40¼
11.	Бандида-дацанъ	7½	35¾
12.	Дневка тамъ-же.		
		116	539¾

III. Бандида-дацанъ—Долон-норъ (та-же скорость).

13.	Бальгнхэ-худук	ок. 8½	40¼
14.	Сэрюхэн-гол	ок. 9	42¾
15.	Гашун-нор	7	33¼
16.	Шабартэй-нор	9	42¾
17.	Неизвѣстно	7	33¼
18.	Долон-норъ	6¼	25¾
		46¾	222

IV. Долон-норъ—Шабартэй-хото (скорость 6 верстъ).

23.	Шанду-гол	6¼	37½
24.	Тоже далѣе	7	42
25.	Дамà	ок. 10	60
26.	Лусун-хаирхан	8¼	49½
27.	Шабартэй-хото	8 ч. 50 м.	53
		40 ч. 20 м.	242

Б. Обратный путь (не заходя въ Долон-норъ).

I. Шабартэй-хото — Хэрлюнъ (скорость 4½ в., исключая подъ числами 26, 27, 28, 29 и 30, когда по 4 в. въ часъ).

1872-й годъ. Январь.

21.	Ацэйн-толгой	6	27
22.	Арейн-усу	9	ок. 42
23.	Мунгчин-гол	ок. 7	31¼
24.	Сайрэтэй-сумэ	ок. 9	40½
25.	Дневка (тамъ-же).		
26.	Озерцо	ок. 9	36
27.	Аратэг	8+	32¼
28.	Оз. Матал	ок. 5	19¼

29.	Дунда-Матал	4+	17¼
30.	Хуа-тологой . . . . ок.	5¼	21
31.	Боргёту	5+	23

Февраль.

1.	Баин-нур	9	40½
2.	Хундулун	6½	29¼
3.	Хобури-булак . . . . ок.	8	35¼
4.	. . . . ок.	4	17¼
5.	Распадокъ въ хребтѣ	8½	38¼
6.	Буин-дэлгэр	10	45
7.	Сала-булак	8¾	ок. 40
8.	Ключъ подъ Цаган-обо	8¾	ок. 40
9.	Булун-тохой	9¼	41¾
10.	Цаган-дэресун	9¾	ок. 44
11.	Бултай	8¾	ок. 40
12.	Гурбунэй-шара-бурду	7½	ок. 34
13.	Хадату	9½	ок. 42¾
14.	Ульдзэйту-нур	10½	47¼
15.	Хэрлюнъ	ок. 12	ок. 54
		135¾	878½

II. Хэрлюнъ—Кулусутаевскій караулъ (скорость 4½ в.).

16. Дневка въ гор. Хэрлюнъ.

17.	Шара-бурду	7¼	31½
18.	Ирхэтэн-гоби . . . . ок.	13	58½
19.	Сумэ-булак	10¼	46+
20.	Дзагал	11	49½
21.	Котловина . . . . ок.	13	58½
22.	Ульдза	6	27
23.	Кулусутай	8	36
		68½	307

Отдѣльно: отъ Шэбартэй-хото до Калгана верхомъ (со скоростью 5 в.) 7 ч. ок. 35 в.

	Караванъ.	Экспедиція.	Разница.
Отъ Кулусутая до р. Хэрлюнъ . . .	308½	270½	— 32
» р. Хэрлюнъ до Бандида-дацана	539¾	508½	— 31¼
» Бандида-дацана до Долон-нора.	222	257	+ 35
	1070¼	1036	— 33¾
» Калгана до Долон-нора	277	243	— 34

III.

Температура (по Реомюру) и погода.

1871-й годъ. Октябрь.

20. Ульдза. . . . . 8 ч. у.—7°; на вѣтру—9°.
6 ч. в.—7°.
До полдня с.-з.; послѣ тихо; ночь ясная; мѣсяцъ въ туманѣ и около круги.
21. Тамъ-же . . . . 6 ч. у.—5°. Какъ вчера.
7 ч. в.—4°.
22. Голотэй-нур . . . . . . 5 ч. у.—5°.
7 ч. в.—4°. Цѣлый день ведро, тихо.
23. Гурбунэй-булак . . . . 8 ч. у.—2°; на вѣтру—3°.
въ полд. +5°.
6 в.—10°. Тихо, ясно.
24. Тамъ-же . . . . 7 у.—16°.
6 в.—18,5°.
9 в.—20°. Тихо, ясно, бродячія кучевыя облака; по временамъ вихри.
25. Сумэ-булак . . . . . . 7 у.—14°.
1 пополуд.—2°.
4 +1°.
5 в. +2,5°.
6 в.—1,5°. Съ утра тихо, ясно, послѣ дуетъ з., нагоняетъ тучи съ вихремъ; 1 ч. пополуд. съ з. штормъ, несетъ песокъ и камушки; кибитки чуть не свернуло; верблюды идутъ тяжело; длилось 1 ч.; послѣ з., ровный и мягкій; въ ночь пасмурно.
26. Мэлэхэйтын-нур. . . . . 6 у.—4°.
полд. +0,5°.
7½ в.—2,5°. Ок. 5 ч. у. порошилъ снѣгъ, тихо, тепло; потомъ солнце вышло и опять скрылось; отъ полдня разведриваетъ; по временамъ набѣгаютъ тучки и порошитъ снѣгъ; въ ночь ясно.
27. Цаган-нур . . . . 7 у.—12,5°.
6 в.— 8°. Цѣлый день тихо, ясно, тепло.
28. Гурбунэй-нур . . . . 7 у.—5°.
1½ пополуд. въ тѣни +7°; на солнцѣ +9,5°.
8 в. +1°.
Цѣлый день ясно, дуетъ ю.-з., довольно сильный.
29. Хэрлюнъ . . . . 7½ у.—3°.
6½ в.+0,5°. Цѣлый день тихо, чуть потягиваетъ з.
30. За р. Хэрлюнъ . . . . . . 6½ у.—6°.
5½ в.—5°. День ясный, дулъ з.

31. Ара-худук . . . . 6½ у.—1°.
10 у.—4°.
1 пол —5°.
4—8°.
7 в.—7°. Съ утра дуетъ с. и пасмурно; отъ полдня снѣгъ; послѣ с.-з. и з., тучи разошлись; веч. пасмурно.

Ноябрь.

1. Озерцо. . . . . 7 у.—12°.
полд.—11°.
5 в.—12°.
7 в.+0,5°. Утромъ с.; съ 3-хъ пополуд. стихаетъ, 5 в. заволакиваетъ, подуваетъ с.-з.; въ 7 ч. снѣжитъ.

2. Колодезь . . . . 6 у.—20°.
6½ в.—13°. Цѣлый день дулъ з.

3. Арату-ула . . . . 6 у.—19°.
8 в.— 7°. Утр. ясно, тихо, съ полдня дуетъ з.

4. Хаджу-булак . . . . 6 у.—14°.
полд.—6°.
7 в.— 7°. До полдня з.; послѣ тихо.

5. Шонопн-гол. . . . . 8 у.—11°.
полд.—4°.
8 в.—7°. Цѣлый день сильный з.

6. Баин-хайласун . . . . . . 7 у.—8°.
днемъ —7°.
7 в.—12°. Съ полуночи подулъ с.-з.; въ 5 у. падаетъ снѣгъ; въ 7 ч. пересталъ; вѣтеръ продолж. весь день. Снѣгъ лежитъ на землѣ только до Христин-гоби.

7. Холбо-галга. . . . . 7 у.—17°.
днемъ—4°.
8 в.—13°. Цѣлый день тихо; съ полдня надвигаются слоевыя тучи; вечер. подулъ с.

8. Баин-далай . . . . 7 у.—17°.
днемъ—4°.
8 в.—13°. Утромъ, когда тронулись съ ночлега, оглянувшись назадъ, увидѣли на пройденныхъ горахъ снѣгъ, котораго вчера не было. Днемъ тихо, отъ полдня заволакиваетъ. Ночью вдругъ подулъ ю., буря; послѣ перемѣняется на ю.-з., къ утру стихаетъ.

9. Саин-усу. . . . . 7 у.—5°.
7 в.—8°. Пасмурно цѣлый день и подуваетъ з.; переходитъ на с.-з. и склоняется больше къ с.

10. Котловина . . . . 6 у.—14°.
8 в.— 9°. Утр. ясно, тихо; потомъ цѣлый день легкій з.

11. Долина р. Арагол . . . . 5 у.—10°.
2 пополуд. +6°.
7 в.+2°.
9 в.—9°. Съ утра подувалъ ю.-з. и нанесъ мглу, съ полдня усиливается и превращается въ бурю; густая мгла.

12. Бандида-дацанъ . . . . . 7 у.—1°.
полд.—6°.
7 в.—9°. Продолжается сильный ю.-з., туманъ и пыль; въ двухстахъ саженяхъ города не видать. Съ полдня холодаетъ, подув. с. и начинается снѣжная мятель; потомъ тучи расходятся; вечеромъ ясно, только перистыя облака.

13. Тамъ-же . . . . 7 у.—16°.
10 у.—17°.
7 в.— 1°. Цѣлый день ясно, тихо.

14. Бальгихэ-худук . . . . . 5 у.—9°.
8 в.—5,5°. Цѣлый день легкій ю.-з., снѣгъ притаиваетъ.

15. Сэрюхэн-гол-. . . . . . . 4½ у.—14°.
8 в.—18°. Съ утра ясно, дуетъ сильный з., къ полдню превращается въ штормъ; вечеромъ срываетъ войлоки съ юртъ.

16. Гашун-нор . . . . 6 у.—20°.
5 в.—12°.
8½ в.—19,5°. Около полуночи вѣтеръ пересталъ и утромъ тихо; съ 10 ч. с.-з., съ полдня усиливается, съ 5 ч. стихаетъ.

17. Шабартэй-нор . . . . . . 5 у.—24°.
7 в.—19°. Цѣлый день ясно; дуетъ з.

18. Передъ Долон-нормомъ . . 6 у.—21°. Цѣлый день с.-з., штормъ, поднимающій страшную пыль. Какъ только вышли изъ горъ, снѣгу нѣтъ.

19. Долон-норъ . . . . 7 у.—11°.
7 в.—14°. Пасмурно; сильный с.-з.; туманъ или пыль, не разберешь.

20. Тамъ-же. . . . . 8 у.—19°.
5 в.—14°. Тотъ-же с.-з.; къ вечеру стихаетъ.

21. » 8 у.—15°.
8 в.—17°. Ясно; легкій с.-з.; вечеромъ тихо.

22. » 8 у.—18°.
8 в.—17°. Ясно, тихо; отъ полдня мгла.

23. » 6 у.—13°.
днемъ +2°.
7 в.—13°. Ясно, тихо.

24. Шанду-гол . . . . 6½ у.—19°.
6½ в.— 8°. Утромъ тихо, мгла; съ полдня с.-з. и заволакиваетъ; къ вечеру поворачиваетъ на с.

25. Далѣе Шанду-гола. . . . 7 у.— 9°.
9 в.—12°. Ночью было тихо, падалъ снѣгъ, утромъ перестал и подуваетъ с.-в.; съ 2 ч. пополудни снѣжная мятель при с., недолго; передъ закатомъ солнца заволакиваетъ, вечеромъ пасмурно, тихо.

26. Дама . . . . 7 у.—18°.
6 в.—17°. Днемъ ясно, легкій з.; вечеромъ солнце въ рукавицахъ, зашло въ бронзовыя тучи, коричневаго цвѣта и по нимъ мелкія бѣлыя облачка.

27. Лусун-хаирхан . . . . . . 6 у.—14,5°.
8 в.—14°. Ночь была ясная, передъ утромъ мѣсяцъ и звѣзды свѣтятъ туманно; мѣсяцъ «въ рукавицахъ»; въ 6 ч. у. тихо; послѣ подуваетъ ю.-з., очень рѣзкій, переходитъ въ з. утромъ солнце въ рукавицахъ; отъ полдня все небо затянуло; вѣтеръ то справа, то слѣва, иногда встрѣчный, мѣняется по мѣстности, но довольно мягкій и скоро начинаетъ падать снѣгъ, а въ то-же время поземка; вечеромъ тихо, ясно, звѣздно.

28. Шабартэй-хото . . . . . . 7 у.—20°. Цѣлый день с.-з.; къ вечеру въ Калганѣ.

Обратный путь.

1872-й годъ; Январь.

19. Шабартэй-хото. . . . . . . 9½ в.—22°. Ясно, дов. сильный с.-з.

20. Тамъ-же . . . . 8 у.—21°. Цѣлый день тихо, ясно.

21. » и далѣе . . . . 7½ у.—20°.
5½ в.—10°.
8 в.—18. Ясно, несильный с.-з.

22. Ацэйн-тологой. . . . . . . 7 у.—26°.
7 в.—15°. Тихо, ясно; отъ полдня начинается легкій ю.-з.

23. Арени-усу. . . . . 6½ у.—16°.
10 у.—9°.
1 пополуд. +4°.
3 » —0°.
8 в.—8°. Тихо, ясно; ок. полудня подув. ю.-з.; въ 2 ч. вѣтеръ усиливается и поворачиваетъ з.; холодѣетъ и заволакиваетъ тучами.

24. Мунгчин-гол. . . . . 6½ у.—8°.
1 поп.—6°.
5 в.—10°.
8½ в.—11,5°. Ночью было тихо и около полуночи выпалъ снѣгъ; въ 3 ч. пополуночи сѣверное сіяніе: мы увидѣли его подвигающимся съ ю. къ з., потомъ оно пошло къ с. и, наконецъ, охватило в. Было такъ свѣтло, что можно видѣть не только минуты на часахъ, но и болѣе мелкія дѣленья на компасѣ, на которомъ никакого дѣйствія не было замѣтно. Около 11 ч. у. подулъ с., понесся снѣгъ, но съ перерывами, по временамъ снѣгъ переставалъ и прояснивало.

25. Сайрэтэй-сумэ . . . . . . 7 у.—24°.
8 —20°.
12½—6°, на солнцѣ на безвѣтреной сторонѣ +2°.
8 в.—18°. Цѣлый день ясно, легкій з.
26. Тамъ-же . . . . 6 у.—23°.
8 в.—20°. Тихо, заволакиваетъ; туманно и падаетъ иней; послѣ разведриваетъ; вечеромъ тихо, ясно, звѣздно.
27. Озерцо . . . . 6 у.—19°.
8 в.—18°. Цѣлый день ясно, тихо.
28. Ара-тэг . . . . 6 у.—22°.
5 в.— 1°.
8 в.—17°. Въ 1 ч. пополудни, на солнцѣ, въ футлярѣ было +21°. Цѣлый день тихо, ясно, съ 5 в. кругомъ затягиваетъ. Снѣгъ небольшой и дальше все меньше.
29. Матал (озеро) . . . . . . 6½ у.—14°.
ок. 3 п.п. +1°.
7½ в.—7,5°. Утромъ тихо, пасмурно; съ 3 ч. поп. подуваетъ ю.-з.; начинаетъ снѣжить, но въ ночь перестало и показываются звѣзды.
30. Дунда-матал . . . . 6 у.—12°.
8 в.—17°. Днемъ подувалъ ю.-з. и шелъ снѣгъ съ перерывами.
31. Хуа-толгой. . . . . 6 у.—17°.
8 в.—17°. Тихо, пасмурно, по временамъ снѣжитъ.

Февраль.

1. Боргёту . . . . 5½ у—21°.
8 в.—18°. Какъ вчера; дуетъ з. или с.-з.
2. Баин-нур . . . . 6½ у.—21°.
7 в.—22°. Пасмурно и снѣжитъ; дуетъ з.: передъ вечеромъ разведрило.
3. Хундулун . . . . 6½ у.—28°.
9 в.—23°. Утромъ ясно, тихо, съ полдня несильный с.-з.; вечеромъ с.
4. Хобури-булак . . . . . . 6 у.—28°.
ок. 10 в.—19°. Цѣлый день легкій с.
5. Озеро . . . . 6 у.—18°.
9 в.—18°. Тихо, ясно; солнце грѣетъ.
6. Въ распадкѣ хребта . . . 5½ у.—20°.
8½ в.—15°. Какъ вчера.
7. Буин-дэлгэр . . . . 6 у.—15°.
8½ в.—13°. Цѣлый день ясно; внизу тихо, а на высотѣ сильный з.; вечеромъ с.
8. Сала-булак. . . . . 5 у.—14°.
8½ в.—5,5°. Цѣлый день ясно; съ полдня з. и усиливается; вечеромъ все небо покрылось перистыми облаками; ночью звѣздно и мѣсячно.

9. Ключъ, идущій отъ Цаган-обо. 6 у.—11,5°.
5 в.+ 1°.
9 в.—11,5°. Ясно, тихо, по временамъ пробѣгаетъ з. Ночью также тихо; но все небо затянуло тонкой пеленой; поэтому мѣсяцъ свѣтитъ, а звѣздъ не видать. Въ горахъ довольно большой снѣгъ; и на равнинѣ и на открытомъ мѣстѣ его мало.
10. Булун-тохой . . . . 5 у.—12°.
8 в.—18°. Съ утра тихо, облачно; послѣ с.-з. и разведриваетъ; ок. 4 поп. тихо, ясно, солнце.
11. Цаган-дэресу . . . . . . 5½ у.—24°.
7½ в.—14°.
9 в.—18°. Цѣлый день несильный, но рѣзкій з. или с.-з., бродячія облака.
12. Бултай . . . . 5½ у.—20°.
9½ в.—16,5°. Дулъ довольно сильный з.; на равнинѣ вихри, поднимающіе бѣлый гуджиръ.
13. Гурбунэй-шара-бурду . 5 у.—20°.
9 в.—15°. До полдня дулъ з. или с.-з.; послѣ стихъ.
14. Хадату. . . . . 5 у.—17°.
7 в.—11°. Цѣлый день с.-з.; небо чистое, голубое, по нему бродятъ рѣзко очерченныя кучевыя облака, видъ весенній.
15. Ульдзэйту-нур . . . . ок. 2½ ч. ночи—16°.
8 в.—18°. Ясно, легкій з.
16. Хэрлюнъ . . . . 7 у.—19°.
9 в.—16°. Въ 1½ ч. пополуд. на солнцѣ (въ футлярѣ) +4°; въ 4 ч. (то-же) +21,5°. Съ 10 ч. у. сильный з.; передъ вечеромъ стихаетъ.
17. Тамъ-же . . . . 3½ у.—21°.
7½ в.—13°. Дулъ в. или с.-в.
18. Шара-бурду . . . . 2 у.—21°.
7½ в.—13°. Облачно, тихо; въ ночь ведро.
19. Ирхэтэн-гоби. . . . . . . 2½ у.—20,5°.
8½ в.—13,5°. Тихо, ясно.
20. Сумэ-булак . . . . 2 у.—20°.
7½ в.—10°. Цѣлый день хмурится; вечеромъ ю.-з.
21. Подъ Дзагал . . . . . . 1½ по полуночи—12°.
8½ в.—19°. День пестрый: то облачно, то ясно, подувалъ с.-в.; съ 2 ч. пополуд. разведриваетъ.
22. Ульдза. . . . . 3½ утра—24°. Цѣлый день тихо, ясно.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя объясненія.

Рядомъ съ днемъ мы даемъ и названіе мѣстности, согласно съ дневникомъ, причемъ утренній часъ относится къ мѣсту

гдѣ мы переночевали, а вечерній подъ тѣмъ-же числомъ на слѣдующемъ уже станѣ; а остальныя наблюденія, конечно, если есть, относятся къ мѣстамъ между этими двумя ночлегами. Такимъ образомъ по числамъ можно въ дневникѣ найти описаніе мѣстности, которая могла оказать вліяніе на направленіе вѣтра, а частью и на температуру.

Отмѣчаемъ преобладаніе вѣтра съ С. и еще больше съ З., а какъ рѣдкость съ Ю. и В.; быстрые переходы отъ легкаго вѣтра къ шторму и такое-же скорое прекращеніе шторма, быстрое также пониженіе температуры, какъ подъ 11 ноября: 7 ч. в. + 2, а въ 9 ч. — 9°; а 1 ноября наоборотъ повышеніе: 5 ч. в. — 12°, въ 7 ч. в. + 0,5°; пониженіе температуры съ приближеніемъ къ полдню: 12 ноября 7 ч. у. — 1°, полд. — 6°; 13 ноября 7 ч. у. — 16°, въ 10 ч. у. — 17°.

Снѣгу вообще мало, только въ горахъ есть наносы, а на равнинѣ такъ мало, что когда у насъ не было чистой воды для чая, мы собирали снѣгъ ковшичкомъ съ травы, такъ какъ онъ земли почти не покрывалъ. За 74 дня, которые мы провели въ Монголіи (20 окт.—до 28 нояб. 1871 г. и 19 янв.—до 21 февр. 1872 г.), очень рѣдко снѣгъ только принимался идти и скоро переставалъ, и это было больше при С., но, кажется, послѣ того какъ дулъ Ю.-З. и рѣже Ю.-В. При этомъ Ю.-З. не оказывалъ вліянія на повышеніе температуры и на ощущеніе всегда былъ рѣзкій.

Вели мы наблюденія и въ Китаѣ, но они сюда не входятъ, такъ какъ мы не вносимъ его и въ нашъ дневникъ; замѣтимъ только, что и тамъ зима была довольно сурова. Въ Калганѣ въ концѣ ноября было—13°, а на стѣпѣ—16°; съ начала декабря между Калганомъ и Пекиномъ было до—17°, тоже было въ январѣ и въ Пекинѣ, а въ Тяньдзинѣ, прибывши 11 дек. и оставивши паланкины, мы въ городъ отправились по замерзшему разливу р. Хоанхэ на *топаяхъ* т. е. на креслахъ съ полозьями, которыя сзади толкаетъ китаецъ.

IV.

Измѣреніе температуры кипѣнія воды въ различныхъ мѣстностяхъ на обратномъ пути.

Мы уже упоминали, что въ Пекинѣ нашъ астрономъ наблюдатель г. Фритше поручилъ мнѣ сдѣлать въ различныхъ, болѣе характерныхъ мѣстахъ наблюденія, при какой температурѣ происходитъ кипѣніе воды, чтобы по тому путемъ вычисленія заключить о высотѣ тѣхъ мѣстъ, и снабдилъ меня для того особеннымъ приборомъ.

Какъ результатъ этихъ наблюденій, представляю табличку, на которой рядомъ съ цифрами, выражающими температуры кипѣнія воды по Цельсію показана и температура внѣшняя, при которой производилось данное наблюденіе. Но данныя эти требуютъ вычисленій.

	Температура кипѣнія воды.	Внѣшняя температура.
1. Кулусутаевскій караулъ.	98,8	+ 23 (въ комнатѣ).
2. Подъ сопкой Дзагал	96,4	— 12,5
3. Сумэ-булак.	96,7	— 17
4. Подъ Баиндунской сопкой . . .	96,4	— 16,5
5. Хэрлюнъ	96,4	+ 21 (на солнцѣ).
6. Магнай (хребетъ)	95,95	— 13,5
7. Гурбул-Шара-бурду.	96,2	— 20,5
8. Булун-тохой	95,6	— 14
9. Хадаин-гол.	94,7	— 6,5
10. Сала-булак.	94,6	— 16,5
11. Высокая окраина Хундулуп. . .	95,1	— 27,5
12. Тамъ-же внизу	95,3	— 26,5
13. Лавовое плоскогорье	95	— 23,5
14. Хобури-булак.	95,5	— 28,5
15. Дунда-матал	95,9	— 9
16. Сайрэтэй-сумэ.	95	— 14
17. Арени-усу	94	— 18,5
18. Ацэйн-толгой	94,4	— 22
19. Шабартэй-хото	94,2	+ 14 (въ юртѣ).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Значеніе путешествій экспедиціи 1870 г. и каравана 1871—72 гг.

Какъ экспедиція снаряженная въ 1870 г. братьями Бутиными, такъ и отправленіе каравана въ слѣдующемъ году ими-же въ компаніи съ П. И. Першинымъ, имѣли въ виду прежде всего торговыя цѣли. Поэтому, оцѣнивая результаты этихъ двухъ предпріятій, также нужно имѣть въ виду то, что они принесли для практическаго осуществленія этихъ цѣлей. Оцѣнка съ этой точки зрѣнія находится внѣ нашей компетенціи, и она, конечно произведена тогда же людьми торговыми, ихъ предпринимателями. Для насъ же, непосвященныхъ въ торговое дѣло вообще и въ спеціально торговыя цѣли предпринимателей, остается только фактъ, что послѣ того ни одинъ караванъ не отправлялся больше тѣмъ же путемъ. Было ли то слѣдствіемъ убѣжденія самихъ предпринимателей въ томъ, что дѣло это не представляетъ тѣхъ выгодъ, на которыя они расчитывали, или по свойственному намъ русскимъ недостатку постоянства и настойчивости въ преслѣдованіи однажды намѣченной цѣли, или по другимъ какимъ-либо причинамъ,—намъ неизвѣстно. Но считаемъ умѣстнымъ сдѣлать относительно этого вопроса нѣсколько замѣчаній, не выходящихъ изъ нашей компетенціи.

Во-первыхъ, мы находимъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между планомъ, намѣченнымъ экспедиціей, и тѣмъ, которому послѣдовалъ караванъ.

Экспедиція изслѣдовала путь черезъ Долон-норъ, Губэй-коу (Жэхинскія ворота) на Пекинъ и Тяньдзинъ (стр. 6) и даже далѣе «до Тунъ-Чжоу на Бэй-хэ», гдѣ перевозка товаровъ «можетъ очень удобно производиться съ половины августа по май мѣсяцъ вьючно, на верблюдахъ» (стр. 23). А между тѣмъ караванъ нашъ не продолжилъ этого пути далѣе отъ Долон-нора, свернувши на Калганъ, и тѣмъ самымъ удлинилъ путь (туда и обратно) приблизительно верстъ на 400; тогда какъ въ виду главнымъ образомъ сокращенія разстоянія и избѣгали обычнаго пути на Кяхту и Ургу. Если это обусловливалось тѣмъ, что въ Долон-норѣ не нашлось товару, который требовался нашимъ тор-

говцамъ, главнымъ образомъ, конечно, чай, то и въ Калганѣ товаръ этотъ находился вслѣдствіе того только, что тамъ постоянно живутъ для того русскіе агенты; отчего не могли быть такіе же агенты и въ Долон-норѣ? Если же это было вслѣдствіе встрѣтившейся невозможности по какимъ-либо другимъ, непреодолимымъ препятствіямъ, тогда, конечно, ничего не оставалось, какъ поворотить на Калганъ и оттуда обратно пойти на Ургу, и тогда Долон-норъ теряетъ всякое значеніе.

Но экспедиція, настаивая на пути черезъ Долон-норъ, приводитъ основанія противъ ургинскаго, по нашему мнѣнію далеко не серьезныя.

Торговый путь намъ на Ургу, говорится въ ея отчетѣ—можетъ быть отрѣзанъ инсургентами (стр. 5). Правда, въ то именно время происходило возстаніе *дунганъ*, монголовъ магометанской вѣры, которые находятся главнымъ образомъ на южной окраинѣ Западной Монголіи, а къ нимъ только вслѣдствіе своей пассивности приставали и монголы буддисты или ламаиты, въ сущности не расположенные ни къ какому движенію. И они тогда разгромили Улясутай и угрожали Ургѣ, а потомъ непремѣнно двинулись бы и на Хэрлюнъ. Но достаточно было привести въ Ургу двѣ сотни русскихъ казаковъ, и дунгане не смѣли приблизиться къ Ургѣ. Опасность можетъ быть въ томъ только случаѣ, если бы нарушился вообще миръ съ Великою имперіей; а тогда прекратились бы всякія сношенія съ Китаемъ. Даже въ то время, когда миръ этотъ не былъ нарушенъ, врядъ ли мы могли благополучно пройти черезъ собственно Китай до Тунджоу.

Доказательствомъ служитъ то, что незадолго передъ тѣмъ въ Тяньдзинѣ произошла рѣзня, въ которой погибла вся французская колонія, вмѣстѣ съ китайцами католиками, а также 7 чел., случайно оказавшихся съ ними русскихъ. Рѣзня эта, замѣтимъ кстати, устроена была всесильнымъ Ли-хун-джаномъ, управлявшимъ Китаемъ за малолѣтствомъ императора, злѣйшимъ врагомъ европейцевъ, котораго по какому-то заблужденію считали за человѣка, склоннаго къ европеизму и даже намѣревавшагося произвести реформы въ европейскомъ духѣ.

Можетъ быть, по этой причинѣ, изъ страха, караванъ нашъ долженъ былъ отказаться отъ выше начертаннаго плана.

Не думаемъ также, чтобы можно было намъ такимъ образомъ «пріобрѣсти большее политическое и нравственное вліяніе на правительство и народонаселеніе Китая», какъ предполагала экспедиція (стр. 4), и чтобы мы могли тѣмъ «показать монголамъ превосходство русской цивилизаціи» (стр. 31—32), а скорѣе это могло въ монголахъ возбудить антагонизмъ, вслѣдствіе дѣлаемой нами имъ конкуренціи; а еще меньше оказать вліяніе на Манджурію, Корею и т. д., на что также указывается экспедиціей.

Больше вниманія заслуживаютъ соображенія экспедиціи относительно того, что въ перевозкѣ товаровъ, а слѣдовательно въ вытекающихъ изъ того выгодахъ могли бы принять участіе и русскіе, «изъ которыхъ многіе въ Нерчинскомъ округѣ владѣютъ значительнымъ числомъ не только лошадей, но и верблюдовъ, безполезно гуляющихъ иногда цѣлую жизнь въ степяхъ, по системѣ Онона» (стр. 23).

Совершенно справедливо, что нѣтъ никакого резона держать лошадей и верблюдовъ, не находя имъ никакого употребленія прежде всего у себя дома, а тогда къ чему и держать ихъ и не лучше ли содержать рогатый скотъ и овецъ, которымъ всегда найдется употребленіе?

Мясо, приготовленное такъ, чтобы не подвергалось скоропорчѣ (соленое, копченое или въ консервахъ), могло бы идти на Амуръ и куда-нибудь дальше, сбываться и на корабли; кожи также пошли бы въ Россію и за-границу, а шерсть превращать въ сукно, какъ то и пытался сдѣлать простой забайкальскій казакъ Хилковъ, прекратившій это дѣло, не обладая самъ достаточными матеріальными средствами и знаніями а въ другихъ, въ комъ слѣдовало, не встрѣтивъ никакой поддержки [1].

Но въ Монголіи во всякомъ случаѣ гулящихъ лошадей и верблюдовъ несравненно больше, чѣмъ въ Нерчинскомъ округѣ; поэтому должна быть ниже и провозная плата, какъ стоимость ихъ провозной силы.

[1] Фабрика эта находилась въ Капцагатуѣ между Цаганулуевскимъ и Цурухайтуйскимъ караулами и на ней работало 70 чел. на задѣльной платѣ. Хилковъ этотъ имѣлъ до 3,000 овецъ съ приплодомъ, до 600 лошадей и 350 штукъ рогатаго скота.

Въ Монголіи для почтовой гоньбы при каждой станціи держится 300 и больше лошадей; по обычаю (конечно, верхомъ) платятъ серебряный рубль за станокъ; за это на ночлегѣ вамъ должны дать отдѣльную юрту и для кормежки половину туши барана (такъ было и въ 1870 г.). Я ѣхалъ такимъ образомъ, дѣлая въ короткій зимній день 100 верстъ, жалѣя лошадей, а большая часть гонитъ, не задаваясь никакими гуманными соображеніями, и дѣлаетъ гораздо больше верстъ. Если падетъ лошадь, ѣздокъ не отвѣчаетъ, а ему тутъ же должны дать другую.

Еще менѣе сожалѣнія монголы оказываютъ верблюду, эксплоатируя его силу до крайности для того, чтобы увеличить проходимое имъ въ день разстояніе. Въ то время какъ мы съ нашимъ караваномъ на верблюдахъ, которымъ дивились въ Монголіи, ихъ сытости и вообще здоровому виду, совершали средне въ день не больше 40 в., во время моего путешествія съ монгольскимъ караваномъ отъ Кяхты до Урги переходы дѣлались отъ 60 до 70 в. каждый день на верблюдахъ уже истощенныхъ, которыхъ при томъ не кормили и въ продолженіи дороги [1].

Если верблюдъ отъ истощенія или захворавши не можетъ идти дальше, его, замѣнивъ другимъ изъ заводныхъ, бросаютъ въ степи, а потомъ по пути поручатъ досмотрѣть за нимъ, такъ какъ у этихъ возчиковъ по всей линіи есть свои люди. Или же бросаютъ его совсѣмъ на произволъ судьбы.

Такого мы видѣли на пути между Калганомъ и Пекиномъ: верблюдъ лежалъ въ обычной своей позѣ, подогнувъ подъ себя ноги, и осматривался кругомъ, будучи не въ состояніи тронуться съ мѣста, но не покидая своей гордой осанки; а въ это время приближалась къ нему группа китайцевъ, чтобы его прирѣзать и полакомиться его мясомъ.

При громадномъ количествѣ верблюдовъ и такомъ же просторѣ и обиліи солончаковъ, на которыхъ они разгуливаютъ и откармливаются безъ малѣйшей заботы объ нихъ ихъ владѣльцевъ,

---

[1] Вѣстн. Евр. 1874 г., іюль, стр. 219 сл.. Въ описаніи этого путешествія мы подробно останавливались на жизни этого животнаго и на его эксплоатаціи.

они обезцѣниваются, а съ тѣмъ вмѣстѣ обезцѣнивается и ихъ работа.

Въ этомъ отношеніи русскіе на своихъ верблюдахъ не могутъ работать за ту же цѣну, за какую работаютъ монголы, которымъ помогаетъ еще и то, что тамъ они дома и потому имъ дешевле должно обходиться и содержаніе каравана.

Соображая все это, мы заключаемъ, что русскіе никогда не будутъ въ состояніи провозить товаръ черезъ Монголію по той цѣнѣ, по какой провозятъ монголы; ихъ цѣна должна быть значительно выше, а это выразилось бы повышеніемъ цѣны на товаръ, чего нерчинскіе торговцы и хотѣли избѣжать, открывая свой путь.

Въ этомъ, мы полагаемъ, заключается главная причина, почему по новому пути не было отправлено ни одного другого каравана.

Такимъ образомъ въ практическомъ отношеніи для даннаго момента попытка дала результатъ отрицательный. Но міровыя событія совершаются въ послѣднее время такъ быстро и вносятъ такія перемѣны въ международныя отношенія, что со вступленіемъ Китая на путь, по которому идетъ уже Японія, можно ожидать оживленія и монгольскихъ пустынь, которое должно начаться именно проведеніемъ болѣе усовершенствованныхъ путей сообщенія, и тогда, если бы мы были призваны принять участіе въ этой новой жизни, свѣдѣнія, которыя пріобрѣтены упомянутыми предпріятіями, безъ сомнѣнія могутъ намъ пригодиться при выполненіи нашей задачи. Для будущаго поэтому нельзя не признать заслуги предпринимателей.

Но есть еще и сторона научная. Въ этомъ отношеніи свѣдѣніями, добытыми экспедиціей и сообщенными въ ея печатномъ отчетѣ, воспользовалась уже географическая наука, и ея маршрутъ мы видимъ нанесеннымъ на цитованную выше карту нашего Главнаго Штаба, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ перенесенъ и на карты другихъ странъ.

Она же, если не возбудила, то облегчила послѣдующія изслѣдованія въ тѣхъ краяхъ нашихъ русскихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ впереди всѣхъ мы должны поставить юбиляра Григорія Николаевича П о т а н и н а. Она же между прочимъ обратила

вниманіе на продукты вулканическихъ силъ Монголіи, дала более точное понятіе о песчаной степи (гоби), противуположное тому понятію, которое было составлено объ ней, какъ о чемъ то страшномъ и опасномъ; указать также, что вообще Монголія не такъ безводна, какою ее представляли, совершенно пригодна для проложенія колеснаго пути, обладаетъ минеральными и другими богатствами, благопріятствующими для более культурной жизни.

Последовавшій за экспедиціей караванъ, на пройденномъ ею пути можетъ дать некоторыя дополненія, а отчасти и более точныя описанія; обратный же его путь совершенъ имъ по направленію, котораго мы не находимъ на упомянутой карте вполне, хотя есть показанныя на ней места, совпадающія съ его маршрутомъ. Особенное вниманіе обращено было на горы съ плоскими вершинами, называемыя по монгольски *Дзэргиле*, состоящія изъ лавы, и на распространенность лавы вообще въ пройденной караваномъ части Монголіи.

Примечаніе Редактора.

Настоящее описаніе путешествія П. А. Ровинскаго помещено целикомъ, въ виду его большого интереса и—несмотря на сравнительную давность написанія—новизны сообщаемаго матеріала, такъ какъ другихъ описаній этихъ местъ мы и до сихъ поръ не имеемъ. Тамъ, где маршрутъ совпалъ или пересеченъ маршрутами другихъ лицъ, имеются на нихъ ссылки.

Редакторъ сохранилъ и языкъ подлинника, изменивъ только некоторыя выраженія, которыя могли быть иначе поняты, чемъ желалъ авторъ; орфографія, за исключеніемъ несколькихъ случаевъ, где введено однообразіе, сохранена въ неприкосновенности.

Монгольскія названія записаны П. А Ровинскимъ по слуху, причемъ зачастую по передаче ихъ бурятами съ особенностями ихъ произношенія. Где это было совершенно очевидно—Редакторъ поставилъ монгольское произношеніе, сохраняя, въ сомнительныхъ случаяхъ, написаніе оригинала. Иногда оказывалось невозможнымъ понять соответствующее наименованіе, и тогда оно оставлено безъ измененій. Названія въ дневнике и на съемке часто расходятся; поэтому при пользованіи картой необходимо справляться съ дневникомъ.

Тоже относительно карты. Твердые знаки въ монгольскихъ словахъ упразднены. Знакъ *э* соответствуетъ звуку *е* и, находясь после согласныхъ не «смягчаетъ» (не палатализуетъ) ихъ. Знакъ *е* въ начале словъ

обозначаетъ *je*, *йе*, а послѣ согласныхъ указываетъ на ихъ «мягкое» произношеніе (палатализацію). Указаній на долготу и удареніе не поставлено. Склоненія монгольскихъ наименованій Редакторъ старался избѣжать, допустивъ это только для словъ, появлявшихся уже русской литературѣ (*обонъ*, *аргалъ*), и въ названіяхъ уже извѣстныхъ въ географіи пунктовъ (Долон-норъ, Калганъ и пр.).

Написаніе *нор* и *нур* объяснено уже въ примѣчаніи на стр. 580 такъ же, какъ и нѣкоторыя другія различія въ написаніи одного и того же слова въ зависимости отъ діалекта, господствующаго въ данной мѣстности (бурятскій, халхаскій, восточный).

СПБ. *А. Р.*
Май 1909 г.

Оглавленіе.

Изъ Сборн. въ честь 70-лѣтія Гр. Н. Потанина.
Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XXXIV.
Къ статьѣ И. А. Ровинскаго.

СЪЕМКА ДВУХЪ МАРШРУТОВЪ

отъ Кулусутаевскаго караула до Шабартэй-Хото, произведенная въ 1871-72 годахъ.

Масштабъ

УСЛОВНЫЕ ЗНАК[И]

- ✱ — ночлегъ
- ⁺⁺⁺ — кочевья.
- △ — обонъ
- ⌂ — храмъ, дацанъ.
- ᵕ — колодезъ.

711298.

